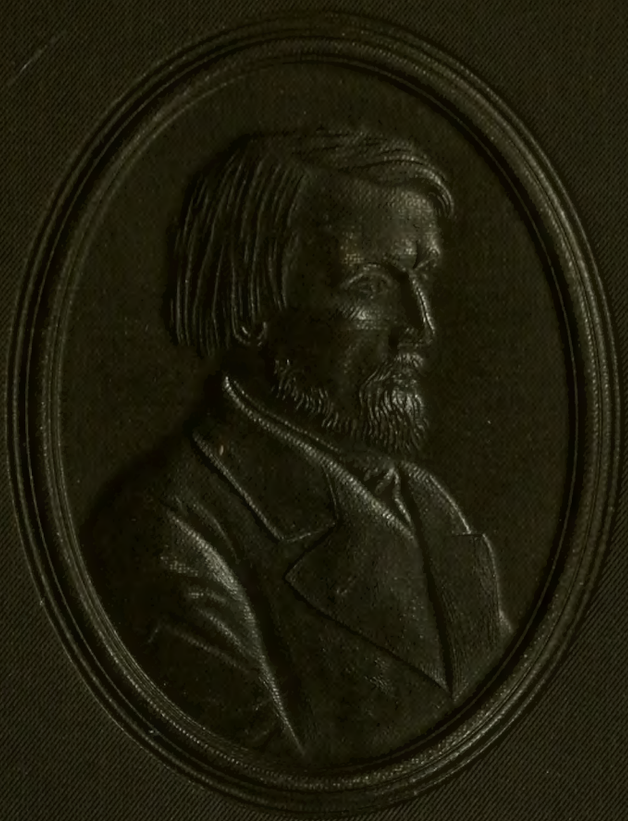
3 1761 08821269 1



Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго

Подъ редакціей

Иванова-Разумника

LR
B9936I

Byelinsky, Vissarion Grigor'evich

БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ КРИТИКОВЪ.

I

Sobranie Sochineny

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей **Иванова-Разумника,** съ его вступительными замѣтками къ каждой статьѣ Бѣлинскаго, примѣчаніями и историко-критическимъ и біографическимъ очеркомъ.

Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго и именного алфавитнаго указателя ко всѣмъ тремъ томамъ.

v. 2.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1841—1845.

46277!
6.6.47

(Ed. 2)

Изданіе второе.

Спб.—1913.

I

4391

27. Раздѣленіе поэзіи на роды и виды.

Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ Бѣлинскій задумалъ написать обширную критическую исторію русской литературы [1]) и сталъ подготовлять матеріалы, писать отдѣльныя части и печатать ихъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Первой изъ этихъ статьей была настоящая; редакція журнала сопроводила ее слѣдующимъ примѣчаніемъ (несомнѣнно написаннымъ самимъ Бѣлинскимъ):

„Несмотря на юность нашей литературы и младенчество литературнаго образованія русскаго общества, — уже лѣтъ двадцать тому назадъ пробудилось у насъ сильное критическое движеніе, усиливающееся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Въ журналахъ (прежде даже и въ альманахахъ) постоянно являлись и являются болѣе или менѣе примѣчательныя статьи въ критическомъ родѣ, духѣ и направленіи. Можно указать въ нашей литературѣ на нѣсколько именъ, пріобрѣтшихъ себѣ извѣстность въ качествѣ критиковъ. Публика, съ своей стороны, читаетъ въ журналахъ критики и рецензіи почти съ такимъ же интересомъ, какъ повѣсти и другія произведенія изящной словесности. Словомъ, критика составляетъ жизнь нашихъ журналовъ и нашей литературы. Фактъ утѣшительный: онъ обнаруживаетъ въ обществѣ живую потребность эстетическаго образованія, живое стремленіе къ разумному сознанію законовъ изящнаго, къ разумному сознанію цѣнности произведеній отечественной литературы и степени достоинства каждаго изъ ея дѣйствователей. Но все это пока еще не удовлетвореніе, а только потребность, указывающая на другую, болѣе важную — на потребность систематическаго знанія законовъ изящнаго и основаннаго на немъ систематическаго значенія исторіи отечественной литературы. Между тѣмъ, у насъ нѣтъ ни одной книги, которая хоть сколько-нибудь удовлетворяла бы этой потребности, несмотря на нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ. Главныя причины неудовлетворительности такихъ сочиненій, доселѣ являвшихся у насъ, кажется, — недостатокъ мыслительности, отсутствіе системы, произвольность и устарѣлость взглядовъ и понятій“.

„Желая, по мѣрѣ силъ своихъ, пополнить этотъ важный недостатокъ въ русской литературѣ, одинъ изъ молодыхъ литераторовъ, г. Бѣлинскій, рѣшился осуществить давно уже занимавшую его мысль — написать критическую исторію русской литературы. Любя отечественную словесность, будучи съ давнихъ поръ внимательнымъ наблюдателемъ ея хода и имѣя достаточный запасъ свѣдѣній по этой части, — онъ можетъ, повидимому, надѣяться, что трудъ его будетъ не совсѣмъ неудаченъ, хотя и представитъ собою рѣшительно первый опытъ подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ. Сверхъ изложенныхъ причинъ, его побудило приступить къ этому труду и желаніе представить публикѣ, въ особой книгѣ и въ систематическомъ изложеніи, сводъ своихъ идей объ изящномъ и о русской литературѣ, разсѣянныхъ по статьямъ его въ разныхъ журналахъ, — идей, по крайней мѣрѣ оригинальныхъ и совершенно отличныхъ отъ всѣхъ, доселѣ обращавшихся въ нашей литературѣ. Книга его явится подъ общимъ названіемъ „Теоретическаго и Критическаго Курса Русской Литературы“ и заключитъ въ себѣ слѣдующія части, тѣсно связанныя между собою единствомъ основной мысли и систематическимъ изложеніемъ: *Общее Введеніе; Эстетику* (развитіе идеи искусства вообще и теоріи поэзіи въ частности); *Теорію русскаго стихосложенія; Теорію словесности вообще* (теорія краснорѣчія и взглядъ на такъ называемыя *бельлетрическія*, или собственно литературныя — а не художественныя — и догматическія сочиненія, непринадле-

[1]) См. объ этомъ книгу Пыпина, изд. 2-ое, стр. 411 и 618.

жащія ни къ искусству въ строгомъ смыслѣ, ни къ ученой литературѣ); *Взглядъ на народную поэзію вообще; Критическое разсмотрѣніе памятниковъ русской народной поэзіи* („Слово о полку Игоревомъ“ и русскія пѣсни эпическаго и лирическаго содержанія); *Историческое обозрѣніе памятниковъ русской письменности отъ ея начала до временъ Петра Великаго*; *Исторію книжной русской литературы отъ Кантемира и Ломоносова до Карамзина, отъ Карамзина до Пушкина, и отъ Пушкина до 1841 года включительно; Общій взглядъ на русскую литературу, надежды въ будущемъ, заключеніе.* Сверхъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія художественныхъ созданій и даже произведеній бельлетрическихъ, почему бы то ни было примѣчательныхъ, въ „Теоретическомъ и Критическомъ Курсѣ Русской Литературы“ будетъ обращено полное вниманіе и на исторію всѣхъ повременныхъ изданій, имѣвшихъ бо̀льшее или меньшее, хорошее или вредное вліяніе на литературу и пользовавшихся заслуженною или незаслуженною извѣстностію, — отъ начала журналистики до „Московскаго Журнала“ и „Вѣстника Европы“ Карамзина, а отъ нихъ до настоящаго времени включительно“.

„Предлагаемая статья есть отрывокъ изъ Эстетики; онъ можетъ служить въ нѣкоторомъ отношеніи образцомъ цѣлаго сочиненія. Изъ исторіи литературы тоже будутъ помѣщены въ „Отеч. Запискахъ“ одинъ или два отрывка“.

„Книга выйдетъ въ началѣ слѣдующаго 1842 года и будетъ состоять болѣе, нежели изъ *тридцати* листовъ компактнаго изданія, въ большую осьмушку, въ два столбца, среднимъ и мелкимъ шрифтомъ. Издателемъ вызвался быть одинъ изъ петербургскихъ книгопродавцевъ“.

Однако планъ этотъ такъ и не былъ осуществленъ; текущая журнальная работа не давала возможности Бѣлинскому посвятить свое время этому большому задуманному труду, мысль о которомъ не покидала критика до послѣднихъ дней его жизни. Кое-что однако онъ сдѣлалъ. Кромѣ настоящей статьи, напечатанной въ самомъ началѣ 1841 года („Отеч. Зап.“, № 3), въ концѣ того же года была напечатана обширная статья о русской народной поэзіи (см. ниже № 30), которая несомнѣнно должна была войти въ задуманную книгу. Кромѣ того, въ рукописи остались статьи по эстетикѣ (см. ниже №№ 28—29); а что касается до намѣченнаго отдѣла книги: „Исторія книжной русской литературы отъ Кантемира и Ломоносова до Карамзина, отъ Карамзина до Пушкина и отъ Пушкина до 1841 г.“ — то эта часть работы была осуществлена Бѣлинскимъ въ его „пушкинскихъ статьяхъ“ 1843 — 1846 г. и въ отдѣльныхъ этюдахъ — о Кантемирѣ, Державинѣ и др. Вообще многое изъ того, что писалъ Бѣлинскій послѣ 1841 года, несомнѣнно было тѣсно связано съ задуманной критической исторіей литературы или должно было служить ей подготовительными матеріалами и набросками.

Настоящая статья являлась отрывкомъ изъ Эстетики, частью главы о теоріи поэзіи, какъ указано и въ приведенномъ выше примѣчаніи. Объ этой статьѣ мы находимъ интересное указаніе въ перепискѣ Бѣлинскаго; именно, въ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта 1841 г. Бѣлинскій сообщаетъ о появленіи въ печати этой статьи „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“ и говоритъ, что „Катковъ оставилъ мнѣ свои тетрадки— я изъ нихъ цѣликомъ бралъ мѣста и вставлялъ въ свою статью. О лирической поэзіи почти все его—слово въ слово“ (неизд. письм. Бѣлинскаго). О содержаніи этихъ „тетрадокъ“ не трудно догадаться: извѣстно, какъ настойчиво штудировалъ Катковъ Эстетику Гегеля, какъ онъ переводилъ и комментировалъ эстетика гегельянца Рётшера, какъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Каткова Бѣлинскій написалъ о Рётшерѣ чуть-ли не цѣлую статью (см. выше, № 13). Еще въ письмѣ отъ 1 ноября 1837 года Бѣлинскій писалъ о томъ, что „Катковъ читаетъ Эстетику Гегеля и въ восторгѣ отъ нея“... Можно предполагать, что, изучая Эстетику Гегеля, переводя и комментируя статьи Рётшера, Катковъ составлялъ небольшіе *конспекты* прочитаннаго. Что въ этихъ „конспектахъ“, „тетрадкахъ“ не было мыслей и положеній самого Каткова, а было только сокращенное изложеніе гегельянскихъ эстетическихъ теорій — это совершенно неоспоримо явствуетъ изъ настоящей статьи Бѣлинскаго, въ которой онъ воспользовался этими „тетрадками“.

Дѣло въ томъ, что вся теоретическая основа этой статьи является почти дословнымъ изложеніемъ основныхъ положеній Эстетики Гегеля о принципахъ раздѣленія поэзіи на роды и виды. Мы приведемъ вкратцѣ эти положенія, чтобы читатели могли сравнить ихъ съ главными пунктами статьи Бѣлинскаго. Поэзія, говоритъ Гегель, распадается на три и только три вида: эпическую, лирическую и драматическую. Эпическая поэзія имѣетъ своимъ содержаніемъ духовный міръ въ его внѣшней реальности, объективности; содержаніемъ лирической поэзіи является субъективный, внутренній міръ человѣка; наконецъ, драматическая поэзія является синтезомъ объективнаго и субъективнаго моментовъ. Все это отъ слова и до слова повторяетъ въ своей статьѣ Бѣлинскій. Не будемъ слѣдить дальше за всѣми

тремя родами поэзіи, а коснемся только эпическаго рода, какъ такой области, въ которой Бѣлинскій, повидимому, меньше всего руководствовался „тетрадками“ Каткова (Бѣлинскій сообщалъ Боткину въ указанномъ письмѣ— мы видѣли это выше, — что „тетрадки“ эти оказали ему наибольшую помощь въ изложеніи лирической поэзіи). Несмотря на это, мы найдемъ въ статьѣ Бѣлинскаго почти всѣ главныя мысли Гегеля объ эпической поэзіи: таковы мысли о „необходимости“, которая въ эпосѣ является въ видѣ „судьбы“, „рока“; о человѣкѣ въ лирикѣ и человѣчествѣ въ эпосѣ; о сконцентрированности, сжатости лирическаго произведенія и о широтѣ эпическаго изложенія. Даже многія отдѣльныя положенія и мнѣнія Гегеля — напримѣръ, о реальности существованія Гомера, о томъ, что „Иліаду“ и „Одиссею“ могъ написать только *одинъ* человѣкъ, отрицательное отношеніе къ Виргилію и къ средневѣковымъ эпическимъ поэмамъ и т. п. — все это было повторено въ статьѣ Бѣлинскаго. Гегель говоритъ о томъ, что когда субъектъ погружается въ „созерцаніе“ и растворяется въ немъ, забывая себя, то мы имѣемъ въ поэзіи гимны, диѳирамбы, пэаны, псалмы; Бѣлинскій повторяетъ это дословно: „если субъектъ погружается въ элементъ общаго созерцанія и какъ бы теряетъ въ этомъ созерцаніи свою индивидуальность, то являются *гимнъ, диѳирамбъ, псальмы, пеаны*“. Вслѣдъ за Гегелемъ Бѣлинскій главное мѣсто въ лирикѣ отводитъ *пѣснѣ* и т. д., и т. д. — эти примѣры можно было бы еще продолжить и умножить.

Все это показываетъ, что „тетрадки“ Каткова были простымъ конспектомъ Эстетики Гегеля; возможно, что въ нихъ входилъ рядъ положеній изъ другихъ книгъ другихъ авторовъ (главнымъ образомъ изъ статей Рётшера, изъ „Эстетики“ Ж.-П. Рихтера, изъ „Писемъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣка“ Шиллера: анализъ статьи Бѣлинскаго сравнительно съ этими произведеніями былъ бы крайне интересенъ, но выходитъ изъ рамокъ нашей задачи), но все же несомнѣнно, что главную часть этихъ „тетрадокъ“ составлялъ конспектъ именно гегелевскихъ Лекцій объ эстетикѣ. Эти мысли Гегеля легли въ основу теоретическихъ построеній Бѣлинскаго, который нисколько не скрывалъ заимствованности этихъ своихъ мыслей; его цѣлью было не столько дать новую теорію поэзіи, сколько разрушить старыя: „если я не дамъ теоріи поэзіи, — писалъ онъ тогда же Боткину про эту свою статью, — то убью старыя, убью наповалъ наши реторики, піитики и эстетики, — а это развѣ шутка?...“ Мы можемъ прибавить къ этому, что блестящее примѣненіе этихъ теоретическихъ положеній къ русской литературѣ придаетъ статьѣ Бѣлинскаго большую цѣнность независимо отъ правильности или ошибочности исходныхъ пунктовъ гегельянской эстетики.

И.-Р.

Поэзія есть высшій родъ искусства. Всякое другое искусство болѣе или менѣе стѣснено и ограничено въ своей творческой дѣятельности тѣмъ матеріаломъ, посредствомъ котораго оно проявляется. Произведенія архитектуры поражаютъ насъ или гармоніею своихъ частей, образующихъ собою граціозное цѣлое, или громадностію и грандіозностію своихъ формъ, восторгая съ собою духъ нашъ къ небу, въ которомъ исчезаютъ ихъ остроконечные шпицы. Но этимъ и ограничиваются средства ихъ обаянія на душу. Это еще только переходъ отъ условнаго символизма къ абсолютному искусству; это еще не искусство въ полномъ значеніи, а только стремленіе, первый шагъ къ искусству; это еще не мысль, воплотившаяся въ художественную форму, но художественная форма, только *намекающая* на мысль. Сфера скульптуры шире, средства ея богаче, чѣмъ у зодчества: она уже выражаетъ красоту формъ человѣческаго тѣла, оттѣнки мысли въ лицѣ человѣческомъ; но она схватываетъ только одинъ моментъ мысли лица, одно положеніе тѣла (attitude). Притомъ же, сфера творческой дѣятельности скульптуры не простирается на всего человѣка, а ограничивается только внѣшними формами его тѣла, изображаетъ только мужество, величіе и силу въ мужчинѣ, красоту и грацію въ женщинѣ. Живописи доступенъ весь человѣкъ — даже внутренній міръ его духа; но и живопись ограничивается схватываніемъ одного момента явленія. Музыка — по преимуществу выразительница внутренняго міра души; но выражаемыя ею идеи неотдѣлимы отъ звуковъ, а звуки, много говоря душѣ, ничего не выговариваютъ ясно и опредѣленно уму. Поэзія выражается въ свободномъ человѣческомъ словѣ, которое есть и звукъ, и картина, и опредѣленное, ясно-выговоренное представленіе. Посему, поэзія заключаетъ въ себѣ всѣ элементы другихъ искусствъ, какъ бы пользуется вдругъ и нераздѣльно всѣми средствами, которыя даны порознь каждому изъ прочихъ искусствъ. Поэзія представляетъ собою всю цѣлость искусства, всю его организацію, и, объемля собою всѣ его стороны, заключаетъ въ себѣ ясно и опредѣленно всѣ его *различія*.

I. Поэзія осуществляетъ смыслъ идеи во внѣшнемъ и организуетъ духовный міръ въ совершенно опредѣленныхъ, пластическихъ образахъ. Все внутреннее глубоко уходитъ здѣсь во внѣшнее, и обѣ эти стороны—внутреннее и внѣшнее—не видны отдѣльно одна отъ другой, но въ непосредственной совокупности являютъ собою опредѣленную, замкнутую въ самой себѣ реальность — *событіе*. Здѣсь не видно поэта; міръ, пластически-опредѣленный, развивается самъ собою, и поэтъ является только какъ бы простымъ повѣствователемъ того, что̀ совершилось само собою. Это—поэзія *эпическая*.

II. Всякому внѣшнему явленію предшествуетъ пробужденіе, желаніе, намѣреніе, словомъ — мысль; всякое внѣшнее явленіе есть результатъ дѣятельности внутреннихъ, сокровенныхъ силъ: поэзія проникаетъ въ эту вторую внутреннюю сторону *событія*, во внутренность этихъ силъ, изъ которыхъ развивается внѣшняя реальность, событіе и дѣйствіе; здѣсь поэзія является въ новомъ, противоположномъ родѣ. Это—царство субъективности, это міръ внутренній, міръ начинаній, остающійся въ себѣ и невыходящій наружу. Здѣсь поэзія остается въ элементѣ внутренняго, въ ощущающей, мыслящей думѣ; духъ уходитъ здѣсь изъ внѣшней реальности въ самого себя и даетъ поэзіи различные до безконечности переливы и оттѣнки своей внутренней жизни, которая претворяетъ въ себя все внѣшнее. Здѣсь личность поэта является на первомъ планѣ, и мы не иначе, какъ черезъ нее, все принимаемъ и понимаемъ. Это—поэзія *лирическая*.

III. Наконецъ, эти два различные рода совокупляются въ неразрывное цѣлое: внутреннее перестаетъ оставаться въ себѣ и выходитъ во внѣ, обнаруживается въ дѣйствіи; внутреннее, идеальное (субъективное) становится внѣшнимъ, реальнымъ (объективнымъ). Какъ и въ эпической поэзіи, здѣсь также развивается опредѣленное, реальное дѣйствіе, выходящее изъ различныхъ субъективныхъ и объективныхъ силъ; но это дѣйствіе не имѣетъ уже чисто внѣшняго характера. Здѣсь дѣйствіе, событіе представляется намъ не вдругъ, уже совсѣмъ готовое, вышедшее изъ сокрытыхъ отъ насъ производительныхъ силъ, совершившее въ себѣ свободный кругъ и успокоившееся въ себѣ, — нѣтъ, здѣсь мы видимъ самый процессъ начала и возникновенія этого дѣйствія изъ индивидуальныхъ воль и характеровъ. Съ другой стороны, эти характеры не остаются въ самихъ себѣ, но безпрерывно обнаруживаются, и въ практическомъ интересѣ открываютъ содержаніе внутренней стороны своего духа. Это высокій родъ поэзіи и вѣнецъ искусства, — поэзія *драматическая*.

Теперь, сдѣлавъ общій и краткій очеркъ каждаго изъ трехъ родовъ поэзіи, разовьемъ ихъ глубочайшее и дальнѣйшее значеніе чрезъ сравненіе одного съ другимъ.

Эпическая и *лирическая* поэзія представляютъ собою двѣ отвлеченныя крайности дѣйствительнаго міра, діаметрально одна другой противоположныя; *драматическая* поэзія представляетъ собою сліяніе (конкрецію) этихъ крайностей въ живое и самостоятельное третіе.

Эпическая поэзія есть по преимуществу поэзія *объективная*, внѣшняя, какъ въ отношеніи къ самой себѣ, такъ и къ поэту и его читателю. Въ эпической поэзіи выражается созерцаніе міра и жизни, какъ сущихъ *по себѣ* и пребывающихъ въ совершенномъ равнодушіи къ самимъ себѣ и созерцающему ихъ поэту, или его читателю.

Лирическая поэзія есть, напротивъ, по преимуществу поэзія *субъективная*, внутренняя, выраженіе самого поэта. „Въ лирической поэзіи—говоритъ Жанъ-Поль-Рихтеръ,—живописецъ становится картиною, творецъ—своимъ твореніемъ“. Эпическую поэзію можно сравнить съ образовательными искусствами—архитектурою, ваяніемъ и живописью; лирическую поэзію можно сравнить только съ музыкою. Есть даже такія лирическія произведенія, въ которыхъ почти уничтожаются границы, раздѣляющія поэзію отъ музыки. Такъ, напр., многія русскія народныя пѣсни удерживаются въ памяти народа не содержаніемъ своимъ (ибо въ нихъ почти совсѣмъ нѣтъ содержанія), не значеніемъ словъ, изъ которыхъ состоятъ (ибо соединеніе этихъ словъ лишено почти всякаго значенія и, при грамматическомъ смыслѣ, не имѣетъ почти никакого логическаго), но музыкальностію звуковъ, образуемыхъ соединеніемъ словъ, ритмомъ стиховъ, и своимъ мотивомъ въ пѣніи, или своимъ „голосомъ“, какъ говорятъ простолюдины. Другія лирическія пьесы, не заключая въ себѣ особеннаго смысла, хотя и не будучи лишены обыкновеннаго, выражаютъ собою безконечно знаменательный смыслъ одною музыкальностію своихъ стиховъ, какъ, напр., эти стихи изъ пѣсни сумасшедшей Офеліи:

Онъ во гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
Съ *непокрытымъ*, съ *открытымъ* лицомъ.

Непокрытый есть то же, что̀ открытый, а открытый—то же, что̀ непокрытый; но какое глубокое впечатлѣніе производитъ на душу это повтореніе одного и того же слова, съ незначительнымъ грамматическимъ измѣненіемъ! И какъ чувствуется, что эти стихи должны не читаться, а пѣться! Вотъ пѣсня Дездемоны, переведенная, или передѣланная Козловымъ:

Бѣдняжка въ раздумьи подъ тѣнью густою
Сидѣла вздыхая, крушима тоскою:
„*Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!*“
Она свою руку на грудь положила
И голову тихо къ колѣнямъ склонила.
Студеныя волны, шумя, тамъ бѣжали,
И стонъ ея жалкій тѣ волны роптали.
„*О, ива, ты, ива, зеленая ива!*“
Горючія слезы катились ручьями,
И дикіе камни смягчались слезами.
„*О, ива, ты, ива, зеленая ива!*“
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ.
„*О, ива, ты, ива, зеленая ива!*“.

Скажите, какое отношеніе имѣетъ здѣсь ива къ предмету стихотворенія—страданію Дездемоны? Развѣ то, что Дездемона, когда она пѣла свою пѣсню, представляла себя сидящею подъ ивою,—и въ безотрадной тоскѣ, обращаясь къ ней, какъ бы хотѣла высказать все свое безнадежное горе, всю плачевность своей неизбѣжной судьбы, и какъ бы просила у ней утѣшенія?... Какъ бы то ни было, но этотъ стихъ: „О, ива, ты, ива, зеленая ива“, невыражающій никакого опредѣленнаго *смысла*, заключаетъ въ себѣ глубокую *мысль*, отрѣшившуюся отъ слова, безсильнаго выразить ее, и превратившуюся въ чувство, въ звукъ музыкальный... И потому-то этотъ стихъ такъ глубоко западаетъ въ сердце и волнуетъ его мучительно сладостнымъ чувствомъ неутолимой грусти... Совсѣмъ въ другомъ родѣ, но тоже подходитъ подъ разрядъ этихъ музыкальныхъ стихотвореній извѣстный романсъ Пушкина:

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Вотъ взошла луна златая...
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ Испанка молодая
Оперлася на балконъ.
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе, или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной нѣгою и желаніемъ головою обольстительной Испанки?... Звуки серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи юга, звуки серенады, полной томленія и страсти, которую лѣниво слушаетъ прекрасная Испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впивая въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи?... Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эѳиръ, струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго Гвадалквивира?... Что это—поэзія, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившіяся въ одно, гдѣ картина говоритъ звуками, звуки образуютъ картину, а слова блещутъ красками, вьются образами, звучатъ гармоніею и выражаютъ разумную рѣчь?... Что такое первый куплетъ, повторяющійся въ серединѣ пьесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рулада—голосъ безъ словъ, который сильнѣе всякихъ словъ?...

Эпическая поэзія употребляетъ образы и картины для выраженія образовъ и картинъ, въ природѣ находящихся; лирическая поэзія употребляетъ образы и картины для выраженія безъобразнаго и безформеннаго *чувства*, составляющаго внутреннюю сущность человѣческой природы. „Эпосъ,—говоритъ Жанъ-Поль-Рихтеръ,—представляетъ событіе, развивающееся изъ прошедшаго; лира—чувствованіе, заключенное въ настоящемъ“. Даже когда лирическій поэтъ выражаетъ чувство, повидимому совершенно внѣшнее его личности, заимствованное имъ изъ чуждаго ему міра,—и тогда онъ субъективенъ: ибо всякое выражаемое имъ чувство, въ минуту творчества, становится его собственнымъ чувствомъ, будучи переведено чрезъ его личность. „Историческое въ эпосѣ разсказывается, въ драмѣ предвидится или творится; въ лирѣ чувствуется или переживается“—говоритъ Жанъ-Поль-Рихтеръ. По мнѣнію этого знаменитаго поэта-мыслителя Германіи, лирика предшествуетъ всѣмъ формамъ поэзіи, потому что „она есть мать, зажигательная искра всякой поэзіи, какъ безъобразный прометеевъ огонь, который оживляетъ всѣ образы“. Въ историческомъ смыслѣ нельзя согласиться съ Жанъ-Поль-Рихтеромъ, чтобъ лирика предшествовала другимъ родамъ поэзіи. Образцомъ, формою и высшимъ авторитетомъ должно быть для насъ искусство греческое, ибо ни у одного народа въ мірѣ искусство не развилось такъ самобытно и нормально, какъ у Грековъ, полнота богатой жизни которыхъ преимущественно выразилась въ искусствѣ. Посему, акты историческаго развитія греческаго искусства должны имѣть для насъ всю силу разумнаго авторитета. Эпопея предшествовала у нихъ лирѣ такъ же, какъ лира предшествовала драмѣ. Такой ходъ искусства оправдывается и самымъ умозрѣніемъ: для младенчествующаго народа объективное воззрѣніе на природу и жизнь, какъ на предметы сущіе *по себѣ*, какъ преданіе о прошедшемъ, должны предшествовать внутрен-

нему созерцанію и мысли, какъ самостоятельному сознанію. Однакожъ, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобъ развитіе искусства у всѣхъ народовъ должно было совершаться въ одинаковой послѣдовательности. Не должно забывать, что вся полнота жизни Эллиновъ выразилась преимущественно въ искусствѣ, такъ что ихъ національная исторія есть по преимуществу исторія развитія искусства, тогда какъ у другихъ народовъ искусство было побочнымъ элементомъ жизни, второстепеннымъ интересомъ и подчинялось другимъ стихіямъ общественной жизни. Такъ, религіозная поэзія Евреевъ по преимуществу только лирическая, т.-е. или чисто лирическая, или эпико-лирическая, или лирико-драматическая [1]). У Арабовъ, какъ не народа, а племени, и притомъ племени номаднаго, разсѣяннаго по пустынѣ, чуждаго общественности, существовала только лирическая, или лирико-эпическая поэзія, но драматической никогда не было и не могло быть. У Римлянъ, какъ народа завоевательнаго и законодательнаго, поглощеннаго интересами чисто-политическими и гражданственными, поэзія состояла въ безцвѣтномъ подражаніи образцовымъ произведеніямъ художественной Греціи. У новѣйшихъ народовъ Европы, по необъятному богатству содержанія ихъ жизни, по неистощимой многочисленности элементовъ ихъ общественности и высшему ея развитію, существуютъ всѣ роды поэзіи; но они явились у каждаго изъ народовъ въ своей особенной послѣдовательности, или, лучше сказать, въ совершенной смѣшанности. Такъ, напр., у Англичанъ сперва развилась драма въ лицѣ Шекспира, и уже черезъ два вѣка лирическая поэзія достигла высшаго развитія въ лицѣ Байрона, Томаса Мура, Вордсворта и другихъ, и, вмѣстѣ съ лирическою, эпическая поэзія, въ лицѣ Вальтера Скотта, а въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, родныхъ Англіи по происхожденію и по языку, въ лицѣ Купера.

Что же касается до мысли Жанъ-Поля, что лирическая поэзія есть основная стихія всякой поэзіи, эта мысль совершенно справедлива и глубокоосновательна. Лирика есть жизнь и душа всякой поэзіи: лирика есть поэзія по преимуществу, есть поэзія поэзіи,— и Жанъ-Поль-Рихтеръ сколько остроумно, столько и вѣрно, называя ее общимъ элементомъ всякой поэзіи, сравниваетъ ее съ обращающеюся кровью во всей поэзіи. Посему, лиризмъ, существуя самъ-по-себѣ, какъ отдѣльный родъ поэзіи, входитъ во всѣ другіе, какъ стихія, живитъ ихъ, какъ огонь прометеевъ живитъ всѣ созданія Зевеса. Вотъ почему драмы Шекспира—эти по преимуществу *драматическія* созданія высочайшей творческой силы — такъ богаты лиризмомъ, который проступаетъ сквозь драматизмъ и сообщаетъ ему игру переливнаго свѣта жизни, какъ румянецъ лицу прекрасной дѣвушки, какъ алмазный блескъ и сіяніе—ея чарующимъ очамъ. Безъ лиризма эпопея и драма были бы слишкомъ прозаичны и холодно-равнодушны къ своему содержанію; точно такъ же, какъ онѣ становятся медленны, неподвижны и бѣдны дѣйствіемъ, какъ скоро лиризмъ дѣлается преобладающимъ элементомъ ихъ.

Содержаніе эпопеи составляетъ—*событіе*; мимолетное и мгновенное ощущеніе, потрясшее душу поэта, какъ вѣтеръ струны эоловой арфы, составляетъ содержаніе лирическаго произведенія. Поэтому, какова бы ни была идея лирическаго произведенія, оно никогда не должно быть слишкомъ длинно, но по большей части всегда должно быть коротко. Объемъ эпической поэзіи зависитъ отъ объема самого событія,—и если событіе, при длинноте своей, интересно и хорошо изложено, наше вниманіе не утомляется имъ; оно даже можетъ прерываться, обращаясь на другіе предметы и снова возвращаясь къ нему: „Иліаду“, какъ и всякій романъ Вальтера Скотта или Купера, мы можемъ читать нѣсколько дней, оставляя книгу и снова принимаясь за нее, а въ промежуткахъ занимаясь совсѣмъ другими предметами. Вообще, эпопея, въ отношеніи къ объему, даетъ поэту гораздо больше свободы, чѣмъ другіе роды поэзіи. Драма, какъ увидимъ ниже, имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленныя границы величины и объема; но лирическія произведенія въ этомъ отношеніи тѣсно ограничены. Если бы драма была и слишкомъ велика, наше вниманіе и дѣятельность нашей воспріемлемости впечатлѣній могли бы долго поддерживаться безпрестаннымъ измѣненіемъ развивающагося въ драмѣ дѣйствія; но лирическое произведеніе, выражая собою только чувство, и дѣйствуетъ на одно только наше чувство, не возбуждая въ насъ ни любопытства, ни поддерживая вниманія нашего объективными фактами, которые, даже и въ дѣйствительности — не только въ поэзіи, сильно занимаютъ нашъ умъ и дѣйствуютъ на чувство. При всемъ богатствѣ своего содержанія, лирическое произведеніе какъ будто лишено всякаго содержанія — точно музыкальная пьеса, которая, потрясая все существо наше сладостными ощущеніями, совершенно невыговариваемо въ своемъ содержаніи, потому что это содержаніе непереводимо на человѣческое слово. Вотъ почему всегда можно не только пересказать другому

[1]) Исправляемъ очевидную ошибку: въ другихъ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго здѣсь стоитъ „догматическая“, вмѣсто „драматическая“.

содержаніе прочитанной поэмы или драмы, но даже и подѣйствовать болѣе или менѣе на другого своимъ пересказомъ,—тогда какъ никогда нельзя уловить содержанія лирическаго произведенія. Да, его нельзя ни пересказать, ни растолковать, но только можно дать почувствовать, и то не иначе, какъ прочтя его такъ, какъ оно вышло изъ-подъ пера поэта: будучи же пересказано словами, или переложено въ прозу, оно превращается въ безъобразную и мертвую личинку, изъ который сейчасъ только выпорхнула блестящая радужными цвѣтами бабочка. Вотъ почему псевдо-лирическія и богатыя мнимыми „мыслями“ произведенія почти ничего не теряютъ въ переложеніи изъ стиховъ въ прозу; тогда какъ величайшія созданія, вышедшія изъ глубочайшихъ нѣдръ творческаго духа, часто теряютъ, въ переложеніи на прозу или мало-мальски неудачномъ переводѣ, всякое значеніе. И это очень естественно: какъ дадите вы другому понятіе о мотивѣ слышанной вами музыки, если не проиграете его на инструментѣ? Если вы скажете, что въ такомъ-то музыкальномъ произведеніи удачно воспроизведена идея любви и ревности,—вы этимъ ровно ничего не скажете объ этой музыкальной пьесѣ: начните ее пѣть или играть—и она сама за себя заговоритъ.

Конечно, лирическое произведеніе не есть одно и то же съ музыкальнымъ произведеніемъ, но въ ихъ основной сущности есть нѣчто общее. Въ лирическомъ произведеніи, какъ и во всякомъ произведеніи поэзіи, мысль выговаривается словомъ; но эта мысль скрывается за ощущеніемъ и возбуждаетъ въ насъ созерцаніе, которое трудно перевести на ясный и опредѣленный языкъ сознанія. И это тѣмъ труднѣе, что чисто лирическое произведеніе представляетъ собою какъ бы картину, между тѣмъ какъ въ немъ главное дѣло не самая картина, а чувство, которое она возбуждаетъ въ насъ,—такъ точно, какъ въ оперѣ драматическое положеніе дѣйствующаго лица важно не само-по-себѣ, но по той музыкѣ, которою отзовется, или отгрянетъ оно изъ глубины духа дѣйствующаго лица. Такова, напр., лирическая пьеса Пушкина „Туча“:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облекала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые, прочтя эту пьесу и не найдя въ ней нравственныхъ апоѳегмъ и философскихъ афоризмовъ, скажутъ: „Да что же тутъ *такого?* — препустенькая пьеска!“ Но тѣ, въ душѣ которыхъ находятъ свой отзывъ бури природы, кому понятнымъ языкомъ говоритъ *таинственный громъ* и кому *послѣдняя туча разсѣянной бури*, которая одна печалитъ ликующій день, тяжела, какъ грустная мысль при общей радости,—тѣ увидятъ въ этомъ маленькомъ стихотвореніи великое созданіе искусства.

Хотя драма и есть примиреніе противоположныхъ элементовъ — эпической объективности и лирической субъективности, но тѣмъ не менѣе она не есть ни эпопея, ни лирика, но третье, совершенно новое и самостоятельное, хотя и вышедшее изъ двухъ первыхъ. Посему, у Грековъ драма была какъ бы результатомъ эпоса и лиры, ибо и явилась-то послѣ нихъ, и была самымъ пышнымъ, но и послѣднимъ цвѣтомъ эллинской поэзіи. Несмотря на то, что въ драмѣ, какъ и въ эпопеѣ, есть *событіе*, драма и эпопея діаметрально противоположны другъ другу по своей сущности. Въ эпопеѣ господствуетъ *событіе*, въ драмѣ—*человѣкъ*. Герой эпоса—*происшествіе;* герой драмы—*личность человѣческая*. Жизнь въ эпопеѣ является какъ нѣчто сущее *по себѣ*, т.-е. такъ, какъ она есть, независимая отъ человѣка, незнаемая сама собою, равнодушно пребывающая и къ человѣку и къ самой себѣ. Эпосъ—это сама природа, вѣчно-неизмѣнная въ своемъ исполинскомъ величіи, всегда равнодушная въ пышномъ блескѣ красоты своей. Въ драмѣ жизнь является уже не только *по себѣ*, но и *для себя* сущею, какъ разумное сознаніе, какъ свободная воля. *Человѣкъ* есть герой драмы, и не *событіе* владычествуетъ въ ней надъ *человѣкомъ*, но *человѣкъ* владычествуетъ надъ *событіемъ*, по свободной волѣ давая ему ту или другую развязку, тотъ или другой конецъ. Чтобъ яснѣе развить это, представимъ примѣры изъ извѣстныхъ и великихъ художественныхъ созданій древняго и новаго міра.

Въ „Иліадѣ“ царствуетъ судьба. Она управляетъ дѣйствіями не только людей, но и самихъ боговъ. Едва успѣлъ поэтъ поднять занавѣсъ, скрывшій отъ насъ сцену повѣствуемаго имъ событія,—какъ мы уже узнаемъ впередъ, что Ілионъ долженъ пасть отъ Ахейцевъ. Убитъ ли Патроклъ: это сдѣлалось не случайно, по возможностямъ кроваваго боя — нѣтъ, это заранѣе было предназначено судьбою. Когда Антилохъ, сынъ Нестора, спѣшитъ къ Ахиллесу съ горькою вѣстію о смерти Патрокла, — Ахиллесъ въ это время сидѣлъ передъ своимъ шатромъ,

томимый грустнымъ предчувствіемъ, и такъ думалъ съ самимъ собою:

О, не свершили ли боги несчастій, ужаснѣйшихъ сердцу,
Кои мнѣ матерь давно предвѣщала; она говорила:
Въ Троѣ, прежде меня, Мирмидонянинъ, въ брани храбрѣйшій,
Долженъ подъ дланью троянской разстаться съ солнечнымъ свѣтомъ.
Боги безсмертные! умеръ Менетіевъ сынъ благородный.
(Пѣснь XVIII, ст. 8—12).

Ахиллъ *долженъ* отомстить убійцѣ друга своего Патрокла; но, убивши его, *долженъ* и самъ пасть отъ стрѣлы Париса, направленной рукою Феба: это знаетъ самъ Ахиллъ, — и вотъ что́ говоритъ онъ своей матери, среброногой Ѳетидѣ, безсмертной нимфѣ океана:

Должно теперь и тебѣ безконечную горесть извѣдать,
Горесть о сынѣ погибшемъ, котораго ты не увидишь
Въ домѣ отеческомъ! ибо и сердце мое не велитъ мнѣ
Жить и въ обществѣ быть человѣческомъ, ежели Гекторъ,
Первый, моимъ копіемъ пораженный, души не извергнетъ
И за грабежъ надъ Патрокломъ любезнѣйшимъ мнѣ не заплатитъ!
(Ibid., ст. 88—93).

Мать отговариваетъ его пророчествомъ о предстоящей ему погибели, въ случаѣ, если Гекторъ падетъ отъ руки его:

Скоро умрешь ты, о, сынъ мой, судя по тому, что вѣщаешь!
Скоро за сыномъ Пріама конецъ и тебѣ уготованъ!
(Ib., ст. 95—96).

Ахиллесъ даже и не спрашиваетъ ее, почему это такъ, и только обнаруживаетъ героическую готовность, за сладкую цѣну мщенія, подчиниться роковому предопредѣленію:

О, да умру я теперь же! далеко отъ родины милой
Палъ онъ и, вѣрно, меня призывалъ, да избавлю отъ смерти!
Что же мнѣ въ жизни! Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла отъ смерти не спасъ, ни другимъ благороднымъ
Не былъ защитой друзьямъ, отъ могучаго Гектора падшимъ.
Праздный, сижу предъ судами, земли безполезное бремя,
Будучи мужъ среди всѣхъ мѣднолатныхъ героевъ ахейскихъ
Первый во брани, хотя на совѣтахъ и лучше другіе!
. . . . . .
Я выхожу, да главы мнѣ любезной губителя встрѣчу,
Гектора! *Смерть же принять готовъ я, когда ни разсудитъ*
Здѣсь мнѣ назначитъ ее всемогущій Кронiонъ и боги!
Смерти не могъ избѣжать ни Гераклъ, изъ мужей величайшій,
Какъ ни любезенъ онъ былъ громоносному Зевсу Крониду;
Мощнаго рокъ одолѣлъ и вражда непреклонныя Геры.
Также и я, коль назначена доля мнѣ равная, лягу,
Гдѣ суждено; но сіяющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между женъ полногрудныхъ троянскихъ
Вздохами тяжкими грудь разрывать я заставлю, и въ горѣ
Съ нѣжныхъ ланитъ отирать руками обѣими слезы!
Скоро узнаютъ, что долгіе дни отдыхалъ я отъ брани!
Въ бой выхожу; не удерживай, матерь, ничѣмъ не преклонишь!
(Ib., ст. 98—126).

Роковая катастрофа жизни Ахиллеса извѣстна самому Гектору: умирая, онъ умолялъ своего врага—не предавать тѣла его поруганію, но, вмѣсто согласія, услышавъ проклятія,

Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
Зналъ я тебя; предчувствовалъ я, что моимъ ты моленьемъ
Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловержецъ,
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ воротахъ тебя ниспровергнутъ!
(Пѣснь XXII, ст. 355—360).

Мало этого: самъ Зевесъ-промыслитель, при всемъ своемъ доброжелательствѣ Гектору, при всемъ своемъ состраданіи къ его жребію, не можетъ помочь ему своею властію верховнаго божества, котораго трепещутъ всѣ другіе боги, но прибѣгаетъ къ рѣшенію другой, высшей власти:

Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
Взялъ посрединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій къ Аиду упалъ; Аполлонъ отъ него удалился.
(Ib., ст. 209—213).

Изъ всего этого ясно, что герой поэмы не Ахиллъ: ибо онъ какъ-будто лишенъ свободной воли, дѣйствуетъ не отъ себя, но только выполняетъ волю другой, высшей себя и неотразимой воли. То воля *судьбы*! Что́ же такое эта „судьба“, которой трепещутъ люди и которой безпрекословно повинуются сами боги? Это понятіе Грековъ о томъ, что́ мы, новѣйшіе, называемъ разумною необходимостью, законами дѣйствительности, соотношеніемъ между причинами и слѣдствіемъ, словомъ—*объективное дѣйствіе*, которое развивается и идетъ себѣ, движимое внутреннею силою своей разумности, подобно паровой машинѣ, — идетъ не оста-

навливаясь и не совращаясь съ пути, встрѣчается ли ей человѣкъ, котораго она можетъ раздавить, или каменный утесъ, о который она сама можетъ разбиться...

Нѣкоторые упрекаютъ Вальтера Скотта, что герои многихъ его романовъ, сосредоточивая на себѣ дѣйствіе цѣлаго произведенія, въ то же время отличаются столь безцвѣтнымъ характеромъ, что не приковываютъ къ себѣ исключительно всего нашего интереса, который какъ-бы уступаютъ они второстепеннымъ лицамъ романа, какъ болѣе оригинальнымъ и характернымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое, напр., рыцарь *Иваное* — герой одного изъ лучшихъ романовъ Вальтера Скотта?—храбрый и благородный рыцарь въ общемъ духѣ своего времени, но не болѣе. Въ сравненіи съ неистовымъ Бріаномъ, очаровательною Ревеккою, даже Цедрихомъ-Саксонцемъ и Ательстаномъ, Иваное—какая-то блѣдная тѣнь, слабый очеркъ, образъ безъ лица. Онъ мало и дѣйствуетъ, мало имѣетъ вліянія на ходъ романа. Онъ то раненъ, то при смерти, то въ плѣну, тогда какъ другіе дѣйствуютъ и рисуются на первомъ планѣ. Несмотря на дикость своихъ страстей, звѣрски проявляющихся, несмотря на свою безнравственность и преступность своихъ дѣйствій, храмовой рыцарь Бріанъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ Иваное, возбуждаетъ къ себѣ участіе читателя, потому-что онъ—лицо типическое, характеръ могучій и самобытный. А между тѣмъ Бріанъ все-таки второстепенный персонажъ въ романѣ, котораго всѣ нити сходятся на личной судьбѣ Иваное, какъ главнаго лица, какъ *героя* романа. Но тѣмъ не менѣе, это обвиненіе противъ геніальнаго романиста только по наружности имѣетъ видъ справедливости, но въ самомъ дѣлѣ оно совершенно ложно: то, что̀ кажется недостаткомъ въ романѣ, есть только сущность эпопеи. Еще поразительнѣйшимъ образцомъ этого можетъ служить, напр., „Маннеринтъ, или Астрологъ“, гдѣ герой романа является на сценѣ только въ третьей части и то какимъ-то таинственнымъ лицомъ, въ которомъ узнаете вы героя только въ концѣ романа, хотя и съ первыхъ страницъ повѣсти, еще только родившись на свѣтъ, онъ уже сосредоточиваетъ на себѣ все дѣйствіе романа. Это такъ и должно быть въ произведеніи чисто-эпическаго характера, гдѣ главное лицо служитъ только внѣшнимъ центромъ развивающагося событія, и гдѣ оно можетъ отличаться только общечеловѣческими чертами, заслуживающими нашего человѣческаго участія: ибо герой эпопеи есть сама жизнь, а не человѣкъ. Въ эпопеѣ событіе, такъ сказать, подавляетъ собою человѣка, заслоняетъ своимъ величіемъ и своею огромностію личность человѣческую, отвлекаетъ отъ нея наше вниманіе своимъ собственнымъ интересомъ, разнообразіемъ и множествомъ своихъ картинъ.

Въ драмѣ сила и важность событія даетъ себя знать, какъ „коллизія“, или та ошибка, то столкновеніе между естественнымъ влеченіемъ сердца героя и его понятіемъ о долгѣ, которыя не зависятъ отъ его воли, которыхъ онъ не можетъ ни произвесть, ни предотвратить, но которыхъ разрѣшеніе зависитъ не отъ событія, но единственно отъ свободной воли героя. Власть событія становитъ героя драмы на распутіи и приводитъ его въ необходимость избрать одинъ изъ двухъ, совершенно противоположныхъ другъ другу, путей для выхода изъ борьбы съ самимъ собою; но рѣшеніе въ выборѣ пути зависитъ отъ героя драмы, а не отъ событія. Мало того: катастрофа драмы можетъ воспослѣдовать и ускориться даже вслѣдствіе нерѣшительнаго колебанія со стороны героя; но и эта нерѣшительность заключается не въ сущности и силѣ событія, но единственно въ характерѣ героя. Лучшій примѣръ этого представляетъ намъ шекспировъ *Гамлетъ*: онъ узнаетъ объ ужасной смерти отца своего изъ устъ самой тѣни отца: вотъ событіе, приготовленное не Гамлетомъ, но вышедшее изъ развращенной воли вѣроломнаго брата умершаго короля; оно ставитъ Гамлета въ необходимость играть роль мстителя; но какъ эта роль совсѣмъ не въ его натурѣ, то онъ и повергается во внутреннюю борьбу съ самимъ собою, произведенную ошибкою двухъ враждебныхъ силъ—долга, повелѣвающаго мстить за смерть отца, и личною неспособностію къ мщенію: вотъ трагическая *коллизія!* Ужасное открытіе тайны отцовской смерти, вмѣсто того, чтобы исполнить Гамлета однимъ чувствомъ, однимъ помышленіемъ—чувствомъ и мыслію мщенія, каждую минуту готовыми осуществиться въ дѣйствіи,—это ужасное открытіе заставило его не выйти изъ самого себя, а уйти въ самого себя и сосредоточиться во внутренности своего духа, возбудило въ немъ вопросы о жизни и смерти, времени и вѣчности, долгѣ и слабости воли, обратило его вниманіе на свою собственную личность, ея ничтожность и позорное безсиліе, родило въ немъ ненависть и презрѣніе къ самому себѣ. Гамлетъ пересталъ вѣрить добродѣтели, нравственности, потому что увидѣлъ себя неспособнымъ и безсильнымъ ни наказать порокъ и безнравственность, ни перестать быть добродѣтельнымъ и нравственнымъ. Мало того: онъ перестаетъ вѣрить въ дѣйствительность любви, въ достоинство женщины; какъ безумный, топчетъ онъ въ грязь свое чувство, безжалостною рукою разры-

ваетъ свой святой союзъ съ чистымъ, прекраснымъ женственнымъ существомъ, которое такъ беззавѣтно, такъ невинно отдалось ему все, которое такъ глубоко и нѣжно любилъ онъ; безжалостно и грубо оскорбляетъ онъ это существо, кроткое и нѣжное, все созданное изъ эѳира, свѣта и мелодическихъ звуковъ, какъ бы спѣша отрѣшиться отъ всего въ мірѣ, что напоминаетъ собою о счастіи и добродѣтели. Ясно, что натура Гамлета чисто-внутренняя, созерцательная, субъективная, рожденная для чувства и мысли; а ужасное событіе требуетъ отъ него не чувства и мысли, но *дѣла*, изъ идеальнаго міра вызываетъ его въ міръ практическій, въ чуждый его духовной настроенности міръ дѣйствія. Естественно, что изъ этого положенія возникаетъ внутри Гамлета страшная борьба, которая и составляетъ сущность всякой драмы. И если конецъ *этой* драмы совершается какъ бы въ эпическомъ характерѣ, вытекая не изъ свободнаго рѣшенія воли со стороны Гамлета, а изъ случайности (изъ неумышленнаго обмѣна шпагъ Гамлетомъ и Лаэртомъ и неумышленной ошибки королевы - матери, выпившей отравленный кубокъ, назначенный ея сыну), тѣмъ не менѣе, „Гамлетъ“ есть нисколько не эпическое, но по преимуществу драматическое произведеніе: ибо сущность содержанія и развитія этой трагедіи заключается во внутренней борьбѣ ея героя съ самимъ собою. Внѣ этой борьбы „Гамлетъ“ не имѣетъ для насъ никакого даже побочнаго интереса, ибо и самая участь Офеліи, такъ глубоко насъ трогающая, есть слѣдствіе этой же борьбы. Кромѣ того, смерть короля-братоубійцы есть столько же необходимое слѣдствіе его преступленія, сколько и дѣло воли Гамлета, вспыхнувшей могучимъ рѣшеніемъ при концѣ его жизни, какъ вспыхиваетъ болѣе яркимъ пламенемъ угасающая лампада... „Макбетъ“ и „Отелло“ представляютъ собою совершеннѣйшіе образцы коллизіи, какъ драматической сущности.—Торжествующій полководецъ, знаменитый вельможа и родственникъ добраго, благороднаго старца-короля, Макбетъ слышитъ въ себѣ ревущій голосъ глубоко-затаеннаго, но сильнаго и страстнаго честолюбія. Эта страсть, столь ужасная и гибельная въ душахъ мощныхъ, но непроникнутыхъ елейною теплотою любви и правдивости, является ему въ страшной апоѳеозѣ трехъ вѣдьмъ. Ихъ загадочныя предсказанія, сейчасъ же сбывающіяся, не надолго смущаютъ его, ибо скоро узнаетъ онъ въ нихъ осуществившійся глубокій и мрачный замыселъ собственной души. Его честолюбіе является ему въ новой и еще болѣе чудовищной апоѳеозѣ—въ лицѣ его жены, этого демонскаго существа въ видѣ женщины. Она заглушаетъ въ немъ послѣдній ропотъ совѣсти, примѣромъ собственной сатанинской рѣшимости на злодѣйство, возбуждаетъ въ немъ ложный стыдъ и окончательно подвигаетъ его на проклятое дѣло. Здѣсь событіе почти не играетъ никакой роли: оно пріуготовляется волею самого Макбета, а роковое стеченіе благопріятствующихъ злодѣйству обстоятельствъ только помогаетъ совершенію злодѣйства, но не порождаетъ его. Мы видимъ Макбета въ борьбѣ съ самимъ собою, въ трагической коллизіи: онъ могъ побѣдить въ себѣ грѣховное побужденіе и могъ послѣдовать ему. И это вина его воли, что онъ послѣдовалъ влеченію злого начала; его воля родила событіе, но не событіе дало направленіе его волѣ. Остальная часть этой драмы представляетъ уже слѣдствіе свободнаго выхода Макбета изъ роковой борьбы: уже не въ его волѣ измѣнить послѣдовавшія за цареубійствомъ событія; преступленіе отдало его во власть фуріямъ, которыя взяли его за руки и, какъ слѣпца, повели отъ злодѣйства къ новому злодѣйству. Отъ его воли зависѣло только пасть съ честію— и онъ палъ, сраженный, но не побѣжденный, какъ довлѣетъ виновному, но великому въ самой винѣ своей мужу.— Событіе поставляетъ Отелло въ состояніе ревности. Это событіе вышло, конечно, не изъ его воли или знанія, но тѣмъ не менѣе онъ самъ способствовалъ его совершенію своимъ волканическимъ темпераментомъ, своими знойными страстями, которыя мгновенно вспыхивали, подобно песчанымъ мятелямъ въ пустыняхъ Аравіи, и не покорялись голосу разсудка, своимъ младенчески-довѣрчивымъ характеромъ, своимъ суевѣрнымъ воображеніемъ, напоминавшимъ его восточное, африканское происхожденіе. Обуздай онъ въ роковую минуту свое звѣрство въ отношеніи къ мнимо-виновной Дездемонѣ,— и истина открылась бы глазамъ его для счастія и блаженства жизни; но онъ не хотѣлъ, или не могъ обуздать порыва животной мести,—и свѣтъ истины озарилъ его глаза, подобно адскому блеску отъ свѣточей Эвменидъ, для того только, чтобъ онъ могъ измѣрить глубину бездны, въ которую стремглавъ низвергся...

Хотя всѣ эти три рода поэзіи существуютъ отдѣльно одинъ отъ другого, какъ самостоятельные элементы; однакожъ, проявляясь въ особныхъ произведеніяхъ поэзіи, они не всегда отличаются одинъ отъ другого рѣзко-опредѣленными границами. Напротивъ, они часто являются въ смѣшанности, такъ что иное эпическое по формѣ своей произведеніе отличается драматическимъ характеромъ, и наоборотъ. Эпическое произведеніе не только ничего не теряетъ изъ своего достоинства,

когда въ него входитъ драматическій элементъ, но еще много выигрываетъ отъ этого. Это особенно относится къ произведеніямъ христіанскаго искусства, въ которомъ нѣтъ ничего выше человѣческой личности съ ея внутренней, субъективной стороны, и въ которомъ, посему, драматическій элементъ входитъ въ эпическій по праву и возвышаетъ его цѣну. Превосходный примѣръ эпическаго произведенія, проникнутаго драматическимъ элементомъ, представляетъ собою повѣсть Гоголя „Тарасъ Бульба“. Это дивно-художественное созданіе заключаетъ въ себѣ двѣ трагическія коллизіи, изъ которыхъ каждой стало бы на великое драматическое произведеніе. Во время осады непріятельскаго города, уже доведеннаго до послѣдней крайности всѣми ужасами голода, Андрій, сынъ Бульбы, встрѣчается съ давно уже плѣнившею его дѣвушкою изъ враждебнаго племени. Онъ не можетъ отдаться ей, не навлекши на себя проклятія отца, не измѣнивши своимъ соотчичамъ и единовѣрцамъ, а между тѣмъ, онъ не можетъ и оторваться отъ *нея*, ибо онъ столько же *человѣкъ*, сколько и *Малороссіянинъ*: вотъ *коллизія*. И полная натура, кипящая избыткомъ юныхъ силъ, безъ рефлексіи отдалась влеченію сердца, и за мигъ безконечнаго блаженства заплатила лютою казнію, смертію отъ рукъ родного отца, смертію, которая была необходимымъ слѣдствіемъ рѣшенія его воли въ коллизіи, и единственнымъ выходомъ изъ ложнаго, неестественнаго положенія! Съ другой стороны, отецъ, который поставленъ уже не въ возможность, но въ необходимость быть палачемъ собственнаго сына: какое трагическое положеніе, какая ужасная коллизія, и какъ страшно вышла изъ нея желѣзная воля полудикаго запорожца!... Эта повѣсть Гоголя во всякомъ случаѣ была бы превосходнымъ произведеніемъ искусства, но, благодаря обилію драматическихъ элементовъ, насквозь проникнувшихъ ее, она должна занимать почетное мѣсто между созданіями перваго разряда величайшихъ творцовъ. Сколько внутренней жизни, сколько движенія сообщаетъ „Полтавѣ“ Пушкина драматическій элементъ! Какимъ неотразимымъ обаяніемъ вѣетъ на душу, какъ глубоко потрясаетъ все существо наше одна сцена между Мазепою и Маріею, эта сцена, набросанная шекспировскою кистью! Мучимая ревностію любящаго женскаго сердца, Марія допытывается у Мазепы объясненія его холодности и таинственнаго поведенія:

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Мазепа.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

Марія.

Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О! знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

Мазепа.

А если плаха?...

Марія.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ: ты носишь власти знакъ.

Мазепа.

Меня ты любишь?

Марія.

Я! люблю ли?

Мазепа.

Скажи: отецъ, или супругъ
Тебѣ дороже?

Марія.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожитъ
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ: быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

Мазепа.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? молчишь...

Марія.

О, Боже!

Мазепа.

Что-жъ? отвѣчай.

Марія.

Рѣши ты самъ.

Мазепа.

Послушай: если бъ было намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была:
Кого-бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

Марія.

Ахъ, полно! сердца не смущай!
Ты искуситель.

Мазепа.

Отвѣчай!

Марія.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

Мазепа.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь!

Можно ли глубже заглянуть въ сердце женщины, беззавѣтно отдавшейся страстно-любимому человѣку? Какъ дитя блестящею игрушкою, Марія уже заранѣе любуется короною на сѣдыхъ волосахъ возлюбленнаго; она любитъ его, и потому не знаетъ съ нимъ страха; въ ея глазахъ онъ „такъ могущъ“, что она не хочетъ и вѣрить, чтобъ ему могла грозить опасность, хоть онъ и самъ предупреждаетъ ее о грозящей ему опасности!... А если ему и суждено погибнуть, для нея не все еще кончено: для нея остается еще радость—вмѣстѣ съ нимъ умереть на плахѣ!... Тутъ вся женщина въ апоѳеозѣ любви своей, и самъ Шекспиръ ни одной черты не могъ бы прибавить къ этому дивно-художественному изображенію нашего поэта! Сколько истины и вѣрности дѣйствительности въ страхѣ Маріи при мысли объ ужасномъ выборѣ между отцомъ и любовникомъ! Какъ естественно, что она желаетъ уклониться отъ утвердительнаго и неизбѣжнаго отвѣта на этотъ вопросъ, оледеняющій холодомъ смерти сердце ея! Какое торжество женской натуры въ ея отвѣтѣ въ пользу возлюбленнаго, какъ бы насильно, подобно болѣзненному воплю, исторгнутомъ изъ ея души! Какимъ могильнымъ холодомъ вѣетъ отъ мрачныхъ словъ Мазепы, замыкающихъ собою эту дивную сцену:

Помни же, Марія,
Что̀ ты сказала мнѣ теперь!

А сцены между Орликомъ и Кочубеемъ, передъ пыткою послѣдняго; между Маріею и ея матерью; между Мазепою и Орликомъ, передъ полтавскою битвою, и между бѣгущимъ Мазепою и сумасшедшею Маріею: каждая изъ нихъ—трагедія, во всей безконечности значенія этого слова!...

Въ большей части романовъ Вальтера Скотта и Купера есть важный недостатокъ, хотя на него никто не указываетъ и никто не жалуется (по крайней мѣрѣ, въ русскихъ журналахъ): это—рѣшительное преобладаніе эпическаго элемента и отсутствіе внутренняго, субъективнаго начала. Вслѣдствіе такого недостатка, оба эти великіе творца являются, въ отношеніи къ своимъ произведеніямъ, какъ бы какими-то холодными безличностями, для которыхъ все хорошо, какъ есть, которыхъ сердце какъ будто не ускоряетъ своего біенія при видѣ ни блага, ни зла, ни красоты, ни безобразія, и которыя какъ будто и не подозрѣваютъ существованія *внутренняго* человѣка. Конечно, это можетъ почитаться недостаткомъ только въ наше время, но тѣмъ не менѣе оно все-таки есть недостатокъ: ибо современность есть великое достоинство въ художникѣ. Однакожъ оба эти романиста какъ бы невольно платили иногда дань духу новѣйшаго искусства, и мы ссылаемся на свидѣтельство собственныхъ ихъ созданій, чтобы показать, что лучшія и высшія изъ нихъ суть тѣ, которыя больше или меньше проникнуты драматическимъ элементомъ. „Ламмермурская Невѣста“ даже на простыхъ читателей производитъ необыкновенно глубокое впечатлѣніе, чѣмъ, конечно, обязано это произведеніе тому, что оно есть не что иное, какъ трагедія въ формѣ романа. Вотъ почему Эдгаръ Равенсвудъ уже не просто сосредоточиваетъ на себѣ интересъ романа, но въ полномъ смыслѣ слова есть его герой, лицо оригинальное, характеръ типическій, существо дѣйствующее, а не страдательное. Посему, благородная личность его приковываетъ къ себѣ все наше вниманіе, а несчастная участь болѣзненно потрясаетъ все существо наше. Однакожъ, этой безконечной силѣ впечатлѣнія романъ обязанъ не одному своему содержанію, но и простотѣ формы, сжатой и сосредоточенной, чуждой многосложности и запутанности въ ходѣ и развитіи событія, строгому единству дѣйствія, и очень жаль, что авторъ представилъ своего героя больше со-внѣ, и не заглянулъ глубже въ его душу, не освѣтивъ для насъ драмы, которая разъигрывалась въ сокровенныхъ глубинахъ его сердца. Сдѣлай онъ это, и тогда его „Ламмермурская Невѣста“ была бы истинною шекспировскою драмою, и дѣйствіе, производимое ею на читателя, было бы еще въ тысячу разъ сильнѣе. Въ „Сен-Ронанскихъ Водахъ“ любовь и трагическія отношенія Франца Тирреля къ Кларѣ Мобрай, равно какъ и ужасныя отношенія его къ своему развратному брату, Этерингтону, раскрыты до сокровенныхъ глубинъ души и сердца. Сцены свиданія въ горахъ Тирреля съ Кларою и потомъ свиданія Тирреля съ капитаномъ Джекилемъ, уполномоченнымъ посредникомъ со стороны преступнаго брата, проникнуты такою истиною, отличаются такою глубиною сердцевѣдѣнія и тайнъ страстей и страданія, что украсили бы собою любую драму Шекспира. Прочтя разъ, невозможно забыть, какъ безнравственный больше по привычкѣ и легкомыслію, чѣмъ по натурѣ, капитанъ Джекиль, пришедши къ Тиррелю съ лукавыми намѣреніями, уходитъ отъ него, повѣсивъ голову и въ глубокомъ раздумьи, какъ бы въ первый еще разъ потрясенный непривычнымъ ему зрѣлищемъ безконечной любви, безконечнаго страданія и безконечнаго самоотверженія... Вообще въ этомъ отношеніи мы ставимъ „Сен-Ронанскія Воды“ несравненно выше и, такъ сказать, *человѣчнѣе* „Ламмермурской Невѣсты“. Если не всѣ раздѣлятъ наше мнѣніе въ семъ случаѣ, причина этого за-

ключается въ многосложности „Сен-Ронанскихъ Водъ“, въ обиліи и запутанности происшествій и во множествѣ лицъ, столь характерныхъ и типическихъ. Въ отношеніи къ Тирреллю и Кларѣ этотъ романъ больше драма, чѣмъ „Ламмермурская Невѣста“; но со стороны аксессуаровъ это—чистая эпопея, и притомъ болѣе или менѣе заслоняющая собою заключенную въ ней драму.—Отверженная, непризнанная любовь Ревекки къ рыцарю Иваное, будучи въ отношеніи къ цѣлому роману какъ бы эпизодомъ, тѣмъ не менѣе даетъ ему цѣлость, какъ его основная идея, живитъ и согрѣваетъ его, какъ свѣтъ солнечный природу, которая величественна, прекрасна и въ пасмурный день, но при солнцѣ является въ новомъ и преображенномъ видѣ. Сцена свиданія Ревекки съ лэди Ровенною, замыкающая собою романъ, производитъ на душу глубоко-грустное, но и безконечно-отрадное впечатлѣніе, открывая намъ таинство страданія непризнанной любви глубокаго женственнаго существа, которое вполнѣ достойно обожанія, но судьбою своего рожденія среди отверженнаго и презираемаго племени, лишено, въ собственныхъ глазахъ, всякаго права и всякой надежды на взаимность христіанина и рыцаря... И вотъ благородная, прекрасная Еврейка приходитъ къ своей соперницѣ, предлагаетъ ей драгоцѣнные подарки и молитъ ее, какъ о милости, отдернуть покрывало и показать ей прекрасное лицо, плѣнившее идола ея растерзаннаго сердца... Какая картина сама по себѣ, и какую безконечную перспективу открываетъ она въ глубинѣ своего фона упоенному любовію и грустію взору читателя!...

Но еще несравненно высшій образецъ, чѣмъ всѣ эти, драматическаго романа представляетъ собою „Путеводитель въ Пустынѣ“ Купера. Человѣкъ съ глубокою натурою и мощнымъ духомъ, проведшій лучшіе года своей жизни съ охотничьимъ ружьемъ за плечами, въ дѣвственныхъ неисходныхъ лѣсахъ Америки, добровольно отказавшійся отъ удобствъ и приманокъ цивилизованной жизни для широкаго раздолья величавой природы, для возвышенной бесѣды съ Богомъ въ торжественномъ безмолвіи Его великаго творенія; человѣкъ, только-что вполнѣ расцвѣтшій всѣми силами тѣла и духа, въ ту эпоху жизни, когда другіе уже отцвѣтаютъ, и въ сорокъ лѣтъ сохранившій свѣжесть и пламень чувства, дѣвственную чистоту младенчески-незлобиваго сердца; человѣкъ, возмужавшій подъ открытымъ небомъ, въ вѣчной борьбѣ съ опасностями, въ вѣчной войнѣ съ хищными звѣрями и злыми *Мингами*; человѣкъ съ желѣзными мышцами и стальными мускулами въ сухощавомъ тѣлѣ, съ голубинымъ сердцемъ въ львиной груди,—этотъ человѣкъ встрѣчаетъ на дорогѣ жизни прекрасное, граціозное явленіе женственнаго міра — и тихо и незамѣтно любовь овладѣваетъ всѣмъ существомъ его... Другъ его, сержантъ, отецъ прекрасной дѣвушки, давно уже обѣщалъ ему руку своей дочери. Вмѣстѣ съ нимъ Мабель провожаетъ молодой и прекрасный Джасперъ. Безхитростное и простодушное сердце Патфайндера не предчувствуетъ въ Джасперѣ опаснаго соперника себѣ. Онъ любитъ его съ нѣжностью отца, съ преданностію друга: любитъ за его открытую душу, благородный и мужественный характеръ, бодрый и смѣлый нравъ, трудолюбіе и ловкость. Патфайндеръ не упускаетъ ни одного случая похвалить Мабели Джаспера, выставить ей на видъ его достоинства. И вотъ наступаетъ минута его объясненія съ Мабелью,—и всѣ мечты его уничтожаются жестокою дѣйствительностію: существо, которое одно заставило биться его сердце, которое одно могъ онъ полюбить со всею силою глубокой натуры, съ которымъ слилъ онъ драгоцѣннѣйшія мечты о счастіи и блаженствѣ всей жизни, доселѣ одинокой и грубой, — это существо уважаетъ его глубоко, свято, но женой его быть не можетъ... Судорожно сжалъ онъ своими желѣзными пальцами шею и, улыбаясь сквозь страдальческое выраженіе своего лица, повторялъ: „Да, сержантъ виноватъ, сержантъ ошибся!“ О, какъ глубоко страдалъ онъ, и какой благородный, человѣческій характеръ имѣло его страданіе: ничего звѣрскаго, ничего дикаго; грубые глаза его орошаются слезами, съ улыбкою сжимаетъ онъ руку Мабели — и отнынѣ, не оторвавшись отъ любви, отрывается навсегда отъ ея предмета и мужественно несетъ на себѣ тяжелый крестъ!... Ужасная была минута, когда наконецъ онъ узнаетъ въ Джасперѣ своего соперника, но онъ выдержалъ и это испытаніе: онъ вручаетъ ему *ее*, благословляетъ ихъ обоихъ на радость и счастіе, которыхъ ему самому уже не знать болѣе, онъ проситъ Джаспера цѣнить подругу своей жизни, не оскорблять грубою мужскою натурою ея нѣжнаго женственнаго сердца—и скрывается отъ нихъ навсегда... Мы пишемъ не критику этого превосходнаго произведенія и, боясь увлечься его частностями, намекаемъ только на общія черты: тѣ, кто прочелъ и понялъ этотъ романъ, тѣ помнятъ цѣлый рядъ дивно-художественныхъ сценъ, въ которыхъ съ такою потрясающею вѣрностію изображена борьба чувствъ, буря души Патфайндера, и которыхъ достоинства нельзя показать иначе, какъ прослѣдивши въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ ихъ подроб-

ности, а нѣкоторыя и выписавши цѣликомъ. Повторяемъ: читавшіе и уразумѣвшіе поймутъ насъ, и скажемъ только, что весь этотъ романъ есть апоѳеоза самоотреченія (Resignation), великая мистерія страданія, разоблаченіе глубочайшихъ и благороднѣйшихъ таинствъ человѣческаго сердца. Куперъ является здѣсь глубокимъ сердцевѣдцемъ, великимъ живописцемъ міра души, подобно Шекспиру. Опредѣленно и ясно выговорилъ онъ невыразимое, примирилъ и слилъ воедино внѣшнее и внутреннее,—и его „Путеводитель въ Пустынѣ“ есть шекспировская драма въ формѣ романа, единственное созданіе въ этомъ родѣ, неимѣющее ничего равнаго съ собою, торжество новѣйшаго искусства въ сферѣ эпической поэзіи. И всѣмъ этимъ романъ обязанъ, послѣ великаго творческаго генія своего автора, глубокому драматическому началу, которое просвѣчиваетъ въ каждой строкѣ повѣствованія, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ...

Точно такъ же, какъ бываетъ драма въ эпопеѣ, бываетъ и эпопея въ драмѣ. У Грековъ всѣ роды поэзіи, не исключая и самой лирики, отличаются характеромъ болѣе или менѣе эпическимъ: ибо вся жизнь этого народа выразилась преимущественно въ пластической созерцательности. Трагедія Грековъ особенно отличается эпическимъ характеромъ и въ этомъ отношеніи діаметрально противоположна драмѣ новѣйшей, христіанской, шекспировской. Герой греческой трагедіи не человѣкъ, а событіе; интересъ ея сосредоточенъ не на участи индивидуума, а на судьбахъ народа, въ лицѣ его представителей. И отъ того главное лицо греческой трагедіи есть всегда полубогъ, царь, герой, а второе по немъ и противопоставленное ему лицо есть самъ народъ, присутствующій въ трагедіи какъ хоръ, который самъ не имѣетъ прямого, дѣятельнаго вліянія на ходъ пьесы, но который какъ бы созерцаетъ ея развитіе и выговариваетъ свое о немъ сознаніе. Въ своихъ геройхъ греческіе трагики олицетворяли общія силы и стихіи народной и общественной жизни. Такъ въ благороднѣйшемъ созданіи Софокла „Антигонѣ“, въ лицѣ героини трагедіи осуществлена идея естественнаго права семейственности, а въ лицѣ Креона—торжество государственнаго права, силы закона. Креонъ запрещаетъ, подъ смертною казнію, хоронить тѣло Полиника, какъ врага отчизны; а лишеніе погребенія считалось, по религіознымъ и общественнымъ понятіямъ Грековъ, величайшимъ позоромъ и бѣдствіемъ какъ для умершаго, такъ и для живыхъ его родственниковъ. Антигона, сестра Полиника, преклоняетъ свою сестру, Исмену, тайно погребсти тѣло ихъ несчастнаго брата. Робкая и слабая Исмена отказывается, — и великодушная Антигона одна совершаетъ свой благородный подвигъ. Когда узнавшій объ этомъ Креонъ спрашиваетъ ее, точно ли она сдѣлала это преступленіе и знала ли объ ожидавшей ее за то казни,—Антигона отвѣчаетъ утвердительно, прибавляя, что если ея братъ былъ и виновенъ, то все-таки она „не ненавидѣть, а любить рождена“. Безтрепетно выслушиваетъ она приговоръ лютой казни и не молитъ о прощеніи. Эмонъ, женихъ ея и сынъ Креона, молитъ его о пощадѣ своей невѣсты, ссорится съ непреклоннымъ отцомъ и уходитъ отъ него въ отчаяніи. Жрецъ Тирезій совѣтуетъ ему погребсти тѣло Полиника, угрожая зловѣщими выраженіями гнѣва боговъ, оскорбленныхъ нарушеніемъ родственнаго права. Голосъ народа, въ лицѣ хора, явно на сторонѣ благородной Антигоны. Креонъ непреклоненъ, но сомнѣніе уже безпокоитъ его; онъ, можетъ быть, и готовъ бы простить благородную преступницу, но ему трудно ослабить силу закона и унизить достоинство государственнаго права. Наконецъ, голосъ хора, подкрѣпившій силы угрозъ Тирезія, преклоняетъ Креона спасти Антигону, хотя и неохотно. Но уже поздно: она повѣсилась въ пещерѣ, куда была отведена на голодную смерть, а Эмонъ, въ глазахъ отца, закалывается при ея трупѣ. Эвридика, супруга Креона и мать Эмона, узнавши о гибели сына, тоже лишаетъ себя жизни. Креонъ проклинаетъ свою жестокость, оплакивая въ лютомъ отчаяніи милыя тѣни погубленныхъ имъ единокровныхъ. Трагедія торжественно заключается нравственною апоѳегмою хора, въ духѣ наивной древности. Итакъ, оскорбленное правомъ крови государственное право отомщаетъ за себя оскорбителю; но мститель, въ ужасныхъ слѣдствіяхъ своей мести, навлекаетъ на себя мщеніе оскорбленнаго имъ права крови; а мудрость, извлеченная народомъ изъ этого событія, служитъ примиреніемъ обѣихъ крайностей... Какъ и въ эпопеѣ, въ трагедіи Грековъ преобладаетъ ихъ основное міросозерцаніе—*судьба*. Эдипъ безъ всякаго преступленія дѣлается ужаснымъ преступникомъ, и самъ караетъ себя за это лишеніемъ свѣта очей... Смерть царственнаго страдальца примиряетъ съ нимъ подземныя силы—и могила его, по опредѣленію боговъ, дѣлается залогомъ благосостоянія для страны, пріютившей его мученическій прахъ... Дѣйствіе каждой греческой трагедіи совершается вовнѣ; внутренній міръ дѣйствователей закрытъ отъ глазъ зрителей. Развитіе дѣйствія просто, не многосложно, въ одномъ моментѣ: ибо и самаго содержанія, чисто объективнаго и абстрактнаго, не могло бы стать на большое

произведеніе. Механизмъ однообразенъ, пружины всегда одинѣ и тѣ же. Дѣйствующія лица похожи на статуи, съ прекрасными, но почти неизмѣняющимися физіономіями, съ рельефнымъ выраженіемъ, но съ глазами безъ зрачковъ и живого блеска.

Въ новѣйшемъ искусствѣ эпическимъ характеромъ отличаются иногда только драмы собственно-историческаго содержанія, основная идея которыхъ берется изъ сферы высшей государственной жизни. Таковы, напр., „Макбетъ“ или „Ричардъ II“ Шекспира. Въ „Отелло“ развито чувство, каждому болѣе или менѣе понятное и доступное; въ „Королѣ Лирѣ“ представлено положеніе, еще болѣе близкое и возможное для каждаго въ самой толпѣ, — и потому эти пьесы производятъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Но интересъ „Макбета“ и „Ричарда II“ чисто объективный, и потому слишкомъ немногимъ доступный и родственный. Впрочемъ, обѣ драмы только въ этомъ отношеніи и могутъ быть названы эпическими: развитіе же ихъ въ высшей степени драматическое, ибо оно полно движенія, и каждое лицо вполнѣ и всего себя высказываетъ въ сферѣ своего внутренняго интереса. Но „Борисъ Годуновъ“ Пушкина есть трагедія чисто эпическаго характера. Преступленіе Годунова совершено еще до начала драмы, и поэтъ не показалъ намъ своего героя въ борьбѣ трагической коллизіи. Мы видимъ, какъ хитро и искусно допускаетъ онъ народу умолить себя — принять вѣнецъ, который давно уже почитаетъ своимъ; но не видимъ, что̀ дѣлается у него внутри и какъ отзывается тамъ преступное дѣйствіе цареубійства. Тотчасъ вниманіе наше переходитъ на новаго героя, будущаго самозванца—орудіе, избранное исторической Немезидою для отмщенія попраннаго государственнаго права. Только тогда уже, какъ мститель является на сцену, поэтъ приподымаетъ слегка завѣсу, скрывавшую отъ насъ внутреннее состояніе Годунова, и дѣлаетъ насъ свидѣтелями его нѣмыхъ бесѣдъ съ самимъ собою, его страшныхъ расчетовъ съ своею совѣстію. Въ трагедіи Пушкина два героя, или, говоря собственно, нѣтъ ни одного: ея герой—*событіе*, идея котораго — мщеніе исторической Немезиды за оскорбленное государственное право. Вотъ почему это великое созданіе Пушкина немногимъ доступно и не можетъ пользоваться заслуживаемою имъ славою въ большинствѣ нашей публики: его идея и характеръ не имѣютъ общедоступнаго для всѣхъ интереса. Къ этому должно отнести и самый характеръ Годунова: слишкомъ держась исторіи, во вредъ своему произведенію, Пушкинъ представилъ Годунова не больше, какъ необыкновенно умнымъ честолюбцемъ, и не придалъ ему никакого личнаго величія, никакой геніальной силы духа, свойственной герою исторіи. И потому, понимая цѣну нѣкоторыхъ частностей трагедіи (какъ, напр., геніальной сцены Пимена-лѣтописца, въ кельѣ, наединѣ съ собою, и въ бесѣдѣ съ будущимъ самозванцемъ), не могутъ схватить идею цѣлаго созданія, столь колоссальнаго въ своемъ медленномъ и величаво-эпическомъ развитіи.

Къ эпическимъ драмамъ принадлежатъ многія драматическія произведенія, занимающія середину между трагедіею и комедіею. Таковы, напр., „Буря“, „Цимбелинъ“, „Двѣнадцатая Ночь, или Что̀ угодно“ Шекспира, въ которыхъ героемъ является сама жизнь. Возьмемъ, напр., „Что̀ угодно“: тутъ нѣтъ героя или героини; тутъ каждое лицо равно занимаетъ насъ собою; даже внѣшній интересъ цѣлаго произведенія сосредоточенъ на двухъ любящихся парахъ, которыя обѣ равно интересуютъ читателя, и которыхъ соединеніе составляетъ развязку драмы.

Перевѣсъ лирическаго элемента также бываетъ и въ эпопеѣ, и въ драмѣ. Къ разряду лирическихъ поэмъ относятся поэмы Байрона и Пушкина. Въ нихъ господствуетъ не событіе, какъ въ эпопеѣ, а человѣкъ, какъ въ драмѣ, или обѣ эти стороны уравновѣшиваются и взаимно сопроникаются. Главное ихъ отличіе есть то, что въ нихъ берутся и сосредоточиваются только поэтическіе моменты событія, и самая проза жизни идеализируется и опоэтизировывается. „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина также долженъ относиться къ числу лирическихъ поэмъ. Хотя проза жизни и составляетъ едва ли не бо̀льшую часть содержанія „Онѣгина“, но эта проза улеглась въ немъ въ живой, летучій, свѣтлый, поэтическій и гармоническій стихъ, который, даже сверкая огнемъ эпиграммы, растворенъ грустію—элементомъ чисто лирическимъ. Отступленія поэта отъ разсказа, его обращенія къ самому себѣ составляютъ драгоцѣннѣйшіе лирическіе перлы этого единственнаго и превосходнѣйшаго художественнаго созданія.

„Орлеанская Дѣва“ и „Мессинская Невѣста“ Шиллера суть по преимуществу лирическія драмы, въ которыхъ дѣйствіе совершается какъ бы не само для себя, но имѣетъ значеніе опернаго либретто, и которыхъ сущность составляютъ лирическіе монологи, высказывающіе основную идею каждой изъ нихъ. Это—поэтическія апоѳеозы благородныхъ страстей, высокихъ помысловъ и великихъ явленій—что̀ особенно можно сказать объ „Орлеанской Дѣвѣ“. Байроновъ „Манфредъ“ и гетевскій „Фаустъ“—тоже лирическія драмы, хотя и въ другомъ характерѣ: это—поэтическія апоѳеозы распавшейся

натуры внутренняго человѣка, чрезъ рефлексію стремящейся къ утраченной полнотѣ жизни. Вопросы субъективнаго, созерцательнаго духа, вопросы о тайнахъ бытія и вѣчности, о судьбѣ личнаго человѣка и его отношеніяхъ къ самому себѣ и общему, составляютъ сущность обоихъ этихъ великихъ произведеній. По своему свойству лирическая драма можетъ презирать условіями внѣшней дѣйствительности, вызывать на сцену духовъ и давать живые образы и лица страстямъ, желаніямъ и думамъ. Недостаткомъ лирической драмы можетъ быть наклонность къ символизму и аллегоріи,—въ чемъ болѣе или менѣе справедливо упрекаютъ вторую часть „Фауста“.

Что касается до собственно лирическихъ произведеній,—они иногда принимаютъ эпическій характеръ, какъ въ *романсѣ и балладѣ*, — о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Отъ драмы же они заимствуютъ, но не сущность, а только форму, которая способствуетъ сильнѣйшему выраженію мысли, подстрекая, такъ сказать, энергію чувства. Превосходнѣйшіе образцы такого рода лирическихъ произведеній въ драматической формѣ представляютъ слѣдующія пьесы: „Поэтъ и Чернь“ и „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина и „Поэтъ и Другъ“ Веневитинова, „Журналистъ, Читатель и Писатель“ Лермонтова.

Развивъ общее значеніе каждаго рода поэзіи и чрезъ опредѣленіе и чрезъ сравненіе, перейдемъ къ особенностямъ каждаго изъ нихъ и раздѣленію на виды.

Поэзія эпическая.

Эпосъ, *слово, сказаніе*, передаетъ предметъ въ его внѣшней видимости и вообще развиваетъ, *что* есть предметъ и *какъ* онъ есть. Начало эпоса есть всякое изреченіе, которое въ сосредоточенной краткости схватываетъ въ какомъ-либо данномъ предметѣ всю полноту того, что есть существеннаго въ этомъ предметѣ, что составляетъ его сущность. У древнихъ *эпиграмма* (въ смыслѣ *надписи*) имѣла этотъ характеръ. Сюда же принадлежатъ и такъ называемые *гномы* древнихъ, т.-е. нравственныя сентенціи, которыя нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуютъ нашимъ пословицамъ и притчамъ, впрочемъ различаясь отъ этихъ послѣднихъ своимъ возвышеннымъ, поэтическимъ, а иногда и религіознымъ характеромъ и отсутствіемъ комизма и прозаичности. Сюда же относятся цѣлыя собранія поученій, этихъ свѣжихъ твореній младенческаго народа, въ которыхъ онъ, до разрыва въ своей жизни поэзіи и прозы, въ непосредственной и живой формѣ [illegible] излагалъ свое воззрѣніе на міръ, на различныя части природы и т. п. Съ ними никакъ не должно смѣшивать позднѣйшихъ, возникшихъ изъ прозы жизни, такъ называемыхъ *дидактическихъ* стихотвореній.

Еще выше на лѣстницѣ развитія эпоса находятся *космогоніи* и *теогоніи* древнихъ. Въ первыхъ представляется возникновеніе вселенной изъ первоначальныхъ субстанціальныхъ силъ, а во вторыхъ индивидуализированіе этихъ силъ въ различныя божества. Наконецъ, эпическая поэзія достигаетъ вершины своего развитія, полнаго осуществленія самой себя, дошедъ до живого источника событій, человѣка, и выразившись въ собственно такъ называемой *эпопеѣ*.

Эпопея всегда считалась высшимъ родомъ поэзіи, вѣнцомъ искусства. Причина этому—великое уваженіе, которое питали къ „Иліадѣ“ Греки, а за ними и другіе народы до нашего времени. Это безпредѣльное и безсознательное уваженіе къ величайшему произведенію древности, въ которомъ выразилось все богатство, вся полнота жизни Грековъ, простиралось до того, что на „Иліаду“ смотрѣли не какъ на эпическое произведеніе въ духѣ своего времени и своего народа, но какъ на самую эпическую поэзію, т.-е. смѣшали сочиненіе съ родомъ поэзіи, къ которому оно принадлежитъ. Думали, что всякое близкое къ формѣ „Иліады“ произведеніе, всякій сколокъ съ нея долженъ быть эпическою поэмою, и что всякій народъ долженъ имѣть свою эпопею, и притомъ точно такую, какая была у Грековъ. По „Иліадѣ“ смастерили даже опредѣленіе эпической поэмы, по которому она сдѣлалась воспѣваніемъ великаго историческаго событія, имѣвшаго вліяніе на судьбу народа. Вслѣдствіе этого оставалось только пріискать въ отечественной исторіи подобное событіе, призвать въ началѣ музу, начать съ завѣтнаго „пою“ и пѣть, пока не охрипнешь. И вотъ, Виргилій вспомнилъ преданіе о прибытіи Энея изъ Трои къ берегамъ Тибра, по претерпѣніи неисчетныхъ бѣдствъ, и, какъ онъ началъ съ словами „cano“, то и самъ подумалъ и другихъ увѣрилъ, что будто написалъ эпическую поэму. Его выглаженное, обточенное и щегольское реторическое произведеніе, явившись въ анти-поэтическое время, въ эпоху смерти искусства въ древнемъ мірѣ, долго оспаривало у „Иліады“ пальму первенства. Католическіе монахи Западной Европы чуть не причислили Виргилія къ лику святыхъ: анти-поэтическій французскій критикъ, Лагарпъ, чуть ли не ставилъ „Энеиду“ еще выше „Иліады“. Итакъ, „Энеида“ породила „Освобожденный Іерусалимъ“, „Похожденія Телемака, сына Улиссова“, „Потерянный Рай“, „Мессіаду“, „Генріаду“, „Гонзальва Кордуанскаго“, „Телемахиду“, „Петріаду“,

„Россіаду“ и множество другихъ „адъ“. Испанцы гордились своею „Араукано́ю“. Португальцы — „Лузитанами“. Сто́ить только бросить взглядъ на сущность и условія эпопеи вообще и на характеръ „Иліады“, чтобъ увидѣть, до какой степени простирается безусловное достоинство этихъ „эпическихъ“ и „героическихъ“ поэмъ и пѣснъ.

Эпосъ есть первый зрѣлый плодъ въ сферѣ поэзіи только-что пробудившагося сознанія народа. Эпопея можетъ явиться только во времена младенчества народа, когда его жизнь еще не распалась на двѣ противоположныя стороны — *поэзію* и *прозу*, когда его исторія есть еще только преданіе, когда его понятія о мірѣ суть еще религіозныя представленія, когда его сила, мощь и свѣжая дѣятельность проявляется только въ героическихъ подвигахъ. Въ „Иліадѣ“ поэзія и проза жизни такъ нераздѣльно слиты между собою, что въ ней простыя ремесла называются искусствами, и *Гефестъ-небожитель* созидаетъ (а не работаетъ или дѣлаетъ), по творческимъ замысламъ, и щиты, и оружіе для боговъ и героевъ, и золотые треноги, деревянныя подножія (по-просту—скамейки), чтобъ покоить богамъ ноги на пиршествахъ сладкихъ, храмины съ хитроустроенными дверями на петляхъ и съ задвижками плотными (а не замка́ми—куда! до такой нѣмецкой хитрости не простиралось еще искусство самихъ боговъ). Въ „Иліадѣ“ боги принимаютъ личное участіе въ дѣйствіяхъ людей, движимые страстями и пристрастіями; боги ссорятся между собою на совѣтахъ, дѣйствуютъ другъ противъ друга партіями, сражаются другъ съ другомъ въ рядахъ Ахеянъ и Данаевъ: ихъ прямое, непосредственное вліяніе рѣшаетъ судьбу событія. Въ „Иліадѣ“ религія является еще не отдѣленною отъ другихъ стихій общественной жизни: право народное, понятія политическія, отношенія гражданскія и семейныя, — все вытекаетъ прямо изъ религіи и все возвращается въ нее. Хитроумный Одиссей состязается въ бѣгствѣ съ Аяксомъ Теламонидомъ и, видя, что тотъ обгоняетъ его, молитъ о помощи Палладу: вняла своему любимцу голубоокая дочь Эгіоха, и Аяксъ, поскользнувшись на тельчіемъ пометѣ, упадаетъ, и Одиссей получаетъ первую награду, серебряную шестимѣрную чашу, „Сидонянъ изящное дѣло“, а Аяксъ радъ, что успѣлъ добыть второй призъ, „тельца откормленнаго, тяжкаго тукомъ“. Видите ли: простая случайность не есть случайность, а дѣло богини, поборающей своему любимцу. Самъ Аяксъ отъ всей души вѣритъ этому:

Сталъ, и рукою держася за роги вола полеваго,
Онъ выплевывалъ калъ, и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Дочь громовержца, друзья, повредила мнѣ ноги, Аѳина!
„Вѣчно, какъ матерь, она Одиссею на помощь приходитъ!“

(Пѣснь XXIII, ст. 780—784).

Одиссей есть апоѳеоза человѣческой мудрости: но въ чемъ состоитъ его мудрость? Въ хитрости, часто грубой и плоской, въ томъ, что́ на нашемъ прозаическомъ языкѣ называется „надувательствомъ“. И между тѣмъ, въ глазахъ младенческаго народа эта хитрость не могла не казаться крайнею степенью возможной премудрости. Отсюда вытекаетъ и наивный характеръ какъ самыхъ высокихъ, такъ и самыхъ простыхъ мыслей у Гомера, выражается ли въ нихъ народное міросозерцаніе, или только практическое наблюденіе, правило житейской мудрости. Существованіе Гомера полагаютъ за 600 лѣтъ до нашествія Ксеркса на Грецію, эпохи совершеннаго выхода народа изъ состоянія младенчества и полнаго развитія его духовной и гражданской жизни. Слѣдовательно, Гомеръ былъ именно тѣмъ, чѣмъ является въ своей „Иліадѣ“: старцемъ-младенцемъ, простодушнымъ геніемъ, который отъ всей души вѣритъ, что описываемое имъ могло быть именно такъ, какъ представлялось оно ему въ его вдохновенномъ ясновидѣніи; словомъ, онъ былъ одно съ своимъ твореніемъ, и его твореніе было искреннимъ и наивнымъ выраженіемъ святѣйшихъ его вѣрованій, глубочайшихъ его убѣжденій. Однакожъ, Гомеръ явился не въ самое время троянской войны, но около двухсотъ лѣтъ послѣ нея. Будь онъ современнымъ свидѣтелемъ этого событія, онъ не могъ бы создать изъ него поэмы: надобно было, чтобъ событіе сдѣлалось поэтическимъ преданіемъ живой и роскошной фантазіи младенческаго народа; надобно было, чтобъ герои событія представлялись въ отдаленной перспективѣ, въ туманѣ прошедшаго, которые увеличили бы ихъ естественный ростъ до колоссальныхъ размѣровъ, поставили бы ихъ на котурнъ, облили бы ихъ съ головы до ногъ сіяніемъ славы, и скрыли бы отъ созерцающаго взора всѣ неровности и прозаическія подробности, столь замѣтныя и рѣзкія вблизи настоящаго. Настоящее не бываетъ предметомъ поэтическихъ созданій младенчествующаго народа, — и древній старецъ Гезіодъ, который, въ своемъ миѳическомъ гимнѣ Музамъ высказалъ всю сущность поэзіи, сознательно развитую германскимъ мышленіемъ, Гезіодъ говоритъ, что „Музы вдунули въ него пѣснь божественную, да славитъ онъ *будущее и бывшее*“, но что сами музы „увеселяютъ на Олимпѣ пѣснями великій умъ отца Дія, говоря обо всемъ, *что́ есть, что́ будетъ* и *что́ было*“: только поэзія боговъ, кромѣ прошедшаго и буду-

щаго, объемлетъ и настоящее, ибо у боговъ самая жизнь есть блаженство, поэзія [1])... Но эпоха существованія Гомера не была отдѣлена слишкомъ рѣзкою чертою отъ эпохи воспѣтаго имъ событія: еще все было полно имъ, и преданію о немъ вѣрили, какъ исторіи, не видя большой разницы между прошедшимъ и настоящимъ, и потому Гомеръ, не бывши современникомъ троянской войны, тѣмъ не менѣе былъ полонъ гуломъ паденія священнаго Иліона...

Теперь ясно видно достоинство „Энеиды". Конечно, остроумный авторъ ея взялся за прошедшее, ухватился за преданіе; но это прошедшее, это преданіе интересовало его ни чѣмъ не больше, сколько насъ, Русскихъ, интересуютъ сомнительные походы Олега подъ Цареградъ. Членъ народа, почти совершившаго полный циклъ своей жизни, клонившагося къ паденію, сынъ цивилизаціи состарѣвшейся, одряхлѣвшей, утратившей всѣ вѣрованія, наружно чтившей боговъ, но подъ рукой смѣявшейся надъ ними, — какъ могъ Виргилій, не будучи лицемѣромъ и ханжою, быть благочестивымъ (pius) и, не смѣясь, говорить съ благоговѣніемъ и поэтическимъ жаромъ о томъ, что̀ не возбуждало въ немъ задушевнаго участія, не потрясало всѣхъ струнъ его сердца, не было его религіознымъ вѣрованіемъ?... Одно уже то, что его поэма родилась не изъ самобытной мысли, а была плодомъ сознательнаго дѣйствія, возбужденнаго существованіемъ „Иліады": одно уже то, что его „Энеида" была не оригинальнымъ произведеніемъ, а рабскимъ подражаніемъ великому образцу, служитъ ей лучшею критикою и окончательнымъ приговоромъ. Это просто—„Похожденія Телемака, сына Улиссова" въ прекрасныхъ (со стороны внѣшней отдѣлки) латинскихъ гекзаметрахъ.

Лучшія попытки въ эпопеѣ у новѣйшихъ народовъ — безъ сомнѣнія, „Освобожденный Іерусалимъ", „Потерянный Рай" и „Мессіада". Онѣ въ самомъ дѣлѣ изобилуютъ превосходными поэтическими частностями и обнаруживаютъ въ своихъ творцахъ великія поэтическія способности; но усиліе сдѣлать изъ нихъ, во что бы то ни стало, „Иліады" естественнымъ образомъ исказило и изуродовало ихъ въ цѣломъ; но въ цѣломъ онѣ и потому уже не могли быть стройными художественными созданіями, что вышли не изъ непосредственнаго акта творчества, а изъ сознательной и притомъ ошибочной мысли. Что̀ имѣетъ общаго европейское рыцарство среднихъ вѣковъ съ жизнію героической Греціи? Что̀ имѣютъ общаго крестовые походы съ троянскою войною? — ровно ничего, ибо внѣшняго сходства нѣчего и брать въ разсчетъ! И однакожъ Тассъ изъ того и другого непремѣнно хотѣлъ сдѣлать „Иліаду" и нѣсколько разъ передѣлывалъ свою поэму въ угоду академическимъ парикамъ... Хотя Orlando Furioso Аріоста и далеко не пользуется такою знаменитостію, какъ „Освобожденный Іерусалимъ", но онъ въ тысячу разъ больше рыцарская эпопея, чѣмъ пресловутое твореніе Тасса. Калейдоскопическая пестрота лицъ и происшествій, узорочная ткань переплетенныхъ случайностей и столкновеній, самый комическій элементъ по праву духа и условій времени распавшейся на поэзію и прозу жизни, вошедшій въ поэму, любовь и бои, волшебство и чудеса, отступленія, эпизоды — все это въ чуждомъ претензій, натянутости и реторики произведеніи Аріоста гораздо больше, чѣмъ въ поэмѣ Тасса, выражаетъ духъ и колоритъ жизни европейскаго рыцарства, и гораздо больше удовлетворяетъ требованіямъ рыцарской эпопеи.

„Потерянный Рай" есть произведеніе великаго таланта: но подобная поэма могла бы быть написана только Евреемъ библейскихъ временъ, а не пуританиномъ кромвелевской эпохи, когда въ вѣрованіе вошелъ уже свободный мыслительный (и притомъ еще чисто-разсудочный) элементъ. И потому, форма этой поэмы неестественна, и при многихъ превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстахъ, обличающихъ исполинскую фантазію, въ ней множество уродливыхъ частностей, несоотвѣтствующихъ величію предмета: сто́итъ только указать на сраженія ангеловъ съ падшими духами земнымъ оружіемъ, на раны, которыя наносятъ они своимъ эѳирнымъ тѣламъ и которыя заживаютъ, смотря по силѣ удара, отъ часу до сутокъ времени, на пушки, которыя ангелы добываютъ ночью изъ горъ, чтобъ стрѣлять изъ нихъ въ злыхъ духовъ...

„Мессіада" тоже не лишена поэтическихъ частностей...

О нашихъ россійскихъ „идахъ", „адахъ" и „ядахъ" нѣчего сказать, кромѣ „Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра"...

Если не всѣ, то почти всѣ народы въ эпоху своего младенчества имѣли эпическія сказанія; но не всѣ эти сказанія могутъ быть разсматриваемы съ художественной точки зрѣнія: ибо въ нихъ необходима безконечная идея. Если состояніе народа, его субстанція, составляетъ главное содержаніе эпоса — необходимо еще, чтобъ народъ вмѣщалъ въ себѣ идею, духъ, чтобъ онъ былъ всемірно-историческимъ народомъ. Вотъ почему въ образецъ эпопеи могутъ быть при-

[1]) „Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ" С. Шевырева, стр. 17. *Прим. Бѣлинскаго.*

водимы только немногія созданія, какъ-то: индійскія поэмы „Махабгарата“ и „Рамаяна“, по преимущественно гомеровы эпосы — „Иліада“ и „Одиссея“. Индійскія поэмы, при всемъ богатствѣ своемъ, не могутъ выдержать сравненія съ сими послѣдними, принадлежа къ той степени развитія искусства, на которой оно еще только стремится къ своему осуществленію, слѣдовательно, не удовлетворяетъ еще всѣмъ требованіямъ поэзіи. Другія эпическія пѣснопѣнія, важныя въ національномъ отношеніи, какъ, напр., Niebelungenlied Германцевъ, не имѣютъ еще въ себѣ всеобъемлющаго человѣческаго интереса и не представляютъ художественной полноты.

Итакъ, содержаніе эпопеи должно составлять сущность жизни, субстанціальныя силы, состояніе и бытъ народа, еще неотдѣлившагося отъ индивидуальнаго источника своей жизни. Посему, народность есть одно изъ основныхъ условій эпической поэмы: самъ поэтъ еще смотритъ на событіе глазами своего народа, не отдѣляя отъ этого событія своей личности. Но, чтобъ эпопея, будучи въ высшей степени національнымъ, была бы въ то же время и художественнымъ созданіемъ, необходимо, чтобъ форма индивидуальной народной жизни заключала въ себѣ обще-человѣческое, міровое содержаніе. Такова была индивидуальная жизнь Грековъ,— и потому даже младенческій лепетъ ихъ космогоническихъ и теогоническихъ пѣснопѣній заключаетъ въ себѣ идеи, которыя впослѣдствіи сдѣлались достояніемъ всего человѣчества. Повторяемъ: въ гимнѣ Гезіода Музамъ, на который мы уже ссылались выше, заключается зерно и сущность эстетики новѣйшаго времени, полной философіи изящнаго, развитой созерцательною мыслительностію современныхъ намъ Германцевъ. Вотъ почему „Иліада“ и „Одиссея“, будучи національно греческими созданіями, въ то же время принадлежатъ всему человѣчеству, равно доступны всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ, болѣе или менѣе удобно переводимы на всѣ языки и нарѣчія въ мірѣ. Греки эпохою своего младенчества выразили младенчество цѣлаго человѣчества какъ полные и достойные его представители,—и въ поэмахъ Гомера человѣчество вспоминаетъ съ умиленіемъ о свѣтлой эпохѣ своего собственнаго (а не греческаго только) младенчества. Въ русскихъ, напр., пѣсняхъ и эпическихъ сказаніяхъ много поэзіи, но эта поэзія заключена въ тѣсномъ и заколдованномъ кругу народной индивидуальности, лишена общечеловѣческаго содержанія, и потому понятно и сильно говоритъ только русской душѣ, но безмолвна для всякаго другого народа и непереводима ни на какой другой языкъ. По этой же причинѣ наши народныя пѣсни и эпическія сказанія лишены всякой художественности и, сверкая мѣстами яркими блестками поэзіи, въ то же время исполнены прозаическихъ мѣстъ; часто мысль въ нихъ не находитъ своего выраженія и лепечетъ намеками и символами. Только обще-человѣческое, міровое содержаніе можетъ проявиться въ художественной формѣ.

Субстанціальная жизнь народа должна выразиться въ событіи, чтобъ дать содержаніе для эпопеи. Во времена младенчества народа жизнь его преимущественно выражается въ удальствѣ, храбрости, героизмѣ. Посему общенародная война, которая пробудила, вызвала наружу и напрягла всѣ внутреннія силы народа, которая составила собою эпоху въ его (еще миѳической) исторіи и имѣла вліяніе на всю его послѣдующую жизнь,— такая война представляетъ собою по превосходству эпическое событіе и даетъ богатый матеріалъ для эпопеи. Баснословная троянская война была для Грековъ именно такимъ событіемъ и дала содержаніе для „Иліады“ и „Одиссеи“, а эти поэмы дали содержаніе большей части трагедій Софокла и Эврипида. Дѣйствующія лица эпопеи должны быть полными представителями національнаго духа; но герой преимущественно долженъ выражать своею личностію всю полноту силъ народа, всю поэзію его субстанціальнаго духа. Таковъ Ахиллесъ Гомера. Вы любите Гектора, опору своего погибающаго народа и семейства, нѣжнаго супруга и отца, храбраго и мощнаго витязя, уступающаго одному Ахиллесу; вы горько жалѣете о его смерти и какъ будто досадуете на пристрастіе судьбы и боговъ, поборающихъ Ахиллесу на счетъ справедливости: но вглядитесь пристальнѣе— и вы увидите, что рьяный, гнѣвный, доблестный и поэтическій Пелидъ по праву беретъ верхъ надъ Гекторомъ. Онъ герой по преимуществу, съ головы до ногъ облитый нестерпимымъ блескомъ славы, полный представитель всѣхъ сторонъ духа Греціи, достойный сынъ богини. Гекторъ человѣчнѣе Ахилла, но Ахиллъ божественнѣе Гектора. Ахиллъ выше всѣхъ другихъ героевъ цѣлою головою; Аяксъ равенъ ему силою, но уступаетъ въ быстротѣ ногъ. Несторъ, мужъ совѣта, убѣленный лѣтами, представляетъ собою апоѳеозу старости, умудренной опытомъ долговременной жизни, апоѳеозу елейной теплоты сердца и старческаго благодушія. Одиссей — представитель мудрости въ смыслѣ политики. Аяксъ исполненъ рьяности, дикаго мужества и тѣлесной силы. Пастырь народовъ, Агамемнонъ, отличается царственнымъ величіемъ. Словомъ, каждое изъ дѣйствующихъ лицъ „Иліады“ выражаетъ собою какую-нибудь сторону націо-

нальнаго греческаго духа; но Ахиллъ представляетъ собою совокупность субстанціальныхъ силъ народа. Онъ не видитъ себѣ равнаго, и только на совѣтахъ добровольно уступаетъ нѣкоторымъ. Ахиллъ — это поэтическая апоѳеоза героической Греціи; это герой поэмы по праву: великая геройская душа его обитаетъ въ прекрасномъ, богоподобномъ тѣлѣ; мужество слилось съ красотою въ лицѣ его; въ движеніяхъ его величавость, грація и пластическая живописность; въ рѣчахъ его благородство и энергія. Не диво, что боги и сама судьба побораютъ ему: не диво, что одно появленіе его, безоружнаго, на валу, и троекратный крикъ обратилъ въ бѣгство войско Троянъ. Онъ есть центръ всей поэмы: его гнѣвъ на Агамемнона и примиреніе съ нимъ дали ей завязку и развязку, начало, середину и конецъ. Гнѣвный, онъ сидитъ въ бездѣйствіи въ своей палаткѣ, играя на златострунной лирѣ, не участвуя въ бояхъ; но онъ ни на минуту не перестаетъ быть героемъ поэмы: въ ней все отъ него исходитъ и все къ нему возвращается. Но это потому, что онъ присутствуетъ въ поэмѣ не отъ себя, а отъ лица народа, какъ его представитель...

Что эпопея должна имѣть цѣлость, единство дѣйствія, соразмѣрность въ частяхъ — это составляетъ необходимое условіе каждаго художественнаго произведенія, а не исключительное свойство эпопеи.

Эпопея нашего времени есть *романъ*. Въ романѣ всѣ родовые и существенные признаки эпоса, съ тою только разницею, что въ романѣ господствуютъ иные элементы и иной колоритъ. Здѣсь уже не миѳическіе размѣры героической жизни, не колоссальныя фигуры героевъ, здѣсь не дѣйствуютъ боги: но здѣсь идеализируются и подводятся подъ общій типъ явленія обыкновенной прозаической жизни. Романъ можетъ брать для своего содержанія или историческое событіе и въ его сферѣ развить какое-нибудь частное событіе, какъ и въ эпосѣ: различіе заключается въ характерѣ самыхъ этихъ событій, а слѣдовательно и въ характерѣ развитія и изображенія; или романъ можетъ брать жизнь въ ея положительной дѣйствительности, въ ея настоящемъ состояніи. Это вообще право новѣйшаго искусства, гдѣ судьбы частнаго человѣка важны не столько по отношенію его къ обществу, сколько къ человѣчеству. Ежедневная жизнь хотя и имѣетъ своимъ послѣднимъ основаніемъ вѣчныя субстанціальныя силы, но въ своемъ проявленіи случайна и подавлена внѣшностями, лишенными всякой значительности. Исторія хотя уже обнаруживаетъ въ дѣйствительномъ проявленіи вѣчные законы и разумную необходимость, но ея проявленія, ея факты лишены самосознанія, и потому имѣютъ видъ внѣшнихъ событій, а притомъ они вѣчно перепутаны и переплетены съ случайностями ежедневной жизни. Задача романа, какъ художественнаго произведенія, есть—совлечь все случайное съ ежедневной жизни и съ историческихъ событій, проникнуть до ихъ сокровеннаго сердца—до животворной идеи, сдѣлать сосудомъ духа и разума внѣшнее и разрозненное. Отъ глубины основной идеи и отъ силы, съ которою она организуется въ отдѣльныхъ особностяхъ, зависитъ бо́льшая или меньшая художественность романа. Исполненіемъ своей задачи романъ становится на ряду со всѣми другими произведеніями свободной фантазіи, и въ такомъ смыслѣ долженъ быть строго отдѣляемъ отъ эфемерныхъ произведеній беллетристики, удовлетворяющихъ насущнымъ потребностямъ публики. Имена Ричардсоновъ, Фильдинговъ, Радклифъ, Левисовъ, Дюкре-дю-Менилей, Лафонтеновъ, Шписовъ, Крамеровъ, Поль-де-Коковъ, Марріетовъ, Диккенсовъ, Лесажей, Мачьюреновъ, Гюго, де-Виньи, имѣютъ свою относительную важность и пользуются или пользовались заслуженною извѣстностію; но ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ именами Сервантеса, Вальтера Скотта, Купера, Гофмана и Гете, какъ романистовъ.

Сфера романа несравненно обширнѣе сферы эпической поэмы. Романъ, какъ показываетъ самое его названіе, возникъ изъ новѣйшей цивилизаціи христіанскихъ народовъ, въ эпоху человѣчества, когда всѣ гражданскія, общественныя, семейныя и вообще человѣческія отношенія сдѣлались безконечно многосложны и драматичны, жизнь разбѣжалась въ глубину и ширину въ безконечномъ множествѣ элементовъ. Кромѣ занимательности и богатства содержанія, романъ ничѣмъ не ниже эпической поэмы и какъ художественное произведеніе. Намъ возразятъ, можетъ быть, тѣмъ, что мы сами признали образцовыми только двѣ поэмы, тогда какъ одинъ Вальтеръ Скоттъ написалъ больше *тридцати* романовъ. Правда, эпическая поэма требуетъ большей сосредоточенности въ силѣ генія, который видитъ въ ней подвигъ цѣлой жизни своей: но причина этого совсѣмъ не въ превосходствѣ эпопеи надъ романомъ, а въ богатѣйшемъ и превосходнѣйшемъ содержаніи жизни новѣйшихъ народовъ въ сравненіи съ жизнію древнихъ Грековъ. Ихъ историческая жизнь вся выразилась въ одномъ событіи и въ одной поэмѣ (ибо „Одиссея“ есть какъ-бы продолженіе и окончаніе „Иліады“, хотя и выражаетъ собою другую сторону греческой жизни). Явись у нихъ новый Гомеръ,—и для его поэмы уже не было бы другого со-

бытія, въ родѣ троянской войны; а если бы, положимъ, и нашлось такое событіе, то все-таки его поэма была бы повтореніемъ „Иліады“ и, слѣдовательно, не имѣла бы никакого достоинства. Но возьмите, напр., крестовые походы. Вальтеръ Скоттъ написалъ цѣлыхъ четыре романа, относящихся къ этой эпохѣ („Графъ Робертъ Парижскій“, „Конетабль Честерскій“, „Талисманъ“, „Иваное“), и если бы онъ написалъ ихъ тысячу, и тогда бы не исчерпалъ всей полноты этого событія. Кромѣ того, на сторонѣ романа еще и то великое преимущество, что его содержаніемъ можетъ служить и частная жизнь, которая никакимъ образомъ не могла служить содержаніемъ греческой эпопеи: въ древнемъ мірѣ существовало общество, государство, народъ, но не существовало человѣка, какъ частной индивидуальной личности, и потому въ эпопеѣ Грековъ, равно какъ и въ ихъ драмѣ, могли имѣть мѣсто только представители народа—полубоги, герои, цари. Для романа же жизнь является въ человѣкѣ, и мистика человѣческаго сердца, человѣческой души, участь человѣка, всѣ ея отношенія къ народной жизни для романа — богатый предметъ. Въ романѣ совсѣмъ не нужно, чтобъ Ревекка была непремѣнно царица, или героиня въ родѣ Юдиѳи: для него нужно только, чтобъ она была женщина.

Романъ обязанъ Вальтеру Скотту своимъ высокимъ художественнымъ развитіемъ. До него романъ удовлетворялъ только требованіямъ эпохи, въ которую являлся, и вмѣстѣ съ нею умиралъ. Исключеніе остается только за безсмертнымъ твореніемъ Испанца Мигэля Сервантеса „Донъ Кихотъ“, да развѣ еще за романами Гете („Вертеръ“, „Вильгельмъ Мейстеръ“, Die Wahlverwandschaften). Послѣдніе, впрочемъ, имѣютъ особое, хотя и великое значеніе, какъ созданія рефлектирующаго, а не непосредственнаго творчества. Вальтеръ Скоттъ, можно сказать, создалъ историческій романъ, до него несуществовавшій. Люди, лишенные отъ природы эстетическаго чувства и понимающіе поэзію разсудкомъ, а не сердцемъ и духомъ, возстаютъ противъ историческихъ романовъ, почитая въ нихъ незаконнымъ соединеніе историческихъ событій съ частными происшествіями. Но развѣ въ самой дѣйствительности историческія событія не переплетаются съ судьбою частнаго человѣка; и наоборотъ, развѣ частный человѣкъ не принимаетъ иногда участія въ историческихъ событіяхъ? Кромѣ того, развѣ всякое историческое лицо, хотя бы то былъ и царь, не есть въ то же время и просто человѣкъ, который, какъ и всѣ люди, и любитъ и ненавидитъ, страдаетъ и радуется, желаетъ и надѣется? И тѣмъ болѣе, развѣ обстоятельства его частной жизни не имѣютъ вліянія на историческія событія, и наоборотъ? Исторія представляетъ намъ событіе съ его лицевой, сценической стороны, не приподнимая завѣсы съ закулисныхъ происшествій, въ которыхъ скрываются и возникновеніе представляемыхъ ею событій и ихъ совершеніе въ сферѣ ежедневной, прозаической жизни. Романъ отказывается отъ изложенія историческихъ фактовъ и беретъ ихъ только въ связи съ частнымъ событіемъ, составляющимъ его содержаніе; но черезъ это онъ разоблачаетъ передъ нами внутреннюю сторону, *изнанку*, такъ сказать, историческихъ фактовъ, вводитъ насъ въ кабинетъ и спальню историческаго лица, дѣлаетъ насъ свидѣтелями его домашняго быта, его семейныхъ тайнъ, показываетъ его намъ не только въ парадномъ историческомъ мундирѣ, но и въ халатѣ съ колпакомъ. Колоритъ страны и вѣка, ихъ обычаи и нравы выказываются въ каждой чертѣ историческаго романа, хотя и не составляютъ его цѣли. И потому, историческій романъ есть какъ-бы точка, въ которой исторія, какъ наука, сливается съ искусствомъ, есть дополненіе исторіи, ея другая сторона. Когда мы читаемъ историческій романъ Вальтера Скотта, то какъ-бы дѣлаемся сами современниками эпохи, гражданами страны, въ которыхъ совершается событіе романа, и получаемъ о нихъ, въ формѣ живого созерцанія, болѣе вѣрное понятіе, нежели какое могла бы намъ дать о нихъ какая угодно исторія.

По художественному достоинству своихъ романовъ Вальтеръ Скоттъ стоитъ на ряду съ величайшими творцами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Онъ истинный Гомеръ христіанской Европы. Наравнѣ съ нимъ стоитъ геніальный Куперъ, романистъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Его романы совершенно самобытны и, кромѣ высокаго художественнаго достоинства, не имѣютъ ничего общаго съ романами Вальтера Скотта, хотя, впрочемъ, и были ихъ результатомъ, въ смыслѣ исторической послѣдовательности развитія новѣйшей литературы: за Вальтеромъ Скоттомъ остается слава созданія новѣйшаго романа.

Повѣсть есть тотъ же романъ, только въ меньшемъ объемѣ, который условливается сущностію и объемомъ самаго содержанія. Въ нашей литературѣ этотъ видъ романа имѣетъ представителемъ истиннаго художника—Гоголя. Лучшія изъ его повѣстей: „Тарасъ Бульба“, „Старосвѣтскіе Помѣщики“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Близко по художественному достоинству стоитъ повѣсть Пушкина „Капитанская Дочка“, а отрывокъ изъ его неокон-

ченнаго романа „Арапъ Петра Великаго“ показываетъ, что если бы не преждевременная кончина поэта, то русская литература обогатилась бы художественнымъ историческимъ романомъ. Кромѣ нихъ, для повѣсти и даже романа много обѣщаетъ въ будущемъ молодой, недавно явившійся на поприщѣ нашей литературы талантъ—г. Лермонтовъ. Въ нѣмецкой литературѣ повѣсть имѣетъ своимъ представителемъ геніальнаго Гофмана, создавшаго, можно сказать, особый родъ фантастической поэзіи. Другія литературы не представляютъ такого богатаго развитія повѣсти; даже въ самой англійской литературѣ нѣтъ нувелистовъ, которыхъ имена могли бы упоминаться послѣ именъ Вальтера Скотта и Купера. Вашингтонъ-Ирвингъ необыкновенно даровитый разсказчикъ, но не болѣе.

Хотя новѣйшія стихотворныя поэмы, образцы которыхъ представляютъ поэмы Байрона и Пушкина, и которыя въ эпоху своего появленія назывались *романтическими поэмами*,—хотя онѣ, по явному присутствію въ нихъ лирическаго элемента, и должны называться *лирическими поэмами*; но тѣмъ не менѣе онѣ принадлежатъ къ эпическому роду: ибо основаніе каждой изъ нихъ есть *событіе*, да и самая форма ихъ чисто эпическая. Впрочемъ, это уже эпопея нашего времени, эпопея смѣшанная, проникнутая насквозь и лиризмомъ и драматизмомъ и нерѣдко занимающая у нихъ и формы. Въ ней событіе не заслоняетъ собою человѣка, хотя и само-по-себѣ можетъ имѣть свой интересъ.

Къ эпическому роду относится еще *идиллія* или *эклога*, изъ которой XVIII вѣкъ сдѣлалъ особый родъ поэзіи—поэзію *пастушескую*, или *буколическую*. Тогда непремѣнно хотѣли, чтобъ идиллія воспѣвала жизнь пастуховъ въ до-общественный періодъ человѣчества, когда люди (будто бы) были невинны, какъ барашки; добры, какъ овечки; нѣжны, какъ голубки. Приторная сладенькая сантиментальность, растлѣнное, гнилое чувство любви, лишенное всякой энергіи, составляли отличительный характеръ этой пастушеской поэзіи. И ее выдумали на основаніи древнихъ, во имя Теокрита. Чтобы показать, до какой степени нелѣпа эта плоская клевета на древнихъ и на Теокрита, и чтобъ дать истинное понятіе объ идилліи,—представляемъ здѣсь мнѣніе объ этомъ предметѣ знаменитаго Гнѣдича, глубокаго знатока древности, проникнутаго ея художественнымъ духомъ, обвѣяннаго ея священными звуками, истиннаго поэта по душѣ и по таланту. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ переведенной имъ съ греческаго идилліи Теокрита „Сиракузянки, или праздникъ Адониса“:

„Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ литературахъ европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ *поэзіи пастушеской*: опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столько же неосновательныя мнѣнія, что поэзія пастушеская (т.-е. идилліи, эклоги) въ словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ, и проч., и проч.

„Идиллія Грековъ, по самому значенію слова [1]), есть *видъ*, *картина*, или то, что мы называемъ *сцена*; но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ идилліи Теокрита, поэта перваго, а лучше сказать, единственнаго, который, въ семъ особенномъ родѣ поэзіи, служилъ образцомъ для всѣхъ народовъ Запада. Хотя не онъ началъ обработывать сей родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приблизивъ болѣе къ природѣ. — Занявъ для идиллій своихъ формы изъ мимъ, сценическихъ представленій, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его, Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразіемъ содержанія; но предметы для нихъ избиралъ большею частію простонародные, чтобъ пышности двора александрійскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и сею противоположностью плѣнить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемеевъ совершенно не зналъ нравовъ пастырей сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны были имѣть для читателей идиллій двоякую прелесть, и по новости предмета, и по противоположности съ чрезмѣрною изнѣженностію и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человѣка.

„Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались производить подобныя противоположности. Но одни Греки умѣли быть вмѣстѣ и естественными и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать или по-своему переиначивать самую природу: чувство замѣняли чувствительностію, простоту — изысканностію. У Римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Виргилій: но, несмотря на прелесть стиховъ, онъ остался позади Теокрита: пастухи его боль-

---

[1]) Εἰδύλλιον происходитъ отъ εἶδος *видъ* и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видикъ*.
Прим. Бѣлинскаго.

шею частію ораторы. Калпурній и другіе изъ Римлянъ подражали Виргилію, не природѣ.

„Въ литературахъ новѣйшихъ временъ, особенно въ итальянской, когда всѣ роды поэзіи были испытаны, являлось множество идиллій посреди народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность въ Гварини! О Французахъ и говорить нечего. Геснеръ, котораго много читали при дворѣ Людовика XV, также не могъ выдержать испытанія времени: онъ создалъ природу сантиментальную, на свой образецъ, пастуховъ своихъ идеализировалъ, и, что̀ хуже, въ идилліи ввелъ миѳологію греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе: нимфы, фавны, сатиры для насъ умерли, и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледянаго холода. — Такимъ образомъ, Теокритъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фаросомъ, къ которому всякій разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

„До сихъ поръ одни поэты германскіе, намъ современные, хорошо поняли Теокрита: Фоссъ, Броннеръ, Гебель произвели идилліи истинно народныя; плѣнительныя картины ихъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ: онѣ вселяютъ даже любовь къ сему роду жизни. Успѣхъ сей производятъ не одни дарованія писателей: Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованія. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической болѣе, нежели всякій другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ къ природѣ, могутъ быть предметами сей поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха“.

Вотъ содержаніе „Сиракузянокъ“ Теокрита: Сиракузянки, съ семействами ихъ пріѣхавшія въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздникъ Адониса, идутъ во дворецъ Птолемея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество. Эта идиллія представляетъ съ одной стороны бытъ простого народа, его повседневную жизнь, семейныя отношенія; съ другой стороны, отношенія простого народа къ высшей субстанціальной народной жизни, заставляя простыхъ женщинъ приходить въ восторгъ и умиленіе отъ высокой, поэтической пѣсни Адонису, пропѣтой знаменитою пѣвицею, дѣвою аргивскою. Та и другая сторона, т.-е. проза и поэзія простонароднаго быта, видны даже въ заключительной рѣчи Горго, одной изъ Сиракузянокъ.

Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! возвратися опять намъ на радость!

Образцами идиллій могутъ служить также переведенныя Жуковскимъ стихотворенія Гебеля и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ: „Красный Карбункулъ“, „Двѣ Были и еще одна“, „Неожиданное Свиданіе“, „Норманскій Обычай“, „Путешественникъ и Поселянка“ (Гете), „Овсяный Кисель“, „Деревенскій Сторожъ“, „Тлѣнность, разговоръ на дорогѣ, ведущей въ Базель, въ виду развалинъ замка Ретлера, вечеромъ“, „Воскресное Утро въ Деревнѣ“. На русскомъ языкѣ было много оригинальныхъ идиллій, но, слѣдуя пословицѣ: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“, мы о нихъ умалчиваемъ. Блестящее исключеніе представляетъ собою превосходная идиллія Гнѣдича „Рыбаки“. Бытъ и самый образъ выраженія дѣйствующихъ лицъ въ ней идеализированы, но не въ смыслѣ мнимо-классической идеализаціи, которая состояла въ ходуляхъ, бѣлилахъ и румянахъ, а тѣмъ, что слишкомъ проникнута лиризмомъ и вѣетъ духомъ древнеэллинской поэзіи, несмотря на руссизмъ многихъ выраженій. Во всякомъ случаѣ, роскошь красокъ, глубокая внутренняя жизнь, счастливая идея и прекрасные стихи дѣлаютъ идиллію Гнѣдича истиннымъ, хотя, къ сожалѣнію, еще и неоцѣненнымъ перломъ нашей литературы. Пушкина „Гусаръ“, „Будрысъ и его Сыновья“ также суть идилліи.

Къ эпической поэзіи принадлежатъ *апологъ* и *басня*, въ которыхъ опоэтизировывается проза жизни и практическая обиходная мудрость житейская. Этотъ родъ поэзіи достигъ высшаго своего развитія только въ двухъ новѣйшихъ литературахъ — французской и русской. Въ первой представитель басни есть Лафонтенъ; наша литература имѣетъ нѣсколько талантливыхъ баснописцевъ, а въ Крыловѣ истинно-геніальнаго творца народныхъ басенъ, въ которыхъ выразилась вся полнота практическаго ума, смышлености, повидимому простодушной, но язвительной насмѣшки русскаго народа.

Къ эпической же поэзіи должна относиться и такъ называемая *дидактическая* поэзія; но о ней мы еще будемъ говорить.

Лирическая поэзія.

Въ эпосѣ субъектъ поглощенъ предметомъ; въ лирикѣ онъ не только переноситъ

въ себя предметъ, растворяетъ, проникаетъ его собою, но и изводитъ изъ своей внутренней глубины всѣ тѣ ощущенія, которыя пробудило въ немъ столкновеніе съ предметомъ. Лирика даетъ слово и образъ нѣмымъ ощущеніямъ, выводитъ ихъ изъ душнаго заточенія тѣсной груди на свѣжій воздухъ художественной жизни, даетъ имъ особое существованіе. Слѣдовательно, содержаніе лирическаго произведенія не есть уже развитіе объективнаго происшествія, но самъ субъектъ и все, что проходитъ черезъ него. Этимъ условливается дробность лирики: отдѣльное произведеніе не можетъ обнять цѣлости жизни, ибо субъектъ не можетъ въ одинъ и тотъ же мигъ быть всѣмъ. Отдѣльный человѣкъ въ различные моменты полонъ различнымъ содержаніемъ. Хотя и вся полнота духа доступна ему, но не вдругъ, а въ отдѣльности, въ безчисленномъ множествѣ различныхъ моментовъ. Все *общее*, все субстанціальное, всякая идея, всякая мысль — основные двигатели міра и жизни, могутъ составить содержаніе лирическаго произведенія, но при условіи, однакожъ, чтобъ общее было претворено въ кровное достояніе субъекта, входило въ его ощущеніе, было связано не съ какою-либо одною его стороною, но со всею цѣлостію его существа. Все, что занимаетъ, волнуетъ, радуетъ, печалитъ, услаждаетъ, мучитъ, успокоиваетъ, тревожитъ, словомъ, все, что составляетъ содержаніе духовной жизни субъекта, все, что входитъ въ него, возникаетъ въ немъ, — все это пріемлется лирикою, какъ законное ея достояніе. Предметъ здѣсь не имѣетъ цѣны самъ по себѣ, но все зависитъ отъ того, какое значеніе даетъ ему субъектъ, все зависитъ отъ того вѣянія, того духа, которыми проникается предметъ фантазіею и ощущеніемъ. Что, напр., за предметъ засохшій цвѣтокъ, найденный поэтомъ въ книгѣ?—но онъ внушилъ Пушкину одно изъ лучшихъ, одно изъ благоуханнѣйшихъ, музыкальнѣйшихъ его лирическихъ произведеній.

Лирическое произведеніе, выходя изъ моментальнаго ощущенія, не можетъ и не должно быть слишкомъ длинно; иначе оно будетъ и холодно и натянуто, и вмѣсто наслажденія, только утомитъ читателя. Чтобъ пробудить наше чувство и долго поддерживать его въ дѣятельности, намъ нужно созерцаніе какого-нибудь объективнаго содержанія: иначе, чѣмъ глубже раскроется и чѣмъ пышнѣйшимъ цвѣтомъ развернется чувство, тѣмъ скорѣе и охладѣетъ оно. Вотъ почему опера есть самое длинное музыкальное произведеніе; въ ней музыка привязана къ объективному дѣйствію, и драматизмъ ея, несмотря на господствующій мотивъ, придаетъ ей живое разнообразіе. Та же бы самая опера, но написанная на воображаемое, а не на существующее либретто, показалась бы утомительною. По тому же самому и лирическая поэма или драма не имѣетъ опредѣленныхъ границъ для своего объема. Но собственно-лирическое произведеніе, плодъ минутнаго вдохновенія, можетъ потрясти все существо наше, наполнить насъ собою на долгое время,—но не иначе, какъ если для его прочтенія нужно не больше нѣсколькихъ минутъ. Плодъ мгновенной настроенности духа поэта, лирическое произведеніе пропадаетъ невозвратно, если не переходитъ на бумагу прежде, нежели духъ поэта не подчинился новой настроенности. И потому, ни поэтъ не можетъ написать длинной лирической пьесы, которая, при длиннотѣ своей, отличалась бы единствомъ ощущенія, а слѣдовательно и единствомъ мысли, и потому была бы полна, цѣлостна и индивидуальна; ни воспріемлемость нашего чувства не можетъ быть долго въ дѣятельности и скоро не утомиться, не будучи поддерживаема разнообразіемъ идей и образовъ, возбуждающихъ ее и вмѣстѣ дѣйствующихъ и на умъ. Вотъ почему лирическія произведенія Пушкина всѣ безъ исключенія такъ коротки въ сравненіи съ лирическими пьесами его предшественниковъ. Длиннота лирическихъ пьесъ обыкновенно происходитъ или отъ того, что поэтъ въ одной и той же пьесѣ переходитъ отъ одного ощущенія къ другому, и переходы эти поневолѣ принужденъ связывать реторическими вставками, или отъ ложнаго анти-поэтическаго и еще болѣе анти-лирическаго направленія— развивать дидактически какія-нибудь отвлеченныя мысли. Полный представитель того или другого недостатка, производящаго длинноту лирическихъ пьесъ, есть реторическій элегистъ Ламартинъ. Хотя тѣ же самые недостатки въ Державинѣ выкупаются иногда яркими проблесками сильнаго таланта, однако такія длинныя оды его, какъ „Ода на взятіе Измаила“, въ цѣломъ невыносимо утомительны; самый „Водопадъ“ его трудно прочесть сразу. Что же касается до ораторскихъ рѣчей въ стихахъ, которыми безсмертный Ломоносовъ *плѣнялъ слухъ впрныхъ* Россовъ; до надутыхъ пузырей реторическаго эмфаза въ „торжественныхъ одахъ“ Петрова; до водяныхъ разглагольствованій Капниста, въ которыхъ онъ, по правиламъ реторики г. Кошанскаго, оплакиваетъ свои утраты и „злополучія“; наконецъ, до торжественныхъ и казенныхъ лиропѣній Мерзлякова [1]), читанныхъ имъ на университет-

[1]) Здѣсь разумѣются только оды Мерзлякова, а не его переводы изъ древнихъ и русскія пѣсни, боль-

скихъ актахъ: онѣ годятся только для того, чтобъ магнетически погружать душу читателей въ тяжкую скуку и сонную апатію.

Лирическая поэзія возникаетъ на всѣхъ ступеняхъ жизни и сознанія, во всѣ вѣка и эпохи: но цвѣтущее ея состояніе, въ противоположность эпосу, бываетъ уже тогда, какъ образуется въ народѣ субъективность съ одной стороны, и положительная прозаическая дѣйствительность съ другой. На ступени же непосредственнаго сознанія, гдѣ такъ роскошно и полно развивается эпосъ, лирическая поэзія еще далека отъ своего высшаго назначенія и, говоря собственно, находится еще внѣ сферы искусства. Это—такъ называемая естественная, или *народная* поэзія.

Виды лирической поэзіи зависятъ отъ отношеній субъекта къ общему содержанію, которое онъ беретъ для своего произведенія. Если субъектъ погружается въ элементъ общаго созерцанія и какъ бы теряетъ въ этомъ созерцаніи свою индивидуальность, то являются: *гимнъ, дивирамбъ, псальмы, пеаны.* Субъективность на этой ступени какъ бы не имѣетъ еще своего собственнаго голоса, и вся вполнѣ отдается тому высшему, которое осѣнило ее; здѣсь еще мало *обособленія,* и общее хотя и проникается вдохновеннымъ ощущеніемъ поэта, однако проявляется болѣе или менѣе *отвлеченно.* Это—начало, первый моментъ лирической поэзіи, и потому, напримѣръ, *гимны* Каллимаха и Гезіода, *дивирамбы* Пиндара носятъ на себѣ характеръ эпическій, допускаютъ въ себѣ повѣствованія, и вообще являются въ видѣ лирическихъ поэмъ довольно большого объема. Новѣйшая поэзія мало можетъ представить образцовъ такого рода лирическихъ произведеній. Знаменитый „Гимнъ Радости“ Шиллера слишкомъ проникнутъ сознаніемъ, чтобъ его можно было отнести къ нимъ, хотя по эксцентрической силѣ пламеннаго, бурнаго одушевленія онъ и можетъ назваться и гимномъ и дивирамбомъ. Содержаніе пушкинова „Торжества Вакха“, его же „Вакхической Пѣсни“ и „Вакханки“ Батюшкова взято изъ древней жизни. „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская Годовщина“ Пушкина хотя и дышатъ бурнымъ, иламеннымъ, дивирамбическимъ вдохновеніемъ, но тоже не могутъ быть названы гимнами, или дивирамбами въ строгомъ смыслѣ, потому что въ нихъ слишкомъ замѣтна личность поэта. Образцы произведеній этого рода представляетъ только древность.

Субъективность поэта, сознавъ уже себя, свободно беретъ и объемлетъ собою какой-либо интересующій ее предметъ: тогда является *ода.* Предметъ *оды* и самъ по себѣ можетъ имѣть какой-либо субстанціальный интересъ (различныя сферы жизни, дѣйствительности, сознанія: государство, слава боговъ, героевъ, любовь, дружба и т. п.); въ такомъ случаѣ оды имѣютъ характеръ торжественный. Хотя здѣсь поэтъ и весь отдается своему предмету, но не безъ рефлексіи на свою субъективность; онъ удерживаетъ свое право, и не столько развиваетъ самый предметъ, сколько свое полное этимъ предметомъ вдохновеніе. Таковы пьесы Пушкина: „Наполеонъ“, „Къ морю“, „Кавказъ“ и „Обвалъ“. Вообще надо замѣтить, что *ода*—этотъ средній родъ между *гимномъ,* или *дивирамбомъ* и *пѣснею,* тоже мало свойственъ нашему времени; поэтъ нашего времени дѣлаетъ изъ увлекшаго его предмета фантазію, картину (какъ, напримѣръ, Лермонтовъ изъ Кавказа „Дары Терека“); но любимый и задушевный его родъ—*пѣсня,* значеніе и сущность которой болѣе лирическія и субъективныя. Въ одѣ больше внѣшняго, объективнаго; тогда какъ пѣсня есть чистѣйшій эѳиръ субъективности. Вотъ почему у Пушкина такъ мало *одъ,* въ которыхъ преимущественно проявлялась могучая поэтическая дѣятельность Державина. Многія оды Державина, несмотря на ихъ невыдержанность, на нехудожественную отдѣлку, регулярную форму и большее или меньшее присутствіе реторики, могутъ служить, въ духѣ своего времени, образцами одъ, какъ вида лирической поэзіи. Таковы особенно: „На Смерть Мещерскаго“, „Водопадъ“, „Къ первому сосѣду“, „Осень во время осады Очакова“, „Хариты“, „Рожденіе Красоты“ и проч.

Чистый, безпримѣсный элементъ лирики является въ *пѣснѣ,* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ выраженіе чистосубъективныхъ ощущеній. Все безчисленное многоразличіе тѣхъ таинственныхъ, невыразимыхъ безъ творческой силы поэзіи ощущеній, которыя такъ безотчетно, такъ *особенно* возникаютъ въ темнотѣ нашей внутренности, освобождаются здѣсь отъ своей *особенности,* т.-е. отъ исключительной принадлежности *мнѣ,* и выпархиваютъ на свѣтъ, окриленныя фантазіею. Наконецъ, субъектъ, кромѣ этихъ совершенно личныхъ ощущеній, выражаетъ въ лирическихъ произведеніяхъ болѣе *общіе,* болѣе сознательные факты своей жизни, различныя созерцанія, воззрѣнія, сближенія, мысли, весь объективный

шая часть которыхъ превосходна. Натура Мерзлякова была поэтическая, но реторика и піитика прошлаго вѣка часто сбивали ее съ толку. Что же до одъ Ломоносова, то здѣсь разумѣются только торжественныя, въ которыхъ длинноты и реторическій характеръ не выкупаются и блестками поэзіи.

Прим. Бѣлинскаго.

запасъ свѣдѣній и пр. Сюда, кромѣ собственно *пѣсни*, относятся *сонеты*, *станцы*, *канцоны*, *элегіи*, *посланія*, *сатиры* и, наконецъ, всѣ тѣ многоразличныя стихотворенія, которыя трудно даже и назвать особеннымъ именемъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ пѣснію, составляютъ исключительную лирику нашего времени. Лучшія, задушевнѣйшія созданія лирической музы Пушкина принадлежатъ къ числу ихъ. Таковы, напр., „Уединеніе“, „Недоконченная картина“, „Возрожденіе“, „Погасло дневное свѣтило“, „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный“, „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Ненастный день потухъ“, „Демонъ“, „Желаніе славы“, „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“, „19 октября“, „Зимняя дорога“, „Ангелъ“, „Поэтъ“, „Воспоминаніе“, „Предчувствіе“, „Цвѣтокъ“, „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная тѣнь“, „Когда твои младыя лѣта“, „Зимнее Утро“, „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, „Поэту“, „Трудъ“, „Мадона“, „Зимній Вечеръ“, „Даръ напрасный“, „Анчаръ“, „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ и многія другія. По нашему перечню можно видѣть, что большая ихъ часть безъ названія и означается первымъ стихомъ: это—свойство лирическихъ произведеній, содержаніе которыхъ неуловимо для опредѣленія, какъ музыкальное ощущеніе. Какъ образецъ благоуханности, музыкальности, легкой, прозрачной формы, граціи выраженія чувства нѣжнаго, но глубокаго и мужескаго, какъ образецъ сущности лиризма, растворенаго и насквозь проникнутаго чистѣйшимъ, безпримѣснымъ эѳиромъ благороднѣйшей субъективности, выписываемъ здѣсь одно изъ посмертныхъ стихотвореній Пушкина:

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
А съ нимъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой...

Это мелодія сердца, музыка души, непереводимая на человѣческій языкъ, и тѣмъ не менѣе заключающая въ себѣ цѣлую повѣсть, которой завязка на землѣ, а развязка на небѣ...

Въ *посланіяхъ* и *сатирахъ* взглядъ поэта на предметы преобладаетъ надъ ощущеніемъ. Посему стихотворенія этого рода могутъ превосходить объемомъ пѣсню и другія собственно лирическія произведенія. Впрочемъ, въ посланіи и въ сатирѣ поэтъ смотритъ на предметы сквозь призму своего чувства, даетъ своимъ созерцаніямъ и воззрѣніямъ живые поэтическіе образы; дидактизмъ, какъ обыкновенно понимаютъ его, тутъ не можетъ имѣть мѣста. Сатира не должна быть осмѣяніемъ пороковъ и слабостей, но порывомъ, энергіею раздраженнаго чувства, громомъ и молніею благороднаго негодованія. Въ ея основаніи долженъ лежать глубочайшій юморъ, а не веселое и невинное остроуміе. Превосходный образецъ *посланія* представляетъ собою стихотвореніе Пушкина „Къ Вельможѣ“, въ которомъ поэтъ въ дивно-художественныхъ образахъ характеризовалъ русскій XVIII вѣкъ и намекнулъ на значеніе XIX-го. Что до *сатиры*, то мы не знаемъ на русскомъ языкѣ лучшихъ образцовъ ей, какъ „Дума“ и „Не вѣрь себѣ“ Лермонтова.

Элегія собственно есть пѣсня грустнаго содержанія; но въ нашей литературѣ, по преданію отъ Батюшкова, написавшаго „Умирающаго Тасса“, возникъ особый родъ *исторической* или *эпической элегіи*. Поэтъ вводитъ здѣсь даже событіе подъ формою воспоминанія, проникнутаго грустью. Посему и объемъ такихъ элегій обширнѣе обыкновенныхъ лирическихъ произведеній. Таковы: Батюшкова же элегія „На развалинахъ Замка въ Швеціи“, Пушкина „Андрей Шенье“; самый „Водопадъ“ Державина можно назвать эпическою элегіею. Впрочемъ, эпическая элегія можетъ имѣть и не историческое содержаніе, какъ, напр., знаменитая элегія Грея „Сельское Кладбище“, такъ прекрасно переданная по-русски Жуковскимъ, и элегія Батюшкова „Тѣнь Друга“. Къ эпическимъ произведеніямъ принадлежатъ еще *дума*, *баллада* и *романсъ*. *Дума* есть тризна историческому событію, или просто пѣсня историческаго содержанія. Дума почти то же, что эпическая элегія; только она требуетъ непремѣнно народности во взглядѣ и выраженіи. Превосходные образцы того и другого имѣемъ мы въ „Пѣснѣ объ Олегѣ Вѣщемъ“ и „Пирѣ Петра Великаго“ Пушкина. Въ *балладѣ* поэтъ беретъ какое-нибудь фантастическое и народное преданіе, или самъ изобрѣтаетъ событіе въ этомъ родѣ. Но въ ней главное не событіе, а ощущеніе, которое оно возбуждаетъ, дума, на которую оно наводитъ читателя. Баллада и романсъ возникли въ средніе

вѣка, и потому герои европейскихъ балладъ—рыцари, дамы, монахи; содержаніе—явленія духовъ, таинственныя силы подземнаго міра; сцена — замокъ, монастырь, кладбище, темный лѣсъ, поле битвы. Превосходные переводы Жуковскаго познакомили насъ съ балладами Шиллера, Гёте, Вальтера Скотта и другихъ германскихъ и англійскихъ пѣвцовъ. Жуковскій и самъ написалъ нѣсколько превосходныхъ балладъ; лучшія изъ нихъ тѣ, которыхъ содержаніе взято не изъ русской жизни. Особенно прекрасны: „Эолова Арфа“ и „Ахиллъ“. Пушкина „Женихъ“, „Утопленникъ“ и „Бѣсы“ представляютъ превосходнѣйшіе образцы національныхъ русскихъ балладъ. *Романсъ* отличается отъ *баллады* рѣшительнымъ преобладаніемъ лирическаго элемента надъ эпическимъ, а вслѣдствіе этого и гораздо меньшимъ объемомъ. Жуковскій познакомилъ насъ своими поэтическими переводами и съ этимъ родомъ лирической поэзіи.

Лиризмъ есть преобладающій элементъ въ германской литературѣ. Лирическая поэзія и музыка составляютъ самый пышный цвѣтъ художественной жизни этой націи. Шиллеръ и Гёте—это цѣлые два міра лирической поэзіи, два великія ея солнца, окруженныя множествомъ спутниковъ и звѣздъ различныхъ величинъ. Богатая литература Англіи и въ лиризмѣ также едва ли уступаетъ какой литературѣ, какъ и превосходитъ всѣ другія литературы въ эпической и драматической поэзіи. Сонеты и лирическія поэмы (какъ, напр., „Венера и Адонисъ“) Шекспира, поэмы и мелкія пьесы Байрона, лирическія поэмы Вальтера Скотта, произведенія Томаса Мура, Уордсворта, Борнса, Сутея, Кольриджа, Купера и другихъ составляютъ богатѣйшую сокровищницу лирической поэзіи. Французы почти не имѣютъ лирической поэзіи; по крайней мѣрѣ, она не восходила у нихъ дальше народной пѣсни (водевиля). Беранже единственный великій ихъ лирикъ, но его летучія созданія, по народной формѣ своего выраженія, непереводимы ни на какой языкъ. Послѣ его пѣсенъ достойны замѣчанія проникнутыя духомъ пластической древности элегіи Андрея Шенье и ямбы энергическаго Барбье.

Собственно-лирическая поэзія, въ смыслѣ выраженія внутренняго субъективнаго чувства при виртуозности формы, началась у насъ съ Пушкина. О его собственныхъ произведеніяхъ здѣсь довольно сказать, что имъ нѣтъ цѣны. Онъ увлекъ ими за собою всю нашу литературу, всѣ возникавшіе таланты, и со времени его появленія элегія-пѣсня сдѣлалась исключительнымъ родомъ лирической поэзіи; только старики и пожилые люди допѣвали еще свои торжественныя оды. Явившіеся съ Пушкинымъ и пошедшіе по данному имъ направленію таланты теперь уже вполнѣ опредѣлились, пишутъ мало, или уже и совсѣмъ не пишутъ; тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ отличались замѣчательною силою и обогатили русскую лирическую поэзію прекрасными произведеніями. Но никто съ перваго же появленія своего не обнаружилъ такой мощи, такого богатства фантазіи, такой виртуозности въ формѣ своихъ созданій, какъ Лермонтовъ. Нѣкоторыя изъ его лирическихъ произведеній могутъ состязаться въ художественномъ достоинствѣ съ пушкинскими. Справедливость требуетъ замѣтить еще, какъ рѣзко выдавшееся явленіе, могучій талантъ Кольцова. Онъ создалъ себѣ особый, совершенно оригинальный и неподражаемый родъ поэзіи. Правда, сфера его поэзіи вращается въ заколдованномъ кругу народности, но онъ расширяетъ этотъ кругъ, внося въ народную и наивную форму своихъ пѣсенъ и думъ болѣе общее содержаніе изъ болѣе высшей сферы сознанія.

Драматическая поэзія.

Драма представляетъ совершившееся событіе какъ бы совершающимся въ настоящемъ времени, передъ глазами читателя или зрителя. Будучи примиреніемъ эпоса съ лирою, драма не есть отдѣльно ни то, ни другое, но образуетъ собою особенную органическую цѣлость. Съ одной стороны, кругъ дѣйствія въ драмѣ не замкнутъ для субъекта, но, напротивъ, изъ него выходитъ и къ нему возвращается. Съ другой стороны, присутствіе субъекта въ драмѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ лирѣ: онъ уже не есть сосредоточенный въ себѣ внутренній міръ, чувствующій и созерцающій, не есть уже самъ поэтъ, но онъ выходитъ и становится самъ для созерцанія среди объективнаго и реальнаго міра, организуемаго собственною его дѣятельностію: онъ раздѣлился и является живою совокупностію многихъ лицъ, изъ дѣйствія и противодѣйствія которыхъ слагается драма. Вслѣдствіе этого драма не допускаетъ въ себя эпическихъ изображеній мѣстности, происшествій, состояній, лицъ, которыя всѣ сами должны быть передъ нашимъ созерцаніемъ. Требованія самой народности въ драмѣ гораздо слабѣе, чѣмъ въ эпопеѣ: въ „Гамлетѣ“ мы видимъ Европу, и, по духу и натурѣ лицъ, Европу Сѣверную, но не Данію, и притомъ Богъ знаетъ въ какую эпоху. Драма не допускаетъ въ себя никакихъ лирическихъ изліяній; лица должны высказывать себя въ дѣйствіи: это уже не

ощущенія и созерцанія—это характеры. То, что обыкновенно называется въ драмѣ лирическими мѣстами, есть только энергія раздраженнаго характера, его *пафосъ*, невольно окриляющій рѣчь особеннымъ полетомъ; или тайная, сокровенная дума дѣйствующаго лица, о которой нужно намъ знать и которую поэтъ заставляетъ его *думать вслухъ*. Дѣйствіе драмы должно быть сосредоточено на одномъ интересѣ и быть чуждо побочныхъ интересовъ. Въ романѣ иное лицо можетъ имѣть мѣсто не столько по дѣйствительному участію въ событіи, сколько по оригинальному характеру: въ драмѣ не должно быть ни одного лица, которое не было бы необходимо въ механизмѣ ея хода и развитія. Простота, немногосложность и единство дѣйствія (въ смыслѣ единства основной идеи) должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ условій драмы; въ ней все должно быть направлено къ одной цѣли, къ одному намѣренію. Интересъ драмы долженъ быть сосредоточенъ на главномъ лицѣ, въ судьбѣ котораго выражается ея основная мысль.

Впрочемъ, все это относится болѣе къ высшему роду драмы — къ *трагедіи*. Сущность трагедіи, какъ мы уже выше говорили, заключается въ коллизіи, т.-е. въ столкновеніи, сшибкѣ естественнаго влеченія сердца съ нравственнымъ долгомъ, или просто съ непреоборимымъ препятствіемъ. Съ идеею трагедіи соединяется идея ужаснаго, мрачнаго событія, роковой развязки. Нѣмцы называютъ трагедію *печальнымъ зрѣлищемъ*, Trauerspiel, — и трагедія въ самомъ дѣлѣ есть печальное зрѣлище! Если кровь и трупы, кинжалъ и ядъ не суть всегдашніе ея аттрибуты, тѣмъ не менѣе ея окончаніе всегда — разрушеніе драгоцѣннѣйшихъ надеждъ сердца, потеря блаженства цѣлой жизни. Отсюда и вытекаетъ ея мрачное величіе, ея исполинская грандіозность: рокъ царитъ въ ней, рокъ составляетъ ея основу и сущность... Что̀ такое коллизія?—безусловное требованіе судьбою жертвы себѣ. Побѣди герой естественное влеченіе сердца своего въ пользу нравственнаго закона — прости, счастіе, простите, радости и обаянія жизни! онъ—мертвецъ посреди живущихъ; его стихія—грусть глубокой души, его пища—страданіе, ему единственный выходъ — или болѣзненное самоотреченіе, или скорая смерть! Послѣдуй герой трагедіи естественному влеченію своего сердца — онъ преступникъ въ собственныхъ глазахъ, онъ жертва собственной совѣсти, ибо его сердце есть почва, въ которую глубоко вросли корни нравственнаго закона — не вырвать ихъ, не разорвавши самого сердца, не заставивши его истечь кровью. Въ коллизіи законъ бытія напоминаетъ собою повелѣніе Нерона, по которому казнили, какъ преступниковъ, и тѣхъ, кто не плакалъ объ умершей сестрѣ властелина: ибо они не сочувствовали его утратѣ, и тѣхъ, кто плакалъ о ея смерти: ибо она была причислена къ сонму богинь, а слезы по богинѣ могли быть только знакомъ зависти къ ея благополучію... И между тѣмъ, ни одинъ родъ поэзіи не властвуетъ такъ сильно надъ нашею душою, не увлекаетъ насъ такимъ неотразимымъ обаяніемъ и не доставляетъ намъ такого высокаго наслажденія, какъ трагедія. И въ основѣ этого лежитъ великая истина, высшая разумность. Мы глубоко сострадаемъ падшему въ борьбѣ или погибшему въ побѣдѣ герою; но мы же знаемъ, что безъ этого паденія, или этой погибели, онъ не былъ бы героемъ, не осуществилъ бы своею личностью вѣчныхъ субстанціальныхъ силъ, міровыхъ и непреходящихъ законовъ бытія. Если бы Антигона погребла тѣло Полиника, не зная, что ее ожидаетъ за это неизбѣжная казнь, или безъ всякой опасности подпасть казни, ея дѣйствіе было бы только доброе и похвальное, но обыкновенное и не героическое дѣйствіе. Въ такомъ случаѣ Антигона не возбудила бы къ себѣ всего нашего участія, и если бъ тотчасъ же умерла какъ-нибудь случайно, мы не пожалѣли бы о ея смерти: вѣдь каждый часъ на земномъ шарѣ умираютъ тысячи людей, такъ если жалѣть обо всѣхъ, некогда будетъ выпить и чашки чаю! Нѣтъ, безвременная и насильственная смерть юной и прекрасной Антигоны потому только потрясаетъ все существо наше, что въ ея смерти мы видимъ искупленіе человѣческаго достоинства, торжество общаго и вѣчнаго надъ преходящимъ и частнымъ, подвигъ, созерцаніе котораго возноситъ къ небу нашу душу, заставляетъ биться высокимъ восторгомъ наше сердце! Судьба избираетъ, для рѣшенія великихъ нравственныхъ задачъ, благороднѣйшіе сосуды духа, возвышеннѣйшія личности, стоящія во главѣ человѣчества, героевъ, олицетворяющихъ собою субстанціальныя силы, которыми держится нравственный міръ. Исмена была также сестра Полинику; доброе и родственное сердце ея тоже страдало при мысли о позорѣ погибшаго брата; но это страданіе не было въ ней сильнѣе страха смерти; Антигонѣ же казалось легче перенести муки лютой казни, нежели позоръ единокровнаго, ей жаль было разстаться съ юною жизнію, столь полною надеждъ и очарованія; она горестно прощается съ обольщеніями гименея, сладости котораго судьба не дала ей вкусить; но она не проситъ о помилованіи, о пощадѣ, она не отвращается ужасающей ее смерти, но спѣшитъ броситься ей въ объятія: слѣдовательно разница между

обѣими сестрами не въ чувствахъ, но въ силѣ, энергіи и глубинѣ чувства, вслѣдствіе чего одна изъ нихъ—доброе, но обыкновенное существо, а другая — героиня. Уничтожьте роковую катастрофу въ любой трагедіи—и вы лишите ее всего величія, всего ея значенія, изъ великаго созданія сдѣлаете обыкновенную вещь, которая надъ вами же первымъ утратитъ всю свою обаятельную силу.

Иногда коллизія можетъ состоять въ ложномъ положеніи человѣка, вслѣдствіе несоотвѣтственности его натуры съ мѣстомъ, на которое поставила его судьба. Просимъ читателей вспомнить одного изъ героевъ романа В. Скотта „Пертской Красавицы“, несчастнаго шефа клана, который, при гордой душѣ и сильныхъ страстяхъ своихъ, наканунѣ роковой битвы, долженствующей рѣшить участь его клана, признается своему пѣстуну въ томъ, что онъ—трусъ... Гамлетъ не трусъ, но его внутренняя созерцательная натура создана не для бурь жизни, не для борьбы съ порокомъ и наказанія преступленія, а между тѣмъ, судьба зоветъ его на этотъ подвигъ... Что ему дѣлать? Избѣгнуть—люди не узнаютъ и не осудятъ; но развѣ есть во вселенной другое мѣсто, кромѣ гроба, куда можно укрыться отъ себя самого? — и бѣдный Гамлетъ дѣйствительно нашелъ свое убѣжище въ могилѣ... Судьба сторожитъ человѣка на всѣхъ путяхъ жизни: за мгновенное увлеченіе безумной страсти юноша платится иногда счастіемъ всей своей жизни, отравляя ее воспоминаніемъ о невинной жертвѣ, которую погубила его любовь... И почему это такъ? потому что въ его душѣ глубоко пустили корни сѣмена нравственнаго закона, тогда какъ ничтожное, подлое существо спокойно наслаждается плодами своего разврата, и нагло хвалится числомъ погубленныхъ жертвъ!... Только человѣкъ высшей природы можетъ быть героемъ, или жертвою трагедіи: такъ бываетъ въ самой дѣйствительности!

Случайность, какъ, напр., нечаянная смерть лица, или другое непредвидѣнное обстоятельство, не имѣющее прямого отношенія къ основной идеѣ произведенія, не можетъ имѣть мѣста въ трагедіи. Не должно упускать изъ виду, что трагедія есть болѣе искусственное произведеніе, нежели другой родъ поэзіи. Помедли Отелло одною минутою задушить Дездемону, или поспѣши отворить двери стучавшейся Эмиліи — все бы объяснилось, и Дездемона была бы спасена, но зато трагедія была бы погублена. Смерть Дездемоны есть слѣдствіе ревности Отелло, а не дѣло случая, и потому поэтъ имѣлъ право сознательно отдалить всѣ самыя естественныя случайности, которыя могли бы служить къ спасенію Дездемоны. Дездемона такъ же могла бы и замѣтить сброшенный съ головы своей мужемъ ея платокъ, послужившій къ ея погибели, какъ она могла и не замѣтить его; но поэтъ имѣлъ полное право воспользоваться этой случайностію, какъ соотвѣтствовавшею его цѣли. Цѣль же его трагедіи была—не предостеречь другихъ отъ ужасныхъ слѣдствій слѣпой ревности, но потрясти души зрителей зрѣлищемъ слѣпой ревности, не какъ порока, но какъ явленія жизни. Ревность Отелло имѣла свою причинность, свою необходимость, заключавшіяся въ пламенной натурѣ, воспитаніи и обстоятельствахъ цѣлой его жизни: онъ столько же былъ виноватъ въ ней, сколько былъ и невиноватъ. Вотъ почему этотъ великій духъ, этотъ мощный характеръ возбуждаетъ въ насъ не отвращеніе и ненависть къ себѣ, а любовь, удивленіе и состраданіе. Гармонія міровой жизни была нарушена диссонансомъ его преступленія,—и онъ возстановляетъ ее добровольною смертью, искупаетъ ею тяжкую вину свою—и мы закрываемъ драму съ примиреннымъ чувствомъ, съ глубокою думою о непостижимомъ таинствѣ жизни, и предъ очарованнымъ взоромъ нашимъ носятся рука съ рукою двѣ помирившіяся за гробомъ тѣни... Трупы и кровь возмущаютъ наше чувство только тогда, когда мы не видимъ ихъ необходимости, когда авторъ щедро устилаетъ и наводняетъ ими сцену для эффектовъ. Но, слава Богу, отъ частаго употребленія эти эффекты потеряли всю свою силу и теперь производятъ уже смѣхъ, а не ужасъ.

Въ условіяхъ жизни есть что-то несовершенное, роковое. Жизнь слагается изъ толпы и героевъ, и обѣ эти стороны въ вѣчной враждѣ, ибо первая ненавидитъ вторую, а вторая презираетъ первую. Всякое прекрасное явленіе въ жизни должно сдѣлаться жертвою своего достоинства. Едва прочли вы ночную сцену въ саду между Ромео и Юліею—и уже въ душу вашу закрадывается грустное предчувствіе... „Нѣтъ, — говорите вы,—не для земли такая любовь и такая полнота жизни, не между людей жить такимъ существамъ! И за что они будутъ такъ счастливы, когда всѣ другіе и не подозрѣваютъ возможности такого счастія? Нѣтъ, дорогою цѣною должны они поплатиться за свое блаженство!...“ И въ самомъ дѣлѣ, что̀ губитъ Ромео и Юлію?—Не злодѣйство, не коварство людей, а развѣ глупость и ничтожество ихъ. Старики Капулеты просто—добрые, но пошлые люди: они не умѣютъ вообразить ничего выше самихъ себя, судятъ о чувствахъ дочери по своимъ собственнымъ, измѣряютъ ея натуру своею натурою—и погубили ее, а потомъ, когда уже было поздно,

догадались, простили и даже похвалили... О, горе! горе! горе!...

Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками. Но вотъ двоюродный братъ его, Болингброкъ, похищаетъ у него корону—и недостойный въ счастіи является великимъ въ злополучіи. Онъ входитъ въ сознаніе величія своего положенія,—и мудрыя рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу. Вы уже не просто уважаете его: вы удивляетесь ему; вы уже не просто жалѣете о немъ—вы сострадаете ему [1]). Ничтожный въ счастіи, великій въ несчастіи—онъ герой въ вашихъ глазахъ. Но для того, чтобъ вызвать наружу всѣ силы своего духа, чтобъ стать героемъ, ему нужно было испить до дна чашу бѣдствія и погибнуть... Какое противорѣчіе, и какой богатый предметъ для трагедіи, а слѣдовательно и какой неисчерпаемый источникъ высокаго наслажденія для васъ!...

Драматическая поэзія есть высшая ступень развитія поэзіи и вѣнецъ искусства, а трагедія есть высшая ступень и вѣнецъ драматической поэзіи. Посему, трагедія заключаетъ въ себѣ всю сущность драматической поэзіи, объемлетъ собою всѣ элементы ея, и слѣдовательно, въ нее по праву входитъ и элементъ комическій. Поэзія и проза ходятъ объ-руку въ жизни человѣческой, а предметъ трагедіи есть жизнь во всей многосложности ея элементовъ. Правда, она сосредоточиваетъ въ себѣ только высшіе, поэтическіе моменты жизни, но это относится только къ герою, или героямъ трагедіи, а не къ остальнымъ лицамъ, между которыми могутъ быть и злодѣи, и добродѣтельные, и глупцы, и шуты, такъ какъ вся жизнь человѣческая состоитъ въ столкновеніи и взаимномъ воздѣйствіи другъ на друга героевъ, злодѣевъ, обыкновенныхъ характеровъ, ничтожныхъ людей и глупцовъ. Раздѣленіе трагедіи на историческую и не историческую не имѣетъ никакой существенной важности: герои той и другой равно представляютъ собою осуществленіе вѣчныхъ субстанціальныхъ силъ человѣческаго духа. Въ новѣйшемъ христіанскомъ искусствѣ человѣкъ является не отъ общества, а отъ человѣчества; трагедія же есть вѣнецъ новѣйшаго искусства, а потому король Ричардъ II, мавръ Отелло, аристократическій юноша Ромео, аѳинскій гражданинъ Тимонъ имѣютъ совершенно равное право занимать въ ней первыя мѣста, потому что всѣ они—равно герои. Вотъ почему искаженіе историческихъ лицъ, менѣе допускаемое въ романѣ, есть какъ бы неотъемлемое право трагедіи, вытекающее изъ самой ея сущности. Трагикъ хочетъ представить своего героя въ извѣстномъ историческомъ положеніи: исторія даетъ ему положеніе, и если историческій герой этого положенія не соотвѣтствуетъ идеалу трагика, онъ имѣетъ полное право измѣнить его по-своему. Въ трагедіи Шиллера „Донъ Карлосъ“ Филиппъ изображенъ совсѣмъ не такимъ, какимъ представляетъ его намъ исторія, но это нисколько не уменьшаетъ достоинства пьесы, скорѣе увеличиваетъ его. Альфьери, въ своей трагедіи, изобразилъ истиннаго, историческаго Филиппа II, но его произведеніе все-таки неизмѣримо ниже шиллерова. Что же до принца Карлоса,—смѣшно и смотрѣть, какъ на что-то серьезное, на искаженіе его историческаго характера въ трагедіи Шиллера, ибо донъ-Карлосъ слишкомъ незначительное лицо въ исторіи. Многихъ соблазняетъ вольность Гёте, который изъ семидесятилѣтняго Эгмонта, отца многочисленнаго семейства, сдѣлалъ кипящаго юношу, страстно любящаго простую дѣвушку: вольность самая законная—ибо Гёте хотѣлъ изобразить въ своей трагедіи не Эгмонта, а молодого человѣка, страстнаго къ упоеніямъ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жертвующаго ею для искупленія счастія родины. Всякое лицо трагедіи принадлежитъ не исторіи, а поэту, хотя бы носило и историческое имя. Глубоко справедливы эти слова Гёте: „Для поэта нѣтъ ни одного лица историческаго; онъ хочетъ изобразить свой нравственный міръ, и для этой цѣли дѣластъ нѣкоторымъ историческимъ лицамъ честь, относя ихъ имена къ своимъ созданіямъ“.

Что касается до раздѣленія трагедіи

[1]) Въ письмѣ къ Боткину (отъ 1 марта 1841 г.) Бѣлинскій указываетъ, что этотъ абзацъ былъ сокращенъ цензурою и возстановляетъ его въ слѣдующемъ видѣ:

«Насъ возмущаетъ преступленіе Макбета и демонская натура его жены; но если бы спросить перваго, какъ онъ совершилъ свой злодѣйскій поступокъ, онъ вѣрно отвѣтилъ бы: «и самъ не знаю»; а если бы спросить вторую, зачѣмъ она такъ нечеловѣчески-ужасно создана, она вѣрно бы отвѣчала, что знаетъ объ этомъ столько же, сколько и вопрошающіе, и что если слѣдовала своей натурѣ, такъ это потому, что не имѣла другой... Вотъ вопросы, которые рѣшаются только за гробомъ, вотъ царство рока, вотъ сфера трагедіи!... Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками, унизительными для короля. Но вотъ Болингброкъ похищаетъ у него корону—и недостойный король, пока царствовалъ, является великимъ королемъ, когда лишился царства. Онъ уходитъ въ сознаніе величія своего сана, святости своего помазанія, законности своихъ правъ,—и мудрыя рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу, царственное достоинство. Вы уже не просто уважаете его—вы благоговѣете предъ нимъ; вы уже не просто жалѣете о немъ—вы сострадаете ему»... Далѣе какъ въ текстѣ. (См. Пыпинъ, «Бѣлинскій», стр. 368).

на акты, до ихъ числа—это относится къ внѣшней формѣ драмы вообще. Трагедія можетъ быть написана и прозою и стихами; но болѣе всего этому соотвѣтствуетъ смѣшеніе того и другого, смотря по сущности содержанія отдѣльныхъ мѣстъ, т.-е. потому, поэзія или проза жизни въ нихъ выражается.

Драматическая поэзія является у народа уже съ созрѣвшею цивилизаціею, въ эпоху пышнаго цвѣта его историческаго развитія. Такъ было и у Грековъ. Знаменитѣйшіе ихъ трагики—Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Мы уже намекнули выше сего на сущность и характеръ греческой драмы, а изложеніемъ содержанія „Антигоны“ дали читателямъ и фактъ для повѣрки нашихъ намековъ. Изъ новѣйшихъ народовъ ни у кого драма не достигла такого полнаго и великаго развитія, какъ у Англичанъ. Шекспиръ есть Гомеръ драмы: его драма—высочайшій первообразъ христіанской драмы. Въ драмахъ Шекспира всѣ элементы жизни и поэзіи слиты въ живое единство, необъятное по содержанію, великое по художественной формѣ. Въ нихъ все настоящее человѣчества, все его прошедшее и будущее; онѣ пышный цвѣтъ и роскошный плодъ развитія искусства у всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка. Въ нихъ и пластицизмъ и рельефность художественной формы, и цѣломудренная непосредственность вдохновенія и рефлектирующая дума, міръ объективный и міръ субъективный, проникли другъ друга и слились въ неразрывномъ единствѣ. Говорить о глубокомъ сердцевѣдѣніи, вѣрности натурѣ и дѣйствительности, безконечности и высокости творческихъ идей этого царя поэтовъ всего міра, значило бы повторять уже много разъ сказанное тысячами людей. Опредѣлять достоинства каждой его драмы, значило бы — написать огромную книгу и не высказать сотой доли того, что̀ бы хотѣлось высказать, и не высказать милліонной частицы того, что̀ заключается въ нихъ.

Послѣ англійской первое мѣсто занимаетъ нѣмецкая трагедія. Шиллеръ и Гете возвели ее на эту степень знаменитости. Впрочемъ, нѣмецкая драма имѣетъ совсѣмъ другой характеръ и даже другое значеніе, чѣмъ шекспировская: это—большею частію или лирическая, или рефлектирующая драма. Только въ „Гёцѣ фонъ Берлихингенѣ“ и „Эгмонтѣ“ Гёте, „Вильгельмѣ Телѣ“ и „Валленштейнѣ“ Шиллера замѣтенъ порывъ къ непосредственному творчеству. Значеніе нѣмецкой драмы тѣсно связано съ значеніемъ нѣмецкаго искусства вообще [1]).

Испанская драма мало извѣстна, хотя и гордится не однимъ славнымъ драматическимъ именемъ, каковы Лопе-де-Вега и Кальдеронъ. Кажется, причина этому—національность ея драмы, еще не возвысившейся до общаго, мірового содержанія.

Исторія французской литературы блеститъ многими драматическими славами. Корнель и Расинъ почти два вѣка считались первыми трагиками въ мірѣ, а послѣ нихъ — Кребильонъ и Вольтеръ. Но теперь ясно, что исторія драматической поэзіи во Франціи относится къ исторіи костюмовъ, модъ и общественныхъ нравовъ добраго стараго времени, но съ исторіею искусства ничего общаго не имѣетъ. Изъ новѣйшихъ писателей въ драмахъ Гюго просвѣчиваютъ иногда блестки замѣчательнаго дарованія, но не болѣе.

Наша русская трагедія съ Пушкина началась, съ нимъ и умерла. Его „Борисъ Годуновъ“ есть твореніе, достойное занимать первое мѣсто послѣ шекспировскихъ драмъ. Кромѣ того, Пушкинъ создалъ особый родъ драмы, который къ настоящему относится, какъ повѣсть къ роману: таковы его: „Сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ“, „Сальери и Моцартъ“, „Скупой Рыцарь“, „Русалка“, „Каменный Гость“. По формѣ и объему это не больше, какъ драматическіе очерки, но по содержанію и его развитію это трагедіи, въ полномъ смыслѣ этого слова. По оригинальности и самобытности онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли,—ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами. Въ наше время великій поэтъ не можетъ быть исключительно эпикомъ, лирикомъ или драматургомъ: въ наше время творческая дѣятельность является въ совокупности всѣхъ сторонъ поэзіи; но великіе художники большею частію начинаютъ съ эпическихъ произведеній, продолжаютъ лирикою, а оканчиваютъ драмою. Такъ было и съ Пушкинымъ: даже въ первыхъ поэмахъ его драматическій элементъ рѣзко проявлялся, и многія мѣста въ нихъ образуютъ собою превосходныя трагическія сцены, особенно въ „Цыганахъ“ и „Полтавѣ“. Послѣднія же произведенія его показываютъ, что онъ рѣшительно обращался къ драмѣ, и что его „драматическіе очерки“ были только пробою пера, очиненнаго для болѣе великихъ созданій: каковы же были бы эти созданія! Но смерть застала его въ то время, какъ его геній совершенно созрѣвалъ и возмужалъ для драмы—и страдальческая тѣнь его унесла съ собою

Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ!

[1]) Объ этомъ подробно говорится въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія. *Прим. Бѣлинскаго.*

Всѣ другія попытки на драму въ русской литературѣ, отъ Сумарокова до г. Кукольника включительно, могутъ имѣть право только на упоминовеніе въ исторіи литературы, гдѣ о нихъ и говорится въ своемъ мѣстѣ, но не въ эстетикѣ, гдѣ имѣютъ право быть указаны только художественныя произведенія.

Комедія есть послѣдній видъ драматической поэзіи, діаметрально противоположный *трагедіи*. Содержаніе трагедіи — міръ великихъ нравственныхъ явленій, герои ея—личности, полныя субстанціальныхъ силъ духовной человѣческой природы; содержаніе комедіи — случайности, лишенныя разумной необходимости, міръ призраковъ, или кажущейся, но не существующей на самомъ дѣлѣ дѣйствительности; герои комедіи—люди, отрѣшившіеся отъ субстанціальныхъ основъ своей духовной натуры. Посему, дѣйствіе, производимое трагедіею — потрясающій душу священный ужасъ; дѣйствіе, производимое комедіею—смѣхъ, то веселый, то сардоническій. Сущность комедіи — противорѣчіе явленій жизни съ сущностію и назначеніемъ жизни. Въ этомъ смыслѣ жизнь является въ комедіи, какъ отрицаніе самой себя. Какъ трагедія сосредоточиваетъ въ тѣсномъ кругѣ своего дѣйствія только высокіе, поэтическіе моменты въ событіи героя, такъ комедія изображаетъ преимущественно прозу повседневной жизни, ея мелочи и случайности. Трагедія есть поворотный кругъ солнца поэзіи, которое, доходя до нея, становится въ апогеѣ своего теченія, а переходя въ комедію, спускается внизъ. У Грековъ комедія была смертію поэзіи: Аристофанъ былъ послѣдній поэтъ ихъ, а его комедіи — похоронная пѣсня навсегда утраченной полноты жизни и возникшаго изъ нея прекраснаго искусства Греціи. Но въ новомъ мірѣ, гдѣ всѣ элементы жизни, проникая другъ друга, не мѣшаютъ развитію одинъ другого, комедія не имѣетъ такого печальнаго значенія для искусства: ея элементъ вошелъ, или можетъ входить во всѣ роды поэзіи, и она можетъ развиваться вмѣстѣ съ трагедіею, и даже предшествовать ей въ историческомъ развитіи искусства.

Въ основаніи истинно-художественной комедіи лежитъ глубочайшій юморъ. Личности поэта въ ней не видно только по наружности; но его субъективное созерцаніе жизни, какъ arrière-pensée, непосредственно присутствуетъ въ ней, и изъ-за животныхъ, искаженныхъ лицъ, выведенныхъ въ комедіи, мерещатся вамъ другія лица, прекрасныя и человѣческія, и смѣхъ вашъ отзывается не веселостью, а горечью и болѣзненностію... Въ комедіи жизнь для того показывается намъ такою, какъ она есть, чтобъ навести насъ на ясное созерцаніе жизни такъ, какъ она должна быть. Превосходнѣйшій образецъ художественной комедіи представляетъ собою „Ревизоръ“ Гоголя.

Художественная комедія не должна жертвовать предположенной поэтомъ цѣли объективною истиною своихъ изображеній: иначе изъ художественной она сдѣлается *дидактическою*, въ томъ смыслѣ, какъ мы ниже сего развиваемъ значеніе этого слова. Но если дидактическая комедія выходитъ не изъ невиннаго желанія поострить, но изъ глубоко-оскорбленнаго пошлостію жизни духа, если ея насмѣшка растворена саркастическою желчью, въ основаніи ея лежитъ глубочайшій юморъ, а въ выраженіи дышетъ бурное одушевленіе, словомъ, если она есть выстраданное созданіе, — то стоитъ всякой художественной комедіи. Разумѣется, такая комедія не можетъ быть произведеніемъ не великаго таланта; изображенія ея могутъ отличаться излишнею яркостію и густотою красокъ, но не быть преувеличены до неестественности и карикатурности; разумѣется, что характеры дѣйствующихъ лицъ должны быть въ ней созданы, а не выдуманы, и въ изображеніи ихъ видна бо́льшая или меньшая степень художественности. Высочайшій образецъ такой комедіи имѣемъ мы въ „Горѣ отъ Ума“—этомъ благороднѣйшемъ созданіи геніальнаго человѣка, этомъ бурномъ диѳирамбическомъ изліяніи желчнаго, громоваго негодованія, при видѣ гнилого общества ничтожныхъ людей, въ души которыхъ не проникалъ лучъ божьяго свѣта, которые живутъ по обветшалымъ преданіямъ старины, по системѣ пошлыхъ и безнравственныхъ правилъ, которыхъ мелкія цѣли и низкія стремленія направлены только къ призракамъ жизни—чинамъ, деньгамъ, сплетнямъ, униженію человѣческаго достоинства, и которыхъ апатическая, сонная жизнь есть смерть всякаго живого чувства, всякой разумной мысли, всякаго благороднаго порыва... „Горе отъ Ума“ имѣетъ великое значеніе и для нашей литературы, и для нашего общества [1]).

Есть еще низшая комедія, которая можетъ возвышаться до художественности созданіемъ оригинальныхъ характеровъ, вѣрнымъ изображеніемъ нравовъ общества; но въ основаніи которой лежитъ не юморъ, а только комическая веселость. По мѣрѣ своего достоинства такая комедія можетъ относиться и къ искусству и къ беллетристикѣ, колеблясь между двумя этими сторонами литературы. Въ нашей литературѣ нѣтъ образ-

[1]) Въ этомъ мѣстѣ цензурой была зачеркнута фраза Бѣлинскаго, что «Горе отъ ума» было обличеніемъ гнусной россійской дѣйствительности; ср. примѣчаніе на стр. 59-ой.

цовъ такой комедіи. „Недоросль“ и „Бригадиръ“ Фонъ-Визина относятся къ комедіи нравовъ и сатирической, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Истинно-художественная комедія никогда не можетъ устарѣть, вслѣдствіе измѣненія изображенныхъ въ ней нравовъ общества: „Ревизоръ“ и „Горе отъ Ума“ безсмертны.

Есть еще особый видъ драматической поэзіи, занимающій середину между трагедіею и комедіею: это—то, что̀ называется собственно *драмою*. Драма ведетъ начало свое отъ *мелодрамы*, которая въ прошломъ вѣкѣ дѣлала оппозицію надутой и неестественной тогдашней трагедіи, и въ которой жизнь находила себѣ единственное убѣжище отъ мертвящаго псевдоклассицизма, такъ же, какъ въ романахъ Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена отъ реторическихъ поэмъ въ родѣ „Гонзальва Кордуанскаго“, „Кадма и Гармоніи“ и т. п. Впрочемъ, это происхожденіе относится только къ названію „драма“, видового, а не родового имени, и развѣ еще къ новѣйшей драмѣ (какова, напр., „Клавиго“ Гёте). Шекспиръ, всегда шедшій своею дорогою, по вѣчнымъ уставамъ творчества, а не по правиламъ нелѣпыхъ піитикъ, написалъ множество произведеній, которыя должны занимать середину между трагедіею и комедіею, и которыя можно назвать *эпическими драмами*. Въ нихъ есть характеры и положенія трагическіе (какъ, напр., въ „Венеціанскомъ Купцѣ“); но развязка ихъ почти всегда счастливая, потому что роковая катастрофа не требуется ихъ сущностью. Героемъ драмы должна быть сама жизнь. Но, несмотря на эпическій характеръ драмы, ея форма должна быть въ высшей степени драматическою. Драматизмъ состоитъ не въ одномъ разговорѣ, а въ живомъ дѣйствіи разговаривающихъ одного на другого. Если, напримѣръ, двое спорятъ о какомъ-нибудь предметѣ, тутъ нѣтъ не только драмы, но и драматическаго элемента; но, когда спорящіе, желая пріобрѣсть другъ надъ другомъ поверхность, стараются затронуть другъ въ другѣ какія-нибудь стороны характера, или задѣть за слабыя струны души, и когда чрезъ это въ спорѣ выказываются ихъ характеры, а конецъ спора становитъ ихъ въ новыя отношенія другъ къ другу, — это уже своего рода драма. Но главное въ драмѣ— отсутствіе длинныхъ разсказовъ, и чтобъ каждое слово высказывалось въ дѣйствіи. Драма не должна быть ни простымъ списываніемъ съ природы, ни сборомъ отдѣльныхъ, хотя бы и прекрасныхъ сценъ, но образовывать собою отдѣльный, замкнутый міръ, гдѣ каждое лицо, стремясь къ собственной цѣли и дѣйствуя только для себя, способствуетъ, само того не зная, общему дѣйствію пьесы. А это можетъ быть только тогда, когда драма возникла и развилась изъ мысли, а не слѣпилась черезъ соображеніе.

Вотъ всѣ роды поэзіи. Ихъ только три, и больше нѣтъ и быть не можетъ. Но въ піитикахъ и литературахъ прошлаго вѣка существовало еще нѣсколько родовъ поэзіи, между которыми особенную важность имѣлъ *дидактическій* или *поучительный*. Въ огромныхъ поэмахъ учили земледѣлію, скотоводству, астрономіи, ариѳметикѣ и чуть ли еще не портному мастерству. Этотъ родъ возникъ въ древности по упадкѣ искусства. Обыкновенно, когда поэзія исчезаетъ, ее замѣняетъ стихотворство.

И однакожъ, мы признаемъ существованіе дидактической поэзіи, только принимаемъ дидактику не какъ родъ, а какъ характеръ поэзіи, и относимъ ее къ эпическому роду. Слово „дидактическій“, по нашему мнѣнію, есть такое же выраженіе свойства и характера, какъ, напр., объективный и субъективный.

Образцомъ дидактическихъ поэмъ мы считаемъ не агрономическія поэмы Виргилія, не гораціеву Ars Poetica, не L'Art Poétique Буало, не водяныя поэмы Делиля, а міробъемлющія созерцанія исполинской фантазіи и поэтическіе афоризмы Жанъ-Поля Рихтера. Они отличаются отъ произведеній художественной поэзіи тѣмъ, что сознаніе ихъ основной идеи можетъ предшествовать въ душѣ художника самому акту творчества, и тѣмъ еще, что мысль въ нихъ есть главное, а форма только какъ бы средство для ея выраженія. Общаго же съ произведеніями художественной поэзіи они имѣютъ то, что выходятъ изъ живого и пламеннаго вдохновенія, а не мертваго и холоднаго разсудка, берутъ у поэзіи всѣ ея краски; говорятъ душѣ образами, а не отвлеченными идеями. Кому извѣстны „Сонъ“ и „Уничтоженіе“ Жанъ-Поля Рихтера, тѣ поймутъ, о чемъ мы говоримъ. Для незнакомыхъ же съ этимъ писателемъ выписываемъ здѣсь двѣ маленькія его пьески:

Любишь ли ты меня?—воскликнулъ молодой человѣкъ въ минуту чистѣйшаго восторга любви, въ то мгновеніе, когда души встрѣчаются и отдаются другъ другу.—Молодая дѣвушка взглянула на него и молчала.

— О, если ты меня любишь, — продолжалъ онъ,—заговори!

Но она взглянула на него, не будучи въ состояніи говорить.

— Да, я былъ слишкомъ счастливъ, я надѣялся, что ты меня любишь—все теперь исчезло—надежда и блаженство!

— Возлюбленный, неужели я тебя не люблю?— и она повторила вопросъ.

— О, зачѣмъ такъ поздно произнесла ты эти небесные звуки!

— Я была слишкомъ счастлива, я не могла говорить; только тогда возвращенъ мнѣ былъ даръ слова, когда ты передалъ мнѣ свою скорбь...

Старецъ стоялъ подъ окномъ, въ полночь на новый годъ, и съ горькимъ отчаяніемъ смотрѣлъ на неподвижное, вѣчно-цвѣтущее небо, и оттуда на безмолвную, чистую, обѣленную землю, на которой никому теперь не были столько чужды радость и сонъ, сколько ему, ибо его гробъ стоялъ близъ него; не юношеская зелень, но старческій снѣгъ лежалъ на немъ, и онъ уносилъ съ собою изо всѣхъ богатствъ жизни одни только заблужденія, преступленія и недуги—разоренное тѣло, запустѣвшую душу, грудь, напоенную ядомъ, и возрасть раскаянія. Прекрасные дни юности мелькали предъ нимъ, какъ привидѣнія, и манили его опять къ тому прелестному утру, когда отецъ въ первый разъ поставилъ его на распутіи жизни, вправо ведущемъ по солнечной стезѣ добродѣтели, въ дальнюю мирную страну, полную свѣта и жатвы и полную ангеловъ; влѣво же сводящемъ въ кротовую нору порока, въ черный вертепъ, полный точащагося яда, полный гнѣздящихся змѣй и мрачныхъ удушающихъ паровъ.

Ахъ! змѣи висѣли у него на груди и капли яда на языкѣ: онъ зналъ теперь, гдѣ онъ былъ!

Безчувственный, съ неизрекаемою скорбію, воскликнулъ онъ къ небу: „Отдай мою юность! о, отецъ мой! поставь меня опять на распутіи, дабы я могъ выбрать иначе!“

Но его отецъ и его юность были уже далеко. Онъ видѣлъ блудящіе огни, скакавшіе по болотамъ, угасавшіе на кладбищѣ, и говорилъ: „Это буйные дни мои!“ Онъ видѣлъ падавшую съ неба звѣзду, сверкавшую въ своемъ паденіи и разсыпавшуюся на землѣ: „Это я!“ сказало сердце его, облитое кровью, и змѣиные зубы раскаянія глубже еще впились въ раны.

Распаленное воображеніе представляло ему лунатиковъ, бѣгающихъ по кровлямъ: вѣтряная мельница угрожала раздробить его размахнутыми крыльями, и запавшее въ опустѣломъ жилищѣ мертвыхъ страшилище принимало на себя мало-по-малу черты его.

Посреди сихъ ужасныхъ судорогъ вдругъ отдалась съ башни музыка на новый годъ, какъ отдаленное церковное пѣніе. Кроткія, тихія движенія пробудились въ немъ. — Онъ провелъ взоры по небосклону вокругъ широкой земли; вспомнилъ о друзьяхъ своей юности, коп, счастливѣе и лучше его, были теперь наставниками земли, отцами счастливыхъ дѣтей, благословляемыми мужами; вспомнилъ — и воскликнулъ: „О! и я бы могъ, если бъ захотѣлъ, продремать эту первую ночь такъ же, какъ и вы, съ сухими глазами! — ахъ! я бы могъ быть счастливымъ, любезные родители, когда бы исполнялъ ваши новогодніе желанія и наставленія!“

Въ лихорадочномъ воспоминаніи о дняхъ юности ему показалось, что на кладбищѣ встаетъ страшилище, имѣющее черты его: суевѣріе, мечтающее ночью подъ новый годъ видѣть духовъ будущности, превратило это страшилище въ живого юношу.

Онъ не могъ смотрѣть болѣе:—закрылъ глаза;— потоки горячихъ слезъ брызгали изъ нихъ, растопляя снѣгъ; онъ вздыхалъ— и вздыхалъ тихо, безутѣшно, безчувственно: „Воротись только, воротись опять, юность!“

. . . *И она опять воротилась*, ибо это былъ только страшный *сонъ* подъ новый годъ. *Онъ былъ еще юноша*, только—*заблужденія его были не сонъ!*— Но онъ благодарилъ Бога, что, будучи юнъ еще, можетъ пока воротиться назадъ съ грязныхъ путей порока и вступить снова на солнечную стезю, ведущую въ богатую страну жатвы.

Воротись съ нимъ, юный читатель, если стоишь на его пути лукавомъ! Этотъ ужасный сонъ будетъ нѣкогда твоимъ судьею; и если ты тогда съ сокрушеніемъ звать будешь: „воротись, прекрасная юность!“—ахъ, она не воротится!

Русская литература имѣетъ писателя, по духу, формѣ и достоинству своихъ произведеній близкаго къ Жанъ-Полю Рихтеру. Мы говоримъ о князѣ Одоевскомъ и имѣемъ въ виду такія его произведенія, какъ „Послѣдній квартетъ Бетховена“, „Opera del cavaliere Giambattista Piranesi“, „Импровизаторъ“, „Насмѣшка Мертваго“, „Бригадиръ“ и пр. Содержаніе каждой изъ этихъ пьесъ составляетъ феноменъ духа человѣческаго, или нравственный вопросъ въ глубочайшемъ значеніи этого слова; въ основѣ ихъ глубокое міросозерцаніе и благородный юморъ, форма дышетъ красками вдохновенной поэзіи, мысль мощно охватываетъ душу читателя и высказывается рѣзко и опредѣленно. Колоритъ этихъ пьесъ—фантастическій, какъ самый приличный произведеніямъ такого рода. Впрочемъ, и повѣсть кн. Одоевскаго „Княжна Мими“, хотя ея содержаніе и взято изъ прозы жизни, принадлежитъ также къ тому, что̀ мы называемъ дидактическою поэзіею. Ея цѣль чисто-нравственная; но эта цѣль высказывается въ живыхъ картинахъ, въ увлекательномъ разсказѣ, въ проникнутыхъ чувствомъ и одушевленіемъ мысляхъ, а не въ холодной аллегоріи, не въ моральныхъ сентенціяхъ и ходячихъ истинахъ, которыхъ справедливость всѣ признаютъ, какъ и то, что два, умноженныя на два, составляютъ четыре, но которыя всѣмъ надоѣли, никого не убѣждаютъ, какъ и почтенныя истины, что если выйдешь на холодъ съ открытою грудью, то можешь простудиться, а если пойдешь на улицу въ дождь, то непремѣнно вымочишься.

Желая быть для всѣхъ сколько возможно ясными, выписываемъ здѣсь одну пьесу кн. Одоевскаго, какъ фактъ того, что̀ мы называемъ дидактическою поэзіею.

Балъ разгорался часъ-отъ-часу сильнѣе; надъ безчисленными тускнѣющими свѣчами волновался тонкій чадъ и сквозь него трепетали штофные занавѣсы, мраморныя вазы, золотыя кисти, барельефы, колонны, картины; отъ обнаженной груди красавицъ поднимался знойный воздухъ, и часто, когда пары, будто бы вырвавшіяся изъ рукъ чародѣя, въ быстромъ круженіи промелькали передъ глазами, васъ, какъ въ безводныхъ степяхъ Аравіи, обдавалъ горячій, удушающій вѣтеръ; часъ-отъ-часу скорѣе развивались душистые локоны; смятая дымка небрежнѣе свертывалась на распаленныя плечи; быстрѣе бился пульсъ, чаще встрѣчались руки; близились вспыхивающія лица; томнѣе дѣлались взоры, слышнѣе смѣхъ и шопотъ;

старики поднимались съ мѣстъ своихъ, расправляли безсильные члены, и въ ихъ остолбенѣлыхъ глазахъ мѣшалась горькая зависть съ бѣшенымъ воспоминаніемъ прошедшаго — и все вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ безуміи...

На небольшомъ возвышеніи съ визгомъ скользили смычки по натянутымъ струнамъ, трепеталъ могильный голосъ волторнъ, и однообразные звуки литавръ отзывались насмѣшливымъ хохотомъ. Сѣдой капельмейстеръ, съ улыбкой на лицѣ, внѣ себя отъ восторга, безпрестанно учащалъ размѣръ и взоромъ, тѣлодвиженіями возбуждалъ утомленныхъ музыкантовъ.

— „Не правда ли?“ говорилъ онъ мнѣ отрывисто, не оставляя смычка: „не правда ли? я говорилъ, что оживлю этотъ балъ—и сдержалъ свое слово. Все дѣло въ музыкѣ, — не умѣютъ составлять ея, — она поднимаетъ съ мѣста, — она невольно вводитъ танцующихъ въ упоеніе,—въ сочиненіяхъ славныхъ музыкантовъ есть мѣста, которыя производятъ странное дѣйствіе — я славно подобралъ ихъ—въ этомъ все дѣло—вотъ слышите: это вопль доны Анны, когда донъ Хуанъ насмѣхается надъ нею; вотъ это стонъ умирающаго Командора, вотъ минута, когда Отелло начинаетъ вѣрить своей ревности, вотъ послѣдняя молитва Дездемоны...“

Еще долго капельмейстеръ исчислялъ мнѣ всѣ человѣческія страданія, получившія голосъ въ произведеніяхъ славныхъ музыкантовъ; но я не слушалъ его болѣе, — я замѣтилъ въ музыкѣ что-то странное, обворожительно-ужасное, я замѣтилъ, что къ каждому звуку присоединялся другой звукъ, болѣе пронзительный, отъ котораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ становились на головѣ; прислушиваюсь: то какъ-будто крикъ страждущаго младенца, или буйный вопль юноши, или визгъ сиротѣющей матери, или трепещущее стенаніе старца, и всѣ голоса различныхъ терзаній человѣческихъ явились мнѣ, какъ музыкальные тоны, разложенными по степенямъ одной безконечной *гаммы*, продолжавшейся отъ перваго вопля новорожденнаго до послѣдней мысли умирающаго Байрона: каждый звукъ вырывался изъ раздраженнаго нерва и каждый напѣвъ былъ судорожнымъ движеніемъ.

Этотъ страшный оркестръ темнымъ облакомъ висѣлъ надъ танцующими, — при каждомъ ударѣ оркестра вырывались изъ облака: и громкая рѣчь негодованія; и прерывающійся лепетъ побѣжденнаго болью; и глухой говоръ отчаянія; и рѣзкая скорбь жениха, разлученнаго съ невѣстою; и раскаяніе измѣны; и крикъ торжествующихъ возмутителей; и насмѣшка невѣрія; и безплодное рыданіе генія; и таинственная печаль обманутаго лицемѣра; и стонъ страдальца, непризнаннаго своимъ вѣкомъ; и вопль человѣка, въ грязь стоптавшаго сокровищницу души своей; и болѣзненный голосъ изможденнаго долгою жизнію человѣка; и радость мщенія, и трепетаніе злобы; и упоеніе истребителя; и томленіе жажды; и скрежетъ зубовъ, и хрустъ костей, и плачъ, и взрыдъ, и хохотъ... и все сливалось въ непстовыя созвучія, которыя громко выговаривали проклятіе природѣ и ропотъ на Провидѣніе; при каждомъ ударѣ оркестра выставлялись изъ него: то посинѣлое лицо истерзаннаго пыткою, то смѣющіяся глаза сумасшедшаго, то трясущіяся колѣни убійцы, то замолчавшія уста убитаго тайною грустію; изъ темнаго облака капали на паркетъ кровавыя слезы, — по нимъ скользили атласные башмаки красавицъ — и все попрежнему вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ холодномъ безуміи...

Долго за разсвѣтъ длился балъ, долго поднятые съ постели житейскими заботами останавливались посмотрѣть на мелькающія тѣни въ свѣтлыхъ окошкахъ.

Закруженный, усталый, истерзанный его мучительнымъ весельемъ, я выскочилъ на улицу изъ душныхъ комнатъ и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ; утренній благовѣстъ терялся въ шумѣ разъѣзжающихся экипажей и предо мною были растворенныя двери храма.

Я вошелъ; въ церкви пусто; одна свѣча горѣла предъ иконою, и тихій голосъ священника раздавался подъ сводами: онъ произносилъ завѣтныя слова любви, вѣры, надежды; онъ возвѣщалъ таинство искупленія, онъ говорилъ о Томъ, Кто соединилъ въ Себѣ всѣ страданія человѣка; онъ говорилъ о высокомъ созерцаніи Божества, о мирѣ душевномъ, о милосердіи къ ближнему, о братскомъ соединеніи человѣчества, о забвеніи обидъ, о прощеніи врагамъ, о тщетѣ замысловъ богопротивныхъ, о безпрерывномъ совершенствованіи души человѣка, о смиреніи передъ судьбами Всевышняго; онъ молился объ оглашенныхъ, о предстоящихъ!

Я бросился къ притвору храма, хотѣлъ удержать бѣснующихся страдальцевъ, сорвать съ сладострастнаго ложа ихъ растерзанное сердце, возбудить его отъ холоднаго сна огненною гармоніею любви и вѣры, но уже было поздно!—всѣ проѣхали мимо церкви и никто не слыхалъ словъ священника...

Была еще въ старину такъ называемая *описательная* поэзія. Цѣлыя огромныя поэмы были посвящаемы описанію извѣстныхъ садовъ, мѣстоположеній, временъ года и пр.: такую поэзію приличнѣе было бы называть *статистическою*. Впрочемъ, это—вздоръ, который не стоитъ и опроверженія. Поэзія говоритъ не описаніями, а картинами и образами; поэзія не описываетъ и списываетъ предмета, а создаетъ его.

Была еще *эпиграмматическая* поэзія. Выше мы намекнули на значеніе эпиграммы у древнихъ. Въ наше время это—острота, bon-mot, оправленное въ риѳму. Въ прошломъ вѣкѣ эпиграмма занимала почетное мѣсто въ ряду другихъ родовъ поэзіи; иные поэты тогда только и писали, что эпиграммы. Теперь это — или шалость поэта, или его хлопушка по иной физіономіи. Во всякомъ случаѣ, она относится не къ искусству, а къ беллетристикѣ.

1841 г.

28. Идея искусства.

Статья „Идея искусства“ должна была войти въ отдѣлъ „Эстетики“ задуманнаго Бѣлинскимъ „Теоретическаго и критическаго курса русской литературы“; она не была закончена Бѣлинскимъ [1]), а потому не была и напечатана при его жизни, появившись впервые въ посмертномъ собраніи сочиненій (изд. Солдатенкова, подъ редакціей Кетчера). Въ задуманной Бѣлинскимъ книгѣ статья „Идея искусства“ должна была, разумѣется, предшествовать помѣщенной нами выше статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“; написаны же обѣ эти статьи въ одно и то же время, въ 1841 г., какъ это высказалъ еще Кетчеръ и окончательно подтвердилъ анализомъ рукописей Бѣлинскаго г. Венгеровъ (см. его „Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“, т. VI, стр. 630—633). Настоящая статья воспроизводится здѣсь по тексту этого послѣдняго изданія.

Своей статьей объ „Идеѣ искусства“ Бѣлинскій не собирался сказать какого-либо „новаго слова“ въ области теоретической эстетики: не это было его цѣлью. „Цѣль русскаго критика — писалъ Бѣлинскій еще въ 1835 году, въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ — должна состоять не столько въ томъ, чтобы расширить кругъ понятій человѣчества объ изящномъ, сколько въ томъ, чтобы распространять въ своемъ отечествѣ уже извѣстныя, *осѣдлыя* понятія объ этомъ предметѣ. Не бойтесь, не стыдитесь, что вы будете повторять зады и не скажете ничего новаго... Самое старое будетъ у васъ ново, если вы человѣкъ съ мнѣніемъ и глубоко убѣждены въ томъ, что̀ говорите: ваша индивидуальность и вашъ способъ выраженія и самому вашему старому должны придать характеръ новости“ (см. наст. изд. т. I, стр. 143). Разумѣется, все это прежде всего и отъ слова до слова примѣнимо къ самому Бѣлинскому, который въ своихъ теоретическихъ статьяхъ объ эстетикѣ претворялъ въ пылкомъ, новомъ „способѣ выраженія“ — старыя гегеліанскія положенія.

Мы уже знаемъ о „тетрадкахъ“ Каткова (см. предыдущую замѣтку). Нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящей статьѣ Бѣлинскій пользовался этими „тетрадками“, а быть можетъ, и другими доступными ему источниками при изложеніи основныхъ началъ гегелевской философіи и особенно отдѣльныхъ пунктовъ ея. Отмѣтимъ нѣсколько очень характерныхъ мелочей. Бѣлинскій дважды на протяженіи статьи отмѣчаетъ, что „Новая Голландія... представляетъ собою зрѣлище недостигшаго своего развитія материка“: эта фраза буквально взята изъ гегелевской философіи природы (отдѣлъ „Органическая физика“, въ § 339-мъ VII тома посмертнаго собранія сочиненій Гегеля, а также въ его краткой „Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften“). Эта интересная мелочь, быть можетъ, гораздо характернѣе того обстоятельства, что вся статья Бѣлинскаго является пересказомъ и популяризированіемъ основныхъ положеній философіи Гегеля: именно это изученіе мелочей показываетъ, какъ тщательно изучали друзья Бѣлинскаго эту философію, не только въ ея общихъ чертахъ, но и въ частностяхъ. Другое замѣчаніе: Бѣлинскій въ этой своей статьѣ (и въ другихъ статьяхъ гегеліанскаго періода) часто употребляетъ слово „моментъ“ въ смыслѣ опредѣленнаго этапа пути; напримѣръ: „развитіе идеи изъ самой себя есть ея прохожденіе черезъ собственные моменты“, или „природа есть первый моментъ духа“ и т. п. Терминъ этотъ сталъ съ тѣхъ поръ общеупотребительнымъ: всѣ мы говоримъ о тѣхъ или иныхъ „моментахъ развитія“, не подозрѣвая даже, что терминъ этотъ введенъ у насъ Бѣлинскимъ и еще менѣе подозрѣвая, что созданъ этотъ терминъ Гегелемъ (см. его „Wissenschaft der Logik“—въ собраніи сочиненій т. III, стр. 106). Еще примѣръ: Бѣлинскій называетъ діалектическое развитіе „единой лѣствицей съ земли на небо, на которой нельзя подняться на высшую ступень, не опершись на ту, которая подъ нею“; опять-таки это и мысль и терминологія самого Гегеля (см. его „Phänomenologie des Geistes“—въ собраніи сочиненій т. II, стр. 21—23). Мы приводимъ эти справки для того, чтобы доказать, какъ близко были знакомы Бѣлинскій и его друзья со всѣми книгами Гегеля—съ его „Феноменологіей“, „Логикой“, „Энциклопедіей“, не говоря уже объ Эстетикѣ.

Но несмотря на такое детальное знаніе отдѣльныхъ частей философіи Гегеля, несмотря на вѣрную передачу въ этой статьѣ основныхъ началъ гегеліанства о саморазвитіи абсолютнаго духа—все-таки главный вопросъ статьи былъ рѣшенъ Бѣлинскимъ далеко не всецѣло по Гегелю. Что̀ такое искусство?—спрашиваетъ Бѣлинскій и отвѣ-

[1]) Въ замѣткѣ къ статьѣ № 30 мы покажемъ, что продолженіемъ и окончаніемъ „Идеи искусства“ была вторая изъ статей Бѣлинскаго о русской народной поэзіи.

частъ на этотъ вопросъ сравнительнымъ опредѣленіемъ религіи, искусства и философіи. Казалось бы, что онъ дастъ эти опредѣленія всецѣло по Гегелю: Гегель опредѣляетъ религію, какъ благоговѣйное представленіе, искусство, какъ свободное созерцаніе, и философію, какъ познаваніе въ мышленіи — сущности абсолютнаго духа самимъ этимъ духомъ (Hegels Sämmtliche Werke, b. X, t. I, p. 132). Бѣлинскій въ настоящей статьѣ почти слово въ слово повторяетъ эти опредѣленія: религія, говоритъ онъ, есть непосредственное представленіе истины, искусство есть непосредственное созерцаніе истины и философія—чистое мышленіе. Отсюда и то опредѣленіе искусства, которымъ начинается статья: „искусство есть *непосредственное* созерцаніе истины или *мышленіе въ образахъ*“. Но именно въ подчеркиваемой Бѣлинскимъ *непосредственности* и лежитъ пунктъ его уклоненія отъ Гегеля, не говоря уже о томъ, что Гегель опредѣляетъ искусство, какъ самосозерцаніе абсолютнаго духа, а Бѣлинскій— какъ созерцаніе этого духа эмпирической личностью. Выясненію гегелевскаго термина „непосредственность“ Бѣлинскій посвящаетъ рядъ страницъ, но не указываетъ на то, что для Гегеля „непосредственное“ было низшей ступенью къ „опосредственному“, и что въ этомъ былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ расхожденія между Гегелемъ и Шеллингомъ. Опредѣляя искусство, какъ *непосредственное* созерцаніе истины, Бѣлинскій удалялся отъ Гегеля и приближался къ Шеллингу, къ его ученію о „творческой интуиціи“ и объ интуитивномъ познаніи истины: „непосредственный“, въ толкованіи Бѣлинскаго, и значитъ въ сущности „интуитивный“. Такимъ образомъ *въ опредѣленіи искусства Бѣлинскимъ мы видимъ характерную амальгаму гегеліанства и шеллингіанства*, ясный налетъ шеллингіанства на основу гегелевскихъ положеній. Эта искусственная амальгама не могла быть долговѣчной; но во всякомъ случаѣ она показываетъ, что Бѣлинскій не слѣпо слѣдовалъ разъ принятой системѣ, но развивалъ и дополнялъ ея положенія: принимая ея методъ и даже ея частности, онъ перерабатывалъ ея выводы въ связи съ общей концепціей своего міровоззрѣнія.

Опредѣливъ искусство, какъ „непосредственное созерцаніе истины“ или „мышленіе въ образахъ“, Бѣлинскій тутъ же заявилъ, что это опредѣленіе „совершенно новое у насъ“, и что оно „еще въ первый разъ произносится на русскомъ языкѣ“. Говоря такъ, Бѣлинскій впалъ въ странную ошибку: онъ, повидимому, забылъ, что опредѣленіе искусства, какъ „мышленія въ образахъ“, не только „произносилось“, но было даже напечатано имъ же самимъ, Бѣлинскимъ, въ одной изъ статей „Московскаго Наблюдателя“ 1838 года; онъ это забылъ, несмотря на то, что въ этой своей статьѣ объ „Идеѣ искусства“ онъ ссылается въ примѣчаніи на помѣщенную тамъ же и тогда же статью Ретшера въ переводѣ Каткова („О философской критикѣ художественнаго произведенія“). Популяризируя, объясняя и развивая мысли этого отрывка, Бѣлинскій посвятилъ Ретшеру особую статью (см. наст. изд. № 13), въ которой и повторилъ опредѣленіе Ретшеромъ поэзіи, какъ „мышленія въ образахъ“. Теперь Бѣлинскій только расширилъ это опредѣленіе и примѣнилъ его не къ одной поэзіи, а къ искусству вообще. Интересно отмѣтить, что это—повидимому ненамѣренное — слѣдованіе по стопамъ Ретшера Бѣлинскій совершилъ именно тогда, въ 1841 году, когда въ письмахъ своихъ отрекался отъ былого преклоненія передъ этимъ послѣдователемъ Гегеля и рѣзко порицалъ Ретшера за педантизмъ и филистерство (въ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта и отъ 27 іюня 1841 года). „Пигмеи всѣ эти гегелята!“ — восклицаетъ Бѣлинскій, говоря о Ретшерѣ. Это не помѣшало Бѣлинскому развить опредѣленіе Ретшера — быть можетъ потому, что подобное опредѣленіе поэзіи встрѣчается и у Гегеля, точно такъ же, какъ и до него оно, кажется, встрѣчалось у Шлегеля. Въ нѣмецкой литературѣ оно, насколько намъ извѣстно, не удержалось.

Зато, благодаря Бѣлинскому, это крайне неудачное опредѣленіе стало ходячимъ въ русской литературѣ. Опредѣлить поэзію, какъ „мышленіе въ образахъ“ — еще возможно, хотя и съ нѣкоторой натяжкой; опредѣлить же такъ искусство вообще — совершенно невозможно, такъ какъ, напримѣръ, подъ это опредѣленіе нельзя подвести одновременно и архитектуру и музыку. Какъ бы то ни было, но это неудачное опредѣленіе привилось и сохранилось до сихъ поръ, несмотря на то, что общая точка зрѣнія Бѣлинскаго на эстетику давно уже оставлена. Стоявшій передъ Бѣлинскимъ вопросъ — „что такое искусство?“ — получилъ впослѣдствіи много рѣшеній, изъ которыхъ, конечно, мы до сихъ поръ не имѣемъ и никогда не будемъ имѣть общеобязательнаго. Въ русской литературѣ послѣ статей Бѣлинскаго мы имѣли знаменитую диссертацію Чернышевскаго, не менѣе знаменитое „разрушеніе эстетики“ Писаревымъ, возрожденіе ея въ девяностыхъ годахъ, извѣстную статью Л. Толстого и т. д.; на Западѣ же теорія эстетики перешла (послѣ трудовъ Фехнера) съ умозрительной на эмпирическую почву. Читатель, желающій получить общее понятіе о положеніи этого вопроса въ настоящее время, можетъ обратиться къ недавно переведенной на русскій

языкъ книжкѣ проф. Э. Меймана „Введеніе въ современную эстетику“.

Возвращаясь къ статьѣ Бѣлинскаго, отмѣтимъ въ заключеніе, что, не напечатавъ ея въ журналѣ, Бѣлинскій въ то же время отчасти воспользовался ею при работѣ надъ своими журнальными статьями. Отрывки изъ статьи объ „Идеѣ искусства“ мы найдемъ въ статьяхъ Бѣлинскаго о русской народной поэзіи, написанныхъ въ томъ же 1841 году (см. ниже, № 30). Закончимъ указаніемъ на письмо Бѣлинскаго къ Боткину (отъ 11 декабря 1840 года), которое тѣсно связано со статьей о „Раздѣленіи поэзіи на роды и виды“, съ настоящей статьей Бѣлинскаго объ „Идеѣ искусства“ и съ находящимся въ ней раздѣленіемъ искусства, религіи и философіи. „Я рѣшилъ для себя важный вопросъ, — пишетъ Бѣлинскій въ этомъ письмѣ: — есть поэзія художественная (высшая — Гомеръ, Шекспиръ, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, Байронъ, Шиллеръ, Гете, Пушкинъ, Гоголь); есть поэзія религіозная (Шиллеръ, Ж.-П. Рихтеръ, Гофманъ, самъ Гете); есть поэзія философская („Фаустъ“, „Прометей“, отчасти „Манфредъ“ и пр.). Между ними нельзя положить опредѣленныхъ границъ, потому что онѣ не пребываютъ одна къ другой въ неподвижномъ равнодушіи, но, какъ элементъ, входятъ одна въ другую, взаимно модифицируя другъ друга. Слава Богу, наконецъ *всѣмъ нашлось мѣсто*! Вотъ отчего въ „Фаустѣ“ есть дивныя вещи (т.-е. даже во второй части), какъ, напримѣръ, „Матери“ (въ выноскѣ къ переводу Каткова статьи Ретшера въ „Моск. Набл.“) — не могу безъ священнаго трепета читать этого мѣста“ (Пыпинъ, „В. Г. Бѣлинскій“, стр. 347). Все, сказанное здѣсь, вошло въ извѣстныя уже намъ статьи Бѣлинскаго начала 1841 года; какъ видимъ еще и еще разъ—Бѣлинскій долго и упорно работалъ мыслью, прежде чѣмъ „рѣшилъ для себя“ всѣ эти вопросы и прежде чѣмъ закрѣпилъ свои мысли въ рядѣ статей. Вотъ почему, несмотря на ихъ гегеліанскую форму, сущность ихъ принадлежитъ Бѣлинскому и только ему. **И.-Р.**

Искусство есть *непосредственное* созерцаніе истины, или мышленіе въ *образахъ*.

Въ развитіи этого опредѣленія искусства заключается вся теорія искусства: его сущность, его раздѣленіе на роды, равно какъ условія и сущность каждаго рода.

Примѣч. Это опредѣленіе еще въ первый разъ произносится на русскомъ языкѣ, и его нельзя найти ни въ одной русской эстетикѣ, или такъ называемой теоріи словесности, — и поэтому, чтобы оно не показалось страннымъ, дикимъ и ложнымъ для тѣхъ, которые слышатъ его въ первый разъ, мы должны войти въ самыя подробныя объясненія всѣхъ представленій, заключающихся въ этомъ совершенно новомъ у насъ опредѣленіи искусства, — хотя бы многое тутъ и не относилось собственно къ искусству и могло бы для людей, знакомыхъ съ наукою въ ея современномъ состояніи, показаться неважнымъ, лишнимъ, мелочно-подробнымъ.

Первое, что̀ особенно должно въ нашемъ опредѣленіи искусства поразить собою, какъ странностью, многихъ изъ читателей, — есть безъ сомнѣнія то, что мы *искусство* называемъ *мышленіемъ*, и тѣмъ самымъ соединяемъ между собою два самыя противоположныя, самыя несоединимыя представленія.

Въ самомъ дѣлѣ, философія всегда враждовала съ поэзіею, — и въ самой Греціи, истинномъ отечествѣ и поэзіи и философіи, философъ осудилъ поэтовъ на изгнаніе изъ своей идеальной республики, хотя и увѣнчалъ ихъ предварительно лаврами. Общее мнѣніе приписываетъ поэтамъ живую, страстную натуру, которая заставляетъ ихъ увлекаться настоящимъ мгновеніемъ, забывая о прошедшемъ и будущемъ, пріятному жертвовать полезнымъ, ненасытимую ничѣмъ и никогда неудовлетворяемую жажду наслажденія, всегда предпочитаемаго нравственности, легкость, измѣнчивость и непостоянство во вкусахъ и стремленіяхъ, наконецъ— безпокойную фантазію, которая всегда увлекаетъ ихъ отъ дѣйствительнаго къ идеальному и отнимаетъ въ ихъ глазахъ цѣну вѣрному счастью дня для прекрасной и несбыточной мечты. Напротивъ, философамъ общее мнѣніе приписываетъ стремленіе къ мудрости, какъ высшему благу жизни, непонятному для толпы и недостижимому для людей обыкновенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно почитаетъ ихъ неотъемлемыми качествами — несокрушимую силу воли, постоянство въ стремленіи къ единой и неизмѣнной цѣли, благоразуміе въ поступкахъ, умѣренность въ желаніяхъ, предпочтеніе полезнаго и истиннаго пріятному и обольщающему, умѣніе достигать въ жизни благъ прочныхъ, дѣйствительныхъ и наслаждаться, находя ихъ источникъ въ самихъ себѣ, въ таинственной сокровищницѣ своего безсмертнаго духа, а не въ призрачной внѣшности и калейдоскопической пестротѣ обманчивыхъ обольщеній земной жизни. И потому общее мнѣніе видитъ въ поэтѣ любимое дитя,

счастливаго баловня пристрастной матери-природы, дитя испорченное, шаловливое, капризное, часто злое даже, но тѣмъ больше очаровательное и милое; въ философѣ видитъ оно строгаго служителя вѣчной истины и мудрости, олицетворенную правду въ словахъ, добродѣтель въ поступкахъ. И потому перваго встрѣчаетъ оно съ любовью, и если, оскорбляемое его легкостію, изъявляетъ ему иногда свое негодованіе, то не иначе, какъ съ улыбкою на устахъ; второго встрѣчаетъ оно съ уваженіемъ, сквозь которое просвѣчиваетъ робость и холодность. Однимъ словомъ, простое, непосредственное, эмпирическое сознаніе видитъ между поэзіею и философіею ту же разницу, какъ и между живою, пламенною, радужною, легкокрылою фантазіею и сухимъ, холоднымъ, кропотливымъ и суровымъ брюзгою-разсудкомъ. Но то же самое общее мнѣніе, которое положило между поэзіею и философіею такую же разницу, какъ-бы между огнемъ и водою, жаромъ и холодомъ, — то же самое общее мнѣніе, или непосредственное сознаніе, указало имъ и одинаковое стремленіе къ единой цѣли — къ небу. Поэзіи приписываетъ оно божественную силу восторгать къ небу духъ человѣческій высокими ощущеніями, возбуждая ихъ въ немъ прекрасными нерукотворенными образами общей жизни; дѣломъ философіи поставляетъ оно роднить духъ человѣческій съ тѣмъ же небомъ и тѣми же высокими ощущеніями, но возбуждая ихъ живымъ сознаніемъ въ мысли законовъ общей жизни.

Мы нарочно привели здѣсь простое, естественное сознаніе толпы: оно всѣмъ доступно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ въ себѣ глубокую истину, такъ-что наука вполнѣ подтверждаетъ и оправдываетъ его. Дѣйствительно, въ самой сущности *искусства и мышленія* заключается и ихъ враждебная противоположность и ихъ тѣсное, единокровное родство другъ съ другомъ, какъ мы увидимъ ниже.

Все сущее, все, что̀ есть, все, что̀ называемъ мы матеріею и духомъ, природою, жизнію, человѣчествомъ, исторіею, міромъ, вселенною, — все это есть *мышленіе*, которое само себя мыслитъ. Все существующее, все это безконечное разнообразіе явленій міровой жизни, есть не что иное, какъ формы и факты мышленія: слѣдовательно, существуетъ одно мышленіе, и кромѣ мышленія ничто не существуетъ.

Мышленіе есть дѣйствіе, а всякое дѣйствіе необходимо предполагаетъ при себѣ движеніе. Мышленіе состоитъ въ діалектическомъ движеніи, или развитіи мысли изъ самой себя. Движеніе или развитіе есть жизнь и сущность мышленія: безъ нихъ не было бы движенія, а была бы какая-то мертвая, неподвижно-стоячая пребываемость первосущныхъ силъ только-что наклюнувшейся жизни, безъ всякаго опредѣленія, осуществившаяся въ-явѣ картина хаотическаго состоянія души, съ такою ужасающею вѣрностью изображенная поэтомъ:

То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонмъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой
Недвижный, мрачный и нѣмой.

Точка отправленія, исходный пунктъ мышленія есть божественная абсолютная идея; движеніе мышленія состоитъ въ развитіи этой идеи изъ самой себя, по законамъ высшей (трансцендентальной) логики или метафизики; развитіе идеи изъ самой себя есть ея прохожденіе черезъ собственные моменты,—какъ мы покажемъ это ниже самимъ примѣромъ.

Развитіе идеи изъ самой себя, или изнутри самой себя называется на философскомъ языкѣ *имманентнымъ*. Отсутствіе всякихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ способовъ и толчковъ, которые могъ бы представить опытъ, есть условіе имманентнаго развитія; въ жизненномъ содержаніи самой идеи заключается органическая сила имманентнаго развитія,—такъ живое зерно заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ силу своего развитія въ растеніе, — и чѣмъ богаче жизненное содержаніе, въ нѣдрахъ зерна заключенное, тѣмъ могущественнѣйшее растеніе развивается изъ него, и наоборотъ: изъ жолудя и изъ маленькаго орѣшка развиваются величественный дубъ и огромный кедръ, въ облака упирающіеся своими вершинами, а изъ картофелины, которая, можетъ быть, въ пятьдесятъ разъ больше жолудя и въ 1000 разъ больше кедроваго орѣха—огородная былинка, едва ли на нѣсколько вершковъ возвышающаяся надъ землею.

Мышленіе необходимо условливаетъ собою существованіе двухъ противоположныхъ, какъ явленія, сторонъ духа, которыя себѣ находятъ въ немъ свое примиреніе, единство и тожество: это — духъ *субъективный* (внутренній, мыслящій) и духъ *объективный* (внѣшній первому, мыслимый, предметъ мышленія). Изъ сего ясно видно, что мышленіе, какъ дѣйствіе, необходимо предполагаетъ два противоположные другъ другу предмета—мыслящій (субъектъ) и мыслимый (объектъ), и что оно невозможно безъ ра-

зумнаго существа — человѣка. Послѣ этого насъ въ правѣ спросить: какимъ же образомъ весь міръ и сама природа есть не что иное, какъ мышленіе?

Мыслимое съ мыслящимъ — однородно, единосущно и тождественно, такъ что первое движеніе первобытной матеріи, стремившейся стать (werden) нашею планетою, и послѣднее разумное слово сознающаго человѣка есть не что иное, какъ одна и та же сущность, только въ различныхъ моментахъ своего развитія. Сфера познаваемаго есть почва, изъ которой возникаетъ и образуется сознаніе.

Ничто, повидимому, такъ не противоположно и ни враждебно одно другому, какъ природа и духъ, и въ то же время ничто такъ и ни родственно и ни единосущно одно съ другимъ, какъ природа и духъ. Духъ есть причина и жизнь всего сущаго; но самъ по себѣ онъ есть только возможность бытія, но не его дѣйствительность; чтобы стать (werden) бытіемъ дѣйствительнымъ, онъ долженъ былъ явиться тѣмъ, что́ мы называемъ міромъ, и прежде всего стать природою.

Итакъ, природа есть первый моментъ духа изъ возможности стремящагося стать дѣйствительностью. Но и тотъ первый шагъ его къ бытію дѣйствительному не былъ имъ сдѣланъ вдругъ, но совершался въ послѣдовательномъ рядѣ множества моментовъ, изъ которыхъ каждый ознаменовался особенною ступенью творенія. Прежде нежели явились творенія, населяющія землю, образовалась сама земля, и образовалась не вдругъ, а постепенно, перейдя черезъ множество превращеній, перетерпѣвъ множество переворотовъ, но такъ, что всякій послѣдующій переворотъ былъ ступенью къ ея совершенству [1]). Законъ всякаго развитія есть то, что каждый послѣдующій моментъ выше предшествовавшаго. Но вотъ планета наша готова, — и изъ нѣдръ ея возникаютъ милліоны созданій, образующія собою три царства природы. Мы видимъ ихъ въ безпорядкѣ, въ хаотическомъ смѣшеніи: на вершинѣ дерева сидитъ птица, у корня змѣя сторожитъ свою добычу, возлѣ пасется волъ, и т. д. Воля человѣка на одномъ небольшомъ пространствѣ соединяетъ самыя разнородныя явленія природы: бѣлаго медвѣдя, жителя полярныхъ льдовъ, со львомъ и тигромъ, жителями знойныхъ странъ тропическихъ; разводитъ въ Европѣ американскія растенія — табакъ и картофель, и въ сѣверныхъ странахъ, съ помощью теплицъ, возращаетъ роскошные плоды вѣчно-весенняго юга. Но въ этомъ хаотическомъ безпорядкѣ, въ этой пестрой смѣси, въ этомъ безконечномъ разнообразіи теряется и исчезаетъ только утомленный взоръ человѣка: разумъ же его видитъ въ этихъ явленіяхъ строгую послѣдовательность, непреложное единство. Отвлекая отъ этихъ безконечно разнообразныхъ и безконечно безчисленныхъ явленій природы ихъ общія свойства, онъ доходитъ до сознанія родовъ и видовъ, — и нестройный хаосъ исчезаетъ передъ нимъ, уступая мѣсто совершенному порядку; милліоны случайныхъ явленій превращаются въ единицы необходимыхъ явленій, изъ которыхъ каждое есть навсегда остановившійся въ своемъ полетѣ моментъ воплощенія развивающейся божественной идеи! Какая строгая послѣдовательность! Нигдѣ нѣтъ скачковъ — звенья цѣпляются за звенья и образуютъ единую безконечную цѣпь, въ которой каждое послѣдующее звено лучше предшествовавшаго! Коралловыя деревья соединяютъ минеральное царство съ растительнымъ; полипы — животнорастенія — соединяютъ живымъ звеномъ растительное царство съ животнымъ, которое открывается міріадами насѣкомыхъ, этихъ какъ бы сорвавшихся съ своихъ стеблей и летающихъ цвѣтовъ, и постепенно переходя до высшихъ организацій, оканчивается орангутангомъ, этимъ неудавшимся человѣкомъ! Всему свое мѣсто и время, и каждое послѣдующее явленіе есть какъ бы необходимый результатъ предшествовавшаго: какая строгая логическая послѣдовательность, какое непреложно правильное мышленіе! Но вотъ является человѣкъ — и царство природы оканчивается — начинается царство духа, но духа еще порабощеннаго природѣ, хотя уже и порывающагося къ свободѣ чрезъ побѣду надъ нею. Полу-звѣрь и полу-человѣкъ, онъ весь покрытъ волосами, огромный станъ его наклоненъ впередъ, нижняя челюсть высунулась впередъ, голени почти безъ икръ, большой палецъ на ногахъ отстоящій; но его надежда уже не на одну силу, но и на ловкость и соображеніе: руки его вооружены, но не простою палкою, не дубиною, но чѣмъ-то въ родѣ каменнаго топора, прикрѣпленнаго къ длинной палкѣ... Въ Австраліи мы видимъ дикарей раздѣленными на племена: они пожираютъ подобныхъ себѣ,— и физіологи говорятъ, что причина этого страшнаго заблужденія — ихъ организація, требующая пищи изъ человѣческаго мяса, какъ наилучше претворяющагося въ кровь и плоть питающихся имъ. Туземецъ Африки — лѣнивое, звѣрообразное, тупоумное существо, осужденное на вѣчное рабство и работающее изъ-подъ палки и смертельныхъ истязаній. Въ Америкѣ только мелкія племена, на окружающихъ ее островахъ, были

[1]) Новая Голландія и теперь еще представляетъ собою зрѣлище недостигшаго своего развитія материка. *Прим. Бѣлинскаго.*

подвержены человѣкояденію; на материкѣ же ея были двѣ огромныя монархіи, Перу и Мехика, представительницы высшаго образованія, до какого только могли достигнуть дикари высшей противъ другихъ организаціи. Какая правильная постепенность, какая строго-непреложная послѣдовательность въ этихъ переходахъ изъ низшаго рода въ высшій, изъ низшей организаціи въ высшую, въ этомъ безконечномъ стремленіи духа найти самого себя, какъ самосознающую личность. Принимая новую форму и какъ бы не удовлетворяясь ею, онъ не разрушаетъ ее, но оставляетъ какъ воплощенный и навсегда прикованный къ пространству моментъ своего развитія,—и принимаетъ новую форму, какъ выраженіе новаго момента своего развитія. Бѣдные сыны Америки и теперь остались тѣми же, какими застали ихъ Европейцы. Переставши бояться огнестрѣльнаго оружія, какъ гласа боговъ раздраженныхъ, даже научившись употреблять его сами, — они все-таки нисколько не очеловѣчились съ тѣхъ поръ, и дальнѣйшаго развитія человѣческаго существа мы должны искать въ Азіи. Только тутъ кончилось твореніе, природа совершила свой полный кругъ и уступила свое мѣсто новому чисто-духовному развитію — исторіи. Тутъ опять раздѣленіе человѣческаго рода на расы — и племя кавказское является цвѣтомъ человѣчества. Изъ колѣнъ и племенъ образуются народы, изъ семействъ — государства, и каждое государство есть не что иное, какъ моментъ духа, развивающагося въ человѣчествѣ, и даже время явленія каждаго соотвѣтствуетъ моменту развивающейся изъ себя абстрактной мысли или философскому мышленію. И для человѣчества тѣ же законы, что и для человѣческой личности: и для него есть эпохи младенчества, юности и возмужалости. Въ своей священной колыбели—въ Азіи, оно — дитя природы, спеленанное ею по рукамъ и по ногамъ, исповѣдуетъ непосредственную вѣру преданія, живетъ религіозными миѳами до тѣхъ поръ, пока въ Греціи не вышло изъ-подъ опеки природы, а темныя религіозныя вѣрованія изъ символовъ не возвысило до поэтическихъ образовъ и не просвѣтлило свѣтомъ разумной мысли. Жизнь греческаго народа была цвѣтомъ древней жизни, конкреціею ея элементовъ, богатымъ пиромъ, за которымъ послѣдовалъ упадокъ древняго міра. Младенчество кончилось — наступилъ періодъ юношества, періодъ религіозный по преимуществу, рыцарскій, поэтическій, полный жизни, движенія, романическихъ подвиговъ, несбыточныхъ предпріятій. Открытіе Америки, изобрѣтеніе пороху и книгопечатанія были внѣшними толчками для перехода человѣчества изъ юношескаго возраста въ эпоху возмужалости, продолжающеся и теперь. Каждый вѣкъ вытекалъ изъ другого и одинъ былъ необходимымъ результатомъ другого.

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
Чѣмъ кончилось дѣло?—
Вопроси другого!
Каждый отвѣчаетъ.

Каждое важное событіе въ человѣчествѣ совершается въ *свое время*, а не прежде и не послѣ. Каждый великій человѣкъ совершаетъ дѣло своего времени, рѣшаетъ современные ему вопросы, выражаетъ своею дѣятельностью духъ того времени, въ которое онъ родился и развился. Въ наше время невозможны ни крестовые походы, ни инквизиція, ни всемірное владычество державнаго священника; въ средніе вѣка невозможны были ни эта личная безопасность, которою пользуется каждый изъ членовъ новѣйшаго гражданскаго общества, ни это свободное развитіе, возможность котораго предоставляетъ новѣйшее гражданское общество даже послѣднѣйшему изъ своихъ членовъ, ни эти великія побѣды духа надъ природою, или, лучше сказать, это полное покореніе природы духу, которое выразилось въ паровыхъ машинахъ, почти уничтожившихъ время и пространство. Организаціи, подобныя организаціямъ Колумба, Карла V, Франциска I, герцога Альбы, Лютера и проч., возможны и въ наше время, какъ онѣ и всегда были возможны; да только, явившись въ наше время, онѣ совсѣмъ не такъ бы дѣйствовали и не то бы совсѣмъ сдѣлали.

Итакъ, отъ перваго пробужденія довременныхъ силъ и элементовъ жизни, отъ перваго движенія ихъ въ матеріи чрезъ всю лѣствицу развивавшейся въ твореніи природы, до вѣнца творенія — человѣка; отъ перваго соединенія людей въ общества до послѣдняго историческаго факта нашего времени— одна цѣпь развитія, нигдѣ не прерывающаяся, единая лѣствица съ земли на небо, на которой нельзя подняться на высшую ступень, не опершись на ту, которая подъ нею! И въ природѣ и въ исторіи владычествуетъ не слѣпой случай, а строгая, непреложная внутренняя необходимость, по причинѣ которой всѣ явленія связаны другъ съ другомъ родственными узами, въ безпорядкѣ является стройный порядокъ, въ разнообразіи единство, и по причинѣ которой возможна наука. Что же такое эта внутренняя необходимость, дающая смыслъ и значеніе всѣмъ явленіямъ бытія, и эта строгая послѣдовательность и

постепенность, въ которой явленія слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ бы выходя другъ изъ друга? Это—*мышленіе, само себя мыслящее.*

Природа есть какъ бы средство для духа стать дѣйствительностью и увидѣть и сознать самого себя. Посему ея вѣнецъ — человѣкъ, съ которымъ окончилась и на которомъ остановилась ея творческая дѣятельность. Гражданское общество есть средство для развитія человѣческихъ личностей, которыя суть—все, и въ которыхъ живетъ и природа, и общество, и исторія, въ которыхъ снова повторяются всѣ процессы міровой жизни, то-есть природы и исторіи. Какимъ же образомъ это происходитъ? Чрезъ мышленіе, посредствомъ котораго человѣкъ проводитъ чрезъ себя все внѣ его существующее — и природу, и исторію, и наконецъ собственную свою личность, какъ будто бы и она была чуждый и внѣ его находящійся предметъ.

Въ человѣкѣ духъ обрѣлъ самого себя, нашелъ свое полное и непосредственное выраженіе, сознался въ немъ себя, какъ субъектъ или личность. Человѣкъ есть воплощенный разумъ, существо *мыслящее* — титулъ, которымъ онъ и отличается отъ всѣхъ другихъ существъ и возвышается какъ царь надъ всѣмъ твореніемъ. Подобно всему въ природѣ существующему, онъ есть мышленіе уже по одному непосредственному существованію какъ факту; но еще болѣе есть онъ мышленіе по дѣйствію своего разума, въ которомъ повторяется, какъ въ зеркалѣ, все бытіе, весь міръ, со всѣми его явленіями, физическими и умственными. Средоточіе и фокусъ этого мышленія есть его *Я*, которое или которому онъ противопоставляетъ и на которое онъ рефлектируетъ (отражаетъ) всякій мыслимый имъ предметъ, не исключая и самого себя. Еще не пріобрѣтши никакихъ идей, онъ уже родится мыслящимъ, ибо самая природа его непосредственно открываетъ ему тайны бытія, — и всѣ первоначальные миѳы младенчествующихъ народовъ суть не выдумки, не изобрѣтенія, не вымыслы, а непосредственное откровеніе истины о Богѣ и мірѣ и ихъ отношеніяхъ, откровенія, которыя своей образностью дѣйствовали на младенческій умъ не прямо, а чрезъ фантазію передавались сперва чувству. Вотъ религія въ ея философскомъ опредѣленіи: непосредственное представленіе истины.

Во всякомъ младенчествующемъ народѣ замѣчается сильная наклонность выражать кругъ своихъ понятій видимымъ чувственнымъ образомъ и, начиная съ символа, доходить до поэтическихъ образовъ. Это второй путь, вторая форма мышленія—искусство, котораго философское опредѣленіе есть — непосредственное созерцаніе истины. Мы къ нему скоро возвратимся, такъ какъ оно составляетъ главный предметъ нашей книги.

Наконецъ вполнѣ развившійся и созрѣвшій человѣкъ переходитъ въ высшую и послѣднюю сферу мышленія — въ мышленіе чистое, отрѣшенное отъ всего непосредственнаго, все возвышающее до чистаго понятія и опирающееся на само себя.

Очевидно, что все это только три различные пути, три различныя формы одного и того же содержанія, которое есть – бытіе. Какъ бы то ни было, только эти три рода мышленія, если можно такъ выразиться, совсѣмъ не то, что̀ мы называли мышленіемъ до человѣка, міромъ природы и исторіи. Дѣйствительно, это не одно и то же, хотя и одно и то же, точно такъ же, какъ человѣкъ-младенецъ и человѣкъ-мужъ есть не одно и то же существо, хотя послѣдній все-таки есть не что иное, какъ новая и высшая форма перваго.

Читатели не забыли, что въ нашемъ опредѣленіи искусства мы употребили слово „непосредственный“; вѣроятно также они замѣтили, что и потомъ мы часто его употребляли. Значеніе этого слова такъ важно, оно замѣняетъ собою такъ много словъ и, посему, частое употребленіе его такъ необходимо, что мы почитаемъ долгомъ сдѣлать отступленіе отъ предмета для его объясненія.

Слово „непосредственный“ и происходящее отъ него „непосредственность“ взято съ нѣмецкаго языка и принадлежитъ новѣйшей философіи. Оно означаетъ и бытіе и дѣйствіе прямо изъ самого себя выходящее, безъ всякаго посредства. Объяснимъ это примѣромъ. Ежели вы знаете человѣка по его образу мыслей и его образу жизни и характеру дѣйствій, любите и уважаете его за нихъ,—вы знаете его не непосредственно, потому что онъ открылся вашему разумѣнію не непосредственно, а посредствомъ своего образа мыслей, жизни и дѣйствій. И такимъ вы можете передать его и разумѣнію другого человѣка, никогда его не видавшаго,—и изъ вашихъ словъ этотъ другой можетъ почувствовать къ нему такое же уваженіе и такую же любовь. Но тутъ еще не весь человѣкъ, а только тѣнь, которую онъ отъ себя отбрасываетъ, не самъ человѣкъ, а только его описаніе. Когда вы слышите отъ другого разсказъ о такомъ человѣкѣ, — умъ вашъ занятъ болѣе или менѣе яснымъ представленіемъ разныхъ хорошихъ или дурныхъ качествъ, но воображеніе ваше пусто, — въ немъ не отражается, какъ въ зеркалѣ, никакого живого образа, который бы говорилъ самъ за себя, или подтверждалъ бы то, что̀ вамъ говорятъ о немъ. Что̀-жъ это значитъ?— то, что какъ описаніе примѣтъ человѣка не даетъ яснаго представленія его наружности, такъ и изображеніе, отвлеченіе его хорошихъ

или дурныхъ качествъ, какъ бы ни были они замѣчательны, не дастъ живого созерцанія личности человѣка; надо, чтобы онъ самъ за себя говорилъ, внѣ своихъ хорошихъ или дурныхъ качествъ. Есть лица, которыя, будучи и хороши и дурны, не оставляютъ въ нашей памяти рѣзкаго слѣда и скоро исчезаютъ изъ нея. Есть, напротивъ, другія, которыя, повидимому ничего не имѣя особеннаго, рѣзко хорошаго, или рѣзко дурного, съ перваго взгляда навсегда остаются въ вашемъ воображеніи. Это особенно поразительно въ отношеніи къ женскимъ лицамъ: часто ослѣпительная красота уступаетъ въ нашемъ созерцаніи мѣсто самому скромному, самому, кажется, обыкновенному лицу. Причина такой разности въ впечатлѣніяхъ, производимыхъ тою или другою личностью, безъ сомнѣнія, заключается въ самой этой личности, но тѣмъ не менѣе эта причина не выговариваема словомъ, какъ всякая тайна. Вотъ человѣкъ: смѣло и бойко говоритъ онъ обо всемъ, ловко и искусно даетъ вамъ знать о своихъ высокихъ качествахъ; по его словамъ, онъ живетъ въ одномъ высокомъ и прекрасномъ, готовъ отдать за истину свою жизнь; вы слушаете его, видите въ немъ много ума, не отрицаете даже и чувства, его мнѣніе о самомъ себѣ кажется вамъ правдоподобнымъ, — и между тѣмъ вы остаетесь къ нему холодны, онъ не возбуждаетъ въ васъ никакого живого интереса. Что̀ это значитъ?—Конечно то, что вы безсознательно чувствуете какое-то противорѣчіе между его словами и имъ самимъ. Разсудокъ вашъ одобряетъ его слова, беретъ ихъ какъ данныя для сужденія о немъ, а *непосредственное* впечатлѣніе, которое онъ производитъ на васъ, возбуждаетъ недовѣрчивость къ его словамъ и отталкиваетъ васъ отъ него. Но вотъ другой человѣкъ: онъ такъ чуждъ всякихъ претензій, такъ простъ, такъ обыкновененъ; онъ говоритъ о томъ же, о чемъ и всѣ говорятъ—о погодѣ, о лошадяхъ, о шампанскомъ, объ устрицахъ, — а между тѣмъ вы, видя его въ первый разъ, какъ-будто по какому-то капризу своего чувства, на зло вашему разсудку увѣряетесь, что этотъ человѣкъ не то, чѣмъ кажется, что ему открыты высшія идеальныя области и глубочайшія тайны бытія, — и онъ смѣло и прямо, какъ свою собственность, беретъ вашу любовь и уваженіе, прежде нежели вы успѣете замѣтить это. Здѣсь опять та же причина—сила и власть непосредственнаго впечатлѣнія, которое производитъ на васъ этотъ человѣкъ. Все, что̀ скрывается въ его натурѣ, — все это выражается въ самыхъ его движеніяхъ, жестахъ, голосѣ, лицѣ, игрѣ физіономіи, словомъ — въ его *непосредственности*. Такъ точно иногда вся роскошь образованія, умственнаго, эстетическаго и свѣтскаго, даже при выгодной наружности, не возбуждаетъ въ насъ къ женщинѣ того трепетнаго, музыкальнаго чувства, которое внушаетъ присутствіе женщины, того благоговѣнія, какимъ оно насъ оковываетъ; а простая дѣвушка, лишенная всякаго образованія, но которой натура глубока и богата, однимъ спокойнымъ взглядомъ заставляетъ опускаться дерзко устремленные на нее взоры, какъ будто бы ихъ поразили лучи солнечные. По той же самой причинѣ вы иногда тяготитесь и скучаете самыми острыми словами, самыми умными шутками, не находя въ нихъ ничего забавнаго, кромѣ претензіи быть забавными; и вы же не можете безъ смѣха ни слышать ни одного слова, ни видѣть ни одного движенія иного человѣка, хотя ни въ его словахъ, ни въ его движеніяхъ, повидимому, нѣтъ ничего смѣшного, такъ что, пересказывая о нихъ кому-нибудь и думая произвести несомнѣнный эффектъ, вы сами находите, къ своему удивленію, что въ нихъ ровно ничего нѣтъ, и что вся ихъ обаятельная сила заключалась въ *непосредственности* того человѣка.

Эта же самая непосредственность, составляющая такое важное условіе *личности* всякаго человѣка, является и въ *дѣйствіи* человѣка. Бываютъ случаи, въ которыхъ наша натура какъ бы дѣйствуетъ за насъ, не ожидая посредничества нашей мысли или нашего сознанія, — и мы какъ бы инстинктивно поступаемъ тамъ, гдѣ, повидимому, невозможно дѣйствовать безъ сознательнаго соображенія. Такъ, напримѣръ, случается, что человѣкъ, сильно ушибшись, или подвергавшись опасности сильно ушибиться объ какой-нибудь, незамѣченный имъ по разсѣянности или по сосредоточенности въ себѣ, предметъ, — всякій разъ, какъ проходитъ мимо того мѣста, хотя бы ночью, наклоняется безсознательно. Такое дѣйствіе есть вполнѣ *непосредственное*. Но гораздо выше и поразительнѣе тѣ непосредственныя дѣйствія человѣческаго духа, въ которыхъ проявляется его высшая жизнь. Какъ бы ни было свято и истинно убѣжденіе человѣка, какъ бы ни были благородны и чисты его намѣренія, но, чтобы высказать или привести ихъ въ исполненіе, для этого еще недостаточно ни силы убѣжденія, ни благонамѣренности стремленія: для этого необходимъ тотъ вдохновенный порывъ, въ которомъ сливаются во-едино всѣ силы человѣка, физическая природа его проникаетъ собою духовную его сущность, которая, въ свою очередь, просвѣтляетъ собою физическую его природу, разумное дѣйствіе становится инстинктивнымъ движеніемъ и, наоборотъ, мысль дѣлается фактомъ, дѣйствіе разумной

и свободной человѣческой воли — непосредственнымъ явленіемъ. Исторія представляетъ намъ поразительный примѣръ подобнаго непосредственнаго проявленія силы человѣческаго духа, торжествующаго даже надъ законами природы: сынъ Креза былъ отъ рожденія нѣмъ, но, увидѣвъ, что непріятельскій солдатъ хочетъ, по незнанію, убить его отца, вдругъ получилъ употребленіе языка и воскликнулъ: „Воинъ, не убивай царя!“ Но и этотъ примѣръ, какъ ни поразителенъ онъ, еще не представляетъ самаго высшаго проявленія непосредственной разумности: ее можно видѣть во всей безконечности ея великаго значенія только въ тѣхъ свободныхъ и разумныхъ дѣйствіяхъ человѣка, въ которыхъ обнаруживается его высшая духовная природа и стремленіе къ безконечному. Вся исторія человѣчества съ одной стороны есть не что иное, какъ безконечный рядъ картинъ такого рода непосредственно разумныхъ и разумно непосредственныхъ дѣйствій, въ которыхъ личное желаніе сливается съ внѣшнею для личности необходимостью, воля дѣлается инстинктомъ, порывъ къ дѣйствію самимъ дѣйствіемъ. Непосредственность дѣйствія не исключаетъ изъ себя ни воли, ни сознанія,— напротивъ, чѣмъ болѣе того и другого участвуетъ въ немъ, тѣмъ оно выше, плодотворнѣе и дѣйствительнѣе; но воля и сознаніе, сами по себѣ, какъ отдѣльно взятые элементы духа, никогда не переходятъ въ дѣйствіе и не приносятъ плодовъ въ высшихъ сферахъ дѣйствительности, ибо тутъ они являются силами враждебными непосредственности, въ которой заключается живая производительная сила. Начало и развитіе природы, всѣ явленія исторіи и искусства совершались *непосредственно*.

Можетъ быть, многимъ изъ нашихъ читателей слово „непосредственный“ покажется совершенно равнозначительнымъ слову „безсознательный“, а „непосредственность“ — „безсознательности“, — и они, можетъ быть, упрекнутъ насъ въ суетномъ желаніи изобрѣтать и вводить въ моду новыя и никому неизвѣстныя слова для старыхъ и всѣмъ извѣстныхъ понятій, давно уже выраженныхъ тоже всѣмъ извѣстными словами, и обвинятъ въ педантской охотѣ вдаваться въ излишнія объясненія и ненужныя отступленія, которыя не поясняютъ, а только затемняютъ дѣло. Если это случится, и если причиною этого будетъ не опрометчивая невнимательность поверхностнаго читателя,—то уже конечно и не справедливость его обвиненія, а развѣ то, что мы неудовлетворительно объяснили этотъ предметъ. Въ непосредственности можетъ быть безсознательность, но не всегда бываетъ, — и оба эти слова отнюдь не одно и то же, и даже не синонимы. Природа, напримѣръ, произошла непосредственно и вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно; историческія же явленія, каковы начало языковъ и политическихъ обществъ, произошли непосредственно, но отнюдь не безсознательно: такъ же точно непосредственность явленія есть основной законъ, непреложное условіе въ искусствѣ, дающее ему высокое значеніе: но безсознательность не только не составляетъ необходимой принадлежности искусства, но враждебна ему и унизительна для него. Слово „непосредственный“ объемлетъ собою и заключаетъ въ себѣ гораздо обширнѣйшее, глубочайшее и высшее понятіе, нежели слово „безсознательный“: это мы ясно докажемъ въ дальнѣйшемъ развитіи идеи искусства.

Условіе непосредственности всякаго явленія есть вдохновенный порывъ; результатъ непосредственности всякаго явленія есть организація. Только вдохновенное можетъ явиться непосредственно, только непосредственно явившееся можетъ быть органическимъ, только органическое можетъ быть живымъ. Организмъ и механизмъ, или природа и ремесло,—вотъ два міра, враждебно-противоположные другъ другу. Одинъ — свободный, безпрестанно движущійся, измѣняющійся, неуловимый въ переливахъ цвѣтовъ и красокъ, шумный и звучный; другой — оцѣпенѣлый въ мертвенной неподвижности, рабски правильный и безжизненно-опредѣленный, съ ложнымъ блескомъ, поддѣльною жизнью, нѣмой и безгласный. Явленія перваго міра, живыя и непосредственно произрождающіяся, называются еще и вдохновенными или творческими, а явленія второго міра — предметами механическими или произведеніями рукъ человѣческихъ. Разумѣется, что этого не должно понимать буквально, и первоначальную живоносную причину смѣшивать съ посредствующею: всѣ статуи, всѣ картины дѣлаются руками человѣческими, но несмотря на то, есть статуи и картины органическія, вдохновенныя, творческія, и есть статуи и картины механическія, не созданныя, а сдѣланныя.

Очевидно, что созданнымъ или творческимъ называется все, что̀ не можетъ быть произведено соображеніемъ, разсчетомъ, разсудкомъ и волею человѣка, даже все, что̀ не можетъ назваться и изобрѣтеніемъ, но что̀ непосредственно является изъ небытія въ бытіе или творящею силою природы, или творческою силою духа человѣческаго, и что̀, въ противоположность изобрѣтенію, должно называться *откровеніемъ*. Организація, составляющая существенное различіе между произведеніями творческими и произведеніями механическими, очевидно, есть результатъ того процесса, посредствомъ котораго она возникаетъ. Про-

тивопоставимъ природу ремеслу, чтобы объяснить это примѣромъ. Когда у человѣка, изобрѣтшаго часы, мелькнула въ головѣ первая мысль объ этой машинѣ,—дѣло не было кончено этимъ мгновеніемъ: не говоря уже о томъ, что много долженъ былъ думать и соображать, прежде нежели приступилъ къ выполненію своей мысли,—онъ долженъ былъ еще и безпрестанно повѣрять ее опытомъ, и въ опытѣ искать дополненія своей мысли. Созидая, онъ снова разрушалъ, слагая, разбиралъ, ибо всегда находилъ, что чего-нибудь да недоставало. Главный духовный дѣятель въ актѣ его изобрѣтенія было *соображеніе, разсчетъ, вычисленіе вѣроятностей*. Осторожно, будто впотьмахъ, дѣлалъ онъ шагъ за шагомъ, работая головою и считая на пальцахъ. И потому его изобрѣтеніе не могло быть тотчасъ же совершеннымъ, но нужны были вѣковые успѣхи точныхъ наукъ, чтобы оно могло дойти до совершенства. Хочетъ ли ремесло подражать природѣ,—тутъ еще поразительнѣе видно могущество одной и безсиліе другого. Человѣкъ хочетъ сдѣлать цвѣтокъ—розу. Для этого онъ беретъ натуральную, долго и внимательно изучаетъ ее во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ—каждый лепестокъ, складку, переливъ и оттѣнокъ цвѣта, общую форму, и уже послѣ многихъ соображеній и разсчетовъ выкраиваетъ и сшиваетъ свой цвѣтокъ изъ тканей, окрашенныхъ подъ цвѣта природы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ велико его искусство: за десять шаговъ вы не отличите его искусственной розы отъ натуральной; но подойдите ближе — и вы увидите холодный, неподвижный трупъ подлѣ прекраснаго, полнаго жизни созданія природы,—и ваше чувство оскорбится мертвою поддѣлкою. Съ радостнымъ чувствомъ схватываете вы очаровательный цвѣтокъ — разсматриваете и обоняете его. Его листики и лепестки расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, что ихъ правильность можетъ постигаться только нашимъ умомъ, а не повѣряться нашими инструментами, слишкомъ недостаточно для этого правильными, и потомъ каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такою заботливостью, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣланъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей... Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ и оттѣнковъ, какая нѣжная и яркая пыль... о, самъ царь Соломонъ во славѣ своей не одѣвался такъ великолѣпно!... И какое, наконецъ, упоительное благоуханіе!... Но до сихъ поръ, пока мы на эту розу смотримъ со-внѣ, любуясь и дивясь ея видомъ, цвѣтомъ и запахомъ, искусственный цвѣтокъ еще можетъ быть сравниваемъ съ нею, по крайней мѣрѣ, хоть какъ пародія на нее, доказывающая своего рода силу и могущество человѣческаго ума; но развѣ въ розѣ однимъ этимъ все оканчивается? О, нѣтъ! это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изнутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Загляните туда, внутрь этого цвѣтка, — и всякое сравненіе съ нимъ искусственной розы уничтожается само собою, какъ нелѣпость, оскорбляющая здравый смыслъ. Тамъ, внутри зеленаго стебелька, на которомъ такъ граціозно держится этотъ роскошный цвѣтокъ, тамъ цѣлый новый міръ: тамъ самостоятельная лабораторія жизненности, тамъ по тончайшимъ сосудцамъ дивно-правильной отдѣлки течетъ влага жизни, струится невидимый эѳиръ духа... И между тѣмъ природа употребила на этотъ дивный цвѣтокъ и меньше времени и болѣе простые и дешевые матеріалы, и нисколько труда, соображенія или разсчета: пало въ землю небольшое зерно,—и изъ земли вышло растеніе, одѣлось въ листья и украсилось цвѣтами на брачный пиръ весны... Уже въ его зернѣ заключался и корень и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ, и вся архитектура растенія, со всѣми его формами и пропорціями! Но что же тутъ сдѣлала природа? Чѣмъ же ознаменовала она свое участіе въ созданіи этого цвѣтка? Повторяемъ: ей это ничего не стоило. Спокойно, безъ всякихъ усилій повторяетъ она теперь однажды навсегда созданныя ею явленія. Но было мгновеніе, когда она страшно работала, въ напряженіи и борьбѣ всѣхъ силъ своихъ... Когда всемощное „Да будетъ“ пробудило довременный хаосъ, небытіе воззвало къ бытію, возможность къ дѣйствительности, идею къ явленію, — когда безплотная божественная мысль, довременно существовавшая, изъ ничего явилась нашею планетою,—и долго вращалась эта планета то въ океанѣ воды, то въ океанѣ огня,—и высокіе хребты горъ на мѣстѣ бывшаго дна морского, подземные потоки водъ и огней, бездонныя моря, острова и озера, огнедышущіе вулканы свидѣтельствуютъ о ея страшныхъ переворотахъ, прежде чѣмъ она стала тѣмъ, что теперь есть, о ея великой работѣ, которая и теперь еще не кончилась, судя по цѣлому огромному материку, еще и доселѣ не совершенно сформировавшемуся [1]). Да, это была великая работа; какъ будто съ болями и страданіями порождала природа безконечные ряды явленій,—и каждое изъ нихъ было могучимъ, мгновеннымъ и нечаяннымъ порывомъ изъ тьмы небытія на свѣтъ жизни. Величественно и прекрасно зданіе

[1]) Новая Голландія. *Прим. Бѣлинскаго.*

вселенной! Какъ правиленъ этотъ голубой куполъ неба, по которому въ такомъ строгомъ порядкѣ, въ такой неизмѣнной правильности и гармоніи восходитъ и заходитъ солнце, появляется и скрывается луна съ міріадами звѣздъ! И между тѣмъ не циркулю обязаны своимъ существованіемъ эти круги и сферы, не было начертано на бумагѣ предварительнаго плана, и соображеніе математика не опредѣлило заранѣе этихъ безконечныхъ отношеній между безконечными величинами, тяжестями и пространствами. Нѣтъ конца вселенной, нѣтъ числа небеснымъ тѣламъ, и всѣ они дѣлятся на міры, подчиненные одинъ другому, и каждое изъ нихъ есть часть цѣлаго, составляющаго какъ бы живое органическое тѣло и находится во взаимномъ отношеніи и взаимной зависимости отъ всякаго другого,—и все это пространство безъ границъ, вся эта величина безъ измѣренія, все это множество безъ исчисленія, составляющее собою единое и цѣлое, родилось само изъ себя, заключая въ себѣ и свои законы, и свои вѣчныя неизмѣнныя числа и линіи, и весь чертежъ своего тоталитета. Вселенная есть божественная мысль, отъ вѣчности довременно существовавшая, какъ разумная возможность, и вдругъ ставшая очевидною дѣйствительностью чрезъ воплощеніе въ форму. Въ полнотѣ ея существованія мы видимъ двѣ, повидимому, противоположныя, но, въ сущности, родственныя стороны: духъ и матерію. Духъ есть божественная мысль, источникъ жизни; матерія есть та форма, безъ которой мысль не могла бы проявиться. Очевидно, что оба эти элемента нуждаются другъ въ другѣ: безъ мысли всякая форма мертва, безъ формы мысль есть только могущее быть, но не сущее. Въ явленіи они составляютъ единое и нераздѣльное, проникая другъ друга и исчезая другъ въ другѣ. Процессъ ихъ слитія воедино (конкреціи) есть таинство, въ которомъ жизнь какъ бы сокрылась отъ самой себя, не желая и самоё себя сдѣлать свидѣтельницею своего величайшаго акта, своего торжественнѣйшаго священнодѣйствія. Мы знаемъ необходимость, но только ощущаемъ или созерцаемъ таинство этого процесса. Онъ есть необходимое условіе жизненности явленій, и его результатъ есть—*организація*, результатъ которой есть *особность, индивидуальность и личность*.

Всѣ явленія природы суть не что иное, какъ частныя и особныя проявленія *общаго*. Общее есть идея. Что̀ такое идея? По философскому опредѣленію, идея есть конкретное понятіе, котораго форма не есть что-нибудь внѣшнее ему, но форма его развитія, его же собственнаго содержанія. Но какъ мы чужды философскаго изложенія нашего предмета, то и постараемся намекнуть о немъ нашимъ читателямъ какъ можно менѣе отвлеченно, какъ можно о̀бразнѣе. Во второй части „Фауста“ Гёте есть мѣсто, которое можетъ навести насъ на предощущеніе значенія „идеи“, близкое къ истинѣ. Фаустъ, давъ обѣщаніе императору вызвать предъ него Париса и Елену, требуетъ помощи у Мефистофеля, который неохотно указываетъ ему единственное средство для выполненія этого обѣщанія. „Въ неприступной пустотѣ—говоритъ онъ — царствуютъ богини; тамъ нѣтъ пространства, еще менѣе времени: то *матери*“.—Матери? — восклицаетъ изумленный Фаустъ, — матери, матери, повторяетъ онъ,—это такъ странно звучитъ...—„Богини—продолжаетъ, Мефистофель—невѣдомыя вамъ, смертнымъ, и неохотно именуемыя нами. Готовъ ли ты? Тебя не остановятъ ни замки, ни запоры; тебя обоймутъ пустота. Имѣешь ли ты понятіе о совершенной пустотѣ?“—Фаустъ увѣряетъ его въ своей готовности.—„Если бъ тебѣ надобно было плыть,—продолжаетъ снова Мефистофель,—по *безграничному* океану, если бы тебѣ надобно было созерцать эту безграничность,—ты бы увидѣлъ тамъ по крайней мѣрѣ стремленіе волны за волной, ты бы увидѣлъ тамъ нѣчто; ты бы увидѣлъ на зелени усмирившагося моря плескающихся дельфиновъ; передъ тобою ходили бы облака. солнце, мѣсяцъ, звѣзды, но въ пустой, вѣчно пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь своего собственнаго шага, ногѣ твоей не на что будетъ опереться“.—Фаустъ непоколебимъ.—Въ твоемъ *ничто*,—говоритъ онъ,—я надѣюсь найти *все* ((In deinem Nichts hoff ich das All zu finden).—Мефистофель послѣ этого даетъ Фаусту ключъ. „Ступай за этимъ ключомъ—говоритъ онъ ему—онъ доведетъ тебя до *матерей*.—Слово „матери“ снова заставляетъ Фауста содрогнуться.—Матерей!—восклицаетъ онъ:—какъ ударъ поражаетъ меня это слово! Что это за слово такое, что я не могу его слышать?—„Неужели ты такъ ограниченъ, — отвѣчаетъ ему Мефистофель,—что новое слово смущаетъ тебя?“... Мефистофель потомъ даетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ поступать въ своемъ дивномъ путешествіи, и Фаустъ, ощутивъ въ груди своей новыя силы отъ прикосновенія къ волшебному ключу, топнувъ ногой, погружается въ бездонную глубь.—„Любопытно,—говоритъ Мефистофель, оставшись одинъ,—возвратится ли онъ назадъ?“—Но Фаустъ возвратился, и возвратился съ успѣхомъ: онъ вынесъ съ собою, изъ бездонной пустоты, треножникъ, тотъ треножникъ, который былъ необходимъ для того, чтобы вызвать въ міръ дѣйствительный красоту въ лицѣ Париса и Елены [1]).

[1]) Все это мѣсто, содержащее въ себѣ указаніе

Да, странное это слово „матери“, безъ тайнаго содроганія нельзя его выговаривать, какъ будто бы это было одно изъ тѣхъ мистическихъ словъ, отъ которыхъ блѣднѣетъ луна и мертвые шевелятся въ гробахъ своихъ!... Но еще болѣе нужно отваги, чтобы пуститься въ безпредѣльную пустоту и дойти до „матерей“!... Но, кто не содрогнется и не отступитъ назадъ и не изнеможетъ въ своемъ страшномъ подвигѣ—тотъ воротится съ волшебнымъ треножникомъ, съ которымъ можно вызывать тѣни давно умершихъ и безплотныя мысли одѣвать въ благолѣпныя тѣла... Эти „матери“—тѣ первосущныя, довременныя идеи, которыя, воплотившись въ формы, стали мірами и явленіями жизни. Жизнь никого не страшитъ, но, какъ красавица съ огненнымъ взоромъ, розовыми ланитами и манящими поцѣлуй устами, она влечетъ къ себѣ насъ неодолимою обаятельною силою,—закрывъ глаза, потерявъ сознаніе, мы бросаемся въ ея объятія,—и мы смотримъ на нее—не насмотримся, любуемся ею—не налюбуемся... Но въ насъ сидитъ червякъ, отравляющій полноту наслажденія — этотъ червякъ—жажда знанія. Лишь только онъ зашевелится, очаровательный образъ красавицы начинаетъ отъ насъ скрываться; червякъ растетъ, превращается въ змѣю, сосущую кровь изъ нашего сердца,—красавица исчезаетъ совсѣмъ, и чтобы возвратить ее, мы должны отвратить нашъ взоръ отъ формъ и красокъ и устремить его на скелеты безъ жизни и красоты. Но скоро мы должны отказаться и отъ этого, и ринуться въ безграничную пустоту, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ образовъ, нѣтъ звуковъ и красокъ, нѣтъ пространства и времени, гдѣ не на чемъ остановиться взору, не на что опереться ногѣ, гдѣ царствуютъ—матери всего сущаго—безтѣлесныя идеи, которыя суть то *ничто*, изъ которыхъ произошло *все*, которыя были отъ вѣчности, прежде міра, и отъ которыхъ двинулось время и потекли міры своимъ вѣковѣчнымъ путемъ...

Итакъ, идеи суть матери жизни, ея субстанціальная сила и содержаніе, тотъ неизсякаемый резервуаръ, изъ котораго немолчно текутъ волны жизни. Идея по существу своему есть общее, ибо она не принадлежитъ ни извѣстному времени, ни извѣстному пространству; переходя въ явленіе, она дѣлается особнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ. Вся лѣствица творенія есть не что иное, какъ обособленіе общаго въ частное, явленіе общаго частнымъ. Изъ общей міровой матеріи вышла наша планета и, получивъ свою единичную и особную форму, въ свою очередь стала общею субстанціею, матеріею, которая безпрестанно стремится къ обособленію въ миріадахъ существъ. Безобразныя массы металловъ и камней, не представляя собою никакой опредѣленной формы, тѣмъ не менѣе представляютъ собою особныя явленія, имѣющія свою, хотя и низшую и внѣшнюю организацію. Нѣкоторые изъ нихъ даже организуются въ опредѣленныя и правильныя формы призмъ, какъ бы вырастающихъ изъ какой-то почвы, которая состоитъ изъ одинаковаго съ ними вещества и служитъ имъ безобразнымъ базисомъ. Организація растеній выше, и вообще они представляютъ собою что-то уже высшее особности, хотя еще и не достигшее индивидуальности. Въ каждомъ изъ нихъ равно необходимы и корень, и стволъ, и вѣтвь, и листъ, но число листовъ ихъ неопредѣленно, и отшибенные не измѣняютъ особности дерева; что же до вѣтвей, то хотя онѣ...

1841 г.

на „Фауста“, есть выписка къ статьѣ Ретшера „О философской критикѣ художественнаго произведенія“, сдѣланная переводчикомъ этой статьи, г. Катковымъ, и здѣсь цѣликомъ взятая нами. См. „Московскій Наблюдатель“ 1838, Часть XVII, стр. 187 и 188.

Прим. Бѣлинскаго.

---

29. Общее значеніе слова литература.

Подобно предыдущей статьѣ и настоящая не была напечатана въ журналѣ, но предназначалась для задуманной Бѣлинскимъ исторіи русской литературы.

Разсматривая внимательно настоящую статью, не трудно убѣдиться, что она является въ сущности переработкой статьи „Русская литература въ 1840 г.“ (см. т. I, статья № 26), при чемъ нѣкоторыя страницы заимствованы дословно—напримѣръ, мѣсто о всемірно-историческомъ значеніи Франціи, Германіи и Англіи. Основная тема обѣихъ статей одинакова: опредѣленіе понятія „литература“ и отграниченіе этого понятія отъ сосѣднихъ. Параллельное сравненіе этихъ двухъ статей позволяетъ установить ихъ тождество по существу, несмотря на различіе по формѣ.

Однако и въ существѣ вопроса легко

видѣть небольшія, но очень характерныя измѣненія; измѣненія эти важны тѣмъ, что дають возможность опредѣлить приблизительное время написанія настоящей статьи. Такъ, напримѣръ, въ указанномъ выше сравненіи Франціи и Германіи, переписанномъ дословно изъ статьи о „Русской литературѣ въ 1840 году“, прибавлена характеристика нѣмецкой науки и искусства, какъ „отвлеченно-ученыхъ“, а нѣмецкаго быта, какъ „пошлаго“; наоборотъ, къ характеристикѣ Франціи прибавлено преклоненіе передъ ея общественной ролью, ролью „Эллады новаго міра“. Отсюда видно, что статья эта написана Бѣлинскимъ въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ уже отказался отъ былого „французоѣдства“ и, наоборотъ, увидѣлъ въ нѣмцахъ элементы „филистерства“ и „пошлости“. Такія выраженія мы находимъ въ перепискѣ Бѣлинскаго конца 1842 и начала 1843 года (см., напр., письмо къ Бакуниной отъ 8 марта 1843 года). Но даже гораздо раньше этого Бѣлинскій признавалъ Германію „позорнымъ государствомъ“, видѣлъ въ ней „много гофратовъ, филистеровъ... и другихъ гадовъ“, и съ тяжелымъ сердцемъ вспоминалъ „дичь, которую изрыгалъ въ неистовствѣ, съ пѣною во рту, противъ французовъ — этого энергическаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества“ (письмо къ Боткину отъ 11 декабря 1840 г.). Это онъ писалъ въ письмахъ почти одновременно со статьей о „Русской литературѣ въ 1840 году“. Такимъ образомъ, судя по этимъ взглядамъ, Бѣлинскій *могъ* написать статью „Общее значеніе слова литература“ еще въ 1841 году, одновременно со статьей „Идея искусства“.

Изъ другихъ соображеній ясно, однако, что онъ написалъ ее нѣсколько позднѣе — не раньше 1843 года. Начать съ того, что указанное выше сравненіе Франціи, Германіи и Англіи изъ статьи „Русская литература въ 1840 году“ Бѣлинскій подробнѣе развилъ во второй статьѣ о Державинѣ (см. ниже, статью № 44), написанной въ февралѣ 1843 года, и уже изъ этой статьи перенесъ, слегка переработавъ, въ настоящую статью; такимъ образомъ, настоящая статья не могла быть написана раньше начала 1843 года. Далѣе, въ этой статьѣ Бѣлинскій называетъ свою задуманную книгу не „Теоретическимъ и критическимъ курсомъ русской литературы“, какъ это онъ дѣлалъ въ 1841 году (см. выше, стр. 3), а „Критической исторіей русской литературы“, какъ это онъ дѣлалъ позднѣе — напримѣръ, въ своей статьѣ 1845 года о книгѣ Никитенко „Опытъ исторіи русской литературы“. Но съ другой стороны несомнѣнно, что настоящая статья написана *раньше* только-что указаннаго отзыва о книгѣ Никитенко. Дѣло въ томъ, что статья о книгѣ Никитенко написана на ту же самую тему — о значеніи и опредѣленіи слова „литература“, но написана совершенно независимо отъ статьи „Общее значеніе слова литература“: въ этой послѣдней статьѣ Бѣлинскій еще держится терминологіи Каткова и разграничиваетъ „словесность“ и „литературу“, почти какъ Катковъ въ своей статьѣ объ „Исторіи древней русской словесности“ („Отеч. Записки“ 1840 г., т. IX; см. объ этомъ въ статьѣ „Русская литература въ 1840 году“); въ статьѣ же о книгѣ Никитенко Бѣлинскій уже не держится этой терминологіи, а раздѣляетъ „литературу“ и „беллетристику“. Если бы статья „Общее значеніе слова литература“ была написана *послѣ* статьи о книгѣ Никитенко, то въ позднѣйшей статьѣ не могла бы остаться терминологія 1840 года и не могли бы не отразиться мысли одинаковой по сущности статьи о книгѣ Никитенко. Изъ всего этого ясно, что настоящая статья Бѣлинскаго появилась *не раньше* 1843 г. и *до* 1845 года; отсюда мы можемъ заключить, что статья эта была написана въ 1843—1844 г.

Мы склонны остановиться на болѣе раннемъ годѣ по цѣлому ряду соображеній, изъ которыхъ приведемъ здѣсь только одно — вліяніе Гегеля и, быть можетъ даже, извѣстныхъ уже намъ Катковскихъ „тетрадокъ“. Дѣло въ томъ, что цѣлый рядъ страницъ настоящей статьи (ниже, стр. 119—123) является только изложеніемъ — иногда дословнымъ — ряда главъ изъ философіи исторіи и философіи религіи Гегеля, чего совершенно нѣтъ въ произведеніяхъ Бѣлинскаго эпохи 1844—1848 гг. Всѣ указанныя выше страницы статьи Бѣлинскаго являются краткимъ конспектомъ слѣдующихъ мѣстъ изъ „Hegels Sämmtliche Werke“: т. IX, 190—200 и т. XI, 340—350 (объ Индіи); т. IX, 228—243 и т. XI, 400—415 (о Персіи и семитахъ); т. IX. 260—270 и т. XI, 440—455 (объ Египтѣ); т. IX, 275 sqq. и т. XII, 100 sqq. (о Греціи); т. IX, 340 sqq (о Римлянахъ). То, что въ философіи исторіи и религіи Гегеля занимаетъ сотню страницъ, Бѣлинскій излагаетъ на 3 — 4 страницахъ, но строго слѣдуя за Гегелемъ: почти всѣ отдѣльныя фразы Бѣлинскаго на этихъ страницахъ можно найти въ указанныхъ выше соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Два примѣра: Бѣлинскій говоритъ, что „погружаться въ созерцаніе совершенствъ Брамы, исчезать въ восторженномъ блаженствѣ этого піэтистическаго созерцанія и духомъ и плотью — цѣль жизни Индійца“; это не только мысль, но и дословная фраза Гегеля, точно такъ же

какъ и о томъ, что индусы относятся бережно къ животнымъ и небрежно къ людямъ. Любимая и часто повторявшаяся Гегелемъ мысль о значеніи мноа про загадку Сфинкса и про рѣшеніе ея Эдипомъ („самопознаніе человѣка“)—эта мысль опять-таки съ буквальной точностью передается Бѣлинскимъ. Мы могли бы вдесятеро увеличить число этихъ примѣровъ, показывающихъ, что въ указанныхъ выше страницахъ своей статьи Бѣлинскій повторялъ мысли и фразы изъ имѣвшагося у него какого-либо конспекта философіи исторіи или—вѣроятнѣе—философіи религіи Гегеля. Были ли это тѣ же самыя катковскія „тетрадки“—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ близкое къ подлиннику изложеніе Гегеля — налицо. Мы встрѣтились съ такимъ же изложеніемъ въ статьѣ объ „Идеѣ искусства“ (1841 г.); позднѣе, въ 1844—1848 гг., Бѣлинскій уже настолько охладѣлъ къ Гегелю, что не сталъ бы излагать страницами его философію, а особенно „Философію религіи“. Это заставляетъ насъ изъ двухъ указанныхъ выше возможныхъ годовъ написанія настоящей статьи выбрать болѣе ранній, т.-е. 1843 годъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что статья эта, вопреки господствующему мнѣнію историковъ литературы, была написана не *послѣ* пушкинскихъ статей Бѣлинскаго, а *раньше* ихъ. Вотъ почему мы помѣщаемъ эту статью въ настоящемъ мѣстѣ (а не въ III томѣ), только слегка нарушая этимъ хронологическій порядокъ помѣщенія статей—въ виду тѣсной связи этой статьи съ двумя предыдущими и съ послѣдующей.

Бѣлинскій самъ далъ въ настоящей статьѣ косвенное указаніе, позволяющее намъ другимъ путемъ установить годъ ея написанія. „Лѣтъ десять назадъ тому—говоритъ Бѣлинскій—раздался вопросъ: „есть ли русская литература?“. Разумѣется, онъ говоритъ о своихъ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, поставившихъ этотъ вопросъ въ 1834 году. Замѣтимъ кстати, что въ статьѣ „Русская литература въ 1840 году“ Бѣлинскій говорилъ: „лѣтъ шесть тому назадъ вдругъ раздался рѣзко и громко вопросъ: есть ли у насъ литература?“; изъ всего этого можно, казалось бы, вывести заключеніе, что настоящая статья писана въ 1844 году. Но тутъ надо имѣть въ виду, что журнальныя статьи Бѣлинскаго печатались немедленно по написаніи (часто даже такъ, что первыя страницы статьи уже набирались, пока послѣднія еще писались), а задуманную книгу Бѣлинскій приготовлялъ исподволь и, разумѣется, относилъ фразу „лѣтъ десять назадъ тому“ ко времени будущаго появленія этой своей книги въ печати. Это является новымъ подтвержденіемъ того, что настоящая статья была написана до 1844 года, хотя и не особенно задолго до него; вотъ почему 1843 годъ является еще разъ наиболѣе вѣроятнымъ.

Мы такъ подробно остановились на выясненіи хронологическаго вопроса въ виду того, что вмѣстѣ съ этимъ пришлось коснуться и содержанія настоящей статьи, ея значенія для доказательства степени освѣдомленности Бѣлинскаго въ гегелевской философіи. Сущность же этой статьи, ея основная мысль—тождественна, какъ мы уже замѣтили, со статьей „Русская литература въ 1840 году“: и въ той и въ другой мы имѣемъ пересмотръ вопроса, поставленнаго еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, и окончательное его рѣшеніе. Въ этой „элегіи въ прозѣ“ былъ ребромъ поставленъ вопросъ: существуетъ ли русская литература? Отвѣтъ гласилъ: у насъ нѣтъ литературы. Шестью годами позднѣе Бѣлинскій иначе отвѣтилъ на этотъ вопросъ: „русская литература—сказалъ онъ—только-что начинается, но ея еще нѣтъ“; начинается же она, какъ литература міровая, съ Пушкина, такъ что хотя литературы еще нѣтъ, но въ то же время она уже есть. Прошло еще три-четыре года; и въ настоящей своей статьѣ Бѣлинскій даетъ уже нѣсколько иной, окончательный отвѣтъ на старый вопросъ. „Отрицательное рѣшеніе—говоритъ Бѣлинскій—было ошибочно;... существованіе русской литературы есть фактъ, неподверженный никакому сомнѣнію“; и это несмотря на то, что, по теперешнему мнѣнію Бѣлинскаго, „всемірно-историческаго значенія русская литература никогда не имѣла и теперь имѣть не можетъ“. Литературу опредѣляетъ прежде всего „органическая послѣдовательность въ развитіи“, а такая послѣдовательность, живая связь—несомнѣнно имѣется; съ исторической точки зрѣнія „между Ломоносовымъ и Пушкинымъ есть живая, органическая связь, какъ между причиною и ея слѣдствіемъ“; поэтому возможна и *исторія* русской литературы. Но съ другой стороны въ литературѣ общество должно находить свою жизнь, „приведенную въ сознаніе“, ибо литература есть *„сознаніе народа, исторически выразившееся* въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи“; а для того, чтобы литература была выраженіемъ сознанія народа—„необходимо, чтобы она была въ тѣсной связи съ его исторіею и могла служить объясненіемъ ей, необходимо, чтобы она развивалась органически и имѣла свою исторію“. Такимъ образомъ опять мы приходимъ къ единственно правильной исторической точкѣ зрѣнія—и этимъ окончательно рѣшается вопросъ, поставленный въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“. Крат-

кимъ обзоромъ русской литературы съ этой точки зрѣнія заканчивается настоящая статья Бѣлинскаго, крайне важная для характеристики развитія его критическихъ и историко-литературныхъ взглядовъ.

И.-Р.

Прежде, нежели приступимъ къ изложенію исторіи русской литературы, опредѣлимъ общее значеніе слова: *литература*, чтобы потомъ можно было яснѣе показать, какимъ образомъ и до какой степени русская литература соотвѣтствуетъ значенію литературы вообще.

Многіе придаютъ совершенно одинаковое значеніе словамъ: „словесность“, „письменность“, „литература“ и употребляютъ ихъ безъ разбора. Другіе, по принципу пуризма, вовсе не хотятъ употреблять иностраннаго слова *литература*, думая, что его значеніе вполнѣ выражается русскими словами: *словесность и письменность*. Пуристы хотѣли бы совершенно изгнать изъ употребленія слово „литература“, какъ иностранное и притомъ лишнее въ русскомъ языкѣ. Но ихъ усилія остаются безплодными. Слово существуетъ: стало быть, оно необходимо, и его не можетъ замѣнить собою никакое другое слово, потому что въ языкѣ не можетъ существовать двухъ словъ, совершенно равносильныхъ и тождественныхъ въ выраженіи одного и того же понятія. Если „словесностью“ можно замѣнить „литературу“, то книжное и нѣсколько тяжелое слово *словесникъ* не можетъ замѣнить собою слова *литераторъ*. Всѣ говорятъ и пишутъ: „литературный журналъ“, „литературная газета“, но никто, подъ опасеніемъ быть или непонятымъ, или смѣшнымъ, не скажетъ: „словесный журналъ“, „словесная газета“. Равнымъ образомъ, можно сказать: „человѣкъ есть словесное (въ смыслѣ одареннаго словомъ) животное“, но нельзя сказать: „человѣкъ есть литературное животное“. Изъ этого видно, что ни „словесность“ не можетъ совершенно замѣнить собою „литературы“, ни „литература“—„словесности“: оба эти слова равно необходимы, потому что, несмотря на ихъ родственность, есть рѣзкій оттѣнокъ въ сущности выражаемыхъ ими понятій.

Впрочемъ, требовать, чтобы три эти слова: „словесность“, „письменность“ и „литература“, никогда не употреблялись одно вмѣсто другого,—значило бы впасть въ педантизмъ, тѣмъ болѣе, что эти слова иногда дѣйствительно сходятся между собою въ значеніи. Но какъ, съ другой стороны, они часто расходятся въ оттѣнкахъ общаго имъ всѣмъ значенія, то и странно было бы не опредѣлить этой разницы и не воспользоваться ею, какъ средствомъ къ большей опредѣлительности и ясности въ понятіяхъ. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ употребляется только одно слово—„литература“ для выраженія понятія, выражаемаго по-русски тремя словами — „словесность“, „письменность“ и „литература“: тѣмъ лучше для насъ! Значитъ: въ этомъ отношеніи нашъ языкъ богаче другихъ. Надобно же пользоваться этимъ богатствомъ.

Письменность и литература прежде всего относятся къ словесности, какъ видъ къ роду. Понятіе, выражаемое словесностью, гораздо общѣе, нежели понятія, выражаемыя письменностью и литературою: въ обширномъ смыслѣ, словесность заключаетъ въ себѣ и письменность и литературу, какъ ея же собственныя проявленія. Все, что́ находитъ свое выраженіе въ словѣ, все это принадлежитъ къ области словесности: и народная поговорка или пословица—и курсъ философіи, и народная сказка или пѣсня—и эпическая поэма, или драматическое произведеніе, какъ великаго поэта, такъ и бездарнаго сочинителя; и лѣтопись, и исторія, и ученое сочиненіе, и учебникъ, и лексиконъ, и каталогъ книгъ, и книжка о легчайшемъ способѣ отращивать волоса и истреблять мухъ. Къ области письменности принадлежатъ тѣ словесныя произведенія, которыя народъ, незнавшій еще книгопечатанія, почелъ достойными сохранить отъ забвенія посредствомъ письменнаго искусства. Подъ литературою разумѣется или словесность народа, исторически развившаяся и отражающая въ себѣ народное сознаніе, или какая-нибудь отрасль словесности, обнимающая собою извѣстную сторону искусства и науки. Такъ, въ послѣднемъ случаѣ говорится: литература эстетики, литература исторіи, литература математики, медицины, технологіи и т. д., разумѣя подъ этимъ собраніе всѣхъ сочиненій, относящихся до того или другого изъ исчисленныхъ предметовъ. Понятіе о литературѣ тѣсно связано съ понятіемъ о книгопечатаніи.

Изъ этого видно, что письменность и литература относятся еще къ словесности и какъ постепенные моменты ея развитія. Другими словами: словесность, письменность и литература суть три главные періода въ исторіи народнаго сознанія, выражающагося въ словѣ. Сознаніе всѣхъ младенчествующихъ народовъ прежде всего выражается въ поэзіи, и потому каждый народъ и каждое племя непремѣнно имѣетъ свою поэзію, на какой бы низкой степени цивилизаціи и обра-

зованія ни стояли они. Отсюда не исключаются ни номады средней Азіи, ни дикари океанійскіе. Народъ или племя можетъ не знать искусства писанія, но не можетъ не имѣть поэзіи. Поэзія младенчествующихъ народовъ состоитъ не столько въ поэтическомъ содержаніи и поэтической формѣ, сколько въ поэтическомъ выраженіи. Форма и выраженіе—не всегда одно и то же: первая относится къ расположенію, къ композиціи поэтическаго произведенія; подъ вторымъ должно разумѣть только складъ рѣчи, слогъ, короче—форму слова. И потому у младенчествующихъ народовъ выраженіе всегда поэтическое, хотя содержаніе часто бываетъ нелѣпое, а форма чудовищная. Они поэтически выражаютъ и свою опытную мудрость (поговорки, пословицы, параболы, басни), и прошедшее ихъ жизни (преданіе), и свои космогоническія и религіозныя понятія (миѳы, гимны и т. п.). О такомъ народѣ, или племени, можно сказать, что они имѣютъ *словесность*,—и въ этомъ смыслѣ нѣтъ на землѣ народа, ни племени, даже дикаго, у котораго не было бы словесности. Когда народъ знакомится съ искусствомъ письменъ, его словесность получаетъ новый характеръ, зависящій отъ духа народа и отъ степени его цивилизаціи и образованности. Такимъ образомъ, самые древніе памятники космогонической и миѳической поэзіи Грековъ дошли до насъ, сохраненные посредствомъ письма; по преимуществу народъ эстетическаго чувства, Греки, познакомившись съ искусствомъ писать, тотчасъ же поспѣшили передать храненію буквы прежде всего поэтическія произведенія ихъ національнаго духа. Другое зрѣлище представляютъ словенскія племена въ отношеніи къ письменности: этимъ искусствомъ они обязаны ревности христіанскихъ проповѣдниковъ, которые видѣли въ немъ вѣрнѣйшее средство распространить между ними евангельское ученіе. А такъ какъ христіанство, естественно, произвело въ словенскихъ племенахъ духъ безусловнаго отрицанія прежней языческой ихъ національности, и такъ какъ понятіе о письменности въ умѣ этихъ племенъ тѣсно слилось съ понятіемъ о христіанской религіи, то письменность и приняла у нихъ характеръ по преимуществу церковный: Словяне считали достойнымъ предавать письменамъ только книги религіознаго и теологическаго содержанія. Къ этому присовокупился еще родъ словесности, бывшій долгое время исключительнымъ достояніемъ монашествующаго духовенства—*лѣтописи*. Благочестивые иноки въ назидательное поученіе потомству описывали дѣла мірскія съ тѣмъ взглядомъ на вещи, который невольно сообщало имъ чувство ихъ разъединенія съ міромъ, въ нѣдрахъ тихаго успокоенія кельи. Естественно, что памятники языческой поэзіи были забыты и не ввѣрялись буквѣ. Оттого до насъ не дошло не только никакихъ пѣсенъ языческаго періода Руси, но мы даже не имѣемъ почти никакого понятія о словенской миѳологіи. Немногія имена боговъ и названія праздниковъ и обрядовъ сохранились для насъ только въ обличительныхъ противу остатковъ язычества словахъ ревностныхъ поборниковъ церкви. Если до насъ дошло нѣсколько сказокъ, или поэмъ въ сказочномъ родѣ, въ которыхъ имя „Владиміра краснаго-солнышка, ласковаго князя кіевскаго стольнаго“ играетъ значительную роль,—это сдѣлалось какъ бы случайно. Сказки эти долго хранились въ народной памяти и до того измѣнялись съ каждымъ вѣкомъ, подновляясь и въ языкѣ и въ понятіяхъ, что въ то время, когда грамотнымъ людямъ пришла охота положить ихъ на бумагу, онѣ уже совершенно лишились своего первобытнаго вида. А списаны онѣ со словъ народа на бумагу, вѣроятно, не раньше XVII столѣтія. „Слово о полку Игоревомъ“, этотъ прекрасный памятникъ уже полуязыческой поэзіи, дошло до насъ въ единственномъ и притомъ искаженномъ спискѣ. Сколько же памятниковъ народной поэзіи погибло совсѣмъ! Этому причиною было, во-первыхъ, высокое понятіе нашихъ предковъ о достоинствѣ письменности: они думали, что письмо назначено только для сохраненія слова Божія и важныхъ дѣлъ государственныхъ, и что значило бы унижать его, записывая выдумки праздныхъ балагуровъ и потѣшниковъ; во-вторыхъ, наши предки, какъ бы чувствуя безсознательно ничтожность и незначительность ихъ народной поэзіи, по инстинкту не дорожили ея памятниками. И они были правы: гибнетъ въ потокѣ времени только то, что̀ лишено крѣпкаго зерна жизни, и что̀, слѣдовательно, не стоитъ жизни. И потому не презирая уцѣлѣвшими остатками нашей народной поэзіи, въ то же время не будемъ слишкомъ жалѣть объ утраченныхъ. Такимъ образомъ, періодъ нашей словесности до временъ письменности для насъ погибъ невозвратно, а періодъ нашей письменности, совпадая, въ своемъ началѣ, съ эпохою изобрѣтенія Кирилломъ и Меѳодіемъ словенской азбуки (эпохою, до сихъ поръ еще не опредѣленною съ точностью), совпадаетъ въ своемъ концѣ съ эпохою начала русской литературы, т.-е. съ эпохою появленія первыхъ свѣтскихъ русскихъ писателей. Періодъ русской письменности ознаменовался нѣсколькими (весьма немногими) сочиненіями если не совсѣмъ литературными, то и не подходящими подъ разрядъ ни теологиче-

скихъ, ни лѣтописныхъ произведеній словесности.

Литература есть послѣднее и высшее выраженіе мысли народа, проявляющейся въ словѣ. Органическая послѣдовательность въ развитіи—вотъ что̀ составляетъ характеръ литературы, и вотъ чѣмъ отличается литература отъ словесности и письменности. Если произведеніе литературы носитъ на себѣ печать существеннаго достоинства, оно уже не можетъ быть случайнымъ явленіемъ, которое не было бы нѣкоторымъ образомъ результатомъ предшествующихъ ему произведеній, или, по крайней мѣрѣ, не объяснялось бы ими, и которое бы, въ свою очередь, не порождало бы другихъ литературныхъ явленій, или, по крайней мѣрѣ, не имѣло бы на нихъ прямого или косвеннаго вліянія. Такимъ образомъ, не только современная намъ французская, но и современная намъ германская литература не могутъ быть поняты и оцѣнены надлежащимъ образомъ безъ знанія французской литературы XVII вѣка,—равно какъ и послѣдняя можетъ быть объяснена только чрезъ изученіе французской литературы вѣка Людвига XIV-го. И мало того, что нужно особенное изученіе вообще литературы среднихъ вѣковъ, чтобы понять французскую литературу XVI и послѣдующихъ столѣтій: надобно еще имѣть понятіе о древней классической литературѣ Грековъ и Римлянъ, чтобъ владѣть возможностью изучать какую бы то ни было изъ европейскихъ литературъ отъ временъ возрожденія до настоящей минуты. Изъ этого видно, что всякая сфера, въ какой ни развивается духъ человѣческій, состоитъ изъ фактовъ, органически связанныхъ одинъ съ другимъ и послѣдовательно родившихся одинъ изъ другого, и что, кромѣ литературы того или другого народа, есть еще литература всеобщая, человѣческая, вселенская, у которой есть своя исторія. Предметъ этой исторіи: развитіе человѣческаго сознанія въ сферѣ слова. Литература, которая не можетъ имѣть своей исторіи, т.-е. литература, явленія которой не состоятъ въ живой органической связи между собою, не есть литература, но только словесность или письменность. Правда, и словесность и письменность могутъ имѣть свою исторію, но какую—вотъ вопросъ! Исторія словесности или письменности есть не что иное, какъ болѣе или менѣе обширный каталогъ произведеній, хранящихся въ памяти народа, или въ его письменности,—каталогъ съ необходимыми объясненіями и учеными комментаріями. Но каталогъ можетъ служить только матеріаломъ для исторіи, но самъ исторіею быть не можетъ.

Періодъ литературы у всѣхъ новѣйшихъ народовъ начинается особенно съ эпохи изобрѣтенія книгопечатанія. И потому понятіе о литературѣ у нихъ какъ-то невольно сливается съ понятіемъ о книгопечатаніи. Дѣйствительно, до изобрѣтенія книгопечатанія словесность Европы носитъ на себѣ характеръ письменности, т.-е. разъединенности и случайности. Исключеніе остается почти за одною Италіею, которая считалась уже просвѣщеннѣйшею страною Европы, когда еще сама Франція тонула во мракѣ невѣжества и дикости нравовъ. Поэтому Италія гордилась именами Данта, Петрарки и Боккачіо еще въ XIII и XIV столѣтіяхъ, тогда какъ сама Франція только въ XVI вѣкѣ гордилась довольно ничтожными знаменитостями, въ родѣ Ронсара, Ренье, Малерба, и только въ XVII вѣкѣ увидѣла своего перваго великаго поэта—Корнеля; имена Рабле и Монтаня принадлежатъ XV и XVI столѣтію. Правда, еще въ средніе вѣка являлись великіе люди, сильные мыслью и упреждавшіе свое время; такъ Франція еще въ XII вѣкѣ имѣла Абеллара; но люди, подобные ему, безплодно бросали во мракъ своего времени яркія молніи могучей мысли; они были поняты и оцѣнены черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ ихъ смерти. Наука и мысль, до начала XVI вѣка, скрывались во мракѣ, какъ чернокнижничество, разбой и контрабанда. Ученыя сочиненія, какъ тайна, передавались въ рукописяхъ отъ одного адепта къ другому. Словомъ, это была письменность, но не литература. Только словесность одной Италіи и въ варварскія времена имѣетъ характеръ литературы; по крайней мѣрѣ, въ Италіи поэзія является уже какъ литература въ то время, какъ въ другихъ странахъ Европы поэзія находилась еще на степени словесности и письменности.

Въ области словесности нѣтъ знаменитыхъ именъ, потому что авторъ словесности—всегда народъ. Никто не знаетъ, кто сложилъ его простыя и наивныя пѣсни, въ которыхъ такъ безыскусственно и ярко отразилась внутренняя и внѣшняя жизнь юнаго народа или племени. Въ эпоху младенчества народъ и не заботится объ именахъ своихъ первыхъ поэтовъ, равно какъ и сами поэты не заботятся о сохраненіи ихъ имени въ потомствѣ. Въ эти времена поэзія — не заслуга, а инстинктивная потребность: человѣку поется—и онъ поетъ, совсѣмъ не подозрѣвая, что онъ — поэтъ. И переходитъ пѣсня изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и измѣняется она современемъ: то укоротятъ ее, то удлинятъ, то передѣлаютъ, то соединятъ ее съ другою пѣснею, то сложатъ другую пѣсню въ дополненіе къ ней: и вотъ изъ пѣсенъ выходятъ поэмы, которыхъ авторомъ можетъ назвать себя

только народъ. Послѣ этого понятно, почему письменность, когда она удостоивала своего вниманія поэтическія произведенія, не передавала именъ ихъ творцовъ, и мы не знаемъ имени автора „Нибелунговъ“ и другихъ поэмъ въ этомъ родѣ. Другое дѣло—литература: ея дѣятелемъ является уже не народъ, а отдѣльныя лица, выражающія своею умственною дѣятельностью различныя стороны народнаго духа. Въ литературѣ личность вступаетъ въ полное право свое, и литературныя эпохи всегда означаются именами лицъ. Литература образуетъ собою отдѣльную и самостоятельную область умственной дѣятельности, существованіе и права которой признаются всѣмъ обществомъ. Литература всегда опирается на публичность, получаетъ свое утвержденіе отъ общественнаго мнѣнія. Она существуетъ не при свѣтѣ только уединенной лампы отшельника или гонимаго ученаго, но при свѣтѣ солнца, открыто и явно. Она поддерживается не вниманіемъ только небольшого круга посвященныхъ, составляющихъ родъ тайнаго общества, или избранныхъ любителей, но вниманіемъ всего народа, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ его образованныхъ классовъ. Литература есть достояніе всего общества, которое черезъ нее обратно получаетъ себѣ, въ сознательной и изящной формѣ, все то, чему источникомъ было его же собственное непосредственное бытіе. Общество находитъ въ литературѣ свою дѣйствительную жизнь, возведенную въ идеалъ, приведенную въ сознаніе. Поэтому, въ моментахъ развитія литературы, обыкновенно называемыхъ литературными эпохами и періодами, отражаются моменты историческаго развитія народа,—и въ такомъ случаѣ литература точно такъ же объясняетъ собою политическую исторію народа, какъ и исторія—литературу. Такъ, исторія Франціи XVIII вѣка вся заключается преимущественно въ ея литературѣ этого времени.

Если мы сказали, что понятіе о *книгопечатаніи* почти тождественно съ понятіемъ о литературѣ—это потому, что книгопечатаніе есть великое и могущественное средство къ *публичности*, безъ которой слово „литература“ есть звукъ безъ смысла, тѣло безъ души. Публичность такъ важна для литературы, что теперь во Франціи вошло въ употребленіе слово *пресса* (la presse—книгопечатаніе), какъ выражающее болѣе общее и обширное понятіе, нежели слово *литература*. Вся сфера современнаго общественнаго движенія теперь выражается словомъ *пресса*: это—живой пульсъ общества, по біенію котораго вѣрнѣе, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состояніи общества въ отношеніяхъ: политическомъ, административномъ, ученомъ, литературномъ, эстетическомъ, нравственномъ, въ отношеніи къ народному духу, богатству, промышленности, ремесламъ, и пр. и пр. Нѣтъ стороны въ обществѣ, которая бы теперь не выражалась *прессою*, не жила въ ней и ею. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы литература могла быть только у народа, знакомаго съ искусствомъ книгопечатанія; изъ этого слѣдуетъ только, что публичность, въ смыслѣ доступности литературныхъ произведеній вниманію общества, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій существованія литературы. Книгопечатаніе есть только могущественнѣйшее, но не единственное средство къ публичности. Подъ литературою, въ точномъ и опредѣленномъ значеніи этого слова, должно разумѣть *сознаніе народа, исторически* выразившееся въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи,— а такъ какъ сознаніе есть высшее проявленіе жизни народа, то литература необходимо должна быть его общимъ достояніемъ, чѣмъ-то такимъ, что до всѣхъ равно касается, всѣхъ равно интересуетъ, всѣмъ равно доступно. Словомъ, литература должна быть въ отношеніи къ народу вмѣстѣ и сценою и спектаклемъ, который на ней разыгрывается, а народъ въ отношеніи къ литературѣ долженъ быть публикою, которая не сводитъ глазъ со сцены, созерцая представляемое на ней зрѣлище. Лучшее для этого средство, повторяемъ, есть книгопечатаніе,—и однакожъ, несмотря на то, древняя греческая литература, со стороны публичности, едва ли не болѣе подходитъ подъ наше опредѣленіе, нежели любая изъ новѣйшихъ литературъ, не исключая и французской, хотя Греки и не знали искусства печатанія. Жизнь Грековъ, политическая, государственная, общественная, религіозная, артистическая, ученая, была и безъ книгопечатанія въ высшей степени *публична*, такъ что книгопечатаніе, столь важное въ новомъ мірѣ, можетъ быть, противорѣчило бы духу и характеру ихъ публичности. Хотя произведенія поэтовъ греческихъ существовали и письменно, тѣмъ не менѣе Эллины предпочитали живое изустное слово мертвой буквѣ, и лучше любили слушать, нежели читать. Оттого декламація была у нихъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ искусствомъ, которое требовало не только изученія, но и природнаго дарованія. Древніе читали стихи не такъ, какъ читаемъ ихъ мы, но нараспѣвъ; ихъ поэзія тѣсно была соединена съ музыкою, и пѣвучая декламація стиховъ ихъ сопровождалась аккомпаниментомъ на лирѣ. Отъ имени этого инструмента получила свое названіе *лирическая* поэзія; а отъ пѣвучей декламаціи стиховъ слова *пѣть* и *воспѣвать* получили значеніе слова *сочинять, творить*,

что̀ сохранилось, по преданію отъ Грековъ, и притомъ не совсѣмъ основательно, и въ новѣйшей европейской поэзіи, въ которой весьма обыкновенны выраженія „пою то-то или того-то“, „я пѣлъ мою любовь, мои страданія“ и т. п. Что Греки не читали, а какъ бы пѣли свои стихи, это имѣло у нихъ глубокое основаніе, ибо происходило не отъ произвола обыкновенія и привычки, а отъ свойственнаго и сроднаго ихъ національному духу созерцанія искусства. У насъ каждый самъ читаетъ для себя стихи и наслаждается ихъ изяществомъ такъ же полно и при дурномъ чтеніи, какъ и при хорошемъ; для Грека хорошо продекламировать стихи было то же, что для насъ разыграть музыкальную піесу. Оттого у насъ хорошее чтеніе стиховъ есть не больше, какъ умѣніе, которое не даетъ ни славы, ни извѣстности; у Грековъ хорошая декламація стиховъ была искусствомъ, для котораго требовался своего рода талантъ. Это было одною изъ причинъ, почему греческій театръ такъ же мало имѣлъ общаго съ нашимъ театромъ, какъ и наша драма мало имѣетъ общаго съ греческою. По понятію Грековъ, искусство было представленіемъ, въ грандіозныхъ образахъ, явленій идеальной жизни—родъ религіозно-государственнаго представленія, героемъ котораго была національная жизнь. Посему ихъ трагедія могла сосредоточивать свой паѳосъ и свою главную идею на полубогахъ, герояхъ [1]), царяхъ и народѣ (который, въ видѣ хора, изъявлялъ свое мнѣніе о созерцаемомъ имъ зрѣлищѣ); изъ жизни же своихъ божественныхъ и царственныхъ героевъ трагедія греческая могла брать только идеальные, высокіе моменты. Поэтому, актеры играли на котурнѣ и въ маскѣ; въ ихъ рѣчи хотѣли слышать спокойно-возвышенный голосъ, исполненный достоинства и величія; котурнъ, возвышавшій ростъ актеровъ, отходя отъ натуры дѣйствительности, тѣмъ болѣе приближался къ натурѣ идеальности, дѣлая представляемыхъ ими героевъ какъ бы жителями другого высшаго міра, для которыхъ были бы унизительны обыкновенные размѣры человѣческаго роста; маски, увеличивавшія собою лица актеровъ и носившія на себѣ общее идеальное выраженіе, также представляли глазамъ зрителей героевъ трагедіи въ особенномъ идеальномъ свѣтѣ. Къ тому же, греческій народъ почелъ бы за профанацію увидѣть героя въ знакомомъ ему лицѣ актера. Современность тоже не могла давать содержанія для трагедіи; нужно было, чтобы колоссальные образы героевъ представлялись въ священномъ сумракѣ и таинственной дали вѣковъ и преданія. Изо всего этого видно, что какъ трагедія, такъ и театръ греческій были чисто *искусственны*. Здѣсь слово „искусственный“ должно понимать въ смыслѣ „художественнаго“, „артистическаго“, противоположнаго пошлой, повседневной дѣйствительности, презрѣнной прозѣ житейскаго, а не въ смыслѣ противоположнаго натурѣ и естественности, поддѣльнаго и ложнаго, какъ понимаемъ мы слово „искусственный“. Французы XVII и XVIII столѣтій, проникнувшіе отчасти въ таинства греческой буквы, но не проникнувшіе въ таинства греческаго духа, не понявши, что у всякаго вѣка и всякаго народа свои идеи, а слѣдовательно, и свои соотвѣтственныя имъ формы, — создали у себя искусство на манеръ древнихъ, тѣмъ болѣе не похожее на него, чѣмъ болѣе рабски было оно копировано съ его непонятыхъ ими формъ и внѣшностей. Французы рѣшились не пускать въ трагедію никого, кромѣ царей и ихъ наперсниковъ, а изъ простого народа допустили только вѣстниковъ, заставивъ ихъ рапортовать надутымъ слогомъ о томъ, что сдѣлалось за кулисами; они забыли, что въ новѣйшемъ обществѣ проза жизни получила полное свое право на поэтическое представленіе, и что драма новѣйшей жизни слагалась изъ лицъ всѣхъ сословій.

Этой же страсти Грековъ къ живому, изустному слову обязано было своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ ораторское искусство, кромѣ дара краснорѣчія, требовавшее еще и необыкновеннаго дара декламаціи. Кому не извѣстно, какихъ чрезвычайныхъ усилій стоило Демосѳену, отъ природы надѣленному огромнымъ даромъ краснорѣчія, выработать изъ себя настоящаго оратора? Но страсть Грековъ къ живому изустному слову не ограничивалась только театромъ и ораторскою каѳедрою: преданіе говоритъ, что древніе поэты—Гомеръ и Гезіодъ, особенно первый, и притомъ слѣпецъ и старецъ, ходя по Греціи, пѣли свои поэмы царямъ и народамъ. Пиндаръ состязался съ Коринною на олимпійскихъ играхъ. Оклеветанный въ безуміи неблагодарными дѣтьми, старецъ Софоклъ оправдался передъ народомъ, прочтя ему отрывки изъ своего „Эдипа“. Отецъ исторіи, Геродотъ, читалъ передъ народомъ, на олимпійскихъ играхъ, свое повѣствованіе о славной борьбѣ Эллады съ персидскими царями; а юноша Ѳукидидъ, слушая его, всенародно плакалъ отъ умиленія, въ предчувствіи собственнаго торжества на томъ же поприщѣ... Самая наука у Грековъ была публичнымъ дѣломъ, а не таинственною магіею, какъ въ новѣйшія времена. Сократъ преподавалъ свое живое

---

[1]) Отчего и произошло, по преданію отъ Грековъ, слово *герой*, въ смыслѣ главнаго дѣйствующаго лица въ поэмѣ, драмѣ, романѣ, повѣсти, даже комедіи.
Прим. Бѣлинскаго.

ученіе на площадяхъ и улицахъ; толпами могли ходить Аѳиняне въ сады академіи, чтобы внимать урокамъ высшей мудрости изъ устъ божественнаго Платона... Причиною такого въ высшей степени прекраснаго и человѣческаго зрѣлища, *единственнаго*, какое когда-либо представляла собою народная жизнь, былъ національный духъ древней Эллады—первобытной родины изящной гуманности. Если въ Аѳинахъ не было равенства состояній и даже равенства просвѣщенія и образованія, зато въ нихъ не было и *черни*, невѣжественной, грязной, покрытой лохмотьями, помышляющей только о матеріальномъ удовлетвореніи грубыхъ потребностей тѣла, чуждой всякаго чувства человѣческаго достоинства: масса аѳинскаго народонаселенія состояла не изъ черни, а изъ народа. Образованіе Грековъ было общественное, а потому и всеобщее, народное, а не исключительное въ пользу однихъ и невыгоду другихъ сословій. Аѳиняне столь важнымъ считали публичное воспитаніе дѣтей, что, когда при нашествіи Ксеркса они принуждены были оставить свой городъ, и взрослые сѣли на суда, чтобы сражаться съ непріятелемъ, а дѣти, жены и старцы удалились въ Тризену, то Тризенцы, въ числѣ другихъ знаковъ своего радушія и участія къ бѣдственному положенію Аѳинянъ, опредѣлили платить за ихъ дѣтей жалованье учителямъ. Удивительно ли послѣ этого, что Периклъ, сбираясь говорить передъ аѳинскимъ народомъ, просилъ боговъ, чтобы никакое неприличное предмету или неблагозвучное слово не вырвалось изъ устъ его; удивительно ли, что старая зеленщица аѳинская по выговору могла признать въ ученомъ Грекѣ не-аѳинскаго уроженца? Удивительно ли, что Аѳиняне были не только народомъ войны и гражданственности, но и народомъ-артистомъ, народомъ-художникомъ, и что массы аѳинскаго народонаселенія могли быть судіями и страстными любителями изящнаго? Когда обвиняемый въ растратѣ общественной казны на зданія Периклъ погрозилъ заплатить свои деньги, но зато написать на зданіяхъ свое имя, то народныя толпы закричали единодушно, чтобы онъ не щадилъ казны на зданія. Причиною всего этого была публичность, составлявшая основу гражданственной жизни Грековъ. Оттого жизнь ихъ отличается полнотою, многосторонностью и какою-то цѣлостностью, такъ что религія была у нихъ искусствомъ, искусство — религіею, жречество было тѣсно слито съ администраціею; воинъ во время мира учился мудрости, а мудрецъ во время войны сражался за отечество, художникъ былъ гражданиномъ, а простолюдинъ не могъ жить безъ театра. Не такъ, какъ въ новомъ мірѣ, гдѣ ученый дичится свѣта и боится запаху пороха, военный, какъ достоинствомъ, хвалится безграмотностью и гордится невѣжествомъ, а художникъ поставляетъ себѣ за честь и обязанность жить внѣ современныхъ интересовъ общества и за облаками не видѣть земли, забывъ, что облака не другое что, какъ пустой туманъ, разсѣивающійся отъ лучей солнца! Да и какъ понятно послѣ этого, что Греки только себя считали людьми, а иностранцевъ считали варварами, и не хотѣли дѣлиться правами даже съ тѣми, у кого отецъ или мать не были чистой, безпримѣсной аѳинской крови.

Итакъ, литература Грековъ, въ полномъ значеніи слова, была выраженіемъ ихъ сознанія, слѣдовательно, всей ихъ жизни: религіозной, гражданственной, политической, умственной, нравственной, артистической, семейственной. Исторія греческой литературы тѣсно и неразрывно связана съ ихъ государственною или политическою исторіею; тогда какъ исторія литературы новѣйшихъ народовъ есть только исторія одной стороны существованія каждаго изъ нихъ. Это оттого, что, какъ въ древнемъ мірѣ всѣ стихіи общественной жизни были тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ и, взаимно проникая одна другую, образовывали собою прекрасное и живое единое цѣлое, такъ въ новомъ мірѣ всѣ общественныя стихіи дѣйствуютъ разъединенно и каждая самобытно и особно. Это распаденіе, представляющее собою столь печальное и грустное зрѣлище, особенно при сравненіи его съ свѣтлымъ и прекраснымъ міромъ греческой жизни, было однакожъ необходимо для того, чтобы стихіи общественности, развиваясь отдѣльно, тѣмъ полнѣе, глубже и совершеннѣе разработались, а потомъ бы уже снова слились и образовали новое, цѣлое и единое, которое будетъ тѣмъ выше міра греческой жизни, чѣмъ разъединеннѣе было въ новомъ мірѣ развитіе отдѣльныхъ стихій общественности. И начало этого новаго единенія мы видимъ уже и теперь; стѣна національности между народами постепенно падаетъ; дружественно и братски начинаютъ они дѣлиться духовными дарами своего національнаго историческаго развитія и постепенно сливаются въ единое семейство человѣчества: наука мирится съ жизнью, искусство проникается общественными интересами; ученый принимаетъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ и миритъ кабинетную жизнь свою съ жизнью свѣтскаго салона; воинъ и купецъ не только ищутъ литературнаго образованія, но не чуждаются и интересовъ науки, хода идей. Конечно, все это еще только начало, и все это преимущественно относится пока только къ

Франціи, этой Элладѣ новаго міра, отечества всемогущей прессы; но за началомъ всегда слѣдуетъ конецъ, и скоро, или еще и не скоро, но придетъ же время, когда въ новомъ человѣчествѣ воскреснетъ древняя Греція, лучше и прекраснѣе, чѣмъ была она: Греція, прошедшая черезъ христіанство, побѣдившая климаты, природу, пространство и время, вполнѣ покорившая духу своему царство матеріи.

Книгопечатаніе есть публичность новѣйшихъ народовъ, фокусъ, сосредоточивающій въ себѣ свѣтлые лучи народнаго сознанія. Но, какъ мы уже сказали выше, у новѣйшихъ народовъ, несмотря на усиливающіеся со дня на день успѣхи книгопечатанія, литература все еще остается только одною изъ многихъ сторонъ сознанія, а не полнымъ его выраженіемъ, какъ въ Греціи. Въ самыхъ образованнѣйшихъ государствахъ Европы книгопечатаніе все еще болѣе или менѣе остается чѣмъ-то въ родѣ кабалистики, темныя таинства которой открыты только для одной, сравнительно съ массою цѣлаго народонаселенія, весьма малой части: большинство, нигдѣ не лишенное благодѣтельнаго вліянія цивилизаціи, тѣмъ не менѣе вездѣ коснѣетъ въ дикомъ невѣжествѣ, которое сильно заставляетъ сомнѣваться въ чрезвычайныхъ, будто бы, въ настоящее время успѣхахъ человѣчества. Сама литература у новѣйшихъ народовъ раздроблена на множество отраслей, такъ что знакомый съ одною почитаетъ себя въ правѣ не знать другихъ. Впрочемъ, это нисколько не отрицаетъ существованія литературъ, въ полномъ значеніи этого слова, у новѣйшихъ народовъ, ибо хотя большинство и массы не пользуются у нихъ, какъ это было въ древней Греціи, дарами національнаго духа, котораго они сами источникъ и почва, однако внимательный взоръ легко открываетъ въ литературахъ новѣйшихъ народовъ живое историческое развитіе духа тѣхъ самыхъ массъ, которыя, въ своемъ невѣжествѣ, и не подозрѣваютъ существованія литературы, выразившей сущность ихъ же собственнаго нравственнаго существованія. И потому, литературы новѣйшихъ народовъ представляютъ собою картину исторически развившагося народнаго духа, гдѣ каждое отдѣльное явленіе вышло изъ предшествовавшаго и произвело, въ свою очередь, послѣдующее, гдѣ ничего не являлось случайно, особно, но все связано въ единый живой организмъ.

Мы сказали, что литература есть сознаніе народа, исторически выражающееся въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи. Исторію можетъ имѣть только то, что органически развивается, имѣя точкою отправленія зародышъ, зерно національнаго духа народа (субстанцію), выходя изъ предъидущаго и производя послѣдующее. Развиваться же органически можетъ только то, что̀ въ самомъ себѣ заключаетъ собственное свое содержаніе, подобно зерну, заключающему въ себѣ, какъ возможность, жизнь и форму будущаго растенія, а потому и одаренному жизненностью, которая, при выполненіи необходимыхъ условій—почвы, воздуха, свѣта, влажности, тотчасъ же принимается за отправленіе своихъ функцій, превращая зерно въ стебель, стебель въ стволъ съ вѣтвями и листьями, съ цвѣтомъ и плодомъ. Вслѣдствіе этого литературу могутъ имѣть только тѣ народы, въ національномъ развитіи которыхъ выразилось развитіе человѣчества, и которымъ, слѣдовательно, міродержавныя судьбы предоставили высокую роль представителей человѣчества въ великой драмѣ всемірной исторіи. И потому-то изъ древнихъ народовъ только у Грековъ и Римлянъ была своя литература, которой высокое значеніе не утратилось до сихъ поръ, но, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, перешло къ новымъ народамъ и послужило къ развитію ихъ общественной, ученой и литературной жизни. Причиною этому—богатое содержаніемъ субстанціальное зерно духовной жизни Грековъ: въ этомъ зернѣ заключалась плодородная идея, изъ которой развилась вся исторія, а слѣдовательно, и литература этого народа. Идея эта была общечеловѣческая въ греческой формѣ, а потому и греческая литература, отслужившая Грекамъ, не умерла вмѣстѣ съ ними, но перешла въ общее достояніе народовъ, въ лицѣ которыхъ, послѣ Грековъ, стало выражаться человѣчество. Литература Римлянъ не имѣетъ такого высокаго значенія въ сферѣ искусства, какъ литература греческая; лучшее и величайшее произведеніе Римлянъ былъ *кодексъ* Юстиніана — плодъ историческаго развитія римской жизни. И однакожъ зерно національнаго духа Римлянъ, развившееся въ „вѣчный городъ“, оцивилизовавшее весь древній міръ и давшее новое направленіе цивилизаціи новѣйшаго міра, заключаетъ въ себѣ такое великое, всемірно-историческое и общечеловѣческое значеніе, что ради него латинская литература, поэтическая и историческая, возросшая, такъ сказать, на могилѣ римской жизни, доселѣ уважается почти наравнѣ съ греческою. И чѣмъ общечеловѣчественнѣе оплодотворяющая жизнь народа субстанціальная идея, чѣмъ болѣе народъ выражаетъ своею жизнью человѣчество и чѣмъ болѣе имѣетъ вліянія на его судьбы,—тѣмъ болѣе литература такого народа подходитъ подъ значеніе литературы вообще, тѣмъ

она выше и важнѣе. И наоборотъ, чѣмъ меньше источникъ духовной жизни народа, чѣмъ отдѣльнѣе судьба народа отъ судебъ человѣчества, — тѣмъ ограниченнѣе значеніе его литературы, тѣмъ менѣе она литература. И потому-то гораздо болѣе такихъ народовъ, которыхъ литературы или незначительны, или у которыхъ вовсе нѣтъ литературы, чѣмъ народовъ, которыхъ литературы значительны, или которые имѣютъ какую-либо литературу.

Говоря о литературѣ, мы преимущественно разумѣемъ *изящную литературу* — кругъ произведеній поэтическихъ, художественныхъ. Сюда, для полноты слова „литература", могутъ относиться такія словесныя произведенія, которыя, принадлежа къ сферѣ ученой, какъ исторія, или имѣя своимъ источникомъ опредѣленную практическую цѣль, какъ ораторскія рѣчи, тѣмъ не менѣе составляютъ собою предметъ живого общаго интереса и требуютъ для своего выраженія болѣе или менѣе художественной формы, а отъ людей, посвящающихъ себя такого рода дѣятельности, болѣе или менѣе художественнаго таланта. Такимъ образомъ, творенія Геродота, Ѳукидида, Тацита, ученыя по своему содержанію, въ то же время суть и изящныя произведенія по искусству ихъ концепціи и изложенія. О рѣчахъ Демосѳена и Цицерона нечего и говорить: хотя краснорѣчіе и невполнѣ искусство, какъ поэзія, потому что оно имѣетъ опредѣленную, чисто-практическую цѣль и опирается на діалектику, а не на творчество, но все же оно — искусство, потому что требуетъ отъ импровизаціи художественности въ выраженіи, а отъ оратора — таланта и вдохновенія.

Съ этой точки зрѣнія литература и словесность представляютъ въ новыхъ отношеніяхъ различія между собою. Поэзія, не возвысившаяся на степень искусства, художества, принадлежитъ къ области словесности, а не литературы. Такая поэзія называется *народною*. Она выражаетъ собою сознаніе народа, еще не вышедшее изъ пеленъ непосредственнаго, безсознательнаго созерцанія. Въ произведеніяхъ народной поэзіи еще нѣтъ мысли, а есть только темное стремленіе къ мысли, ея предощущеніе, предчувствіе. И потому произведенія народной поэзіи не могутъ возвыситься до художественной формы, въ которую можетъ только воплощаться развившееся до *идеи* созерцаніе. Вслѣдствіе этого, народная поэзія одного народа мало и невполнѣ доступна другому: на ней лежитъ печать исключительной особности. Сфера народной поэзіи не обширна и не многосложна: пословица, поговорка, парабола, басня, пѣсня, сказка, легенда—эти первыя проявленія сознанія младенческихъ обществъ — вотъ все, что̀ заключаетъ въ себѣ поэзія, которую называютъ народною, естественною или непосредственною, и которую еще можно назвать поэтическою словесностью народа. Если субстанціальное зерно духовной жизни народа попадаетъ на историческую почву и получаетъ возможность развиться изъ самого себя, тогда *естественная* поэзія народа перерождается въ *художественную*, его словесность въ *литературу*, и первая остается преимущественно на долю низшихъ, необразованныхъ классовъ народа, никогда не умирая въ его устахъ, а вторая дѣлается исключительнымъ достояніемъ высшихъ, образованныхъ классовъ народа. Когда наступаетъ періодъ исторической и критической разработки литературы, естественная, или народная поэзія, т.-е. словесность, становится предметомъ изученія для ученыхъ и литераторовъ, а черезъ нихъ дѣлается извѣстною и читающей публикѣ и болѣе или менѣе интересуетъ ее своими наивными произведеніями. Художественная же поэзія только развѣ черезъ театръ бываетъ болѣе или менѣе доступна низшимъ классамъ народа. Если содержаніе жизни народа лишено обще-человѣческаго значенія, такъ что безъ искусственнаго и насильственнаго отрицанія своей національности и своего историческаго развитія въ пользу цивилизаціи народовъ, представляющихъ въ лицѣ своемъ человѣчество, онъ не можетъ возвыситься до значенія всемірно-историческаго народа, то изъ естественной поэзіи такого народа не можетъ развиться художественная, а изъ его словесности литература. Тогда словесность такого народа остается исключительнымъ достояніемъ простонародья, а для образованныхъ классовъ создается подражательная литература, господствующая до тѣхъ поръ, пока чужеземные элементы не проникнутъ національныхъ и, вслѣдствіе этого, не возникнетъ наконецъ литература самобытная. Въ послѣднемъ случаѣ народная поэзія вновь обращаетъ на себя вниманіе образованныхъ классовъ и, по духу реакціи, дѣлается предметомъ подражанія даже со стороны истинныхъ художниковъ; но скоро узнаютъ, что изъ нея немного выжмешь, и отводятъ ей укромное мѣсто въ исторіи отечественнаго слова, отдѣльно и безъ связи съ исторіею собственно литературы. Такъ было, какъ увидимъ ниже, съ народною поэзіею въ Россіи.

Произведенія словесности, непосредственно выходя изъ духа народа, носятъ на себѣ общій отпечатокъ этого духа и въ содержаніи и въ формѣ: этимъ однимъ и ограничиваются ихъ отношенія и связь между собою. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ вліянія на другое, ни одно не бываетъ слѣдствіемъ дру-

гого; они являются отдѣльно, разрозненно, и для нихъ, слѣдовательно, нѣтъ исторіи. Память народа хранитъ ихъ также отрывочно, не зная ихъ числа, многія изъ нихъ измѣняя, другія забывая совсѣмъ. Изъ этого общаго правила должна быть исключена только греческая народная поэзія, въ первыхъ проявленіяхъ которой виденъ зародышъ, изъ котораго впослѣдствіи развилась вся греческая литература. Глубокія философскія идеи скрыты въ гимнахъ поэтовъ до-омировскаго времени, и эти гимны приписываются извѣстнымъ именамъ, а не безличному лицу народа. Оттого и самая форма первыхъ проблесковъ возникавшаго народнаго сознанія въ греческой поэзіи не чужда нѣкоторой художественности, хотя въ то же время ихъ содержаніе и исполнено символизма. И потому у Грековъ почти не было ни народной поэзіи, ни словесности въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ эти слова; но была художественная поэзія и литература. Ихъ литература съ самаго начала ея, теряющагося во мракѣ временъ, была національною, а не народною, потому что въ Греціи народъ никогда не составлялъ особеннаго государства въ государствѣ, никогда не былъ *чернью*, и творенія Омира и трагиковъ точно такъ же существовали и для него, какъ и для высшихъ сословій. Въ греческой литературѣ нѣтъ рѣзкой черты, которая бы отдѣляла ихъ младенческую, естественную поэзію отъ художественной; напротивъ, въ ней все вытекаетъ одно изъ другого, подобно рѣкѣ становясь въ своемъ теченіи все шире и шире... Хотя нѣкоторыя изъ новѣйшихъ литературъ тоже связаны съ своею естественною поэзіею и развились изъ нея, однакожъ эта связь въ нихъ далеко не такъ тѣсна, какъ въ греческой. Если пѣсня, романсъ и баллада — эти чисто-народныя произведенія Европы среднихъ вѣковъ, были началомъ и источникомъ художественной лирической поэзіи въ Европѣ, то все же между какимъ-нибудь Байрономъ, Гёте и Шиллеромъ едвали есть такъ много общаго съ менестрелями, трубадурами, труверами и бардами, какъ много общаго въ гимнахъ, приписываемыхъ Лину, Музею и Орфею, съ позднѣйшими гимнами Изіода и Омира, съ „Иліадою“ и трагиками. Если испанская и англійская драма развились изъ мистерій среднихъ вѣковъ, какъ греческая изъ вакхическихъ праздниковъ, то все же нѣтъ ничего общаго между этими мистеріями и драмами Шекспира, и, по крайней мѣрѣ, очень немного общаго между этими мистеріями и драмами Лопеца-де-Веги и Кальдерона, не говоря уже о французской трагедіи, которая вслѣдствіе ошибочнаго подражанія греческой пошла совершенно другою дорогою.

Письменность служитъ, хотя и не всегда, естественнымъ переходомъ отъ словесности къ литературѣ; ею иногда какъ бы оканчивается словесность и начинается литература. Письменность оказываетъ великую услугу словеснымъ произведеніямъ народа, освобождая ихъ отъ непосредственной принадлежности лицамъ и избавляя отъ опасности погибнуть навсегда съ лицами, вслѣдствіе разныхъ случайностей. Но эта услуга не полная, потому что рукопись также, въ свою очередь, подвержена вліянію случайностей: можетъ сгорѣть, потонуть, сгнить, затеряться. „Слово о Полку Игоревѣ“ дошло до насъ въ единственномъ спискѣ, и то искаженномъ мѣстами до безсмыслицы. А кто поручится, что древняя Русь не имѣла и другихъ поэмъ въ родѣ „Слова о Полку Игоревомъ“, которыхъ не сохранила для насъ письменность? Сколько погибло памятниковъ древней литературы Греціи и Рима!

У народовъ, не игравшихъ всемірно-исторической роли, письменность мало или почти никакихъ услугъ не оказала поэзіи, какъ мы уже говорили объ этомъ выше. Такъ, до насъ дошли только тѣ изъ русскихъ пѣсенъ, которыя сохранились въ памяти народа, хотя и измѣненныя временемъ. Но совсѣмъ другую роль играла письменность у народовъ, которые своею жизнью выразили движеніе всемірно-историческаго духа. Такъ, напримѣръ, когда монархія Александра Македонскаго рушилась, міръ греческой жизни уже отцвѣлъ, и свитокъ рукописи заглушилъ собою живое изустное слово: тогда явилась письменная литература, образовавшая нѣчто цѣлое и единое соединеніемъ въ себѣ произведеній такъ называемой „Александрійской“ или „Неоплатонической школы“. Такъ, впослѣдствіи творенія отцовъ церкви христіанской всегда образовывали собою, и на Востокѣ и на Западѣ, отдѣльную литературу, которой развитіе совершилось въ связи и послѣдовательности и которой исторія тѣсно связана съ исторіею человѣчества въ ту великую эпоху.

Существенное и главное различіе между „словесностью“ и „литературою“ состоитъ въ томъ, что въ „словесности“ преобладающимъ интересомъ является *языкъ*, какъ матеріалъ всякаго словеснаго произведенія; а въ „литературѣ“ самостоятельный интересъ языка исчезаетъ, подчиняясь другому, высшему интересу—*содержанію*, которое въ литературѣ является преобладающимъ и самостоятельнымъ интересомъ. И потому, если можетъ быть исторія словесности, такъ это въ смыслѣ исторіи развитія языка въ словесныхъ произведеніяхъ народа, безъ отношенія къ ихъ содержанію. А оттого „словесность“ и принимается въ смыслѣ науки,

и можно сказать: „учиться словесности“. Въ этомъ отношеніи словесность соприкасается въ своемъ значеніи съ *филологіею*. Но литературѣ нельзя *учиться*, а можно только *изучать* литературу. Словесныя произведенія могутъ разсматриваться со стороны этимологіи, графики, лексикографіи, грамматики, стилистики. Словесныя произведенія народа могутъ раздѣляться по содержанію только внѣшнимъ образомъ, чтобы поэтическіе памятники не смѣшивать съ лѣтописями и памятниками духовной, юридической словесности; но главное и существенное ихъ раздѣленіе бываетъ по эпохамъ, въ которыхъ совершились измѣненія, испытанныя языкомъ въ его развитіи во времени. Когда же словесныя произведенія разсматриваются со стороны ихъ содержанія, мимо интереса языка, тогда они совершенно выходятъ изъ сферы словесности и поступаютъ въ вѣдѣніе той науки, къ которой относится ихъ содержаніе: такъ, напримѣръ, произведенія духовнаго содержанія отходятъ тогда къ церковной исторіи, лѣтописи и хроники къ политической исторіи, памятники законодательства, судебные и т. п. къ исторіи права и т. д. Вообще, словесность не разборчива: она принимаетъ въ себя равно и худое и хорошее, и посредственное и превосходное, лишь бы оно выразилось въ словѣ. Литература исключаетъ изъ себя все случайное, и признаетъ своими произведеніями только то, въ чемъ положительно или отрицательно выразилось діалектическое движеніе развивающейся во времени идеи. Поэтому, къ литературѣ относятся даже и такія произведенія, въ которыхъ видно уклоненіе отъ здраваго вкуса и основныхъ законовъ творчества, если только это уклоненіе было не случайное, но или выразило собою необходимо, вслѣдствіе глубокихъ историческихъ причинъ родившееся заблужденіе общества или и цѣлаго человѣчества (какъ, напримѣръ, псевдо-классическая поэзія во Франціи XVII и XVIII вѣковъ и морально-романическая школа въ Англіи XVIII вѣка, школа Фильдинга и Ричардсона), или необходимый переходъ отъ стараго къ новому (какъ, напримѣръ, неистовыя произведенія новѣйшей романтической школы). Напротивъ того, литература исключаетъ изъ себя даже ознаменованныя бо̀льшею или меньшею степенью таланта произведенія, если только они, не принадлежа къ высшимъ явленіямъ въ сферѣ искусства, въ то же время не выражаютъ собою духа времени, его господствующей идеи, а потому и лишены всякаго историческаго значенія. Въ область литературы входятъ только родовыя типическія явленія, которыя фактически осуществили собою моменты историческаго развитія. И потому, всякая литература имѣетъ свою исторію, тогда какъ словесность можетъ имѣть только библіографію. Задача всякой *исторіи* состоитъ въ томъ, чтобы подвести многоразличіе частныхъ явленій подъ общее значеніе, открыть въ многоразличіи частныхъ явленій органическую связь, взаимодѣйствіе и отношенія, и прослѣдить въ послѣдовательности многоразличныхъ явленій развитіе живой идеи, составляющей ихъ душу. Задача *библіографіи* состоитъ только въ томъ, чтобы *описать* каждое изъ данныхъ произведеній словесности по его содержанію, формѣ, особенностямъ. Библіографія говоритъ просто: такая-то рукопись или книга заключаетъ въ себѣ то̀-то и то̀-то, принадлежитъ она къ такому-то вѣку, писана на пергаментѣ или на бумагѣ, уставомъ, столбцами, или печатана такимъ-то шрифтомъ, въ такую-то долю листа и т. п. Если библіографія соблюдаетъ какой-нибудь порядокъ, то всегда внѣшній, для удобства употребленія, а не по требованію сущности предмета; она классифицируетъ рукописи и книги, какъ классифицируютъ ихъ каталоги и реестры. Поэтому, произведенія словесности суть какъ бы тѣни, являющіяся на заклинанія магика; произведенія литературы—живыя, всѣмъ извѣстныя и для всѣхъ равно доступныя лица, съ опредѣленными именами. Лабораторія словесности — келья монаха, уединеніе мудреца, залъ пиршества, темный лѣсъ, зеленыя дубравы и широкія поля; оттуда выходили всѣ произведенія ея — хроники, лѣтописи, поученія, легенды, пѣсни, сказки и т. п. Лабораторія литературы — общество съ его интересами и жизнью. Словесность лишена арены: она можетъ интересовать только любознательныхъ ученыхъ, тружениковъ науки, книжниковъ, литераторовъ, которые одни только и могутъ ею заниматься. Литература имѣетъ опредѣленную арену въ книгѣ, журналѣ, театрѣ, трибунѣ; она сама есть родъ сцены, на которой разыгрывается драма передъ лицомъ многочисленнаго собранія, изъявляющаго рукоплесканіями и кликами свое участіе и восторгъ.

Письменность есть средство равно и для словесности и для литературы, сохраняя произведенія первой и выражая собою движеніе послѣдней. Если въ письменности выражается духъ эпохи и она принимаетъ характеръ не только догматическій, но и полемическій, тогда она бываетъ литературою, или, по крайней мѣрѣ, служитъ переходомъ отъ словесности къ литературѣ. Разумѣется, это бываетъ только у народовъ, стоящихъ во главѣ человѣчества, и притомъ въ самыя жизненныя эпохи своего историческаго существованія. Такъ было, какъ сказали мы выше, въ первые вѣка христіанской церкви, во время

расколовъ и соборовъ; такъ было въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ изъ богословской полемики образовалась діалектика, логика и метафизика. Но письменность во всякомъ случаѣ представляетъ для развитія литературы слишкомъ тощую почву и ограниченную сферу, и безъ книгопечатанія новѣйшая литература навсегда бы могла остаться слабымъ растеніемъ, поддерживающимся искусственными средствами. Съ другой стороны, не должно забывать, что у народа, лишеннаго духа всемірно-исторической жизни, и книгопечатаніе не родитъ литературы: будутъ книги и, пожалуй, въ огромномъ количествѣ, но литературы все-таки не будетъ.

Выше сказали мы, что „литература есть выраженіе умственнаго существованія (сознанія) народа въ его словесныхъ произведеніяхъ“. Каждый народъ живетъ своею жизнью, а какъ жить не значитъ только родиться, ѣсть, пить и умирать, но и мыслить, знать, — то, слѣдовательно, каждый народъ живетъ и своимъ сознаніемъ, которое есть не что иное, какъ одна изъ многихъ сторонъ сознающаго себя обще-человѣческаго духа. Особенность сознанія, принадлежащаго одному народу и отличающаго его отъ всѣхъ другихъ народовъ, состоитъ въ его міросозерцаніи, въ томъ инстинктивномъ внутреннемъ взглядѣ на міръ, съ которымъ онъ, такъ сказать, родится, какъ съ непосредственнымъ и только одному ему присущнымъ откровеніемъ истины, и который есть его самодвижительная сила, жизнь и значеніе. Міросозерцаніе народа, — эта та умственная призма, съ однимъ или нѣсколькими первосущными цвѣтами радуги, сквозь которую онъ созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Народъ есть идеальная личность, у которой, подобно каждому отдѣльному человѣку, своя особенная натура, свой темпераментъ, свой характеръ, словомъ, своя *субстанція* (слово, котораго значеніе далеко не вполнѣ можетъ быть выражено словомъ *сущность*). Почему у того или другого народа именно такая, а не этакая субстанція,—этого такъ же невозможно объяснить, какъ и того, почему одинъ человѣкъ родится съ способностью къ живописи, а не къ музыкѣ, другой—къ математикѣ, а не къ военному искусству, и т. д. Правда, на образованіе субстанціи народа имѣютъ большее или меньшее вліяніе географическія, климатическія и историческія обстоятельства; но тѣмъ не менѣе очевидно, что первая и главная причина субстанціи всякаго народа, какъ и всякаго человѣка, есть физіологическая, составляющая непроницаемую тайну непосредственно-творящей природы. Субстанція, въ свою очередь, есть прямой и непосредственный источникъ міросозерцанія народа. Изъ міросозерцанія народа возникаетъ животворная идея; развитіе этой идеи въ живой практической дѣятельности составляетъ историческую жизнь народа. Движительнымъ развитіемъ этой идеи народъ живетъ; ею онъ и силенъ, и крѣпокъ, и могущъ, такъ что, когда эта идея совершитъ полный кругъ своего развитія — животворный источникъ народной жизни изсякнетъ, народъ теряетъ свою энергію и начинаетъ существовать только внѣшнимъ образомъ, пока какой-нибудь внѣшній же толчекъ не прекратитъ его призрачнаго существованія. Такъ кончилось существованіе Греціи и Рима, когда первая изжила всю свою религіозно-миѳическую и эстетически-гражданственную жизнь, а второй утратилъ энтузіазмъ республиканской доблести. Міросозерцаніе, а слѣдовательно, и субстанціальная идея народа проявляется въ его религіи, въ его гражданственности, въ его искусствѣ и знаніи. Уловить міросозерцаніе какого бы то ни было народа въ краткое и удовлетворительное опредѣленіе чрезвычайно трудно; довольно указать на его присутствіе въ многоразличныхъ проявленіяхъ народнаго сознанія. Въ Индіи, напр., издревле до нашихъ временъ царствуетъ пантеистическое міросозерцаніе, и Богъ понятъ, какъ вѣчно-производящая и вѣчно-разрушающая сила природы. Для Индійца каждое явленіе природы есть воплощеніе Брамы, и потому для него все въ природѣ выше человѣка, и онъ набожно хранитъ жизнь всякаго животнаго, хотя бы то было насѣкомое, и небрежетъ о своей собственной и своихъ ближнихъ. Погружаться въ созерцаніе совершенствъ Брамы, исчезать въ восторженномъ блаженствѣ этого піэтистическаго созерцанія и духомъ и плотью — цѣль жизни Индійца. И потому-то въ Индіи въ такомъ употребленіи добровольно терзать свою плоть физическими муками, бросаться подъ колеса гигантскаго истукана, сожигаться на кострахъ, и т. п. Это міросозерцаніе отразилось и въ искусствѣ индійскомъ. Неопредѣленное божество, подавляющее бѣднаго человѣка своимъ всесокрушающимъ величіемъ, не могло выразиться иначе, какъ въ храмахъ колоссальныхъ, подобно горамъ, въ гигантскихъ и уродливыхъ истуканахъ. То же явленіе повторилось и въ литературѣ: „Махабгарата“ и „Рамаяна“, по ихъ внѣшней формѣ, огромны, нестройны, завалены эпизодами; по содержанію исполнены присутствіемъ божества, производящаго и разрушающаго, и человѣкъ въ нихъ съ безусловнымъ самоотверженіемъ поглощается въ деспотической волѣ этого страшнаго божества, изъ-подъ безчисленныхъ образовъ котораго всегда выглядываетъ обоготворенная матерія вселенной. Въ Персіи это пантеистическое божество отрѣшилось отъ всякой образности,

изъ царства видимой природы перешло въ царство духовъ (самодѣйствующихъ и первосущныхъ силъ природы) и распалось на двойственное и враждебное себѣ самому понятіе добра и зла. Въ племенахъ семическихъ божество, отрѣшившись отъ всякой образности, явилось безплотною и отвлеченною идеею *всесущности*—безличною индивидуальностью. Это міросозерцаніе перешло впослѣдствіи и въ муггамеданство. Но, несмотря на свою духовность, оно есть тотъ же индійскій пантеизмъ, только на высшей степени своего развитія. Въ Египтѣ видна борьба природы съ человѣкомъ: египетское вліяніе коснулось и человѣка, но этотъ человѣкъ лишенъ жизни, связанъ и блещетъ только мертвою правильностью чертъ лица. Часто онъ является тамъ неотдѣленнымъ отъ животнаго, и въ сфинксѣ выразилось торжество египетской фантазіи, не могшей ни оторваться отъ животнаго, ни возвыситься до человѣка. Въ Греціи, въ лицѣ миѳическаго Эдипа, человѣкъ побѣдилъ сфинкса, разгадавъ его загадку, смыслъ которой былъ—„человѣкъ“, и въ разгадкѣ которой выразилось самосознаніе человѣка. Сфинксъ отъ стыда и досады бросился въ море, а человѣкъ остался царемъ на землѣ. И потому, если Грекъ очеловѣчилъ божество, выражавшееся на Востокѣ только въ животныхъ образахъ, то и обожествилъ человѣка—и это не въ одномъ изяществѣ благородныхъ формъ его тѣла, но и въ духовномъ стремленіи его къ истинному, прекрасному, доблестному, которое, по понятію Грека, было божественнымъ, хотя въ немъ и отразилась его же собственная человѣческая сущность. Итакъ, по созерцанію Эллина, божественное внѣшняго человѣка состояло въ *красотѣ*, а божественное внутренняго человѣка состояло въ *героизмѣ*, въ смыслѣ борьбы долга съ рокомъ,—и тамъ, гдѣ побѣда оставалась за человѣкомъ, человѣкъ дѣлался выразителемъ и представителемъ божественнаго, а гдѣ человѣческая личность побѣждалась страстью и эгоизмомъ, тамъ *божественное* являлось торжествующимъ въ трагической катастрофѣ падшей нравственно личности. Во всемъ, и въ природѣ, и въ духѣ человѣка, и въ религіи, и въ гражданственности, и въ искусствѣ Грекъ искалъ и находилъ божественное и упивался имъ въ блаженномъ созерцаніи. Цѣль жизни для Грека было—наслажденіе, заключавшееся въ одномъ божественномъ. И потому у Грека самая чувственность была обожествлена чувствомъ красоты и изящества, которыя тѣсно были соединены въ его созерцаніи съ чувствомъ нравственнаго. Жрецъ ли, воинъ ли, администраторъ ли, мудрецъ ли, художникъ ли, гость ли на пиру — Грекъ вездѣ священнодѣйствовалъ, вездѣ былъ актеромъ, который беретъ себѣ роль, чтобы, слившись съ страданіемъ и блаженствомъ героя драмы, насладиться и своимъ съ нимъ единствомъ и своею отъ него особностью въ одно и то же время. Вотъ это-то *міросозерцаніе* и лежитъ въ основѣ каждаго художественнаго произведенія греческаго, а слѣдовательно, и въ греческой литературѣ, лежитъ въ ихъ основѣ, какъ мысль затаенная, но тѣмъ не менѣе ясная и ощутительная, какъ національный мотивъ, по которому узнаютъ музыку того или другого народа во всѣхъ его пѣсняхъ. И это-то міросозерцаніе и составляетъ то вѣчное и непреходящее, то божественное греческой литературы, которое и сдѣлало ее общимъ достояніемъ человѣчества, несмотря на измѣненіе нравовъ и понятій въ теченіе тысячелѣтій, которое пережило эмпирическое существованіе Грековъ и умретъ только съ человѣчествомъ, если человѣчество можетъ умереть. Въ греческомъ міросозерцаніи мы видимъ торжество развитія древняго міра, видимъ въ ней цвѣтомъ то, что въ Индіи было корнемъ, въ Египтѣ стеблемъ и листьями. Поэтому самому даже искусство и литература Индійцевъ имѣютъ всемірно-историческое значеніе, какъ выраженіе ступени всемірно-историческаго развитія. Египтяне оставили памятники своего интеллектуальнаго существованія преимущественно въ зодчествѣ и ваяніи, въ громадной нескладности и животныхъ типахъ которыхъ выразилось окончательное обожествленіе природы и порываніе къ идеѣ человѣка. И потому египетское искусство тоже имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Но несравненно выше ихъ всемірно-историческое значеніе греческаго искусства и греческой литературы, въ которыхъ все, что́ въ другихъ древнихъ народахъ проявлялось неопредѣленно, разрозненно, чудовищно, явилось опредѣленно, полно и изящно.

Пантеистическое міросозерцаніе, отправившееся отъ Индіи, черезъ Персію, къ семическимъ племенамъ и принявшее отвлеченно духовный характеръ, миновало Грецію, и перешло въ Европу среднихъ вѣковъ, преображенное христіанствомъ; а въ Азіи преобразовалось въ магометанство. Нѣтъ нужды доказывать, что священная литература Евреевъ имѣетъ всемірно-историческое значеніе; но должно сказать, что поэзія восточныхъ народовъ, какъ до исламизма, такъ и во время его владычества, имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе въ той мѣрѣ, въ какой выражается въ ней пантеистическое міросозерцаніе. Въ Европѣ новыхъ временъ по исходѣ среднихъ вѣковъ геній Востока, развивавшійся мимо Греціи, снова встрѣтился съ древне-европейскимъ міромъ, черезъ знакомство съ литературами Греціи и Рима.

У Римлянъ, какъ у народа по преимуществу практически-дѣятельнаго, не могло развиться ни самостоятельной поэзіи, ни самобытной литературы: литература ихъ есть подражаніе греческой, и явилась у нихъ при крутомъ поворотѣ римской жизни къ упадку и гніенію. Латинская литература преимущественно заключается въ рѣчахъ ораторовъ и въ историческихъ твореніяхъ, которыхъ характеръ болѣе риторическій, какъ оно и должно было быть у народа общественнаго, гдѣ краснорѣчіе имѣло характеръ судебный и политическій. Истинная латинская литература, т.-е. національная и самобытная латинская литература, заключается въ Тацитѣ и сатирикахъ, изъ которыхъ главнѣйшій— Ювеналъ. Эта литература, явившаяся въ эпоху крайняго разложенія стихій общественной жизни Римлянъ, имѣетъ высокое значеніе высшаго нравственнаго суда надъ сгнившимъ въ развратѣ обществомъ, что̀ и даетъ ей по преимуществу всемірно-историческое, а слѣдовательно, и никогда не умирающее значеніе. Литература же великаго и цвѣтущаго Рима преимущественно заключается въ его законодательствѣ.

На позорищѣ новаго міра три націи представляютъ въ своемъ лицѣ современное намъ человѣчество — Франція, Германія и Англія. Прежде нихъ вышедшая на поприще всемірно-исторической дѣятельности, Италія уже какъ бы умерла въ настоящее время и въ летаргическомъ усыпленіи, съ тоскою, тщетно ожидаетъ своего возрожденія для будущаго. Мы говоримъ — не о политическомъ, а о нравственномъ, духовномъ существованіи народовъ. Италія, по разрушеніи Рима варварами, никогда не играла сколько-нибудь значительной роли въ политическомъ мірѣ, и только хитростью отдѣлывалась отъ многочисленныхъ враговъ, и съ сѣвера и съ юга безпрестанно наводнявшихъ собою ея прекрасную почву. Германія и теперь не одно государство, не одинъ народъ, а множество государствъ и народовъ, и въ политическомъ мірѣ не Германія, а Пруссія и Австрія играютъ теперь первостепенныя роли. Но предметъ нашего изслѣдованія — не Пруссія, и еще менѣе Австрія, а Германія, или, лучше сказать, духъ германскаго племени, его нравственное, а не политическое владычество въ современномъ мірѣ. И вотъ, въ этомъ-то отношеніи Италія — страна мертвая въ наше время. А какую блестящую роль играла она еще въ то время, когда вся остальная Европа была погружена во мракѣ варварства! Еще тогда въ ней была уже цивилизація—отблескъ наслѣдованной ею классической цивилизаціи, утонченность нравовъ, наука и искусство. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, Италія имѣла уже Данта, Петрарку и Боккачіо, въ XVI — Аріоста и Тасса; но не этимъ только ограничивалось владычество Италіи въ сферѣ искусства: Италія— отечество зодчества, живописи, скульптуры, музыки. Нѣтъ никакой нужды приводить здѣсь имена ея великихъ художниковъ: они такъ извѣстны всѣмъ. Итальянецъ, это— или артистъ, или дилетантъ уже по самой натурѣ своей; онъ родится или артистомъ, или дилетантомъ. Гондольеръ въ Италіи поетъ октавы Тасса, народъ апплодируетъ при появленіи на улицѣ какого-нибудь знаменитаго маэстро. Путешественники всѣхъ странъ не могутъ не удивляться правильной и благородной красотѣ римскаго простонародья, искусству римскаго крестьянина драпироваться своимъ бѣднымъ плащомъ и принимать живописныя позы во всѣхъ его положеніяхъ. Земля священныхъ развалинъ, почва, усѣянная памятниками и обломками древняго искусства, царство благодатной и роскошной природы, вся прелесть, вся наслажденіе, вся восторгъ и вдохновеніе,— поэтическая, живописная и пѣвучая Италія въ артистическомъ отношеніи была наслѣдницею древней Греціи. Она царила въ области изящнаго, въ области вкуса. Что̀ было этому причиною, если не субстанція народа? Скажутъ: это направленіе произвели обстоятельства, видъ памятниковъ древняго искусства, непосредственное наслѣдіе древней цивилизаціи. Но почему же Римляне, ограбившіе Грецію произведеніями ея искусства, почему они, несмотря на то, попрежнему остались народомъ безъ эстетическаго вкуса, безъ всякой способности къ творчеству, потому что всѣ, даже позднѣйшія произведенія древняго рѣзца, уже ознаменованныя признаками упадка искусства, были дѣломъ рукъ Грековъ, пріѣзжавшихъ или переселявшихся въ Римъ? Чтобы Италія сдѣлалась отчизною искусствъ, римской крови нужно было возродиться черезъ смѣшеніе съ кровью Готѳовъ и Лонгобардовъ...

Другая роль въ человѣчествѣ суждена Французамъ, Нѣмцамъ и Англичанамъ — этимъ тремъ національностямъ, идущимъ теперь во главѣ человѣчества. Германія и Франція представляютъ собою два противоположные полюса, двѣ противоположныя крайнія стороны духа человѣческаго: первая вся—мысль, вся—созерцаніе, вся—знаніе, вся—мышленіе;—вторая вся—страсть, вся — движеніе, вся— дѣятельность, вся — жизнь. Германія понимаетъ (созерцаетъ) природу и человѣка, словомъ — дѣйствительность, понимаетъ ее не иначе, какъ предметъ для сознанія,—и отсюда мыслительно-созерцательный, субъективно-идеальный, во-

сторженно-аскетическій, отвлеченно-ученый характеръ ея искусства и науки. Оттого, и само искусство ея не что иное, какъ параллель философіи, какъ особенная форма созерцательнаго мышленія, и оттого же и всемірно-историческій характеръ произведеній ея литературы—и науки и поэзіи. Отсюда же проистекаетъ и яркая противоположность между высокимъ, всемірно-историческимъ значеніемъ Нѣмцевъ въ наукѣ и искусствѣ, и ихъ пошлостью въ гражданскомъ и семейственномъ быту. Франція, напротивъ, понимаетъ жизнь какъ жизнь, а мысль какъ дѣятельность, какъ развитіе общественности, какъ приложеніе къ обществу всѣхъ успѣховъ науки и искусства. Для Нѣмца наука и искусство—сами себѣ цѣль, самостоятельная и священная сфера, которую значило бы профанировать, внося въ нее что-нибудь отъ міра, или требуя отъ нея вмѣшательства въ дѣла жизни; для Француза наука и искусство— средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. И вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные и даже полуобразованные народы міра; вотъ почему даже ея летучія, эфемерныя произведенія пользуются такою всеобщностью, такою повсюдною извѣстностью. Нѣмецъ бьется только изъ того, чтобы понять истину, а поймутъ ли его самого, — объ этомъ онъ мало заботится; онъ пишетъ для тружениковъ истины, готовыхъ добиваться ея въ потѣ лица, для ученыхъ; людей просто, общества онъ знать не хочетъ. Отсюда туманность, неуклюжесть и часто педантизмъ нѣмецкаго способа писать и выражаться. Французъ по преимуществу человѣкъ общительный и общественный, исполненный симпатіи къ людямъ и обществу, прежде всего заботится о томъ, чтобы его поняли всѣ, и скорѣе рѣшится пожертвовать глубокостью мысли, лишь бы только быть понятымъ, нежели заслужить упрекъ въ темнотѣ изложенія, оставаясь глубокомысленнымъ. Оттого Нѣмцы изъ самыхъ популярныхъ предметовъ умѣютъ сдѣлать родъ элевзинскихъ таинствъ, а Французы изъ самыхъ отвлеченныхъ и сухихъ предметовъ умѣютъ сдѣлать общедоступный и увлекательный предметъ знанія. Положите Нѣмца въ тиски, — ему и въ нихъ будетъ хорошо, если онъ пойметъ ихъ механизмъ и переведетъ ихъ значеніе на языкъ науки; Французу всегда тѣсно и на просторѣ, потому что для него жить значитъ безпрестанно расширять горизонтъ жизни. Нѣмецъ сознаетъ дѣйствительность; Французъ творитъ ее. Нѣмецъ любитъ знаніе о человѣкѣ; Французъ любитъ человѣка. Особенность каждаго изъ народовъ рѣзко выражается въ ихъ литературѣ, и эта-то особенность и даетъ литературѣ каждаго изъ нихъ всемірно-историческое значеніе. Примиреніе и взаимное проникновеніе нѣмецкаго и французскаго элементовъ, если оно произойдетъ, какъ и должно ожидать этого, никогда не изгладитъ ни особенности, ни самостоятельности той и другой литературы, но придастъ имъ еще большее всемірно-историческое значеніе и будетъ истиннымъ торжествомъ для человѣчества.

Гораздо труднѣе характеризовать и опредѣлить всемірно-историческое значеніе англійской націи и ея литературы. Англійская національность доселѣ представляетъ собою зрѣлище самыхъ поразительныхъ противоположностей. Всегда живя и дѣйствуя внѣ человѣчества, погруженная въ свой національный эгоизмъ, Англія тѣмъ не менѣе служитъ человѣчеству, заботясь только о собственныхъ выгодахъ на чужой счетъ. Распространяя свою всемірную торговлю, а для этого распространяя свои завоеванія на всемъ земномъ шарѣ, она по всему лицу его разноситъ сѣмена европейской цивилизаціи. Опередивши всю Европу въ общественныхъ учрежденіяхъ на совершенно новыхъ основаніяхъ, Англія, въ то же время, упорно держится феодальныхъ формъ и чтитъ букву закона, потерявшаго смыслъ и давно замѣненнаго другимъ. Политическое и религіозное ханжество Англичане считаютъ своею обязанностью, своею добродѣтелью, потому что она имъ полезна, какъ опора ихъ status quo. Нигдѣ индивидуальная, личная свобода не доведена до такихъ безграничныхъ размѣровъ, и нигдѣ такъ не сжата, такъ не стѣснена общественная свобода, какъ въ Англіи. Нигдѣ нѣтъ ни такого чудовищнаго богатства, ни такой чудовищной нищеты, какъ въ Англіи. Нигдѣ такъ не прочны общественныя основы, какъ въ Англіи, и нигдѣ, какъ въ ней же, не находятся онѣ въ такой опасности ежеминутно разрушиться, подобно черезчуръ крѣпко натянутымъ струнамъ инструмента, ежеминутно готовымъ лопнуть. Народъ по преимуществу практическій, промышленный, торговый, мануфактурный, словомъ, утилитарный, Англичане сильны въ положительныхъ наукахъ, особенно въ ихъ примѣненіи къ практикѣ; философія же и вообще всѣ умозрительныя знанія находятся въ Англіи въ самомъ жалкомъ положеніи. Но плохіе и ничтожные мыслители, Англичане обладаютъ такою художественною литературою, которую скорѣе можно поставить выше, нежели ниже всякой другой европейской

литературы. Что̀ же, какая же сторона англійской національности преимущественно отразилась въ англійской литературѣ? Трудно сказать это. Читая Шекспира и Вальтера Скотта, видишь, что такіе поэты могли явиться только въ странѣ, которая развилась подъ вліяніемъ страшныхъ политическихъ бурь, и еще болѣе внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ; въ странѣ общественной и практической, чуждой всякаго фантастическаго и созерцательнаго направленія, діаметрально-противоположной восторженно-идеальной Германіи, и въ то же время родственной ей по глубинѣ своего духа. Читая Байрона, видишь въ немъ поэта глубоко-лирическаго, глубоко-субъективнаго, а въ его поэзіи энергическое отрицаніе англійской дѣйствительности; и въ то же время въ Байронѣ все-таки нельзя не видѣть Англичанина, и притомъ лорда, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ и демократа. Страна всеобщаго тартюфства, Англія имѣла историка Гиббона. Сколько противорѣчій! Но изъ этихъ-то противорѣчій и вышелъ тотъ мрачный титаническій юморъ, который составляетъ характеристическую черту англійской литературы, рѣзко отличающую ее отъ всѣхъ другихъ литературъ. Англія — отечество юмора, который теперь болѣе или менѣе привился ко всѣмъ европейскимъ литературамъ, и который составляетъ могущественнѣйшее орудіе духа отрицанія, разрушающаго старое и приготовляющаго новое. Англійскій юморъ есть искупленіе національной англійской ограниченности въ настоящемъ, и залогъ ея будущаго выхода изъ ограниченности.

Впрочемъ, всемірно-историческое значеніе литературы есть только высшая степень ея достоинства, но не есть необходимая принадлежность. Могутъ быть литературы и безъ всемірно-историческаго значенія, но органически развившіяся и имѣющія свою исторію. Только важность подобной литературы гораздо значительнѣе для того народа, которому она принадлежитъ, нежели для другихъ народовъ. Всемірно-историческое значеніе литературы даетъ ей интересъ общій, дѣлаетъ ее извѣстною всѣмъ народамъ, тогда какъ кругъ вліянія и очевидность важности литературы, не имѣющей всемірно-историческаго значенія, ограничивается предѣлами выражаемой ею національности. Таковы литературы: шведская, голландская, польская, богемская. Онѣ могутъ блестѣть именами знаменитыхъ талантовъ, но интересны онѣ болѣе или менѣе только именно произведеніями этихъ талантовъ, а не совокупностью всѣхъ своихъ произведеній. Такъ извѣстны въ Европѣ имена Эленшлегера, Тегнера, Мицкевича; сочиненія ихъ даже переводятся на иностранные языки; но зато, кромѣ этихъ писателей, болѣе никто не извѣстенъ за предѣлами своего отечества. Итакъ, по одному знаменитому имени на каждую литературу! А между тѣмъ, въ каждой изъ этихъ литературъ есть много писателей даровитыхъ и замѣчательныхъ, хотя не столь знаменитыхъ, какъ тѣ, которыхъ мы назвали; но вліяніе и значительность этихъ талантовъ важны только у себя дома. Они оказали услуги, можетъ быть, весьма большія, своему языку, своей литературѣ, своему отечеству, но не человѣчеству, и потому ихъ знаетъ и чествуетъ только ихъ отечество; человѣчество же не хочетъ и не можетъ ихъ знать.

Но чтобы литература и для своего народа была выраженіемъ его сознанія, его интеллектуальной жизни, необходимо, чтобъ она была въ тѣсной связи съ его исторіею и могла служить объясненіемъ ей, необходимо, чтобы она развилась органически и имѣла свою исторію. Безъ этихъ условій, каково бы ни было количество книгъ на языкѣ того или другого народа, оно доказываетъ только то, что у этого народа существуетъ книгопечатаніе и процвѣтаютъ типографіи; но совсѣмъ не то, чтобы у него была литература. Большее или меньшее число писателей, даже съ замѣчательными дарованіями, также доказываетъ только то, что у народа есть люди, которые нашли свои причины и побужденія составлять и издавать въ свѣтъ книги; но опять-таки совсѣмъ не то, чтобы у него была литература. Еще менѣе можетъ служить доказательствомъ существованія литературы книжная торговля: она доказываетъ только существованіе въ народѣ болѣе или менѣе значительнаго числа грамотныхъ людей, которымъ надобно же что-нибудь читать, хотя отъ скуки и для разсѣянія, или по незнанію иностранныхъ языковъ, или по особой симпатіи ко всему родному, отечественному. Подобными чисто внѣшними доводами нельзя доказать существованія литературы у того или другого народа. Правда, безъ книгъ, безъ писателей и безъ читателей невозможна никакая литература, какъ невозможенъ театръ безъ сцены, безъ репертуара, безъ актеровъ и публики; но только одни книги, писатели и читатели еще не составляютъ собою литературы: ее производитъ духъ народа, выражающійся въ его исторіи, и потому литературу можетъ имѣть народъ, существующій не эмпирически только, но и нравственно, духовно, развивающій своею жизнью какую-нибудь сторону обще-человѣческаго духа, словомъ, народъ, который существуетъ по праву, необходимо, а не случайно.

Было время, когда мы, Русскіе, имѣли огромную литературу, которая не только не уступала ни одной изъ извѣстныхъ литературъ древняго и новаго міра, но и далеко превосходила и каждую изъ нихъ порознь и всѣ вмѣстѣ. Тредьяковскій „полезными своими трудами пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу“. Ломоносовъ былъ „Малербъ нашихъ странъ и Пиндару подобенъ“, кромѣ того,

Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

Сумароковъ „различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями пріобрѣлъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ Россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей, и хотя первый онъ изъ Россіянъ началъ писать трагедію по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ названіе *сѣвернаго Расина*; его эклоги равняются знающими людьми съ виргиліевыми и поднесь еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго парнаса, и въ семъ родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ Федра и де ла Фонтена, славнѣйшихъ въ семъ родѣ“ [1]). Петровъ побѣдилъ въ своихъ одахъ Пиндара, Хераскову не нанесутъ вреда зоилы: Владиміръ и Іоаннъ покроютъ его щитомъ и проведутъ въ храмъ безсмертія [2]).

Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани [3]).

Державинъ—сѣверный Пиндаръ, Горацій и Анакреонъ, далеко превзошедшій южныхъ—Пиндара, Горація и Анакреона. Богдановичъ въ своей „Душенькѣ“ побѣдилъ Лафонтена. Но мы бы долго не кончили, если бы стали исчислять всѣхъ русскихъ поэтовъ и писателей, которые превзошли и побѣдили поэтовъ и писателей всего міра. Такъ дѣтски тѣшили свое самолюбіе неразвившійся вкусъ и неопытная критика. Подобное направленіе общественнаго мнѣнія въ пользу русской литературы, впрочемъ, было болѣе полезно, нежели вредно, потому что это невинное самообольщеніе рождало въ пишущихъ людяхъ охоту къ литературнымъ трудамъ, а въ публикѣ—охоту читать ихъ литературные труды. Въ свое время это самообольщеніе начало проходить, потому что стали являться вольнодумцы, которые вооружились противъ незаслуженныхъ и преувеличенныхъ авторитетовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ заслугу этихъ смѣльчаковъ. Но рѣшительная потребность сознанія значенія и важности русской литературы, истинной оцѣнки заслугъ русскихъ писателей обнаружилась не болѣе какъ лѣтъ десять назадъ тому. Вдругъ, къ изумленію однихъ, къ оскорбленію другихъ, раздался смѣло предложенный вопросъ: „есть ли русская литература? существуетъ ли русская литература?“ Разумѣется, тотъ, кто первый предложилъ этотъ вопросъ, тогда же рѣшилъ его отрицательно, невольно увлекшись сомнѣніемъ, которое имъ первымъ было высказано. И хотя отрицательное рѣшеніе этого вопроса было ошибочно, однако оно принесло большую пользу, возбудивши споры *за и противъ* и заставивши всѣхъ не шутя подумать о томъ, о чемъ они такъ утвердительно говорили по привычкѣ, и безпристрастнѣе разсмотрѣть слишкомъ восторженно признанныя заслуги писателей. Результатомъ этихъ споровъ и изслѣдованій было сознательное признаніе существованія русской литературы, но только въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ, въ ея дѣйствительной важности. Но доселѣ такое признаніе существовало только какъ журнальное мнѣніе, отрывочно и по временамъ высказывавшееся по разнымъ случайнымъ поводамъ и болѣе или менѣе отзывавшееся въ публикѣ; но еще не было предметомъ отдѣльнаго сочиненія, въ которомъ идеи были бы оправданы исторически-критическимъ изложеніемъ фактовъ литературы, а въ фактахъ была бы прослѣжена оживляющая ихъ идея. Вотъ задача, рѣшеніе которой составляетъ содержаніе книги, которая подъ именемъ „Критической исторіи Русской Литературы“ предлагается теперь благосклонному вниманію читателя.

Несмотря на подражательность и ея неизбѣжный результатъ—риторизмъ русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина; несмотря на то, что и отъ Пушкина до настоящей минуты содержаніе русской литературы довольно скудно и большею частью состоитъ изъ идей, возникшихъ и развившихся не на туземной почвѣ; несмотря на то, что сумма произведеній русской литературы, ознаменованныхъ печатью сильнаго самобытнаго таланта и блистающихъ не относительными, а безусловными достоинствами, очень не велика; несмотря на то, что масса читающей русской публики ничтожна въ сравненіи съ массою нечитающей публики, что даже эта небольшая читающая публика раздѣляется и подраздѣляется на множество различныхъ и дробныхъ сторонъ, почти не связанныхъ одна съ другою, и что самая высшая литературная публика у насъ

[1]) Слова Новикова изъ его „Опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“; см. въ III томѣ наст. изд. первую изъ „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскаго.

[2]) „Надпись къ портрету Хераскова“, И. Дмитріева; см. тамъ же.

[3]) Стихи изъ посланія Воейкова.

до сихъ поръ состоитъ преимущественно изъ самихъ же литераторовъ, которые, въ свою очередь, несмотря на свою малочисленность, тоже раздѣляются на множество почти ничѣмъ не связанныхъ между собою котерій,—несмотря на все это, существованіе русской литературы есть фактъ, неподверженный никакому сомнѣнію. Но дѣйствительность этого факта очевидна только тогда, когда на русскую литературу будутъ смотрѣть какъ на міръ, хотя небольшой, но существующій по своимъ собственнымъ законамъ и развивающійся своимъ собственнымъ путемъ. Оттого и могло родиться сомнѣніе въ существованіи русской литературы, что на нее хотѣли смотрѣть, какъ, напр., на древне-греческую и латинскую и новѣйшую французскую литературы, сравнивали ее съ ними, требовали отъ нея непремѣнно тѣхъ же явленій, какими были ознаменованы эти литературы; и поэтому нашихъ поэтовъ называли русскими Гомерами, Виргиліями, Пиндарами, Гораціями, Анакреонами, Федрами, Лафонтенами, Расинами, потомъ—Шиллерами, Байронами и т. д. Начало и развитіе русской литературы совершенно особенное, не имѣющее себѣ примѣра ни въ одной литературѣ міра, такъ же, какъ и развитіе русскаго народа. И вотъ здѣсь-то является во всей своей очевидности та истина, что литература есть выраженіе жизни своего народа, и что исторія литературы тѣсно слита съ исторіею народа. Всемірно-историческаго значенія русская литература никогда не имѣла и теперь имѣть не можетъ. Россійская имперія, созданная Петромъ Великимъ, имѣетъ теперь всемірно-историческое значеніе въ политическомъ смыслѣ, занимая почетное мѣсто между первостепенными державами Европы и оказывая могущественное вліяніе на весь политическій міръ. Но Россія, но народъ русскій находятся еще въ одномъ изъ первыхъ моментовъ процесса своего только-что начинающагося развитія; они не успѣли еще установиться и опредѣлиться, вырости до самихъ себя—и потому не могутъ претендовать на умственное всемірно-историческое значеніе въ современномъ человѣчествѣ. Что Россіи готовится великое будущее, что русское племя носитъ въ себѣ плодотворное зерно субстанціальной жизни, которое нѣкогда должно развиться въ величественное, широколиственное дерево—такое предположеніе и теперь не чуждо достовѣрности; но въ чемъ будетъ состоять это великое будущее, какое міросозерцаніе разовьется изъ субстанціи русскаго народа, даже въ чемъ именно состоитъ субстанція его духовной природы,—этого теперь опредѣлить нельзя, а фантазировать объ этомъ и безплодно и нелѣпо. Русскій народъ въ этомъ отношеніи похожъ на геніальнаго ребенка: его физіономія уже значительна и обѣщаетъ много въ будущемъ, но дѣтскимъ чертамъ его лица еще недостаетъ опредѣленности, и по нимъ еще нельзя сказать, по какой дорогѣ и какъ именно пойдетъ это геніальное дитя, когда сдѣлается взрослымъ человѣкомъ. И потому, намъ должно пока отказаться отъ всякихъ притязаній сравнивать и равнять русскую литературу съ французскою, нѣмецкою или англійскою;—хотя, въ то же время, нельзя сказать, чтобы мы вовсе лишены были права сравнивать, равнять (и даже иногда ставить выше) иныя отдѣльныя произведенія нашей литературы тоже съ отдѣльными произведеніями другихъ литературъ, но въ отношеніи чисто-художественномъ, а не философско - историческомъ. Наша литература исполнена большого интереса, но только для насъ, Русскихъ, потому что въ ней выразилось наше собственное развитіе, общественное и человѣчественное. Другими словами: наша литература имѣетъ для насъ великое значеніе не въ одномъ эстетическомъ, но еще болѣе въ историческомъ значеніи.

Русская литература тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ литературъ, что она не возникла самобытно и непосредственно изъ почвы народной жизни, но была результатомъ крутой общественной реформы, плодомъ искусственной пересадки. И потому она сперва была подражательною и риторическою, бѣдною содержаніемъ, скудною жизнію. Если бы она навсегда осталась такою, она была бы не литературою, а книжничествомъ, и не заслуживала бы никакого вниманія. Но въ отношеніи къ нашей литературѣ, можетъ быть больше, нежели во всякомъ другомъ отношеніи, и обнаружилась вся плодовитость и жизненность искусственной реформы Петра Великаго. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить поэта Ломоносова съ поэтомъ Пушкинымъ, сатирика Фонвизина съ юмористическимъ поэтомъ Гоголемъ: какая безконечная разница! Кажется, между этими людьми легли цѣлые вѣка, тогда какъ ихъ едва раздѣляетъ одно столѣтіе! И это развитіе подражательной и риторической, школьной и книжной поэзіи въ самобытную и художественную, живую и доступную обществу совершилось постепенно, органически. Державинъ уже болѣе поэтъ, нежели Ломоносовъ; Озеровъ болѣе поэтъ, нежели Сумароковъ и Княжнинъ; за баснописцами даровитыми, но подражательными—Хемницеромъ и Дмитріевымъ, является геніальный и народный баснописецъ Крыловъ; Карамзинъ, преобразовавъ ломоносовскую прозу, приближаетъ ее къ естественной русской рѣчи, и приви-

ваетъ къ русской литературѣ элементы изящнаго французскаго публицизма, а Дмитріевъ роднитъ русскую поэзію съ духомъ и манерою изящной свѣтской поэзіи Французовъ, и оба они далеко опереживаютъ своихъ предшественниковъ въ легкости языка и даже въ поэтическомъ выраженіи стиха; Жуковскій прививаетъ къ русской поэзіи романтическіе элементы германской и англійской поэзіи; Батюшковъ вноситъ въ русскую поэзію элементы пластически-художественнаго созерцанія жизни и ея выраженія въ духѣ древне-классической поэзіи,— и оба они далеко опереживаютъ Карамзина и Дмитріева въ фактурѣ стиха, не говоря уже о поэзіи выраженія. За ними, наконецъ, является Пушкинъ, поэтъ и художникъ по преимуществу, окончательно преобразовываетъ языкъ русской поэзіи, возведя его на высочайшую степень художественности,—и съ нимъ первымъ является въ русской литературѣ искусство, какъ искусство, поэзія—какъ художественное творчество. Въ Пушкинѣ вся предшествовавшая ему изящная литература русская; прежде, чѣмъ онъ сталъ самобытнымъ и національнымъ поэтомъ-мастеромъ, онъ былъ поклонникомъ и ученикомъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, и все сдѣланное ими усвоилъ въ свою собственность, явивши красоты и достоинства, которыхъ они не являли, и не повторивши ихъ недостатковъ. И потому есть живая, органическая связь между Ломоносовымъ и Пушкинымъ, какъ между причиною и ея слѣдствіемъ. И вотъ эта-то живая, органическая послѣдовательность развитія русской литературы и даетъ ей столько же права называться „литературою“, сколько и тѣ яркіе, даже великіе, хотя немногіе таланты, которыми по справедливости она можетъ гордиться, и больше всего удостовѣряетъ въ ея существенномъ достоинствѣ въ настоящее время и въ ея способности пріобрѣсти нѣкогда всемірно-историческое значеніе. Прежде русская литература подражала буквѣ иностранной, учась словесному выраженію; послѣ она стала усвоять себѣ элементы различныхъ національностей Европы, и это усвоеніе, долженствующее обогатить и сдѣлать ее многостороннею, еще и теперь продолжается и еще будетъ продолжаться. Къ особеннымъ свойствамъ русскаго народа принадлежитъ его способность, проистекающая изъ его положенія къ Европѣ, усвоять себѣ все чуждое, ничѣмъ не увлекаясь, ничему не покоряясь исключительно. Только въ недавнее время началось сближеніе между собою французской и германской національности, но и теперь еще такъ трудно для Француза понять Нѣмца, а для Нѣмца— понять Француза. Русскій легко понимаетъ обоихъ ихъ и легко понимаетъ, отчего такъ трудно имъ понять другъ друга; но самъ отъ этого не дѣлается ни Французомъ, ни Нѣмцемъ. Короче: русскій человѣкъ еще не живетъ, а только запасается средствами на жизнь, беря ихъ вездѣ и всюду, гдѣ ни встрѣтитъ,—и, видно, богата должна быть его жизнь въ будущемъ, если для нея ему нуженъ такой огромный запасъ!

Очень понятно, отчего родился у насъ вопросъ: существуетъ ли русская литература! Его произвели, съ одной стороны, ребячество нашего литературнаго самообольщенія, которое во всякомъ русскомъ писателѣ хотѣло видѣть то Гомера, то Пиндара; съ другой стороны, односторонняя точка зрѣнія на русскую литературу. Если смотрѣть только съ художественной точки зрѣнія на нашихъ старыхъ писателей, то не только какіе-нибудь Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ, даже Ломоносовъ, мало того, самъ Державинъ лишится почти всего своего значенія и перестанетъ казаться не только великимъ, даже замѣчательнымъ явленіемъ въ области русской поэзіи. Но исключительно эстетическая точка зрѣнія, какъ всякая односторонность, всегда доводитъ до ложныхъ заключеній: и потому при сужденіи о литературѣ, кромѣ эстетической точки зрѣнія, нужна еще и историческая. И вотъ съ этой послѣдней точки зрѣнія не только Державинъ—и Ломоносовъ получаетъ великое значеніе въ русской литературѣ не только какъ писатель вообще, но и какъ поэтъ. Даже Сумароковъ, Херасковъ и Княжнинъ, которыхъ такъ легко совершенно уничтожить съ эстетической точки зрѣнія,—съ исторической, напротивъ, получаютъ полное оправданіе, и являются въ русской литературѣ именами замѣчательными и почтенными. Эти трудолюбивые люди своею дѣятельностью, хотя и ошибочною, размножили на Руси книги, а черезъ книги—читателей, распространяли въ обществѣ охоту и страсть къ благороднымъ умственнымъ наслажденіямъ литературою и театромъ,—и такимъ образомъ мало-по-малу приготовили для Карамзина возможность образовать въ обществѣ публику для русской литературы. Несмотря на то, что эта публика еще и теперь слишкомъ немногочисленна въ сравненіи съ массою цѣлаго общества и тѣмъ болѣе съ массою всего народа, и что, при ея малочисленности, она поражаетъ взоръ наблюдателя разнохарактерностью, пестротою и противорѣчіемъ своихъ вкусовъ, понятій и требованій,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у насъ есть уже и публика, такъ же, какъ есть и литература. Это доказывается тѣмъ, что бездарность, мелочная талантливость и ложная оригинальность пользуются у насъ

только мгновеннымъ, хотя иногда и сильнымъ успѣхомъ, тогда какъ истинный талантъ, истинная геніальность скоро оцѣниваются, оказываютъ на публику огромное вліяніе и пріобрѣтаютъ прочную извѣстность, прочную славу. Пушкинъ при своемъ появленіи былъ встрѣченъ и восторгомъ и негодованіемъ, но первый скоро одержалъ верхъ, и скоро геніальность Пушкина безусловно была признана всѣмъ обществомъ. „Горе отъ Ума“ Грибоѣдова еще въ рукописи было прочитано всею Россіею. Лермонтовъ при первомъ своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ обратилъ на себя изумленные взоры всего общества, и, несмотря на свою преждевременную кончину, остался во мнѣніи публики великимъ поэтомъ. Но никто изъ русскихъ писателей не возбуждалъ такого общаго и такого энергическаго негодованія, и никто изъ нихъ съ такимъ блескомъ и торжествомъ не побѣдилъ его, какъ Гоголь. Встрѣченный съ энтузіазмомъ только немногими голосами, во всѣхъ остальныхъ возбудилъ онъ ропотъ оскорбленія и негодованія, очень естественный и понятный по духу сочиненій Гоголя и по отношенію ихъ къ обществу; но—удивительное дѣло!—съ равною жадностью былъ онъ читаемъ и перечитываемъ какъ своими почитателями, такъ и своими хулителями. Наконецъ, истина взяла свое, и общественное мнѣніе торжественно признало Гоголя великимъ національнымъ поэтомъ. Такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что все истинное, все живое скоро пріобрѣтаетъ симпатію и признаніе русской публики, очень много.

Написать исторію русской литературы значитъ: показать, какимъ образомъ, какъ слѣдствіе общественной реформы, произведенной Петромъ Великимъ, началась она рабскимъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, принявши чисто риторическій характеръ; какъ потомъ постепенно стремилась къ освобожденію изъ формальности и риторизма и пріобрѣтенію для себя жизненныхъ элементовъ и самостоятельности; и какъ, наконецъ, развилась до полной художественности и сдѣлалась выраженіемъ жизни своего общества, стала русскою. Вмѣстѣ съ этимъ должно показать, что русская литература положила у насъ основаніе публичности и общественнаго мнѣнія, была проводникомъ въ общество всѣхъ человѣческихъ идей и постоянно, не безъ успѣха, боролась съ предразсудками и пороками, завѣщанными намъ невѣжественною, полуазіатскою стариною.

Но прежде, нежели приступимъ мы къ изложенію исторіи русской литературы, считаемъ за нужное бросить взглядъ на нашу народную поэзію. Хотя художественная русская литература развилась не изъ народной поэзіи, однако первая, при Пушкинѣ, встрѣтилась съ послѣднею, и вопросъ о народной русской поэзіи и теперь принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ современной русской литературы, потому что онъ сливается съ вопросомъ о народности въ поэзіи. По разсмотрѣніи произведеній народной русской поэзіи мы бросимъ бѣглый взглядъ на произведенія древней и старой русской словесности, которая не принадлежитъ ни къ богословію, ни къ хроникамъ, такъ какъ ни то, ни другое не входитъ въ составъ нашей книги, предметъ которой—исключительно свѣтская изящная (бельлетрическая) литература.

[1843 г.].

---

30. Общая идея народной поэзіи.

Подъ этимъ заглавіемъ была напечатана въ сентябрьскомъ номерѣ „Отеч. Зап.“ 1841 г. первая изъ четырехъ статей Бѣлинскаго о русской народной поэзіи. Мы помѣщаемъ здѣсь только первыя двѣ изъ этихъ статей, содержащія теоретическое введеніе, характеристику народной поэзіи и т. п.; третья и четвертая статья заключаютъ въ себѣ разборъ памятниковъ народной словесности—вѣрнѣе, не столько разборъ, сколько подробный пересказъ. Эта громоздкая работа, занимающая болѣе сотни страницъ, была необходима и полезна въ сороковыхъ годахъ, когда широкая публика совершенно не была знакома съ нашей народной поэзіей; въ настоящее время такой подробный пересказъ общеизвѣстныхъ былинъ, пѣсенъ и сказаній является въ значительной степени излишнимъ. Извѣстный интересъ представляютъ только краткіе комментаріи и замѣчанія Бѣлинскаго, но интересъ, вслѣдствіе ихъ ошибочности, только отрицательный: въ сороковыхъ годахъ еще не начиналась критическая разработка памятниковъ нашей древней письменности и народной словесности, возникшая лишь въ шестидесятыхъ

и семидесятыхъ годахъ, въ работахъ Буслаева, О. Миллера, Потебни и др. Точка зрѣнія Бѣлинскаго въ настоящее время является совершенно ошибочной, а подробный пересказъ общеизвѣстныхъ былинъ является въ настоящее время совершенно излишнимъ; по этимъ двумъ причинамъ мы позволили себѣ ограничиться помѣщеніемъ въ настоящемъ изданіи только двухъ вступительныхъ статей Бѣлинскаго, содержащихъ въ себѣ въ сжатомъ видѣ всю сущность его точки зрѣнія и являющихся вполнѣ цѣльнымъ и законченнымъ введеніемъ въ изученіе народной поэзіи. Читатели, желающіе подробнѣе ознакомиться съ литературой вопроса объ этихъ статьяхъ Бѣлинскаго, найдутъ ее въ „Исторіи русской этнографіи“ Пыпина.

Эти статьи Бѣлинскаго о народной поэзіи предназначались имъ для задуманнаго въ 1840—41 г. „Теоретическаго и критическаго курса русской литературы“, а потому и тѣсно связаны съ тремя предыдущими статьями (№№ 27—29), какъ мы это еще увидимъ ниже; по этой причинѣ мы, слегка нарушая хронологическій порядокъ, помѣщаемъ ихъ непосредственно рядомъ [1]). Что же касается текста, то мы, какъ и всюду въ настоящемъ изданіи, беремъ текстъ журнальныхъ статей, а не изданія подъ редакціей Кетчера. Кетчеръ указываетъ, что настоящія статьи напечатаны имъ съ собственноручными измѣненіями и дополненіями Бѣлинскаго, сдѣланными имъ для „Критической исторіи русской литературы“, которую—прибавляетъ Кетчеръ—„незадолго до смерти Бѣлинскій началъ составлять изъ прежнихъ статей своихъ“. Изъ нашей замѣтки къ предъидущей статьѣ читатели знаютъ, что „Критическая исторія русской литературы“ задумывалась и составлялась Бѣлинскимъ начиная съ 1843—44 г.; а первоначально задуманный „Теоретическій и критическій курсъ русской литературы“ составлялся, какъ извѣстно, еще раньше—въ 1841 г. Мы беремъ поэтому за основаніе журнальный текстъ 1841 года, указывая главнѣйшія дополненія въ примѣчаніяхъ.

Внимательно изучая двѣ настоящія статьи о народной поэзіи, легко замѣтить тѣсную связь между второй изъ этихъ статей и уже извѣстнымъ намъ отрывкомъ объ „Идеѣ искусства“: вторая статья о народной поэзіи является какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ „Идеи искусства“. Послѣдняя страница „Идеи искусства“ (эпизодъ о „Матеряхъ“ изъ „Фауста“) буквально переписана въ самомъ началѣ второй статьи о народной поэзіи; „Идея искусства“ заканчивается тѣмъ, чѣмъ начинается эта вторая статья. И самый ходъ мыслей этихъ двухъ статей является непрерывнымъ и тѣсно спаяннымъ: въ „Идеѣ искусства“ мы имѣемъ прежде всего опредѣленіе искусства, затѣмъ обоснованіе его на почвѣ имманентнаго развитія „идеи“ изъ самой себя, приходящаго въ концѣ концовъ къ живой „организаціи“, результатомъ которой является „особность, индивидуальность и личность“. Но „особность“ эта является только проявленіемъ „общаго“, той „идеи“, къ которой нисходитъ все. Тутъ Бѣлинскій приводитъ сцену изъ „Фауста“ о нисхожденіи его къ таинственнымъ „Матерямъ“ („матерямъ-идеямъ“, по толкованію гегеліанцевъ). Именно съ этого и начинается вторая статья о народной поэзіи—съ этой же сцены изъ „Фауста“, съ опредѣленія „общаго“ и „идеи“, съ перехода отъ царства природы къ царству духа въ лицѣ человѣка (послѣдняя фраза буквально повторяется въ обѣихъ статьяхъ—см. выше, стр. 80, и ниже, стр. 169). Предметомъ искусства признается „общее“ въ его „особномъ проявленіи“—отсюда переходъ къ идеѣ „народности“ въ искусствѣ и къ ея противопоставленію „общности въ смыслѣ человѣчества“ (т.-е. „космополитизму“), о чемъ была рѣчь еще въ первой статьѣ о народной поэзіи. Переходомъ отъ „художественной поэзіи“ къ „поэзіи народной“ заканчивается эта вторая вступительная статья.

Такимъ образомъ отрывокъ объ „Идеѣ искусства“ является и по формѣ и по содержанію тѣсно связаннымъ со второй статьей о народной поэзіи; настолько же легко прослѣдить его связь и съ первой статьей о народной поэзіи, которая является какъ бы историческимъ предисловіемъ къ „Идеѣ искусства“. Въ этой первой статьѣ идетъ рѣчь о классицизмѣ, о романтизмѣ, о „народности“ и „простонародности“, о поэзіи „безыскусственной“ и объ „искусствѣ“, о художественной поэзіи. Отсюда переходъ къ опредѣленію искусства—т.-е. къ статьѣ объ „Идеѣ искусства“, которая такимъ образомъ *является по существу соединительнымъ звеномъ между первой и второй статьей о народной поэзіи.* Выбросивъ это звено (для помѣщенія его особо, въ отдѣлѣ „Эстетики“ своей книги), Бѣлинскій связалъ первую и вторую статью нѣсколькими фразами—и краткимъ изложеніемъ сущности статьи „Идея искусства“ въ началѣ второй изъ указанныхъ статей. Вотъ почему и статья объ „Идеѣ искусства“ осталась неоконченной: Бѣлинскому незачѣмъ было ее кончать, такъ какъ окончаніе ея, тѣсно связывающее отвлеченные вопросы эстетики съ вопросами исторіи литературы, находится во второй статьѣ о народной поэзіи.

[1]) Строго-хронологически статьи о народной поэзіи должны были бы идти въ настоящемъ изданіи подъ № 32, т.-е. вслѣдъ за статьей о „Римскихъ элегіяхъ“.

Что же касается до сущности взглядовъ, проводимыхъ Бѣлинскимъ въ настоящихъ статьяхъ, то философскимъ базисомъ является, какъ мы знаемъ, гегеліанское воззрѣніе о діалектическомъ развитіи идеи. На этомъ базисѣ Бѣлинскій строитъ обычную гегеліанскую схему классицизма XVIII вѣка, какъ тезиса, романтизма XIX вѣка, какъ антитезиса, синтезъ ихъ онъ видитъ въ „истинной идеѣ искусства нашего времени“—т.-е. въ поэзіи *реальной*, какъ скажетъ Бѣлинскій нѣсколько позже и какъ онъ уже говорилъ гораздо раньше, въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“. (Кстати замѣтить связь этой статьи 1835 года съ первой изъ настоящихъ статей, въ которой снова дается въ немногихъ словахъ сжатый очеркъ исторіи русской повѣсти). Эта мысль о синтезѣ классицизма, какъ „искусственности“, и романтизма, какъ „естественности“, одинаково ложныхъ въ своихъ крайностяхъ—мысль, съ которой Бѣлинскій познакомился еще десятью годами ранѣе, въ диссертаціи Надеждина,—теперь дополняется имъ второй ступенью гегелевской тріады, синтезомъ „народности“ (которая не должна впадать въ „простонародность“) и „общечеловѣчности“ (которая не должна впадать въ крайній космополитизмъ). Въ этихъ мысляхъ слышится уже начало намѣчающагося спора между западничествомъ и славянофильствомъ; съ развитіемъ этихъ мыслей мы не одинъ разъ встрѣтимся въ дальнѣйшемъ.

Интересно сопоставить эти мысли Бѣлинскаго о „народности“ съ тѣми, которыя онъ высказывалъ въ самыхъ первыхъ своихъ статьяхъ 1834—1836 г. Мы знаемъ, что черезъ всѣ эти статьи „телескопскаго“ періода красной нитью проходила основная мысль о *безцѣльномъ искусствѣ и безсознательной народности* (см. наши замѣтки къ статьямъ №№ 1—7). Теперь Бѣлинскій снова повторяетъ это положеніе съ небольшой, но характерной оговоркой. Попрежнему онъ заявляетъ, что „истинный художникъ народенъ и національненъ безъ усилія; онъ чувствуетъ національность прежде всего въ самомъ себѣ, и потому невольно налагаетъ ея печать на свои произведенія“; попрежнему онъ утверждаетъ, что „въ искусствѣ одна цѣль—само искусство“ (см. ниже, стр. 158). Но къ послѣднему утвержденію онъ прибавляетъ оговорку — раздѣленіе искусства и „беллетристики“, впослѣдствіи выраженное въ донынѣ сохранившейся формулировкѣ раздѣленія „беллетристики“ и „литературы“ (см. статью Бѣлинскаго о книгѣ Никитенко „Опытъ исторіи русской литературы“ и нашу замѣтку къ статьѣ № 29). Искусство не имѣетъ цѣли внѣ себя, не преслѣдуетъ никакихъ моральныхъ и утилитарныхъ цѣлей; но кромѣ искусства, кромѣ поэзіи есть еще „беллетристика“ (такъ писалъ Бѣлинскій), которая можетъ ставить себѣ внѣшнюю цѣль, имѣющую „и большую пользу, и важное значеніе“. Мы уже видѣли, что впервые Бѣлинскій разграничилъ эти понятія въ статьяхъ 1838 г. о сочиненіяхъ Греча и Лажечникова; мы еще увидимъ, какъ признаніе большого значенія „беллетристики“ мало-по-малу займетъ у Бѣлинскаго мѣсто былого преклоненія передъ „безцѣльнымъ съ цѣлію“ искусствомъ.

Возвращаясь къ вопросу о „народности“, остановимся здѣсь на отношеніи Бѣлинскаго къ народной словесности въ частности и къ народу вообще. Народную поэзію Бѣлинскій цѣнилъ высоко; въ небольшой рецензіи 1840 года на книгу Суханова „Древнія русскія стихотворенія“ Бѣлинскій говоритъ про извѣстный сборникъ Кирши Данилова, что „эта книга драгоцѣнная, истинная сокровищница величайшихъ богатствъ народной поэзіи, которая должна быть коротко знакома всякому русскому человѣку, если поэзія не чужда душѣ его“... Но въ то же время Бѣлинскій неизмѣримо выше „естественной“ народной поэзіи ставилъ поэзію „художественную“; въ рецензіи того же 1840 года на книгу Боричевскаго „Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени“ Бѣлинскій пишетъ: „высокое эстетическое наслажденіе доставляютъ поэтическіе разсказы, собранные Киршею Даниловымъ—объ этомъ нѣтъ спора; но что̀ это наслажденіе передъ тѣмъ, которое доставляютъ созданія Пушкина?“—И въ настоящей статьѣ Бѣлинскій еще болѣе подчеркиваетъ эту свою мысль: „одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника - поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ!“—восклицаетъ онъ въ первой статьѣ и подробно развиваетъ эту мысль во второй изъ настоящихъ статей. Четверть вѣка спустя Л. Толстой высказалъ діаметрально-противоположное мнѣніе, будто возражая на приведенныя выше слова Бѣлинскаго: „лирическое стихотвореніе, какъ, напримѣръ, „Я помню чудное мгновенье“, произведенія музыки, какъ послѣдняя симфонія Бетховена, не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсня о «Ванькѣ Клюшникѣ» и напѣвъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»“ (статья 1862 г.; собр. соч., изд. 9-е, т. IV, стр. 286). Эти крайнія мысли, своего рода гегеліанскій тезисъ и антитезисъ, остроумно синтезировалъ въ семидесятыхъ годахъ Михайловскій своей теоріей типовъ и степеней развитія: народная пѣсня выше по типу, а художественное творчество выше по степени развитія. Иначе говоря — нельзя прилагать одинъ и тотъ же масштабъ для измѣренія цѣнности этихъ двухъ столь раз-

личныхъ явленій; въ этомъ была ошибка и Л. Толстого и Бѣлинскаго.

Обыкновенно полагаютъ, что эта ошибка Бѣлинскаго тѣсно связана съ его якобы пренебрежительнымъ отношеніемъ къ „народу“ въ 1834—1841 гг. Если въ этомъ и есть доля истины, то очень небольшая, тѣмъ болѣе, что и „пренебрежительное“ отношеніе Бѣлинскаго этой эпохи къ „народу“ требуетъ многихъ и многихъ оговорокъ. Дѣйствительно, въ статьяхъ Бѣлинскаго указанной выше эпохи часто можно встрѣтить отрицательные отзывы о „черни“, о „простонародности“; въ то время Бѣлинскій далеко не былъ демократомъ, а скорѣе, выражаясь современными терминами, „идеологомъ культурнаго общества“. „Какъ голова есть важнѣйшая часть человѣческаго тѣла, такъ среднее и высшее сословіе составляютъ народъ по преимуществу“,—писалъ Бѣлинскій еще въ первой своей статьѣ (см. I, 89) и вполнѣ отрицательно относился къ „черни“. Не надо забывать однако, что, возставая противъ „черни“, онъ имѣлъ въ виду не „мужика“, а все нравственно павшее, низкое въ народѣ; въ этомъ смыслѣ онъ всегда различалъ „чернь“ отъ „народа“. „Развѣ одна чернь составляетъ народъ?—Ничуть не бывало“,—говорилъ Бѣлинскій въ указанномъ выше мѣстѣ „Литературныхъ Мечтаній“. Въ извѣстной уже намъ статьѣ „Общее значеніе слова литература“, написанной десятью годами позднѣе „Литературныхъ Мечтаній“, Бѣлинскій снова говоритъ о томъ, что хотя въ Аѳинахъ не было соціальнаго равенства, но зато „въ нихъ не было и *черни*, невѣжественной, грязной, покрытой лохмотьями, помышляющей только о матеріальномъ удовлетвореніи грубыхъ потребностей тѣла, чуждой всякаго чувства человѣческаго достоинства: масса аѳинскаго народонаселенія состояла не изъ черни, а изъ народа“ (см. выше, стр. 109). Это подраздѣленіе всегда надо имѣть въ виду, читая отрицательные выпады Бѣлинскаго противъ „черни“, но несмотря на это надо признать, что Бѣлинскій въ эту эпоху смотрѣлъ сверху внизъ на „некультурные“ слои населенія: ему пріятнѣе было бы встрѣчать въ беллетристическихъ произведеніяхъ типы „такихъ мужиковъ, которые, благодаря своей натурѣ или случайнымъ обстоятельствамъ, нѣсколько возвышаются надъ ограниченною сферою мужицкой жизни“,—пишетъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ. И еще: „не должно забывать ни на минуту, что герой искусства и литературы есть *человѣкъ*, а не баринъ, еще менѣе *мужикъ*“. Черезъ немного лѣтъ Бѣлинскій увидитъ въ „мужикѣ“ не только „человѣка“, но даже *преимущественно* человѣка, на котораго вѣковыя страданія наложили печать человѣчности, часто отсутствующую у „барина“. Такимъ образомъ взглядъ настоящей статьи на „народъ“, на народность, на народную поэзію является только одной изъ ступеней на пути развитія Бѣлинскаго; о послѣдующихъ ступеняхъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже.

И.-Р.

Статья I.

„Народность“ есть альфа и омега эстетики нашего времени, какъ „украшенное подражаніе природѣ“ было альфою и омегою эстетики прошлаго вѣка. Высочайшая похвала, какой только можетъ, въ наши дни, удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ теперь почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ „народный поэтъ“. Выраженія: „народная поэма“, „народное произведеніе“, часто употребляются теперь вмѣсто словъ: „превосходное, великое, вѣковое произведеніе“. Волшебное слово, таинственный символъ, священный гіероглифъ какой-то глубокознаменательной, неизмѣримо-обширной идеи,—„народность“ замѣнила собою и творчество, и вдохновеніе, и художественность, и классицизмъ, и романтизмъ, заключила въ одной себѣ и эстетику, и критику. Короче: „народность“ сдѣлалась высшимъ критеріумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтическаго произведенія и прочности всякой поэтической славы. Но всѣ ли, говоря о народности, говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ? не злоупотребляютъ ли это слово? понимаютъ ли его истинное значеніе? Увы! съ „народностью“ сдѣлалось то же, что̀ нѣкогда произошло съ „романтизмомъ“ и со многими другими словами, которыя потому именно и утратили всякое значеніе, что слишкомъ расширились въ значеніи,—которыя сдѣлались непонятны ни для кого потому именно, что казались всѣмъ слишкомъ понятными! Чтобъ уяснить значеніе слова „народность“, мы должны изъяснить процессъ историческаго развитія идеи, заключающейся въ этомъ словѣ, должны показать, когда начали думать о „народности“, что̀ разумѣли подъ нею прежде, и что̀ должно разумѣть подъ нею въ наше время.

Было время, когда всѣ литературы только изъ того и бились, чтобъ не быть народными, но быть подражательными. Подражательность въ литературѣ рождена Римлянами.

Народъ практическій, народъ меча и закона, Римляне были обдѣлены отъ природы эстетическимъ чувствомъ. Республика по справедливости могла гордиться своимъ энергическимъ и благороднымъ краснорѣчіемъ, которое родилось, выросло и расцвѣло на республиканской почвѣ, вмѣстѣ съ гражданственностью, и которое съ монархіею переродилось въ риторику; но республика не имѣла поэзіи, какъ искусства: вся ея поэзія заключалась въ гражданской доблести, въ великихъ дѣлахъ и подвигахъ свободнаго и могучаго народа. О поэзіи, какъ искусствѣ, Римляне узнали отъ Грековъ, которые, умерши въ настоящемъ, жили своимъ великимъ прошедшимъ, въ настоящемъ безславіи утѣшались прошедшею славою, и, за неимѣніемъ всякаго другого дѣла, изучали въ школахъ памятники поэзіи цвѣтущаго времени своей исторіи, которое навсегда прошло для нихъ. Завоевавъ трупъ нѣкогда столь прекрасной Эллады, варваръ-Римлянинъ впервые, такъ сказать, столкнулся съ геніемъ ея давняго искусства и обошелся съ нимъ истинно по-варварски: извѣстно, что консулъ Муммій, сжегши и разграбивъ великолѣпный Коринѳъ, отправляя въ Римъ статуи и картины, сдѣлалъ съ перевозчикомъ условіе, по которому тотъ, въ случаѣ утраты статуи или картины, обязывался представить взамѣнъ такую же, а попорченную исправить на свой счетъ. Однакожъ, несмотря на ненависть Марка Катона къ греческой философіи и учености, вкусъ къ ней началъ быстро распространяться въ Римѣ. Знаменитые люди Рима этой эпохи воспитываются греческими выходцами; изученіе греческой литературы дѣлается необходимостію для образованнаго Римлянина. Но римская поэзія началась не прежде, какъ когда Августъ затворилъ храмъ Януса, и мертвымъ обманчивымъ покоемъ замѣнилъ кровавыя волненія республики. Отпущенный рабъ Горацій называлъ себя подражателемъ Пиндара, и, посвятивъ свою сговорчивую музу хваленію своего добраго барина, благодѣтеля, отца и заступника,—Мецената, ввелъ въ моду поэзію прихожихъ, которая такъ восхищала Французовъ до временъ Возстановленія. Виргилій потщился явить въ своемъ лицѣ римскаго Гомера,—и „*чахоточный отецъ немного тощей Энеиды*“ съ большимъ успѣхомъ перепародировалъ божественную „Иліаду“, или—какъ говорили эстетики прошлаго вѣка—весьма удачно *подражалъ* Гезіоду и Теокриту. Болѣе его поэтическій Овидій передалъ въ своихъ стихахъ поэтическія преданія эллинской миѳологіи. Впрочемъ, рабство Римлянъ въ поэзіи не было результатомъ только политическаго униженія: національный духъ Римлянъ всегда былъ чуждъ поэзіи, и истинная латинская литература заключается въ памятникахъ краснорѣчія и историческихъ сочиненіяхъ, между которыми достаточно указать только на записки Юлія Цезаря и лѣтопись Тацита, чтобъ увидѣть великое значеніе латинской литературы. Но тѣмъ не менѣе, подражательная латинская поэзія стала на ряду съ греческою въ глазахъ новѣйшей Европы. Послѣдній представитель французской критики, Лагарпъ, отдавая „Иліадѣ“ преимущество предъ „Энеидою“,—преимущество въ силѣ,—„Энеиду“ ставитъ несравненно выше „Иліады“ со стороны изящества. Вѣроятно, первою причиною этого было, что новѣйшая Европа съ латинскою поэзіею познакомилась прежде, чѣмъ съ греческою. Изъ латинскаго языка образовались почти всѣ ново-европейскіе языки, кромѣ нѣмецкаго, и латинскій языкъ былъ богослужебнымъ языкомъ новѣйшей Европы, которая на немъ приняла книги священнаго писанія. Схоластическое направленіе европейской учености среднихъ вѣковъ такъ же много способствовало преобладанію духа латинской поэзіи. Французы, гордые новымъ просвѣщеніемъ, основаннымъ на изученіи древности, отверглись отъ преданій среднихъ вѣковъ и всѣхъ романтическихъ элементовъ, столь родственныхъ ихъ національному духу, какъ и вообще духу всей новѣйшей Европы, возмечтали создать себѣ литературу, основанную на подражаніи греческой, которой они нисколько не понимали (потому что не понимали никакой истинной поэзіи), и латинской, которая болѣе соотвѣтствовала ихъ практическому, соціальному духу. Ars poetica Горація родила l'Art poétique Буало, которое и сдѣлалось съ того времени кодексомъ, алькораномъ ихъ эстетики. Но, думая подражать Грекамъ въ трагедіи, Французы и тутъ, на зло себѣ, оставались Французами: ихъ трагедія столько же походила на драматическія поэмы Софокла и Эврипида, сколько придворные Людовика XIV походили на Агамемноновъ и Клитемнестръ героической Греціи. Чтобъ сдѣлать подражаніе какъ можно ближе къ подлиннику, они не только навязали греческимъ и римскимъ героямъ и героинямъ любезность и любезничанье, сантиментальность и надутость своихъ маркизовъ и маркизъ, но даже и одѣли ихъ въ огромные парики, шитые кафтаны и робы съ фижмами, и на лица налѣпили множество мушекъ. Въ подражаніи латинской поэзіи Французамъ удалось лучше: если сантиментальныя эклоги ихъ идилликовъ—г-жи Дезульеръ, Флоріана и другихъ—ужъ черезчуръ были пошлы даже въ сравненіи съ эклогами Виргилія—зато l'Art poétique и сатиры Буало едва-ли были ниже Ars poe-

tica и сатиръ Горація, а вольтерова „Генріада“ рѣшительно ничѣмъ не уступаетъ виргилієвой „Энеидѣ“. Кромѣ многихъ другихъ причинъ, переходъ Французовъ къ подражанію древнимъ былъ очень понятенъ еще и какъ противодѣйствіе сантиментально-аллегорическому направленію ихъ литературы, которымъ ознаменовалась эпоха, раздѣлявшая средніе вѣка отъ новѣйшей исторіи. Не удивительно, что вліянію французскаго вкуса покорились Нѣмцы, которые совсѣмъ не имѣли литературы, когда у Французовъ уже была литература; но удивительно, что вліянію французскаго вкуса покорились Англичане, которые имѣли Шекспира, когда еще у Французовъ не было даже и Корнеля, а были только Ронсары, Скюдери и подобные имъ. Конечно, причиною этого должно полагать общественное вліяніе Франціи на Европу, которое и теперь продолжается: въ дѣлѣ живой, общественной литературы Французы всегда были и всегда будутъ впереди всѣхъ. Даже въ рабской подражательности непонятымъ образцамъ древнихъ литературъ Французы оставались вѣрны себѣ, были національны въ духѣ, будучи подражателями въ словахъ и внѣшнихъ формахъ; но Англичане, въ лицѣ Драйдена и Попе, отказались сами отъ себя, и ихъ подражательная литература была пустоцвѣтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова... Вдругъ все измѣнилось. Возсталъ отъ апатическаго усыпленія національный геній Нѣмцевъ. Энергическій Лессингъ — этотъ литературный Лютеръ—мощно возсталъ противъ французскаго направленія и побѣдоносно низвергъ его. Самобытные геніи Гёте и Шиллера взошли на небосклонѣ юной германской литературы блестящими солнцами, которыхъ живительные лучи оплодотворили почву національнаго генія. Романтическая школа Шлегелей явилась крестовымъ походомъ на классическій исламизмъ,— и одинъ изъ этихъ примѣчательныхъ поборниковъ романтизма сражался съ классицизмомъ въ самой столицѣ его — Парижѣ. Національный геній Англіи также воспрянулъ снова, и, въ лицѣ Байрона, явился у ней новый титанъ поэзіи; Вальтеръ Скоттъ создалъ совершенно новую поэзію, — поэзію прозы жизни, поэзію дѣйствительной жизни. Сама Франція отказалась отъ своихъ вѣковыхъ предубѣжденій, измѣнила своей національной гордости и отреклась отъ боговъ своего Парнасса, которые доставили ей владычество надъ всею Европою. И все это было сдѣлано ею во имя „романтизма“! Представители ея новаго направленія назвались „романтиками“ и для дикаго мрака среднихъ вѣковъ навсегда разстались съ свѣтлымъ небомъ Эллады и Авзоніи. Что же такое былъ этотъ романтизмъ? Въ какомъ отношеніи находился онъ къ классицизму? Какимъ образомъ одна крайность такъ быстро, безъ всякой постепенности, безъ всякаго посредствующаго перехода, могла замѣниться другою, враждебною и противоположною ей крайностью?... Но точно ли эти крайности такъ враждебны другъ другу, что между ними нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакой возможности примиренія?... Или, не кстати ли здѣсь вспомнить очень умную французскую поговорку: les extrêmes se touchent?... Въ самомъ дѣлѣ, не охладѣли ли мы теперь и къ самому романтизму, какъ еще недавно и такъ внезапно охладѣли къ классицизму? — Что ни говорите, но слово „романтизмъ“ уже рѣдко встрѣчается теперь въ нашихъ критикахъ и эстетикахъ; оно уже потеряло для насъ свое прежнее значеніе, ужъ не служитъ отвѣтомъ на всѣ вопросы... Скажемъ болѣе: „романтизмъ“ давно ужъ уволенъ въ чистую, давно на покоѣ, хоть и избитый, измученный, израненный—не столько своими врагами, сколько поборниками... Это преинтересная исторія, которую надо изслѣдовать критически... Помнимъ мы, что „романтизмъ“ въ своемъ началѣ шелъ объ-руку съ „народностью“, часто былъ принимаемъ за одно съ нею; но—увы!—его ужъ нѣтъ, этого прекраснаго молодого человѣка, столь энергическаго и пламеннаго, хотя немного и съ растрепанными чувствами; его ужъ нѣтъ, — а „народность“ все еще скитается какимъ-то блѣднымъ призракомъ, словно заколдованная тѣнь, и, кажется, еще долго ей страдать и мучиться, долго играть роль невидимки, какого-то таинственнаго незнакомца, о которомъ всѣ говорятъ, на котораго всѣ ссылаются, но котораго едва-ли кто видѣлъ, едва-ли кто знаетъ... Взглянемъ же прямо въ лицо этому существу, чтобъ познакомиться съ нимъ настоящимъ образомъ, узнать всѣ его примѣты, уловить настоящую его физіономію, и тѣмъ положить конецъ его „инкогнито“.

Во всякомъ понятіи заключаются двѣ стороны, повидимому, враждебныя между собою, но на самомъ дѣлѣ единосущныя; стороны эти, повидимому, никогда не могутъ сойтись между собою, но тѣмъ не менѣе непремѣнно должны примириться, слиться другъ съ другомъ и образовать новое, уже полное, органическое понятіе. Это примиреніе совершается не вдругъ, но чрезъ постепенное развитіе; оно бываетъ плодомъ раздѣленія, раздвоенія, борьбы; оно совершается по законамъ необходимости, въ жизненномъ, органическомъ процессѣ. Этимъ понятіе, или философская мысль, идея, отличается отъ простого представленія. Пред-

ставленіе есть нѣчто внѣшнее, готовое, неподвижное, безъ начала, безъ конца, безъ развитія. Понятіе (мысль, или идея) есть нѣчто живое, заключающее въ себѣ силу органическаго развитія изъ самого себя, способное совершить полный кругъ развитія въ самомъ себѣ, слѣдовательно, выходящее изъ самого себя и заключающееся самимъ же собою. Представленіе можетъ быть сравнено со всякимъ неорганическимъ предметомъ въ природѣ: понятіе можетъ быть сравнено съ зерномъ, которое заключаетъ въ себѣ живительную силу, развивающуюся въ стволъ, вѣтви, листья и цвѣты растенія, и которое, совершивъ полный кругъ своего развитія, снова дѣлается зерномъ. Живое, истинное понятіе есть только то, которое носитъ въ самомъ себѣ зародышъ борьбы и распаденія, въ которомъ заключается возможность раздѣленія на самого себя, и потомъ примиренія съ самимъ собою; всякое другое есть или понятіе мертвое и ложное, или простое, эмпирическое представленіе. Процессъ развитія живого понятія слѣдующій: умъ нашъ сперва принимаетъ только свою сторону понятія; другую, противоположную ей, отвергаетъ, какъ ложь. Принявъ за истину одну сторону понятія, умъ доводитъ ее до крайности, которая впадаетъ въ нелѣпость и тѣмъ самымъ отрицаетъ себя; это первый актъ процесса развитія идеи. Увидѣвъ ложь въ доведенной до крайности сторонѣ понятія, умъ отрицаетъ эту сторону и бросается непремѣнно въ противоположную ей сторону, которую также доводитъ до крайности, а слѣдовательно и до необходимости отрицанія: это второй актъ процесса развитія идеи. И вотъ понятіе распалось на двѣ противоположныя и враждебныя стороны, которыя нельзя помирить никакимъ посредствующимъ, третьимъ понятіемъ — иначе примиреніе будетъ натянутое и внѣшнее. Между тѣмъ, несмотря на свою враждебную противоположность, обѣ стороны раздѣлившагося понятія не могутъ равнодушно разстаться, или положиться на посредничество чуждаго имъ понятія; онѣ борются между собою; умъ уже не признаетъ рѣшительно ложною или рѣшительно истинною ни одной изъ нихъ, и онъ переходитъ то къ той, то къ этой, какъ вдругъ начинаетъ замѣчать, что въ каждой изъ нихъ есть своя доля истины и своя доля лжи, и что для искомой имъ истины обѣ стороны, такъ сказать, нуждаются другъ въ другѣ, обѣ проникаютъ и ограничиваютъ себя взаимно: это третій актъ процесса развитія понятія. Наконецъ, умъ ясно видитъ, что обѣ противоположныя крайности не только не чужды одна другой, но даже родственны, что онѣ — только двѣ стороны одного и того же цѣльнаго понятія, что онѣ ложны только въ своей отвлеченной односторонности, но что искомая имъ истина заключается въ ихъ примиреніи, въ которомъ онѣ сливаются другъ съ другомъ и образуютъ новое цѣлое понятіе: это послѣдній актъ процесса развитія понятія. Послѣ этого акта понятіе, такъ сказать, находитъ самого себя, но уже развившимся, совершившимъ свой жизненный процессъ, сознавшимъ себя: это зерно, которое, прошедши всѣ фазы растенія, снова стало зерномъ. Скажутъ: въ этомъ нѣтъ еще большой важности, что зерно снова стало зерномъ. Такъ; но для вѣрности сравненія намъ должно условиться, что здѣсь дѣло идетъ о зернѣ незнакомомъ: то ли же оно будетъ въ нашихъ глазахъ, когда мы снова увидимъ его, уже зная, какое растеніе изъ него выходитъ и какой цвѣтъ даетъ оно?...

Смотря съ этой точки, вы увидите, что французскій псевдо-классицизмъ и отчаянный романтизмъ юной словесности Франціи — суть двѣ стороны одного и того же понятія, и что въ примиреніи этихъ обѣихъ сторонъ заключается истинная идея искусства нашего времени, — увидите, что какъ классицизмъ, такъ и юный романтизмъ французской литературы, сами по себѣ, въ своей односторонности, суть ложь, хотя и въ каждомъ изъ нихъ есть своя сторона истины. Равнымъ образомъ, ясно будетъ, что и понятіе о „народности“ само по себѣ есть также ложь, что оно есть только одна сторона другого, высшаго понятія, противоположная сторона котораго есть „общность въ смыслѣ человѣчества“. Да, мы увидимъ, что націоналисты въ литературѣ имѣютъ значеніе только какъ противники поборниковъ безразличной всеобщности, которая, думая быть доступною всему человѣчеству, нѣма и мертва для человѣчества. Все сказанное нами очень легко пояснить въ приложеніи къ исторіи классицизма и романтизма.

Основаніе псевдо-классической французской теоріи заключалось въ понятіи, что искусство есть подражаніе природѣ, но что природа должна являться въ искусствѣ украшенною и облагороженною. Вслѣдствіе такого взгляда изъ искусства были изгнаны естественность и свобода, а слѣдовательно истина и жизнь, которыя уступили мѣсто чудовищной искусственности, принужденности, лжи и мертвенности. Форма перестала быть явленіемъ духа, но сдѣлалась, такъ сказать, футляромъ отвлеченныхъ представленій, ошибочно принимавшихся за идеи. Солдаты заговорили однимъ языкомъ съ полководцами, слуги — съ господами; пастушки одѣлись въ фижмы и испестрили свои лица мушками; киксены, менуэтная

выступка, театральныя позы и надутая декламація сдѣлались вывѣскою и необходимымъ условіемъ „украшенной и облагороженной природы“. Чтобъ не слишкомъ рѣзко противорѣчить себѣ, поэты и теоретики новаго классицизма исключили изъ поэзіи простолюдиновъ и мѣщанъ, и дали въ ней мѣсто только вельможамъ, придворнымъ и героямъ благороднаго происхожденія. Такъ какъ современная жизнь не давала матеріаловъ для поэзіи, то всѣ бросились на Грековъ и Римлянъ, одѣтыхъ въ кафтаны и робы съ фижмами. Не было оригинальности, не было „народности“; дѣйствительныя лица были замѣнены отвлеченными призраками, непринадлежавшими ни къ какой странѣ, ни къ какому вѣку. Даже комедія, на долю которой оставили современность, даже и комедія не представляла дѣйствительныхъ лицъ, а выдумывала призраки, олицетворяя ими сентенціи мелкой ходячей морали о добродѣтеляхъ и порокахъ. Но вдругъ все измѣнилось, когда самостоятельный геній германской націи разбилъ оковы псевдо-классицизма, и низложилъ во прахъ, съ алтарей храма искусства, миньятюрныя восковыя статуйки Корнелей, Расиновъ, Мольеровъ, Буало, Вольтеровъ, Дюсисовъ и Кребильйоновъ съ братіею. Благодаря Нѣмцамъ, вся Европа узнала Шекспира, котораго Вольтеръ заклеймилъ прозвищемъ „пьянаго дикаря“. Мало того, Нѣмцы доказали, что древніе были оклеветаны, что Аристотель и во снѣ не думалъ утверждать нелѣпости, во имя его распространенныя Французами; что поэзія Грековъ запечатлѣна духомъ Греціи, что она — полное выраженіе ея народности, зеркало ея дѣйствительности. Вслѣдствіе этого, народность была провозглашена необходимымъ условіемъ всякой поэзіи. Вмѣсто Грековъ, образцомъ сдѣлался Шекспиръ, какъ поэтъ новаго, нашего, христіанскаго міра. На искусство стали смотрѣть не какъ на подражаніе природѣ, но какъ на воспроизведеніе дѣйствительности, какъ на творчество новой, высшей дѣйствительности. Въ самой Франціи не замедлила возгорѣться отчаянная война между классиками и романтиками. Дружина молодыхъ и рьяныхъ талантовъ основала тамъ свою романтическую школу, которая, какъ реакція псевдоклассицизму, такъ же ложно поняла романтизмъ, какъ прежняя школа ложно понимала древнюю классическую поэзію. Въ новомъ французскомъ романтизмѣ дѣйствительность не только сбросила съ себя парики, кафтаны, фижмы и мушки, но и всякое одѣяніе, явилась нагою и цинически-естественною.

Если классицизмъ Французовъ походилъ на младенца въ англійской болѣзни, или на восковую статую съ стеклянными глазами, то романтизмъ ихъ сталъ походить на буйную вакханку съ безстыднымъ упоеніемъ въ горящемъ взорѣ, съ растрепанными волосами, изступленными и дикими движеніями, или на австралійскаго дикаря, пирующаго на костяхъ съѣденныхъ имъ враговъ. Конечно, преимущество на той сторонѣ, гдѣ есть жизнь, и въ буйной вакханкѣ, или въ дикарѣ, болѣе поэзіи, нежели въ восковой статуѣ; но тѣмъ не менѣе французскій романтизмъ можетъ имѣть значеніе больше какъ реакція ложному классицизму, нежели какъ истинная поэзія. Мало того: даже идеальный и возвышенный романтизмъ Шлегелей важенъ больше, какъ реакція псевдо-классицизму, нежели какъ истинная поэзія, и вотъ причина, почему братья Шлегели пережили сперва съ такимъ успѣхомъ и такъ энергически проповѣдываемый ими романтизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому теперь придетъ охота, забывъ цѣлую исторію человѣчества и всю современность, искать поэзіи только въ католическихъ и рыцарскихъ преданіяхъ среднихъ вѣковъ?... И потому, какъ быстро бросились на эти средніе вѣка, такъ скоро и догадались, что Востокъ, Греція, Римъ, протестантизмъ и вообще новѣйшая исторія и современность имѣютъ столько же правъ на вниманіе поэзіи, сколько и средніе вѣка, и что Шекспиръ, на котораго Шлегели, по странному противорѣчію съ самими собою, думали опираться, былъ не столько романтикомъ, сколько поэтомъ новѣйшаго времени, поэтомъ полной дѣйствительности, а не одного какого-нибудь изъ ея моментовъ. А между тѣмъ, заслуга Шлегелей все-таки велика: если бъ они не впали въ свою односторонность,—болѣе жалкая и болѣе ложная односторонность французскаго классицизма не была бы ниспровергнута.

Борьба классицизма и романтизма, ознаменовавшая движеніе европейскихъ литературъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, отразилась и въ русской литературѣ. Такъ какъ мы думаемъ, что изложенныя нами идеи будутъ для читателей понятнѣе и яснѣе въ примѣненіи къ отечественной литературѣ, то и обратимся къ ней, оставивъ Европу, о которой мы уже сказали сколько нужно для связи и послѣдовательности нашей статьи.

Всѣмъ извѣстно, что, исключая Крылова, до Жуковскаго и Батюшкова наша поэзія была неудачнымъ подражаніемъ французской. Говоримъ — *неудачнымъ*, ибо, заимствовавъ всѣ недостатки своего образца, она не заимствовала у него ни гладкаго и звучнаго стиха, ни образованнаго языка, ни внѣшняго изящества. Жуковскій познакомилъ насъ съ нѣмецкою литературою; но какъ въ его время

не было еще на Руси журналовъ въ смыслѣ проводниковъ новыхъ идей въ обществѣ. — то его нововведеніе осталось безъ результатовъ, исключая развѣ одно обстоятельство, именно, что наши піиты, попрежнему не переставая гремѣть торжественными одами и варварскими виршами, закалывать Атридовъ и Брутовъ, затянули еще нескладными голосами кладбищенскія баллады. Что до Батюшкова, — господствовавшій тогда духъ подражательности обезсилилъ его самобытное и прекрасное дарованіе, развившееся не на національной почвѣ. Съ двадцатыхъ годовъ, т.-е. съ появленія Пушкина, и у насъ была объявлена война классицизму. Хотя Пушкинъ и былъ провозглашенъ главою и хорегомъ нашихъ романтиковъ, но, какъ истинный геній, подобно Байрону, Вальтеру Скотту, Гёте и Шиллеру, онъ пошелъ своей дорогою, по которой не угоняться было за нимъ нашимъ романтикамъ: они брали у него для своихъ произведеній русскія имена, ножи, кинжалы, ядъ, внѣшнюю гладкость и легкость стиха, но даже и не дотрагивались до его поэзіи и идей. И потому-то, кромѣ Грибоѣдова, дарованія самобытнаго и оригинальнаго, все остальное не можетъ быть упомянуто при его имени, какъ предметъ, неимѣющій съ нимъ ничего общаго. Критики того времени безусловно восторгались произведеніями Пушкина, до той самой поры, какъ геній его возмужалъ: не подозрѣвая того, что онъ имъ сталъ ужъ слишкомъ не по-плечу, они, по свойственному человѣческой слабости самолюбію, заключили, что онъ палъ. Вотъ ясное доказательство, что или Пушкинъ не былъ главою нашихъ романтиковъ, или что наши романтики не имѣли съ нимъ ничего общаго. Кажется, то и другое одинаково справедливо. Тѣмъ не менѣе ясно, что Пушкинъ произвелъ литературную реформу и увлекъ за собою толпу, хотя она и нисколько не понимала его. Въ тридцатыхъ годахъ число прозаиковъ стало превышать число стихотворцевъ. Всѣ ударились въ прозу и сдѣлались романистами и нувеллистами. Впрочемъ, начало этого прозаическаго движенія восходитъ гораздо ранѣе тридцатыхъ годовъ. Новая повѣсть явилась вмѣстѣ съ блестящимъ Марлинскимъ, и тотчасъ объявила претензіи на „романтизмъ“ и „народность“. Но пока весь ея романтизмъ состоялъ въ замѣненіи пошлой сантиментальности реторическихъ повѣстей классическаго періода нашей литературы какою-то размашистою новостью [1]) въ языкѣ и чувствахъ, а вся ея народность состояла въ томъ, что она начала брать содержаніе изъ русской исторической и современной жизни. Но романтическая кипучесть чувствъ была не болѣе истинна, какъ и водяная чувствительность „Бѣдной Лизы“ и „Марьиной Рощи“: та и другая были равно натянуты и неестественны, а народность состояла въ однихъ именахъ. Въ послѣднемъ отношеніи новая русская повѣсть столько же выражала содержаніе русской жизни, сколько французская трагедія выражала содержаніе греческой и римской жизни. Это точь-въ-точь забытая теперь драма г. Хомякова „Ермакъ“: имена въ ней не только русскія, но даже историческія русскія, а духъ и складъ рѣчи принадлежатъ идеальнымъ буршамъ нѣмецкихъ университетовъ; русскаго же духа въ ней слыхомъ не слыхать, видомъ не видать. Правда, новая русская повѣсть иногда удачно передразнивала русскую рѣчь, не скупясь на пословицы и поговорки, а иногда и на лѣтописныя выраженія, взятыя изъ исторіи Карамзина: но эта рѣчь нисколько не выражала русскаго духа, а только, подобно мѣди звенящей и кимвалу бряцающему, поражала одинъ слухъ,— точь-въ-точь, какъ въ другой драмѣ г. Хомякова „Димитрій Самозванецъ“. Тѣмъ не менѣе, новая повѣсть заслуживала уваженіе по похвальному, хотя и недостаточному стремленію къ народности. Она не довела поэзіи нашей до настоящей русской повѣсти, но приготовила толпу къ разумѣнію ея. Еще Марлинскій далеко не кончилъ своего поприща, какъ явился на сцену литературы романъ съ претензіями на народность, нравоописательность, нравственность, и на многое, чего и тѣни въ немъ не было; но нижніе слои толпы, увидѣвъ, что дѣйствующія лица романа называются Иванами и Петрами и титулуются по отчеству, охотно повѣрили русскому происхожденію романа и раскупили его. Вслѣдъ за тѣмъ не замедлилъ явиться и историческій русскій романъ той же фабрики и той же пробы, — и участь его была та же: сначала приняли его по имени, а послѣ поступили какъ съ пройдохою и самозванцемъ [1]).

Здѣсь мы должны воротиться нѣсколько назадъ. Повѣсть и романъ, о которыхъ мы доселѣ говорили, силились быть народными, не унижаясь до простонародности. Вмѣстѣ съ Марлинскимъ являлись и повѣсти г. Полевого. Онѣ въ свое время были замѣчены публикою, но не имѣли такого блестящаго успѣха, какъ повѣсти Марлинскаго, хотя были и не хуже ихъ: не отличаясь фантазіей, онѣ отличались умомъ и не были чужды чувства; языкъ ихъ былъ простой, не натя-

[1]) Въ подлинникѣ явная опечатка, перешедшая во всѣ изданія,—„повѣстью“, вмѣсто „новостью“,—опечатка, совершенно искажающая текстъ.

[1]) Рѣчь идетъ о романахъ Булгарина—„Иванъ Выжигинъ“ и „Дмитрій Самозванецъ“.

нутый, обработка литературная. Но въ то же время писалъ повѣсти и г. Погодинъ. Онъ хотѣлъ проложить себѣ свою дорогу и, во что бы то ни стало, сдѣлать повѣсть русскою до-нельзя, и—надо отдать ему полную справедливость—онъ успѣлъ сдѣлать для повѣсти гораздо больше, чѣмъ А. Е. Измайловъ для басни: народность его повѣстей еще ужаснѣе, чѣмъ народность басенъ г. Измайлова. Отселѣ начинается въ нашей литературѣ новое стремленіе къ той народности, отцомъ которой былъ почтенный „отставной квартальный, совѣтникъ титулярный“ Измайлова [1]). „Юрій Милославскій“ противъ своей воли утвердилъ это жалкое направленіе: разманенные чрезвычайнымъ успѣхомъ этого романа, бездарные писаки подумали, что все дѣло тутъ въ лычной обуви, сермяжной одеждѣ, бородахъ и плоскихъ поговоркахъ дѣйствующихъ лицъ: они не замѣтили ни занимательности, ни теплоты разсказа г. Загоскина, ни самой умѣренности его въ изображеніи простодушной народности. Какъ бы то ни было, но съ „Юрія Милославскаго“ начинается какъ бы новая эпоха нашей литературы: съ одной стороны являются истинно-народныя и поэтическія повѣсти Гоголя; самъ Пушкинъ, незадолго передъ тѣмъ напечатавшій превосходную главу изъ предполагавшагося имъ романа („Арапъ Петра Великаго“), начинаетъ обращаться къ прозѣ и пишетъ впослѣдствіи „Пиковую Даму“, „Капитанскую Дочку“ и „Дубровскаго“. Вскорѣ же послѣ „Юрія Милославскаго“ является поэтическій романъ Лажечникова „Новикъ“, за нимъ—другіе романы Лажечникова.—„Кащей Безсмертный“ и „Святославичъ“ г. Вельтмана—созданія, странныя въ цѣломъ, но блещущія яркими проблесками національной поэзіи въ подробностяхъ, относятся къ этому же періоду русской литературы. Съ другой стороны, ложно-понимаемая народность разлилась огромнымъ болотомъ, тщаніемъ и усердіемъ пишущей братіи низшаго разряда. Мужики съ бабами, кучера, купцы брадатые не только получили право гражданства въ повѣстяхъ и романахъ этихъ господъ, но и сдѣлались ихъ единственными, привилегированными героями. Удачное подражаніе языку черни, слогу площадей и харчевенъ сдѣлалось признакомъ народности, а народность стала тожественнымъ понятіемъ съ великимъ талантомъ, поэзіею и „романтизмомъ“. Это направленіе явилось господствующимъ особенно въ Москвѣ. „Разгулье Купеческихъ Сынковъ въ Марьиной Рощѣ“ получило тамъ идеальное достоинство народной эпопеи. *Ваньки и Стешки* съ разбитыми рылами и синяками подъ соколиными очами стали вывозиться напоказъ даже въ Лондонъ и Мадридъ, чтобъ тамъ „тосковать по родинѣ“, т.-е. по соленымъ огурцамъ и сивухѣ [1]).

Но теперь уже начинаютъ чувствовать цѣну *такой* народности: теперь уже называютъ ее простонародностью и площадностью. Между тѣмъ, даже и такое народное направленіе было необходимо и принесло великую пользу. Выше сего [2]) сказали мы, что всякое живое понятіе открывается людямъ сперва въ своихъ крайностяхъ, которыя истинны, какъ содержаніе понятія, но ложны, какъ его односторонности. Французскій псевдо-классицизмъ былъ ложенъ какъ абсолютная идея искусства, но и въ немъ была своя сторона истины. Искусство, дѣйствительно, не есть и не должно быть природою, какъ она есть, но природою облагороженною, идеализированною. Только дѣло въ томъ, что элементы идеализированія природы должны заключаться не въ условныхъ и относительныхъ понятіяхъ о приличіи въ какую-нибудь эпоху общественныхъ отношеній, но въ вѣчной и неизмѣнной субстанціи идеи. Французскій классицизмъ принялъ за идеалъ поэтической дѣйствительности не духъ человѣчества, развивающійся въ исторіи, а этикетъ двора французскаго и нравы свѣтскаго французскаго общества отъ временъ Людовика XIV; украшеніе природы онъ понялъ не какъ представленіе дѣйствительности, сообразно не съ самою дѣйствительностью, а съ требованіями идеи цѣлаго произведенія, но въ китайскомъ значеніи этого слова: извѣстно, какъ Китайцы уродуютъ ноги своихъ женщинъ, желая ихъ сдѣлать прекрасными, т.-е. маленькими. Въ этомъ и состояла ошибка французскаго классицизма. Съ другой стороны, псевдо-романтизмъ такъ же точно грѣшилъ противъ истины, требуя въ искусствѣ природы, какъ она есть, и забывая, что иная естественность отвратительнѣе всякой искусственности. Искусство не имѣетъ права искажать природу; оно можетъ и должно быть естественно въ своихъ изображеніяхъ; но, во-первыхъ, эта естественность не должна возмущать въ насъ эстетическаго чувства; во-вторыхъ, она не должна быть въ искусствѣ главнымъ, не должна быть въ немъ сама себѣ цѣлью. Въ искусствѣ только идея сама себѣ цѣль, а идея просвѣтляетъ и облагораживаетъ самыя возмущающія душу явленія

[1]) Начало извѣстной басни Измайлова:

„Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Изрядно насандаливъ носъ...“ и т. д.

[1]) Романъ Загоскина—„Тоска по родинѣ“ (1839 г.).

[2]) Въ подлинникѣ и въ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго здѣсь повторяется явная опечатка: „всего“, вмѣсто „сего“.

дѣйствительности; проникая ихъ собою, она *идеализируетъ* ихъ. Шекспиръ, въ драмахъ своихъ „Генрихъ IV“ и „Генрихъ V“, вывелъ на сцену распутство, вывелъ пьянаго Фальстафа съ ватагою негодяевъ, вывелъ Квикли и Доль Тиршитъ—эти отребья женскаго пола, для которыхъ настоящаго названія нельзя пріискать въ литературномъ языкѣ, но вывелъ ихъ совсѣмъ не для того, чтобъ усладить ими вкусъ черни, или похвастаться предъ публикою своимъ умѣньемъ естественно изображать низкія явленія дѣйствительности, а для того, что ему нужно было представить, какъ въ великой натурѣ человѣка величіе проглядываетъ сквозь самый развратъ, какъ умѣетъ онъ отрѣшаться отъ грязи порока и выходить изъ нея чистымъ, когда придетъ часъ его,—между тѣмъ, какъ натуры слабыя и мелкія навсегда остаются въ этой грязи, если разъ попали въ нее. Тутъ есть идея, и идея великая; тутъ заключается важный урокъ для сухихъ моралистовъ, которые судятъ по внѣшности о нравственности человѣка, и часто негодяя, ведущаго себя благопристойно, принимаютъ за нравственнаго человѣка, а человѣка съ искрою Божіею въ душѣ, но который, будучи увлекаемъ кипящею юностью и страстями, на время поскользнется въ грязи жизни, клеймятъ названіемъ „безнравственнаго“. Съ этой точки зрѣнія Фальстафъ съ ватагою, мистриссъ Квикли и миссъ Доль получаютъ уже другое, высшее, идеальное значеніе: они занимаютъ мѣсто въ драмѣ Шекспира такъ же, какъ и въ самой дѣйствительности,— не сами для себя; поэтъ вызвалъ ихъ ради безпощадной истины, дѣлая, такъ сказать, невольную уступку дѣйствительности, но не для того, чтобъ онъ, не понимая ихъ гадости, самъ любовался ими, или хотѣлъ плѣнить ими другихъ. Онъ изобразилъ ихъ вѣрно, чертами типическими; ихъ языкъ грубъ, даже неприличенъ: но эта грубость и неприличіе имѣютъ свои границы, и поэтъ, много показавши, даетъ намъ догадываться еще о большемъ. Онъ не украсилъ, не смягчилъ, не облагородилъ ихъ языка, чтобъ не сдѣлать его неестественнымъ; но онъ *сдержалъ* его, не позволилъ ему говорить всего, чтобъ не сдѣлать его слишкомъ-естественнымъ, и потому отвратительнымъ. Сверхъ того, онъ смягчаетъ эти сцены комизмомъ, который, такъ сказать, прикрываетъ грубую наготу естественности. Шекспиръ выводитъ въ своихъ трагедіяхъ и придворныхъ, и героевъ, и мужиковъ вмѣстѣ, потому что смѣшеніе существуетъ въ самой дѣйствительности, но онъ всякому указываетъ приличное мѣсто, и ужъ, конечно, муза его беретъ болѣе обильную дань поэзіи съ людей высшихъ слоевъ общества. Намъ скажутъ: въ геніальномъ мужикѣ больше поэзіи, чѣмъ въ слабоумномъ вельможѣ? Правда: но правда и то, что если бъ этотъ геніальный мужикъ получилъ образованіе вельможи, онъ былъ бы еще геніальнѣе. Тѣмъ-то человѣкъ и отличается отъ животнаго, что полученные отъ природы дары возвышаетъ образованіемъ и знаніемъ и что безъ этой обработки они похожи у него на другіе матеріалы въ сыромъ состояніи,—на золото въ видѣ руды.

Итакъ, очевидно, что органическая, живая полнота искусства состоитъ въ примиреніи двухъ крайностей—искусственности и естественности. Каждая изъ этихъ крайностей сама по себѣ есть ложь; но, взаимно проникаясь одна другою, онѣ образуютъ собою истину. Искусственность, какъ односторонность и крайность, произвела мертвый псевдоклассицизмъ; естественность, какъ односторонность и крайность, произвела литературу площадей, кабаковъ, тюремъ, боенъ, домовъ разврата. Но та и другая были необходимы въ процессѣ историческаго развитія понятія объ искусствѣ: сперва была выразумлена одна сторона понятія, потомъ другая; но эта другая, при всей своей видимой противоположности съ первою, вышла явно изъ нея же: ибо когда представленіе, дошедъ до крайности, впадаетъ въ нелѣпость, то утомленный и оскорбленный умъ быстро переходитъ къ совершенно противоположному представленію. Результатомъ этого перехода опять бываетъ утомленіе и оскорбленіе, потому что и вторая односторонность должна дойти до крайности и, впавши въ нелѣпость, тѣмъ самымъ отрицать себя. Тогда умъ обращается къ первой односторонности, безпрестанно отъискиваетъ ея истинную сторону, которую и примиряетъ съ истинною стороною второй односторонности, и чрезъ этотъ процессъ достигаетъ до сознанія полной и дѣйствительной истины, понятія. Въ этомъ примиреніи ясно видно сродство крайностей. Такъ было и съ искусствомъ: отвергши псевдоклассицизмъ, мы отвергли и псевдо-романтизмъ, и въ созданіяхъ геніальныхъ поэтовъ, на авторитетъ которыхъ думаютъ опираться мелкіе таланты, видимъ истинное искусство, заключающее и примиряющее въ своей органической полнотѣ всѣ свои противоположности.

Обыкновенно народность смѣшиваютъ съ естественностью, тогда какъ это два совершенно особенныя представленія: хотя истинно-народное не можетъ не быть естественнымъ, но истинно-естественное можетъ быть нисколько не народнымъ. Сверхъ того, нѣкоторые изъ нашихъ писателей, замѣтивъ, что европейское образованіе сглаживаетъ угловатости народности, и смѣшивая форму съ идеею, обратились преимущественно къ

низшимъ классамъ народа. Истинный художникъ народенъ и національенъ безъ усилія; онъ чувствуетъ національность прежде всего въ самомъ себѣ, и потому невольно налагаетъ ея печать на свои произведенія. Хотя Татьяна Пушкина и читаетъ французскія книжки и одѣвается по картинкамъ европейскихъ модъ, но она—лицо въ высшей степени русское—и тогда, какъ мы ее видимъ „уѣздною барышнею“, и въ то время, какъ она является княгинею и свѣтскою дамою. Для изображенія такихъ благородныхъ личностей нужна геніальность, или великій талантъ: маленькимъ дарованіямъ, а особенно посредственности, сподручнѣе мужики, бабы, лакеи: стоитъ только заставить ихъ говорить ихъ языкомъ—и народность готова. Зато мужики и бабы геніальныхъ поэтовъ бываютъ благороднѣе господъ и вельможъ маленькихъ дарованій и посредственности: няня Татьяны Пушкина, при своей простотѣ и ограниченности, какъ изображеніе, дышетъ художественною граціею и достолюбезностью: мы смѣемся надъ нею, но любимъ и уважаемъ ее; ея простодушная, безсознательная любовь къ Татьянѣ приводитъ насъ въ умиленіе,—и вмѣстѣ съ Татьяною мы вздыхаемъ надъ могилою ея бѣдной няни.

Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія; но жизнь только тамъ, гдѣ идея,—и уловить играніе жизни значитъ уловить невидимый и благоуханный эѳиръ идеи. Для искусства нѣтъ болѣе благороднаго и высокаго предмета, какъ человѣкъ,—а чтобъ имѣть право быть изображену искусствомъ, человѣку нужно быть человѣкомъ, а не чиновникомъ 14-го класса, или дворяниномъ. И у мужика есть душа, сердце, есть желанія и страсти, есть любовь и ненависть, словомъ—есть жизнь. Но чтобъ изобразить жизнь мужиковъ, надо уловить, какъ мы уже сказали, идею этой жизни,—и тогда въ ней не будетъ ничего грубаго, пошлаго, плоскаго, глупаго. Вотъ отчего „Вечера на Хуторѣ“ Гоголя, посвященные изображенію простого быта Малороссіи, дышатъ такою полнотою художественности, очаровываютъ такою неотразимою прелестью, такою дивною поэзіею. Но, повторяемъ, для этого нуженъ геній и геній, талантъ и талантъ. Скажутъ: геній и талантъ еще нужнѣе въ изображеніи высшихъ слоевъ общества. Нѣтъ: если для изображенія художественнаго, то нуженъ такой же талантъ, какъ и вездѣ; но не всякій талантъ есть художникъ, а литература состоитъ не изъ однихъ художественныхъ созданій,—и беллетристика—это насущный хлѣбъ большинства общества, это практическое, житейское искусство толпы—также требуетъ талантовъ и даже большихъ талантовъ. Вотъ этимъ-то талантамъ всего опаснѣе спускаться въ низшіе слои общества, откуда, вмѣсто народности, они могутъ вынести только грубую простонародность; и имъ-то всего лучше браться за изображеніе среднихъ и даже высшихъ слоевъ общества, гдѣ жизнь разнообразнѣе, обширнѣе, отношенія человѣчнѣе, утонченнѣе, многосложнѣе, игривѣе, глубже. Въ беллетристикѣ внѣшняя цѣль можетъ имѣть и большую пользу и важное значеніе, тогда какъ въ искусствѣ одна цѣль—само искусство. Теперь, если беллетристическій писатель, выводя на сцену чудаковъ, невѣждъ, подлецовъ, даже самую чернь, имѣетъ въ виду дѣйствовать на образованіе общества, пускать въ оборотъ человѣческія понятія, новыя мысли,—я низко кланяюсь ему, если онъ дѣлаетъ это съ талантомъ: его мѣсто высоко, его призваніе священно, его имя честно и славно. Но когда онъ рисуетъ грязь общества, подонки народа не для чего иного, какъ для того, чтобъ самому насладиться и плѣнить меня этимъ зрѣлищемъ,—то чѣмъ естественнѣе, чѣмъ правдоподобнѣе будутъ его изображенія, тѣмъ они для меня отвратительнѣе и безсмысленнѣе. Не должно забывать ни на минуту, что герой искусства и литературы есть *человѣкъ*, а не баринъ, еще менѣе *мужикъ*. Если Шекспиръ далъ мѣсто въ своихъ драмахъ всѣмъ людямъ безъ разбора,—онъ дѣлалъ это потому, что видѣлъ въ нихъ людей, а отнюдь не по пристрастію къ черни. Предпочитать мужиковъ потому только, что они мужики, что они грубы, неопрятны, невѣжественны, предпочитать ихъ образованнымъ классамъ общества—странное и смѣшное заблужденіе! И самъ геній въ изображеніи жизни чернаго народа всегда найдетъ меньше элементовъ поэзіи, чѣмъ въ образованныхъ классахъ общества: беллетристическій талантъ не найдетъ въ жизни черни никакой поэзіи. Впрочемъ, мы далеки отъ того, чтобъ отнимать право у талантливаго литератора касаться жизни простого народа; но мы требуемъ только, чтобъ онъ это дѣлалъ не по любви къ мужицкому жаргону, не по склонности къ лохмотьямъ и грязи, но для какой-нибудь цѣли, въ которой была бы видна человѣческая мысль. Объяснимъ это примѣромъ. Г. Погодинъ написалъ нѣкогда повѣсть „Черная Немочь“, которая въ свое время обращала на себя вниманіе публики, подобно многимъ, теперь забытымъ произведеніямъ. Въ этой повѣсти дѣйствуютъ купцы, попадьи, батраки и подобный тому людъ; языкъ ея блещетъ всѣми красотами, свойственными языку подобнаго общества; но повѣсть все-таки заслуживаетъ похвалу по своему намѣренію. Главный герой ея молодой человѣкъ, сынъ купца, томимый святою жаждою знанія. Окруженный дѣйствительностью, отъ которой страждетъ

обоняніе, зрѣніе и человѣческое достоинство, и которая авторомъ скопирована во всей ея наготѣ и естественности,—онъ погибаетъ жертвою этой грязной дѣйствительности. Правда, герой изображенъ не совсѣмъ естественно, довольно слабо, безъ теплоты и увлекательности; но мы говоримъ не о талантѣ (а такимъ предметомъ не погнушался бы и геній), но о добромъ намѣреніи сочинителя. По этому доброму намѣренію повѣсть можетъ быть сочтена за заслугу со стороны г. Погодина русской литературѣ. То же можно сказать и о его маленькой повѣсти „Нищій“. Но когда г. Погодинъ сталъ разсказывать, какъ купеческая дочь задушила подъ периною парня, какъ баба, потчуя дьячка сивухой, сказала ему: „кушай на здоровье“, а тотъ отвѣчалъ ей любезностью „маслецо коровье“; или пересказывать похожденіе на ярмаркѣ разудалой бабычиновницы и пересказывать ея языкомъ; а потомъ героиню повѣсти, порядочную женщину, изъ любви къ мужу заставлять жить въ подвалѣ, въ сонмищѣ пьяницъ, воровъ и мошенниковъ; или изображать психологическія явленія мужиковъ, которые рѣжутъ другихъ и давятся сами:—признаемся, это верхъ романтизма, верхъ народности, которые хуже всякаго классицизма. Мы уважаемъ „Юрія Милославскаго“ г. Загоскина; но, признаемся, рѣшительно не понимаемъ въ его другихъ романахъ прелести ярмарочныхъ сценъ и языка героевъ этихъ сценъ. Мы отдаемъ полную справедливость юмористическому таланту, съ какимъ написанъ „Панъ Халявскій“ г. Основьяненко; еще выше цѣнимъ прекрасную цѣль, съ какою написана эта забавная сатира на доброе старое время, но не можемъ восхищаться многими изъ произведеній г. Основьяненка за то только, что въ нихъ мужики говорятъ чистымъ мужицкимъ языкомъ, и никакъ не выходятъ изъ ограниченной сферы своихъ понятій. Напротивъ, намъ пріятнѣе было бы въ подобныхъ произведеніяхъ встрѣчать такихъ мужиковъ, которые, благодаря своей натурѣ или случайнымъ обстоятельствамъ, нѣсколько возвышаются надъ ограниченною сферою мужицкой жизни...

Но, слава Богу, теперь начинаютъ понимать цѣну такой народности, и начинаютъ понимать ее потому именно, что теперь эта народность находится въ своей апогеѣ, дошла до послѣдней степени нелѣпости. Есть люди, которые приглашаютъ васъ учиться у черни не только литературѣ, но и нравамъ, и обычаямъ, и даже тому, что̀ составляетъ внутреннюю жизнь и свободное убѣжденіе каждаго порядочнаго человѣка. Деревенскіе старосты и богомольныя старухи представляются у нихъ образцами нравственности, созерцательныхъ откровеній и даже образованности и просвѣщенія. Такъ же справедливо, что ложь гораздо опаснѣе и страшнѣе, когда существуетъ невидимкою и призракомъ: чтобъ уничтожить ее, должно не мѣшать ей дойти до своей послѣдней крайности, впасть въ нелѣпость, сдѣлаться смѣшною, вполнѣ проявиться, принять образъ и лицо, словомъ—созрѣть; тогда она прорвется и сама уничтожится. Когда преслѣдуешь зло, надо видѣть его передъ собою, чтобъ можно было показать его другимъ. Вотъ почему тѣ, которые хлопочутъ въ его пользу, сражаютъ его скорѣе другихъ, ему противорѣчащихъ. Это единственная и притомъ очень важная заслуга со стороны людей, которые всю жизнь бьются изъ разныхъ, полезныхъ ихъ благосостоянію, лжей. Истина только въ началѣ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе, но чѣмъ больше выясняется, чѣмъ больше становится фактомъ, тѣмъ большее число пріобрѣтаетъ себѣ друзей и поборниковъ. Ложь идетъ обратнымъ ходомъ: сильная, пока не вполнѣ проявится, она уничтожается сама собою, подобно призраку, исчезающему отъ лучей свѣта.

„Народность“—великое дѣло и въ политической жизни и въ литературѣ; только, подобно всякому истинному понятію, она сама по себѣ—односторонность, и является истинною только въ примиреніи съ противоположной ей стороною. Противоположная сторона „народности“ есть „общее“ въ смыслѣ „общечеловѣческаго“. Какъ ни одинъ человѣкъ не долженъ существовать отдѣльно отъ общества, такъ ни одинъ народъ не долженъ существовать внѣ человѣчества. Человѣкъ, существующій внѣ народной стихіи,—призракъ; народъ, несознающій себя живымъ членомъ въ семействѣ человѣчества,—не нація, но племя, подобное Калмыкамъ и Черкесамъ, или живой трупъ, подобно Китайцамъ, Японцамъ, Персіянамъ и Туркамъ. Безъ народнаго характера, безъ національной физіономіи государство—не живое органическое тѣло, а механическій препаратъ. Но, съ другой стороны, и національнаго духа недостаточно, чтобъ народъ могъ считать себя существеннымъ и дѣйствительнымъ въ общности мірозданія. Въ томъ и другомъ случаѣ народъ есть односторонность и крайность, а слѣдовательно и призракъ. Чтобы народъ былъ дѣйствительно историческимъ явленіемъ, его народность необходимо должна быть только формою, проявленіемъ идеи человѣчества, а не самою идеею. Все особное и единичное, всякая индивидуальность дѣйствительно существуетъ только *общимъ*, которое есть его содержаніе, и котораго она только выраженіе и форма. Индивидуальность—призракъ безъ

общаго; общее, въ свою очередь, призракъ безъ особнаго, индивидуальнаго проявленія. И потому, люди, которые требуютъ въ литературѣ одной „народности", требуютъ какого-то призрачнаго и пустого „ничего"; съ другой стороны люди, которые требуютъ въ литературѣ совершеннаго отсутствія народности, думая тѣмъ сдѣлать литературу всѣмъ равно доступною и общею, т.-е. человѣческою, также требуютъ какого-то призрачнаго и пустого „ничего". Первые хлопочутъ о формѣ безъ содержанія; вторые—о содержаніи безъ формы. Тѣ и другіе не понимаютъ, что ни форма безъ содержанія, ни содержаніе безъ формы существовать не могутъ, а если существуютъ, то въ первомъ случаѣ, какъ пустой сосудъ страннаго и нелѣпаго вида, а во второмъ, какъ миражи, которые всѣмъ видимы, но которые въ то же время почитаются несуществующими предметами. Очевидно, что только та литература истинно-народная, которая въ то же время есть литература обще-человѣческая, которая въ то же время и народна. Одно безъ другого существовать не должно и не можетъ. Намъ скажутъ въ опроверженіе, что нѣтъ племени на землѣ, которое бы, при всей своей ничтожности, не имѣло у себя поэзіи; а какъ всякая поэзія есть дѣйствительно существующій фактъ, то, слѣдовательно, можно имѣть народную поэзію и не принадлежа къ семейству человѣческаго рода. Возраженіе только кажущееся основательнымъ. Нѣтъ на землѣ племени, которое не принадлежало бы къ семейству человѣческаго рода; но дѣло въ томъ, что одно племя меньше, а другое больше принадлежитъ человѣчеству, и что въ этомъ отношеніи всѣ племена и народы представляютъ собою цѣпь, которой звенья съ обоихъ концовъ постепенно увеличиваются къ центру. Египтяне такъ же историческій народъ, какъ и Евреи, но важность ихъ для человѣчества далеко неодинакова: первые внесли особый элементъ въ многосложную жизнь Греціи, и только этимъ упрочили свое существованіе въ исторіи; результатомъ же существованія Евреевъ была божественная книга, покорившая теперь подъ свою спасительную власть лучшую часть человѣчества и готовая скоро покорить весь міръ. Поэтому, нѣтъ нужды говорить, который изъ этихъ двухъ народовъ болѣе принадлежитъ человѣчеству. Гдѣ только человѣкъ владѣетъ словомъ, любитъ и ненавидитъ, блаженствуетъ и страдаетъ, тамъ уже и является человѣчество, тамъ есть уже и жизнь и поэзія; но большая разница въ объемѣ слова любви, ненависти, блаженства и страданія, между дикимъ Отаитяниномъ и образованнымъ Европейцемъ, между Финномъ, Калмыкомъ, Тунгузомъ—и Французомъ, Нѣмцемъ, Англичаниномъ. Такая же разница и между литературами. Есть люди, которые посвящаютъ цѣлую жизнь изученію греческой литературы, но едва ли человѣкъ съ умомъ и душою посвятитъ всю жизнь свою на изученіе чухонской литературы...

Важность и достоинство народовъ опредѣляется ихъ историческимъ значеніемъ. Народъ, не имѣющій исторіи,—ничто, хотя бы занималъ собою половину земного шара и считалъ свое народонаселеніе сотнями милліоновъ. Такъ нынѣшніе Персіяне, хотя и составляютъ значительное государство въ Азіи, не имѣютъ исторіи, потому что перемѣны династій и властей еще не составляютъ исторіи. Есть народы, которые имѣютъ внутреннее историческое значеніе, какъ выражающіе своею жизнью идею, таковы въ Европѣ народы гальско-римско-тевтонскаго образованія. Есть народы, которые имѣютъ только внѣшнее историческое значеніе, какъ дѣйствовавшіе на другихъ силою тяготѣнія и существованія не для себя, таковы Монголы, Турки... Не нужно говорить, что важность первыхъ субстанціальная, а вторыхъ—относительная. Есть народы, которые имѣли мгновенное историческое значеніе, и съ окончаніемъ его погибли, таковы древніе Ассиріяне, Мидійцы, Персы, Финикіяне, Карѳагеняне и проч. Есть народы, которые, имѣвъ мгновенное или продолжительное историческое значеніе, пережили его какъ бы навсегда, таковы теперешніе Евреи, Китайцы, Японцы, Индусы, Аравитяне. Есть, наконецъ, народы, которые имѣли или имѣютъ историческое значеніе не сами собою, а только тѣмъ, что привяли отъ чуждаго имъ племени субстанціональное начало жизни, особенно религію, таковъ теперь весь мухамеданскій Востокъ, покоренный аравійскимъ исламизмомъ. Всѣ эти различія очень важны, потому что ими опредѣляется степень достоинства каждаго народа, а слѣдственно и его поэзія и литература. И у Персовъ есть поэзія; но ея основа—мухамеданско-пантеистическое міросозерцаніе, занятое отъ Арабовъ; слѣдовательно, ея отнюдь не должно равнять съ арабскою поэзіею.

Поэзія каждаго народа есть непосредственное выраженіе его сознанія; отъ этого поэзія тѣсно слита съ жизнью народа. Вотъ причина, почему поэзія должна быть народною, и почему поэзія одного народа не похожа на поэзію всѣхъ другихъ народовъ. Для всякаго народа есть двѣ великія эпохи жизни: эпоха естественной непосредственности, или младенчества, и эпоха сознательнаго существованія. Въ первую эпоху жизни національная особность каждаго народа выра-

жается рѣзче, и тогда его поэзія бываетъ по преимуществу народною. Въ этомъ смыслѣ народная поэзія отличается рѣзкою особностью, и потому болѣе доступна уразумѣнію всей массы этого народа, и болѣе недоступна для другихъ народовъ. Русская пѣсня сильно дѣйствуетъ на русскую душу, но нѣма для иностранца, и непереводима ни на какой языкъ. Во вторую эпоху существованія народа поэзія его дѣлается менѣе доступною для массы народа и болѣе доступною для всѣхъ другихъ народовъ. Русскій мужикъ не пойметъ Пушкина, но зато пушкинская поэзія доступна всякому образованному иностранцу и удобопереводима на всѣ языки. Если народъ ничтоженъ въ историческомъ значеніи, его естественная (народная) поэзія всегда выше его художественной поэзіи, потому что послѣдняя болѣе требуетъ общечеловѣческихъ элементовъ, и если не находитъ ихъ въ жизни народа, то дѣлается подражательною. Такъ, народная чешская поэзія и богата и сильна; а художественная не представляетъ ничего великаго. Естественная (или собственно-народная) поэзія болѣе зависитъ отъ субстанціи народа, чѣмъ отъ его историческаго значенія. Вотъ почему Римляне — всемірно-историческая и великая нація—не имѣли народной поэзіи. Что́ касается до греческой поэзіи—она составляетъ собою какъ бы исключеніе изъ общаго правила: она никогда не была собственно-народною, но всегда, будучи народною, въ то же время была и общечеловѣческою, всемірно-историческою. Причина этого безконечное міросозерцаніе, лежавшее въ субстанціи эллинскаго племени: въ самыхъ древнѣйшихъ миѳахъ Эллиновъ заключаются абсолютныя идеи, художественно-выраженныя, и въ этомъ отношеніи ихъ древнѣйшіе поэты, до Гезіода и Гомера существовавшіе, равно какъ и сами Гезіодъ и Гомеръ отличаются отъ позднѣйшихъ—Софокла и Еврипида, больше степенью историческаго развитія искусства, чѣмъ художественнаго достоинства. Художественная поэзія всегда выше естественной или собственно-народной. Послѣдняя—только младенческій лепетъ народа, міръ темныхъ предощущеній, смутныхъ предчувствій, часто она не находитъ слова для выраженія мысли и прибѣгаетъ къ условнымъ формамъ—къ аллегоріямъ и символамъ; художественная поэзія есть, напротивъ, опредѣленное слово мужественнаго сознанія, форма, равновѣсная заключающейся въ ней мысли, міръ положительной дѣйствительности; она всегда выражается образами опредѣленными и точными, прозрачными и ясными, равносильными идеѣ. Мы помнимъ, какъ въ разгарѣ романтическаго броженія многіе утверждали у насъ, что народная пѣсня выше всякаго художественнаго произведенія, и что будто бы какой-нибудь Пушкинъ за честь себѣ ставилъ поддѣлаться подъ простой и наивный складъ народной пѣсни: смѣшное заблужденіе, впрочемъ, понятное въ эпоху односторонняго увлеченія! Нѣтъ, одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ! И если художникъ-поэтъ настраиваетъ свою разнообразную *гармоническую* лиру на монотонный ладъ народной *мелодіи*—онъ дѣлаетъ этимъ честь народной поэзіи и обнаруживаетъ могущество Протея, способнаго являться во всѣхъ формахъ. Его *народная* пѣснь выше всѣхъ собственно-народныхъ пѣсней, вмѣстѣ взятыхъ: произведеніе, которое выходитъ изъ творческаго духа, обладающаго своимъ предметомъ, всегда выше того, которое выходитъ изъ духа, покореннаго своимъ предметомъ. И со всѣмъ тѣмъ, въ народной или естественной поэзіи есть нѣчто такое, чего не можетъ замѣнить намъ художественная поэзія. Никто не будетъ спорить, что опера Моцарта или соната Бетховена неизмѣримо выше всякой народной музыки,—это доказывается даже и тѣмъ, что первыя никогда не наскучатъ, но всегда являются болѣе новыми, а вторая хороша во-время и изрѣдка; но тѣмъ не менѣе неоспоримо, что власть народной музыки безконечна надъ чувствомъ. Не диво, что русскій мужичокъ и плачетъ и пляшетъ отъ своей музыки; но то диво, что и образованный Русскій, музыкантъ въ душѣ, поклонникъ Моцарта и Бетховена, не можетъ защититься отъ неотразимаго обаянія однообразнаго, заунывнаго и удалого напѣва народной пѣсни... Возрастъ мужества выше младенчества—нѣтъ спора; но отчего же звуки нашего дѣтства, его воспоминанія, даже и въ старости потрясаютъ всѣ струны нашего сердца радостью и грустью, и вокругъ поникшей головы нашей вызываютъ свѣтлыхъ духовъ любви и блаженства?... Оттого, что младенчество есть необходимый и разумный періодъ нашего существованія, который бываетъ только разъ въ жизни и больше не возвращается... Это время нашего единства съ природою, въ которомъ такъ много простодушной и невинной любви; время нашего непосредственнаго сознанія, въ которомъ все было ясно, безъ тяжкихъ думъ и тревожныхъ вопросовъ, какъ-будто бы сильфы и феи дружелюбно нашептывали сердцу священныя откровенія, небесная манна сама падала на землю, неорошенную потомъ труда и заботъ... Славное то время было, читатель мой, когда солнышко улыбалось вамъ съ чистаго неба, когда цвѣточекъ наклоненіемъ стебелька

ласково привѣтствовалъ васъ, мотылекъ манилъ васъ бѣгать по лугу, кузнечикъ пѣлъ вамъ свою однообразную пѣсенку, и быстрый ручей, по выраженію геніальнаго сумасброда Гофмана, разсказывалъ вамъ чудныя сказочки!... Вы и природа были тогда—одно, и все въ природѣ было для васъ дружескимъ откровеніемъ священной тайны любви и блаженства!... Выше же, бокалъ мой, за васъ, счастливыя лѣта моего младенчества! говорите вы. Я теперь умнѣе, чѣмъ былъ тогда; я не промѣняю разума на самое блаженство, но мнѣ все-таки жаль васъ, радужные дни моего счастливаго дѣтства!...

Да, мысль выше непосредственнаго чувства, пора мужества выше поры младенчества; но все же и въ непосредственномъ чувствѣ, и въ порѣ дѣтства есть нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ разумномъ сознаніи, ни въ гордой возмужалости, что̀ бываетъ только разъ въ жизни, и больше не возвращается... Такъ и для народа: онъ все тотъ же и въ эпоху разумнаго сознанія, какъ и въ эпоху непосредственнаго чувства; но его непосредственное чувство было почвою, изъ которой возникъ и развился цвѣтъ и плодъ его разумнаго сознанія. Все послѣдующее есть результатъ предъидущаго: разумная мысль часто есть только сознанное преданіе темной старины, а знаніе часто есть только уясненное предчувствіе; а страна миѳовъ и таинственныхъ предреченій есть страна, полная очарованія и чудесъ... Жизнь распадается на множество сторонъ и вновь совокупляется въ единое и цѣлое: единое выше множества, цѣлое выше частей, но и во всякой отдѣльности есть нѣчто свое, незамѣнимое цѣлымъ. Въ художественной поэзіи заключаются всѣ элементы народной, и сверхъ того есть еще нѣчто такое, чего нѣтъ въ народной поэзіи: однакожъ, тѣмъ не менѣе народная поэзія имѣетъ для насъ свою цѣну такъ, какъ она есть, — въ ея чистомъ безпримѣсномъ элементѣ, въ ея простой, безъискусственной и часто грубой формѣ.

Много еще можно сказать объ общихъ чертахъ народной поэзіи, но это удобнѣе сдѣлать въ примѣненіи къ русскимъ пѣснямъ и сказкамъ,—что̀ мы и исполнимъ въ слѣдующей статьѣ, а эту просимъ считать только общимъ взглядомъ на значеніе всякой народной поэзіи.

Статья II.

Значеніе „общаго“ и „особнаго“ въ искусствѣ.—Отношеніе народной поэзіи къ художественной и наоборотъ.—Всеобщность и художественность греческой народной поэзіи.—Элементы общаго въ народныхъ легендахъ тевтонскихъ племенъ.

Въ первой статьѣ мы сказали, что какъ естественное противополагается въ поэзіи искусственному, такъ *народное* противополагается *общему*, и наоборотъ, и что какъ народное, такъ и общее суть понятія родственныя, заключающіяся въ самой сущности творчества. Теперь намъ должно объяснить значеніе *общаго* (мірового, абсолютнаго) и *особнаго* (частнаго, исключительнаго). Что̀ такое „общее“? — сущность всего сущаго, единство всякаго разнообразія, душа вселенной, начало и конецъ всего, что̀ было, есть и будетъ, словомъ—*идея*. Почему же, спросятъ насъ, это новое и притомъ такое странное, произвольное названіе для предмета стараго и давно уже получившаго себѣ имя? — Почему же „общее“, а не просто „идея“?...—Въ этомъ новомъ словѣ,—отвѣчаемъ мы, — одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ, которымъ вполнѣ опредѣляется предметъ, берется за самый предметъ, чтобъ тѣмъ яснѣе было значеніе предмета. Слово „идея“ требуетъ опредѣленія философическаго, немногимъ интереснаго и доступнаго; слово „общее“ (Allgemeinheit) можетъ быть объяснено для всѣхъ болѣе или менѣе ясно и удовлетворительно. Чтобъ вѣрнѣе достичь нашей цѣли, будемъ подтверждать наши умозрѣнія примѣрами и подобіями. Все общее есть источникъ и причина существованія всего особнаго и частнаго. Общее необходимо, и потому вѣчно; особное случайно, и потому преходяще. Вы видите передъ собою животное, напр., льва. Его рожденіе, продолжительность или краткость жизни, его смерть—все это случайно, ибо *этотъ* левъ могъ и быть и не быть и издохнуть, едва родясь, и дожить до старости. Природа и міръ такъ же равнодушны къ его существованію, какъ и къ его несуществованію. Но левъ, какъ цѣлый, отдѣльный родъ животныхъ, составляющій собою звено въ цѣпи мірозданія, не *какой-нибудь*, не *этотъ* левъ (*le* lion, или *un* lion), а левъ вообще (lion) есть уже не случайное и не частное, а необходимое и, слѣдственно, *общее* явленіе. Ежедневно истребляется множество животныхъ, но роды ихъ неистребимы: равнодушная къ участи особныхъ явленій, природа попечительно хранитъ *роды* и *виды*. Особныя явленія для нея—случайности; роды и виды—идеи, слѣдственно, *общее*. Итакъ, вотъ уже мы и нашли въ безпредѣльномъ многоразличіи природы то, что̀ въ ней должно называться *общимъ*. Если сообразить, что родъ, какъ идея, совокупляетъ въ себѣ безчисленные признаки, равно *общіе* множеству предметовъ, выражающихъ его, то слово „общее“ уже никому не можетъ казаться произвольнымъ или страннымъ. Роды и виды въ органическихъ явленіяхъ природы, отъ ми-

нераловъ [1]), чрезъ растенія и животныхъ доходя до человѣка, суть не иное что, какъ необходимые моменты ея развитія, тѣ ступени, на которыхъ она, такъ сказать, отдыхала и успокоивалась въ своемъ творческомъ стремленіи къ сознанію себя чрезъ индивидуализированіе. Все сущее, каждый предметъ въ природѣ есть не что иное, какъ воплотившаяся, *обособившаяся* идея абсолютнаго бытія. Будучи источникомъ всего видимаго, конечнаго и преходящаго, словомъ, будучи *матерью* всякаго чувственнаго бытія, абсолютная идея, оставаясь въ своемъ элементѣ чистаго, недоступнаго чувствамъ бытія, подобна нулю, который, самъ по себѣ не будучи ничѣмъ, тѣмъ не менѣе принимается математиками за абсолютное начало всякой величины и всѣхъ величинъ. Только тотъ въ состояніи уразумѣть таинственное значеніе этого нуля, чей взоръ столько глубокъ, что можетъ провидѣть сущность вещей мимо самыхъ вещей, чей умъ такъ могучъ, что въ силахъ совлечь съ міра его покровы, и не затрепетать отъ ужаса, увидѣвшись съ духомъ лицомъ къ лицу. Здѣсь мы приводимъ для ясности образное и поэтически-созерцательное выраженіе этой мысли, принадлежащее великому поэту Германіи—Гете. Фаустъ, давъ обѣщаніе императору вызвать передъ него Париса и Елену, прибѣгаетъ къ помощи Мефистофеля, который неохотно указываетъ ему единственное средство для выполненія этого обѣщанія. „Въ неприступной пустотѣ“, говоритъ онъ: „царствуютъ богини; тамъ нѣтъ пространства, еще менѣе времени: то *матери*“.—Матери? восклицаетъ въ изумленіи Фаустъ;—матери! матери!—повторяетъ онъ,—это такъ странно звучитъ...—„Богини“—продолжаетъ Мефистофель,—„невѣдомыя вамъ, смертнымъ, и неохотно именуемыя нами. Готовъ ли ты? Тебя не остановятъ ни замки, ни запоры; тебя обойметъ пустота. Имѣешь ли ты понятіе о совершенной пустотѣ?“ Фаустъ увѣряетъ его въ своей готовности. „Если бъ тебѣ надо было плыть“—продолжаетъ снова Мефистофель—„по *безграничному* океану; если бъ тебѣ надобно было созерцать эту безграничность, ты увидѣлъ бы тамъ по крайней мѣрѣ стремленіе волны за волною, ты увидѣлъ бы тамъ нѣчто; ты увидѣлъ бы на зелени усмирившагося моря плескающихся дельфиновъ; передъ тобою ходили бы облака, солнце, мѣсяцъ, звѣзды; но въ пустой, вѣчно пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь своего собственнаго шага; ногѣ твоей не на что будетъ опереться“. Фаустъ непоколебимъ:—„въ твоемъ *ничто*“—говоритъ онъ—„я надѣюсь найти *все*“.

In deinem Nichts hoff ich das All zu finden.

Мефистофель послѣ этого даетъ Фаусту ключъ. „Ступай за этимъ ключемъ“—говоритъ онъ ему—„онъ доведетъ тебя до *матерей*“. Слово „матери“ снова заставляетъ Фауста содрогнуться.—*Матерей!*—восклицаетъ онъ:—какъ ударъ поражаетъ меня это слово! Что это за слово такое, что я не могу его слышать?... „Неужели ты такъ ограниченъ“,—отвѣчаетъ ему Мефистофель,—„что новое слово смущаетъ тебя?“ Мефистофель потомъ даетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ поступать въ своемъ дивномъ путешествіи,—и Фаустъ, ощутивъ новыя силы отъ прикосновенія къ волшебному ключу, топнувъ ногой, погружается въ бездонную глубь. „Любопытно“—говоритъ Мефистофель, оставшись одинъ—„возвратится ли онъ назадъ?“ Фаустъ возвратился, и возвратился съ успѣхомъ. Онъ вынесъ съ собою изъ бездонной пустоты треножникъ, тотъ треножникъ, который былъ необходимъ для того, чтобъ вызвать въ міръ дѣйствительный красоту въ лицѣ Париса и Елены.

Этотъ поэтическій миѳъ Гете, или, лучше сказать, эта поэтическая апоѳеоза самаго отвлеченнаго понятія, очень ясно говоритъ уму своею образностью. Подобно Фаусту, всякій, въ комъ воля способна возвышаться до самоотреченія, отважившись ринуться въ безграничную пустоту—таинственное мѣстопребываніе царственныхъ матерей всего сущаго,—вынесетъ оттуда съ собою волшебный треножникъ всяческаго знанія и всяческой жизни. Изъ пустоты возвратится онъ въ высшую дѣйствительность, въ „ничто“ найдетъ все. Общее, т.-е. идея, чтобъ перейти изъ сферы идеальной возможности въ положительную дѣйствительность, должно было перейти чрезъ моментъ отрицанія своей общности и стать особнымъ, индивидуальнымъ и личнымъ. И это общее, обособившись въ планетѣ и предметахъ ископаемаго и растительнаго царства природы, начало индивидуализироваться въ предметахъ царства животнаго. Мы уже выше сказали, что какъ обособленіе, такъ и индивидуализированіе общаго въ природѣ совершалось въ правильной постепенности восхожденія отъ низшаго *рода* и *вида* къ высшему роду и виду. Цѣль этого творческаго движенія была—сознаніе, возможное только для личности, для субъекта, до которыхъ общее достигло, ставъ *человѣкомъ*. Но какъ природа была, такъ сказать, безсильна вдругъ достичь своей цѣли, ставъ человѣкомъ, то стремле-

[1]) Здѣсь слово „органическій“ берется въ обширномъ смыслѣ, какъ противоположность всему „техническому“, не самою природою, а умомъ человѣка производимому. *Прим. Бѣлинскаго.*

ніе ея къ средству сознанія—личности, началось съ низшихъ моментовъ; сперва съ обособленія (планеты, минералы, растенія), потомъ индивидуализированія (животныя); переходя отъ низшаго къ высшему, природа ознаменовала свое творческое стремленіе стройнымъ рядомъ существъ, постепенно приближающихся къ человѣку [1]).

Человѣкомъ оканчивается царство природы и имъ же начинается царство духа. Мы видѣли, что въ природѣ общее (идея) является въ родахъ и видахъ веществъ и существъ, теперь посмотримъ, какъ оно является въ человѣкѣ.

Что такое обще-человѣческое? Разумѣется, то, что составляетъ общій интересъ всѣхъ и каждаго, то, что всѣхъ волнуетъ, во всякомъ находитъ отзывъ, служитъ невидимымъ рычагомъ дѣятельности всѣхъ и каждаго. „Стало быть — *деньги!*“ — воскликнетъ иной читатель: „чему же другому и быть!“ Не споримъ съ тѣми, кто уже такъ глубокъ въ этомъ убѣжденіи, что его нельзя переспорить; но для многихъ другихъ, еще не слишкомъ крѣпкихъ въ подобномъ вѣрованіи, и для немногихъ, совершенно чуждыхъ ему, скажемъ нѣсколько словъ объ „общемъ“ людей. Такъ какъ общее людей есть то, что связываетъ людей между собою, то не споримъ, что и взаимныя нужды и отношенія суть общее. Но это еще не то общее, о которомъ говоримъ мы: есть между людьми другое высшее, благороднѣйшее, достойнѣйшее ихъ общее, это—*любовь*.—Но любовь есть только чувство, и потому что-то инстинктуальное, невольное и безсознательное. Любовь, какъ чувство, свойственна и животнымъ, въ половыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Любовь человѣка должна быть выше, а для этого она должна быть сознательною, должна имѣть разумное содержаніе. Вы, читатель, имѣете друга: онъ погибаетъ—и вы спасаете его съ опасностью собственной жизни, или съ пожертвованіемъ собственнаго благосостоянія. Это высокій и прекрасный подвигъ, но это еще не любовь, а только дѣйствіе любви: любви должно искать въ причинахъ вашей любви къ другу, въ томъ, что связываетъ васъ съ нимъ дружбою. Мы нисколько не отвергаемъ дѣйствительности факта, что и величайшіе злодѣи иногда погибаютъ другъ за друга; но причина этого—привычка считать жизнь ни за что, и еще болѣе—взаимная нужда другъ въ другѣ, т.-е. сперва безсознательность ожесточенія, а потомъ эгоизмъ: слѣдственно, тутъ о любви нечего и говорить. Связываютъ людей еще и общія страсти, пристрастія, привычки, какъ-то: вино, карты, сплетни и проч.; но въ подобнаго рода связяхъ не бываетъ примѣровъ самоотверженія. Итакъ, ваша любовь къ другу, доказанная самопожертвованіемъ, должна же на чемъ-нибудь основываться, вы за что же нибудь должны любить вашего друга, а онъ васъ, словомъ, между вами должно же быть что-нибудь *общее*?... Такъ,—и ужъ конечно это общее то, что составляетъ человѣческое достоинство, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, что называется благомъ, истиною, красотою, долгомъ, обязанностью, знаніемъ и т. п. А благо, истина, красота, долгъ, честь, слава, доблесть, знаніе, все это—идеи, слѣдственно, все это „общее“. И потому, любя вашего друга, вы любите въ немъ не что-нибудь частное, случайное, ему одному принадлежащее (какъ, напр., цвѣтъ волосъ, голосъ, лицо), но тотъ прометеевъ огонь, то божественное начало, которое есть общее наслѣдіе человѣческой натуры, словомъ—идею. Вы скажете, что, несмотря на то, вы все-таки любите и лицо, и голосъ, и поступь, и манеры, и всю непосредственность вашего друга: оно такъ и должно быть, ибо въ томъ-то и состоитъ взаимное отношеніе общаго къ особному и особнаго къ общему, что они въ человѣкѣ не приклеиваются другъ къ другу внѣшнимъ образомъ, такъ что можно было бы сказать, что въ немъ общее и что особное, но взаимно проникаютъ другъ друга, неразрывно, органически сливаются другъ съ другомъ. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, но вѣдь нельзя же сказать: вотъ въ немъ тѣло, а вотъ душа; доселѣ анатомія и физіологія еще не нашли (и никогда не найдутъ) мѣста въ тѣлѣ, гдѣ живетъ душа, и какъ тѣло безъ души, такъ и душа безъ тѣла есть отвлеченное понятіе, а не дѣйствительное явленіе, не человѣкъ. Чѣмъ болѣе проникнутъ человѣкъ общимъ, тѣмъ разительнѣе достоинство и прелесть его личности, тѣмъ онъ *особнѣе*, такъ сказать, и мы, думая любить его за черты лица или голосъ, любимъ его за душу, а думая любить за душу, любимъ за лицо, рѣчь и манеры. Опредѣлительно на этотъ счетъ можно сказать исключительно то, что особное получаетъ свое достоинство только отъ общаго, и что любить можно только идею. Намъ возразятъ, что есть люди, которые одарены сильною способностью любить и которые часто устремляютъ свою любовь на предметы, не

[1]) Позднѣйшая вставка: „Явно, что орангутангъ былъ послѣднею неудачною попыткою ея сознать себя, послѣ которой ей уже было возможно достичь послѣдняго, высшаго абсолютнаго типа существъ—личности, субъекта, человѣка, и что, достигши цѣли своего стремленія, она вдругъ какъ бы лишилась своей творческой силы и дѣятельности, какъ уже болѣе не имѣющей цѣли и потому ненужной“. См. аналогичную мысль выше, на стр. 80.

совсѣмъ достойные ея, или видя въ нихъ мнимыя достоинства, или просто по привычкѣ, или вслѣдствіе особенной обстановки обстоятельствъ. Это ничего не доказываетъ, кромѣ безсознательности. Позорно въ человѣкѣ отсутствіе всякаго чувства; но любовь всегда есть признакъ человѣческаго достоинства, на какой бы ступени ни стояла она; высшая же дѣйствительная любовь есть любовь сознательная, разумная.

[1]) Назначеніе каждаго человѣка — развить въ себѣ все человѣческое, общее и насладиться имъ. Всѣ люди имѣютъ равное право на дары духа,—разумѣется, въ той мѣрѣ, въ какой каждый изъ нихъ по своей натурѣ можетъ вмѣстить въ себѣ. Но есть особый родъ людей, которые по преимуществу могутъ назваться любимцами неба: это—великіе историческіе дѣйствователи. Исторія нѣкоторымъ образомъ представляетъ собою явленіе, параллельное природѣ: какъ въ природѣ общее является въ родахъ и видахъ, такъ въ исторіи это общее является въ избранникахъ судебъ Божіихъ. Они выражаютъ своею личностью все, что̀ составляетъ сущность народа или человѣчества въ ихъ эпоху; они страдаютъ и блаженствуютъ за милліоны; они—олицетворенная идея, „личное общее“ своего времени. И потому ихъ личности не суть что-нибудь преходящее, но вѣчное, никогда неумирающее. Они представляютъ собою „общее“, и потому до нихъ всѣмъ и каждому дѣло, всякая живая душа откликнется на ихъ имя, все интересуется ихъ участью, даже малѣйшими подробностями ихъ частной жизни. Заговорите съ послѣднимъ безграмотнымъ и полудикимъ русскимъ мужичкомъ въ глуши отдаленной провинціи, заговорите съ нимъ о Петрѣ Великомъ, о Наполеонѣ,—и онъ будетъ васъ слушать, будетъ съ участіемъ васъ разспрашивать. *„Что-жъ ему Гекуба?“* спрашиваете вы вопросомъ Гамлета... Общее, общее!—отвѣчаю я вамъ. Въ чемъ бы ни проявилось оно—въ исполинской ли мысли Петра преобразовать народъ, въ исполинской ли мысли Наполеона дать законы всему міру, въ исполинской ли художественной дѣятельности Шекспира, въ ужасающемъ ли патріотическомъ фанатизмѣ Брута, палача горячо-любимыхъ дѣтей своихъ, въ религіозномъ ли рвеніи Іоанна Гусса, и какъ бы ни кончилось оно—полною ли побѣдою и полнымъ оправданіемъ при жизни, островомъ ли св. Елены, полнотою ли славы при жизни, сдѣлавшейся въ тягость, костромъ ли—оно *общее*, всѣмъ равно принадлежащее, и потому каждый и знаетъ о немъ, какъ о своихъ собственныхъ нуждахъ, хотя бы и вѣка отдѣляли его отъ него...

Итакъ, предметъ искусства есть *общее*, въ значеніи котораго мы условились съ читателями. Но въ искусствѣ, какъ и въ природѣ и въ исторіи, общее, чтобъ не оставаться отвлеченною идеею, должно обособляться въ отдѣльныя органическія явленія. Посему, всякое художественное произведеніе есть нѣчто отдѣльное, особное, но проникнутое общимъ содержаніемъ—идеею. Въ художественномъ произведеніи идея съ формою должна быть органически слита, какъ душа съ тѣломъ, такъ что уничтожить форму значитъ уничтожить идею, и наоборотъ. Сущность искусства—уравновѣшеніе общаго съ особнымъ, идеи съ формою. Въ искусствѣ форма прежде всего, потому что все въ ней; она не должна быть внѣшнимъ средствомъ для выраженія идеи, но самою идеею въ чувственномъ проявленіи. И посему, какъ трудно опредѣлить значеніе того или другого человѣка, почти такъ же трудно и опредѣлить идею художественнаго произведенія. Единосущность идеи съ формою такъ велика въ искусствѣ, что ни ложная идея не можетъ осуществиться въ прекрасной формѣ, ни прекрасная форма быть выраженіемъ ложной идеи [1]). Если въ произведеніи искусства форма преобладаетъ надъ идеею,—это значитъ, что идея недовольно опредѣленна и ясна для созерцанія творящаго, и тогда форма не можетъ быть вполнѣ прекрасна, и произведеніе можетъ быть даже уродливо, какъ неудачный порывъ къ творческому сознанію. Таковы грубо-изваянные или грубо-вырѣзанные идолы языческихъ племенъ, стоящихъ на низшей степени развитія. Причина ихъ безобразія не младенческое состояніе технической стороны искусства у племени, а бѣдность и, слѣдственно, неопредѣленность идеи, которая не можетъ подняться выше туманнаго предчувствія истины. Вообще, недозрѣвшая мысль если и высказывается иногда удачно въ искусствѣ, то въ подробностяхъ, а не въ цѣломъ. Этимъ объясняется чудовищность символическихъ храмовъ и идоловъ Индіи, равно какъ и чудовищная огромность „Магабараты“ и „Рамайяны“, въ которыхъ цѣлое поглощается длинными эпизодами, а высокія красоты поэзіи мѣняются съ дикими образами и случайностями. Египетскія статуи ужъ ближе къ истинному искусству; онѣ отличаются даже изяществомъ внѣшней отдѣлки; но ихъ лица бѣдны выраженіемъ,

[1]) Позднѣйшая вставка: „Каждый человѣкъ самъ себѣ цѣль“. Замѣтимъ кстати, что фраза эта проходитъ черезъ всѣ періоды критическаго творчества Бѣлинскаго; см. объ этомъ во вступительной статьѣ.

[1]) Ср. съ аналогичными мыслями въ статьѣ о „Менцелѣ“ (т. I, статья № 17).

позы принужденны и связаны. Въ греческой статуѣ жизнь и свобода сочетались съ красотою и граціею; это истинные боги, сошедшіе на землю. Вообще, въ греческомъ искусствѣ идея уравновѣсилась съ формою, и потому искусство Грековъ есть болѣе искусство, чѣмъ даже искусство новѣйшаго времени. Если въ искусствѣ преобладаетъ идея надъ формою, тогда искусство теряетъ свое чистое, первоначальное значеніе и, по степени преобладанія, соприкасается съ другими абсолютными сферами сознанія, дѣлаясь для нихъ какъ бы средствомъ и чрезъ то пріобрѣтая не менѣе важное, но уже новое значеніе.

Идея народности въ искусствѣ вытекаетъ прямо изъ процесса обособленія общаго. Самое человѣчество, хотя и нѣтъ ничего выше его изъ существующаго вовнѣ, есть уже нѣчто особное—тѣмъ болѣе народъ. Если художникъ изображаетъ въ своемъ произведеніи людей, то, во-первыхъ, каждый изъ нихъ долженъ быть человѣкомъ, а не призракомъ, долженъ имѣть физіономію, характеры, нравъ, свои привычки, словомъ, всѣ индивидуальные признаки, какими каждая личность отличается въ дѣйствительности отъ всякой другой личности. Потомъ, каждый изъ нихъ долженъ принадлежать къ извѣстной націи и къ извѣстной эпохѣ, потому что человѣкъ внѣ національности есть не дѣйствительное существо, а отвлеченное понятіе. Изъ этого ясно видно, что національность въ художественномъ произведеніи есть не заслуга, а только необходимая принадлежность творчества, являющаяся безъ всякаго усилія со стороны поэта. И потому, чѣмъ выше произведеніе въ художественномъ отношеніи, тѣмъ оно и національнѣе, и хвалить великаго художника за національность его творенія—все равно, что хвалить великаго астронома за то, что при вычисленіяхъ своихъ онъ не ошибается въ таблицѣ умноженія. Въ самомъ дѣлѣ, что за заслуга со стороны Русскаго, что его дѣти отличаются русскою физіономіею? Конечно, чтобъ быть національнымъ поэтомъ, нужно сперва быть великимъ человѣкомъ, представителемъ духа своей націи; но изъ этого-то и слѣдуетъ, что великій талантъ дѣлаетъ поэта національнымъ, а не національность дѣлаетъ его великимъ поэтомъ; послѣднее есть только необходимое слѣдствіе перваго. При извѣстіи о вновь родившемся человѣкѣ никто не спрашиваетъ, есть ли у него глаза и руки, сколько ногъ, и нѣтъ ли роговъ и хвоста: если онъ человѣкъ, такъ ужъ само собою разумѣется, что у него есть и глаза и руки, ногъ только двѣ, а не четыре, а роговъ и хвоста вовсе нѣтъ. Такъ и въ искусствѣ: если произведеніе художественно, то само собою оно и національно; въ противномъ же случаѣ оно не можетъ быть и художественнымъ произведеніемъ, а будетъ аллегоріею, символомъ или просто надутымъ и холоднымъ призракомъ, гдѣ общее не обособилось органически, а только прикрылось лоскутьями натянутаго вымысла, который не вывелъ вовнѣ, а только закрылъ его смыслъ. Это относится не къ однимъ тѣмъ произведеніямъ, которыхъ содержаніе берется изъ дѣйствительной жизни, какъ въ романѣ, повѣсти, драмѣ, комедіи, но и къ лирическимъ поэмамъ. „Фаустъ“ Гете—міровое, обще-человѣческое произведеніе, но тѣмъ не менѣе, читая его, вы видите, что оно могло родиться только въ фантазіи Нѣмца, а байроновъ „Манфредъ“, явно навѣянный „Фаустомъ“, уже нисколько не вѣетъ германскимъ духомъ. Хотя Шекспиръ въ своихъ драмахъ выводилъ и не однихъ Англичанъ, но и Французовъ, и Нѣмцевъ, и Итальянцевъ, и даже древнихъ Римлянъ и Грековъ; но, читая его, вы понимаете, что только въ Англіи могъ явиться такой драматургъ: кому эта мысль показалась бы странною, тѣхъ просимъ прочесть въ „Отеч. Запискахъ“ [1]) статью Филарета Шаля „Марія Стюартъ“; этотъ историческій отрывокъ представляетъ всѣ элементы драмы, кроющіеся въ англійской исторіи. Какъ ни разнообразенъ, какъ ни мірообъемлющъ Гете въ своихъ созданіяхъ, но каждое изъ нихъ вѣетъ нѣмецкимъ и, сверхъ того, еще „гетевскимъ“ духомъ. Хотя въ большой части лирическихъ пьесъ Пушкина, и даже въ нѣкоторыхъ эпическихъ его произведеніяхъ, какъ въ „Донъ-Жуанѣ“, и содержаніе, и форма, повидимому, чисто-европейскія; но и въ нихъ Пушкинъ является истиннымъ національнымъ русскимъ поэтомъ, уже потому только, что ихъ никогда нельзя смѣшать ни съ байроновскими, ни съ гетевскими, ни съ шиллеровскими созданіями, и нельзя иначе назвать, какъ „пушкинскими“. Повторяемъ: это необходимо, это лежитъ въ сущности творчества: изъ какого бы міра ни бралъ поэтъ содержаніе для своихъ созданій, къ какой бы націи ни принадлежали его герои, самъ онъ всегда остается представителемъ духа своей націи, смотритъ на предметы *ея* глазами и кладетъ на нихъ *ея* печать. И чѣмъ геніальнѣе поэтъ, тѣмъ общѣе его созданія, а чѣмъ общѣе созданія, тѣмъ они національнѣе и оригинальнѣе. Чѣмъ отличается геній отъ таланта?—тѣмъ, что будучи оригинальнымъ, онъ въ то же время и *общее* таланта. Гофманъ великій талантъ, но онъ—далеко низшее явленіе въ сравненіи

[1]) Томъ XV, 1841, книжка 4, Науки.
Прим. Бѣлинскаго.

съ Гете и Шиллеромъ; онъ выразилъ только одну сторону германскаго духа, тогда какъ тѣ, каждый по своему, исчерпали всю глубину его, выразили всѣ стороны его. И потому оригинальность Гофмана для многихъ кажется странностью, и многіе люди съ эстетическимъ чувствомъ, понимая Шиллера и Гете, не понимаютъ Гофмана. Причина этому не оригинальность Гофмана, а ея источникъ, не столько общій, чтобъ могъ возвысить ее до абсолютнаго: оригинальность все-таки остается необходимымъ условіемъ не только генія, но даже самаго значительнаго таланта; только сфера бездарности отличается безличною общностью, для которой не существуетъ ни пространства, ни времени, ни націи, ни колорита, ни тона,— которая во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, отъ начала міра до нашихъ дней, выражается однимъ языкомъ и одними и тѣми же словами.

Но условія обособленія общаго въ произведеніяхъ искусства не оканчиваются только національностью и оригинальностью: безъ *типизма* нѣтъ ни той, ни другой. *Типъ* (первообразъ) въ искусствѣ—то же, что *родъ* и *видъ* въ природѣ, что *герой* въ исторіи. Въ типѣ заключается торжество органическаго сліянія двухъ крайностей—*общаго* и *особнаго*. Типическое лицо есть представитель цѣлаго рода лицъ, нарицательное имя многихъ предметовъ, выражаемое однакоже собственнымъ именемъ. Такъ, напримѣръ, *Отелло*—собственное имя, принадлежащее только одному лицу, изображенному Шекспиромъ; но, видя человѣка въ припадкѣ ревности, мы называемъ его Отелло, хотя бы этотъ человѣкъ назывался Иваномъ или Петромъ, и былъ Русскій, или Нѣмецъ, а не Мавръ. Въ этомъ же смыслѣ всѣ герои поэмъ, драмъ и повѣстей Пушкина, „Горе отъ Ума“ Грибоѣдова, повѣстей Гоголя— типы. Боже мой, если посмотрѣть на сколькихъ людей приходится такъ ловко, какъ будто по нихъ шито, достославное имя одного *Ивана Александровича Хлестакова!...* Это не эклектическое собраніе рѣзкихъ чертъ одной и той же идеи, а общая идея, обособившаяся въ художественно-созданномъ лицѣ, это—*лицо* и вмѣстѣ—*идея;* а какъ одна и та же идея является въ дѣйствительности въ безконечномъ разнообразіи, то въ лицѣ, вполнѣ выразившемъ ее собою, видится множество лицъ.

Но и здѣсь еще не конецъ условіямъ обособленія общаго въ искусствѣ. Художественное произведеніе должно быть цѣлымъ, единымъ, особнымъ и замкнутымъ въ себѣ міромъ. Въ немъ общая идея, пріявъ плоть и образъ, такъ сказать, приковывается къ пространству и времени, и притомъ къ извѣстному пространству и къ извѣстному времени. Оно овеществляется, явившись въ формѣ; но, дѣлаясь матеріею, оно не перестаетъ быть духомъ: принадлежа ничтожному клочку земли, на которомъ разыгралась драма, оно гражданинъ всего міра; принадлежа къ ничтожному мгновенію, въ которое совершилось событіе, оно достояніе вѣчности. И потому, художественное произведеніе и конечно и безконечно вмѣстѣ: конечно потому, что состоитъ въ кускѣ мрамора, въ лоскуткѣ полотна, въ книгѣ, можетъ быть взято руками, перенесено, истреблено, а главное потому, что выражаетъ одинъ извѣстный случай, небольшое число людей, или мгновенное ощущеніе; оно безконечно, потому что выраженный имъ случай заключаетъ въ себѣ возможность безчисленнаго множества подобныхъ случаевъ; изображенные имъ люди заключаютъ въ себѣ множество людей, которые были, есть и всегда могутъ быть, а мгновенное ощущеніе одного поэта есть достояніе, собственность милліоновъ людей,—словомъ, потому, что въ его конечной формѣ выразилось безконечное, общее, непереходящее—идея, духъ. Кто не умѣетъ въ своемъ разумѣніи примирить этихъ двухъ противоположныхъ понятій—конечнаго и безконечнаго, тотъ правъ въ отношеніи къ себѣ, хотя и виноватъ передъ истиною, думая, что „Иліада“ для насъ—мертвая буква, ибо де „мы не Греки и не Римляне“ [1]).

Истинное и полное сліяніе общаго съ особнымъ возможно только чрезъ уравновѣшеніе идеи съ формою, слѣдственно, только въ художественной поэзіи. Мысль младенчествующаго народа всегда болѣе или менѣе темна, неопредѣленна, а потому и не можетъ найти себѣ равновѣснаго выраженія въ формѣ. Мысль младенчествующаго народа есть не разумное сознаніе, возросшее до опредѣленности въ выраженіи, а только темное предощущеніе истины, которое, силясь выразиться, не говоритъ, а лепечетъ, дополняя условными знаками неуловимый для самой себя смыслъ своей рѣчи. Однимъ уже этимъ достаточно опредѣляется отношеніе естественной или народной поэзіи къ художественной поэзіи. Первая есть несвязный дѣтскій лепетъ; вторая—опредѣленное слово мужа. Первая намекаетъ, вторая полагаетъ и утверждаетъ. Художественная поэзія идетъ прямо къ своей цѣли, и таинственное, неизглаголанное выражаетъ въ опредѣленномъ словѣ; естественная поэзія прибѣгаетъ къ

[1]) Фразу „мы не Греки и не Римляне“ часто повторялъ Надеждинъ; принадлежитъ же она Карамзину, который въ самомъ началѣ своего „Ильи Муромца“ говорилъ:

Мы не Греки и не Римляне—
Намъ иныя пѣсни надобны.

иносказанію, къ миоу, которыхъ смыслъ можетъ провидѣть только посвященный, тогда какъ толпа видитъ одну басню и слѣпо вѣритъ ей, какъ непреложному историческому факту. Но художественная поэзія находится въ тѣсномъ сродствѣ съ естественною, потому что, такъ сказать, выростаетъ на ея почвѣ. Оттого она такъ любитъ пользоваться миоическими преданіями народа и, отдѣляя отъ нихъ все случайное, возсоздавать ихъ въ новой лѣпотѣ. Однакожъ, эта живая, родственная связь, это отношеніе матери къ дочери между естественною и художественною поэзіею возможно только при одномъ условіи, sine qua non: естественная поэзія только тогда можетъ развиться изъ самой себя въ художественную, когда она полна элементовъ „общаго“. Для доказательства этого стоитъ только указать на греческій и тевтонско-германскій міръ. Прометей похитилъ съ неба огонь, возжегъ теплотою и свѣтомъ его дотолѣ мертвыя тѣла людей; Зевесъ, увидѣвъ въ этомъ возстаніе противъ боговъ, въ наказаніе приковалъ Прометея къ скалѣ Кавказскихъ горъ и приставилъ къ нему коршуна, который безпрестанно терзаетъ внутренности Прометея, безпрестанно зарастающія. Зевесъ ожидаетъ отъ преступника покорности; но жертва горделиво сноситъ свои страданія и презрѣніемъ отвѣчаетъ палачу своему. Вотъ миѳъ, который одинъ можетъ служить источникомъ и почвою для развитія величайшей художественной поэзіи, а у Грековъ было множество такихъ миѳовъ, находившихся въ живой, органической связи между собою, и переданныхъ имъ, какъ откровеніе абсолютныхъ истинъ, самою ихъ природою. Удивительно ли послѣ этого, что подобный миѳъ могъ дать содержаніе для величайшей трагедіи одному изъ величайшихъ національныхъ геніевъ — Эсхилу? Удивительно ли, что тотъ же самый миѳъ могъ дать содержаніе генію новѣйшаго времени — Гёте, для одного изъ колоссальнѣйшихъ его произведеній—„Прометей“? Поговоримъ о первомъ, чтобъ проникнуть въ мысль миѳа и въ его баснѣ провидѣть *общее содержаніе.*

Кратосъ (*сила, могущество, власть, авторитетъ*), Біа *(сила)*, и Гефестъ *(богъ огня)* приводятъ Прометея *(провидца)* къ скалѣ Кавказскихъ горъ, чтобъ приковать его къ ней по повелѣнію Зевеса. Кратосъ велитъ Гефесту немедленно приступить къ дѣлу: „Прометей“, говоритъ онъ, „похитилъ огонь, лучшее твое достояніе и орудіе всѣхъ искусствъ, и сообщилъ его смертнымъ; за это преступленіе онъ долженъ испытать величайшія муки—да научится покоряться волѣ Зевеса“. Гефестъ повинуется, но изъявляетъ Прометею свое сожалѣніе, какъ равному себѣ богу, и притомъ караемому за доброе дѣло. „Смѣлый сынъ Ѳемиды *(правосудія, справедливости)*, я *противъ тебя* и *противъ себя* долженъ приковать тебя къ этому утесу неразрушимыми цѣпями; вотъ что пріобрѣлъ ты за свою *филантропію (любовь къ людямъ)*. Напрасно будешь ты жаловаться и стенать: сердце Зевеса непреклонно, потому что новый повелитель всегда жестокъ бываетъ“ [1]). Кратосъ упрекаетъ Гефеста за его состраданіе къ Прометею, какъ за слабость, и Гефестъ, не переставая изъявлять Прометею своего соболѣзнованія, приковываетъ къ утесу обѣ его руки, приковываетъ ноги и вбиваетъ въ грудь желѣзный гвоздь. Кратосъ саркастически издѣвается надъ страдальцемъ: „Хвались теперь, съ обычною твоею гордостью“, говоритъ онъ: „хвались похищеніемъ божественныхъ сокровищъ, которыя ты передалъ своимъ *эфемерамъ!* Кто изъ нихъ облегчитъ твои мученія? Ошибаются называющіе тебя *Прометеемъ (провидцемъ)*; тебѣ неприлично это имя: тебѣ бы самому нуженъ былъ Прометей для предохраненія тебя отъ этого бѣдственнаго положенія“. Кратосъ, Біа и Гефестъ уходятъ; Прометей, хранившій дотолѣ молчаніе, призываетъ въ свидѣтели сдѣланнаго ему насилія эѳиръ, вѣтры, источники рѣкъ, волны морскія и землю—матерь всего существующаго. „Но“, говоритъ онъ, „къ чему это? Я предвижу все, что должно случиться — не мнѣ страшиться непредвидѣнныхъ бѣдствій: зная непобѣдимую силу необходимости, предадимся опредѣленію судьбы!“ Является хоръ морскихъ нимфъ, дщерей Океана, жалобно взывающій во изъявленіе своего состраданія къ Прометею. Хоръ говоритъ ему, что удары гефестова молота отдались даже въ безднахъ моря, и что возмущенныя этимъ нимфы поспѣшили сюда на колесницѣ, полунагія и босыя. Утѣшая Прометея, онѣ обвиняютъ Кронида въ несправедливости и жестокосердіи. Тогда Прометей говоритъ имъ, что Зевесъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ нему же, чтобъ узнать о новомъ врагѣ, долженствующемъ низвергнуть его съ престола; но что тщетно будетъ умолять его и грозить ему, ибо онъ рѣшился хранить тайну. Далѣе, Прометей разсказываетъ нимфамъ свою исторію, начиная ее съ борьбы между Крономъ и Зевесомъ, который побѣдилъ Крона, слѣдуя совѣтамъ Прометея. „И вотъ какъ вознаградилъ онъ меня! Но никому не довѣрять, даже друзьямъ своимъ— обыкновенная болѣзнь тирановъ!“ Далѣе разсказываетъ, что Зевесъ, одолѣвъ Крона, началъ раздавать богамъ милости и дары,

[1]) Намекъ на похищеніе Зевесомъ Кронова престола. *Прим. Бѣлинскаго.*

чтобъ утвердить свое владычество, а несчастныхъ смертныхъ рѣшился совершенно истребить; но что онъ, Прометей, одинъ воспротивился тому, сообщилъ людямъ огонь, могущій споспѣшествовать къ открытію многихъ искусствъ, просвѣтилъ и укрѣпилъ души ихъ, исцѣлилъ ихъ отъ боязни смерти, и возродилъ въ нихъ утѣшительную надежду...Наконецъ, Прометей убѣждаетъ нимфъ сойти съ ихъ окрыленной колесницы, чтобъ удобнѣе разслушать повѣсть о его несчастіяхъ, и нимфы оставляютъ „безоблачный эѳиръ, служащій птицамъ путемъ къ горячей вершинѣ скалы“. Вдругъ появляется Океанъ на „птицѣ съ быстрыми крыльями“, утѣшаетъ Прометея, совѣтуетъ ему не раздражать Зевеса обидными выраженіями и обѣщаетъ выпросить ему у Кронида освобожденіе. Прометей отвѣчаетъ ему, что это будетъ безполезно для страдальца и опасно для ходатая, благодаритъ его за участіе и отказывается отъ помощи. По удаленіи Океана Прометей говоритъ нимфамъ: „Если молчу я, то не думайте, что отъ гордости или оскорбленія; но я *въ мысляхъ пожираю сердце мое*, видя себя столь несправедливо-утѣсненнымъ“. Потомъ онъ исчисляетъ свои благодѣянія людямъ и предрекаетъ, что владычество Зевеса должно имѣть конецъ, что ему, Прометею, извѣстно какъ время, когда это совершится, такъ и имя того, кто низвергнетъ Кронида. На мольбу нимфъ открыть имъ эту тайну Прометей возражаетъ: „Напрасно будете вы упрашивать: я долженъ и буду хранить эту ужасную тайну“. Зевесъ посылаетъ Гермеса къ Прометею, чтобъ исторгнуть у него роковую тайну. Прометей говоритъ, что онъ знаетъ ее, но не скажетъ,—и въ горделивомъ презрѣніи къ низкому слугѣ веселится мыслію о неизбѣжномъ паденіи его властелина. Гермесъ грозитъ ему молніями и громами тучегонителя; но Прометей непоколебимъ: въ сознаніи правоты своей, онъ презираетъ Зевеса и власть его. Молнія расшибаетъ скалу—и Прометей исчезаетъ вмѣстѣ съ нею...

Мы взяли бы на себя слишкомъ смѣлый и тяжелый трудъ, если бъ захотѣли объяснить удовлетворительно смыслъ великаго миѳа о „Прометеѣ“, и потому довольно будетъ намекнуть на него. Прометей и Зевесъ—это—божество, раздѣлившееся на самого себя, это—сознаніе, распавшееся на двѣ стороны, которыя, по закону діалектическаго развитія, враждебно стали одна къ другой. Зевесъ—это непосредственная полнота сознанія; Прометей—это сила разсуждающая, духъ, непризнающій никакихъ авторитетовъ, кромѣ разума и справедливости. Зевесъ возсталъ на отца своего, Крона, съ громами и молніями; Прометей возсталъ на Зевеса съ мыслію и словомъ. Прометей въ правѣ былъ сказать своему могучему противнику: „Ты сердишься, Юпитеръ, слѣдовательно, ты не правъ!“ И потому Зевесъ могъ его уничтожить, но не устрашить и не преклонить. Горделивое, полное сознанія своего достоинства и своей правоты самоотверженіе Прометея было оправданіемъ его пророчества о концѣ власти Зевеса: Зевесъ не правъ, и потому долженъ будетъ уступить свое владычество другой, болѣе справедливой власти. Что же значитъ коршунъ, терзавшій безпрестанно сраставшіяся внутренности похитителя небеснаго огня?—На это у Эсхила лучшій отвѣтъ даетъ самъ Прометей: *„Я въ мысляхъ пожираю сердце мое!“* Это—грустная *дума*, какъ червь, грызущая сердце и подтачивающая корни жизни; это муки распаденія. Зевесъ не правъ, но онъ еще существуетъ, и власть его еще сильна: онъ еще мститъ своему противнику. Зачѣмъ же онъ силенъ, если онъ не правъ?—Затѣмъ, что Прометею суждено только начать великое дѣло, а не кончить его; онъ только очистительная жертва общаго дѣла, а не торжествующій побѣдитель; онъ далъ движеніе сознанію, которое безъ него коснѣло бы въ недѣятельности, но онъ еще не видѣлъ результата сознанія; онъ началъ борьбу, но не ему суждена полная побѣда. Что же такое огонь, похищенный Прометеемъ съ неба и сообщенный имъ людямъ?—Это—мысль, сознаніе, пробудившее людей отъ мертваго сна животной непосредственности. Прометей далъ знать людямъ, что въ истинѣ и знаніи и они—боги, что громы и молніи еще не доказательства правоты, а только доказательства неправой власти. Пробуждено сознаніе въ людяхъ,—и паденіе Зевеса уже неизбѣжно; рано или поздно, но алтари его сокрушатся, и колѣни смертныхъ преклонятся передъ Богомъ правды и истины, любви и милости... Глубоко-знаменательный миѳъ, необъятный, какъ вселенная, вѣчный, какъ разумъ!...

„Прометей“ Гете въ нѣкоторомъ смыслѣ есть поэтическій комментарій на эсхилова „Прометея“. Это та же древняя мысль, но высказанная яснѣе, опредѣленнѣе, развитая подробнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, получившая новую силу и новое значеніе вслѣдствіе всемірно-историческаго развитія. Борьба идеи съ авторитетомъ не кончилась съ Прометеемъ; она не разъ возобновлялась, и даже едва ли еще рѣшена и теперь. Достовѣрно можно сказать только, что вопросъ теперь вполнѣ уяснился, и Прометеи нашего времени заранѣе торжествуютъ побѣду и уже не боятся хищнаго коршуна. Отъ этого „Прометей“ Гете имѣетъ для насъ значеніе самобытнаго созданія, и по

преимуществу есть поэма нашего времени. Мы слишкомъ отдалились бы отъ своего предмета, если бъ стали излагать содержаніе великой поэмы Гете; но слѣдующій отрывокъ можетъ намекнуть на ея основную мысль. Прометей начисто отказываетъ Меркурію въ повиновеніи богамъ; Меркурій напоминаетъ ему, что они заботились о немъ, когда онъ былъ дитятею; Прометей ему отвѣчаетъ:

За это тѣшились они
Моимъ повиновеньемъ
И мной, ребенкомъ, управляли
По вѣтру прихотей своихъ.

Меркурій.

Они тебѣ защитой были.

Прометей.

А отъ чего?—отъ бѣдствій,
Предъ которыми дрожали сами?
Они предохранили развѣ сердце
Отъ змѣй, меня снѣдавшихъ втайнѣ?
Они ли оковали силой грудь
На страхъ Титанамъ?
Не время-ль мужемъ сдѣлало меня,
Всесильное, единственное время,
Нашъ общій властелинъ?

Меркурій.

Несчастный! ты богамъ безсмертнымъ
Дерзаешь это говорить?

Прометей.

Богамъ?—А я не богъ?...
Всесильные? Безсмертные?
Ну, что вы?
Вы можете ли все пространство
И неба и земли
Въ десницѣ заключить моей?
Властны ли вы
Меня отъ самого себя отторгнуть?
Вы можете ли увеличить,
Распространить меня на цѣлый міръ?

Меркурій.

Судьба!

Прометей.

Ея могущество
Ты, стало, признаешь?
Я также.
Иди, я не служу рабамъ!

Не даромъ боги греческіе признавали надъ собою неотразимую власть судьбы: судьба — это была та темная граница, за которую не переступало сознаніе древнихъ; христіанство перешагнуло черезъ эту границу, и послѣдній, великій язычникъ Юліанъ тщетно силился поддержать всею силою своего генія сокрушающіеся алтари боговъ: они пали сами собою...

„Иліада“ — народное произведеніе; но посмотрите, какъ общи элементы этого дивнаго созданія древности! Оставляя въ сторонѣ его основную мысль, оставляя въ сторонѣ всѣхъ другихъ героевъ, взглянемъ только на Ахилла. Рьяный и могучій герой, онъ тяжко оскорбленъ Агамемнономъ; онъ могъ бы вызвать его на бой, какъ равный равнаго, какъ царь царя; онъ побѣдилъ бы его, какъ герой и полубогъ, а если бы и палъ самъ, по крайней мѣрѣ не пережилъ бы позора обиды. И что же? Онъ удаляется въ шатеръ, играетъ на лирѣ и льетъ тихія слезы... Что̀ ему побѣда и отмщеніе? ему нужна справедливость; его сердце страждетъ не отъ безсилія, а отъ несправедливости; ему нужна не побѣда, а справедливость со стороны обидчика... Видите ли вы здѣсь „человѣка“ въ эпоху звѣрскаго героизма?... Убитъ другъ его юности, братъ его сердца, — онъ, могучій, бросается на землю, покрываетъ пепломъ свою прекрасную главу, бьетъ себя въ перси, горько рыдаетъ, не зная сна и пищи. Но наступила минута — и онъ возстаетъ, страшный, могучій, и горе тебѣ, Гекторъ, убійца Патрокла. Двѣнадцать полоненныхъ юношей принесено въ жертву горестной тѣни Патрокла: связанные, пали они отъ копья Пелида... Звѣрство!—скажете вы; но тогда было время звѣрства, и тѣмъ утѣшительнѣе видѣть проблески человѣчности въ самыхъ звѣряхъ-людяхъ. Мщеніе не утоляетъ тоски Ахилла: много принесено кровавыхъ жертвъ Патроклу; самъ убійца его, Гекторъ, палъ отъ руки Ахилла, а Ахиллъ попрежнему не смыкаетъ глазъ, стеня и рыдая... Только разъ сомкнулись на минуту очи героя — и ему явилась блѣдная, молящая тѣнь безвременно погибшаго друга—

Призракъ величіемъ съ нимъ и очами прекраснымисходный;
Та-жъ и одежда, и голосъ тотъ самый, сердцузнакомый!

Безщадно губя Троянъ, Ахиллъ встрѣчается съ однимъ изъ пріамовыхъ сыновей: обнимая колѣни губителя, молитъ его несчастная жертва о пощадѣ и жизни, обѣщая за себя богатый выкупъ:

. . . . . но услышалъ не жалостный голосъ:
„Что̀ мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что̀ говоришь ты,безумный?
„Такъ, доколѣ Патроклъ наслаждался сіяніемъсолнца,
„Миловать Трои сыновъ иногда мнѣ было пріятно,
„Многихъ изъ васъ полонилъ, и за многихъ выкупъя принялъ.
„Нынѣ пощады вамъ нѣтъ никому, кого только демонъ
„Въ руки мои приведетъ подъ стѣнами пріамовойТрои!
„Всѣмъ вамъ Троянамъ смерть, и особенно дѣтямъПріама!
„Такъ, мой любезный, умри! И о чемъ ты столькорыдаешь?
„Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный!
„Видишь, каковъ я и самъ: и красивъ и величественъ видомъ;
„Сынъ отца знаменитаго; матерь имѣю богиню!
„Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть;
„Смерть прійдетъ и ко мнѣ поутру, ввечеру, иливо полдень,

„Быстро, лишь врагъ и мою на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
„Или копьемъ поразивъ, иль крылатой стрѣлою изъ лука.
(*Пѣснь XXI*).

Кто не увидитъ въ этомъ героя и полубога? А героическое и божественное только въ общемъ, въ идеѣ. Но „Иліада“, какъ и всѣ произведенія Греціи, не идетъ въ примѣръ народной поэзіи, полной элементовъ „общаго“: въ греческой поэзіи совершился процессъ гармоническаго уравновѣшенія идеи съ формою, и потому греческая поэзія, будучи народною, въ то же время и художественна въ высшей степени и не въ примѣръ другимъ. Если мы ссылались на нее, то для того, чтобъ яснѣе, живымъ фактомъ, объяснить читателямъ, что̀ мы разумѣемъ подъ „элементами общаго“ въ искусствѣ. Теперь мы можемъ обратиться къ поэзіи чисто народной, совершенно естественной, но въ то же время и полной „элементами общаго“ — къ поэзіи народовъ тевтонскаго племени, представителей новѣйшаго европеизма. Здѣсь мы будемъ кратки, ибо послѣ предшествовавшихъ объясненій намъ достаточно самыхъ легкихъ указаній. Итакъ, прежде всего просимъ читателей вспомнить разборъ нашъ тегнерова „Фритіофа“, переведеннаго по-русски г. Гротомъ [1]). Дѣйствіе этой поэмы происходитъ во времена варварства; но сколько человѣческаго, великаго, возвышеннаго совершается въ это время варварства! Какія дивныя сѣмена мысли кроются въ дѣлахъ, чувствахъ и воззрѣніи на жизнь этихъ полудикихъ Скандинавовъ! Это міръ рыцарства въ зародышѣ, это міръ великихъ подвиговъ, благороднаго самоотверженія, обожанія чести, славы и красоты, міръ доблести, любви, вѣрности обѣтамъ, неизмѣняемости клятвъ, міръ возвышенныхъ страстей, стремленія къ безконечному, общественной нравственности! Чтобъ не зайти далеко въ отступленіе, укажемъ только на отвѣтъ Фритіофа пѣстуну его, представлявшему ему несбыточность его надеждъ, высокость сана обожаемой имъ женщины:

Нѣтъ, женамъ мужество любезно,
И сила стоитъ красоты!

Итакъ для этихъ дикихъ сыновъ Сѣвера уже было рѣшено, что красота—великое явленіе духа, что ей всѣ жертвы, все обожаніе, что ей и сладчайшія надежды пылкой юности, и умиленный восторгъ сѣдой старости... Да, для этихъ разбойническихъ ордъ, грабившихъ Европу, вопросъ о достоинствѣ красоты былъ уже рѣшенъ... Кто же зародилъ въ нихъ этотъ вопросъ? кто рѣшилъ его имъ?—Никто; по крайней мѣрѣ, не они; все это было непосредственнымъ проявленіемъ національной субстанціи ихъ духа... Итакъ, красотѣ отданы всѣ ея права: варваръ-Норманъ настаиваетъ только на томъ, что и мужество стоитъ красоты... Слѣдовательно, по его понятію, женщина была не хозяйка, а представительница красоты на землѣ, вдохновительница на высокіе подвиги и награда за нихъ; мужчина не хозяинъ, а представитель силы и могущества, подвигоположникъ; тотъ и другая вмѣстѣ—дубъ, осѣняющій широколиственными вѣтвями прекрасную розу... Какое вѣрное понятіе объ отношеніяхъ половъ! Въ немъ видна *мысль*.

Теперь скажемъ или, лучше, перескажемъ одну нѣмецкую богатырскую сказку; это же и кстати, потому что сейчасъ намъ должно будетъ говорить о русскихъ сказкахъ.—Въ миѳическія времена Германіи, гораздо задолго до Тацита, оставившаго намъ извѣстія о древне-германскомъ бытѣ, жилъ богатырь, огромный-преогромный до того, что высочайшіе сосны и дубы, которые вырывалъ онъ съ корнемъ могучею рукою, едва годились ему на посохи. У этого богатыря былъ другъ, тоже великій богатырь, и еще была у него—какъ бы сказать?—понашему, по-русски — любовница, или полюбовница, а по-нѣмецки Geliebte—*возлюбленная*. (Кстати: наши русскія слова „любовникъ“ и „любовница“ ужасно опошлились, такъ что дерутъ уши, а „возлюбленный“ и „возлюбленная“ немного отзываются „высокимъ слогомъ“)... И вотъ Geliebte, или *возлюбленная* богатыря влюбилась въ его друга, да и давай преслѣдовать его своею любовью; но, вѣрный дружбѣ, честный богатырь съ богатырскою рѣшимостью отвергнулъ ея любовь. Оскорбленная отказомъ, она замѣняетъ любовь мщеніемъ и клеветами; докуками, ласками доводитъ своего мужа до того, что онъ убиваетъ своего друга сонnаго... Но это было съ его стороны не злодѣйствомъ, а минутою слабости; поддавшись обаянію любимой женщины, онъ вдругъ просыпается въ сознаніи своего ужаснаго преступленія. „Поди отъ меня прочь!“ говоритъ онъ обольстительницѣ: „ты не нужна мнѣ больше; изъ любви къ тебѣ я сдѣлалъ злодѣйство—убилъ моего друга, моего брата; послѣ этого, я не могу ни любить тебя больше ни жить!“ И на могильномъ холмѣ своего друга онъ принесъ себя въ жертву его оскорбленной тѣни...

Изъ нашего короткаго пересказа этой трагической легенды читатели поймутъ, въ чемъ дѣло, — и въ грубой сказкѣ увидятъ

---

[1]) Отеч. Зап. 1841. XVII, книжка 8, Библ. Хроника. *Прим. Бѣлинскаго.*
Эта рецензія не вошла въ настоящее изданіе.

основанія человѣчности, элементы „общаго“... Послѣ этого понятно, какъ могла у Нѣмцевъ явиться такая великая, такая самобытная художественная литература: для нея была готова родная почва, богатая дивными сѣменами...

1841 г.

---

31. Собраніе стихотвореній Ивана Козлова.

Третье изданіе. Спб. 1840 г.

Бѣлинскому часто приходилось высказывать въ своихъ критическихъ статьяхъ взгляды, противоположные общепризнаннымъ суждевіямъ, и большей частью эти взгляды его очень скоро становились въ свою очередь общепризнанными и господствующими: блестящіе примѣры этого мы имѣемъ въ статьяхъ Бѣлинскаго о Бенедиктовѣ и Марлинскомъ. Еще чаще бывало, что Бѣлинскій первый высказывалъ мнѣнія, какъ бы носившіяся въ воздухѣ, но которыя никто не пробовалъ формулировать ясно и опредѣленно; такой является его статья о Козловѣ. Въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ этотъ „поэтъ-слѣпецъ“ занималъ во мнѣніи читающей публики одно изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ поэтовъ, чуть-ли не около Пушкина, рядомъ съ Жуковскимъ и Баратынскимъ; восторженная статья Жуковскаго о Козловѣ закрѣпила эту крайне преувеличенную оцѣнку Козлова; извѣстно также не менѣе восторженное посланіе къ Козлову Пушкина. Появившійся въ 1825 г. „Чернецъ“ Козлова пользовался шумнымъ успѣхомъ и, по свидѣтельству Бѣлинскаго, возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, чѣмъ поэмы Пушкина.

Поддержать этотъ интересъ къ своей однообразной поэзіи Козловъ однако не могъ; послѣдующія его поэмы были только слабымъ повтореніемъ первой. Бѣлинскій въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (1834) смѣло причислилъ Козлова къ числу цѣлаго ряда „талантовъ“ пушкинскаго періода литературы, „теперь большею частью забытыхъ или готовящихся быть забытыми“; однако изъ числа этихъ „талантовъ“ онъ призналъ Козлова „замѣчательнѣйшимъ“ и поставилъ его рядомъ съ Баратынскимъ (см. наст. изд. т. I, стр. 70). Интересно отмѣтить, что тутъ же онъ назвалъ поэму Баратынскаго „Эда“—„Бѣдной Лизой въ стихахъ“, сравненіе, впослѣдствіи приложенное имъ съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ именно къ „Чернецу“ Козлова. Послѣднее впервые было сдѣлано имъ въ рецензіи (1839 г.) на французскій стихотворный переводъ этой поэмы Козлова [1]); это же Бѣлинскій повторяетъ полтора года спустя и въ настоящей своей статьѣ о Козловѣ, появившейся по поводу выхода въ свѣтъ посмертнаго изданія собранія стихотвореній Козлова и имѣющей цѣлью „указать мѣсто, которое должно занимать его имя на страницахъ исторіи русской литературы“. Мѣсто это — совершенно второстепенное, такъ какъ Козловъ не внесъ почти ничего новаго, ничего своего въ русскую литературу; обычный его мотивъ—то, что́ Бѣлинскій называлъ Resignation — и раньше его, и глубже его былъ выраженъ Жуковскимъ; Козловъ внесъ въ этотъ мотивъ только кое-какіе маловажные оттѣнки, и въ этомъ его право на очень скромное мѣсто на страницахъ исторіи русской литературы.

Менѣе чѣмъ годъ спустя послѣ настоящей статьи о Козловѣ, Бѣлинскій еще разъ мимоходомъ коснулся этого поэта въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“. Здѣсь онъ относится къ Козлову еще холоднѣе: указываетъ, что поэмы его слабы, снова сравниваетъ „Чернеца“ съ „Бѣдной Лизой“, признаетъ достоинство нѣсколькихъ переводныхъ и оригинальныхъ его стихотвореній; „у него много души; жаль только, что чувство его часто походитъ на чувствительность“, — заключаетъ Бѣлинскій. Наконецъ еще черезъ два года, намѣчая въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ предшествовавшее развитіе русской литературы, Бѣлинскій упоминаетъ о Козловѣ только для того, чтобы сравнить великолѣпный переводъ одной строфы байроновскаго „Чайльдъ-Гарольда“ Батюшковымъ съ „водянымъ“ переводомъ Козлова. Интересная мелочь: въ концѣ настоящей статьи Бѣлинскій тоже сопоставилъ эти два (предполагаемыхъ) перевода и замѣтилъ—„не одно ли это и то же?“; а

---

[1]) Въ этой рецензіи Бѣлинскій указываетъ между прочимъ, что эта поэма „уже не разъ была переводима на французскій языкъ“; это можетъ служить показателемъ степени успѣха „Чернеца“ и его значенія еще въ 1839 году.

три года спустя онъ уже сравнилъ оба эти перевода съ текстомъ Байрона и, противопоставляя энергичному переводу Батюшкова „водяной“ переводъ Козлова, замѣтилъ — „то ли это?“. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ ниже ставилъ Бѣлинскій Козлова.

Время подтвердило приговоръ Бѣлинскаго. Кое-что новое пытался сказать въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (1855 г.) Дружининъ по поводу выхода въ свѣтъ новаго собранія сочиненій Козлова, но отразилъ въ своей статьѣ только свою литературную корректность и половинчатость. По истеченіи пятидесятилѣтія со времени смерти Козлова появилось новое, разсчитанное на широкую публику, изданіе его стихотвореній (1892 г., подъ ред. Арс. Введенскаго); оно напомнило о „поэтѣ-слѣпцѣ“, но не заставило пересмотрѣть вполнѣ вѣрную критическую оцѣнку Бѣлинскаго.

И.-Р.

Странное зрѣлище представляетъ собою наша литература! Не годами, а цѣлыми вѣками, и не чертою, а цѣлымъ океаномъ пространства отдѣлены мы, люди новѣйшаго поколѣнія, отъ интересовъ, понятій, чувствъ, самыхъ формъ, которыя, напримѣръ, видимъ—не говоримъ, въ сочиненіяхъ Державина, нѣтъ—въ сочиненіяхъ самого Карамзина; а между тѣмъ, Карамзинъ умеръ въ 1826 году, слѣдовательно, назадъ тому какихъ-нибудь 14 лѣтъ, и едва ли прошло 50 лѣтъ, какъ Карамзинъ началъ сближать съ Европою и преобразовывать нашу литературу, нашъ языкъ, словомъ, создавать литературу и публику!... Двадцатые годы текущаго вѣка ознаменовались сильнымъ движеніемъ въ нашей литературѣ: явился Пушкинъ съ дружиною молодыхъ, замѣчательныхъ талантовъ, — и вотъ мы, вскормленные и взлелѣянные ихъ звуками, не прошли, можетъ быть, еще и половины дороги своей жизни, а уже нѣтъ и Пушкина, нѣтъ и многихъ изъ его сподвижниковъ! Итакъ, мы дѣтьми встрѣтили новый и самый цвѣтущій періодъ нашей литературы, и юношами проводили его до могилы... А сколько утратъ понесла наша литература въ лицѣ ея представителей, похищенныхъ смертью, большею частію безвременною! Четвертое десятилѣтіе текущаго вѣка было особенно траурною годиною для нашей литературы: Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Дельвигъ, Пушкинъ, Полежаевъ, Марлинскій, Дмитріевъ, Давыдовъ умерли въ продолженіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ. За исключеніемъ Дмитріева, умершаго въ полнотѣ лѣтъ, вполнѣ совершившаго свое призваніе, другіе умерли, еще не сдѣлавъ всего, чего можно было ожидать отъ ихъ дарованій, какъ, напр., Мерзляковъ и Гнѣдичъ; Марлинскій умеръ рано для своихъ многочисленныхъ почитателей, но въ самую пору, чтобъ не видѣть паденія своей славы; остальные слишкомъ рано умерли и для себя и для публики... И между ними *онъ*, который одинъ могъ составить эпоху во всякой литературѣ; *онъ*, еще только вполнѣ созрѣвшій для великихъ созданій, хотя уже и много создавшій великаго и безсмертнаго... Увы!

Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколько низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.
. . . . . .
Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва!
. . . . . .
Слава дней твоихъ нетлѣнна,
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Козловъ былъ послѣднею жертвою смертоноснаго для нашей литературы десятилѣтія. Но его смерть не могла быть для насъ поразительна: онъ уже сдѣлалъ все, что́ могъ сдѣлать, и выпилъ до дна всю чашу страданія: смерть была для него успокоеніемъ. Нашъ долгъ теперь—оцѣнить его подвигъ, указать мѣсто, которое должно занимать его имя на страницахъ исторіи русской литературы.

Слава Козлова была создана его „Чернецомъ“. Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизусть и мужчины. „Чернецъ“ возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ, послѣ „Бѣдной Лизы“ Карамзина. „Чернецъ“ былъ для двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія тѣмъ же самымъ, чѣмъ была „Бѣдная Лиза“ для девятидесятыхъ годовъ прошедшаго и первыхъ нынѣшняго вѣка. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ появленіи ихъ и скорый конецъ—совершенно одинаковы, ибо, повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: вся разница во вре-

мени ихъ явленія, и въ этомъ отношеніи „Чернецъ“, разумѣется, гораздо выше.

Содержаніе „Чернеца“ напоминаетъ собою содержаніе байронова „Джяура“; есть общее между ними и въ самомъ изложеніи. Но это сходство чисто внѣшнее: „Джяуръ“ не отражается въ „Чернецѣ“ даже и какъ солнце въ малой каплѣ водъ, хотя „Чернецъ“ и есть явное подражаніе „Джяуру“. Причина этого заключается сколько въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ духовныхъ натуръ. „Чернецъ“ полонъ чувства, насквозь проникнутъ чувствомъ—и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновеннаго успѣха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страданія чернеца возбуждаютъ въ насъ сострадание къ нему; а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше расположеніе, но не больше. Покорность волѣ Провидѣнія (Resignation) — великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчаянію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотреченіе перваго только неизбѣжное слѣдствіе несчастія, но самоотреченіе втораго — великая побѣда, свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности надъ чувственностью. Вотъ почему даже лютое отчаяніе, если оно является въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и презрительно несущей свое несчастіе, — въ тысячу разъ сильнѣе и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безсильное смиреніе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе— самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ совершенно свободенъ и совершается собственною силою человѣка. Глубокъ и великъ тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но и вѣчнаго разрыва съ общимъ, возможность несокрушимой гордыни и самого паденія духа, оскорбленнаго противорѣчіемъ жизни.

Тѣмъ не менѣе, страданія чернеца, высказанныя прекрасными стихами, дышащими теплотою чувства, плѣнили публику и возложили миртовый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное положеніе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ самъ особенно любилъ его передъ всѣми своими созданіями, какъ это видно изъ его поэтической исповѣди, предшествующей поэмѣ:

О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданья Чернеца
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тьмѣ чужихъ лѣсовъ,
Съ его родныхъ днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ, мнѣ такъ сладко не мечтать!
Быть можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать!

И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова: „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“ и „Безумная“, уже далеко не то, что „Чернецъ“. Въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэтическія мѣста, но въ нихъ нѣтъ никакого содержанія, почему онѣ растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ „Безумной“ даже нѣтъ никакой истины: героиня— Нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская деревенская дѣвка. Кромѣ того, обѣ эти поэмы, несмотря на разность содержанія ихъ, суть не что иное, какъ повтореніе „Чернеца“: слова другія, но мотивъ тотъ же, — а одно и то же утомляетъ вниманіе, перестаетъ возбуждать участіе. Вотъ почему двѣ послѣднія поэмы не имѣли никакого успѣха, тогда какъ успѣхъ „Чернеца“ былъ чрезвычайный. Какъ цѣлое, эта поэма уже нѣма для нашего времени; но многія частности и теперь еще прочтутся съ наслажденіемъ, особенно, если всѣ стихи въ нихъ такъ равно прекрасны, какъ эти:

. . . Дней моихъ весною
Ужъ я все горе жизни зналъ;
Я взросъ бездомнымъ сиротою,
Родимой ласки не видалъ;
Веселья дѣтства пролетали,
Едва касаясь до меня;
Когда ровесники играли,
Уже задумывался я.
Огонь и чистый и прекрасный
Въ младой груди пылалъ напрасно:
Мнѣ было некого любить!
Увы! я долженъ былъ таить,
Страшась холоднаго презрѣнья,
Отъ непривѣтливыхъ людей
И сердца пылкаго волненья,
И первый жаръ души моей.
Уныло расцвѣтала младость,
Смотрѣлъ я съ дикостью на свѣтъ,
Не зналъ я, что такое радость
Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ;
Ни съ кѣмъ любви не раздѣляя,
Жилъ нелюдимо въ тишинѣ,—
И жизнь суровая, простая
Отрадною казалась мнѣ.
Любилъ я по лѣсамъ скитаться,
День цѣлый за звѣрьми гоняться,
Широкій Днѣпръ переплывать,
Любилъ опасностью играть,
Надъ жизнью дерзостно смѣяться:
Мнѣ было нечего терять,
Мнѣ было не съ кѣмъ разставаться!

Первая часть этого третьяго изданія сочиненій Козлова заключаетъ въ себѣ три его поэмы, о которыхъ мы сейчасъ говорили; извѣстное его посланіе „Къ другу В. А. Ж.“, интересное, какъ поэтическая исповѣдь слѣпца-поэта; балладу „Венгерскій Лѣсъ“; байронову „Абидосскую Невѣсту“, „Крымскіе Сонеты Адама Мицкевича“ и „Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи“.

Что́ до баллады—кромѣ хорошихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, ибо принадлежитъ къ тому ложному роду поэзіи, который изобрѣтаетъ небывалую дѣйствительность, выдумываетъ Веледъ, Извѣдовъ, Остановъ, Свѣжановъ, никогда несуществовавшихъ, и изъ славянскаго міра создаетъ нѣмецкую фантастическую балладу. Переводъ „Абидосской Невѣсты"—весьма замѣчательная попытка, но сжатости, энергіи, молніеносныхъ очерковъ оригинала въ немъ нѣтъ и тѣни. — Также замѣчателенъ переводъ и „Крымскихъ Сонетовъ" Мицкевича; но отношеніе его къ оригиналу точно такое же, какъ и переводъ „Абидосской Невѣсты" къ ея подлиннику. Одно уже то, что иногда 16-ю, 18-ю и 20-ю стихами переводитъ Козловъ 14 стиховъ Мицкевича, показываетъ, что борьба была неравная. — „Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи" есть не переводъ изъ Борнса, а вольное подражаніе этому поэту. Жаль! потому что эту превосходную пьесу Козловъ могъ бы перевести превосходно; а какъ подражаніе—она представляетъ собою что-то странное. Не понимаемъ, къ чему послѣ прекраснаго обращенія шотландскаго поэта къ своей родинѣ переводчикъ (въ XIX строфѣ) вдругъ обратился къ Россіи. Положимъ, что его обращеніе полно патріотическаго жара; но умѣстно ли оно—вотъ вопросъ! Не смѣшно ли было бы, если бъ въ переводѣ „Иліады" Гнѣдичъ, послѣ гомеровскаго обращенія къ музѣ, вдругъ обратился отъ себя съ воззваніемъ, напримѣръ, къ Хераскову? А жизнь шотландская, представляемая Борнсомъ въ его прекрасной идилліи, столько же похожа на жизнь нашихъ мужиковъ, бабъ, ребятъ, парней и дѣвокъ, сколько муза Калліопа на Хераскова.

Съ бо́льшимъ удовольствіемъ обращаемся ко второй части стихотвореній Козлова. Она вся состоитъ изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ и изъ отрывочныхъ переводовъ; но въ нихъ-то поэтическій талантъ Козлова и является съ своей истинной стороны и въ болѣе блестящемъ видѣ. Конечно, не всѣ лирическія стихотворенія Козлова равно хороши: напо́ловину наберется посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже бо́льшая часть лучшихъ—переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ, и изъ самыхъ лучшихъ многія невыдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но тѣмъ не менѣе самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его нельзя отнести къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ, и его талантъ былъ выраженіемъ его души. Посему, талантъ его тѣсно былъ связанъ съ его жизнію. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастіе заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ, почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть, — вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ — и муза Козлова охарактеризована вполнѣ, такъ что больше о немъ нечего сказать. Впрочемъ, его музѣ не чужды и звуки радости и роскошныя картины жизни, наслаждающейся самой собою.

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной:
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.
Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ.
Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный міръ:
Сердце бьется; мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ.
. . . . . .
Но густѣе тѣнь ночная;
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли пышныя забавы;
Все спокойно на рѣкѣ;
Лишь торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.

Какая роскошная фантазія! какіе гармоническіе стихи! что за чудный колоритъ—полупрозрачный, фантастическій! И какъ прекрасно сливается эта выписанная нами часть стихотворенія съ другой—унылою и грустною, и какое поэтическое цѣлое составляютъ онѣ обѣ!...

Многіе удивлялись въ Козловѣ вѣрности его картинъ природы, яркости ихъ красокъ,—ничего нѣтъ удивительнаго: воспоминаніе прошедшаго сильнѣе въ насъ при лишеніи настоящаго; чего страстно желаемъ мы, то живо и представляемъ себѣ, а чего

сильнѣе желаетъ слѣпецъ, какъ не созерцанія картинъ и формъ жизни?

. . . . . .

Италія, торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,
Но какъ ты мной, прекрасная, любима!

Мнѣ видятся полуденныя розы,
Душистые лимонные лѣса,
Зеленый миртъ, и виноградны лозы,
И синія, какъ яхонтъ, небеса,
Я вижу ихъ, и тихо льются слезы...
Италія, мила твоя краса,
Какъ первое любви младой мечтанье,
Какъ чистое младенчества дыханье.

Съ высотъ летятъ сіяющія воды,
Жемчужныя—надъ безднами горятъ;
Таинственныхъ видѣній хороводы,
Прозрачные—вкругъ горъ твоихъ кипятъ;
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленыя—струятся и шумятъ,
Воздушный пиръ—твой вечеръ благодатный
Съ прохладою и нѣгой ароматной.

Луна взошла, а небосклонъ пылаетъ
Послѣднею багряною зарей;
Высокій сводъ безоблачно сіяетъ,
Весь радужной подернутъ пеленой,
И яркій лучъ, сверкая, разсыпаетъ
Блескъ розовый надъ сонною волной;
Но гаснетъ онъ подъ ризою ночною;
Заливъ горитъ, осеребренъ луною.

Прекрасно высказана Козловымъ тайна этихъ видѣній незрящими очами:

Такъ узникъ въ мрачной тишинѣ
Мечтаетъ о красахъ природы,
О солнцѣ яркомъ, о лунѣ,
О томъ, что видѣлъ въ дни свободы.
Уснетъ ли онъ?—въ его очахъ
Лѣса, поля, рѣка въ цвѣтахъ,
И, пробудясь, вздыхаетъ онъ,
Благословляя свѣтлый сонъ.

Козловъ — поэтъ *чувства,* точно такъ же, какъ Баратынскій поэтъ мысли (т.-е. поэтическаго раздумья, а не разсудочнаго резонерства). Поэтому, не ищите у Козлова художественныхъ созданій, глубокихъ и міробъемлющихъ созерцаній; ищите въ немъ одного чувства,—и вы найдете въ его двухъ книжкахъ много прекраснаго, едва-ли не на половину съ посредственнымъ. Отъ этого всѣ переводы его отличаются однимъ колоритомъ—тѣмъ же самымъ, какъ и его оригинальныя произведенія. Укажемъ здѣсь на лучшія изъ тѣхъ и изъ другихъ: „На погребеніе англійскаго генерала сира Джона Мура“, „Венеціанская Ночь“, „Плачъ Ярославны“, „Къ Италіи“, „Португальская Пѣсня“, „Къ Радости“, „Добрая Ночь“, „На отъѣздъ“, „Обвороженіе“, „Къ Тирзѣ“, „Романсъ“ (Есть тихая роща у быстрыхъ ключей), „Еврейская Мелодія“, „Вечерній Звонъ“, „Къ Полевой Маргариткѣ“, „Къ тѣни Дездемоны“, „Изъ Байронова Донъ Жуана“ (О, любо намъ), „Новые Стансы“, „Романсъ Дездемоны“, „Насъ Семеро“, „Подражаніе сонету Мицкевича“ (Увы, несчастливъ тотъ), „Стансы“ (Настала тѣнь), „Стансы“ (Подражаніе Петраркѣ), „Къ Ней“, „Ночь“ (Элегія), „Молитва“ (*послѣдняя предсмертная пьеса Козлова)* и нѣсколько пьесъ, переведенныхъ изъ Андрея Шенье. Кстати о переводахъ: „Добрая Ночь“, „Обвороженіе“ и нѣкоторыя другія напоминаютъ своимъ достоинствомъ образцовые переводы Жуковскаго. Выписываемъ здѣсь три пьесы, переведенныя Козловымъ изъ Байрона, Мицкевича и Шенье, какъ доказательство, что онъ могъ усвоивать русской литературѣ драгоцѣннѣйшіе перлы иностранныхъ литературъ.

Новые стансы.

Прости! ужъ полночь—надъ луною,
Ты видишь, облако летитъ;
Оно туманной пеленою
Сіянье нѣжное мрачитъ.
Я мчуся въ даль, мой парусъ вѣетъ,
Шумитъ разлучница волна.
Едва ли прежде прояснѣетъ
На сводѣ пасмурномъ луна,
И я, какъ облако густое,
Тебя, луна моя, затмилъ;
Я горемъ сердце молодое
И взоръ веселый омрачилъ.
Твой цвѣтъ, и радостный, и нѣжный,
Моей любовью опаленъ.
Свободна ты,—мой жаръ мятежный
Забудь скорѣй, какъ страшный сонъ!
Не увлекись молвою шумной!
Убило свѣтлыя мечты
Не то, что я любилъ безумно,
Но что не такъ любила ты.
Прости—не плачь! уже рѣдѣетъ
Туманъ предъ ясною луной,
Взыграло море, парусъ вѣетъ,—
И я въ челнокъ бросаюсь мой.

(*Изъ Байрона*).

Вольное Подражаніе сонету Мицкевича.

Увы! несчастливъ тотъ, кто любитъ безнадежно;
Несчастнѣе его, кто созданъ не любить.
Но жизнь тому страшнѣй, въ чьемъ сердцѣ пламень нѣжный
Погасъ—и кто любви не можетъ позабыть!
На взоры наглые торгующихъ собой
Съ презрѣньемъ смотритъ онъ, живетъ еще съ мечтою,—
Но въ чистомъ ангелѣ невинность съ красотой
Какъ смѣть ему любить увядшею душою!
Святое дней младыхъ волнуетъ духъ понынѣ,
Но память и о нихъ страстьми отравлена,
Съ надеждою навѣкъ душа разлучена,
Отъ смертной прочь спѣшитъ и самъ нейдетъ къ богинѣ;
Въ немъ сердце, какъ въ степи давно забытый храмъ,
На жертву преданный и тлѣнью и грозамъ,
Въ которомъ мрачно все, лишь вѣтръ пустынный вѣетъ,
Жить боги не хотятъ, а человѣкъ не смѣетъ.

Стремятся не ко мнѣ съ любовью и хвалами;
И много отъ сестры отстала я годами.
Душистый ли цвѣтокъ мнѣ юноша даритъ—
Онъ мнѣ его даетъ, а на сестру глядитъ;
Любуется-ль моей младенческой красою,
Всегда примолвитъ онъ, какъ я сходна съ сестрою.
Увы, двѣнадцать разъ лишь мнѣ весна цвѣла!
Мнѣ въ пѣсняхъ не поютъ, что я сердцамъ мила,

Что я плѣненныхъ мной измѣной убиваю!
Но что же—подождемъ, мою красу я знаю—
Я знаю: у меня во блескѣ молодомъ,
Есть алыя уста съ ихъ ровнымъ жемчугомъ,
И розы на щекахъ, и кудри золотыя,
Рѣсницы черныя и очи голубыя.
(Изъ Андрея Шенье).

Послѣдняя пьеса, отличающаяся въ подлинникѣ пластическою художественностью въ выраженіи, и переведена пластически-художественно. Такъ переводить могутъ только истинные таланты, которыхъ немного бываетъ во всякой литературѣ.

Не понимаемъ, почему Козловъ никогда не включалъ въ собранія своихъ сочиненій своей поэмы „Байронъ“, посвященной Пушкину и напечатанной въ „Новостяхъ Литературы“, издававшихся покойнымъ Воейковымъ, 1824 (книжка десятая, стр. 85). Эта поэма есть апоѳеоза всей жизни Байрона; въ цѣломъ она не выдержана, но отличается поэтическими частностями. Вотъ начало этого стихотворенія:

Среди Альбіона туманныхъ холмовъ,
Въ долинѣ, тиши обреченной,
Въ наслѣдственномъ замкѣ, подъ тѣнью дубовъ,
Пѣвецъ возсталъ вдохновенной.
И царская кровь въ вдохновенномъ текла,
И золота много судьбина дала;
Но юноша гордый, прелестный
Высокаго сана свѣтлѣе душой;
Казну его знаютъ вдова съ сиротой
И звонъ его арфы чудесный.

И въ бурныхъ порывахъ всѣхъ чувствъ молодыхъ
Всегда вольнолюбье дышало,
И острое пламя страстей роковыхъ
Въ душѣ горделивой пылало.
Встревоженъ духъ юный, безъ горя печаль
За призракомъ тайнымъ влечетъ его вдаль—
И волны подъ нимъ зашумѣли!
Онъ арфу хватаетъ дрожащей рукой,
Онъ жметъ ее къ сердцу съ угрюмой тоской,—
Таинственно струны звенѣли.

Скитался онъ долго въ восточныхъ краяхъ
И чудную славилъ природу:
Подъ радостнымъ небомъ, въ душистыхъ лѣсахъ
Онъ пѣлъ угнетеннымъ свободу.
Страданій любви изступленный пѣвецъ,
Онъ высказалъ сердцу всѣ тайны сердецъ,
Всѣ буйныхъ страстей упоенья.
То радугой блещетъ, то въ мракѣ ночномъ
Сзываетъ онъ тѣни волшебнымъ жезломъ
И грозно-прелестны видѣнья.

И время задумчиво въ пѣсняхъ текло,
И дивныя пѣсни вѣнчали
Лучами безсмертья младое чело,
Но мрака съ лица не согнали.
Уныло онъ смотритъ на свѣтъ и людей,
Онъ бурно жизнь отжилъ весною своей;
Надеждамъ онъ вѣрить страшится.
Думъ тяжкихъ, глубокихъ въ немъ видны черты;
Кипучая бездна огня и мечты,
Душа его съ горемъ дружится.

Это стихотвореніе не помѣщено и въ новомъ, посмертномъ изданіи сочиненій Козлова. Не понимаемъ также, почему ни въ общемъ оглавленіи пьесъ, ни при заглавіи каждой пьесы отдѣльно не выставлено, откуда она переведена или заимствована. Кажется, стихотвореніе „Къ Морю“, которымъ начинается вторая часть, переведено Козловымъ изъ Байрона; но вотъ странность: первый куплетъ этой пьесы есть не что иное, какъ извѣстная элегія Батюшкова. Сличите сами:

Элегія Батюшкова.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю—но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

А вотъ первая строфа стихотворенія „Къ Морю“, кажется, переведеннаго Козловымъ изъ Байрона:

Отрада есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ,
Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ,
Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ,
И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ.
Мнѣ ближній милъ, но тамъ въ моихъ мечтахъ,
Что я теперь, что былъ—позабываю;
Природу я душою обнимаю,
Она милѣй; постичь стремлюся я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что тапть нельзя.

Не одно ли это и то же?

Новое изданіе стихотвореній Козлова не только опрятно и красиво, но даже изящно.

1841 г.

---

32. Римскія элегіи.

Соч. *Гете,* перев. *Струговщикова.* Спб. 1840.

Съ тѣхъ поръ какъ Бѣлинскій задумалъ составить „Теоретическій и критическій курсъ русской литературы“, позднѣе переименованный имъ въ „Критическую исторію русской литературы“, онъ въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей на самыя разнообразныя темы мало-по-малу собиралъ матеріалы для задуманной книги. Статья о „Римскихъ элегіяхъ“ Гёте относится къ числу именно такихъ статей, несмотря на то, что, судя

по заглавію, въ ней идетъ рѣчь вовсе не о русской литературѣ; однако уже на первыхъ страницахъ статьи Бѣлинскій заявляетъ, что главный предметъ ея „не столько «Римскія элегіи», сколько родъ поэзіи, къ которому принадлежатъ онѣ“. Да и изъ краткаго содержанія статьи, намѣченнаго въ ея началѣ, сразу видно, что „предметомъ“ статьи является *антологическая поэзія* вообще и ея исторія въ русской литературѣ въ частности.

Бѣлинскій далъ слишкомъ широкое опредѣленіе антологической поэзіи, настолько широкое, что антологіей могла бы назваться чуть-ли не бо̀льшая часть лучшей современной лирики. Антологіей Бѣлинскій называетъ вообще всѣ „мелкія лирическія пьесы“, отличающіяся простотой и единствомъ мысли, простодушіемъ и возвышенностью тона, пластичностью и граціей формы; въ этомъ опредѣленіи не хватаетъ однако главнаго—указанія на *содержаніе* антологическихъ пьесъ: „сущность антологическихъ стихотвореній состоитъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ и манерѣ“—такъ думалъ Бѣлинскій. Эта ошибочная мысль не позволила Бѣлинскому дать болѣе узкое и болѣе вѣрное опредѣленіе антологической поэзіи, въ которой возвышенная простота тона и пластичность формы должны объединяться содержаніемъ, взятымъ изъ сферы эллинско-римскаго міра. Это скоро призналъ и самъ Бѣлинскій: доказательства этого мы имѣемъ въ его статьяхъ 1843—1844 г.

Дѣло въ томъ, что почти весь матеріалъ этой своей статьи о „Римскихъ элегіяхъ“ Бѣлинскій внесъ частями въ третью, четвертую и пятую изъ своихъ „пушкинскихъ статей“ (а отчасти и въ статью о Державинѣ). Исторія русской антологической поэзіи обратилась тамъ въ исторію русской поэзіи вообще; антологія заняла тамъ скромное мѣсто, какъ одинъ изъ видовъ лирики. Цѣлый рядъ даже мелкихъ замѣчаній былъ перенесенъ изъ настоящей статьи въ статьи о Пушкинѣ — даже, напримѣръ, мимолетное замѣчаніе о воскрешеніи Пушкинымъ шестистопнаго ямба, — но въ то же время былое чрезмѣрно широкое опредѣленіе антологіи было отвергнуто Бѣлинскимъ; если въ 1841 году онъ считалъ принадлежащими къ антологіи такія стихотворенія Пушкина, какъ „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, „Ненастный день потухъ“, „Я васъ любилъ“, „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“ и т. п. (см. ниже, стр. 231), то два-три года спустя онъ далекъ отъ подобной совершенно ошибочной классификаціи. Большой интересъ представляетъ поэтому сравненіе подробнаго перечня антологическихъ пьесъ Пушкина въ настоящей статьѣ и въ пятой изъ статей о Пушкинѣ. Въ настоящей статьѣ читатель найдетъ перечень *нѣкоторыхъ* антологическихъ стихотвореній Пушкина: Бѣлинскій насчитываетъ около пятидесяти такихъ стихотвореній и заключаетъ списокъ ихъ неопредѣленнымъ „и проч.“; а въ пятой изъ своихъ „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскій насчитываетъ ихъ всего тридцать и прибавляетъ: „вотъ перечень *всѣхъ* антологическихъ стихотвореній Пушкина“. Болѣе близкій сравнительный анализъ этихъ двухъ списковъ показываетъ, какія именно стихотворенія Пушкина Бѣлинскій пересталъ считать антологическими и каковъ характеръ этихъ стихотвореній, исключенныхъ изъ перечня; но этотъ подробный анализъ выходитъ изъ рамокъ нашей замѣтки [1]). Мы ограничиваемся указаніемъ на тѣсную связь статьи о „Римскихъ элегіяхъ“ съ третьей, четвертой и пятой изъ статей о Пушкинѣ.

Что же касается собственно „Римскихъ элегій“ Гёте, то Бѣлинскій посвящаетъ имъ всего только десятую часть своей статьи, несмотря на то, что въ эти элегіи онъ былъ просто „влюбленъ“. Его отношеніе къ этимъ элегіямъ тѣсно связано съ его отношеніемъ къ вопросу о любви, а потому настоящая статья Бѣлинскаго можетъ быть правильно понята только въ связи съ его письмомъ къ Боткину отъ 10—11 декабря 1840 г., въ которомъ Бѣлинскій подробно говоритъ о своемъ отношеніи къ женщинѣ и своемъ пониманіи любви (см. Пыпинъ, „Бѣлинскій“, стр. 337—344). Приблизительно въ это же время Бѣлинскій впервые познакомился съ „Римскими элегіями“ въ только-что вышедшемъ переводѣ Струговщикова, нашелъ въ нихъ подтвержденіе своему взгляду на любовь, и восторженно отозвался о нихъ (еще въ статьѣ о „Менцелѣ“), какъ о „дивномъ апотеозѣ древней жизни и древняго искусства“. „Римскія элегіи Гёте—самый лучшій катехизисъ любви,—писалъ Бѣлинскій тогда же въ указанномъ письмѣ, — и за нихъ я люблю Гёте больше, чѣмъ за все остальное, написанное имъ“... Этотъ нѣсколько преувеличенный отзывъ объясняется тѣмъ, что какъ разъ въ это время въ Бѣлинскомъ произошелъ окончательный поворотъ отъ

---

[1]) Кромѣ четырехъ, названныхъ выше, Бѣлинскій вполнѣ правильно исключилъ изъ перечня „антологическихъ“ слѣдующія пушкинскія стихотворенія: „Земля и Море“, „Ты вянешь и молчишь“, „Буря“, „Отвѣтъ Туманскому“, „Соловей“, „Городъ пышный“, „Птичка“, „Къ портрету Жуковскаго“, „Лилѣ“, „Именины“, „Веселый пиръ“, „Не плѣняйся бранной славой“, „Поѣдемъ, я готовъ“, „Каковъ я прежде былъ“, „Сѣтованіе“, „Художнику“, „Три ключа“, „Счастливъ, кто избранъ своенравно“, „Подражаніе арабскому“, „Послѣдніе цвѣты“, „Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ“. Все это—стихотворенія, содержаніе которыхъ выходитъ изъ области антологіи въ ея обычномъ пониманіи.

былой романтической теоріи любви къ теоріи реалистической. Поворотъ этотъ намѣчался уже давно—со времени разрыва Бѣлинскаго съ „фихтіанской отвлеченностью“, т.-е. съ 1838 года (см., напр., его письмо къ М. Бакунину отъ 10 сент. этого года); но только ко времени окончательнаго освобожденія отъ узъ „отвлеченной философіи“, т.-е. къ 1840—1841 г., относится яркая формулировка новаго взгляда Бѣлинскаго на любовь. „Довершеніе переворота“ самъ Бѣлинскій относитъ къ концу 1840 и началу 1841 года; былой романтическій взглядъ на любовь, какъ на взаимное тяготѣніе двухъ извѣчно предназначенныхъ другъ другу душъ, замѣняется теперь у Бѣлинскаго реалистическимъ пониманіемъ: „основа любви—разность половъ, а причина выбора—гармонія натуръ и капризъ субъективности“... Большая часть письма къ Боткину отъ 10—11 декабря 1840 года состоитъ изъ подробнаго развитія этого взгляда на любовь; идеаломъ для Бѣлинскаго является эллинское пониманіе женщины и любви. Отсюда понятно, почему „Римскія элегіи“, пронизанныя античнымъ духомъ гармоничнаго наслажденія жизнью, произвели такое впечатлѣніе на Бѣлинскаго именно въ эту эпоху его жизни. Правда, статья о „Римскихъ элегіяхъ“ написана имъ черезъ полтора года послѣ этого письма къ Боткину; но, что взгляды Бѣлинскаго за это время не измѣнились, ясно хотя бы изъ его письма отъ 6 апр. 1841 г. къ Н. Бакунину, гдѣ онъ почти повторяетъ уже извѣстные намъ взгляды на женщину и на любовь. Болѣе строгое и глубокое отношеніе къ этому вопросу появилось у Бѣлинскаго нѣсколько позднѣе, въ эпоху его увлеченія Жоржъ-Зандъ.

Изъ частностей настоящей статьи слѣдуетъ обратить вниманіе на продолжающіеся отзвуки мыслей и даже отдѣльныхъ фразъ Гегеля; не менѣе характерны и тѣ поправки, которыя вводитъ въ мысли Гегеля Бѣлинскій. Сравненіе Греціи съ океаномъ, въ который, какъ рѣки и ручьи, стекались культуры до-греческаго міра; сравненіе возрастовъ человѣчества съ возрастами человѣка; сравненіе прогресса не съ прямой линіей, а съ кругомъ — все это мысли и фразы Гегеля изъ его Философіи Исторіи. Но въ эти мысли Бѣлинскій привноситъ свои варіанты: такъ, напримѣръ, Гегель называетъ восточный міръ дѣтствомъ, греческій—юностью, римскій—возмужалостью и германскій міръ — старостью человѣчества (Werke, B. IX, p. 130); Бѣлинскій повторилъ это сравненіе еще въ статьѣ объ „Идеѣ искусства“ и во многихъ другихъ статьяхъ 1838—1841 гг., а теперь онъ видоизмѣняетъ его, какъ увидятъ читатели ниже [1]). Другой примѣръ: Бѣлинскій сравниваетъ прогрессъ съ движеніемъ по кругу, но кругу не замкнутому, а спирально поднимающемуся все выше и выше. Это сравненіе съ кругомъ заимствовано отъ Гегеля, но Гегель никогда не согласился бы считать прогрессъ такой „дурной безконечностью“ (schlechte Unendlichkeit): для него прогрессъ былъ подобенъ кругу, но кругу *замкнутому*, ибо цѣлью прогресса было не вѣчное развитіе, а самопознаніе абсолютнаго духа. Эта мелочь лишній разъ показываетъ на частномъ примѣрѣ, что Бѣлинскій и его друзья не всегда понимали основныя мысли Гегеля, зная въ то же время до мелочей даже его отдѣльныя фразы.

Интересно также отмѣтить нѣкоторыя частности настоящей статьи, связывающія ее съ предыдущими статьями Бѣлинскаго, даже самыми первыми изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, интересно сравнить взгляды на *народность*, проводившіеся Бѣлинскимъ въ 1834—1836 гг. и теперь, пятью годами позднѣе. Въ замѣткѣ къ „Литературнымъ Мечтаніямъ“ мы отмѣчали, что взгляды Бѣлинскаго на народность были отраженіемъ шеллингіанской философіи исторіи и притомъ въ окраскѣ, свойственной славянофильству послѣдующаго десятилѣтія. „Народности суть индивидуальности человѣчества“: развивая это шеллингіанское положеніе, Бѣлинскій подчеркивалъ, что „только идя по разнымъ дорогамъ, человѣчество можетъ достигнуть своей единой цѣли; только живя самобытною жизнью, можетъ каждый народъ принесть свою долю въ общую сокровищницу“ (см. наст. изд., т. I, стр. 7—8 и 25—26). Мы знаемъ, что впослѣдствіи эти мысли еще болѣе были оттѣнены Бѣлинскимъ въ его статьяхъ о „Бородинской Годовщинѣ“ и „Очеркахъ бородинскаго сраженія“; но послѣ крутого перелома 1840—41 г. Бѣлинскій отказался отъ этихъ мыслей и онѣ стали достояніемъ возникающаго славянофильства, Бѣлинскій же началъ высказывать эти мысли въ совершенно другой окраскѣ, въ окраскѣ нарождающагося западничества. Чѣмъ самобытнѣе жизнь народа, тѣмъ цѣннѣе его доля во всемірной исторіи — такъ думалъ раньше Бѣлинскій; теперь онъ говоритъ иначе: „чѣмъ односторонѣе, исключительнѣе, ограниченнѣе

---

[1]) Впрочемъ эта мысль о возрастахъ человѣчества встрѣчается еще у шеллингіанцевъ и могла быть извѣстна Бѣлинскому изъ русской журнальной литературы—напримѣръ, изъ статей Камашева „Взглядъ на исторію, какъ на науку“, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1827 г. Подобныя же мысли можно встрѣтить въ появившихся въ то же время „Историческихъ афоризмахъ“ Погодина и др. книгахъ.

идея, выражаемая жизнью народа,.. тѣмъ менѣе можетъ такой народъ назваться представителемъ человѣчества". Конечно, эти два положенія не противорѣчатъ другъ другу; но все-таки первое настолько же близко къ славянофильству, насколько второе—къ западничеству. Мы уже видѣли, что въ статьѣ „Общая идея народной поэзіи" Бѣлинскій искалъ корректива самобытной народности въ „обще-человѣческомъ". Мы еще увидимъ, что Бѣлинскій никогда не вдавался въ крайній космополитизмъ и въ этомъ отношеніи никогда не былъ крайнимъ „западникомъ".

Другой примѣръ перехода Бѣлинскаго къ новымъ взглядамъ: когда-то онъ провозглашалъ, какъ мы знаемъ, приматъ эстетики и заявлялъ, что „эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности" („Ничто о ничемъ"); теперь онъ ограничивается утвержденіемъ, что „красота — не истина, не нравственность; но красота — родная сестра истинѣ и нравственности"... Это уже далеко не то, что былой приматъ эстетики. Вообще настоящая статья Бѣлинскаго (какъ и другія его статьи этой эпохи) характерна своей несознаваемой авторомъ двойственностью: намѣчается постепенный переходъ отъ Бѣлинскаго 1836-го къ Бѣлинскому 1846-го года.

И.-Р.

Возможность античной поэзіи въ наше время, не какъ подражанія, а какъ свободнаго творчества.—Нравственность древней поэзіи.—Нравственность „Римскихъ Элегій" Гёте.—Сущность антологической поэзіи.—Антологическая поэзія въ русской литературѣ.—Ломоносовъ, Дмитріевъ, Державинъ, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Пушкинъ.—Размѣръ, приличный антологическимъ стихотвореніямъ.—О переводѣ „Римскихъ Элегій" Гете на русскій языкъ.

При выходѣ въ свѣтъ „Римскихъ Элегій" Гёте, переведенныхъ г. Струговщиковымъ, „Отеч. Записки" ничего не сказали ни о самомъ этомъ произведеніи германскаго поэта, ни о его переводѣ и ограничились обѣщаніемъ полнаго разбора. Хотя этому прошло уже болѣе года, мы тѣмъ не менѣе увѣрены, что никто изъ читателей не назоветъ предлагаемой статьи запоздалою и неумѣстною. Отчетъ о произведеніи легкомъ, ничтожномъ, эфемерномъ, имѣющемъ достоинства и интересъ относительные, временные, долженъ немедленно слѣдовать за появленіемъ этого произведенія: запоздай онъ нѣсколькими днями,—интересъ и самое значеніе статьи уже потеряны. Но литература состоитъ не изъ однихъ случайныхъ и обыкновенныхъ явленій: въ ней бываютъ и произведенія основныя, безотносительно-важныя, безусловно-прекрасныя, — *капитальныя*. Такія произведенія не проигрываютъ, но выигрываютъ отъ времени, и, часто непонимаемыя и незамѣчаемыя толпою и современностью, въ новой красотѣ воскресаютъ для потомства. Иногда бываетъ о нихъ *рано* говорить, но никогда не *поздно* о нихъ говорить: они всегда новы, всегда свѣжи, всегда юны, всегда современны. Иногда случается, что критика даже обязана говорить о нихъ какъ можно позже—чтобъ дать имъ время предварительно завладѣть вниманіемъ общества, возбудить въ немъ интересъ собою. Если-бы „Римскія Элегіи" и не были вѣчно-юнымъ, никогда не старѣющимся произведеніемъ искусства, если бы даже ихъ художественное достоинство было подозрѣваемо, и онѣ проигрывали отъ времени въ общемъ мнѣніи,—и тогда онѣ все-таки останутся навсегда интереснымъ и поучительнымъ фактомъ литературы. Люди, подобные Гёте, не производятъ ничего, что́ не было бы достойно величайшаго вниманія, въ какомъ бы то ни было отношеніи; самыя ошибки ихъ глубоко знаменательны и поучительны.

„Римскія Элегіи", сверхъ высокаго поэтическаго своего достоинства, важны для насъ еще и какъ особенный родъ поэзіи, опредѣленіе котораго можетъ составить любопытную главу эстетики. Главная цѣль предлагаемой статьи состоитъ въ томъ, чтобъ взглянуть не только на „Римскія Элегіи" Гёте, какъ на типическія произведенія особеннаго рода поэзіи, но и на тѣ собственно-русскія произведенія, которыя относятся къ этому роду поэзіи. Другими словами: главный предметъ нашей статьи не столько „Римскія Элегіи", сколько родъ поэзіи, къ которому принадлежатъ онѣ.

Было время, когда наши критики и сами поэты хлопотали о какой-то такъ называемой *легкой поэзіи*. Одинъ изъ даровитѣйшихъ и знаменитѣйшихъ представителей литературы того времени—Батюшковъ, написалъ даже особую статью „О вліяніи легкой поэзіи на языкъ". Вся эта статья не что иное, какъ апологія легкой поэзіи. Что́ же такое эта „легкая поэзія"? Въ то время понятія объ искусствѣ были довольно темны и сбивчивы: съ поэзіею смѣшивали все, что́ писалось размѣренными строчками съ риѳмами; чувствительная пѣсенка и свѣтскій комплиментъ дамѣ, втиснутый въ четверостишіе, съ названіемъ: *къ Клименѣ* или *къ Темирѣ*,—все это считалось поэзіею, и по преимуществу „легкою", хотя этому явно противорѣчила тяжесть дубоватой версификаціи. Такъ и Батюшковъ не совсѣмъ отчетливо понималъ то, что называлъ „легкою поэзіею". Онъ го-

ворилъ, что на Руси Ломоносовъ изобрѣлъ ее, и высоко ставилъ заслуги въ „легкой поэзіи“ Сумарокова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Хемницера, Карамзина, Капниста, Нелединскаго, Мерзлякова, Муравьева, Долгорукова, Воейкова, В. Пушкина и другихъ. Вообще можно замѣтить, что подъ словомъ „легкая поэзія“ онъ разумѣлъ мелкіе роды лирической поэзіи—пѣсню, сонетъ, элегію, эпиграмму, мадригалъ, тріолетъ и т. п. Но ближайшее къ истинному воззрѣніе на предметъ видимъ мы въ его указаніи на Симонида, Ѳеокрита, Сафо, Катулла, Тибулла и Овидія, какъ представителей у древнихъ того, что̀ онъ называлъ „легкою поэзіею“. Очевидно, у Батюшкова была мысль, но до того неопредѣленная, что онъ еще не отыскалъ слова для ея выраженія. Ниже увидимъ, по его превосходнымъ переводамъ изъ Антологіи, что онъ на дѣлѣ гораздо лучше понималъ и рѣшалъ вопросъ, нежели въ теоріи.

Слово „легкая поэзія“ далеко не вполнѣ выражаетъ предполагаемое имъ значеніе, хотя легкость и есть одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ той поэзіи, которую разумѣли подъ именемъ „легкой“. Мы думаемъ, что ей приличнѣе названіе „античной“, потому что она родилась и развилась у Грековъ; у новѣйшихъ же поэтовъ она—только плодъ проникновенія классическимъ духомъ: у эллинской поэзіи заимствуетъ она и краски, и тѣни, и звуки, и образы, и формы, даже иногда самое содержаніе. Впрочемъ, ее отнюдь не должно почитать подражаніемъ: всякое преднамѣренное и сознательное подражаніе—мертво и скучно. Когда поэтъ проникается духомъ какого-нибудь чуждаго ему народа, чуждой страны, чуждаго вѣка,—онъ безъ всякаго усилія, легко и свободно творитъ въ духѣ того народа, той страны, или того вѣка. Эта возможность проникновенія чуждымъ духомъ основывается на живомъ, органическомъ единствѣ идеи человѣчества. Несмотря на множество и различіе существовавшихъ и существующихъ народовъ, всѣ они образуютъ собою единое семейство, имѣющее однихъ и тѣхъ же предковъ, одну и ту же исторію; это семейство называется *человѣчествомъ*. Человѣчество выше всякаго народа, отдѣльно взятаго, такъ же, какъ всякій народъ выше всякаго человѣка, взятаго отдѣльно. И потому, какъ всякая личность живетъ въ народѣ и народомъ, но не во всякой личности живетъ народъ, а только въ избранныхъ своихъ представителяхъ,—такъ точно и всѣ народы живутъ въ человѣчествѣ, но не во всякомъ народѣ является человѣчество, а только въ избранныхъ, и въ одномъ больше, въ другомъ меньше. Сущность идеи человѣчества состоитъ въ ея *общности*, въ ея отчужденіи отъ всего случайнаго, временнаго, преходящаго, частнаго: ея содержаніе—*истина*, а истина есть общее, необходимое, вѣчное. Очевидно, что чѣмъ одностороннѣе, исключительнѣе, ограниченнѣе идея, выражаемая жизнью народа, чѣмъ больше въ ней условнаго, частнаго, такъ сказать, своего *домашняго*, чисто-народнаго,—тѣмъ менѣе можетъ такой народъ назваться представителемъ человѣчества. Исторія такихъ народовъ мало интересна и мало понятна для науки; а народность ихъ почти недоступна для людей, принадлежащихъ другому племени. Напротивъ, чѣмъ многостороннѣе, всеобъемлющѣе, глубже общее содержаніе народной жизни, чѣмъ больше въ ней истиннаго, разумнаго, дѣйствительнаго,—тѣмъ *человѣчественнѣе* такой народъ, тѣмъ онъ болѣе бываетъ представителемъ человѣчества. Исторія такихъ народовъ полна интереса даже въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ; національность ихъ совершенно доступна всякому образованному человѣку, хотя бы онъ былъ отдѣленъ отъ нея и своею собственною народностью и цѣлыми вѣками. Почти всѣ народы древности разрабатывали своею жизнью ниву развитія человѣческаго духа,—разумѣется, одинъ больше, другой меньше, и потому исторія, поэзія и цивилизація каждаго изъ нихъ имѣетъ свою относительную важность; но всѣ они какъ-бы уничтожаются передъ Греціею и Римомъ. Особенно первой назначена была высокая роль въ человѣчествѣ судьбами міродержавными. Въ племенахъ семитическихъ, въ Ассиріянахъ, Вавилонянахъ, Персахъ, Финикіянахъ, Египтянахъ человѣчество только какъ-будто силилось проявиться; но въ Грекахъ его усилія уже увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ; Греки явились полными и единственными представителями человѣчества, и по праву называли варварами всѣ народы, которые не были греческаго происхожденія. Если бъ можно было представить океанъ, образовавшійся отъ стеченія ручьевъ и рѣкъ, это было бы лучшимъ реторическимъ подобіемъ для уясненія отношеній всѣхъ народовъ древности къ Греціи—и Греціи ко всѣмъ народамъ древности, исключая Римлянъ. Превосходство Грековъ надъ всѣми другими народами древности состоитъ въ томъ, что у нихъ все *свое*, все народное, частное, семейное, домашнее, было ознаменовано печатью необходимости и разумности, отличалось характеромъ обще-человѣческимъ. Удивительно ли, послѣ этого, что мы имена Тезеевъ, Солоновъ, Кадмовъ, Леонидовъ, Мильтіадовъ, Ѳемистокловъ, Аристидовъ, Кимоновъ, Перикловъ, Алкивіадовъ, Тимолеоновъ, Сократовъ, Платоновъ узнаемъ

въ нашемъ дѣтствѣ прежде, нежели имена героевъ отечественной исторіи; что всѣ образованные народы считаютъ Грецію какъ-бы своимъ общимъ отечествомъ? Какъ ни отдѣлены мы отъ Грековъ и нравами, и условіями жизни, и образомъ воззрѣнія на міръ, и вѣками, словомъ, какъ ни противоположна наша жизнь греческой, мы все понимаемъ въ исторіи Греціи такъ же ясно, какъ и въ исторіи своего отечества—и каждый образованный человѣкъ нашего времени легко можетъ представить себя въ своей фантазіи подъ небомъ Эллады, слушающаго на площади ораторовъ, или внимающаго, въ садахъ академіи, мудрымъ урокамъ божественнаго Платона. Да, для насъ при небольшомъ изученіи Грекъ понятенъ, будто нашъ современникъ, и на площади, и на полѣ брани, и въ совѣтѣ, и въ портикѣ, и на пиру, съ вѣнкомъ на головѣ возлежащій за столомъ, среди благовонныхъ куреній, и въ домашней жизни, жалующійся на прозу брачныхъ узъ и житейскихъ заботъ. Но прошу васъ вообразить себя живо древнимъ Персомъ, который сегодня пресмыкается рабомъ послѣдняго раба своего владыки, а завтра дерзко садится на тронъ властелина и хладнокровно душитъ родныхъ и казнитъ чужихъ; для котораго вся поэзія жизни—власть и богатства, а назначеніе жизни—быть палачомъ или жертвою!... Еще труднѣе вообразить себя австралійскимъ дикаремъ, для котораго верхъ блаженства—дикая, животная воля, кусокъ человѣческаго мяса, осколокъ зеркала, цвѣтной лоскутъ матеріи, какая-нибудь побрякушка; котораго вся жизнь—или остервенѣлая рѣзня съ врагами, или побѣдная пляска вокругъ костра, гдѣ жарятся тѣла плѣнниковъ. Чѣмъ жизнь ниже, тѣмъ менѣе понятна она; чѣмъ выше, тѣмъ понятнѣе. Со всѣмъ тѣмъ, какъ бы ни была тѣсна и ограничена сфера жизни, но если въ ней есть хоть что-нибудь человѣческаго,—это малое человѣческое намъ понятно. И у дикарей есть чувства любви, хотя въ грубыхъ животныхъ формахъ; и для дикаря существуетъ и радость и горе; сердце его весело бьется въ присутствіи милаго ему человѣка, слезами и рыданіями изъявляетъ онъ печаль при невозвратной утратѣ. И когда радость его, или страданіе, отрѣшаясь отъ минуты и случая, которыми порождены они, переливаются въ звуки и выражаются общечеловѣческимъ языкомъ поэзіи,—мы понимаемъ простые и наивные звуки этой поэзіи, сочувствуемъ ей, потому что находимъ въ ней *свое*, намъ самимъ принадлежащее, родное, словомъ—человѣческое. *Я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ:* вотъ законъ, на основаніи котораго мы выучиваемся чужимъ языкамъ, понимаемъ чужіе нравы, интересуемся чужою исторіею, наслаждаемся чужою поэзіею, становимся гражданами уже несуществующихъ народовъ и протекшихъ вѣковъ, дѣлаемся властелинами прошедшаго, настоящаго и будущаго, царствуемъ надъ міромъ и вѣчностью... Бѣденъ и нищъ, кто, нося на себѣ образъ человѣческій, чуждъ всему человѣческому,—бѣденъ и нищъ, хотя бы онъ былъ богаче Креза, могущественнѣе Чингисъ-Хана! Богатъ и могущъ, кто все понимаетъ, всему сочувствуетъ,—богатъ и могущъ, хотя бы онъ былъ бѣднѣе Ира и назывался владѣльцемъ только собственной души своей!...

Но эта царственная область міробладанія, это живое чувство родственности со всѣми формами, въ какихъ когда-либо проявлялась жизнь человѣчества,—по преимуществу достояніе поэта. Никому такъ не легко перенестись въ прошедшіе вѣка, воскресить почившіе народы, населить опустошенные города, подсмотрѣть ихъ обычаи и нравы, подслушать ихъ рѣчь, подстеречь и уловить сокровенную думу цѣлаго ихъ существованія! Подобно Кювье, который по одной вырытой изъ земли кости безошибочно опредѣлялъ родъ, видъ, величину и наружную форму животнаго,—поэтъ по немногимъ фактамъ, часто нѣмымъ для ученаго и всегда мертвымъ для толпы, возстановляетъ цѣлое племя существъ, нѣкогда юныхъ, сильныхъ, полныхъ жизни и красоты; изъ мрака забвенія поднимаетъ чудную исторію, полную страстей, движенія, интереса; волшебнымъ заклинаніемъ поэзіи вызываетъ тѣни изъ гробовъ и заставляетъ ихъ снова и любить и ненавидѣть, и желать и стремиться, и страдать и блаженствовать, словомъ—снова переживать передъ нашими глазами всю жизнь свою. Въ глупо-разсказанной сказкѣ „О томъ, какъ хитро датскій король Амлетъ отомстилъ за смерть отца своего Горденвилла, убитаго своимъ братомъ Фенгономъ, и о прочихъ похожденіяхъ его жизни“—въ этой нелѣпой сказкѣ онъ провидитъ великую драму и изъ ея скудныхъ матеріаловъ создаетъ „Гамлета“. Въ лѣтописи Плутарха, представляющей только внѣшнюю сторону происшествій, онъ видитъ всѣ тайныя пружины, которыя давали ходъ событіямъ и которыя были невидимы для самого великаго жизнеописателя,—и творческою силою фантазіи вызываетъ изъ гробовъ гигантскія тѣни Коріолана, Брутовъ, Цезаря, Антонія, Августа, милые, граціозные образы цѣломудренной Лукреціи и обольстительной Клеопатры, одѣваетъ ихъ тѣломъ, вливаетъ въ ихъ жилы теплую кровь, зажигаетъ ихъ глаза блескомъ жизни и страстей, и мы слышимъ ихъ рѣчь, видимъ ихъ дѣла, знаемъ ихъ сокровенные помыслы—соприсутствуемъ жизни давно коп-

чившейся, созерцаемъ краски давно поблекшія, формы давно исчезнувшія, дѣлаемся современными свидѣтелями событій, отъ которыхъ отдѣляютъ насъ, тысячелѣтія и вѣки!.. Задача историка—*сказать*, *что́* было; задача поэта—*показать*, *какъ* было: историкъ, зная, *что́* было, не знаетъ, *какъ* было; поэту нужно только узнать, *что́* было, и онъ уже видитъ самъ и можетъ показать другимъ, *какъ* оно было. И поэтому, если наука оказываетъ поэзіи услуги, сказывая ей о томъ, *что* было, то и поэзія, въ свою очередь, расширяетъ предѣлы науки, показывая, *какъ* было. Мы недавно видѣли доказательство этого въ Вальтерѣ Скоттѣ, который своимъ романомъ „Ивангó“ обнаружилъ тайныя пружины англійской исторіи, нашедъ ихъ въ борьбѣ саксонскаго племени съ норманскимъ, и тѣмъ далъ толчокъ и направленіе историческимъ изысканіямъ новѣйшаго времени. Всѣмъ извѣстенъ былъ темный слухъ о смерти Моцарта, будто бы отравленнаго Сальери изъ зависти; но только Пушкинъ могъ провидѣть въ этомъ преданіи психологическое явленіе и общую идею таланта, мучимаго завистью къ генію,—и онъ показалъ не то, какъ дѣйствительно случилась эта исторія, но какъ бы могла она случиться и прежде, и нынче, и всегда. А между тѣмъ, ужасающая вѣрность, съ какою поэтъ представилъ положеніе Сальери къ Моцарту, доказываетъ отнюдь не то, чтобъ подобное положеніе было извѣстно ему самому по горестному опыту, а только то, что чѣмъ глубже духъ художника, тѣмъ доступнѣе его непосредственному сознанію всѣ, и свѣтлыя и мрачныя, стороны человѣческой природы. Отъ этой-то доступности всему, что́ свойственно природѣ человѣческой, проистекаетъ способность поэта переноситься во всякое положеніе, во всякую страну, во всякій возрастъ, во всякое чувство, внѣ опыта собственной жизни. Тотъ не поэтъ, кто не могъ бы вѣрно выразить чувство отеческое, потому что самъ не былъ отцомъ. Если допустить, что не испытаннаго собственнымъ опытомъ поэтъ не можетъ изображать, то ужъ нѣчего и говорить, что поэтъ, если онъ мужчина, не можетъ изобразить ни дѣвушки, ни матери. Такимъ точно образомъ, поэту отнюдь не должно быть Персіаниномъ, чтобъ, начитавшись Гафиза, писать въ духѣ персидской поэзіи. Въ поэзіи всякаго народа отражается природа (мѣстность) и духъ (національность) страны. Обаяніе персидской поэзіи не только можетъ быть доступно для жителя сѣверныхъ странъ, но еще, по закону противоположности, сильнѣе дѣйствовать на него, чѣмъ на природнаго Персіанина. Нѣга и роскошь непосредственнаго бытія на лонѣ матери природы также не могутъ не быть доступны Европейцу, хотя и прямо противорѣчатъ условіямъ его жизни. Чувственная жизнь есть первый моментъ жизни каждаго человѣка въ періодъ его безсознательнаго младенчества; эта же чувственная жизнь была первымъ моментомъ и жизни человѣчества на его родномъ и роскошномъ Востокѣ, слѣдовательно, то, что́ теперь составляетъ поэзію персидской жизни,—не что-нибудь случайное, но необходимый (а потому и разумный) моментъ историческаго развитія. Если намъ кажется унизительною для человѣческаго достоинства такая нравственная дремота чувственнаго бытія,—это потому, что она несовременна, и что народъ, погруженный въ нее, представляетъ изъ себя посѣдѣлаго и дряхлаго младенца; сверхъ того, въ персидской, какъ и во всякой восточной поэзіи, основной элементъ—пантеистическое міросозерцаніе, которое для современнаго человѣчества—анахронизмъ, но въ свое время было великимъ моментомъ всемірно-историческаго развитія. Пылкость южной фантазіи, любящая выражаться преувеличенными образами, яркими и пестрыми формами, странными и часто изысканными оборотами, также имѣетъ для насъ свой интересъ, хотя и внѣшній, предметный, и понятна намъ, такъ сказать, вчужѣ. Слѣдовательно, все, что́ составляетъ элементы жизни и поэзіи Персіи, не есть что-нибудь чуждое духу человѣческому, но все родственное и присущное ему, хотя и подъ условіемъ прошедшаго историческаго момента. Тѣмъ болѣе возможности для поэта погружаться въ прекрасный міръ Греціи и выносить изъ него чудныя видѣнія, созданныя въ ея духѣ и формѣ. Говорятъ, Нѣмцу нельзя быть Грекомъ? Справедливо: Нѣмецъ не можетъ быть Грекомъ до того, чтобъ не быть Нѣмцемъ, но Нѣмецъ, созерцая міръ греческой жизни и до упоенія проникаясь ея духомъ, можетъ смотрѣть на нее глазами Грека и на то время становится Грекомъ, не переставая быть Нѣмцемъ. *Я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ*, а Грецiя была по преимуществу страною человѣчественности (Humanität).

Духъ человѣческій всегда одинъ и тотъ же, въ какихъ бы формахъ ни являлся онъ; форма есть явленіе идеи, а идея всегда едина и вѣчна; слѣдовательно, только случайныя формы, лишенныя жизни, чуждыя идеѣ, могутъ быть непонятны. Развитіе человѣчества есть безпрерывное движеніе впередъ, безъ возврата назадъ. Если мы видимъ теперь просвѣщеннѣйшія страны древняго міра погруженными во мракъ невѣжества и варварства, а мѣста невѣжества и варварства въ древности—просвѣщеннѣйшими странами въ мірѣ,—изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобъ

движеніе человѣчества состояло въ какомъ-то кругѣ, гдѣ крайняя точка впадаетъ въ точку исхода. Человѣчество дѣйствительно движется кру́гомъ (т.-е. идя впередъ, безпрестанно возвращается назадъ), но кру́гомъ не простымъ, а спиральнымъ, и въ своемъ ходѣ образуетъ множество круговъ, изъ которыхъ послѣдующій всегда обширнѣе предшествующаго. Человѣчество въ своемъ ходѣ подобно путнику, который, за отсутствіемъ прямой дороги, дѣлаетъ обходы мимо лѣсовъ и болотъ, который въ иной день далеко уйдетъ впередъ, а въ иной возвратится назадъ, но у котораго въ суммѣ пройденнаго пространства каждый день является нѣсколько процентовъ, приближающихъ, а не отдаляющихъ его отъ цѣли. Если свѣтъ просвѣщенія погасъ въ Вавилонѣ, Египтѣ, Греціи и Италіи,—это было проигрышемъ для тѣхъ странъ, а не для человѣчества. Греція и Римъ погибли для себя, но сохранились для человѣчества: ихъ приняла въ себя варварская, тевтонская Европа съ тѣмъ, чтобъ, обогативъ ими собственную жизнь, возвратить ихъ потомъ имъ же самимъ. Законъ развитія человѣчества таковъ, что все пережитое человѣчествомъ, не возвращаясь назадъ, тѣмъ не менѣе и не исчезаетъ безъ слѣдовъ въ пучинѣ времени. Исчезнувшее въ дѣйствительности, живетъ въ сознаніи. Такъ старецъ съ умиленіемъ и восторгомъ вспоминаетъ не только о лѣтахъ своего зрѣлаго мужества, но и о пылкой юности, и о свѣтломъ безмятежномъ младенчествѣ, и потому самому не перестаетъ сочувствовать ни мужу, ни юношѣ, ни младенцу. Человѣку нельзя на всю жизнь оставаться младенцемъ, но онъ долженъ перейти черезъ всѣ возрасты—отъ колыбели до могилы. Послѣдующій возрастъ выше предшествующаго; однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ предшествующій, будучи ступенью и средствомъ, не былъ, въ то же время, и самъ себѣ цѣлью, а слѣдовательно, не заключалъ въ себѣ разумности и поэзіи. Дѣтскій возрастъ безуменъ, но не глупъ. Мы смѣемся, глядя на ребенка въ гусарскомъ мундирѣ и верхомъ на палочкѣ; но смѣемся въ этомъ случаѣ только легкости, а не глупости его взгляда на жизнь, и, смѣясь, завидуемъ этой легкости, со вздохомъ вспоминая о лѣтахъ своего дѣтства. Дитя, сидя верхомъ на палочкѣ, воображаетъ себя всадникомъ, скачущимъ на борзомъ конѣ:—это—глупость, но глупость, такъ сказать, разумная, ибо выраженіе лица этого ребенка, полные огня глаза его обнаруживаютъ не только умъ, но часто и остроуміе и своего рода хитрость, при невинности и простодушіи,—тогда какъ лицо взрослаго человѣка, который тѣшится ѣздою на палкѣ, непремѣнно должно выражать глупость и идіотство. То же бываетъ и съ человѣчествомъ. Герои нашего времени не пасутъ своихъ стадъ, не рѣжутъ своими руками барановъ и не пекутъ ихъ на огнѣ, подобно Агамемнону и Ахиллу, а героини не ходятъ къ свѣтлымъ ключамъ мыть платья своихъ мужей, отцовъ и братій, подобно дщерямъ царственнаго старца Пріама; но это не мѣшаетъ намъ, людямъ новѣйшаго времени, понимать и любить поэзію пасторально-героической Греціи, восхищаться неправильными боями, грубыми пиршествами, цѣломудренно-чувственною и наивно-нагою любовью и патріархально-семейственными отношеніями этихъ людей-полубоговъ, этихъ героевъ-дѣтей, такъ божественно воспѣтыхъ безсмертнымъ, вѣчно-юнымъ старцемъ Гомеромъ. Да, ни одинъ изъ прожитыхъ человѣчествомъ моментовъ не теряется ни для жизни, ни для сознанія человѣчества. Только дикіе невѣжды, грубыя натуры, чуждыя божественной поэзіи, могутъ думать, что „Иліада“, „Одиссея“ и греческіе лирики и трагики уже не существуютъ для насъ, не могутъ услаждать нашего эстетическаго чувства. Эти жалкіе крикуны, которые во всемъ видятъ одну внѣшность и со-внѣ срываютъ однѣ верхушки, не проникая внутрь, въ таинственное святилище животворной идеи,—эти сухіе резонеры опираются на измѣнчивость формъ и условій жизни. Но они забываютъ, что въ формахъ и временныхъ условіяхъ выражается вѣчная, неумирающая идея, и что поэзія потому самому и есть высокое, вдохновенное искусство, а не ремесло, что она въ создаваемые ею формы и образы уловляетъ идею, и чрезъ формы и образы овеществляетъ идею, а черезъ идею дѣлаетъ вѣчно-юными и живыми формы и образы. Въ наше время уже невозможны крестовые походы; но кто же, кромѣ невѣждъ, не будетъ видѣть въ крестовыхъ походахъ среднихъ вѣковъ—этой эпохи юности человѣчества—великаго событія, или станетъ надъ ними смѣяться, какъ надъ пустымъ и нелѣпымъ предпріятіемъ?... Манчскій витязь, благородный донъ-Кихотъ, дѣйствительно смѣшонъ, именно потому, что онъ анахронизмъ; явись же онъ въ свое время—онъ былъ бы великъ, возбуждалъ бы удивленіе, а не смѣхъ. Въ этомъ смыслѣ смѣшна и „Энеида“, которая во время упадка римской доблести, во время разврата, вздумала прикинуться простодушнымъ эпосомъ пасторально-героическихъ временъ и объявить незаконныя притязанія на родство съ божественною „Иліадою“.

Подражать поэзіи извѣстнаго народа или какого-нибудь поэта—совсѣмъ не то, что писать въ духѣ той или другой поэзіи, того или другого поэта. Всякимъ подражаніемъ

необходимо предполагается сознательное преднамѣреніе и усиліе воли; проникновеніе же въ духъ какой-либо поэзіи есть дѣйствіе свободное, непосредственное. Отъ подражанія происходитъ только мертвый списокъ, рабская копія, которые лишь по наружности сходны съ своимъ образцомъ, но въ сущности не имѣютъ ничего съ нимъ общаго. Трагедіи Корнеля, Расина и Вольтера могутъ еще имѣть какое-нибудь значеніе и какую-нибудь цѣну, какъ отголосокъ современныхъ идей, какъ отраженіе современнаго общества, хотя и въ неестественной формѣ; но какъ подражанія трагедіямъ Софокла и Еврипида, какъ изображенія греческихъ характеровъ и греческой жизни,—онѣ смѣшны, нелѣпы, карикатурны, лишены даже всякаго призрака здраваго смысла, не только поэзіи. Творчество въ духѣ извѣстной поэзіи, жизнью которой проникнулся поэтъ, есть уже не списокъ, не копія, но свободное воспроизведеніе (reproduction), соперничество съ образцомъ. Для доказательства достаточно указать на „Торжество Побѣдителей“ и „Жалобы Цереры“—пьесы Шиллера, такъ превосходно переданныя по-русски Жуковскимъ. Эллинская рѣчь исполнена въ нихъ эллинскаго духа; пластическіе образы классической поэзіи дышатъ глубокостью и простодушіемъ древней мысли; въ окончательныхъ стихахъ первой пьесы заключается весь кодексъ вѣрованій, вся мудрость и философія жизни Грековъ:

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Мертвый мирно въ гробѣ спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Искусство Грековъ—высочайшее искусство, норма и первообразъ всякаго искусства. Чуждое всѣхъ другихъ элементовъ, покорное только самому себѣ, оно является въ первобытной, типической самостоятельности, чистое, безпримѣсное, исключительно дѣйствующее собственнымъ орудіемъ—формами и образами. Въ прекрасной наготѣ своей оно дышетъ цѣломудріемъ и какою-то святостью и чистотою мысли. Давно уже всѣ согласились, что нагія статуи древнихъ успокоиваютъ и умиряютъ волненія страсти, а не возбуждаютъ ихъ,—что и осквернённый отходитъ отъ нихъ очищеннымъ. Исключеніе остается за людьми, чуждыми эстетическаго чувства, непонимающими красоты. Красота—не истина, не нравственность; но красота родная сестра истинѣ и нравственности. Красота не служитъ чувственности, но освобождаетъ насъ отъ чувственности, возвращая духу нашему права его надъ плотью. Животное не требуетъ отъ своей самки красоты, но требуетъ только, чтобъ она была самкою. Грустно думать, что требованія многихъ людей въ этомъ отношеніи нисколько не разнятся отъ такихъ требованій; но еще грустнѣе думать, что на многихъ людей-самцовъ и людей-самокъ красота производитъ дѣйствіе возбудительнаго настоя. Кто же виноватъ въ этомъ—красота или люди? Конечно, послѣдніе, потому что человѣкъ долженъ быть *мужчиною*, а не самцомъ, *женщиною*, а не самкою. Варваръ-Турокъ покупаетъ на базарѣ женщину, и чѣмъ прекраснѣе она, тѣмъ болѣе готовъ онъ купить ее; въ средніе же вѣка не рѣдкость были рыцари, подобные Тогенбургу, воспѣтому Шиллеромъ, рыцари, которые, не встрѣтивъ отвѣта на свое чувство, сражались на отдаленномъ Востокѣ за Святой Гробъ, и остатокъ жизни проводили въ шалашѣ, не спуская взора съ окна жестокой красавицы... Торжество духа (ибо красота есть явленіе духа) особенно поразительно въ благородныхъ натурахъ при взаимной любви. Гордая сила мужчины робко смиряется при кроткомъ и ясномъ взорѣ слабой красоты. Забывая обаянія наслажденія, онъ ищетъ блаженства въ одномъ присутствіи красоты, которое вѣетъ миромъ и прохладою на бурю чувствъ его. Чувство его полно религіознаго благоговѣнія, любовь его похожа на обожаніе; самое наслажденіе кротко, цѣломудренно и чисто. Не правда ли, что здѣсь красота производитъ, повидимому, обратное и неестественное дѣйствіе?—Нѣтъ; только такое дѣйствіе красоты истинно и естественно... Здѣсь мы не можемъ не вспомнить этихъ словъ божественнаго Платона, полныхъ такой глубокой мудрости въ смыслѣ и такой силы и поэзіи въ выраженіи: „Красота одна получила здѣсь жребій—быть пресвѣтлою и достойною любви. Не вполнѣ посвященный, *развратный* стремится къ самой красотѣ, несмотря на то, что носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а подобно четвероногому ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому“... [1]).

---

[1]) Эти слова Платона выписаны нами изъ одной русской книги, весьма примѣчательной своими выписками изъ Геродота, Платона, Аристотеля, Лессинга, Шиллера, Гете, Шлегелей и другихъ.

Прим. Бѣлинскаго.

Эта книга—„Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ“, *С. Шевырева*; Бѣлинскій неоднократно цитировалъ ее—особенно часто въ статьѣ „Стихотворенія М. Лермонтова“ (наст. изд., т. I, статья № 24). Особенно часто также приводилъ Бѣлинскій эту фразу Платона: въ указанной

Конечно, понятія Грековъ и понятія рыцарскія о красотѣ—не одно и то же, хотя тѣ и другія выходятъ изъ одного источника. Разница заключается въ возрастѣ человѣчества, выраженномъ Греціею и Западною Европою среднихъ вѣковъ: первая выразила, такъ сказать, младенчество одухотвореннаго человѣчества [1]), а вторая—юношескій періодъ его жизни. Грекъ боготворилъ природу, прозрѣвая вѣяніе духа въ ея прекрасныхъ формахъ; средніе вѣка были царствомъ духа, объявившаго войну природѣ. Кромѣ климатическихъ причинъ, строгость въ одеждѣ была въ средніе вѣка первымъ условіемъ цѣломудрія: нагота оскорбляла его. Грекъ въ наготѣ видѣлъ только изящную природу, а идея красоты уже сама собою отстраняла въ его глазахъ идею о низкомъ и постыдномъ. Въ этомъ видѣнъ взглядъ младенца: дѣти не стыдятся наготы, и по тому самому уже невинны въ ней. Но въ извѣстный возрастъ и въ нихъ пробуждается чувство безсознательной стыдливости. Грекъ боготворилъ эту стыдливость, какъ грацію; она была въ его глазахъ необходимою спутницею красоты,— и его прекрасныя статуи какъ бы стыдятся своей собственной наготы. Понятія Грека объ отношеніяхъ обоихъ половъ выходили изъ понятія о красотѣ, созданной для наслажденія, но наслажденія цѣломудреннаго. Стыдливость подруги возвышала для него прелесть и цѣну наслажденія. Тайна жизни Грека заключалась въ естественности, просвѣтленной эстетическимъ чувствомъ, живымъ созерцаніемъ красоты. И потому онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ называлъ всѣ вещи, всѣ предметы ихъ настоящимъ именемъ. Батюшковъ называетъ это грубостью, но справедливо замѣчаетъ, что „эта грубость можетъ даже соединиться съ нѣкоторымъ простодушіемъ, совершенно противнымъ нашему искусству выражать все полусловами и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса“ [2]). Вотъ отчего Гомеръ могъ рисовать такія картины, на которыя художникъ нашего времени никогда не осмѣлится; вотъ почему эти картины не только не безнравственны, но даже въ высшей степени нравственны,—и тѣ ошибаются, которые думаютъ, что онѣ могутъ имѣть вредное вліяніе на фантазію и чувство юноши, недавно вышедшаго изъ отрочества, или молодой дѣвушки. Грѣхъ состоитъ въ сознаніи грѣха: дитя можетъ очень невинно говорить о самыхъ виновныхъ предметахъ; а взрослый человѣкъ съ испорченною нравственностью и о самыхъ невинныхъ предметахъ можетъ говорить очень виновно. Грѣхъ состоитъ не въ томъ, чтобъ знать, но въ томъ, чтобъ ложно, криво, дурно знать. Для людей молодыхъ нѣтъ ничего вреднѣе знанія тайкомъ пріобрѣтеннаго. Это своего рода контрабанда. Въ извѣстныя лѣта сама природа непосредственно открываетъ людямъ тайны, которыхъ они и не подозрѣвали въ своемъ дѣтствѣ. Въ это время не только не должно скрывать отъ молодыхъ людей извѣстныя тайны природы, но, напротивъ, открывать ихъ: это единственное средство спасти ихъ отъ сѣтей пагубной чувственности. Только это должно дѣлать умѣючи, и тайны природы просвѣтлять чувствомъ красоты и цѣломудрія, передавать ихъ не какъ смѣшные предметы, годные только для кощунства, но какъ великое таинство творящаго духа. У насъ обыкновенно думаютъ, что дѣвственная чистота состоитъ въ младенческомъ невѣдѣніи: ложная мысль! Если добродѣтель есть невѣдѣніе, то всѣ животныя—предобродѣтельныя особы. Добродѣтель дѣвушки не въ томъ, чтобъ она младенчески не знала, но въ томъ, чтобъ она младенчески знала и, въ знаніи, оставалась чистою и дѣвственною. Поэтому, чтеніе Гомера не только не вредно, но положительно полезно молодымъ людямъ обоего пола. Только надобно, чтобъ этому чтенію не придавалось никакой тайны, чтобъ оно было законно, явно, и не прерывалось при входѣ посторонняго человѣка. Что же касается въ особенности до юношей—Гомеръ преимущественно долженъ быть предметомъ ихъ школьныхъ изученій, классныхъ занятій.

Что́ можетъ быть прекраснѣе, граціознѣе и *невиннѣе* слѣдующей картины изъ „Иліады“,—хотя ея предметъ, самъ по себѣ или изображенный не эстетически, могъ быть и не совсѣмъ невиненъ?—Желая отвратить вниманіе Зевеса отъ боя Троянъ и Грековъ, чтобъ онъ не вздумалъ подать помощь ненавистнымъ Ахеянамъ, волоокая Гера рѣшилась обаять его чарами любви и наслажденія:

Гера вошла въ почивальню, которую сынъ ей любезный
Создалъ Гефестъ: къ вереямъ примыкались въ ней плотныя дверп
Тайнымъ запоромъ, никѣмъ отъ безсмертныхъ еще не отверстымъ.
Въ оную Гера вступивъ, затворила блестящіе створы,
Тамъ амврозической влагой она до малѣйшаго праха
Съ тѣла прелестнаго смывъ, умастилася масломъ чистѣйшимъ,

статьѣ о Лермонтовѣ, въ настоящей статьѣ, во второй изъ „Пушкинскихъ статей“. См. также письмо Бѣлинскаго къ Боткину отъ 11 дек. 1840 г.: тамъ переписана эта же цитата.

[1]) Младенчество человѣчества въ естественномъ состояніи выражено азіатскими народами и Египтянами: въ Греціи человѣчество является уже вышедшимъ изъ пеленъ природы и оковъ естественнаго закона. *Прим. Бѣлинскаго.*

[2]) Въ статьѣ „О греческой Антологіи“. См. „Соч. Батюшкова“ 1834. Ч. II, стр. 224. *Прим. Бѣлинскаго.*

Сладкимъ, небеснымъ, изящнѣйшимъ всѣхъ у нея благовоній:
Чуть сотрясала его въ мѣдностѣнномъ Кроніона домѣ,
Вдругъ съ земли и до неба божественный духъ разлпвался.
Имъ умастивши прекрасное тѣло, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательныхъ кудрей,
Пышныхъ, небеснодушистыхъ съ безсмертной главы ниспустила.
Тою душистой одѣлася ризой, какую Аѳина,
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ уборовъ;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула,
Станъ опоясала поясомъ, тьмою бахромъ окруженнымъ,
Въ уши прекрасныя серьги, съ тройными подвѣсями, вдѣла,
Ярко игравшія: прелесть кругомъ отъ богини блистала.
Легкимъ покровомъ главу осѣнила державная Гера,
Пышнымъ, новымъ, который какъ солнце сіялъ бѣлизною,
Къ свѣтлымъ ногамъ привязала красы велелѣпной плѣсницы.
Такъ, для очей восхитительнымъ тѣло украсивъ убранствомъ,
Вышла изъ ложницы Гера, и зевсову дочь Афродиту
Вдаль отъ безсмертныхъ другихъ отозвала и ей говорила:
„Что я скажу! — пожелаешь ли, милая дочь, мнѣ исполнить?
Или отвергнешь, Киприда, въ душѣ на меня сокрывая
Гнѣвъ, что я за Данаевъ, а ты благосклонна къ Троянамъ?“
Ей отвѣчала немедленно зевсова дочь Афродита:
„Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона!
Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велитъ мнѣ,
Если исполнить могу я, и если оно исполнимо“.
Ей, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Дай мнѣ любви, Афродита, дай тѣхъ сладкихъ желаній,
Коими ты покоряешь сердца и безсмертныхъ и смертныхъ.
Я отхожу далеко, къ предѣламъ земли многодарной,
Видѣть безсмертныхъ отца Океана и матерь Теѳису,
Кои питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ,
Юную взявши отъ Реи, какъ Зевсъ безпредѣльно гремящій
Крона подъ землю низвергъ и подъ волны безплоднаго моря.
Ихъ я иду посѣтить, чтобы раздоры жестокіе кончить.
Долго, любезные сердцу, объятій и брачнаго ложа
Долго чуждаются боги: вражда ихъ вселилася въ души.
Если родителей я примирю моими словами,
Если на одръ возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
Вѣчно остануся я и любезной для нихъ и почтенной“.
Ей, улыбаясь плѣнительно, вновь отвѣчала Киприда:
„Мнѣ невозможно, не должно твоихъ отвергать убѣжденій;
Ты почиваешь въ объятіяхъ бога всемощнаго Зевса“.
Такъ говоря, разрѣшила на персяхъ, иглой испещренный
Поясъ узорчатый: всѣ обаянія въ немъ заключались;
Въ немъ и любовь и желанія, въ немъ и знакомства и просьбы,
Льстивыя рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и разумныхъ.
Герѣ его подала и такія слова говорила:
„Вотъ мой поясъ узорный: на лонѣ сокрой его, Гера!
„Въ немъ заключается все; и въ чертоги Олимпа, надѣюсь,
„Ты не прійдешь, не исполнивши пламенныхъ сердца желаній“.
Такъ изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера,
И съ улыбкой сокрыла блистательный поясъ на лонѣ.
Къ сонму боговъ возвратилась зевсова дочь Афродита.

За симъ слѣдуетъ встрѣча Геры со Сномъ, котораго она преклоняетъ „усыпить громовержцевы ясныя очи въ тотъ мигъ, какъ она прійметъ на ложѣ въ свои объятія бога“, и обѣщаетъ за это Сну лучшую свою хариту—Пазиѳе́ю, по которой тотъ вздыхалъ всѣ дни... Опасеніе слишкомъ увеличить выписками статью заставляетъ насъ пропустить этотъ прелестный эпизодъ. Сонъ преклонился на желаніе Геры, и—

Оба взвились и оставили Имбра и Лемна предѣлы;
Оба, одѣтые облакомъ, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидѣли Иду, звѣрей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши Понтъ, божества надъ землею
Быстро текли, и отъ стопъ ихъ дубравъ потрясались вершины.
Тамъ разлучился: Сонъ, отъ кронидовыхъ взоровъ таяся,
Сѣлъ на огромнѣйшей ели, какая въ то время на Идѣ
Высшая, гордой главой сквозь воздухъ въ эѳиръ уходила:
Такъ онъ сидѣлъ, укрываясь подъ мрачными вѣтвями ели,
Птицѣ подобяся звонкоголосой, виталицѣ горной,
Въ сонмѣ безсмертныхъ слывущей Халкидой, у смертныхъ Каминдой.
Гера-владычица быстро всходила на Гаргаръ высокій,
Иды горы на вершину: увидѣлъ ее громовержецъ.
Только увидѣлъ, и страсть обхватила могучую душу
Тѣмъ же огнемъ, съ какимъ наслаждался онъ первой любовью,
Первымъ супружескимъ ложемъ, отъ милыхъ родителей тайнымъ.
Въ встрѣчу супругѣ возсталъ громовержецъ и быстро воскликнулъ:
„Гера супруга! почто же ты шествуешь такъ отъ Олимпа?
„Я ни коней при тебѣ, ни златой колесницы не вижу“.
Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала верховная Гера:
„Я отхожу, о, супругъ мой, къ предѣламъ земли даровитой,
„Видѣть безсмертныхъ отца Океана и матерь Теѳису,
„Кои питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ.
„Ихъ я иду посѣтить, чтобъ раздоры жестокіе кончить.
„Долго, любезные сердцу, объятій и брачнаго ложа
„Долго чуждаются боги; вражда ихъ вселилася въ души.
„Кони при мнѣ, у подошвы обильной потоками Иды
„Ждутъ, и оттолѣ меня по сушѣ помчатъ и по влагѣ.

„Но сюда я, Кронидъ, прихожу для тебя отъ Олимпа,
„Ты на меня, о, супругъ, не разгнѣвался-бъ, если безмолвно
„Въ домъ отойду Океана, глубокія льющаго воды".
Быстро отвѣтствовалъ ей воздымающій тучи Кроніонъ:
„Гера супруга, идти къ Океану и послѣ ты можешь!
„Нынѣ почіемъ съ тобой и взаимной любви насладимся,
„Гера, такая любовь никогда, ни къ богинѣ, ни къ смертной
„Въ грудь не вливалася мнѣ и душою моей не владѣла!
„Такъ не любилъ я, плѣняся младой Иксіона супругой,
„Родшею мнѣ Пирѳоя, совѣтами равнаго богу;
„Ни Данаей прельстясь, бѣлоногой Акризія дщерью,
„Родшею сына Персея, славнѣйшаго въ сонмѣ героевъ;
„Ни владѣя младой, знаменитаго Феникса дщерью,
„Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманѳа;
„Ни прекраснѣйшей смертной плѣняся, Алкменою въ Ѳивахъ,
„Сына родившей героя, великаго духомъ Геракла,
„Даже Семелой, родившею радость людей, Діониса;
„Такъ не любилъ я, плѣнясь лѣнокудрой царицей Деметрой,
„Самою Летою славной, ни даже тобою, о, Гера!
„Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полный!"
Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Страшный Кроніонъ! какія ты рѣчи, могучій, вѣщаешь?
„Здѣсь ты желаешь почить и объятій любви насладиться,
„Здѣсь, на Идейской вершинѣ, гдѣ все открывается взорамъ?
„Что-жъ? и случиться то можетъ, если какой изъ безсмертныхъ
„Насъ почившихъ увидитъ, и всѣмъ населяющимъ небо
„Злобный разскажетъ? Тогда не посмѣю, возставшая съ ложа,
„Я въ олимпійскій твой домъ возвратиться: позорно мнѣ будетъ!
„Если желаешь, и если твоей душѣ то пріятно,
„Есть у тебя почивальня, которую сынъ твой любезный
„Создалъ Гефестъ, и плотныя двери съ запоромъ устроилъ.
„Въ оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя".
Герѣ быстро отвѣтствовалъ тучъ воздыматель Кроніонъ:
„Гера супруга, ни богъ, на меня положися, ни смертный
„Насъ не увидитъ: такой надъ тобою кругомъ распростру я
„Облакъ златой; сквозь него не проглянетъ и самое солнце,
„Коего острое око все проницаетъ и видитъ".
Рекъ и въ объятія сильныя Зевсъ заключаетъ супругу.
Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтущія травы,
Лотосъ росистый, сафранъ и цвѣты гіакинѳы густые,
Гибкіе, кои боговъ отъ земли высоко поднимали.
Тамъ опочили они; и одѣлъ почивающихъ облакъ
Пышный, златой, изъ котораго свѣтлая капала влага.

Если бъ эта картина, вмѣсто глубокаго, но спокойнаго восторга, тихаго и свѣтлаго созерцанія, произвела въ комъ-нибудь нечистое и буйное упоеніе, — повторяемъ: въ этомъ былъ бы виноватъ не Гомеръ. Пьяный мужикъ будетъ плясать и подъ „Requiem" Моцарта, и подъ симфонію Бетховена, которымъ посвященные внимаютъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ. Посему мы думаемъ, что строгіе моралисты, указывающіе на подобныя мѣста въ поэзіи съ воплями на безнравственность, этимъ самымъ обнаруживаютъ только грубую, животно-чувственную натуру, на которую всякая нагота дѣйствуетъ раздражительно. И потому, понимая, какъ слѣдуетъ понимать этихъ почтенныхъ господъ, оставимъ ихъ въ покоѣ ворчать на опаснаго для нихъ демона соблазна,—а сами, подъ эгидою мудрой русской поговорки: „къ чистому нечистое не пристанетъ", воскликнемъ вмѣстѣ съ великимъ Гёте, къ которому намъ уже давно бы пора обратиться:

Любящимъ намъ подобаетъ смиреніе; каждому богу
Мы въ тишинѣ поклоняемся, свято всегда исполняя
Заповѣдь римскихъ владыкъ. Намъ доступны кумиры
Всѣхъ народовъ, хотя-бъ изъ базальта грубо и рѣзко
Ихъ изваялъ Египтянинъ, иль Грекъ утонченный изящно,
Мягко и нѣжно изъ бѣлаго мрамора создалъ:
Наши отверсты всегда и для всѣхъ. Одну лишь обители
Чествуемъ, любимъ, одной предпочтительно особенно
Ей наши завѣтныя жертвы, нашъ ладанъ и мирро!
Съ нею что встрѣча—то праздникъ, гдѣ гости— служимъ богинѣ:
веселье и шалость!

Послѣ всего сказаннаго, надѣемся, никто не удивится, что мы не видимъ ничего страннаго въ мысли молодого нѣмецкаго поэта записывать свои мимолетныя ощущенія гекзаметрами, на манеръ древнихъ, прикидываться въ своихъ элегіяхъ какимъ-то Грекомъ. Всякому возрасту свои радости и свои горести, свои наслажденія и свои лишенія; это законъ хранительнаго и любящаго Промысла. Отвратителенъ молодящійся старичокъ, но не лучше его и юноша, который корчитъ изъ себя старца: всему свое время и свое мѣсто; все благо, и велико, и разумно — въ свое время и на своемъ мѣстѣ:

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи;
Гуляй въ мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Рыцарская платоническая любовь можетъ вспыхнуть и въ душѣ двѣнадцатилѣтняго

отрока; и это чувство будетъ въ немъ прекрасно, хотя и не дѣйствительно. Пусть онъ пламенѣетъ священнымъ огнемъ и вздыхаетъ тайкомъ про себя: современемъ онъ самъ будетъ смѣяться надъ своимъ чувствомъ, но оно все-таки спасетъ его отъ многаго дурного и разовьетъ въ его душѣ много благихъ сѣмянъ. Но какъ ни прекрасно такое чувство, оно въ богатой натурѣ не погаситъ потребности другого, болѣе соотвѣтствующаго возрасту чувства. Въ лѣта юности крайности легко сходятся, и молодое сердце нерѣдко въ одно и то же мгновеніе питаетъ противоположныя стремленія: пламенная вѣра идетъ объ руку съ холоднымъ сомнѣніемъ, идеальные порывы смѣняются увлеченіемъ земныхъ страстей. Въ первой молодости человѣку всего сроднѣе та любовь, которая, не пуская въ сердце глубокихъ корней, любитъ перелетать отъ предмета къ предмету, которая вспыхиваетъ отъ каприза, разгорается отъ препятствія и погасаетъ отъ удовлетворенія. Много жизни, много радостей въ золотомъ бокалѣ юности, — и благо тому, кто не осушалъ его до самаго дна, кто не вѣдалъ тоски пресыщенія! Много счастія, много восторговъ въ любви безумной юности,—и лишь бы ея бурныя упоенія, ея младыя шалости не были животны и грубы, но умѣрялись, облагораживались и просвѣтлялись эстетическимъ чувствомъ, напутствовались харитами,—онѣ будутъ и безгрѣшны и нравственны. Такая любовь въ натурѣ глубокой, въ душѣ благодатной не можетъ быть утѣхою цѣлой жизни, но всегда бываетъ необходимою данью возраста, и—у одного раньше, у другого позже—уступаетъ мѣсто чувству болѣе духовному, болѣе высокому. Но этотъ возрастъ соотвѣтствуетъ греческому періоду жизни человѣчества и есть необходимый, великій моментъ развитія, хотя онъ и долженъ уступить мѣсто еще высшему моменту. Юность выше младенчества, возмужалость выше юности; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ человѣкъ не жилъ, а только прозябалъ до возмужалости. И младенчество и юность суть великіе моменты развитія; каждый изъ нихъ—самъ себѣ цѣль и полонъ разумности и поэзіи. Какъ въ эллинской жизни отношенія половъ облагораживались и освящались идеею красоты и граціи, такъ и въ юности человѣка самое мимолетное чувство и всѣ наслажденія любви должны быть эстетичны, чтобъ не быть безнравственными. Развратъ состоитъ въ животной чувственности, въ которой уже не можетъ быть никакой поэзіи, потому что въ поэзію могутъ входить только разумные элементы жизни, а въ томъ нѣтъ разумности, что̀ унижаетъ человѣка до животнаго.

Любовь первой юности, любовь эллинская, артистическая — основной элементъ „Римскихъ Элегій“ Гёте. Молодой поэтъ посѣтилъ классическую почву Рима [1]); душа его вольно раскинулась подъ яхонтовымъ небомъ юга, въ тѣни оливъ и лавровъ, среди памятниковъ древняго искусства. Тамъ люди похожи на изящныя статуи, тамъ женщины напоминаютъ черты Венеры Медичейской. Лѣнивая, сладострастная, созерцательная жизнь, проникнутая чувствомъ изящнаго, тамъ вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу художника. Гёте бросился въ эту жизнь со всѣмъ забвеніемъ, со всѣмъ упоеніемъ поэта; дни свои посвящалъ онъ ученію, ночи—любви, какъ онъ самъ говоритъ въ этой прекрасной элегіи:

Весело, славно живу я здѣсь на классической почвѣ;
Утро проходитъ въ занятьяхъ: читая творенія древнихъ,
Умъ постигаетъ яснѣй вѣкъ и людей современныхъ;
Ночь посвящаю богу любви: пусть вполовину
Буду я только ученъ,—да за это блаженъ я тикраты!
Впрочемъ, учиться могу я и тутъ, какъ вездѣ, созерцая.
Формы живыя лучшаго въ мірѣ созданья въ ту пору
Глазомъ смотрю осязающимъ, зрящей рукой осязаю,
Тайну искусства, мраморъ и краски вполнѣ изучая.

Кто не раздѣлитъ этого пламеннаго одушевленія, этого артистическаго восторга художника, съ какимъ онъ видитъ себя на родной ему почвѣ классической страны!

О, какъ мнѣ весело въ Римѣ, если я вспомню, когда
Бремя туманнаго, сѣраго неба на мнѣ тяготѣло,
Вспомню то время, когда пасмурный сѣверный день
Душу томилъ, предо мною блѣдный покровъ разстилая;
Бѣденъ, голъ и безцвѣтенъ міръ мнѣ казался,—и я,
Вѣчно ничѣмъ недовольный, самъ о себѣ размышляя,
Грустно въ путь безотрадный взоры мои устремлялъ.
Нынѣ счастливца главу окружаетъ эѳиръ животворный!
Феба велѣньемъ послушны мнѣ формы и краски; съ небесъ
Нѣгою вѣетъ, и тихо въ ночи свѣтозарной льются
Мягкія, сладкія пѣсни. Лучъ италійской луны
Свѣтитъ мнѣ ярче полярнаго солнца—и бѣдному смертному,
Мнѣ, жребій достался чудесный!...

Да, обвѣянный геніемъ классической древности, гдѣ и природа, и люди, и памятники искусствъ,—все говорило ему о богахъ Греціи, о ея роскошно поэтической жизни, Гёте долженъ былъ сдѣлаться на то время если не Грекомъ, то умнымъ Скиѳомъ Анахарсисомъ, въ чужой землѣ обрѣтшимъ свою родину. Періодъ жизни, который онъ переживалъ, артистическая настроенность духа,—все соотвѣтствовало въ немъ духу эллинской жизни. И какъ идетъ гекзаметръ къ его элегіямъ, дышащимъ юностью, спокойствіемъ,

[1]) Гете въ эпоху „Римскихъ Элегій“ (1786 г.) былъ далеко не „первой юности“: ему было уже подъ-сорокъ лѣтъ.

наивностью и граціею! Сколько пластицизма въ его стихѣ, какая рельефность и выпуклость въ его образахъ! Забываете, что онъ Нѣмецъ и почти современникъ вашъ, забываете, какъ и онъ забылъ это, принявши Капитолійскую гору за Олимпъ и думая видѣть себя приведеннымъ Гебою въ чертоги Зевеса.

Подобно антологическимъ стихотвореніямъ древнихъ, каждая элегія Гёте схватываетъ какое-нибудь мимолетное ощущеніе, идею, случай, и замыкаетъ ихъ въ образъ, полный граціи, плѣняющій неожиданнымъ, остроумнымъ и въ то же время простодушнымъ оборотомъ мысли. Вотъ два примѣра:

Другъ, когда говоришь, что въ дѣтствѣ ты людямъ не нравилась,
Или, что мать не любила тебя, что тихо, одна
Ты выростала, и поздно сама развилася,—охотно
Вѣрю тебѣ; пріятно, сладко подумать, что ты
Малымъ ребенкомъ еще отъ другихъ отличалась. Подруга!
Участь твоя, что цвѣтокъ виноградный: чужды ему
Нѣжныя формы и яркія краски; но грозды созрѣли—
Боги и люди мгновенно ими вѣнчаютъ себя.

Въ III-ей елегіи вотъ какъ оправдываетъ онъ поспѣшность, съ которою предалась ему его милая:

Другъ, не кайся ты въ томъ, что мнѣ предалася такъ скоро;
Вѣрь мнѣ, не дерзко, не низко думаю я о тебѣ.
Стрѣлы Эрота бываютъ различнаго свойства: иныя
Дѣйствуютъ медленнымъ ядомъ; тяжко и долго отъ нихъ
Ноютъ сердечныя язвы; другія—въ мгновеніе ока,
Быстро-парящею силой кровь обращаютъ въ огонь.
Нѣкогда, въ вѣкъ героизма, когда еще боги любили,
Взгляду слѣдило желанье, желанью восторги—и, другъ!
Думаешь, долго богиня любви размышляла, случайно
Въ рощѣ увидѣвъ Анхиза! И только замедли луна
Въ ночь разбудить поцѣлуемъ Юпитера дивнаго сына,
Вѣрь мнѣ, мгновенно-бъ Аврора въ объятья его приняла.
Геро, взглянувъ на Леандра, смутилась, и страстный любовникъ
Въ ночь, по волнамъ Геллеспонта уже на свиданіе плылъ.
Сильвія Рея, едва показалась на берегѣ Тибра,
Тотчасъ воинственный богъ страстью ее оковалъ:
Грудью одною вспоила волчица великаго Рима
Родоначальниковъ славныхъ, марсовыхъ двухъ сыновей!

„Римскія Элегіи“ Гёте явно есть то, что у насъ въ прошломъ вѣкѣ называлось *легкою поэзіею*, а теперь получило названіе *антологической поэзіи*. Названіе это произошло отъ сборника мелкихъ произведеній греческой поэзіи, или *эпиграммъ*. Вотъ какъ характеризуетъ Батюшковъ древнюю эпиграмму:

„Мы называемъ *эпиграммою* краткіе стихи сатирическаго содержанія, кончающіеся острымъ словомъ, укоризною или шуткою. Древніе давали сему слову другое значеніе. У нихъ каждая небольшая піеса, размѣромъ элегическимъ писанная (т.-е. гекзаметромъ и пентаметромъ), называлась эпиграммою. Ей все служитъ предметомъ: она то поучаетъ, то шутитъ, и почти всегда дышетъ любовію. Часто она не что иное, какъ мгновенная мысль, или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна; иногда небрежна и неокончена—какъ звукъ, вдали исчезающій. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслью и чѣмъ древнѣе, тѣмъ проще. Этотъ родъ поэзіи украшалъ и пиры и гробницы. — Напоминая о ничтожности мимоидущей жизни, эпиграмма твердила: „Смертный, лови мигъ улетающій!“, рѣзвилась съ Лаисою, и, улыбаясь кротко и незлобно, слегка уязвляла невѣжество и глупость. Истинный Протей, она принимаетъ всѣ виды; и когда мы къ ея плѣнительной живости прибавимъ неизъяснимую прелесть совершеннѣйшаго языка въ мірѣ, языка, обработаннаго превосходнѣйшими писателями, тогда только можемъ имѣть понятіе ясное и точное, съ какимъ восхищеніемъ, съ какою радостью любитель древности перечитываетъ греческую антологію“ [1]).

Очевидно, что подъ антологическими стихотвореніями древнихъ должно разумѣть то, что̀ мы называемъ *мелкими лирическими* пьесами. Поэзія древнихъ во всѣхъ родахъ—и въ лирикѣ и въ драмѣ,—отличается эпическимъ характеромъ; гимны Гезіода, оды Пиндара похожи на эпическія поэмы даже по своему объему: почти всѣ онѣ очень велики для лирическихъ пьесъ. Слѣдовательно, эпиграммы древнихъ соотвѣтствуютъ тому, что̀ мы называемъ *пѣснію, элегіею, сонетомъ, канцоною, стансами, надписями, эпитафіями* и т. п. Оды Анакреона и Сафо тоже эпиграммы. Отличительный характеръ эпиграммы—краткость, единство ощущенія или мысли, спокойствіе, наивность выраженія, пластицизмъ и мраморная рельефность формы. Вотъ три образца такихъ эпиграммъ, художественно переведенныхъ пластическимъ Батюшковымъ:

I.

Яворъ къ прохожему.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь!
Завялъ, но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

II.

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
За чашей вакховой Аглаю побѣдили...
О, радость! здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно

---

[1]) Соч. Батюшкова. Ч. II, стр. 239—240.
Прим. Бѣлинскаго.

Одежды пышныя надменной красоты;
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной,
И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты:
Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора!

III.

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья;
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любови наслажденье!

Новѣйшіе поэты европейскихъ литературъ давно уже обратили свое вниманіе на греческую антологію, и то переводили изъ нея, то писали сами въ ея духѣ,—въ обоихъ случаяхъ соперничествуя съ классическимъ геніемъ древности. Этимъ они внесли новый элементъ въ поэзію своего языка—элементъ пластическій, и имъ возвысили ее: ибо идеалъ новѣйшей поэзіи — классическій пластицизмъ формы при романтической вѣрности, летучести и богатствѣ философскаго содержанія. Гёте, поэтъ пластическій по натурѣ своей, еще болѣе усвоилъ себѣ эту пластическую форму черезъ знакомство съ древними. Пламенный, энергическій Шиллеръ, поэтъ по преимуществу романтическій, любилъ отдыхать и забываться душою въ свѣтломъ мірѣ греческой жизни. Онъ такъ поэтически оплакалъ паденіе прекрасныхъ боговъ Греціи; онъ такъ поэтически воспѣлъ въ „Четырехъ Вѣкахъ“ золотой вѣкъ Сатурна! Много вынесъ онъ изъ древняго міра свѣтлыхъ и дивныхъ явленій. Правда, онъ въ греческое содержаніе внесъ какой-то оттѣнокъ новѣйшаго міросозерцанія; но это еще болѣе возвышаетъ цѣну его произведеній въ древнемъ родѣ. Мы уже упоминали о „Торжествѣ Побѣдителей“ и „Жалобахъ Цереры“, такъ прекрасно переданныхъ порусски нашимъ Жуковскимъ; но есть у него много пьесъ и въ чисто-антологическомъ родѣ.

По сродству съ классическимъ геніемъ древности итальянскіе поэты должны часто напоминать древнихъ вообще, а слѣдовательно и ихъ антологическую поэзію. Вотъ въ этомъ родѣ пьеса Тасса, вольно переведенная Батюшковымъ:

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелѣянной весной подъ сѣнію надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ;
Но вѣтеръ сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

Хотя геній французскаго языка и французской литературы, отличающихся характеромъ какого-то прозаизма, и діаметрально противоположенъ генію языка и поэзіи греческой, однакожъ и у Французовъ есть поэтъ, котораго муза родственна музѣ древнихъ, и котораго многія пьесы напоминаютъ древнія антологическія стихотворенія. Мы говоримъ объ Андреѣ Шенье́, котораго нашъ Пушкинъ такъ много любилъ, что и переводилъ изъ него, и подражалъ ему, и даже создалъ поэтическую апоѳеозу всей его славной жизни и славной смерти. Вотъ двѣ пьесы Андрея Шенье́, изъ которыхъ первая переведена Пушкинымъ, а вторая Козловымъ:

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Готфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Стремятся не ко мнѣ съ любовью и хвалами,
И много отъ сестры отстала я годами.
Душистый ли цвѣтокъ мнѣ юноша даритъ—
Онъ мнѣ его даетъ, а на сестру глядитъ;
Любуется-ль моей младенческой красою,
Всегда промолвитъ онъ: какъ я сходна съ сестрою.
Увы, двѣнадцать разъ лишь мнѣ весна цвѣла;
Мнѣ въ пѣсняхъ не поютъ, что я сердцамъ мила,
Что я плѣненныхъ мной измѣной убиваю!
Но что же—подождемъ: мою красу я знаю!
Я знаю: у меня во блескѣ молодомъ,
Есть алыя уста съ ихъ ровнымъ жемчугомъ,
И розы на щекахъ, и кудри золотыя,
Рѣсницы черныя и очи голубыя!

Батюшковъ говоритъ, что у насъ первые начали писать въ антологическомъ родѣ Ломоносовъ и Сумароковъ. Что касается до послѣдняго, мы, не желая говорить о пустякахъ, умолчимъ о его антологическихъ стихотвореніяхъ. Ломоносовъ написалъ въ антологическомъ родѣ пьесу „Мокрый Амуръ“, которая несказанно восхищала его современниковъ; но мы не видимъ въ ней ни вкуса, ни таланта, ни поэзіи; антологическаго же въ ней еще меньше. Антологическая поэзія требуетъ бо́льшаго таланта, ибо требуетъ въ высшей степени художественной формы, недостатка которой не можетъ искупить ни пламенное чувство, ни богатство содержанія. Батюшковъ упоминаетъ еще объ удачныхъ подражаніяхъ антологической поэзіи Вольтера, будто бы мастерски переведенныхъ порусски Дмитріевымъ. Чтобъ не завлечься далеко сличеніями, не скажемъ, до какой степени удачны его подражанія антологіи Вольтера; но можемъ сказать утвердительно, что въ мастерскихъ переводахъ Дмитріева рѣшительно нѣтъ ничего мастерского—нѣтъ ни призрака пластичности, ни искры поэзіи или таланта. Это—проза въ стихахъ, которые въ свое время дѣйствительно были хороши, а теперь стали очень плохи. Дмитріевъ былъ человѣкъ необыкновенно умный, острый; онъ оказалъ большія услуги русскому

языку и литературѣ; но его поэзія — поэзія головы и разсудка, а не сердца и фантазіи; въ его духѣ не было ничего родственнаго съ духомъ эллинизма; стихъ его прозаиченъ, образы вялы и отвлеченны. Первый началъ у насъ писать въ антологическомъ родѣ Державинъ. Въ своихъ такъ называемыхъ *анакреонтическихъ* стихотвореніяхъ онъ является тѣмъ же, чѣмъ и въ одѣ, — человѣкомъ, одареннымъ большими поэтическими силами, но неумѣвшимъ управляться съ ними, по недостатку вкуса и художественнаго такта. Въ цѣломъ всѣ произведенія Державина — какія-то безобразныя массы грубаго вещества, блещущія драгоцѣнными камнями въ подробностяхъ. Но цѣлаго у него никогда не ищите; превосходнѣйшіе стихи перемѣшаны у него съ самыми прозаическими, плѣнительнѣйшіе образы съ самыми грубыми и уродливыми. Потому-то Державина теперь никто не читаетъ, хотя и всѣ справедливо признаютъ въ немъ огромный талантъ. Напрасно думаютъ многіе, что дурной языкъ и некрасивые стихи ничего не значатъ и могутъ искупаться полнотою чувства, богатствомъ фантазіи и глубокими идеями; сущность поэзіи — красота, и безобразіе въ ней не какой-нибудь частный и простительный недостатокъ, но смертоносный элементъ, убивающій въ созданіи поэта даже истинно-прекрасныя мѣста. Одинъ дурной стихъ, одно прозаическое выраженіе, одно неточное слово иногда уничтожаетъ достоинство цѣлой и притомъ прекрасной пьесы. Пушкинъ потому и великій художникъ, что каждая его пьеса выдержана отъ начала до конца, ровна въ тонѣ, и въ малѣйшихъ подробностяхъ соотвѣтствуетъ своему цѣлому. Для доказательства справедливости нашихъ словъ нарочно выписываемъ здѣсь большую, поэтическую по мысли и отличающуюся необыкновенными красотами анакреонтическую оду Державина — „Рожденіе Красоты“. Чтобъ быть понятными для всѣхъ безъ лишнихъ словъ, слабыя мѣста, безвкусныя выраженія, дурные стихи, неточныя слова мы означимъ курсивомъ:

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ.
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огонь,
Благовоній мгла летала,
И Олимпъ былъ свѣта полнъ.
Раздавались пѣсенъ хоры,
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ—
И, увидя царства, грады,
Чтб погибли отъ боевъ,
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ,
Распалился столько гнѣвомъ,
Что, курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей [1]).
Вмигъ сокрылся *блескъ лазуря;*
Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихорь съ ризъ его, и буря
Восшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,
Мракъ во пламени горѣлъ,
Яры волны, будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворенны безднъ утробы
Тартаръ искры извергалъ,
Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Колъ еще бы грянулъ громъ,
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ [2]).
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Стало, знать, красавицъ жаль;
А какъ съ ними не смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Вплъ въ власы пески златые,
Пламя—въ щеки и уста,
Небо—въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь—и красота
Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась,
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелѣя табуномъ,
На свои ее взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись
Подъ жемчужной колесницей,
Съ ней на воздухъ поднялись
И, летя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ;
Зевсъ объялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ [3]).
Боги, молча, удивлялись
На красу, *разиня ротъ,*
И согласно въ томъ признались:
Міръ и брани—отъ *красотъ.*

Вотъ ужъ подлинно глыба грубой руды съ яркими блестками чистаго, самороднаго золота! И таковы-то всѣ анакреонтическія стихотворенія Державина: они больше, нежели все прочее, служатъ ручательствомъ его громаднаго таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что онъ былъ только поэтъ, а отнюдь не художникъ, т.-е., обладая великими силами поэзіи, не умѣлъ владѣть ими. Ни одна пьеса его не чужда реторики, слабыхъ, растянутыхъ и вялыхъ стиховъ, вставочныхъ мѣстъ, а потому, всѣ онѣ лишены индивидуальной цѣлостности, общности впечатлѣнія, лишены

---

[1]) По нашему мнѣнію, эти четыре стиха—торжество державинской поэзіи,—и несмотря на ихъ какъ-бы шуточный тонъ, они исполнены антологической граціи и вмѣстѣ классическаго величія.
Прим. Бѣлинскаго.

[2]) Какая трескотня надутыхъ реторическихъ фразъ! какое безвкусіе въ образѣ выраженія!
Прим. Бѣлинскаго.

[3]) Какіе превосходные два стиха, полные гомерическаго величія и граціи!
Прим. Бѣлинскаго.

этой *виртуозности*, которую придаетъ произведенію окончательная отдѣлка художническаго рѣзца поэта. Тѣмъ не менѣе Державину первому принадлежитъ честь ознакомить Русскихъ съ антологическою поэзіею, — и его анакреонтическія пьесы, недостаточныя въ цѣломъ, блещутъ неподражаемыми красотами въ частностяхъ, хотя и нужно имѣть слишкомъ много самоотверженія, свойственнаго пламеннымъ дилетантамъ, чтобъ усмотрѣть въ нихъ красоты, несмотря на восторгъ, безпрестанно охлаждаемый дурными стихами.

Державинъ только началъ; но дѣйствительно познакомили насъ съ духомъ древней классической литературы и переводами и оригинальными произведеніями два поэта— Гнѣдичъ и Батюшковъ [1]): первый, своимъ переводомъ „Иліады“ — этимъ гигантскимъ подвигомъ великаго таланта и великаго труда, переводомъ идилліи Теокрита „Сиракузянки“, собственною идилліею „Рыбаки“ и другими произведеніями. Муза Батюшкова была сродни древней музѣ. Жаль только, что духъ времени и французская эстетика лишили этого поэта свободнаго и самобытнаго развитія. До Пушкина не было у насъ ни одного поэта съ такимъ классическимъ тактомъ, съ такою пластичною образностію въ выраженіи, съ такою скульптурною музыкальностію, если можно такъ выразиться, какъ Батюшковъ. Мы уже приводили въ примѣръ его истинно-образцовые, истинно-артистическіе переводы изъ Антологіи: самъ Пушкинъ не отрекся бы назвать ихъ своими— такъ хороши нѣкоторые изъ нихъ. И между тѣмъ, всѣ, зная „Умирающаго Тасса“ и другія большія произведенія Батюшкова, какъ-будто и не хотятъ знать о его переводахъ изъ Антологіи—лучшемъ произведеніи его музы. И это понятно: произведенія въ древнемъ родѣ, подобно камеямъ и обломкамъ барельефовъ, находимымъ въ Помпеѣ, могутъ услаждать вкусъ только глубокихъ цѣнителей искусства, приводить въ восторгъ только тонкихъ знатоковъ изящнаго; для толпы они недоступны. Толпа обыкновенно зѣваетъ на кумиръ, котораго глубокое значеніе извѣстно одному жрецу. Сколько грусти, задушевности, сладострастнаго упоенія, нѣжнаго чувства и роскоши образовъ въ этомъ антологическомъ стихотвореніи:

Въ Лансѣ нравится улыбка на устахъ.
Ея плѣнительны для сердца разговоры;
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ
И съ поцѣлуемъ къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ...
Я таялъ, и Ланса млѣла...
Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,—
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей:
Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?—
Спокойся, ничего, безсмертными клянусь;
Я мыслію была встревожена одною:
Вы всѣ обманчивы, и я—тебя страшусь...

Сколько роскоши и вакханальнаго упоенія въ этомъ апотеозѣ сладострастія:

Тебѣ-ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Незрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства.
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
И робкій поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень;
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

Какая пластическая образность, умѣряющая внутреннее клокотаніе страсти и просвѣтляющая его до идеальнаго чувства, въ этой послѣдней антологической элегіи Батюшкова перевода:

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой;
Конецъ боренію; увы, всему конецъ!
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ!
Услышьте голосъ мой послѣдній и унылый.
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгораю.
Я вяну: но еще такъ пламенно люблю
И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ!

Пушкинъ, котораго поэтическій геній носилъ въ себѣ всѣ элементы жизни, которому доступны и родственны были всѣ сферы духа, всѣ моменты всемірно-историческаго развитія человѣчества, который былъ столько же поэтъ классическій, сколько поэтъ романтическій и поэтъ новѣйшаго времени,— Пушкинъ съ особенною любовью обращалъ свое вниманіе на обаятельный міръ древняго искусства. Его неистощимая и многосторонняя художническая дѣятельность обогатила нашу литературу множествомъ превосходнѣйшихъ произведеній въ антологическомъ родѣ, въ которыхъ дивная гармонія его стиха сочеталась съ самымъ роскошнымъ пластицизмомъ образовъ: это мраморныя изваянія, которыя дышутъ музыкой... Мы не имѣемъ нужды въ большихъ выпискахъ для доказательства нашей мысли: всѣ стихотворенія Пушкина извѣстны наизусть каждому, сколько-нибудь образован-

[1]) Имя Мерзлякова также заслуживаетъ упоминанія въ дѣлѣ знакомства нашей литературы съ древнею поэзіею: нѣкоторые его переводы изъ древнихъ весьма примѣчательны; переведенная имъ элегія „Сафо къ Венерѣ“ особенно интересна и сама по себѣ и въ сравненіи съ этою самою пьесою Державина.
Прим. Бѣлинскаго.

ному человѣку на всемъ пространствѣ великой Руси. Потому приведемъ въ примѣръ только три небольшія пьесы — и то не въ оправданіе нашего взгляда на ихъ художественное достоинство, а для того, чтобъ яснѣе и очевиднѣе показать, что́ такое антологическая поэзія, и какъ высказывается эллинскій духъ въ „божественной эллинской рѣчи“—какъ назвалъ ее самъ Пушкинъ.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о, други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно же и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклонясь, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Эти три пьесы могутъ служить высочайшимъ идеаломъ антологической поэзіи. Вотъ перечень другихъ: „Доридѣ“, „*Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда*“, „Дорида“, „Муза“, „Діонея“, „Дѣва“, „Примѣты“, „Земля и Море“, „Красавица передъ Зеркаломъ“, „Ночь“, „*Ты вянешь и молчишь*“, „Сафо“, „Буря“, „Отвѣтъ Ѳ. Т.“, „Соловей“, „*Кобылица молодая*“, „*Городъ пышный, городъ бѣдный*“, „Птичка“, „Къ портрету Жуковскаго“, „Лилѣ“, „Именины“, „Веселый пиръ“, „*Не плѣняйся бранной славой*“, „*Поѣдемъ, я готовъ*“, „Риѳма“, „Трудъ“, „*Каковъ я прежде былъ*“, „Сѣтованіе“, „Художнику“, „Три Ключа“, „LVII ода Анакреона“, „*Богъ веселый винограда*“, „Мальчику“, „Изъ Анакреона“, „Добрый совѣтъ“, „*Счастливъ, кто избранъ своенравно*“, „Подражаніе арабскому“, „Леила“, „Послѣдніе цвѣты“, „*Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ*“ и пр. Многимъ, можетъ быть, покажется странно, что мы относимъ къ числу антологическихъ не только такія стихотворенія, которыхъ содержаніе принадлежитъ скорѣе новѣйшему міру, нежели древнему, но даже и подражаніе арабской пьесѣ, тогда какъ аравійская поэзія не имѣетъ ничего общаго съ греческою. На это мы отвѣтимъ, что сущность антологическихъ стихотвореній состоитъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ и манерѣ. Простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы—вотъ отличительные признаки антологическаго стихотворенія. Тутъ обыкновенно, въ краткой рѣчи, молніеносномъ и неожиданномъ оборотѣ, въ простыхъ и немногосложныхъ образахъ, схватывается одно изъ тѣхъ ощущеній сердца, одна изъ тѣхъ картинъ жизни, для которыхъ нѣтъ слова на вседневномъ языкѣ человѣческомъ, и которыя находятъ свое выраженіе только на языкѣ боговъ, въ поэзіи, въ опроверженіе ложнаго мнѣнія людей добрыхъ, почтенныхъ, но ничего неразумѣющихъ въ дѣлѣ искусства, которые утверждаютъ, въ простотѣ ума и сердца, что слово недостаточно для мысли, какъ будто слово не есть явленіе мысли... Вотъ, напримѣръ, антологическое стихотвореніе одного неизвѣстнаго, но даровитаго поэта [1]), въ которомъ выражено обаяніе сна, или, лучше сказать, усыпленія, послѣ прогулки фантастическимъ вечеромъ мая: прочтите его, — и вы сами поймете лучше всякихъ объясненій, что поэзія есть выраженіе невыражаемаго, разоблаченіе таинственнаго—ясный и опредѣлительный языкъ чувства нѣмотствующаго и теряющагося въ своей неопредѣленности!

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ,
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И, въ рѣдкомъ тростникѣ медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,
Иду я подъ родной соломенный мой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темно-цвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

Что это такое?—Вздохъ музыки, палевый лучъ луны, играющій на поверхности спящаго пруда, поэтическая апотеоза простого дѣйствія природы въ фантастическомъ образѣ легкой феи, успокоительной царицы сна? —

[1]) Аполлона Майкова. См. объ этомъ ниже, въ статьѣ № 34.

Что̀ бы то ни было—вы его понимаете, оно вамъ знакомо, вы не разъ испытали его, это *что-то*, которому поэтъ далъ и образъ и имя... Это — ощущеніе, всѣмъ знакомое и всѣмъ общее въ жизни. А вотъ и картина: вспомните Пушкина „Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила“. Глубокъ смыслъ этой прелестной картины: она — одно изъ обычныхъ явленій молодой любви, она выражаетъ общій характеръ любящаго женскаго сердца, которое изливается въ упрекахъ и ненависти отъ полноты оскорбленной любви, и — все отъ той же любви — сторожа покой милаго ему оскорбителя, изливается тихими слезами, готовыми уступить мѣсто и тихой радости и бурнымъ восторгамъ...

Содержаніе антологическихъ стихотвореній можетъ браться изъ всѣхъ сферъ жизни, а не изъ одной греческой: только тонъ и форма ихъ должны быть запечатлѣны эллинскимъ духомъ. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ ясно можно видѣть, въ чемъ состоитъ эллинизмъ формы. Посему, къ антологическимъ же стихотвореніямъ Пушкина должно причислить и слѣдующую пьесу, хотя она взята и совершенно изъ другого міра поэзіи:

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена.
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежный,
Пока дохнетъ веселый день,
И двигнется ночная тѣнь!

Мало этого: поэтъ можетъ вносить въ антологическую поэзію содержаніе совершенно новаго и, слѣдовательно, чуждаго классицизму міра, лишь бы только могъ выразить его въ рельефномъ и замкнутомъ образѣ, этими волнистыми, какъ струи мрамора, стихами, съ этою печатью виртуозности, которая была принадлежностью только древняго рѣзца. Къ такимъ пьесамъ причисляемъ мы Пушкина: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Ненастный день потухъ“, „Я васъ любилъ“ и „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“. Но „Воспоминаніе“ и „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ уже не могутъ быть отнесены къ разряду антологическихъ стихотвореній, сколько по содержанію, слишкомъ полному думы и вниканія и притомъ такъ грустныхъ и печальныхъ,—столько и по формѣ поэтической, но не пластической. Антологическая поэзія допускаетъ въ себя и элементъ грусти, но грусти легкой и свѣтлой, какъ таинственный сумракъ жилища тѣней, какъ тихое безмолвіе сада, уставленнаго урнами съ пепломъ почившихъ... Грусть въ антологической поэзіи— это улыбка красавицы сквозь слезы...

Что же касается до пластицизма антологической поэзіи,—этотъ пластицизмъ отнюдь не долженъ быть какимъ-нибудь внѣшнимъ нарядомъ, искусственною отдѣлкою, или извѣстною манерою, но выраженіемъ внутренняго и сокровеннаго духа жизни, которымъ дышетъ всякое художественное произведеніе—творческой, живоначальной идеи. Переводчикъ „Римскихъ Элегій“ Гёте говоритъ о нихъ въ своемъ краткомъ предисловіи такъ: „Способность великаго создателя „Фауста“ подчинять самые пылкіе порывы одушевленія законамъ изящнаго, дала этимъ отрывкамъ всю прелесть художественной отдѣлки, накинула на обольстительные образы завѣсу граціи и вкуса: причуды геніальнаго воображенія, игривыя движенія души поэта не оскорбляютъ ни чувства, ни теоріи“. — Мысль не совсѣмъ вѣрная, или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ вѣрно выраженная! Ея значеніе таково, какъ-будто Гёте подкрасилъ само по себѣ не совсѣмъ красивое, соблазнительное сдѣлалъ только обольстительнымъ, тогда какъ онъ въ самомъ дѣлѣ прекрасное по идеѣ и сущности выразилъ въ прекрасной формѣ. Художественна только та форма, которая рождается изъ идеи, есть откровеніе духа жизни, свѣжо и здорово вѣющаго. Въ противномъ случаѣ она поддѣльна, въ родѣ вставныхъ зубовъ, румянъ и бѣлилъ, и принадлежитъ не къ сферѣ искусства, а къ сферѣ магазиновъ съ галантерейными вещами. Есть большая разница между пластическою художественностью Гомера и пластическою художественностью Виргилія: первая—выраженіе внутренней жизненности, и потому—изящество; вторая—внѣшнее украшеніе, и потому—щегольство. Гомеръ изящный художникъ; Виргилій—ловкій, нарядный щеголь. Мало того, чтобъ хорошо владѣть гекзаметромъ и часто употреблять выраженія въ древнемъ духѣ, надо, чтобъ этотъ гекзаметръ и эти выраженія въ древнемъ духѣ были плодомъ вдохновенія, проявленіемъ внутренней жизненности идеи стихотворенія.

Въ дополненіе къ сказанному присовокупимъ нѣсколько словъ о размѣрѣ, свойственномъ антологическимъ стихотвореніямъ. Въ наше время смѣшно и нелѣпо указывать поэту, какой именно и непремѣнно размѣръ долженъ онъ употреблять въ томъ или другомъ родѣ поэзіи; но тѣмъ не менѣе, общее согласіе мастеровъ поэзіи, руководимыхъ своимъ художническимъ инстинктомъ, установило на это что-то въ родѣ постоянныхъ правилъ, хотя и допускающихъ исключенія. Такъ, напримѣръ, для новѣйшей драмы преимущественно употребляется пятистопный ямбъ безъ риѳмъ; въ мелкихъ поэмахъ и лирическихъ произведеніяхъ—четырехстопный ямбъ, и т. д. Для антологическихъ стихо-

твореній преимущественно употребляется гекзаметръ и шестистопный ямбъ. О гекзаметрѣ нечего говорить: онъ сынъ эллинскаго генія. Но удивительно хорошо идетъ къ антологическимъ стихотвореніямъ шестистопный ямбъ: онъ былъ такъ опрозаенъ прежними стихотворцами и піитами, что его считали уже ни на что не годнымъ, кромѣ эпическихъ піимъ въ родѣ „Россіады“ и надутыхъ трагедій въ родѣ „Димитрія Донского“. Пушкинъ освятилъ его своею музою, возродилъ, пересоздалъ, придалъ ему какую-то особенную гармонію, непостижимую прелесть и грацію. Для значительно бо̀льшаго произведенія шестистопный ямбъ былъ бы монотоненъ, но къ антологическимъ стихотвореніямъ онъ идетъ не меньше гекзаметра: его плавно перекатывающіяся, мягко переливающіяся полустишія такъ отзываются какою-то живою, упругою выпуклостію и дѣлаютъ его такъ способнымъ задвинуть и замкнуть пьесу, сообщивъ ей характеръ полноты и цѣлости: обратите особенное вниманіе на послѣдніе три и особенно на шестой стихъ этой пьески:

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

Для истиннаго поэта всѣ размѣры одинаково хороши, и онъ каждый изъ нихъ умѣетъ сдѣлать приличнымъ для избраннаго имъ рода стихотвореній. Говоря о гекзаметрѣ и шестистопномъ ямбѣ, какъ о приличнѣйшихъ размѣрахъ для антологической поэзіи, мы только замѣтили фактъ, существующій въ нашей литературѣ. Послѣ гекзаметра и шестистопнаго ямба съ особеннымъ эффектомъ употребляется и четырехстопный хорей.

Изъ новѣйшихъ языковъ только нѣмецкій и русскій могутъ имѣть гекзаметръ, и уже по одному этому болѣе другихъ способны къ передачѣ древнихъ произведеній и къ оригинальному созданію въ ихъ духѣ. Гёте избралъ гекзаметръ для своихъ „Римскихъ Элегій“,—нашъ переводчикъ передалъ ихъ также гекзаметромъ. Несмотря на неотъемлемое достоинство стиховъ г. Струговщикова, все же нельзя не замѣтить, что бороться съ гекзаметромъ Гёте могъ бы только развѣ Пушкинъ. Желаніе вѣрнѣе передавать подлинникъ нерѣдко отвлекало переводчика отъ заботливой отдѣлки гекзаметра, — размѣра, по преимуществу гармоническаго и пластическаго,—и потому у него иногда попадаются стихи, подобные слѣдующему:

Гаснетъ лампада. О, други! *и тутъ, несказанно добрая*, и пр.

Но это только недостатокъ отдѣлки, который переводчику всегда легко исправить. Гораздо бо́льшаго упрека заслуживаетъ онъ за выпуски и измѣненія противъ подлинника. Замѣтимъ ихъ. Вторая элегія оканчивается у переводчика:

. . . . Исполнять безусловно желанія друга,
Вотъ ея первая радость вмѣстѣ и первый законъ.
Щедро ей платитъ за это пришлецъ разсказомъ про снѣжныя
Горы, лѣса дремучіе, льдины, моря и гранитъ;
Нѣтъ ей отказа ни въ чемъ. Рада Римлянка полярному
Гостю, а онъ, варваръ, полный ея властелинъ!

У Гёте это полнѣе, и переводчикъ выпустилъ самыя характеристическія подробности объ отношеніяхъ героя элегій къ его прекрасной:

Sie ergötzt sich an ihm, dem freien, rüstigen Fremden;
Der von Bergen und Schnee, hölzernen Haüsern erzählt;
Theilt die Flammen, die sie in seinem Busen entzündet,
Freut sich, dass er das Gold nicht wie die Römer bedenkt.
Besser ist ihr Tisch nun bestellet; es fehlet an Kleidern,
Fehlet am Wagen ihr nicht, der nach der Oper sie bringt.
Mutter und Tochter erfreun sich ihres nordischen Gastes,
Und der Barbar beherrscht römischen Busen und Leib [1]).

Но особенно непріятное впечатлѣніе производятъ пропуски въ V-й элегіи, которая и у самого Гёте болѣе другихъ дышетъ всею роскошью пластической красоты. Вотъ переводъ:

. . . . . Пусть въ половину
Буду я только ученъ,—да за это блаженъ я тричды!
Впрочемъ учиться могу я и тутъ, какъ вездѣ, созерцая
Формы живыя лучшаго въ мірѣ созданья, въ ту пору
Глазомъ смотрю осязающимъ, зрящей рукой осязаю:
Тайну искусства, мраморъ и краски вполнѣ изучая.
Если-жъ подруга уснетъ, я уношуся далеко,
Глядя на образъ прекрасной, гдѣ жизнь и покой сочетались.
Мысли одна за другою текутъ вереницей, и тщетно
Гаснетъ лампада. *О, други! и тутъ несказанно добрая,*
Нѣжнымъ дыханіемъ сердце она согрѣваетъ, надолго
Римскаго лика черты въ памяти мнѣ оставляя.

---

[1]) Въ не особенно точномъ переводѣ Ѳ. Миллера:
Любитъ она чужестранца—и какъ! Онъ свободенъ и силенъ;
Онъ ей о снѣжныхъ горахъ много чего разсказалъ.
Да, она съ нимъ раздѣляетъ восторги, которые ею
Сердцу его внушены. Мило ей въ другѣ и то,
Что онъ не скупъ, какъ природный римлянинъ, и платья даритъ ей,
И экипажъ, чтобъ могла въ оперу съѣздить порой.
Дочери, такъ какъ и матери, сѣверный гость ихъ пріятенъ:
Сердцемъ римлянки вполнѣ варваръ теперь овладѣлъ.

У Гёте:

Und belehr' ich mich nicht, indem ich des lieblichen Busens
Formen spähe, die Hand leite die Hüften hinab?
Dann versteh' ich den Marmor erst recht; ich denk' und vergleiche,
Sehe mit fühlendem Aug', fühle mit sehender Hand.
Raubt die Liebste denn gleich einige Stunden des Tages,
Giebt sie Stunden der Nacht mir zur Entschädigung hin.
Wird doch nicht immer geküsst, es wird vernünftig gesprochen;
Ueberfällt sie der Schlaf, lieg' ich und denke mir viel.
Oftmals hab' ich auch schon in ihren Armen gedichtet,
Und des Hexameters Maas leise mit fingernder Hand
Ihr auf dem Rücken gezählt. Sie athmet in lieblichem Schlummer.
Und es durchglühet ihr Hauch mir bis ins Tiefste die Brust.
Amor schüret die Lamp' indess und denket der Zeiten,
Da er den nämlichen Dienst seinen Triumvirn gethan [1]).

Это уже и не подражаніе—не только не переводъ. Какъ ни досадно намъ искажать дивную поэзію Гёте нашею пошлою прозою, но мы не можемъ не передать смысла его стиховъ въ слѣдующемъ, почти буквальномъ, переводѣ, чтобы всѣ читатели могли быть судьею въ этомъ обстоятельствѣ:

„И развѣ я не учуся, изслѣдуя формы любимой груди, водя моею рукою по прекрасному тѣлу? Тогда только вполнѣ понимаю я мраморъ; я думаю и сравниваю, вижу осязающимъ окомъ, осязаю зрящею рукою. И ежели любезная похищаетъ у меня нѣсколько часовъ дня, то она даетъ мнѣ въ вознагражденіе часы ночи. Не все же цѣловаться — иногда мы и разумно бесѣдуемъ; и если она предается сну, я лежу и много думаю. Часто мой геній творилъ въ ея объятіяхъ, и мѣру гекзаметра тихо считалъ я на ея плечѣ пальцами руки моей. Она дышетъ въ сладостномъ снѣ, и ея дыханіе прожигаетъ меня до глубины груди. Амуръ снова поправляетъ лампу и думаетъ о временахъ, когда онъ оказывалъ такую же услугу своимъ тріумвирамъ".

Впрочемъ, это единственная элегія, совершенно передѣланная переводчикомъ; во всѣхъ прочихъ встрѣчаются только частныя измѣненія и отступленія. Такъ въ III-й элегіи *Эндиміонъ* названъ *сыномъ Юпитера*, и вообще мысль оригинала передана темно.

Впрочемъ, что касается до мелкихъ недостатковъ перевода г. Струговщикова, они много выкупаются вѣрностію вѣющаго въ немъ гётева духа. Конечно, переводъ г. Струговщикова далеко не замѣняетъ подлинника, но даетъ о немъ понятіе не словами, а колоритомъ и благоуханіемъ, словомъ—болѣе или менѣе удачно схваченною въ немъ жизнію... Незнающіе нѣмецкаго языка обязаны г. Струговщикову знакомствомъ съ „Римскими Элегіями" Гёте; выучившись языку подлинника, они найдутъ въ нихъ не что-нибудь незнакомое, но сердце ихъ радостно и весело забьется отъ того чистаго, первоначальнаго звука, котораго самое эхо такъ очаровывало ихъ и заставляло съ такимъ упоеніемъ прислушиваться. Это можетъ дѣлать только истинный талантъ: ибо духъ открывается и дается только духу, не повинуясь мертвому знанію буквы и умѣнью или навыку передавать ее хотя бы и въ гладкихъ, звучныхъ стихахъ. Недостатки перевода г. Струговщикова послѣ трудности бороться съ такимъ исполиномъ поэзіи, какъ Гёте, происходятъ даже едва-ли и отъ поспѣшности и недостатка труда, а скорѣе отъ ложнаго взгляда на искусство переводить. Впрочемъ, многія элегіи, особенно VII и VIII, переданы столько же близко и вѣрно, сколько и поэтически. Пятую элегію г. Струговщикову надо перевести вновь; недостатки въ прочихъ исправить: его таланта на это станетъ! Во всякомъ случаѣ, его переводъ „Римскихъ Элегій" Гёте былъ бы подвигомъ, достойнымъ хвалы и удивленія даже и не при настоящемъ положеніи нашей литературы, представляющей изъ себя зрѣлище мелкихъ, ничтожныхъ явленій и торговыхъ спекуляцій. Честь же и слава человѣку, который гордо сохраняетъ чистую и возвышенную любовь къ истинному искусству, и, не гоняясь за эфемерными успѣхами и не обращая вниманія на толпу, жадную только до литературныхъ мелочей, съ замѣчательнымъ успѣхомъ посвящаетъ данный ему Богомъ талантъ на усвоеніе родному языку великихъ созданій великаго поэта Германіи!...

1841 г.

---

[1]) Въ почти дословномъ (за исключеніемъ трехъ послѣднихъ строкъ) переводѣ Яхонтова:
И не учусь ли я также, когда по изящному стану
Тихо спускаясь рукою, изслѣдую чудныя формы
Груди возлюбленной? Только тогда постигаю, какъ должно,
Мраморъ, сличаю и мыслю, гляжу осязающимъ глазомъ,
Зрящей рукой осязаю. Ежели часъ иль другой
Милая днемъ и похититъ, то ночь всю даритъ мнѣ взамѣну.
Часто—не все-жъ цѣловаться—разумно бесѣдуемъ мы;
Сонъ ли ее одолѣетъ—лежу я и думаю много.
Часто стихи я слагалъ, оставаясь въ объятьяхъ ея,
Звучныя мѣры гекзаметра пальцами тихо считая
На обнаженномъ плечѣ. Горячо она дышетъ въ дремотѣ,
И глубоко проникаетъ мнѣ сладость дыханія въ грудь.
Молча Амуръ между тѣмъ поправляетъ ночную лампаду,
Тѣ времена вспоминая, когда онъ такую-жъ услугу
Тайно оказывалъ здѣсь молодымъ туіумвирамъ своимъ.

33. Русская литература въ 1841 году.

„Литературныя Мечтанія“ Бѣлинскаго были напечатаны въ мало извѣстной, а въ сороковыхъ годахъ и совершенно позабытой „Молвѣ“; Бѣлинскій же, очевидно, настолько дорожилъ мыслями этой своей первой критической статьи, что захотѣлъ повторить ихъ семь лѣтъ спустя для болѣе широкой аудиторіи—читателей „Отечественныхъ Записокъ“. Воспользовавшись формой воскрешеннаго имъ годового литературнаго обзора, Бѣлинскій въ настоящей статьѣ снова далъ обобщающее обозрѣніе всей русской литературы послѣ-петровскаго времени. Дѣлая это, онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду задуманную имъ исторію русской литературы; настоящая статья можетъ считаться краткимъ конспективнымъ изложеніемъ одного изъ главныхъ отдѣловъ этой предполагавшейся книги: развернуть этотъ конспектъ въ обширную книгу было только дѣломъ времени. Мы еще увидимъ, какъ нѣсколько страницъ о Державинѣ изъ настоящей статьи разрослись въ большую статью „Сочиненія Державина“, 1843 года (см. ниже статью № 44); точно такъ же рядъ страницъ о Пушкинѣ является какъ бы предисловіемъ къ уже задуманнымъ „пушкинскимъ статьямъ“ 1843—1846 гг.

Намъ часто приходилось подчеркивать въ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ постоянство литературно-критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго, столь противоположное измѣнчивости его философскихъ воззрѣній; крайне интереснымъ является поэтому детальное сравненіе настоящей статьи съ „Литературными Мечтаніями“. Даже въ мелочахъ остался вѣренъ Бѣлинскій своимъ литературнымъ взглядамъ „телескопскаго“ періода: стоитъ сравнить, напримѣръ, мимолетную характеристику Языкова и Хомякова въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ (см. наст. изд. т. I, стр. 284 и 252) съ такой же характеристикой въ настоящей статьѣ. Мы не имѣемъ возможности шагъ за шагомъ сравнить настоящую статью съ „Литературными Мечтаніями“; въ видѣ частнаго примѣра остановимся только на Карамзинѣ, о которомъ намъ и выше не приходилось говорить, и ниже не придется. „Карамзинъ предположилъ себѣ цѣлью—*пріучить, пріохотить русскую публику къ чтенію*“, говорилъ Бѣлинскій въ первой своей статьѣ (наст. изд., т. I, стр. 51); въ настоящей статьѣ подробно развивается та главная мысль, что „Карамзинъ *первый* родилъ въ обществѣ потребность чтенія, размножилъ читателей во всѣхъ классахъ общества, создалъ русскую публику“; и тогда и теперь Бѣлинскій справедливо видѣлъ въ этомъ главную литературную заслугу Карамзина, прямое слѣдствіе его стилистической реформы. Прослѣдите подробно за этими двумя характеристиками, отдѣленными одна отъ другой цѣлымъ семилѣтіемъ, и вы увидите, какъ твердо стоялъ Бѣлинскій на разъ выработанной точкѣ зрѣнія; но тутъ же вы увидите, насколько возмужали и развились воззрѣнія Бѣлинскаго: это возмужаніе характеризуется *исторической точкой зрѣнія* на литературу [1]). Бѣлинскій теперь понимаетъ историческую необходимость и законность сентиментализма, въ то время какъ раньше онъ считалъ его только „смѣшнымъ и жалкимъ дѣтствомъ“, „маніей странной и неизъяснимой“ (наст. изд., т. I, стр. 52). Мы уже знаемъ, что эта историческая точка зрѣнія была однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ слѣдствій русскаго гегеліанства—см. нашу замѣтку къ статьѣ № 13. Правда, Бѣлинскій уже миновалъ тотъ періодъ принятія „разумной дѣйствительности“, когда онъ готовъ былъ дойти до признанія А. А. Орлова, о чемъ мы говорили въ указанной выше замѣткѣ; по крайней мѣрѣ тамъ онъ признавалъ историческое значеніе Сумарокова и даже его заслуги въ дѣлѣ развитія русскаго театра, а теперь Бѣлинскій, измѣняя своей исторической точкѣ зрѣнія, снова съ презрѣніемъ относится къ этому якобы „бездарному писакѣ“. Однако если мы вспомнимъ, что въ томъ же 1841 году издавались С. Глинкою сочиненія Сумарокова съ восторженными комментаріями издателя, то некритическое мнѣніе Бѣлинскаго окажется достаточно понятнымъ и оправданнымъ.

Въ дальнѣйшемъ намъ еще не разъ придется возвращаться къ настоящей статьѣ Бѣлинскаго, къ ея литературнымъ характеристикамъ Державина, Жуковскаго, Баратынскаго, Кольцова (см. статьи №№ 41, 44,

[1]) Оцѣнка Бѣлинскимъ историко-литературнаго значенія Карамзина стала вскорѣ общепризнанной; оцѣнка же его, какъ историка, нуждается въ поправкахъ. См. *П. Милюковъ*, „Главныя теченія русской исторической мысли“. Литературу о Карамзинѣ см. въ статьѣ *Пономарева*, „Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ“ (въ „Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн. Им. Акад. Наукъ“ т. XXXII, 1883 г.); см. также *Пыпинъ*, „Обществ. движеніе въ Россіи при Александрѣ I“ и „Ист. русск. лит.“, т. IV.

56, 60 и др.); здѣсь же мы коснемся только одной частности—окончательно установившагося къ этому времени отношенія Бѣлинскаго къ такъ называемому „женскому вопросу“,—такъ какъ въ настоящей статьѣ Бѣлинскій впервые (если не считать мелкихъ рецензій 1841 года) высказалъ свой новый взглядъ на назначеніе женщины и рѣзко разорвалъ со своимъ былымъ отрицательнымъ взглядомъ на этотъ вопросъ. Этотъ былой взглядъ особенно выпукло былъ выраженъ въ рецензіи 1835 года на переводный романъ г-жи Монборнъ „Жертва“: въ этой рецензіи Бѣлинскій признаетъ только одно назначеніе женщины — быть „ангеломъ - хранителемъ мужчины на всѣхъ ступеняхъ его жизни“; самостоятельная же дѣятельность женщины ему ненавистна. Женщина, стремящаяся къ самостоятельности, къ „эмансипаціи“—нравственный уродъ, воплощеніе безнравственности; „une femme émancipée—восклицаетъ Бѣлинскій—это слово можно-бъ очень вѣрно перевести однимъ русскимъ словомъ, да жаль, что его употребленіе позволяется въ однихъ словаряхъ, да и то не во всѣхъ, а только въ самыхъ обширныхъ“... Это, кажется, предѣлъ, его же не прейдеши — ненависти къ „женскому вопросу“, къ „эмансипаціи“; естественно, что особенно ненавистна была Бѣлинскому „женщина - писательница“, какъ представительница типа femme émancipée: отсылаемъ читателя къ саркастическому восхваленію „эмансипаціи“ вообще и женщинъ-писательницъ въ особенности въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ (наст. изд. т. I, стр. 305—308). Естественна также ненависть Бѣлинскаго къ Жоржъ Зандъ, которая не только была талантливой писательницей, но сверхъ того и проповѣдывала въ своихъ романахъ столь ненавистную Бѣлинскому „эмансипацію“. Еще въ статьѣ о „Менцелѣ“, т.-е. въ 1839—1840 г., Бѣлинскій съ негодованіемъ говоритъ о „г-жѣ Дюдеванъ, или извѣстномъ, но отнюдь не славномъ Жоржъ Зандъ“, и о проповѣди ею „идей сенсимонизма“ о равноправіи половъ. Но тутъ подошелъ гегеліанскій кризисъ Бѣлинскаго и рѣзкая перемѣна его взглядовъ на общественные вопросы; рѣзко измѣнились взгляды Бѣлинскаго и на женскій вопросъ. Онъ становится все болѣе и болѣе восторженнымъ поклонникомъ таланта Жоржъ Зандъ: если въ одной изъ рецензій начала 1841 года (на повѣсть Ж. Занда „Мозаисты“) онъ еще дипломатично говоритъ, что „всѣмъ извѣстенъ талантъ знаменитой повѣствовательницы, равно какъ и ея недостатки“, то уже мѣсяцъ спустя, въ рецензіи на романъ „Мопра“ того же автора, Бѣлинскій провозглашаетъ Жоржъ Зандъ „геніальной женщиной“ и „адвокатомъ женщины“. А еще мѣсяцемъ позже Бѣлинскій пишетъ Боткину: „... надо мнѣ познакомиться съ сенсимонистами. Я на женщину смотрю ихъ глазами“ (28 іюня 1841 г.; см. также письмо отъ 8 сент. того же года). Наконецъ въ настоящей статьѣ Бѣлинскій провозглашаетъ необходимость „эмансипаціи“ женщины и съ негодованіемъ возстаетъ противъ обычнаго „истинно киргизъ - кайсацкаго мнѣнія“ о женщинахъ, мнѣнія, которое онъ самъ такъ еще недавно высказывалъ.

Быть можетъ, въ зависимости отъ этого новаго пониманія „женскаго вопроса“ стоитъ и чрезмѣрно восторженное отношеніе Бѣлинскаго къ нѣкоторымъ русскимъ писательницамъ того времени, особенно къ нѣкоей г-жѣ Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ *Зенеида Р—ва*. Бѣлинскій называетъ ее въ настоящей статьѣ „авторомъ многихъ превосходныхъ повѣстей“, считаетъ ее „примѣчательнѣйшимъ талантомъ современной литературы“ и т. п. Полтора года спустя, послѣ смерти г-жи Ганъ, Бѣлинскій написалъ даже большую статью „Сочиненія Зенеиды Р—вой“ (1843 г.), въ которой снова повторилъ свой „сенсимонистскій“ взглядъ на женщину и далъ краткій этюдъ о женщинахъ-писательницахъ въ Россіи; тутъ онъ болѣе сдержанно относится къ „Зенеидѣ Р—вой“ и подчеркиваетъ многіе недостатки ея произведеній, хотя и признаетъ въ ней „талантъ замѣчательный, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ дарованій“. Современному читателю не трудно убѣдиться, что талантъ „Зенеиды Р—вой“ былъ самый посредственный, обыденный, и что оцѣнка его Бѣлинскимъ крайне преувеличена; но это преувеличеніе было совершенно непроизвольнымъ, такъ какъ Бѣлинскій былъ подкупленъ „присутствіемъ живыхъ общественныхъ интересовъ и идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, человѣка и женщины въ особенности“—въ произведеніяхъ этой писательницы. Ко взглядамъ Бѣлинскаго на назначеніе женщины мы еще вернемся, говоря о разборѣ имъ типа пушкинской Татьяны (наст. изд., т. III, статья № 56).

Возвращаемся къ настоящей статьѣ Бѣлинскаго, къ ея основному тезису: мы уже указали на ея связь съ „Литературными Мечтаніями“, теперь надо указать, что эта связь доходитъ почти до тождественности главнаго тезиса. „У насъ нѣтъ литературы!“—восклицалъ Бѣлинскій въ своей „Элегіи въ прозѣ“; а лейтмотивомъ настоящей статьи является знаменитый пушкинскій стихъ о книгахъ: „Да гдѣ-жъ онѣ? Давайте ихъ!“ Снова обозрѣвая, какъ и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, всю русскую литературу отъ Ломоносова, Бѣлинскій снова находитъ

только нѣсколькихъ писателей, которыхъ еще продолжаютъ читать. Интересно сравнить эти выводы двухъ статей: въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій называлъ въ концѣ концовъ четырехъ „безсмертныхъ“ и „геніальныхъ“ русскихъ писателей—Державина, Крылова, Грибоѣдова и Пушкина; теперь онъ вычеркиваетъ изъ этого списка Державина, но зато прибавляетъ двухъ-трехъ новыхъ, называя Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Онъ признаетъ теперь, что „какова бы ни была наша литература, но она—огромное явленіе для какихъ-нибудь ста лѣтъ“; и однако Бѣлинскій все-таки еще отказывается признать существованіе русской литературы. Онъ стоитъ еще на той точкѣ зрѣнія, которую высказалъ годомъ раньше въ своемъ обзорѣ литературы за 1840 годъ: „русская литература только-что начинается, но ея еще нѣтъ“, писалъ онъ тамъ; и теперь онъ повторяетъ, что „вся надежда на будущее“. И это несмотря на то, что самъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ указываетъ на „историчность“ своего взгляда на литературу (подчеркивая *„историческое* достоинство оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго“); какимъ же образомъ онъ могъ настаивать на своемъ прежнемъ, отнюдь не историческомъ взглядѣ на русскую литературу? Это объясняется тѣмъ, что Бѣлинскій пожелалъ сохранить свое прежнее опредѣленіе литературы, какъ выраженія народнаго духа (см. наст. изд., т. I, стр. 13—15 и 250). „Литература есть народное самосознаніе“,—говорилъ тогда Бѣлинскій и находилъ, что, слѣдовательно, нѣсколько талантовъ не составляютъ еще литературы; теперь онъ неудачно пытается соединить этотъ взглядъ съ исторической точкой зрѣнія. „Вы говорите, что я нашелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность,—пишетъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ:—правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Нѣсколько человѣкъ еще не составляютъ общества“... Здѣсь новая „общественная“ точка зрѣнія соединяется съ былымъ не-историческимъ пониманіемъ литературы; такое сочетаніе могло быть только переходнымъ. И дѣйствительно, мы уже знаемъ, что въ 1843 году, въ помѣщенной нами выше статьѣ „Общее значеніе слова литература“, Бѣлинскій опредѣляетъ литературу, какъ „сознаніе народа, исторически выразившееся“, и находитъ въ русской литературѣ „живую, органическую связь“ (см. выше, стр. 98). Въ томъ же году, въ первой изъ „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскій заявилъ, что „несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, слѣдовательно у нея есть исторія“... Мы увидимъ, что въ своихъ послѣднихъ статьяхъ 1847—1848 г. Бѣлинскій еще разъ вернулся къ этому вопросу начала своей литературной дѣятельности и далъ на него отвѣтъ единственно возможный при историческомъ пониманіи литературы.

Заключаемъ двумя мелкими указаніями. Достоевскій передаетъ (въ „Дневникѣ писателя“ 1873 г.) разговоръ между Бѣлинскимъ и Герценомъ по поводу настоящей статьи и по поводу ея діалогической формы. Другой фактъ характернѣе. Боткинъ въ началѣ 1842 года писалъ Краевскому, что эта „статья Бѣлинскаго привела Шевырева въ негодованіе до того, что онъ посвятилъ одну цѣлую лекцію на опроверженіе ея“ ... (Пыпинъ, „Бѣлинскій“, стр. 396). Это очень характерно: ученый и небездарный профессоръ русской литературы съ высоты науки опровергалъ статью „недоучившагося студента“; но не прошло и четверти вѣка, какъ почти всѣ положенія этой статьи стали основными для всякаго, изучающаго исторію русской литературы. И.-Р.

Историческій взглядъ вообще на русскую литературу. — Кантемиръ — Ломоносовъ — Сумароковъ — Державинъ — Фонъ-Визинъ— Дмитріевъ — Карамзинъ — Крыловъ — Озеровъ — Жуковскій—Батюшковъ—Гнѣдичъ— Пушкинъ и его школа—Грибоѣдовъ.—Русскіе романы и романисты—Гоголь.—Современная литература въ 1841 году: періодическія изданія—литературныя и ученыя сочиненія.—Общій выводъ.

Сокровища родного слова,
Замѣтятъ важные умы,
Для лепетанія чужого
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ-жъ онѣ? Давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены: но дорожитъ
Однимъ-ль звуками піитъ?
И гдѣ-жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,

Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
. . . . . .
. . . . . .
Поэты наши переводятъ
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
Хорошъ россійскій Геликонъ!

Въ этихъ стихахъ Пушкина заключается самая рѣзкая характеристика русской литературы. Правда, многіе не безъ основанія могутъ принять ихъ скорѣе за эпиграмму на русскую литературу, нежели за характеристику ея, потому что уже поэзія самого Пушкина не подходитъ подъ эту характеристику, а у насъ, кромѣ Пушкина, есть и еще нѣсколько явленій, достойныхъ болѣе или менѣе почетнаго упоминанія даже при его имени. Но если это не характеристика, то и не совсѣмъ эпиграмма. Эпиграмма есть плодъ презрѣнія или предубѣжденія къ предмету, на которой она нападаетъ; а Пушкинъ, котораго поэзія—самый звучный и торжественный органъ русскаго духа и русскаго слова, не могъ презирать той литературы, которой посвятилъ всю жизнь свою. Впрочемъ, для оправданія великаго поэта въ подобномъ презрѣніи довольно было бы и этихъ чудныхъ стиховъ, въ которыхъ съ такою задушевностію, съ такимъ умиленіемъ высказывается самое родственное, самое кровное чувство любви къ родному слову:

..... Сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены . . . . .

Между тѣмъ, любовь любовью, а истина прежде всего—даже прежде самой любви. Вамъ, конечно, не разъ случалось слышать отъ другихъ и самимъ предлагать вопросъ: „Что̀ новаго у насъ въ литературѣ?“ или: „Нѣтъ ли чего-нибудь прочесть?“ Скажите: ка̀къ вы отвѣчали, или ка̀къ вамъ отвѣчали на этотъ вопросъ?... Правда, у насъ выходитъ ежемѣсячно книгъ до тридцати: ими испещряются книгопродавческія объявленія, сужденіями о нихъ наполняются библіографическіе отдѣлы журналовъ; ихъ хвалятъ и бранятъ; о нихъ спорятъ и бранятся, а между тѣмъ все-таки—

Да гдѣ-жъ онѣ? Давайте ихъ!

Какъ хотите, а это—презатруднительный вопросъ! Попытаемся, однакожъ, отвѣтить на него, только не прямо, и не просто, и не отъ своего лица, а въ формѣ слѣдующаго разговора между двумя лицами—А и Б.

А.—Такъ гдѣ-жъ онѣ? Давайте ихъ!

Б.—Извольте. Только ихъ такъ много, что ни мнѣ перечесть, ни вамъ унести съ собою невозможно. Начнемъ съ начала.

А.—Да, если вы вздумаете прочесть мнѣ весь каталогъ Смирдина, то, конечно, останетесь побѣдителемъ въ нашемъ спорѣ.

Б.—Нѣтъ, я буду говорить только о капитальныхъ явленіяхъ нашей литературы, которыхъ безсмертіе признано знаменитѣйшими авторитетами въ дѣлѣ эстетическаго вкуса и подтверждено „общимъ мнѣніемъ“.

А.—Интересно; начинайте же именно съ начала русской литературы.

Б.—Ну, вотъ вамъ „Сатиры Кантемира“...

А.—Покорно благодарю; вѣдь я спрашивалъ васъ о книгахъ, которыя годятся не для одного украшенія библіотекъ, но и для чтенія...

Б—Какъ! вы не признаете достоинства кантемировыхъ сатиръ? Вспомните, какою славою пользовались онѣ въ свое время! Вспомните эту поэтическую надпись къ портрету знаменитаго сатирика:

Старинный слогъ его достоинствъ не умалитъ.
Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя ужалитъ!

Вспомните, что̀ такъ основательно высказано Жуковскимъ въ его превосходной статьѣ „О сатирахъ Кантемира“...

А.—Какъ же, какъ же! читалъ я и ее: статья точно превосходная; но ваша первая попытка занять меня чтеніемъ все-таки не удалась: я уже читалъ Кантемира, а перечитывать—страшусь и подумать, потому что я читаю не изъ одного любопытства, но и для удовольствія.

Б.—Вотъ Ломоносовъ — поэтъ, лирикъ, трагикъ, ораторъ, риторъ, ученый мужъ...

А.—И прибавьте — великій характеръ, явленіе, дѣлающее честь человѣческой природѣ и русскому имени; только не поэтъ, не лирикъ, не трагикъ и не ораторъ, потому что реторика — въ чемъ бы она ни была, въ стихахъ или въ прозѣ, въ одѣ или похвальномъ словѣ — не поэзія и не ораторство, а просто реторика, вещь, высокочтимая въ школахъ, любезная педантамъ, но скучная и непріятная для людей съ умомъ, душою и вкусомъ...

Б.—Помилуйте!

Онъ нашихъ странъ Малербъ, онъ Пиндару подобенъ!

А.—Не спорю: можетъ быть, онъ и Малербъ „нашихъ странъ“, но отъ этого „нашимъ странамъ“ отнюдь не легче, и это нисколько не мѣшаетъ „нашимъ странамъ“ зѣвать отъ тяжелыхъ прозаическихъ и реторическихъ стиховъ Ломоносова. Но между нимъ и Пиндаромъ такъ же мало общаго, какъ между олимпійскими играми и нашими иллюминаціями — или олимпійскими ристаніями и нашими лебедянскими скачками; за

это я постою и поспорю. Пиндаръ былъ поэтъ: вотъ уже и несходство съ Ломоносовымъ. Поэзія Пиндара выросла изъ почвы эллинскаго духа, изъ нѣдръ эллинской національности; такъ называемая поэзія Ломоносова выросла изъ варварскихъ схоластическихъ реторикъ духовныхъ училищъ XVII вѣка: вотъ и еще несходство...

Б.—Но Ломоносову удивлялся Державинъ, его превозносилъ Мерзляковъ, и нѣтъ ни одного сколько-нибудь извѣстнаго русскаго поэта, критика, литератора, который не видѣлъ бы въ Ломоносовѣ великаго лирика. Въ одной статьѣ „Вѣстника Европы“ сказано: „Ломоносовъ дивное и великое свѣтило, *коего* лучезарнымъ сіяніемъ *не налюбоваться въ сытость и позднѣйшему потомству*“.

А.—Я *въ сытость* уважаю статью „Вѣстника Европы“, равно какъ и Державина и Мерзлякова; но сужу о поэтахъ по своимъ, а не по чужимъ мнѣніямъ. Впрочемъ, если вамъ нужны авторитеты,—ссылаюсь на мнѣніе Пушкина, который говоритъ, что „въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія“, что, „самъ будучи первымъ нашимъ университетомъ, онъ былъ въ немъ, какъ профессоръ поэзіи и элоквенціи, только исправнымъ чиновникомъ, а не поэтомъ, вдохновеннымъ свыше, не ораторомъ, мощно увлекающимъ“. И если вы имѣете право раздѣлять мнѣніе о Ломоносовѣ Державина, Мерзлякова и „Вѣстника Европы“, то почему же мнѣ не имѣть права раздѣлять мнѣніе Пушкина? Не правда ли?

Б.—Конечно; противъ этого не нашлись бы ничего сказать всѣ „ученые мужи“. Итакъ, вы не хотите считать сочиненій Ломоносова въ числѣ книгъ для чтенія?

А.—Я этого не говорю о всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова; но ужъ, конечно, не буду читать ни его реторики, ни похвальныхъ словъ, ни торжественныхъ одъ, ни трагедій, ни посланій о пользѣ стекла и другихъ предметахъ, полезныхъ для фабрикъ, но не для искусства; да, не буду, тѣмъ болѣе, что я уже читалъ ихъ... Но я всегда посовѣтую всякому молодому человѣку прочесть ихъ, чтобы познакомиться съ интереснымъ *историческимъ фактомъ* литературы и языка русскаго. Что же касается до собственно ученыхъ сочиненій Ломоносова по части физики, химіи, навигаціи, русскаго стихосложенія,—они всегда будутъ имѣть свою *историческую* важность и цѣну въ глазахъ людей, занимающихся этими предметами, всегда будутъ капитальнымъ достояніемъ исторіи *ученой* русской литературы; но публикѣ литературной они всегда будутъ чужды, какъ поэзія и ораторскія рѣчи Ломоносова... Ломоносову воздвигнутъ памятникъ,—и онъ вполнѣ достоинъ этого; онъ—великій характеръ, примѣчательнѣйшій человѣкъ: юноши съ особеннымъ вниманіемъ и особенною любовью должны изучать его жизнь, носить въ душѣ своей его величавый образъ; но, Бога ради, увольте ихъ отъ поэзіи и краснорѣчія Ломоносова... Прошлаго года, кажется, изданъ былъ, однимъ „ученымъ“ обществомъ, *выборъ* изъ поэтическихъ и ораторскихъ сочиненій Ломоносова, въ двухъ томахъ in-quarto, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ образецъ для школьныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ [1]). Что сказать объ этомъ? Я человѣкъ простой, не изъ „ученыхъ“;—можетъ, оно тамъ такъ и нужно—это не мое дѣло, какъ сказалъ городничій въ „Ревизорѣ“ объ учителѣ уѣзднаго училища; но между публикою и школою такая же разница, какъ и между книгою и дѣйствительностію: что хорошо въ одной, то никуда не годится въ другой...

Б.—Я понимаю, что вы хотите сказать. Итакъ, вотъ вамъ десять томовъ „Полнаго Собранія всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ *покойнаго* дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы въ удовольствіе любителей Россійской учености Николаемъ Новиковымъ“, и пр. Я надѣюсь, что вы къ его стихамъ и прозѣ будете благосклоннѣе, чѣмъ къ стихамъ и прозѣ Ломоносова: поэзія Сумарокова менѣе школьна и болѣе жизненна, чѣмъ поэзія Ломоносова. Сумароковъ писалъ не однѣ оды и трагедіи, но и сатиры, комедіи, даже комическія статьи, въ которыхъ преслѣдовалъ невѣжество, дикость нравовъ, ябедничество, взяточничество, казнокрадство и прочіе смертные грѣхи полу-азіатской общественности.

А.—И я согласенъ, что онъ принесъ своего рода пользу и сдѣлалъ частицу добра для общества; но не хочу кланяться грязному помелу, которымъ вымели улицу. Помело всегда помело, хотя оно и полезная вещь. Сатиры и комедіи Сумарокова—помело, въ полезности котораго я не сомнѣваюсь, но которому все-таки кланяться не стану. И суздальскія литографіи „какъ мыши кота погребаютъ“ и „какъ пришелъ Яковъ ѣрша смякалъ“ тоже принесли свою пользу черному народу: безъ нихъ онъ не имѣлъ бы понятія о вещи, называемой картиною; но кто же будетъ говорить о суздальскихъ лубочныхъ литографіяхъ, какъ о произведеніяхъ искусства? Сумароковъ нападалъ на

---

[1]) Объ этомъ изданіи см. въ нашей вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 8 (т. I, стр. 316 и 318).

невѣжество — и самъ не больше другихъ зналъ, и бредилъ только своимъ „бѣднымъ риѳмичествомъ“, какъ выразился о немъ Ломоносовъ. Сумароковъ преслѣдовалъ дикость нравовъ, жаловался печатно, что въ Москвѣ „во время представленія «Семиры» грызутъ орѣхи и, когда представленіе *въ пущемъ жарѣ своемъ*, сѣкутъ поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, къ тревогѣ всего партера, ложъ и театра“ [1]), — тотъ самый Сумароковъ избилъ палкою купца, который, видя его въ халатѣ, не сказалъ ему „ваше превосходительство!“ Главная причина негодованія Сумарокова на общественное невѣжество состояла въ томъ, что оно мѣшало обществу понимать его пресловутыя трагеліи; а подъячихъ преслѣдовалъ онъ сколько потому, что имѣлъ до нихъ дѣла, столько и для остраго словца. Истинное негодованіе на противорѣчія и пошлость общества есть недугъ глубокой и благородной души, которая стоитъ выше своего общества и носитъ въ себѣ идеалъ другой, лучшей общественности. Судя по одному поступку Сумарокова съ купцомъ, нельзя думать, чтобъ сей піита былъ выше своего общества; а въ сочиненіяхъ его незамѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ лучшаго идеала общественности. Онъ не страдалъ болѣзнями современнаго ему общества; онъ только досадовалъ и злился, что общество, не понимая его геніальныхъ твореній, не отдавало ему за нихъ должнаго почтенія, и вѣрило больше московскому подъячему, чѣмъ господину Вольтеру и ему, господину Сумарокову... [2]). Если хотите видѣть страданія высокой души человѣка, непонимаемаго современностію, — читайте письма Ломоносова къ Шувалову...

Б.—Но Сумароковъ былъ первымъ драматургомъ въ Россіи, и его трагедіямъ даже обожатели Ломоносова, какъ Мерзляковъ, отдаютъ преимущество?

А.—Я съ этимъ несогласенъ. Ломоносовъ и въ ошибкахъ своихъ поучительнѣе и выше этого бездарнаго писаки. Оба они реторы въ своихъ стихахъ; но вѣдь и реторика реторикѣ рознь, реторика Корнеля, Расина и Вольтера всегда будетъ выше реторики Озерова, а реторика Ломоносова выше реторики Сумарокова. Ломоносовъ вездѣ уменъ, даже и въ реторическихъ стихахъ своихъ.

Нѣтъ, по моему мнѣнію, Сумароковъ сдѣлалъ одно истинно важное дѣло, хотя и безъ всякаго особеннаго умысла: его піитическая тѣнь возникла передъ критическимъ окомъ С. Н. Глинки и вдохновила его „предъявить“ преинтересную книгу: „Очерки жизни и сочиненія Александра Петровича Сумарокова“, пресловутую книгу, которая, говоря языкомъ ея почтеннаго сочинителя, „огромила россійскій бытъ“... Вотъ за это спасибо Сумарокову: лучшаго онъ ничего не могъ сдѣлать... [1]).

Б.—Но что вы скажете о Княжнинѣ? Общее мнѣніе приписываетъ ему усовершенствованіе русскаго театра, рожденнаго Сумароковымъ...

А.—Да, общее мнѣніе всѣхъ „курсовъ и исторій русской литературы“. Княжнинъ не напрасно занимаетъ въ нихъ свое мѣсто; только ему и не должно выходить изъ нихъ, благо онъ пригрѣлъ себѣ тепленькую коморку. Исторія литературы и сама литература не всегда одно и то же. При возникновеніи литературы, начавшейся подражаніемъ, является множество маленькихъ героевъ, пріобрѣтающихъ себѣ безсмертіе. Грузинцевъ, авторъ пьесы „Петръ Великій“, и г. Свѣчинъ, сочинитель „Александроиды“, стоятъ Тредьяковскаго; но о нихъ уже забыли—они поздно родились, поздно явились; а Тредьяковскій никогда не будетъ забытъ, потому что родился во-время. Я не спорю, что Сумароковъ *отецъ россійскаго театра*, и притомъ достойный отецъ достойнаго сына; но все-таки театръ нашъ не исключительно отъ него долженъ вести свою родословную: вспомните, что еще въ царствованіе Алексія Михаиловича у насъ было нѣчто похожее на придворный театръ, гдѣ разыгрывались мистеріи, въ родѣ тѣхъ, которыми начались всѣ европейскіе театры. Что-жъ? не прикажете ли и ихъ напечатать для пользы и удовольствія почтеннѣйшей публики? И Французы въ исторіи своей литературы упоминаютъ о „мистеріяхъ“, равно какъ и о драмахъ Гарньѣ и Гарди, предшественникахъ Корнеля; но они не разбираютъ ихъ, не излагаютъ ихъ содержанія, не разсуждаютъ о ихъ красотахъ или недостаткахъ, не рекомендуютъ ихъ вниманію публики, не включаютъ ихъ въ общій капиталъ своей литературы. Литературныя заслуги бываютъ внѣшнія и внутреннія: первыя важны для той минуты, въ которую появились; вторыя остаются навсегда. Иначе ничьей жизни не достало бы перечесть и изучить иную литературу. Такъ и Княжнинъ, лѣпившій свои реторическія трагедіи и комедіи изъ дурно-переведенныхъ имъ лоскутковъ ветхой и дырявой мантіи классической французской Мельпомены, оказалъ своего рода пользу и современному театру и современной литературѣ. За это ему честь и слава; но требовать, чтобъ его

---

[1]) Полное Собр. соч. Сумарокова, т. IV, стр. 63. *Прим. Бѣлинскаго.*

[2]) Тамъ же. *Прим. Бѣлинскаго.*

[1]) Болѣе справедливую оцѣнку Сумарокова Бѣлинскій далъ годомъ позднѣе, разбирая „Рѣчь о критикѣ“ Никитенко (см. ниже, ст. № 40).

читали и это чтеніе называли „занятіемъ литературою“ — просто нелѣпость. Даже и учащемуся юношеству нѣтъ никакой нужды давать читать такихъ писателей, какъ Сумароковъ и Княжнинъ, если это дѣлается не для предостереженія отъ покушенія или возможности писать такъ же дурно, какъ писали сіи піиты. Но это значило бы подражать Спартанцамъ, которые, для внушенія своему юношеству отвращенія отъ пьянства, заставляли рабовъ напиваться...

Б. — Вижу, что о Херасковѣ и Петровѣ нечего и говорить съ вами...

А.—Тѣмъ болѣе, что о нихъ и педанты перестали говорить: эта тяжба начисто проигранная. Сюда же должно отнести и Богдановича съ его тяжелою и неуклюжею „Душенькою“, которая считалась въ свое время образцомъ легкости и граціозности и возбуждала фуроръ.

Б.—А Хемницеръ, Капнистъ?

А.—Изъ нихъ можно кое-что помѣщать въ хрестоматіяхъ и другихъ подобныхъ сборникахъ, составляемыхъ для руководства при изученіи исторіи русской литературы. Первый написалъ пять-шесть порядочныхъ басенъ, изъ которыхъ „Метафизикъ“ пользуется особеннымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ людей, видящихъ въ подобныхъ произведеніяхъ что-то важное, и говорящихъ „творецъ Метафизика“ точно такъ же, какъ другіе говорятъ „творецъ Макбета“. Капнистъ передѣлалъ довольно удачно, въ духѣ своего времени, одну или двѣ оды Горація; элегіи же его особенно важны для хрестоматій, какъ живое свидѣтельство сантиментальнаго духа русской литературы того времени. О „Ябедѣ“ его довольно сказать, что это произведеніе было благороднымъ порывомъ негодованія противъ одной изъ возмутительнѣйшихъ сторонъ современной ему дѣйствительности, и что, за это, долго пользовалось оно огромною славою, несмотря на все свое поэтическое и даже литературное ничтожество. Замѣчательно, до чего простиралось незаслуженное удивленіе къ этому посредственному произведенію: Писаревъ, лучшій русскій водевилистъ и вообще и человѣкъ замѣчательно-даровитый въ сферѣ мелкой житейской литературы, сражался за „Ябеду“ и въ стихахъ и въ прозѣ, и въ одномъ изъ своихъ лучшихъ произведеній, нападая на одного журналиста, повершилъ свои тяжкія обвиненія слѣдующею наивною выходкою:

Онъ Грибоѣдова хвалилъ—
И разругаль Капниста!...

Въ самомъ дѣлѣ, тяжелое обвиненіе! О, доброе старое время!...

Б.—Но мы, кажется, забѣжали впередъ; воротимтесь. Думаю, вы будете не такъ исключительны и строги въ своемъ сужденіи о Державинѣ.

А.—Съ уваженіемъ отступаю при этомъ знаменитомъ имени, но не для того, чтобъ пасть передъ нимъ во прахъ и безсознательно воскурить ѳиміамъ громкихъ фразъ и возгласовъ, а для того, чтобъ лучше и полнѣе измѣрить глазами этотъ величавый образъ и строже и тверже произнести свое сужденіе о немъ — потому именно, что глубоко уважаю его... Державинъ—первое *дѣйствительное* проявленіе русскаго духа въ сферѣ поэзіи, которой до него не было на Руси. Державинъ — это Илья Муромецъ нашей поэзіи. Тотъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, не зная, что онъ богатырь; а этотъ сорокъ лѣтъ безмолвствовалъ, не зная, что онъ поэтъ; подобно Ильѣ Муромцу, Державинъ поздно ощутилъ свою силу, а ощутивъ, обнаружилъ ее въ исполинскихъ и безплодныхъ проявленіяхъ... Никого у насъ не хвалили такъ много и такъ безусловно, какъ Державина, и никто доселѣ не понятъ менѣе его. Невольно смиряясь передъ исполинскимъ именемъ, всѣ склонялись передъ нимъ, не замѣчая, что это только имя — не больше; поэтъ, а не поэзія... Его всѣ единодушно превозносятъ, всѣ оскорбляются малѣйшимъ сомнѣніемъ въ безукоризненности его поэтической славы, и между тѣмъ никто его не читаетъ, и всего менѣе тѣ, которые печатно кричатъ о немъ... По моему мнѣнію, эти люди, такъ безсознательно поступающіе, дѣйствуютъ очень разумно, и нисколько не противорѣчатъ самимъ себѣ. Я сравнилъ Державина съ древнимъ русскимъ богатыремъ, Ильею Муромцемъ, и на основаніи этого сравненія назвалъ поэзію Державина исполинскими, но безплодными проявленіями поэтической силы; для объясненія своей мысли я долженъ продолжить это сравненіе. Илья Муромецъ одинъ-одинехонекъ побиваетъ цѣлую татарскую рать — и чѣмъ же? — не копьемъ, не мечемъ, не палицею тяжкою, а Татариномъ, котораго онъ схватилъ за ноги, да и давай имъ помахивать на всѣ четыре стороны, сардонически приговаривая:

„А и крѣпокъ Татаринъ—не ломится,
„А и жиловатъ, собака—не изорвется“.

Кто не согласится, что подобный подвигъ поражаетъ умъ удивленіемъ? Но и кто же не согласится, что возбуждаемое имъ удивленіе — чувство чисто внѣшнее, холодное, и что оно—только удивленіе, а не тотъ божественный восторгъ, который возбуждается въ духѣ чрезъ разумное проникновеніе въ глубокую сущность предмета? Но здѣсь нé во что проникать: здѣсь только сила, лишенная всякаго содержанія, сила какъ сила — больше ничего. Совсѣмъ не такъ дѣйствуютъ

на насъ миѳическія сказанія римскаго народа о Гораціяхъ-Коклесахъ, Муціяхъ-Сцеволахъ, или рыцарскія легенды о военномъ схимничествѣ за честь креста, гроба и имени Господня, о битвахъ за красоту, о неизмѣнности обѣтамъ, о безумномъ фантастическомъ обожаніи воображаемыхъ идеаловъ, какъ будто дѣйствительныхъ существъ: они возбуждаютъ въ насъ не одно удивленіе, но и любовь, и восторгъ, и созваніе. Съ любовію преклоняемся мы передъ безконечностію духа человѣческаго, предъ несокрушимою твердостію воли, торжествующей надъ ограниченными условіями немощной плоти; въ нихъ мы обожаемъ божественную способность человѣка уничтожаться, какъ въ жертвенномъ огнѣ на алтарѣ Бога, въ пафосѣ къ безплотной и безсмертной идеѣ... И это оттого, что онѣ полны обще-человѣческаго содержанія, что мы ощущаемъ, чувствуемъ и провидимъ въ нихъ все, чѣмъ человѣкъ есть человѣкъ—чувственное явленіе незримаго и вѣчнаго духа... И вотъ этого-то содержанія въ поэзіи Державина такъ же мало, какъ и въ подвигѣ Ильи Муромца. Откуда было взять ему содержаніе для своей поэзіи? Къ намъ долетали неопредѣленные слухи и толки о XVIII вѣкѣ Франціи, мы даже сами ѣздили знакомиться съ нимъ въ Парижъ... У насъ читали Вольтера и повторяли его остроты; но на Руссо смотрѣли только какъ на чувствительнаго мечтателя; существованія же Нѣмца Канта тогда никто и не подозрѣвалъ... Россія была навѣки оторвана отъ своего прошедшаго, да и притомъ такъ уже свыклась съ реформою, что и не могла ничего найти въ немъ для себя; настоящее ея было невѣрнымъ и косвеннымъ отраженіемъ чужого: откуда же было возникнуть въ ней своеобразному созерцанію жизни, суммѣ тѣхъ общихъ для всѣхъ и каждаго понятій, посредствомъ которыхъ въ обществѣ сливаются воедино всѣ частности и личности, которыя составляютъ цвѣтъ, характеристику, душу общества и, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ его поэзіи и литературѣ?.. Ихъ не было, и не могло быть. И вотъ отчего поэзія Державина такъ чужда всякаго содержанія. Что могъ видѣть и слышать онъ въ своемъ дѣтствѣ, у себя дома? чему могъ онъ выучиться въ школѣ? что могъ ему дать опытъ его жизни въ юношествѣ и въ лѣтахъ мужества? Можно ли дивиться, что въ апогеѣ своей славы пятидесятилѣтній Державинъ смотрѣлъ на поэзію, какъ на отдыхъ и забаву, а на канцелярскія бумаги, какъ на дѣло, считалъ себя не поэтомъ, а чиновникомъ? Повторяю: тутъ нечего было и думать о содержаніи для поэзіи—и поэзія Державина осталась безъ всякаго содержанія. Возьмемъ ли мы его такъ называемыя „анакреонтическія стихотворенія“: сколько въ нихъ превосходныхъ частностей, удачныхъ стиховъ, поэтическихъ образовъ, сколько огня и яркости; но вмѣстѣ съ тѣмъ, и какая во всемъ внѣшность: ни малѣйшаго признака, ни слабыхъ слѣдовъ мистики сердца, жизни чувства! Чувство любви онъ вездѣ беретъ въ его отвлеченной общности: оно всегда у него одно и то же, всегда неподвижно, оцѣпенѣло, никогда не переходитъ изъ мотива въ мотивъ, и потому лишено всего внутренняго,—блеститъ, но не грѣетъ... Возьмемъ ли его такъ называемыя философическія оды: онѣ иногда богаты сентенціями, въ родѣ описанія признаковъ, долженствующихъ составлять истиннаго вельможу, и всегда бѣдны мыслями, лишены созерцанія. Только одно созерцаніе сообщаетъ нѣкоторымъ его одамъ поэтическій колоритъ: это мысль о переходящности всего въ мірѣ, о паденіи героевъ, царствъ и народовъ, смываемыхъ съ лица земли волнами всепоглощающаго океана времени... Да, *дума* Державина объ этомъ предметѣ иногда грустна и полна величія и поэзіи, и нигдѣ не выразилъ онъ ее съ такою полнотою и силою, какъ въ своей прекрасной „Одѣ на смерть Мещерскаго“:

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Тутъ есть поэзія, потому что есть мысль, не изъ головы выскочившая въ одно прекрасное утро, когда хозяинъ этой головы, сидя въ халатѣ, пилъ чай и курилъ трубку, но вышедшая изъ глубоко-потрясенной натуры, въ страданіи рожденная изъ судорожно сжавшагося сердца... Особенно яркою характеристикою вѣка дышетъ этотъ куплетъ:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ-жъ онъ?—онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

XVIII вѣкъ слишкомъ игралъ жизнію, слишкомъ легко смотрѣлъ на нее; роскошь, прохлады и нѣги были его стихіею, потому удивительно ли, что только смерть человѣка,

а не причина и слѣдствіе ея заставляли призадумываться этихъ вѣтреныхъ, легкомысленныхъ дѣтей XVIII вѣка? На пиру грянулъ громъ — веселые гости смутились; передъ ними бездыханный трупъ „сына роскоши, прохладъ и нѣгъ“, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, человѣка, котораго смерть не должна бы посмѣть коснуться... Но *и онъ* мертвъ — *кто же* послѣ этого смѣетъ надѣяться на жизнь? эта мысль леденитъ кровь въ ихъ жилахъ, и изъ груди ихъ, сжатой страшнымъ призракомъ смерти, вырывается болѣзненный вопль: „О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“ Вотъ трагическая сторона XVIII вѣка, который больше всѣхъ золъ въ мірѣ боялся смерти,— и Державинъ безсознательно, но превосходно выразилъ эту мысль. Однакожъ, она у него не вездѣ одинаково хорошо выражена, всегда вертится около самой себя, не двигаясь впередъ, подобно колесцу вентилятора, и оттого утомляетъ читателя однообразнымъ шумомъ своихъ оборотовъ. Кромѣ же этой мысли, я другихъ не знаю у Державина; а согласитесь, что странно представить себѣ поэзію, которая вся вращается на одной, и притомъ лишенной внутренняго движенія мысли... Что же до его торжественныхъ одъ, — и въ нихъ есть смѣлые обороты, яркіе проблески *державинской* поэзіи; но онѣ невообразимо длинны, а это очень невыгодное обстоятельство въ лирической и особенно „торжественной“ поэзіи: при длинноте скука побѣдитъ всякую поэзію; потомъ, онѣ преисполнены враждебнаго для поэзіи элемента—реторики, натянуты, неестественны, дурно концепированы, а главное—лишены и тѣни какого бы то ни было содержанія. Притомъ же и событія, подавшія поводъ къ сочиненію этихъ одъ, были особенно важны только для своего времени: наше время совершенно къ нимъ холодно, потому что его интересы стали и пошире, и поглубже, и почеловѣчнѣе. Два стихотворенія Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская Годовщина“ совершенно уничтожаютъ всѣ многочисленныя торжественныя оды Державина.

Сверхъ „Оды на смерть Мещерскаго“ я высоко ставлю еще его „Водопадъ“. Въ этой пьесѣ съ особенною выпуклостію и рѣзкостію проявились всѣ достоинства и недостатки поэзіи Державина. Въ ней особенно замѣтенъ этотъ полетъ, составляющій характеристическую черту державинской поэзіи; глубокая и торжественная дума лежитъ въ ея основаніи; смѣлость и оригинальность образовъ и картинъ доходитъ въ ней часто до высокаго; въ ней—

Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подземныхъ.
. . . . . .
Утесы и скалы дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Духъ читателя настроенъ фантастически и ожидаетъ чудесъ—

Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрипъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщій гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ.
Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала;
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

Но особенно люблю я „Водопадъ“ за героя, котораго дивная судьба при жизни и дивная смерть среди степи, подъ походнымъ плащомъ, вдохновила Державина. Много величавыхъ образовъ украшаетъ блестящій вѣкъ Екатерины Великой; но Потемкинъ всѣхъ ихъ заслоняетъ въ глазахъ потомства своею колоссальною фигурою. Его и теперь все такъ же не понимаютъ, какъ не понимали тогда: видятъ счастливаго временщика, сына случая, гордаго вельможу,—и не видятъ сына судьбы, великаго человѣка, умомъ завоевавшаго свое безмѣрное счастіе, а геніемъ доказавшаго свои права на него. Потемкинъ—это одна изъ тѣхъ титанскихъ натуръ, которыхъ душа вѣчно пожирается ничѣмъ неудовлетворяемою жаждою дѣятельности, для которыхъ перестать дѣйствовать значитъ перестать жить, которымъ, завоевавъ землю, надо дѣлать высадку на луну или умирать...

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ,
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ,—ихъ шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о, чудный вождь Потемкинъ!

Колоссальный образъ Потемкина съ ногъ до головы облитъ поэзіею; Державинъ понялъ это,—и „Водопадъ“ самая высокая, самая поэтическая пѣснь его.

Однакожъ, смѣлая концепція этой пѣсни неудачна въ цѣломъ, и блеститъ только частностями: все сочиненіе растянуто; лучшія мѣста прерываются реторикою; желаніе сказать какую-нибудь любимую мысль, которая не выходитъ изъ предыдущаго и не вяжется съ послѣдующимъ, привело множество лишнихъ стиховъ только для внѣшней связи; безпрестанно загорающееся огнемъ поэзіи чувство читателя безпрестанно охлаждается водою общихъ реторическихъ мѣстъ; прекрасные стихи смѣняются дурными, счастливые обороты — ничтожными выраженіями, — и въ цѣломъ, эта поэма только

истомитъ и измучитъ читателя, а не усладитъ его полнымъ, яснымъ восторгомъ...

Я особенно дорожу тѣми одами Державина, въ которыхъ выражена вельможная и барская жизнь нараспашку—единственная, хотя и относительно-поэтическая жизнь того времени. Поэзія всегда вѣрна исторіи, потому что исторія есть почва поэзіи. Я сказалъ, что вельможество было единственнымъ образованнымъ сословіемъ того времени,—и это не могло не отразиться въ поэзіи Державина, давъ ей, хоть и бѣдное и одностороннее содержаніе. Такія оды его, какъ „Къ Первому Сосѣду", „Къ Второму Сосѣду", „Гостю" — принадлежатъ къ числу лучшихъ его одъ. Но еще интереснѣе тѣ изъ нихъ, которыя блещутъ картинами русской природы. Его русская осень гораздо лучше весны, а зима весело блеститъ яркою бѣлизною снѣговъ и пушистаго инея... Сѣдая чародѣйка, она машетъ косматымъ рукавомъ, сыпля снѣгъ, морозъ и иней, претворяя воды въ льды; въ поляхъ воютъ голодные волки; олень уходитъ на мшистыя тундры, медвѣдь ложится въ свое логовище... А румяная осень?—

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ.
Шумящи красно-желты листья
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ, посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги;
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ...

Да, Державинъ сочувствовалъ русской осенней и зимней природѣ,—и это сочувствіе, какъ наслѣдіе, перешло отъ него къ Пушкину. Но что́ у Пушкина является апоѳеозомъ, то у Державина есть только элементъ, начало чего-то, зерно еще неразвившееся въ растеніе и цвѣтъ. Великую приноситъ Державину честь, что онъ въ одѣ, гдѣ говорится объ осадѣ Очакова и Потемкинѣ, дерзнулъ, вопреки всѣмъ понятіямъ того времени о благородной и украшенной природѣ въ искусствѣ, говорить о зайцахъ, о голодныхъ волкахъ, о медвѣдяхъ, о русскомъ мужикѣ и его добрыхъ щахъ и пивѣ, дерзнулъ назвать зиму сѣдою чародѣйкой, которая машетъ *косматымъ* рукавомъ: это показываетъ, что онъ одаренъ былъ сильными и самостоятельными элементами поэзіи, которымъ, однакожъ, нельзя было развиться во что-нибудь опредѣленное и суждено было остаться только элементами, по отсутствію содержанія, еще невыработаннаго общественною жизнію, по неимѣнію литературнаго, поэтическаго, разговорнаго и всякаго языка, и по кривымъ понятіямъ объ искусствѣ — не только у насъ, но и въ самой Европѣ, гдѣ XVIII вѣкъ вообще былъ неблагопріятенъ поэзіи. Конечно, во всемъ этомъ Державинъ нисколько не виноватъ, я и не виню его: говорю только, что ему можно удивляться, его должно изучать, но что нѣтъ никакой возможности читать его для наслажденія поэзіею, и что его произведенія, будучи важнымъ фактомъ для эстетики, теперь составляютъ въ сферѣ поэзіи совершенно мертвый капиталъ. Возьмемъ даже его „Осень во время осады Очакова", тѣ самыя прекрасныя картины осени и зимы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Онѣ преисполнены самыхъ прозаическихъ обмолвокъ, или блестокъ „облагороженной и украшенной природы": послѣ щей и пива, у него крестьянинъ, подобно какому-нибудь менестрелю, *поетъ блаженство своихъ дней;* отъ хладнаго дыханія зимы *цѣпенѣетъ взоръ природы, небесный Марсъ оставляетъ громы и ложится отдыхать въ туманы, сельскія Нимфы* (т.-е. деревенскія дѣвки въ лаптяхъ, если не босикомъ) перестаютъ пѣть въ хороводахъ... Я ужъ не говорю о томъ, что въ этой одѣ нѣтъ ни единства мысли, ни единства ощущенія, что она не составляетъ ничего общаго, переполнена реторикою, богата дурными стихами, неточными выраженіями, на которыхъ безпрестанно спотыкается встревоженное чувство: это общая и необходимая принадлежность, существенное качество каждаго стихотворенія Державина. И насъ хотятъ заставить читать его для услажденія себя поэзіею!... Поэзія есть искусство, художество, изящная форма истинныхъ идей и вѣрныхъ (а не фальшивыхъ) ощущеній, поэтому, часто одно слово, одно неточное выраженіе портитъ все поэтическое произведеніе, разрушая цѣлость впечатлѣнія. Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизусть, и мнѣ трудно было изъ міра его напряженно-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейти въ міръ поэзіи Пушкина, столь свѣтлой, ясной, прозрачной, *опредѣленной*, возвышенно-свободной, безъ напряженности, полной содержанія, и потому вызывающей изъ души читателя всѣ чувства, даже такія, которыхъ возможности онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ, заставляющей *вглядываться* и *вдумываться* въ природу, въ жизнь и во внутреннее, тайное святилище собственной души,—наконецъ, поэзіи столь гармонической и художественной. Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго державинскою поэзіею на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ простою, слишкомъ кроткою и лишенною всякаго полета, всякой возвышенности... Переходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня былъ очень легокъ:

я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задушевной поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ все-таки оставался въ моемъ понятіи идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенное духовное развитіе въ лонѣ пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко-вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны, сущности и значенія истинной поэзіи. И эта сила дѣтскихъ впечатлѣній имѣетъ свою причину въ богатствѣ и могуществѣ поэтическихъ элементовъ, какими одаренъ былъ отъ природы Державинъ. Родись этотъ человѣкъ въ благопріятное для поэзіи время,—можетъ быть, онъ былъ бы великимъ поэтомъ, и вѣкамъ завѣщалъ бы свои могучія и полетистыя вдохновенія; но судьба велѣла ему быть *первою ступенью* рождающейся въ народѣ поэзіи,—и вотъ едва прошло двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти, а его уже никто не читаетъ, и только безотчетно, на вѣру и по преданіямъ, восторгаются имъ. Повторяю: я поставилъ бы долгомъ и обязанностію всякому юношѣ не только прочесть, даже изучить Державина, какъ великій фактъ въ исторіи русской литературы, языка и эстетическаго образованія общества; но никому не возьмусь совѣтовать читать Державина для эстетическаго наслажденія: я знаю напередъ, что мой совѣтъ пропалъ бы втунѣ послѣ первой прочитанной оды или послѣ первыхъ стиховъ ея. Воля ваша, я такъ же не умѣю представить женщину съ Державинымъ въ рукахъ, какъ Пушкинъ не умѣлъ ее представить себѣ съ „Благонамѣреннымъ“ въ рукахъ [1]). Знаю, что со мною многіе согласятся, но съ насмѣшливою улыбкою, которая будетъ не очень любезна въ отношеніи къ дамамъ; но, право, пора бы намъ оставить этотъ *мусульманскій* взглядъ на женщину, и въ справедливомъ смиреніи сознаться, что наши женщины едва ли не умнѣе нашихъ мужчинъ, хоть эти господа и превосходятъ ихъ въ учености. Кто первый, вопреки школьнымъ предразсудкамъ, живымъ, непосредственнымъ чувствомъ оцѣнилъ поэзію Жуковскаго?—женщины. Пока наши романтики подводили поэзію Пушкина подъ новую теорію и отстаивали ее отъ незаслуживавшихъ вниманія педантовъ-классиковъ,—женщины наши уже заучили наизусть стихи Пушкина. Мнѣніе, что женщина годна только рождать и няньчить дѣтей, варить мужу щи и кашу, или плясать и сплетничать, да почитывать легонькіе пустячки, это—истинно киргизъ-кайсацкое мнѣніе! Женщина имѣетъ равныя права и равное участіе съ мужчиной въ дарахъ высшей духовной жизни,—и если она во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже его на лѣстницѣ нравственнаго развитія,—этому причиною не ея натура, а злоупотребленіе грубой матеріальной силы мужчины, полу-варварское, немного восточное устройство общества, и сахарное, аркадское воспитаніе, которое дается женщинѣ... Но вѣкъ идетъ, идеи движутся и варварство начинаетъ колебаться: женщина уже сознаетъ свои права человѣческія, и блистательными подвигами доказываетъ гордому мужчинѣ, что и она тоже дочь неба, какъ и онъ сынъ неба... Кому неизвѣстны имена Бетины и Рахели, которыхъ глубокія натуры отъ всякаго прикосновенія къ нимъ жизни издавали изъ себя электрическія искры откровенія тайнъ духа? Кому неизвѣстно имя геніальной Жоржъ Зандъ? Недавно, въ Англіи вышла книга миссъ Джемсонъ — „Характеры Шекспировскихъ Женщинъ“, *изумившая* ученую и философскую Германію силою и глубиною анализа сокровенной души женщины, вѣрнымъ и мощнымъ постиженіемъ величайшаго поэта въ мірѣ, вдохновеннымъ, поэтическимъ и, въ то же время, полнымъ мысли и опредѣлительности изложеніемъ. Недавно вышла въ Германіи книга „Миѳологія Грековъ и Римлянъ“—плодъ глубочайшаго изученія древности, книга столь же глубоко-философская, сколько и высоко-поэтическая; авторъ этой книги — женщина, *Тинетта Гомбергъ*... У насъ еще такъ недавно начали появляться истинно-ученые мужчины—слѣдовательно, намъ еще рано думать о своихъ Джемсонъ и Гомбергъ; но и наша литература можетъ по справедливости гордиться многими женскими именами (если она ужъ гордится *столь многими* мужскими), изъ которыхъ особенно замѣчательны — графиня Сара Толстая и неизвѣстная дама, авторъ многихъ превосходныхъ повѣстей, подписывающаяся *Зенеидою Р—вою*... [1]). Итакъ, если женщины понимаютъ глубоко Шекспира и Гомера, то я, право, не вижу, почему бы онѣ не могли понимать Державина... А между тѣмъ, онѣ точно его не понимаютъ и никогда не будутъ читать, особенно видя, что и мужчины давно уже отказались отъ этого удовольствія...

Б.—Я понимаю вашъ взглядъ на Державина, и каковъ бы онъ ни былъ въ самомъ дѣлѣ, но я увѣренъ, что во многомъ не могутъ не согласиться съ вами самые ожесточенные поклонники старины. Но послѣ такого взгляда на Державина я уже боюсь предложить вамъ фонъ-Визина...

---

[1]) Все нижеслѣдующее является развитіемъ мысли, уже отмѣченной нами въ статьѣ № 19.

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ писала г-жа Ганъ; см. ниже, стр. 311.

А.—Напрасно: этому писателю я не только всегда дамъ почетное мѣсто на полкѣ моего небогатаго русскими книгами шкапа, но и не откажусь подчасъ и перелистовать и перечесть его, сколько для историческаго изученія, столько и для удовольствія. Вмѣстѣ съ Державинымъ фонъ-Визинъ есть полное выраженіе екатерининскаго времени. Смѣшно, когда хотятъ дѣлать изъ него поэта и комика; но, какъ писатель, онъ безцѣненъ. Что́ бы вы ни читали въ немъ,—комедію ли его, забавное ли и злое посланіе его къ Шумилову, письма ли изъ-за границы, исповѣдь ли, вопросы ли—вездѣ видите умнаго и остраго человѣка, тонкаго наблюдателя, живую исторію своего времени. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые, имѣя значеніе въ своей литературѣ, не совсѣмъ бы утратили его и въ переводѣ на иностранныхъ языкахъ. Что до его поэзіи, онъ невиненъ въ ней. Въ комедіяхъ его нѣтъ ничего идеальнаго, а слѣдовательно и творческаго: характеръ дураковъ въ нихъ—вѣрные и ловкіе списки съ каррикатуръ тогдашней дѣйствительности, характеры умныхъ и добродѣтельныхъ—реторическія сентенціи, образы безъ лицъ; юморъ его комедій довольно легокъ и мелокъ: онъ ищетъ больше смѣшного и каррикатурнаго, чѣмъ комическаго и характернаго. Но при всемъ томъ „Недоросль“ и „Бригадиръ“, уже согнанные съ театра, никогда не будутъ изгнаны ни изъ исторіи русской литературы, ни изъ библіотекъ *порядочныхъ людей*. Не будучи комедіями въ художественномъ значеніи, онѣ—прекрасныя произведенія бельлетрической литературы, драгоцѣнныя лѣтописи общественности того времени. „Дворянскіе Выборы“ были сколкомъ съ комедій фонъ-Визина, и въ достоинствахъ и недостаткахъ, но *скалывать* и *изобрѣтать* двѣ вещи розныя [1]); при томъ же, все хорошо въ свое время,—и честь и слава уму и таланту фонъ-Визина, что онъ угадалъ, что́ можно и что́ нужно было въ его время...

Б.—Вотъ мы съ вами и переговорили о цѣломъ періодѣ русской литературы. Конечно, надо согласиться, что немного потратишь времени на прочтеніе всего, что́ произвелъ этотъ періодъ.

А.—Слѣдующій будетъ несравненно-богаче: только необходимо надо строго опредѣлять степень этого богатства, относительную или безусловную цѣнность частностей, изъ которыхъ состоитъ его цѣнность. А то—чего добраго!—вообразимъ себя такими богачами, что, положась конечно на большое и уже прожитое богатство, и не увидимъ, какъ придется по міру идти.

Б.—Интересно мнѣ, что́ вы скажете о Карамзинѣ и Дмитріевѣ, начавшихъ собою второй періодъ нашей литературы. Вѣроятно, ихъ еще можно читать и перечитывать?...

А.—Прежде всего, надо замѣтить, что Карамзинъ не ровня Дмитріеву. Дмитріевъ написалъ очень небольшую книгу стиховъ, и надо, чтобъ въ стихахъ такой книги было слишкомъ много поэзіи, чтобы ее читали въ наше время... Но ее не читаютъ уже лѣтъ двадцать, а въ наше время немногіе даже знакомы съ ней, и то не лично, а по слухамъ, по рекомендаціи учителей словесности и по литературнымъ адресъ-календарямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ „исторіи русской литературы“ [1])... И Дмитріевъ въ самомъ дѣлѣ—примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я очень любилъ его въ дѣтствѣ, и отъ души благодаренъ ему за пользу и удовольствіе, которыя принесли мнѣ его стихотворенія въ мои дѣтскіе годы. Впрочемъ, басни и сказки Дмитріева и теперь еще могутъ доставлять дѣтямъ пользу и удовольствіе; если же будутъ для нихъ вредны, то развѣ со стороны своей негармонической и непоэтической версификаціи; но его оды и пѣсни теперь не годятся ни для дѣтей, ни для стариковъ—ихъ время давно прошло! А въ свое время онѣ были прекрасны, распространяли въ обществѣ охоту къ чтенію, пріучали публику къ благороднымъ наслажденіямъ ума, доставляли ей возвышенное удовольствіе. Но это все-таки не мѣшало Дмитріеву не быть поэтомъ, не имѣть ни фантазіи, ни чувства: они замѣнялись у него умомъ и ловкостію. Русская версификація въ стихахъ Дмитріева сдѣлала значительный шагъ впередъ: въ свое время они считались чрезвычайно гладкими и гармоническими. Вообще стихи Дмитріева гораздо лучше стиховъ Карамзина. Дмитріева можно назвать *сотрудникомъ* и помощникомъ Карамзина въ дѣлѣ преобразованія русскаго языка и русской литературы: что́ Карамзинъ дѣлалъ въ отношеніи къ прозѣ, то Дмитріевъ дѣлалъ въ отношеніи къ стихотворству. Но проза тогда была важнѣе стиховъ, и потому заслуги Карамзина уничтожаютъ собою заслугу Дмитріева: между ними нѣтъ ни сравненія, ни параллели въ этомъ отношеніи. Карамзинъ *первый* родилъ въ обществѣ потребность чтенія, размножилъ читателей во всѣхъ классахъ общества, создалъ русскую публику; съ него перваго должно полагать начало русской литературы не какъ школьнаго, „учe-

[1]) „Дворянскіе выборы“—неизвѣстная теперь комедія Квитки-Основьяненко, пользовавшаяся большимъ успѣхомъ въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ; см. т. I, стр. 31 и т. III, ст. № 57, стр. 521.

[1]) Намекъ на „Исторію русской литературы“ Греча, которая вся состояла изъ сухихъ біографическихъ свѣдѣній и хвалебнаго перечня произведеній.

наго“ занятія, но какъ предмета живого интереса со стороны общества. Правда, этотъ живой интересъ былъ еще довольно апатиченъ, а ограниченное число читателей не могло назваться публикою; но что же и теперь у насъ за публика? а между тѣмъ, теперешняя публика и огромна, и образована въ сравненіи съ тою публикою, безъ той публики не было бы и теперешней. Поэтому, дѣло Карамзина — великій подвигъ, вполнѣ достойный того, чтобъ наше время обезсмертило его монументомъ. Карамзинъ явился преобразователемъ языка и стилистики. Въ обществѣ бродили уже новыя идеи, для выраженія которыхъ недоставало въ русскомъ языкѣ ни словъ, ни оборотовъ. Карамзинъ узегитимировалъ своимъ талантомъ употребленіе вошедшихъ и входившихъ въ русскій языкъ словъ, и ввелъ совершенно новыя не только иностранныя, но и русскія слова, какъ напр., „промышленность“. Карамзина обвиняютъ въ растленіи чужестранными словами и оборотами, преимущественно галлицизмами, дѣвственности русскаго языка. Но эти люди забываютъ, что тогда не было никакого русскаго языка, и что латино-славянская проза Ломоносова и Хераскова гораздо меньше была русскимъ языкомъ, чѣмъ проза не только Карамзина, но и самыхъ неловкихъ его подражателей, отчаянныхъ галломановъ. Карамзинъ началъ писать языкомъ общества, тѣмъ самымъ, которымъ всѣ говорили; но, разумѣется, идеализировалъ его потому, что письменный языкъ искусственный, какъ бы ни былъ онъ естественъ, простъ, живъ и свободенъ. Карамзинъ явился въ самое время съ свою реформою: тогда всѣ чувствовали ея необходимость, — большинство безсознательно, избранники сознательно: доказательствомъ перваго служитъ общій восторгъ, съ какимъ были приняты первые опыты Карамзина; а доказательствомъ второго можетъ служить *Макаровъ*, современникъ Карамзина, талантливый литераторъ, въ одно время съ Карамзинымъ и совершенно независимо отъ него писавшій такою же прекрасною прозою. Несмотря на то, что духъ времени былъ за Карамзина, знаменитому реформатору нужна была большая сила характера или большая разсчетливость, чтобъ не смущаться толками и воплями литературныхъ старовѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, потребна была большая рѣшимость, чтобъ изъ міра натянутой эпопеи въ родѣ „Кадма и Гармоніи“ ниспуститься въ міръ любви и горестей какой-нибудь „Бѣдной Лизы“, которая не имѣла чести быть даже простою дворянкою. Въ лицѣ Карамзина русская литература въ первый разъ сошла на землю съ ходуль, на которыя поставилъ ее Ломоносовъ. Конечно, въ „Бѣдной Лизѣ“ и другихъ чувствительныхъ повѣстяхъ не было ни слѣда, ни признака обще-человѣческихъ интересовъ, но въ нихъ есть интересы просто человѣческіе—интересы сердца и души. Въ повѣстяхъ Карамзина русская публика въ первый разъ увидѣла на русскомъ языкѣ имена *любви, дружбы, радости, разлуки* и пр. не какъ пустыя, отвлеченныя понятія и реторическія фигуры, но какъ слова, находящія себѣ отзывъ въ душѣ читателя. Такъ какъ это было въ первый разъ, всѣ эти чувства, пѣжныя до слабости, умѣренныя до блѣдной безцвѣтности, сладкія до приторности, были приняты за глубокое проникновеніе въ духовную натуру человѣка. Карамзинъ засталъ XVIII вѣкъ на его исходѣ, и взялъ отъ него только пастушескую сладость чувствъ, мадригальную силу страстей. И хорошо, что это случилось такъ, а не иначе: если бы его сочиненія были выраженіемъ болѣе глубокаго содержанія, или хоть какого-нибудь содержанія,—они плодотворно дѣйствовали бы на немногія благодатныя натуры, масса не замѣтила бы ихъ, и Карамзинъ не создалъ бы публики, не приготовилъ бы возможности существованія русской литературы. Чувство и чувствительность—не одно и то же: можно быть чувствительнымъ, не имѣя чувства; но нельзя не быть чувствительнымъ, будучи человѣкомъ съ чувствомъ. Чувствительность ниже чувства, потому что она болѣе зависитъ отъ организаціи, тогда какъ чувство болѣе относится къ духу. Чувствительность раздражительная, нѣжная, слезливая, приторная есть признакъ или слабой и мелкой, или разсѣянной натуры: такая чувствительность очень хорошо выражается словомъ „сантиментальность“. Однакожъ, будучи не совсѣмъ завиднымъ качествомъ, и сантиментальность лучше одеревенѣлаго состоянія въ грубой корѣ животной естественности,— и потому, въ массѣ тогдашняго общества прежде всего должно было пробудить сантиментальность, какъ первый выходъ изъ одеревенѣлости. Европейская сантиментальность, составлявшая одну изъ заднихъ сторонъ XVIII вѣка, и привитая Карамзинымъ къ русской литературѣ, была смягчающимъ средствомъ для современнаго ему общества, малознакомаго съ грамотою. Многіе нападаютъ на жидкость содержанія въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“; я такъ не вижу въ нихъ ровно никакого содержанія, и потому самому уважаю ихъ. Если бы Карамзинъ сдѣлалъ изъ нихъ вѣрную картину нравственнаго состоянія Европы въ то время, а не знакомилъ бы съ однѣми внѣшностями европейской цивилизаціи и дорожными случайностями,—его путешествіе почти ни на кого не подѣйствовало бы. Карамзинъ въ своихъ письмахъ вездѣ обнаруживаетъ симпатію къ реформѣ

Петра и антипатію къ длиннобородой старинѣ: чувство вѣрное, но мотивы его не довольно глубоки! Для Карамзина европеизмъ состоялъ въ однихъ удобствахъ образованной жизни: больше онъ ничего не предвидѣлъ въ этомъ величайшемъ вопросѣ, въ которомъ заключается вся судьба человѣчества. Но потому-то путешествіе Карамзина и было такъ понятно для публики, такъ восхитило ее и произвело такое сильное и такое благодѣтельное вліяніе на образъ мыслей тогдашняго общества. Вотъ, по моему мнѣнію, какъ должно смотрѣть на Карамзина. Едва ли кто больше его принесъ пользы русской литературѣ (замѣтьте: не поэзіи, не искусству, не наукѣ,—а литературѣ) и едва ли кто менѣе можетъ быть читаемъ въ наше время, какъ онъ. Державина нельзя читать, но должно изучать; о сочиненіяхъ Карамзина нельзя сказать и этого. Чуждыя всякаго содержанія, они не могутъ быть переведены ни на какой европейскій языкъ: что бы пашла въ нихъ Европа, изъ чего бы поняла она въ нихъ, что онъ — великій писатель?... Чуждыя нашему времени по формѣ, т.-е. по самому языку своему, составляющему торжество классной стилистики—кѣмъ они будутъ читаться въ наше время, если не людьми, для которыхъ „Бѣдная Лиза“ можетъ быть первою прочитанною ими повѣстью? Между тѣмъ, безъ Карамзина исторія нашей литературы не имѣетъ смысла; имя его велико, заслуги безсмертны, но творенія его, какъ важныя и необходимыя только для современной ему эпохи, дошедъ до своей апогеи, обвитыя лаврами побѣды, безмолвно и безтревожно покоятся теперь въ своей лучезарной славѣ...

Б. — Но вы говорите только о мелкихъ трудахъ Карамзина; а вѣдь онъ написалъ „Исторію Государства Россійскаго“...

А. — Не написалъ, а только хотѣлъ написать, но не успѣлъ кончить и предисловія. *Государство Россійское* началось съ творца его—Петра Великаго, до появленія котораго оно было младенецъ, хотя и младенецъ-Алкидъ, душившій змѣй въ колыбели; но кто же пишетъ *исторію* младенца! О младенчествѣ великаго человѣка упоминается, и то мимоходомъ, только въ предисловіи или введеніи въ его исторію. Содержаніе исторіи составляетъ таинственная психея народа, дающая чувствовать свое животворное присутствіе во внѣшнихъ событіяхъ; но событія сами по себѣ еще не составляютъ исторіи, какъ бы красно ни были они разсказаны. Педанты нападали на Карамзина за промахи противъ лѣтописей, за мелочныя ошибки въ фактахъ: нелѣпое обвиненіе! Умъ цѣпенѣетъ передъ огромностію подвига, совершеннаго Карамзинымъ: онъ писалъ исторію, онъ же и разработывалъ рѣшительно нетронутые матеріалы для нея. Что было сдѣлано до него по части исторической критики документовъ?—Ничего: Шлецеръ и другіе были заняты преимущественно вопросомъ о происхожденіи Руси, который и теперь еще не рѣшенъ. Даже текстъ Нестора и теперь еще не возстановленъ и не очищенъ; что сдѣлалъ для него Шлецеръ, тѣмъ и теперь еще пробавляются наши „ученые“. Итакъ, Карамзинъ работалъ за десятерыхъ,—и его примѣчанія къ „Исторіи Государства Россійскаго“ едва ли еще не драгоцѣннѣе самаго текста... И при такомъ трудѣ нападать на мелкія фактическія ошибки! Не въ нихъ, а въ идеѣ все дѣло; и вотъ съ этой-то стороны еще никто и не взглянулъ на великое твореніе Карамзина. Правда, нѣкоторые *очень основательно* упрекали Карамзина, что онъ былъ незнакомъ съ идеями Гизо, Тьерри, Баранта и другихъ, *послѣ* него явившихся историковъ; но я, право, не вижу никакого отношенія русской исторіи къ исторіи образованія европейскихъ государствъ. У насъ даже написано по этимъ идеямъ начало „Исторіи Русскаго Народа“ [1]); но уже самое заглавіе этой исторіи, или заглавіе начала этой исторіи, показываетъ ея внутреннее достоинство, равно какъ и то, какъ далеко обогнала она въ идеяхъ исторію Карамзина: тамъ *государство*, которое только готовилось быть, но котораго еще не было, а тутъ *народъ*, который не сознавалъ еще своего существованія. Изъ баснословнаго періода Руси Карамзинъ сдѣлалъ эпическую поэму въ духѣ XVIII вѣка, и то, чего недостало бы на десять страничекъ, растянулъ на томы. Уставши отъ безплоднаго описанія періода междоусобій и ужасовъ татарщины, онъ думалъ отдохнуть, принимаясь за 6-й томъ. „Отселѣ—говоритъ онъ—исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной“; но кому, даже и прежде Карамзина, не только послѣ него, не было извѣстно, что слова „патріархальность“ и „государственность“ не одно и то же? Что же касается до насъ, живущихъ послѣ Карамзина,—мы читали на этотъ счетъ превосходное политическое сочиненіе подъячаго XVII вѣка, Кошихина, и потому уже не можемъ довольствоваться понятіемъ Карамзина о „государственности“. Нечего уже говорить о томъ, что Карамзинъ невѣрно смотрѣлъ на Грознаго и на другія историческія лица. Но если наше время все это можетъ понимать вѣрнѣе Карамзина, этимъ оно обязано все-таки Карамзину же, потому что безъ его исторіи

---

[1]) Н. Полевого. Объ этой „Исторіи“ и вообще о взглядахъ Бѣлинскаго на Карамзина и Полевого—см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 19.

мы не имѣли бы никакихъ данныхъ для сужденій. До сихъ поръ ни одна попытка написать исторію Россіи не только не помрачила великаго творенія Карамзина, но даже и не заслужила чести быть упоминаемой при немъ... И мы до тѣхъ поръ не будемъ имѣть настоящей исторіи Россіи, пока исторія Карамзина не перестанетъ быть читаемою, а ее еще долго-долго будутъ читать... Что же касается до меня собственно, — я прочелъ уже ее, и даже не одинъ разъ: и потому теперь она не можетъ увеличить моей „библіотеки *для чтенія*“ (не для справокъ), т.-е. того, что̀ я называю литературою и отвѣтомъ на вопросъ: „Да гдѣ-жъ онѣ? давайте ихъ!“

Б.—Я вамъ упомянулъ бы о Крыловѣ; но вѣдь вы и его читали...

А.—И никогда не перестану читать. Собраніе его басенъ есть капитальная книга русской литературы. Это нашъ единственный баснописецъ; по крайней мѣрѣ, другихъ я не знаю, да и знать не хочу, что̀ бы мнѣ ни говорили о Хемницерѣ и Дмитріевѣ... Достоинство басенъ Крылова безусловно и не зависитъ ни отъ времени, ни отъ моды. Число читателей на Руси прогрессивно умножается и будетъ умножаться годъ отъ году, въ безконечность. Мѣсто, которое онъ долженъ занимать между другими нашими поэтами, должно быть опредѣлено вопросомъ: какое мѣсто занимаетъ басня въ кругу прочихъ родовъ поэзіи? Рѣшеніе этого вопроса очень не трудно въ наше время [1])...

Б.—Озеровъ...

А.—Очень примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я люблю его особенно за то, что онъ своими трагедіями такъ ясно и опредѣлительно рѣшилъ вопросъ о псевдо-классической драмѣ... Благодаря ему, теперь нечего и спорить объ этомъ предметѣ: не дѣлайте возраженій, а только попросите прочесть или посмотрѣть на театрѣ „Эдипа въ Аѳинахъ“, „Фингала“, или „Поликсену“ (о „Донскомъ“ уже никто не будетъ говорить — все равно, какъ о „Хоревѣ“)... Родъ драмы, въ которомъ упражнялся Озеровъ, уже самъ по себѣ есть отрицаніе всякой поэзіи, натянутость, неестественность и скука... Но если трагедіи Озерова будете разсматривать и относительно, то и тогда увидите въ нихъ, конечно, большой успѣхъ, но только успѣхъ вкуса и языка, а не поэзіи, не искусства, и притомъ успѣхъ только сравнительно съ трагедіями Сумарокова и Княжнина. Въ трагедіяхъ Озерова нѣтъ глубокаго чувства, и вообще въ нихъ больше чувствительности, чѣмъ какого-нибудь чувства, а паѳосъ замѣненъ или раздражительностію, или высокопарностію. Озеровъ по преимуществу принадлежитъ къ карамзинской школѣ: онъ усвоилъ себѣ всѣ ея элементы— и расплывающуюся, слезливую раздражительность чувствительности, и искусственную красоту стилистики. Къ этому должно присовокупить еще реторическую восторженность, занятую имъ у его французскихъ образцовъ. Впрочемъ, карамзинская школа въ лицѣ Озерова сдѣлала большой шагъ впередъ: въ чувствительности Озерова больше силы, упругости и жизни; это что-то среднее между чувствительностію и чувствомъ, какъ бы переходъ отъ чувствительности къ чувству. Вообще, громкая слава и восторгъ современниковъ были справедливою, вполнѣ заслуженною данью дарованіямъ Озерова, и исторія русской литературы всегда дастъ ему почетное мѣсто на своихъ страницахъ, хоть его никто уже и не читаетъ и не будетъ читать, кромѣ людей, исторически изучающихъ литературу: для нихъ Озеровъ всегда останется интереснымъ явленіемъ.

Б. — Ваше мнѣніе объ Озеровѣ ново и оригинально,—и я думаю...

А.—Напротивъ, мое мнѣніе объ Озеровѣ и не ново и не оригинально: всѣ такъ думаютъ о немъ, но не всѣ такъ говорятъ. Въ нашей критикѣ, и особенно въ нашихъ учебникахъ, замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонство живымъ и мертвымъ, лицемѣрство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно,—а говорятъ другое. Иной господинъ ни разу не прочелъ, напримѣръ, Ломоносова, и помнитъ изъ него развѣ знаменитую строфу: „науки юношей питаютъ“, которую невольно заучилъ въ дѣтствѣ, а начнетъ писать о Ломоносовѣ— такъ и посыплются у него слова: *русскій Пиндаръ*, *высокое пареніе*, *торжественность*, *сила* и пр., и пр. Такъ повторяются у насъ до сихъ поръ пустыя фразы и о Державинѣ: *потомокъ Багрима*, *съверный бардъ*, *пѣвецъ Фелицы*, *алмазы*, *яхонты*, *сапфиры*, и т. п. [1]). Впрочемъ, если наша публика, вмѣсто критики, часто читаетъ или похвальныя слова, или плоскую брань,—въ этомъ отчасти она сама виновата: скажите хоть слово противъ „знаменитаго“ писателя, котораго, впрочемъ, вы сами высоко цѣните — тотчасъ: „Ахъ, какое неуваженіе! помилуйте; *оно, конечно, правда, но какъ это можно, и къ чему это?*“... У насъ ужъ такъ привыкли смотрѣть на критику: коли хвалить, такъ хвали; коли бранить, такъ только держись! Тутъ поневолѣ иной разъ припомнишь стихъ Кры-

[1]) Это рѣшеніе Бѣлинскій далъ въ статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“ — см. выше, стр. 46.

[1]) Намекъ на статью Полевого о Державинѣ; см. о ней въ ст. № 19.

лова: „Да, спрашивай ты толку у звѣрей“... Главная причина этому—дѣтскость образованія: никто не хочетъ мыслить, а всѣ только хотятъ читать. Требуютъ, чтобъ критикъ не опредѣлилъ достоинство писателя, а расхвалилъ или разбранилъ его, и если статья состоитъ не изъ однѣхъ похвалъ, если авторъ не превозносится въ ней безусловно, говорятъ: „разругали“... Многимъ вы никакъ не растолкуете, что отъ противоположности сужденій объ авторѣ авторъ не дѣлается другимъ, все остается тѣмъ же, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ; но что только изъ противоположности сужденій возможенъ выводъ правильнаго и истиннаго сужденія объ авторѣ. Современники смотрятъ на автора такъ—потомки иначе: это еще не всегда значитъ, чтобъ они противорѣчили другъ другу; но часто значитъ только, что современники видѣли и цѣнили въ авторѣ одну сторону, исключительно удовлетворившую требованіямъ ихъ времени; а потомки, преисполненные новыхъ потребностей, сообразно съ духомъ *ихъ* времени, холодны и равнодушны къ сторонѣ автора, восхищавшей его современниковъ. Но эта холодность, это равнодушіе нисколько не уничтожаютъ заслугъ автора и его *историческаго* достоинства: его не будутъ читать, но всегда будутъ чествовать его имя, какъ представителя эпохи, какъ лицо историческое. На что-жъ тутъ сердиться и чѣмъ обижаться? Дѣтство и дѣтство—больше ничего! А право, пора бы уже перестать играть въ литературу, пора бы смотрѣть на нее посерьезнѣе... Конечно, тогда многіе „безсмертные“ совсѣмъ умрутъ, *великіе* сдѣлаются только *знаменитыми* или *замѣчательными*, знаменитые—ничтожными; много сокровищъ обратится въ хламъ; но зато истинно-прекрасное вступитъ въ свои права, а пересыпанье изъ пустого въ порожнее реторическими фразами и общими мѣстами—занятіе, конечно безвредное и невинное, но пустое и пошлое—замѣнится сужденіемъ и мышленіемъ... Но для этого необходима терпимость къ мнѣніямъ, необходимъ просторъ для убѣжденій. Всякій судитъ, какъ можетъ и какъ умѣетъ; ошибка—не преступленіе, и несправедливое мнѣніе—не обида автору. Дѣло въ томъ, чтобъ мнѣніе было искренно и независимо отъ внѣшнихъ разсчетовъ, касалось не лицъ, а только ихъ сочиненій. Грустно подумать, что все, мною теперь сказанное, старо только въ книгахъ, а на дѣлѣ очень и очень ново, такъ что долго еще будетъ повторяться съ разными варьяціями. Правда, у насъ всѣ, и говорящіе и пишущіе, повторяютъ это, но какъ общія мѣста, неимѣющія никакого отношенія къ дѣлу,—и только коснитесь авторитета умершаго автора—шумъ и толки: „да что! да какъ! да помилуйте!“; а о живомъ и не заикайтесь... Можетъ быть, онъ и самъ не увидитъ ничего оскорбительнаго для себя въ вашемъ отзывѣ; но у него есть толпа почитателей, а толпа — всегда толпа: она не говоритъ, а кричитъ, не доказываетъ, а вопіетъ...

Б. — Все это правда; но я думаю, что тутъ надо винить не публику, а критиковъ, которые или не могутъ, или не смѣютъ „свое сужденіе имѣть“ и отдѣлываются повтореніемъ фразъ, уже около ста лѣтъ всѣмъ надоѣдающихъ... Но вѣдь мы съ вами говоримъ, а не пишемъ, такъ почему же вамъ не сказать, а мнѣ не послушать искренняго и—каково бы оно ни было — *своего*, а не чужого мнѣнія, напримѣръ, о Жуковскомъ и Батюшковѣ?...

А.—Вы не напрасно соединили эти два имени. Почти въ одно время явились они, какъ двѣ яркія звѣзды, на горизонтѣ нашей литературы, и дружно совершили поприщемъ свое полное тихаго свѣта шествіе, пока горестная судьба не остановила одну изъ нихъ на полу-дорогѣ, и не велѣла другой продолжать уже одинокій путь по новымъ и чуждымъ для нея пространствамъ, при ослѣпительномъ свѣтѣ вновь взошедшаго солнца... Жуковскій и Батюшковъ — оба поэта и оба прозаики; оба они двинули впередъ и версификацію и прозу русскую. Проза ихъ богаче содержаніемъ прозы Карамзина, а оттого кажется лучше и по формѣ своей, которая въ сущности не болѣе, какъ усовершенствованная стилистика Карамзина, чуждая своеобразнаго, національнаго колорита, и больше искусственная и щеголеватая, чѣмъ живая и сросшаяся съ своимъ содержаніемъ, какъ, напримѣръ, проза Пушкина и другихъ даровитыхъ писателей послѣдняго времени. Ученики побѣдили учителя: проза Жуковскаго и Батюшкова единодушно была признана „образцовою“, и всѣ силились подражать ей... Въ наше время уже никому не придетъ въ голову потратить столько труда, хлопотъ, времени, искусства и прекрасной прозы на повѣсти въ родѣ „Марьиной Рощи“ или „Предславы и Добрыни“, и если бы кто написалъ ихъ въ наше время, никто бы не сталъ читать... Это оттого, что въ наше время не дорожатъ однимъ языкомъ, а требуютъ „слога“, разумѣя подъ этимъ словомъ живую, органическую соотвѣтственность формы съ содержаніемъ, и наоборотъ, умѣніе выразить мысль тѣмъ словомъ, тѣмъ оборотомъ, какіе требуются сущностію самой мысли, для которой всякое другое слово и другой оборотъ были бы неопредѣленны и неясны. Тогда „стилистика“ годилась не для однихъ этюдовъ, но считалась искус-

ствомъ, а этюды были не исключительнымъ упражненіемъ учениковъ, но и дѣломъ мастеровъ... Это очень естественно: чтобъ выучиться писать, надо сперва овладѣть формою; грамматика всегда предшествуетъ логикѣ. Наша литература была до Пушкина ученицею, особенно въ прозѣ: вотъ причина исключительнаго владычества стилистики, убитой Пушкинымъ и уступившей свое мѣсто „слогу“. Со стороны поэзіи заслуги Жуковскаго и Батюшкова были несравненно выше и дѣйствительнѣе, чѣмъ со стороны прозы. Но здѣсь оба поэта совершенно расходятся и въ направленіи, и въ сущности, и въ результатахъ своей поэтической дѣятельности: Жуковскаго нельзя назвать „поэтомъ“ въ смыслѣ свободной, творческой натуры, которая въ разнообразныхъ и роскошныхъ художественныхъ созданіяхъ исчерпываетъ самобытную, ей собственно сродную и принадлежащую сферу міросозерцанія. Оригинальныхъ произведеній Жуковскаго немного, да и тѣ не идутъ ни въ какое сравненіе съ его же собственными переводами изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Между его оригинальными произведеніями есть небольшія (величина въ лирическихъ произведеніяхъ часто есть признакъ отсутствія поэзіи и присутствія реторики, — отсутствія мысли и присутствія разсужденій), проникнутыя чувствомъ, плѣняющія мелодіею звуковъ, красивостію стиховъ, звучностію и яркостію языка, но чуждыя художественной формы. Самое чувство ихъ однообразно-уныло и нерѣдко походитъ на чувствительность. Что же касается до его большихъ лирическихъ произведеній, какъ-то: многочисленныхъ посланій, „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, „Пѣвца на Кремлѣ“, „Пѣсни Барда надъ гробомъ Словянъ-побѣдителей“, „Отчета о лунѣ“, „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“, „Вадима“ и пр., ихъ можно считать образцами изящной реторики и стихотворнаго краснорѣчія... Въ нихъ чувство пробуждается рѣдко — именно, когда поэтъ изъ чуждой ему сферы торжественной поэзіи входитъ въ свой элементъ, и сладкими стихами говоритъ о красѣ-дѣвицѣ, тоскующей надъ гробомъ милаго, гдѣ для нея и зелень ярче, и цвѣты ароматнѣе, и небо свѣтлѣе... Если бъ я достовѣрно зналъ, что „Эолова Арфа“, „Ахиллъ“ и „Теонъ и Эсхинъ“ — не переводы, а оригинальныя произведенія, я сказалъ бы, что у Жуковскаго есть три превосходныя оригинальныя пьесы; но все-таки не назвалъ бы ихъ произведеніями поэта въ томъ значеніи, о которомъ сейчасъ говорилъ, потому, что три пьесы, каковы бы онѣ ни были, еще не могутъ составить собою значительнаго цикла поэтической дѣятельности. Оригинальныя произведенія Жуковскаго представляютъ собою великій фактъ и въ исторіи нашей литературы, и въ исторіи эстетическаго и нравственнаго развитія нашего общества; ихъ вліяніе на литературу и публику было безмѣрно-велико и безмѣрно-благодѣтельно. Въ нихъ еще въ первый разъ русскіе стихи явились не только благозвучными и поэтическими по отдѣлкѣ, но и съ *содержаніемъ*. Они шли изъ сердца и къ сердцу, они говорили не о яркомъ блескѣ иллюминаціи, не о громѣ побѣдъ, а о таинствахъ сердца, о таинствахъ внутренняго міра души... Они исполнены были тихой грусти, кроткой меланхоліи, — а это элементы, безъ которыхъ нѣтъ поэзіи. Правда, въ стихахъ Жуковскаго то, что бы должно оставаться только элементомъ, было, напротивъ, и альфою и омегою его поэзіи; но таково было требованіе времени, таковъ былъ ходъ историческаго развитія нашей литературы: Жуковскій, въ этомъ случаѣ, думая служить искусству, служилъ обществу, развивая его эстетическое и нравственное чувство и приготовляя его къ пріятію истинной поэзіи. Державина тогда превозносили; но стихотворенія его не были настольною книгою у молодого человѣка и не прятались подъ изголовье красавицы. Стихи Карамзина и Дмитріева удовлетворяли не всѣхъ, и ими восхищались только записные любители литературы, а прочіе превозносили ихъ болѣе изъ приличія. Отъ торжественныхъ одъ у публики уже заложило уши, и она сдѣлалась глуха для нихъ. Всѣ ждали чего-то новаго, а между тѣмъ, къ воспріятію истинной поэзіи въ смыслѣ искусства еще далеко не были готовы. Тогда явился Жуковскій со своими унылыми и задушевными стихотвореніями, которыя *всѣ* сдѣлали свое дѣло, принесли свою пользу. Кто теперь будетъ читать, или, читая, восхищаться такими пьесами, какъ „Надъ прозрачными водами“, или „Мой другъ, хранитель ангелъ мой“? А *тогда*!... Да, я еще самъ помню, что̀ такое были они для меня, послѣ стиховъ Державина и его подражателей... Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку, чтобъ вы меня не поняли ложно, и не приняли моихъ словъ за униженіе Державина въ пользу Жуковскаго. По элементамъ поэзіи и національности Державинъ — колоссъ передъ оригинальными произведеніями Жуковскаго, а между тѣмъ дѣйствіе произведеній Жуковскаго на душу читателя всегда, а въ то время особенно, было сильнѣе, дѣйствительнѣе и благотворнѣе. Причина не въ томъ, что стихи Жуковскаго, какъ стихи, гораздо лучше стиховъ Державина: это преимущество времени, а не таланта; нѣтъ, перевѣсъ на сторонѣ стиховъ Жуковскаго заключается въ ихъ *содержаніи*. Въ самомъ

дѣлѣ, одна какая-нибудь картина Вадима, сидящаго съ кіевскою княжною въ пещерѣ, во время бури, стóитъ тысячи торжественныхъ одъ въ родѣ „На взятіе Измаила“... Въ поэзіи Державина нерѣдко просвѣчиваютъ чисто русскіе, чисто національные элементы; одно уже это ставитъ его, *какъ поэта*, несравненно выше Жуковскаго; я и стараюсь особенно указать вамъ не на безусловное, не на художественное, а болѣе на *историческое* достоинство оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго, какъ на главную причину важнаго и сильнаго вліянія даже тѣхъ изъ нихъ, которыя слабы въ поэтическомъ отношеніи и теперь совсѣмъ забыты...

Б. — Но вѣдь вы же сами приписываете нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напр., „Эоловой Арфѣ“, „Ахиллу“, „Теону и Эсхину“ безотносительное поэтическое достоинство?...

А. — И однакожъ все-таки не почитаю ихъ оригинальными пьесами, но отношу къ разряду переводныхъ, точно такъ же, какъ у Пушкина и переводныя пьесы отношу къ оригинальнымъ... Въ этомъ-то и достоинство, и важность, и великая заслуга Жуковскаго. До него наша поэзія лишена была всякаго содержанія, потому что наша юная, только-что зарождавшаяся гражданственность не могла собственною самодѣятельностію національнаго духа выработать какое-либо общечеловѣческое содержаніе для поэзіи: элементы нашей поэзіи мы должны были взять въ Европѣ и передать ихъ на свою почву. Этотъ великій подвигъ совершенъ Жуковскимъ. Въ его натурѣ есть какая-то родственность съ музами Германіи и Альбіона, — и ему при такомъ высокомъ талантѣ легко было въ превосходныхъ переводахъ усвоить намъ многія изъ ихъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ. Мы еще въ дѣтствѣ, не имѣя опредѣленнаго понятія о томъ, что̀ переводъ, что̀ оригинальное произведеніе, заучиваемъ ихъ, *какъ сочиненія Жуковскаго*. Это сродняетъ насъ съ нѣмецкою и англійскою поэзіею, и мы потомъ входимъ въ ихъ святилище уже не какъ профаны, но какъ уже рожденные посвященными... Оттого-то въ Россіи такъ рано сдѣлались возможными и переводы съ этихъ языковъ, и изученія этихъ литературъ въ ихъ собственныхъ звукахъ; тогда какъ, напр., для Французовъ и теперь еще закрыто печатью тайны святилище, особенно германской поэзіи. Черезъ это же мы пришли къ состоянію усвоить себѣ германское созерцаніе искусства, германскую критику, германское мышленіе. И все это сдѣлалъ Жуковскій одними своими переводами! Онъ ввелъ къ намъ *романтизмъ*, безъ элементовъ котораго въ *наше время невозможна* никакая поэзія. Пушкинъ при первомъ своемъ появленіи былъ оглашенъ *романтикомъ*. Поборники новизны называли его такъ въ похвалу, старовѣры — въ порицаніе, но ни тѣ, ни другіе не подозрѣвали въ Жуковскомъ представителя истиннаго романтизма. Причина очевидна: романтизмъ полагали въ формѣ, а не въ содержаніи. Правда, романтическое содержаніе не можетъ укладываться въ опредѣленныя по самому объему и соразмѣрныя формы древней поэзіи; оно требуетъ простора и часто, такъ сказать, нарушаетъ въ свою пользу права формы. Но не въ этомъ сущность романтизма. Романтизмъ—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и не внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Обаятеленъ этотъ фантастическій, запертый въ самомъ себѣ міръ; средніе вѣка жили въ немъ безвыходно; наше время, выступившее изъ него̀ же, не отрѣшилось отъ него, но расширило его новыми элементами и уравновѣсило ихъ, помирило его съ исторіею и съ практическою дѣятельностію. Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, въ глубь себя, чтобъ питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его!... Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ дѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности. Люди не далекіе и не глубокіе дѣлаются піэтистами, мистиками и моралистами; они толкуютъ и понимаютъ себя и все внѣ ихъ находящееся задомъ напередъ и вверхъ ногами. Но горе и тому, кто, увлеченный одною внѣшностію, дѣлается и самъ внѣшнимъ человѣкомъ: нѣтъ ему вѣрнаго убѣжища въ самомъ себѣ отъ бурь жизни; нѣтъ въ немъ ни глубокихъ нравственныхъ началъ, ни вѣрнаго взгляда на дѣйствительность; внутри его и холодно, и сухо, и жестко; онъ не можетъ любить; онъ гражданинъ, онъ воинъ, онъ купецъ, онъ все, что хотите, но онъ никогда — не „человѣкъ“, и вы никогда ему не ввѣритесь, не будете его другомъ, не откроете ему никакого внутренняго *человѣческаго* чувства, боясь опрофанировать это

чувство... Итакъ, оба эти міра, внутренній и внѣшній—крайности; равно опасно предаваться одной изъ нихъ исключительно; но оба эти міра равно нуждаются одинъ въ другомъ, и въ возможномъ проникновеніи одного другимъ заключается дѣйствительное совершенство человѣка. Міръ внѣшній встрѣчаетъ насъ при самомъ рожденіи нашемъ и уловляетъ насъ: чтобъ избавиться отъ его ложныхъ и нечистыхъ обаяній, прежде всего нужно развить въ себѣ *романтическіе элементы*. Пусть они возобладаютъ надъ нашимъ духомъ, возбудятъ въ насъ восторженность и фанатизмъ: въ сильной натурѣ, одаренной тактомъ дѣйствительности, они уравновѣсятся въ свое время съ другою стороною нашего духа, зовущею ихъ въ міръ исторіи и дѣйствительности; что же до натуръ односторонніхъ, исключительныхъ, или слабыхъ—имъ вездѣ грозитъ равная опасность—и во внутреннемъ, и во внѣшнемъ мірѣ. Итакъ, развитіе романтическихъ элементовъ есть первое условіе нашей человѣчности. И вотъ великая заслуга Жуковскаго! Трепетъ объемлетъ душу при мысли о томъ, изъ какого ограниченнаго и пустого міра поэзіи въ какой безконечный и полный міръ ввелъ онъ нашу литературу; какимъ содержаніемъ обогатилъ и оплодотворилъ онъ ее посредствомъ своихъ переводовъ!... Трагедіи Озерова—и „Орлеанская Дѣва“ Шиллера, анакреонтическія стихотворенія Державина, чувствительные пѣсни и романсы Карамзина, Дмитріева, Капниста, Нелединскаго-Мелецкаго—и „Пѣсня Миньоны“, „Голосъ съ того свѣта“, „Утѣшеніе въ слезахъ“, „Горная дорога“, „Мечты“, „Элизіумъ“, „Элегія на кончину королевы виртембергской“, „Сельское Кладбище“, „Побѣдитель“, „Три путника“, „Теонъ и Эсхинъ“, „Старый рыцарь“ и проч.; торжественныя оды—и такія баллады, какъ „Рыцарь Тогенбургъ“, „Ивиковы журавли“, „Лѣсной царь“, „Кассандра“, „Графъ Габсбургскій“, „Узникъ“, „Эолова Арфа“, „Ахиллъ“, „Торжество побѣдителей“, „Жалобы Цереры“, „Кубокъ“; „Замокъ Смальгольмъ“!... А тамъ еще остаются переводы: „Шильонскій Узникъ“, „Пери и Ангелъ“, сельскія стихотворенія. „Ундина“—эта благоуханная, мелодическая и фантастическая повѣсть сердца, это *оригинально-переводное* твореніе Жуковскаго, лучше всего поясняетъ, почему его не хотятъ называть переводчикомъ, а смотрятъ на него, какъ на самостоятельнаго поэта. Дѣйствительно, Жуковскаго нельзя назвать собственно переводчикомъ: въ выборѣ пьесъ для перевода онъ руководствовался не однимъ безотчетнымъ влеченіемъ, но какъ будто началомъ; онъ вездѣ искалъ *своего* и, находя, переводилъ; всѣ переводы его носятъ на себѣ какой-той общій отпечатокъ, всѣ они образуютъ собою какой-то особенный міръ поэзіи—*поэзіи Жуковскаго*. Самыя оригинальныя произведенія—какъ будто переводы, а переводы—какъ будто оригинальныя произведенія. Онъ не случайно перевелъ „Орлеанскую Дѣву“, а не „Донъ Карлоса“, не „Валленштейна“, не „Вильгельма Телля“; историческая сфера—не его сфера; ему родственнѣе этотъ міръ чудесъ внутренняго духа, ему болѣе по душѣ вдохновенная таинственнымъ дубомъ героиня... Да, велика, неизмѣримо-велика заслуга Жуковскаго русской литературѣ, русскому обществу! Это не временная, не относительная заслуга: многіе, или, лучше сказать, бо́льшая часть его переводовъ будутъ вѣчными памятниками его огромнаго таланта, неувядаемыми цвѣтами русской литературы. Поколѣніе отъ поколѣнія будетъ воспитываться ими на служеніе духу жизни... Я не умѣю ничего лучше представить себѣ его переводовъ: „Торжество Побѣдителей“ и „Жалобы Цереры“;—если бъ Жуковскій перевелъ только ихъ—и тогда бы онъ составилъ себѣ имя въ нашей литературѣ. Если между его переводами есть слабые—причина въ неудачномъ выборѣ, а не въ недостаткѣ таланта. Таковы: „Королева Урака“, „Долина“, отрывки изъ „Камоэнса“ и т. п. Но и его неудачныя пьесы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, однѣ уже сдѣлали свое дѣло, другія еще будутъ его дѣлать; ихъ содержаніе для неразвитого еще эстетическаго вкуса всегда будетъ замѣнять недостатокъ формы. Объ образцовыхъ переводахъ его я уже все сказалъ, что̀ хотѣлъ сказать; о полномъ же циклѣ его поэзіи заключаю свое сужденіе стихами Пушкина:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость;
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Б.—Я, право, не вижу, почему бы ваше сужденіе о Жуковскомъ могло кому-нибудь показаться рѣзкимъ или оскорбительно-несправедливымъ... Развѣ потому, что оно нисколько не похоже на то, что̀ толковали о Жуковскомъ наши аристархи, особенно „ученые“... Мнѣ теперь особенно интересно услышать ваше мнѣніе о Батюшковѣ...

А.—Батюшковъ болѣе поэтъ, чѣмъ Жуковскій; Батюшковъ былъ одаренъ отъ природы художественными силами. Въ стихѣ его есть упругость и пластика; о гармоніи нечего и говорить: до Пушкина у насъ не было поэта съ стихомъ столь гармоническимъ. Батюшковъ сочувствовалъ древнему міру; въ натурѣ его были элементы эллинскаго духа.

И между тѣмъ, онъ прошелъ почти незамѣченнымъ явленіемъ, тогда какъ Жуковскаго знала наизусть вся Россія: причина—недостатокъ, если не отсутствіе содержанія въ поэзіи Батюшкова. Родиною его музы должна была быть Эллада, а посредникомъ между его музою и геніемъ Эллады—Германія, и между тѣмъ, талантъ Батюшкова развился на безплодной для искусства почвѣ французской литературы XVIII вѣка; онъ не почиталъ для себя униженіемъ переводить и подражать даже какому-нибудь сладенькому Парни. Итальянская поэзія тоже не могла быть ему особенно полезною, и скорѣе была вредна. Одно изъ лучшихъ его произведеній—„Элегія на развалинахъ замка въ Швеціи“—внушено ему дикимъ геніемъ мрачнаго сѣвера. Антологическія стихотворенія—эти драгоцѣнные брилліанты въ его поэтическомъ вѣнцѣ, подарены ему геніемъ родной ему Эллады. Все прочее занимаетъ у него середину между скандинавскою элегіею и антологическими стихотвореніями, и потому—все это какъ-то нерѣшительно, болѣе сверкаетъ превосходными частностями, красотою пластически художественной формы, но не цѣлымъ, которое, по недостатку содержанія, не могло являться въ художественной замкнутости и оконченности. Батюшковъ явился въ такое время нашей литературы, когда ни у кого не было и предчувствія о томъ, что́ такое искусство со стороны формы. Поэтому онъ заботился больше о гладкости и правильности того, что́ называли тогда „слогомъ“, и мало заботился о виртуозности своего художественнаго рѣзца, такъ что его пластическіе стихи были безсознательнымъ результатомъ его художественной натуры,—и вотъ почему въ его стихотвореніяхъ такъ много неточныхъ выраженій, прозаическихъ стиховъ, а иногда онъ не чуждъ и растянутости и реторики. Батюшковъ самъ чувствовалъ недостатокъ въ содержаніи для своей поэзіи, и потому переходилъ изъ крайности въ крайность: отъ свѣтлаго, поэтическаго эпикуреизма къ какому-то строгому и прозаическому мистицизму. Поэзія его всегда нерѣшительна, всегда что-то хочетъ сказать и какъ-будто не находитъ словъ. Впрочемъ, чтобъ сдѣлать вѣрную и полную оцѣнку Батюшкову, надо много говорить, надо безпрестанно цитовать его стихи. Батюшковъ не принадлежитъ къ числу геніальныхъ творческихъ натуръ; но талантъ его до того великъ, что, не будь его поэзія лишена почти всего содержанія, родись онъ не передъ Пушкинымъ, а послѣ него,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ поэтовъ, котораго имя было бы извѣстно не въ одной Россіи.

Б.—Да что́ же вы разумѣете подъ словомъ „содержаніе“, которое служитъ основаніемъ всѣхъ вашихъ сужденій о поэзіи и поэтахъ?

А.—Я не берусь вамъ опредѣлять философски, что́ такое „содержаніе“ въ жизни, въ исторіи, въ искусствѣ, въ наукѣ, но охарактеризую его вамъ общими признаками и объясню примѣрами, взятыми изъ сферы искусства. Содержаніе въ искусствѣ не всегда то, что́ можно съ перваго взгляда выговорить и опредѣлить; оно не есть воззрѣніе или опредѣленный взглядъ на жизнь, не начало или система какихъ-либо вѣрованій и убѣжденій, родъ философской школы или политической котеріи; содержаніе есть нѣчто высшее, изъ чего вытекаютъ всѣ вѣрованія, убѣжденія и начала; содержаніе есть міросозерцаніе поэта, его личное ощущеніе собственнаго пребыванія въ лонѣ міра, и присутствіе міра во внутреннемъ святилищѣ его духа. Когда вы читаете поэта безъ содержанія, но обладающаго большимъ талантомъ, вы чувствуете, что васъ *что-то* растревожило, возбудило въ васъ стремленіе къ *чему-то*, повергло васъ въ *какое-то* неопредѣленное состояніе, но не удовлетворило, не наполнило ничѣмъ; здѣсь самое наслажденіе — только раздраженіе, а не удовлетвореніе. Напротивъ, когда вы читаете поэтическія произведенія, проникнутыя глубокимъ содержаніемъ, вы чувствуете, что стремитесь къ чему-нибудь опредѣленному, наслаждаетесь чѣмъ-нибудь положительнымъ, что вы пріяли въ себя новую силу, что вашего существованія прибавилось, что вы чѣмъ-то преисполнились. Тогда вы страдаете страданіемъ вашего поэта, блаженствуете его блаженствомъ, потому что въ его страданіи или его блаженствѣ узнаете обще-человѣческую скорбь или радость, душу вѣка, интересъ времени. Вашъ поэтъ покоряетъ васъ, заставляетъ видѣть все въ томъ колоритѣ, въ какомъ самъ все видитъ. Такое вліяніе производятъ на душу читателя великіе поэты, каковы, напр., Байронъ, Шиллеръ, Гёте. Ихъ нельзя читать всѣхъ вдругъ, но каждый изъ нихъ поочередно овладѣваетъ цѣлою частію вашей жизни и дѣлаетъ васъ на то время байронистомъ, шиллеристомъ, гётистомъ. У насъ вообще содержаніе понимаютъ только внѣшнимъ образомъ, какъ „сюжетъ“ сочиненія, не подозрѣвая, что содержаніе есть душа, жизнь и сюжетъ этого сюжета. И потому, если дѣло идетъ особенно о романѣ, или повѣсти, то смотрятъ только на полноту происшествій, на сложность завязки и искусство развязки. Съ этой точки зрѣнія „Эвелина де-Вальероль“ г. Кукольника, конечно, будетъ романомъ съ содержаніемъ, потому что и въ цѣлый день не перескажешь всѣхъ „приключеній“, обрѣтающихся въ этой сказкѣ;

а „Старосвѣтскіе Помѣщики“ Гоголя, гдѣ очень просто разсказано, какъ жилъ старикъ со старушкой, какъ сперва умерла старушка, а потомъ умеръ старикъ, съ тоски по ней, и гдѣ нѣтъ ни происшествій, ни завязки, ни развязки,—будетъ повѣстью безъ всякаго содержанія...

Б. — А! теперь я понимаю, отчего вы мало находите содержанія у такихъ изъ нашихъ писателей, которые общимъ мнѣніемъ признаны великими... Кстати: эпоха литературы, на которой мы остановились, была ознаменована союзами знаменитостей, поэтическими и литературными тріумвиратами...

А. — Которые теперь, за давностію, забыты, такъ что историкамъ нашего времени надо дѣлать новые... И я первый попытаюсь на это, присоединивъ къ именамъ Жуковскаго и Батюшкова имя Гнѣдича. Этотъ человѣкъ у насъ доселѣ не понятъ и не оцѣненъ, по недостатку въ нашемъ обществѣ ученаго образованія. Переводъ „Иліады“— эпоха въ нашей литературѣ, и прійдетъ время, когда „Иліада“ Гнѣдича будетъ настольною книгою всякаго образованнаго человѣка. Это время недалеко, потому что, благодаря просвѣщенному, истинно-европейскому стремленію нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, поставившаго изученіе древнихъ языковъ непреложнымъ условіемъ гимназическаго и университетскаго курса, — *образованность* и *невѣжество* скоро перестанутъ быть синонимами, и истинная ученость сдѣлается основою истинной образованности... Безъ историческаго созерцанія жизни древнихъ нельзя понимать и ихъ искусства; вотъ почему „Иліада“ никогда не можетъ быть доступна толпѣ. Безъ созерцанія греческаго искусства, никакого искусства нельзя понимать,—и потому нечего распространяться о томъ, какъ великъ подвигъ Гнѣдича, какое безконечное вліяніе имѣетъ и будетъ имѣть онъ на русскую литературу. Духъ Гнѣдича былъ родственъ съ геніемъ эллинской поэзіи; самъ собою, вопреки своему развитію и духу времени, онъ прозрѣлъ въ глубокую сущность греческаго искусства. Переводъ „Иліады“, если сравнить съ подлинникомъ, есть не болѣе, какъ

...разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ,—

но все же „Фрейшицъ“, а не собственная фантазія, выдаваемая за „Фрейшица“: — а это великое дѣло! Никакое колоссальное твореніе искусства не можетъ быть переведено на другой языкъ такъ, чтобъ, читая переводъ, вы не имѣли нужды читать подлинникъ; напротивъ, не читавъ творенія въ подлинникѣ, нельзя имѣть точнаго о немъ понятія, какъ бы ни былъ превосходенъ переводъ. Къ „Иліадѣ“ особенно относится эта *горькая* истина: только греческій языкъ могъ выразить такое греческое содержаніе, и на всѣхъ другихъ языкахъ „Иліада“—засушенное тропическое растеніе, хотя и сохранившее, по возможности, и блескъ своихъ красокъ и ароматическій запахъ. Нашъ Гнѣдичъ умѣлъ схватить въ своемъ переводѣ отраженіе красокъ и аромата подлинника, умѣлъ уловить колоритъ греческаго созерцанія и сдѣлать его фономъ картины своего перевода. Переводъ Гнѣдича—копія съ древней статуи, сдѣланная даровитымъ художникомъ новаго времени. А это великій подвигъ, безсмертная заслуга! Русскій языкъ одинъ изъ счастливѣйшихъ языковъ, по своей способности передавать произведенія древности. Невѣжды смѣются надъ славянскими словами и оборотами въ переводѣ Гнѣдича: но это именно и составляетъ одно изъ его существеннѣйшихъ достоинствъ. Всякій коренной, самобытный языкъ въ періодъ младенчества народа, въ созерцаніи котораго жизнь еще не распалась на поэзію и прозу, но и самая проза жизни опоэтизирована,—такой языкъ, въ своемъ началѣ, бываетъ полонъ словъ и оборотовъ, дышущихъ какою-то младенческою простотою и высокою поэзіею; современемъ эти слова и обороты замѣняются другими, болѣе прозаическими, а старыя остаются богатымъ сокровищемъ для разумнаго употребленія, и наоборотъ, если ихъ некстати употребляютъ. Такъ у насъ остались древнія поэтическія слова: *ланиты, очи, уста, перси, рамена, храмъ, храмина, прагъ*, и т. п., замѣнившіяся прозаическими словами: *щеки, глаза, губы, груди, плечи, хоромы, порогъ* и т. п. Конечно, нѣтъ ничего смѣшнѣе, пошлѣе и надутѣе, какъ употребленіе педантами и безвкусными риѳмотворцами старинныхъ словъ тамъ, гдѣ это не требуется сущностію дѣла, напр., въ переводѣ тассова „Освобожденнаго Іерусалима“ и т. п. Но въ переводѣ „Иліады“ наши слова подъ перомъ вдохновеннаго переводчика, исполненнаго поэтическаго такта—истинное и безцѣнное сокровище! Замѣните выраженія: „ему *покорилась* лилейно-раменная Гера-богиня“; „и *осклабился* Зевсъ-громовержецъ“ выраженіями: „его послушалась жена“; „разсмѣялся Зевесъ“,—тогда изъ высокой поэзіи выйдетъ пошлая проза...

Б.—Однако мы уже такъ далеко зашли съ вами, что, кажется, и не доберемся до Пушкина...

А. — Напротивъ, мы уже добрались до него...

Б.—Какъ?—Такъ неужели Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Озеровъ, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ—и всѣ тутъ?

А.—А кто же еще, думали бы вы? Не-

ужели *Николевъ*, *Бобровъ*, *Долгорукій*, *Хвостовъ*, *Остолоповъ*, *Подшиваловъ*, *Никольскій*, *Глинки*, *Шаховской*, *Воейковъ*, *Измайловъ*, *Шаликовъ*, *Пушкинъ* (В.), *Катенинъ*, *Пнинъ*, *Бурнкскій*, *Шатровъ*, *Горчаковъ*, *Бунина*, *Крюковской*, *Лобановъ*, *Ф (Ѳ)едоровъ* (Б. М.), *Кокошкинъ*, *Ильинъ*, *Ивановъ*, и пр.?... Пора бы уже и перестать безпокоить ихъ почтенныя и заслуженныя имена нашимъ журнальнымъ критикамъ и обозрѣвателямъ, какъ оставила въ покоѣ забывшая о нихъ публика... Сверхъ того, не все, что касается до литературы, входитъ въ исторію литературы: многое поступаетъ въ вѣдомство статистики литературы, которая занимается всѣми книгами и всѣми писателями безъ изъятія, подводя ихъ подъ числа и итоги, иногда очень интересные и поучительные... Первый опытъ такой статистики русской литературы составилъ г. Гречъ, подъ названіемъ „Опыта Краткой Исторіи Русской Литературы", впрочемъ, довольно плохой даже и для статистики...[1]).

Б.—Но нѣкоторые изъ нихъ...

А.—Были люди съ дарованіемъ, хотите вы сказать? Правда, но ихъ дарованія такъ сильны, что не могли не быть замѣчены въ свое время, и такъ слабы, что забылись еще прежде, чѣмъ кончили они свое поприще. Такія дарованія—случайности, а не дѣйствительныя явленія. Дѣйствительно только то, что̀ родится изъ важныхъ причинъ и производитъ важныя слѣдствія. Если изучать всѣ случайности, помнить ихъ и говорить о нихъ—не станетъ вѣку человѣческаго, некогда будетъ заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Сверхъ того, написать мимоходомъ, между службою и картами, двѣ-три пѣсни, журнальную статейку, какую-нибудь сказку, которыя бы обратили на автора минутное вниманіе толпы, еще не значитъ быть поэтомъ, или даже и литераторомъ...

Б.—Итакъ, перейдемъ къ Пушкину.

А.—И поговоримъ о немъ какъ можно меньше, потому что сказать о немъ всего не успѣешь и въ цѣлую жизнь. Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно-живущимъ и движущимся явленіямъ, неостанавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе, и какъ бы ни вѣрно поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего...

Батюшковъ уже совершилъ свое поприще, несчастно прерванное; Жуковскій хоть еще и далеко не совершилъ своего поприща, но результаты его поэтической дѣятельности уже пустили глубоко свои корни въ почву воспріимчиваго и плодовитаго русскаго духа,—когда ребенокъ-Пушкинъ начиналъ знакомиться съ русскою литературою. Жадно читалъ онъ все, что засталъ тогда написаннымъ, отъ Ломоносова до Жуковскаго и Батюшкова включительно. И вотъ онъ дѣлается усерднымъ и, надо сказать, часто неловкимъ ученикомъ предшествовавшихъ ему корифеевъ нашей литературы и плохимъ ихъ подражателемъ. Стихъ его не былъ лучше даже стиха его дяди, В. Пушкина; онъ пишетъ посланіе *къ красавицѣ, нюхающей табакъ*, и жалѣетъ въ немъ, зачѣмъ онъ не табакъ... Усердно печатаетъ онъ свои дѣтскія фантазіи въ „Россійскомъ Музеумѣ", издававшемся въ 1815 году. Прочтите лицейскія стихотворенія Пушкина—и въ лучшихъ изъ нихъ вы увидите только хорошаго подражателя. Въ первомъ томѣ изданныхъ имъ самимъ стихотвореній вы уже не находите ничего дурного, напротивъ, видите много хорошаго; но въ пьесахъ: „Лицинію", „Пѣвецъ", „Амуръ и Гименей", „Ш***ву", „Торжество Вакха", „Разлука", „Дельвигу", „Жуковскому", „Русалка", „Стансы Т***му", „В***му", „Кривцову", „Война", „Къ Овидію", писанныхъ отъ 1815 до 1822, вы еще видите не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей. Всѣ исчисленныя мною стихотворенія перемѣшаны съ такими, въ которыхъ Пушкинъ является уже Пушкинымъ, въ которыхъ мы видимъ поэзію, неимѣющую ничего общаго съ прежнею, бывшею до Пушкина,—поэзію, явившуюся вдругъ, безъ всякихъ предварительныхъ проявленій, подобно Аѳинѣ-Палладѣ, вдругъ и во всеоружіи родившейся изъ головы Зевса. Въ отдѣлѣ стихотвореній, означенныхъ 1823 годомъ, вы уже не встрѣчаете ничего непушкинскаго, ничего навѣяннаго Пушкину его учителями. Правда, въ поэмахъ его — „Русланъ и Людмила", „Кавказскій Плѣнникъ" видно сильное вліяніе, но уже другихъ учителей: — Пушкинъ навсегда расквитался съ русскою литературою и сталъ ея учителемъ... Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной Пушкинымъ въ поэзіи, литературѣ, версификаціи и языкѣ русскомъ. Между стихомъ Пушкина и стихомъ Батюшкова больше разстоянія, чѣмъ между стихомъ Батюшкова и стихомъ Державина. Достоинство пушкинскаго стиха состоитъ не въ одной легкости—легкость одно изъ второстепенныхъ качествъ его, нѣтъ, достоинство этого стиха заключается въ его художественности, въ этой органической, живой соотвѣтственности между содержаніемъ и формою, и наоборотъ. Въ этомъ отношеніи стихъ Пушкина можно сравнить съ красотою чело-

[1]) См. одно изъ предыдущихъ примѣчаній.

вѣческихъ глазъ, оживленныхъ чувствомъ и мыслію: отнимите у нихъ оживляющее ихъ чувство и мысль—они останутся только красивыми, но уже не божественно-прекрасными глазами. Теперь многіе пишутъ стихи и гладкіе, и гармоническіе, и легкіе; но пушкинскій стихъ *напоминала* намъ только муза Лермонтова... Поэзія Пушкина полна, насквозь проникнута содержаніемъ, какъ граненый хрусталь лучемъ солнечнымъ: у Пушкина нѣтъ ни одного стихотворенія, которое не вышло бы изъ жизни и было написано вслѣдствіе желанія такъ что-нибудь написать, въ чаяніи, что авось-де это будетъ недурно... Это обстоятельство рѣзкою чертою отдѣляетъ Пушкина отъ всѣхъ поэтовъ предшествовавшихъ періодовъ. Художническая добросовѣстность Пушкина была до него безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ: онъ высылалъ изъ міра души своей только выношенныя, вызрѣвшія поэтическія фантазіи, которыя сами рвались наружу. Этимъ онъ совершенно избѣжалъ реторики, декламаціи и общихъ мѣстъ: ихъ слѣды замѣтны только развѣ въ его ученическихъ произведеніяхъ, о которыхъ я говорилъ. Слѣдствіемъ глубоко-истиннаго содержанія, всегда скрывающагося въ произведеніяхъ Пушкина, была ихъ строго-художественная форма. Каждое его стихотвореніе есть отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ себѣ, полный собственныхъ силъ, чуждый всякихъ несвойственныхъ ему элементовъ, всего посторонняго и лишняго, свободно-движущійся въ своей сферѣ. Какъ вѣрна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство и всякое ощущеніе, такъ вѣренъ у него и всякій образъ, каждая фраза, каждое слово. Все на своемъ мѣстѣ, все полно, ничего недоконченнаго, темнаго, неточнаго, неопредѣленнаго. Опредѣленность есть свойство великихъ поэтовъ, и Пушкинъ вполнѣ обладалъ этимъ свойствомъ. Ограниченные люди ставили его поэзіи въ вину, что она все *оземленяетъ* и *овеществляетъ*—обвиненіе, которое обнаруживаетъ рѣшительное отсутствіе эстетическаго чувства, самое грубое неразумѣніе поэзіи! Поэтъ—соперникъ творящей природѣ, подобно ей, онъ стремится безплотныхъ духовъ жизни, рѣющихъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ, уловить въ прекрасные и полные органически идеальной жизни образы, воплотить небесное въ земное, и земное просвѣтлить небеснымъ... Поэтъ не терпитъ отвлеченныхъ представленій: творя, онъ мыслитъ образами, а всякій образъ только тогда и прекрасенъ, когда опредѣленъ и вполнѣ доступенъ созерцанію.—Изъ русскаго языка Пушкинъ сдѣлалъ чудо. Справедливо сказалъ Гоголь, что „въ Пушкинѣ, какъ-будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, гибкость и сила нашего языка“. Онъ ввелъ въ употребленіе новыя слова, старымъ далъ новую жизнь; его эпитетъ столько же смѣлъ, оригиналенъ, какъ и рѣзко точенъ, математически опредѣленъ. Многообъемлемость и многосторонность также принадлежатъ къ числу качествъ, которыя срослись съ поэзіею Пушкина. Грусть у него смѣняется шуткою, эпиграммою, тяжелая скорбь неожиданно разрѣшается освѣжающимъ душу юморомъ. Его нельзя назвать ни поэтомъ грусти, ни поэтомъ веселія, ни трагикомъ, ни комикомъ исключительно: онъ все... Самое простое ощущеніе звучитъ у него всѣми струнами своими и потому чуждо монотонности; это всегда полный аккордъ... Всего чаще ощущеніе у Пушкина—диссонансъ, разрѣшающійся въ гармонію, и всего рѣже—простая мелодія... Трудно было бы опредѣлить общее направленіе поэзіи Пушкина; но можно сказать утвердительно, что имя романтика навязано на него не совсѣмъ впопадъ, такъ же, какъ невпопадъ отнято оно у Жуковскаго. Характеръ чисто-романтической поэзіи всегда болѣе или менѣе односторонній и исключительный. Поэзія Пушкина—самый разнообразный міръ, гдѣ примирены самые разнообразные и противорѣчащіе элементы, гдѣ простая и вмѣстѣ роскошная форма спокойно и равновѣсно овладѣла своимъ многосложнымъ содержаніемъ... Наконецъ, Пушкинъ—вполнѣ національный поэтъ, заключившій въ духѣ своемъ всѣ національные элементы. Это видно не только изъ тѣхъ произведеній, гдѣ чисто-русское содержаніе выражалъ онъ въ чисто-народной формѣ, и гдѣ не имѣлъ онъ себѣ соперника; но еще болѣе изъ тѣхъ произведеній, которыя ни по содержанію, ни по формѣ, кажется, не могутъ имѣть ничего русскаго. Я не знаю лучшей и опредѣленнѣйшей характеристики національности въ поэзіи, какъ ту, которую сдѣлалъ Гоголь въ этихъ короткихъ словахъ, врѣзавшихся въ моей памяти: „Истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда національнъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа; когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“. Мнѣ кажется, что кромѣ грусти, какъ основного мотива пушкинской поэзіи, и бодраго, мощнаго выхода изъ нея не въ какое-нибудь тепленькое утѣшеньице, а въ ощущеніе собственной силы, какъ самой характеристической черты ея, — національность ея состоитъ еще во внѣшнемъ спокойствіи, при внутренней движимости, въ отсутствіи одолѣвающей страстности. У Пушкина диссо-

нансъ и драма всегда внутри; а снаружи все спокойно, какъ будто ничего не случилось, такъ что грубая, невоспріимчивая или неразвитая натура не можетъ тутъ видѣть ни силы, ни борьбы, ни величія... Замѣтьте, что герои Пушкина никогда не лишаютъ себя жизни по силѣ трагической развязки, но остаются жить... Пушкинъ въ этой чертѣ бываетъ страшно великъ... Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и такъ національно, такъ русски-проявившейся... Ни одинъ поэтъ не имѣлъ на русскую литературу такого многосторонняго, сильнаго и плодотворнаго вліянія. Пушкинъ убилъ на Руси незаконное владычество французскаго псевдо-классицизма, расширилъ источники нашей поэзіи, обратилъ ее къ національнымъ элементамъ жизни, показалъ безчисленныя новыя формы, сдружилъ ее впервые съ русскою жизнію и русскою современностію, обогатилъ идеями, пересоздалъ языкъ до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотѣли писать.

Б.—Но что вы скажете о Пушкинѣ въ сравненіи съ европейскими поэтами?

А.—Онъ относится къ нимъ, какъ Россія къ Европѣ, а европейскіе поэты къ нему—какъ Европа къ Россіи. Пушкинъ обладалъ міровою творческою силою: по формѣ онъ—соперникъ всякому поэту въ мірѣ; но по содержанію, разумѣется, не сравнится ни съ однимъ изъ міровыхъ поэтовъ, выразившихъ собою моментъ всемірно-историческаго развитія человѣчества [1]). И это нисколько не идетъ къ униженію великаго генія Пушкина; повторяю, что поэту принадлежитъ форма, а содержаніе — исторіи и дѣйствительности его народа. Россія доселѣ жила внѣшнею силою; національное сознаніе пробудилось въ ней не дальше, какъ съ великаго 1812-го года... Какому-нибудь Байрону довольно было исторіи своего отечества, чтобъ имѣть готовое содержаніе для своей поэзіи; а Пушкину еще оставалась цѣлая Европа, т.-е. цѣлое человѣчество. Слова: *папа*, *католицизмъ*, *феодализмъ*, *вассалъ*, *реформація*, *религіозная война*, *всемірная торговля*, и пр. и пр. не могли въ слухѣ Пушкина раздаваться такъ же, какъ въ слухѣ Байрона: что́ для одного было предметомъ любознательности, то для другого было личнымъ интересомъ возбуждавшимъ всѣ его страсти, всѣ чувства... Самое образованіе европейскихъ поэтовъ съ дѣтства питаетъ ихъ „поэтическимъ содержаніемъ“: чего не зналъ Гёте, какою ученостію обладалъ Шиллеръ! Байронъ въ подлинникѣ читалъ греческихъ и латинскихъ писателей! Въ Европѣ все такъ чудно устроено,—одно не мѣшаетъ другому, напр., свѣтъ наукѣ, а наука свѣту; у насъ же объ этомъ свѣтѣ Пушкинъ говорилъ съ такимъ отчаяніемъ:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!...

Но здѣсь не должно упускать изъ виду важнаго обстоятельства: смерть застигла Пушкина въ порѣ полнаго развитія необъятныхъ силъ его творческаго духа, въ ту самую минуту, когда онъ уже начиналъ уходить отъ волнующей юную и пылкую натуру внѣшности и погружаться въ бездонную глубь своего внутренняго *я*, когда онъ только-что пересталъ пробовать свое перо и только-что начиналъ писать настоящимъ образомъ...

Б.—Однако нашъ разговоръ грозитъ быть страшно длиннымъ, если вы хотите говорить о поэтахъ пушкинской школы...

А.—Если только по этому, а не по чему-нибудь другому,—то онъ будетъ очень коротокъ. Время великій критикъ: его крылья провѣваютъ всѣ дѣла человѣческія, оставляя на току немного зеренъ и разсѣвая по воздуху много шелухи... У насъ же, надо замѣтить, время особенно быстро летитъ: мы, люди новаго поколѣнія, едва перешедшіе за роковую черту 30-ти лѣтъ, отдѣляющую юность отъ мужества, мы, заучившіе наизусть первые стихи Пушкина, мы, едва успѣвавшіе слѣдовать, такъ сказать, по пятамъ за его быстрымъ поэтическимъ бѣгомъ,—мы давно уже оплакали его безвременную кончину, а на школу его смотримъ уже, какъ на „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“, любимъ ее только по отношенію къ собственному нашему развитію, только по воспоминанію о прекрасномъ времени нашей жизни, когда всякій новый журналъ, всякая новая книжка журнала, альманахъ, какой-нибудь сборъ „мечтаній и звуковъ“ [1]) были для насъ праздникомъ, тотчасъ врѣзывались въ памяти, возбуждали живые восторги, шумные споры... И, если хотите, понятно, что мы, въ то блаженное время, давали Пушкину сподвижниковъ и товарищей, строили тріумвираты и цѣлыя школы; но понятно также и то, что теперь при имени Пушкина мы не знаемъ, кого вспомнить, кого назвать...

---

[1]) Здѣсь впервые Бѣлинскій беретъ назадъ свое былое провозглашеніе Пушкина „міровымъ“ поэтомъ. См. относительно этого статьи №№ 26 и 39 и наши вступительныя замѣтки къ нимъ.

[1]) Очевидный намекъ на сборникъ юношескихъ стихотвореній Некрасова, вышедшій (за подписью „Н. Н“) уже за два года передъ этимъ, подъ заглавіемъ „Мечты и звуки“. Бѣлинскій, по заслугамъ отрицательно отнесшійся къ этимъ дѣтскимъ опытамъ, все-таки почему-то запомнилъ этотъ сборникъ стиховъ неизвѣстнаго поэта. Вѣроятнѣе всего объяснить это начинавшимся тогда знакомствомъ Бѣлинскаго съ Некрасовымъ.

Б.—Какъ! столько имепъ, столько славъ...

А. — Но вѣдь въ то время и г. *Олинъ*, авторъ „Корсара“ и многихъ романтическихъ элегій, издатель безчисленнаго множества программъ несостоявшихся журналовъ и газетъ, и г. *М. Дмитріевъ*, сочинитель цѣлой книги стиховъ, и г. *Раичъ*, авторъ десятка плаксивыхъ стихотворепій, и г. *Трилунный*, переводчикъ и подражатель Байрона, и *Ѳ. Н. Глинка*, изобрѣтатель благоухающей нравственностію поэзіи, и много еще другихъ—все это были имена и славы, да еще какія?...

Б. — Но я разумѣю не ихъ, а Баратынскаго, Козлова, Давыдова (Дениса), Дельвига, Подолинскаго, Языкова. Помните, бывало, говаривали: Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ?

А.—Да, т.-е. тріумвиратъ... И точно, названные вами писатели недаромъ считались даровитыми. Въ нихъ выразился характеръ эпохи, теперь уже миновавшей; они завоевали себѣ мѣсто въ исторіи русской литературы. Я не люблю поэмъ Баратынскаго: въ нихъ больше ума, чѣмъ фантазіи; но между его лирическими произведеніями есть очень замѣчательныя. Мнѣ особенно нравится въ нихъ этотъ характеръ *вдумчивости* въ жизнь, который свидѣтельствуетъ о присутствіи мысли. Элегія Баратынскаго „На смерть Гёте“ — превосходна. Козловъ замѣчателенъ особенно удачными переводами изъ Мура; но переводы его изъ Байрона всѣ слабы. Есть нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ и между его собственными. У него много души: жаль только, что чувство его часто походитъ на чувствительность. Поэмы его вообще слабы; изъ нихъ „Чернецъ“ замѣчателенъ по эффекту, который онъ произвелъ на публику, и который напомнилъ объ эффектѣ „Бѣдной Лизы“ Карамзина. Элегіи Давыдова часто пышутъ истинною поэзіею, и ихъ всегда можно перечесть съ удовольствіемъ, несмотря на ихъ однообразность. Вообще, въ поэзіи Давыдова есть какая-то достолюбезная оригинальность, свой собственный характеръ. Имя Дельвига мнѣ любезно, какъ друга дѣтства Пушкина. *Русскія* пѣсни Дельвига очень хороши для фортепьяно и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ онѣ удобно могутъ быть приняты за народно-русскія пѣсни. Въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ много внѣшней истины, но незамѣтно главнаго—греческаго созерцанія жизни... Подолинскій *былъ* человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ: въ его мелкихъ стихотвореніяхъ и въ поэмахъ много чувства и поэтическихъ мѣстъ; но у него никогда не бывало цѣлаго, особенно въ поэмахъ, которыя бѣдны содержаніемъ, слабы по концепціи, блѣдны по выполненію... Стихи Языкова блестятъ всею роскошію внѣшней поэзіи, — и если есть внѣшняя поэзія, то Языковъ необыкновенно даровитый поэтъ. Онъ много сдѣлалъ для развитія эстетическаго чувства въ обществѣ: его поэзія была самымъ сильнымъ противоядіемъ пошлому морализму и приторной элегической слезливости. Смѣлыми и рѣзкими словами и оборотами своими Языковъ много способствовалъ расторженію пуританскихъ оковъ, лежавшихъ на языкѣ и фразеологіи. Правда, его новыя слова и фразы почти всегда изысканны, неточны, а нерѣдко и грѣшатъ противъ вкуса; но они всѣмъ понравились, а потому и сдѣлали свое дѣло... Стихъ Языкова громокъ, звученъ, ярокъ; но въ немъ это — чисто внѣшнія достоинства, безъ всякаго отношенія къ содержанію. Да и что̀ составляетъ содержаніе его поэзіи? или, лучше сказать, есть ли въ ней какое-нибудь содержаніе? Поэзія, полная содержаніемъ, всегда развивается, идетъ впередъ; поэзія, чуждая всякаго содержанія, всегда стоитъ на одномъ мѣстѣ, поетъ одно и то же, однимъ и тѣмъ же голосомъ. Вначалѣ она можетъ возбуждать фуроръ; но когда къ ней привыкнутъ, ея уже не читаютъ, а только безусловно хвалятъ... Проходитъ пылъ, остается дымъ и чадъ; поэтъ начинаетъ писать вялые, холодные и вообще плохіе стихи, которыхъ уже никто не почитаетъ стоящими даже порицаній... А мнѣ странно, что вы не упомянули о г. Хомяковѣ: хотя онъ по таланту и гораздо ниже Языкова, но послѣ Языкова какъ-то невольно вспоминаешь г. Хомякова. Это не безъ причины: между ними много общаго, именно—внѣшняя красота стиха, независящая отъ смысла пьесы, и однообразіе въ манерѣ и предметахъ пѣснопѣній... Въ самомъ дѣлѣ, Языковъ все пѣлъ студентскіе пиры и студентскую удаль; г. Хомяковъ *символически* поетъ все о чемъ-то высокомъ и прекрасномъ; содержаніе пѣсенъ г. Языкова неподвижно; содержаніе пѣсенъ г. Хомякова также неподвижно, потому что это всегда одна и та же отвлеченная мысль, одни и тѣ же громкія слова; оба поэта часто обращаются въ своихъ стихахъ къ Россіи,—и ни у того, ни у другого не сорвалось съ пера ни одного русскаго слова, ни одного русскаго выраженія, на которое отозвалась бы русская душа, или въ которомъ отозвалась бы русская душа. Не правда ли, все это очень сходно? Но, между тѣмъ, тутъ есть и несходство: г. Языковъ кончаетъ не такъ, какъ началъ—онъ утратилъ даже свой бойкій, звонкій и разгульный стихъ; г. Хомяковъ неизмѣненъ: онъ попрежнему владѣетъ стихомъ своимъ... Причина этой разности та, что для стиховъ Языкова—каковы бы ни были они—нуженъ былъ хоть пылъ молодости, если не вдохно-

веніе; для стиховъ же г. Хомякова этого не было нужно... [1])

Б.—Но я не понимаю, что̀ же вы разумѣете подъ школою Пушкина...

А.—Собственно, ея на было. Пушкинъ только развязалъ руки тогдашней молодежи на гладкій, бойкій стихъ, настроилъ ее на элегическій тонъ, вмѣсто торжественнаго, да ввелъ въ моду поэмы, вмѣсто балладъ; тайна же его поэзіи, и по содержанію, и по формѣ, для всѣхъ оставалась тайною. Въ его поэзіи всѣ видѣли одну внѣшнюю, поверхностную сторону, а во внутрь ея и не заглядывали...

Б.—Но въ чемъ же великое вліяніе Пушкина на русскую литературу, если школа, имъ созданная, такъ скоро исчезла, не оставивъ по себѣ слѣда?...

А.—Въ томъ именно, что, благодаря Пушкину, мы скоро оцѣнили эту школу по достоинству... Вліяніе Пушкина было не на одну минуту; оно окончится только развѣ съ смертію русскаго языка. Сверхъ того, странно было бы измѣрять достоинство поэта рожденною имъ школою. Мы не знаемъ, да и знать не хотимъ, создалъ ли какую школу, напр., Байронъ: мы хотимъ знать только Байрона и судить о немъ по немъ самомъ, а не по его школѣ, еслѝъ она и была. Не Пушкинъ виноватъ, что вмѣстѣ съ нимъ не явилось сильныхъ талантовъ... Притомъ же, вліяніе великаго поэта замѣтно на другихъ поэтахъ не въ томъ, что его поэзія отражается въ нихъ, а въ томъ, что она возбуждаетъ въ нихъ собственныя ихъ силы: такъ солнечный лучъ, озаривъ землю, не сообщаетъ ей своей силы, а только возбуждаетъ заключенную въ ней силу... У кого есть талантъ, и кто способенъ понять поэзію Пушкина, принять въ себя ея содержаніе,—тотъ, конечно, будетъ писать несравненно лучше, нежели какъ бы онъ писалъ, не зная Пушкина. А многіе ли понимаютъ Пушкина?... Повѣрьте мнѣ, надо быть выбрану изъ десяти тысячъ, чтобъ понимать Пушкина! Вѣдь это талантъ своего рода, и талантъ большой! Вотъ, напр., Веневитиновъ: хотъ и нельзя указать явнаго вліянія Пушкина на его поэзію, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ Пушкину обязанъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Веневитиновъ самъ собою составилъ бы школу, еслѝъ судьба не пресѣкла безвременно его прекрасной жизни, обѣщавшей такое богатое развитіе. Въ его стихахъ просвѣчивается дѣйствительно идеальное, а не мечтательно идеальное направленіе; въ нихъ видно содержаніе, которое заключало въ себѣ самодѣятельную силу развитія; но форма его поэтическихъ произведеній, даже самый характеръ ихъ, не обѣщали въ Веневитиновѣ поэта,—и я увѣренъ, что онъ скоро оставилъ бы поэзію для философскихъ созерцаній. На этомъ поприщѣ многаго можно было ожидать отъ него. Онъ возбудилъ къ себѣ сильное участіе, даже энтузіазмъ молодыхъ людей обоего пола своими произведеніями и въ стихахъ и въ прозѣ: это участіе, этотъ энтузіазмъ были пророческіе... Говоря о поэтахъ того времени, нельзя не упомянуть о Полежаевѣ, какъ поучительномъ примѣрѣ необузданной силы безъ содержанія,—таланта безъ образованія,—вдохновенія безъ вкуса. Эта дикая натура пала жертвою собственной силы, разъ не такъ направленной,—пала жертвою собственнаго огня, не нашедшаго для себя настоящей пищи...

Б.—А Грибоѣдовъ?

А.—Онъ самъ по себѣ; онъ самъ цѣлая школа. Написавъ нѣсколько посредственныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ по французской мѣркѣ, онъ вдругъ является съ комедіею, для которой едва-ли гдѣ могъ быть образецъ, не говоря уже о русской литературѣ. Языкъ, стихъ, слогъ—все оригинально въ „Горе отъ Ума“. Содержаніе этой комедіи взято изъ русской жизни; паѳосъ ея — негодованіе на дѣйствительность, запечатлѣнную печатію старины. Вѣрность характеровъ въ ней часто побѣждается сатирическимъ элементомъ. Полнотѣ ея художественности помѣшала неопредѣленность идеи, еще невполнѣ созрѣвшей въ сознаніи автора: справедливо вооружаясь противъ безсмысленнаго обезьянства въ подражаніи всему иностранному, онъ зоветъ общество къ другой крайности — къ „китайскому незнанью иноземцевъ“. Не понявъ, что пустота и ничтожество изображеннаго имъ общества происходятъ отъ отсутствія въ немъ всякихъ убѣжденій, всякаго разумнаго содержанія, онъ слагаетъ всю вину на смѣшные бритые подбородки, на фраки съ хвостомъ назади, съ выемкою впереди и съ восторгомъ говоритъ о величавой одеждѣ долгополой старины... Но это показываетъ только незрѣлость, молодость таланта Грибоѣдова: „Горе отъ Ума“, несмотря на всѣ свои недостатки, кипитъ геніальными силами вдохновенія и творчества. Грибоѣдовъ еще не былъ въ состояніи спокойно владѣть такими исполинскими силами. Еслѝ бы онъ успѣлъ написать другую комедію, она далеко оставила бы за собою „Горе отъ Ума“. Это видно изъ самаго „Горе отъ Ума“: въ немъ такъ много ручательствъ за огромное поэтическое развитіе... Какая убійственная сила сарказма, какая ѣдкость іроніи, какой паѳосъ въ лирическихъ изліяніяхъ раздраженнаго чувства; сколько сторонъ

[1]) Подробное развитіе этихъ мыслей мы найдемъ ниже, въ статьѣ № 49.

такъ тонко подмѣченныхъ въ обществѣ; какіе типическіе характеры; какой языкъ, какой стихъ—энергическій, сжатый, молніеносный, чисто русскій! Удивительно ли, что стихи Грибоѣдова обратились въ поговорки и пословицы, и разнеслись между образованными людьми по всѣмъ концамъ земли русской? Удивительно ли, что „Горе отъ Ума“ еще въ рукописи было выучено наизусть цѣлою Россіею?... Грибоѣдовъ наводитъ мнѣ на душу грустную мысль о трагической судьбѣ русскихъ поэтовъ... Батюшковъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полнотѣ поэтической дѣятельности... хуже, чѣмъ умеръ; Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ погибли безвременно...

. . . . . иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?...

Б.—Прерываю ваше поэтическое раздумье прозаическимъ вопросомъ: говоря о поэтахъ до-пушкинской эпохи, вы забыли Мерзлякова, котораго русскія пѣсни, впрочемъ, принадлежатъ къ позднѣйшему времени.

А.—Да много ли его русскихъ пѣсенъ-то? „Среди долины ровныя“—не народная, и даже не простонародная, а развѣ сантиментально-мѣщанская пѣсня. „Чернобровый, черноглазый“ и „Не липочка кудрявая“—прекрасныя и выдержанныя пѣсни; всѣ другія—съ проблесками національности, но и съ „чувствительными“ противъ нея обмолвками. Въ поэзіи Мерзлякова есть чувство, но нѣтъ мысли. Теорія его — французско-классическая; слѣдовательно, о ней можно и не говорить. Переводы его изъ древнихъ не изящны; въ нихъ не вѣетъ жизнію эллинскаго духа. Мерзляковъ смотрѣлъ на древнихъ сквозь лагарповскія очки. Онъ переводилъ идилліи г-жи Дезульеръ, и ужасными виршами пересказалъ на книжномъ русскомъ языкѣ временъ Хераскова „Освобожденный Іерусалимъ“ Тасса.

Б.—Къ кому же мы теперь перейдемъ отъ Пушкина и Грибоѣдова?

А.—Къ повѣсти и роману. Пресытившись стихами, мы захотѣли прозы; а примѣръ Вальтеръ Скотта былъ очень соблазнителенъ... Марлинскій первый началъ писать русскія повѣсти. Онѣ были для своего времени то же, что̀ повѣсти Карамзина для той эпохи; разница между ними только та, что однѣ *романтическія*, другія *классическія*, въ простомъ смыслѣ этихъ словъ. „Юрій Милославскій“ былъ первымъ русскимъ историческимъ романомъ. Онъ явился очень во̀-время, когда всѣ требовали русскаго и русскаго. Вотъ причина его необыкновеннаго успѣха. Теперь онъ — препріятное и преполезное чтеніе для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ включительно и для простого народа. Жаль, что онъ не изданъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ и не продается копѣекъ по 20 серебромъ: онъ много бы могъ принести пользы. Я не буду исчислять всѣхъ повѣстей и романовъ, всѣхъ нувеллистовъ и романистовъ: это былъ бы безполезный трудъ и скучный разговоръ. Романистовъ было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ—Нарѣжный. Въ 1804 году издалъ онъ отчаянную романтическую трагедію „Димитрій Самозванецъ“, которая была сколкомъ съ „Разбойниковъ“ Шиллера; потомъ печаталъ повѣсти и романы—блѣдные, безцвѣтные, манерные, во вкусѣ г-жи Жанлисъ. Въ 1824 онъ издалъ „Бурсака“, а въ 1825—„Два Ивана“, романы, запечатлѣнные талантомъ, оригинальностію, комизмомъ, вѣрностію дѣйствительности. Ихъ обвиняли тогда въ грубой простонародности; но главный ихъ недостатокъ состоялъ въ бѣдности *внутренняго* содержанія. Онъ еще написалъ что-то въ родѣ *Жилблаза*, который былъ почище всѣхъ *Выжигиныхъ*, хотя и имѣлъ несчастіе подать поводъ къ появленію этихъ литературныхъ бродягъ и выродковъ... Лучшій романистъ пушкинскаго періода литературы нашей, безъ сомнѣнія, Лажечниковъ. „Новикъ“ его слишкомъ полонъ, такъ сказать, обремененъ внутреннимъ обиліемъ: видно, что онъ—первое произведеніе автора; но въ немъ много теплоты, одушевленія, много прекрасныхъ частностей. „Ледяной Домъ“ есть лучшее произведеніе Лажечникова по содержанію, по одушевленію, которымъ онъ *спокойно* проникнутъ, по характерамъ лицъ, по превосходнымъ частностямъ и полнотѣ цѣлаго. Въ „Басурманѣ“ Лажечниковъ перенесся въ чуждую ему сферу жизни, которая всѣхъ менѣе можетъ дать содержаніе для романа. Несмотря на то, недостаточный въ цѣломъ, „Басурманъ“ не чуждъ превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстъ; къ лучшимъ изъ нихъ принадлежатъ тѣ, гдѣ является *грозное* лицо Іоанна III, дѣда настоящаго Грознаго; также сцена трагической смерти Нѣмца-лѣкаря, замученнаго Татарами... Жаль, что Лажечниковъ мало пишетъ: онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ вліяніе особенно сильно на эстетическое и нравственное развитіе современнаго имъ общества. Что касается до повѣсти—она, со времени появленія Марлинскаго до Гоголя, играла роль ученицы, и только въ отрывкѣ изъ романа Пушкина „Арапъ Петра Великаго“ на минуту явилась мастеромъ, въ смыслѣ нѣмецкаго *мейстера*, или итальянскаго *маэстро*. Съ Гоголя начался русскій романъ и русская повѣсть, какъ съ Пушкина началась истинно-русская поэзія... Гоголь внесъ въ

нашу литературу новые элементы, породилъ множество подражателей, навелъ общество на истинное созерцаніе романа, какимъ онъ долженъ быть; съ Гоголя начинается новый періодъ русской литературы, русской поэзіи...

Б.—Воля ваша, а мнѣ кажется, что вы увлекаетесь и видите въ Гоголѣ далеко больше того, что̀ въ немъ есть. Что̀ говорить — талантъ, и талантъ замѣчательный, удивительное искусство вѣрно списывать съ натуры; но—согласитесь сами — вѣдь дѣйствительная и высокая сторона въ искусствѣ есть идеалы, а что за идеальныя лица какой-нибудь взяточникъ-городничій, мѣщанка Пошлепкина, какой-нибудь Иванъ Ивановичъ или Иванъ Никифоровичъ?...

А. — Вы очень вѣрно выразили мнѣніе толпы о Гоголѣ, и, по моему мнѣнію, толпа совершенно права съ своей точки зрѣнія...

Б. — Какъ хотите, но я охотно готовъ быть представителемъ толпы въ этомъ случаѣ. Смѣяться и смѣяться, смѣшить и смѣшить—это, право, совсѣмъ не то, что умилять сердца, возвышать душу...

А.—Совершенная правда! Смѣшить—дѣло весельчаковъ и забавниковъ, а смѣяться — дѣло толпы.— Чѣмъ грубѣе и необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе расположенъ смѣяться всякой плоскости, хохотать всякому вздору. Ничего нѣтъ легче, какъ разсмѣшить его. Онъ не понимаетъ, что можно плакать и рыдать, когда сердце хочетъ выскочить изъ груди отъ полноты блаженства и радости, и что можно хохотать до безумія, когда сердце сдавлено тоскою или разрывается отчаяніемъ. Ступайте въ русскій театръ, когда тамъ даютъ „Гамлета“—и вы услышите вверху (а иногда и внизу) самый веселый, самый добродушный смѣхъ, когда Гамлетъ, заколовъ Полонія, на вопросъ матери: „кого ты убилъ?“ отвѣчаетъ „мышь!“... Помните ли вы еще разговоръ Гамлета съ Полоніемъ, съ актерами и съ Офеліею: мнѣ становилось страшно отъ этихъ сценъ ужасной ироніи глубоко оскорбленной и тяжкострадающей души датскаго принца; а другіе если и не дремали, то смѣялись... Я хочу сказать этимъ совсѣмъ не то, что Шекспиръ и Гоголь—одно и то же; или что „Гамлетъ“ Шекспира и „Миргородъ“ Гоголя — одно и то же, — нѣтъ, я говорю только, что смѣхъ смѣху—рознь... Если бы изъ „Тараса Бульбы“ сдѣлать драму, — я увѣренъ, что въ страшной сценѣ казни, когда старый казакъ на вопль сына: „Слышишь ли, батьку!“ отвѣчаетъ: „Слышу, сынку!“ многіе отъ души расхохотались бы... И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли иному благовоспитанному, милому и образованному чиновнику, который привыкъ называть отца уже не то, чтобы „тятенькою“, но *даже* „папенькою“, не смѣшно ли ему слышать это грубое, хохлацкое „батьку“ и „сынку“?... Надо сказать правду, у насъ вообще смѣяться не умѣютъ и всего менѣе понимаютъ „комическое“. Его обыкновенно полагаютъ въ фарсѣ, въ каррикатурѣ, въ преувеличеніи, въ изображеніи низкихъ и пошлыхъ сторонъ жизни. Я говорю это не въ осужденіе нашему обществу. Постиженіе комическаго— вершина эстетическаго образованія. Шиллеръ, великій Шиллеръ признается, что въ первой порѣ своей юности, при началѣ знакомства съ Шекспиромъ, его возмущала эта холодность, безстрастіе, дозволявшія Шекспиру шутить въ самыхъ высокихъ, патетическихъ мѣстахъ и разрушать явленіемъ шутовъ впечатлѣнія самыхъ трогательныхъ сценъ въ „Гамлетѣ“, „Лирѣ“, „Макбетѣ“ и т. д., останавливать ощущеніе тамъ, гдѣ оно желало бы безостановочно стремиться впередъ, или хладнокровно отрывать его отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ бы оно такъ охотно остановилось и успокоилось [1]). Идеальное - трагическое открывается юному чувству непосредственно и сразу: идеальное-комическое дается только развитому и образованному чувству человѣка, знающаго жизнь не по однимъ восторженнымъ мечтаніямъ и не по наслышкѣ. На такого человѣка комическое часто производитъ обратное дѣйствіе: возбуждаетъ въ немъ не веселый смѣхъ, а одно скорбное чувство. Онъ улыбается, но въ его улыбкѣ столько меланхоліи.

Комизмъ еще не составляетъ основного элемента всѣхъ сочиненій Гоголя. Онъ разлитъ преимущественно въ „Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки“. Это комизмъ веселый, улыбка юноши, привѣтствующаго прекрасный Божій міръ. Тутъ все свѣтло, все блеститъ радостію и счастіемъ; мрачные духи жизни не смущаютъ тяжелыми предчувствіями юнаго сердца, трепещущаго полнотою жизни. Здѣсь поэтъ какъ бы самъ любуется созданными имъ оригиналами. Однакожъ эти оригиналы не его выдумка, они смѣшны не по его прихоти; поэтъ строго вѣренъ въ нихъ дѣйствительности. И потому всякое лицо говоритъ и дѣйствуетъ у него въ сферѣ своего быта, своего характера и того обстоятельства, подъ вліяніемъ котораго оно находится. И ни одно изъ нихъ не проговаривается: поэтъ математически вѣренъ дѣйствительности, и часто рисуетъ комическія черты безъ всякой претензіи смѣшить, но только покоряясь своему инстинкту, своему такту дѣйствительности. Смѣхъ толпы для него бываетъ оскорбителенъ въ такихъ случаяхъ; она

---

[1]) См. его „Abhandlung über naive und sentimentalische Dichtung“. *Прим. Бѣлинскаго.*

смѣется тамъ, гдѣ надо удивляться тонкой чертѣ дѣйствительности, вѣрно и зорко подмѣченной, удачно схваченной. Въ повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ „Арабескахъ", Гоголь отъ веселаго комизма переходитъ къ „юмору", который у него состоитъ въ противоположности созерцанія истинной жизни, въ противоположности идеала жизни съ дѣйствительностію жизни. И потому его юморъ смѣшитъ уже только простяковъ или дѣтей; люди, заглянувшіе въ глубь жизни, смотрятъ на его картины съ грустнымъ раздумьемъ, съ тяжкою тоскою... Изъза этихъ чудовищныхъ и безобразныхъ лицъ имъ видятся другіе, благообразные лики; эта грязная дѣйствительность наводитъ ихъ на созерцаніе идеальной дѣйствительности, и то, что̀ есть, яснѣе представляетъ имъ то, что̀ бы должно быть... Въ „Миргородѣ" этотъ юморъ особенно проникаетъ собою насквозь дивную повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; оканчивая ее, вы отъ души восклицаете съ авторомъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!" точно, какъ-будто выходя изъ дома умалишенныхъ, гдѣ съ горькою улыбкою смотрѣли вы на глупости несчастныхъ больныхъ... Въ этомъ смыслѣ комедія Гоголя „Ревизоръ" сто̀итъ всякой трагедіи. Что же касается до искусства Гоголя вѣрно списывать съ натуры—это изъ тѣхъ безсмысленно-пошлыхъ выраженій, которыя оскорбляютъ своею нелѣпостію здравый смыслъ [1]). Подобная похвала—оскорбленіе. Гоголь творитъ вѣрно природѣ; списываютъ съ природы не живописцы, а маляры, и ихъ списки—чѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ безжизненнѣе для всякаго, кому неизвѣстенъ подлинникъ. Вѣрность натурѣ въ твореніяхъ Гоголя вытекаетъ изъ его великой творческой силы, знаменуетъ въ немъ глубокое проникновеніе въ сущность жизни, вѣрный тактъ, всеобъемлющее чувство дѣйствительности. И это уже многіе чувствуютъ, хотя еще и слишкомъ немногіе сознаютъ. Теперь всѣ стараются писать вѣрно натурѣ, всѣ сдѣлались юмористами: таково всегда вліяніе геніальнаго человѣка! Новый Коломбъ, онъ открываетъ неизвѣстную часть міра, и открываетъ ее для удовлетворенія своего безпокойно-рвущагося въ безконечность духа; а ловкіе антрепренеры стремятся по слѣдамъ его толпою, въ надеждѣ разбогатѣть чужимъ добромъ!...

Б.—И вотъ мы приблизились къ самому интересному для насъ предмету — къ современной намъ литературѣ. О настоящемъ всегда говорится больше, чѣмъ объ отдаленномъ: малѣйшія подробности имѣютъ интересъ; самое маленькое дарованіе имѣетъ цѣну...

А.—И, однакожъ, я всего менѣе намѣренъ распространяться о современной литературѣ, во-первыхъ, для того, чтобъ не наговорить много о пустякахъ, а во-вторыхъ, чтобъ не *раздразнить гусей*... Правда, у насъ и теперь не безъ дарованій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; скажу болѣе: въ нашей грустной эпохѣ много утѣшительнаго. Пора дѣтскихъ очарованій теперь миновалась безъ возврата, и если теперь огромные авторитеты составляются иногда въ одинъ день, зато они часто и пропадаютъ безъ вѣсти на слѣдующій же день... Теперь очень трудно стало прослыть за человѣка съ дарованіемъ: такъ много писано во всѣхъ родахъ, столько было опытовъ и попытокъ, удачныхъ и неудачныхъ, во всѣхъ родахъ, что, дѣйствительно, надо что-нибудь получить отъ природы, чтобъ обратить на себя общее вниманіе... Пушкинъ и Гоголь дали намъ такіе критеріумы для сужденія объ изящномъ, съ которыми трудно отъ чего-нибудь разахаться... Хорошую сторону современной литературы составляетъ и обращеніе ея къ жизни, къ дѣйствительности: теперь уже всякое, даже посредственное, дарованіе силится изображать и описывать не то, что̀ приснится ему во снѣ, а то, что̀ есть или бываетъ въ обществѣ, въ дѣйствительности. Такое направленіе много обѣщаетъ въ будущемъ. Но современная литература много теряетъ отъ того, что у ней нѣтъ головы; даже яркіе таланты поставлены въ какое-то неловкое положеніе: ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать первымъ и по необходимости теряется въ числѣ, каково бы оно ни было. Гоголь давно ничего не печатаетъ; Лермонтова уже нѣтъ,—

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
Что̀ любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни своей...

А какое пышное развитіе обѣщалъ этотъ богатый дарами природы, этотъ мощный и глубокій духъ!... Публика встрѣтила его, какъ представителя новаго періода литературы, хотя и видѣла еще одни опыты его... Предчувствія общества не обманчивы: гласъ Божій—гласъ народа!...

Б.—А вѣдь результатъ нашего разговора рѣшительно въ мою пользу. Вы спрашивали меня съ насмѣшкою: „Да гдѣ-жъ онѣ?—Давайте ихъ!"—и сами не только насчитали множество именъ знаменитыхъ и великихъ, но и нашли въ нашей литературѣ внутреннюю жизнь, историческое движеніе, гдѣ послѣдующее выходитъ изъ предыдущаго...

[1]) Это опредѣленіе таланта Гоголя принадлежитъ Полевому; см. объ этомъ наши примѣчанія въ статьѣ о Марлинскомъ (т. I, ст. № 20).

А.—Въ самомъ дѣлѣ? Посмотримте-ка, сколько знаменитыхъ и великихъ именъ насчитали мы... — Ломоносовъ — какъ великій характеръ (качество не обогащающее нашей литературы!), какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій, имѣющихъ теперь *историческое* достоинство; фонъ-Визинъ, какъ умный писатель, котораго небольшая книга имѣетъ для насъ значеніе „мемуаровъ", передавшихъ намъ духъ и характеръ русскаго XVIII вѣка; Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, какъ лица, имѣющія большее или меньшее значеніе въ исторіи русской литературы, русскаго общественнаго образованія,—авторитеты, съ которыми мы должны знакомиться въ школѣ, и которыхъ уже не можемъ читать, вышедши изъ школы въ свѣтъ; — авторы, которыхъ имена для насъ священны, но которыхъ значеніе—наша семейная тайна, неразрѣшимая для иностранцевъ, хотя бы иностранцы и могли прочесть ихъ на своихъ языкахъ... Итакъ, вотъ уже *шесть* именъ... Далѣе: Крыловъ, геніальный писатель національныхъ басенъ—этой поэзіи здраваго разсудка... Жуковскій, внесшій въ нашу литературу и въ нашу жизнь романтическіе элементы и усвоившій намъ нѣсколько превосходныхъ произведеній нѣмецкой и англійской словесности, которыя *тамъ* читаются въ подлинникѣ... Батюшковъ—замѣчательный талантъ, неопредѣленно и блѣдно развившійся; по недостатку содержанія, поэзія его, поэтому, не можетъ быть перенесена на почву чуждаго слова, не подвергаясь опасности завянуть и выдохнуться... Гнѣдичъ, превосходный переводчикъ „Иліады"—совершитель подвига, важнаго и великаго только для насъ... Пушкинъ и Гоголь,—вотъ поэты, о которыхъ нельзя сказать: „Я ужъ читалъ!", но которыхъ чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь; вотъ истинное, *капитальное* сокровище нашей литературы... Если Пушкинъ найдетъ достойныхъ переводчиковъ, то не можетъ не обратить на себя изумленнаго вниманія Европы; но все-таки онъ и не можетъ быть тамъ оцѣненъ по достоинству; этому всегда помѣшаетъ объемъ и глубина содержанія его поэзіи, далеко немогущія состязаться съ объемомъ и глубиною содержанія, какимъ проникнута поэзія великихъ представителей европейскаго искусства... Иностранецъ, коротко ознакомившійся съ Россіею и ея языкомъ, не можетъ не признать въ Пушкинѣ, какъ въ художникѣ, міровой творческой силы, которой нечего бояться чьего бы то ни было соперничества; многія лирическія стихотворенія, выражающія субъективность Пушкина, еще болѣе утвердятъ его въ этомъ убѣжденіи; но тѣ творенія Пушкина, въ которыхъ онъ выходилъ на историческую почву жизни, и которыхъ величіе и колоссальность необходимо зависятъ отъ содержанія, покажутъ ему, что Пушкинъ, слишкомъ рано родившись для Россіи, слишкомъ рано и умеръ для нея... Общественные интересы современной Европы развились изъ почвы тысячелѣтняго всемірно-историческаго развитія, и могутъ возбуждаться только такимъ поэтическимъ содержаніемъ, которое оплодотворяетъ собою вѣкъ, творитъ новую исторію, и какимъ проникнуты творенія Шекспира, Байрона, Шиллера и Гёте... Сказанное о Пушкинѣ можно примѣнить и къ Гоголю... Теперь, кто же остается?—Грибоѣдовъ, написавшій одну комедію, да Лермонтовъ, написавшій одинъ романъ въ прозѣ, небольшую книжку стихотвореній... Изъ прежней школы Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ—вотъ и всѣ... Вы говорите, что я нашелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность; правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Нѣсколько человѣкъ еще не составляютъ общества, а нѣсколько идей, пріобрѣтенныхъ знакомствомъ съ Европою, еще менѣе можетъ назваться національнымъ сознаніемъ. Наша публика безъ литературы: потому что въ годъ пять-шесть хорошихъ сочиненій на нѣсколько сотенъ дурныхъ—еще не литература; наша литература безъ публики, потому что наша публика что-то загадочное: одинъ читалъ Пушкина, другой въ восторгѣ отъ г. Бенедиктова, а третій былъ безъ ума отъ мистерій г. Тимоѳеева; одинъ понимаетъ Гоголя, другой еще въ полномъ удовольствіи отъ Марлинскаго, а третій не знаетъ ничего лучше романовъ гг. Зотова и Воскресенскаго... Театральные судьи равно хлопаютъ и „Гамлету", и водевилямъ г. Коровкина, и „Парашѣ" г. Полевого... И не думайте, чтобъ это были люди разныхъ сферъ и классовъ общества,—нѣтъ, они всѣ перемѣшаны и перетасованы, какъ колода картъ... Историческій ходъ свой наша литература совершила въ самой же себѣ: ея настоящею публикою былъ самъ пишущій классъ, и только самыя великія явленія въ литературѣ находили болѣе или менѣе разумный отзывъ во всей своей массѣ грамотнаго общества... Но будемъ смотрѣть на литературу просто, какъ на постоянный предметъ занятія публики, слѣдовательно, какъ на безпрерывный рядъ литературныхъ новостей: что-жъ это за литература! Да занимайте вы десять должностей, утопайте въ практической дѣятельности, а на чтеніе посвятите время между обѣдомъ и кофе,—и тогда не на одинъ день останетесь вы безъ чтенія. Въ журналахъ

все—переводы, а оригинальнаго развѣ три-четыре порядочныя повѣсти въ годъ, да нѣсколько стихотвореній, да книгъ съ полдюжины, включая сюда и ученыя — вотъ и все. Тогда, читая въ журналахъ статьи о процвѣтаніи русской литературы, поневолѣ восклицаете, протяжно зѣвая: „Да гдѣ-жъ онѣ?—Давайте ихъ!“... Любопытно было бы сдѣлать хоть одинъ перечень литературныхъ явленій за цѣлый годъ...

Но это мы сдѣлаемъ уже сами, тѣмъ болѣе, что это такъ не трудно сдѣлать: Библіографическая хроника „Отечеств. Записокъ“, не пропускающая ни одной новой книги, изданной въ Россіи, даетъ намъ всѣ нужные для такого дѣла матеріалы. Если прерванный нами разговоръ сколько-нибудь заинтересовалъ васъ, читатели, то и наша *приписка* къ нему не должна миновать вашего вниманія: можетъ быть, въ этомъ годичномъ обзорѣ найдете вы кое-какія поясненія и дополненія къ длинному разговору; по крайней мѣрѣ, встрѣтите имена, не упомянутыя тамъ, но извѣстныя давно или недавно, и играющія первыя роли въ современной русской литературѣ...

Начнемъ съ журналовъ. Въ журналахъ теперь сосредоточилась наша литература, и оригинальная и переводная. Въ нихъ помѣщаются теперь повѣсти, которыя недавно издавались особо, частяхъ въ двухъ, въ трехъ и четырехъ; въ нихъ цѣликомъ печатаются романы, которыхъ каждая глава стоитъ иной повѣсти недавняго времени; въ нихъ печатаются драмы, историческія книги, и т. д. Ко всему этому надо прибавить, что наши журналы изъ всѣхъ силъ стремятся къ многосторонности и всеобъемлемости—не во взглядѣ, о которомъ, правду сказать, немногіе изъ нихъ думаютъ,—а въ разнообразіи входящихъ въ ихъ составъ предметовъ: тутъ и политика, и исторія, и философія, и критика, и библіографія, и сельское хозяйство, и изящная словесность,—чего хочешь, того просишь. Многіе не видятъ во всемъ этомъ добра и толкуютъ обо всемъ этомъ вкось и вкривь,—*а ларчикъ просто открывался!* Человѣкъ съ дарованіемъ переводитъ драму Шекспира; напечатать ему свой переводъ не на что; наудачу пуститься нельзя, потому что, каковъ бы ни былъ переводъ, все-таки нельзя надѣяться, чтобъ его разошлось болѣе двухъ десятковъ экземпляровъ, и то развѣ года въ два... Что-жъ тутъ остается дѣлать?—Напечатать въ журналѣ. Это и прекрасно: тѣ, которые могутъ судить о Шекспирѣ и оцѣнить переводъ, прочтутъ, можетъ быть, еще нечитанную ими драму великаго творца; а тѣ, которые никакихъ другихъ драматическихъ красотъ, кромѣ „репертуарныхъ“, не смыслятъ,—тѣ будутъ вознаграждены какою-нибудь большою сказкою, въ той же книжкѣ журнала напечатанною... Въ „Отеч. Запискахъ“ прошлаго года было помѣщено цѣлое большое историческое сочиненіе „Альбигойцы“, которое было всѣми прочтено съ жадностію и произвело общій восторгъ: будь же оно издано отдѣльно, его никто бы не прочелъ, о немъ никто бы не узналъ, переводчикъ напрасно потратилъ бы трудъ и время, а издатель деньги... Этихъ примѣровъ слишкомъ достаточно для объясненія, почему журналистика поглотила всю литературу. Это не прихоть, не произволъ, даже не разсчетъ со стороны журналистовъ: причина дѣла въ необходимости, въ самой дѣйствительности...[1]). Что журналистъ хочетъ обнять своимъ журналомъ всѣ области литературы и науки, удовлетворить всѣмъ потребностямъ общества — отъ стиховъ до статей о свекловичномъ сахарѣ и удобреніи полей разными средствами,—здѣсь тоже очень простая причина: онъ хочетъ, чтобъ его журналъ читала публика... У насъ еще не можетъ быть спеціальныхъ журналовъ, намъ пожалуйте всего за однѣ и тѣ же деньги; мы хотимъ не мнѣнія, не руководительнаго начала, не предмета для ученія или размышленія,—мы хотимъ чтенія, какъ средства отъ скуки, потому что однѣ карты да карты, сплетни да сплетни,—оно, конечно, хорошо, да вѣдь прискучитъ же... Семейство выписываетъ журналъ,—журналистъ долженъ угодить всѣмъ членамъ этого семейства: отецъ-старикъ читаетъ, напр., перечень событій въ отечествѣ и статьи по части сельскаго хозяйства; мать—повѣсти и модныя извѣстія; сынъ—критику и разборы книгъ; дочь стихи, повѣсти и модныя извѣстія; смѣсь — всѣ. Не угодите одному, останутся недовольны всѣ! [2]) За границею сущность журнала состоитъ въ его мнѣніи, и потому тамъ журналисту нечего бояться соперничества, не къ чему хвататься за множество такихъ предметовъ: у него есть мнѣніе—есть и подписчики, потому что кто раздѣляетъ его доктрину, тотъ будетъ читать его журналъ; слѣдовательно, ему не помѣшаютъ, его не заслонятъ, не задавятъ другіе журналы, хотя бы у нихъ были десятки тысячъ подписчиковъ. Тамъ гибнетъ только безцвѣтность, безхарактерность, безсиліе и бездарность. Толстота нашихъ журналовъ тоже не разсчетъ, а необходимость. И въ городѣ скучно жить — о деревнѣ нечего и говорить: вы получаете книжку жур-

---

[1]) Всѣ эти и нижеслѣдующія мысли, только съ гораздо бо́льшей рѣзкостью по отношенію къ „публикѣ“, были развиты Бѣлинскимъ еще въ письмѣ къ Боткину отъ 18 февр. 1840 года.

[2]) Ср. т. I, стр. 215—216.

нала столь полновѣсную, что предвидите цѣлую недѣлю чтенія—не счастіе ли, не блаженство ли это?... Иные же слабы глазами, или *не привыкли* читать скоро—имъ на цѣлый мѣсяцъ занятіе; шутка ли это?... Тощіе и содержаніемъ и талантомъ журналы истощаютъ послѣднее свое остроуміе на насмѣшки надъ толстыми журналами, а толстые журналы рѣдко даже замѣчаютъ тощихъ... Все это въ порядкѣ вещей, все это *русская литература!*...

Приступая къ журналамъ, начнемъ съ старѣйшаго изъ нихъ — съ „Сына Отечества“. Онъ кончился нынѣшній годъ *сорокъ третьимъ* нумеромъ, вмѣсто *пятидесяти второго*... Въ этой 43-й книжкѣ особенно примѣчательна статья о первомъ томѣ „Русской Бесѣды“: разсказывается строкахъ въ трехъ содержаніе каждой пьесы, потомъ дѣлается большая выписка изъ пьесы, а изъ всего этого выводится *подразумѣваемое* слѣдствіе, что пьеса очень хороша... Какой наивный способъ критиковать книги и наполнять журналъ... Странное дѣло! мы всѣми силами старались слѣдить за „Сыномъ Отечества“: получимъ, бывало, отсталую книжку — тотчасъ же читать, и ничего не прочтемъ... Публика въ отношеніи къ „С. О.“ была заодно съ нами, съ тою только разницею, что даже и не разрѣзывала его... А кажется, чего въ немъ нѣтъ—и политика, и сокращенные романы, и экстракты изъ повѣстей, а въ смѣси всегда бездна остроумія—ничего не помогло! Съ будущаго года „С. О.“ *снова* возрождается, юнѣетъ... Бѣдный старецъ! найдетъ ли онъ наконецъ для своихъ изсохшихъ, желтѣющихъ костей мертвую и живую воду—не знаемъ; но обыкновенной, прѣсной воды въ немъ много... Не далѣе, какъ передъ началомъ прошлаго года грозная афиша возвѣстила, что баронъ Брамбеусъ, по врожденному ему великодушію, не помня зла, рѣшается протянуть свою высокородную руку падшему врагу, чтобъ поднять его. И дѣйствительно, баронъ руку-то протянулъ, но врага-то не поднялъ—у старика, видно, отнялись ноги, или, можетъ быть, у барона ослабли руки?... Оставимъ же ихъ, пожелавъ имъ добраго здравія и укрѣпленія силъ, и обратимся къ „Библіотекѣ для Чтенія“, которая должна непосредственно *слѣдовать* за „Сыномъ Отечества“ [1]).

„Б. для Ч.“ съ 1839 года какъ будто пошатнулась — начала опаздывать, чего съ нею прежде не бывало; начала печатать статьи объ искусствѣ, которыхъ смыслъ доселѣ остается тайною для публики и здраваго смысла. Въ *девяти* книжкахъ тянулся романъ г. Кукольника „Эвелина де Вальероль“; получая слѣдующую книжку, публика забывала, что̀ прочла въ предшествовавшей; это было очень удобно придумано для доставленія публикѣ пріятнаго и занимательнаго чтенія. Въ *пятой* книжкѣ вдругъ явился экстрактъ изъ романа Тика „Витторія Аккоромбона“, вполнѣ переведеннаго и напечатаннаго въ *третьей* и *четвертой* книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“... Отдѣленіе „Литературной Лѣтописи“ и „Смѣси“ въ „Б. для Ч.“ были,—особенно первое,—по два, по три листочка, увеличиваясь только въ послѣднихъ книжкахъ стараго и первыхъ книжкахъ новаго года, какъ это воспослѣдовало и теперь. Но умный человѣкъ и на одной страничкѣ найдется что̀ сказать! „Б. для Ч.“... была очень находчива въ этомъ отношеніи... Четвертая книжка ея вдругъ ни съ того, ни съ сего пустилась разсуждать о Гомерѣ, гекзаметрѣ, о томъ, какъ должно переводить Гомера... Недовольствуясь разсужденіями, она—такая добрая! — не оставила поучить, — разумѣется тѣхъ, кто захочетъ учиться у ней,—самымъ дѣломъ, и представила, или, какъ выражается С. Н. Глинка, „предъявила“ образчики своихъ трудовъ по части сочиненія настоящихъ, самыхъ лучшихъ гекзаметровъ; но приступила къ этому очень тонко и ловко: она объявила, что критика — вздоръ, шарлатанство, ибо-де критика есть не что иное, какъ личное мнѣніе, „ничтожная, безпослѣдственная, частная болтовня“... Avis aux lecteurs! Что касается до насъ,—мы очень рады этому „извѣстію“: оно объяснило намъ, что̀ такое критика въ „Б. для Ч.“ Изъ снисхожденія къ требованіямъ педантовъ вдругъ пускается она въ ученую критику, говоря: „Я объявляю, что напрягу всѣ силы, чтобы елико возможно быть важнымъ и не смѣяться. *Скучайте!* Мнѣ до этого дѣла нѣтъ“. И что же! Невозможно лучше и честнѣе сдержать даннаго слова: статья вышла скучная, прескучная... „Б. для Ч.“ пустилась разсуждать объ отношеніи музыки къ гекзаметру и гекзаметра къ музыкѣ, и обнаружила по обоимъ этимъ предметамъ столько природнаго знанія, что, читая статью ея, такъ и приговариваешь къ каждому слову: „Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ; замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился“. Результатомъ всѣхъ этихъ тоническихъ и метрическихъ разглагольствованій на восемнадцати страницахъ былъ знаменитый стихъ:

По берегу Невы Маша ходила бѣлою босою ногою, собирая ягоды, и отморозила себѣ носъ...

Послѣ этого стиха о „Б. для Ч.“ ско-

[1]) Ироническое и подчеркнутое Бѣлинскимъ „*слѣдовать*“ намекаетъ на то, что редакторъ „Библ. для Чтенія“, Сенковскій, часто повторялъ мысли и мнѣнія Полевого, редактора „Сына Отечества“; примѣры этого приведены еще Чернышевскимъ въ его „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“.

рѣе можно сказать, что она не выдумаетъ пороху, нежели, что она не сочинитъ стиху...[1]).

За диссертаціею слѣдуетъ разборъ дрянного опыта перевода „Одиссеи“, а въ разборѣ развитіе слѣдующихъ двухъ великихъ идей: № 1. „Бѣдный Гнѣдичъ убилъ всю жизнь свою на усердное коверканье Иліады во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на составленіе самой уродливой каррикатуры ея размѣру, ея гармоніи, цвѣту, физіономіи, духу, и умеръ въ томъ блаженномъ убѣжденіи, что онъ познакомилъ Русскихъ съ формою и содержаніемъ чудеснѣйшаго произведенія древности“. № 2. „Древніе подъ *простотою* (simplicitas) разумѣли *простонародность*, и Гомеръ объясняется какъ *кумъ Емельянъ* у казака Луганскаго“... Въ смѣси XI книжки помѣщены неоспоримыя доказательства, что древніе *раскрашивали красками* свои статуи, и что классическіе города были— изящный Китай!.. Подлинно, мандаринскій взглядъ на искусство...

Впрочемъ, можетъ быть, все это и шутка: „Б. для Ч.“ большая охотница шутить,— это всѣмъ извѣстно. Прочтите, напр., въ третьей книжкѣ ея похвалы графинѣ Растопчиной, Зенеидѣ Р... и г. Кукольнику, и отгадайте, что́ это—похвала или насмѣшка... Но, говоря о трехъ послѣднихъ частяхъ сочиненій Пушкина,—мы въ этомъ увѣрены— „Б. для Ч.“ не шутитъ: по ея мнѣнію, Пушкинъ—писатель старой школы—онъ употреблялъ *сей* и *оный*... Впрочемъ, это дѣло личнаго вкуса и личнаго самолюбія, полагающаго войну противъ *сихъ* и *оныхъ* великимъ подвигомъ; но въ XII книжкѣ на 55 стр. Лит. Лѣтописи находится превосходный образчикъ *учености* „Б. для Ч.“, гдѣ доказывается, что все на свѣтѣ *дымъ*, въ томъ числѣ и *всемірный законъ постепенности*... Впрочемъ, направленіе и духъ „Б. для Ч.“ такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что о нихъ новаго ничего нельзя сказать, кромѣ того развѣ, что одно и то же надоѣдаетъ, мысли безъ содержанія становятся пусты, старыя шутки приторны... Справедливость требуетъ замѣтить, что прошлогодняя „Б. для Ч.“ не чужда и хорошихъ статей, особенно переводныхъ; жаль только, что къ нимъ нельзя имѣть вѣры, не зная, за что́ ихъ должно принимать—за дѣло или за шутку. Къ числу шутокъ, и довольно плоскихъ, принадлежитъ статья о Франклинѣ[2]).—Критика въ „Б. для Ч.“ всегда пуста, всегда наполнена выписками изъ сухихъ сочиненій, преимущественно подвергающихся ея разсмотрѣнію. Но критика на книгу отца Іакиноа о Китаѣ представляетъ собою блестящее исключеніе изъ общаго правила этого журнала; статья живая, энергическая, умная, хотя и не чуждая парадоксовъ. Странный журналъ эта „Б. для Ч.“: о Китаѣ судитъ по-европейски, а о европейскомъ искусствѣ по-китайски! Подлинно, кому на что дастъ Богъ дарованіе!...

Къ отдѣленію русской и иностранной поэзіи въ „Б. для Ч.“ мы будемъ обращаться ниже, говоря вообще о произведеніяхъ бѣллетристики въ прошломъ году; а теперь перейдемъ къ другимъ журналамъ.

„Современникъ“ прошлаго года попрежнему былъ вѣренъ своему плану, духу и направленію, и попрежнему былъ богатъ хорошими оригинальными статьями и хорошими переводами произведеній скандинавской поэзіи. Особенно интересна и важна въ немъ неоконченная статья „Нибелунги“. Окончаніе этой превосходной статьи будетъ помѣщено, вѣроятно, въ „Современникѣ“ нынѣшняго 1842 года.

Въ „Москвитянинѣ“ было нѣсколько превосходныхъ оригинальныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ, которыя намъ особенно пріятно исчислить здѣсь *всѣ*: „Споръ“ стихотвореніе *Лермонтова;* „Послѣдніе стихи лорда Байрона“ *К. Павловой;* „Сцены къ Ревизору“ и „Письмо о первомъ представленіи „Ревизора“ *Гоголя;* „Обозрѣніе гегелевой логики“ *Рѣдкина;* „Нѣсколько словъ о римской исторіи“ *Лунина;* „О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита“ *Крюкова;* „Нѣсколько словъ о сценическомъ художествѣ“ *Крюкова;* разборъ „Чтеній о русскомъ языкѣ Греча“ *Шевырева.* Интересны нѣкоторые матеріалы для исторіи русской литературы, напр., „Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ“ (изъ записокъ *Дмитріева*) и пр.; нѣкоторые матеріалы для исторіи Россіи, какъ, напр., „Послѣдній претендентъ мѣстничества, князь Козловскій“, „Письмо Н. И. Панина о поимкѣ Пугачева“, и пр. Замѣчательныхъ повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ, въ „Москвитянинѣ“ не было.

„Русскій Вѣстникъ“, хотя и новый журналъ, однако новаго ничего не сказалъ и не сдѣлалъ, кромѣ того, что опаздывалъ выходомъ книжекъ и, вмѣсто обѣщанныхъ *двѣнадцати* книжекъ, появился въ прошломъ году только въ числѣ *десяти*, что́, конечно,

---

[1]) Сенковскій утверждалъ, что слѣдуетъ употреблять въ окончаніи родительнаго падежа нѣкоторыхъ именъ существительныхъ мужескаго рода — *у* вмѣсто *а*, что́ и служило постоянною пищею для насмѣшекъ Бѣлинскаго. См. ниже четвертую изъ замѣтокъ статьи № 42.

[2]) Въ этой статьѣ „Библ. для Чтенія“ Сенковскій называетъ Франклина „пройдохою“, „идеаломъ лукавства и эгоизма“ и т. п. Интересно отмѣтить, что такія же мысли о Франклинѣ высказываетъ и кн. В. Одоевскій въ своихъ „Русскихъ ночахъ“ („Собр. сочин.“ изд. 1844 г., т. I, стр. 208), называя Франклина „лицемѣромъ“, „эгоистомъ“, „Тартюфомъ“ и т. п., такъ что мнѣніе Сенковскаго не является въ данномъ случаѣ „шуткой“ надъ читателями.

для него *ново*, потому что онъ дѣлаетъ это еще въ первый разъ. Наполнялся же онъ статьями спеціальнаго содержанія, сухими и не журнальными. Пускался „Русскій Вѣстникъ“ и въ философію, — правда, не часто, всего, кажется, только одинъ разъ, но зато съ большимъ успѣхомъ. Любопытные сами могутъ справиться объ этомъ въ курьезной статьѣ „Европа, Россія и Петръ Великій“; а мы выпишемъ изъ нея, для пользы и удовольствія читателей, только одинъ, но зато длинный и, по глубинѣ содержанія, не совсѣмъ понятный періодъ:

„Послѣ *великой субботы* творенія, когда кончились явленія вещественныхъ силъ природы, и явилось въ мірѣ послѣднее, духовное божіе созданіе, вѣнецъ твореній его, *человѣкъ*, земля, жилище человѣка, представила ему, въ отвердѣлыхъ формахъ своихъ, *внѣшній* обширный материкъ планеты, гдѣ сомкнуты были двѣ великія части свѣта— *Азія* и *Европа*, Востокъ и Западъ, двѣ противоположности, двѣ половины міра, борьба которыхъ должна была составить *жизнь человѣчества* (?), ибо жизнь есть не что иное, какъ бореніе двухъ началъ—возрожденія и разрушенія, свѣта и тѣни, стремленія частей къ самобытности, и стремленія цѣлаго совмѣстить въ себѣ частную самобытность“. (Р. В. № 1, стр. 97).

Мы не выбирали, а выписали на выдержку, взяли немногое изъ многаго; осталась бездна гораздо лучшаго; въ особенности рекомендуемъ мѣсто отъ 104 до 107 страницы, гдѣ очень ясно и ново разсуждается *о паденіи человѣка, о фетишизмѣ, о философской (?!...) религіи Китайцевъ, о буддизмѣ, браминизмѣ, магахъ, Египтянахъ, Скандинавахъ, Цельтахъ, Магамеданахъ* и другихъ предметахъ, не менѣе близкихъ къ Россіи и исторіи Петра Великаго. Эту интересную статью можно раздѣлить на три части: первую занимаетъ философія—*взглядъ и ничто*— двадцать двѣ страницы (95 — 116); вторая посвящена собственно Россіи и занимаетъ *восемь* страницъ (125 — 133); третья посвящена Петру Великому и занимаетъ собою— *меньше одной страницы* (134). Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ, что было хорошаго въ „Р. В.“ по части изящной словесности; а теперь укажемъ только на ученыя и критическія статьи, больше или меньше интересныя; ихъ очень немного: оригинальная статья „Завоеваніе Азова въ 1696 году“ Н. Полевого, переводная статья „Любопытныя и новыя извѣстія о Московіи, 1689 года“ (Де ла Нёвилля); разборъ Н. Полевого первой тетради „Исторіи Петра Великаго“ соч. г. Ламбина; разборъ „Ластовки“, „Исповѣди доктора Ястребцова“. Этого довольно на *десять* книгъ — чего же больше!... Ко всему этому надо прибавить, что въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ незамѣтно ничьего преимущественнаго вліянія, которое могло бы дать этому изданію характеръ, направленіе, образъ мыслей: имена гг. Полевого, Кукольника и Греча украсили только его программу, а не листы; впрочемъ, два первые сдѣлали хоть что-нибудь въ качествѣ сотрудниковъ, если не редакторовъ, но третій ничего не сдѣлалъ и въ этомъ качествѣ, ибо одна или двѣ безцвѣтныя статьи ничего не значатъ въ годовомъ изданіи журнала. Какъ тутъ не вспомнить геніальнаго выраженія одной статьи [1]) въ пушкинскомъ „Современникѣ“ 1836 года, объ участіи г. Греча въ „Б. для Ч.“: „Имя г. Греча было выставлено только для формы; по крайней мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречъ давно ужъ сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго пожилого человѣка приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы“... („Соврем.“ т. I, стр. 195).

За исключеніемъ „Отеч. Записокъ“, хвалить или осуждать которыя—не наше дѣло, вотъ и всѣ наши журналы. Газетъ у насъ еще меньше—всего двѣ, т.-е. газетъ издаваемыхъ не отъ правительства и посвященныхъ преимущественно литературѣ: „Сѣверная Пчела“ и „Литературная Газета“.

„Сѣверная Пчела“ издается и Богъ знаетъ сколько лѣтъ, что-то очень давно, но странное дѣло!—она такъ всегда вѣрна себѣ, такъ неизмѣнчива ни къ лучшему, ни къ худшему, что первый нумеръ перваго года ея существованія и послѣдній нумеръ только что кончившагося вчера 1841-го года такъ похожи одинъ на другой, и по содержанію, и по тону, и по взгляду, или по отсутствію всякаго взгляда на предметы, что можно подумать, будто оба эти листка напечатаны въ одинъ и тотъ же день. Поэтому, мы безошибочно можемъ привести о ней сужденіе изъ упомянутой выше статьи „О движеніи журнальной литературы“, которую Пушкинъ напечаталъ въ первой книжкѣ своего „Современника“ на 1836 годъ, и съ которой, слѣдственно, онъ былъ совершенно согласенъ. Вотъ что́ сказалъ Пушкинъ или его „Современникъ“ [2]): „Сѣверная Пчела заключала въ себѣ оффиціальныя извѣстія, и въ этомъ отношеніи выполняла свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, г. Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ ко-

[1]) Статья Гоголя; см. о ней наше примѣчаніе на стр. 420-ой перваго тома настоящаго изданія.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

торую сбрасывалъ всякій все, что̀ ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ „С. П.“ пробовали остроту пера разные незнакомые, скрывавшіеся подъ разными буквами, безъ сомнѣнія, люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удальства. Они нападали развѣ на самаго уже беззащитнаго и круглаго сироту. Насчетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобъ расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя грѣхъ такою оговоркою: „впрочемъ желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога“ или: „хорошая книга требуетъ хорошаго изданія“, и тому подобное, за что авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ столицѣ, о помадѣ и пр. Впрочемъ, отъ „С. П.“ больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша; ея дѣло было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ“ (стр. 202 — 204)... Для полноты вѣрной характеристики „Сѣверной Пчелы“ мы должны прибавить, что ея участіе въ литературѣ болѣе и болѣе принимаетъ характеръ *статистическій*, особенно въ концѣ стараго и началѣ новаго года: она судитъ исключительно только о числѣ подписчиковъ на журналы, о цѣнахъ журналовъ, о томъ, *шибко* ли идетъ книга, или залежалась... Что же касается до политическихъ извѣстій—это самая интересная часть „Сѣверной Пчелы“, потому что политическія извѣстія всегда новѣе, свѣжѣе, полнѣе и интереснѣе въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Русскомъ Инвалидѣ“, которые, постоянно, днемъ или двумя днями раньше „Сѣверной Пчелы“ сообщаютъ политическія новости, такъ что „Сѣверной Пчелѣ“ остается лишь весьма легкій и пріятный трудъ—перепечатывать эти новости въ столбцы свои... Кстати: есть поводъ надѣяться, что въ нынѣшнемъ году „Русскій Инвалидъ“ значительно расширитъ свои предѣлы и дастъ обширное мѣсто статьямъ литературнымъ, фельетону, библіографіи: самый форматъ его увеличится, можетъ быть въ первую, можетъ быть во вторую половину года.

„Литературная Газета“ была вѣрна своей литературной политикѣ: объ этомъ знаетъ „Сѣверная Пчела“, т.-е. ея ученые издатели и добросовѣстные даровитые сотрудники. Особенно замѣчательны были въ прошломъ году фельетонные разборы „Литер. Газеты“ оперъ „Аскольдовой Могилы“ и „Тоски по Родинѣ“, нѣкоторыя рецензіи и другія газетныя статьи; съ нынѣшняго года „Литературная Газета“ значительно усилитъ свой интересъ для публики, болѣе держась чисто-газетной сферы; выходя же въ недѣлю только одинъ разъ, не листкомъ, а тетрадью, она, нисколько не теряя въ свѣжести извѣстій, пріобрѣтаетъ возможность представлять своимъ читателямъ довольно большія повѣсти, разсказы, даже водевили и небольшія драмы.

Теперь сдѣлаемъ краткое обозрѣніе всего сколько-нибудь примѣчательнаго, что̀ появилось, въ продолженіе прошлаго года, по части изящной литературы, какъ оригинальнаго, такъ и переводнаго, какъ отдѣльно изданнаго, такъ и помѣщеннаго въ періодическихъ изданіяхъ. Разумѣется, здѣсь первое мѣсто занимаютъ три тома посмертныхъ сочиненій Пушкина, между которыми много такихъ, которыя публика прочла въ первый разъ. Въ этихъ же трехъ томахъ помѣщено нѣсколько стихотвореній, пропущенныхъ въ первыхъ восьми томахъ, и нѣсколько собранныхъ, по смерти Пушкина, журналами, преимущественно „Отеч. Записками“. Особенной благодарности издатели заслуживаютъ за помѣщеніе *лицейскихъ стихотвореній* Пушкина: это важный фактъ для русской литературы и исторіи развитія поэтической дѣятельности Пушкина. Иные говорятъ, что не должно было печатать того, чего не хотѣлъ печатать самъ Пушкинъ при жизни своей — странное мнѣніе! Пушкинъ не могъ и не долженъ былъ печатать всего: не его дѣло было выставлять себя геніемъ и великимъ человѣкомъ, котораго каждая строка интересна и важна для современниковъ и потомства; это было дѣло другихъ, когда смерть измѣнила отношенія поэта къ публикѣ и публики къ поэту,—а это дѣло выполнили издатели его сочиненій. Небольшое число стихотвореній, не вошедшее въ послѣдніе три тома, и *семь* пропущенныхъ прозаическихъ статей издатели хотятъ собрать въ особой книжкѣ и *безденежно* выдать купившимъ три послѣдніе тома сочиненій Пушкина. — Въ „Отеч. Запискахъ“ было напечатано *девять* стихотвореній Лермонтова: „Есть рѣчи“, „Завѣщаніе“, „Оправданіе“, „Родина“, „Послѣднее Новоселье“, „Кинжалъ“, „Плѣнный рыцарь“, „Парусъ“ и „Желанье“; одно („Споръ“) помѣщено въ „Москвитянинѣ“, два во второмъ томѣ „Русской Бесѣды“. Въ „Отеч. Запискахъ“ напечатано нѣсколько пьесъ Кольцова, изъ которыхъ „Что ты спишь, мужичокъ“, „Разсчетъ съ жизнію“, „Много есть у меня“ и въ особенности „Ночь“ принадлежатъ къ капитальнымъ произведеніямъ

русской поэзіи. Какъ жаль, что стихотворенія Кольцова (разумѣется, *строго* избранныя) до сихъ поръ не изданы! [1]). Поэтическое дарованіе Кольцова признано всѣми безусловно; многіе изъ талантливыхъ нашихъ музыкантовъ кладутъ его пѣсни на музыку; итакъ, его читаютъ и поютъ, его хвалятъ, но не многіе знаютъ степень и важность его дарованія, какъ *капитальнаго*, а не временнаго, которое занимаетъ современность и умираетъ вмѣстѣ съ лицомъ... Кольцовъ принадлежитъ къ числу такихъ художниковъ, которые не могутъ претендовать на всеобъемлемость и многосторонность выражаемой ихъ творчествомъ жизни, но которые, избравъ себѣ *одну* сторону жизни, исчерпываютъ ее глубоко и мощно, какъ, напр., Орасъ Верне въ изображеніи военныхъ сценъ. Если бы стихотворенія Кольцова были изданы, — въ этомъ всѣ убѣдились бы и скоро и единодушно. Теперь же нѣтъ *общаго впечатлѣнія* въ пользу его поэзіи, потому что какъ можно требовать, чтобъ каждый помнилъ, гдѣ и когда было помѣщено то или другое стихотвореніе?—Вѣроятно, читатели „Отеч. Записокъ“ обратили вниманіе на стихотворенія г. Огарева, отличающіяся особенною внутреннею меланхолическою музыкальностію; всѣ эти пьесы почерпнуты изъ столь глубокаго, хотя и тихаго чувства, что часто, не обнаруживая въ себѣ прямой и опредѣленной мысли, онѣ погружаютъ душу именно въ невыразимое ощущеніе того чувства, котораго сами они только какъ бы невольные отзывы, выброшенные переполнившимся волненіемъ. Прошлый годъ былъ ознаменованъ появленіемъ новаго дарованія, подающаго въ будущемъ большія надежды: мы говоримъ о г. Майковѣ, котораго стихотворенія являлись, впрочемъ рѣдко означенныя полнымъ именемъ автора, въ „Б. для Ч.“—Изъ напечатанныхъ въ этомъ журналѣ особенно замѣчательны „Пустынникъ“, „Сомнѣніе“ (№ 2); въ „Отеч. Запискахъ“—„Вакханка“ и „Искусство“ (№№ 10 и 11). Лучшія стихотворенія г. Майкова—въ антологическомъ родѣ. Въ нихъ столько эллинскаго и пластическаго въ содержаніи и формѣ, столько полноты и жизни, что нельзя въ авторѣ не признать положительно-поэтическаго таланта. Конечно, не всѣ его стихотворенія равнаго достоинства; есть между ними и не совсѣмъ удачныя; но зато иныя не оставляютъ ничего желать; лучшее изъ нихъ „Сонъ“, напечатанный въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ, и цитованное въ статьѣ „Отеч. Зап.“ о „Римскихъ Элегіяхъ Гете“. Стихотворенія г. Майкова не-антологическія, большею частію отличаются прекрасными стихами и поэтическими частностями; но ихъ содержаніе почти всегда неопредѣленно и отзывается какою-то юношескою незрѣлостію. Въ нынѣшнемъ году г. Майковъ издастъ свои стихотворенія; мы поговоримъ о нихъ, когда они выйдутъ въ свѣтъ [1]).—Въ прошломъ году вышла первая часть стихотвореній графини Растопчиной, уже извѣстныхъ публикѣ и оцѣненныхъ ею по достоинству. Стихотворенія Козлова напечатаны *третьимъ* изданіемъ. „Піитическіе Опыты“ Елизаветы Кульманъ вышли *вторымъ* изданіемъ. Третье изданіе „Сказаній Русскаго Народа“ и первая часть русскихъ народныхъ сказокъ, изд. г. Сахаровымъ, дополняютъ собою общій итогъ прошлогодней поэзіи. Изъ капитальныхъ произведеній русской поэзіи появились вторымъ изданіемъ: „Ревизоръ“ (съ новыми сценами и письмомъ автора о первомъ представленіи его комедіи) и „Герой Нашего Времени“. Новаго по части романа и драмы ничего не являлось. Впрочемъ, къ романамъ сколько-нибудь замѣчательнымъ принадлежатъ: „Эвелина де Вальероль“, помѣщенный въ девяти книжкахъ „Библіотеки для Чтенія“, да „Византійскія Легенды“ и вышедшій вторымъ изданіемъ „Аббадонна“. „Эвелина де Вальероль“ г. Кукольника читается легко и весело, потому что въ ней много *внѣшняго* интереса, бездна эффектовъ, толпа лицъ, изъ которыхъ лицо Гаръ-Піона даже похоже на характеръ. Героя въ романѣ нѣтъ ни одного, а героевъ много; виденъ умъ и изученіе, но мало фантазіи. Однимъ словомъ, „Эвелина де Вальероль“ примѣчательный tour de force таланта, который не такъ слабъ, чтобъ ограничиваться бездѣлками, доставляющими фельетонную извѣстность, и не такъ силенъ, чтобъ создать что-нибудь выходящее за черту посредственности. Сколько ни написалъ г. Кукольникъ драмъ, и русскихъ и итальянскихъ, всѣ онѣ не что иное, какъ „этюды“, которые могутъ имѣть свои относительныя достоинства, но которые читать очень скучно. Повѣстями наша литература была гораздо богаче. Лучшая повѣсть прошлаго года, безъ всякаго сомнѣнія—„Аптекарша“ графа В. А. Соллогуба, напечатанная во второмъ томѣ „Русской Бесѣды“. И немудрено: графъ Соллогубъ—писатель съ замѣчательнымъ дарованіемъ, а „Аптекарша“ рѣшительно выше всего, что онъ написалъ. Давно уже мы не читали по-русски ничего столь прекраснаго по глубоко *гуманному* содержанію, тонкому чувству *такта*, по мастерству формы, про-

[1]) Бѣлинскій не считаетъ, разумѣется, брошюрки 1835 года (см. статью № 5) См. въ третьемъ томѣ статью № 60.

[1]) См. ниже, статью № 34.

стирающемуся до какой-то художественной полноты. Это *третье* прекрасное произведеніе графа Соллогуба, послѣ „Исторіи двухъ Калошъ“ и отрывка изъ „Тарантаса“, и мы видимъ особенное доказательство таланта автора въ большей зрѣлости его, которая такъ очевидна въ послѣднемъ его произведеніи. Содержаніе „Аптекарши“ очень просто, такъ что для людей безъ эстетическаго чувства она можетъ показаться повѣстью, лишенною высокаго содержанія, простымъ разсказомъ о простомъ случаѣ; но въ этомъ-то все и достоинство ея. Прочитавъ повѣсть, вы чувствуете, что внутри ея совершалась трагедія, тогда какъ снаружи все было спокойно. Курляндскій юноша, баронъ Фирентеймъ,—„природа котораго была благородная, часто возвышенная, но всегда нравственно-аристократическая“, какъ выражается авторъ,—живя въ Дерптѣ, на квартирѣ профессора, *заинтересовался слегка* его хорошенькою дочкою, которая, съ своей стороны, глубоко полюбила его. Превосходно изображена авторомъ борьба въ душѣ барона между пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на него милая дѣвушка, и оскорбительнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на него проза окружающей ее дѣйствительности. Это понятно: розовое личико пятнадцатилѣтней дѣвочки, съ большими темносиними глазами, длинными шелковистыми рѣсницами, дѣтской, задумчивой головкой, не совсѣмъ вяжется съ кухонными хлопотами, сальными свѣчами и изношеннымъ салопомъ. Только навсегда уѣзжая изъ Дерпта, баронъ понялъ, какъ любила его бѣдная Шарлотта. Долго не видались они. Баронъ началъ хлопотать о служебной карьерѣ и, говоря словами самого автора—„Аннѣ съ короной онъ кланялся съ развязной улыбкой, а Андрею Первозванному съ чувствомъ глубокаго почтенія“... Потомъ онъ встрѣчаетъ ее въ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ, женою бѣднаго Нѣмца-аптекаря, старается соблазнить ее; но ему не удается и, пристыженный благородствомъ аптекаря, безкорыстною любовію его и чистымъ уваженіемъ къ женѣ, уѣзжаетъ изъ городка. Пріѣхавъ опять, черезъ годъ времени, въ городишко, онъ узнаетъ, что Шарлотта умерла отъ чахотки... Не знаемъ, долго ли онъ грустилъ, или скоро ли опять утѣшился: знаемъ только, что повѣсть графа Соллогуба оставляетъ въ душѣ глубоко-грустное впечатлѣніе... О разсказѣ нечего и говорить: это само мастерство; характеры всѣ до одного прекрасно очерчены, вѣрно выдержаны. Герой—одно изъ тѣхъ типическихъ и часто встрѣчающихся лицъ, которымъ природа не отказала въ чувствѣ и способности понимать многое, но которыхъ она, въ то же время, надѣлила большимъ избыткомъ ничтожности и пустоты въ характерѣ. Отецъ Шарлотты—типъ нѣмецкаго *геперта*, и какъ хорошъ онъ, когда выкатываетъ студентской ватагѣ весь скудный свой погребъ и съ сверкающими отъ восторга глазами смотритъ на ихъ ученый разгулъ, или когда онъ отъ души восхищается мастерскою раной, отъ которой могъ умереть его любимецъ. Но въ повѣсти есть еще лицо, о которомъ мы не говорили: это уѣздный франтъ, въ венгеркѣ съ кистями—лицо въ высшей степени типическое, мастерски очерченное...

Г. Панаевъ напечаталъ въ прошломъ году двѣ повѣсти: „Онагръ“ („Отеч. Зап.“ № 5) и „Барыня“ (въ первомъ томѣ „Русской Бесѣды“), принадлежащія къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ прошлогодней литературы. „Барыня“ особенно хороша: въ ней столько характеристическаго, вѣрнаго, ловко и цѣпко схваченнаго. Впрочемъ, каждая новая повѣсть, г. Панаева бываетъ лучше предшествовавшей въ чемъ читатели наши особенно могутъ убѣдиться по „Актеону“. Это добрый знакъ: развитіе и движеніе впередъ есть несомнѣнное доказательство истиннаго дарованія...

Въ „Отеч. Запискахъ“ обратили на себя вниманіе избраннѣйшей части публики двѣ повѣсти А. Н. (псевдонимъ) [1]): „Звѣзда“ (№ 3) и „Цвѣтокъ“ (№ 9). Онѣ отличаются особеннымъ, самостоятельнымъ характеромъ и обнаруживаютъ въ авторѣ даръ творчества, который при условіи развитія можетъ обѣщать много въ будущемъ. „Звѣзда“ особенно хороша по какому-то грустному и зловѣщему колориту, разлитому по фону картины. Къ особенностямъ обѣихъ повѣстей принадлежитъ какая-то вкрадчивая, завлекающая вниманіе читателя вѣрность въ малѣйшихъ подробностяхъ изображаемой дѣйствительности, и необыкновенное умѣніе завязать цѣлую драму на самыхъ, повидимому, обыкновенныхъ, вседневныхъ случайностяхъ. Разсказъ столько же простой, сколько увлекающій и поэтическій. А. Н. написалъ уже не одну прекрасную повѣсть; въ „Телескопѣ“ 1836 года были напечатаны его „Катенька Пылаева“ и „Антонина“; въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1838 и 1839 гг.—„Однѣ сутки изъ жизни холостяка“ и „Флейта“; въ „Отеч. Зап.“ 1840—„Недоумѣніе“. Общій недостатокъ почти всѣхъ его повѣстей состоитъ въ томъ, что женскіе характеры изображаются въ нихъ типически, искусно, вѣрно, а мужскіе большею частію блѣдно и безцвѣтно.

Въ „Б. для Ч.“ была только одна оригинальная повѣсть, но зато прекрасная: мы

---

[1]) П. Н. Кудрявцевъ; о немъ см. въ перепискѣ Бѣлинскаго 1829—1840 гг.

говоримъ о „Теофаніи Аббіаджіо“ (№№ 1 и 2) г-жи Ганъ, обыкновенно подписывающейся *Зенеидою Р-вою*. Г-жа Ганъ принадлежитъ къ примѣчательнѣйшимъ талантамъ современной литературы. Въ ея повѣстяхъ замѣтенъ недостатокъ такта дѣйствительности, умѣнія схватывать и изображать съ ощутительною точностію и опредѣленностію самыя обыкновенныя явленія ежедневности. Но этотъ недостатокъ вознаграждается внутреннимъ содержаніемъ, присутствіемъ живыхъ, общественныхъ интересовъ, идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, человѣка и женщины въ особенности, полнотою чувства, электрически сообщающагося душѣ читателя. Поэтому, часто въ повѣстяхъ г-жи Ганъ внѣшнее содержаніе, завязка и развязка бываютъ не совсѣмъ правдоподобны и естественны, какъ, напр., въ повѣсти „Идеалъ“, гдѣ женщина, одаренная глубокимъ чувствомъ, увлекается поэтомъ, который оказывается негодяемъ, и потомъ удивляется, какъ можно быть такимъ „небеснымъ“ въ своихъ сочиненіяхъ и „земнымъ“ въ своей жизни: тутъ что-нибудь да не такъ—или героиня повѣсти не довольно имѣла эстетическаго такта, чтобъ не очароваться пустыми фразами, или поэтъ не былъ негодяй. Очевидно, что *сюжетъ* для г-жи Ганъ имѣетъ значеніе оперная либретто, на которое она потомъ пишетъ музыку своихъ ощущеній и мыслей. И въ самомъ дѣлѣ, эти ощущенія у ней иногда возвышаются до паѳоса,—и мы ничего не сказали бы о ея повѣстяхъ, если бъ не выписали изъ нихъ хотя нѣсколькихъ строкъ, характеризующихъ ея талантъ. Вотъ, напр., вдохновенная выходка женскаго чувства, оскорбленнаго предательскою мишурою общественнаго мнѣнія о значеніи женщины:

„Но какой злой геній такъ исказилъ предназначеніе женщины? Теперь она родится для того, чтобы нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчинъ, рядиться, плясать, владычествовать въ обществѣ, а на дѣлѣ быть бумажнымъ шахомъ, которому паяцъ кланяется въ присутствіи зрителей, и котораго онъ бросаетъ въ темный уголъ наединѣ. Намъ воздвигаютъ въ обществахъ троны; наше самолюбіе украшаетъ ихъ, и мы не замѣчаемъ, что эти мишурные престолы — о трехъ ножкахъ, что намъ стоитъ немного потерять равновѣсіе, чтобы упасть и быть растоптанной ногами ничего неразбирающей толпы. Право, кажется иногда, будто міръ Божій созданъ для однихъ мужчинъ; имъ открыта вселенная со всѣми таинствами; для нихъ и слава, и искусства, и познанія; для нихъ свобода и всѣ радости жизни. Женщину отъ колыбели сковываютъ цѣпями приличій, опутываютъ ужаснымъ „что скажетъ свѣтъ“—и если ея надежды на семейное счастіе не сбудутся, что остается ей внѣ себя? Ея бѣдное ограниченное воспитаніе не позволяетъ ей даже посвятить себя важнымъ занятіямъ; она поневолѣ должна броситься въ омутъ свѣта или до могилы влачить безцвѣтное существованіе!...“

Или вотъ заключительныя строки прекрасной повѣсти „Судъ Свѣта“, гдѣ убитая ложнымъ мнѣніемъ женщина, въ сознаніи своей правоты, пишетъ къ тому, кто, умѣвъ такъ сильно полюбить, не умѣлъ достойно оцѣнить ее:

„Судъ свѣта теперь тяготѣетъ надъ нами обоими; меня, слабую женщину, онъ сокрушилъ, какъ ломкую тросточку; васъ... о! васъ, сильнаго мужчину, созданнаго бороться со свѣтомъ, съ рокомъ и со страстями людей, онъ не только оправдаетъ, но даже возвеличитъ, потому что члены этого страшнаго трибунала все люди малодушные... Съ позорной плахи, на которую положилъ онъ голову мою, когда уже роковое желѣзо занесено надъ моей невинной шеей, я еще взываю къ вамъ послѣдними словами устъ моихъ: „не бойтесь его!... Онъ рабъ сильнаго и губитъ только слабыхъ...“

„Теофанія Аббіаджіо“—лучшая изъ повѣстей г-жи Ганъ...

Г. Кукольникъ въ прошломъ году написалъ много повѣстей, о которыхъ нельзя судить вѣрно, не раздѣливъ ихъ на три разряда: на повѣсти, содержаніе которыхъ взято изъ русской жизни временъ Петра Великаго; на повѣсти, которыхъ содержаніе заимствовано изъ другихъ эпохъ русской жизни, и, наконецъ, на повѣсти, которыхъ содержаніемъ служитъ жизнь чуждыхъ намъ странъ, особенно Италіи. Первыя всѣ очень интересны; вторыя — посредственны, третьи — изъ рукъ вонъ плохи... И потому поговоримъ о первыхъ. Это собственно не повѣсти, а разсказы о старинѣ, въ основаніе которыхъ г. Кукольникъ всегда беретъ какой-нибудь извѣстный *историческій* анекдотъ. Но надо знать, что онъ умѣетъ сдѣлать изъ этого анекдота, съ какимъ искусствомъ онъ разскажетъ его, свяжетъ частный бытъ съ исторіею, а исторію съ частнымъ бытомъ; сколько у него тутъ комическаго, а иногда и истинно высокаго, особенно въ тѣхъ сценахъ, гдѣ является у него Петръ Великій; сколько оригинальныхъ характеровъ и какая яркая картина борьбы нововведеній съ старинною дикостію нравовъ! Не думайте, чтобъ г. Кукольникъ дѣлалъ изъ приверженцевъ старины каррикатуры и чудища, нѣтъ, это иногда вѣрные слуги великаго царя, люди честные и благородные; но не думайте, чтобъ г. Кукольникъ изображалъ ихъ на манеръ героевъ нашихъ патріотическихъ драмъ, т.-е. людьми, которые говорятъ нравственными сентенціями, и дѣйствуютъ какъ машины; нѣтъ, это лица дѣйствительныя, исполненныя комизма, и, въ то же время, трогающія своимъ благородствомъ въ грубыхъ формахъ. Таковъ, напр., *Иванъ Михайловичъ*, олонецкій прокуроръ... Жаль, что г. Кукольникъ не издастъ своихъ разсказовъ отдѣльно: ихъ не мало, а книжка вышла бы преинтересная. Вотъ перечень этихъ разсказовъ: „Новый

Годъ" и „Авдотья Петровна Лихончиха", „Прокуроръ", „Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ", „Иванъ Ивановичъ" — лучшая въ этомъ родѣ повѣсть г. Кукольника, занимающая собою первый выпускъ „Сказки за Сказкою". Кстати замѣтимъ, что и „Капустинъ", помѣщенный въ „Утренней Зарѣ" на нынѣшній годъ, принадлежитъ къ числу такихъ же разсказовъ г. Кукольника.

Но мы заговорились,—и потому спѣшимъ въ общемъ перечнѣ поименовать другія заслуживающія бо̀льшаго или меньшаго вниманія повѣсти, разсѣянныя въ періодическихъ изданіяхъ. „Еще изъ записокъ одного молодого человѣка" Искандера („О. З." № 8): первый отрывокъ изъ этихъ записокъ, полныхъ ума, чувства, оригинальности и остроумія и заинтересовавшихъ общее вниманіе, былъ помѣщенъ въ „О. З." 1840 года (№ 12); о второмъ можно сказать, что онъ еще лучше перваго; „Куликъ" повѣсть г. Гребенки, въ „Утренней Зарѣ" на 1841, и его же „Записки Студента" въ „О. З." (№ 2); „Южный Берегъ Финляндіи", повѣсть князя Одоевскаго, въ „Утренней Зарѣ"; „Левъ", разсказъ графа Соллогуба, въ „О. З." (№ 4); „Институтка", романъ въ письмахъ С. А. Закревской—новой талантливой писательницы, вышедшей на литературное поприще („О. З." № 12); „Мичманъ Поцѣлуевъ" В. И. Даля, во второмъ томѣ „Русской Бесѣды".— Баронъ Брамбеусъ въ послѣдней книжкѣ „Б. для Ч." вдругъ разразился, послѣ долгаго молчанія, *началомъ* большой повѣсти „Идеальная красавица или Дѣва чудная". Въ этомъ началѣ нѣтъ никакого содержанія, а есть одни разсужденія о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ, разсужденія, мѣстами умныя, но большею частію скучныя-прескучныя...

Отдѣльно вышли уже извѣстныя публикѣ повѣсти графа Соллогуба, подъ названіемъ „На сонъ грядущій"—заглавіе совершенно не соотвѣтствующее эффекту интереснаго сборника...

Теперь—о переводахъ. Можно сказать утвердительно, что у насъ въ настоящее время больше всего переводятъ Шекспира, хоть и нельзя сказать, чтобъ его больше всего читали. Здѣсь первое мѣсто должно занимать смѣлое и благородное предпріятіе г. Кетчера—перевести прозою всего Шекспира. Г. Кетчеръ напечаталъ пять пьесъ, другія послѣдуютъ безостановочно. Журналы уже отдали полную справедливость важности предпріятія г. Кетчера и достоинству его перевода; а возможность продолжать предпріятіе доказываетъ, что на Руси есть люди, которые читаютъ не однѣ сказки и умѣютъ понимать не однѣ „репертуарныя" пьесы... Въ № 7 „О. З." помѣщенъ превосходный переводъ „Двѣнадцатой Ночи" г. Кронеберга; въ „Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ"—замѣчательный по своему поэтическому достоинству переводъ г. Каткова „Ромео и Юлія"; въ „Б. для Ч."—„Сонъ въ Ивановскую Ночь", какъ-то *странно* переведенный; въ „Репертуарѣ Русскаго Театра"—„Коріоланъ"—въ четырехъ (?) дѣйствіяхъ прозою (№ 4) и, „Отелло", переведенный весьма посредственно и вяло, стихами (№ 9). Лучшіе переводные романы тоже въ журналахъ: „Витторія Аккоромбона" Лудвига Тика, въ „Отеч. Запискахъ" (№№ 3 и 4); *экстрактъ* изъ того же романа въ „Б. для Ч." (№ 5); „Оливеръ Твистъ", романъ Диккенса въ „Отеч. Записках" (№№ 9 и 10); „Олленъ Камеронъ" въ „Б. для Ч." (№№ 8, 9 и 10). Этотъ романъ приписывается Вальтеру Скотту. Герой его—Карлъ II, представленный здѣсь совершенно наоборотъ тому, какъ представленъ онъ въ романѣ Вальтера Скотта „Вудстокъ" Впрочемъ, романъ, чей бы онъ ни былъ, читается легко и съ удовольствіемъ. Отдѣльно вышедшіе переводы: напечатанный въ Отеч. Запискахъ" 1840 года переводъ превосходнаго романа Купера „Путеводитель въ Пустынѣ, или Озеро-Море"; прекрасный переводъ съ подлинника, стихами, поэмы Тегнера „Фритіофъ", г. Грота: это былъ истинный подарокъ русской литературѣ; переводъ „Клавиго" драмы Гете, г. Струговщикова.

Вотъ вся наша изящная и беллетрическая литература: мы не пропустили ничего сколько-нибудь примѣчательнаго, и забыли только о вещахъ, которыя не сто́ятъ того, чтобъ ихъ помнить... Самое утѣшительное и отрадное явленіе послѣдняго времени есть безъ сомнѣнія, движеніе въ ученой и учебной литературѣ Россіи. Вотъ перечень всего примѣчательнаго по этой части. „Описаніе Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ" Михайловскаго-Данилевскаго; „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, *современное* сочиненіе Григорія Кошихина"; „Энциклопедія Законовѣдѣнія" профессора Неволина; „Основанія Уголовнаго Судопроизводства" профессора Баршева; „Уральскій Хребетъ въ физическо-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ" профессора Щуровскаго; „Китай, его жители, нравы и пр." отца Іакинѳа; „Картинная Галлерея", изданная А. Плюшаромъ; „Путешествіе по Сѣвернымъ Берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю" и прибавленіе къ этому путешествію, фонъ-Врангеля; „Обольшихъ военныхъ дѣйствіяхъ" генерала Окунева; „Лекціи Статистики" Рославскаго; „Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка" (*вторая часть*) Бутурлина; „Руководство къ познанію Средней Исторіи" Смарагдова; „Древняя Исторія" профессора Лоренца; первый томъ уче-

паго альманаха „Юридическія Записки“, издаваемаго профессоромъ Рѣдкинымъ.

Всѣхъ книгъ на русскомъ языкѣ, кромѣ періодическихъ изданій, брошюръ и отдѣльно отпечатанныхъ журнальныхъ статей вышло въ прошломъ году около четырехсотъ; изъ нихъ по части изящной литературы, оригинальныхъ и переводныхъ, новыхъ и вновь изданныхъ, выше насчитали мы всего *шестнадцать;* все остальное въ журналахъ;—ученыхъ сочиненій тоже шестнадцать: итого всего *тридцать двѣ*... Что же такое остальныя 368 книгъ?—*Цынъ-Кіу-Тонгъ*, романъ г. Зотова; *Деньги*, комическая поэма; *Разгулье купеческихъ сынковъ; Мечтатель*, романъ г. Воскресенскаго; *Веселый порошокъ*, Васильева; *Дочь разбойника, Сорокъ лѣтъ пьяной жизни; жизнь Вилльяма Шекспира*, соч. г. Славина, *Козелъ-бунтовщикъ*; *Гуляньe подъ Новинскимъ* и пр. и пр. Право, тутъ спросишь невольно: „Да гдѣ-жъ онѣ?—Давайте ихъ!...“

Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги,
И все зачѣмъ?—чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ не надобно читать!...

Однакоже есть и своя утѣшительная сторона въ прозаическомъ и повѣствовательномъ направленіи нашей литературы: значитъ, оно сближается съ обществомъ, съ дѣйствительностію, хочетъ быть сознаніемъ общества, его выраженіемъ. Замѣтьте, что теперь безъ хорошихъ оригинальныхъ повѣстей журналъ погибъ въ понятіи публики, которая хочетъ видѣть себя, свою дѣйствительность въ литературѣ, и потому холоднѣе принимаетъ произведенія, въ которыхъ изображается чуждый ей міръ. Стихотворенія теперь читаются меньше, и потому общее вниманіе могутъ обращать на себя только замѣчательные таланты: это тоже добрый знакъ! Вообще, много хорошихъ элементовъ, много добрыхъ признаковъ; только все это какъ-то нерѣшительно, безцвѣтно, въ какомъ-то хаосѣ. На аренѣ литературы еще слышны старые голоса, поющіе старыя пѣсни и имѣющіе своихъ слушателей: вмѣстѣ съ новыми голосами, они образуютъ довольно нескладный и дикій концертъ. Особенно любопытное зрѣлище представляетъ наша ученая литература: съ одной стороны, нѣкоторые журналы вопіютъ противъ просвѣщенія и Европы, съ другой—выходятъ книги Неволина, Баршева, Рѣдкина, Лоренца...

Мы видимъ, что русская земля богата талантами: какова бы ни была наша литература, но она—огромное явленіе для какихъ-нибудь ста лѣтъ; въ ней есть имена, озаренныя ореоломъ генія, въ ней есть яркіе таланты; но первыя не стали вровень съ самими собою, а вторые, часто обнаруживъ много силъ, мало сдѣлали. Съ другой стороны, въ публикѣ, безъ которой никогда не можетъ быть истинной, дѣйствительной литературы, — въ публикѣ господствуетъ хаосъ мнѣній, пестрота вкуса, способность обольщаться возгласами спекулянтовъ и ничтожными явленіями. Какая всему этому причина?—Отвѣчать не трудно: съ одной стороны, недостатокъ внутреннихъ интересовъ въ обществѣ, съ другой—недостатокъ *солиднаго*, прочнаго, основаннаго на наукѣ образованія. Посмотрите, что́ иногда проповѣдуютъ наши журналы: если повѣрить имъ, то нужно только выучиться грамотѣ, чтобъ все понимать и обо всемъ судить, особенно о поэзіи. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ всякій судитъ легко и важно о Шекспирѣ, котораго онъ не читалъ даже въ переводахъ, а видѣлъ только на русской сценѣ,—о Байронѣ, Гёте, Шиллерѣ, даже Гомерѣ. У насъ какъ-будто никто и не понимаетъ, что безъ изученія глубокаго и напряженнаго, безъ наукообразнаго развитія эстетическаго чувства нельзя понимать поэзіи; что непосредственное чувство безъ размышленія и вниканія ни къ чему не ведетъ, кромѣ личныхъ предубѣжденій въ пользу или не въ пользу того или другого поэта, того или другого поэтическаго произведенія. Какъ у насъ читаютъ? Взялъ драму Шекспира, прочелъ, зѣвая, десятокъ страницъ,—не нравится, и бросилъ; но это бы еще ничего, а худо то, что вотъ уже готово мнѣніе въ родѣ слѣдующаго: „эта драма плоха, слѣдственно, о Шекспирѣ у насъ только кричать, а толку-то въ немъ мало“. Конечно, нѣтъ ничего легче и даже пріятнѣе, какъ оправдать свою ограниченность, невѣжество и необразованность тѣмъ, что Шекспиръ никуда не годится... У насъ хотятъ читать только глазами, а не умомъ; чтеніе, требующее усилія мыслительной способности, почитается пустымъ, губящимъ золотое время занятіемъ. У насъ играютъ въ поэзію, въ литературу и науку, какъ въ мячикъ. У насъ думаютъ, что и философія можетъ быть такимъ же легкимъ и пріятнымъ препровожденіемъ времени, какъ чтеніе газетнаго фельетона: прочелъ и понялъ все, а не понялъ—темно и глупо написано... Богъ судья людямъ, разсѣевающимъ въ обществѣ такія невѣжественныя понятія!... Посмотрите, что́ и какъ у насъ пишутъ о Гегелѣ люди, неимѣющіе о немъ никакого понятія... Переведутъ глупую, невѣжественную статью какого-нибудь презираемаго въ Германіи за свое невѣжество и недобросовѣстность мистика, и рѣшатъ, что Гегель чудовище! А добродушная безграмотность, видя въ восхи-

щеніи, что ей тутъ все по плечу, все понятно, восклицаетъ: „вонъ каковъ этотъ Гегель, а у насъ его прославляютъ!...“ Причитавшись къ такимъ мнѣніямъ, прислушавшись къ такимъ толкамъ, всякій порядочный человѣкъ позволяетъ себѣ не знать, что̀ пишется въ нашихъ журналахъ и книгахъ,—что̀ дѣлается въ нашей литературѣ...

Вся надежда на будущее. Наука у насъ видимо принимается; публичное образованіе развивается на твердыхъ началахъ, и незамѣтно, невидимо подрастаетъ новая публика, съ просвѣщеннымъ мнѣніемъ, съ образованнымъ вкусомъ, съ разумными требованіями. Что-то тогда будутъ дѣлать многіе наши „заслуженные и опытные литераторы“, когда эта вдругъ выросшая публика скажетъ имъ: „подите прочь съ своими смѣшными притязаніями; я не знаю васъ!“—Да мы написали... мы издали... наши сочиненія разошлись... наши книги шли бойко...

— „Да гдѣ-жъ онѣ?—Давайте ихъ!“

1842.

---

34. Стихотворенія Аполлона Майкова.

Спб. 1841.

Въ началѣ настоящей статьи Бѣлинскій самъ разсказываетъ, какъ онъ впервые „открылъ“ Майкова по одному его неподписанному антологическому стихотворенію въ „Одесскомъ Альманахѣ“ 1840 г., и какъ годомъ позже онъ снова съ восхищеніемъ говорилъ объ этомъ стихотвореніи „неизвѣстнаго, но даровитаго поэта“ въ статьѣ о Римскихъ Элегіяхъ (см. выше, стр. 230). Конечно, это является блестящимъ примѣромъ художественнаго и критическаго чутья Бѣлинскаго; но, быть можетъ, еще болѣе заслуживаетъ удивленія та проницательная характеристика поэзіи Майкова, которую мы находимъ въ настоящей статьѣ.

Майковъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду второстепенныхъ русскихъ поэтовъ; въ этомъ отношеніи надежды Бѣлинскаго на развитіе таланта Майкова до звѣзды первой величины остались неосуществленными. Но самъ же Бѣлинскій указалъ въ настоящей статьѣ на тѣ стороны дарованія этого поэта, которыя не позволили ему выйти изъ второго ряда русскихъ поэтовъ. Майковъ—великолѣпный поэтъ классической формы; въ этой области у него мало соперниковъ, и въ ней онъ достигаетъ порою пушкинскихъ высотъ: это сразу замѣтилъ Бѣлинскій и обратилъ на это особенное вниманіе. „...Стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ, это—перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его“, говоритъ Бѣлинскій и заключаетъ, что „исходный пунктъ поэзіи г. Майкова—природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни“... Но лишь только Майковъ покидаетъ эту свойственную ему область, лишь только „думаетъ быть современнымъ поэтомъ“, какъ сразу падаетъ съ достигнутой высоты и въ лучшемъ случаѣ пишетъ только „хорошіе стихи“. „Странное дѣло!—восклицаетъ Бѣлинскій:—въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова стихъ—просто пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изысканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ онъ—истинный, глубокій и притомъ *опытный*, *искушенный* художникъ...; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ въ большей части ихъ, есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова“...

Послѣ этого отзыва Бѣлинскаго Майковъ жилъ и писалъ еще болѣе полу-вѣка; но если мы возьмемъ полное собраніе его стихотвореній, вышедшее черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этой статьи Бѣлинскаго (1893 г.), то мы принуждены будемъ слово въ слово повторить отзывъ Бѣлинскаго о поэзіи Майкова. Майковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ поэтовъ, первая книга которыхъ является въ то же время и лучшей ихъ книгой; онъ былъ лишенъ того яркаго внутренняго развитія, котораго ждалъ отъ него Бѣлинскій. И причины этого вполнѣ ясно намѣтилъ самъ Бѣлинскій: эти причины—узость міровоззрѣнія, а значитъ и узость таланта поэта, особенно бросавшаяся въ глаза при сравненіи съ могучимъ талантомъ только-что умолкнувшаго Лермонтова. Майковъ въ классической формѣ отражалъ классическій духъ; но—замѣчаетъ Бѣлинскій—это отраженіе далеко не полное: „гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностію и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго эле-

мента древняго міросозерцанія". Элементъ „наивнаго" и „природнаго" въ древней поэзіи былъ только другой стороной элемента „трагическаго", а Майковъ даже „и не коснулся этого элемента". Но если уже въ древнемъ мірѣ элементъ трагическаго игралъ такую роль, то еще большее значеніе „трагедія" пріобрѣла въ жизни современнаго человѣка.

И Бѣлинскій посвящаетъ этому вопросу рядъ страницъ, глубоко важныхъ для характеристики его эволюціи—лучшихъ страницъ настоящей статьи; въ нихъ ясно сказывается новый Бѣлинскій сороковыхъ годовъ, преодолѣвшій свои мучительныя сомнѣнія годовъ духовнаго кризиса, отразившагося въ статьяхъ о Лермонтовѣ (№№ 23—24). На это необходимо обратить вниманіе.

Въ 1840—1841 г. Бѣлинскій, отказавшись отъ вѣры въ „разумную дѣйствительность", въ объективно-цѣлесообразное устроеніе міра и жизни, потерялъ почву подъ ногами. Онъ взглянулъ прямо въ глаза жизни и увидѣлъ въ ней не трагедію, разумно осмысленную, а безсмысленную драму. Онъ считалъ эту свою „рефлексію" временной болѣзнью духа, но все же онъ былъ всецѣло въ ея власти: въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова это сказалось достаточно ясно, какъ ни старался Бѣлинскій указывать на „вѣчныя истины", на законы Провидѣнія... Въ письмахъ онъ не старался прикрыть несуществующей вѣрой это свое невѣріе въ жизнь: онъ рѣзко провозглашалъ это свое невѣріе въ смыслъ человѣческой трагедіи. Горе, слезы, гибель, смерть—все это для него перестало оправдываться идеей о „премудрой Благости", которая царитъ надъ міромъ; въ диссонансахъ жизни онъ пересталъ искать гармонію. Когда ему указывали на глубокій внутренній смыслъ человѣческой трагедіи, онъ съ негодованіемъ восклицалъ: „дитя, полно тебѣ играть въ понятія, какъ въ куклы! Твое трагическое—безсмыслица, злая насмѣшка судьбы надъ бѣднымъ человѣчествомъ"... (письмо къ Боткину отъ 12 авг. 1840 года). Здѣсь достаточно этихъ немногихъ указаній; подробности читатель найдетъ въ нашей вступительной статьѣ (т. I) и во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 41.

Къ концу 1841-го и началу 1842-го года острый періодъ кризиса миновалъ. Бѣлинскій „со всѣмъ фанатизмомъ прозелита" перешелъ къ новой вѣрѣ—къ вѣрѣ въ „соціальность" (письмо къ Боткину отъ 8 сент. 1841 г.), и уже въ предыдущей статьѣ (№ 33) стала намѣчаться эта новая соціальная точка зрѣнія Бѣлинскаго на поэзію, на искусство, вполнѣ проявляющаяся въ настоящей статьѣ. Спасеніе Бѣлинскій нашелъ въ идеѣ „человѣчества", въ идеѣ „прогресса"—и сталъ прилагать критерій этого „содержанія" къ произведеніямъ искусства; отъ поэта, кромѣ таланта, онъ требуетъ въ настоящей статьѣ „развитія въ духѣ времени"... „Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности... Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣтъ на самые мудреные вопросы; врача, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ"... Этотъ новый взглядъ на поэта будетъ скоро еще громче провозглашенъ Бѣлинскимъ въ статьѣ о „Рѣчи" Никитенко (№ 40); въ настоящей статьѣ взглядъ этотъ высказывается только мимоходомъ, попутно. Точно такъ же мимоходомъ вырисовывается и новое отношеніе Бѣлинскаго къ вопросу о трагическомъ—и не трудно было бы предугадать, въ чемъ будетъ заключаться это новое отношеніе, новое пониманіе трагическаго: прійдя къ новой вѣрѣ въ человѣчество, въ прогрессъ, въ „соціальность", Бѣлинскій долженъ былъ снова примириться съ трагическимъ въ жизни, какъ съ неизбѣжнымъ условіемъ развитія человѣчества. И если годомъ раньше онъ негодующе восклицалъ, что трагическое—безсмыслица, то въ настоящей статьѣ онъ заявляетъ, что „трагическое, это—Божія гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи"... А годомъ позднѣе онъ будетъ оправдывать гибель личностей благомъ человѣчества, будетъ принимать смерть во имя того, что „проходятъ и мѣняются личности, а духъ человѣческій живетъ вѣчно" (№ 44). Возставъ во имя личности противъ идеи разумности міра, Бѣлинскій такимъ образомъ снова подчинилъ личность идеѣ разумнаго устроенія человѣчества. Въ настоящей статьѣ это сказалось въ фактѣ примиренія Бѣлинскаго съ трагическимъ; эти страницы являются какъ бы отвѣтомъ на указанное выше письмо самого же Бѣлинскаго отъ 12 авг. 1840 года, какъ мы это укажемъ въ примѣчаніяхъ къ соотвѣтственнымъ мѣстамъ настоящей статьи.

Конечно, все это было только своеобразной характеристикой *a contrario* поэзіи Майкова, элемента „трагическаго" именно и не было въ творчествѣ Майкова, и это особенно подчеркиваетъ Бѣлинскій; въ этомъ онъ видитъ причину того обстоятельства, что, „когда г. Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи—его талантъ какъ будто слабѣетъ"... И вся эта блестящая характеристика поэзіи Майкова осталась съ тѣхъ поръ непоколебленной: вся послѣдующая полувѣ-

ковая поэтическая дѣятельность Майкова была только все болѣе и болѣе полнымъ ея подтвержденіемъ; Бѣлинскій имѣлъ бы полное основаніе гордиться этой своей статьей. Кстати замѣтить, онъ былъ ею очень доволенъ: „статьею о Майковѣ — писалъ Бѣлинскій Боткину въ мартѣ 1842 года—я самъ доволенъ, хоть она и никому здѣсь особенно не нравится; а доволенъ ею я потому, что въ ней сказано (и притомъ очень просто) все, что̀ надо, и въ томъ именно тонѣ, въ какомъ надо было сказать“. И.-Р.

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами, или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія — какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнитъ ли оно то, утрата чего была для васъ утратою какъ-будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастія: это другой вопросъ,— и только будущее можетъ рѣшить его: настоящее можетъ лишь гадать о томъ на основаніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ даетъ намъ изящно-напечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова,— мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и *нѣчто* обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодого поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ,—теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы; теперь, когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертвоприношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы штукмейстеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ, слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличныя клятвы торгашей и спекулянтовъ...

Наша литература, несмотря на свою молодость и незрѣлость, уже свершила нѣсколько фазовъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности ума мыслящаго и наблюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣйствователей нѣтъ почти ни одного, свободно и до конца развившаго свои творческія силы... Но сколько было у насъ талантовъ, такъ много обѣщавшихъ, и такъ мало выполнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно, и такъ незначительныхъ теперь!... И все то благо, все добро! Благодаря этому обстоятельству, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь можетъ принимать за поэзію дикія, изысканныя и вычурныя фразы и приходить въ неистовый восторгъ отъ тривіальнаго сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ— съ адомъ... Точно такъ же, теперь только развѣ необразованная, невоспитанная посредственность рѣшится „призывать вдохновеніе на *высь чела*, вѣнчаннаго звѣздой“; выдумать „грудь, которая высоко взметалась безпредметною любовью“, или отпускать другія подобныя стихотворныя вычуры [1]). А прежде— и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, за исключеніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Честь и слава гг. Марлинскому, Языкову, Хомякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу къ благородной простотѣ, и навсегда избавили нашу публику отъ наклонности къ изысканной дичи въ мысляхъ и выраженіи!... Ихъ образъ дѣйствованія и усилія для этой цѣли были совершенно обратные и отрицательные; но зато результаты вышли теперь и прямые и положительные. Въ этомъ случаѣ намъ мало нужды даже до намѣреній и мотивовъ: результатъ все выкупаетъ, хотя бы онъ былъ и совершенно неожиданъ для самихъ дѣйствователей... Здѣсь нельзя не упомянуть съ благодарностію имени г. Полевого, который стремился къ той же цѣли, и притомъ еще двумя совершенно различными путями: *безсознательно*—философско-историческими статьями, критиками и повѣстями, и *сознательно*—превосходными пародіями на стихи нѣкоторыхъ дикихъ поэтовъ, которыя помѣщалъ онъ въ своемъ „Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы“ — этомъ лучшемъ произведеніи всей его литературной дѣятельности... Да, заслуги этихъ людей, вольныя и невольныя, сознательныя и безсознательныя, поставили, такъ сказать, на ноги нашу юную литературу и нашъ младенчествующій вкусъ. Это произвело важныя и благодѣтельныя слѣдствія. Маленькое дарованіе теперь не попа-

[1]) Выраженія Бенедиктова.

детъ въ геніи. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько ей угодно пѣть стихами и скрипѣть прозою, не подвергаясь опасности быть замѣченною со стороны публики; она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ, и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себѣ похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту быть тотчасъ же замѣченнымъ. Въ прозѣ еще до сихъ поръ и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобъ худы, да и не то, чтобъ очень хороши, ужъ невозможно пріобрѣсти ни малѣйшей извѣстности. Время риѳмованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на мѣсто того и другого требуются глубокія чувства и идеи, выраженныя въ художественной формѣ, съ риѳмами, или безъ риѳмъ—все равно. Для успѣха въ поэзіи теперь мало одного таланта: нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности: все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; врача, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби, и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ... [1]).

Если такой взглядъ на важность поэзіи и высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова,—значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно-критической строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашего уваженія къ его таланту.

Стихотворенія г. Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собою раздѣляются, въ глазахъ читателя, на два разряда, неимѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ и которыхъ лучшая сторона — хорошій стихъ. Но объ этихъ послѣ; сперва поговоримъ о стихотвореніяхъ перваго разряда.

Читателямъ „Отеч. Записокъ“ должно быть извѣстно наше понятіе о сущности и важности такъ называемой *антологической* поэзіи, и потому мы, не желая повторять себя, будемъ говорить только о поэзіи г. Майкова; тѣхъ же изъ читателей, которые не знаютъ нашего понятія объ антологической поэзіи, попросимъ заглянуть въ статью о „Римскихъ Элегіяхъ Гёте“. Теорія антологической поэзіи имѣетъ такое близкое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ стихотвореній г. Майкова, что мы въ помянутой статьѣ выписали, какъ превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ его дивно-поэтическую, роскошно-художественную пьесу „Сонъ“, не зная, кому она принадлежитъ, и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ,— и мы при разборѣ этого „Альманаха“ еще задолго до статьи о „Римскихъ Элегіяхъ“ выписали въ нашемъ журналѣ это стихотвореніе, скромно подписанное буквою *М.* И—смотрите и судите сами—удивительно ли, что это стихотвореніе, безъ подписи знаменитаго, или, по крайней мѣрѣ, знакомаго имени, поразило насъ до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвалѣ, и потомъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь:
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ оливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко-блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое

[1]) Одно изъ первыхъ проявленій новаго взгляда Бѣлинскаго на искусство; полугодомъ позднѣе Бѣлинскій провозгласитъ это съ еще бо́льшей полнотой и опредѣленностью (см. статью № 40).

поэтическое содержаніе, и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышитъ живою идеею.

Чтобъ опредѣлить значеніе и достоинство антологической поэзіи г. Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найти въ ней художническое profession de foi автора. Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ мы находимъ все это, ясно и ярко выраженное.

Сомнѣніе.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальнихъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны; шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
Глубокомысленъ; солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря; лунный ликъ
Такъ сокровенъ,—что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты!

Остановимся на этомъ стихотвореніи и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанію—это превосходная пьеса; но форма не вездѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію, и изъ-за поэтическаго, полнаго жизни и опредѣленности языка мѣстами слышится несвязный лепетъ неповинующейся слову мысли... Стихъ: „Что міръ ея есть міръ пустой и ложный“, прозаиченъ; „и блѣдный вымыслъ—красота“: неопредѣленъ и блѣденъ; выраженіе о Зевсѣ, „*низводящемъ изъ длани* потокъ разящей молніи“, невѣрно и въ отношеніи къ языку, и въ отношеніи къ поэзіи; „Лунный ликъ *такъ сокровенъ*“ ничего не говоритъ ни уму, ни фантазіи читателя, по причинѣ неточности эпитета; „И ты невольно симъ явленьямъ *даруешь жизни красоты*“—выражено слабо и неопредѣленно. Послѣдніе два стиха въ пьесѣ прекрасны, но не вполнѣ удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самою пьесою настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснитъ, почему неодушевленныя явленія природы производятъ на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примиритъ чисто поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ, на опытѣ и наукѣ основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта пьеска была превосходнымъ произведеніемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважнаго намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи г. Майкова—природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежія шумнаго моря.
Нѣмъ онъ, забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,—
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Тростн коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Этихъ двухъ стихотвореній уже никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопредѣленно высказанное въ немъ явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно: прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностію отдѣлки. Что же до содержанія—оно здѣсь представляетъ собою основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучною октавою, гармоническимъ гекзаметромъ и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ

должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что̀ непосредственно поражаетъ его умъ формою, краскою, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ—существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ по преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рѣчью замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи пьесы г. Майкова „Октава“ и „Искусство“ составляютъ главу эстетики,—и эстетикъ не усомнится перевести ихъ въ свою книгу для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ Эллиновъ природа была пѳосомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи муза г. Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца, находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безъискусственно-изящныхъ пѣсенъ. Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, если бъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодого поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только-что началъ писать *не*-лицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва-ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту—г. Майковъ изученіемъ изящной древне-классической поэзіи завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И зато посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта г. Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами Грека, и—какъ мы увидимъ ниже—иначе и не умѣетъ еще смотрѣть на нее. Если взять въ разсчетъ его молодость (а ее въ этомъ случаѣ нельзя не брать въ разсчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ середины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ,—вы ощутите душою и безконечную красоту, и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль. Если же духу вашему не чуждо древнее міросозерцаніе,—вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или что и человѣкъ нашего времени, въ эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ становиться Грекомъ, такъ что самый взыскательный Аѳинянинъ, современникъ Алкивіада, не назвалъ бы его объэллинившимся варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза г. Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ въ

этой скромной идилліи: нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительною роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойною, самообладающею и цѣломудренною, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ „Вакханкѣ“, которая уже извѣстна читателямъ „Отеч. Записокъ“ [1]). Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и—

Доридѣ.

Дорида милая! къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?...
Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златого,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ту розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!... Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

Знаемъ, что лицемѣрнымъ моралистамъ эта пьеса не только не понравится, но и возбудитъ все негодованіе ихъ; но потому-то она и прекрасна. Есть люди, которые отрицательно и навыворотъ безошибочны въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ: на что̀ напали они съ остервенѣніемъ,—знайте, что это превосходно; что̀ восхвалили они съ неистовствомъ—знайте, что это по̀шло или мертво. Лицемѣрные моралисты въ высшей степени обладаютъ этою *выворотною* вѣрностію сужденія... Что же до ихъ строгости—она понятна: Шиллеръ въ одной изъ своихъ *ксеній* сказалъ, что для этихъ господъ особенно важна власть закона: не будь въ нихъ страха наказанія, они обокрали бы свою невѣсту, обнимая ее... Кто имѣетъ счастіе быть не моралистомъ, а человѣкомъ, и понимать все человѣческое,—для тѣхъ стихотвореніе „Доридѣ“, при всей шаловливой вольности своего содержанія, будетъ образцомъ дѣвственной граціозности выраженія, подобно лукавой улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной красавицы.

Жалѣемъ, что мѣсто и время, а главное — право собственности не позволяютъ намъ выписать изъ книги г. Майкова всѣхъ антологическихъ стихотвореній — особенно „Гезіода“ и „Вакха“, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ не выписать еще двухъ пьесъ, довольно большихъ и болѣе, нежели прочія, характеристическихъ. Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ,—и чудный
Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? *Посмотри: улыбаясь,*
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзіи:

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи, и иволги не слышно...
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать,
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ;
Не плющъ и не цвѣты вiются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та-жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

Здѣсь уже другая картина, другое небо, другой климатъ; но тонъ поэзіи, но созерцаніе, составляющее ея фонъ, все тѣ же, дышущія сладостію и нѣгою свѣтлаго неба Эллады!... [1]).

Однакожъ, тотъ не понялъ бы насъ, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова полное выраженіе древней поэзіи или полное выраженіе элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа. Гармоническое единство съ природою,

[1]) „Вакханка“ была напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1841 г., № 10.

[1]) Вотъ перечень прочихъ пьесъ г. Майкова въ антологическомъ родѣ: VII, *Картина Вечера, Гезіодъ, Радость, Эхо и Молчаніе,* XVII, *Пустыннику, Пріапу,* XXIV, XXVI, *Туллу, Овидій, Вакханка, Вертоградъ, Scholia, Вакхъ, Двѣ Элегіи, Зимнее Утро, Подражаніе Сафо,* LIII, *Плющъ, Исповѣдь, Цинтіи, Свирѣль,* LXVIII, LXX, LXXIII, LXXV *Горы, Діонея,* LXXXI, *Поэзія.*
Прим. Бѣлинскаго.

пробикнутое разумностію и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцанія. Жизнь древнихъ выражается не въ одной идилліи или застольной пѣснѣ, но и въ трагедіи, которая составляла одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И если со стороны идилліи и пѣсни жизнь Грековъ была наивно-прелестна, очаровательно-граціозна, мила и любезна, то со стороны трагедіи она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляетъ любить жизнь; вторая сторона—заставляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали,—и трагедія была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзіи. Трагическій элементъ преобладаетъ уже и въ самой „Иліадѣ"—этой прародительницѣ всѣхъ трагедій греческихъ, впослѣдствіи явившихся. Что же разумѣлъ Грекъ подъ „трагическимъ"?—Не печальную судьбу человѣка, вслѣдствіе противорѣчащихъ условій жизни, или вслѣдствіе случайности. Человѣкъ, попавшійся на встрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, не могъ быть героемъ греческой трагедіи. Трагическое Грековъ заключалось или въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли со страстями, или въ борьбѣ разумнаго, движительнаго начала съ общественнымъ мнѣніемъ; результатомъ борьбы всегда была гибель героя, которою онъ, въ случаѣ побѣды, запечатлѣвалъ торжество божественной идеи надъ массами, и которою, въ случаѣ паденія героя, божественная истина запечатлѣвала свое торжество надъ ограниченностію человѣческой личности. Въ обоихъ случаяхъ источникъ борьбы былъ внутренній и заключался въ духовной натурѣ героя трагедіи, которымъ могъ быть только великій человѣкъ, созданный дѣйствовать на аренѣ исторіи, предназначенный осуществить собою какое-либо нравственное начало, быть представителемъ какой-либо идеи. Такъ въ „Антигонѣ" Софокла героями являются: Антигона, какъ поборница закона родственности, великодушно жертвующая своею жизнію для выполненія того, что она считала своимъ долгомъ и невыполненіе чего унизило бы ее въ собственныхъ глазахъ и было бы ей горше смерти,—и Креонъ, какъ представитель непреложной власти закона въ гражданскомъ обществѣ. И потому, вся трагедія эта есть не что иное, какъ трагическая ошибка двухъ равно разумныхъ и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли, подобно воинамъ, храбро сражавшимся за правое дѣло; сердце наше скорбитъ о ихъ гибели; но, благословляя падшихъ, мы уже не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели героевъ не случайность, но добровольное самопожертвованіе. Антигона могла бы легко спастись отъ гибели, оставивъ свое великодушное намѣреніе похоронить убитаго брата; но тогда она не была бы великою женщиною, не была бы героинею, и не было бы трагедіи. Вотъ почему трагедія есть высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ возвышаетъ нашу душу ея окровавленный кинжалъ, ея устланный трупами благороднѣйшихъ жертвъ помостъ... Герой есть высочайшее и благороднѣйшее явленіе духа міровой жизни; его личность есть апоѳеоза человѣчества, которое воздвигаетъ ему вѣковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди, какъ бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигантскихъ образахъ; герой возбуждаетъ все удивленіе, весь восторгъ, всю любовь человѣчества; образъ его поддерживаетъ въ человѣчествѣ возвышенную вѣру въ великое, истинное и доблестное жизни, во мракѣ ежедневности и случайности поддерживаетъ вѣчный свѣтъ разума... Но почему же герой есть—герой? что дѣлаетъ человѣка героемъ?—Неизмѣнная возможность трагической гибели, этотъ паѳосъ къ идеѣ, простирающійся до великодушной готовности смертію запечатлѣть ея торжество, принести ей въ жертву то, что дается на землѣ только разъ и никогда не возвращается, и чего, слѣдовательно, нѣтъ драгоцѣннѣе — жизнь, и иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ, въ виду милаго, ласкающаго призрака счастія...[1]). Итакъ, возможность трагическаго заключается въ условіяхъ ограниченности нашей личности, которой бытіе отдѣляется отъ небытія едва замѣтною и слабою нитью, волосомъ, готовымъ порваться отъ дуновенія вѣтра, и порваться невозвратно... Насъ огорчаетъ и ужасаетъ эта невозвратность однажды утраченнаго счастія, однажды полученной жизни, однажды пріобрѣтеннаго друга, или милой сердца; но уничтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлою жизнію—и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина и правда?... О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурною игрою мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошовыхъ и копѣечныхъ помысловъ... Трагическое, это—Божія гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжитель-

[1]) Ср. со слѣдующимъ мѣстомъ изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 12 авг. 1840 г.: „Трагическое заключается въ коллизіи страсти съ долгомъ, для осуществленія нравственнаго закона. Для этого избирается герой, благороднѣйшій сосудъ духа, какъ самый жирный баранъ для закланія. Прекрасно, но дальше еще смѣшнѣе... Я, Боткинъ, я не герой, но люблю героевъ;... но законъ-то, осуждающій на страданіе повинующагося ему, такъ же, какъ и неповинующагося, законъ-то этотъ, о, Боткинъ! я и ненавижу, и презираю"... (Пыпинъ, „Бѣлинскій", стр. 315).

ной засухи...[1]). Грекъ понималъ его своею высокою душою — и, умѣя наслаждаться жизнію, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать, гдѣ и когда велитъ судьба,— вотъ что́ было для Грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ..
Смертный! силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ—мирно спи!
Жизнью пользуйся—живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности Грека.

Шиллеръ особенно глубоко постигнулъ своей великою душою трагическую сторону жизни, въ противности съ свѣтлою ея стороною,—и глубоко, мощно, со всею роскошію пластической художественности выразилъ свое созерцаніе древней жизни въ дивномъ, великомъ созданіи своемъ—„Торжество Побѣдителей“, такъ прекрасно переданномъ по-русски Жуковскимъ.

Сколько храбрыхъ жизнь поблекла!
Сколько низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ!

Какіе переходы отъ высокихъ созерцаній трагической судьбы всего великаго къ веселому взгляду на жизнь!... Вспоминая Аякса, убившаго себя въ гнѣвѣ за коварное похищеніе Одиссеемъ выигранныхъ имъ доспѣховъ Ахилла, братъ его, Оилидъ, говоритъ:

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва!

Какое величіе, какой паѳосъ въ этой догматикѣ героизма, въ этихъ стихахъ:

О, Ахиллъ, о, мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она.
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!
Смерть велитъ умолкнуть злобѣ
(Діомедъ провозгласилъ):
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Великодушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ,
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но нисколько не менѣе *эллинизма* и въ слѣдующей рѣчи Нестора къ Гекубѣ, хоть ея содержаніе, повидимому, и совершенно противоположно выписаннымъ стихамъ выше:

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье,
Добрый вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею:
Что́ извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ!
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого, но долгъ критики замѣтить, что́ у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему мы распространились здѣсь о сущности и значеніи элемента „трагическаго“ въ древнемъ искусствѣ, и вотъ почему почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что г. Майковъ и не коснулся этого элемента. Думаемъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природою, въ духѣ древнихъ. Но придетъ время — и, можетъ быть, въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра— міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества... И мы почли бы себя счастливыми, если бъ эти строки могли послужить хоть косвенною причиною къ ускоренію этого времени... Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства—стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи: а это—великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ! *Стихъ* въ поэзіи—то же, что *слогъ* въ прозѣ, а *слогъ*—это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный... Но мѣрка великаго таланта со-

[1]) „Трагическое положеніе!—воскликнешь ты съ улыбкою торжества. Дитя, полно тебѣ играть въ понятія, какъ въ куклы! Твое трагическое—безсмыслица; злая насмѣшка судьбы надъ бѣднымъ человѣчествомъ“... (ibid.). См. выше нашу вступительную замѣтку.

стоитъ не въ одномъ стихѣ, хотя бы и поэтическомъ, и художественномъ, но еще и въ движеніи, въ развитіи содержанія поэзіи, источникъ котораго есть движеніе и развитіе духа самого поэта; а движеніе и развитіе состоитъ въ безпрерывномъ отрицаніи низшихъ моментовъ въ пользу высшихъ. Я никогда не назову великимъ поэта, котораго стихотворенія можно печатать по родамъ пьесъ, а не въ хронологической послѣдовательности. Батюшковъ—поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ: но нѣтъ никакой нужды видѣть подъ его пьесами годъ и число, означающіе время ихъ сочиненія.

Но мы отдалились отъ своего предмета. Возвращаясь къ нему, должны повторить, что какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ „наивнаго“ и „природнаго“, такъ чуждъ элементъ „трагическаго“ въ древней поэзіи. Разъ г. Майковъ былъ близокъ къ нему по содержанію, избранному имъ для самой большой своей пьесы; но онъ и не коснулся трагическаго, хоть, можетъ быть, и думалъ вполнѣ его выразить... Мы говоримъ о его драматической поэмѣ „Олинѳъ и Эсѳирь“ (римскія сцены временъ пятаго вѣка христіанства). Мысль поэмы—контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Поэма занимаетъ *шестьдесятъ* страницъ, которыя, въ чтеніи, легко могутъ показаться *шестью-стами* страницами: такъ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянуто въ этомъ произведеніи! Чѣмъ выше намѣреніе поэта, тѣмъ выше должно быть и исполненіе; но г. Майковъ явно взялся за дѣло не по вдохновенію, а изъ рефлексіи, и къ понравившейся ему мысли придѣлалъ сюжетъ и какіе-то ѳбразы безъ лицъ, вмѣсто того чтобъ слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдующимъ его ѳбразамъ, еще не зная, какую мысль выразятъ они... А между тѣмъ, сколько элементовъ „трагическаго“ съ обѣихъ сторонъ могло-бъ и должно-бъ было быть! Римская литература не представляетъ ни одной хорошей трагедіи; но зато римская исторія есть безпрерывная трагедія, — зрѣлище, достойное народовъ и человѣчества, неистощимый источникъ для трагическаго вдохновенія. Въ этомъ отношеніи едва ли есть другой народъ, котораго исторія могла бы соперничать съ исторіею Римлянъ. Страстное самозабвеніе въ идеѣ государственности, въ идеѣ политическаго величія своего отечества, паѳосъ къ гражданской свободѣ, къ ненарушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждаго гражданина отдѣльно, гражданская доблесть въ цвѣтущія времена великой республики и гордая, стоистическая борьба съ рокомъ, увлекавшимъ къ паденію великую отчизну великихъ гражданъ, и уступчивость судьбѣ, вслѣдствіе геніальнаго предвидѣнія будущаго, уступчивость, роковая для начавшихъ и счастливая для менѣе великихъ, но болѣе вѳ-время явившихся — вотъ гдѣ элементы „трагическаго“ въ исторіи Рима, великой отчизны Коріолановъ, Фабіевъ, Гракховъ, Сципіоновъ, Маріевъ, Лукулловъ, Помпеевъ, Цезарей и Антоніевъ—этихъ колоссальныхъ ликовъ, сіяющихъ блескомъ героическаго величія, нестерпимаго для слабонервныхъ глазъ выродившихся людей нашего времени!... Правда, поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но, въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго Римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы—сколько стоистическою жизнію и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Олинѳъ г. Майкова только эпикуреецъ и больше ничего; собственно, онъ—ѳбразъ безъ лица. Другая сторона поэмы—христіанская, тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега—мученичество и смерть за истину; но и она такъ же слаба и блѣдна у нашего поэта, какъ и языческая. Впрочемъ, вся поэма отличается хорошими, звучными, а иногда и поэтическими стихами, какъ, напр., вотъ эта пиршественная пѣсня Римлянъ-язычниковъ:

Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шумя, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми, волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ убранствахъ вертограда —
Угоднѣе богамъ!

Настанетъ часъ—воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглецъ могилъ. На звуки флейтъ и лиръ
Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ, и онъ любилъ,
И богу гроздій онъ служилъ...
О, други! сыпьте розъ гораціева сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ—этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ,
Во дни, когда киѳара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!

Вообще, когда г. Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи, его талантъ

какъ-будто слабѣетъ. Доказательствомъ этого можетъ служить маленькая поэмка его „Венера Медицейская“, содержаніе которой, какъ можно видѣть изъ самаго ея заглавія, относится къ сферѣ классической поэзіи. Существуетъ преданіе, что знаменитая статуя, извѣстная подъ именемъ *Венеры Медицейской*, есть изображеніе одной римской императрицы. Поэтъ заставляетъ ее, выходя изъ волны, восхищаться собственною красотою—

И вотъ красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство кисти вдохновенной
На мрамора обломокъ бренный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды (?!),
И стройный станъ, и шелкъ кудрей:
И Римъ нарекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!

Мысль, какъ видите, мало поэтическая, слишкомъ незрѣлая и какъ-будто изысканная, не говоря уже объ унижающей достоинство искусства мысли—видѣть простую копію, портретъ, въ вдохновенномъ созданіи свободнаго творчества. Самые стихи этой поэмы только красивы и ловки, но не художественны: есть между ними даже оскорбляющіе тонкій эстетическій вкусъ, любящій благородную простоту и точность выраженій, какъ, напр.:

На грудь высокую пустите
Змѣистый локоновъ разливъ.

Что такое: *пустить на грудь змѣистый разливъ локоновъ*? Это было бы хорошо развѣ въ стихотвореніи г. Бенедиктова, но очень дурно въ стихотвореніи г. Майкова. Или:

Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
Величья храмы раздробилъ.

Что такое: *молотъ вѣковъ, раздробляющій храмы величья?* Неужели это поэзія, не реторика?...

Не безъ достоинствъ слѣдующія стихотворенія, съ болѣе или менѣе антологическимъ оттѣнкомъ: *Радость*, *Измѣна*, *XXXIII*, *Жизнь*, *Прощаніе съ Деревней*, *Заря*, *Горы*, *Мраморный Фавнъ*. Что до послѣдняго стихотворенія,—оно было бы лучше, если бъ не было растянуто приставкою и кончилось 25-мъ стихомъ, или—можетъ быть, и еще лучше—13-мъ стихомъ.

Теперь мы переходимъ ко второму разряду стихотвореній г. Майкова, и съ сожалѣніемъ предупреждаемъ нашихъ читателей, что здѣсь намъ больше должно будетъ порицать, чѣмъ хвалить... Въ этихъ стихотвореніяхъ мы желали-бъ найти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чувствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но—увы!—мы не нашли въ нихъ, за исключеніемъ слишкомъ немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ хорошіе стихи при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ неопредѣленность и вычурность выраженія при усиліи сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный образъ, а все остальное — реторика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній. Пересмотримъ ихъ.

Въ „Чудномъ Вѣкѣ“ поэтъ воспѣваетъ эпоху Петра Великаго, которая возсіяла

..... въ странѣ, загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь блатъ и тундръ; *въ той храминѣ священной,*
Гдѣ льды горятъ, какъ въ храминѣ чудесъ...

Не реторика ли это?... Въ концѣ пьесы, авторъ заставляетъ Петра *выливать вѣнецъ на голову Россіи, сардамскимъ млатомъ скрѣплять ея оковы и выковывать ей булаву (?) и мечъ, а громовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ вратъ въ Европу*, забывъ, что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было, и что въ томъ-то и состоитъ великій подвигъ Петра, что онъ, по выраженію Альгаротти, создалъ Петербургъ, qui est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe, а слѣдовательно, первый сдѣлалъ и ворота... Стихотвореніе, означенное N. V., превосходно по стихамъ, но мысль — приписать скалѣ глубокое участіе къ страданію человѣка — изысканна... Прекрасны послѣдніе *шесть* стиховъ стихотворенія „Воспоминаніе“; но ихъ-то едва ли кто и прочтетъ послѣ первыхъ восьми стиховъ и, особенно, этого начала:

Когда ты *въ пучины былого*
Окунешься думой...

„Еврейская Пѣснь“ отличается прекрасными, звучными стихами и библейскимъ колоритомъ въ выраженіи. Пьеса „Монастырь“ откровенно названа авторомъ „введеніе къ *ненаписанной* поэмѣ“. Она начинается этими непоэтическими стихами:

Во дни кровавые, когда Гевтонъ суровый
Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзныя оковы...

Затѣмъ слѣдуетъ реторика, изрѣдка прерываемая стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Колонны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ,
Пригнулися къ землѣ...

Обращаемся къ эстетическому чувству и художественному такту автора, и спрашиваемъ его: можно ли, не говоримъ—*печатать*, но читать безъ напряженія и утомленія подобные стихи:

Все тлѣніе и прахъ!
Здѣсь, за оградою, въ окованныхъ стѣнахъ,
Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятья,
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятья,

Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли;
И въ мирной келіи, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
Всегда-ль, въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
Когда, вниспавъ между готическихъ оконницъ,
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на нѣмомъ
Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
Всегда-ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
Склонившися къ окну, отшельница младая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ,
На лоно вѣчности, въ подоблачный эѳиръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественные гимны,
Откуда бѣдную зовутъ гостепріимно?

Каковъ періодъ: неугодно ли прочесть вамъ его, не переводя духа, или не скрывъ смысла?... И что за неточность въ эпитетахъ? Что такое „*окованныя* стѣны“, „одежда *мертвая*“ (авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать—„одежда *мертвыхъ*“, да мѣра стиха не позволила), „*вѣренъ* ли монашескій обѣтъ“ (*кому* и *чему* вѣренъ?)? Что такое „*весенніе* часы и *мечтательныя* безсонницы“?...

Теперь обращаемся ко всѣмъ людямъ съ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ: можно ли безъ наслажденія и восторга читать послѣдніе, окончательные стихи этой пьесы, столь пламенные и вдохновенные?—

Не правда-ль, часто взоръ, какъ небо, голубой,
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
И уху робкому мечтались не молитвы,
А цитры тихій звонъ, иль кликъ опасной битвы,
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Туманя ясные красавицы глаза.
По блѣдному лицу жемчужиной блистала,
И юная глава въ волненьи упадала
На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
Волною падала по мрамору грудей,
И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?

Пьеса, означенная № XIV (стр. 30), принадлежитъ не къ числу худшихъ, особенно по окончанію. Въ пьесахъ: „Воробьевы Горы“, „Два Гроба“, „Истинное Благо“, „Мститель“ (*скандинавская баллада*), и „Кладбище“—мы рѣшительно не узнаемъ г. Майкова, и подпишите подъ ними: г. Щеткинъ, г. Кропоткинъ, г. Гогніевъ, г. Романовичъ—никто бы не удивился... „Воробьевы Горы“ написаны точно какъ-будто г. Бенедиктовымъ; въ нихъ есть „кровель море разливное“ (жаль, что не *разливанное*!), въ нихъ есть стихи: „И *до-полюсныя* воды у моихъ восплещутъ пятъ“, въ нихъ „крадется пламени змѣя“; но въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни поэзіи, ни даже хорошихъ стиховъ. Въ „Двухъ Гробахъ“ собственно нѣтъ ни одного гроба: рѣчь идетъ о *носилкахъ Карла XII* и о *вѣнцѣ Наполеона*, будто бы забытомъ имъ въ Москвѣ. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ этой изысканной и натянутой мысли, какъ можете судить даже по этимъ двумъ съ половиною стихамъ:

Взманивъ къ себѣ на грудь увѣнчаннаго змія (?),
Въ объятіяхъ его замучила Россія,
И гробомъ стала...

Вы ли это, г. Майковъ?...

Въ „Двухъ Моряхъ“ воспѣты Средиземное и Мертвое (въ Сиріи) моря: идеи нѣтъ, но стихи не дурны, хотя между ними есть и вотъ какіе: „Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли“ (?), „По немъ (по морю), воздѣвъ шеломъ среброкосматый, станица волнъ не ратуетъ во вѣкъ“ (!).—Стихотвореніе „В. А. С.....у“ замѣчательно, по хорошимъ стихамъ, какъ этюдъ.—Въ маленькой поэмѣ „Іафетъ“ много ума, есть недурные стихи, но нисколько нѣтъ поэзіи. Впрочемъ, мы, безошибочно высчитавъ, чего нѣтъ въ этомъ „рефлектированномъ“ произведеніи, не все высчитали, что́ есть въ немъ: въ немъ есть изысканныя выраженія: *міръ, обновленный въ купели моря*; *Кавказскія Горы—гордыя врата Европы*. „Молитва Бедуина“ была бы очень хороша, если бъ въ ней нѣкоторые стихи не были такъ тяжелы. „Горный Ключъ“ принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ г. Майкова, если бъ въ немъ ручьи не были названы „рѣзвыми нитями земли“. Очень недурна пьеска „Кто онъ?“ Къ хорошимъ можно причислить еще: „Призывъ“, „Безвѣтріе“, „Мысль поэта“, „Пѣвцу“, „Жизнь“, „Мысль“, „Заря“ и „Е. П. М.“.

Да, много, много превосходнаго, много хорошаго; но есть и такое, что́ непріятно встрѣтить въ печати, что̀ бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ изданныхъ... Явно, что пьесы въ родѣ „Воробьевыхъ Горъ“ и „Кладбища“ написаны г. Майковымъ давно уже, и милы ему, можетъ быть, потому именно, что были первыми пробными звуками его музы; но мы судимъ о нихъ какъ чужіе и посторонніе имъ... Но болѣе всего совѣтуемъ молодому поэту—к да пріймет̀ъ онъ нашъ совѣтъ съ тѣмъ же радушіемъ и тою любовію, съ какими мы даемъ его!—совѣтуемъ беречься изысканности въ идеяхъ и образахъ, совѣтуемъ слѣдовать больше своему непосредственному чувству и художественному такту, чѣмъ вкусу толпы... О, берегитесь этой толпы, молодой поэтъ! Она измѣнчива въ своей благосклонности, и постоянно уважаетъ только тѣхъ, кого боится, а боится только тѣхъ, кто не за ней идетъ, а за собою ведетъ ее, не оглядываясь назадъ... Ей ничего не стоитъ низвергнуть истуканъ, ею же самою слѣпленный (обыкновенно изъ весенняго снѣгу—это любимый ея матеріалъ); но она всегда проходитъ съ потупленными

очами и на цыпочкахъ мимо не ею созданнаго кумира... Вспомните, что у насъ есть теперь *великіе* поэты, которыхъ слава продолжалась не дольше трехъ лѣтъ... по крайней мѣрѣ, я слышалъ объ одномъ, который такъ могъ угодить толпѣ мишурнымъ блескомъ и *изысканными выраженіями*, что она, толпа, въ нѣсколько мѣсяцевъ раскупила первую часть его стихотвореній; но вторая часть ихъ была издана только разъ, третья давно готова... въ рукописи, да дѣло стало за тѣмъ, что никто не берется издать... Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова стихъ—просто пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изысканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ онъ—истинный, глубокій и притомъ *опытный, искушенный* художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не даетъ произвольныхъ штриховъ; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова...

Однакожъ и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до сихъ поръ о четырехъ пьесахъ не-антологическаго содержанія, но превосходныхъ: указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою. Пьесы эти особенно примѣчательны, какъ свидѣтельство духовной движимости поэта: въ нихъ видно зерно и зародышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ... Такова пьеса LV (стр. 119), которой не выписываемъ, потому что и безъ того много уже выписано; такова эта маленькая пьеска:

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный свѣтлый день;
Тревожная—весны младыя грозы,
Тамъ—солнца лучъ, и въ зной оливы сѣнь;
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

На эту пьеску не нужно комментаріевъ: кто жаждетъ такъ же и горечи, какъ и сладости грозъ, тотъ будетъ—„царства дивнаго всесильный властелинъ“... Но перлы не-антологическихъ стихотвореній г. Майкова это—„Ангелъ и Демонъ“ и „Раздумье“. Вотъ первое.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому-жъ уступить
Въ пыли рожденный человѣкъ:
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но *пышный* (!) демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду—не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то недостаетъ, что-то недоговорено; эпитетъ *пышный* неудовлетворителенъ—мы думаемъ, что даже *гордый* больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы. Зато „Раздумье“—верхъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: въ антологической, роскошно-художественной формѣ поражаетъ оно содержаніемъ изъ другой сферы...

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Пролютъ всѣ боги: лугъ его заблещетъ, нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ-осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ!...
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ,
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенникѣ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья,
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ,
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ
При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многаго надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрываться отъ участи, столь полной обаятельнаго счастія, и питать, въ молодой груди, желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у каждаго не поблѣднѣютъ ланиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства.

1842 г.

35. [Стихотворенія А. Полежаева].

Часы выздоровленія.
Стихотворенія *А. Полежаева.* Москва, 1842.

Стихотворенія А. Полежаева.
Москва, 1832.

Кальянъ.
Стихотворенія *Александра Полежаева.* Москва, 1838.

Арфа.
Стихотворенія *Александра Полежаева.* Москва, 1838.

Въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“ Бѣлинскій мимоходомъ упомянулъ о Полежаевѣ, „какъ поучительномъ примѣрѣ необузданной силы—безъ содержанія, таланта—безъ образованія, вдохновенія—безъ вкуса“; полгода спустя онъ развилъ эти мысли въ настоящей большой статьѣ о Полежаевѣ. Еще гораздо раньше, въ началѣ 1839 года, Бѣлинскій помѣстилъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ небольшую статейку объ этомъ поэтѣ, прилагая къ нему обычный масштабъ своего гегеліанства: объективность или субъективность, принятіе или непринятіе міра. Съ этой точки зрѣнія Полежаевъ оказался поэтомъ „субъективнымъ“, а „субъективность—смерть поэзіи“, говорилъ тогда Бѣлинскій; къ тому же, какъ мы знаемъ, въ эту эпоху своего гегеліанства Бѣлинскій отрицалъ возможность въ искусствѣ „прекраснаго содержанія“ безъ „прекрасныхъ формъ“ (см., напр., статью о „Менцелѣ“, т. I, стр. 583—584), а стихотворенія Полежаева менѣе всего могли считаться прекрасными по формѣ.

Теперь, въ серединѣ 1842 года, Бѣлинскій стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія: теперь онъ, какъ мы видѣли, находитъ слабость Полежаева именно въ отсутствіи содержанія („необузданная сила—безъ содержанія“). „Только содержаніе можетъ быть истиннымъ мѣриломъ всякаго поэта—и геніальнаго, и просто даровитаго“,—говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ и примѣняетъ этотъ критерій къ Полежаеву: „въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха“... Раньше Бѣлинскій подходилъ къ изученію поэзіи, желая найти въ ней тотъ или иной „моментъ развитія абсолютнаго духа“; теперь, разбирая поэзію Полежаева, онъ хочетъ показать, „что судьба всякаго могучаго таланта—быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія“. Въ этомъ уже ярко сказывается Бѣлинскій сороковыхъ годовъ, тотъ Бѣлинскій, который приблизительно въ то же время восклицаетъ въ письмѣ къ Боткину: „соціальность...—вотъ девизъ мой!“

Что касается самой поэзіи Полежаева, то въ настоящей статьѣ Бѣлинскій по обыкновенію чутко и рельефно обрисовалъ ея сущность, опредѣливъ ея „пафосъ“ двумя чертами: „сладострастіе“ и „отчаяніе“. Въ позднѣйшихъ статьяхъ о Полежаевѣ (Добролюбовъ „Стихотворенія А. Полежаева“, „Современникъ“ 1857 г., № 8; Пыпинъ „Забытый поэтъ“, „Вѣстн. Евр.“ 1889 г., № 3; В. Якушкинъ „Полежаевъ, его жизнь и поэзія“, ibid., 1897 г. № 6; см. также очерки въ послѣднихъ собраніяхъ сочиненій Полежаева подъ ред. Ефремова и Арс. Введенскаго, 1889 и 1892 гг.) нѣтъ ничего новаго по существу, сравнительно со статьей Бѣлинскаго. Одна только поправка, и очень существенная, была внесена еще Добролюбовымъ, который указалъ на несправедливость мнѣнія Бѣлинскаго, будто „Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели“. За „нецензурную“—и не столько „сладострастную“, сколько грубовато-чувственную юношескую поэму „Сашка“, Полежаевъ былъ отданъ въ 1826 году Николаемъ I въ солдаты и погибалъ медленной смертью до 1838 года, когда наконецъ смерть освободила его и отъ солдатчины и отъ жизни. Разсказъ объ этомъ читатель найдетъ въ приложеніи къ VII-ой главѣ „Былого и думъ“ Герцена. Такимъ образомъ Полежаевъ не только „имѣлъ право обвинять въ своей гибели“ николаевскій режимъ и его главнаго представителя, но даже никакого иного объясненія и нельзя дать гибели этого многообѣщавшаго, даровитаго поэта, въ которомъ самъ Бѣлинскій справедливо видѣлъ такіе богатые задатки, такія загубленныя силы.

И.-Р.

И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не расцвѣлъ, и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!...

А. Полежаевъ.

Первая изъ книгъ, заглавіе которыхъ выставлено въ началѣ этой статьи, заключаетъ въ себѣ оборышъ стихотвореній талантливаго Полежаева и не заслуживаетъ никакого вниманія. Это явно или — спекуляція на имя, или слѣдствіе необдуманнаго дружескаго усердія къ покойному автору. Тѣмъ не менѣе мы рады появленію этой книжки, потому что она даетъ намъ удобный случай поговорить о Полежаевѣ, какъ о поэтѣ вообще, и сдѣлать критическую оцѣнку всей его поэтической дѣятельности.

Слава дается людямъ геніемъ и не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ отношеній. Противъ нея безсильны предубѣжденія, зависть и злоба. Они даже служатъ ей, стараясь уничтожать ее,—и если имъ удается иногда помрачить ея лучезарный блескъ, то не болѣе, какъ на минуту, и для того только, чтобъ она явилась еще лучезарнѣе: такъ солнце является въ бо̀льшемъ блескѣ, когда пройдутъ мимо застилавшія его облака, а они не могутъ же не проходить мимо него! Время всегда на сторонѣ „славы“, и, опираясь на него, она торжествуетъ даже надъ самимъ временемъ. Но слава дается однимъ геніямъ,—и какъ между геніемъ и обыкновеннымъ человѣкомъ есть множество посредствующихъ ступеней и звеньевъ, называемыхъ „талантами“ и „дарованіями“, такъ и между „славою“ и „неизвѣстностію“ есть посредствующія величины славы, называемыя большею или меньшею „извѣстностію“. Вотъ это-то таланты и дарованія, эти-то извѣстности болѣе или менѣе и испытываютъ на себѣ вліяніе случайныхъ отношеній и временныхъ обстоятельствъ, ничтожныхъ и безсильныхъ для генія и славы. Нельзя провести рѣзкой черты, отдѣляющей генія отъ таланта, ибо есть таланты, близкіе къ генію, и вообще подобное разграниченіе окончательно совершается временемъ и вѣками. Въ этомъ вопросѣ для насъ важно только то, что чѣмъ выше, сильнѣе, многосторонѣе, глубже, словомъ, огромнѣе талантъ,—тѣмъ больше его извѣстность приближается къ славѣ, тѣмъ менѣе могутъ вредить ему случайныя отношенія и наоборотъ: чѣмъ меньше и односторонѣе талантъ, — или низшая его степень—дарованіе, тѣмъ больше зависитъ оно не отъ самого себя, а отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ особенно сильно обнаруживается на него въ самое его возникновеніе и развитіе. Часто случается, что совершенно пустое и ничтожное дарованіе пользуется въ свое время громкою извѣстностію, похожею на славу; а истинный и замѣчательный талантъ проходитъ незамѣченный толпою при жизни, забытый ею по смерти. И когда потокъ времени поглотитъ всѣ случайныя извѣстности и эфемерныя славы, тщетно сталъ бы кто-нибудь воскрешать непризнанную славу вотще промелькнувшаго таланта: его вновь заслоняютъ вновь возникшія извѣстности, его слова, его творенія принадлежатъ исключительно его времени, которое прошло для него и безплодно и безвозвратно. Потомство согласится, что онъ былъ выше тѣхъ, которые заслоняли его, но и на немъ не захочетъ остановить своего вниманія такъ же, какъ и на нихъ. Впрочемъ, нельзя сдѣлать общаго правила изъ такого случая, потому именно, что онъ случай. Часто бываетъ и наоборотъ: часто пальма первенства достойно дается современниками первому по достоинству; но въ томъ-то и состоитъ зависимость таланта отъ случайности, что онъ такъ же можетъ быть признанъ современниками, какъ и не признанъ ими. Только міровые геніи поставлены внѣ закона этой случайности, ибо не могутъ не быть ни не признанными, ни забытыми.

Конечно, не сто̀итъ и хлопотать о талантѣ, который умеръ не живя, и котораго имени нельзя воззвать къ жизни. Но этому могутъ противорѣчить два обстоятельства. Во-первыхъ, истина и справедливость сами себѣ цѣль; для нихъ иногда можетъ быть важенъ предметъ болѣе по отношенію къ нимъ самимъ, чѣмъ къ себѣ самому. Во-вторыхъ, если дѣло идетъ о такомъ талантѣ, который, будучи не признанъ при жизни, не можетъ возвратить должнаго себѣ послѣ своей смерти, не столько по недостатку въ силѣ, сколько по неразвитости, ложному направленію, или по причинамъ, скрывавшимся въ самой эпохѣ, въ которую онъ явился, тогда критикѣ сто̀итъ и очень сто̀итъ заняться имъ, какъ предметомъ замѣчательнымъ и поучительнымъ. Къ такимъ-то талантамъ принадлежитъ Полежаевъ, и потому-то мы давно желали найти случай поговорить о немъ. Теперь много именъ въ нашей литературѣ, пользующихся только прошедшею своею извѣстностію, и на этомъ зыбкомъ основаніи тщетно требующихъ себѣ вниманія равнодушной къ нимъ современности: и однакожъ, всѣ они нѣкогда заслоняли собою Полежаева, котораго и теперь

не видно изъ-за ихъ поблекшей извѣстности. И какъ имъ было не заслонить его? ихъ стихотворенія печатались въ Петербургѣ, издавались такъ красиво, сами они писали другъ къ другу посланія, участвовали въ пріятельскихъ журналахъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ Пушкинъ печатно величалъ своими сподвижниками... Стихи Полежаева ходили по рукамъ въ тетрадкахъ, журналисты печатали ихъ безъ спросу у автора, который былъ далеко; наконецъ, они и издавались или за его отсутствіемъ, или безъ его вѣдома, на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора — хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ... Еще въ Москвѣ Полежаевъ пользовался громкою извѣстностію; тамъ и доселѣ не забытъ онъ; но Петербургъ вскользь слышитъ о существованіи его, какъ поэта: теперь же, когда Петербургъ, давно уже центръ администраціи, день-ото-дня болѣе и болѣе дѣлается центромъ умственной и всякой другой дѣятельности Россіи, — теперь и литературная извѣстность въ Россіи, даже въ самой Москвѣ, возможна только черезъ Петербургъ.

Часто случается встрѣтить въ критикахъ и рецензіяхъ мнѣніе, что такой-то поэтъ могъ бы пріобрѣсти себѣ прочную славу, но погубилъ свое дарованіе, увлекшись звономъ риѳмы, вычурностію въ выраженіяхъ, и т. п. Справедливо ли такое мнѣніе? — Можетъ быть, и справедливо, только крайне односторонне, по нашему мнѣнію. Почему Шиллеръ — великій поэтъ? — Потому что получилъ *отъ природы* великій геній. А почему Шиллеръ не погубилъ своего великаго генія, почему онъ не увлекся звономъ риѳмы, вычурностію выраженія?—Потому что онъ получилъ *отъ природы* великую душу, которая презирала мелочами и стремилась къ одному истинному, великому и вѣчному. Видите ли: здѣсь причина прежде всего въ натурѣ поэта, которая, уже по самой сущности своей, не допустила бы его сбиться съ пути. Но, скажутъ намъ, поэзія Шиллера велика не одною силою художническаго генія, не однимъ пламенемъ любви къ человѣчеству и къ истинѣ, но и мірообъемлющимъ, вѣчно юнымъ и вѣчно развивающимся содержаніемъ, котораго только возможность лежала въ его натурѣ, но которое усвоено, развито и обогащено было имъ посредствомъ ученія и неослабнаго стремленія за современными интересами. Такъ; но опять-таки начало всего въ натурѣ поэта, душа котораго вѣчно сгорала жаждою знанія, и сердце котораго вѣчно билось только для идеи. Потомъ, здѣсь причина еще и въ духѣ, жизни и развитіи, словомъ — исторіи народа, среди котораго родился поэтъ, и наконецъ въ историческомъ моментѣ, въ которомъ засталъ поэтъ современное ему человѣчество. Это ужъ не его заслуга—это дѣло судьбы, велѣвшей ему родиться Германцемъ, а не Китайцемъ. Природа вездѣ природа, человѣкъ вездѣ человѣкъ: и въ Китаѣ можетъ родиться поэтъ съ организаціею и духомъ Шиллера, но Шиллеромъ никогда не будетъ, останется Китайцемъ: онъ выразитъ своими твореніями бѣдное содержаніе китайской жизни и въ уродливыхъ китайскихъ формахъ; Китайцы будутъ имъ восхищаться, но Европеецъ не пойметъ его ни въ подлинникѣ, ни въ лучшемъ переводѣ. Таково вліяніе національности на духъ и достоинство твореній поэта: она, эта національность, дѣлаетъ его и великимъ и ничтожнымъ. Но если бы этотъ предположенный нами китайскій Шиллеръ и выдвинулся изъ своего народа, усвоивъ себѣ европейскую образованность и европейское знаніе, и тогда бы въ своихъ твореніяхъ былъ онъ только любопытнымъ фактомъ феноменологіи духа человѣческаго, а не великимъ явленіемъ въ сферѣ творчества, ибо великій поэтъ можетъ возникнуть только на національной почвѣ. Содержаніе для поэзіи даетъ поэту жизнь, а не наука: наука только обогащаетъ и развиваетъ это содержаніе. Не изъ книгъ почерпнулъ Шиллеръ свою ненависть къ униженному человѣческому достоинству въ современномъ ему обществѣ: онъ самъ, еще дитятей и юношею, перестрадалъ болѣзнями общества и перенесъ на себѣ тяжкое вліяніе его устарѣлыхъ формъ; наука только познакомила его съ причинами настоящаго, скрывавшимися въ вѣкахъ, уяснила вопросъ и дала сознательное направленіе энергической дѣятельности его могучаго духа. Равнымъ образомъ, не наукою постигъ онъ все великое и истинное въ среднихъ вѣкахъ: наука только уяснила ему этотъ вопросъ, а самый вопросъ возбудила въ немъ жизнь: ибо современная ему цивилизація была результатомъ среднихъ вѣковъ, съ ихъ добромъ и зломъ. Болѣе ощутительно вліяніе науки на Шиллера въ его сочувствіи съ древнимъ міромъ; но и тутъ корень этого сочувствія скрывался въ исторіи его отечества, связанной съ исторіею Рима, а черезъ нее и съ исторіею Греціи. Предполагаемый нами китайскій геній могъ бы усвоить себѣ только извнѣ европейскую образованность и просвѣщеніе: выростая безъ почвы, она не принесла бы и плодовъ; непонятый соотечественниками, онъ не былъ бы оцѣненъ и Европейцами. Другое дѣло, если бъ, родившись въ Европѣ или перевезенный туда младенцемъ, онъ выросъ и развился въ духѣ и жизни той страны; но и тогда бы онъ могъ быть только поэтомъ этой страны, а отнюдь не китайскимъ поэтомъ.

Итакъ, два обстоятельства творятъ великихъ поэтовъ — натура и исторія. Вслѣдствіе этого, и величайшій по своей натурѣ и поэтическимъ силамъ поэтъ не можетъ достигнуть въ искусствѣ назначенной ему высоты, — если онъ родился среди народа, котораго національность или лишена мірового значенія, или еще не развилась до него; въ такомъ случаѣ, онъ можетъ быть ниже не только равныхъ ему, но и низшей натуры и меньшими творческими силами одаренныхъ поэтовъ, которыхъ геній воспитался на почвѣ національности, имѣющей міровое значеніе. При оцѣнкѣ степени достоинства того или другого поэта нельзя не брать въ соображеніе этого обстоятельства, если хотите быть справедливыми и многосторонними въ своемъ приговорѣ.

Все сказанное нами относится только къ тѣмъ великимъ поэтамъ, которые столько же принадлежатъ человѣчеству, сколько и своему отечеству, и къ которымъ, поэтому, такъ идетъ эпитетъ „міровыхъ“. Нельзя не быть великимъ поэтомъ, будучи міровымъ поэтомъ: но можно быть великимъ поэтомъ, не будучи міровымъ поэтомъ: эта разница не въ натурѣ поэта, а въ историческомъ значеніи его отечества. Но гдѣ жизнь, тамъ и поэзія, а слѣдовательно и содержаніе для поэзіи. Только содержаніе можетъ быть истиннымъ мѣриломъ всякаго поэта—и геніальнаго, и просто даровитаго. Слѣдовательно, прежде, чѣмъ говорить: „такой-то поэтъ могъ бы быть великимъ, но погубилъ свое дарованіе“,—должно, на основаніи содержанія его поэзіи, показать—сперва: дѣйствительно ли его талантъ былъ великъ, а потомъ: столько ли онъ былъ великъ, чтобы, опираясь на своей силѣ, не могъ сбиться съ настоящаго пути и утратить свою силу. А то говорятъ: „г. N N обѣщалъ много, но увлекся звономъ риѳмы—и изъ него не вышло ничего!“ Но, милостивые государи! на чемъ же вы основываете, что онъ много обѣщалъ, если такіе пустяки, какъ звонъ риѳмы, или вычурность въ выраженіи, могли сбить его съ толку? Не все ли это равно, что сказать: „такой-то господинъ подавалъ блестящія надежды быть великимъ полководцемъ; но, къ сожалѣнію, увлекшись врожденною трусостію, оставилъ военное поприще и рѣшился опредѣлиться въ становые приставы?“ Если бы въ васъ было побольше эстетическаго такта, то—увѣряемъ васъ—вы въ первыхъ же произведеніяхъ вашей мнимо великой будущей надежды увидѣли бы только звонъ риѳмъ и поняли бы, что больше звонаря изъ него ничего никогда не выйдетъ! Странно было бы назвать Лермонтова великимъ поэтомъ за двѣ написанныя имъ книжки; но о немъ всѣ говорятъ, какъ о великомъ поэтѣ, ибо въ этихъ двухъ книжкахъ онъ далъ залогъ своего будущаго великаго развитія,—и никому, кромѣ людей, которые въ искусствѣ ничего не смыслятъ,—никому не прійдетъ въ голову сказать, что Лермонтовъ могъ бы со временемъ погубить свой талантъ, увлекшись звономъ риѳмы, или вычурностію фразы. Такіе таланты обезсиливаютъ себя не подобными пустяками, а развѣ тѣмъ, что, отрываясь отъ современныхъ интересовъ, предаются созерцательному отчужденію отъ живой дѣйствительности и засыпаютъ въ поэтическомъ аскетизмѣ, или живутъ жизнію прошедшаго, холодные къ современному, которое, въ свою очередь, равнодушно къ ихъ запоздалымъ интересамъ.

Какъ бы то ни было, но если и для великихъ талантовъ возможно *свое* паденіе, тѣмъ болѣе возможно оно для дарованій второстепенныхъ. Но и въ отношеніи къ нимъ мы все-таки разумѣемъ не „риѳменный звонъ“ и не „вычурную фразу“, которыми способны увлекаться только дарованія внѣшнія, лишенныя внутренней самостоятельной силы, чуждыя всякаго содержанія. Гладкій и звучный стихъ, внѣ содержанія, обнаруживаетъ только способность къ формѣ поэтической: въ отношеніи къ истинной поэзіи онъ то же самое, что реторика въ отношеніи къ истинному краснорѣчію. Чтобъ стихъ былъ поэтическій, не только мало гладкости и звучности, но недостаточно и одного чувства, нужна мысль, которая и составляетъ истинное содержаніе всякой поэзіи. Эта мысль даетъ себя чувствовать въ поэзіи, какъ извѣстный взглядъ на извѣстную сторону жизни, какъ начало (principe), которымъ вдохновляются и живутъ творенія поэта. Каждый вѣкъ и каждое время питаетъ свою думу о жизни, стремится къ своимъ цѣлямъ, и источникомъ всѣхъ своихъ побужденій имѣетъ единое начало,—и чѣмъ поэтъ выше, тѣмъ болѣе выражается въ немъ эта дума его времени. Всякое истинное содержаніе отличается жизненностію, вслѣдствіе которой оно движется впередъ, развивается, а не стоитъ, оцѣпенѣлое, на одномъ мѣстѣ, или, подобно попугаю, не повторяетъ вѣчно одного и того же, и притомъ одними и тѣми же словами. Вотъ почему истинные поэты постепенно, съ теченіемъ времени, становятся глубже и совершеннѣе въ своихъ твореніяхъ; и вотъ почему творенія истинныхъ поэтовъ располагаются умными издателями не по родамъ, а въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно съ временемъ появленія на свѣтъ каждаго изъ нихъ. А откуда же возьмется это движеніе, эта постепенность совершенствованія, если поэтъ барабанитъ своими гладкими и звучными стихами вѣчно одно и то же,—напримѣръ: студентскія попойки, звонъ рюмокъ, хло-

панье пробокъ, дѣву-красоту, у которой перси всегда полны, а сердце пусто? Тутъ можетъ быть услуга только языку и версификаціи, а отнюдь не поэзіи. И не диво, если такой стихотворецъ, ошибочно провозглашенный поэтомъ, скоро выпишется, всѣмъ надоѣстъ старыми погудками на новый ладъ, или новыми погудками на старый ладъ, утратитъ даже свой бойкій, звонкій и гладкій стихъ, и, мертвый для всякихъ современныхъ, живыхъ интересовъ, по привычкѣ будетъ отъ времени до времени плохими стихами воспѣвать, въ пріятельскихъ журналахъ, то рейнвейнъ, который *нѣжитъ, такъ сказать, глубокомысленно,* то *малагу,* которую пьютъ, когда уже ничего другого желудокъ не выноситъ?... Важное дѣло—знать намъ, какое вино пьетъ господинъ стихотворецъ... Послѣ такой фамильярности съ доброю публикою ему остается только увѣдомлять ее, разумѣется, въ стихахъ, въ какомъ погребѣ беретъ онъ свое вино. Оно бы и лучше: тогда стихи его имѣли бы цѣну и достоинство хоть прейсъ-курантовъ, и потому хоть на что-нибудь годились бы... И послѣ этого еще говорятъ, что онъ много обѣщалъ, но жаль-де, что, увлекшись звономъ риѳмы, погубилъ свой талантъ!... Да въ риѳменномъ-то звонѣ и заключался весь его талантъ, почтенные господа-аристархи!...

Но не лучше его и тѣ риѳмотворцы, у которыхъ, кажется, что ни слово, то мысль, а какъ вглядишься, такъ что ни слово—то реторическая завитушка или дикое сближеніе несближаемыхъ предметовъ. Одинъ изъ такихъ господъ, пожалуй, такъ опишетъ вамъ дружбу: „у меня—скажетъ онъ—есть въ сердцѣ рана; она вѣчно истекаетъ кровью: ее нанесъ мнѣ другъ нѣжною рукою, и сквозь ту рану онъ смотритъ въ мое сердце“, и тому подобное. Другой, пожалуй, пропишетъ: „что̀ въ морѣ купаться, то-де читать Данта: его стихи упруги и полны, какъ моря упругія волны“. Третій чудакъ, пожалуй, соблазнясь этимъ образцовымъ примѣромъ, затянетъ: „что̀ макароны ѣсть съ пармезаномъ—то Петрарку читать: стихи его сладко скользятъ въ душу, какъ эти обмасленныя, круглыя и длинныя бѣлыя нити скользятъ въ горло“ [1]). Четвертый посовѣтуетъ юношамъ не „призывать вдохновенія на *высь чела,* вѣнчаннаго *звѣздой*“, или станетъ воспѣвать *грудь,* которая *высоко взметалась безпредметною любовію; любовь,* которая *гнѣздится въ ущельяхъ сердецъ; дѣву,* которой *станъ поэтъ вносилъ въ вихрь круженія на огненной ладони; струи времени, возрастившія мохъ забвенія на развалинахъ любви: гибкій станъ,* въ которомъ *поэтъ утопляетъ горящую ладонь; искру души,* которая *прихотливо подлетѣла къ парѣ черненькихъ глазъ и умильно посмотрѣла въ окна своей храмины; дѣву,* которая, *сидя на жеребцѣ, гордится успѣхомъ* [2]),—и тому подобную дикую галиматью, которую иногда и на самомъ дѣлѣ выдаютъ намъ за полную мыслей поэзію, и которую основательная критика должна преслѣдовать огнемъ и мечомъ, какъ преступленіе противъ здраваго смысла, языка, литературы и искусства... Нѣтъ, не такова поэзія, полная мысли: она проста, естественна, неизысканна, какъ творенія природы, выразившія собою мысль Творца... О такихъ риѳмачахъ, если только бываютъ на свѣтѣ такіе риѳмачи, нельзя говорить: „они многое обѣщали, а мало сдѣлали“; но должно говорить: „они ничего не обѣщали хорошаго, и много написали вздорнаго“.

Есть поэты, въ которыхъ нельзя не признать ни чувства, ни вдохновенія, ни поэтической формы, но о которыхъ, по первымъ же ихъ произведеніямъ, можно безошибочно сказать, что они недалеко пойдутъ и скоро выпишутся. Это тѣ одностороннія дарованія, которыя пробуждаются отъ какой-нибудь случайности—несчастія, утраты и, открывъ въ душѣ своей затаенный родникъ грустной поэзіи, скоро исчерпываютъ его весь, настроивъ свою лиру на одинъ тонъ; а потомъ, когда неглубокій родникъ истощится и пересохнетъ, уже по привычкѣ къ риѳмамъ, продолжаютъ вяло и бездушно выговаривать то, что нѣкогда пѣлось у нихъ по крайней мѣрѣ искренно и тепло... Потомъ, это тѣ *эфемерныя* души, которыя бываютъ юны только во время юности; переживъ юность, онѣ тотчасъ же отцвѣтаютъ, и скоро мирятся съ прозою жизни. И слава имъ, если они, изъ поэтовъ сдѣлавшись агрономами, чиновниками, спекулянтами, совсѣмъ забываютъ свою лиру для счетовъ, аршина или дѣловыхъ бумагъ; и позоръ имъ, если они вздумаютъ обманывать и себя и другихъ риѳмованною стукотнею безчувственныхъ чувствъ и безсмысленныхъ мыслей!... Юность дается человѣку только разъ въ жизни, и въ юности каждый изъ нихъ доступнѣе, чѣмъ въ другомъ возрастѣ, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранитъ юность до старости, не давъ душѣ своей остыть, ожесточиться, окаменѣть—

Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

[1]) Все это выраженія Бенедиктова; см. т. I, ст. № 4.

[2]) Пародія на Шевырева; знаменитый стихъ „Что̀ въ морѣ купаться – что̀ Данта читать“—принадлежитъ его перу.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, маленькихъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

Да, возможное совершенство каждаго человѣка, то, къ чему долженъ и можетъ стремиться каждый человѣкъ, состоитъ именно въ томъ, чтобъ, и доживши до сѣдыхъ волосъ, даже у края могилы, не пережить своей юности... Но, увы! сколь немногіе достигаютъ этого, и сколь многіе старѣются, когда еще не миновалась и юность ихъ! Эта разница происходитъ, при многихъ причинахъ, прежде всего отъ разницы въ натурахъ, съ которыми родятся люди. Это же и главная причина, отчего одинъ поэтъ всю жизнь сохраняетъ свое вдохновеніе, а другой теряетъ его послѣ десятка хорошихъ, впрочемъ, стихотвореній. И напрасно о такихъ поэтахъ говорятъ: „какъ много обѣщалъ онъ и какъ мало выполнилъ!“ О такихъ, напротивъ, чаще можно говорить: „онъ обѣщалъ еще меньше, нежели сколько выполнилъ“...

„Но — говорятъ — если бы онъ писалъ такъ, а не этакъ, воспѣвалъ, то, а не это— онъ сохранилъ бы свой талантъ“. Нѣтъ, милостивые государи, тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ себѣ, въ слабости своей натуры носитъ своего врага...—„Но если бы онъ слушался критики?“—Поэтовъ творитъ природа и жизнь, а не критика, — и для нихъ поучительнѣе критики на чужія сочиненія, чѣмъ на ихъ собственныя...—„Однакожъ, отъ чего же нибудь онъ сбился же?“— Для такихъ талантовъ на каждомъ шагу жизни стоятъ силки, и отъ чего бы то ни было, но имъ надо сбиться... Въ отношеніи къ нимъ даже не интересно и изслѣдовать причины паденія.

Гораздо поучительнѣе паденіе такихъ поэтовъ, которые не такъ сильны, чтобъ не бояться паденія, и не такъ слабы, чтобъ выдохнуться незамѣтно и испариться въ болотной атмосферѣ житейской повседневности; но которые или достигаютъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, той степени развитія, что ихъ творенія дѣлаются капитальнымъ, хотя и второстепеннымъ сокровищемъ отечественной литературы; или, при неблагопріятствѣ судьбы, пролетаютъ по пути жизни блудящею кометою, являя своею жизнію и своими произведеніями зрѣлище печальное и поучительное. Таковъ былъ талантъ Полежаева...

Стихотворенія Полежаева начали являться въ печати съ 1826 года; но они были знакомы Москвѣ еще прежде, равно какъ и имя ихъ автора. Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнію, а жизнь его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикою необузданностію страстей, которыя, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дали ему ни развиться, ни созрѣть. И потому, къ своей поэтической извѣстности, не для всѣхъ основательной, онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти... Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбуждать къ себѣ и ужасъ и состраданіе: Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели. Полежаева уже нѣтъ, и потому о немъ можно говорить прямо и открыто: подобная откровенность никого не оскорбитъ, но многимъ будетъ поучительна. Онъ былъ явленіемъ общественнымъ, историческимъ, — и говоря о немъ, мы говоримъ не о частномъ человѣкѣ. Къ тому же въ нашемъ сужденіи о Полежаевѣ мы будемъ основываться не на какихъ-нибудь постороннихъ и сомнительныхъ свидѣтельствахъ, а на его собственныхъ поэтическихъ признаніяхъ: ибо всѣ лучшія его произведенія суть не иное что, какъ поэтическая исповѣдь его безумной, страдальческой жизни. Мы пишемъ не для того, чтобъ осуждать, а для того, чтобъ поучать и поучаться изъ такого разительнаго примѣра: могила миритъ все, и надъ нею должны раздаваться не проклятія и осужденія, а слова примиренія и благословенія...

Слишкомъ рано понявъ безотчетнымъ чувствомъ, что толпа жила и держалась правилами, которыхъ смысла сама не понимала, но къ которымъ равнодушно привыкла, Полежаевъ, подобно многимъ людямъ того времени, не подумалъ, что онъ могъ и долженъ былъ уволить себя только отъ понятій и нравственности толпы, а не отъ всякихъ понятій и всякой нравственности. Освобожденіе отъ предразсудковъ онъ счелъ освобожденіемъ отъ всякой разумности, и началъ обожать эту буйную свободу. Свобода была его любимымъ словомъ, его любимою риѳмою, — и только въ минуты душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе подчиненный человѣкъ.

Избытокъ силъ пламенной натуры заставилъ его обожать другого, еще болѣе страшнаго идола—чувственность. Для человѣка необходимъ періодъ идеальныхъ, восторженныхъ стремленій и порываній: перешедъ черезъ него, онъ можетъ отрѣшиться отъ всего мечтательнаго и фантастическаго, но уже не можетъ остаться животнымъ даже въ своихъ чувственныхъ увлеченіяхъ, которыя у него будутъ смягчены и облагорожены чувствомъ красоты и пріймутъ характеръ эстетическій. И Полежаевъ пережилъ этотъ періодъ идеальнаго чувства, но уже слишкомъ не во̀-время, какъ мы увидимъ. Сначала онъ, который не имѣлъ права сказать о себѣ, что не зналъ мятежнаго волненія страстей, — онъ имѣлъ право сказать:

Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любови
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгоралъ!

Онъ имѣлъ право, не клевеща на самого себя для краснаго словца, сказать красавицѣ, не сводившей съ него задумчивыхъ очей и припадавшей къ нему на грудь въ порывахъ забвенья:

Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь, кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воскресить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить,
Не для меня очарованья!
. . . . . .
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ;
. . . . . .
И прежнихъ чувствъ и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!
Еще мнѣ милы—красота
И дѣвы пламенные взоры;
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть мрачные укоры!
Люби другого: быть твоимъ
Я не могу, о, другъ мой милый!..
Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

И потому не удивительно, если не во̀время и не въ пору явившееся мгновеніе было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а вотъ эту страшную, похоронную пѣснь самому себѣ:

О, грустно мнѣ! Вся жизнь моя—гроза!
Наскучилъ я обителью земною!
Зачѣмъ же вы горите предо мною,
Какъ райскіе лучи предъ сатаною,
Вы—черные, волшебные глаза!

Увы! давно, печаленъ, равнодушенъ,
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!

Старинный рабъ мучительныхъ страстей,
Я испыталъ ихъ бремя роковое—
И буйный духъ, и сердце огневое
Давно смирилъ въ обманчивомъ покоѣ,
Какъ лютый врагъ покоя и людей!

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена;
Меня несла противная волна,
Несла на смерть—и гибель не страшна
Казалась мнѣ въ пучинѣ безпощадной.

И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ
Любилъ встрѣчать я думою суровой,
И свисту бурь, подъ молніей багровой,
Внимать, какъ мужъ, отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ...

И погрузясь въ преступныя сомнѣнья
. . . . . о цѣли бытія [1]),
Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осеня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья.

Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ
Отъ дерзкихъ думъ до свѣта провидѣнья;
Я избѣгалъ невиннаго творенья,
Которое-бъ могло, изъ сожалѣнья,
Моей душѣ дать выспренній полетъ;—

И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатный...
О, нѣтъ!—какъ духъ карающій и злой,—
Свѣтлѣе дня явилось предо мной,
Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной,
На муравѣ долины ароматной!...

Явилось... все исчезло для меня:
Я позабылъ, въ мучительной невзгодѣ,
Мою любовь и ненависть къ природѣ,
Безумный пылъ къ утраченной свободѣ,
И все, чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я...

Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ,
Увидѣлъ я, съ невольнымъ торжествомъ,
Земной эдемъ!... Какъ будто существомъ
Другихъ міровъ—какъ будто божествомъ
Исполненъ былъ въ мечтаніяхъ завѣтныхъ.

И дѣва-рай, и дѣва-красота
Лила мнѣ въ грудь невыразимымъ взоромъ
Невинную любовь, съ таинственнымъ укоромъ,
И пѣла въ ней душа небеснымъ хоромъ:
„Люби меня!—И въ очи и въ уста

„Лобзай меня, пѣвецъ осиротѣлый,
„Какъ мотылекъ лилею по утру!
„Люби меня, какъ милую сестру,—
„И снова я и къ небу, и къ добру
„Направлю твой разсудокъ омертвѣлый!...“

И что-жъ? Совершилось ли возрожденіе — этотъ великій актъ любви? и святая власть женственнаго существа побѣдила ли ожесточенную мужскую твердость?—Нѣтъ! Поэтъ не воскресъ, а только пошевелился въ гробѣ своего отчаянія: солнечный лучъ поздно упалъ на поблекшій цвѣтъ его души... Остальная половина этого стихотворенія, или, лучше сказать, этой поэтической исповѣди, отличается тою хаотическою неопре-

[1]) „О Божьемъ Промыслѣ, о цѣли бытія“.

дѣленностію, въ какую погрузило душу поэта его полу-возрожденіе: и какъ ничего положительнаго не могло выйти изъ новаго состоянія души поэта, такъ ничего не вышло и изъ стихотворенія, въ которомъ онъ силился его выразить. Эта неопредѣленность отразилась и на стихахъ: стихъ, доселѣ поэтическій, даже крѣпкій и сжатый, становится прозаическимъ, вялымъ и растянутымъ, и только мѣстами сверкаетъ прежнимъ огнемъ, какъ угасающій вулканъ; цѣлые куплеты ничего не заключаютъ въ себѣ, кромѣ словъ, въ которыхъ видно одно тщетное усиліе что-то сказать. И потому, мы представимъ конецъ пьесы въ сокращеніи:

Напрасно я мой геній горделивый,
Мой злобный рокъ на помощь призывалъ;
Со мною онъ, *какъ другъ* (?), изнемогалъ,
Какъ слабый врагъ предъ мощнымъ трепеталъ,—
И я въ цѣпяхъ *предъ* дѣвою стыдливой!

Въ цѣпяхъ!... Творецъ! безсильное дитя
Играетъ мной по волѣ безотчетной,
Казнитъ меня съ улыбкой беззаботной—
И я, какъ рабъ, влачусь за нимъ охотно,
Всю жизнь мою страданью посвятя!...

Затѣмъ, Богъ знаетъ почему, поэтъ спрашиваетъ, дурными стихами, о *ней*: кто она, и гдѣ тотъ, „кто дѣвы молодой *вопьетъ* въ себя невинное дыханье?“

Гроза и громъ! ужель мои уста
Произнесутъ убійственное слово?
Ужели все въ подсолнечной готово
Лишить меня прекраснаго земного?...
Такъ, я лишенъ, лишенъ—и навсегда!...

Кто видѣлъ тернъ колючій и безплодный
И рядомъ съ нимъ роскошный виноградъ?
Когда-жъ и гдѣ равно ихъ оцѣнятъ
И на одной грядѣ соединятъ?...
Цвѣтетъ ли миртъ въ Лапландіи холодной?

Вотъ жребій мой! Благія небеса!
Быть можетъ, я достоинъ наказанья;
Но я—съ душой—могу ли безъ роптанья,
Сносить мои жестокія страданья?
Забуду-ль васъ, о, черные глаза?

Далѣе поэтъ вспоминаетъ тѣ безцѣнныя мгновенія, когда и при лунѣ и при солнцѣ бесѣдовалъ онъ тихо съ милою дѣвою, или бродилъ съ нею между гробами—

. . . съ унылыми мечтами,
И вѣчный сонъ, надъ мирными крестами,
И смерть и жизнь летали передъ нами,
И я искалъ покоя мертвецовъ!

Вспоминаетъ, какъ онъ заставалъ прекрасную въ слезахъ надъ „Элоизой“,

Иль, затая дыханье на устахъ,
Во тьмѣ ночей стерегъ ее въ волнахъ,—
Гдѣ иногда, подъ сумрачною ризой,

Бѣла, какъ снѣгъ,—волшебныя красы,
Она струямъ зеркальнымъ предавала,
И между тѣмъ, стыдливо обнажала
И грудь и станъ—и вѣтромъ развѣвало
И флеръ ея, и черные власы...

Смертельный ядъ любви неотразимой
Меня терзалъ и медленно губилъ.
Мнѣ снова міръ, какъ прежде, опостылъ...
Быть можетъ... нѣтъ! мой часъ уже пробилъ,
Ужасный часъ, ничѣмъ неотвратимый!

Можно догадываться изъ этихъ стиховъ, что душа поэта пережила его тѣло и, живой трупъ, онъ умиралъ медленною смертью, томимый уже безплодными желаніями... Страшное состояніе! Какъ понятны, послѣ этого, стихи Полежаева:

Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!...

Эти *черные глаза*, очевидно, были важнымъ, хотя уже и безвременнымъ фактомъ въ жизни Полежаева: скорбному воспоминанію о нихъ посвящена еще цѣлая, и притомъ прекрасная пьеса—„Грусть“.

На пиру у жизни шумной,
Въ царствѣ юной красоты,
Рвалъ я съ жадностью безумной
Благовонные цвѣты.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерялъ,—
И душевной укоризны,
Можетъ быть, не избѣжалъ.
Отчего-жъ не съ сожалѣньемъ,
Отчего—скажите мнѣ—
Но съ невольнымъ восхищеньемъ
Вспомнилъ я о старинѣ?
Отчего же локонъ черный,
Этотъ локонъ смоляной,
День и ночь, какъ духъ упорный,
Все мелькаетъ предо мной?
Отчего, какъ въ полдень ясный
Голубыя небеса—
Мнѣ таинственно прекрасны
Эти черные глаза?
Почему же голосъ сладкой,
Этотъ голосъ неземной,
Льется въ душу мнѣ украдкой
Гармонической волной?
Что тревожитъ духъ унылый,
Манитъ къ счастію меня?
Ахъ! не вспыхнетъ надъ могилой
Искра прежняго огня!
Отлетѣли заблужденій
Невозвратные рои—
И я мертвъ для наслажденій,
И угасъ я для любви!
Сердце ищетъ, сердце проситъ
Послѣ бури уголка;
Но мольбы его разноситъ
Безотрадная тоска!

Но это только мгновеніе въ жизни поэта; другая любовь неотступно жила съ нимъ и погубила его — это та, о которой онъ самъ сказалъ:

. . . . въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Міръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь!
Не воскреснетъ она!

Эта-та любовь, извлекшая столько грязныхъ пѣсенъ, извлекала иногда и поэтическіе звуки изъ души поэта, какъ въ этой прекрасной пѣснѣ его „Цыганка“:

Кто идетъ передъ толпою
На широкой площади
Съ загорѣлой красотою
На щекахъ и на груди?
Подъ разодраннымъ покровомъ,
Проницательна, черна—
Кто въ величіи суровомъ
Эта дивная жена?
Вьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ,
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ;
И страшнѣй ударовъ сѣчи,
Какъ гремучая рѣка,
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты—коварная Цыганка,
Дочь свободы и весны!
Подъ узлами бѣдной шали
Ты не скроешь отъ меня
Ненавистницу печали,
Друга радостнаго дня.
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканскіе цвѣты!
Ахъ, я помню!... Но ужасно
Вспоминать лукавый сонъ:
Фараонка, не напрасно
Тяготитъ мнѣ душу онъ!
Пронеслась съ годами сила,
Я увялъ—и на яву
Мнѣ рука твоя вручила
Приворотную траву!

Въ pendant къ этой пьесѣ приводимъ здѣсь и „Ахалукъ“:

Ахалукъ, мой ахалукъ,
Ахалукъ демикотонный,
Ты,—работа нѣжныхъ рукъ
Азіатки благосклонной!
Ты родился подъ иглой
Отагинки чернобровой,
Послѣ робости суровой
И любви во тьмѣ ночной;
Ты не пышной пестротою—
Цвѣтомъ гордыхъ узденей,
Но смиренной простотою—
Цвѣтомъ сѣверныхъ ночей,
Милъ для сердца и очей...
Черенъ ты, какъ локонъ длинный
У цыганки кочевой,
Мраченъ ты, какъ духъ пустынный—
Сторожъ урны гробовой!
И серебряной тесьмою,
Какъ волнистою струею
Дагестанскаго ручья,
Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалмѣ,
Никогда луна во тьмѣ,
Ни чело твое, о, База—
Это блѣдное чело,
Это чистое стекло,
Споря въ живости съ опаломъ,
Подъ ревнивымъ покрываломъ,
Не сіяли такъ свѣтло!
Ахъ, серебряная змѣйка,
Ненаглядная струя—
Это ты, моя злодѣйка,
Ахалукъ суровый—я!

Но апоѳеозу идола, спалившаго цвѣтъ жизни поэта, представляетъ его пьеса „Гаремъ“

Кто любить нѣгу чувствъ, блаженство сладострастья
И не паритъ въ края азійскіе душой?
Кто, пылкій юноша, который въ морѣ счастья
Не жаждетъ вѣкъ утратить молодой?
Пусть онъ летитъ туда . . . . [1])
И населитъ красой блестящій свой гаремъ!
Тамъ жизни радость онъ познаетъ и оцѣнитъ
И снова обрѣтетъ потерянный эдемъ!...

Тамъ пиръ для чувствъ и ока;
Красавицы востока,
Одна другой милѣй,
Одна другой рѣзвѣй,
Послушныя рабыни,
Умрутъ съ нимъ каждый мигъ!
Съ душой полубогини,
Въ восторгахъ огневыхъ,
Душа его сольется,
Заснетъ—и вновь проснется,
Чтобъ снова утонуть
Въ пучинѣ наслажденья!
Тамъ пламенная грудь
Манитъ воображенье;
Тамъ бѣлая рука
Влечетъ его слегка
И страстно обнимаетъ;
Одна его лобзаетъ,
Одна ему поетъ,
Горитъ и изнываетъ,
. . . . . .
Прелестныя подруги,
Воздушны, какъ зефиръ,
Порхаютъ, стелютъ круги,
То вьются, то летятъ,
То быстро станутъ въ рядъ.
Межъ тѣмъ въ дыму кальяна,
На бархатѣ дивана,
Влюбленный сибаритъ
Роскошно возлежитъ
И, взоромъ пожирая
Движенья гурій рая,
Трепещетъ и кипитъ,
И къ дѣвѣ сладострастья
Залогъ желанный счастья—
Платокъ его летитъ...
. . . . . .
Но гдѣ гаремъ, но гдѣ она,
Моя прекрасная рабыня?
Кто эта юная богиня,
Полунагая, какъ весна,
Свѣжа, плѣнительна, статна,
Рѣзвится въ банѣ ароматной?
На чьи небесныя красы
Съ досадной ревностью власы
Волною падаютъ пріятной?
. . . . . .
Когда усердная толпа
Рабынь услужливыхъ лелѣетъ?
Чья кровь горячая замлѣетъ
Въ объятьяхъ дѣвы огневой?
Кто сей счастливецъ молодой?
Ахъ, гдѣ я? Что со мною стало?
Она надѣла покрывало,
Ее ведутъ—она идетъ:
Ее любовь на ложѣ ждетъ...
. . . . . .
Такъ жрецъ любви, игра страстей опасныхъ,
Пѣлъ наслажденья чуждыхъ странъ,
И оживлялъ въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Чувствъ очарованныхъ обманъ.

---

[1]) Вторая половина стиха: „чалмою крестъ обмѣнитъ“ въ то время не пропускалась цензурой: ср. предъидущее замѣчаніе.

Онъ пѣлъ — души его кумиры
Носились тайно вкругъ него.
И въ этотъ мигъ на всѣ порфиры
Не промѣнялъ бы онъ гарема своего!...

Въ этомъ диѳирамбѣ выражено объясненіе ранней гибели его таланта... Онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ „Ренегата“, и по множеству мѣстъ цинически-безстыдныхъ и безумно-вдохновенныхъ не могъ быть напечатанъ вполнѣ. Азія — колыбель младенческаго человѣчества и, какъ элементъ, не могла не войти и въ жизнь возмужавшаго и одухотворившагося Европейца, но какъ элементъ — не больше; исключительное же ея обожаніе — смерть души и тѣла, позоръ и гибель при жизни и за могилою... Полежаевъ жилъ въ Азіи, а Европа только на мгновеніе шевелила его душою: удивительно ли, что онъ—

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что̀ любилъ, въ томъ пашелъ
Гибель жизни своей?

Отличительный характеръ поэзіи Полежаева—необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принесъ бы богатые плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Мысль для поэзіи то же, что̀ масло для лампады: съ нимъ она горитъ пламенемъ ровнымъ и чистымъ, безъ него вспыхиваетъ по временамъ, издаетъ искры, дымится чадомъ, и постепенно гаснетъ. Мысль всегда движется, идетъ впередъ, развивается. И потому творенія замѣчательныхъ поэтовъ (не говоря уже о великихъ) постепенно становятся глубже содержаніемъ, совершеннѣе формою. Полежаевъ остановился на одномъ чувствѣ, которое всегда безотчетно и всегда заперто въ самомъ себѣ, всегда вертится около самого себя, не двигаясь впередъ, всегда монотонно, всегда выражается въ однообразныхъ формахъ.

Въ пьесѣ „Ночь на Кубани“ вопль отчаянія смягченъ какою-то грустію и совпадаетъ съ единственно возможною надеждою несчастливца—надеждою на прощеніе отъ подобнаго себѣ несчастливца, собственнымъ опытомъ познавшаго, что̀ такое несчастіе:

. . . . . .
Ахъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
Кто почиталъ коварный свѣтъ
И на зарѣ весеннихъ лѣтъ
Его ничтожество измѣрилъ;
Кто погубилъ, подобно мнѣ,
Свои надежды и желанья;
Предъ кѣмъ разрушились вполнѣ
Грядущей жизни упованья;
Кто сиръ и чуждъ передъ людьми:
Кому дадутъ, изъ сожалѣнья,
Иль ненавистнаго презрѣнья,
Когда-нибудь клочокъ земли—
Одинъ лишь тотъ меня оцѣнитъ,
Моей тоски не обвинивъ,
Душевнымъ чувствамъ не измѣнитъ
И скажетъ: „такъ, ты несчастливъ!“
Какъ братъ къ потерянному брату,
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ
И раздѣлитъ мою утрату!...
. . . . . .
Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ.
Лишь онъ одинъ поймете того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!
Я буду—онъ; онъ будетъ—я!
Въ одномъ изъ насъ сольются оба;
И пусть тогда вражда и злоба,
И мечъ, и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой!...
. . . . . .
. . . . . .

Естественно, что Полежаевъ въ свѣтлую минуту душевнаго умиленія обрѣлъ столько еще тихаго и глубокаго вдохновенія, чтобы такъ прекрасно выразить въ стихахъ одно изъ величайшихъ преданій Евангелія:

И говорятъ Ему: „она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое“.
И на лукавое воззванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ божественнымъ чертилъ.
И наконецъ сказалъ народу:
„Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцовъ законъ:
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?...“
И вновь писалъ онъ на землѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья—
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена...
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: „Покинь твою боязнь,
Гдѣ твой синедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?“
Она въ отвѣтъ: „Никто, Учитель!“—
„Итакъ и я твоей души
Не осужу,—сказалъ Спаситель,—
Иди въ свой домъ—и не грѣши“.

Можетъ быть, послѣ этого намъ будетъ легче и поучительнѣе внимать страшнымъ признаніямъ поэта... Тяжесть паденія его была бы не вполнѣ обнята нами безъ двухъ пьесъ его — „Живой мертвецъ“ и „Цѣпи“. Вотъ первая:

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Враждуя съ темною могилой,
Живетъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,

При свѣтѣ сумрачномъ луны,
Изъ-подъ земельной стороны
Исходитъ призракъ боязливый.
Блѣдно, какъ саванъ роковой,
Чело отверженца природы,
И неестественной свободы
Ужасенъ видъ полуживой.
Унылый, грустный, онъ блуждаетъ
Вокругъ жилища своего,
И—очарованъ—за него
Переноситься не дерзаетъ.
Слѣды минувшихъ лучшихъ дней
Онъ видитъ въ мысли быстротечной,
Но мукой тяжкою и вѣчной
Наказанъ въ ярости своей.
Проклятый небомъ раздраженнымъ,
Онъ не пріемлется землей,
И овладѣлъ мучитель злой
Злодѣя прахомъ осквернѣннымъ.
Вотъ мой удѣлъ—игра страстей;
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
На вѣкъ уснутъ въ груди моей!
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И—членъ ненужный бытія—
Не оскверню собой природы.
Мнѣ міръ—пустыня, гробъ—чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья.

Но сила чувства, особенно въ падшемъ человѣкѣ, не всегда соединяется съ силою воли, — и вопреки себѣ, онъ долженъ хранить жизнь, какъ собственную кару...

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей...
. . . . . .
. . . . . .
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ,
И факелъ смерти погребальный
Съ тѣхъ поръ горитъ въ моихъ очахъ:
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій
И умираю ночь и день!
Порою огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ,
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь какъ будто бы во снѣ!
. . . . . .
Уже рукой ожесточенной,
Берусь за пагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущенный
Забылъ и горе и печаль!..
Готовъ! но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ...
. . . . . .
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда,
И... вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

„Вечерняя Заря“, одна изъ лучшихъ пьесъ Полежаева, есть та же погребальная пѣсня всей жизни поэта; но въ ней отчаяніе растворено тихою грустію, которая особенно поразительна при сжатости и могучей энергіи выраженія—обыкновенныхъ качествахъ его поэзіи:

Я встрѣчаю зарю
И печально смотрю,
Какъ крапинки дождя,
По эѳиру летя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ
И кипятъ, и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ, и раститъ.
Что-жъ крапинки дождя,
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Что, въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?
Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ полдневной порой
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска
Молодого пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска!..
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда;
И я жилъ—но я жилъ
На погибель свою,
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою!..
Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей!
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла;
Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!..
Я надежду имѣлъ
На испытныхъ друзей;
Но ихъ рой отлетѣлъ
При невзгодѣ моей.
Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я,
Какъ вампиръ гробовой!..
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ,
И въ мученіяхъ злыхъ,
Не сгораючи, тлѣть...

Не кропите-жъ меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

Но Полежаевъ зналъ не одну муку паденія: онъ зналъ также и торжество возстанія, хотя и мгновеннаго; съ энергической

и мощной лиры его слетали не одни диссонансы проклятія и воплей, но и гармонія благословеній...

Я погибалъ;
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Злодѣй созрѣлый,
Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей,
Всегда злодѣй.
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье:
Окаменѣнъ,
Какъ хладный камень;
Ожесточенъ,
Какъ сѣрный пламень,—
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній!
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Печать проклятій—
Удѣлъ монхъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя самихъ,—
Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ,
Душа ко мглѣ
Уже стремилась...
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Я видѣлъ тѣнь,
И въ думѣ лютой
Все рѣшено:
Еще минута
И... свершено!...

Но вдругъ нежданый
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ!..
Рукою сильной
Остовъ могильный
Вдругъ оживилъ,—
И Каинъ новый
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ.
Онъ снова дни
Тоски печальной
Озолотилъ
И озарилъ
Зарей прощальной!
Гори-жъ, сіяй,
Заря святая!
И догорай
Не померкая!

Въ другое время сорвались съ его лиры звуки торжества и возстанія, но уже слишкомъ поздняго, и уже не столь сильные и громкіе: посмотрите, какая нескладица въ большой половинѣ этой пьесы („Раскаяніе“), какъ хорошіе стихи мѣшаются въ ней съ плохими до безсмыслицы:

Я согрѣшилъ противъ разсудка,
Его на миѣ я разлюбилъ (?!):
Тебѣ, степная незабудка,
Его я съ честью подарилъ (??)!
Я промѣнялъ святую совѣсть
На мщенье буйнаго глупца,
И отвратительная повѣсть
Гласитъ безуміе пѣвца.
Я согрѣшилъ противъ условій
Души и славы молодой,
Которыхъ демонъ празднословій
Теперь освищетъ съ клеветой (?)!
Клинжалъ коварный сожалѣнья,
Притворной дружбы и любви
Теперь потонетъ, безъ сомнѣнья,
Въ моей бунтующей крови;
Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ,
Ихъ шумный смѣхъ, и строгій взоръ
Мужей значительно безмолвныхъ,
И ропотъ дѣвъ неблагосклонныхъ—
Все мнѣ и казнь и приговоръ!
Какъ чадъ неистовый похмелья,
Ты отлетѣла, наконецъ,
Минута злобнаго веселья.
Проснись, задумчивый пѣвецъ!
Гдѣ гармоническая лира,
Гдѣ барда юнаго вѣнокъ?
Ужель повергнулъ ихъ порокъ
Къ стопамъ ничтожнаго кумира?
Ужель бездушный идеалъ
Неотразимаго разврата
Тебя, какъ жертву каземата,
Рукой поносной оковалъ?
О, нѣтъ! свершилось—жаръ мятежный
Остылъ на пасмурномъ челѣ!
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной;
Узналъ безславіе, позоръ
Подъ маской дикаго невѣжды (?!):

И посмотрите — какъ торжественно окончаніе этой пьесы; оно можетъ служить образцомъ того, что̀ называется въ эстетикѣ „высокимъ“:

Но предъ лицомъ кавказскихъ горъ
Я рву нечистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю, какъ ѳиміамъ,
И передамъ моимъ струнамъ,
И ревъ, и вой минувшей бури!...

Полежаевъ никогда бы не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ главное достоинство—пластическая художественность и виртуозность формъ, которыхъ значеніе бываетъ такъ велико въ сферѣ собственно искусства, и такъ не велико въ сферѣ общей, объемлющей собою не одно искусство, но и всю область духа; въ которомъ такая бездна поэзіи, и такъ мало современныхъ вопросовъ, такъ мало общихъ интересовъ... Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, если бы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна

была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Но къ этому недостаетъ отдѣлки, точности въ словахъ и выраженіяхъ; причиною этого было сколько то, что онъ небрежно занимался поэзіею и никогда не отдѣлывалъ окончательно своихъ стихотвореній, замѣняя неточныя выраженія опредѣленными, слабые стихи—сильными, растянутыя мѣста—сжатыми; столько и то, что, оставшись при одномъ непосредственномъ чувствѣ, онъ не развилъ и не возвысилъ его, наукою и размышленіемъ, до *вкуса* [1]). Другой важный недостатокъ его поэзіи, тѣсно связанный съ первымъ, состоитъ въ неумѣньи овладѣть собственною мыслію и выразить ее полно и цѣлостно, не примѣшивая къ ней ничего посторонняго и лишняго. Причина этого опять въ неразвитости и происходящей изъ нея неясности и неопредѣленности созерцанія. Представляемъ здѣсь, въ поучительный для молодыхъ поэтовъ примѣръ подобной невыдержанности, двѣ прекрасныя, но испорченныя пьесы Полежаева, въ совершенно различныхъ родахъ. Первая называется „Море“:

Я видѣлъ море—я измѣрилъ
Очами жадными его:
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его провѣрилъ.
О, море, море!—я мечталъ
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ,—
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоемъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?...
. . . . . .

Превосходно! Стихи, достойные величія моря! Но то ли далѣе?—

Всегда ли, море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надъ тобой?
Или невѣдомая сила,
Враждуя *съ мирной тишиной*,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что ты? откуда? изъ чего?
Игра случайная природы,
Или орудіе свободы,
Воззвавшей все изъ ничего?
Надолго-ль влажная порфира
Твоей безстрастной красоты
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?

Сбивчиво, темно, неопредѣленно, хотя и замѣтно, что у поэта шевелилась на душѣ мысль! Далѣе опять лучше:

Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!...
Я вопрошалъ ее... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучомъ,
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межъ тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своемъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между ихъ, отвагой полный,
Нырялъ предъ бурей утлый челнъ.
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшного счастья твоего?
Смотри на челнъ—ужъ нѣтъ его:
Въ отваѣ онъ нашелъ измѣну!...

Превосходные стихи, кромѣ двухъ послѣднихъ, которые все портятъ; но цѣлаго не видно, и послѣ начала пьесы какъ-то не того ожидалось... Но, сообразно съ серединою, окончаніе прекрасно:

Въ другое время, на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну, манили
Меня въ житейскій океанъ.
И я поплылъ... О, море, море,
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ челнъ залетный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

Вторая пьеса называется „Баю, баюшки, баю“:

Въ темной горницѣ постель:
Надъ постелью колыбель;
Въ колыбели, съ полуночи,
Бьется, плачетъ, что есть мочи,
Безпокойное дитя.
Вотъ, лампаду засвѣтя,
Чернобровка молодая
Суетится, припадая
Бѣлой грудью къ крикуну—
И лелѣетъ, и ко сну
Избалованнаго клонитъ,
И поетъ, *и тихо стонетъ*
На чувствительный распѣвъ
Девяностолѣтнихъ дѣвъ (???!):
„Да усни же ты, усни,
„Мой *хорошій молодецъ!*
„*Уломонъ тебя возьми,*
„*О, постылый сорванецъ!*
„Баю, баюшки, баю!
„*Ужъ и есть ли гдѣ такой*
„*Сизокрылый голубокъ,*
„*Ненаглядный, дорогой,*
„*Какъ мой маленькій сынокъ!*
„Баю, баюшки, баю!
„Во зеленомъ во саду
„Красно вишенье растетъ;
„По широкому пруду
„Бѣлый селезень плыветъ!
„Баю, баюшки, баю!
„*Словно вишенье, румянъ,*
„*Словно селезень онъ былъ—*
„*Да усни же ты, буянъ!*
„*Не кричи же ты, пострѣлъ!*
„Баю, баюшки, баю!
„Я на золотѣ кормить
„Буду сына моего,
„Я достану, *такъ и быть,*

[1]) Ср. съ противоположнымъ по смыслу сопоставленіемъ „чувства“ и „вкуса“ во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго 1834—1840 гг.

„Царь-дѣвицу для него.
„Баю, баюшки, баю!
„Будетъ важный человѣкъ,
„Будетъ сынъ мой генералъ!
„Ну, заснулъ... *хоть бы на вѣкъ*
„*Побери его провалъ!*
„Баю, баюшки, баю!“
Свѣтъ потухъ надъ генераломъ:
Чернобровка покрываломъ
Обернула колыбель—
И ложится на постель...
Въ темной горницѣ молчанье;
Только тихое лобзанье
И неясныя слова
Были слышны раза два...
Послѣ, тѣнью боязливой,
Кто-то—чудилося мнѣ—
Осторожно и счастливо,
При мерцающей лунѣ,
Пробирался по стѣнѣ...

Какая грубая смѣсь прекраснаго съ низкимъ и безобразнымъ, граціознаго съ безвкуснымъ! Окончаніе пьесы, въ которомъ заключена вся мысль ея, стоило, чтобъ для нея выписать всю пьесу. Истинное эстетическое чувство и истинный критическій тактъ состоятъ не въ томъ, чтобъ, замѣтивъ несовершенство или дурныя мѣста въ произведеніи, отбросить его отъ себя съ презрѣніемъ, но чтобъ не пропустить немногаго хорошаго и во многомъ дурномъ оцѣнить его и насладиться имъ.

Впрочемъ, съ лиры Полежаева сорвалось нѣсколько произведеній безукоризненно-прекрасныхъ. Такова его дивная „Пѣснь Плѣннаго Ирокезца“,—этотъ высокій образецъ благородной силы въ чувствѣ и выраженіи:

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ.
Равнодушно они
Для забавы дѣтей
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!
Но стерплю, не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой;
И какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ.
Передъ сонмомъ тѣней восплю
Я безстрашную гибель мою!
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ!
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ,
И рекутъ они въ голосъ одинъ:
„Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ!“
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!
Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

Такова его прекрасная по мысли, хотя и не безусловно-непогрѣшительная по выраженію пьеса—„Божій Судъ“.

Есть духи зла—неистовыя чада
Благословеннаго творца,
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада;
А жизнь—мученье безъ конца.
Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній перстъ,
Изъ тьмы вѣковъ, эѳиръ одушевленный
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ—
Когда Творецъ торжественное слово
Въ премудрой благости изрекъ:
„Да будетъ прахъ величія основой!“
И всталъ изъ праха человѣкъ:
Тогда, предъ Нимъ свѣтлы, необозримы
Разстлались гордо небеса—
И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь—волшебная краса.
И ярче звѣздъ и солнца золотого,
Какъ іорданскія струи,
Вокругъ Его—Властителя Святого,
Вились архангеловъ рои.
И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ потупленнымъ челомъ!
Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ—
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.
Свершился судъ!... Могущая десница
Подъяла молніи и громъ—
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ.
Съ тѣхъ поръ враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ—
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.
Напрасно ждутъ преступные свободы—
Они противны небесамъ—
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный вниманъ!

Таковъ его переводъ пьесы Байрона „Вальтасаръ“, который нѣкогда былъ неправо присвоенъ себѣ однимъ стихотворцемъ и напечатанъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“, что и произвело большіе споры между этимъ журналомъ и „Галатеею“, гдѣ спорная пьеса была получена изъ настоящаго источника:

Царь на тронѣ сидитъ;
Передъ нимъ и за нимъ
Съ раболѣпствомъ нѣмымъ
Рядъ сатраповъ стоитъ.
Драгоцѣнный чертогъ
И блеститъ и горитъ;
И земной полубогъ
Пиръ устроить велитъ.
Золотая волна
Дорогого вина
Нѣжитъ чувства и кровь;
Звуки лиръ, юныхъ дѣвъ
Сладострастный напѣвъ
Возжигаютъ любовь.
Упоёнъ, восхищенъ—
Царь на тронѣ сидитъ,
И торжественный тронъ
И блеститъ и горитъ.

Вдругъ невѣдомый страхъ
У царя на челѣ
И унынье въ очахъ,
Обращенныхъ къ стѣнѣ.
Умолкаетъ звукъ лиръ
И веселыхъ рѣчей,
И разстроенный пиръ
Видитъ ужасъ очей:
Огневая рука
Исполинскимъ перстомъ,
На стѣнѣ предъ царемъ,
Начертала слова.
И никто изъ мужей,
И царевыхъ гостей,
И искусныхъ волхвовъ
Силы огненныхъ словъ
Изъяснить не возмогъ.
И земной полубогъ
Омрачился тоской.
И Еврей молодой
Къ Вальтасару предсталъ
И слова прочиталъ:
Мани, Факел, Фарес.
Вотъ слова на стѣнѣ:
Волю Бога небесъ
Возвѣщаютъ онѣ.
Мани, значитъ: Монархъ
Кончилъ царствовать ты!
Градъ у Персовъ въ рукахъ—
Смыслъ середней черты;
Фаресъ,—третье—гласитъ:
Нынѣ будешь убитъ!
Рекъ—исчезъ... Изумленъ,
Царь не вѣритъ мечтѣ;
Но чертогъ окруженъ
И... онъ мертвъ на щитѣ.

Есть у Полежаева нѣсколько пьесъ въ народномъ тонѣ; тонъ ихъ не вездѣ выдержанъ; но онѣ вообще показываютъ въ нашемъ поэтѣ большую способность къ произведеніямъ этого рода. Таковы: „У меня-ль молодца“, „Окно“, „Долго-ль будетъ вамъ безъ умолку идти“, „Тамъ на небѣ высоко“ и „Узникъ“. Послѣдняя особенно невыдержана и, несмотря на то, особенно прекрасна; вотъ лучшіе стихи изъ нея:

. . . . . .
Охъ, ты жизнь моя, молодецкая!
Отъ меня ли, жизнь, убѣгаешь ты,
Какъ бѣжитъ волна москворѣцкая
Отъ широкихъ стѣнъ каменной Москвы!
. . . . . .
Кто видалъ, когда на лихомъ конѣ
Проносился я степью знойною,
Какъ сдружился я, при сѣдой лунѣ,
Съ смертью раннею, безпокойною?
Какъ таинственно заговаривалъ
Пулю вѣрную и мятелицу,
И приласкивалъ и умаливалъ
Ненаглядную красну-дѣвицу.
Штофы, бархаты, ткани цвѣтныя
Саблей острою ей отмѣривалъ,
И заморскія вина свѣтлыя
Въ чашѣ недруговъ послѣ пѣнивалъ.
Знали всѣ меня—зналъ и старъ и младъ,
И широкій долъ, и дремучій лѣсъ;
А теперь на мнѣ кандалы гремятъ,
Вмѣсто пѣсенъ я слышу звукъ желѣзъ.

Какъ доказательство, что въ натурѣ Полежаева лежало много человѣческихъ элементовъ, выписываемъ его стихотвореніе на погребеніе дѣвушки:

Я видѣлъ смерти лютый пиръ,
Обрядъ унылый погребенья:
Младая дѣва вѣчный миръ
Вкусила въ мглѣ уничтоженья.
Не длинный рядъ экипажей,
Не черный флеръ и не кадилы,
Въ толпѣ придворныхъ и пажей
За ней толпились до могилы.
Ахъ, нѣтъ! простой досчатый гробъ
Несли чредой ея подруги,
И безъ затѣйливой услуги
Шелъ впереди приходскій попъ.
Семейный кругъ и въ день печали
Убитый горестью женихъ,
Среди ровесницъ молодыхъ,
Съ слезами гробъ сопровождали.
И вотъ уже духовный врачъ
Отпѣлъ послѣднюю молитву,
И вотъ сильнѣе вопль и плачъ...
И смерть окончила ловитву!
Звучитъ протяжно звонкій гвоздь,
Сомкнулась смертная гробница—
И предалась, какъ новый гость,
Землѣ безчувственной дѣвица.
Я видѣлъ все, въ нѣмой тиши
Стоялъ у пагубнаго мѣста,
И въ глубинѣ моей души
Сказалъ: прости, прости, невѣста!
Невольно мною овладѣлъ
Какой-то трепетъ чудной силой,
И я съ таинственной могилой
Разстаться долго не хотѣлъ.
Мнѣ приходили въ это время
На мысль невинныя мечты,
И грусти сладостное бремя
Принесъ я въ память красоты.
Я зналъ ее—она, играя,
Цвѣтокъ недавно мнѣ дала,
И вдругъ блѣднѣя, увядая,
Какъ цвѣтъ дареный, отцвѣла.

Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ и стихомъ: изысканность и неточность въ выраженіяхъ происходили у него отъ небрежности въ трудѣ и недостатка развитія. Онъ часто какъ-будто игралъ стихомъ, выбирая трудные по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна риѳма могла бы стать непреоборимымъ препятствіемъ. Можно ли выказать больше одушевленія, чувства и въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ въ пьесѣ „Пѣснь погибающаго пловца“, писанной двухстопными хореями съ риѳмами:

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный!
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ.
Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный,
Все мрачнѣе
Воютъ бездны!
Глубь безъ дна!
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый

Врагъ грозитъ,
Вотъ девятый
Валъ бѣжитъ!...
Горе, горе!
Онъ настигнетъ,
Въ шумномъ морѣ
Челнъ погибнетъ!
Гробъ готовъ!...
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ
Вздохъ пустынный
Разнесетъ!...
Даръ завѣтный
Провидѣнья,
Гость привѣтный
Наслажденья,—
Жизнь пль мигъ!
Не привыкъ
Утѣшаться
Я тобой,
И разстаться
Мнѣ съ мечтой!
Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный
Другъ свободы,—
Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ,
И оставилъ
Мирный брегъ!
На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ,
Я шутилъ
Грозной влагой,
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ!...
Какъ минутный
Прахъ въ эоирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любви
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгоралъ!
Парусъ бѣлый,
Перелетный,
Якорь смѣлый,
Беззаботный,
Тусклый лучъ
Изъ-за тучъ,
Проблескъ дали
Въ тьмѣ ночей,
Замѣняли
Мнѣ друзей!
Что-жъ мнѣ въ жизни
Безъизвѣстной,
Что въ отчизнѣ
Повсемѣстной?
Чѣмъ страшна
Мнѣ волна?
Пусть настигнетъ
Съ вѣчной мглой,
И погибнетъ,
Трупъ живой!
Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный!
Все мрачнѣе
Воютъ бездны!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

„Вальтасаръ“ можетъ служить доказательствомъ необыкновенной способности Полежаева переводить стихами. Только ему надо было переводить что-нибудь, гармонировавшее съ его духомъ, и преимущественно лирическія произведенія, по причинѣ субъективной настроенности его натуры. Но неразвитость его была причиною неудачнаго выбора пьесъ для перевода. Полежаевъ съ жадностію переводилъ водяныя „медитаціи“ Ламартина, которыя всего вѣрнѣе можно назвать „реторическими разглагольствованіями“. Онъ перевелъ ихъ съ полдюжины, и притомъ самыхъ длинныхъ. Переводы его прекрасны, и если чрезвычайно скучны, то это уже вина Ламартина, а не Полежаева.

Мы выше сказали, что натура Полежаева была чисто субъективная. Поэтому настоящимъ его призваніемъ была лирическая поэзія, и всѣ попытки его на поэмы были весьма неудачны. Поэма его „Коріоланъ“ отличается реторическимъ характеромъ; звучныхъ стиховъ въ ней много, но поэтическихъ весьма мало. Этому причиною и неразвитость его: онъ не понималъ ни духа римскаго народа, ни историческаго значенія избраннаго имъ героя. И потому, содержаніе его „Коріолана“—общія реторическія мѣста. То же можно сказать, не боясь ошибиться, и о другой его поэмѣ „Видѣніе Брута“. Даже и лирическія его произведенія, отличающіяся длинностью, относятся къ такимъ же неудачнымъ попыткамъ, какъ, напр., пьеса „Герменчугское Кладбище“. Впрочемъ, длинныя лирическія произведенія и у какого угодно поэта рѣдко бываютъ хорошими произведеніями.

Полежаевъ много писалъ въ сатирическомъ родѣ,—и это самыя неудачныя, самыя жалкія его попытки. Таковы: „Иманъ-Козелъ“, „День въ Москвѣ“, „Кредиторы“, „Чудакъ“, „Авторъ и Читатель“ и разныя мелочи. Всѣ онѣ отзываются дурнымъ тономъ харчевенъ и простонародныхъ ресторацій, и могутъ восхищать своимъ остроуміемъ развѣ ту почтенную публику, которая съ господскими шубами на рукахъ присутствуетъ въ корридорахъ театровъ и прихожихъ домовъ. Это происходило не отъ недостатка у поэта въ природномъ остроуміи, а отъ того круга общества, въ которомъ онъ погубилъ свой талантъ, свое счастіе и свою жизнь. Слѣдующая пьеска показываетъ, что онъ не чуждъ былъ юмористической веселости, но что ему

недоставало лишь тонкаго эстетическаго такта приличія:

Я былъ въ горахъ—
Какая радость!
Я былъ въ Таркахъ—
Какая радость!
Скажу не въ смѣхъ:
Аулъ Шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъ.
Большой и длинный,
Обмазанъ глиной,
Не чистъ внутри,
Не чистъ снаружи!
Мечети, съ три,
Ручьи да лужи,
Кладбище, ровъ,
Да рыбный ловъ,
Духанъ, пять лавокъ
И, наконецъ,
Всему вдобавокъ,
Вверху дворецъ
Преавантажный
И двухъэтажный,
Гдѣ князь Шамхалъ
Сидитъ и судитъ
Всѣхъ наповалъ.
Въ большомъ папахѣ,
Въ цвѣтной рубахѣ,
Румянъ и дюжъ,
Счастливый мужъ
По царству ходитъ
И юныхъ дѣвъ
И въ стыдъ и гнѣвъ
Нерѣдко вводитъ.

Нельзя не пожелать, чтобъ люди, имѣющіе право на собственность сочиненій Полежаева и такъ дурно издающіе ихъ, — издали бы ихъ опрятно, на хорошей бумагѣ, безъ искаженія стиховъ, безъ грамматическихъ ошибокъ, безъ опечатокъ, а главное съ разборомъ и съ толкомъ, исключивъ нелѣпыя сатирическія пьесы, о которыхъ мы говорили, и плоскія эпиграммы („Картина“, „Напрасное Подозрѣніе“), надутыя и пустозвонныя торжественныя оды („Въ память благотвореній“, „Геній“) и всѣ слабыя изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ. Безъ этого хлама книжка выйдетъ небольшая, зато прекрасная по содержанію и необходимая для каждаго любителя отечественной литературы. Можно, если угодно, включить въ нее и „Оскара Альфскаго“ и всѣ переводы изъ Ламартина и Делавиня, для почитателей этихъ поэтовъ и для образца способности Полежаева къ переводамъ; но въ такомъ случаѣ всѣхъ ихъ должно соединить въ одномъ отдѣлѣ, въ концѣ книги, не мѣшая съ мелкими пьесами. Можно включить въ нее и эпическіе опыты—„Коріолана“ и „Видѣніе Брута“, какъ фактъ ложнаго развитія сильнаго дарованія; но опять съ условіемъ— чтобъ они были помѣщены въ особомъ отдѣлѣ. Вотъ перечень мелкихъ пьесъ, которыя могутъ войти въ дѣльное изданіе сочиненій Полежаева: *Посвященіе другу его А. П. Л—му; Морни и тѣнь Кормала* (изъ Оссіана); *Вальтасаръ; Море; Водопадъ; Живой Мертвецъ; Ожесточенный; Провидѣніе; Цѣпи; Погребеніе; Вечерняя Заря; Пѣснь плѣннаго Ирокезца; Пѣснь погибающаго пловца; Любовь; Звѣзда; Пѣсня* („Зачѣмъ задумчивыхъ очей“); *У меня-ль молодца; Тамъ, на небѣ высоко; Романсъ* („Пышно льется свѣтлый Терекъ“); *Черкесскій романсъ; Ночь на Кубани; Черная Коса; Мертвая Голова; Гаремъ; Табакъ; Тарки; Цыганка; Раскаяніе; Лунный Свѣтъ* (Изъ В. Гюго); *Ахалукъ; Призваніе; Окно; Отрывокъ изъ Посланія къ А. П. Л—му; Черные Глаза; Божій Судъ; Негодованіе; Грѣшница; Грусть; Пѣсня* („Долго-ль будетъ вамъ безъ умолку идти“); *Прощаніе; Узникъ; Баю-баюшки-баю.* Сверхъ того, въ одномъ московскомъ журналѣ, чуть ли не въ „Галатеѣ“ 1830 года, былъ напечатанъ замѣчательный по своему поэтическому достоинству отрывокъ изъ какого-то большого стихотворенія Полежаева; мы не помнимъ его названія, но помнимъ стихи, которыми онъ начинается:

. . . . . И я въ тюрьмѣ...
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ,
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
У двери дремлетъ часовой...

Вотъ все, что̀ можетъ и должно войти въ порядочное изданіе стихотвореній Полежаева.

Отличительную черту характера и въ особенности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ: важны подвиги, въ которыхъ бы она проявилась; Раппо одаренъ чрезвычайною силою, но играть чугунными шарами, какъ мячиками—еще не значитъ быть героемъ. Такъ: но вѣдь все же не Раппо ходитъ смотрѣть на людей и дивиться имъ, а толпы людей ходятъ смотрѣть на него и дивиться ему. И въ сферѣ своихъ подвиговъ не выше ли онъ тѣхъ людей, которые почитаютъ себя силачами и, кряхтя подъ тяжестію не по силамъ, надрываясь отъ натуги, думаютъ удивлять людей силою!... Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейти въ потомство; мы безпристрастно высказали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемой браздами разума; но въ то же время мы хотѣли показать, что Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны; мы хотѣли показать, что источникъ

всякой поэзіи есть жизнь, что судьба всякаго могучаго таланта—быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія, и что, наконецъ, могутъ падать только сильные, замѣчательные таланты... При другихъ условіяхъ поэзія Полежаева могла бы развиться, расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что̀ имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи. Мы не обинуясь скажемъ, что изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся въ первое время Пушкина, исключая геніальнаго Грибоѣдова, который одинъ образуетъ въ нашей литературѣ школу, — несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе вниманія и памяти Полежаевъ и Веневитиновъ... Къ буйной и страдающей музѣ Полежаева можно примѣнить эти стихи Пушкина:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ...

Комета—явленіе безобразное, если хотите, но ея страшная красота для каждаго интереснѣе мгновеннаго блеска падучей звѣзды, случайно возникающей и безъ слѣда исчезающей на горизонтѣ ночного неба...

1842 г.

---

36. Педантъ.

Литературный типъ.

Эта небольшая статейка требуетъ, въ виду своей важности, обширнаго комментарія: съ нея ведетъ начало, какъ уже отмѣчено историками литературы, война Бѣлинскаго съ „москвитянами“, за которыми вскорѣ установится названіе „славянофиловъ“; въ частности, съ нея начинается жестокая война Бѣлинскаго съ „Москвитяниномъ“, органомъ формирующагося славянофильства.

Въ концѣ своего обзора литературы за 1840 годъ (наст. изд., т. I, статья № 26) Бѣлинскій писалъ: „въ Москвѣ издается съ нынѣшняго года новый журналъ „Москвитянинъ“. Главный редакторъ его—г. Погодинъ, главный сотрудникъ—г. Шевыревъ. Не беремся пророчить о судьбѣ новаго изданія, но смѣло можемъ поручиться, что оно есть предпріятіе честное, добросовѣстное, благонамѣренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное; что у него будетъ своя мысль, свое мнѣніе, съ которыми можно будетъ соглашаться и не соглашаться, но которыхъ нельзя будетъ не уважать, противъ которыхъ можно будетъ спорить, но нельзя будетъ браниться“... Бѣлинскій не предвидѣлъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ „Москвитянинъ“ подыметъ жестокую „брань“ и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ, и что самъ онъ, Бѣлинскій, первый сдѣлается предметомъ этой брани... Полемизируя съ „Отеч. Записками“ по поводу одной рецензіи, Шевыревъ напалъ прямо на „безыменнаго критика“—Бѣлинскаго [1]). Въ номерѣ шестомъ „Москвитянина“ за 1841 годъ Шевыревъ, скрывшись за подписью NN, яростно напалъ на безыменнаго „журнальнаго борзописца“, имѣя въ виду Бѣлинскаго; Шевыревъ негодовалъ, „что какой-нибудь журнальный писака, навеселѣ отъ нѣмецкой эстетики, которой самъ за незнаніемъ нѣмецкаго языка не читалъ, а о которой слышалъ, и то въ искаженномъ видѣ, изъ третьихъ устъ,—что такой непризванный судья, развалившись отчаянно въ креслахъ критика и размахавшись борзымъ перомъ своимъ, всенародно осмѣливается... праздновать шабашъ поэзіи и нравственности“... Возмущенный Бѣлинскій немедленно отвѣтилъ на эту несдержанную выходку рѣзкой отповѣдью („Отеч. Записки“, 1841 г., № 7), что̀ не помѣшало ему полгода спустя, въ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ, безпристрастно указать, что въ „Москвитянинѣ“ этого года „было нѣсколько превосходныхъ оригинальныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ“. Но какъ-разъ одновременно съ этимъ, въ январской книгѣ „Москвитянина“ за 1842 годъ, появилась рѣзкая статья Шевырева „Взглядъ на современное направленіе русской литературы“, въ которой характеризовалась „черная сторона“ этой современной литературы. Самыми черными красками былъ разрисованъ, разумѣется, Бѣлинскій,

---

[1]) О „безыменномъ критикѣ“ см. наши вступительныя замѣтки и статьи №№ 8, 25, 42 и др. Подробнѣе объ этой первой въ сороковыхъ годахъ стычкѣ Шевырева съ Бѣлинскимъ см. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. VI, а также шестой томъ полнаго собр. соч. Бѣлинскаго редакціи С. Венгерова, стр. 236—241 и 593—596.

подъ названіемъ „рыцаря безъ имени“, прикрывающаго свое невѣжество „цѣльной, изъ одного куска литой броней наглости“, „безъименнаго рыцаря, въ маскѣ и забралѣ, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою“.. Намекая на статью „Русская литература въ 1840 году“ и на выраженное въ ней Бѣлинскимъ сознаніе собственнаго значенія въ литературѣ (см. наше послѣднее примѣчаніе въ этой статьѣ—т. I, статья № 26), Шевыревъ восклицаетъ: „бойкій рыцарь, въ порывѣ заносчивости, дошелъ до того, что однажды уничтожилъ всю русскую литературу и публику, за исключеніемъ двухъ или трехъ именъ и своего журнала, съ котораго онъ полагаетъ настоящее несомнѣнное ея начало“... Далѣе, называя Бѣлинскаго „литературнымъ бобылемъ“, „наемнымъ перомъ“ и „послѣднимъ внукомъ литератора-промышленника“ (намекъ на Полевого, съ которымъ пятнадцатью годами ранѣе Шевыревъ велъ такую же ожесточенную войну), Шевыревъ презрительно замѣчаетъ, что уваженіе и похвала этого „безыменнаго рыцаря“ настолько же оскорбительны, какъ и его неуваженіе къ авторитетамъ (очевидно, Шевыревъ имѣетъ въ виду похвалы Бѣлинскаго Гоголю, особенно въ статьяхъ о „Горѣ отъ ума“ и „Русской литературѣ въ 1840 году“). Наконецъ, Шевыревъ рѣзко нападаетъ на Бѣлинскаго,—этого „безыменнаго рыцаря“, на щитѣ котораго кривыми буквами написано слово: „убѣжденіе“—за непостоянство его убѣжденій: „если бы это убѣжденіе было постоянно и вѣрно—...еще можно было бы его уважать. А когда видишь, что оно такъ часто мѣняется и падаетъ иногда на предметы, совершенно того недостойные, что рыцарь сегодня скажетъ одно, а завтра другое, и всѣ противорѣчія прикрываетъ однимъ и тѣмъ же щитомъ своимъ, то подъ конецъ еще болѣе отвращаешься отъ такой маски“... Въ такомъ же тонѣ продолжалось и дальше это нападеніе, далеко не безопасное, по тогдашнимъ временамъ, для Бѣлинскаго.

Бѣлинскій съ конца декабря 1841 года по середину января 1842 года гостилъ въ Москвѣ у Боткина, когда появилась январская книга „Москвитянина“ съ этой статьей Шевырева. „Идея *Педанта* мгновенно блеснула у меня въ головѣ еще въ Москвѣ, въ домѣ М. С. Щепкина, когда Кетчеръ прочелъ тамъ вслухъ статью Шевырки,—писалъ Бѣлинскій Боткину 14 марта 1842 г.:—еще не зная, какъ и что отвѣчу я,—я, по впечатлѣнію, произведенному на меня доносомъ Шевырки, тотчасъ же понялъ, что напишу что-то хорошее“... Такъ появился „Педантъ“, гдѣ въ лицѣ „Ліодора Ипполитовича Картофелина“ мы имѣемъ портретъ Шевырева во всю его величину. Изъ всѣхъ злобныхъ выходокъ Шевырева только одна—о „перемѣнчивости“ убѣжденій Бѣлинскаго—имѣла въ то время хоть нѣкоторое внѣшнее основаніе (ибо у всѣхъ были еще въ памяти его столь различныя статьи 1839—1840 и 1841 годовъ); Бѣлинскій же, наоборотъ, далъ великолѣпный и живой портретъ Шевырева, не только съ темными, но и съ его свѣтлыми сторонами. Онъ указываетъ на безкорыстность, честность и довѣрчивость Шевырева, которыми такъ безцеремонно пользовался издатель „Москвитянина“ Погодинъ, выведенный въ настоящей статьѣ подъ именемъ „литературнаго циника“, „ловкаго промышленника“, „хитраго антрепренера“; Бѣлинскій признаетъ и несомнѣнную ученость и эрудицію Шевырева (вспомнимъ, какъ много пользовался Бѣлинскій цитатами изъ его книгъ — см. статьи №№ 24, 27 и др.), но тѣмъ безпощаднѣе вскрываетъ онъ все „педантство“ этой учености, отсутствіе художественнаго и критическаго чувства, полное непониманіе литературныхъ явленій современности. Какъ профессоръ древней русской письменности, Шевыревъ былъ на своемъ мѣстѣ, но на свою бѣду онъ хотѣлъ быть еще и критикомъ, хотѣлъ судить и безапелляціонно оцѣнивать явленія современной литературы. Здѣсь онъ, оцѣнивъ до нѣкоторой степени Гоголя, высказалъ самыя невѣроятныя сужденія о Пушкинѣ, о Лермонтовѣ, о Бѣлинскомъ... Достаточно прочесть статью „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ (см. статью № 7), чтобы имѣть полное понятіе о Шевыревѣ; въ настоящей статейкѣ Бѣлинскій только свелъ въ одинъ яркій фокусъ всѣ характерныя черты этого „педанта“. Ударъ былъ тяжелый и попалъ прямо въ цѣль.

„Спасибо тебѣ за вѣсти объ эффектѣ *Педанта*,—писалъ Бѣлинскій Боткину (31-го марта 1842 г.):—отъ нихъ мнѣ нѣкоторое время стало жить легче. Чувствую теперь вполнѣ и живо, что я рожденъ для печатныхъ битвъ, и что мое призваніе, жизнь, счастіе, воздухъ, пища—*полемика*“... И пять лѣтъ спустя, вспоминая въ письмѣ къ Боткину (отъ 26 февр. 1847 г.) о „Педантѣ“, Бѣлинскій говорилъ: „я не юмористъ, не острякъ; иронія и юморъ—не мои оружія. Если мнѣ удалось въ жизнь мою написать статей пятокъ, въ которыхъ иронія играетъ видную роль и съ бо́льшимъ или меньшимъ умѣніемъ выдержана — это произошло совсѣмъ не отъ спокойствія, а отъ крайней степени бѣшенства, породившаго своею сосредоточенностію другую крайность — спокойствіе. Когда я писалъ „типъ“ на Шевырева...—я былъ не красенъ, а блѣденъ, и у меня сохло во рту, отъ чего на губахъ и не было пѣны... Я принужденъ дѣйствовать

внѣ моей натуры, моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по лисьи"... Дѣйствительно, Бѣлинскій былъ прирожденнымъ полемистомъ, и такимъ онъ обрисовался, несмотря на цензурныя „обстоятельства", съ самаго начала своей критической дороги; его удары всегда были мѣтки и тяжелы, „сосредоточенное спокойствіе" его ироніи—безпощадно. Недаромъ Панаевъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что когда Бѣлинскій переѣхалъ въ 1839 г. въ Петербургъ и сталъ ближайшимъ сотрудникомъ „Отеч. Записокъ", то этотъ его пріѣздъ „надѣлалъ большого шуму" въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ, въ которыхъ Бѣлинскаго „ненавидѣли и въ то же время страшно боялись" („Воспоминанія о Бѣлинскомъ"). Тамъ же Панаевъ описываетъ происшедшую въ это же время встрѣчу свою и Бѣлинскаго на Невскомъ съ Булгаринымъ: „извините, почтеннѣйшій(сказалъ Булгаринъ, остановивъ Панаева), извините... Скажите, пожалуйста, кто это съ вами идетъ?—Бѣлинскій.—А! а!... Такъ это бульдогъ-то, котораго выписали изъ Москвы, чтобы травить насъ?" Я передалъ эти слова Бѣлинскому,—продолжаетъ Панаевъ:—это очень забавляло его, и онъ потомъ часто повторялъ, что Булгаринъ называетъ его *бульдогомъ*"... Объ этомъ разсказываетъ и самъ Бѣлинскій (въ письмѣ къ Боткину отъ 22 ноября 1839 г.); этимъ объясняется и псевдонимъ, которымъ подписана настоящая статья. И когда Боткинъ не сумѣлъ разгадать псевдонима, то Бѣлинскій шутливо писалъ ему (14 марта 1842 г.): „съ чего ты взялъ смѣшивать мизерную особу И. П. Клюшникова съ благородною особою Петра Бульдогова? И какъ ты въ величавомъ образѣ сего часто упоминаемаго Петра Бульдогова могъ не узнать друга твоего Виссаріона Бѣлинскаго, всегда съ пѣною у рта и поднятымъ вверхъ кулакомъ—для выраженія сильныхъ ощущеній, волнующихъ сего достойнаго человѣка?"

„Педантъ" былъ оглушительнымъ отвѣтомъ на злобныя инсинуаціи Шевырева; и если Боткинъ не сразу узналъ въ Бульдоговѣ Бѣлинскаго, то Шевыревъ „по когтямъ узналъ въ минуту", съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ заперся дома и съ недѣлю не показывался въ обществѣ. Въ кругу „москвитянъ" статья эта вызвала взрывъ негодованія, ярко изображенный въ письмѣ Боткина къ Краевскому (отъ 14 марта 1842 г.; см. Пыпинъ, „Бѣлинскій", стр. 396); „Боже мой,—писалъ Боткинъ,—какъ „москвитяне" поносятъ... Виссаріона, и чѣмъ не называютъ его!!!..." Такимъ образомъ „Педантъ" былъ послѣдней причиной окончательнаго разрыва между „москвитянами", т.-е. славянофилами, и западниками. Къ Погодину и Шевыреву примкнули Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ и скоро были объединены названіемъ „славянофиловъ"; уже гораздо позднѣе увидѣли необходимость различать — и впервые это отмѣтилъ Чернышевскій — прогрессивное во многомъ славянофильство отъ реакціоннаго погодинско-шевыревскаго національнализма, но въ эпоху Бѣлинскаго они были неразличимы и неразлучимы. А между тѣмъ именно эти послѣднія черты были особенно ненавистны Бѣлинскому, именно съ ними онъ началъ прежде всего борьбу. Когда Шевыревъ въ своей первой статьѣ „Взглядъ русскаго на современное образованіе Европы" („Москвитянинъ", 1841 г., № 1) торжественно провозгласилъ какъ-бы отъ имени „москвитянъ", заранѣе опошляя этимъ позднѣйшія глубокія мысли Герцена,—когда Шевыревъ провозгласилъ, что Западъ сгнилъ, что Европа—разлагающійся трупъ или, въ лучшемъ случаѣ—„человѣкъ, носящій въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженный атмосферою опаснаго дыханія",—когда Шевыревъ провозгласилъ все это, а нѣкоторые публицисты подхватили эту благодарную тему, то Бѣлинскій, въ отмѣченной нами выше замѣткѣ середины 1841 года („Отеч. Записки", № 7), далъ рѣзкую отповѣдь этой гипертрофіи національнализма. „Какъ можно писать и печатать подобныя вещи въ 1841-мъ году отъ Р. Х.? — восклицалъ съ негодованіемъ Бѣлинскій.—Европа, изволите видѣть, окружена атмосферою опаснаго дыханія, полна скрытаго яда; она будущій трупъ, которымъ уже и пахнетъ...?!! Помилуйте! Да вѣдь это хула на науку, на искусство, на все живое, человѣческое, на самый прогрессъ человѣчества!..." И въ настоящей статьѣ Бѣлинскій касается вопроса объ отношеніи „педанта" къ Западу, высмѣивая его курьезныя сопоставленія Европы и Россіи.

Такъ началась борьба западничества со славянофильствомъ, и вотъ почему эта маленькая статья Бѣлинскаго имѣетъ такое большое значеніе въ исторіи русской мысли. Полгода спустя Бѣлинскій вынужденъ былъ выступить противъ своего былого близкаго друга—К. Аксакова (см. ниже, статьи №№ 38 и 39), одного изъ главныхъ представителей „москвитянъ"; и чѣмъ дальше, тѣмъ больше разгорался этотъ бой, эта борьба двухъ системъ міровоззрѣній, за которою мы еще будемъ слѣдить. Мы увидимъ тогда (см. т. III, ст. 64 и 65), что не въ однихъ политическихъ и соціальныхъ разногласіяхъ лежали причины борьбы и распаденія русской интеллигенціи на двѣ враждебныя группы; причины лежали глубже—въ реалистическомъ міропониманіи западниковъ и мистическомъ

міровосчувствованіи представителей славянофильства. Но, разумѣется, такіе серединные люди, какъ Погодинъ и Шевыревъ, только по недоразумѣнію считались представителями одной изъ этихъ враждующихъ сторонъ.

Переживъ тяжелую духовную ломку въ 1839—1841 гг., Бѣлинскій начиналъ приходить теперь къ новой вѣрѣ, къ „соціальности“, къ соціализму; къ реалистическому міропониманію онъ пришелъ уже давно. Мы подходимъ теперь къ тѣмъ статьямъ Бѣлинскаго, въ которыхъ отразились эти новые его взгляды, уже отразившіеся отчасти и въ предыдущихъ статьяхъ настоящаго тома. Настоящая статья, повторяемъ это еще разъ, имѣетъ большое значеніе, какъ грань, съ которой начинается послѣдовательная борьба западничества и славянофильства; не менѣе интересна она и для характеристики полемической силы „неистоваго Виссаріона“, котораго недаромъ трепетали его противники.

И.-Р.

Всѣмъ ученымъ и образованнымъ людямъ вѣдомо, что словесность, т.-е. литература, должна имѣть цѣлію — *поучать, услаждая*. Покойный Мерзляковъ, великій знатокъ и учитель по части изящнаго, даже перевелъ (и прекрасно), кажется, изъ Тасса, чудесные стишки на этотъ счетъ:

Такъ врачъ болящаго младенца *ко* устамъ
Несетъ фіалъ, сластьми унитанъ по краямъ:
Счастливецъ обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье,
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Другими словами: литература есть искусство „золотить пилюли“. Мораль—дѣло хорошее, спору нѣтъ, но и скучное, горькое—противъ чего опять никто спорить не будетъ; слѣдовательно надо же ее подслащать, *разсычать*, чтобъ она достигала своей цѣли, т.-е. исправляла нравы, дѣлала дурака умнымъ, пьяницу трезвымъ, взяточника и казнокрада — безкорыстнымъ, бездарнаго писаку отучала отъ пера, ябедника и клеветника отъ ложныхъ доносовъ...

Далѣе, всей просвѣщенной Европѣ извѣстно, что „идеалъ“ есть не что иное, какъ собраніе въ одну фигуру разныхъ чертъ, разбросанныхъ въ природѣ и дѣйствительности,—а отнюдь не сама дѣйствительность въ возможности. Творчества тутъ не нужно; хотите изобразить красавицу—приглядывайтесь ко всѣмъ красавицамъ, которыхъ имѣете случай видѣть; у одной срисуйте носъ, у другой глаза, у третьей губы и т. д.—такимъ образомъ вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти опредѣленія—„литературы“ и „идеала“—чрезвычайно основательными и вѣрю имъ безусловно. Особенно хороши они тѣмъ, что, во-первыхъ, избавляютъ автора отъ необходимости имѣть талантъ и фантазію, а во-вторыхъ, уничтожаютъ возможность писать такія изображенія, въ которыхъ всякій, кто-бъ ни былъ, могъ узнать себя и, вслѣдствіе этого, жаловаться на личности...

Само собою разумѣется, что этотъ взглядъ на „литературу“ и „идеалы“ особенно удобенъ для „типовъ“ въ родѣ тѣхъ, которые теперь извѣстны подъ именемъ „Нашихъ“ [1]). Гоголь сказалъ великую правду, что „у насъ если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесоры, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно пріймутъ на свой счетъ“. Поэтому, я нахожу гораздо приличнѣе и удобнѣе изображать такіе типы, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ дѣйствительности, но которые были бы очень смѣшны: чрезъ это авторъ достигнетъ двухъ цѣлей разомъ—доставитъ удовольствіе своимъ читателямъ и никого не обидитъ.

Вотъ причины, которыя заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сдѣлать очеркъ одного изъ такихъ *педантовъ*, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ, но которые могутъ существовать въ праздномъ воображеніи человѣка, подобно мнѣ, имѣющаго свободное время для бумагомаранія. Если мой педантъ не разсмѣшитъ васъ и не доставитъ вамъ удовольствія—это обнаружитъ только мое неумѣнье и мою безталантность. Я нарочно взялъ предметъ для типа изъ такой сферы, которая у насъ не представляетъ собою ни сословія, ни касты. Всѣ эти мои оговорки проистекаютъ изъ рокового предчувствія, что мой типъ, вмѣсто улыбки, возбудитъ въ васъ зѣвоту, вмѣсто того, чтобъ разсмѣшить, усыпитъ васъ; ибо—признаюсь вамъ—я не слишкомъ-то полагаюсь на свой талантъ по части типовъ... „Такъ зачѣмъ же беретесь?“ скажете вы. Во-первыхъ, хочется попробовать—„авось-либо“—великое слово для русскаго человѣка, который многое дѣлаетъ на „авось“; потомъ, неотвязчивыя просьбы пріятелей: „вы-де знаете педантовъ и можете ихъ изобразить; теперь-де типы въ модѣ, *наши* въ ходу; да кто вамъ сказалъ, что вы

---

[1]) „Наши, списанные съ натуры русскими“—роскошное по тому времени изданіе, по образцу аналогичнаго парижскаго („Les Français, peints par eux-mêmes“), заключавшее въ себѣ рядъ „физіологическихъ очерковъ“ различныхъ типовъ—„Няни“, „Гробовщика“, „Шарманщика“, „Водовоза“, „Армейскаго офицера“ и т. п.; каждый очеркъ сопровождался соотвѣтственнымъ рисункомъ. Изданіе это пользовалось большимъ успѣхомъ.

не можете? вы человѣкъ съ дарованіемъ"... Что будешь дѣлать! Вы не знаете, что̀ это за народъ—мои пріятели! Какъ пристанутъ—непремѣнно уговорятъ; станутъ вамъ доказывать, что вы человѣкъ съ дарованіемъ—право, сочините романъ, хотя бы всю жизнь занимались математикою, или сельскимъ хозяйствомъ... Ну, что ни будетъ—начинаю и, для успокоенія крѣпко-бьющагося сердца, прошу васъ еще замѣтить, что это не типъ собственно, а скорѣе очеркъ, или проектъ для типа...

Не воображайте себѣ моего педанта человѣкомъ старымъ, сѣдымъ, беззубымъ, добрымъ и глупымъ, обожателемъ Хераскова, поклонникомъ Сумарокова, послѣдователемъ философіи Баумейстера, піитики Аполлоса и реторики г. Толмачева: то педантъ добраго стараго времени, педантъ-покойникъ,—миръ праху его! Нѣтъ, я хочу вырѣзать вамъ силуетъ педанта новѣйшихъ временъ, педанта-романтика, который такъ молодъ, что еще и не родился на свѣтъ; такъ вамъ знакомъ, что вы не повѣрите мнѣ, чтобъ его можно было найти и на лунѣ, не только на землѣ. Но если ужъ болтать, то надо болтать обстоятельно, дѣлая видъ, что говоришь правду; въ этомъ-то и все смѣшное моего типа... Мой педантъ — сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Не претендуя на богатство, онъ претендуетъ на знатность рода. Зовутъ моего педанта: *Ліодоръ Ипполитовичъ Картофелинъ*. Росту онъ весьма небольшого; въ молодости былъ сухощавъ и тщедушенъ, а теперь довольно осанистъ и имѣетъ брюшко, нѣсколько четвероугольное и похожее на фоліантъ. Если бъ не досада на успѣхи другихъ и на свои собственныя неудачи увѣрить свѣтъ въ своей геніальности, мой педантъ былъ бы такъ толстъ, что, при малости роста, походилъ бы на огромное in-quarto. Глаза у него сѣрые, а волосы средніе между русыми и рыжеватыми; на правой щекѣ бородавка съ довольно длинною косичкою. Не помню, когда онъ родился; знаю, что въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда всѣ журналы наши превратились въ толки о классицизмѣ и романтизмѣ, Картофелинъ воспитывался въ единственномъ пансіонѣ губернскаго города, въ которомъ родился. Пансіонъ содержался обрусѣвшимъ Нѣмцемъ—назовемъ его хоть Гофратомъ (я слышалъ, что всѣ Нѣмцы—гофраты). Картофелинъ обнаруживалъ блестящія способности и былъ первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ, особенно по части россійской словесности. Прилежаніе его было примѣрно; поведеніе соотвѣтствовало прилежанію. На торжественныхъ актахъ онъ всегда говорилъ передъ публикою рѣчи и стихи, въ низшихъ классахъ — сочиненія своихъ учителей, а въ высшихъ—собственнаго издѣлія. Онъ первый подбилъ товарищей издавать журналъ, разумѣется, писанный, и каждую недѣлю по рукамъ мальчиковъ ходила чисто и аккуратно переписанная рукою Картофелина тетрадка, подъ названіемъ „Сѣверная Флора, № такой-то". Тетрадка почти вся состояла изъ сочиненій Картофелина, или *Безбрежина*, какъ онъ называлъ себя на романтическомъ языкѣ: тутъ были стихи, повѣсти, критика и смѣсь. Стихи и критика всегда были сочиненія Ліодора Безбрежина: онъ объявилъ себя монополистомъ этихъ двухъ отдѣленій. Г. Гофратъ чуть не плакалъ отъ умиленія при видѣ успѣховъ и всеобъемлющей дѣятельности свѣтила своего пансіона: послѣ каждаго новаго романтическаго стихотворенія онъ бралъ Картофелина за уши, слегка приподнималъ и нѣжно цѣловалъ въ голову. Всѣ ученики смотрѣли на него, какъ на генія; а учитель словесности, учившійся нѣкогда по Бургію и, слѣдовательно, классикъ поневолѣ, даже побаивался его. Обремененный лаврами, мой Картофелинъ, сей внукъ (увы, *не послѣдній!*) Василія Кирилловича Тредіаковскаго, пріѣхалъ въ одну изъ столицъ нашихъ,—положимъ, въ Москву. Не помню, что̀ онъ дѣлалъ нѣсколько лѣтъ; но вотъ онъ является учителемъ „россійской словесности"... Да, я непремѣнно хочу сдѣлать моего педанта учителемъ словесности: знаменитый дѣдъ всѣхъ педантовъ, Василій Кирилловичъ Тредіаковскій, былъ „профессоромъ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ": одной этой причины уже слишкомъ достаточно, чтобъ я сдѣлалъ моего педанта учителемъ „россійской словесности"; сверхъ того, я убѣжденъ отъ всей души, что никакое званіе такъ не идетъ къ педанту, какъ званіе учителя „россійской словесности". Да, эта „россійская словесность" преимущественно сподручна для шарлатановъ и педантовъ: въ нее можно класть, что̀ угодно, и оттуда можно вынимать какія угодно теоріи, безъ опасенія заплатить пошлину за болтовню. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ всякій учитель словесности былъ педантъ—смѣшно и странно было бы питать такую исключительную и ложную мысль! Хорошіе и достойные люди есть вездѣ. Я хочу только сказать, что педантъ непремѣнно долженъ быть учителемъ россійской словесности.

Но мой педантъ не ограничился однимъ учительствомъ: онъ, какъ и слѣдовало ожидать, пустился въ литературу. Всѣ альманахи и журналы были наполнены его стихами. Стихи были гладки, но тяжелы; полны мыслей,—но эти мысли отзывались чѣмъ-то напряженнымъ, изысканнымъ и дикимъ, такъ

что снутри походили на совершенную безсмыслицу—не только безсмыслицу, а снаружи казались чрезвычайно глубокими и возвышенными. Хотя толпа болѣе видитъ снаружи, чѣмъ снутри, однако она не читала стиховъ Картофелина, и осталась при одномъ уваженіи къ нимъ. Въ то время одинъ ловкій промышленникъ основалъ журналъ, который, по его плану, долженъ былъ отличаться добросовѣстностію, ученостію и безкорыстіемъ. Послѣдняя статья касалась исключительно однихъ *сотрудниковъ*; издатель же имѣлъ о ней свое понятіе, которое не почиталъ нужнымъ объяснять во всеуслышаніе. Хитрый антрепренеръ тотчасъ смекнулъ, что̀ за птица Картофелинъ. Онъ понялъ, что этотъ чернильный витязь готовъ трудиться до кроваваго поту изъ одной „славы“, изъ одного удовольствія каждый день пересчитывать, сколько новыхъ строкъ прибавилось у него къ числу уже написанныхъ: чистое и благородное удовольствіе всѣхъ педантовъ! О, педантъ похожъ въ этомъ отношеніи на скрягу, который, отходя ко сну, пересчитываетъ, сколько рублей и копѣекъ прибыло у него съ утра... Журналистъ не ошибся: Картофелинъ оказался для него золотымъ человѣкомъ: онъ взвалилъ на себя всю работу, а разживу предоставилъ хозяину, который, впрочемъ, почелъ нужнымъ, изъ приличія, увѣрить его, что небольшія выгоды отъ журнала онъ употребляетъ на изданіе полезныхъ книгъ и вспомоществованіе бѣднымъ людямъ, а самъ питается безкорыстною любовію къ наукѣ и высокими мыслями. Добродушный педантъ повѣрилъ: онъ былъ столько же безкорыстенъ, честенъ и довѣрчивъ, сколько и опрометчивъ... И это нисколько не удивительно: ограниченность такъ часто соединяется съ добродушною честностью—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не раздразнятъ, умышленно или неумышленно, ея мелкаго самолюбія...

Но вотъ что многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ: прозаическими статьями своими Картофелинъ обратилъ на себя общее вниманіе, какъ человѣкъ со вкусомъ, умомъ и дарованіемъ,—и я долженъ сознаться, что такое мнѣніе о Картофелинѣ было только преувеличено, но въ основаніи не совсѣмъ несправедливо. Мой педантъ—изволите видѣть—дѣйствительно не безъ ума и не безъ способностей; онъ только ограниченъ, но не глупъ, только мелочно-самолюбивъ, но не бездаренъ; послѣднія достоинства онъ, въ качествѣ педанта, долженъ пріобрѣсти впослѣдствіи, когда мелкое самолюбіе его, въ союзѣ съ лѣтами, задавитъ въ немъ то немногое, что̀ дала ему природа. Притомъ же, обстоятельства времени много способствовали Картофелину прослыть даже геніемъ — по крайней мѣрѣ, въ кругу своихъ пріятелей и товарищей по пансіону—сотрудниковъ рукописной „Сѣверной Флоры“: педанты прежнихъ временъ тащились по избитой колеѣ Баттё и Лагарповъ, а мой Картофелинъ принялся за нѣметчину. Малой онъ былъ работящій, прилежный; память у него была здоровая; нѣмецкому языку онъ былъ выученъ еще въ дѣтствѣ. Я увѣренъ, что по инстинкту онъ выбралъ бы своими героями Клопштока и Николаи, но слава Гёте и Шиллера тогда была уже во всемъ своемъ колоссальномъ величіи, а Шлегелей тогда еще считали великими людьми:—такъ ему, знаете, при готовыхъ понятіяхъ чужимъ умомъ и при фразистомъ языкѣ не трудно было показаться не тѣмъ, что̀ онъ есть... Притомъ же, въ молодости всякій человѣкъ живѣе, а слѣдственно и умнѣе, чѣмъ въ старости, и по инстинкту отстаиваетъ новое противъ стараго... Впрочемъ, и тогда уже многіе замѣчали въ слогѣ Картофелина что-то пухлое, дряблое, какую-то искусственную простоту и натянутую оригинальность, что-то отзывающееся солодковымъ корнемъ и сытою... И эти люди не ошиблись, какъ увидимъ ниже.

Вотъ поѣхалъ мой педантъ за границу—вы думаете, въ Германію?—Я самъ то же думалъ сперва, но моя фантазія велитъ мнѣ послать его въ страну *филологовъ* и *комментаторовъ*, гдѣ на каждый стихъ великаго поэта написано по сту тысячъ томовъ объясненій и примѣчаній. Не знаю, что̀ онъ тамъ дѣлалъ цѣлыя семь лѣтъ, но знаю, что присылалъ оттуда предикія стихотворенія [1]).

---

[1]) Къ настоящему мѣсту относятся слѣдующія слова Бѣлинскаго: „статейка была недурна, да цензурный комитетъ выкинулъ все объ Италіи и стихи Полевого—злую пародію на стихи Шевырки“ (письмо къ Боткину отъ 14 марта 1842 г.). „Стихи Шевырева“—это, разумѣется, знаменитыя его „италіанскія октавы“—см. т. I, стр. 278—279. Приводимъ здѣсь, кстати, эти октавы Полевого; если ихъ сравнить съ подлинными октавами Шевырева (см. указанное мѣсто въ т. I), то можно, пожалуй, принять подлинникъ за пародію и наоборотъ:

Италія, торкватова земля,
Гдѣ вьется плющъ и виноградъ алѣетъ,
Гдѣ златомъ нивъ подернулись поля,
Гдѣ миртъ и лавръ отрадно зеленѣетъ,
Гдѣ, грузъ заботъ отъ сердца удаля,
Все радостью безумною пестрѣетъ,
Гдѣ лаццаронъ съ гитарою лежитъ
И гдѣ Везувій блещетъ и горитъ!

Твой стихъ живой, веселый и игривой
Давно Москвѣ усвоилъ Пискуновъ;
Давно своей онъ музѣ говорливой
Октаву сшилъ изъ ломаныхъ стиховъ,
И показалъ Италіи хвастливой
Отвагу русскихъ удалыхъ пѣвцовъ,—
Хоть правду намъ сказать съ другого слова:
Избавь насъ Богъ октавы Пискунова!

Это было напечатано Полевымъ еще въ „Телеграфѣ“ 1830 года. Разумѣется, вмѣсто „Пискуновъ“ надо было читать—„Шевыревъ“.

Наконецъ, мой Картофелинъ возвращается въ любезное отечество... Боже мой, какъ онъ перемѣнился! Поѣхалъ молодымъ литераторомъ, котораго настоящую цѣну немногіе понимали, а воротился педантомъ, котораго значеніе уже всѣмъ ясно... Сѣмена принесли плоды, и натура сказалась... Начнемъ съ того, что онъ пріѣхалъ съ брюшкомъ—доказательство, что онъ страдалъ о судьбѣ человѣчества въ своихъ стишонкахъ... Натянутая важность лица, при смѣшной фигурѣ и кругломъ брюшкѣ, сдѣлала его похожимъ на лягушку, которая, въ баснѣ Езопа, хочетъ раздуться въ вола. Самолюбіе его дѣйствительно раздулось, какъ прыщъ: страшно и гадко прикоснуться къ нему. Общество педантъ сталъ принимать за свое училище, салонъ за аудиторію, свѣтскихъ людей—за школьниковъ: говоритъ все свысока, словно лекцію читаетъ, и если кто не слушаетъ его съ благоговѣніемъ, на тѣхъ смотритъ онъ презрительно, и если кто заговоритъ, хотя бы на противоположномъ концѣ залы, онъ посмотритъ на того, какъ Юпитеръ олимпійскій, съ гнѣвомъ и помаваніемъ бровей... Любимый разсказъ его о томъ, какъ онъ ходилъ въ Парижѣ на поклоненіе къ великому романисту [1]). Въ Германіи педантъ былъ проѣздомъ; она ему не понравилась. „Нѣмцы,—говорилъ онъ,—раздружились, въ своей отвлеченности, съ жизнію; они презираютъ величайшую изъ наукъ — филологію; они предпочитаютъ ей философію, это буйное обожествленіе разума... Я былъ въ Берлинѣ,—и мой бѣдный черепъ трещалъ отъ мудреныхъ вещей, которыя слышалъ я въ тамошнемъ университетѣ... Нѣмцы забыли великаго Бахмана и предпочитаютъ ему сухого, отвлеченнаго, схоластическаго Гегеля, этого Андрамелеха новѣйшей философіи". Педантъ мой говоритъ голосомъ важнымъ, протяжнымъ и тихимъ, нѣсколько переходящимъ въ фистулу, какъ будто отъ изнурительной полноты ощущеній въ пустой груди, какъ будто бы отъ изнеможенія вслѣдствіе частой декламаціи ex officio. Въ школу онъ приноситъ съ собою графинъ сахарной воды, которою запиваетъ почти каждую свою фразу... И вотъ, въ порывѣ моего *типическаго* вдохновенія, мнѣ кажется, что я вижу его на учительскомъ стулѣ, возсѣдающаго съ приличною важностію, слышу его чахоточный голосъ, безпрестанно прерывающійся отъ полноты педантическаго самодовольствія и хлебковъ сахарной воды: „Милостивые государи! я былъ тамъ и тамъ, а вы не были; но это ничего: послѣ того, что̀ я разскажу вамъ о тѣхъ странахъ—вамъ покажется, что вы сами тамъ были... Нѣмцы вздумали мирить философію съ жизнію—они воображаютъ, что можно эту цвѣтущую жизнь сдѣлать содержаніемъ бездушныхъ логическихъ формулъ... Нѣмцы не любятъ буквы... а я, господа, я—признаюсь—люблю букву... Вотъ я было-вздумалъ прочесть эстетику Гегеля, но принужденъ былъ бросить ее подъ столъ: помилуйте, господа, вѣдь книги пишутся для удовольствія, а не для ломанія головы..." Литературы педантъ, конечно, не оставилъ, но его дѣятельность уже измѣнилась: о Нѣмцахъ и нѣмецкомъ онъ уже—ни слова... Слогъ его сталъ дикъ до послѣдней степени. Желая поднять до седьмого неба повѣсти своего пріятеля, онъ говоритъ, что его пріятель выдвинулъ всѣ ящики въ многосложномъ бюро человѣческаго сердца [1])... Начиная восхищаться родиною, онъ дѣлаетъ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: что если бы наша Волга, забравъ съ собою Оку и Каму, да соединившись съ Леною, Енисеемъ, Обью и Днѣпромъ, взлѣзла на Альпы, да оттуда — у-у-у-у-у! на всѣ концы Европы: куда бы дѣвались всѣ эти Французишки, Нѣмчура?... [2]). Не правда ли, подобные вопросы приличны только или педанту, или крестьянскому мальчику, который говоритъ: „а что, тятя, коли бъ нашъ чалый меринъ-то сдѣлался бурою коровою — вѣдь мама молочка еще бы дала мнѣ?"... Вы смѣетесь, читатели? моя выходка вамъ кажется фарсомъ, плоскою шуткою? Смѣйтесь, а я стою на томъ, что педантъ еще и не то въ состояніи написать. Вѣдь я васъ предупредилъ, что пишу выдумку, игру моей досужей фантазіи, а не списываю рабски съ дѣйствительности: такъ не мѣшайте же мнѣ выдумывать. Итакъ, я увѣренъ, что мой педантъ слова не скажетъ въ простотѣ—все съ ужимкой, напр., вмѣсто того, чтобъ сказать, что Петербургъ построенъ на ровномъ мѣстѣ, онъ скажетъ, что ровная гладь подкатилась подъ огромные дома града Петрова... и проч. и проч.

Воротившись изъ-за границы, мой педантъ перемѣнился и въ другомъ отношеніи: бывало, онъ вздыхалъ въ стишонкахъ о лунѣ и дѣвѣ, горевалъ о какой-то разрозненной съ нимъ волнѣ; а теперь очень прозаически, но зато выгодно и тепло пристроился и

---

[1]) Бѣлинскій намекаетъ на статью Шевырева „Визитъ къ Бальзаку" („Москв.", 1841 г., № 1).

[1]) Отзывъ Шевырева о повѣстяхъ Павлова; см. т. I, стр. 266.

[2]) Подлинныя слова Шевырева, какъ и вообще всѣ приписываемыя ему въ настоящей статьѣ фразы. См. „Москвитянинъ" 1842 г., № 1, въ началѣ статьи Шевырева „Взглядъ на современное направленіе русской литературы. Сторона черная" слѣдующее мѣсто: „разгульно текутъ многоводныя наши рѣки: невольно подумаешь, что если бы Волгу, Днѣпръ да Уралъ скатить въ три потока съ Альповъ на Италію—куда бы дѣлись отъ нихъ итальянцы?..."

зажилъ филистеромъ. Ужъ не знаю, отъ этого ли, или отъ долговременнаго пребыванія за границею, только мой педантъ, воротившись, сдѣлался ужаснымъ витяземъ желтыхъ перчатокъ и прекраснаго пола: въ каждой статьѣ своей онъ твердилъ по сту разъ, что онъ даже дома ходитъ въ желтыхъ перчаткахъ; при выходѣ всякой плохой книжки, но лишь бы написанной женскою рукою, онъ, бывало, такъ и кричитъ: *place aux dames*! [1]). Съ особенною ревностію писалъ онъ статьи о балахъ и маскарадахъ; въ этихъ статьяхъ видно было утомленіе отъ танцевъ, ибо за каждою фразою слѣдовало, по крайней мѣрѣ, три точки... Это такъ понравилось педанту, что онъ безъ точекъ послѣ каждой своей фразы ужъ ничего не могъ писать.

Много прошло времени, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, а мой педантъ не долженъ измѣняться: любовь его къ буквѣ должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращеніе ко всему живому и разумному — также. Слова „идея“ онъ не долженъ слышать безъ ужаса и безъ точекъ... По моему мнѣнію, онъ даже долженъ сдѣлаться лицемѣрнымъ моралистомъ и ханжою, потому что, всегда думая давать тонъ и направленіе времени, онъ всегда былъ и всегда долженъ быть рабомъ времени и выдавать за новость то, что уже давно сказано другими, болѣе его смѣтливыми людьми. Итакъ, мой педантъ принимаетъ подъ свое критическое покровительство все бездарное и ложно моральное, и наповалъ бранитъ все, въ чемъ есть жизнь, душа, талантъ... Онъ безпристрастенъ и, зажмуривъ глаза, колотитъ направо и налѣво, и чужихъ и своихъ, если послѣдніе, будучи ему чужими по таланту, бываютъ своими по отношеніямъ... Да, онъ вѣренъ своему правилу...

Несмотря на то, что мой педантъ долженъ быть отъ природы довольно добрымъ и честнымъ человѣкомъ, — нѣтъ существа болѣе его способнаго быть злымъ и низкимъ. Дѣло въ томъ, что онъ не что иное, какъ раздутое самолюбіе: хвалите его маранье, дорожите его критическими отзывами,—онъ добръ, веселъ, любезенъ по-своему, онъ готовъ сдѣлать вамъ все хорошее, что только въ его возможности; но бѣда ваша, если вы не съумѣете или не захотите скрыть отъ него, что вы и умнѣе и талантливѣе его, что у него самолюбіе съѣло небольшую долю ума, вкуса и способности, данныхъ ему природою... О, тогда онъ готовъ на все злое и глупое—берегитесь его!... Рецензія его тогда превращается въ площадную брань, критика становится похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты... Тогда вы у него—кондотьери, бандитъ... Да, педантъ все проститъ вамъ, кромѣ невыносимой для него обиды—быть умнѣе и талантливѣе его... Но во всякомъ случаѣ это существо болѣе смѣшное и забавное, чѣмъ опасное: ибо противъ его „позывовъ“ есть правосудіе, а противъ тупыхъ зубовъ его есть литературные дантисты, которые, шутя, выдергиваютъ ихъ...

И несмотря на все это, еще многое бы можно было поразсказать о педантѣ; но не все же вдругъ, надо что-нибудь поберечь и на будущее время. Притомъ же, я еще не знаю, понравится ли вамъ, читатели, и то, что̀ я написалъ. Если же понравится, то ждите отъ меня типъ *литературнаго циника*: это человѣкъ, который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ домы и деревни; человѣкъ, который, вѣкъ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ—и ученый и литераторъ; человѣкъ, который, вѣкъ свой будучи спекулянтомъ, увѣрилъ всѣхъ, что онъ—идеалъ честности, безкорыстія и добросовѣстности; человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ кромѣ непріятныхъ изданій, дурныхъ переводовъ, а всѣмъ твердитъ съ циническою короткостію: „надо дѣлать, надо удовлетворять текущей потребности“; человѣкъ, который если и издалъ нѣсколько плохихъ книгъ, то чужими руками состряпанныхъ, а прославился дѣятельнымъ; человѣкъ, который одолжитъ васъ при нуждѣ бездѣлкою, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ словесную благодарность, а себѣ деньги... Да, мало ли еще можно написать такихъ типовъ? А газетёры, журналисты, фельетонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другіе „исты“?... Вотъ гдѣ заключаются неисчерпаемыя сокровища для „Нашихъ“...

Петръ Бульдоговъ.

1842 г.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“, т. I, стр. 305—315.

37. Похожденія Чичикова или Мертвыя Души.

Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842.

„Что̀ такое г. Гоголь въ нашей литературѣ? Гдѣ его мѣсто въ ней? Чего должно ожидать намъ отъ него, отъ него, еще только начавшаго свое поприще, и какъ начавшаго!... Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ; онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ“... Такъ писалъ Бѣлинскій еще въ 1835 году, въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ (наст. изд. т. I, стр. 165—166); эта глубокая критическая прозорливость вскорѣ была оправдана появленіемъ „Ревизора“ и окончательно подтверждена послѣ долгаго, шестилѣтняго промежутка появленіемъ „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь дѣйствительно становился главою литературы, зачинателемъ новаго „гоголевскаго періода“ литературы, родоначальникомъ новой „натуральной школы“.

Послѣ появленія „Мертвыхъ душъ“ Бѣлинскому хотѣлось написать новую, большую статью о Гоголѣ; статьей 1835-го года онъ былъ неудовлетворенъ. „Нѣтъ ли слуховъ о Гоголѣ?—писалъ онъ Панаеву (10 августа 1838 г.):—какъ я смѣялся, прочтя въ „Прибавленіяхъ“ [1]), что Гоголь *скрыпя сердце* рисуетъ своихъ оригиналовъ. *Во время оно* я и самъ то же вралъ“... Годомъ позже Бѣлинскому удалось вновь высказаться о Гоголѣ вообще и о „Ревизорѣ“ въ частности въ большой статьѣ о „Горѣ отъ ума“ (наст. изд. статья № 18); но послѣ духовнаго перелома 1839—1841 гг. и эта статья перестала удовлетворять Бѣлинскаго. По крайней мѣрѣ теперь, въ 1842 году, онъ снова сталъ подумывать о большой статьѣ, посвященной Гоголю. Въ началѣ 1842 года Бѣлинскій былъ въ Москвѣ (см. объ этомъ нашу вступительную замѣтку къ предыдущей статьѣ) и встрѣтился тамъ съ Гоголемъ, который поручилъ ему отвезти въ Петербургъ, для представленія въ цензуру, рукопись перваго тома „Мертвыхъ душъ“. Въ письмѣ къ Гоголю отъ 20 апр. 1842 г. Бѣлинскій, „увѣдомляя о ходѣ даннаго порученія“, писалъ между прочимъ: „съ нетерпѣніемъ жду выхода вашихъ Мертвыхъ Душъ... Думаю, по случаю выхода Мертвыхъ Душъ, написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ... Вообще, мнѣ страхъ какъ хочется написать о вашихъ сочиненіяхъ. Я опрометчивъ и способенъ вдаваться въ дикія нелѣпости; но, славу Богу, я вмѣстѣ съ этимъ одаренъ движимостью впередъ и способностью собственные промахи и глупости называть настоящимъ ихъ именемъ и съ такою же откровенностію, какъ и чужіе грѣхи. И потому, подумалось во мнѣ много новаго съ тѣхъ поръ, какъ въ 1840 году въ послѣдній разъ вралъ я о вашихъ повѣстяхъ и „Ревизорѣ“ (Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. IV.—О „Ревизорѣ“ см. наше примѣчаніе на стр. 640-ой перваго тома). И въ статьяхъ Бѣлинскій часто сталъ обѣщать обширный этюдъ о Гоголѣ; еще въ началѣ 1840 г., въ статьѣ объ „Очеркахъ“ Полевого, Бѣлинскій заявлялъ, что „въ нынѣшнемъ же году намѣреваемся оправдать въ особой статьѣ наши отзывы о Гоголѣ“. Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій тоже обѣщаетъ, что „скоро будемъ мы имѣть случай поговорить подробно о всей поэтической дѣятельности Гоголя, какъ объ одномъ цѣломъ, и обозрѣть всѣ его творенія въ ихъ постепенномъ развитіи“; это же обѣщаніе Бѣлинскій повторяетъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ своей полемикѣ съ К. Аксаковымъ (см. ниже статью № 39, а также аналогичныя мѣста въ ст. № 47 и др.). И впослѣдствіи, уже передъ самой смертью, не оставлялъ Бѣлинскій надежды еще разъ высказать въ большой статьѣ свои мысли о Гоголѣ. Въ первомъ номерѣ „Современника“ 1847 года, рецензируя второе изданіе „Мертвыхъ душъ“, Бѣлинскій обѣщалъ „въ скоромъ времени“ представить читателямъ „не одну статью вообще о сочиненіяхъ Гоголя и о „Мертвыхъ душахъ“ въ особенности“; это же Бѣлинскій повторяетъ и въ своихъ письмахъ конца 1847 года (см., напр., письмо къ Боткину отъ 4 ноября).

Но исполнить эту свою завѣтную мечту Бѣлинскому не удалось: сдѣлать это въ „Современникѣ“ 1847—1848 гг. ему помѣшала болѣзнь и смерть, а теперь, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1843—1846 гг., ему не дала времени другая, не менѣе дорогая для него работа—широко задуманныя „пушкинскія статьи“. О Гоголѣ же Бѣлинскому такъ и не пришлось написать одной цѣльной статьи; но тѣмъ не менѣе онъ высказался

[1]) Т.-е. въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ Краевскаго.

о немъ съ исчерпывающей полностью въ цѣломъ рядѣ разрозненныхъ мелкихъ статей, полемическихъ сшибокъ и мелкихъ журнальныхъ замѣтокъ (см. ниже статьи №№ 38, 39, 42 и др.). Мы соединяемъ здѣсь три статьи о „Мертвыхъ душахъ“, писанныя Бѣлинскимъ на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ („Отеч. Зап.“, 1842 г., №№ 7—11): первая является краткой рецензіей на книгу Гоголя, вторая—разборомъ брошюры К. Аксакова о „Мертвыхъ душахъ“, и третья—рѣзкой полемикой по тому же поводу съ тѣмъ же К. Аксаковымъ. Въ настоящей вступительной замѣткѣ мы касаемся важнѣйшихъ мнѣній Бѣлинскаго изъ всѣхъ этихъ трехъ его статей (№№ 37, 38, 39); во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ №№ 38 и 39 мы будемъ говорить только о нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ.

Во второй половинѣ 1842 года, когда писались эти статьи, Бѣлинскій былъ уже убѣжденнымъ сторонникомъ новой вѣры, новой религіи—*соціальности;* въ ней онъ искалъ спасенія отъ всѣхъ мучавшихъ его „проклятыхъ вопросовъ“ жизни. Онъ преклонялся теперь передъ „геніальной Жоржъ Зандъ“, какъ мы уже видѣли это въ статьѣ о „Русской литературѣ въ 1841 году“ и какъ увидимъ еще въ статьѣ № 39; онъ признавалъ теперь, какъ увидимъ тамъ же, „всемірно-историческое значеніе“ за французской литературой, какъ выразительницей этой „соціальности“. Во французской повѣсти онъ видѣлъ теперь „дивное искусство разсказа, соціальные и нравственные вопросы, вопли и страданія современности“, вообще—проявленіе дѣйствительности; въ основу своихъ статей онъ клалъ теперь и обѣщалъ класть и впредь „историческую и соціальную точку зрѣнія“ (см. № 39). Теперь Бѣлинскій отказывается отъ своей былой узко-эстетической точки зрѣнія; попрежнему преклоняясь передъ „колоссальнымъ Гёте“, онъ отрицательно относится къ „анти-общественному духу этого поэта“ (ibid.). Теперь Бѣлинскій не отождествляетъ „прекрасной формы“ съ „прекраснымъ содержаніемъ“, какъ онъ это дѣлалъ въ статьѣ о „Менцелѣ“; теперь онъ настойчиво указываетъ на то, что „только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ“ и что „это-то содержаніе и должно быть мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ“ (№ 38).

Такъ радикально измѣнились взгляды Бѣлинскаго по сравненію съ тѣмъ, что онъ говорилъ въ своихъ статьяхъ 1839—1840 гг.; очевидно, что и взглядъ его на Гоголя долженъ былъ измѣниться настолько же кореннымъ образомъ. Такъ и случилось; но тутъ же нужно подчеркнуть, что это измѣненіе коснулось только *формы*, а не сущности мнѣній Бѣлинскаго о Гоголѣ. Дѣйствительно вспомнимъ: что „вралъ“ Бѣлинскій (по его выраженію) о Гоголѣ въ 1840 году, въ своей послѣдней большой статьѣ о немъ, составляющей часть статьи о „Горѣ отъ ума“? Онъ говорилъ, что въ Гоголѣ, авторѣ „комическихъ“ произведеній, мы имѣемъ великаго изобразителя *призрачности*, противопоставляемой „дѣйствительности“, что поэтъ далъ объективную дѣйствительность міру призраковъ. Прошло два года—и Бѣлинскій увидѣлъ „гнусную рассейскую дѣйствительность“ въ томъ, въ чемъ онъ раньше видѣлъ „разумную дѣйствительность“, и съ этой „гнусной дѣйствительностью“ отождествилась также и былая „призрачность“. Ставъ на „историческую и соціальную точку зрѣнія“, Бѣлинскій увидѣлъ теперь въ Гоголѣ именно изобразителя подлинной „дѣйствительности“: „Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность“, говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ. Въ „Мертвыхъ душахъ“ Бѣлинскій увидѣлъ геніальное произведеніе, „безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта—и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое“; онъ увидѣлъ въ „Мертвыхъ душахъ“ „поэму, основанную на паѳосѣ дѣйствительности, какъ она есть“ (№ 37). Итакъ, раньше Бѣлинскій смотрѣлъ на Гоголя, какъ на изобразителя „призрачности“, теперь онъ видитъ въ немъ поэта „дѣйствительности, какъ она есть“; несмотря на видимое различіе по формѣ, эти опредѣленія тождественны по существу, такъ какъ „неразумная призрачность“ для Бѣлинскаго 1840-го года тождественна съ „гнусной дѣйствительностью“ для Бѣлинскаго 1842 года.

Новая „историческая и соціальная точка зрѣнія“ Бѣлинскаго дала ему возможность глубже проникнуть въ смыслъ творчества Гоголя и правильно оцѣнить значеніе „Мертвыхъ душъ“. Въ обѣщанныхъ и неосуществленныхъ статьяхъ о Гоголѣ Бѣлинскій хотѣлъ раскрыть паѳосъ поэмы („Мертвыхъ душъ“), который состоитъ въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ, субстанціальнымъ началомъ, доселѣ еще таинственнымъ“... Но и въ настоящихъ статьяхъ достаточно ясно проведена эта „соціальная“ точка зрѣнія; она даже переоцѣнена, такъ какъ Бѣлинскій всегда былъ „человѣкомъ экстремы“. Бѣлинскій ставитъ Гоголя выше Пушкина—не съ точки зрѣнія художественной или философской, но

по его значенію для современнаго ему русскаго общества; и въ этомъ онъ несомнѣнно былъ правъ, такъ какъ настоящее значеніе Пушкина не было достаточно очевидно для такъ называемой „широкой публики“. „...Мы въ Гоголѣ видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ: ибо Гоголь болѣе поэтъ соціальный, слѣдовательно болѣе поэтъ въ духѣ времени; онъ также менѣе теряется въ разнообразіи создаваемыхъ имъ объектовъ и болѣе даетъ чувствовать присутствіе своего субъективнаго духа, который долженъ быть солнцемъ, освѣщающимъ созданія поэта нашего времени“... (№ 38). Какой рѣшительный переходъ отъ былого отрицанія „субъективности“, какъ признака „рефлектированной поэзіи“! Вспомнимъ, какъ ненавидѣлъ Бѣлинскій, двумятремя годами ранѣе, Шиллера—именно за „субъективность“ и „рефлексію“; но вспомнимъ также, что уже въ статьяхъ 1840—1841 гг. о Лермонтовѣ (т. I, №№ 23 и 24) Бѣлинскій началъ приходить къ этой новой, противоположной точкѣ зрѣнія. Теперь онъ заявляетъ, что „величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ“ со стороны Гоголя онъ считаетъ всюду осязаемо проступающую „субъективность“ его поэмы—„ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, ...которая не допускаетъ (художника) съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго міра“ (№ 37).

Надо однако тутъ же замѣтить, что это послѣднее мнѣніе Бѣлинскаго о Гоголѣ не было ни достаточно характернымъ, ни достаточно установившимся; выражая его въ первой изъ трехъ настоящихъ статей и повторяя во второй, онъ отказывается отъ него въ третьей. И это—не самопротиворѣчіе, а просто та „движимость впередъ“, о которой писалъ самъ Бѣлинскій въ своемъ вышеприведенномъ письмѣ къ Гоголю. Статья № 37 была напечатана въ № 7-мъ, статья № 38—въ № 8-мъ и статья № 39—въ № 11-мъ „Отеч. Записокъ“ за 1842 г.; за эти нѣсколько мѣсяцевъ Бѣлинскій, не одинъ разъ перечитавъ „Мертвыя души“, во многомъ „двинулся впередъ“ въ своемъ пониманіи этого произведенія, а черезъ него—и самого Гоголя. Въ первой изъ этихъ статей Бѣлинскій иронически отозвался о тѣхъ людяхъ, которые въ названіи „Мертвыхъ душъ“ *поэмой* увидятъ юморъ автора; а четырьмя мѣсяцами позднѣе Бѣлинскій говорилъ: „мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ „поэмою“ все произведеніе, на *что* видимъ въ этомъ названіи тотъ же юморъ, какимъ растворено и проникнуто насквозь это произведеніе“... (№ 39). Бѣлинскій ошибался: Гоголь безъ всякаго юмора говорилъ о своей „поэмѣ“, имѣя въ виду ея вторую и третью часть, въ которыхъ откроется „несмѣтное богатство русскаго духа“... Но, несмотря на свою ошибку (сведенную на нѣтъ подчеркнутымъ „*что*“), Бѣлинскій именно теперь глубоко понялъ намѣреніе Гоголя и подчеркнулъ его ложность и неисполнимость: „если же самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе „поэмою“, содержаніе и герой которой есть субстанція русскаго народа, то мы не обинуясь скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку“—ибо это „субстанціальное начало“, какъ мы уже цитировали выше, является „доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще не открывшимся собственному сознанію и неуловимымъ ни для какого опредѣленія“. А между тѣмъ „субстанція народа можетъ быть предметомъ поэмы только въ своемъ разумномъ опредѣленіи, когда она есть нѣчто положительное и дѣйствительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть прошедшее и настоящее, а не будущее только“... „И потому—великая ошибка для художника писать поэму, которая можетъ быть возможна въ будущемъ“ (№ 39).

Здѣсь съ удивительной проницательностью вскрыта та ошибка, которая погубила Гоголя-художника и которой онъ не сознавалъ; такъ „двинулся впередъ“ Бѣлинскій въ пониманіи этого вопроса за немногіе мѣсяцы, отдѣляющіе его статьи №№ 37 и 39. Въ связи съ этимъ находится и другая перемѣна въ его мнѣніяхъ. Въ первой изъ этихъ статей Бѣлинскій восхищался „высокимъ лирическимъ паѳосомъ“ многихъ мѣстъ этой поэмы, хотя его и коробили нѣкоторыя напыщенныя фразы Гоголя, въ стилѣ шевыревско-погодинскаго національнализма (см. послѣднія строки статьи № 37); а въ третьей изъ указанныхъ статей Бѣлинскій, цитируя эти мѣста, видитъ въ нихъ уже „надутый и напыщенный лиризмъ“—какъ онъ выразился позднѣе, въ указанной нами рецензіи 1847 года. Теперь, въ этой третьей статьѣ, Бѣлинскій уже вполнѣ опредѣленно выражаетъ свою тревогу по поводу лирическаго паѳоса Гоголя и его обѣщанія показать въ послѣдующихъ частяхъ своей поэмы идеальную русскую дѣвицу, „какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ“, и русскаго „мужа, одареннаго божественными доблестями“... Передъ такими обѣщаніями Бѣлинскій остановился „въ тревожномъ раздумьи“: „намъ какъ-то страшно,—сказалъ онъ,—чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими—по крайней мѣрѣ въ патетическихъ мѣстахъ“... (№ 39). Мы знаемъ, какъ точно

и печально оправдалось это глубокое пониманіе и геніальное предсказаніе въ типахъ Улиньки и Костанжогло.

Точно такая же перемѣна произошла и въ отмѣченномъ выше мнѣніи Бѣлинскаго о „субъективности“ и рефлектированности гоголевскаго творчества; въ третьей своей статьѣ Бѣлинскій настойчиво подчеркнулъ, что творчество Гоголя безконечно далеко отъ всякой „рефлексіи“ и что именно въ этомъ его величайшая сила; въ этомъ отношеніи между „субъективистомъ“ Лермонтовымъ и „объективистомъ“ Гоголемъ—громадное разстояніе. Бѣлинскій понялъ теперь, что „удивительная сила непосредственнаго творчества“ совмѣщается въ Гоголѣ съ „косыми и близорукими взглядами“ на ту же самую жизнь; но тутъ же онъ замѣчаетъ, что „эта удивительная сила непосредственнаго творчества... много вредитъ Гоголю“, „*отводитъ ему глаза* отъ идей и нравственныхъ вопросовъ“ и заставляетъ его „довольствоваться объективнымъ изображеніемъ фактовъ“... Это уже прямая противоположность тому, что Бѣлинскій говорилъ въ первой статьѣ; желая сгладить эту противоположность, Бѣлинскій замѣчаетъ, что все же въ „Мертвыхъ душахъ“ у Гоголя замѣтно „болѣе ощутительное“, чѣмъ раньше, присутствіе „субъективнаго начала“ и „рефлексіи“. Эта оговорка не мѣняетъ дѣла: ясно все-таки, что Бѣлинскій въ этомъ вопросѣ тоже сильно „двинулся впередъ“ за эти три-четыре мѣсяца. Впрочемъ еще 4 апрѣля этого года онъ писалъ Боткину: „страшно подумать о Гоголѣ: вѣдь во всемъ, что́ онъ написалъ—одна натура, какъ въ животномъ. Невѣжество абсолютное. Что онъ наблевалъ о Парижѣ-то“!...

Почти три четверти вѣка прошло послѣ этого рѣзкаго отзыва Бѣлинскаго о Гоголѣ; мы знаемъ теперь, что не въ „невѣжествѣ“ тутъ было дѣло, а въ коренномъ расхожденіи философскихъ взглядовъ „западниковъ“ и „славянофиловъ“, о чемъ мы уже говорили въ предыдущей вступительной замѣткѣ; Гоголь несомнѣнно былъ въ этомъ отношеніи на сторонѣ „Москвитянина“. Да и не только въ этомъ отношеніи: онъ вообще не сочувствовалъ Бѣлинскому. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ Бѣлинскаго „Русская литература въ 1841 году“ Гоголь находилъ „неуваженіе къ Державину“, точь-въ-точь, какъ и Шевыревъ. Бѣлинскій, только-что написавшій „Педанта“, пришелъ въ негодованіе отъ такого плоскаго непониманія: непростительное Шевыреву было въ тысячи разъ непростительнѣе Гоголю. „*Неуваженіе къ Державину* возмутило мою душу чувствомъ болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю,—писалъ Бѣлинскій Боткину 31 марта 1842 года:—...въ этомъ кружкѣ онъ какъ-разъ сдѣлается органомъ Москвитянина. „Римъ“ — много хорошаго, но есть и фразы; а взглядъ на Парижъ возмутительно гнусенъ“. Послѣ этого дороги Бѣлинскаго и Гоголя расходились все дальше и дальше; Гоголь пришелъ къ своей „Перепискѣ съ друзьями“, а Бѣлинскій—къ знаменитому письму 1847 года къ Гоголю по поводу этой книги. Въ третьемъ томѣ настоящаго изданія мы подробно остановимся на этомъ письмѣ и на вопросѣ о взаимоотношеніи Бѣлинскаго и Гоголя; здѣсь же мы ограничимся указаніемъ, что наиболѣе заслуживающими вниманія въ разныхъ отношеніяхъ книгами о Гоголѣ являются книги: Н. Котляревскаго „Н. В. Гоголь“ (1908 г.); Д. Овсянико-Куликовскаго „Гоголь“ (1907 г.); Д. Мережковскаго „Гоголь“; интересны небольшія характеристики В. Розанова въ книгѣ „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“ и В. Брюсова въ брошюркѣ „Испепеленный“ (1909 г.). Въ книгахъ Пыпина, А. Веселовскаго, Тихонравова, Венгерова и др. мы найдемъ отдѣльные этюды о жизни и творчествѣ Гоголя; но, разумѣется, главными источниками являются сочиненія самого Гоголя (лучшее изданіе—десятое, подъ ред. Тихонравова), четырехтомное собраніе его писемъ подъ ред. Шенрока, а также четырехтомные „Матеріалы для біографіи Гоголя“ того же Шенрока.

Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Гоголю у насъ еще будетъ, такимъ образомъ, рѣчь въ указанной статьѣ третьяго тома настоящаго изданія; кромѣ того, кое-какихъ частностей мы коснемся во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 39-ой; наконецъ, въ статьяхъ №№ 42, 43 и др. читатели найдутъ еще цѣлый рядъ мимоходомъ выраженныхъ мнѣній Бѣлинскаго о „Мертвыхъ душахъ“ и ихъ критикахъ. Здѣсь достаточно сказать, что взглядъ Бѣлинскаго на творчество Гоголя вообще и на „Мертвыя души“ въ частности сталъ въ скоромъ времени господствующимъ, какъ большинство и всѣхъ другихъ взглядовъ Бѣлинскаго. Въ „Мертвыхъ душахъ“ Бѣлинскій категорически отказался видѣть „сатиру“: „нельзя ошибочнѣе смотрѣть и грубѣе понимать ихъ“, — говорилъ Бѣлинскій (№ 37), являясь въ этомъ отношеніи выразителемъ мысли самого Гоголя. „Смыслъ, содержаніе и форма „Мертвыхъ душъ“—развиваетъ эту мысль Бѣлинскій — есть „созерцаніе данной сферы жизни сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“. Въ этомъ и заключается т[illegible]ческое значеніе комическаго произве[illegible] Гоголя, это и выводитъ его изъ ряда обык[illegible]венныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого [illegible] не могутъ понять ограниченные люди“ (№[illegible]. Повторяя здѣсь слова Гоголя, Бѣлинскій [illegible] то же время повторялъ и свое собстве[illegible] опредѣленіе, съ геніальной прозорливо[illegible]

высказанное имъ еще въ 1835 году, въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“. Не типа прежнихъ „сатирическихъ писателей“ былъ Гоголь, а родоначальникомъ новой „натуральной школы“, о которой такъ много будетъ еще писать впослѣдствіи Бѣлинскій, каждый разъ возвращаясь при этомъ къ Гоголю. Одно уже это объясняетъ почему имена Бѣлинскаго и Гоголя неразрывно сплетены — какъ это было для Бѣлинскаго и съ Пушкинымъ, и съ Лермонтовымъ—въ исторіи русской литературы, несмотря на всю философскую и религіозную пропасть, отдѣлявшую другъ отъ друга этихъ двухъ великихъ страдальцевъ за землю русскую... **И.-Р.**

Есть два способа выговаривать новыя истины. Одинъ — уклончивый, какъ будто непротиворѣчащій общему мнѣнію, больше намекающій, чѣмъ утверждающій; истина въ немъ доступна избраннымъ и замаскирована для толпы скромными выраженіями: *если смѣемъ такъ думать, если позволено такъ выразиться; если не ошибаемся,* и т. п. Другой способъ выговаривать истину—прямой и рѣзкій; въ немъ человѣкъ является провозвѣстникомъ истины, совершенно забывая себя и глубоко презирая робкія оговорки и двусмысленные намеки, которые каждая сторона толкуетъ въ свою пользу, и въ которомъ видно низкое желаніе служить и нашимъ и вашимъ. „Кто не за меня, тотъ противъ меня“—вотъ девизъ людей, которые любятъ выговаривать истину прямо и смѣло, заботясь только объ истинѣ, а не о томъ, что̀ скажутъ о нихъ самихъ... Такъ какъ цѣль критики есть истина же, то и критика бываетъ двухъ родовъ: уклончивая и прямая. Является великій талантъ, котораго толпа еще не въ состояніи признать великимъ, потому что имя его не притвердилось ей,—и вотъ уклончивая критика, въ осторожнѣйшихъ выраженіяхъ, докладываетъ „почтеннѣйшей публикѣ“, что явилось-де замѣчательное дарованіе, которое, конечно, не то, что высокіе геніи гг. А, Б и В, уже утвержденные *общественнымъ мнѣніемъ*, но которое, не равняясь съ ними, все-таки имѣетъ свои права на общее вниманіе; мимоходомъ намекаетъ она, что, хотя-де и не подвержено никакому сомнѣнію геніальное значеніе гг. А, Б и В, но что-де и въ нихъ не можетъ не быть своихъ недостатковъ, потому-де, что „и въ солнцѣ и въ лунѣ [illegible] темныя мѣста“; мимоходомъ приво[illegible]ъ она мѣста изъ новаго автора и, ни[illegible] не говоря о немъ самомъ, равно какъ [illegible] опредѣляя положительно достоинства [illegible]водимыхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе гово[illegible] о нихъ восторженно, такъ что задняя [illegible] этой уклончивой критики нѣкоторымъ, [illegible]а немногимъ, даетъ знать, что новый [illegible] выше всѣхъ геніальныхъ гг. А. Б [illegible] толпа охотно соглашается съ нею, [illegible]ивою критикою, что новый авторъ очень [illegible] быть и не безъ дарованія, и затѣмъ забываетъ и новаго автора и уклончивую критику, чтобъ снова обратиться къ геніальнымъ именамъ, которыя она, добродушная толпа, затвердила уже наизусть. Не знаемъ, до какой степени полезна такая критика. Согласны, что, можетъ быть, только она и бываетъ полезна; но какъ натуры своей никто перемѣнить не въ состояніи, то, признаемся, мы не можемъ побѣдить нашего отвращенія къ уклончивой критикѣ, какъ и ко всему уклончивому, ко всему, въ чемъ мелкое самолюбіе не хочетъ отстать отъ другихъ въ уразумѣніи истины и, въ то же время, боится оскорбить множество мелкихъ самолюбій, обнаруживъ, что знаетъ больше ихъ, а потому и ограничивается скромною и благонамѣренною службою и нашимъ и вашимъ... [1]) Не такова критика прямая и смѣлая: замѣтивъ въ первомъ произведеніи молодого автора исполинскія силы, пока еще несформировавшіяся и не для всѣхъ примѣтныя, она, упоенная восторгомъ великаго явленія, прямо объявляетъ его Алкидомъ въ колыбели, который дѣтскими руками мощно душитъ завистливыя мелкія дарованьица пристрастныхъ или ограниченныхъ и недальновидныхъ критиковъ... Тогда на бѣдную „прямую“ критику сыплятся насмѣшки и со стороны литературной братіи, и со стороны публики. Но эти насмѣшки и шутки чужды всякаго спокойствія и всякой добродушной веселости; напротивъ, онѣ отзываются какимъ-то безпокойствомъ и тревогою безсилія, исполнены вражды и ненависти. И не мудрено: „прямая критика“ не удовольствовалась объявленіемъ, что новый авторъ обѣщаетъ великаго автора: нѣтъ, она при этомъ удобномъ случаѣ выразилась съ свойственною ей откровенностію, что геніальные гг. А, Б и В съ компаніею никогда не были даже и замѣчательно талантливыми господами; что ихъ слава основалась на неразвитости общественнаго мнѣнія и держится его лѣнивою неподвижностью, привычкою и другими чисто-внѣшними причинами, что одинъ изъ нихъ, взобравшись на ходули ложныхъ натянутыхъ

---

[1]) Говоря объ „уклончивой критикѣ“, Бѣлинскій имѣетъ въ виду Сенковскаго, точно такъ же, какъ, говоря о „прямой критикѣ“, имѣетъ въ виду себя.

чувствъ и надутыхъ, пустозвонныхъ фразъ, оклеветалъ дѣйствительность ребяческими выдумками; другой ударился въ противоположную крайность и грязью съ грязи мазалъ свои грубыя картины, приправляя ихъ провинціальнымъ юморомъ; и такъ третьяго, четвертаго и пятаго... Вотъ тутъ-то и начинается борьба старыхъ мнѣній съ новыми, предразсудковъ, страстей и пристрастій—съ истиною (борьба, въ которой всего болѣе достается „прямой критикѣ“, и о которой всего менѣе хочетъ знать „прямая критика“)... Врагами новаго таланта являются даже и умные люди, которые уже столько прожили на бѣломъ свѣтѣ и такъ утвердились въ извѣстномъ образѣ мыслей, что ужъ въ новомъ свѣтѣ истины поневолѣ видятъ только помраченіе истины, если же изъ нихъ найдется хоть одинъ такой, который въ свое время и самъ понималъ больше другихъ, былъ поборникомъ новой истины, теперь уже ставшей старою,—то, спрашиваемъ, какова же должна быть его немощная вражда противъ новаго таланта, въ которомъ онъ чуетъ что-то, но котораго понять не можетъ [1]). И если у этого ci-devant умнаго и шедшаго впереди съ высшими взглядами, а теперь отсталаго отъ времени человѣка, если у него характеръ слабый, ничтожный и завистливый, а самолюбіе мелкое и раздражительное, то, спрашиваемъ, какое жалкое зрѣлище должно представлять его отчаянно безсильная борьба съ новымъ талантомъ?... Что же сказать о тѣхъ „господахъ сочинителяхъ“, которые, благодаря своей ловкости и смѣтливости, замѣняющимъ у людей ограниченныхъ и бездарныхъ умъ и талантъ пошлыми, въ кammердинерскомъ вкусѣ остротами надъ французскимъ языкомъ, балами и модами, лорнетками, куцыми фраками, прическою à la russe, усами, бородами и т. п., успѣли вовремя подтибрить себѣ извѣстность нравственно-сатирическихъ и нравственно описательныхъ талантовъ [2])? Правда, новый талантъ ничего имъ не сдѣлалъ, ничего о нихъ не сказалъ, никогда съ ними не знался ни лично, ни литературно, какъ съ людьми, съ которыми у него общаго ничего нѣтъ и быть не можетъ; но зато онъ показалъ, что̀ такое истинный юморъ и непрощаемая невѣжествомъ и порокомъ истинная иронія, и какъ должно дѣйствовать въ пользу общественной нравственности, не резонерствуя о нравственности, но только „возводя въ перлъ созданія“ типическія явленія дѣйствительности: а это развѣ не то же самое, что убить наповалъ нашихъ нравственно сатирическихъ сочинителей, даже и не принимая на себя труда знать о ихъ незанимательномъ существованіи? И вотъ они, эти господа нравственно сатирическіе и другихъ родовъ сочинители, прославившіеся не одними романами, но и въ качествѣ грамотеевъ и исправныхъ корректоровъ, прибѣгаютъ для униженія страшнаго имъ таланта ко всевозможнымъ свойственнымъ имъ уловкамъ: сперва не признаютъ въ немъ никакого таланта и видятъ рѣшительную бездарность; но, сознавая, къ своему ужасу, что слава таланта все растетъ и растетъ, все идетъ и идетъ своею дорогою и не замѣчаетъ раздающагося вокругъ него лая, они начинаютъ милостиво замѣчать въ немъ талантъ, изъявляя сожалѣніе, что онъ дозволяетъ себѣ сбиваться съ пути, увлекаться непомѣрными похвалами пріятелей (изъ которыхъ со многими онъ даже и незнакомъ совсѣмъ), которые видятъ въ немъ и Богъ знаетъ что, тогда какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ имѣетъ талантъ только вѣрно и забавно списывать съ натуры; далѣе, „при сей вѣрной оказіи“, доказываютъ, что онъ *даже* и языка-то не знаетъ, въ подтвержденіе чего указываютъ на мелкіе промахи противъ грамматики г. Греча, на типографскія ошибки, или осуждая со всѣмъ негодованіемъ, свойственнымъ „угнетенной невинности“, сильныя, оскорбляющія приличіе выраженія, въ родѣ слова *вонять*, котораго, по ихъ увѣренію, не скажетъ въ ихъ обществѣ и „порядочный лакей“... Большинство публики, съ своей стороны, оскорбленное сколько похвалами „прямой критики“ новому таланту, къ которому оно еще не привыкло, и котораго, потому, еще не могло понять, столько же—или еще больше—ея откровенными выходками противъ геніальныхъ гг. А, Б и В, къ которымъ оно давно привыкло, и которыхъ хотя ужъ и не читаетъ, но по привычкѣ и по преданію все еще считаетъ геніями,—это большинство публики вдвойнѣ не благоволитъ къ новому таланту. Господа нравственно сатирическіе сочинители хорошо понимаютъ это и еще лучше пользуются этимъ: они по времени перестаютъ говорить о себѣ и своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ и являются жаркими поклонниками чужой славы, прежде, т.-е. когда она была въ ходу, ими ненавидимой и оскорбляемой, а теперь, т.-е. когда она скоропостижно скончалась, будто бы дорогой и священной для нихъ... И вотъ они кричатъ о духѣ партій, который заставляетъ иной „толстый журналъ“ хвалить писателя, неумѣющаго писать порусски, и пристрастно унижать истинныя дарованія... Но вотъ, слава геніальныхъ господъ А, Б и В, наконецъ, забывается, бла-

[1]) Рѣчь идетъ о Полевомъ, который совершенно не могъ понять значенія Гоголя. см. ст. №№ 19, 20 и др.

[2]) Булгаринъ и Гречъ. Объ отношеніи всей этой „критики“ къ „Мертвымъ Душамъ“—см. ниже статью № 42.

годаря времени и рѣзкой откровенности „прямой критики“; новый талантъ дѣлается авторитетомъ: его оригинальныя и самобытныя созданія, полныя мысли, сіяющія художественною красотою, вѣющія духомъ новой, прекрасной жизни, проникаютъ въ сознаніе общества, производятъ новую школу въ искусствѣ и литературѣ, такъ что сами нравственно сатирическіе сочинители, волею или неволею, принуждены перечинить на новый ладъ свои притупившіяся перья и передразнивать форму недоступныхъ имъ по содержанію твореній генія; общественное мнѣніе круто поворачивается въ пользу великаго поэта, — и вопіющая партія отсталыхъ посредственностей теряется, не знаетъ, что̀ дѣлать, грозитъ ругательными статьями и не смѣетъ выполнить угрозы, боясь конечно для себя позора... Не знаемъ, какую роль во всемъ этомъ играла „прямая критика“ и насколько содѣйствовала она этому процессу общественнаго сознанія; но знаемъ, что тѣ же люди, которые изъ порицателей великаго поэта сдѣлались жалкими его поклонниками, не любятъ вспоминать, что такой-то критикъ, еще при первомъ появленіи поэта, не боясь идти противъ общественнаго мнѣнія, не боясь равно раздразнить гусей, равно презирая и насмѣшки и ненависть, смѣло и рѣзко сказалъ о немъ то, что̀ теперь говоритъ о немъ большинство и они сами, эти безпамятные люди... [1]). Знаемъ также, что, явись опять новое, свѣжее дарованіе, первыми своими созданіями обѣщающее великую будущность, — „прямая критика“ такъ же честно разыграетъ свою роль, и ту же игру повторятъ въ отношеніи къ ней и къ поэту и завистливая посредственность, и тугая, медленная въ процессахъ своего сознанія толпа... Но знаемъ при этомъ еще и то, что „прямота“, какъ и все истинное и великое, должна быть сама себѣ цѣлью и въ самой себѣ находить свое удовлетвореніе и свою лучшую награду...

Все это — такъ, взглядъ, разсужденія; теперь скажемъ слова два о нѣкоторыхъ фактахъ, подавшихъ намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ и имѣющихъ близкое отношеніе къ автору книги, заглавіе которой выставлено въ началѣ этой статьи. Не углубляясь далеко въ прошедшее нашей литературы, не упоминая о многихъ предсказаніяхъ „прямой критики“, сдѣланныхъ давно и теперь сбывшихся, скажемъ просто, что изъ нынѣ существующихъ журналовъ только на долю „От. Записокъ“ выпала роль „прямой“ критики. Давно ли было то время, когда статья о Марлинскомъ [1]) возбудила противъ насъ столько криковъ, столько непріязненности, какъ со стороны литературной братіи, такъ и со стороны большинства читающей публики? — И что же? смѣшно и жалко видѣть, какъ, съ голоса „Отеч. Записокъ“, словами и выраженіями (не новы, да благо ужъ готовы!) преслѣдуютъ теперь блѣдный призракъ падшей славы этого блестящаго фразёра — Богъ знаетъ изъ какихъ щелей попаползшіе въ современную литературу критиканы, Богъ вѣдаетъ, какіе журналы и какія газеты! Большинство публики не только не думаетъ сердиться, но тоже, въ свою очередь, повторяетъ вычитываемыя имъ о Марлинскомъ фразы! Давно ли многіе не могли намъ простить, что мы видѣли великаго поэта въ Лермонтовѣ? Давно ли писали о насъ, что мы превозносимъ его пристрастно, какъ постояннаго вкладчика въ нашъ журналъ? — И что же! Мало того, что участіе и устремленныя на поэта полныя изумленія и ожиданія очи цѣлаго общества, при жизни его, и потомъ общая скорбь образованной и необразованной части читающей публики при вѣсти о его безвременной кончинѣ, вполнѣ оправдали наши прямые и рѣзкіе приговоры о его талантѣ, — мало того: Лермонтова принуждены были хвалить даже тѣ люди, которыхъ не только критикъ, но и существованія онъ не подозрѣвалъ, и которые гораздо лучше и приличнѣе могли бы почтить его талантъ своею враждою, чѣмъ пріязнію... Но эти нападки на нашъ журналъ за Марлинскаго и Лермонтова ничто въ сравненіи съ нападками за Гоголя... Изъ существующихъ теперь журналовъ „Отеч. Записки“ *первые* и *одни* сказали, и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что̀ такое Гоголь въ русской литературѣ... Какъ на величайшую нелѣпость со стороны нашего журнала, какъ на самое темное и позорное пятно на немъ указывали разные критиканы, сочинители и литературщики на наше мнѣніе о Гоголѣ... Если бъ мы имѣли несчастіе увидѣть генія и великаго писателя въ какомъ-нибудь писакѣ средней руки, предметѣ общихъ насмѣшекъ и образцѣ бездарности, — и тогда бы не находили этого столь смѣшнымъ, нелѣпымъ, оскорбительнымъ, какъ мысль о томъ, что Гоголь — великій талантъ, геніальный поэтъ и *первый* писатель современной Россіи... За сравненіе его съ Пушкинымъ на насъ нападали люди, всѣми силами старавшіеся бросать грязью своихъ литературныхъ воззрѣній въ страдальческую тѣнь перваго великаго поэта Руси... Они прикидывались, что ихъ оскорбляла одна

[1]) Бѣлинскій говоритъ здѣсь о своемъ отношеніи къ Гоголю и имѣетъ въ виду свою статью 1835 года „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ (№ 3), въ которой Гоголь былъ сразу поставленъ на высокое мѣсто наслѣдника Пушкина и основателя новой школы.

[1]) См. т. I, ст. № 20.

мысль видѣть имя Гоголя подлѣ имени Пушкина; они притворялись глухими, когда имъ говорили, что самъ Пушкинъ первый понялъ и оцѣнилъ талантъ Гоголя, и что оба поэта были въ отношеніяхъ, напоминающихъ собою отношенія Гёте и Шиллера... Изъ всѣхъ немногихъ, высокопревозносимыхъ въ „Отеч. Запискахъ“, поэтовъ только одинъ Лермонтовъ находился съ ихъ издателемъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ и почти исключительно одному ему отдавалъ свои произведенія; такъ какъ этого нельзя было поставить въ упрекъ ни издателю, ни его журналу, то вздумали увѣрять, что *немногимъ* (sic) успѣхомъ своимъ „Отеч. Записки“ обязаны Лермонтову. Это увѣреніе воспослѣдовало послѣ многихъ другихъ увѣреній въ томъ, что „Отеч. Записки“ никогда не имѣли, не имѣютъ и не будутъ имѣть *никакого* успѣха... Судя по такому постоянству въ мнѣніи объ успѣхѣ „Отеч. Записокъ“, можно думать, что эти люди скоро убѣдятся въ слѣдующей истинѣ: если стихотворенія такого поэта, какъ Лермонтовъ, не могли не придать собою большого блеска журналу, то еще не было на Руси (да и нигдѣ) примѣра, чтобъ какой-нибудь журналъ держался чьими бы то ни было стихотвореніями... При этомъ, можетъ быть, вспомнятъ они, что „Московскій Вѣстникъ“, въ которомъ Пушкинъ исключительно печаталъ свои стихотворенія, не имѣлъ никакого успѣха, ни большого, ни малаго, потому что въ немъ, кромѣ стиховъ Пушкина, ничего интереснаго для публики не было... Издатель „Отеч. Записокъ“ всегда сохранитъ, какъ лучшее достояніе своей жизни, признательную память о Пушкинѣ, который удостоивалъ его больше, чѣмъ простого знакомства; но признаетъ себя обязаннымъ отречься отъ высокой чести быть пріятелемъ, или, какъ обыкновенно говорится, „другомъ“ Пушкина: если онъ высоко ставитъ поэтическій геній Пушкина, такъ это по причинамъ чисто литературнымъ... Въ его журналѣ читатели не разъ встрѣчали восторженныя похвалы Крылову и Жуковскому: и это опять по причинамъ чисто-литературнымъ, хотя издатель и пользуется честью знакомства съ обоими лауреатами нашей литературы, и хотя послѣдній удостоилъ его журналъ помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ пьесъ своихъ... Въ „Отеч. Запискахъ“ читатели не разъ встрѣчали также восторженныя похвалы Батюшкову и особенно Грибоѣдову: но этихъ двухъ поэтовъ издатель „Отеч. Записокъ“ даже никогда и не видывалъ... Что касается до Гоголя, издатель „Отеч. Записокъ“ дѣйствительно имѣлъ честь быть знакомъ съ нимъ; но не больше какъ знакомъ,— и въ то время, какъ „Отеч. Записки“ своими отзывами о Гоголѣ возбуждали къ себѣ ненависть и навлекали на себя осужденія разныхъ критикановъ, Гоголь жилъ въ Италіи, а возвращаясь на родину, жилъ преимущественно въ Москвѣ, и ни одной строки его еще не было въ нашемъ журналѣ... Что же заговорятъ наши критическіе рыцари печальнаго образа, если когда-нибудь увидятъ въ „Отеч. Запискахъ“ повѣсть Гоголя?... О, тогда они завопятъ: „видите ли все хвалятъ *своихъ!...*“

Мы не безъ умысла разговорились, по поводу поэмы Гоголя, о такихъ не прямо литературныхъ предметахъ. Что дѣлать! наша литература еще такъ молода, общественное мнѣніе такъ еще не твердо, что намъ должно говорить о многомъ, о чемъ уже давно не говорится въ иностранныхъ литературахъ, и о чемъ, есть надежда, скоро совсѣмъ перестанутъ говорить и въ нашей литературѣ... Журналъ издается не для извѣстнаго круга, а для всѣхъ; „Отеч. Записки“ имѣютъ такой обширный кругъ читателей, въ которомъ нельзя никакъ предполагать единства въ мнѣніи. Притомъ же, иногородная публика, которая издалека смотритъ на Петербургъ, какъ на центръ литературной дѣятельности въ Россіи, не можетъ иногда не приходить въ смущеніе отъ противорѣчащихъ журнальныхъ толковъ, не зная кому вѣрить, кому не вѣрить: и потому должно давать ей ключъ къ истинѣ не одними словами, но и фактами. Чего добраго!—можетъ быть, скоро ей начнутъ превозносить Гоголя тѣ же самые люди, которые поносили насъ за похвалы ему, и которые теперь, потерявшись отъ неслыханнаго успѣха „Мертвыхъ Душъ“, подобно утопающему, хватаются даже за соломинку для своего спасенія отъ потопленія въ волнахъ Леты, и увѣряютъ, что „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“ выше „Мертвыхъ Душъ“... Чего добраго!—можетъ быть, скоро эти люди будутъ упрекать насъ въ невѣжествѣ, безвкусіи и пристрастіи, если бы намъ когда-нибудь случилось какое-нибудь новое произведеніе Гоголя найти неудовлетворительнымъ... Времена перемѣнчивы... Притомъ же есть люди, которые думаютъ, что то и хорошо, что въ ходу...

Но пока для насъ еще существуетъ достовѣрность, что всѣ знаютъ, *кто* первый оцѣнилъ на Руси Гоголя... Мы знаемъ, что если бъ гдѣ и случилось публикѣ встрѣтить болѣе или менѣе подходящее къ истинѣ сужденіе о Гоголѣ, особенно въ тонѣ и духѣ „Отеч. Записокъ“, публика будетъ знать источникъ, откуда вытекло это сужденіе, и не прійметъ его за новость... Теперь всѣ стали умны, даже люди, которые родились неумны, и каждый съумѣетъ поставить яйцо на столъ... Послѣ появленія „Мертвыхъ Душъ“ много найдется литературныхъ Ко-

ломбовъ, которымъ легко будетъ открыть новый великій талантъ въ русской литературѣ, новаго великаго писателя русскаго—Гоголя...

Но не такъ-то легко было открыть его, когда онъ былъ еще дѣйствительно новымъ. Правда, Гоголь при первомъ появленіи своемъ встрѣтилъ жаркихъ поклонниковъ своему таланту; но ихъ число было слишкомъ мало. Вообще, ни одинъ поэтъ на Руси не имѣлъ такой странной судьбы, какъ Гоголь: въ немъ не смѣли видѣть великаго писателя даже люди, знавшіе наизусть его творенія; къ его таланту никто не былъ равнодушенъ, его или любили восторженно, или ненавидѣли. И этому есть глубокая причина, которая доказываетъ скорѣе жизненность, чѣмъ мертвенность нашего общества. Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность, и если къ этому присовокупить его глубокій юморъ, его безконечную иронію, то ясно будетъ, почему ему еще долго не быть понятнымъ, и что обществу легче полюбить его, чѣмъ понять... Впрочемъ, мы коснулись такого предмета, котораго нельзя объяснить въ рецензіи. Скоро будемъ мы имѣть случай поговорить подробно о всей поэтической дѣятельности Гоголя, какъ объ одномъ цѣломъ, и обозрѣть всѣ его творенія въ ихъ постепенномъ развитіи. Теперь же ограничимся выраженіемъ въ общихъ чертахъ своего мнѣнія о достоинствѣ „Мертвыхъ Душъ“ — этого великаго произведенія.

Нашей литературѣ, вслѣдствіе ея искусственнаго начала и неестественнаго развитія, суждено представлять изъ себя зрѣлище отрывочныхъ и самыхъ противорѣчащихъ явленій. Мы уже не разъ говорили, что не вѣримъ существованію русской литературы, какъ выраженію народнаго сознанія въ словѣ, исторически развившагося; но видимъ въ ней прекрасное начало великаго будущаго, рядъ отрывочныхъ проблесковъ, яркихъ, какъ молнія, широкихъ и размашистыхъ, какъ русская душа, но не болѣе, какъ *проблесковъ*. Все остальное, изъ чего слагается вседневная дѣятельность нашей литературы, имѣетъ мало, или совсѣмъ не имѣетъ отношенія къ этимъ проблескамъ, кромѣ развѣ того, какое отношеніе имѣетъ тѣнь къ свѣту и мракъ къ блеску. Гоголь началъ свое поприще еще при Пушкинѣ и съ смертію его замолкъ, казалось, навсегда. Послѣ „Ревизора“ онъ не печаталъ ничего до половины текущаго года. Въ этотъ промежутокъ его молчанія, столь печалившаго друзей русской литературы и столь радовавшаго литературщиковъ, успѣла взойти и погаснуть на горизонтѣ русской поэзіи яркая звѣзда таланта Лермонтова. Послѣ „Героя Нашего Времени“ только въ журналахъ (читатели знаютъ, въ какихъ) и альманахѣ Смирдина явилось нѣсколько повѣстей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; но ни въ журналахъ, ни отдѣльно не явилось ничего капитальнаго, ничего такого, что̀ составляетъ вѣчное пріобрѣтеніе литературы и, какъ лучи солнечные въ фокусѣ стекла, сосредоточиваетъ въ себѣ общественное сознаніе, въ одно и то же время возбуждая и любовь и ненависть, и восторженныя похвалы и ожесточенныя порицанія, полное удовлетвореніе и совершенное недовольство, но во всякомъ случаѣ общее вниманіе, шумъ, толки и споры. Какое-то апатическое уныніе овладѣло литературою; торжество посредственности было полное; видя, что никто ей не мѣшаетъ, она овладѣла и романомъ, и повѣстью, и театромъ; она выпустила длинную фалангу уродовъ и недоносковъ, то передразнивая Марлинскаго въ призракахъ, то шарлатаня французскою исторіею и литовскими преданіями, растягивая ихъ на длинные томы скучныхъ розсказней; то перебиваясь старою ветошью мнимо-патріотическихъ и мнимо-народныхъ сценъ пресловутой старины; то выдавая намъ за народность грязь простонародья, за патріотизмъ сало и галушки, а за юморъ и остроуміе карикатуры нигдѣ небывалыхъ идіотовъ, которые, по волѣ г. сочинителя, то глупы, то умны, то опять глупы; то пародируя Шекспира и перелагая его драмы на русскіе нравы; то переводя на русскій языкъ и русскую сцену мусоръ и щебень съ задняго двора нѣмецкой драматической литературы... И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности,—вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое... Въ „Мертвыхъ Душахъ“ авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними... Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ „Мертвыхъ Душахъ“ вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо просту-

паетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-личною самостію,—ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, „который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы“; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ „писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи“; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что „вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно хладныхъ и скучно опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что́ случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телѣги,—и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ“... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: „Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью!“...

Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ „Мертвыхъ Душахъ“ онъ совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы читатель можетъ говорить:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ паѳосѣ всей поэмы, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и „подлеца чубараго“ включительно;—въ Петрушкѣ, носившемъ съ собою свой особенный воздухъ, и въ будочникѣ, который, при фонарномъ свѣтѣ, въ просонкахъ, казнилъ на ногтѣ звѣря и снова заснулъ. Знаемъ, что чопорное чувство многихъ читателей оскорбится въ печати тѣмъ, что́ такъ субъективно-свойственно ему въ жизни, и назоветъ сальностями выходки въ родѣ казненнаго на ногтѣ звѣря; но это значитъ не понять поэмы, основанной на паѳосѣ дѣйствительности, какъ она есть. Изображайте мѣщанско-филистерскую жизнь Нѣмцевъ, и вы принуждены будете упоминать (въ похвалу или насмѣшку) о педантизмѣ ихъ опрятности, касаясь же жизни русскаго простонародья, неотличающагося, какъ извѣстно, излишнею чистоплотностью, значило бы пропустить одну изъ характеристическихъ чертъ ея, если бъ не замѣтить, что не только въ деревняхъ, днемъ, сидя у воротъ, бабы усердно занимаются казненіемъ звѣрей у ребятишекъ, изъявляя имъ этимъ свою нѣжность и заботливость, но и въ столицахъ извозчики на биржахъ и работники на улицахъ нерѣдко оказываютъ другъ другу подобную услугу, единственно изъ безкорыстной любви къ такому занятію... Мы знаемъ напередъ, что наши сочинители и критиканы не пропустятъ воспользоваться расположеніемъ многихъ читателей къ чо-

порности и ихъ склонностію находить въ себѣ образованность большого свѣта, выказывая при этомъ собственное знаніе приличій высшаго общества. Нападая на автора „Мертвыхъ Душъ“ за сальности его поэмы, они съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнутъ, что и порядочный лакей не станетъ выражаться, какъ выражаются у Гоголя благонамѣренные и почтенные чиновники... Но мимо ихъ, этихъ столь посвященныхъ въ таинства высшаго общества критикановъ и сочинителей; пусть ихъ хлопочутъ о томъ, чего не смыслятъ, и стоятъ за то, чего не видали, и что́ не хочетъ ихъ знать...

„Мертвыя Души“ прочтутся всѣми, но понравятся, разумѣется, не всѣмъ. Въ числѣ многихъ причинъ есть и та, что „Мертвыя Души“ не соотвѣтствуютъ понятію толпы о романѣ, какъ о сказкѣ, гдѣ дѣйствующія лица полюбили, разлучились, а потомъ женились и стали богаты и счастливы. Поэмою Гоголя могутъ вполнѣ насладиться только тѣ, кому доступна мысль и художественное выполненіе созданія, кому важно содержаніе, а не „сюжетъ“; для восхищенія всѣхъ прочихъ остаются только мѣста и частности. Сверхъ того, какъ всякое глубокое созданіе, „Мертвыя Души“ не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. „Мертвыя Души“ требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубокому и сильно развитому духу. Толпа не понимаетъ и не любитъ его. У насъ всякій писака такъ и таращится рисовать бѣшеныя страсти и сильные характеры, списывая ихъ, разумѣется, съ себя и съ своихъ знакомыхъ. Онъ считаетъ для себя униженіемъ снизойти до комическаго и ненавидитъ его по инстинкту, какъ мышь кошку. „Комическое“ и „юморъ“ большинство понимаетъ у насъ какъ шутовское, какъ каррикатуру, и мы увѣрены, что многіе не шутя, съ лукавою и довольною улыбкою отъ своей проницательности, будутъ говорить и писать, что Гоголь въ шутку назвалъ свой романъ поэмою... Именно такъ! Вѣдь Гоголь большой острякъ и шутникъ, и что за веселый человѣкъ, Боже мой! Самъ безпрестанно хохочетъ и другихъ смѣшитъ!... Именно такъ, вы угадали, умные люди...

Что касается до насъ, то, не считая себя въ правѣ говорить печатно о личномъ характерѣ живого писателя, мы скажемъ только, что не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ „поэмою“, и что не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ нею. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточнаго и смѣшного; ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиція, введеніе въ поэму, что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги, въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на „Мертвыя Души“ и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру. Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе; а теперь пусть скажетъ что-нибудь самъ авторъ:

„...И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую; помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой-то артиллерійской батареи“, зеленыя, желтыя и свѣжеразрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора! Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что́ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что́ зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно обьемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!... (424—427).

„...И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“, его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно чудное! Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ—и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль—и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка! птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ, а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ...

„Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху,—и мчится вся вдохновленная Богомъ!... Русь, куда-жъ несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторанивается и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.....“ (473—475).

Грустно думать, что этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество отъ души станетъ хохотать оттого, отчего у другого волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ... А между тѣмъ, это такъ, и иначе быть не можетъ. Высокая, вдохновенная поэма пойдетъ для большинства за „преуморительную штуку“. Найдутся также и патріоты, о которыхъ Гоголь говоритъ на 468-й страницѣ своей поэмы, и которые, съ свойственною имъ проницательностію, увидятъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ злую сатиру, слѣдствіе холодности и нелюбви къ родному, къ отечественному,—они, которымъ такъ тепло въ нажитыхъ ими потихоньку домахъ и домикахъ, а можетъ быть, деревенькахъ—плодахъ благонамѣренной и усердной службы... Пожалуй, еще закричатъ и о личностяхъ... Впрочемъ, это и хорошо съ одной стороны: это будетъ лучшею критическою оцѣнкою поэмы... Что касается до насъ, мы, напротивъ, упрекнули бы автора скорѣе въ излишествѣ непокороннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ юношески увлекающагося, нежели въ недостаткѣ любви и горячности къ родному и отечественному... Мы говоримъ о нѣкоторыхъ,—къ счастію немногихъ, хотя къ несчастію и рѣзкихъ — мѣстахъ, гдѣ авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними (стр. 208, 430). Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое, и, сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и въ другихъ... Объ этомъ много можно сказать, какъ и о многомъ другомъ,—что мы и сдѣлаемъ скоро въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

1842 г.

---

38. Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“.

Москва. 1842.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ свѣтъ немедленно послѣ появленія „Мертвыхъ душъ“ крошечная брошюрка въ два десятка страницъ; авторомъ ея былъ К. Аксаковъ, не такъ давно еще близкій товарищъ Бѣлинскаго, а отнынѣ ожесточенный его противникъ. Обиженный настоящей рецензіей, К. Аксаковъ напечаталъ въ отвѣтъ на нее статейку „Объясненіе“ („Москвитянинъ“, 1842 г., ч. V, № 9), на которую Бѣлинскій

въ свою очередь отвѣчалъ статьей „Объясненіе на объясненіе“ — ниже статья № 39. Во вступительной замѣткѣ къ слѣдующей статьѣ мы остановимся на этой полемикѣ Бѣлинскаго и К. Аксакова.

И.-Р.

Мы ничего не хотѣли-было говорить объ этой странной брошюрѣ; но насъ побудили къ этому слѣдующія въ ней строки:

„Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши; но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что касается до мнѣнія петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что̀ они подумаютъ (впрочемъ исключая, можетъ быть, „Отеч. Зап.“, которыя хвалятъ Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы; напротивъ, мы о нихъ и не говоримъ; развѣ въ Петербургѣ можетъ существовать кругъ ихъ дѣятельности!...“

Хоть мы и не имѣемъ никакихъ причинъ особенно горячиться за *всѣ* петербургскіе журналы, но все-таки долгъ справедливости требуетъ замѣтить автору брошюры, что кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ простирается не только на Петербургъ, но и на Москву и на всѣ провинціи Россіи, куда выписываются они тысячами, и что, наоборотъ, кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ московскихъ журналовъ не простирается даже и на Москву, ибо ни найти ихъ тамъ, ни услышать о нихъ тамъ что-нибудь рѣшительно невозможно. Это фактъ, противъ котораго не устоитъ никакое умозрѣніе—ни нѣмецкое, ни московское.

Но и не это обстоятельство заставило насъ говорить о томъ, о чемъ легко можно было бы умолчать, а снисходительное выключеніе „Отеч. Записокъ“ изъ опалы, подъ которую подпали у строгаго автора петербургскіе журналы. Пожалуй—чего добраго!—найдутся люди, которые заключатъ изъ этого, что „Отеч. Записки“ раздѣляютъ мнѣніе автора брошюры о Гоголѣ и о „Мертвыхъ Душахъ“: вотъ этого-то мы никакъ не хотѣли бы, и желаніе отклонить отъ себя незаслуженную честь участвовать въ ультраумозрительныхъ московскихъ воззрѣніяхъ на просто понимаемое нами дѣло, побудило насъ взяться за перо. Мысли автора брошюры о Гоголѣ и его твореніяхъ такъ оригинальны, такъ отважны, что едва ли кто-нибудь осмѣлился бы раздѣлить съ нимъ славу ихъ изобрѣтенія. Итакъ, спѣшимъ объясниться.

„Предъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами“.

Вотъ что̀ прежде всего видитъ авторъ брошюры въ „Мертвыхъ Душахъ“! Дѣло, видите ли, такого рода: перенесенный изъ Греціи на Западъ, древній эпосъ мелѣлъ постепенно, и наконецъ совсѣмъ высохъ, *низойдя* до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія—до французской повѣсти... Но Гоголь спасъ древній эпосъ, и міръ имѣетъ теперь новую „Иліаду“, т.-е. „Мертвыя Души“, и новаго Гомера, т.-е. Гоголя!... Бѣдный Гоголь!

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!...

Итакъ, эпосъ древній не есть исключительное выраженіе древняго міросозерцанія въ древней формѣ: напротивъ, онъ что-то вѣчное, неподвижно стоящее, независимо отъ исторіи; онъ можетъ быть и у насъ, и мы его имѣемъ — въ „Мертвыхъ Душахъ“!...

Итакъ, эпосъ не развился исторически въ романъ, а *снизошелъ* до романа!... Поздравляемъ философское умозрѣніе, плохо знающее фактическую исторію!...

Итакъ, романъ есть не эпосъ нашего времени, въ которомъ выразилось созерцаніе жизни современнаго человѣчества и отразилась сама современная жизнь, нѣтъ, романъ есть искаженіе древняго эпоса?... Ужъ и современное-то человѣчество не есть ли—искаженная Грецiя?... Именно такъ!...

Но, увы! какъ ни ясны умозрительные доводы автора брошюры, а мы, прозаическіе петербуржцы, все-таки остаемся при своихъ *историческихъ* убѣжденіяхъ, и думаемъ, что Гоголь такъ же похожъ на Гомера, а „Мертвыя Души“ на „Иліаду“, какъ сѣрое петербургское небо и сосновыя рощи петербургскихъ окрестностей на свѣтлое небо и лавровыя рощи Эллады. Далѣе мы думаемъ, что Гоголь вышелъ совсѣмъ не изъ Гомера и не состоитъ съ нимъ ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствѣ,—думаемъ, что онъ вышелъ изъ Вальтера Скотта, изъ того Вальтера Скотта, который могъ явиться самъ собою, независимо отъ Гоголя, но безъ котораго Гоголь никакъ не могъ бы явиться. Во французской повѣсти мы видимъ не крайнее униженіе древняго эпоса, а просто—французскую повѣсть, выраженіе, зеркало французской жизни. Мы даже не видимъ ничего особенно позорнаго и въ нѣмецкихъ повѣстяхъ, часто отражающихъ въ себѣ не сферу дѣйствительной жизни, а химеры фантазіи, испорченной пивомъ, кнастеромъ и филистерствомъ [1]). Что̀ выражаетъ собою духъ всемірно-исторической націи, то не можетъ быть вздоромъ, и та философія, которая на-

[1]) Очевидный намекъ на Гофмана; см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 21.

зываетъ вздоромъ подобныя вещи, сама—вздоръ, хотя-бъ она была и абсолютная...

Правда, авторъ брошюры, кажется, и самъ смекнулъ, что онъ уже слишкомъ занесся, и поспѣшилъ замѣтить, что „Мертвыя Души“ не одно и то же съ „Иліадою“, ибо-де „само содержаніе кладетъ здѣсь разницу“; но тутъ же, въ выноскѣ, замѣчаетъ онъ: „Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе Мертвыхъ Душъ?“ (стр. 5). На это мы можемъ отвѣчать утвердительно, что какъ бы ни раскрылось оно, какой бы величавый, лирическій ходъ ни приняло оно, вмѣсто юмористическаго,—все-таки „Иліада“ будетъ сама по себѣ, а „Мертвыя Души“ будутъ сами по себѣ. „Иліада“ выразила собою содержаніе положительное, дѣйствительное, общее, міровое и всемірно-историческое, слѣдовательно, вѣчное и неумирающее: „Мертвыя Души“, равно какъ и всякая другая русская поэма, пока еще не могутъ выразить подобнаго содержанія, потому что еще негдѣ его взять, а на „нѣтъ“ и суда нѣтъ. Авторъ брошюры видитъ у Гоголя „эпическое созерцаніе, древнее, истинное, то же, какое у Гомера“: это показываетъ, что онъ совершенно не понялъ паѳоса „Мертвыхъ Душъ“ и, обольстившись умозрѣніями собственнаго изобрѣтенія, навязалъ поэмѣ Гоголя значеніе, котораго въ ней вовсе нѣтъ. Напрасно онъ не вникнулъ въ эти глубоко знаменательныя слова Гоголя: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее *сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы*“ („Мертвыя Души“, стр. 258). Въ этихъ немногихъ словахъ высказано все значеніе, все содержаніе поэмы, и намекнуто, почему она названа „поэмою“. Въ смыслѣ *поэмы* „Мертвыя Души“ діаметрально-противоположны „Иліадѣ“. Въ „Иліадѣ“, жизнь возведена на апоѳеозу; въ „Мертвыхъ Душахъ“ она разлагается и отрицается; паѳосъ „Иліады“ есть блаженное упоеніе, проистекающее отъ созерцанія дивно божественнаго зрѣлища; паѳосъ „Мертвыхъ Душъ“ есть юморъ, созерцающій жизнь *сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы*. Что же касается до эпическаго спокойствія,—оно совсѣмъ не исключительное качество поэмы Гоголя: это—общее родовое качество эпоса. Романы Вальтера Скотта и Купера, поэтому, также отличаются эпическимъ спокойствіемъ.

Нельзя безъ улыбки читать 9-й страницы брошюры, гдѣ авторъ заставляетъ Ахилла новой „Иліады“, *плутоватаго* Чичикова, сливаться съ субстанціальною стихіею русской жизни—въ чемъ бы вы думали?—въ любви къ скорой ѣздѣ!... Итакъ, любовь къ скорой почтовой ѣздѣ—вотъ субстанція русскаго народа!... Если такъ, то конечно почему-жъ бы *Чичикову* и не быть Ахилломъ Русской „Иліады“, Собакевичу — Аяксомъ неистовымъ (особенно во время обѣда), Манилову — Александромъ Парисомъ, Плюшкину — Несторомъ, Селифану — Автомедономъ, полиціймейстеру, отцу и благодѣтелю города — Агамемнономъ, а квартальному съ пріятнымъ румянцемъ и въ лакированныхъ ботфортахъ—Гермесомъ?...

Въ сравненіяхъ, разсѣянныхъ по поэмѣ Гоголя, авторъ брошюры особенно видитъ сродство его съ Гомеромъ. Но это сродство существуетъ также и между Пушкинымъ и Гомеромъ, что́ можно *фактически* доказать ссылками на „Евгенія Онѣгина“ и другія поэмы Пушкина... Думаемъ, что съ этой стороны у Гомера довольно наберется родни.

Говоря о полнотѣ жизни, въ которой изображаетъ Гоголь свои лица, и которая дѣйствительно удивительна, авторъ брошюры не точно выразился, сказавъ, будто „Гоголь не лишаетъ лицо, отмѣченное мелкостью, низостью, *ни одного* человѣческаго движенія“, надо было сказать—иногда не лишаетъ какихъ-нибудь человѣческихъ движеній, или что-нибудь подобное. А то, чего добраго! окажется, что и дура Коробочка, и буйволъ Собакевичъ не лишены ни одного человѣческаго чувства и, потому, ничѣмъ не хуже любого великаго человѣка. Напрасно также авторъ брошюры вздумалъ смотрѣть съ участіемъ на глупую и сантиментальную размазню Манилова, когда тотъ идіотски мечтаетъ о томъ, какъ онъ съ Чичиковымъ пьетъ чай на бельведерѣ, съ котораго видна Москва, какъ они съ нимъ пріѣзжаютъ въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, обвораживаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и какъ само высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами... Признаемся, мы читали это со смѣхомъ и безъ всякаго участія къ личности Манилова, можетъ быть, потому именно, что не имѣемъ въ себѣ ничего родственнаго съ такого рода „мечтательными“ личностями.

Далѣе, авторъ брошюры доказываетъ, что такой полноты созданія, какова у Гоголя, не встрѣтить ни у кого, кромѣ какъ у Гомера и Шекспира. „Да“, говоритъ онъ: „*только* Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этою тайною искусства“.—А Пушкинъ?... Да куда ужъ тутъ Пушкину, когда Гоголь заставилъ (впрочемъ безъ всякаго съ своей стороны желанія—мы за это ручаемся) автора брошюры забыть даже о существованіи Сервантеса, Данта, Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Беранжѐ, Жоржа-Занда!... Всѣ они—пасъ передъ Гоголемъ!... Куда имъ до него! Гомеръ, Шек-

спиръ и Гоголь—больше никого мы не хотимъ знать, что̀ ни говори себѣ „неблагонамѣренные“ люди!... Однакожъ, авторъ брошюры позволяетъ Гомеру и Шекспиру стоять подлѣ Гоголя только по *акту созданія*, а по содержанію онъ ставитъ ихъ выше его. „Въ отношеніи къ акту творчества, въ отношеніи къ полнотѣ самаго созданія—Гомера и Шекспира, *и только* Гомера и Шекспира, ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ“. Какіе счастливцы эти Гомеръ и Шекспиръ! И какъ жаль, что Богъ не далъ имъ дожить до такого счастія!... „Мы“, говоритъ авторъ брошюры: „далеки отъ того, чтобы унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту творчества *они ниже Гоголя*“ (стр. 15). Но говоря далѣе, авторъ брошюры жестоко проговаривается, самъ того не замѣчая, и даетъ намъ прекрасное средство его же орудіемъ сдуть построенные имъ карточные домики фантазерскихъ умозрѣній:

„Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ (продолжаетъ авторъ брошюры): поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, но во всемъ его совершенствѣ, во всей свободѣ его жизни; другой создастъ великаго человѣка, взявши большее содержаніе, но только помѣтитъ его общими чертами; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества“ (стр. 15).

Во-первыхъ, разсуждая о дѣлѣ творчества, нѣчего и говорить о поэтахъ, *не* обладающихъ тайною творчества, и заставлять ихъ намѣчать общими чертами идеалы великихъ людей; надо великаго поэта противопоставлять великому же поэту. Въ такомъ случаѣ мы не обинуясь скажемъ, что слегка намѣченный идеалъ великаго человѣка будетъ болѣе великимъ созданіемъ, нежели во всей полнотѣ и во всей свободѣ жизни воспроизведенный цвѣтокъ. Двѣ стороны составляютъ великаго поэта: естественный талантъ и духъ или содержаніе. Это-то содержаніе и должно быть мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ. Только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ: высшая точка, зенитъ поэтической славы. Прежде, смотря на поэта больше со стороны естественнаго таланта и желая выразить однимъ словомъ высшее его значеніе, мы думали воспользоваться для этого эпитетомъ „мірового“; но скоро увидѣвъ, что черезъ это смѣшиваются два различныя представленія, мы оставили безразличное употребленіе этого слова. Міровой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ быть и не міровымъ поэтомъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ; но если вы хотите знать, что̀ такое „міровой“ поэтъ, возьмите Байрона хоть въ прозаическомъ французскомъ переводѣ, и прочтите изъ него, что̀ вамъ прежде попадется на глаза. Если вы не падете въ трепетѣ предъ колоссальностію идей этого страшнаго ученика Руссо, этого глубокаго субъективнаго духа, этого потомка миѳическихъ титановъ, громоздившихъ горы на горы и осаждавшихъ Зевеса на его неприступномъ Олимпѣ,—тогда не понять вамъ, что̀ такое „міровой“ поэтъ. Прочтите „Фауста“ и „Прометея“ Гёте, прочтите трепещущія пѳосомъ любви ко всему человѣчному созданія Шиллера,—и вы устыдитесь, что этихъ колоссовъ, идущихъ въ главѣ всемірно-историческаго движенія *цѣлаго человѣчества*, поставили вы ниже великаго *русскаго* поэта... Что же касается до вашего сравненія художественно-созданнаго цвѣтка съ слегка наброшеннымъ идеаломъ великаго человѣка, мы укажемъ вамъ на примѣръ не изъ столь великой сферы. „Бояринъ Орша“ Лермонтова—произведеніе не только слегка начерченное, но даже дѣтское, гдѣ большею частію ложны и нравы и костюмы, но просимъ васъ указать намъ на что-нибудь и побольше цвѣтка, что̀ могло бы сравниться съ этимъ геніальнымъ очеркомъ. Отчего это? — Оттого, что въ дѣтскомъ созданіи Лермонтова вѣетъ духъ, передъ которымъ потускнѣетъ не одно художественное произведеніе—цвѣтокъ ли то, или цѣлый цвѣтникъ...

„Итакъ (продолжаетъ авторъ брошюры), этимъ сравненіемъ (хотя вообще сравненія объясняютъ неполно, но чтобы не писать длинной статьи) надѣемся мы пояснить наши слова: *въ отношеніи къ акту творчества*. Но Боже насъ сохрани, чтобы миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя: мы хотимъ только сказать, что онъ обладаетъ тою же тайною, какою обладали Шекспиръ и Гомеръ, и только они“... „Итакъ, повторимъ наши слова, какъ бы они странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можемъ мы встрѣтить такую полноту созданій, какъ у Гоголя: только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ великою, одною и тою же тайною искусства“ (стр. 15—16).

Положимъ даже, что все это и такъ, но вотъ вопросъ: что же во всемъ этомъ и чему именно тутъ радоваться?... Во-первыхъ, еще совсѣмъ не доказанная истина, совсѣмъ не аксіома, что Гоголь, по акту творчества, выше, хоть, напримѣръ, Пушкина и позволяетъ стоять подлѣ себя только Гомеру и Шекспиру,—и мы очень жалѣемъ, что авторъ брошюры не взялъ на себя труда доказать это, а ограничился нѣсколькими фразами, въ родѣ оракульскихъ. Во-вторыхъ, акта творчества еще мало для поэта, чтобъ имя его стало на ряду съ именами Гомера и Шекспира... Все это ужасно сбивается на реторику и фразы, все это такъ похоже на игру въ эстетическіе каламбуры. Занятіе,

конечно, невинное, но и ни къ чему не ведущее, кромѣ профанаціи именно того, что̀ составляетъ предметъ дѣтскаго удивленія. Гдѣ, укажите намъ, гдѣ вѣетъ въ созданіяхъ Гоголя этотъ всемірно-историческій духъ, это равно общее для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержаніе? Скажите намъ, что̀ бы сталось съ любымъ созданіемъ Гоголя, если бъ оно было переведено на французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ? Что̀ интереснаго (не говоря уже о великомъ) было бы въ немъ для Француза, Нѣмца или Англичанина? Гдѣ же права Гоголя стоять на ряду съ Гомеромъ, Шекспиромъ?—Знаете ли, что̀ мы сказали бы на ушко всѣмъ умозрителямъ: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гёте или Шиллера, такъ дѣлается какъ-то неловко при воспоминаніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байронахъ и проч. Вальтеромъ Скоттомъ тоже шутить нѣчего: этотъ человѣкъ далъ историческое и соціальное направленіе новѣйшему европейскому искусству.

И, однакожъ, мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его „Мертвыя Души“—великимъ произведеніемъ. Но въ первомъ случаѣ мы разумѣемъ естественный талантъ, по которому Гоголь, какъ и Пушкинъ, дѣйствительно напоминаютъ собою величайшія имена всѣхъ литературъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не дивиться его умѣнію оживлять все, къ чему ни прикоснется, въ поэтическіе образы,—его орлиному взгляду, которымъ онъ проникаетъ въ глубину тѣхъ тонкихъ и для простого взгляда недоступныхъ отношеній и причинъ, гдѣ только слѣпая ограниченность видитъ мелочи и пустяки, не подозрѣвая, что на этихъ мелочахъ и пустякахъ вертится, увы!—цѣлая сфера жизни. Но Гоголь великій русскій поэтъ, не болѣе, „Мертвыя Души“ его—тоже только для Россіи и въ Россіи могутъ имѣть безконечно великое значеніе. Такова, пока, судьба всѣхъ русскихъ поэтовъ; такова судьба и Пушкина. Никто не можетъ быть выше вѣка и страны; никакой поэтъ не усвоитъ себѣ содержанія, неприготовленнаго и невыработаннаго исторіею. Немногое, слишкомъ немногое изъ произведеній Пушкина можетъ быть передано на иностранные языки, не утративъ съ формою своего субстанціальнаго достоинства; но изъ Гоголя—едва ли что-нибудь можетъ быть передано. И, однакожъ, мы въ Гоголѣ видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ: ибо Гоголь болѣе поэтъ соціальный, слѣдовательно, болѣе поэтъ въ духѣ времени; онъ также менѣе теряется въ разнообразіи создаваемыхъ имъ объектовъ и болѣе даетъ чувствовать присутствіе своего субъективнаго духа, который долженъ быть солнцемъ, освѣщающимъ созданія поэта нашего времени. Повторяемъ: чѣмъ выше достоинство Гоголя, какъ поэта, тѣмъ важнѣе его значеніе для русскаго общества, и тѣмъ менѣе можетъ онъ имѣть какое-либо значеніе внѣ Россіи. Но это-то самое и составляетъ его важность, его глубокое значеніе и его—скажемъ смѣло—колоссальное величіе для насъ, Русскихъ. Тутъ нѣчего и упоминать о Гомерѣ и Шекспирѣ, нѣчего и путать чужихъ въ свои семейныя тайны. „Мертвыя Души“ сто̀ятъ „Иліады“, но только для Россіи, для всѣхъ же другихъ странъ ихъ значеніе мертво и непонятно.

Было время, когда на Руси никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ русскій умъ, русскій языкъ могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за геніальность на святой Руси, а свое русское, хотя бы и отличенное высокою даровитостію, презиралось за то только, что оно русское. Время это, слава Богу, прошло, и теперь настало другое, когда намъ уже ни-по-чемъ и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, потому что мы успѣли уже позавестись своими,—мы чужихъ становимъ въ шеренги, словно солдатъ, заставляемъ ихъ маршировать и справа и слѣва, и взадъ и впередъ, благо бѣдняжки молчатъ и повинуются нашему гусиному перу и тряпичной бумагѣ. Но пора кончиться и этому времени, пора бросить эти ребяческія фразы...

Юность не хочетъ и знать этого. Чуть взбредетъ ей въ голову какая-нибудь недоконченная мечта—тотчасъ ее на бумагу, съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, что эта мечта—аксіома, что міру открыта великая истина, которой не хотятъ признать только невѣжды и завистники... А тамъ что?—Кому суждено возмужать, тотъ потихоньку забудетъ о томъ, о чемъ такъ громко говорилъ прежде, или будетъ самъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ грѣхомъ юности... Но есть люди, которые или навѣкъ остаются дѣтьми, или навѣкъ остаются юношами: ихъ убѣжденіе не слабѣетъ; они продолжаютъ высказывать его съ прежнимъ простодушіемъ, и новыя фантазіи, подобныя прежнимъ, тянутся у нихъ до гроба длинною вереницею, какъ мечты у Манилова по отъѣздѣ Чичикова... 1842 г.

39. Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души“.

„Моя натура вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи“—говорилъ самъ о себѣ Бѣлинскій. Но это общераспространенное сужденіе о немъ справедливо только въ отношеніи къ отвлеченнымъ идеямъ, къ системамъ міровоззрѣній; когда же дѣло касалось живой ткани искусства, вопросовъ литературно-критическихъ — Бѣлинскій какъ бы перерождался: почти всегда и сразу попадалъ онъ въ самый „центръ идеи“ и боролся съ двумя противоположными крайностями. Отсюда и то постоянство его литературныхъ мнѣній, которое—мы это часто отмѣчали—такъ рѣзко контрастируетъ съ измѣнчивостью его соціальныхъ и философскихъ взглядовъ и убѣжденій.

Здѣсь мы имѣемъ характернѣйшій примѣръ борьбы Бѣлинскаго на два фронта, противъ двухъ крайнихъ и одинаково курьезныхъ мнѣній о „Мертвыхъ Душахъ“. Бѣлинскій сразу и первый поставилъ Гоголя на громадную высоту, провозгласивъ его наслѣдникомъ Пушкина и главою русской литературы; ему приходилось не мало сражаться противъ другого мнѣнія, согласно которому Гоголь былъ только мелкій водевилистъ и послѣдователь Поль - де - Кока (см. ниже, ст. № 42). Но вмѣстѣ съ этимъ Бѣлинскому пришлось не менѣе рѣзко полемизировать и съ другой крайностью—съ попыткой поставить Гоголя рядомъ съ Гомеромъ и Шекспиромъ, какъ это сдѣлалъ К. Аксаковъ; сущность этого мнѣнія намъ извѣстна изъ предыдущей статьи Бѣлинскаго.

Мнѣніе это было не внезапнымъ восторженнымъ порывомъ экспансивнаго К. Аксакова; оно сложилось у него еще задолго до 1842 года. Еще въ концѣ 1839 года К. Аксаковъ выражалъ это мнѣніе въ письмѣ къ Бѣлинскому, и тогда же Бѣлинскій съ легкой ироніей отвѣчалъ К. Аксакову: „радуюсь твоей новой классификаціи—Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь,—но и дивлюсь ей. Куда же дѣвался Гёте? О, юноша! пылка душа твоя, и я люблю ея прекраснодушную пылкость! Вотъ мы и сошлись съ тобою; только у меня на мѣстѣ Гоголя стоитъ Пушкинъ, который всего поглотилъ у меня... Да, великъ Гоголь, поэтъ міровой: это для меня ясно, какъ $2 \times 2 = 4$; но Пушкинъ... Впрочемъ надо еще подождать. Эти вещи трудны для выговариванія“ (письмо отъ 10 янв. 1840 г.; тѣ же мысли мы найдемъ и въ слѣдующемъ письмѣ Бѣлинскаго къ К. Аксакову отъ 14 іюня 1840 года).

Такъ писалъ Бѣлинскій въ 1840 году; мы знаемъ, что въ это время онъ дѣйствительно считалъ Пушкина „міровымъ“ поэтомъ. Но уже въ слѣдующемъ году онъ отказался отъ этого мнѣнія и высказалъ это въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“ и въ другихъ статьяхъ этого времени. Въ предъидущей статьѣ Бѣлинскій самъ указалъ на причины перемѣны своего мнѣнія: *только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ*,—читали мы тамъ. „Прежде,—говоритъ Бѣлинскій,—смотря на поэта больше со стороны естественнаго таланта и желая выразить однимъ словомъ высшее его значеніе, мы думали воспользоваться для этого эпитетомъ „мірового“; но скоро увидѣвъ, что черезъ это смѣшиваются два различныя представленія, мы оставили безразличное употребленіе этого слова. Міровой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ быть и не міровымъ поэтомъ“... Эта мысль находится въ связи съ вновь появившимся у Бѣлинскаго отрицаніемъ существованія русской литературы, ясно выразившимся еще въ статьѣ о „Русской литературѣ въ 1840 году“ (№ 26). И теперь, въ статьѣ о „Мертвыхъ Душахъ“ (№ 37), Бѣлинскій снова повторялъ: „мы уже не разъ говорили, что не вѣримъ существованію русской литературы, какъ выраженію народнаго сознанія“; потому именно, думаетъ Бѣлинскій, русская литература и не является литературой „міровою“... Этотъ отрицательный взглядъ на русскую литературу Бѣлинскій измѣнилъ только къ 1843 году, какъ мы видѣли это изъ его статьи „Общее значеніе слова литература“ (см. выше, стр. 94—99) и какъ увидимъ еще ниже изъ другихъ статей.

Но даже и признавъ впослѣдствіи „существованіе“ русской литературы (въ смыслѣ историческаго развитія), Бѣлинскій все же остался при прежнемъ мнѣніи относительно мѣстнаго значенія Пушкина и Гоголя. И если уже онъ ошибался въ этомъ—особенно относительно Пушкина, этого величайшаго выразителя „субстанціальнаго начала русской жизни“,—то все же онъ былъ совершенно правъ въ своей полемикѣ съ К. Аксаковымъ и съ его курьезнымъ сопоставленіемъ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Правда, К. Аксаковъ ставилъ Гоголя рядомъ съ Гомеромъ и

Шекспиромъ только *въ отношеніи къ акту творчества*; но и съ такимъ ограниченіемъ мысль К. Аксакова не становилась болѣе пріемлемой. Во-первыхъ, Бѣлинскій еще за годъ до появленія брошюрки К. Аксакова замѣтилъ въ своей статьѣ о Лермонтовѣ (т. I, стр. 920), что „въ отношеніи къ акту творчества... пѣсня Беранже совершенно равна любой драмѣ Шекспира", такъ что сопоставленіе съ Шекспиромъ Гоголя становилось безсодержательнымъ; во-вторыхъ, въ настоящей статьѣ Бѣлинскій наглядно показалъ, что стоять рядомъ съ Гомеромъ или Шекспиромъ у Гоголя нѣтъ никакого особаго права, сверхъ указаннаго выше и объединяющаго всѣхъ поэтовъ всего міра. Разумѣется, это не только не мѣшало, но, напротивъ, особенно побуждало Бѣлинскаго еще больше подчеркивать все „колоссальное величіе" Гоголя, его „великій талантъ" и громадное значеніе его „геніальныхъ созданій" для русскаго общества, для русской литературы. Сравненіе же Гоголя въ какомъ бы то ни было отношеніи съ Гомеромъ или Шекспиромъ могло только повредить правильной его оцѣнкѣ и вызвать ироническое къ нему отношеніе со стороны читающей массы. Съ этимъ и боролся Бѣлинскій.

Этимъ объясняется и рѣзкій тонъ его полемики съ К. Аксаковымъ—однимъ изъ близкихъ друзей его юности. Разрывъ былъ неизбѣженъ: по слишкомъ разнымъ путямъ пошли К. Аксаковъ и Бѣлинскій. Послѣдній еще въ серединѣ 1839 года писалъ изъ Москвы Панаеву про К. Аксакова: „славный, чудный человѣкъ!... Въ немъ есть все—и сила, и энергія, и глубокость духа, но въ немъ есть одинъ недостатокъ, который меня глубоко огорчаетъ. Это—...какой-то *китайскій* элементъ, который примѣшался къ прекраснымъ элементамъ его духа. Коли онъ во что засядетъ, такъ, во-первыхъ, засядетъ по уши; а, во-вторыхъ, во сто лѣтъ не вытащите вы его и за уши изъ того ощущеньица, или изъ того понятьица, которое отъ праздности забредетъ въ его, впрочемъ, необыкновенно умную голову" (письмо отъ 19 авг. 1839 г.). Эта блестящая характеристика, повторенная въ заключительныхъ строкахъ статьи № 38, какъ нельзя лучше подтверждается и всей настоящей полемикой: какъ засѣлъ въ 1839 году К. Аксаковъ въ своемъ приравниваніи Гоголя Гомеру и Шекспиру, такъ и остался въ этомъ „понятьицѣ" вплоть до 1842-го и слѣдующихъ годовъ. И это несмотря на тотъ „необыкновенный умъ", который справедливо видѣлъ въ немъ Бѣлинскій... Для всей дѣятельности К. Аксакова сохраняетъ силу эта характеристика; объ этой дѣятельности см. книгу С. Венгерова о К. Аксаковѣ, или статью въ первомъ томѣ его „Критико-біографическаго словаря" (стр. 201—318), тамъ же подробный біографическій и библіографическій указатель.

Настоящая и предыдущая статья знаменуютъ собою окончательный разрывъ Бѣлинскаго со всѣми „москвитянами", неизбѣжный уже послѣ его „Педанта". Бѣлинскій порывалъ послѣднія узы личныхъ отношеній съ былыми друзьями изъ „москвитянъ"; съ 1842 года начинается постепенно разгорающаяся полемика Бѣлинскаго и его новыхъ друзей съ формирующимся славянофильствомъ. **И.-Р.**

Изъ множества статей, написанныхъ въ послѣднее время о „Мертвыхъ Душахъ" или по поводу „Мертвыхъ Душъ", особенно замѣчательны четыре. Ихъ нельзя не раздѣлить на двѣ половины, по-парно. Каждая изъ двухъ статей въ парѣ составляетъ рѣзкій контрастъ; на каждую можно смотрѣть, какъ на крайнюю противоположность другой парѣ. О первой изъ нихъ мы упоминали въ предыдущей книжкѣ „Отечеств. Записокъ", какъ о единственной хорошей статьѣ изъ всѣхъ, написанныхъ по поводу поэмы Гоголя. Она напечатана въ третьей книжкѣ „Современника" [1]). Это статья умная и дѣльная сама по себѣ, безотносительно; но кто-то, вѣроятно, безъ всякаго умысла, а спроста и невинно, сдѣлалъ рѣзче ея достоинство и выше ея цѣну, написавъ къ ней нѣчто въ родѣ антипода и назвавъ свое посильное писаніе *критикою* на „Мертвыя Души" [1]). Смыслъ этой „критики" находится въ обратномъ отношеніи къ смыслу статьи „Современника". Боже мой, сколько курьёзнаго въ этой „критикѣ"! Довольно сказать, что въ ней Селифанъ названъ представителемъ неиспорченной русской натуры, Ахилломъ новой „Иліады", на томъ основаніи, что онъ *а)* пріятельски разговариваетъ съ лошадьми, и *б)* напивается мертвецки со всякимъ хорошимъ, т.-е. всегда готовымъ мертвецки напиться человѣкомъ... По этому можно судить и о прочемъ, чѣмъ такъ необыкновенно замѣчательна „критика", о которой мы говоримъ... [2]).

Другую пару рѣзкихъ противоположностей составляютъ: статья въ „Библіотекѣ для Чтенія" и московская брошюрка „Нѣ-

[1]) „Современникъ" 1842 г., т. XXVII; статья Плетнева.

[1]) Статья Шевырева въ „Москвитянинѣ" 1842 г., ч. IV, №№ 7—8.

[2]) См. объ этомъ подробнѣе въ статьѣ № 42.

сколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. — Статья „Библ. для Чтенія“ была неудачнымъ усиліемъ втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и эстетическое ничтожество. Всѣмъ извѣстно, что эта статья добилась совсѣмъ не тѣхъ результатовъ, о которыхъ хлопотала.

Брошюрка—антиподъ этой статьи—пошла отъ противоположной крайности: въ ней „Мертвыя Души“ являются вторымъ твореніемъ послѣ „Иліады“, а подлѣ Гоголя позволяется становиться только Гомеру и Шекспиру...

Но „Мертвыя Души“ и безъ всякихъ претензій становиться на ряду съ „Иліадой“ имѣютъ великое достоинство: оттого-то онѣ устояли не только противъ статьи „Библ. для Чтенія“, но—что̀ было гораздо труднѣе—и противъ московской брошюры... Къ поэмѣ Гоголя, стало быть, нельзя не примѣнять этихъ стиховъ Пушкина:

Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ:
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.

Мы раздѣлили эти четыре статьи на двѣ пары, основываясь на противоположности ихъ достоинствъ и исходныхъ пунктовъ: теперь раздѣлимъ ихъ по тождеству достоинства и взглядовъ ихъ. По послѣднему раздѣленію останутся только двѣ статьи, ибо статья „Современника“, въ такомъ случаѣ, будетъ безъ пары, какъ статья умная и дѣльная; статья „Библ. для Чтенія“ тоже будетъ безъ пары, какъ протестація противъ огромнаго успѣха яркаго таланта. Итакъ, остаются только двѣ статьи; та, въ которой Селифанъ торжественно признанъ представителемъ „неиспорченной русской натуры“, и московская брошюрка; обѣ онѣ много имѣютъ между собою общаго и родственнаго. Но объ этомъ послѣ, а сперва замѣтимъ, мимоходомъ, что намъ много даютъ работы и бранныя и хвалебныя статьи о „Мертвыхъ Душахъ“. Такъ какъ эти хвалебныя статьи больше оскорбляютъ людей безпристрастныхъ и благомыслящихъ, то ихъ-то мы и поставляемъ себѣ за обязанность преслѣдовать преимущественно передъ бранными.

Вслѣдствіе этого въ 8-й книжкѣ „Отеч. Записокъ“ была высказана, прямо и опредѣлительно, горькая истина московской брошюрѣ „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. Это крайне не понравилось автору ея, г. Константину Аксакову,—и вотъ онъ, въ 9-мъ № „Москвитянина“, напечаталъ противъ насъ возраженіе, въ которомъ силится доказать, что будто бы мы умышленно исказили смыслъ его брошюры и приписали ему такія мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ признать своими. Стоитъ только перечесть или нашу рецензію, или брошюру г. Константина Аксакова, чтобъ убѣдиться, что мы нисколько не переиначивали дѣла, но представили его такимъ, какъ оно есть, и что оттого именно оно и приняло нѣсколько комическій характеръ. Возраженіе автора брошюры также можетъ служить нашимъ оправданіемъ, ибо въ немъ-то и переиначено дѣло: авторъ брошюры, замѣтивъ неловкость своего положенія, прибѣгнулъ къ обыкновенной, но неловкой литературной увертк̀ѣ, — отперся отъ части своихъ мыслей и много наговорилъ о томъ, что̀, по его мнѣнію, могло служить ему оправданіемъ, умолчавъ о немногомъ, составляющемъ сущность его брошюры и придавшемъ ей такой комическій характеръ. Объясняемся, не ради г. Константина Аксакова, котораго ни брошюра, ни возраженіе не сто̀ятъ большихъ хлопотъ, но ради важности предмета, подавшаго поводъ къ тому и другому. Впрочемъ, если наше объясненіе будетъ полезно и для г. Константина Аксакова, мы будемъ этому очень рады, ибо не имѣемъ никакихъ причинъ не желать добра ни ему, ни кому другому.

Г. Константинъ Аксаковъ начинаетъ свое „Объясненіе“ тѣмъ, что брошюра (имярекъ) принадлежитъ ему, и что въ концѣ ея выставлено его имя, которое, *неизвѣстно почему*, не упомянуто „Отеч. Записками“. Признаемъ справедливость претензіи г. Константина Аксакова, и чтобъ загладить нашу вину передъ нимъ, касательно умолчанія его имени, будемъ въ этой статьѣ какъ можно чаще употреблять его. Впрочемъ, не желая оставлять г. Константина Аксакова въ неизвѣстности о причинѣ умолчанія его имени въ рецензіи, спѣшимъ объяснить, что мы не упомянули этого имени по чувству гуманной деликатности, будучи увѣрены, что имя человѣка и неудачная статья—не одно и то же, ибо и умный, порядочный человѣкъ можетъ написать (и даже напечатать) плохую брошюру. По тому же самому чувству гуманной деликатности мы не хотѣли (хотя бы и слѣдовало это сдѣлать по требованію истины) замѣтить въ нашей рецензіи, что брошюра г. Константина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, поэтому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и что, потому же, въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчивость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость.

Главное обвиненіе г. Константина Аксакова противъ насъ состоитъ въ томъ, будто бы мы заставили его называть „Мертвыя Души“ *Иліадою*, а Гоголя—*Гомеромъ*. Чтобъ отстранить отъ себя нашу улику, онъ ссылается на свою брошюру и дѣлаетъ изъ нея выписки; но все это нисколько не поможетъ горю. Г. Константинъ Аксаковъ дѣйствительно не называлъ „Мертвыхъ Душъ“ *Иліадою*, а Гоголя—*Гомеромъ*; такихъ словъ нѣтъ въ его брошюрѣ; но онъ поставилъ „Мертвыя Души“ на одну доску съ „Иліадою“, а Гоголя на одну доску съ Гомеромъ: вотъ что̀ правда, то правда! Ибо какъ же иначе, если не въ такомъ смыслѣ можно понимать эти слова брошюры (о которыхъ г. Константинъ Аксаковъ какъ будто и забылъ, и надо согласиться, что въ этомъ случаѣ память очень *кстати* измѣнила ему):

„Такъ глубоко значеніе, являющееся намъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя! Передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, *является оправданіе цѣлой сферы поэзіи*, сферы давно унижаемой; *древній эпосъ возстаетъ передъ нами*“.

Это значитъ ни больше, ни меньше, какъ то, что давно унижаемый эпосъ Гомера вновь воскрешенъ Гоголемъ, и что „Мертвыя Души“, *слѣдовательно*, вторая „Иліада“!!...

Еще разъ спрашиваемъ: можно ли иначе понять эти слова г. Константина Аксакова? Онъ жалуется, что мы, по обыкновенію журналистовъ, имѣющихъ въ виду уронить непріятное имъ произведеніе, вырывали мѣстами по нѣскольку строкъ изъ его брошюры, прибавляя къ нимъ собственныя замѣчанія. Но неужели же мы должны были выписывать все? Это значило бы украсить нашъ журналъ брошюрою г. Константина Аксакова, на что мы не имѣли ни права, ни охоты. Итакъ, мы выписали изъ брошюры только тѣ строки, въ которыхъ заключались ея основныя положенія. Такъ сдѣлаемъ мы и теперь. Послѣ выписанныхъ строкъ намъ надо было бы перепечатать теперь нѣсколько страницъ: но это было бы скучно и для насъ и для читателей, и потому мы только *перескажемъ* содержаніе этихъ нѣсколькихъ страницъ, непосредственно слѣдующихъ за выписанными нами строками. Сперва авторъ брошюры характеризуетъ древній эпосъ тѣмъ, что этотъ эпосъ „основанъ былъ на глубокомъ простомъ созерцаніи и обнималъ собою цѣлый опредѣленный міръ во всей неразрывной связи его явленій“, что въ немъ все на своемъ мѣстѣ, всякій предметъ переносится въ него съ его правами, съ тайною его жизни, и т. п. Все это и не ново, и во всемъ этомъ нѣтъ никакой опредѣленности... Потомъ авторъ брошюры говоритъ, что этотъ эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, мелѣлъ, „*снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти*“ (стр. 3). — „И вдругъ, среди этого времени возникаетъ древній эпосъ со своею глубиною и простымъ величіемъ — является поэма Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и все видящій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое созерцаніе“. — „Въ поэмѣ Гоголя является намъ тотъ древній, гомеровскій эпосъ; въ ней возникаетъ вновь его важный характеръ, его достоинство и широкообъемлющій размѣръ“ (стр. 4).

Теперь дѣло ясно: эпосъ есть что-то великое; онъ вполнѣ выразился въ созданіяхъ Гомера („Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“); но со временъ Гомера до Гоголя (до 1842-го года по Р. Х.) все мелѣлъ и искажался: Гоголь же вновь воскресилъ его во всей его первобытной красотѣ и свѣжести...

Неужели и теперь г. Константинъ Аксаковъ отопрется отъ своихъ словъ, явно написанныхъ имъ сгоряча и необдуманно (ибо въ спокойномъ состояніи духа такихъ вещей не говорятъ), и будетъ стараться дать имъ другое значеніе? Нѣтъ, улика налицо, и тутъ не помогутъ никакія увертки...

Правда, древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, точно мелѣлъ и искажался; но въ чемъ?—въ такъ называемыхъ эпическихъ поэмахъ—въ „Энеидѣ“, „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, „Потерянномъ Раѣ“, „Мессіадѣ“ и проч.[1]). Всѣ эти поэмы имѣютъ свои неотъемлемыя достоинства, но какъ частности и отдѣльныя мѣста, а не въ цѣломъ: ибо онѣ не самобытныя созданія, которымъ бы современное содержаніе дало и современную форму, а подражанія, явившіяся вслѣдствіе школьно-эстетическаго преданія объ „Иліадѣ“, преданія, гдѣ „Иліада“ была смѣшана и отождествена съ родомъ поэзіи, къ которому она принадлежитъ. И этотъ древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, дошелъ до крайняго своего униженія въ „Генріадахъ“, „Россіадахъ“, „Петріадахъ“, „Александроидахъ“ и другихъ „идахъ“, „адахъ“ и „ядахъ“, сюда же должно отнести и такія уродливыя произведенія, какъ „Телемакъ“ Фенелона, „Гонзальвъ Кордуанскій“ Флоріана и „Кадмъ и Гармонія“ и „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“ Хераскова и проч. Если бъ г. Константинъ Аксаковъ это разумѣлъ подъ искаженіемъ на Западѣ древняго эпоса,—мы совершенно съ нимъ согласились бы, потому что это фактъ, историческій фактъ, противъ котораго нечего сказать. Но въ такомъ слу-

---

[1]) Изъ этихъ поэмъ должно исключить Divina Comedia Данте, какъ твореніе самобытное, совершенно въ духѣ католической Европы среднихъ вѣковъ.
Прим. Бѣлинскаго.

чаѣ онъ долженъ бы былъ принять за основаніе, что древне-эллинскій эпосъ и не могъ не исказиться, будучи перенесенъ на Западъ, особенно въ новѣйшія времена. Древне-эллинскій эпосъ могъ существовать только для древнихъ Эллиновъ, какъ выраженіе *ихъ* жизни, *ихъ* содержанія въ *ихъ* формѣ. Для міра же новаго его нечего было и воскрешать, ибо у міра новаго есть своя жизнь, свое содержаніе и своя форма, слѣдовательно, и свой эпосъ. И эпосъ новаго міра явился преимущественно въ *романѣ*, котораго главное отличіе отъ древне-эллинскаго эпоса, кромѣ христіанскихъ и другихъ элементовъ новѣйшаго міра, составляетъ еще и *проза жизни*, вошедшая въ его содержаніе и чуждая древне-эллинскому эпосу. И потому романъ отнюдь не есть искаженіе древняго эпоса, но есть эпосъ новѣйшаго міра, исторически возникнувшій и развившійся изъ самой жизни и сдѣлавшійся ея зеркаломъ, какъ „Иліада“ и „Одиссея“ были зеркаломъ древней жизни. Г. Константинъ Аксаковъ умолчалъ о романѣ, сказавъ только, и то въ выноскѣ, что конечно и романъ и повѣсть имѣютъ-де *свое* значеніе и *свое* мѣсто въ исторіи искусства поэзіи; но что предѣлы статьи его не позволяютъ ему распространиться о нихъ (стр. 3). Во-первыхъ, эта выноска явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, искажался *снизошелъ* до романовъ и, наконецъ, *до крайней степени своего униженія*, до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же *свое* значеніе, кромѣ искаженія древняго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ г. Константина Аксакова? И притомъ, если говорить (особенно такія диковинки и такъ смѣло), то ужъ надо говорить все и притомъ опредѣленнѣе, чтобъ не дать себя поймать на недоговоркахъ; или ничего не говорить, или, говоря, не противорѣчить себѣ ни въ текстѣ, ни въ выноскахъ; или, наконецъ, *проговорившись*, умѣть смолчать. Въ противномъ случаѣ это все равно, какъ если бъ кто-нибудь, сказавъ такъ: „Байронъ плохой поэтъ“, а въ выноскѣ замѣтивъ: „впрочемъ и Байронъ имѣетъ *свое* значеніе, но мнѣ теперь некогда о немъ распространяться“, считалъ бы себя правымъ и подумалъ бы, что онъ все сказалъ и сказалъ дѣло, а не пустяки. Г. Константинъ Аксаковъ ни однимъ словомъ не упомянулъ въ своей брошюрѣ ни о Сервантесѣ, ни о Вальтерѣ Скоттѣ, ни о Куперѣ,—чѣмъ и далъ право думать, что онъ и въ нихъ видитъ исказителей эпоса, возстановленнаго Гоголемъ!!!... Въ нашей рецензіи мы это замѣтили г. Константину Аксакову, сказавъ при этомъ, что Вальтеръ Скоттъ есть истинный представитель современнаго эпоса, т.-е. историческаго романа, что Вальтеръ Скоттъ могъ явиться (и явился) безъ Гоголя, но что Гоголя не было бы безъ Вальтера Скотта: и, наконецъ, если Гоголя можно сближать съ кѣмъ-нибудь, такъ ужъ конечно съ Вальтеромъ Скоттомъ, которому онъ, какъ и всѣ современные романисты, такъ много обязанъ, а не съ Гомеромъ, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго. Но г. Константинъ Аксаковъ въ своемъ „Объясненіи“ промолчалъ объ этомъ; — изворотъ очень полезный, для него, разумѣется, но по отношенію къ намъ не совсѣмъ добросовѣстный... И это-то самое заставляетъ насъ повторить, что г. Константинъ Аксаковъ считаетъ романъ униженіемъ эпоса (ибо у него эпосъ *нисходитъ* до романа), а Вальтера Скотта просто ни за что не считаетъ (ибо не удостоиваетъ его и упоминаніемъ — вѣроятно, изъ опасенія унизить Гоголя какимъ бы то ни было сближеніемъ съ такимъ незначущимъ писателемъ, какъ Вальтеръ Скоттъ). Какъ называются такія умозрѣнія — предоставляемъ рѣшить читателямъ...

Итакъ, романъ совершенно уничтоженъ г. Константиномъ Аксаковымъ; но современный эпосъ появился не въ одномъ романѣ исключительно: въ новѣйшей поэзіи есть особый родъ эпоса, который не допускаетъ прозы жизни, который схватываетъ только поэтическіе, идеальные моменты жизни, и содержаніе котораго составляютъ глубочайшія міросозерцанія и нравственные вопросы современнаго человѣчества. Этотъ родъ эпоса одинъ удержалъ за собою имя „поэмы“. Таковы всѣ поэмы Байрона, нѣкоторыя поэмы Пушкина (въ особенности „Цыганы“ и „Галубъ“), также Лермонтова „Демонъ“, „Мцыри“ и „Бояринъ Орша“. Если для г. Константина Аксакова поэмы Пушкина и Лермонтова не составляютъ факта, то какъ же не упомянулъ онъ ни слова о Байронѣ? Положимъ, что Байронъ въ сравненіи съ Гоголемъ — ничто, а Чичиковъ, Маниловы и Селифаны имѣютъ болѣе всемірно-историческое значеніе, тѣмъ титаническія, колоссальныя личности британскаго поэта; но, ничтожный въ сравненіи съ Гоголемъ, Байронъ все-таки долженъ же имѣть хоть какое-нибудь *свое* значеніе и *свое* мѣсто въ исторіи новѣйшаго искусства?... Почему же г. Константинъ Аксаковъ не удостоилъ упомянуть о Байронѣ, ну, хоть однимъ презрительнымъ словомъ, хоть для того, чтобъ уничтожить его во имя „Мертвыхъ Душъ“? Неужели же, спросятъ насъ, г. Константинъ Аксаковъ не шутя и въ Байронѣ видитъ искаженіе эпоса? — Должно быть, такъ: ибо настоящій, истинный эпосъ, послѣ Гомера, явился только въ „Мертвыхъ Душахъ“ — отвѣчаемъ мы... Да

это (опять скажуть намъ), это просто... нелѣпость, галиматья!... Помилуйте, какъ это можно (отвѣчаемъ мы); это умозрѣнія, спекулативныя построенія, гегелевская философія—на замоскворѣцкій ладъ...

Что между Гоголемъ и Гомеромъ есть сходство—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: но какое сходство?—такое, что тотъ и другой—поэты, другого нѣтъ и быть не можетъ. Однакожъ, такое сходство есть не только между Гомеромъ и французскимъ пѣсенникомъ Беранже, но и между Шекспиромъ и русскимъ баснописцемъ Крыловымъ: всѣхъ ихъ дѣлаетъ сходными—*творчество*. Но думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ—это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время человѣчество могло вновь сдѣлаться изъ взрослаго человѣка ребенкомъ, а думать такъ — значитъ быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустыя фантазіи празднаго воображенія выдавать за философскія истины...

Итакъ, повторяемъ: г. Константинъ Аксаковъ не называлъ Гоголя Гомеромъ, а „Мертвыя Души"—„Иліадою"; онъ только сказалъ, что, во-первыхъ „древній эпосъ былъ унижаемъ на Западѣ", а мы прибавили (и имѣли на это право) отъ себя:—Сервантесомъ, Вальтеромъ Скоттомъ, Куперомъ, Байрономъ;—и что, во-вторыхъ, „въ Мертвыхъ Душахъ древній эпосъ возстаетъ передъ нами"; а мы прибавили отъ себя (и имѣли на это право):—*ergo* „Мертвыя Души" то же самое въ новомъ мірѣ, что „Иліада" въ древнемъ, а Гоголь то же самое въ исторіи новѣйшаго искусства, что Гомеръ въ исторіи древняго искусства.

Спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: была ли какая-нибудь возможность вывести другое заключеніе изъ положеній г. Константина Аксакова? или: была ли какая-нибудь возможность не вывести изъ положеній г. Константина Аксакова того заключенія, какое мы вывели?—И мы ли виноваты, что заключеніе это насмѣшило весь читающій по-русски міръ?

Правда, г. Константинъ Аксаковъ далѣе въ своей брошюрѣ замѣчаетъ, что „само содержаніе кладетъ разницу между „Иліадою" и „Мертвыми Душами": однакожъ, эта оговорка у него не только не поясняетъ дѣла, а еще болѣе затемняетъ его, какъ противорѣчіе. Г. Константину Аксакову явно хотѣлось сказать что-то новое, неслыханное міромъ; и какъ у него не было ни силъ, ни призванія сказать новой великой истины, то онъ и разсудилъ сказать великій... какъ бы это выразить?—ну, хоть *парадоксъ*... Удивительно ли, что, развивая и доказывая этотъ парадоксъ, онъ наговорилъ много такого, въ чемъ онъ самъ запутался и надъ чѣмъ другіе только добродушно посмѣялись?... Въ своемъ „Объясненіи" онъ особенно намекаетъ на то, что „эпическое созерцаніе Гоголя—древнее, истинное, то же, какъ и у Гомера", и что „только у одного Гоголя видимъ мы это созерцаніе". Хорошо; да гдѣ же доказательства этого? Да нигдѣ—доказательствъ никакихъ, кромѣ увѣреній г. Константина Аксакова: — бѣдное и ненадежное ручательство! „Поэма Гоголя (говоритъ онъ) представляетъ вамъ, цѣлую форму жизни, цѣлый міръ, гдѣ опять, *какъ у Гомера*, свободно шумятъ и блещутъ воды, восходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ, — міръ, являющій намъ глубокое цѣлое, глубокое, внутри лежащее содержаніе *общей жизни*, связующій единымъ духомъ всѣ свои явленія" (стр. 4). Вотъ всѣ доказательства близкой родственности гомеровскаго эпоса съ гоголевскимъ; но, во-первыхъ, это столько же характеристика гоголевскаго эпоса, сколько и эпоса Вальтера Скотта, съ тою только разницею, что эпосъ Вальтера Скотта именно заключаетъ въ себѣ „содержаніе *общей жизни*", тогда какъ у Гоголя эта „общая жизнь" является только какъ намекъ, какъ задняя мысль, вызываемая *совершеннымъ отсутствіемъ* общечеловѣческаго въ изображаемой имъ жизни. Противъ этого нечего возразить: это ясно. Помилуйте: *общая жизнь* въ Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ и во всемъ честномъ компанствѣ, занимающемъ своею пошлостію вниманіе читателя въ „Мертвыхъ Душахъ"? Гдѣ тутъ Гомеръ? Какой тутъ Гомеръ? Тутъ просто Гоголь — и больше никого.

Говоря, что у Гоголя эпическое созерцаніе чисто древнее, истинное, гомеровское, и что Гоголь все-таки совсѣмъ не Гомеръ, а „Мертвыя Души" нисколько не „Иліада", ибо-де само содержаніе уже кладетъ здѣсь разницу,—г. Константинъ Аксаковъ тотчасъ же прибавляетъ: „Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе Мертвыхъ Душъ?"—Именно такъ: *кто знаетъ это?* повторяемъ и мы. Глубоко уважая великій талантъ Гоголя, страстно любя его геніальныя созданія, мы въ то же время отвѣчаемъ и ручаемся только за то, что̀ уже написано имъ; а на счетъ того, что́ онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: *кто знаетъ, впрочемъ, какъ*, и пр. Особенно часто повторяемъ мы про себя: *кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе Мертвыхъ Душъ?* И на повтореніе этого вопроса наводятъ насъ слѣдующія слова въ поэмѣ Гоголя: „Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными

доблестями, или русская дѣвица, *какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ*, со всею дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. *И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ*“ (М. Д., стр. 430). Да, эти слова творца „Мертвыхъ Душъ“ заставили насъ часто и часто повторять въ тревожномъ раздумьи: „кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ“?... Именно, *кто знаетъ?*... Много, слишкомъ много обѣщано, такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими—по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ... Впрочемъ, опять-таки—кто знаетъ... Но кто бы ни зналъ, вопросъ этотъ, заданный г. Константиномъ Аксаковымъ, явно показываетъ, что если онъ, г. Константинъ Аксаковъ, и видитъ въ первой части „Мертвыхъ Душъ“ разницу съ „Иліадою“, полагаемую уже самимъ содержаніемъ, то все-таки крѣпко надѣется, что въ двухъ послѣднихъ частяхъ „Мертвыхъ Душъ“ и эта разница сама собою уничтожится, и что, ergo, „Мертвыя Души“—„Иліада“, а Гоголь—Гомеръ. Послѣдняго онъ не сказалъ, но мы въ правѣ опять вывести это комическое заключеніе...

Главное доказательство мнимой родственности гоголевскаго эпоса съ гомеровскимъ состоитъ у г. Константина Аксакова въ любви къ сравненіямъ, въ обиліи и сходствѣ этихъ сравненій у Гомера и у Гоголя. Странное и забавное доказательство! Объ этомъ сходствѣ упоминаетъ и еще другая критика—та самая, въ которой мы видимъ гораздо больше родственности и тождества съ брошюркою г. Константина Аксакова, нежели сколько между Гомеромъ и Гоголемъ [1]), но въ той критикѣ находятъ сходство Гоголя по отношенію къ сравненіямъ, не съ однимъ Гомеромъ, но и съ Данте; а мы, съ своей стороны, беремся найти его съ добрымъ десяткомъ новѣйшихъ поэтовъ. Изъ одного Пушкина можно выписать тысячу сравненій, такъ же напоминающихъ собою сравненія Гомера, какъ напоминаютъ ихъ сравненія Гоголя. Но вотъ одно, которое побольше всѣхъ гоголевскихъ сравненій напоминаетъ собою гомеровскія:

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ, смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ приказъ посѣдьлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая добродушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Здѣсь даже не одно внѣшнее (какъ у Гоголя), но и внутреннее сходство съ Гомеромъ, заключающееся *въ наивной простотѣ, соединенной съ возвышенностію;* однако изъ этого еще не выходитъ никакого тождества между Гомеромъ и Пушкинымъ. Правда, „Борисъ Годуновъ“ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ „Мертвыя Души“, напоминаетъ собою Гомера *тономъ* многихъ своихъ страницъ, *тономъ наивно-простымъ и вмѣстѣ возвышеннымъ;* но на это сходство Пушкинъ наведенъ былъ не особенностью его поэтической натуры или ея родственностью съ Гомеромъ, а сущностью избранной имъ для своей трагедіи эпохи, гдѣ самые высокіе умы и сильные характеры мыслили и говорили простодушно, или простодушно и возвышенно вмѣстѣ. Тутъ есть еще и другая причина: несмотря на свою драматическую форму, „Борисъ Годуновъ“ Пушкина есть, въ сущности, эпическое произведеніе, а эпосъ съ эпосомъ всегда имѣетъ большее или меньшее, ближайшее или отдаленнѣйшее сходство, какъ одинъ и тотъ же родъ поэзіи. Но это сходство уничтожается въ „Мертвыхъ Душахъ“ уже тѣмъ, что онѣ проникнуты насквозь юморомъ. Если Гомеръ сравниваетъ тѣснимаго въ битвѣ Троянами Аякса съ осломъ, — онъ сравниваетъ его *простодушно*, безъ всякаго юмора, какъ сравнилъ бы его со львомъ. Для Гомера, какъ и для всѣхъ Грековъ его времени, оселъ былъ животное почтенное и не возбуждалъ, какъ въ насъ, смѣха однимъ своимъ появленіемъ или однимъ своимъ именемъ. У Гоголя же, напротивъ, сравненіе, напр., франтовъ, увивающихся около красавицъ, съ мухами, летящими на сахаръ, все насквозь проникнуто юморомъ. Слѣдовательно, все сходство чисто-внѣшнее, т.-е. то, что и у Гомера есть сравненія, и у Гоголя есть сравненія; но этакъ между Гомеромъ и Гоголемъ и еще можно найти большое сходство, именно то, что Гомеръ слагалъ свои возвышенно-наивныя созданія на греческомъ языкѣ, а Гоголь пишетъ по-русски: извѣстно же всѣмъ, что греческій и русскій языкъ происходятъ отъ одного корня, кромѣ уже того, что всѣ языки въ мірѣ, несмотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ разума человѣческаго...

Не зная, *какъ, впрочемъ, раскроется содержаніе* „Мертвыхъ Душъ“ въ двухъ послѣднихъ частяхъ, мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ „поэмою“ все произведеніе, и *пока* видимъ въ этомъ на-

[1]) Т.-е. статья Шевырева, указанная выше.

званіи тотъ же юморъ, какимъ растворено и проникнуто насквозь это произведеніе. Если же самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе „поэмою“, содержаніе и герой которой есть субстанція русскаго народа, то мы не обинуясь скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку: ибо хотя эта „субстанція“ глубока, и сильна, и громадна (что̀ уже ярко проблескиваетъ и въ комическомъ опредѣленіи общественности, въ которомъ она пока проявляется и которое Гоголь такъ геніально схватываетъ и воспроизводитъ въ „Мертвыхъ Душахъ“), однако субстанція народа можетъ быть предметомъ поэмы только въ своемъ разумномъ опредѣленіи, когда она есть нѣчто положительное и дѣйствительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть уже прошедшее и настоящее, а не будущее только... Въ творчествѣ великая для художника задача—выбирать предметъ и содержаніе для произведенія: этотъ предметъ и это содержаніе всегда должны быть осязательно-опредѣленны, иначе, художественное произведеніе будетъ неполно, несовершенно, то, что̀ Французы называютъ manqué. И потому, великая ошибка для художника писать поэму, которая можетъ быть возможна въ будущемъ.

Итакъ, чѣмъ болѣе разсматриваемъ дѣло г. Константина Аксакова, тѣмъ болѣе сходство между Гомеромъ и Гоголемъ становится... какъ бы сказать?—забавнѣе и смѣшнѣе... Смыслъ, содержаніе и форма „Мертвыхъ Душъ“ есть „созерцаніе данной сферы жизни сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“. Въ этомъ и заключается трагическое значеніе комическаго произведенія Гоголя, это и выводитъ его изъ ряда обыкновенныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого-то не могутъ понять ограниченные люди, которые видятъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ много смѣшного, *умо-рительнаго*, говоря ихъ простонароднымъ жаргономъ, но ужъ мѣстами черезчуръ переутрированнаго. Всякое выстраданное произведеніе великаго таланта имѣетъ глубокое значеніе.—и мы первые признаемъ „Мертвыя Души“ Гоголя великимъ по самому себѣ произведеніемъ въ мірѣ искусства, для иностранцевъ лишеннымъ всякаго общаго содержанія, но для насъ тѣмъ болѣе важнымъ и драгоцѣннымъ. Еще не было доселѣ болѣе важнаго для русской общественности произведенія,—и только одинъ Гоголь можетъ дать намъ другое, болѣе важное произведеніе, а дастъ ли въ самомъ дѣлѣ — *кто, впрочемъ, знаетъ*, судя по нѣкоторымъ основнымъ началамъ воззрѣнія, которыя довольно непріятно промелькиваютъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ и относятся къ нимъ, какъ крапинки и пятнышки къ картинѣ великаго мастера, — о чемъ мы поговоримъ въ свое время и подробнѣе и отчетливѣе...

Такимъ образомъ, если г. Константинъ Аксаковъ хочетъ оправдаться, а не отдѣлаться только отъ неосторожно высказанныхъ имъ странностей, — онъ долженъ сказать и доказать:

1) Почему древній эпосъ *снизошелъ* (слѣд. унизился) до романовъ, и считаетъ ли онъ Сервантеса, Вальтера Скотта, Купера, Байрона исказителями эпоса, возстановленнаго и спасеннаго Гоголемъ? Послѣдняя недомолвка очень подозрительна: изъ нея видно, что г. Константинъ Аксаковъ самъ испугался своихъ смѣлыхъ положеній.

2) Почему мы солгали на него, говоря, что изъ его положеній прямо выводится то слѣдствіе, что „Мертвыя Души“ — „Иліада“, а Гоголь—Гомеръ нашего времени?

3) Почему во французской повѣсти эпосъ дошелъ до своего крайняго униженія?

Но г. Константинъ Аксаковъ рѣшился ничего больше не говорить объ этомъ, послѣ своего ничего необъяснившаго „Объясненія“: и хорошо сдѣлалъ—больше ему ничего и не остается; онъ высказалъ уже всю свою мудрость. Зато намъ еще много осталось коечего сказать.

Какъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ народовъ, есть еще исторія человѣчества, точно такъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ литературъ (греческой, латинской, французской и пр.), есть еще исторія всемірной литературы, предметъ которой—развитіе человѣчества въ сферѣ искусства и литературы. Само собою разумѣется, что въ этой исторіи должна быть живая, внутренняя связь, что она должна предыдущимъ объяснять послѣдующее, ибо иначе она будетъ лѣтописью или перечнемъ фактовъ, а не исторіею. И потому, напримѣръ, романы Шотландца XIX вѣка, Вальтера Скотта, непремѣнно должны быть въ какой-нибудь связи съ поэмами Гомера. Эта связь именно состоитъ въ томъ, что романы В. Скотта суть необходимый моментъ дальнѣйшаго развитія эпоса, котораго первымъ моментомъ развитія могутъ быть поэмы индійскія, а послѣдующимъ моментомъ — поэмы Гомера. Въ исторіи нѣтъ скачковъ. Слѣдовательно, греческій эпосъ не *снизошелъ* до романовъ, какъ мудрствуетъ г. Константинъ Аксаковъ, а *развился* въ романъ: ибо нелѣпо было бы предполагать, въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ, пробѣлъ въ исторіи всемірной литературы, и отъ Гомера прыгнуть прямо къ Гоголю, который еще вдобавокъ и нисколько не принадлежитъ ко всемірно-историческимъ поэтамъ... Вотъ почему мы *основательно*, а не *наобумъ*, *исторически*, а не *фантасмагорически* думаемъ и

убѣждены, что, напримѣръ, какой-нибудь *Данте* въ дѣлѣ эпоса побольше значитъ Гоголя, что тутъ имѣетъ свое значеніе и Аріостъ, и что не только Сервантесъ, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, какъ художники по преимуществу, но и Свифтъ, Стернъ, Вольтеръ (философскіе романы и повѣсти), Руссо („Новая Элоиза“) имѣютъ несравненно и неизмѣримо высшее значеніе во всемірно-исторической литературѣ, чѣмъ Гоголь, ибо въ нихъ совершилось развитіе эпоса и со стороны содержанія, и со стороны искусства, и со стороны содержанія и искусства вмѣстѣ. Говорить же, что Гоголь прямо вышелъ изъ Гомера, или продолжалъ собою Гомера мимо всѣхъ прочихъ, и старинныхъ и современныхъ поэтовъ Европы, значитъ, вмѣсто похвалы, оскорблять его, значитъ, выключать его изъ историческаго развитія, выставлять человѣкомъ, чуждымъ современности, чуждымъ знанія всего, что̀ было до него... Что же касается до мысли о какой-то родственности гоголевскаго эпоса съ гомеровскимъ, — мы уже доказали, что эта мысль больше, чѣмъ неосновательна. Притомъ же, если бъ и такъ было, надобно-бъ было объяснить, въ чемъ тутъ заслуга со стороны Гоголя, тѣмъ болѣе, что̀ авторъ брошюры говоритъ объ этомъ такимъ торжествующимъ тономъ, какъ-будто ставитъ это въ величайшую заслугу Гоголю.

Теперь о крайнемъ искаженіи эпоса во французской повѣсти: это еще что̀ за исторія? Г. Константинъ Аксаковъ видитъ во французской повѣсти простой анекдотъ, родъ шарады, гдѣ все дѣло въ сюжетѣ, т.-е. въ сплетеніи и расплетеніи событія, (fable): да вольно же ему видѣть это, когда этого нѣтъ во французской повѣсти [1]), а есть совсѣмъ другое, именно: характеры, дивное, однимъ только Французамъ сродное искусство разсказа, соціальные и нравственные вопросы, вопли и страданія современности?... Если кто-нибудь зажмуритъ глаза и станетъ доказывать, что нѣтъ на свѣтѣ солнца и свѣта,—что̀ ему на это скажутъ?— конечно, не другое что, какъ „открой глаза“; но если онъ слѣпъ отъ природы,—тогда что̀ ему скажутъ? — вотъ что̀: „ты правъ, *для тебя* точно нѣтъ на свѣтѣ ни солнца, ни свѣта“... А что, можетъ быть, г. Константинъ Аксаковъ не любитъ французскихъ повѣстей — его воля, да только публикѣ-то что за дѣло, что̀ любитъ и чего не любитъ г. Константинъ Аксаковъ? Французскія повѣсти читаются всѣмъ просвѣщеннымъ и образованнымъ міромъ, во всѣхъ пяти частяхъ земного шара, французская повѣсть есть плодъ французской литературы, а французская литература имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ своего „Объясненія“ г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ, въ скобкахъ, мимоходомъ, что въ разрядъ великихъ писателей Жоржъ Зандъ не входитъ ни безусловно, ни условно, — и думаетъ, что этими словами онъ рѣшилъ дѣло и все сказалъ; тогда какъ онъ этимъ сказалъ только, что онъ или совсѣмъ не читалъ Жоржа Занда, или читалъ, да не понялъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о Жоржъ Зандѣ; скажемъ только, что Жоржъ Зандъ имѣетъ большое значеніе и во всемірно-исторической литературѣ, не въ одной французской, тогда какъ Гоголь, при всей неотъемлемой великости его таланта, не имѣетъ *рѣшительно никакого* значенія во всемірно-исторической литературѣ и великъ только въ одной русской, что, слѣдовательно, имя Жоржъ Занда безусловно можетъ входить въ реестръ именъ европейскихъ поэтовъ, тогда, какъ помѣщеніе рядомъ именъ Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляетъ и приличіе и здравый смыслъ... Въ послѣднемъ, кромѣ г. Константина Аксакова, никто въ мірѣ не усомнится, а насчетъ перваго можно представить сильныя доказательства...

Вдобавокъ къ вопросу о повѣсти, какъ крайнемъ униженіи эпоса, скажемъ, что если ужъ видѣть это униженіе въ повѣсти, то, конечно, скорѣе въ нѣмецкой, чѣмъ во французской. Нѣмецкая повѣсть возникла и выросла на почвѣ отвлеченія, аскетизма, анти-общественности; она изображаетъ не общество, а отдѣльныя личности, которыхъ вся жизнь и вся повѣсть жизни состоитъ въ переливахъ внутреннихъ ощущеній, фантастическихъ и фантазерскихъ грезъ, и которыхъ все блаженство заключается не въ стремленіи къ идеалу дѣйствительной жизни и достиженіи его, а въ томъ, чтобъ любоваться собственною внутреннею глубокостію и пустою праздною жизнію ощущенія, вмѣсто дѣйствія [1]). Но и нѣмецкая повѣсть, какъ мы это замѣтили уже и въ рецензіи, даже какъ и уклоненіе отъ нормы, имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе, объясняемое изъ національнаго духа Нѣмцевъ.

Теперь о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ, будто бы мы взвели на него небылицу, приписывая ему изобрѣтеніе равенства Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Онъ не отпирается отъ изобрѣтенія этого удивитель-

---

[1]) Исключая, разумѣется, плохихъ повѣстей, которыя есть у всѣхъ народовъ, а иногда бываютъ и у великихъ поэтовъ... *Прим. Бѣлинскаго.*

Повидимому, намекъ на статью Гоголя „Римъ“, о которой рѣчь будетъ дальше. См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 37.

[1]) Снова выпадъ противъ Гофмана; см. наше примѣчаніе на стр. 418-ой.

наго равенства, но ставитъ намъ въ вину, что мы не замѣтили, *въ какомъ отношеніи* разумѣетъ онъ это равенство; а разумѣетъ онъ его, изволите видѣть, *въ отношеніи къ акту творчества*. Подлинно, есть за что обвинять насъ: понимать г. Константина Аксакова такъ трудно, тѣмъ болѣе, что онъ, кажется, самъ себя не совсѣмъ понимаетъ. Брошюра его — это такая смѣсь несвязанныхъ между собою... не мыслей, а скорѣе—*недомысловъ*, что трудно разобрать, что̀ онъ разумѣетъ тутъ, и какъ его понимать! Онъ говоритъ, что Гоголь равенъ Гомеру и Шекспиру по акту творчества, и что въ отношеніи къ акту творчества только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь—величайшіе поэты; и въ то же время онъ съ какою-то наивностію увѣряетъ, что этимъ онъ нисколько не унижаетъ великихъ европейскихъ поэтовъ, думая, вѣроятно, что для Данте, Сервантеса, Вальтера Скотта, Купера, Байрона, Шиллера, Гёте—большая честь стоять въ почтительномъ отдаленіи отъ Гоголя, пріятельски-обнявшагося съ Гомеромъ и Шекспиромъ! Да, милостивый государь, съ чего вы взяли, что Гоголь и по акту творчества родной братъ Гомеру и Шекспиру, и выше всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ поэтовъ? Съ чего вы взяли, что вамъ стоило только выговорить эту, положимъ изъ вѣжливости—мысль, чтобъ ее всѣ, подробно вамъ, нашли непреложною и истинною? Гдѣ на это доказательства, гдѣ ваши доводы? Ваше убѣжденіе?—да публикѣ-то какое дѣло до вашихъ убѣжденій?... Употребивъ оговорку — *по отношенію къ акту творчества, а не содержанію*, г. Константинъ Аксаковъ думаетъ, что онъ совершенно оправдался и сдѣлалъ насъ кругомъ виноватыми... Какая милая наивность, какая буколическая невинность!... Развивая свою мысль о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ (по отношенію къ акту творчества), г. Константинъ Аксаковъ говоритъ: „Мы далеки отъ того, чтобъ унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту созданія *они ниже Гоголя* (sic!...). Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ: поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, другой создаетъ великаго человѣка; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества“ (стр. 15). Хорошо; но зачѣмъ брать ложныя сравненія, если не затѣмъ, чтобъ оправдать натяжками ложныя мысли? — Не лучше ли было бы сказать такъ, напримѣръ: „Поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ; другой, обладающій такою же полнотою, создаетъ великаго человѣка: ничтожно будетъ дѣло перваго передъ дѣломъ второго, какъ ничтоженъ, въ ряду явленій жизни, цвѣтокъ передъ великимъ человѣкомъ“? Какъ вы думаете объ этомъ, г. Константинъ Аксаковъ? Это не совсѣмъ выгодно для вашего идолопоклонства, зато ближе къ истинѣ—повѣрьте намъ, въ этомъ случаѣ, на слово или спросите у здраваго смысла — онъ за насъ!... Но положимъ, что и такъ, положимъ, что вы ставите Гоголя выше колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ только по акту творчества, а не по содержанію; но зачѣмъ же вы прибавляете эти слова: „Но Боже насъ сохрани, чтобъ миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя!“ Какой смыслъ этихъ словъ—не этотъ ли: по акту творчества Гоголь выше всѣхъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, кромѣ Гомера и Шекспира, съ которыми онъ равенъ, а по содержанію онъ не уступаетъ имъ, ergo съ Гомеромъ и Шекспиромъ онъ равенъ во всѣхъ отношеніяхъ, а съ другими европейскими поэтами онъ равенъ по содержанію и выше ихъ по акту творчества?... Какъ вамъ угодно, а выходитъ такъ! Нашъ выводъ изъ вашихъ словъ или вашихъ противорѣчій—все равно, вѣренъ... Гдѣ-жъ наши на васъ выдумки, лжи и клеветы?...

Актъ творчества дѣйствительно великая сила въ поэтѣ, какъ отвлеченная сообразительность въ математикѣ: противъ этого никто не споритъ и безъ ссылокъ на über die aesthetische Erziehung Шиллера, которое г. Константинъ Аксаковъ совѣтуетъ намъ прочесть хоть *во французскомъ переводѣ*, тонко намекая этимъ, что онъ знаетъ по-нѣмецки, какъ будто бы для всякаго другого это рѣшительная невозможность... Безъ акта творчества нѣтъ поэта—это аксіома; но въ наше время мѣриломъ величія поэтовъ принимается не актъ творчества, а *идея, общее*... Многія стихотворенія Гейне такъ хороши, что ихъ можно принять за гётевскія, но Гейне, несмотря на то, все-таки пигмей передъ колоссальнымъ Гёте. Въ чемъ же ихъ разница?—въ идеѣ, въ содержаніи... „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“ по отношенію акта творчества дѣйствительно не ниже шекспировскаго „Гамлета“; но несмотря на то, въ сравненіи съ „Гамлетомъ“ повѣсть Гоголя — абсолютное ничтожество, такъ что даже есть что-то смѣшное въ какомъ бы то ни было сближеніи этихъ двухъ произведеній... Право такъ, г. Константинъ Аксаковъ!... Почти такъ же комически-забавно и сближеніе „Мертвыхъ Душъ“ съ „Иліадою“... Дѣйствительно, Гоголь обладаетъ удивительною полнотою въ актѣ творчества, и эта полнота дѣйствительно можетъ слу-

жить ручательствомъ, что Гоголь могъ бы произвести колоссальныя созданія и со стороны содержанія, и несмотря на то, все-таки могъ бы не сравняться ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни стать выше другихъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, если бъ современная русская жизнь могла дать ему необходимое для такихъ созданій содержаніе... Мы именно въ томъ-то и видимъ великость и геніальность въ Гоголѣ, что онъ своимъ артистическимъ инстинктомъ вѣренъ дѣйствительности, и лучше хочетъ ограничиться, впрочемъ, великою задачею—объектировать современную дѣйствительность, внеся свѣтъ въ мракъ ея, чѣмъ воспѣть на досугѣ то, до чего никому, кромѣ художниковъ дилетантовъ, нѣтъ никакого дѣла, или изображать русскую дѣйствительность такою, какой она никогда не бывала. *Впрочемъ, кто знаетъ, какъ еще раскроется содержаніе* „Мертвыхъ Душъ“... Намъ обѣщаютъ мужей и дѣвъ неслыханныхъ, какихъ еще не было въ мірѣ и въ сравненіи съ которыми великіе нѣмецкіе люди (т.-е. западные Европейцы) окажутся пустѣйшими людьми... Да; кто знаетъ впрочемъ... можетъ быть, судя по этимъ обѣщаніямъ, г. Константинъ Аксаковъ и дождется скоро оправданія нѣкоторыхъ изъ своихъ фантазій... Тогда мы низко поклонимся и отъ души поздравимъ его. Но до тѣхъ поръ — повторяемъ: въ томъ, что художническая дѣятельность Гоголя вѣрна дѣйствительности, мы видимъ черту геніальности.

Да, велика творческая сила фантазіи Гоголя—мы въ этомъ согласны съ г. Константиномъ Аксаковымъ. Но почему она выше творческой силы фантазіи великихъ европейскихъ поэтовъ—этого мы не понимаемъ. Мы даже имѣемъ дерзость думать, что непосредственность творчества у Гоголя имѣетъ свои границы и что она иногда измѣняетъ ему, особенно тамъ, гдѣ въ немъ поэтъ сталкивается съ мыслителемъ, т.-е. гдѣ дѣло преимущественно касается идей... Кстати: вѣдь эти идеи, кромѣ огромнаго таланта, или, пожалуй, и генія, кромѣ естественной силы непосредственнаго творчества, требуютъ эрудиціи, интеллектуальнаго развитія, основаннаго на неослабномъ преслѣдованіи быстро несущейся умственной жизни современнаго міра — именно того, чѣмъ такъ сильны и велики, наприм., Байронъ, Шиллеръ, Гёте,— эти идеи заклятые враги безвыходно замкнутой внутри себя жизни, враги умственнаго аскетизма, который заставляетъ поэтовъ закрывать глаза на все въ мірѣ, кромѣ самихъ себя... Что непосредственность творчества нерѣдко измѣняетъ Гоголю, или что Гоголь нерѣдко измѣняетъ непосредственности творчества, это ясно доказывается его повѣстями (еще въ „Вечерахъ на Хуторѣ“). „Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала“ и „Страшною Местью“, изъ которыхъ ложное понятіе о народности въ искусствѣ сдѣлало какія-то уродливыя произведенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ превосходныхъ частностей, касающихся до проникнутаго юморомъ изображенія дѣйствительности. Но особенно это ясно изъ вполнѣ неудачной повѣсти „Портретъ“. Она была напечатана въ „Арабескахъ“ еще въ 1835 году; но, должно быть, чувствуя ея недостатки, Гоголь недавно передѣлалъ ее совсѣмъ. И что же вышло изъ этой передѣлки? Первая часть повѣсти, за немногими исключеніями, стала несравненно лучше, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ изображеніи дѣйствительности (одна сцена квартальнаго, разсуждающаго о картинахъ Чарткова, сама по себѣ, отдѣльно взятая, есть уже геніальный эскизъ); но вся остальная половина повѣсти невыносимо дурна и со стороны главной мысли и со стороны подробностей. И что за мысль, напр.: благонамѣренный, умный и благородный вельможа, жаркій патріотъ, дѣятельный покровитель искусствъ и наукъ въ отечествѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего дѣлается обскурантомъ, злодѣемъ, гонителемъ просвѣщенія, — отчего же? Оттого, что взялъ денегъ взаймы у страшнаго ростовщика, у таинственнаго Грека!... Дѣло какъ будто бы въ томъ, что, займи этотъ вельможа у другого кого-нибудь, только бы не у этого Грека, онъ остался бы прежнимъ благороднымъ человѣкомъ... Итакъ, вотъ отъ какого фатализма зависитъ нравственность человѣка!... Да помилуйте, такія дѣтскія фантасмагоріи могли плѣнять и ужасать людей только въ невѣжественные средніе вѣка, а для насъ онѣ не занимательны и не страшны, просто—смѣшны и скучны... И потомъ, что за подробности: на аукціонѣ художникъ Б. нашелъ мѣсто и время разсказывать исторію страшнаго портрета, и его всѣ заслушались, а портретъ между тѣмъ пропалъ... Нѣтъ, *такое* исполненіе повѣсти не сдѣлало бы особенной чести самому незначительному дарованію. А мысль повѣсти была бы прекрасна, если бъ поэтъ понялъ ее въ *современномъ* духѣ: въ Чартковѣ онъ хотѣлъ изобразить даровитаго художника, погубившаго свой талантъ, а слѣдовательно и самого себя, жадностію къ деньгамъ и обаяніемъ мелкой извѣстности. И выполненіе этой мысли должно было быть просто, безъ фантастическихъ затѣй, на почвѣ ежедневной дѣйствительности: тогда Гоголь съ своимъ талантомъ создалъ бы нѣчто великое. Ненужно было бы приплетать тутъ и страшнаго портрета съ страшно смотрящими живыми глазами (въ которомъ поэтъ, кажется, хотѣлъ выразить гибельныя слѣдствія копированія съ натуры,

вмѣсто творческаго воспроизведенія натуры, и выразилъ черезчуръ затѣйливо, холодно и сухо аллегорически); ненужно было бы ни ростовщика, ни аукціона, ни многаго, что̀ поэтъ почелъ столь нужнымъ, именно оттого, что отдалился отъ современнаго взгляда на жизнь и искусство. Это же доказываетъ и недавно напечатанная въ „Москвитянинѣ“ статья „Римъ“, въ которой есть удивительно яркія и вѣрныя картины дѣйствительности, но въ которой есть и косые взгляды на Парижъ и близорукіе взгляды на Римъ, и— что̀ всего непостижимѣе въ Гоголѣ — есть фразы, напоминающія своею вычурною изысканностію языкъ Марлинскаго. Отчего это? — Думаемъ, оттого, что при богатствѣ современнаго содержанія и обыкновенный талантъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнетъ, а при одномъ актѣ творчества и геній наконецъ начинаетъ постепенно ниспускаться... Въ „Мертвыхъ Душахъ“, гдѣ Гоголь снова очутился на русской, а не на европейской почвѣ, и въ дѣйствительной, а не въ фантастической сферѣ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ также есть, по крайней мѣрѣ, обмолвки противъ непосредственности творчества, и весьма важныя, хотя и весьма немногочисленныя: на стр. 261—266 поэтъ весьма неосновательно заставляетъ Чичикова расфантазироваться о бытѣ простого русскаго народа при разсматриваніи реестра скупленныхъ имъ мертвыхъ душъ. Правда, это „фантазированіе“ есть одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы: оно исполнено глубины мысли и силы чувства, безконечной поэзіи и вмѣстѣ поразительной дѣйствительности; но тѣмъ менѣе идетъ оно къ Чичикову, человѣку геніальному въ смыслѣ плута-изобрѣтателя, но совершенно пустому и ничтожному во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь поэтъ явно отдалъ ему свои собственныя благороднѣйшія и чистѣйшія слезы, незримыя и невѣдомыя міру, свой глубокій исполненный грустною любовію юморъ, и заставилъ его высказать то, что̀ долженъ былъ выговорить отъ своего лица. Равнымъ образомъ, такъ же мало идутъ къ Чичикову и его размышленія о Собакевичѣ, когда тотъ писалъ росписку (стр. 201—202): эти размышленія слишкомъ умны, благородны и гуманны; ихъ слѣдовало бы автору сказать отъ своего лица... Характеристика Британца съ его сердцевѣдѣньемъ и мудростію, Француза съ его недолговѣчнымъ словомъ, и Нѣмца съ его умно-худощавымъ словомъ (стр. 208) также показываетъ только то, что авторъ не совсѣмъ хорошо знаетъ ни Британцевъ, ни Французовъ, ни Нѣмцевъ, и что незнанію не поможетъ никакой актъ творчества [1]).

И между тѣмъ, Гоголь все-таки обладаетъ удивительною силою непосредственнаго творчества (въ смыслѣ способности воспроизводить каждый предметъ во всей полнотѣ его жизни, со всѣми его тончайшими особенностями); только эта сила у него имѣетъ свои границы и иногда измѣняетъ ему (чего *такимъ образомъ, какъ у Гоголя*, не случалось ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Байрономъ, ни съ Шиллеромъ, ни даже съ Пушкинымъ, и что̀ очень часто, и еще хуже случалось съ Гёте вслѣдствіе аскетическаго и анти-общественнаго духа этого поэта, съ которымъ все-таки нельзя смѣть равнять Гоголя). Но эта удивительная сила непосредственнаго творчества, которая составляетъ *пока еще* главную силу, высочайшее достоинство Гоголя, и посредствомъ которой, подобно волшебнику — властелину царства духовъ, вызывающему послушныя на голосъ его заклинанія безплотныя тѣни, — онъ — неограниченный властелинъ царства призрачной дѣйствительности— самовластно вызываетъ передъ себя ея представителей, заставляя ихъ обнажить передъ нимъ такіе сокровенные изгибы ихъ натуръ, въ которыхъ они не сознались бы самимъ себѣ подъ страхомъ смертной казни,—эта-то, говоримъ мы, удивительная сила непосредственнаго творчества, въ свою очередь, много вредитъ Гоголю. Она, такъ сказать, *отводитъ ему глаза* отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кипитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и довольствоваться объективнымъ ихъ изображеніемъ. Въ „Отеч. Запискахъ“ уже было замѣчено, что къ числу особенныхъ достоинствъ „Мертвыхъ Душъ“

---

[1]) Все сказанное о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Гоголя и недостаткахъ въ его „Мертвыхъ Душахъ“ будетъ подробно развито въ особой статьѣ по поводу выхода четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, которыхъ уже печатается третій томъ, и которыя выйдутъ въ Петербургѣ къ декабрю мѣсяцу текущаго года. Мы еще въ долгу у публики и подробнымъ разборомъ Пушкина, давно уже нами обѣщаннымъ. Обѣщанія своего мы не забыли, но все ждали предположеннаго издателями трехъ послѣднихъ томовъ сочиненій Пушкина „Дополненія“ къ изданнымъ уже одиннадцати томамъ его сочиненій. Это дополненіе выйдетъ скоро, и, вѣроятно, во второй книжкѣ „Отеч. Записокъ“ будущаго 1843 года читатели наши найдутъ или исполненіе, или начало исполненія нашего обѣщанія касательно разбора сочиненій Пушкина. Непосредственно за этимъ разборомъ послѣдуетъ разборъ всѣхъ сочиненій Гоголя, отъ „Вечеровъ на Хуторѣ“ до „Мертвыхъ Душъ“ *включительно*. А за этимъ разборомъ послѣдуетъ разборъ всѣхъ сочиненій Лермонтова, котораго полное собраніе стихотвореній скоро должно выйти въ свѣтъ. Сколько составятъ статей эти три разбора—три ли статьи только, или больше, пока не можемъ сказать: но всѣ эти три разбора будутъ написаны въ органической связи между собою и составятъ какъ-бы одно критическое сочиненіе. Историческая и соціальная точка зрѣнія будетъ положена въ основу этихъ статей. Поговорить будетъ о чемъ. *Прим. Бѣлинскаго.*

принадлежитъ болѣе ощутительное, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя, присутствіе субъективнаго начала, а слѣдовательно и *рефлексіи*. Надо желать, чтобы это преобладаніе рефлексіи постепенно въ немъ усиливалось, хотя бы на счетъ акта творчества, изъ котораго такъ хлопочетъ г. Константинъ Аксаковъ. Гегель, въ своей эстетикѣ, въ особую заслугу поставляетъ Шиллеру преобладаніе въ его произведеніяхъ рефлектирующаго элемента, называя это преобладаніе выраженіемъ духа новѣйшаго времени. Совѣтуемъ г. Константину Аксакову прочесть это мѣсто въ подлинникѣ (мы вѣримъ его знанію нѣмецкаго языка) и поразмыслить о немъ. Безъ способности къ непосредственному творчеству нѣтъ и быть не можетъ поэта — кто-жъ этого не знаетъ?—но когда человѣка называютъ поэтомъ, то уже необходимо предполагаютъ въ немъ эту способность, даже не говоря о ней, и обращая вниманіе на идею, на содержаніе. Если же эта способность въ поэтѣ слишкомъ сильна, то о ней тогда только толкуютъ и кричатъ, когда не видятъ въ немъ глубокаго содержанія. Говоря о Шекспирѣ, было бы странно восторгаться его умѣньемъ все представлять съ поразительною вѣрностію и истиною, вмѣсто того, чтобъ удивляться *значенію* и *смыслу*, которые его творческій разумъ даетъ образамъ его фантазіи. Въ живописцѣ, конечно, великое достоинство—умѣнье свободно владѣть кистью и повелѣвать красками, но это умѣнье еще не составляетъ великаго живописца. Идея, содержаніе, творческій разумъ—вотъ мѣрило для великихъ художниковъ.

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ въ великую заслугу Гоголю, что у него юморъ, выставляя субъектъ, не уничтожаетъ дѣйствительности: да что же бы это былъ за юморъ, если бъ онъ уничтожалъ дѣйствительность? стоило ли бы тогда и говорить о немъ? Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ еще, что такого юмора онъ не нашелъ ни у кого, кромѣ Гоголя: вольно же было не поискать—авось либо и можно было найти. Не говоря уже о Шекспирѣ, напримѣръ, въ романѣ Сервантеса донъ-Кихотъ и Санчо Пансо нисколько не искажены: это лица живыя, дѣйствительныя; но, Боже мой! сколько юмору, и веселаго, и грустнаго, и спокойнаго, и ѣдкаго, въ изображеніи этихъ лицъ! Такихъ примѣровъ можно найти довольно. Что у Гоголя свой юморъ, и что этотъ юморъ составляетъ главную стихію его таланта,— это другое дѣло; противъ этого нельзя спорить.

Г. Константинъ Аксаковъ нашелъ въ своей брошюрѣ, что Чичиковъ сливается съ субстанціей русскаго народа въ любви къ скорой ѣздѣ: мы надъ этимъ посмѣялись въ нашей рецензіи, и вотъ онъ опять упрекаетъ насъ въ искаженіи словъ его: онъ, видите, разумѣлъ не просто „скорую ѣзду“, но ѣзду на телѣгѣ и на тройкѣ лошадей. Виноваты— просмотрѣли, въ чемъ дѣло; но все-таки субстанціи русскаго народа не видимъ ни въ тройкѣ, ни въ телѣгѣ. Коляску четвернею всѣ образованные Русскіе лучше любятъ, чѣмъ тряскую телѣгу, на которой заставляетъ ѣздить только необходимость. Но желѣзную дорогу даже и необразованные Русскіе, т.-е. мужички православные, теперь рѣшительно предпочитаютъ завѣтной телѣгѣ и тройкѣ: доказательство можно каждой день видѣть на Царскосельской дорогѣ. Иначе и быть не можетъ: свѣтъ побѣдитъ тьму, просвѣщеніе побѣдитъ невѣжество, образованность побѣдитъ дикость, а желѣзными дорогами будутъ побѣждены телѣги и тройки. Пожалуй, иной субстанцію русскаго народа запрячетъ въ горшокъ со щами и кашею, или, вмѣсто бѣлужины, запечетъ ее въ кулебякѣ... Можно любить тяжелую, грубую, хотя и вкусную русскую кухню,—и однакожъ не въ ней ощущать себя въ лонѣ русской національности... Г. Константинъ Аксаковъ отсылаетъ насъ къ страницамъ „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ дѣйствительно съ энтузіазмомъ описана тройка съ телѣгою: страницы эти мы читали не разъ; но онѣ намъ ничего не доказали, кромѣ ухарской, забубенной удали и какой-то беззаботности простого русскаго народа въ дѣлѣ улучшеній... Ссылка на „Мертвыя Души“ еще не доказательство: мы сами глубоко уважаемъ, горячо любимъ великій талантъ Гоголя, но идолопоклонничать ни передъ кѣмъ не хотимъ; въ наше время идолопоклонство есть ребячество, г. Константинъ Аксаковъ!

Мы съ вами не ребяты:
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!

Г. Константинъ Аксаковъ опять доказываетъ, что въ Маниловѣ есть своя сторона жизни: да кто-жъ въ этомъ сомнѣвался, равно какъ и въ томъ, что и въ свиньѣ, которая, роясь въ навозѣ на дворѣ Коробочки, съѣла мимоходомъ цыпленка (стр. 88), есть своя сторона жизни? Она ѣстъ и пьетъ— стало быть, живетъ: такъ можно ли думать, что не живетъ Маниловъ, который не только ѣстъ и пьетъ, но еще и куритъ табакъ и не только куритъ табакъ, но еще и фантазируетъ...

Вообще, видно, что, сбившись съ прямого пути названіемъ „поэмы“, которое Гоголь далъ своему произведенію, г. Константинъ Аксаковъ готовъ находить прекрасными людьми всѣхъ изображенныхъ въ ней героевъ... Это, по его мнѣнію, значитъ понимать юморъ Гоголя... Что бы онъ ни гово-

рилъ, но изъ тона и изо всего въ его брошюрѣ видно, что онъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ видитъ русскую „Иліаду“. Это значитъ понять поэму Гоголя совершенно навыворотъ. Всѣ эти Маниловы и подобные имъ забавны только въ книгѣ, въ дѣйствительности же избави Боже съ ними встрѣчаться,—а не встрѣчаться съ ними нельзя, потому что ихъ таки довольно въ дѣйствительности, слѣдовательно, они представители нѣкоторой ея части. Хороша же „Иліада“, героемъ которой дѣйствительность, имѣющая такихъ представителей!... „Иліаду“ можетъ напомнить собою только такая поэма, содержаніемъ которой служитъ субстанціальная стихія національной жизни, со всѣмъ богатствомъ ея внутренняго содержанія, въ которой эта жизнь *полагается*, а не *отрицается*... Истинная критика „Мертвыхъ Душъ“ должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о достоинствахъ Манилова, о неиспорченной русской натурѣ Селифана, о тройкѣ и телѣгѣ; нѣтъ, истинная критика должна раскрыть паѳосъ поэмы, который состоитъ въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ, доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще не открывшимся собственному сознанію и неуловимымъ ни для какого опредѣленія. Потомъ критика должна войти въ основы и причины этихъ формъ, должна рѣшить множество повидимому простыхъ, но въ сущности очень важныхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: отчего прекрасную блондинку разбранили до слезъ, когда она даже не понимала, за что ее бранятъ? Отчего весь губернскій городъ N оказался и хорошо населеннымъ и люднымъ, когда сплетни насчетъ Чичикова получили свое начало отъ живого участія „пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамы“ и „просто пріятной дамы“? Отчего наружность Чичикова показалась „благонамѣренною“ губернатору и всѣмъ сановникамъ города N? Что̀ значитъ слово „благонамѣренный“ на чиновническомъ нарѣчіи? Отчего авторъ поэмы необходимою принадлежностію длинной и скучной дороги почитаетъ не только холода (которые бываютъ на всякихъ дорогахъ), но и слякоть, грязь, починки, перебранки кузнецовъ и всякихъ дорожныхъ подлецовъ? Отчего Собакевичъ приписалъ Елисавету Воробья? Отчего прокурорскій кучеръ былъ малый опытный, потому что правилъ одною рукою, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина? Отчего сольвычегодскіе угостили на пиру (а не въ лѣсу при дорогѣ) устьсысольскихъ на смерть, а сами отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки, и все это назвали „пошалить немного“?... Много такихъ вопросовъ можно выставить. Знаемъ, что большинство почтетъ ихъ мелочными. Тѣмъ-то и велико созданіе „Мертвыя Души“, что въ немъ сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ придано общее значеніе. Конечно, какой-нибудь Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, очень смѣшонъ въ книгѣ Гоголя и очень мелкое явленіе въ жизни; но если у васъ случится до него дѣло, такъ вы и смѣяться надъ нимъ потеряете охоту, да и мелкимъ его не найдете... Почему онъ такъ можетъ показаться важнымъ для васъ въ жизни—вотъ вопросъ!... Гоголь геніально (пустяками и мелочами) пояснилъ тайну, отчего изъ Чичикова вышелъ такого рода „пріобрѣтатель“; это-то и составляетъ его поэтическое величіе, а не мнимое сходство съ Гомерами и Шекспирами...

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ намъ въ вину, что мы вовсе пропустили слѣдующія строки въ его брошюрѣ: „Такіе тѣсные предѣлы не позволяютъ намъ сказать о многомъ, развить многое, и дать заранѣе полныя объясненія на недоумѣнія и вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи нашей статьи. *Но надѣемся, что они разрѣшатся сами собою*“. Выписавъ эти строки, г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ: „Но у рецензента не было ни недоумѣній, ни вопросовъ; онъ сейчасъ рѣшительно не понялъ, въ чемъ дѣло“. Неправда, рѣшительная неправда, г. Константинъ Аксаковъ: брошюра ваша возбудила въ рецензентѣ сильное недоумѣніе касательно того, что̀ въ ней говорится, возбудила вопросъ, какъ въ наше время могутъ являться въ свѣтъ подобныя фантасмагоріи празднаго воображенія и пустого философствованія; но онъ рецензентъ, если не тотчасъ же, то очень скоро понялъ, въ чемъ дѣло, т. е. понялъ, что оно заключается только въ сильномъ желаніи отличиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ литературѣ... Итакъ, надежда г. Константина Аксакова совершенно сбылась: дѣло его брошюры объяснилось само собою... А что тѣсные предѣлы статьи его не позволили ему много развить и заранѣе отвѣтить на вопросы (которые, видно, чуяло его сердце)—это уже не наша, а его вина: вольно же ему было избирать тѣсные предѣлы, вмѣсто обширныхъ...

Остальные пункты „Объясненія“ г. Константина Аксакова состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Г. Константинъ Аксаковъ могъ бы доказать ясно, что „Отеч. Записки“ жестоко ошибаются, думая, что *пока* еще русскій поэтъ не можетъ быть міровымъ поэтомъ; но что онъ объ этомъ, *конечно*, съ петербургскими журналами говорить не будетъ; и что объ этомъ могутъ быть написаны

цѣлыя сочиненія, книги, но тоже, *конечно*, ужъ не для петербургскихъ журналовъ...

2. Возраженіе его, г. Константина Аксакова, не полно, однако пространнѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ; кто же хочетъ узнать дѣло лучше, тотъ можетъ снова прочесть брошюру, которую онъ, г. Константинъ Аксаковъ, готовъ (храбрая готовность!...) вновь повторить слово отъ слова. Затѣмъ онъ оставляетъ всѣ дальнѣйшія объясненія, не предполагаетъ, чтобъ „Отеч. Записки“ стали ему возражать (увы, не сбывшееся предположеніе!), и во всякомъ случаѣ отвѣчать болѣе не будетъ...

3. „Отеч. Записки“, несмотря на ихъ несогласіе во мнѣніяхъ съ другими петербургскими журналами, въ сущности одно и то же съ ними...

Бѣдные петербургскіе журналы! погибли вы, погибли безвозвратно! Г. Константинъ Аксаковъ такъ глубоко презираетъ васъ, что и говорить съ вами не хочетъ... Великій Боже! за что́ же такая страшная кара на петербургскіе журналы?... Развѣ нельзя было опредѣлить менѣе тяжкаго наказанія!... Но, позвольте: кто же онъ самъ, этотъ страшный, неумолимый г. Константинъ Аксаковъ, однимъ своимъ „да“ и „нѣтъ“ рѣшающій всѣ вопросы, на все и всему изрекающій приговоры? Неужели это тотъ самый г. Константинъ Аксаковъ, который въ разныхъ журналахъ, а въ числѣ ихъ и въ „Отеч. Запискахъ“, напечаталъ нѣсколько переводовъ нѣмецкихъ стихотвореній, переводовъ частію довольно порядочныхъ, частію весьма посредственныхъ, а частію и весьма плохихъ?... Если такъ, то невольно спросишь: изъ какой же тучи этотъ громъ? да полно, изъ тучи ли еще онъ?...

Что же до нежеланія г. Константина Аксакова возражать далѣе, оно очень понятно: это ему теперь было бы и трудно, да и негдѣ (развѣ въ брошюрахъ): ибо какой же московскій журналъ захочетъ далѣе *принимать*, какъ говоритъ русская пословица, *въ чужомъ пиру похмелье*?...

Что же, наконецъ, до тождества „Отеч. Записокъ“ съ другими петербургскими журналами, г. Константинъ Аксаковъ воленъ находить его. Можетъ быть, онъ это утверждаетъ и не съ досады, а по убѣжденію... Мы тоже, по глубокому убѣжденію, видимъ тождество между его брошюркою и знаменитою „критикою“ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, въ которой Селифанъ сдѣланъ представителемъ неиспорченной русской натуры.

1842 г.

---

40. РѢЧЬ О КРИТИКѢ.

А. Никитенко. Спб. 1842.

Широко задуманная статья о брошюрѣ Никитенко представляетъ значительный интересъ въ различныхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, вторая часть настоящей статьи является непосредственнымъ вступленіемъ въ рядъ „пушкинскихъ статей“, которыя начнутъ появляться въ „Отеч. Запискахъ“ со слѣдующаго 1843 года. Во-вторыхъ, мы находимъ въ этой статьѣ рядъ ярко выраженныхъ мнѣній Бѣлинскаго о критикѣ, о литературѣ, объ искусствѣ, обозначающихъ собою новую эпоху его міровоззрѣнія. Въ-третьихъ, мы имѣемъ въ этой статьѣ первое печатное провозглашеніе Бѣлинскимъ своей эволюціи и перемѣны своихъ убѣжденій со времени 1839—1841 гг.

До сихъ поръ во всѣхъ статьяхъ Бѣлинскаго 1841—2 гг., помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, пробивались новые мотивы, новыя воззрѣнія, но безъ перестройки фундамента, безъ прямого отказа отъ прежнихъ теорій. И только въ настоящей статьѣ Бѣлинскій рѣзко и опредѣленно заявляетъ, что основныя его воззрѣнія во многомъ измѣнились, что онъ „двинулся впередъ“ въ своемъ пониманіи жизни и искусства, но что это измѣненіе былыхъ мнѣній не есть измѣна убѣжденіямъ. „Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейти къ высшей не значитъ измѣнять своимъ убѣжденіямъ,—говоритъ Бѣлинскій:—убѣжденіе должно быть дорого потому только, что оно *истинно*, а совсѣмъ не потому, что оно *наше*. Какъ скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣніи *истиннымъ*, онъ уже не долженъ называть его *своимъ*: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію, и будетъ называть «своимъ» ложь“... Окончательно измѣнивъ—мы увидимъ въ чемъ—свои взгляды, Бѣлинскій здѣсь объявляетъ объ этомъ впервые во всеуслышаніе; онъ скрылъ отъ читателей

тотъ мучительный процессъ переработки своихъ воззрѣній, который такъ ярко вырисовывается въ его письмахъ 1840—1842 гг., и сказалъ только о конечномъ результатѣ своихъ исканій. Прежде онъ вѣрилъ въ „разумную дѣйствительность“, въ объективный смыслъ міра и жизни—и горячо исповѣдывалъ и проповѣдывалъ это; потомъ насталъ періодъ мучительныхъ сомнѣній, отчаянія, потери вѣры въ жизнь,—но и тутъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, Бѣлинскій восхвалялъ въ своихъ статьяхъ „единую, вѣчную истину“, считая это долгомъ писателя, оставляя про себя свои мученія и поиски и не желая, чтобы, по слову Лермонтова, „тайный ядъ страницы знойной... сердце слабое увлекъ въ свой необузданный потокъ“. Наконецъ настало время новой вѣры Бѣлинскаго—вѣры въ „соціальность“, вѣры въ прогрессъ, вѣры въ земное устроеніе человѣчества; начиная съ 1842-го года Бѣлинскій все громче и увѣреннѣе начинаетъ проповѣдывать эту новую вѣру. Въ настоящей статьѣ онъ впервые признаетъ печатно фактъ измѣненія своихъ убѣжденій, но не измѣны былой вѣрѣ въ истину; прежде онъ вѣрилъ въ „разумную дѣйствительность“ всего міра, теперь онъ вѣритъ въ дѣйствительность будущаго разумнаго устроенія человѣчества. „Дѣйствительность“ попрежнему осталась его девизомъ, но теперь уже въ смыслѣ реализма, въ смыслѣ противопоставленія всему „романтическому“, „идеальному“—о чемъ у насъ была уже рѣчь въ предыдущихъ вступительныхъ замѣткахъ. „*Дѣйствительность*—вотъ лозунгъ и послѣднее слово современнаго міра!—восклицаетъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ: — дѣйствительность въ фактахъ, въ знаніи, въ убѣжденіяхъ чувства, въ заключеніяхъ ума—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка“... И во имя этой дѣйствительности Бѣлинскій возсталъ противъ былой „разумной дѣйствительности“, противъ всякой абстракціи, оторванной отъ живой почвы. „Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности—общество“,— писалъ Бѣлинскій Боткину 8 сент. 1841 года.

И прежде всего Бѣлинскій отказывается отъ своихъ былыхъ взглядовъ на искусство: искусство должно быть тѣсно связано съ „почвой всякой дѣйствительности“, съ обществомъ. „Что такое само искусство нашего времени?—спрашиваетъ Бѣлинскій, и отвѣчаетъ: — сужденіе, анализъ общества... Для нашего времени мертво художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь только для того, чтобы изображать жизнь, безъ всякаго могучаго субъективнаго побужденія“... Все это Бѣлинскій высказывалъ еще въ статьяхъ о Лермонтовѣ, повторилъ въ статьяхъ о Гоголѣ; здѣсь онъ только ставитъ точки надъ і. Но въ той же статьѣ о Лермонтовѣ Бѣлинскій въ послѣдній разъ восклицалъ, что поэзія, искусство „не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя“, что „красота есть сама себѣ цѣль“ (статья № 24); теперь онъ рѣзко отказывается отъ этого своего постояннаго убѣжденія 1834—1841 годовъ. „Мы сами были нѣкогда — говоритъ теперь Бѣлинскій—жаркими послѣдователями идеи красоты, какъ не только единаго и самостоятельнаго элемента, но и единой цѣли искусства. Съ этого всегда начинается процессъ постиженія искусства, и красота для красоты, самоцѣльность искусства бываетъ всегда первымъ моментомъ этого процесса. Миновать этотъ моментъ—значитъ никогда не понять искусства. Остаться при этомъ моментѣ—значитъ односторонне понять искусство. Теперь Бѣлинскій хочетъ видѣть въ искусствѣ еще „нѣчто“, не отказываясь отъ красоты; онъ согласенъ, что „красота есть необходимое условіе искусства“, что „безъ красоты нѣтъ и не можетъ быть искусства“, что это—аксіома; но тутъ же онъ напоминаетъ, что красотѣ, какъ самоцѣли, нанесло ударъ христіанство со своей идеей „красоты нравственнаго міра“, что еще въ греческой трагедіи „красота“ соединялась съ постановкой „нравственнаго вопроса, эстетически рѣшаемаго“, что по глубокому греческому мифу Афродита есть дочь Зевса, т.-е. красота—дочь разума. Итакъ, вотъ это „нѣчто“, необходимое въ искусствѣ рядомъ съ красотою: „разумъ“, мысль, идея, содержаніе, неизбѣжно выростающее на общественной почвѣ. „Искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія,—говоритъ Бѣлинскій:—...искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія“... А потому только „записные любители художественности“ могутъ удовлетворяться искусствомъ, не выражающимъ собою современнаго сознанія; „нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства. Онъ рѣшительно отрицаетъ искусство для искусства, красоту для красоты“.

Таковы новые взгляды Бѣлинскаго по отношенію къ искусству; стоитъ сравнить все это со статьей о „Менцелѣ“ и даже со статьей о стихотвореніяхъ Лермонтова, чтобы увидѣть и понять происшедшій съ Бѣлинскимъ переломъ. Мы увидимъ еще, къ чему пришелъ дальше на этомъ пути Бѣлинскій; теперь достаточно указать, что въ настоящее время, въ 1842 году, Бѣлинскій еще далекъ отъ стѣсненія свободы художественнаго твор-

чества, отъ проповѣди „тенденціознаго“ искусства. Онъ требуетъ только, чтобы *художникъ* былъ *человѣкомъ*, чтобы онъ, подобно эхо, откликался на всѣ звуки жизни; въ обоснованіи этой теоріи онъ видитъ задачу критики: „теперь критикѣ предстоитъ новая задача,—пишетъ онъ:—примирить свободу творчества съ служеніемъ историческому духу времени, съ служеніемъ истинѣ“. Это примиреніе, думаетъ Бѣлинскій, осуществимо: достаточно художнику быть „сыномъ своего общества“, и тогда для него „свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности“. Все это относится къ искусству, но все это справедливо и для критики: критика тоже должна не быть узко эстетической, ибо она тоже дочь своего общества. И критика и искусство — „равно сознаніе эпохи: но критика есть сознаніе философское, а искусство — сознаніе непосредственное“... Идеаломъ Бѣлинскаго въ это время была именно философская, а не узко-общественная критика, какой она стала въ скоромъ времени въ русской литературѣ.

Мы уже знакомы съ разсужденіями Бѣлинскаго о критикѣ въ его статьѣ 1838 года (№ 13); ко многимъ изъ нихъ Бѣлинскій возвращается въ настоящей статьѣ. „Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобы оживить его для себя въ новой красотѣ и новой жизни, если онъ найдетъ себя въ немъ“: эта мысль тождественна съ былымъ пониманіемъ аналитическаго и синтетическаго процесса критики и съ сравненіемъ убійства Загрея титанами и воскрешенія его Зевсомъ (см. наст. изд. т. I, стр. 456 — 457). Такимъ же возвращеніемъ является въ сущности принятіе исторической точки зрѣнія въ критикѣ—къ чему Бѣлинскій былъ такъ близокъ въ статьѣ о критикѣ (№ 13) и отъ чего онъ такъ удалился два года спустя въ обзорѣ литературы за 1840 годъ (№ 26). Теперь онъ снова и навсегда приходитъ къ убѣжденію, что „каждое произведеніе искусства непремѣнно должно разсматриваться въ отношеніи къ эпохѣ, къ исторической современности“; теперь онъ уже признаетъ, что даже поэтическія произведенія столь ненавистнаго ему раньше Сумарокова „должны остаться навсегда фактомъ исторіи русской литературы“ и даетъ въ настоящей статьѣ интереснѣйшій очеркъ критическихъ взглядовъ Сумарокова. Годомъ позднѣе, въ ненапечатанной тогда статьѣ „Общее значеніе слова литература“ (см. выше, № 29) Бѣлинскій снова повторилъ и обосновалъ эту свою точку зрѣнія; но это не мѣшало ему отстаивать въ настоящей статьѣ прежнюю свою мысль, что „русская поэзія началась собственно съ Пушкина“, и даже болѣе того—утверждать, что „первое дѣло критики“ есть все-таки опредѣленіе не общественной, а эстетической стоимости произведенія. Такъ думаетъ Бѣлинскій теперь, но скоро общественный критерій станетъ для него главнымъ, если не исключительнымъ. Намъ не для чего подробно останавливаться на томъ, что мы согласны не съ этимъ критеріемъ крайней „общественности“, а съ мнѣніемъ Бѣлинскаго настоящей статьи: если произведеніе искусства „не ознаменовано печатію творчества и свободнаго вдохновенія“, то, каково бы ни было его „животрепещущее историческое содержаніе“, произведеніе это—„ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть никакой цѣнности“ для искусства.

Возвратясь къ историко-критической точкѣ зрѣнія, Бѣлинскій вплотную подошелъ къ темамъ историко-литературнымъ. Начиная съ „Литературныхъ Мечтаній“, Бѣлинскій постоянно разрабатывалъ эти темы и недавно еще подробно остановился на нихъ въ обзорѣ литературы 1841 года (выше, статья № 33; кстати замѣтить, изъ этой статьи перенесены въ настоящую слегка варьированныя на нѣсколькихъ страницахъ характеристики Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина); но только въ настоящей статьѣ онъ обратился къ детальной разработкѣ богатыхъ историко-литературныхъ матеріаловъ русской литературы XVIII вѣка. Онъ началъ съ Сумарокова и собирался дать подробную „исторію русской критики“, параллельно съ исторіей русской поэзіи и литературы; планъ этой работы набросанъ Бѣлинскимъ въ началѣ третьей части настоящей статьи. Несомнѣнно, что все это, вмѣстѣ съ настоящей статьей, должно было войти въ задуманный Бѣлинскимъ „Теоретическій и критическій курсъ русской литературы“ или „Критическую исторію русской литературы“; но книга эта такъ и осталась неоконченной.

И однако намѣченныя выше статьи Бѣлинскаго были имъ написаны, планъ его былъ осуществленъ. Настоящую статью Бѣлинскій скомкалъ (третью часть) и обѣщалъ читателямъ развить указанный выше планъ въ особой статьѣ 1843 года. „Тутъ будетъ цѣлая исторія русской литературы, обозрѣнная съ новой ея стороны, на которую еще никто не обращалъ вниманія—со стороны развитія литературныхъ, нравственныхъ и общественныхъ началъ. Статья эта будетъ помѣщена въ одной изъ первыхъ книжекъ „Отеч. Записокъ“ за 1843 годъ. Мы не будемъ въ ней повторять уже сказаннаго въ статьяхъ о „Критикѣ“ и начнемъ прямо съ того, что̀ непосредственно должно слѣдовать за Сумароковымъ, взглядомъ на котораго мы кончили нашу вторую статью о критикѣ“. Что̀ же должно слѣдовать за Сумароковымъ?—это Бѣлинскій намѣтилъ уже въ началѣ третьей

части настоящей статьи: Фонвизинъ, „Словарь“ Новикова, Карамзинъ, война карамзинистовъ съ шишковистами, Жуковскій, борьба классицизма и романтизма. Но вѣдь почти все это мы и найдемъ въ знаменитыхъ „пушкинскихъ статьяхъ“ Бѣлинскаго, начавшихся печататься въ „Отеч. Записках“ 1843 года; такимъ образомъ намѣченный планъ былъ осуществленъ Бѣлинскимъ и именно въ теченіе 1843 года. Настоящая статья (вмѣстѣ со статьей о Державинѣ, какъ увидимъ ниже—см. № 44) является прямымъ введеніемъ въ рядъ „пушкинскихъ статей“, въ которыхъ самъ Бѣлинскій видѣлъ „критическую исторію“ русской литературы, а не только одну исторію поэзіи. Оттого-то скомкалъ и бросилъ Бѣлинскій третью часть настоящей статьи: заготовленные для нея матеріалы онъ перенесъ въ три первыя „пушкинскія статьи“, къ писанію которыхъ и приступилъ послѣ этой своей статьи о рѣчи Никитенко и статьи о поэзіи Державина.

И.-Р.

Статья I.

Духъ анализа и изслѣдованія—духъ нашего времени. Теперь все подлежитъ *критикѣ*, даже сама *критика*. Наше время ничего не принимаетъ безусловно, не вѣритъ авторитетамъ, отвергаетъ преданіе, но оно дѣйствуетъ такъ не въ смыслѣ и духѣ прошедшаго вѣка, который почти до конца своего умѣлъ только разрушать, не умѣя созидать; напротивъ, наше время алчетъ убѣжденій, томится голодомъ истины. Оно готово принять всякую живую мысль; преклониться предъ всякимъ живымъ явленіемъ: но оно не спѣшитъ имъ на встрѣчу, а спокойно ожидаетъ ихъ къ себѣ, безъ страсти и увлеченія. Боясь разочарованія, оно боится и очаровываться нàскоро. Какъ будто враждебно смотритъ нашъ, закаленный въ бурѣхъ ученій и событій вѣкъ на все новое, которое претендуетъ замѣнить ему неудовлетворяющее его старое; но эта враждебность есть въ сущности только благоразумная осторожность, плодъ тяжелыхъ опытовъ. Нашъ вѣкъ и восхищается какъ будто холодно; но эта холодность у него не въ сердцѣ, а только въ манерѣ; она признакъ не старости, а возмужалости. Скажемъ болѣе: эта холодность есть сосредоточенность внутренняго восторга, плодъ самообладанія, умѣющаго видѣть всему настоящее мѣсто и настоящія границы, равно презирающаго и искусственную, на живую нитку смѣтанную *золотую середину*—этого идола посредственности, и фанатическое увлеченіе крайностями, этой болѣзни одностороннихъ умовъ. И это покажется намъ очень естественнымъ, когда вспомнимъ, что послѣдняя половина прошедшаго и еще не кончившаяся половина настоящаго вѣка могутъ многіе изъ своихъ дней назвать вѣками: такъ много въ продолженіе ихъ было испытано и пережито человѣчествомъ. Юноша на все бросается горячо и опромётчиво: ему ничего не стоитъ пасть на колѣни, воздѣть руки горѣ и обоготворить то, къ чему черезъ минуту онъ будетъ или холоденъ, или враждебенъ. Мужъ, искушенный опытомъ, не скоро поддается увлеченію: онъ сперва хочетъ изслѣдовать и повѣрить, онъ начинаетъ съ сомнѣнія, и если что̀ выдержитъ его строгое холодное изслѣдованіе, то̀ уже не на мигъ овладѣетъ его любовію и уваженіемъ. Возмужалый человѣкъ доволенъ чувствомъ, и не хлопочетъ, чтобъ это чувство замѣчали другіе: онъ дорожитъ имъ для него самого, и скорѣе постарается скрыть его, чѣмъ обнаружить. Юноша все любитъ для восторга, и восторгъ давитъ и рветъ грудь ему, если онъ не сообщитъ его другимъ. На нашъ вѣкъ много нападокъ, и весьма справедливыхъ. Дѣйствительно, это вѣкъ какой-то нерѣшимости, разъединенія, индивидуальности, вѣкъ личныхъ страстей и личныхъ интересовъ (даже умственныхъ), вѣкъ перехода, вѣкъ, котораго одна нога уже переступила за порогъ невѣдомаго будущаго, а другая осталась на сторонѣ отжившаго прошедшаго, и который оборачивается то назадъ, то впередъ, не зная, куда двинуться. Все это правда; но въ то же время правда и то, что этотъ вѣкъ уже такъ опытенъ, такъ уменъ, такъ много помнитъ и знаетъ, что не можетъ рѣшиться играть роль паладина среднихъ вѣковъ, жить мечтами и ломать копья за невѣдомую красоту, или, подобно донъ-Кихоту, увѣрить себя въ несравненной красотѣ какой-нибудь безобразной Дульсинеи, за неимѣніемъ въ наличности красоты дѣйствительно существующей.

Да, прошли безвозвратно блаженныя времена той фантастической эпохи человѣчества, когда чувство и фантазія давали ему отвѣты на всѣ его вопросы, и когда отвлеченная идеальность составляла блаженство его жизни. Міръ возмужалъ: ему нуженъ не пестрый калейдоскопъ воображенія, а микроскопъ и телескопъ разума, сближающій его съ отдаленнымъ, дѣлающій для него видимымъ невидимое. *Дѣйствительность*,—вотъ лозунгъ и послѣднее слово современнаго міра! Дѣйствительность въ фактахъ, въ знаніи, въ убѣжденіяхъ чувства, въ заключе-

ніяхъ ума,—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Онъ знаетъ, что лучше на картѣ Африки оставить пустое мѣсто, чѣмъ заставить вытекать Нигеръ изъ облаковъ или изъ радуги. И сколько отважныхъ путешественниковъ жертвуютъ жизнію изъ географическаго факта, лишь бы доказать его дѣйствительность! Для нашего вѣка открыть песчаную пустыню, дѣйствительно существующую, болѣе важное пріобрѣтеніе, чѣмъ вѣрить существованію *Эльдорадо*, котораго не видали ничьи смертныя очи. Онъ знаетъ, что въ песчаной степи, дѣйствительно существующей, болѣе видно всемогущество Творца и величіе природы, чѣмъ во всѣхъ эльдорадо, существующихъ только въ праздномъ воображеніи мечтателей. Нашему вѣку не нужно шутовскихъ бубенчиковъ, пріятныхъ заблужденій, ребяческихъ погремушекъ, отрадныхъ, утѣшительныхъ лжей. Если бы ложь предстала передъ нимъ въ видѣ юной и прекрасной женщины и съ улыбкою манила его въ свои роскошныя объятія, а истина въ видѣ страшнаго остова смерти, летящаго на гигантскомъ конѣ съ косою въ рукахъ: онъ отвергся бы, съ презрѣніемъ и ненавистію, отъ обольстительнаго призрака, и бросился бы въ мертвящія объятія остова... Ему лучше ощутить себя въ дѣйствительныхъ объятіяхъ страшной смерти духа, чѣмъ схватить въ свои руки призракъ, долженствующій исчезнуть при первомъ къ нему прикосновеніи... И это совсѣмъ не скептицизмъ: это, напротивъ, обожествленіе истины, которая можетъ быть страшна только для ограниченности индивидуальнаго человѣка, а сама въ себѣ есть вѣчная красота и вѣчное блаженство. Скептицизмъ отчаявается въ истинѣ и не ищетъ ея; нашъ вѣкъ—весь вопросъ, весь стремленіе, весь исканіе и тоска по истинѣ... Онъ не боится, что его обманетъ истина, но боится лжи, которую человѣческая ограниченность часто принимаетъ за истину.

И однакожъ человѣкъ всегда стремился къ познанію истины; слѣдовательно, всегда мыслилъ, изслѣдовалъ, повѣрялъ. Такъ; но его изслѣдованіе не было свободно, оно всегда находилось подъ вліяніемъ его непосредственнаго созерцанія, или зависѣло отъ авторитета чувства и заранѣе принятыхъ началъ. Если же когда-нибудь изслѣдованіе освобождалось отъ авторитета и преданія, то враждебно разрушало полноту непосредственной жизни, не замѣняя ея полнотою новой жизни. Такъ въ Греціи сначала всѣ явленія дѣйствительности, фантастически представлявшіяся людямъ, и объясняемы были фантастически же. Умъ явно находился подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи и чувства. И эта фантастическая дѣйствительность не выдержала разлагающей философіи Сократа: она пошатнулась, рухнула и погребла философа подъ своими развалинами. Въ фантастическіе средніе вѣка философія была чѣмъ-то въ родѣ кабалистики, химія—алхиміей, астрономія—астрологіей, исторія—романомъ, географія—волшебною сказкою. Въ XVI и XVII вѣкахъ умъ началъ вступать въ права свои, постепенно завоевывая у чувства и фантазіи принадлежавшія ему области. Въ XVIII вѣкѣ онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, нанесъ имъ послѣдній ударъ. Но эта побѣда и показала ему, что одинъ и самъ по себѣ онъ долженъ страшиться собственной силы, которая увлекла бы его къ исключительности и односторонности. И потому въ XIX вѣкѣ разумъ обнаружилъ стремленіе къ примиренію съ чувствомъ и фантазіею; онъ призналъ ихъ права, но какъ подчиненныхъ ему союзниковъ, которые должны дѣйствовать подъ его преобладающимъ вліяніемъ. И теперь разумъ во всемъ ищетъ самого себя; и только то признаетъ дѣйствительнымъ, въ чемъ находитъ самого себя. Этимъ наше время рѣзко отличилось отъ всѣхъ прежнихъ историческихъ эпохъ. Разумъ все покорилъ себѣ, надъ всѣмъ воспреобладалъ: для него уже ничто не есть болѣе само себѣ цѣль, но все должно отъ него получать утвержденіе своей самостоятельности и дѣйствительности. Сомнѣніе и скептицизмъ уже болѣе не враги ему, приводящіе его въ отчаяніе на пути сознанія истины, но его орудія, средства, помогающія ему въ сознаніи истины.

Мы сказали, что разумъ тогда только признаетъ извѣстную истину, ученіе или явленіе дѣйствительными, когда находитъ въ нихъ себя, какъ содержаніе въ формѣ. Для этого ему только одинъ путь и одно средство — разъединеніе идеи отъ формы, разложеніе элементовъ, образующихъ собою данную истину или данное явленіе. И это дѣйствіе разума отнюдь не отвратительный анатомическій процессъ, разрушающій прекрасное явленіе для того, чтобъ опредѣлить его значеніе. Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобъ оживить его для себя въ новой красотѣ и новой жизни, если онъ найдетъ себя въ немъ. Отъ процесса разлагающаго разума умираютъ только такія явленія, въ которыхъ разумъ не находитъ ничего своего, и объявляетъ ихъ только эмпирически существующими, но не дѣйствительными. Этотъ процессъ и называется „критикою“. Многіе подъ критикою разумѣютъ или охужденіе разсматриваемаго явленія, или отдѣленіе въ немъ хорошаго отъ худого:—самое пошлое понятіе о критикѣ! Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основаніи личнаго произвола, непосред-

ственнаго чувства или индивидуальнаго убѣжденія: судъ предлежитъ разуму, а не лицамъ, и лица должны судить во имя общечеловѣческаго разума, а не во имя своей особы. Выраженія: „мнѣ нравится, мнѣ не нравится“ могутъ имѣть свой вѣсъ, когда дѣло идетъ о кушаньѣ, винахъ, рысакахъ, гончихъ собакахъ и т. п.; тутъ могутъ быть даже свои авторитеты. Но когда дѣло идетъ о явленіяхъ исторіи, науки, искусства, нравственности—тамъ всякое *я*, которое судитъ самовольно и бездоказательно, основываясь только на своемъ чувствѣ и мнѣніи, напоминаетъ собою несчастнаго въ домѣ умалишенныхъ, который, съ бумажною короною на головѣ, величаво и благоуспѣшно правитъ своимъ воображаемымъ народомъ, казнитъ и милуетъ, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, благо никто ему не мѣшаетъ въ этомъ невинномъ занятіи. Критиковать—значитъ искать и открывать въ частномъ явленіи общіе законы разума, по которымъ и черезъ которые оно могло быть, и опредѣлять степень живого, органическаго соотношенія частнаго явленія съ его идеаломъ. А такъ какъ бываютъ явленія, вполнѣ выражающія общее въ частномъ, идеалъ въ конечномъ, и бываютъ явленія, только въ извѣстной степени выражающія это единство частнаго съ общимъ, и бываютъ явленія, только претендующія на это единство, въ самомъ же дѣлѣ совершенно чуждыя его; слѣдовательно и критика не только безусловно хулитъ или только похваливаетъ и побраниваетъ, но иногда ограничивается одною похвалою. У насъ, на Руси, особенно, критика получила въ глазахъ массы превратное понятіе: критиковать—для многихъ значитъ ругать, а критика одно и то же съ ругательною статьею. Мало того: критикою называютъ и сатиру и пасквиль, а въ провинціи, въ среднихъ кругахъ общества, критикою называютъ пересуды, сплетни и злоязычіе. Понимать такимъ образомъ критику все равно, что правосудіе смѣшивать только съ обвиненіемъ и карою, забывая объ оправданіи. Равнымъ образомъ, критика не ограничивается однимъ искусствомъ, хотя ея имя и употребляется больше только въ отношеніи къ искусству. Критика происходитъ отъ греческаго слова, означающаго „судить“, слѣдовательно, въ обширномъ значеніи критика есть то же, что „сужденіе“. Поэтому есть критика не только для произведеній искусства и литературы, но и критика предметовъ наукъ, исторіи, нравственности и пр. Лютеръ, напр., былъ критикомъ папизма, какъ Боссюэтъ былъ критикомъ исторіи, а Вольтеръ критикомъ феодальной Европы.

Критика всегда соотвѣтственна тѣмъ явленіямъ, о которыхъ судитъ: поэтому, она есть сознаніе дѣйствительности. Такъ, напр., что такое Буало, Баттё, Лагарпъ? Отчетливое сознаніе того, что непосредственно (какъ явленіе, какъ дѣйствительность) выразилось въ произведеніяхъ Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена. Здѣсь не искусство создало критику, и не критика создала искусство; но то и другое вышло изъ одного общаго духа времени. То и другое—равно сознаніе эпохи; но критика есть сознаніе философское, а искусство—сознаніе непосредственное. Содержаніе того и другого—одно и то же; разница только въ формѣ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается важность критики, особенно для нашего времени, которое по преимуществу мыслящее и судящее, слѣдовательно, критикующее время. Въ критикѣ нашего времени болѣе, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ, выразился духъ времени. Что такое само искусство нашего времени? — Сужденіе, анализъ общества; слѣдовательно, критика. Мыслительный элементъ теперь слился даже съ художественнымъ,—и для нашего времени мертво художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь для того только, чтобъ изображать жизнь, безъ всякаго могучаго субъективнаго побужденія, имѣющаго свое начало въ преобладающей думѣ эпохи, если оно не есть вопль страданія, или диѳирамбъ восторга, если оно не есть вопросъ, или отвѣтъ на вопросъ. Удивляться ли, послѣ этого, что критика есть самовластная царица, современнаго умственнаго міра? Теперь вопросъ о томъ, что скажутъ о великомъ произведеніи, не менѣе важенъ самаго великаго произведенія. Что бы и какъ бы ни сказали о немъ,—повѣрьте, это прочтется прежде всего, возбудитъ страсти, умы, толки. Иначе и быть не можетъ: намъ мало наслаждаться—мы хотимъ знать; безъ знанія для насъ нѣтъ наслажденія. Тотъ обманулся бы, кто сказалъ бы, что такое-то произведеніе наполнило его восторгомъ, если онъ не отдалъ себѣ отчета въ этомъ наслажденіи, не изслѣдовалъ его причинъ. Восторгъ отъ непонятаго произведенія искусства—мучительный восторгъ. Это теперь выражается не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ массахъ.

Въ Россіи пока еще существуетъ только критика искусства и литературы. Это обстоятельство придаетъ ей еще бо́льшій интересъ и бо́льшую важность. Литературныя мнѣнія разносятся у насъ скоро и быстро, и каждое находитъ себѣ послѣдователей. Можно сказать безъ преувеличенія, что пока еще только въ искусствѣ и литературѣ, а слѣдовательно, въ эстетической и литературной критикѣ, выражается интеллектуальное сознаніе нашего общества. Поэтому, нисколько не должно казаться страннымъ, что почтенный профессоръ, оффиціально избранный быть орга-

номъ годичнаго торжества ученаго заведенія, избралъ предметомъ своей рѣчи—критику [1]). Нельзя было избрать лучшаго предмета, вопроса болѣе современнаго и болѣе близкаго къ жизни. И нѣтъ пріятнѣе зрѣлища, какъ то, что у насъ наука сближается съ жизнію и обществомъ, перестаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ, отправляемыхъ, вдобавокъ, на латинскомъ языкѣ, понятномъ лишь оратору да еще десяти человѣкамъ изъ нѣсколькихъ сотъ присутствующихъ на торжественномъ собраніи. Не менѣе пріятно и то, когда органами ученаго сословія и ученаго общества бываютъ люди, умѣющіе соединить интересъ предмета и основательность, глубокость взглядовъ съ живымъ, краснорѣчивымъ изложеніемъ. Этимъ умѣньемъ вполнѣ обладаетъ авторъ рѣчи, подавшей намъ поводъ къ этой статьѣ. Рѣчи г. Никитенко, какъ и все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера, полны мыслей и отличаются особенною красотою выраженія. Каждый имѣетъ свое убѣжденіе, и потому не каждый безусловно согласится съ г. Никитенко во всемъ, что́ составляетъ основаніе, или частности его идей; но каждый, даже и не соглашаясь съ ними вполнѣ, прочтетъ ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыя могутъ возбуждаться только мыслями, вызывающими на размышленіе, поражающими умъ. Парадоксъ и явная ложь не могутъ возбудить критическаго спора (ибо критика есть сужденіе, сравненіе явленія съ его идеаломъ), но могутъ возбудить опроверженіе; критическіе споры могутъ возбуждаться только мыслями. Опровергаютъ то, что́ считаютъ ложью; спорятъ о томъ, что обѣ стороны, несмотря на ихъ противорѣчіе, уважаютъ. Опровергающій мнѣніе считаетъ себя безусловно правымъ, спорящій старается быть правымъ, но почитаетъ побѣду столько же возможною и для противной стороны, какъ и для самого себя. Судъ побѣды предоставляется обществу и времени.

У насъ такъ мало является по части критики (сужденія) достойнаго даже опроверженій, не только спора, что мы вдвойнѣ обрадовались рѣчи г. Никитенко: какъ прекрасному произведенію мысли и краснорѣчія, которое обратило бы на себя вниманіе во всякой литературѣ,—и какъ случаю поговорить о дѣлѣ. Сверхъ того, предметъ рѣчи профессора такъ близокъ нашему сердцу, что для насъ поговорить о немъ, по такому достойному поводу, — истинное наслажденіе.

Съ первыхъ же строкъ „Рѣчи“ поражаютъ читателя и блескъ ея изложенія, и ея живые мотивы, такъ сказать, животрепещущіе интересомъ современности.

„Мм. Гг.! Удостоивая благосклоннаго участія скромное наше торжество во имя науки, вы конечно въ правѣ требовать отъ насъ не только обнаруженія нашихъ ученыхъ убѣжденій, результатовъ обычнаго, долгомъ возложеннаго на насъ служенія истинѣ, но и сочувствія къ тѣмъ вопросамъ науки и словесности, которые предлагаетъ сама жизнь всѣмъ намъ совокупно, какъ членамъ живого организма — общества. Университетъ не можетъ быть чуждъ ни одного изъ возвышенныхъ интересовъ и движеній общественныхъ, ибо ему ввѣрено развивать и направлять силы поколѣнія, призванныя подвизаться для нихъ. Самое могущественное и самое положительное участіе науки въ событіяхъ міра совершается, безъ сомнѣнія, тамъ, гдѣ предстоятъ ей отверстые, свѣжіе умы и откуда несутъ они ея сокровища прямо въ дань исторіи и великимъ судьбамъ народа. Здѣсь-то слагается тотъ прекрасный союзъ вѣчныхъ всеобщихъ истинъ съ живыми силами вещей, который однѣ дѣлаетъ событіями, а въ другія вноситъ свѣтъ началъ, смыслъ и законность“.

Ораторъ разсматриваетъ критику только въ отношеніи къ искусству, и опредѣляетъ ее „судомъ разума надъ творчествомъ“.

„Но (говоритъ онъ) какъ же разумъ осмѣливается присвоить себѣ право суда и приговора надъ августѣйшею, первоначальною властію міра, совершительницею жизни и судебъ ея? Что́ значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?... И какъ заглянуть въ нѣдра волкана, или въ лицо солнцу, чтобъ спросить у нихъ: „Зачѣмъ эти непріятныя тревоги веществъ, обуздываемыхъ закономъ тяготѣнія: зачѣмъ это сіяніе?“ или сказать имъ: „вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе“. Суетны слова тамъ, гдѣ нѣтъ имъ другого отзыва, кромѣ жизни или смерти.

„И точно, есть творчество неподвластное суду и приговору разума человѣческаго: это творчество природы. У нея нѣтъ разнорѣчащаго смысла въ требованіи и рѣшеніи, нѣтъ ни теорій, ни идеаловъ недостижимыхъ; что́ есть, то и должно быть и должно быть такъ, какъ есть. Каждая степень развита, каждый моментъ въ явленіяхъ природы содержитъ въ себѣ безъ недостатка *все свое*, все имъ подобающее; ничѣмъ другимъ и ничѣмъ бо́льшимъ они уже не могутъ быть. Цвѣтокъ раскинулся во всемъ блескѣ роскошной красоты, или неожиданно поникъ юношескимъ вѣнцомъ своимъ предъ хладнымъ дыханіемъ сѣвера—законъ природы одинаково и окончательно выполненъ, тамъ въ законномъ развитіи отдѣльнаго организма, здѣсь въ законныхъ послѣдствіяхъ превозмогающей силы—и нѣтъ другого приговора событію, какъ: „оно свершилось“.

Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться, и вотъ на какомъ основаніи: духъ, или разумъ, произведшій природу, выше природы, слѣдовательно, можетъ судить ее. Сужденіе не всегда состоитъ въ томъ, чтобъ произнести приговоръ судимому предмету, рѣшивъ: „вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе“, но часто состоитъ въ оправданіи предмета такъ, какъ онъ есть, въ признаніи,

[1]) „Рѣчь о критикѣ“ была произнесена проф. Никитенко въ „торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Университета“ (25 марта 1842 г.).

что онъ хорошъ только такъ, какъ есть, и другимъ быть не можетъ. „Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?...“ Такъ говоритъ ораторъ, но сама природа—что же она такое, если не самыя эти блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія, воплотившіяся въ живые образы,—изъ міра возможности и идеаловъ перешедшія въ міръ дѣйствительности?... Понятія родятъ не тѣни—тѣни родятъ только ложь; весь міръ, вся жизнь есть явленный образъ этихъ понятій. И какъ же разуму не дерзать состязаться съ силою, имъ же самимъ рожденною? Какъ духу уступать первенство имъ живущей и имъ дышащей матеріи? Если бъ разумъ, судя о природѣ, т.-е. приводя для себя въ сознаніе его же собственные законы, ею выраженные, сталъ доходить до заключеній, что вотъ это не такъ, а то могло-бъ быть иначе,—онъ этимъ пришелъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, отрекся бы отъ самого себя и изрекъ бы страшный приговоръ надъ самимъ собою. Природа есть нѣчто мертвое, несуществующее само для себя: только духъ человѣческій знаетъ, что она есть, что она полна жизни и красоты, что въ ней скрыта глубокая мудрость; только духъ человѣческій знаетъ все это, и блаженствуетъ въ своемъ знаніи. Зеркало отражаетъ въ себѣ стоящіе противъ него предметы, но не видитъ ихъ, и для него все равно, отражать ихъ или нѣтъ; важность и неважность такого вопроса существуетъ только для человѣка. Умри на землѣ человѣчество—и земли больше не будетъ, хотя бы она и осталась такою, или еще и лучшею, чѣмъ была при человѣчествѣ: ея не будетъ, потому что некому будетъ знать, что она есть. Даже нельзя безусловно думать, чтобъ духъ или разумъ только видѣлъ себя въ природѣ, а не дѣйствовалъ на нее. Разумъ не скажетъ: зачѣмъ листья растеній зелены? имъ слѣдовало бы быть голубыми: зачѣмъ дубъ высокъ, а розанъ низокъ? и т. п. Онъ знаетъ, что такъ должно быть, что дѣйствующія силы природы неизмѣнны: онъ не претендуетъ измѣнять ихъ; но, сообразуясь съ ними и дѣйствуя черезъ нихъ же, онъ измѣняетъ климаты, осушаетъ болота и тундры, утучняетъ песчаныя степи и на тѣ и другія призываетъ богатство и роскошь растительной природы, велитъ течь водѣ тамъ, гдѣ ея не было, и каналами *соединяетъ разъединенныя* природою моря, озера и рѣки; цвѣтокъ, взлелѣянный имъ, лучше, красивѣе и благоуханнѣе цвѣтка дико растущаго, вода и вѣтеръ покорно работаютъ на его машинахъ, мелятъ и пилятъ; пары съ быстротою молніи носятъ его по сушѣ и по морю; обезоруженные громы минуютъ его жилища и зданія; онъ побѣдилъ и время и пространство; онъ царь природы, повелѣвающій ею въ неизмѣнномъ и предвѣчномъ духѣ собственныхъ законовъ. Совсѣмъ иное видитъ ораторъ въ искусствѣ, чѣмъ въ природѣ. Съ этимъ опять нельзя безусловно согласиться. Впрочемъ, дѣло можетъ быть понято и такъ и иначе, смотря по тому, съ какой стороны на него взглянешь. Дѣйствительно, каждое произведеніе природы, на какой бы ступени ея ни стояло оно, совершенно въ отношеніи къ самому себѣ, тогда какъ произведенія искусства, часто самыя совершеннѣйшія, заключаютъ въ себѣ какую-то примѣсь временнаго и случайнаго, что теряетъ свое достоинство въ глазахъ потомства. Но это означаетъ скорѣе превосходство, чѣмъ низшую степень искусства въ отношеніи къ природѣ: это значитъ, что искусство развивается свободно, а природа неподвижно заключена въ математическіе законы своего существованія. Свободное можетъ ошибаться, несвободное никогда не ошибается; и потому, животныя чужды заблужденій, ошибокъ и пороковъ, которымъ подверженъ человѣкъ. Притомъ же, преходящее въ созданіяхъ искусства есть ошибка не творящаго духа художника, а времени, въ которое онъ дѣйствовалъ. То, что мы отвергаемъ въ такихъ произведеніяхъ, отвергаемъ не какъ ошибку искусства, но какъ утратившее свою силу начало, бывшее нѣкогда истиннымъ; слѣдовательно, отвергаемъ форму не за форму, а за ея содержаніе. Сознательное творчество не можетъ быть выше безсознательнаго. И если въ природѣ явилась мудрость Божія, то развѣ не она же является и въ дѣйствіяхъ *разумной* воли человѣка, и развѣ человѣкъ творитъ великое отъ себя и собою, а не Богомъ и черезъ Бога?... Только въ неразумныхъ дѣйствіяхъ своей воли личность человѣческая является самостоятельною и отпавшею отъ божественнаго источника, въ которомъ ея жизнь и сила; но тогда-то она и является ничтожною, случайною, безсильною и униженною.

„Творчество человѣческое есть только безпрерывно повторяемое покушеніе осуществить безконечную идею изящества—идею полноты и совершенства жизни“, говоритъ ораторъ. Опредѣленіе справедливое, но, смѣемъ думать, не совсѣмъ полное и удовлетворительное. Во-первыхъ, идеи „полноты и совершенства жизни“ не должны быть смѣшиваемы съ идеею „изящества“ и „красоты“, особенно если „эта полнота и совершенство жизни“ не опредѣлены ничѣмъ, даже эпитетомъ. Въ-вторыхъ, изящество и

красота еще не все въ искусствѣ. Мы сами были нѣкогда жаркими послѣдователями идеи красоты, какъ не только единаго и самостоятельнаго элемента, но и единой цѣли искусства. Съ этого всегда начинается процессъ постиженія искусства, и красота для красоты, самоцѣльность искусства бываетъ всегда первымъ моментомъ этого процесса. Миновать этотъ моментъ — значитъ никогда не понять искусства. Остаться при этомъ моментѣ — значитъ односторонне понять искусство. Все живое движется и развивается; понятіе объ искусствѣ не алгебраическая формула, всегда мертво-неподвижная. Заключая въ себѣ много сторонъ, оно требуетъ развитія по времени каждой изъ нихъ, прежде, чѣмъ дается въ своей полнотѣ и цѣлостности. Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейти къ высшей, не значитъ измѣнять своимъ убѣжденіямъ. Убѣжденіе должно быть дорого потому только, что оно *истинно*, а совсѣмъ не потому, что оно *наше*. Какъ скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣніи *истиннымъ*, онъ уже не долженъ называть его *своимъ*: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію, и будетъ называть „своимъ“ ложь. Людей послѣдняго разряда довольно на бѣломъ свѣтѣ; одни заставляютъ себя насильно вѣрить тому, чему вѣрили прежде свободно и чему теперь уже имъ не вѣрится. Одни думаютъ унизиться, отказавшись отъ одного убѣжденія въ пользу другого, забывая, что это другое есть истина, и что истина выше человѣка. Другое дѣло переходить отъ убѣжденія къ убѣжденію вслѣдствіе внѣшнихъ разсчетовъ, эгоистическихъ побужденій: это низко и подло...

Что красота есть необходимое условіе искусства, что безъ красоты нѣтъ и не можетъ быть искусства—это аксіома. Но съ одною красотою искусство еще не далеко уйдетъ, особенно въ наше время. Красота есть необходимое условіе всякаго чувственнаго проявленія идеи. Это мы видимъ въ природѣ, въ которой все прекрасно, исключая только тѣ уродливыя явленія, которыя сама природа оставила недоконченными и спрятала ихъ во мракѣ земли и воды (моллюски, черви, инфузоріи и т. п.). Но намъ мало красоты эмпирической дѣйствительности: любуясь ею, мы все-таки требуемъ другой красоты, и отказываемъ въ названіи искусства самому точному копированію природы, самой удачной поддѣлкѣ подъ ея произведенія. Мы называемъ это ремесломъ. Какая же та красота, которой жаждетъ нашъ духъ, неудовлетворяющійся красотою природы, и которой мы требуемъ отъ искусства. Красота міра *идеальнаго*, міра безплотнаго, міра разума, гдѣ отъ вѣка заключены всѣ прототипы живыхъ образовъ, откуда исходитъ все реально существенное. Слѣдовательно, красота есть дщерь разума, какъ Афродита—дщерь Зевеса. Но у Грековъ, несмотря на это подчиненіе красоты разуму, красота болѣе чѣмъ у какого-нибудь другого народа, имѣла самостоятельное, абсолютное значеніе. Они все созерцали подъ преобладающимъ вліяніемъ красоты, и у нихъ было искусство, по преимуществу имѣвшее цѣлью красоту—ваяніе. Впрочемъ, и сами Греки отдѣляли красоту отъ другихъ сторонъ бытія и обожествили ее только въ идеальномъ образѣ Афродиты. Красота Зевса есть красота царственнаго величія міродержавнаго разума; красота другихъ боговъ также выражаетъ и еще какую-нибудь идею, кромѣ красоты. Что́ же касается до ихъ поэзіи, въ ея прекрасныхъ образахъ выражалось цѣлое содержаніе эллинской жизни, куда входила и религія, и нравственность, и наука, и мудрость, и исторія, и политика, и общественность. Красота безусловная, абсолютная, красота какъ красота, выражалась только въ Афродитѣ, которую вполнѣ могло выражать только ваяніе. Слѣдовательно, даже и о греческомъ искусствѣ нельзя сказать безусловно, чтобъ цѣлью его было одно воплощеніе изящества. Содержаніе каждой греческой трагедіи есть нравственный вопросъ, эстетически-рѣшаемый.

Христіанство нанесло рѣшительный ударъ безусловному обожанію красоты, какъ красоты. Красота мадонны есть красота нравственнаго міра, красота дѣвственной чистоты и материнской любви, ее могла выразить только живопись, но ужъ никакимъ образомъ не могла выразить бѣдная скульптура. Конечно, какое нравственное выраженіе ни придайте дурному лицу, оно отъ этого все-таки не будетъ прекраснымъ лицомъ, и потому красота греческая вошла и въ новое искусство, но уже какъ элементъ, подчиненный другому высшему началу, слѣдовательно, она стала уже скорѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью искусства. Только здѣсь слово „средство“ не должно понимать, какъ что-то внѣшнее искусству, но какъ единую, ему присущую форму проявленія, безъ которой искусство невозможно. Съ другой стороны, искусство безъ разумнаго содержанія, имѣющаго историческій смыслъ, какъ выраженіе современнаго сознанія, можетъ удовлетворять развѣ только записныхъ любителей художественности по старому преданію. Нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства. Онъ рѣшительно отрицаетъ искусство для искусства, красоту для красоты, и тотъ бы жестоко обманулся, кто

думалъ бы видѣть въ представителяхъ новѣйшаго искусства какую-то отдѣльную касту артистовъ, основавшихъ себѣ свой собственный фантастическій міръ, среди современной имъ дѣйствительности. Вальтеръ Скоттъ, своими романами, рѣшилъ задачу связи исторической жизни съ частною. Онъ живописецъ среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣхъ эпохъ, которыя онъ изображалъ; онъ вводитъ насъ въ тайники ихъ семейной, домашней жизни. Онъ столько же романистъ и поэтъ, сколько и историкъ. Поэтому неудивительно, что историческій критикъ, Гизо, не написавшій не только ни одного романа—даже ни одной повѣсти, съ признательностью ученика называетъ Вальтера Скотта своимъ учителемъ. Дать историческое направленіе искусству XIX вѣка — значило геніально угадать тайну современной жизни. Байронъ, Шиллеръ и Гёте—это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты и больше ничего. Правда, Гёте, вслѣдствіе своей уже слишкомъ нѣмецкой натуры и аскетическаго образа воззрѣнія на міръ, Гёте еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ, какъ птица [1]), для себя, не требуя ничьего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ не заплатить дани духу времени: его „Вертеръ“ есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его „Фаустѣ“ заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго человѣка нашего времени; его „Прометей“ дышитъ преобладающимъ духомъ вѣка; многія изъ его мелкихъ лирическихъ пьесъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей. Изъ великихъ поэтовъ современности Куперъ болѣе другихъ держится въ чисто-художественной сферѣ, потому только, что гражданственность его юнаго отечества еще не выработала изъ себя элементовъ для современной поэзіи. Впрочемъ, какъ *живой* человѣкъ, а не *птица*, поющая для себя, Куперъ взялъ возможно полную дань съ жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: содержаніе „Шпіона“ составляетъ борьба его отечества за независимость; въ „Американскихъ Пуританахъ“, въ „Эва Эффингемъ“ и другихъ романахъ онъ касается разныхъ сторонъ невыформировавшейся гражданственности страны будущаго.

Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится „птичьимъ пѣніемъ“, создастъ себѣ свой міръ, неимѣющій ничего общаго съ исторической и философической дѣйствительностію современности, если она вообразитъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ее таинственныхъ ясновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ. Возьмемъ для подтвержденія этой истины современную французскую литературу. Викторъ Гюго, Бальзакъ, Дюма, Жаненъ, Сю, де-Виньи, конечно, не громадные таланты, особенно пятеро послѣднихъ; но все же это люди замѣчательно даровитые. И что же?—они не успѣли еще и состарѣться, какъ ихъ слава, занимавшая всю читающую Европу, умерла уже. Первый еще пользуется старинною славою, не прибавляя къ ея увядающимъ лаврамъ ни одного свѣжаго лепестка, а другіе стали во Франціи то же самое, что у насъ теперь иные нравоописательные и нравственно-сатирическіе сочинители;—горе-богатыри, модели для карикатуръ, мишень для насмѣшекъ критики [1]). Отчего же эти французскіе литераторы такъ скоро выписались?—Оттого, что съ однимъ естественнымъ талантомъ недалеко уйдешь: талантъ имѣетъ нужду въ разумномъ содержаніи, какъ огонь въ маслѣ, для того, чтобъ не погаснуть. А эти люди или сами не знали, что пѣли и изъ чего хлопотали, за отсутствіемъ всякихъ живыхъ интересовъ, или съ добродушною искренностію—результатомъ безсознательности и мелкости ихъ натуръ, выдавали пороки современнаго общества за добродѣтели, заблужденія—за мудрость, и гордились тѣмъ, что это прекрасное общество нашло въ нихъ достойныхъ выразителей. Послѣ нихъ явились другіе даровитые люди—Сулье, Бернаръ и пр. Но что же?—читая повѣсть, написанную тѣмъ или другимъ изъ этихъ новыхъ геніевъ, вы удивляетесь необыкновенному таланту разсказа, мастерской рисовкѣ характеровъ, живости изложенія; читаете ее съ наслажденіемъ, и—забываете завтра же, какъ кушанье, о которомъ помнятъ только тогда, когда ѣдятъ его. Отчего это?—Оттого, что у этихъ людей нѣтъ ни взгляда на жизнь, ни кровныхъ убѣжденій, составляющихъ вѣрованіе души и сердца, ни доктрины, ни началъ; оттого, что они пишутъ для того только, чтобъ писать, какъ птицы поютъ для того, чтобъ только пѣть. Въ нихъ нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни сочувствія, ни

[1]) Этотъ знаменитый гетевскій стихъ: „Ich singe, wie der Vogel singt“—Бѣлинскій съ негодованіемъ высмѣиваетъ на протяженіи всей своей статьи.

[1]) Булгаринъ, Гречъ и др.

вражды къ обществу, съ которымъ они связаны только внѣшними узами, а не духовнымъ родствомъ, основаннымъ на преданности къ идеѣ вѣка и общества. Общество, въ свою очередь, смотритъ на нихъ, какъ на своихъ потѣшниковъ и забавниковъ, не любя, не ненавидя, не уважая и не презирая ихъ; оно кричитъ о нихъ, пока они для него новы, и тотчасъ же забываетъ, какъ скоро они наскучатъ ему и какъ скоро явятся другіе потѣшники и забавники съ новыми выдумками и фокусъ-покусами. Не такое зрѣлище представляетъ собою геніальная женщина, извѣстная подъ именемъ Жоржа-Занда. Это, безспорно, первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были ея начала, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными: но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Оттого, многія изъ ея произведеній глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Оттого талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и растетъ [1]). И — что̀ еще болѣе доказываетъ истину нашего убѣжденія — всѣ *такіе* таланты замѣчательны еще и какъ характеры нравственные, энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безукоризненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіею къ человѣчеству, любовію къ истинѣ. И это очень естественно: только птица поетъ оттого, что ей поется, ни сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьяго племени... И какъ горько думать, что и между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть „птицы“: они счастливы, если имъ поется, они выше человѣчества, выше своихъ страждущихъ братій, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданія очи: они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія, и этотъ опоэтизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждомъ мелкой современности...

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія, и что искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія...

Переходя собственно къ критикѣ, какъ къ главному предмету рѣчи, краснорѣчивый ораторъ дѣлитъ критику на три разряда: на *личную*, *аналитическую* и *философскую*, или по преимуществу *художественную*.

Намъ кажется, что личная критика, судя по тому значенію, какое ей даетъ авторъ, есть не родъ и не видъ, а злоупотребленіе критики. Личную критику можно раздѣлить на два рода — *искреннюю* и *пристрастную*. Первая иногда заслуживаетъ вниманія. Она принадлежитъ тѣмъ критикамъ, которые, не зная о современномъ состояніи теоріи изящнаго, ни объ отношеніи искусства къ обществу, все выводятъ изъ себя, опираясь на собственныхъ воззрѣніяхъ и собственномъ, непосредственномъ чувствѣ и вкусѣ. Это критика добродушнаго невѣжества, которое думаетъ, что съ него начался міръ, и что прежде него ничего не было. Если такой критикъ человѣкъ съ природнымъ, хотя и неразвитымъ умомъ, съ чувствомъ и душою,— въ его критикахъ могутъ встрѣчаться проблески здравыхъ мыслей, горячаго чувства, но смѣшанные со множествомъ парадоксовъ, давно остывшихъ основаній, давно забытыхъ заблужденій (ибо человѣкъ, все выводящій изъ себя, не можетъ сказать и новаго заблужденія); все у него неопредѣленно и сбивчиво. Такіе критики иногда встрѣчаются между плодовитымъ и мелкимъ народомъ фельетонистовъ; они возбуждаютъ искреннее сожалѣніе къ своимъ парализированнымъ чрезъ невѣдѣніе дарованіямъ. Если же критикъ, основывающійся на личныхъ убѣжденіяхъ, при невѣжествѣ своемъ еще и человѣкъ ограниченный, то берите его скорѣе въ фельетонисты газеты, гдѣ великіе писатели судятся со стороны грамматики и опечатокъ, и, ради всего святого, упражняйте ихъ больше въ объявленіяхъ о табачныхъ и кондитерскихъ лавочкахъ, о ножевщикахъ и водочистительныхъ машинахъ. Это литературная *тля*, о которой и не стоитъ и говорить... [1]).

Разсуждая о *личной* критикѣ, ораторъ разумѣетъ исключительно *лично-пристрастную* критику, которую онъ характеризуетъ сильно, энергически, живописно, но слишкомъ общими чертами,— чему причиною, разумѣется, оффиціальный характеръ торжества, подавшаго поводъ къ рѣчи, который не долженъ былъ допустить ничего такого, что̀ могло бы послужить поводомъ къ намеку или примѣненію. Если рыцарей добродушной, искренней личной критики, огличающейся вдругъ и невѣжествомъ и ограниченностью, мы назвали *тлею*, то витязей пристрастно-личной

---

[1]) Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Жоржъ Зандъ см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 33.

[1]) Опять-таки Булгаринъ; по поводу выраженія „литературная тля“ см. наше примѣчаніе къ третьей изъ замѣтокъ статьи № 46. Разсказъ Панаева „Тля“ былъ напечатанъ тремя мѣсяцами позднѣе настоящей статьи, но, разумѣется, Бѣлинскій могъ заранѣе знать его содержаніе.

критики можно назвать саранчою литературною. Здѣсь чѣмъ умнѣе такой критикъ, тѣмъ вреднѣе онъ для вкуса неустановившагося общества: его литературному безстыдству и наглости нѣтъ никакихъ преградъ, и онъ безнаказанно можетъ издѣваться надъ публикою, увѣряя ее, что умъ „надуваетъ“ человѣчество; что добродѣтель есть полезный предразсудокъ; что Сократъ былъ тонкій плутъ, „надувшій“ Грековъ своимъ мнимымъ демономъ; прославляя имъ посредственность и наглою ложью унижая истинные таланты, или говоря о своихъ талантахъ и своихъ добродѣтеляхъ, о невѣжествѣ, злобѣ и глупости своихъ враговъ, и т. п.[1]). Впрочемъ, такимъ критикамъ и такой критикѣ, вѣрно, будутъ не по сердцу многія строки въ энергической филиппикѣ г. Никитенко. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько изъ этихъ строкъ, которыя можно назвать диѳирамбомъ благороднаго негодованія:

„Но какъ! неужели для такой критики есть мѣсто въ литературѣ и сочувствіе въ обществѣ? Неужели эта юродивая дщерь слѣпой прихоти и эгоизма осмѣливается, сама собою, безъ полномочія науки, безъ доказаннаго призванія, безъ искры любви къ святому дѣлу совершенствованія человѣческаго — неужели осмѣливается она присвоить себѣ священные атрибуты судьи въ искусствѣ, назваться критикою, выйти изъ дымнаго логовища умовъ невѣжественныхъ и празднословныхъ на свѣтъ и небоязненно произносить свои беззаконные приговоры, раздавать поддѣльные лавры, поражать карами? Что-жъ дѣлаетъ общественное мнѣніе? Однимъ ударомъ своего побѣдоноснаго презрѣнія оно могло бы стереть съ лица литературы эту лжекритику, хищницу чужого достоянія, принадлежащаго уму, знанію и таланту. Но общественное мнѣніе въ дѣлѣ искусства у насъ еще такъ юно, и потому скромно и застѣнчиво. Шаткое въ основныхъ понятіяхъ искусства, которыхъ еще не успѣло себѣ усвоить, оно робко склоняется предъ всякимъ смѣлымъ натискомъ высокомѣрія и самоувѣренности; рѣшительный тонъ въ глазахъ его есть сильнѣйшее логическое доказательство истины, а насмѣшка признакъ генія, который до того великъ, что для него нѣтъ ничего великаго. Удивительно ли, что личная критика вовсе не занимается искусствомъ и порождаетъ однѣ личности? Здѣсь судьи не подлежатъ никакой отвѣтственности: ибо кто будетъ пересуживать ихъ сужденія? Пусть говорятъ смѣло все, что хотятъ: имъ повѣрятъ, потому что для тѣхъ, у кого нѣтъ никакого убѣжденія, все равно принять его изъ однихъ устъ или изъ другихъ. Какой соблазнъ! Какъ широко отворяются въ литературу двери всѣмъ мелкимъ страстямъ, которыя невозможностію развитія осуждены были бы развѣ только шевелить илъ на самомъ днѣ общества, а теперь дорогою печати выходятъ изъ своихъ кромѣшныхъ убѣжищъ, вползаютъ, какъ черви, на самыя вершины юнаго, только-что расцвѣтающаго искусства и истощаютъ его жизненные соки. У всякаго, безъ сомнѣнія, есть враги, друзья, покровители: гдѣ, какъ не въ критикѣ удобнѣйшій случай заклеймить врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ вожделѣннымъ для ненависти, потому что онъ падаетъ на самую нѣжнѣйшую часть человѣческаго самолюбія—на умственную славу, друзьямъ оказать услугу, не требующую никакихъ жертвъ, потому что она вся состоитъ изъ словъ, и покровителямъ принести дань глубокой лести, не касаясь ногою даже порога ихъ прихожей? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы подъ видомъ литературы говорить о своихъ нуждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьяхъ и недругахъ, о всемъ, что не составляетъ литературы. Къ чему же ей и стремиться? къ пріобрѣтенію уваженія публики? Но публика столь снисходительна, что не требуетъ уваженія, а готова даже простить неуваженіе къ себѣ. Къ великимъ цѣлямъ искусства? Но тогда не была бы она личною, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала бы дѣйствовать въ духѣ разума — и погибла бы. Извѣстно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: маленькіе эгоизмы тонутъ, какъ пылинки, въ широтѣ его безмѣрнаго горизонта“.

Картина, къ несчастію, весьма вѣрная дѣйствительности, несмотря на общность ея чертъ! Теперь, безъ сомнѣнія, интересно будетъ для читателя узнать, какъ понимаетъ ораторъ истинную критику, которую онъ дѣлитъ на *аналитическую* и *философскую*, или по преимуществу *художественную*.

„Не такова, мм. гг., истинная критика, органъ здраго разума, приводящаго въ гармонію человѣческое свободное творчество со всеобщимъ и необходимымъ порядкомъ вещей, представительница вѣчныхъ законовъ искусства, мысль, произносящая судъ торжественный и всенародный надъ дѣломъ, предвозвѣстница приговора потомства, драгоцѣнная награда дарованія, кара нелицепріятная бездарности, стражъ народнаго вкуса. Принявъ на себя характеръ аналитическій, она изслѣдуетъ стихіи, изъ коихъ слагается красота въ готовыхъ произведеніяхъ таланта, и условія ея развитія. Она разсматриваетъ писателя со стороны его генія, направленія, взгляда на вещи; рисуетъ картину общества, отношеніе къ нему писателя, степень принимаемаго имъ участія въ движеніяхъ современной мысли и жизни. Обращаясь къ самому произведенію, аналитическая критика разсматриваетъ его содержаніе, разлагаетъ образы на ихъ элементы, обнажаетъ пружины, коими авторъ дѣйствуетъ для достиженія своей цѣли, и изъясняетъ, какъ зрѣла, чѣмъ питалась основная, завѣтная мысль его созданія, что̀ принадлежитъ въ ней его свободному художническому воззрѣнію на вещи, и что̀ принадлежитъ набѣгу случайныхъ обстоятельствъ, волновавшихъ его душу. Мудрая аналитическая критика знаетъ, какія изъ этихъ понятій могутъ осуществиться только въ разсматриваніи произведеній, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи, и какія должно прилагать къ искусству современному. Здѣсь вы читаете, такъ сказать, отчетъ самой природы о томъ, какъ она поступаетъ въ важнѣйшей части своей экономіи—въ творчествѣ умственномъ. Ничто не можетъ сравниться съ занимательностію подобныхъ изысканій. Вы вводитесь въ святилище глубочайшихъ тайнъ человѣческой природы; вы присутствуете при самомъ рожденіи геніальной мысли; встрѣчаете ее потомъ на рубежѣ при переходѣ изъ идеальнаго міра въ дѣйствительный; передъ вами движутся всѣ силы, образующія изящное созданіе — и талантъ писателя, и духъ времени, и духъ общества: въ ва-

[1]) Все это подлинныя утвержденія Сенковскаго въ „Библіотекѣ для Чтенія“.

шихъ глазахъ слагаются стихіи его въ этотъ удивительный нравственный организмъ, коему суждено вмѣщать въ себѣ чистѣйшую жизнь — жизнь красоты, слѣдовательно, истины и добра.

„Аналитическая критика, однакожъ, не удовлетворяетъ еще цѣли искусства. Мы знаемъ, какъ образовалось твореніе, но не знаемъ, что̀ такое самое твореніе. „Вы, возразятъ мнѣ, видите его передъ собою раскрытымъ со всѣхъ сторонъ, объясненнымъ—чего-же болѣе?“—Такъ! Но у каждаго изящнаго произведенія, кромѣ отношеній къ художнику, эпохѣ, народу и проч., есть еще одно отношеніе, очень важное — это отношеніе къ идеѣ красоты. Вѣдь оно для нея и существуетъ; всѣ творческія операціи, которыя аналитическою критикою такъ хорошо намъ раскрыты, именно для нея и предприняты. Прекрасно ли и почему прекрасно то, что произвело искусство? Этихъ вопросовъ она не рѣшитъ.

„Всѣ начинанія человѣческаго творчества подлежатъ двумъ законамъ: закону частыхъ соотношеній съ вещами и закону идей. То, чему назначено занять мѣсто между первыми, войти въ дружескій союзъ съ ними, участвовать въ исторіи, то должно и дѣйствовать въ духѣ ихъ судьбы и потребностей. Но высокое дѣло разума и воли не было бы разумнымъ и свободнымъ, если бы оно не соединялось также узами съ тѣмъ, что̀ выше вещей — съ основнымъ ихъ началомъ, съ родовой своей идеей. И отъ кого же, какъ не отъ нея, дѣло получаетъ опредѣленный характеръ, неизгладимую физіономію? Одно становится заслугою въ наукѣ, потому что его направляетъ идея истины, другое пріобрѣтаетъ значеніе въ искусствѣ, потому что его оживотворила идея красоты. Критика, руководимая идеей истины по пути анализа, возвышается наконецъ къ идеѣ изящнаго и становится вполнѣ художественною. При свѣтѣ ея разбираемое твореніе, безъ всякаго вліянія лицъ, безъ ухищреній, само собою займетъ приличное ему мѣсто въ литературѣ, и если оно падетъ на пути къ славѣ, то падетъ не отъ оскорбленій, а отъ истины, которая посвѣтила ему въ лицо и показала на немъ людямъ клеймо бездарности. Между тѣмъ, съ произведеніемъ истиннаго таланта вы имѣете всѣ способы соединиться тѣснѣйшими узами: оно изслѣдовано глубоко и вѣрно со всѣхъ сторонъ; вотъ и изящная его сторона, вотъ нѣжные, тонкіе, едва уловимые, но можетъ быть и самые занимательные изгибы красоты, коими писатель означилъ свою идею—они могли отъ васъ ускользнуть; зоркое око критики ихъ различаетъ и дѣлаетъ вамъ доступными: наслаждайтесь тѣмъ, чего собственный вашъ взглядъ не успѣлъ уловить, и будьте благодарны руководству, дополняющему ваше упущеніе. Критика наперсница искусства, посвященная въ глубочайшія его тайны; въ то же время она органъ общества, коимъ оно принимаетъ прекрасные дары искусства и несетъ ихъ къ своему сердцу. Высоко и достославно ея назначеніе! Двѣ могущественнѣйшія силы—искусство и духъ общественный, опираются на ея мудрость и правоту: одно ввѣряетъ ей драгоцѣннѣйшее свое достояніе—славу, другой — честь и достоинство своихъ чувствованій.

„Но въ каждомъ произведеніи искусства есть недостатки: что̀ дѣлаетъ съ ними критика? Вотъ ея правило: знать только одни недостатки—тѣ, которыхъ изобличеніе можетъ служить урокомъ въ истинѣ или защитою противъ заблужденій. Съ помощію анализа она особенно отличаетъ ошибки, или невѣрное направленіе вкуса, бывшія плодомъ вѣка — и не караетъ безщадно писателей, честно служившихъ искусству въ духѣ своего времени, за то, что они не предупредили хода судьбы и не дѣйствовали по идеямъ, которыхъ не было. Она каждому воздаетъ по заслугамъ— относительному достоинству свое, безусловному свое и не забываетъ, что если потомство умнѣе прошедшаго, которое оно судитъ, то въ свою очередь оно будетъ имѣть также потомство; и горе тѣмъ, кои не умѣли сдѣлать всего и не умѣли прощать той же вины другимъ!...“.

Нельзя не согласиться въ сущности со всѣмъ этимъ. Дѣйствительно, критика *аналитическая*, какъ называетъ ее ораторъ, или *историческая*, какъ называютъ ее во Франціи и Германіи, необходима. Миновать ее, особенно теперь, когда вѣкъ принялъ рѣшительно историческое направленіе, значило бы убить искусство, или, еще скорѣе, опошлить критику. Каждое произведеніе искусства непремѣнно должно разсматриваться въ отношеніи къ эпохѣ, къ исторической современности, и въ отношеніяхъ художника къ обществу; разсмотрѣніе его жизни, характера, и т. п. также можетъ служить часто къ уясненію его созданія. Съ другой стороны, невозможно упускать изъ виду и собственно-эстетическихъ требованій искусства. Скажемъ болѣе: опредѣленіе степени эстетическаго достоинства произведенія должно быть первымъ дѣломъ критики. Когда произведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не сто́итъ исторической критики; ибо если произведеніе искусства чуждо животрепещущаго историческаго содержанія, если въ немъ искусство было само себѣ цѣлью,— оно все еще можетъ имѣть хотя одностороннее, относительное достоинство; но если, при живыхъ современныхъ интересахъ, оно не ознаменовано печатію творчества и свободнаго вдохновенія, то ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть никакой цѣнности, и самая жизненность его интересовъ, будучи выражена насильственно въ чуждой имъ формѣ, будетъ безсмысленна и нелѣпа. Изъ этого прямо выходитъ, что не для чего и раздѣлять критику на разные роды, а лучше, признавъ одну критику, отдать въ ея завѣдываніе всѣ элементы и стороны, изъ которыхъ слагается дѣйствительность, выражающаяся въ искусствѣ. Критика историческая безъ эстетической, и наоборотъ, эстетическая безъ исторической, будетъ односторонняя, а слѣдовательно, и ложна. Критика должна быть одна, и разносторонность взглядовъ должна выходить у нея изъ одного общаго источника, изъ одной системы, изъ одного созерцанія искусства. Это и будетъ критикою нашего времени, въ которомъ многосложность элементовъ ведетъ не къ дробности и частности, какъ прежде, а къ единству и общности. Что же касается до слова „аналитическій“, — оно происходитъ отъ слова „анализъ“, означающаго разборъ, разложеніе, которые составляютъ свойство

всякой критики, какая бы ни была она, историческая или художественная.

Насъ спросятъ: какимъ образомъ въ одной и той же критикѣ могутъ органически слиться два различныя воззрѣнія, историческое и художественное? или: какъ можно требовать отъ поэта, чтобы онъ въ одно и то же время свободно слѣдовалъ своему вдохновенію и служилъ духу современности, не смѣя выйти изъ ея заколдованнаго круга? Этотъ вопросъ весьма легко рѣшить и теоретически и исторически. Каждый человѣкъ, а слѣдовательно и поэтъ, испытываетъ на себѣ неизбѣжное вліяніе времени и мѣстности. Съ молокомъ матери всасываетъ онъ въ себя тѣ начала, ту сумму понятій, которою живетъ окружающее его общество. Отъ этого онъ дѣлается Французомъ, Нѣмцемъ, Русскимъ, и т. д.; отъ этого онъ, родившись, напримѣръ, въ XII вѣкѣ, благочестиво убѣжденъ, что самое святое дѣло жечь на кострахъ людей, думающихъ такъ, какъ не всѣ думаютъ, а родившись въ XIX вѣкѣ, онъ религіозно убѣжденъ, что никого не должно жечь и рѣзать, что дѣло общества не мстить наказаніемъ за проступокъ, а исправить наказаніемъ преступника, чрезъ что́ удовлетворится и оскорбленное общество, и выполнится святой законъ христіанской любви и христіанскаго братства. Но человѣчество не вдругъ же перескочило отъ XII вѣка къ XIX-му: оно должно было прожить цѣлые шесть вѣковъ, въ продолженіе которыхъ развивалось, въ своихъ моментахъ, его понятіе объ истинномъ, и въ каждомъ изъ сихъ шести вѣковъ это понятіе принимало особенную форму. Вотъ эту-то форму философія и называетъ *моментомъ* развитія общечеловѣческой истины; а этотъ-то *моментъ* и долженъ быть пульсомъ созданій поэта, ихъ преобладающею страстію (паѳосомъ), ихъ главнымъ мотивомъ, основнымъ аккордомъ ихъ гармоніи. Нельзя жить въ прошедшемъ и прошедшимъ, закрывъ глаза на настоящее: въ этомъ было бы что-то неестественное, ложное и мертвое. Отчего европейскіе живописцы среднихъ вѣковъ писали все мадоннъ да святыхъ?— Оттого, что религіозность христіанская была преобладающимъ элементомъ жизни Европы того времени. Послѣ Лютера всѣ попытки къ возстановленію религіозной живописи въ Европѣ были бы тщетны. „Но“, скажутъ намъ: „если нельзя выйти изъ своего времени, то не можетъ быть и поэтовъ не въ духѣ своего времени, а слѣдовательно, нечего и вооружаться противъ того, чего быть не можетъ?“ — Нѣтъ, отвѣчаемъ мы: это не только можетъ быть, но и есть, особенно въ наше время. Причина такого явленія — въ обществахъ, которыхъ понятія діаметрально-противоположны ихъ дѣйствительности, которыя учатъ въ школахъ дѣтей своихъ такой нравственности, за которую надъ ними же теперь смѣются, когда тѣ выйдутъ изъ школы. Это есть состояніе безрелигіозности, распаденія, разъединенія, индивидуальности и — ея необходимаго слѣдствія — эгоизма: къ несчастію, слишкомъ рѣзкія черты нашего вѣка! При такомъ состояніи обществъ, живущихъ старыми преданіями, которымъ болѣе не вѣрятъ, и которыя противоположны новымъ истинамъ, открытымъ наукою, выработавшимся изъ историческихъ движеній,—при такомъ состояніи обществъ иногда самыя благородныя, самыя даровитыя личности чувствуютъ себя отдѣленными отъ общества, одинокими, и тѣ изъ нихъ, которыя послабѣе характеромъ, добродушно дѣлаются жрецами и проповѣдниками эгоизма и всѣхъ пороковъ общества, думая, что такъ, видно, должно быть, что иначе быть не можетъ, что не нами-де началось, не нами и кончится; другіе—и это, увы! часто лучшіе,—убѣгаютъ вовнутрь себя, съ отчаяніемъ махнувъ рукою на эту оскорбляющую чувство и разумъ дѣйствительность. Но это средство къ спасенію ложное и эгоистическое: когда на улицѣ пожаръ, должно бѣжать не отъ него, а къ нему, чтобъ вмѣстѣ съ другими искать средствъ и трудиться братски для потушенія его. Но многіе, напротивъ, изъ этого эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себѣ начало, доктрину, правило жизни, наконецъ догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ, который изволите видѣть, не сто́итъ ихъ страданій и ихъ радостей: засѣвъ въ разубранномъ теремѣ своего фантастическаго замка и смотря изъ него сквозь расцвѣченныя стекла, они поютъ себѣ, какъ птицы... Боже мой! *человѣкъ* дѣлается *птицею*! Какое истинно-овидіевское превращеніе! Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, филистерскаго, аскетическаго, анти-общественнаго. Что́ же изъ этого должно было выйти? — Гибель талантовъ, которые, при другомъ направленіи, оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы развиваться, идти впередъ, мужать въ силахъ. Отсюда происходитъ это размноженіе микроскопическихъ геніевъ, маленькихъ великихъ людей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ много таланта и силы, но пошумятъ, пошумятъ да и замолкнутъ, скончавшись вмалѣ еще прежде своей смерти, часто во цвѣтѣ лѣтъ, въ настоящей порѣ силы и дѣятельности. Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современ-

ности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что̀ вошло, глубоко запало въ душу, то̀ само собою проявится во внѣ. Когда человѣкъ сильно потрясенъ страстію, исключительно занятъ одною мыслію, — все, о чемъ онъ думаетъ днемъ, повторяется у него въ снахъ. Пусть же творчество будетъ прекраснымъ сномъ, въ роскошныхъ видѣніяхъ своихъ повторяющимъ святыя думы и благородныя симпатіи художника! Въ наше время талантъ въ чемъ бы ни проявлялся — въ практической ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтелью или гибнуть въ себѣ самомъ и черезъ себя самого. Человѣчество дошло наконецъ до такихъ убѣжденій, которыхъ нечистые люди, уже изъ собственныхъ видовъ, чтобъ не осудить себя, не рѣшатся произнести и выговорить. Они знаютъ, что общество имъ не повѣрило бы, ибо въ нихъ самихъ увидѣло бы лучшее опроверженіе ихъ идей...

Высказавъ наше воззрѣніе на искусство и критику и разсмотрѣвъ „РѢчь“, подавшую поводъ къ этой статьѣ, мы въ слѣдующей статьѣ сдѣлаемъ историческое обозрѣніе русской критики отъ начала ея до нашего времени.

Статья II.

Историческое обозрѣніе русской критики.

Обозрѣть исторически ходъ и развитіе русской критики—значитъ обозрѣть въ общихъ чертахъ исторію русской литературы, ибо, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, содержаніе критики, какъ сужденіе, есть то же самое, что̀ и содержаніе литературы, какъ судимаго; вся разница въ формѣ. Художникъ и литераторъ выражаютъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ *непосредственно*, самыми твореніями своими; критикъ выражаетъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ чрезъ *посредство* мысли, сознательно. Въ этомъ случаѣ искусство и литература идутъ объ руку съ критикою и оказываютъ взаимное дѣйствіе другъ на друга. Если новый геній открываетъ міру новую сферу въ искусствѣ и оставляетъ за собою господствующую критику, нанося ей тѣмъ смертельный ударъ, то, въ свою очередь, и движеніе мысли, совершающееся въ критикѣ, приготовляетъ новое искусство, опереживая и убивая старое. Такое явленіе было въ Германіи, гдѣ литературный переворотъ совершился не чрезъ великаго поэта, а чрезъ умнаго, энергическаго критика—Лессинга. Такъ называемая романтическая школа, или юная литература Франціи, водрузила свои побѣдоносныя знамена на завоеванной ею у псевдо-классицизма почвѣ едва-ли не болѣе при помощи критики, чѣмъ собственными усиліями. Жаненъ, нѣкогда столь даровитый, а теперь столь пустой фельетонный крикунъ, горячо сражался противъ мертвой литературы имперіи еще прежде, чѣмъ написалъ свой романъ „Мертвый Оселъ и Гильйотинированная Женщина“. И этотъ союзъ искусства съ критикою со дня на день становится тѣснѣе и неразрывнѣе. Оттого теперь искусство становится мышленіемъ въ образахъ, а критика—искусствомъ.

Русская литература была не плодомъ развитія національнаго духа, а плодомъ реформы. Хотя Петръ Великій ничего не писалъ и не издавалъ, подобно Екатеринѣ II, но тѣмъ не менѣе онъ такъ же творецъ русской литературы, какъ и творецъ русской цивилизаціи, русскаго просвѣщенія, русскаго величія и славы, словомъ — творецъ новой Россіи. Написать исторію русской литературы, не сказавъ ни слова о Петрѣ Великомъ,—это все равно, что написать о происхожденіи міра, не сказавъ ни слова о Творцѣ міра. Русь до Петра кипѣла дикими и нестройными силами: его всемощное „да будетъ!“ водворило порядокъ и гармонію въ этомъ хаосѣ, дало боровшимся въ немъ элементамъ опредѣленную форму и указало имъ цѣль. Уже болѣе вѣка прошло послѣ смерти Великаго; но Русь все еще движется отъ него, слѣдовательно и чрезъ него, Русь уже давно не та; Петръ не узналъ бы ея, если бъ могъ взглянуть на нее изъ своего гроба. Русь уже не та, но и не другая. Такъ широколиственный дубъ совсѣмъ не то, что жолудь, изъ котораго онъ вышелъ; но онъ все же дубъ, а не береза и не другое дерево; все же онъ вышелъ изъ жолудя и безъ жолудя не могъ бы быть.

Реформа Петра вообще была искусственная, ибо совершилась не въ сферѣ русской жизни и не ея собственными средствами, а постороннимъ посредствомъ чуждой ей жизни. Однакожъ, это можетъ не нравиться только раскольникамъ и старовѣрамъ; въ глазахъ же людей, умѣющихъ проникать въ глубь явленій, это-то самое и свидѣтельствуетъ о колоссальности генія творца новой Россіи. Правда, можно много остраго и забавнаго наговорить, напримѣръ, о русскихъ мужикахъ, вдругъ, экспромптомъ, превращенныхъ въ подобіе цесарскихъ и прусскихъ солдатъ, съ выбритыми бородами, съ пучками на затылкахъ, въ смѣшныхъ мундирахъ XVII вѣка, объ этихъ солдатахъ, которые съ трудомъ

заучивали на память нѣмецкую военную терминологію, мудреные нѣмецкіе чины и званія; сверхъ того, нарвская битва могла служить прекраснымъ фактомъ противъ преобразованій, но зато битва подъ Лѣснымъ заставляетъ разумниковъ призадуматься, смѣшаться, прикусить язычокъ, какъ выразительно говорится по-русски; а полтавская битва лучше всякихъ доказательствъ, теоретическихъ и философскихъ, доказываетъ, что у генія своя логика, свой здравый смыслъ, свое ясновидѣніе дѣйствительности, которые чѣмъ менѣе подходятъ подъ сужденія толпы, тѣмъ истиннѣе и дѣйствительнѣе. Реформа, повидимому чисто внѣшняя, повидимому, состоявшая только въ формахъ, могла казаться странною не только для Русскихъ, бывшихъ ея жертвою, но и для тогдашней Европы; теорія и практика, умозрѣніе и опытъ—все, повидимому, было противъ нея. Несчастное нарвское дѣло походило на порывъ урагана, сдувшій со стола карточный домикъ; оно всѣхъ убѣдило въ невозможности улучшеній — всѣхъ, кромѣ самого реформатора. Но подъ Лѣснымъ обстоятельства перемѣняются и для непріятеля настаетъ прологъ трагедіи, а при Полтавѣ разыгралась и самая трагедія.

Такимъ же точно образомъ много умнаго и остроумнаго можно наговорить о новыхъ гражданскихъ литерахъ, которымъ нѣчего было выражать собою: о заведенныхъ имъ типографіяхъ, которымъ нѣчего было печатать; о высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда еще нѣгдѣ было учиться грамотѣ; о проектѣ Академіи наукъ, когда еще не было приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, словомъ, обо всемъ этомъ неестественномъ развитіи сверху внизъ, не снизу вверхъ, съ крыши къ фундаменту, не съ фундамента къ крышѣ. А между тѣмъ это-то и положило прочное основаніе русскому просвѣщенію, ибо прежде всего дало учителей, безъ которыхъ ученики не могутъ учиться. Каково бы ни было наше просвѣщеніе, на какой бы ступени ни стояло оно и теперь, но надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что оно все развивается, все идетъ впередъ. Иначе, какъ бы могли у насъ являться и полководцы, и моряки, и инженеры, и врачи, и математики? Давно ли было время, когда безъ иностранцевъ мы не въ состояніи были сдѣлать шагу? А теперь мы нуждаемся въ Европѣ, но уже не въ иностранцахъ; намъ надо слѣдить за успѣхами въ Европѣ наукъ, искусствъ и промышленности, но не выписывать оттуда людей для заведенія того и другого и третьяго, какъ было прежде. Если же мы и теперь иногда нуждаемся въ иностранцахъ и приглашаемъ ихъ къ себѣ, то такіе случаи уже кажутся теперь исключеніями изъ общаго правила.

Не менѣе дѣльнаго, умнаго и остраго можно наговорить (да и было уже довольно наговорено) о русской литературѣ, возникшей не изъ потребности общества, а изъ слѣпого подражанія иностраннымъ литературамъ [1]). И чего бы, въ самомъ дѣлѣ, можно было ожидать отъ этого сколка, списка, отъ этой копіи съ чужихъ образцовъ, отъ этого мертваго, бездушнаго, слѣпого подражанія и передразниванія чужихъ мыслей и чужихъ формъ? А между тѣмъ, мы гордимся именами (конечно, еще немногими) національныхъ и самостоятельныхъ поэтовъ—Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова... А между тѣмъ, наша литература имѣла на общество великое и благодѣтельное вліяніе, какъ живой источникъ гуманическаго, человѣчественнаго образованія...

Странное дѣло! какъ же такія живыя слѣдствія могли выйти изъ такой мертвой чисто внѣшней, отвлеченно формальной реформы? Здѣсь въ томъ-то дѣло, что только близорукіе, ограниченные люди, да развѣ еще раскольники и старовѣры, поборники ложно понимаемой народности и дикаго невѣжества, могутъ видѣть въ реформѣ Петра одно внѣшнее и формальное. Люди мыслящіе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень хорошо видятъ, что Петръ старался не объ одномъ внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же духовнымъ, сколько и матеріальнымъ реформаторомъ. Его великій, зиждительный духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности,—онъ началъ реформу прежде всего съ себя самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому себѣ. Поставивъ идею правосудія выше личнаго произвола, онъ готовъ былъ бы самого себя отдать подъ уголовный судъ, если бъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше личнаго значенія, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую лѣствицу чиноначалія, былъ солдатомъ, юнгою, и съ такою страстію подчинялся повиновенію, съ какою въ его возрастъ предаются обаянію властвованія. Счастію Россіи, ея будущности принесъ онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой да недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, прося у нихъ себѣ мѣсто, слѣдовавшее достойнѣйшему его по службѣ, и сказалъ, что благо имъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ... Говоря о Петрѣ, многіе вилятъ въ немъ больше реформатора, и забываютъ колоссально нрав-

[1]) Бѣлинскій отчасти имѣетъ здѣсь въ виду самого себя и свои мнѣнія, выраженныя въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“.

ственный и религіозный духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служеніемъ идеѣ. А паѳосъ къ идеѣ есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Если бъ Петръ былъ только необыкновенно умный человѣкъ, только *политическій*, а не религіозно-нравственный дѣйствователь, его реформа не имѣла бы такихъ великихъ слѣдствій. Глубокое религіозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа въ соединеніи съ исполинскою геніальностію, — вотъ что̀ оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность... Но объ этомъ можно было бы написать цѣлую книгу; здѣсь мы говоримъ только вскользь, какъ о предметѣ, который имѣетъ отношеніе къ главной мысли нашей статьи и не составляетъ ея прямого содержанія. Обращаемся къ русской литературѣ, чтобъ отъ нея перейти къ русской критикѣ.

Русская литература началась такъ же, какъ и русская цивилизація—подражаніемъ, слѣпымъ усвоеніемъ формъ. Подобно цивилизаціи, ея движеніе и развитіе состояли въ стремленіи къ самобытности и національности, и каждый успѣхъ ея былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская поэзія сперва проблеснула въ басняхъ Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ, несмотря на то, русскій языкъ и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. Но басня есть только родъ поэзіи, и притомъ созданный XVIII вѣкомъ, а не самая поэзія. Русская поэзія началась собственно съ Пушкина. Утверждая это, мы нисколько не думаемъ унижать блестящіе таланты, предшествовавшіе нашему поэтическому Протею. Безъ нихъ не было бы и его, или, по крайней мѣрѣ, онъ былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ. Каждый изъ этихъ талантовъ былъ для нашей литературы шагомъ впередъ; и неполнота ихъ успѣха заключалась не въ слабости дарованія, а въ незрѣлости общества, еще не могшаго выработать никакого содержанія для самобытной поэзіи. Пушкинъ былъ первый русскій поэтъ въ смыслѣ художника. Природная поэтическая сила Державина выше поэтической силы, напримѣръ, Батюшкова; но, *какъ художникъ*, Батюшковъ несравненно выше Державина. Державинъ, этотъ богатырь русской поэзіи, былъ связанъ духомъ своего времени, которое понимало поэзію не иначе, какъ *торжественною одою* на какой бы то ни было случай—на побѣду или просто на иллюминацію и которое было увѣрено, что поэзія „сладостна и пріятна, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“. Оно требовало отъ поэзіи высокопарности—и больше ничего; оно исключало изъ нея это внутреннее, субъективное начало, которое впослѣдствіи господствовало въ русской поэзіи, подъ неопредѣленнымъ именемъ *элегическаго тона*, и безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи. Душа Державина была поэтическая и уже по сему самому не чуждая этого внутренняго, субъективнаго, задушевнаго и сердечнаго начала; и оно у него часто проторгалось, но какъ бы противъ его воли, ибо, по духу своего времени, онъ не давалъ ему воли и простора, стараясь постоянно держаться въ напряженной торжественности. Прибавьте къ этому, что въ его время языкъ русскій былъ крайне необработанъ, вращался въ тяжелыхъ славяно-латинскихъ формахъ, въ которыя заковалъ его Ломоносовъ; о гармоніи и пластикѣ, словомъ, *виртуозности* стиха, никто тогда не имѣлъ и малѣйшаго понятія; усѣченія прилагательныхъ, коверканіе словъ, какофонія реченій были узаконены самою піитикою того времени подъ именемъ „піитическихъ вольностей“. И вотъ почему Державинъ, будучи столь великимъ явленіемъ въ исторіи русской поэзіи и литературы, мертвъ для современнаго общества; поэзія же его стала теперь предметомъ изученія записныхъ литераторовъ, а не предметомъ наслажденія для общества, которое какъ бы едва знаетъ о Державинѣ, и то изъ піитикъ, по которымъ когда-то училось въ лѣта своего дѣтства. Есть люди, которые, даже не читая Державина, почитаютъ такой взглядъ на него оскорбленіемъ его имени и чести русской литературы. Но неужели и въ самомъ дѣлѣ значитъ унижать Державина, говоря, что его огромный талантъ явился въ неблагопріятное для развитія время? Не думаемъ! И неужели можно унизить великаго человѣка, поставивъ его въ историческую зависимость отъ времени, отъ которой не освобождался ни одинъ геній съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ? Едва ли!... Державинъ—великій талантъ для всякаго времени; но великій поэтъ онъ — только для своего времени; а для нашего—едва ли онъ какой-нибудь поэтъ, потому что для насъ мертвы и идеальные мотивы и самая форма его поэзіи. Это уже не наша вина, да и не его, конечно. И мы не винимъ его, а только судимъ о немъ; пусть же судятъ и насъ, а не дѣлаютъ безъ вины виноватыми. Жуковскій внесъ въ русскую поэзію именно тотъ самый элементъ, котораго недоставало поэзіи Державина: мечтательная грусть, унылая мелодія, задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженнаго въ самомъ себѣ,—вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковскаго, составляющій и ея непобѣдимую прелесть и

ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и всякой односторонности. Жуковскій діаметрально противоположенъ Державину,—и хотя содержаніе и тонъ поэзіи Жуковскаго суть экзотическія растенія въ отношеніи къ русской поэзіи, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако, вопреки толкамъ и крикамъ поборниковъ народности въ поэзіи, Жуковскій поэтъ не одной своей эпохи: его стихотворенія всегда будутъ находить отзывъ въ юныхъ поколѣніяхъ, приготовляющихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но не знающихъ ея. Не можемъ сказать, способствовало ли какое-нибудь внѣшнее обстоятельство къ обращенію юнаго Жуковскаго, еще ученика въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, къ нѣмецкой и англійской поэзіи; но во всякомъ случаѣ духъ времени былъ главною причиною этого обращенія. Псевдо-классическая поэзія Франціи XVII и XVIII вѣковъ уже не могла безусловно нравиться юному поколѣнію XIX вѣка, и оно должно было искать другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія. Нѣмецкая литература тогда уже дѣлалась извѣстною самой Франціи; въ Россіи она могла плѣнять только немногихъ юношей, знакомыхъ съ ея языкомъ. Не знаемъ, къ сожалѣнію, когда написана Державинымъ его передѣлка одной шиллеровой пьесы (вѣроятно, съ французскаго перевода или подражанія), названная имъ „Арфою“ [1]); не знаемъ также и времени передѣлки извѣстной пьесы Гёте Дмитріевымъ (тоже, должно быть, съ французскаго перевода или подражанія), названной имъ „Размышленіемъ по случаю грома“: знакъ, что темные слухи о Шиллерѣ и Гёте доходили еще и до патріарховъ нашей поэзіи, и что въ лицѣ Жуковскаго, съ малолѣтства знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, наша литература сдѣлала естественный шагъ впередъ, обратившись къ новому и болѣе жизненному источнику питанія — къ нѣмецкой поэзіи. Что же касается до англійской литературы, съ нею наша была знакома еще до Жуковскаго; самъ Карамзинъ писалъ о ней въ своемъ путешествіи, даже перевелъ монологъ Лира во время бури и отрывокъ изъ Оссіана; но о Шекспирѣ, несмотря на то, знали чрезъ Французовъ, какъ о варварѣ, и почетными именами англійской литературы считались Попъ, Аддиссонъ, Драйденъ, Томсонъ, Грей, Юнгъ, Мильтонъ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Стернъ. Жуковскій первый перевелъ, своимъ крѣпкимъ и звучнымъ стихомъ, нѣсколько (впрочемъ очень мало) англійскихъ балладъ и написалъ въ ихъ духѣ свою („Эолову Арфу“), чѣмъ вѣрно передалъ *романтическій* характеръ англійской поэзіи. Когда уже англійская поэзія сдѣлалась знакома русской публикѣ и черезъ журнальные толки и прозаическіе переводы,—Жуковскій далъ большую прочность и дѣйствительность этому знакомству своими переводами изъ Вальтера Скотта, Байрона, Мура, Сутэя и пр. Это оригинальное (уже по одному тому, что новое) направленіе, эта обаятельная сила и богатство содержанія, заимствованныя Жуковскимъ у его нѣмецкихъ и англійскихъ образцовъ, поставили его на высокую чреду между русскими поэтами, какъ самобытнаго поэта, а не переводчика. Прибавьте къ этому неизмѣримое пространство, раздѣляющее языкъ и стихъ Жуковскаго отъ языка и стиха Державина. Причина этого явленія заключается не въ одной силѣ превосходнаго таланта пѣвца Минваны, но и въ историческомъ развитіи русской литературы: между Державинымъ и Жуковскимъ стоятъ Карамзинъ и Дмитріевъ, которымъ такъ много обязанъ русскій языкъ и русская версификація. Батюшковъ внесъ въ русскую поэзію совершенно новый для нея элементъ: античную художественность, которой кромѣ него были чужды всѣ наши поэты—до Пушкина. Душа Батюшкова была по преимуществу артистическая. Онъ сочувствовалъ древнимъ, превосходно перевелъ нѣсколько антологическихъ пьесъ, любилъ образовательныя искусства, съ страстью писалъ о живописи. Преобладающій паѳосъ его поэзіи—артистическая жажда наслажденія прекраснымъ, идеальный эпикуреизмъ; но эта жажда часто растворяется у него кроткою меланхоліею, легкою и свѣтлою грустію. И потому мечтательность у него замѣняется задумчивостью, фантазмъ,—радужными образами фантазіи; читая его, вы чувствуете себя на почвѣ дѣйствительности и въ сферѣ дѣйствительности. Кажется, какъ будто въ граціозныхъ созданіяхъ Батюшкова русская поэзія хотѣла явить первый результатъ своего развитія, примиреніемъ дѣйствительнаго, но односторонняго направленія Державина, съ односторонне-мечтательнымъ направленіемъ Жуковскаго. Этотъ результатъ не былъ удовлетворителенъ, потому ли, что талантъ Батюшкова не былъ для этого довольно могучъ, глубокъ и многостороненъ, или потому, что онъ слишкомъ увлекался вліяніемъ французской литературы XVIII вѣка, и больше любилъ и зналъ итальянскую, чѣмъ нѣмецкую и англійскую словесность, хорошо былъ знакомъ съ латинскою, и, кажется, не зналъ греческой поэзіи. По той или другой причинѣ или по обѣимъ вмѣстѣ, но въ Батюшковѣ

[1]) Это стихотвореніе Державина озаглавлено „Дѣва за арфою“ (Laura am Klavier) и относится къ 1805 г. (см. „Сочин. Державина“, 2-ое Акад. изд., т. II, стр. 339—342).

есть что-то неполное, недоконченное; идеи его не глубоки, содержаніе его поэзіи вообще бѣдно; самый языкъ обилуетъ усѣченіями и вольностями, а художественность часто борется съ реторикою. Батюшкову дѣйствительно недоставало геніальности, чтобъ освободиться изъ-подъ вліянія своей эпохи. Несчастная болѣзнь парализировала его талантъ и дѣятельность именно передъ тѣмъ временемъ, когда на небосклонѣ русской поэзіи взошло ея великое свѣтило, которое не могло бы не имѣть на него сильнаго и благодѣтельнаго вліянія... Мы говоримъ о Пушкинѣ, поэзія котораго была совершеніемъ всѣхъ усилій, достиженіемъ всѣхъ стремленій, плодомъ и результатомъ всего искусственнаго развитія русской поэзіи. Да, Пушкинъ—*первый*, даже и по времени, поэтъ русскій: ибо все, что въ предшествовавшихъ ему поэтахъ было или отдѣльными силами, или односторонними элементами, или только усиліемъ, или стремленіемъ,—въ немъ явилось какъ разрѣшенная загадка, какъ уже обрѣтенное слово, какъ исполненіе, какъ единство, полнота и цѣлость разнообразнаго и многосторонняго. Въ Державинѣ часто проблескиваетъ русская натура, русская душа: Пушкинъ вездѣ и во всемъ національно-русскій поэтъ. Пареніе, возвышенность, сила—все, что у Державина вспыхиваетъ по временамъ, часто заливаемое тотчасъ же прѣсною водою реторики, у Пушкина горитъ свѣтлымъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ безъ треска, дыма и чада. Грусть составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, и потому она придаетъ ей задушевность, сердечность, мягкость, *влажность* (если можно такъ выразиться, говоря о противоположномъ *сухости* качествѣ), а не преобладаетъ надъ нею: это грусть души великой, знающей свою силу; въ ней нѣтъ ничего общаго съ унываніемъ—болѣзнію слабыхъ душъ. Кромѣ того, въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самаго, что̀ такъ сильно овладѣваетъ душою въ протяжной и разгульной русской пѣсни. И такъ какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, а не цѣлый аккордъ, то поэзія Пушкина и чужда всякой монотонности, всякой односторонности. Фантастическое иногда является и въ поэзіи Пушкина, но оно у него естественно, такъ какъ бываетъ въ самой дѣйствительности: вспомните *сонъ Татьяны*, балладу „Женихъ“. Что же касается до фантазма, его нѣтъ и признаковъ въ поэзіи Пушкина: душа Пушкина была такъ крѣпка и здорова, что не могла подчиниться этому болѣзненному направленію. А между тѣмъ, хотя и трудно показать слѣды вліянія Жуковскаго на Пушкина (ибо почва и сфера поэзіи послѣдняго слишкомъ дѣйствительны и чужды всего отвлеченнаго, туманнаго и неопредѣленнаго), однакожъ нельзя отрицать, чтобъ Жуковскій не имѣлъ вліянія на Пушкина, когда тотъ самъ называетъ его „наставникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтреной музы“. Не менѣе, если еще не болѣе, любилъ Пушкинъ сладостные стихи Батюшкова: вліяніе этой любви ярко замѣтно на первыхъ произведеніяхъ Пушкина. И не могло быть иначе: Пушкинъ былъ по преимуществу артистическая натура; слѣдовательно, Батюшковъ былъ ему родственнѣе всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но что такое стихъ Батюшкова, пластика и виртуозность его поэзіи передъ стихомъ, пластикою и виртуозностію поэзіи Пушкина! Какъ поэзія Батюшкова, поэзія Пушкина вся основана на дѣйствительности; но какая же безконечная разница въ объемѣ, глубокости и значеніи той и другой поэзіи! Ужъ нечего и говорить о томъ, что поэзія Батюшкова чужда національности, тогда какъ поэзія Пушкина по преимуществу русская. Все, что прежніе поэты имѣли каждый порознь, все это Пушкинъ имѣлъ одинъ, имѣя еще много и своего, чего ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ; всѣмъ, что̀ обладало прежними поэтами,—всѣмъ этимъ спокойно владѣлъ Пушкинъ. Вотъ почему мы отъ него ведемъ русскую поэзію и называемъ его первымъ русскимъ поэтомъ. Это совсѣмъ не значитъ, чтобъ до него не было поэтовъ, и притомъ еще достойныхъ вниманія, уваженія, любви, извѣстности и славы; но значитъ только, что въ нихъ выразились постепенныя усилія русской поэзіи, начиная отъ Кантемира и Ломоносова—изъ искусственной и подражательной сдѣлаться естественною и самобытною, стремленіе изъ книжной сдѣлаться живою, общественною, сблизиться съ жизнью и обществомъ; а въ Пушкинѣ выразились торжество и побѣда этихъ усилій и стремленій. Пушкинъ—художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство и, можетъ быть, его недостатокъ, вслѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ, и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ охолодившее къ нему общество, которое дотолѣ безусловно обожало его. Кажется, въ этой натурѣ не было капли прозаической крови, но все былъ чистый огонь поэзіи. Къ чему ни прикасался онъ—всему давалъ поэтическіе образы, полные жизни и очарованія, всему, даже самымъ уже по существу своему прозаическимъ предметамъ. Его стихъ—это скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ. Къ нему безусловно можно приложить его же собственные стихи объ Овидіи:

Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный...

Никто такъ не былъ связанъ исторически съ преданіями русской литературы, какъ Пушкинъ. Онъ изучилъ старинныхъ писателей, которыхъ теперь никто не читаетъ: онъ бралъ эпиграфы изъ Хераскова и Княжнина. Изъ лицейскихъ его стихотвореній (за напечатаніе которыхъ нельзя довольно возблагодарить издателей трехъ послѣднихъ томовъ его сочиненій) видно, что онъ былъ ученикъ не только Державина, Дмитріева, Жуковскаго и Батюшкова, но и дяди своего В. Пушкина,—и первые дѣтскіе опыты его являютъ въ немъ стихотворца первыхъ годовъ текущаго столѣтія, хотя онъ родился только въ послѣдній годъ прошлаго. Особенно любопытны и поучительны тѣ изъ его лицейскихъ пьесъ, которыя онъ потомъ передѣлалъ: какое искусство иногда однимъ словомъ, однимъ эпитетомъ передѣлать стихъ такъ, что его не узнаешь! Какой тонкій художественный тактъ въ знаніи того, что̀ можно оставить безъ перемѣны, что̀ надо переправить, и изъ чего нельзя ничего сдѣлать! Удивительно ли, что этотъ человѣкъ какъ-будто перестроилъ вновь и языкъ и версификацію, съ такимъ успѣхомъ уже перестроенные Карамзинымъ и Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ! Стихъ Пушкина — это вѣковѣчный образецъ, неумирающій типъ русскаго стиха: не было и не будетъ лучшаго. Искусство, какъ искусство, поэзія, какъ поэзія на Руси— это дѣло Пушкина. Безъ него не было бы у насъ поэзіи; и это потому, что онъ былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ художникъ, можетъ быть, въ ущербъ своей великости въ другихъ значеніяхъ. И вотъ почему — повторяемъ — отъ него ведемъ мы русскую поэзію и называемъ его первымъ, даже по времени, русскимъ поэтомъ...

Такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и русской литературы: ея исторія, по нашему мнѣнію, есть исторія ея усилій отъ искусственности и подражательности перейти къ естественности и самобытности, изъ книжной сдѣлаться живою и общественною. Это продолжается и теперь, но уже въ другой сферѣ—въ сферѣ „возведенія въ перлъ созданія прозы жизни“. И скоро наступитъ время, когда совсѣмъ рѣшится эта задача и кончится эта работа. Уже и теперь замѣтно новое требованіе отъ искусства—требованіе разумнаго содержанія, которое соотвѣтствовало бы историческому духу современности. И уже явился-было на Руси новый великій поэтъ, въ первыхъ, еще юныхъ и незрѣлыхъ произведеніяхъ котораго проглядывали полнота и богатство глубокаго содержанія при художественности формъ, достойной преемника Пушкина; но преждевременная смерть внезапно рушила надежды, которымъ не было конца и мѣры...

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ,
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Таковъ въ особенности, прибавимъ мы, удѣлъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ...

Повторяемъ: такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и литературы, и такъ многіе могутъ теперь думать объ этомъ предметѣ. Въ этомъ случаѣ мы дали нашимъ читателямъ фактъ объ одной сторонѣ современной русской критики. Дай Богъ, чтобъ это была сторона *свѣтлая*! Что же до *темной*,—ея грустною картиною мы заключимъ нашу статью [1]). Теперь же перескажемъ, какъ думали современники о фазисахъ русской литературы, которые мы слегка означили. Это будетъ исторіею русской критики.

Исторія русской критики та же, что и исторія русской поэзіи и литературы: постепенное стремленіе изъ эха господствующихъ въ Европѣ мнѣній перейти въ самобытный взглядъ на искусство. Посему, русская критика такъ же носитъ въ себѣ элементы всевозможныхъ чужихъ національностей, какъ и русская поэзія. Прежде, а отчасти и теперь, это, съ одной стороны, можно ставить ей въ недостатокъ, но со временемъ изъ этого недостатка выйдутъ великія слѣдствія. Мы уже и теперь не можемъ удовлетворяться ни одною изъ европейскихъ критикъ, замѣчая въ каждой изъ нихъ какую-то односторонность и исключительность. И мы уже имѣемъ нѣкоторое право думать, что въ нашей сольются и примирятся всѣ эти односторонности въ многостороннее, органическое (а не пошлое *эклектическое*) единство. Можетъ быть, и назначеніе нашего отечества, нашей великой Руси состоитъ въ томъ, чтобъ слить въ себѣ всѣ элементы всемірно-историческаго развитія, доселѣ исключительно являвшагося только въ Западной Европѣ. На этомъ условіи, на обѣщаніи этой великой будущности наша скромная роль учениковъ, подражателей и перенимателей не должна казаться ни слишкомъ смиренною, ни слишкомъ незавидною... На томъ же основаніи не будемъ отчаяваться и за нашу критику, видя, что она часто бросается изъ крайности въ крайность и является то чопорнымъ аббатомъ XVIII вѣка, то нѣмецкимъ буршемъ, съ длинными растрепанными волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и дубиною въ рукѣ, то неистовою вакханкою юной французской литературы, съ востор-

[1]) Намекъ на статьи Шевырева, озаглавленныя именно такимъ образомъ—см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 36.

женною рѣчью, блуждающими взорами, бѣшеными движеніями, не будемъ отчаяваться, видя ее въ разноцвѣтной мантіи, сшитой изъ разныхъ лоскутковъ... Лучше порадуемся, что въ ней есть жизнь и движеніе, что она кипитъ и пѣнится... Дайте время, она отстоится. Пока не установилось еще искусство, критика не можетъ быть готова: нашей въ особенности много еще нужно фактовъ, много опытности, чтобъ возмужать, окрѣпнуть и получить собственную, оригинальную физіономію...

Сначала у насъ самовластно царила критика французская. Украшенное подражаніе природѣ: вотъ начало, прежде всего усвоенное отъ французовъ XVIII вѣка нашею критикою; отъ себя прибавила она къ нему своего собственнаго—искаженный языкъ, тяжелый и шероховатый стихъ и „піитическія вольности“. Все это дѣлалось во имя господина Буало, который весьма бы удивился, если бъ могъ узнать, какъ у насъ проказили во имя его. Впрочемъ, и у насъ были люди, болѣе или менѣе понявшіе глубоко французскую теорію искусства, какова бы она ни была. Изъ нихъ всѣхъ примѣчательнѣе Мерзляковъ; но о немъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь начнемъ съ начала.

Первый свѣтскій поэтъ на Руси былъ Кантемиръ — сатирикъ. Какъ литература искусственная и подражательная, русская литература не могла начаться съ другого какого-либо рода поэзіи, кромѣ сатиры. Причина этого, сверхъ того, заключалась и въ историческомъ положеніи русскаго общества. Борьба внѣшняго, формально понимаемаго европеизма съ роднымъ, вѣками взлелѣяннымъ азіатскимъ варварствомъ, не могла не вызвать сатиры. Вслѣдствіе этого сатирическое направленіе Кантемира не было ни случайно, ни вредно, но было необходимо и чрезвычайно полезно. Оттого оно и укоренилось въ нашей литературѣ. Отсюда же можно объяснить: почему Сумароковъ въ массѣ общества имѣлъ гораздо большій успѣхъ, чѣмъ Ломоносовъ—человѣкъ неизмѣримо высшій Сумарокова. Направленіе перваго было болѣе ученое и книжное, а второго болѣе жизненное и общественное. Сумароковъ, желая быть „россійскимъ господиномъ Вольтеромъ“, писалъ во всѣхъ родахъ; онъ же былъ и первымъ русскимъ критикомъ, ибо первый, такъ или сякъ, выражалъ печатно свои понятія объ искусствѣ и литературѣ. Это онъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своему „Дмитрію Самозванцу“, и въ отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, ибо Сумароковъ былъ и журналистомъ—издавалъ „Трудолюбивую Пчелу“... О чемъ не писало, т.-е. о чемъ не высказывало своего мнѣнія живое, раздражительное, безпокойное самолюбіе этого человѣка! Перелистывать, отъ нечего дѣлать, его прозаическія статьи—истинное наслажденіе, столько въ нихъ добродушнаго, наивнаго, вѣющаго духомъ того давно прошедшаго для насъ времени, давно умершаго общества! Прозаическія статьи Сумарокова столь же интересны и забавны, сколько скучны и тяжелы его вздорныя трагедіи. Самую интересную сторону литературной дѣятельности Сумарокова составляетъ ея полемическое направленіе, источникомъ котораго былъ его раздражительно самолюбивый характеръ, все относившій къ себѣ и все выводившій изъ себя. Это самое и заставляло его хвататься за все. Онъ рѣшительно почиталъ себя *россійскимъ господиномъ Вольтеромъ*, и кромѣ себя и *господина Вольтера* никого не хотѣлъ знать, ничьего не признавалъ авторитета. Онъ писалъ къ нему о разныхъ литературныхъ предметахъ, и получая лестные отвѣты со стороны фернейскаго оракула XVIII вѣка, еще болѣе увѣрялся въ своемъ геніи и своей всеобъемлемости.

Здѣсь мы не считаемъ лишнимъ сдѣлать перечень всему, что́ написалъ Сумароковъ: *переложеній псалмовъ*—153; *одъ духовнаго содержанія*—33; *торжественныхъ одъ*—33; *разныхъ одъ*—36; *вздорныхъ* одъ (пародіи на Ломоносова)—5; *трагедій*—9 („Хоревъ“, „Гамлетъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Артистона“, „Семира“, „Ярополкъ и Димиза“, „Вышеславъ“, „Дмитрій Самозванецъ“, „Мстиславъ“); одну *драму* („Пустынникъ“); двѣ *оперы* („Альцеста“, „Цефалъ и Прокрисъ“); одинъ *прологъ* („Новыя Лавры“); одинъ *балетъ* („Прибѣжище Добродѣтели“); *комедій*—12 („Опекунъ“, „Лихоимецъ“, „Три брата совмѣстники“, „Ядовитый“, „Нарцисъ“, „Приданое обманомъ“, „Чудовищи“, „Тресотиніусъ“, „Пустая Ссора“, „Рогоносецъ по воображенію“, „Мать Совмѣстница Дочери“, „Вздорщица“); *притчей*—378; *сатиръ*—10; *эпистолъ*—7; *эклогъ*—65; *идиллій*—7; *пѣсенъ и хоровъ*—126; *элегій*—27; *стансовъ*—4; *сонетовъ*—9; *эпиграммъ, эпитафій, мадригаловъ, загадокъ, надписей и разныхъ мелкихъ стихотвореній*—216. Это по части стихотворства! А вотъ и по части прозы: „Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ“, „На день коронованія ея величества императрицы Екатерины II“, „Е. И. В., государю великому князю Павлу Петровичу“; „Е. И. В. государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской“; „На открытіе императорской Санктпетербургской Академіи Художествъ“, „На заложеніе Кремлевскаго Дворца“, „О любви къ ближнему“, „На день восшествія на престолъ Е. В. государыни императрицы Екатерины II“; „Мнѣ-

ніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ"; „Краткая московская лѣтопись", „Первый и главный стрѣлецкій бунтъ", „Краткая Исторія Петра Великаго", „Нѣкоторыя статьи о добродѣтели", „Основаніе любомудрія", „О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи", „О первоначаліи и созиданіи Москвы", „Истолкованіе личныхъ мѣстоименій *я, ты, онъ, мы, вы, они*", „О несогласіи", „О разности между пылкимъ и острымъ разумомъ", „О неестественности"; „Россійскій Виѳлеемъ", „О разумѣніи человѣческомъ по мнѣнію Локка", „О типографскихъ наборщикахъ", „О несправедливыхъ основаніяхъ", „Разговоры мертвыхъ"; *письма*: „О красотѣ природы", „О большихъ бесѣдахъ", „О гордости", „О скорости и медленности", „О достоинствѣ", „Четыре отвѣта", „Объ остроумномъ словѣ", „О чтеніи романовъ", „О нѣкоторой заразительной болѣзни", „О дурномъ дьякѣ", „Сонъ счастливое общество", „О копистахъ", „Письмо"; „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между Александромъ и Геростратомъ", „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ: Кортецъ и Монтецума", „Благость и милосердіе потребны героямъ", „О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка", „О стихотворствѣ Камчадаловъ", „О коренныхъ словахъ русскаго языка", „Части 3 изъ 1 рѣчи Смотрителя" (вѣрно, переводъ изъ какого-нибудь англійскаго *Зрителя*—Spectator!), „Пришествіе на нашу землю и пребываніе на ней Микромегаза изъ сочиненій г. Вольтера", „Письмо къ артиллеріи г. полковнику Петру Богдановичу Тютчеву", „Къ подъячему, писцу или писарю, то-есть къ такому человѣку, который пишетъ, не зная того, что онъ пишетъ", „Къ несмысленнымъ риѳмотворцамъ", „Сонъ", „Сонъ", „Сонъ", „Блохи", „Переводъ письма г. Сумарокова, писаннаго имъ же на нѣмецкомъ языкѣ къ пріятелю", „Переводъ эпистолы россійскимъ ратникамъ, писанной на французскомъ языкѣ г. Сентикола", „О казни" „Господину Пасюку: вотъ нашъ бывшій разговоръ", „Изъ Велизарія глава 10", „Противурѣчіе г. Примѣчаеву", „О всегдашней ревности въ продажѣ товаровъ", „Разговоръ между ученымъ и старою женщиною", „Разговоръ Ирсиккусъ и Касандръ", „Предложеніе разумнымъ Россіанамъ о принятіи новаго исчисленія времени", „О путешествіяхъ", „О модѣ", „О правописаніи", „Примѣчаніе о правописаніи", „Наставленіе ученикамъ", „О стопосложеніи", „Критика на оду", „Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова", „Отвѣтъ на критику", „О происхожденіи россійскаго народа", „Исменій и Исмена", „О новой философической сектѣ", „Къ добру или худу человѣкъ рождается", „О безбожіи и безчеловѣчіи", „О словѣ мораль", „О почтеніи автора въ приказномъ роду", „О происхожденіи слова царь", „О суевѣріи и лицемѣріи", „О пребываніи въ Москвѣ Монбрана", „Странное обыкновеніе", „О критикѣ", „О домостроительствѣ", „Переводъ съ французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣдующія, напечатаннаго въ Парижѣ: Синавъ и Труворъ россійская трагедія, сочиненная стихами г. Сумароковымъ", „Наставленіе младенцамъ: мораль, исторія и географія" (итого 88 статей).

Мы не безъ намѣренія привели здѣсь этотъ полный перечень сочиненій Сумарокова. Такая дѣятельность изумительна въ человѣкѣ того времени! Годы и здравый смыслъ давно уже произнесли свой судъ надъ поэтическими произведеніями Сумарокова: ихъ теперь невозможно читать, несмотря на то, что современники ими восхищались. Однакожъ никакъ нельзя презирать и судомъ современниковъ, обязанныхъ сочиненіямъ Сумарокова своею грамотностію и—что особенно важно—своею наклонностію къ благородному наслажденію чтеніемъ и театромъ. Слѣдовательно, поэтическія сочиненія Сумарокова, и не будучи читаемы, должны остаться навсегда фактомъ исторіи русской литературы и образованія русскаго общества. Что же касается до собственно-литературныхъ статей Сумарокова, онѣ чрезвычайно интересны и для нашего времени, какъ живой отголосокъ давно прошедшей для насъ эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русскаго общества. Сумароковъ обо всемъ судилъ, обо всемъ высказывалъ свое мнѣніе, которое было мнѣніемъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей того времени. Плохой поэтъ, но порядочный по своему времени стихотворецъ, характеръ мелкій, завистливый, хвастливый, задорный и раздражительный,—Сумароковъ все-таки былъ человѣкъ умный и притомъ высоко-образованный въ духѣ того времени. И потому въ его прозаическихъ статьяхъ много фактовъ о состояніи общества и духѣ его эпохи. Въ нихъ онъ является критикомъ въ многостороннемъ значеніи этого слова, какъ судія не только искусства и литературы, но и мнѣній и правовъ современнаго ему общества. Посему, говоря о русской критикѣ, мы никакъ не могли обойти перваго (по времени) ея представителя—Сумарокова. Мы должны взглянуть, хотя мимоходомъ, на тѣ изъ его сочиненій, гдѣ онъ является критикомъ и полемическимъ мыслителемъ. И мы увѣрены, что послѣ нашихъ указаній многіе захотятъ покороче познакомиться съ прозаическими сочиненіями Сумарокова и пожалѣютъ, что они изданы Новиковымъ безъ толку, безъ плана, съ страшными опечатками и иска-

женіями смысла, безъ примѣчаній, и что теперь некому издать всѣхъ сочиненій Сумарокова какъ слѣдуетъ, а главное — съ необходимыми поясненіями и примѣчаніями. Вообще, надо замѣтить, что компактныя дешевыя изданія старинныхъ русскихъ писателей, игравшихъ въ глазахъ своихъ современниковъ болѣе или менѣе важную роль, были бы очень полезны для литераторовъ, которымъ необходимо знать основательно исторію отечественной литературы и родного языка. Въ царствованіе Екатерины было много пишущаго народа и однако немногіе пользовались огромною извѣстностію: знакъ, что въ нихъ было нѣчто соотвѣтствовавшее ихъ эпохѣ и удовлетворявшее ея требованіямъ. Пусть вкусъ эпохи бываетъ иногда ложенъ, но эпоха всегда важнѣе человѣка, и самыя заблужденія ея всегда представляютъ любопытный и поучительный фактъ для мыслителя. Смѣшно и жалко видѣть безплодныя усилія старичковъ прошлаго вѣка [1]) возстановить славу корифеевъ ихъ юности на счетъ славы новыхъ талантовъ; смѣшно и жалко видѣть, какъ они силятся соблазнить новое поколѣніе умершею поэзіею прошедшаго, но въ то же время, можно уважать имена тружениковъ, которые своими сочиненіями, каковы бы они ни были, размножали въ обществѣ число грамотныхъ людей, возбуждали въ немъ любовь къ благороднымъ наслажденіямъ и способствовали къ произведенію того, что называется „публикою“ и безъ чего невозможна никакая литература. Такимъ образомъ, желательно было бы видѣть изданіе въ одинаковомъ форматѣ, компактное и дешевое, не только Ломоносова (старинныя и неопрятныя, притомъ и не совсѣмъ полныя изданія котораго составляютъ теперь библіографическую рѣдкость), или Державина (Смирдинское изданіе котораго такъ неудачно и такъ безполезно, ибо въ немъ пьесы расположены по родамъ, а не по времени ихъ явленія), или Фонвизина (который изданъ г. Салаевымъ довольно толковито, но безъ переводовъ этого писателя), или Озерова (котораго всѣ изданія уже устарѣли); но и Кантемира и Тредьяковскаго, Поповскаго, Сумарокова, Хераскова, Муравьева, Петрова, Богдановича, Княжнина, Кострова, Плавильщикова, Ильина, Иванова, Макарова и другихъ; еще желательнѣе, чтобъ все это было издано съ примѣчаніями и поясненіями, какъ издаютъ своихъ старинныхъ писателей Французы.

Мы обратимъ вниманіе только на тѣ статьи Сумарокова, въ которыхъ видны понятія того времени объ искусствѣ, или которыя, при полемическомъ тонѣ, характеризуютъ общество его времени.

Первое мѣсто между такими статьями Сумарокова должно занимать его предисловіе къ „Дмитрію Самозванцу“. Тонъ этого предисловія самый полемическій и устремленъ противъ такъ называвшейся у насъ встарину „слезной комедіи“, что̀ называлась въ Европѣ мелодрамою. Извѣстно, что мелодрамы были въ страшномъ гоненіи въ XVIII вѣкѣ, и тогдашніе судьи и теоретики искусства столько же не терпѣли ихъ, сколько любила ихъ та часть публики, которая цѣнила литературныя произведенія по мѣрѣ доставляемаго ими наслажденія, а не по пінтикѣ Буало. Сумароковъ, въ свою очередь, не могъ не ненавидѣть ихъ, и одна изъ нихъ „Евгенія“, переведенная какимъ-то московскимъ чиновникомъ, имѣла значительный успѣхъ на сценѣ, что̀ еще болѣе возстановило противъ нея ревниваго ко всякому чужому успѣху Сумарокова. Въ его филиппикѣ противъ этой драмы выказывается и понятіе объ искусствѣ знатоковъ того времени, и нравы общества, и характеръ самого Сумарокова. Выписываемъ ее вполнѣ, тѣмъ болѣе, что она не велика:

Слово публика, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества, но часть малую онаго: то есть людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Естьли бы я написалъ о вкусѣ диссертацію, я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждъ не мало, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большей части ими наполненна. Слово чернь принадлежитъ низкому народу, а не слово: подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которые не дворяне. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ величества божіяго, или кратко богословъ, естествословъ, астрономъ, риторъ, живописецъ, скульпторъ, архитекторъ и протч.: по сему слѣпому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и поруганія! Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великія чины имѣли, богатство крезово, и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало; отъ сына Филиппова побѣдителя или паче разорителя вселенной, отъ Іюлія Цесаря, утвердившаго славу римскую, или паче разрушившаго оную. Слово публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значитъ ничего. Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ во своемъ отечествѣ; но по смерти его вкусъ мало по малу сталъ изчезать. Не изчезъ еще; ибо видимъ мы онаго остатки въ г. Вольтерѣ и во другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и комедіи во Франціи пишутъ; но не видно еще ни Вольтера, ни Моліера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ; но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ: такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не

[1]) Рѣчь идетъ о поклонникѣ Сумарокова—С. Глинкѣ, переиздававшемъ его сочиненія съ восторженными комментаріями въ 1841 году; см. статью № 33 и нашу вступительную замѣтку къ ней.

впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ, нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи бакханту ни изображала, а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, сплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики!.. Конечно скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ: и неужели вкусъ жителей московскихъ сходняе со вкусомъ сево подъячева! Подъячему сплетать похвалы вкуса княжичей и господичей московскихъ, толь маломѣстно, коль непристойно лакѣю, хотя и придворному, мои пѣсни, безъ моей воли, портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить его драмы, и за порчу собирать себѣ деньги, или съѣзжавшимся видѣть Семпру, сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ деньги заплачены въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторію своей недѣли громогласно, и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи: а публиковать газеты весьма малонужныя можно и внѣ театра; ибо таковыя газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многіе въ Москвѣ зрителя и зрительницы не для того на позорище ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ имъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся въ удовольствіе публики автору; его служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра. Но какъ то ни есть: я жалѣю, что не имѣю копію съ посланнаго къ г. Вольтеру письма, бывъ тогда въ крайней разстройкѣ, и крайне боленъ, когда князь Козловскій, отъѣзжавшій къ г. Вольтеру, по письмо ко мнѣ заѣхалъ: я отдалъ мой подлинникъ, ниже ево на бѣло переписавъ, однако отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знатока, нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ: а особливо что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не хочетъ; такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ, и съ молебномъ совокупятъ панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями драмы и безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи: а качество имѣетъ основаніе на истинѣ.

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ:
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

За тѣмъ слѣдуетъ письмо Вольтера въ подлинникѣ. Вотъ слова Вольтера касательно мелодрамы: „Со временъ Ренара, который былъ рожденъ съ истинно-комическимъ геніемъ и одинъ нѣсколько приблизился къ Мольеру, у насъ были только одни чудища. Авторы, неспособные написать даже порядочной шутки, хотѣли писать комедіи, чтобъ только пріобрѣтать деньги. Не имѣя достаточной силы ума, чтобъ сочинять трагедіи, ни довольно веселости, чтобъ писать комедіи,—они не умѣли добиться извѣстности даже между лакеями. Тогда они начали выставлять трагическія происшествія подъ мѣщанскими именами. Говорятъ, будто въ этихъ пьесахъ есть интересъ и будто онѣ возбуждаютъ вниманіе зрителя, если хорошо играются; можетъ быть; впрочемъ, я никогда не могъ ихъ читать; но утверждаютъ, будто актеры производятъ нѣкоторую иллюзію. Это незаконнорожденныя пьесы — ни трагедіи, ни комедіи; когда нѣтъ лошадей, то считаешь себя счастливымъ, если можешь ѣхать на мулахъ“.

Похваставшись письмомъ Вольтера, Сумароковъ оканчиваетъ свое предисловіе слѣдующимъ разсмотрѣніемъ содержанія „Евгеніи“:

„Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худо воспитанный и нечистосердечный графъ внѣ Лондона распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина, и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать; она обрюхатѣла, а онъ возвратился въ Лондонъ и помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается на это сочетаніе; первая его супруга пріѣхала въ его домъ: свѣдала, что сожитель ея съ другою бракомъ сочетавается: бѣгаетъ растрепавъ волосы; она плачетъ; отецъ сердится; въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ; наконецъ сожитель ея сей повѣса и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ, и вдругъ перемѣнивъ свою систему опять женится вторично на первой своей женѣ; но кто за такова гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтрѣ еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкой повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію“.

Изъ самаго этого изложенія видно, что пьеса „Евгенія“ самая моральная: повѣса раскаявается и бракомъ заглаживаетъ свой проступокъ; но нашъ критикъ никакъ не хочетъ простить ему рукоплесканій московской публики, и упорствуетъ видѣть въ немъ злодѣя. Онъ даже ругнулъ порядкомъ и актрису за то, что она слишкомъ хорошо играла роль Евгеніи. Такіе критики не рѣдкость и въ наше время...

Выраженія: „Неужели Москва больше повѣритъ подъячему, нежели *г. Вольтеру* и *мнѣ*“ и „А ежели ни *г. Вольтеру*, ни *мнѣ* кто въ этомъ повѣрить не захочетъ“ и пр., показываютъ достаточно, *какъ* думалъ Сумароковъ о самомъ себѣ. Въ выходкахъ его самолюбія есть какая-то наивность и достолюбезность: это не столько наглое самохвальство, сколько теплая вѣра въ свою великость. Въ этомъ отношеніи особенно забавна его статья „Отвѣтъ на критику“, которая начинается такъ: „Не надлежало бы мнѣ отвѣт-

ствовать на сочиненную противъ меня г. Т. критику; ибо я въ ней кромѣ брани ничего не нашелъ; однако надо его потѣшить и что-нибудь на то написать, чтобъ онъ не подумалъ, что я его такъ много уничтожаю, что ужъ и отвѣчать не хочу". Вотъ нѣсколько возраженій Сумарокова на эту критику, хорошо характеризующихъ вообще критику того времени:

„Не дивлюсь, говоритъ онъ (авторъ критики), что поступка нашего автора безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ біеніемъ сердца". О какомъ онъ говоритъ біеніи сердца, того я не понимаю, въ протчемъ сія новомодная критика очень преславна!

„Не думаетъ ли онъ,—говоритъ онъ обо мнѣ, чего онъ самъ стоитъ, и что и каковъ тотъ, противъ котораго онъ какъ съ цѣпи спустилъ своевольную въ лихости свою музу?"—Думаю.

Приводя въ примѣръ онъ строфу изъ нѣкоторой оды г. Л. не узналъ онъ, что авторъ недремлющими называетъ очами, хотя то и совершенно изъяснено, что авторъ недремлющими очами называетъ звѣзды, а онъ подумалъ, что то сказано о ангелахъ. А строфа сія очень ясна.

Привязался онъ къ типографскимъ двумъ погрѣшностямъ, какъ будто кладъ нашелъ. Надлежало написать *умножь сея*, а ошибкою напечатано *умножь сей*, и вмѣсто *удобно* напечатано *удобной*; какъ же подумать, чтобы первую ошибку кто-нибудь сдѣлать могъ, кто хотя немного о стихотвореніи слыхалъ, а другую, кто хотя нѣсколько по-Русски умѣетъ.

„И хотя оды свойство, говоритъ онъ, по мнѣнію авторову, что она

Взлетаетъ къ небесамъ, свергается во адъ,
И мчася въ быстротѣ во всѣ края вселенны,
Врата и путь вездѣ имѣетъ отворены.

(*Вторая изъ двухъ моихъ епистолъ*). Однако *де* сіе не значитъ, чтобъ ей соваться во всѣ стороны, какъ угорѣлой кошкѣ". Я какъ угорѣлая кошка не суюсь, а подлому изъясненію, *какъ угорѣлой кошкѣ*, кромѣ его сочиненій ни въ какой критикѣ мѣста не нахожу.

Говоритъ онъ о мнѣ моими стихами:

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать,
Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.

(*Изъ второй изъ двухъ моихъ епистолъ*). Я не знаю, къ кому сіи стихи, ко мнѣ или къ нему больше приличествуютъ. Пѣсенка:

Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.
Плюнь на скуку
Морску суку,
Держись черней и знай штуку.

Кажется мнѣ не лутче моихъ сочиненій.

Изъ послѣдняго возраженія ясно видно, что г. Т., написавшій на Сумарокова такую грозную критику, есть не кто иной, какъ профессоръ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ, безсмертный Василій Кирилловичъ Тредіаковскій.

Этотъ, эта, это, за (вмѣсто) *сей, сія, сіе,* имѣю (почитаю) я за вольность, что въ одѣ положить нельзя, а въ трагедіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо они слова не чужестранныя и непростонародныя: да я жъ кладу (употребляю) ихъ очень рѣдко.

Братіевъ вмѣсто *братій*, есть вольность же, такъ же *слѣдствіевъ*, и протчее: а братіевъ есть и весьма вольность малая: ибо хотя *братій* и правильнѣе, нежели *братіевъ*; однако вмѣсто *братіевъ* сокращенно *братьевъ* еще употребительняе, нежели *братій*: *зъло, зъло братьевъ я здѣсь въ угодность ево положилъ много.* А я употребленію съ такимъ же слѣдую раченіемъ, какъ и правиламъ: правильныя слова дѣлаютъ чистоту, а употребительныя слова изъ склада грубость выгоняютъ, на примѣръ: Я люблю сего, а ты любишь другова есть правильно, по грубо. Я люблю этова, а ты другова.—Отъ употребленія и изгнанія трехъ слоговъ *го* и *гаго* слышится пріятняе. Вотъ для чего я это дѣлаю, а не отъ незнанія, какъ гнѣваясь на меня г. Т. говорить изволитъ.

Кладетъ въ порокъ, что я пишу *опять* за *паки;* но прилично ли положить въ ротъ дѣвицѣ семьнадцати лѣтъ, когда она въ крайней съ любовникомъ разговариваетъ страсти, между нѣжныхъ словъ *паки*, а *опять* слово совершенно употребительное, и ежели не писать *опять* за *паки*, такъ и *который, которая, которое* надобно отставить и вмѣсто того употреблять къ привеликому себѣ посмѣшеству, не употребительные нынѣ слова *иже, яже* и *еже,* которыя хорошо слышатся въ церковныхъ нашихъ книгахъ, и очень будутъ дурны, не только въ любовныхъ, но и въ геройскихъ разговорахъ.

Особенно примѣчательны въ этой антикритикѣ Сумарокова слѣдующія слова объ авторѣ критики, т.-е. Тредіаковскомъ: „Меня онъ пуще всѣхъ не любитъ, за нѣкоторыя въ одной моей эпистолѣ стихи и за комедію, которыя онъ беретъ на свой счетъ. Пускай ево беретъ, а я въ томъ, что не къ нему это сдѣлано, клясться причины не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ вездѣ писать позволено, хотя-бъ то и о немъ было; однако, я не говорю, что то о немъ писалъ, можетъ быть о немъ, а можетъ быть и не о немъ". Здѣсь дѣло идетъ о комедіи „Тресотиніусъ", въ которой подъ именемъ педанта *Тресотиніуса* дѣйствительно выведенъ Тредіаковскій, и въ которой, какъ во всѣхъ комедіяхъ Сумарокова, нѣтъ ни нравовъ времени, ни характеровъ, ни комизма, ни остроумія, ни правдоподобія, ни здраваго смысла. Естественно, что Тредіаковскій особенно напалъ на комедію, въ которой увидѣлъ пасквиль на себя.

Жестоко злобясь и браня меня, говоритъ онъ, что *Тресотиніусъ* мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подъ именемъ Тресотиніуса находитъ онъ себя, ежели сія комедія взята изъ Гольберга! или онъ думаетъ, что у нихъ такой же Русской не знающій педантъ былъ, какой подъ именемъ Тресотиніуса у меня представленъ. А капитанъ Брамарбасъ, по характеру своему взятъ изъ Терентіева Евнуха, который комикъ не только греческихъ комиковъ былъ подражателемъ, но почти переводчикомъ. Что жъ имя Брамарбаса взято изъ Гольберга, и въ томъ онъ ошибается; ибо гольберговъ офицеръ въ нѣмецкомъ переводѣ симъ названъ именемъ, а въ дацкомъ подлинникѣ, онъ не Брамарбасомъ называется.

Хоревъ, говоритъ онъ, взятъ весь изъ Корнелія, Расина и Вольтера, а наипаче изъ Расиновой

Федры. Это не правда; а что есть въ ней подражанія, а стиховъ пять шесть есть и переводныхъ, что я и укрывать не имѣлъ намѣренія, для того, что то ни мало не стыдно. Самъ Расинъ, сей великій стихотворецъ и преславный трагикъ, въ лутчія свои трагедіи взялъ подражаніемъ и переводомъ изъ Еврипида въ *Ифигенію**** стиховъ, въ *Федру**** стиховъ, чего ему никто не поставитъ въ слабость, да и ставить невозможно.

Гамлетъ мой, говоритъ онъ, не знаю отъ кого услышавъ, переведенъ съ французской прозы Аглинской Шекеспировой Трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паданія, на Шекеспирову трагедію едва, едва походитъ.

Епистола моя о Стихотворствѣ, говоритъ онъ, вся Боалова, а Боало взялъ изъ Горація. Нѣтъ: Боало взялъ не все изъ Горація, а я не все взялъ изъ Боало. Кто захочетъ мою епистолу сличить съ Боаловыми о Стихотворствѣ правилами; тотъ ясно увидитъ, что и изъ Боало можетъ быть не больше взялъ, сколько Боало взялъ изъ Горація, и что нѣчто изъ Боало взято, я въ томъ и запираться никогда не хотѣлъ.

Отъ Вольтеровыхъ двухъ стиховъ, которыя я почти перевелъ и положилъ въ трагедію Хорева, въ прежестокую г. Т. вступилъ ярость, дѣлаетъ протчія восклицанія, и протчія неистовствы: а дѣло все состоитъ, что въ печати не въ томъ мѣстѣ поставлена запятая.

Кромѣ языка и тона, тутъ и весь кодексъ искусства и литературы того времени: взять цѣликомъ идею, сюжетъ чужого сочиненія, перевести цѣлыя мѣста изъ него, — это не считалось похищеніемъ и не умаляло цѣны произведенія. И такъ дѣлалось не у однихъ у насъ: Французы нещадно обворовывали Грековъ, Римлянъ, Англичанъ и Испанцевъ, и изъ этого воровства не думали дѣлать тайны. Поэзія была сборомъ общихъ мѣстъ; ей можно было и учиться и выучиваться; собственно талантъ, какъ даръ природы, составляло стихотворство, а не поэзія. Чтобъ писать стихи, особенно съ риѳмами, нужно, если не таланта, то способности, по крайней мѣрѣ; чтобъ выдумать сюжетъ поэмы или драмы, нужно было только знать, въ подлинникѣ, или переводѣ, произведенія иностранныхъ поэтовъ: бери цѣликомъ и копируй — это значило „сочинять“. Даже подражать рабски отечественнымъ писателямъ значило быть поэтомъ наравнѣ съ тѣми, которые въ состояніи были сами изобрѣтать. И въ смыслѣ поэзіи, какъ сбора общихъ мѣстъ, Сумароковъ былъ совсѣмъ не плохой поэтъ для своего времени, на которое, поэтому, онъ не могъ не имѣть сильнаго вліянія. Онъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, былъ хорошо воспитанъ и образованъ въ духѣ своего времени; и будь у него немного побольше вкусу, немного поменьше самолюбія, да владѣй онъ русскимъ языкомъ хоть такъ хорошо, какъ владѣлъ имъ Ломоносовъ,—то, при своемъ жизненномъ и общественномъ направленіи, онъ рѣшительно затмилъ бы всѣхъ писателей своего времени и былъ бы въ отношеніи къ этому времени дѣйствительно необыкновеннымъ и достойнымъ серьезнаго изученія явленіемъ. Въ статьѣ Сумарокова „О пребываніи въ Москвѣ Монбрана“ есть пренаивно выраженное мнѣніе о „заимствованіяхъ“. Кто этотъ Монбранъ — не знаемъ; дѣло только въ томъ, что онъ, какъ образованный французъ, хорошо былъ принятъ въ лучшихъ московскихъ домахъ, и скоро обратилъ на себя общее вниманіе своею болтовнею о томъ, что въ Россіи нельзя достать хорошаго бургонскаго вина, что честныхъ людей нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ. Но больше всего взбѣсилъ онъ Сумарокова разговорами „о бездѣльствахъ г. Вольтера и г. маркиза Даржинса и о невѣжествѣ послѣдняго“.—„А разговаривалъ онъ больше всѣхъ со мною (говоритъ Сумароковъ), думая искоренить мое къ г. Вольтеру и къ г. Даржинсу почтеніе. А не сбивъ меня съ моей дороги, солгалъ на меня, будто я говорилъ, что г. Вольтеръ окрадываетъ стихотворцевъ, чего онъ отъ меня никогда не слыхалъ. А подражаніе ни которому стихотворцу безславія не приноситъ. Я и самъ изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелія не таясь заимствовалъ, что изъ одной моей трагедіи, которая на французской переведена языкъ, всѣмъ довольно видно, а говорилъ я только то, что одна изъ новыхъ г. Вольтера трагедій, съ одной моей трагедіей очень сходна. Изъ сего не слѣдуетъ, что я возвышалъ себя и поносилъ г. Вольтера, котораго трагедіи, по достоинству ихъ, похвалу себѣ у всей Европы заслужили“. „Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ“ есть настоящая критическая статья, кажется, писанная, по догадкѣ Новикова, къ Вольтеру. Форма критики затѣйлива въ духѣ того времени, какъ то показываетъ и ея заглавіе и это маленькое предисловіе къ ней:

> Разныя обстоятельства отвратили меня вѣчно отъ театра. Легче было мнѣ разстаться съ Таліею, нежели съ прелюбезною моею Мельпоменою; но я нынѣ и о ней рѣдко думаю: не для того, что она мнѣ противна, но что она мила; а о той любовницѣ, которая мила, паче жизни, по разлученіи вспоминати мучительно. Но кто отъ мучительнаго сновидѣнія спастися можетъ? Востревожилъ меня сонъ, и извлекъ изъ очей моихъ, во время своего продолженія, слезы. Былъ я сновидѣніемъ на театральныхъ представленіяхъ парижскихъ, и видѣлъ нѣкоторыя трагедіи такъ живо, какъ на яву.

Затѣмъ, Сумароковъ начинаетъ съ „Цинны“ Корнеля, излагая, какія онъ, во время представленія, имѣлъ чувствія и разсужденія. Потомъ слѣдуютъ замѣтки, что такой-то-де стихъ „преславенъ“, и такой-то „скареденъ“, что такой-то монологъ хорошъ, только дологъ, такое-то мѣсто „преизящно“, а такое-то „гнусно и подло“: Сумароковъ,

какъ русскій человѣкъ, сильно выражался! Но почему онъ одно находитъ хорошимъ, а другое дурнымъ—этого въ наше время никто не пойметъ: такъ перемѣнчивы времена! Хваля особенно четыре стиха изъ „Федры“ Расина, нашъ критикъ восклицаетъ: „Едино сіе явленіе соплело бы вѣчныя Расину лавры, еслибъ онъ и ничего болѣе не писалъ!“ Разбирая вольтерова „Брута“, критикъ говоритъ: „Первое явленіе прекрасно. Во второмъ явленіи сіи стихи вкусъ вашъ назначали *(слѣдуетъ выписка семи стиховъ)*. Брутъ перервалъ Аратову рѣчь по Вольтерски. Все явленіе достойно Вольтера и Музъ самихъ. Сіе явленіе не одну забаву приноситъ и не одни цвѣты, но пользу и плоды. Франція, Европа и Парижъ должны много Вольтеру за нововведенный вкусъ, и къ удовольствію сердца и разума нашего. Остатокъ дѣйствія весь хорошъ. Первое явленіе второго дѣйствія вы отъ жара любовнаго нѣсколько отдерживаете, родъ искусства Авторскаго, дабы любопытство смотрителей умножено, и сердце послѣ сильно поражено было“. Далѣе, онъ нашелъ такія красоты въ „Брутѣ“, что говоритъ: „Восхищеніе и пораженіе симъ явленіемъ моего сердца препятствуетъ устамъ моимъ изобразити чувствіе души моей, и жертвовати похвалою французскому Софоклу, Расинову, Метастазіеву и можетъ быть *и моему совмѣстнику*, которому я еще больше долженъ, нежели Расину“.

Мнѣніе о „Заирѣ“ Вольтера такъ добродушно-оригинально, или, можетъ быть, такъ ловко и хитро выражено, что его нельзя не выписать вполнѣ:

Первое Явленіе прекрасно, вкуса щегольскова. Второе прекрасно. Остатокъ дѣйствія хорошъ. Втораго Дѣйствія Первое Явленіе, хорошо, а паче многократно Христіянамъ. Второе Явленіе хорошо. Третіе Явленіе писано весьма хорошо и Христіянамъ крайне жалостно. Не плакали во время Явленія одни только невѣжи и Деисты: одни по причинѣ, а другіе по другой, хотя послѣднія были и тронуты, свиданіемъ и разительными обстоятельствами отца и дочери. Сія Трагедія весьма хороша, но я, по нещастію моему, окруженъ былъ беззаконниками, которыя во все время кощунствовали, и ради того, вступающія въ очи мои слезы, не вытекали на лицо мое. Видно, что сію сочиняя Драму Авторъ, о томъ имѣлъ попеченіе, дабы Христіанскій Законъ утвердити въ сердцахъ нашихъ, и отвлечи беззаконниковъ, сихъ заблужденныхъ людей, отъ естественнаго Богопочитанія, которыя не пріемлютъ Священнаго Писанія. И ежели сія Драма съ прямымъ успѣхомъ передъ Деистами представлена будетъ; такъ и Драма Магометъ въ Константинополѣ понравится. Брутъ когда нибудь можетъ войти больше въ моду въ Парижѣ; ибо изъ Монархіи республики дѣлаются. А Заира никогда изъ моды не выдетъ; Христіанскій законъ не исчезнетъ никогда, по словамъ вочеловѣчившагося Бога. Вы здѣлали великое, по общему Христіанскому мнѣнію, дѣло, проповѣдывая и утверждая Христіанство; хотя и думаютъ безбожники, что вы сею прекрасною Трагедіею отвлекаете людей отъ истиннаго Богопочитанія, и уже зараженныхъ людей, еще заражаете. Ежели бы вы были Деистъ; такъ бы я въ вѣчномъ остался невѣденіи, ради чего вы сію Трагедію сочинили. А зная, что вы Христіанинъ вѣдаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу по Христіанству вѣрность.

Послѣ одного стиха въ „Альзирѣ“ критикъ нашъ былъ восторженъ, а восторженный партеръ восплескалъ громко и троекратно. Въ IV актѣ, сочиненномъ самою Мельпоменою, критику не понравилось то, что Альзира, въ предыдущихъ дѣйствіяхъ „ругавшаяся европейскому о чести разсудку“, тутъ говоритъ о томъ въ другомъ совсѣмъ духѣ. „Я хвалю васъ безстрастно, такъ безстрастно говорю, что мнѣ это крайне не нравится; а рѣчи и Альзиры и Замора божественны“.

Критика заключается разборомъ „Меропы“, и послѣднія строки этого разбора могутъ служить и resumé и характеристикою всей критики:

„Нечего отличати: все прекрасно въ сей Трагедіи, по сіе время: придемъ къ Четвертому Явленію Третьяго Дѣйствія: Музы его писали. Чего оно достойно, я чувствую, но словами изобразити не могу. Остатокъ Дѣйствія прекрасенъ. Четвертое Дѣйствіе все весьма прекрасно. Второе Явленіе несравненно. Четвертое Явленіе Пятаго Дѣйствія несравненно, и все Дѣйствіе прекрасно. Альзира, Цинна и Аталія кажется мнѣ должны уступить первенство Меропѣ и Федрѣ. Сіи двѣ Трагедіи будутъ вѣчною честію своимъ Авторамъ и Мельпоменѣ, и вѣчною славою Франціи, Европѣ, и всему роду человѣческому.

Точно подписи учителя на тетрадкахъ школьниковъ: не дурно, порядочно, изрядно, хорошо, очень хорошо, отлично хорошо, прекрасно, превосходно!... Но это-то и называлось тогда критикою, и, право, Сумароковъ ни чѣмъ не хуже многихъ знаменитыхъ критиковъ въ Европѣ того времени...

„Переводъ съ Французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца Апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣд. напечатаннаго въ Парижѣ. Синавъ и Труворъ Россійская трагедія сочиненная Стихами господиномъ Сумароковымъ“—есть не что иное, какъ разборъ „Синава и Трувора“, напечатанный въ парижскомъ журналѣ, переведенный самимъ же Сумароковымъ, и, можетъ быть, имъ же и написанный. Статья эта заключается слѣдующими строками:

Въ протчемъ кажется, что Господинъ Сумароковъ, прежде нежели обогатилъ Россійскій театръ сею трагедіею, имѣлъ знаніе о нѣкоторыхъ чужестранныхъ театрахъ: за что ему Россія тѣмъ большее благодареніе приноситъ должна. *Сколь ни остроуменъ онъ отъ природы, сколь ни блистаютъ естественныя его дарованія вездѣ въ семъ сочиненіи*; однако можетъ быть не столь сильно, не столь съ правдою сходственно изобразилъ бы онъ любовь и ревность, естьли бы никогда не читалъ *Расина* и *Шекспира*. Что жъ? Должно ли стыдиться таковаго училища? Самыя лучшія сочиненія сихъ Авторовъ, служили бы только къ тому

чтобъ въ отчаяніе привесть стихотворцевъ послѣдующихъ вѣковъ, ежели бы по крайней мѣрѣ не позволено было подражаніе. Представимъ себѣ Андромаху, Федру, Отелла, Ромеа и Іуліетту, то увидимъ ясно, что древніе трагики неизчерпали всей матеріи о сихъ двухъ, или лучше сказать, о сей единственной страсти: но всякъ признаетъ, что выше упомянутые два великіе мужи не оставили ничего, чтобъ послѣ ихъ будущіе, какъ нѣчто новое могли предложить. И такъ, когда Авторъ всѣ силы свои на то употребляетъ, чтобъ писать такимъ же образомъ, какимъ они, то чѣмъ ближе онъ къ ихъ слогу приходитъ, тѣмъ большую себѣ похвалу вмѣсто строгаго истязанія заслуживаетъ. Тотъ былъ бы весьма несправедливъ, кто бы не приносилъ должной похвалы Господину Сумарокову за то, что онъ красоты чужестранныхъ стихотворцевъ не только умѣлъ познать и почитать, но и употребить оныя въ свою пользу. Достойное поруганія невѣжество многихъ нынѣшнихъ писателей подвергаетъ сему осужденію для того, что они приобыкнувъ окрадывать или грабить другихъ авторовъ имъ единовременныхъ и единоземцевъ, наполняютъ безстыднымъ образомъ свои сочиненія чужими мыслями и словами, не вѣдая въ чемъ состоитъ разумное подражаніе. Еще меньше можно винить Господина Сумарокова въ томъ, что содержаніе его трагедіи сходственно со многими французскими. Двухъ братьевъ, влюбившихся въ одну особу, находимъ мы въ нѣкоторыхъ самыхъ лучшихъ трагедіяхъ, которыя до сего времени остались на театрѣ, напримѣръ: въ Родогунѣ, Никомидѣ, Митридатѣ, Британникѣ, Радомистѣ и прочихъ: однако никакого другаго сходства не сыщется въ нихъ съ Синавомъ и Труворомъ. Въ чемъ можно легко увѣриться слича оную со всѣми вышеписанными.

Неизвѣстны намъ древнія преданія, на которыхъ можетъ быть однихъ основана вся Россійская Исторія до принятія Россіянами Христіянской вѣры. Авторъ не упоминаетъ ничего, откуда онъ взялъ сію матерію, для того и намъ не можно знать, есть ли въ исторіи какіе слѣды приключеній изображенныхъ имъ въ его трагедіи, или содержаніе ея совсѣмъ вымышленное. Обнадеживаютъ насъ, что сія Господина Сумарокова драма въ отечествѣ его великій успѣхъ имѣла, и мы не сомнѣваемся, что и на другихъ театрахъ не сдѣлаетъ она ни малѣйшаго ущерба чести Авторовой, по крайней мѣрѣ отечеству стихотворца славу принесетъ, какъ произведшему на свѣтъ такого стихотворца, который живымъ примѣромъ показываетъ о успѣхахъ наукъ, введенныхъ Петромъ Великимъ и процвѣтающихъ подъ покровительствомъ Августѣйшей Его Дщери.

Критики Сумарокова на Ломоносова составляютъ самую забавную сторону авторства Сумарокова. Замѣтивъ въ одѣ погрѣшность (не всегда истинную), Сумароковъ иногда очень ясно даетъ знать, что онъ такихъ погрѣшностей избѣгать старается, напримѣръ: „*Межъ льдистыми горами!*“ межь льдистыми дѣлаетъ выговору великую трудность, что (чего) я весьма обѣгать стараюсь“. Замѣчаніе его на два первые стиха одной оды Ломоносова можетъ дать понятіе о цѣлой критикѣ:

Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градóвъ ограда.

Градóвъ ограда, сказать не можно. Можно молвить селенія ограда, а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ. Я не знаю, сверхъ того, что за ограда града тишина. Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина. Городъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа городóвъ, а градъ грàдовъ, а не градóвъ; для того, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа городъ имѣетъ званіе городà, а градъ грàды, а не градà и не грады.

Все это отчасти и справедливо; но самъ Сумароковъ, въ своихъ стихахъ, даетъ еще болѣе чудовищные факты подобнаго терзанія и коверканія языка и смысла.

Особенно оригинальна статья Сумарокова „Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова“. Въ ней нѣтъ никакихъ разсужденій, даже никакого приступа: все дѣло въ ней рѣшается цифрами, такимъ образомъ: „*Строфы прекраснѣйшія:* (слѣдуютъ римскія цифры для означенія одъ и обыкновенныя цифры для означенія строфъ); *строфы прекрасныя:* (цифры); *строфы весьма хорошія:* (цифры); *строфы хорошія:* (цифры); *строфы изрядныя:* (цифры); *строфы, по моему мнѣнію, требующія большова исправленія:* (цифры); *строфы, о которыхъ я ничего не говорю:* (цифры).

Но этимъ не оканчивается смѣшное въ соперничествѣ Сумарокова съ Ломоносовымъ: есть у Сумарокова отдѣльная статья подъ названіемъ „нѣкоторыя строфы“; она вся состоитъ изъ 12-ти строфъ, изъ которыхъ, поперемѣнно, надъ одною стоитъ „его“, а надъ другою „моя“. Слѣдующее же предисловіе объясняетъ эту странную загадку:

Мнѣ уже прискучилося слышати всегдашнія о г. Ломоносовѣ и о себѣ (т. е. обо мнѣ) разсужденія. Слово громкая ода къ чести автора служитъ не можетъ: да сіе же объясненіе значитъ галиматію, а не великолѣпіе. Мнѣ приписываютъ нѣжность: и сіе изъясненіе трагическому автору чести не приноситъ. Можетъ ли лирическій авторъ составити честь имени своему громомъ! и можетъ ли представленный въ драмѣ Геркулесъ быти нѣжною Сильвіею и Амариллою воздыхающими у Тасса и Гваринія! Во стихахъ г. Ломоносова многое для почерпанія лирическимъ авторамъ сыщется: а я имъ совѣтую взирати на его лирическія красоты и отдѣляти хорошее отъ худова. Г. Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ хорошее знакомство и ежедневное обхожденіе, и нерѣдко слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли. Ево достоинство въ одахъ не громкость. А что жъ? объ этомъ долго говорить, и я прилагаю здѣсь предисловіе, и нѣкоторые къ чести ево строфы, для сравненія съ моими, а не толкованія. О преимуществѣ себѣ я публику не прошу; ибо похвалы выпрошенныя гадки: а есть ли и г. Ломоносову дастся и въ одахъ преимущество, я объ этомъ тужить не стану: желалъ бы я только того, чтобы разборъ и похвалы были основательны. Въ протчемъ я свои строфы распоряжалъ, какъ распоряжали Мальгербъ и Руссо (Жанъ-Батистъ) и всѣ нынѣшніе лирики; а г. Ломоносовъ етова не наблюдалъ; ибо наблюденіе сево, какъ чистота языка, гармонія стопосложенія, изобильныя рѣомы, разношеніе негласныхъ литеръ, не привыкшимъ писателямъ толикаго стоятъ затрудненія, коликую приносятъ они сладость. Наконецъ: во надгробной

надписи г. Ломоносова изображено, что онъ учитель поэзіи и краснорѣчія: а онъ никого не училъ и никого не выучилъ; ибо г. Ломоносова честь не въ риторикѣ его состоитъ, но въ одахъ. Потомки и ево и мои стихи увидятъ и судить насъ будутъ, или паче письма наши: но потомки могутъ, или должны будутъ подумати, что и я по сей ему надгробной надписи былъ ево ученикъ: а я стихи писалъ еще тогда, когда г. Ломоносова и имени не слыхала публика. Онъ же въ Германіи писати зачалъ, а я въ Россіи, не имѣя отъ него не только наставленія, но ниже зная его по слуху. Г. Ломоносовъ меня нѣсколькими лѣтами былъ по старѣе; но изъ того не слѣдуетъ сіе, что я ево ученикъ, о чемъ я не трогая ни мало чести сево стихотворца предувѣдомляю потомковъ, которыя и г. Ломоносова и меня не скоро увидятъ: а особливо ради того, что и языкъ нашъ и поэзія наша изчезаютъ, а зараза піитичества весь россійскій Парнассъ невѣжественно охватила: а я истребленія оному предвидѣти не могу, жалѣя, что прекрасный нашъ языкъ гибнетъ. А что въ протчемъ до г. Ломоносова надлежитъ; такъ я, похваляя ево, думаю только о живности его духа виднаго во строфахъ его. *Великій былъ бы онъ мужъ во стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычищати оды свои, а во протчія поэзіи не вдавался.*

Вотъ какъ! Сумароковъ не любилъ шутить тамъ, гдѣ чья-нибудь слава могла бросать тѣнь на его славу. Въ длинной статьѣ своей „О правописаніи“ онъ безпрестанно придирается къ Ломоносову, съ профессорскимъ тономъ какого-то неоспоримаго преимущества передъ нимъ. Нападая на употребленіе буквы *е* вмѣсто буквы *і*, достоенъ вмѣсто достоинъ, бывшей, вмѣсто бывшій, Сумароковъ не безъ основательности замѣчаетъ, что „сіе нововведенное правило не имѣетъ основанія, ни на свойствѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи: а единственно на произволеніи г. Ломоносова и на почтеніи къ нему его послѣдователей, или паче сказать на семъ правилѣ, что г. Ломоносовъ былъ академикъ; такъ полагаютъ основаніе на академіи, хотя онъ не составлялъ академіи, но былъ ея членъ; и ни академія, ни Россія того не утвердила да и утверждати того Академіи не можно: ибо она въ наукахъ, а не въ словесныхъ наукахъ упражняется“. Далѣе, Сумароковъ жалуется, что Ломоносовъ ввелъ въ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ наприм., *мѣта*, вмѣсто *мѣта*, *градóвъ*, вмѣсто *грàдовъ*, и что „многіе не размышляя, таковыя его ошибки приняли украшеніемъ піитическимъ, и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что г. Ломоносову яко провинціальному уроженцу простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но протчимъ, которыя рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ“.—„Но (прибавляетъ онъ) дабы не подумали, что я о происхожденіи г. Ломоносова въ ругательство ему вспоминаю; такъ насъ не благородство, но Музы на Парнассъ возводятъ; ибо благородство есть послѣднее качество нашево достоинства, и тѣ только много о немъ думаютъ, которыя другова достоинства не имѣютъ“.—Изъ отвѣта Ломоносова Сумарокову о причинѣ замѣненія буквы *ѳ* буквою *ф*, видно, что Ломоносовъ не находилъ нужнымъ вступать съ нимъ въ серьёзныя объясненія: „Эта-де литера стоитъ подпершися, слѣдовательно бодряе“. — „Отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ“ замѣчаетъ Сумароковъ. Говоря о томъ, что въ предлогѣ *при*, употребляемомъ слитно съ глаголами, должно сохранять букву *и*, не перемѣняя ее на *і*, Сумароковъ прибавляетъ: „Г. Ломоносовъ годъ цѣлый мнѣ въ семъ противурѣчилъ, и признавься по розысканію точныя обстоятельности, мое мнѣніе съ великимъ утверждалъ жаромъ; но не успѣлъ письменно со мною въ ономъ согласиться, или по *частнымъ со мною не до краснорѣчія и не до языка касающимся распрямъ*, не хотѣлъ согласиться до времени: какъ онъ покритиковалъ у меня не знаю за что нарѣчіе *днесь*, и не нашелъ другова къ тому реченія, зачалъ употребляти вмѣсто *нынѣ*, *нынь*, но *нынѣ* не знаменуетъ той краткой точности: а *нынь* не можно вмѣсто *нынѣ* писать; ибо *ѣ* претворяти въ *ь* писатели вольности не имѣютъ, хотя они и стихотворцы; ибо и имъ дозволяется нѣчто, а не все, да и то что рѣчи ни мало не обезображиваетъ. Да и на что *нынь*; ибо *нынь* ево тоже изображаетъ какъ и *ныне*: а краткость одного слова не стоитъ труда искуснаго риѳмотворца“.—Дѣйствительно, Ломоносово *нынь*, вмѣсто *нынѣ*, такъ же нелѣпо, какъ и Сумароковы *мя* и *тя*, вмѣсто *меня* и *тебя*. Вообще, говоря о другихъ, Сумароковъ нерѣдко бываетъ и основателенъ и справедливъ. Такъ, наприм., жалуясь на постепенную порчу языка, онъ приводитъ разительные примѣры этой порчи, какъ-то употребленіе „февраль“ вмѣсто „февраръ“, „пролубь“ вмѣсто „прорубь“. Но зато, видитъ иногда гибель тамъ, гдѣ нѣтъ даже и опасности, и часто противорѣчитъ самому себѣ; такъ, наприм., съ одной стороны, требуя, чтобъ, для сохраненія кореннаго происхожденія словъ, писать *пріятный* вмѣсто *пріятный*, съ другой стороны, не хочетъ, чтобъ предлогъ *возъ*, соединяясь съ глаголами, сохранялъ коренную свою букву *з*, и вооружается противъ этого со всѣмъ комизмомъ своей запальчивости. „Но бывало ли отъ начала міра въ какомъ-нибудь народѣ такое въ писаніи скаредство, каково мы нынѣ дожили! *Востокъ, источникъ, превозходительство!* Конечно, паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая нелѣпица могла быть воспирнята!“

Замѣчательно, какъ фактъ того времени,

что Сумароковъ за искаженіе русскаго языка жалуется на Малороссіянъ, и не только писателей, но и на пѣвчихъ, которые, вмѣсто *во вѣки вѣковъ*, писали и пѣли *во вики виковь*, вмѣсто *Тебѣ Господи — Теби Господы*, и т. п. „Не подумаетъ ли кто (прибавляетъ Сумароковъ), что я вооружаюся противъ ученыхъ Малороссіянъ: нѣтъ, дай Боже, чтобъ не только мы, но хотя наши потомки изъ Малороссіи другаго Феофана имѣли! Есть нѣчто во краснорѣчіи худова, но сколько напротивъ того и славы его имени, и славы нашихъ временъ!“

Послѣ забавно-энергической выходки противъ *возтока, източника* и *превозходительства*, Сумароковъ дѣлаетъ слѣдующее не менѣе забавно-энергическое воззваніе къ Ломоносову:

О, Ломоносовъ, Ломоносовъ! Что бы ты сказалъ, когда бы ты по смерти своей симъ кривописаніемъ увидѣлъ напечатаны свои сочиненія! Сіе тебѣ въ возмездіе, что ты участныя имѣя со мною распри, часто мнѣ противоборствовалъ и во правописаніи, и въ другомъ, касающемся до нашего языка, въ чемъ мы прежде нашихъ участныхъ ссоръ и распрей всегда согласны были: и когда мы другъ отъ друга совѣты принимали, ругаяся несмысленнымъ писателямъ, которыхъ тогда еще мало было, и переводу Аргениды. Не было бы у меня болѣе съ тобою распрей, ежели бы въ твое время столько врали на Руси. Были врали и при жизни твоей, но было ихъ и мало, и были они по скромняе: а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей; и такъ пишутъ они, чтобы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся. Жаль того, что со вракъ не положено пошлины: а изъ стихотворцевъ не берутъ въ рекруты; ибо полка два изъ нихъ легко составить можно: а когда изъ всѣхъ и сочинителей и переводчиковъ набирать рекрутовъ, такъ въ одинъ мѣсяцъ цѣлая великая армія на сраженіе будетъ готова; но ежели они таковыя будутъ солдаты, каковыя писатели; такъ не прогонимъ ни визиря, ни возьмемъ Бендеры.

Замѣчательна выходка Сумарокова противъ перевода Тредіаковскаго ролленевой исторіи: „Вотъ (говоритъ онъ) ожидаемая польза отъ умноженія сочиненій и переводовъ, которыми насъ невѣжи обогащаютъ! Вредно ободряли вралей похвалами, чтобъ они больше врали; ибо де не писавъ худо, нельзя писать и хорошо; но враки должно ли издавать на свѣтъ? Древняя исторія неоцѣненнаго Роллина, въ переводѣ нашемъ, подаетъ читателю, не знающему чужихъ языковъ, нѣкоторое ему познаніе, къ малому просвѣщенію, безъ другихъ знаній, и ко прогнанію скуки: *а языкъ нашъ какъ моровая заражаетъ язва*“.

Вообще, эта статья такъ и дышетъ своею современностію и личностію Сумарокова: въ ней онъ и его время какъ бы олицетворились и лично бесѣдуютъ съ нами. Кому тутъ не достается, кто не задѣвается! И писатели, и женщины, и подьячіе!... „Женщины наши (говоритъ критикъ) по большей части никакова правописанія не соблюдаютъ, и пишутъ какъ ни попало, наприм., *матушка мая галубушка пажалуй атпишика мне душа мая гдѣ ты купила вчерашнай градитуръ*, а иногда и *гарнитулъ*“. — Противъ безграмотности подьячихъ, по длинноте, филиппики и выписать нельзя: когда Сумароковъ заговаривалъ объ этомъ *крапивномъ зельи*, объ этомъ *хамовомъ покольніи* (какъ онъ называлъ подьячихъ), его сатирическое негодованіе всегда лилось рѣкою, затоплявшею берега свои.

Слѣдующее вмѣсто представляетъ для нашего времени особенно интересный фактъ старинной нашей литературы:

Силы (ударенія надъ словами) писывалъ и я, долго того держался, хотя и ненавидѣлъ, дожидался кого себѣ въ изверженіи оныхъ сотоварища, но г. Козицкій и г. Мотонисъ люди и во правописаніи и во грамматикѣ и во краснорѣчіи, которымъ я никогда ненависти моей къ силамъ не открывалъ, сами предварили меня, дабы обще начати въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, называемыхъ Трудолюбивою Пчелою, силы извергнуть: что мы и сдѣлали: а сіе не въ началѣ того изданія начать. О, ежели бы и то принято было, въ чемъ также будто узнавъ мое мнѣніе предварилъ меня нѣкогда г. Полѣтика, человѣкъ искусный, *чтобы собственныхъ прилагательныхъ именъ не писать большими литерами*, наприм.: *россійское войско* и протч. Я не знаю, дѣльно ли еще и то, что мы большими литерами всѣ свои страницы излишно шпикуемъ: а по правописанію нашему, большіе литеры становилися только послѣ точекъ въ началѣ сочиненія, и должны еще становиться при каждой строкѣ въ началѣ стиха.

Статья „О стопосложеніи“ изобилуетъ комически-смѣшными выходками Сумарокова противъ Ломоносова.

Г. Ломоносовъ зналъ недостатки сладкорѣчія: то есть, убожество риѳмъ, затрудненіе, отъ неразноски литеръ, выговора, нечистоту стопосложенія, темноту склада, рушеніе грамматики и правописанія, и все то, что нѣжному упорно слуху и неповрежденному противно вкусу; но убѣгая сей великой трудности, не находя къ стопосложенію и довольно имѣя къ одной только лирической поэзіи способности: а при томъ опираяся на безразборныя похвалы, вмѣсто исправленія стопосложенія, ево болѣе и болѣе портилъ: и ставъ почти порчи сея образцемъ, не худя того и во другихъ, чѣмъ онъ самъ былъ наполненъ, открылъ легкій путь ко стихотворенію; но путь сей на парнасскую гору не возводитъ. У г. Ломоносова во строфахъ его много еще достойнаго осталось, хотя, что, или лучше сказать, хотя и все недостаточно: а у преемниковъ ево иногда и запаха стихотворнаго не видно. Что г. Ломоносовъ былъ неисправный и непроворный стопослагатель, ето я не пустыми словами, но не опровергаемыми доводами покажу; и всѣ мою истину увидятъ ясно: что ему много и самому часто говорено было. Жаль того, что въ нѣкакое время мы были съ нимъ пріятели, и ежедневныя собесѣдники! и другъ отъ друга здоровыя принимали совѣты, я самъ тогда тонкости стопосложенія не зналъ; но послѣ долговременною пріобрѣлъ себѣ истинное о немъ понятіе практикою... А спонден обезображивали и самыя лутчія г. Ломоносова строфы, къ великому мнѣ о немъ сожалѣнію: ибо

онъ только и г. Поповскій нашему парнасу истинную честь, отъ начала Россіи, что до стиховъ надлежитъ, и приносили. И есть ли бы г. Ломоносовъ не разстроивался со мною, не въ такомъ бы состояніи видѣли мы россійское краснорѣчіе, увядающее день отъ дня и грозящее увянути надолго. Я ему еще подпора: нѣкоторыя духовныя и такія люди, каковъ г. Козицкій, Матонисъ и имъ равнознающія, ежели есть такія.

Статья „О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка“ можетъ быть отнесена къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русской литературы: она доказываетъ, что вторженіе въ нашъ языкъ французскихъ словъ и оборотовъ отнюдь не было слѣдствіемъ реформы Карамзина, ибо еще до него было въ самомъ сильномъ разливѣ. Сумароковъ смѣется надъ словами: *фрукты, сервизъ, антишамбера, камера, сюртукъ, супъ, гувернанта, аманта, дама, валетъ, атутъ* (козырь), *роа* (король), *макероваться, эложъ* (похвала), *принцъ, бурса, тоалетъ, пансивъ* (задумчивъ), *корреспонденція, кухмистеръ, томъ, эдиція, жени* (т.-е. геній; подъ *жени* Сумароковъ понималъ *остроуміе), бонсанъ* (здравый смыслъ; Сумароковъ переводитъ *разсужденіе), эдюкація, манификъ, деликатно, пассія.* Однакожъ если многія изъ этихъ словъ вывелись изъ употребленія, зато многія и остались; геній языка умнѣе писателей, и знаетъ, что̀ принять и что̀ исключить. Вѣроятно были употребительны и такія фразы, если Сумароковъ надъ ними смѣется: „Я въ дистракціи и дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите; а я а ку сюръ противъ ривала моего буду реванжироваться“.

Какъ о чертѣ смѣшного и добродушно-наглаго самохвальства Сумарокова, нельзя не упомянуть о его вызовѣ проѣздить за границею два года и потомъ описать свое путешествіе. „Каково мое перо (говоритъ онъ), о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу соплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю“. За два года и четыре мѣсяца онъ просилъ у правительства, кромѣ своего жалованья, 12.000 рублей, „которыя деньги по изданіи моего путешествія возвратятся въ казну съ излишкомъ; ибо 6.000 экземпляровъ, продаваяся по три рубля, 18.000 рублевъ, а потомъ оная во всегдашнее время продаваться будетъ, и такъ казнѣ убытка не будетъ“. — „Еслибъ такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа; не дорого бы стало Россіи, ежели бы и 300.000 на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибытокъ изъ того только одна честь имени моему“.

Эклоги Сумарокова таковы, что ихъ теперь странно видѣть въ печати. Всѣ онѣ оканчиваются одинаково, въ родѣ этого:

О, лютый Періандръ!.. невинность исчезаетъ:
Вручаюся тебѣ... Пастухъ на все дерзаетъ.
Не споритъ Туллія, гоня умрямство прочь,
И въ изступленіи препровождаетъ ночь,
Въ веселіи пробывъ со пастухомъ безъ спора,
Доколѣ не взошла на паствѣ къ нимъ аврора...

И несмотря на это, Сумароковъ и не думалъ быть соблазнительнымъ или неприличнымъ, а напротивъ, онъ хлопоталъ о нравственности, и былъ увѣренъ, что эклога такой ужъ родъ поэзіи, который, по сущности своей, требовалъ такихъ сюжетовъ и съ такими развязками. Онъ посвящаетъ свои эклоги „прекрасному россійскаго народа женскому полу“, и въ этомъ посвященіи такъ излагаетъ теорію эклоги, какъ рода поэзіи:

Я вамъ, прекрасныя, сей мой трудъ посвящаю: а ежели кому изъ васъ подумается, что мои эклоги наполнены излишно любовію; такъ должно знати, что недостаточная (не полная?) любовь не была бы матерію поэзіи; сверхъ того должно и то вообразити, что въ дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія, ни обрядовъ къ оному придлежащихъ: едина нѣжность только препровождаема жаромъ и вѣрность была основаніемъ любовнаго блаженства. Говорятъ о воровствѣ, о убійствѣ, о грабежѣ, о ябедничествѣ беззазорно во всякихъ бесѣдахъ; неужели такіе разговоры благороднѣе рѣчей любовныхъ? А особливо когда не о скотской и не о непостоянной говорится любви. Въ еклогахъ моихъ возвѣщается нѣжность и вѣрность, а не злопристойное сластолюбіе, и нѣтъ таковыхъ рѣчей, кои бы слуху были противны. Презрѣнна любовь имущая едино сластолюбіе въ основаніи: презрѣнны любовники, устремляющіеся обманывати слабыхъ женщинъ: подвержены нѣкоторому поношенію и женщины, въ обманъ давшіяся: презрѣнно неблагородное сластолюбіе; но любовныя нѣжность и вѣрность отъ начала міра были почтенны и до скончанія міра почтенны будутъ. Любовь источникъ и основаніе всякаго дыханія: а въ добавокъ сему источникъ и основаніе поэзіи; такъ можно ли сочиняти эклоги, естьли пиитъ ужаснется глупыхъ предвареній и невкусныхъ кривотолкованій. А вы, прекрасныя, помните только то, что неблагопристойная любовь и непостоянство стыдны, несносны, вредны и пагубны, а не любовь, и что любовію наполненныя эклоги и основанныя на нѣжности, подпертой честностію и вѣрностію, читательницамъ соблазна, точною чертою, принести не могутъ; хотя и нѣтъ никакова блага, изъ котораго бы не могло быти злоупотребленія. Что почтенняе правосудія; но колико изъ него происходитъ ябедъ и крючкотвореній, а слѣдовательно утѣсненій и погибели роду человѣческому? И что почтенняе, эклоги ли составлять, наполненныя любовнымъ жаромъ и пишемыя хорошимъ складомъ, или тяжебныя ябедниковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писанныя скареднымъ?

Оставьте въ сторонѣ старинный языкъ и вникните въ мысль этого предисловія: она была мыслію вѣка. Дезульеры, Геснеры и Флоріаны писали свои эклоги и идилліи именно по этой теоріи. Они изображали дѣй-

ствительность, которой никогда и нигдѣ не бывало. Они воображали, что точно былъ золотой вѣкъ невинности, не понимая того, что состояніе невинности есть то же, что состояніе животности, какъ то доказываютъ всѣ дикія племена Африки, Америки и Австраліи. Этимъ-то мнимо-невиннымъ людямъ придавали они сладенькія чувствованьица своего времени, и были вполнѣ увѣрены, что изображаютъ пасторальную жизнь, и что ихъ Дафнисы, Меналки, Титиры, Коридоны, Аглаи, Хлои, Амарилы и Галатеи суть лица живыя и невинныя, тогда какъ это просто общія реторическія мѣста, какъ и вся поэзія (а не литература въ обширномъ смыслѣ) XVIII вѣка. У Сумарокова вполнѣ достало ума и способности понять это искусство общихъ мѣстъ и воспользоваться имъ для своего времени.

Истинный критикъ своего времени, Сумароковъ судитъ обо всемъ—о добродѣтели, о философіи, о грамматикѣ, о поэзіи, о стѣснительной системѣ запретительной торговли, о большихъ бесѣдахъ, чтеніи романовъ, и проч. и проч. Часто у него попадаются мысли хотя не глубокія, но здравыя и тѣмъ болѣе полезныя для общества его времени. Можно написать цѣлую статью о его войнѣ противъ подъячихъ: Боже мой, гдѣ и какъ ни пятналъ, ни позорилъ ихъ этотъ неутомимый боецъ! Говоря о подъячихъ, Сумароковъ становится и жолченъ, и остеръ, и вдохновененъ! Ненависть къ этому гнусному отродію (говоря его выраженіемъ) была живою струною его души; и кто же не согласится, что источникъ этой ненависти былъ благороденъ, а ея проявленіе не могло не принести пользы обществу; дидактическое направленіе въ поэзіи самобытной есть признакъ антипоэтическаго характера народа; но въ поэзіи подражательной, бывшей плодомъ реформы, нововведеніемъ, какова была, въ своемъ началѣ, поэзія русская, дидактическое направленіе есть признакъ жизненности, соціальности, и полезно какъ для общества, такъ и для самого искусства: ибо общество потому только и принялось за нее, что увидѣло въ ней *поученіе*, дѣйствительно полезное для него. Когда дидактическая поэзія истощила все свое содержаніе и не могла идти далѣе, противъ нея явилась реакція, заговорили о поэзіи, какъ о творчествѣ, какъ о цѣли самой себѣ, а между тѣмъ привычка къ чтенію, занятію поэзіею, благодаря ея дидактическому направленію, была уже сдѣлана. Послѣ этого не трудно было отвергнуть дидактическую поэзію, какъ ложную и враждебную истинному искусству. Но это, какъ мы покажемъ въ слѣдующей статьѣ, сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Сперва позволили поэзіи воспѣвать геройскіе подвиги и побѣды, не увольняя ея отъ обязанности поучать; потомъ стали позволять ей, между прочимъ, быть выразительницею прихотей фантазіи, и, наконецъ, ради граціи и обаятельности формъ, воспѣвать и шалости чувства, и пѣнистое вино, и веселыя пирушки, и сладостную лѣнь. Ужъ послѣ этого провозгласили, къ крайнему соблазну литературныхъ старовѣровъ, что искусство есть само себѣ цѣль, что поэзія внѣ себя цѣли не имѣетъ и не должна имѣть. Такъ какъ въ этой мысли заключается значительная часть истины, и такъ какъ, не перейдя черезъ нее, нельзя было понять идеи искусства, какъ особной и самостоятельной сферы сознанія, то эта мысль и овладѣла свѣжими умами до того, что ее довели до односторонности и исключительности, а слѣдовательно, и до нелѣпости. Теперь критикѣ предстоитъ новая задача — примирить свободу творчества съ служеніемъ историческому духу времени, съ служеніемъ истинѣ.

Итакъ, дидактическое направленіе Сумарокова было полезно для современнаго ему общества. Въ этомъ отношеніи его эпистолы и сатиры имѣютъ свою относительную цѣнность. Несмотря на грубый языкъ, цинизмъ выраженій, для *многихъ* было весьма полезно и поучительно въ тотъ зараженный спесью барства вѣкъ читать, наприм., такіе стихи:

Сію сатиру вамъ, дворяня, приношу:
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ;
Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденныхъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На толь дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не ясняй умъ барскій мужикова,
Такъ и различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій такъ же сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое нерѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ,
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко ль? можетъ быкъ людей быку продать!

Въ числѣ эпистолъ находимъ и слѣдующія: „Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель“, „Къ неправеднымъ судіямъ“, „О русскомъ языкѣ“, „О стихотворствѣ“ (передѣлка L'Art Poétique Буало) и „Наставленіе хотящимъ быти писателями“. Во всемъ этомъ виденъ или критикъ искусства и литературы, или критикъ нравовъ. Въ томъ и другомъ Сумароковъ особенно примѣчателенъ, какъ представитель своего времени. Не изучивъ его, нельзя понимать и его эпохи. Еслибъ кто вздумалъ написать историческій романъ, или историческую повѣсть изъ тѣхъ временъ, — изученіе Сумарокова дало бы ему богатые факты объ обществѣ того времени; а что такое историческій романъ, какъ не

исторія общества въ извѣстную эпоху? Да; предметъ исторіи—человѣчество, или народъ; предметъ историческаго романа—общество. Постепенность развитія идей въ обществѣ представляетъ собою картину въ высшей степени интересную. На само искусство нельзя смотрѣть только въ сферѣ самого искусства, безъ отношенія къ жизни: такой взглядъ можетъ быть иногда вѣренъ, но онъ всегда одностороненъ, особенно въ отношеніи къ искусству въ Россіи. Повторяемъ: наша поэзія, наша литература — плодъ реформы Петра Великаго, — какъ наша цивилизація. Начавшись формами безъ жизни, онѣ постепенно стремились къ жизни и самобытности, и достигли наконецъ того и другого чрезъ историческій процессъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ фактовъ этого процесса,—что̀ и заставило насъ говорить о немъ подробнѣе. Въ слѣдующей статьѣ мы постараемся обозначить постепенность процесса формированія и развитія нашей поэзіи и литературы отъ знаменитой войны шишковистовъ съ карамзинистами до болѣе знаменитой войны классицизма съ романтизмомъ. Мы думаемъ, что это значитъ показать ту сторону исторіи нашей литературы, на которую еще никто не обращалъ вниманія.

Статья третья и послѣдняя.

Статья наша о „Критикѣ“ должна оставить принятый ею историческій путь и снова возвратиться къ настоящему, характеристикою котораго и заключится она. Мы и не хотѣли давать ей характеръ историческій; иначе, должны были бы написать много статей прежде, нежели добрались бы до настоящаго періода русской литературы. Въ предыдущей статьѣ мы желали только намекнуть на то, какъ, по нашему мнѣнію, должно было бы слѣдить русскую критику въ ея историческомъ развитіи,—заранѣе отказываясь написать полную ея исторію въ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Доселѣ еще не только не было никакой попытки начертать исторію русской литературы со стороны ея вліянія на мнѣніе общества, т.-е. со стороны критики, въ обширномъ значеніи этого слова; но даже не было и попытокъ сдѣлать хоть какія-нибудь указанія на матеріалы, необходимые для подобнаго труда. А между тѣмъ, этотъ трудъ только слегка можетъ казаться легкимъ, въ сущности же онъ весьма сложенъ, кропотливъ и тяжелъ. Нужно не только перечесть вполнѣ нѣкоторыхъ писателей, но и рыться въ старыхъ и новыхъ журналахъ. Притомъ же, мы задали бы себѣ слишкомъ обширный вопросъ, еслибъ взяли критику въ ея общемъ значеніи. Для насъ важны не только тѣ русскіе писатели, которые посвящали свои труды или теоріи изящнаго, или собственно критикѣ изящныхъ произведеній, или отрывочно, тамъ и сямъ, въ своихъ твореніяхъ, выговаривали свои понятія объ изящномъ и о критикѣ; но и тѣ писатели, которые своими нравственными мнѣніями выражали духъ времени, или давали ему новое направленіе. Въ этомъ отношеніи, какъ важенъ для насъ, напр., Фонвизинъ съ его „Недорослемъ“ и „Бригадиромъ“, въ которыхъ, въ лицѣ глупцовъ и чудаковъ, высказано понятіе того времени объ отрицательной сторонѣ современнаго общества, а въ лицѣ резонёровъ и добродѣтельныхъ людей высказанъ, такъ сказать, идеалъ, къ которому должно было стремиться общество, высказаны начала, на основаніи которыхъ мыслили и дѣйствовали лучшіе люди той эпохи! А исповѣдь Фонвизина, его мелкія сатирическія статьи, его *вопросы*, и пр.? Оцѣнка всего этого была бы полною оцѣнкою всего Фонвизина, который замѣчателенъ совсѣмъ не какъ поэтъ (ибо поэтомъ онъ не былъ), а какъ умный, мыслящій человѣкъ своего времени, даровитый писатель съ критическимъ направленіемъ. „Словарь Россійскихъ Писателей“ Новикова—богатый фактъ собственно-литературной критики того времени: его тоже нельзя миновать въ историческомъ обзорѣ русской критики. Тутъ же долженъ занять свое мѣсто и Макаровъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей и критиковъ того времени. Съ именемъ Карамзина соединяется понятіе о цѣломъ періодѣ русской литературы, стало быть, отъ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія до двадцатыхъ настоящаго. Тридцать пять лѣтъ такой блестящей литературной дѣятельности и около сорока лѣтъ такого сильнаго вліянія на русскую литературу, а черезъ нее и на русское общество! И вліяніе не только литературное, но и, можно сказать, всяческое! Все это должно вновь перечитать, пересмотрѣть, а на все это нужно время и время. Критическая дѣятельность Мерзлякова, князя Вяземскаго, Каченовскаго и другихъ, характеристика многихъ журналовъ, изъ которыхъ иныхъ теперь и имена не извѣстны публикѣ, — также должны войти въ этотъ обзоръ и, слѣдственно, также должны быть пересмотрѣны. Война карамзинистовъ съ шишковистами; прологъ къ войнѣ романтизма съ классицизмомъ, заключающій въ себѣ пренія, возбужденныя нѣмецкими и англійскими балладами Жуковскаго; далѣе, война поборниковъ классицизма и вмѣстѣ народности съ поборниками классицизма чисто-подражательнаго и чуждаго всякой народности (въ этой войнѣ замѣчательны имена Катенина, Жандра и, *отчасти*, Грибоѣдова); наконецъ, война классицизма и

романтизма:—сколько для всего этого нужно пересмотрѣть книгъ, особенно журналовъ! Появленіе каждаго генія бываетъ чѣмъ-то нарушающимъ обыкновенный порядокъ вещей, съ непривычки кажется чѣмъ-то незаконнымъ и возбуждаетъ вражду и оппозицію со стороны людей, проникнутыхъ духомъ господствующаго порядка вещей. Въ пользу генія возстаетъ юное поколѣніе, и завязывается битва, концомъ которой всегда бываетъ торжество генія. И вотъ окончена битва—и видъ дѣла измѣняется: геній признанъ величайшимъ и непогрѣшительнымъ авторитетомъ; противъ него враждуютъ развѣ только хриплые голоса немногихъ уцѣлѣвшихъ развалинъ стараго времени. Но время идетъ, новыя идеи вторгаются, и такъ какъ не было и никогда не будетъ генія, который бы все сказалъ, все рѣшилъ, на все далъ отвѣтъ, исчерпалъ бы всѣ стороны бытія, такъ что уничтожилъ бы возможность явленія другихъ геніевъ, а слѣдственно, и возможность дальнѣйшаго развитія народа или человѣчества, то и геній, послѣ столькихъ усилій и битвъ сдѣлавшійся властителемъ думъ своего времени, является наконецъ представителемъ уже минувшей эпохи, неудовлетворяющимъ новаго времени. Противъ него воздвигается оппозиція, часто несправедливая и ослѣпленная въ своей крайности; за него стоитъ все, что̀ не двинулось послѣ него впередъ — и опять битва! Но проходятъ годы, новое беретъ свое, мирно царитъ надъ настоящимъ и воздаетъ должное прошедшему. Все это было и въ русской литературѣ, хотя она существуетъ еще только *сто* лѣтъ, если началомъ ея взять 1739 годъ, когда Ломоносовъ написалъ первую свою оду — „На взятіе Хотина“ (сатиры Кантемира были въ первый разъ изданы въ 1762 году). Такъ литературная дѣятельность Карамзина, явившаяся оппозиціею схоластическому направленію русской литературы, данному Ломоносовымъ, возстановила противъ себя славянофиловъ [1]) и пуристовъ русскаго языка. Время и разумъ рѣшили дѣло въ пользу реформы Карамзина, и Карамзинъ сдѣлался патріархомъ русской литературы; подъ страхомъ анаѳемы и отлученія отъ литературнаго православія, не позволялось усомниться ни въ одной строкѣ, ни въ одной буквѣ его сочиненій. Но оппозиція шишковистовъ была ничто въ сравненіи съ тою, которая ожидала Карамзина уже по смерти его. Такъ называемый романтизмъ развязалъ умы, вывелъ ихъ изъ узкой и избитой колеи преданія, авторитета и общихъ реторическихъ мѣстъ, изъ которыхъ прежде сплетались вѣнки славы прославленнымъ писателямъ; новыя идеи вторгались отовсюду; литературные и умственные перевороты въ Европѣ, начавшей, по низверженіи Наполеона, новую жизнь, отозвались и въ нашей литературѣ. Тогда-то возстали противъ Карамзина... Но прошло и это время: теперь всѣ понимаютъ, что не Карамзинъ виноватъ, если его поклонники приписали ему больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ, видѣли въ немъ что-то бо̀льшее, нежели то, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, что вопросъ не въ томъ, чего не сдѣлалъ Карамзинъ, а что̀ онъ сдѣлалъ, и что не его была вина въ томъ, что если онъ рано родился и образовался подъ вліяніемъ литературныхъ идей прошлаго вѣка; теперь у Карамзина нѣтъ ни ослѣпленныхъ друзей, ни ожесточенныхъ враговъ—теперь для него настало потомство, безпристрастное, спокойное, уважающее его славное имя, цѣнящее его заслуги, давшее ему почетное мѣсто въ исторіи литературы и общественности. Явился Пушкинъ,—и встрѣча, сдѣланная ему, была уже совсѣмъ не то, что встрѣча Карамзину: восторгъ и негодованіе, любовь и ненависть были тутъ значительно глубже и сильнѣе. Одни только что не клялись именемъ Пушкина, другіе, слыша его, только что не зажимали съ благочестивымъ ужасомъ ушей своихъ. Битвы были ожесточенныя и упорныя, а вопросъ еще и теперь не рѣшенъ! Уже нѣсколько поколѣній произнесли судъ свой надъ Пушкинымъ, а потомство для Пушкина все еще не настало... Элементы нашей эпохи такъ многосложны и спутаны, вопросы такъ глубоко жизненны, что много надо пережить, перечувствовать и перемыслить, чтобы рѣшать ихъ: это дѣло времени и жизни—безъ нихъ люди ничего не сдѣлаютъ. Еще не рѣшился вопросъ о Пушкинѣ, и уже сколько новыхъ вопросовъ возникло, и возникло не изъ книгъ, какъ они возникали прежде, а изъ живыхъ явленій!.. И развѣ эти безпрерывные толки и споры въ обществѣ о „Мертвыхъ Душахъ“, эти восторженныя похвалы и ожесточенныя брани въ журналахъ, возбуждаемыя новымъ твореніемъ Гоголя,—развѣ это не живое явленіе, и развѣ это не вопросъ, столько же литературный, сколько и общественный?.. Мало того: развѣ весь этотъ шумъ и всѣ эти крики не результатъ столкновенія старыхъ началъ съ новыми, развѣ они — не битва двухъ эпохъ?.. Все, что̀ является и успѣваетъ съ перваго разу, встрѣчаемое и провожаемое безусловною похвалою, все это не можетъ быть важнымъ и великимъ фактомъ: важно и велико только то, что̀ раздѣляетъ мнѣнія и голоса людей, что̀ мужаетъ и растетъ въ

[1]) Первое употребленіе Бѣлинскимъ термина „славянофилы“ — пока еще въ смыслѣ обычномъ для начала XIX в., когда „славянофилами“ называли шишковистовъ.

борьбѣ, что̀ утверждается живою побѣдою надъ живымъ сопротивленіемъ. Полагать причиною этого сопротивленія одну зависть къ успѣху и къ генію значило бы слишкомъ ограниченно смотрѣть на дѣло: то ошибка духовъ времени, то борьба старыхъ началъ съ новыми! Человѣкъ только до извѣстнаго возраста своей жизни обладаетъ способностью умственнаго движенія впередъ; разъ утвердившись въ извѣстномъ образѣ мыслей, по достиженіи извѣстнаго возраста, онъ дѣлается слѣпъ и глухъ для всякой новой истины, и видитъ въ ней ложь и нечестіе. Только сильные духомъ могутъ отрываться отъ ученій, въ которыхъ возрасли и укрѣпились; но и для нихъ это движеніе сопряжено бываетъ съ тяжелымъ трудомъ, съ потрясеніемъ всего нравственнаго существованія ихъ. Цѣлое общество видѣло высочайшій идеалъ поэзіи въ трагедіяхъ Корнеля и Расина, съ малолѣтства заучивало наизусть стихи ихъ, восторгъ свой къ этимъ поэтамъ довела до обожанія, уваженіе—до піэтистическаго благоговѣнія, — и вдругъ этому-то обществу говорятъ, что ихъ поэты—не поэты, а только изящные риторы, что въ образцовыхъ ихъ трагедіяхъ нѣтъ ни характеровъ, ни образовъ, ни людей, ни игры страстей и чувствъ, ни глубокихъ идей, словомъ, никакой дѣйствительности, и что, наконецъ, идеалъ великаго драматурга осуществился въ Шекспирѣ, котораго оно, это общество, привыкло считать пьянымъ дикаремъ, вдохновеннымъ невѣждою!.. Повѣрить на слово общество не могло, понять еще менѣе; слѣдовательно, оставалось сознаться, что или оно всю жизнь свою обманывалось, или что оно не въ силахъ понять то, въ чемъ его увѣряютъ. Но это выше природы человѣческой: большей части людей легче понять непонятное ему, чѣмъ сознаться въ своей неспособности понимать. Однакожъ, между молодыми людьми, которыхъ духъ новой жизни засталъ еще свѣжими, свободными и способными къ его принятію, являются смѣлые поборники новыхъ идей. И вотъ завязывается борьба; время идетъ, старые ратники выбываютъ изъ рядовъ, молодые прибываютъ, и—лѣвая сторона является правою, а въ центрѣ остается двухсмысленная изгарь двухъ мнѣній, люди полумѣръ, люди ни то, ни се... И потомъ опять такая же исторія,—и изъ этихъ-то исторій составляется исторія развитія человѣчества, народовъ и обществъ.

Такую задачу въ отношеніи къ русской литературѣ со стороны критики мы хотѣли было предположить себѣ, начавъ писать статью о критикѣ; но такая статья могла бы слишкомъ далеко завлечь насъ. Однакожъ, мы рѣшились приготовить на этотъ предметъ особую статью и перевести ее изъ отдѣла критики въ отдѣлъ наукъ. Тутъ будетъ цѣлая исторія русской литературы, обозрѣнная съ новой ея стороны, на которую еще никто не обращалъ вниманія — со стороны развитія литературныхъ, нравственныхъ и общественныхъ началъ. Статья эта будетъ помѣщена въ одной изъ первыхъ книжекъ „Отеч. Записокъ“ на 1843 годъ. Мы не будемъ въ ней повторять уже сказаннаго въ статьяхъ о „Критикѣ“, и начнемъ прямо съ того, что̀ непосредственно должно слѣдовать за Сумароковымъ, взглядомъ на котораго мы кончили нашу вторую статью о критикѣ. Теперь же возвратимся на предметъ болѣе близкій, къ содержанію рѣчи г-на Никитенко, подавшей поводъ къ этимъ тремъ статьямъ. Въ первой статьѣ мы говорили, что̀ такое критика вообще и чѣмъ она должна быть въ наше время. Здѣсь поговоримъ о томъ, какова бываетъ иногда критика. Не знаемъ, увидятъ ли читатели въ нашихъ словахъ характеристику современной русской критики, но во всякомъ случаѣ мы никого не назовемъ, ни на кого не укажемъ: пусть дѣло говоритъ само за себя, пусть другіе ищутъ въ нашихъ словахъ кому кого угодно, а мы будемъ говорить вообще, ни къ кому не относя, ни къ кому не примѣняя... Предметомъ нашихъ разсужденій будетъ уклоненіе критики отъ идеала критики...

Читатели „Отеч. Записокъ“ не могли не замѣтить, что критика этого журнала рѣзко отличается отъ критики другихъ журналовъ своими началами, и своимъ характеромъ, и даже самымъ языкомъ. Враги „Отеч. Записокъ“ ставили и ставятъ имъ это въ величайшій недостатокъ; другіе же находятъ это большимъ достоинствомъ. Намъ скажутъ: никто въ собственномъ дѣлѣ судьею быть не можетъ, и только публика имѣетъ право приговора въ пользу достоинства критики журнала... Согласны, но развѣ мы хвалимъ собственную критику?—Отнюдь нѣтъ, мы только говоримъ, что она—особенная критика въ современной русской литературѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ критикою другихъ современныхъ журналовъ. А это такъ же можно почесть порицаніемъ, какъ и похвалою. Гдѣ жъ тутъ самохвальство? Тутъ только фактъ, въ вѣрности котораго согласны и друзья и враги наши.

Критика можетъ раздѣляться на разные роды, по ея отношеніямъ къ самой себѣ; но не то теперь въ виду у насъ. По отношенію же критики къ лицамъ, занимающимся ею, прежде всего должно раздѣлить ее на критику искреннюю, добросовѣстную, критику по убѣжденію, по началу, и на

критику по разсчету, критику торговую. Послѣдняя всегда ложна, потому что еслибъ она иногда и находила для себя выгоднымъ обмолвиться истиною,—эта истина все-таки не относилась бы къ высокимъ предметамъ человѣческаго сознанія, а ограничивалась бы только, и то не всегда, умнымъ взглядомъ на нѣкоторыя стороны практическихъ предметовъ, въ то же время парализируя себя всякими неправдами, всякою ложью и всякими противорѣчіями. Въ злохудожную душу не внидетъ премудрость! Что касается до критики искренней, критики по убѣжденію,—ее не всегда можно принимать за одно съ критикою истинною: убѣжденіе и истина—не одно и то же: это два отдѣльныя и самобытныя начала, которыя могутъ быть сильны только по взаимномъ проникновеніи, но которыя часто являются каждое самимъ по себѣ, и потому каждое безсильнымъ и безплоднымъ. Хотя въ наше время примѣры религіознаго фанатизма и рѣдки, однако и въ наше время могутъ существовать люди, которые отъ души убѣждены, что аутодафэ—вещь необходимая для спасенія душъ. Такое убѣжденіе можетъ быть и сильно, и глубоко, и безкорыстно; но тѣмъ не менѣе оно ложно. Притомъ же, въ дѣлѣ убѣжденій должно обращать вниманіе на источникъ убѣжденія. Иногда случается такъ: какой-нибудь господинъ найдетъ и безопаснымъ и выгоднымъ для себя поддерживать извѣстную мысль, которая притомъ ни для кого не новость. И вотъ онъ начинаетъ съ того, что выдаетъ эту мысль за великое открытіе, за неслыханную новость; подводитъ подъ нее всѣ факты, и которые нейдутъ подъ нее,—онъ ихъ гнетъ, колотитъ, уродуетъ; вырабатываетъ себѣ странный и дикій языкъ, вопитъ о своемъ безкорыстіи, патріотизмѣ, о своей пламенной любви къ народности [1]). Надъ нимъ начинаютъ смѣяться, доказываютъ ему, что мысль его и не нова и одностороння, что гораздо прежде его было много охотниковъ выѣзжать на ней; что языкъ его, вмѣсто народности, отзывается цинизмомъ, тономъ извозчиковъ и замашками Кутейкина (дѣйствующее лицо въ „Недорослѣ“ Фонвизина); что патріотизмъ его пока еще одно хвастовство, ибо патріотизмъ, чей бы то ни былъ, доказывается не словами, а дѣлами, что титло патріота дается гражданину народомъ и исторіею, а не самозванствомъ; что народность его—не таинственная психея народной жизни, а грязь съ торговой площади... Все это, разумѣется, раздражаетъ господина-сочинителя; самолюбіе его оскорбляется, желаніе оправдаться возбуждаетъ въ немъ потребность самому убѣдиться въ собственныхъ убѣжденіяхъ. Эту потребность, возбужденную жаждою вещественныхъ выгодъ и оскорбленнымъ самолюбіемъ, онъ принимаетъ въ себѣ за убѣжденіе, и оканчиваетъ тѣмъ, что дѣйствительно дѣлается фанатическимъ послѣдователемъ наудачу и по разсчету выбраннаго ученія, и на немъ оправдывается французская пословица: à force de forger on devient forgeron. И вотъ онъ глубже и глубже тонетъ въ тинѣ своихъ дикихъ убѣжденій; неудача раздражаетъ его энергію, энергія его переходитъ въ фанатизмъ;—и горе было бы людямъ, еслибъ онъ имѣлъ возможность проявлять свое убѣжденіе не однимъ гусинымъ перомъ... Но перо его не страшно; сначала оно можетъ озадачить толпу, которая всегда отступаетъ передъ силою какою бы то ни было — силою убѣжденія или фанатизма — все равно. Но это не надолго; толпа не всегда чутка на ложь и истину съ перваго раза; когда же пройдетъ ея первое изумленіе, она, иногда молча и безсознательно, рѣшитъ дѣло лучше всякаго ученаго и философа. Дѣло тутъ въ томъ, что надъ обществомъ имѣютъ прочную власть только идеи, а не слова; свойство же и существенное отличіе идеи отъ всего, что̀ не есть идея, состоитъ въ томъ, что она движется, идетъ впередъ,—словомъ, развивается; а нашъ „патріотъ“ твердитъ все одно и то же, одними и тѣми же словами; высказавшись весь въ первой статьѣ своей, онъ въ тысячѣ слѣдующихъ за нею только повторяетъ собственные зады свои... Сверхъ того, не имѣя никакого внутренняго созерцанія, изъ котораго выходила бы его система, ничего не зная основательно, не опираясь на современную науку, лишенный всякаго инстинкта истины и всякаго такта выраженія, онъ впадаетъ въ нелѣпости, до которыхъ, впрочемъ, доходитъ послѣдовательно, логически, ибо онѣ лежатъ въ самомъ основаніи его нелѣпаго ученія. Онъ утверждаетъ, напр., что образованность высшихъ и среднихъ классовъ общества—мишура, что національная мудрость хранится въ черни, что дѣти даже людей высшаго общества должны учиться отечественному языку въ избахъ мужиковъ, у ростовскихъ огородниковъ и рыбныхъ торговокъ... Съ публикою онъ объясняется языкомъ гостинодворскихъ сидѣльцевъ, почитая это и оригинальнымъ и національнымъ... Онъ набираетъ себѣ извѣстное

[1]) Быть можетъ, Бѣлинскій намекаетъ здѣсь на Надеждина, о которомъ онъ почти этими же самыми словами говорилъ въ статьѣ о „Менцелѣ“ — см. наше примѣчаніе на стр. 550-ой перваго тома и ср. тамъ же примѣчаніе стр. 301-ой. Но въ дальнѣйшемъ подъ именемъ „патріота“ выводится несомнѣнно издатель „Москвитянина“ — Погодинъ, онъ же „литературный циникъ“ статьи № 36.

число прозелитовъ—бездарныхъ людей, которые за рѣшительною неспособностію выдумать что-нибудь свое готовы повѣрить на слово всякому, у кого горло широко, и которыхъ, между тѣмъ, мучитъ демонъ кропанья стиховъ и прозы. Сюда же присоединяются старые писаки, которые и въ свое время только смѣшили публику своимъ авторствомъ, своими мадригалами, трагедіями, романами, дѣтскими нравоучительными книжонками и азбуками. „Патріотъ“ радъ ихъ даровымъ статьямъ, ихъ бездарному досужеству, ихъ готовности вторить его голосу; онъ одобряетъ ихъ, хвалитъ, ссылается на ихъ дикія и неслыханныя имена въ статьяхъ своихъ: какъ такой-то (имя рекъ) сказалъ, этакой-то выразился, см. стр. такую-то... Бѣдняки, рыцари печальнаго образа, радехоньки, что имъ есть куда сбрасывать все, чѣмъ удастся имъ разрѣшиться,—пишутъ сплеча статью за статьею, хвалятъ старину и другъ друга, бранятъ все новое и даровитое, геній называютъ злодѣйствомъ, талантъ—развратомъ, а выбранныя изъ дѣтскихъ прописей сентенціи—чистѣйшею нравственностію. Тутъ являются свои геніи, свои таланты по преимуществу, обыкновенно человѣкъ пятокъ: эти всегда впереди, остальные за ними... Но, увы! ничто не поможетъ нашему „критику“, надъ его журналомъ и его статьями уже не смѣются даже, вовсе забывая о ихъ существованіи... „Критикъ“ прибѣгаетъ къ послѣднему средству: прежде онъ только и дѣлалъ, что стрѣлялъ холостыми зарядами по журналу, котораго мнѣнія и успѣхъ въ публикѣ не давали ему спокойно заснуть, и изъ котораго онъ сдѣлалъ себѣ какую-то мишень, не догадываясь, въ своей слѣпотѣ и ограниченности, что онъ этимъ еще болѣе возвышаетъ чужой журналъ; теперь онъ самъ пишетъ огромныя письма къ самому себѣ (разумѣется подъ вымышленнымъ именемъ), разбираетъ въ нихъ собственный журналъ и собственныя статьи, удивляется собственному краснорѣчію, глубокости своихъ идей, благоговѣетъ передъ своимъ геніемъ, своею ученостію, и торжествуетъ мнимыя побѣды надъ враждебными журналами и враждебными мнѣніями... Но, увы!—и это не помогаетъ: письма остаются не разрѣзанными и не прочитанными, а о самомъ журналѣ пропадаетъ и слухъ... Туда ему и дорога!...

Есть еще одного рода убѣжденіе, сходное съ тѣмъ, которое мы описали, но разнящееся отъ него какою-то наивною добросовѣстностію: это убѣжденіе посредственности, убѣжденіе въ томъ, что она—талантъ, и что ей только по зависти не отдаютъ должной справедливости. Чтобъ доказать міру несправедливость враговъ своихъ, наивная посредственность рѣшается иногда—издавать журналъ. Это особенно часто бываетъ въ Германіи, гдѣ такъ много филистеровъ и такъ много пишущихъ гофратовъ. Въ одной нѣмецкой газетѣ мы недавно прочли объ одномъ изъ такихъ господъ слѣдующее: Добрякъ принялся издавать журналъ. „Меня, говорилъ онъ своимъ знакомымъ, ругали—теперь я буду ругать“. А его совсѣмъ и не ругали; просто о немъ молчали—это-то и было ему всего досаднѣе. Правда, когда-то было кой-гдѣ замѣчено, что его поэмы и романы плохи; но какъ вся эта дрянь была имъ написана давно, то о немъ уже и забыли. Впрочемъ, онъ вкусилъ и сладость печатной похвалы: филистерскіе журналы объявили его пріятнымъ и моральнымъ писателемъ, и особенно остались довольны его слогомъ, дѣйствительно, столь же гладкимъ, сколь и безсмысленнымъ; только одинъ изъ рьяныхъ молодыхъ критиковъ съ юношескою опрометчивостью напалъ и на филистерскіе журналы и на сочинителя. Съ тѣхъ поръ столько прошло времени, что рьяный критикъ забылъ и сочинителя-гофрата и многія изъ собственныхъ журнальныхъ статей. Каково же было его удивленіе, когда въ новомъ журналѣ онъ увидѣлъ выписки изъ своихъ старыхъ статей, выписки съ разными примѣчаніями, которыя еще были сдобрены солидными остротами! Онъ прочелъ и выписки изъ своихъ статей и остроумныя противъ нихъ выходки—и добродушно посмѣялся надъ тѣми и другими... А издатель неугомонно продолжалъ ратовать противъ всего талантливаго, хваля посредственность и самого себя, пока не угомонилъ своего журнала (ибо самъ былъ едва-ли не единственнымъ своимъ подписчикомъ и читателемъ)... Въ Германіи такое явленіе—не диковинка, а потому надъ нимъ даже и не смѣялись; оно прошло само собою, подобно мыльному пузырю, лопнувшему на воздухѣ. Но можно поручиться, что этимъ не кончатся затѣи добряка; самолюбіе посредственныхъ писакъ неугомонно: лопнулъ свой журналъ, а чужіе не пріймутъ его статей,—тогда остаются брошюры. И такъ—до могилы! А все отъ наивнаго убѣжденія въ своемъ талантѣ и въ зависти къ нему враговъ... [1]).

Вообще, объ ограниченныхъ людяхъ съ убѣжденіями можно составить цѣлую книгу,

---

[1]) „Добрякъ“ и „наивная посредственность“—это, очевидно, Шевыревъ, а „рьяный критикъ“ — самъ Бѣлинскій со своей юношеской статьей „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ Выписки изъ старыхъ статей Бѣлинскаго приводились для его посрамленія въ „Москвитянинѣ“.

которая была бы интереснымъ психологическимъ сочиненіемъ. Главное различіе между даровитыми и умными людьми съ убѣжденіями и между посредственностями съ убѣжденіями состоитъ въ томъ, что убѣжденія первыхъ выходятъ изъ истины, а убѣжденія вторыхъ—изъ мелкаго и раздражительнаго самолюбія. Человѣкъ съ умомъ всегда подверженъ сомнѣніямъ, которыя часто охлаждаютъ и ослабляютъ жаръ и энергію его убѣжденій; люди посредственные свято вѣруютъ во всякій вздоръ, потому только, что этотъ вздоръ вышелъ изъ ихъ головы. Чудаки эти часто не подозрѣваютъ, что и вздоръ-то, поддерживаемый ими, не ихъ, а навѣянъ на нихъ другими, которые имѣютъ свои виды на вздоръ извѣстнаго рода и на добродушное усердіе простяковъ, готовыхъ отъ души ратовать за чужое мнѣніе, за которое ловко умѣли заставить ихъ уцѣпиться, какъ будто за ихъ собственное. Такъ иной патріотъ, нажившій втихомолку, разными „патріотическими“ средствами, „индѣекъ малую толику“, приберетъ себѣ журнальнаго работника, да изъ-за его дюжаго въ работѣ плеча обдѣлываетъ помаленьку свои дѣлишки, взявъ на себя только трудъ говорить отъ времени до времени, что онъ готовъ умереть за свое родное, и что онъ съ головы до ногъ—„патріотъ“. А простякъ работаетъ, какъ волъ, изъ одного безкорыстнаго стремленія обобщить свои идеи о томъ, что гдѣ много просвѣщенія, тамъ все гніетъ, и что нравы праотцевъ лучше всякой заморской мудрости [1]). Однакожъ этотъ простакъ бываетъ иногда не очень добръ, и часто обнаруживаетъ придирчивую взыскательность,—это съ нимъ случается всякій разъ, когда задѣнутъ его авторское самолюбіе, или его педантическій догматизмъ. Во всемъ остальномъ это добрѣйшій человѣкъ; похвалите его, согласитесь съ нимъ въ его мнѣніяхъ,—онъ произведетъ васъ въ геніи. Это ему такъ легко, ибо у него нѣтъ никакихъ началъ: его мыслію управляютъ слова, а не мысли словами. Слова же его—это образецъ пухлаго безсмыслія, изысканныхъ фразъ. Если онъ давно пишетъ (особенно, если еще чему-нибудь учился, знаетъ языки и много читалъ), онъ набиваетъ руку и пріобрѣтаетъ способность много и скоро писать обо всемъ, и притомъ такъ, что въ его писаніи есть какая-то оригинальность, какой-то блескъ выраженія. Но это оригинальность искусственная, это блескъ фольги. Прочтете—и не помните, что и о чемъ вы прочли. Особенно поражаетъ васъ въ его слогѣ искусство парафразированія: одна и та же мысль, и притомъ простая и пустая, какъ напр., то, что деревянные столы дѣлаются изъ дерева, одна и та же мысль тянется у него длинною вереницею предложеній, періодовъ, троповъ, фигуръ; онъ переворачиваетъ ее съ боку на бокъ, плодитъ ее на цѣлыхъ страницахъ и пересыпаетъ многоточіями. Все у него такъ кудряво, во всемъ такое изобиліе эпитетовъ, амплификацій, что неопытный читатель дивится этой живописности, этой рельефности, этимъ разноцвѣтнымъ и блестящимъ переливамъ слога,—и его очарованіе только тогда исчезнетъ, когда онъ задастъ себѣ вопросъ о содержаніи бойко и затѣйливо написанной статьи: ибо вмѣсто всякаго содержанія онъ замѣчаетъ, къ удивленію своему, только одно пухлое самолюбіе и одни пухлыя слова и фразы. Это особенно часто является на Западѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Западъ началъ гнить; у насъ, на Руси, гдѣ еще писательство не обратилось въ привычку, такія явленія пока еще едва-ли возможны [1]).

Вообще, убѣжденія людей посредственныхъ, невѣжественныхъ и ограниченныхъ представляютъ собою картину столько же смѣшную, сколько и жалкую. Они почти всегда оканчиваютъ рѣшительнымъ неуспѣхомъ и совершеннымъ отчаяніемъ. Не такое зрѣлище представляютъ собою люди ловкіе, но безъ всякихъ убѣжденій, критики не по призванію, а по нуждѣ, или по разсчету [2]). Этимъ большею частію хорошо везетъ, особенно, если они умѣютъ во-время остановиться, кстати замолчать. Но здѣсь-то они обыкновенно и попадаются въ сѣти своего чернаго демона. Привычка управлять мнѣніемъ довѣряющей имъ части публики такъ вкореняется въ нихъ, что дѣлается равносильною страстію жаждѣ пріобрѣтенія. Это заставляетъ ихъ всю жизнь повторять одно и то же, т.-е. кричать о своихъ заслугахъ, о своей народности, о зависти, невѣжествѣ, злобѣ и безталантности своихъ враговъ, о своей готовности умереть за истину (на бумагѣ) о томъ, что кто не написалъ самъ романа, тотъ не имѣетъ права судить о чужихъ романахъ... Какъ это не надоѣстъ имъ самимъ! Тактика ихъ очень проста и (до поры до времени) очень вѣрна; они льстятъ публикѣ, величая ее „почтеннѣйшею“ и „милостивою государынею“ (въ харчевняхъ такая галантерейность обращенія, говорятъ, въ большомъ ходу), и главное—хвалятъ себя безъ стыда и совѣсти. Одну и ту же книгу они

[1]) Все это и нижеслѣдующее ср. со статьей „Педантъ“ (№ 36).

[1]) „Гніеніе Запада“ было провозглашено тѣмъ же Шевыревымъ въ „Москвитянинѣ“—см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 36.

[2]) Далѣе рѣчь идетъ о Булгаринѣ, Гречѣ и ихъ „Сѣверной Пчелѣ“.

и разбранятъ и расхвалятъ, и потомъ опять разбранятъ и расхвалятъ. смотря по тому, что найдутъ въ книгѣ... Если ихъ уличатъ въ противорѣчіи, они ссылаются или на сотрудника, котораго, будто бы, не считаютъ себя въ правѣ стѣснять въ убѣжденіяхъ, или говорятъ, что ихъ листокъ даетъ мѣсто всѣмъ мнѣніямъ, не отвѣчая ни за одно. Притомъ же, они очень хорошо знаютъ, что журнальные листы живутъ одинъ день и завтра забываются: такъ гдѣ же публикѣ помнить всѣ противорѣчія и всѣ продѣлки его издателей! До убѣжденій, до началъ имъ нѣтъ дѣла: они знаютъ—будетъ день, будетъ и хлѣбъ. И потому у нихъ что день, то новыя убѣжденія. Въ одномъ только вѣрны они себѣ— во враждѣ ко всякому успѣху, въ которомъ они не участники—и къ матеріальному и къ умственному. Талантовъ они не любятъ по инстинкту, ибо сами богаты только звонкими ходячими талантами. Все это опять обыкновенное явленіе на Западѣ, гдѣ ежедневная журналистика сосредоточила въ себѣ всѣ интересы современной жизни. Тамъ даже бываютъ такіе газетеры, которые, прочтя въ другомъ журналѣ что-нибудь о литературныхъ плутняхъ, сейчасъ же пишутъ возраженія и нападаютъ на дурной обычай употреблять личности. Успѣхъ книги они обыкновенно измѣряютъ ея расходомъ; нападая на другой журналъ, всегда считаютъ по пальцамъ его подписчиковъ. Если имъ нѣкогда удалось поддѣть публику какими-нибудь шарлатанскими сочиненіями, то они такъ и колятъ глаза людямъ, которые ничего не издали отдѣльно, лишая ихъ за это права писать въ журналахъ. Имъ нужды нѣтъ, что ихъ книги давно уже забыты: они тѣмъ громче кричатъ о своихъ заслугахъ, зная, что не всякій читатель захочетъ справляться насчетъ достоинства ихъ писаній. Но какъ же, спросятъ насъ, они такъ долго могутъ держаться? Очень просто: люди смѣтливые, они во-время затѣяли изданіе, въ которомъ была нужда; прежде, чѣмъ публика ихъ разгадала, изданіе ихъ получило ходъ, а соперниковъ не являлось, потому что за границею основаніе новаго изданія очень трудно въ денежномъ отношеніи.

Это промышленники мелкіе. Ихъ критика фельетонная, мелочная; она состоитъ больше въ объявленіи о новыхъ книгахъ, съ приличными возгласами. Но бываютъ промышленники en grand, промышленники оптовые [1]). Этимъ для успѣха нужна не одна ловкость и изворотливость, но умъ и способности, если не талантъ. Мелкая изворотливость имъ нужна только для зазыва публики въ ихъ олимпійскій циркъ съ великолѣпными представленіями на лошадяхъ и съ фейерверками; но тутъ имъ можетъ помочь какая-нибудь пріятельская газета, которая закричитъ: „кто не подпишется, тотъ не любитъ отечественной литературы“. Но вотъ великое дѣло совершено съ успѣхомъ; тысячи подписчиковъ жаждутъ читать новый журналъ— неслыханное чудо, невиданное диво въ мірѣ журналистики. Любопытно знать, какъ и чѣмъ оправдаетъ новый журналъ возбужденныя имъ безмѣрныя ожиданія въ публикѣ, какъ и чѣмъ упрочитъ онъ свое существованіе на будущее время. Разумѣется, критикою, которая есть душа всякаго журнала. Въ чемъ же будетъ состоять направленіе новой критики, какой будетъ ея отличительный характеръ?—Нашъ журналистъ человѣкъ умный: онъ знаетъ, что надо блеснуть новизною, надо быть оригинальнымъ, надо озадачить. И вотъ онъ полагаетъ въ основу своей критики *скептицизмъ* и *насмѣшку*. На что же устремлены его скептицизмъ и насмѣшка?—На все, о чемъ ни говоритъ онъ, на все, чѣмъ ни великъ міръ науки, мысли, искусства. Онъ понимаетъ, что скептицизмъ— самая лучшая удочка для уловленія толпы. Простодушная, она обыкновенно удивляется тому, кто, много зная (т.-е. обо многомъ говоря съ увѣренностію), ничему не вѣритъ и все считаетъ за вздоръ. Насмѣшка ее забавляетъ, не давая ей труда мыслить и вникать въ сущность дѣла. Толпа притомъ самолюбива; она низко кланяется генію, таланту, всякому роду нравственнаго превосходства; но отъ этихъ поклоновъ втайнѣ страждетъ ея самолюбіе; ей непріятно думать, что надъ нею такъ высоко стоятъ нѣсколько выскочекъ, что эти выскочки высшей натуры, что они—аристократы человѣчества, а она, бѣдная толпа, представляетъ собою простой народъ, plebs. Надо подслужиться ей, надо польстить ея тайной думѣ, которой она не смѣетъ высказать, надо говорить ей, что все хорошо только издали, что славны бубны за горами, что все великое велико только условно. И вотъ — въ новомъ журналѣ является біографія за біографіей, но совсѣмъ не въ родѣ плутарховыхъ „жизнеописаній великихъ мужей“. Простодушный и возвышенный Грекъ видѣлъ въ своихъ великихъ мужахъ проявленіе на землѣ божественнаго начала, торжество и славу человѣческаго духа, красу и утѣшеніе человѣчества. Онъ не скрывалъ отъ читателя темныхъ сторонъ своихъ героевъ, ибо зналъ, что безъ этихъ сторонъ они были бы не людьми, а призраками; онъ отыскивалъ силу въ слабости, разумъ въ ограниченности, добродѣтель въ борьбѣ со страстями,—такъ какъ все это является въ самой дѣйствительности и какъ,

[1]) Начинается выпадъ противъ Сенковскаго и его „Библіотеки для Чтенія“.

слѣдственно, иначе являться не можетъ. Нашъ біографъ отправился отъ противоположной точки воззрѣнія: онъ отыскивалъ эгоизмъ въ самопожертвованіи, заблужденіе въ истинѣ, глупость и тщеславіе въ добродѣтели. Великіе люди у него явились и завистниками, и интриганами, и пролазами, и эгоистами, и невѣждами, и негодяями; онъ искусно умѣлъ оттѣнить ихъ этими качествами, такъ что изъ-за этихъ качествъ не видно стало великихъ людей. Когда же сами факты слишкомъ противорѣчили его уже черезчуръ субъективнымъ воззрѣніямъ на великое въ мірѣ, онъ смѣло ломалъ дѣйствительность фактовъ, выворачивалъ ихъ наизнанку, или, опираясь на свою мнимую ученость, выдумывалъ небывалые факты, или отрицалъ дѣйствительность извѣстныхъ и доказанныхъ, ссылаясь на какія-нибудь небывалыя новыя сочиненія. И вотъ толпа обрадовалась, что ей все по плечу, что она нисколько не хуже, нисколько ни ниже своихъ бывшихъ идоловъ, которые велики только благодаря прихоти ваятелей, давшихъ имъ колоссальные размѣры. Славный журналъ! толпа читаетъ и не нахвалится!.. Но не однимъ этимъ ее тѣшатъ. Ей доказываютъ, что наука—вздоръ, изобрѣтеніе педантовъ, что разумъ, которымъ гордится человѣчество, есть не что иное, какъ обманщикъ человѣчества, который водитъ его за носъ; что система выдумана школярами, чтобъ затемнить истину, что можно все знать, ничему не учась и только читая журналъ, въ которомъ проповѣдуются такія удобоприложимыя къ жизни начала; что философы—шарлатаны, что самъ Сократъ былъ тонкій плутъ, морочившій Аѳинянъ своимъ демономъ, и пр. „Эге, ге!—говорила толпа, лукаво посвистывая,—такъ вотъ оно какъ! ай-да молодецъ! славно, ну!“ Но толпа не можетъ жить безъ геніевъ: отсутствіе геніевъ такъ же оскорбляетъ ея самолюбіе, какъ и ихъ превосходство передъ нею. Ловкій критикъ-скептикъ понимаетъ это. И вотъ онъ дѣлаетъ своихъ геніевъ, выдавая патенты на геніальность своимъ клевретамъ разной посредственности. Это ему и легко и весело: онъ ихъ и жалуетъ и разжалываетъ по своей волѣ; а они его трепещутъ, пишутъ по его заказамъ, работаютъ сплеча,—и романамъ, повѣстямъ, драмамъ конца нѣтъ... Толпѣ любы эти геніи, съ которыми она можетъ обходиться запанибрата, которые велики, знамениты, славны, и въ то же время скромны и никого не могутъ оскорбить своимъ превосходствомъ; которые сочиняютъ славно, а зазнаться не смѣютъ, вѣдая, что съ ними церемониться не будутъ, какъ съ тѣми деревянными божками, которымъ Бурята кланяются и приносятъ жертвы во время вёдра, и которыхъ они же нещадно сѣкутъ во время ненастья. Все истинно великое, истинно даровитое критикъ хвалитъ только по отношеніямъ, когда отъ этого есть польза его журналу; но и тутъ онъ хвалитъ такъ двусмысленно, что не разберешь, шутитъ онъ или говоритъ серьезно, бранитъ или хвалитъ. Тѣ же таланты, которые гордо презираютъ и его бранью и его лестью, онъ неослабно преслѣдуетъ и намеками и явною бранью. Ему это такъ легко, онъ такъ смѣлъ и рѣшителенъ... Разбирая книгу, онъ выдастъ собственное сочиненіе за выписку изъ разбираемой книги, и скажетъ: „смотрите, какъ глупо!“ Онъ же къ этому мастеръ смѣшить толпу,—а кто хохочетъ, тотъ побѣжденъ, тому некогда ни подумать, ни навести справки. Все это для критика-скептика очень хорошо: журналъ его цвѣтетъ, имя его пользуется извѣстностію, благосостояніе утверждено. Но высшая точка успѣха часто бываетъ опасна; кому нельзя идти выше, тотъ часто летитъ внизъ... Толпа—предатель, толпа не умираетъ, какъ человѣкъ; ея выбылые ряды безпрестанно замѣняются новыми свѣжими лицами, которыя требуютъ новаго и находятъ пошлымъ повтореніе стараго. Нашъ же журналистъ-скептикъ поневолѣ долженъ ограничиться повтореніемъ одного и того же, ибо только одна истина неистощима въ своемъ развитіи и, пребывая самой собою, одною и тою же, всегда является въ своемъ развитіи новою и оригинальною. И благо скептическому критику, если онъ сумѣетъ остановиться во-время, и будетъ забытъ, не напоминая о себѣ! Изъ всѣхъ родовъ забвенія самый унизительный для человѣка тотъ, когда онъ еще твердитъ о себѣ, а о немъ уже забыли. Не помогутъ тогда ему никакіе фокусъ-покусы, и его журналъ падетъ, какъ ни вспрыскивай его мертвою и живою водою позднихъ преобразованій и улучшеній, какъ ни призывай себѣ на помощь и на поддержку неопытныхъ спекулянтовъ...

Скептицизмъ—слово великое и слово пошлое, смотря по тому, какъ его понимаютъ. Скептицизмъ никогда не бываетъ самъ себѣ цѣль, и не въ немъ удовлетвореніе стремленій и порываній духа, жаждущаго знанія! Глупцы и люди ограниченные всему вѣрятъ, потому что не могутъ ничего изслѣдовать. Люди глубокіе—скептики по натурѣ; но скептицизмъ такихъ людей есть признакъ души, жаждущей знанія, а не холоднаго отрицанія. Чѣмъ больше любитъ человѣкъ истину, тѣмъ внимательнѣе ее изслѣдуетъ, тѣмъ осторожнѣе ее принимаетъ. Онъ вѣритъ въ достоинство истины, вѣритъ въ непреложность ея существованія, но онъ не вѣритъ на слово людямъ, занимавшимся изслѣдованіемъ истины, ибо знаетъ, что че-

ловѣкъ и истина—не одно и то же; но онъ не вѣритъ безусловно и самому себѣ, ибо знаетъ, что его, какъ человѣка, можетъ обманывать и привычка, и непосредственность, и чувство, и его собственный умъ. Скептицизмъ такихъ людей не отрицаетъ истины, а отрицаетъ только то, что̀ можетъ быть примѣшано людьми къ истинѣ ложнаго и ограниченнаго. Во времена переходныя, во времена гніенія и разложенія устарѣвшихъ стихій общества, когда для людей бываетъ одно прошедшее, уже отжившее свою жизнь, и еще не наставшее будущее, а настоящаго нѣтъ,—въ такія времена скептицизмъ овладѣваетъ всѣми умами, дѣлается болѣзнію эпохи. Истинный скептицизмъ заставляетъ страдать, ибо скептицизмъ есть неудовлетворяемое стремленіе къ истинѣ, и, слѣдовательно,—болѣзнь, какъ голодъ и жажда, не нормальное состояніе, средство, а не цѣль. Только умы мелкіе, души ничтожныя щеголяютъ скептицизмомъ, какъ модным платьемъ, хвалятся имъ, какъ заслугою. Только маленькіе великіе люди, фокусники и потѣшники праздной толпы, только они сомнѣваются во всемъ легко и весело, забавляясь, а не страдая... И что за заслуга—надъ всѣмъ смѣяться и все бранить—и науку, и разумъ, и искусство? Это значитъ не быть умнымъ и великимъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ понятій снова къ русской критикѣ, мы, вмѣстѣ съ краснорѣчивымъ профессоромъ, подавшимъ намъ своею прекрасною рѣчью поводъ ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, желаемъ ей, т.-е. русской критикѣ, „больше любви къ искусству и больше уваженія къ самой себѣ!“.

1842 г.

---

41. Стихотворенія Евгенія Баратынскаго.

Двѣ части. Москва. 1835.—«Сумерки». Москва. 1842.

Въ предыдущей статьѣ о брошюрѣ Никитенко Бѣлинскій открыто провозгласилъ свое „право на эволюцію“ и намѣтилъ нѣкоторыя вѣхи своего новаго пути; въ статьѣ о Баратынскомъ онъ продолжаетъ сводить свои счеты со своими же былыми и столь недавними взглядами. Такъ напримѣръ, бросается въ глаза окончательная перемѣна отношенія къ Гёте—по сравненію съ восторженной статьей 1840 года (№ 17); и въ предъидущихъ статьяхъ мы встрѣчали замѣчанія, что Гёте часто измѣняла сила непосредственнаго творчества „вслѣдствіе аскетическаго и анти-общественнаго духа этого поэта“ и т. п. (см. статью № 39, написанную только мѣсяцемъ раньше настоящей статьи), а теперь Бѣлинскій уже категорически провозглашаетъ, что „Гёте, поэтъ прошедшаго, въ настоящемъ умеръ развѣнчаннымъ царемъ“... Теперь Бѣлинскій, вспоминая свою былую ненависть къ Шиллеру (о чемъ см. т. I, стр. 445—446) и восклицаетъ: „обидно видѣть, какъ люди, не понимая дѣла, все отдаютъ Гёте, все отнимая у Шиллера“... Отказавшись въ предыдущей статьѣ отъ теоріи чистаго искусства, Бѣлинскій теперь послѣдовательно примѣняетъ свой новый общественный критерій, принимаетъ Шиллера, отвергаетъ Гёте. Вообще надо замѣтить, что настоящая статья тѣсно связана съ предыдущей даже по построенію: и въ первыхъ страницахъ настоящей статьи и въ началѣ второй части статьи о „Рѣчи“ Никитенко мы имѣемъ одинаковое изложеніе главныхъ мыслей статьи № 33; и тутъ и тамъ мы имѣемъ также совершенно одинаковую характеристику реформы Петра—о чемъ у насъ еще будетъ рѣчь въ одной изъ вступительныхъ замѣтокъ. И эта взаимная связь ближайшихъ статей тѣмъ рѣзче оттѣняетъ различіе ихъ отъ статей 1839—1840 и даже 1841-го года. Такъ напримѣръ, крайне интересно слѣдить съ первыхъ же строкъ настоящей статьи, какъ гегеліанство понимается Бѣлинскимъ все реалистичнѣе и реалистичнѣе; въ этомъ отношеніи любопытно сравнить вступительныя страницы настоящей статьи со страницами, написанными на ту же тему годомъ ранѣе (см. выше стр. 77—84 и 146—148): всегдашнее реалистическое пониманіе гегеліанства Бѣлинскимъ стало теперь совершенно неприкрытымъ даже со стороны терминологической. Настолько же категорическимъ является и вновь подтверждаемый отказъ Бѣлинскаго отъ разумной дѣйствительности: „надо умѣть отличать—говоритъ онъ теперь—разумную дѣйствительность, которая одна дѣйствительна, отъ неразумной дѣйствительности, которая призрачна и преходяща“ (ср. т. I, стр. 586—587). Разойдясь съ Гегелемъ, Бѣлинскій пришелъ, какъ видимъ, къ болѣе вѣрному пониманію гегеліанской „дѣйствительности“.

Но все это представляетъ только побоч-

ный интересъ; главнымъ и для Бѣлинскаго и для насъ является его общее отношеніе къ міру, къ жизни, его міровоззрѣніе, его философія; и именно это съ особенной яркостью сказалось въ отношеніи „неистоваго Виссаріона“ къ Баратынскому. Этотъ глубокій поэтъ горькой тоски и непримиреннаго отчаянія могъ быть близокъ Бѣлинскому въ періодъ его духовнаго разлада 1840—1841 г., въ періодъ его отчаянія и тоски; но въ этотъ періодъ Бѣлинскій весь ушелъ въ Лермонтова и вспоминалъ о Баратынскомъ только мимоходомъ. Въ тридцатыхъ же годахъ, а также и во второй половинѣ сороковыхъ сущность поэзіи Баратынскаго не могла быть принята Бѣлинскимъ,—сначала потому, что онъ страстно вѣрилъ въ разумную объективную цѣлесообразность міра, а впослѣдствіи потому, что онъ страстно увѣровалъ въ историческій прогрессъ человѣчества: тоска и невѣріе въ жизнь въ поэзіи Баратынскаго ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не могли созвучно резонировать въ душѣ Бѣлинскаго. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій еще не касался сущности творчества Баратынскаго, но довольно холодно отозвался объ этомъ поэтѣ, указавъ, что его поэтическое дарованіе „не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію“ и что его „теперь, кажется, унижаютъ неосновательно“ (т. I, стр. 70); однако черезъ годъ самъ Бѣлинскій неосновательно унизилъ Баратынскаго въ особой статьѣ, посвященной разбору только-что вышедшаго двухтомнаго сборника его стихотвореній („Телескопъ“ 1835 г., № 9): онъ поставилъ въ ней Баратынскаго ниже Козлова, заявивъ, что Козловъ—„истинный поэтъ“ и что „поэзія только изрѣдка и слабыми искорками блеститъ“ въ стихотвореніяхъ Баратынскаго. Это крайне несправедливая и ошибочная оцѣнка психологически вполнѣ понятна: на слишкомъ разныхъ языкахъ говорили тогда поэтъ и критикъ, слишкомъ по разному они чувствовали и смотрѣли на міръ. А когда пришло тяжелое для Бѣлинскаго время 1840—1841 г., когда онъ могъ бы понять и почувствовать Баратынскаго—этотъ поэтъ почти совершенно умолкъ; когда же, наконецъ, въ исходѣ 1842-го года появились его тоскливыя и безнадежныя „Сумерки“—Бѣлинскій уже справился, худо ли, хорошо ли, со своимъ тяжелымъ невѣріемъ въ жизнь, такъ что хватающая за душу похоронная пѣсня Баратынскаго снова не могла найти отклика въ его душѣ. Какъ-разъ въ то время, когда печаталась настоящая статья (въ декабрѣ 1842 года), Бѣлинскій нашелъ уже новую вѣру, новое откровеніе въ идеѣ человѣческаго прогресса, счастія, въ идеѣ „соціальности“, равенства, справедливости; прочтя жоржъ-зандовскаго „Мельхіора“, онъ „въ экстазѣ, въ сумасшествіи“ пишетъ Панаеву (5 дек. 1842 г.): „мы—счастливцы: очи наши узрѣли спасеніе наше и мы отпущены съ миромъ владыкою,—мы дождались знаменій, и поняли, и уразумѣли ихъ“... При такомъ настроеніи духа мрачныя, полныя невѣрія въ жизнь „Сумерки“ Баратынскаго не могли не вызвать горячаго отпора Бѣлинскаго.

Но этого мало: настоящая причина враждебнаго отношенія къ Баратынскому лежитъ глубже—она лежитъ въ непріязни Бѣлинскаго къ самому себѣ, къ своимъ же аналогическимъ переживаніямъ 1840—1842 годовъ. Бѣлинскому казалось, что онъ выздоравливаетъ отъ той болѣзни „рефлексіи“, о которой онъ писалъ еще въ своихъ статьяхъ о Лермонтовѣ (№№ 23, 24); ему казалось, что онъ снова выходитъ на твердую почву—почву „соціальности“—послѣ смертельной опасности духа въ безднахъ отчаянія и невѣрія въ жизнь; ему казалось, что изъ мрака тоскливыхъ сомнѣній онъ снова выходитъ къ яркому свѣту увѣренности, къ солнцу новой вѣры, новаго откровенія... И вдругъ—„Сумерки“ Баратынскаго, книга великаго сомнѣнія, книга великаго невѣрія; въ ней Бѣлинскій услышалъ самого себя—и съ тѣмъ большей непримиримостью отнесся къ ней, а также и къ родственнымъ ей по тону болѣе раннимъ книгамъ Баратынскаго. Это „автокритическое“ значеніе настоящей статьи дѣлаетъ ее крайне цѣнной для характеристики не поэзіи Баратынскаго, а воззрѣній самого Бѣлинскаго этого времени; недаромъ Бѣлинскій такъ цѣнилъ эту статью, считая ее „чуть ли не изъ лучшихъ своихъ мараній“ (письмо къ Боткину отъ 9 декабря 1842 г.)

Итакъ Бѣлинскій выступилъ непримиримымъ врагомъ міровоззрѣнія Баратынскаго. Тѣмъ сильнѣе надо оттѣнить перемѣну взгляда Бѣлинскаго на степень поэтическаго дарованія этого поэта. Бѣлинскій, нѣкогда принижавшій Баратынскаго до Козлова и ниже, находившій въ его творчествѣ только „слабыя искорки поэзіи“, теперь ставитъ Баратынскаго, какъ поэта, очень высоко—непосредственно вслѣдъ за Пушкинымъ изъ всѣхъ поэтовъ пушкинской плеяды; онъ находитъ въ немъ „яркій, замѣчательный талантъ“, сплошь и рядомъ восхищается его „чудными, гармоническими стихами“, „удивительными стихотвореніями“. Но тѣмъ непримиримѣе и рѣзче относится онъ не къ формѣ стихотвореній, а къ содержанію воззрѣній Баратынскаго—по намѣченнымъ нами выше причинамъ. Приводя заключительныя строки изъ великолѣпнаго стихотворенія Баратынскаго „Послѣдняя смерть“, Бѣлинскій поневолѣ восхищается, но тутъ же и него-

дуетъ: „великолѣпная фантазія, но не болѣе, какъ фантазія! И главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она вездѣ является чернымъ демономъ поэта. Жизнь, какъ добыча смерти, разумъ, какъ врагъ чувства, истина, какъ губитель счастія—вотъ откуда проистекаетъ элегическій тонъ поэзіи г. Баратынскаго и вотъ въ чемъ ея величайшій недостатокъ“... Въ нашей вступительной статьѣ и біографіи Бѣлинскаго (т. I) читатель найдетъ рядъ отрывковъ изъ писемъ Бѣлинскаго 1840—1842 годовъ; въ нихъ какъ-разъ мы встрѣчаемъ горестное признаніе, что жизнь есть добыча смерти, разумъ—врагъ чувства и истина—губитель счастія... „Горе! Горе! жизнь разоблачена!“ — съ отчаяніемъ восклицалъ Бѣлинскій только за полгода до настоящей статьи (письмо къ Боткину отъ 20 апр. 1842 г.), но тутъ же возобновлялъ борьбу съ самимъ собою; отъ демона сомнѣнія и невѣрія въ жизнь „можетъ спасти человѣка только глубокая и сильная, живая вѣра“,—говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ; эта страница о борьбѣ съ „демономъ“ носитъ, несомнѣнно, автобіографическій характеръ. Въ чемъ спасеніе? „Вѣра въ идею спасаетъ, вѣра въ факты губитъ“,—говоритъ тутъ же Бѣлинскій: вотъ путь его спасенія. Этой вѣры въ идею никогда не было у Баратынскаго — вотъ путь его расхожденія съ Бѣлинскимъ.

Баратынскій повѣрилъ въ фактъ безцѣльности, безсмысленности міра и бытія — для него это стало истиной. Эту истину можно принять, ею переболѣть, но ее же и преодолѣть—такъ было съ Гёте, такъ было съ Пушкинымъ, съ его свѣтлымъ, радостнымъ, гармоническимъ міросозерцаніемъ; противъ этой истины можно возстать, отвергнуть ее съ негодованіемъ—отсюда „съ небомъ гордая вражда“ Байрона или Лермонтова; наконецъ, отъ этой истины спасаетъ „вѣра въ идею“— такъ бываетъ чаще всего, такъ было и съ Бѣлинскимъ. Баратынскій не пошелъ ни по одному изъ этихъ трехъ путей: онъ не обладалъ „вѣрой въ идею“; онъ не былъ способенъ возстать противъ этой ненавистной истины; онъ не былъ въ силахъ принять и преодолѣть ее. И онъ остался наединѣ съ своею истиной, нося ее въ себѣ и боясь ея: въ этомъ — все содержаніе его поэзіи, его „Сумерокъ“. Одно спасеніе смутно брезжилось ему: возможность того, что́ на философскомъ языкѣ называется интуитивнымъ познаніемъ; только оно можетъ разрѣшить неразрѣшимое, освѣтить новымъ, невѣдомымъ свѣтомъ страшную истину. Отсюда страстная любовь Баратынскаго къ поэзіи, въ которой онъ видѣлъ „полное ощущеніе извѣстной минуты“, своего рода „геніальную интуицію“, по выраженію Шеллинга и романтиковъ. Но, жадно стремясь къ полному ощущенію минуты, къ интуитивному познанію, Баратынскій былъ въ то же время подъ властью „обливающаго холодомъ разсудка“ (по его же собственному признанію и по выраженію Бѣлинскаго),—и въ этомъ была его трагедія; Бѣлинскій недаромъ упорно называлъ его и въ настоящей статьѣ и въ предыдущихъ „поэтомъ мысли“ (см. выше статьи №№ 31 и 33). „Предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечомъ, мысль, острый лучъ!—блѣднѣетъ жизнь земная!“ — съ тоскою восклицалъ самъ Баратынскій, недоумѣнно вопрошая: „зачѣмъ не предадимся снамъ улыбчивымъ своимъ? Жаркимъ сердцемъ покоримся думамъ хладнымъ, а не имъ?“

Вотъ причина враждебнаго отношенія Баратынскаго къ „наукѣ“, къ „познанію“, къ „уму“: въ этой области раціональнаго передъ поэтомъ стояла несокрушимая истина безсмысленности бытія, которая такъ томила его; возможное спасеніе чуть брезжилось ему въ области ирраціональныхъ переживаній. Возмутившее Бѣлинскаго восхваленіе „незнанья“ передъ „наукой“ имѣло у Баратынскаго исключительно смыслъ противопоставленія ирраціональнаго раціональному, мистическаго позитивному—на это не обратилъ вниманія Бѣлинскій. Онъ вступился за „науку“ противъ „невѣжества“, не замѣчая, что борется съ воображаемымъ врагомъ, что онъ невѣрно понялъ поэта, что мысль послѣдняго гораздо глубже и значительнѣе. Баратынскій жаждетъ интуитивнаго познанія, а Бѣлинскій предлагаетъ ему вѣрить въ философію и исторію, въ науку „развитія въ мышленіи довременныхъ и безплотныхъ идей“ и въ науку „осуществленія въ фактахъ, въ дѣйствительности развитія этихъ довременныхъ идей“... Но именно эти науки и поставили передъ Баратынскимъ ту страшную „Истину“ безцѣльности бытія, отъ которой онъ искалъ спасенія! И еще въ юношескомъ своемъ стихотвореніи подъ такимъ заглавіемъ („Истина“, 1824 г.) поэтъ съ достаточной ясностью выразилъ свою мысль.

Бѣлинскій не оцѣнилъ Баратынскаго — странно было бы стремиться это затушевать; впервые это было указано С. Андреевскимъ въ статьѣ о Баратынскомъ („Литературныя Чтенія“, Спб. 1891; изъ другихъ статей о Баратынскомъ укажемъ на статью Н. Котляревскаго въ книгѣ „Старинные портреты“ и на статьи С. Венгерова: въ „Критико-біогр. словарѣ писат. и ученыхъ“, т. II, стр. 126—144, — тамъ же и библіографія, — и въ VII томѣ его „Полн. собр. соч. Бѣлинскаго“, стр. 626—637). Хотя въ настоящей статьѣ Бѣлинскій и воздалъ должное Баратынскому по крайней мѣрѣ со стороны формы его поэзіи, хотя онъ тонко отмѣтилъ нѣкоторыя

главныя черты творчества этого поэта и впослѣдствіи сжато повторилъ свою мысль въ обзорѣ литературы за 1844 годъ (см. ниже ст. № 49), однако *главное* въ Баратынскомъ все же не было выявлено въ критикѣ Бѣлинскаго. Это—одинъ изъ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаевъ, когда позднѣйшая оцѣнка значительно не совпала съ мнѣніемъ великаго критика. Въ заключительныхъ строкахъ настоящей статьи Бѣлинскій вполнѣ прозрачно называетъ талантъ Баратынскаго „обыкновеннымъ и бѣднымъ“ по содержанію; онъ отводитъ ему первое мѣсто въ пушкинской плеядѣ — т.-е. въ ряду второстепенныхъ талантовъ въ родѣ Языкова, Козлова, Полежаева, Дельвига, Туманскаго „e tutti quanti“ (см. ст. № 49). Это несправедливо: Баратынскій, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ поэтовъ всего XIX вѣка, и если исключить Пушкина и Лермонтова, то Баратынскій по праву займетъ послѣ нихъ первое мѣсто не въ блѣдной „пушкинской плеядѣ», а во всей русской послѣпушкинской поэзіи. Его справедливо называютъ поэтомъ „для немногихъ“; это не похвала и не осужденіе, а просто фактъ, съ которымъ надо считаться: немногіе сочувственно резонируютъ и отзываются душой на звуки вопрошающей поэзіи Баратынскаго. Въ ней все вопросъ и нѣтъ отвѣта—и это не подъ силу большинству. Гораздо легче идти за пушкинскимъ „пріятіемъ міра“, за лермонтовскимъ проклятіемъ небу, за „вѣрой въ идею“ Бѣлинскаго, чѣмъ оставаться лицомъ къ лицу съ „истиной“ Баратынскаго. Въ области теоретической мысли впервые осмѣлился на это Герценъ; Бѣлинскому же, какъ ни безконечно выше „большинства“ стоялъ онъ, нуженъ былъ твердый отвѣтъ на послѣдніе вопросы. Онъ нашелъ этотъ отвѣтъ для себя какъ-разъ въ то время, когда Баратынскій выступилъ со своей лебединой пѣснью, со своими „Сумерками“; въ этихъ „Сумеркахъ“ Бѣлинскій увидѣлъ самого себя послѣднихъ двухъ лѣтъ, увидѣлъ вопросы безъ отвѣта, увидѣлъ побѣду смерти надъ жизнью, увидѣлъ невѣріе въ жизнь—и напалъ на все это во имя новой вѣры въ человѣчество и прогрессъ, во имя „науки“, во имя „разума“. Подойти ближе къ поэту, понять его до послѣдней глубины Бѣлинскій не сумѣлъ или не захотѣлъ: онъ искалъ теперь отвѣта и спасенія въ новой позитивной вѣрѣ, въ новомъ откровеніи, въ раціональномъ устроеніи человѣчества. Вотъ почему онъ отождествилъ ирраціонализмъ Баратынскаго съ невѣжествомъ и указалъ на спасеніе отъ мучительныхъ вопросовъ въ „вѣрѣ въ идею“; вотъ почему, наконецъ, настоящая статья такъ важна для характеристики настроеній Бѣлинскаго, но не для пониманія воззрѣній Баратынскаго. **И.-Р.**

Пытливый духъ изслѣдованія и анализа, по преимуществу характеризующій новѣйшую эпоху человѣчества, проникъ въ таинственныя нѣдра земли, и по ея словамъ начерталъ исторію постепеннаго формированія нашей планеты. Естествознаніе еще прежде, чрезъ классификацію родовъ и видовъ явленій трехъ царствъ природы, опредѣлило *моментальное* развитіе духа жизни, отъ низшей его формы — грубаго минерала, до высшей — человѣка, существа разумно сознательнаго [1]). Все это богатство фактовъ, добытыхъ опытнымъ знаніемъ, послужило къ оправданію апріорныхъ возрѣній на жизнь мірового духа и очевидно доказало, что жизнь есть развитіе, а развитіе есть переходъ изъ низшей формы въ высшую, и, слѣдовательно, что̀ не развивается, т.-е. не измѣняется въ формѣ, пребывая въ однообразной неподвижности, то не живетъ, то лишено плодотворнаго зерна органическаго развитія, рождаясь и погибая чрезъ случайность и по законамъ случайности. Такое же зрѣлище представляютъ и историческія общества, ибо и они—или существуютъ по тому же вѣчному закону развитія, т.-е. перехожденія изъ низшихъ формъ жизни въ высшія, или вовсе не существуютъ, потому что одно фактическое, одно эмпирическое существованіе, какъ лишенное разумной необходимости, слѣдственно, случайное, равняется совершенному несуществованію: кто докажетъ теперь человѣку непросвѣщенному и необразованному, что Греція и Римъ существуютъ?—а между тѣмъ, для человѣчества они и теперь существуютъ несомнѣнно; кто не докажетъ всѣмъ и каждому, что Китай подлинно существуетъ? — а между тѣмъ Китай все-таки существуетъ для человѣчества меньше, чѣмъ китайскій чай...

Внимательное изслѣдованіе открываетъ, что и жизнь обществъ, такъ же какъ и жизнь планеты, на которой они обитаютъ, слагается изъ множества слоевъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, подобно разноцвѣтнымъ волнующимся лентамъ, отличается множествомъ слоистыхъ пластовъ. Пласты эти—поколѣнія, изъ которыхъ каждое, удерживая въ себѣ многое отъ предшествовавшаго поколѣнія, тѣмъ не менѣе и отличается отъ него собственнымъ колоритомъ, собственнымъ характеромъ, собствен-

[1]) О „моментѣ развитія“ — см. выше, стр. 72.

ною формою и собственною физіономіею. Каждое послѣдующее поколѣніе относится къ предшествующему, какъ корень къ зерну, стебель къ корню, стволъ къ стеблю, вѣтвь къ стволу, листъ къ вѣтви, цвѣтъ къ листу, плодъ къ цвѣту. Но это сравненіе только относительно, только внѣшнимъ образомъ вѣрно, и не обнимаетъ сущности предмета: дерево совершаетъ вѣчно однообразный кругъ развитія: выходя изъ зерна, оно зерномъ вновь становится, чѣмъ и оканчивается вся органическая его дѣятельность. По новѣйшимъ открытіямъ жизненная сила и прототипъ каждаго растенія заключаются не только въ зернѣ, но и во всякомъ листкѣ его: отпадая и разносясь вѣтромъ, листья вновь являются деревьями, и черезъ нихъ нагія степи покрываются лѣсами [1]). Но отъ листа дуба и родится дубъ, совершенно во всемъ подобный тому, отъ котораго произошелъ, и тѣмъ дубамъ, которые самъ произведетъ въ свою очередь. Стало-быть, здѣсь только повтореніе одного и того же типа во множествѣ одинаковыхъ его проявленій; здѣсь, стало-быть, то или другое дерево — явленія совершенно случайныя, а важна только идея *рода* дерева, который, возникши разъ, вѣчно повторяетъ себя черезъ однообразный процессъ органическаго развитія. Не таково общество: никто не помнитъ его историческаго начала, теряющагося въ туманной дали безсознательнаго младенчества, никто не скажетъ, гдѣ конецъ его развитія; ни того, что̀ будетъ съ нимъ завтра, судя по вчера. И между тѣмъ, хотя его *завтра* и всегда заключено въ его *вчера*, однако *завтра* никогда не походитъ на *вчера*, если только общество живетъ *историческою*, а не одною *эмпирическою* жизнію.

Цѣлый циклъ жизни отжила наша Русь, и, возрожденная, преображенная Петромъ Великимъ, начала новый циклъ жизни. Первый продолжался болѣе *восьми* вѣковъ; отъ начала второго едва прошло *одно* столѣтіе, но, Боже мой, какая неизмѣримая разница въ значеніи и объемѣ жизни, выраженныхъ этими *восемью* вѣками и этимъ *однимъ* вѣкомъ! Иногда въ жизни одного человѣка бываетъ день такого полнаго блаженства и такого глубокаго смысла, что передъ этимъ днемъ всѣ остальные годы жизни его, какъ бы многочисленны ни были, кажутся только мгновеніемъ какого-то темнаго, смутнаго тяжелаго сна. То же самое бываетъ и съ народами; то же самое было и съ Русью. Здѣсь мы опять должны сдѣлать оговорку, чтобъ добрые люди, любящіе толковать навыворотъ чужія мысли, не вздумали *буквально* понять нашего сравненія: единичный человѣкъ (индивидуумъ) и народъ — не одно и то же, такъ же, какъ и счастливый день въ жизни человѣка и великая эпоха въ исторіи народа — не одно и то же. Подвигъ Петра Великаго не ограничился днями его царствованія, но совершался и послѣ его смерти, совершается теперь, и будетъ безконечно совершаться въ грядущихъ временахъ, и все въ болѣе громадныхъ размѣрахъ, все въ большемъ блескѣ и большей славѣ... И до Петра Великаго текло время, и поколѣнія смѣнялись поколѣніями; но эта смѣна состояла только въ томъ, что старики умирали, и дѣти заступали ихъ мѣста на аренѣ жизни, а не въ живой послѣдовательности живыхъ идей. Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, а идеи оставались все тѣ же, и послѣдующее поколѣніе такъ же походило на предшествующее, какъ одинъ листокъ походитъ на тысячи другихъ листьевъ одного и того же дерева. Правнукъ вѣнчался въ нарядномъ кафтанѣ прадѣда, а внучка въ той же тѣлогрѣйкѣ, въ которой вѣнчалась ея бабушка, и все тѣ же тутъ свахи, тѣ же дружки, тѣ же пиры и проч... Ходъ времени измѣрялся круговращеніемъ планеты, ея вѣчною весною, за которою всегда слѣдовали лѣто, осень и зима, да еще лицами и именами, а не идеями,—случайными фактами, а не стройнымъ развитіемъ. Война или потрясала на время внѣшнее благоденствіе государства, или укрѣпляла и расширяла его извнѣ, а внутри все оставалось неизмѣннымъ... Явился исполинъ-преобразователь, привилъ къ плодородной и дѣвственной почвѣ русской натуры зерно европейской жизни,—и съ небольшимъ въ столѣтіе Русь пережила нѣсколько столѣтій. Развитіе Руси и доселѣ носитъ на себѣ отпечатокъ могучаго характера ея преобразованія; она растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ ея сказочные богатыри. Изъ многихъ сторонъ возьмемъ ближайшую къ предмету нашей статьи литературу по отношенію къ обществу—давно ли завелась она у насъ, а уже сколько слоевъ осѣлось на днѣ ея недавняго прошедшаго, сколько *поколѣній* рѣзко обозначилось въ сферѣ ея движенія! И теперь еще на Руси есть цѣлая публика, хотя и небольшая, которая отъ всей души убѣждена, что Ломоносовъ „нашихъ странъ Малербъ и Пиндару подобенъ“, что Херасковъ — „нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани, Россіи торжество, паденіе Казани“, что Сумароковъ въ притчахъ побѣдилъ Лафонтена, а въ трагедіяхъ далеко оставилъ за собою Корнеля и Расина, и господина Вольтера, и что съ этими тремя поэтами кончился цвѣтущій вѣкъ россійской словесности. Поклонники Державина уже холоднѣе къ нимъ, хотя все еще высоко ставятъ ихъ въ своемъ понятіи: извѣстно,

[1]) Послѣднее, разумѣется, совершенно невѣрно.

что Державинъ съ горестію признавался, „сколь трудно соединить Хераскова съ силою стиховъ Петрова“. Вообще, до Карамзина особенно трудно прослѣдить измѣненіе литературныхъ понятій въ поколѣніяхъ; но съ Карамзинымъ начинается совершенно новая литература и совершенно новое общество: къ стукотнѣ громкихъ одъ до того прислушались, что ужъ больше писали и хвалили ихъ (и то по преданію), чѣмъ читали; плакали надъ „Бѣдною Лизою“, твердили нѣжные стихи ея творца: „Пой во мракѣ тихой рощи, нѣжный, кроткій соловей“, „Кто могъ любить такъ страстно“ и пр.; зачитывали до лоскутовъ книжки умно, ловко и талантливо составляемаго имъ „Вѣстника Европы“; въ умныхъ, прекрасно, по своему времени, обработанныхъ стихахъ Дмитріева думали видѣть бездну поэзіи... Литературное поколѣніе до Карамзина было *торжественное:* парадъ и иллюминація были неисчерпаемымъ источникомъ его вдохновеній, его громкихъ одъ. Остроумный Дмитріевъ мѣтко и ловко характеризовалъ это поколѣніе въ своей прекрасной сатирѣ „Чужой Толкъ“. Слѣдовавшее за тѣмъ поколѣніе было *чувствительное:* оно охало, проливало токи слезны и воздыхало въ стихахъ и прозѣ. Любовь замѣнила славу, миртовые вѣнки вытѣснили лавровые, горлицы своимъ *томнымъ воркованіемъ* заглушали громкій клектъ орловъ. Права на любовь состояли въ нѣжности, въ одной нѣжности. Счастливый любовникъ восклицалъ своей *Хлоѣ:* „Мы желали—и свершилось!“ Несчастный, отъ разлуки или отъ измѣны, кротко и умиленно говорилъ *милой* или *жестокой:*

Двѣ горленки укажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя томно, скажутъ:
„Онъ умеръ во слезахъ!“

Нравственность при всемъ этомъ не забывалась и шла своимъ путемъ. Для доказательства этого стоитъ только упомянуть о сто краты-знаменитой пѣснѣ: „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ“, которая оканчивается слѣдующею сентенціею:

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

Въ этомъ *чувствительномъ* періодѣ русской литературы есть, конечно, своя смѣшная сторона, и надъ нею довольно посмѣялись послѣдовавшіе за тѣмъ періоды, воспроизводя его въ „Эрастахъ Чертополоховыхъ“ и тому подобныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ, болѣе или менѣе плоскихъ сатирахъ, какъ онъ самъ въ „Чужомъ Толкѣ“ зло подтрунилъ надъ предшествовавшимъ ему *торжественнымъ* періодомъ. Это круговая порука: въ томъ и состоитъ жизненность развитія, что послѣдующему поколѣнію есть что отрицать въ предшествовавшемъ. Но это отрицаніе было бы пустымъ, мертвымъ и безплоднымъ актомъ, еслибъ оно состояло только въ уничтоженіи стараго. Послѣдующее поколѣніе, всегда бросаясь въ противоположную крайность, однимъ уже этимъ показываетъ и заслугу предшествовавшаго поколѣнія и свою отъ него зависимость, и свою съ нимъ кровную связь: ибо жизненная движимость развитія состоитъ въ крайностяхъ, и только крайность вызываетъ противоположную себѣ крайность. Результатомъ ошибки двухъ крайностей бываетъ истина; однакожъ эта истина никогда не бываетъ удѣломъ ни одного изъ поколѣній, выразившихъ собою ту или другую крайность, но всегда бываетъ удѣломъ третьяго поколѣнія, которое, часто даже смѣясь надъ предшествовавшими ему *торжественными* и *чувствительными* поколѣніями, безсознательно пользуется плодомъ ихъ развитія, истинною стороною выраженной ими крайности; а иногда думая продолжать *ихъ* дѣло, творить новое, свое собственное, которое само по себѣ опять можетъ быть крайностію, но которое тѣмъ выше и превосходнѣе кажется, чѣмъ больше воспользовалось истинною стороною труда предшествовавшихъ поколѣній. Такъ Жуковскій — этотъ литературный Коломбъ Руси, открывшій ей Америку романтизма въ поэзіи, повидимому, дѣйствовалъ, какъ продолжатель дѣла Карамзина, какъ его сподвижникъ, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ онъ создалъ свой періодъ литературы, который ничего не имѣлъ общаго съ карамзинскимъ. Правда, въ своихъ прозаическихъ переводахъ, въ своихъ оригинальныхъ прозаическихъ статьяхъ и бо́льшей части своихъ оригинальныхъ стихотвореній Жуковскій былъ не больше, какъ даровитый ученикъ Карамзина, шагнувшій дальше своего учителя; но истинная, великая и безсмертная заслуга Жуковскаго русской литературѣ состоитъ въ его стихотворныхъ переводахъ изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ и въ подражаніяхъ нѣмецкимъ и англійскимъ поэтамъ. Жуковскій внесъ романтическій элементъ въ русскую поэзію: вотъ его великое дѣло, его великій подвигъ, который такъ несправедливо нашими аристархами былъ приписываемъ Пушкину. Но Жуковскій, нисколько не зависимый отъ предшествовавшихъ ему поэтовъ въ своемъ самобытномъ дѣлѣ введенія романтизма въ русскую поэзію, не могъ не зависѣть отъ нихъ въ другихъ отношеніяхъ: на него не могла не дѣйствовать крѣпость и полётистость поэзіи Державина, и ему не могла не помочь реформа въ языкѣ, совершенная Карамзинымъ. Карамзинъ вывелъ

юный русскій языкъ на большую ровную дорогу изъ дебрей тундръ и избитыхъ проселочныхъ дорогъ славянизма, схоластизма и педантизма; онъ возвратилъ ему свободу, естественность, сблизилъ его съ обществомъ. Но связь Карамзина и его школы (въ которой послѣ него первое и почетное мѣсто долженъ занимать Дмитріевъ) съ Жуковскимъ заключается не въ одномъ языкѣ: пробудивъ и воспитавъ въ молодомъ и потому еще въ грубомъ обществѣ *чувствительность*, какъ *ощущеніе* (sensation), Карамзинъ чрезъ это самое приготовилъ это общество къ *чувству* (sentiment), которое пробудилъ и воспиталъ въ немъ Жуковскій. Какъ ни безконечно неизмѣримо пространство, отдѣляющее „Бѣдную Лизу“, „Островъ Борнгольмъ“ Карамзина, его же и Дмитріева нѣжные чувствительные пѣсни и романсы отъ „Эоловой Арфы“, „Кассандры“, „Ахила“, „Не узнавай, куда я путь склонила“, „Орлеанской Дѣвы“ Жуковскаго; но общество не поняло бы послѣднихъ, если бъ не перешло черезъ первыя. И этотъ переходъ былъ тѣмъ естественнѣе, что у самого Жуковскаго были пьесы *посредствующія* для такого перехода, какъ-то: „Людмила“, „Свѣтлана“, „Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ“, „Пустынникъ, „Алина и Альсимъ“ и т. п. Новый элементъ, внесенный Жуковскимъ въ русскую литературу, былъ такъ глубоко знаменателенъ, что не могъ ни быть скоро понятъ, ни произвести скорыхъ результатовъ на литературу, и потому Жуковскаго величали *балладникомъ*, пѣвцомъ могилъ и привидѣній, — а подражатели его наводняли и книги и журналы чудовищными кладбищными балладами—въ чемъ и заключается смѣшное этого періода русской литературы. Впрочемъ, Жуковскій такъ же виноватъ въ смѣшномъ этого періода, какъ Шекспиръ въ уродливыхъ и нелѣпыхъ нѣмецкихъ трагедіяхъ Грильпарцера, Раупаха, Шенка и подобныхъ имъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что смыслъ поэзіи Жуковскаго обозначился для общества позднѣе, уже при Пушкинѣ, а до тѣхъ поръ, особенно при началѣ поприща Жуковскаго, литература русская представляла собою смѣшеніе разныхъ элементовъ, новое и старое, дружно дѣйствовавшее: Капнистъ допѣвалъ свои длинныя элегическія разсужденія въ стихахъ; Озеровъ сдѣлалъ изъ французской трагедіи все, что можно было сдѣлать изъ нея для Россіи, и въ лицѣ его французскій псевдоклассицизмъ совершилъ на Руси полный свой циклъ, такъ что Озеровъ былъ у насъ послѣднимъ даровитымъ его представителемъ; Крыловъ продолжалъ созданіе народной басни; Пушкинъ (Василій) считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ; Батюшковъ, какъ талантъ сильный и самобытный, былъ неподражаемымъ творцомъ своей особенной поэзіи на Руси; князь Вяземскій былъ творцомъ особенной такъ называемой свѣтской поэзіи, и по справедливости почитался лучшимъ критикомъ своего времени, блестящимъ, живымъ и несвязаннымъ классическою схоластикою, которая такъ много повредила критическому вліянію Мерзлякова на общество. Съ появленіемъ Пушкина все измѣнилось, и новое поколѣніе рѣзче, чѣмъ когда-либо, отдѣлилось отъ стараго. Между прочими элементами началъ проникать въ русскую литературу элементъ историческій и сатирическій, въ которомъ выразилось стремленіе общества къ самосознанію. Пользуясь этимъ направленіемъ времени, нѣкоторые ловкіе литературщики съ успѣхомъ пустили въ ходъ разные нравоописательные, нравственно сатирическіе и исправительно историческіе романы и повѣсти, которые будто бы изображали Русь, но въ которыхъ русскаго было одни собственныя имена разныхъ совѣстдраловъ и резонеровъ. Но тутъ были и достойныя уваженія исключенія, изъ которыхъ самое яркое — романы и повѣсти талантливаго, но не развившагося Нарѣжнаго. Въ Гоголѣ это направленіе нашло себѣ вполнѣ достойнаго и могучаго представителя.

Но мы здѣсь пишемъ не исторію русской литературы, а только слегка обозначаемъ моментальную послѣдовательность общественнаго развитія, которое въ каждомъ поколѣніи имѣло своего представителя. Еще и теперь есть люди, которые съ восторгомъ повторяютъ монологи изъ „Дмитрія Самозванца“ и „Хорева“, и даже печатаютъ восторженныя книжки о поэтическомъ геніи Сумарокова: эти люди — утлые остатки нѣкогда юнаго, живого и многочисленнаго поколѣнія: въ ихъ хрипломъ старческомъ голосѣ, въ ихъ запоздалыхъ восторгахъ слышится голосъ невозвратно прошедшаго для насъ времени [1]). Другіе вздыхаютъ о „Титовомъ Милосердіи“, „Рославлѣ“ и „Сбитенщикѣ“ Княжнина, говоря про себя: „что теперь пишутъ — и читать нечего!“ Третьи со слезами на глазахъ, но уже не споря, говорятъ равнодушному новому поколѣнію о томъ, что послѣ „Эдипа“, „Дмитрія Донского“, „Поликсены“ и „Фингала“ [2]) незачѣмъ и ѣздить въ театръ. Есть люди, для которыхъ русская поэзія умерла съ Ломоносовымъ и Державинымъ, и которые хотя не оспариваютъ заслугъ Жуковскаго, однако и неохотно говорятъ о нихъ. Есть люди, которые не иначе могутъ восхищаться Жу-

[1]) См. выше наше примѣчаніе на страницѣ 497-ой.
[2]) Трагедія Озерова.

ковскимъ, какъ отрицая всякое поэтическое достоинство въ Пушкинѣ. Но сколько теперь такихъ, которые, юношами встрѣтивъ первые опыты таланта Пушкина, остановились на Пушкинѣ, не въ силахъ ни на шагъ двинуться впередъ, и откровенно признаются, что не видятъ ничего особеннаго и необыкновеннаго въ Гоголѣ [1]). Другіе же, которыхъ первыя созданія Гоголя застали еще въ порѣ юности, въ порѣ живой и быстрой воспріемлемости впечатлѣнія и способности умственнаго движенія, высоко цѣнятъ и Пушкина и Гоголя; но даже и не подозрѣваютъ существеннаго значенія Лермонтова. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ они не признавали въ Лермонтовѣ таланта: нѣтъ, кто отъ поэзіи Пушкина перешелъ черезъ поэзію Гоголя, тотъ уже поневолѣ видитъ дальше и глубже людей, остановившихся на Пушкинѣ, и не можетъ не восхищаться опытами Лермонтова; но восхищаться поэтомъ и понимать его—это не всегда одно и то же... И всѣ эти поклонники разныхъ мнѣній живутъ въ одно и то же время, раздѣляясь на пестрыя группы представителей и прошедшихъ уже, и проходящихъ, и существующихъ еще поколѣній... И ихъ существованіе есть признакъ жизни и развитія общества, въ которое царственный Преобразователь-Зиждитель вдохнулъ душу живу, да живетъ вѣчно!.. И чѣмъ больше количество, чѣмъ пестрѣе разнообразіе представителей прошедшихъ вкусовъ и мнѣній,—тѣмъ ярче и поразительнѣе выказывается жизненность общественнаго развитія. *Отсталые* могутъ возбуждать сожалѣніе и состраданіе, какъ люди заживо умершіе, какъ дряхлый старецъ, окруженный однѣми могилами милыхъ ему существъ, живущій одними воспоминаніями о невозвратно прошедшей порѣ счастія, чуждый и холодный для всѣхъ надеждъ и обольщеній, которыми кипятъ не родныя ему новыя поколѣнія; но едва-ли справедливо было бы презирать этихъ *отсталыхъ*, а тѣмъ болѣе обвинять ихъ. Благо тому, кто, *отличенный Зевеса любовію*, неугасимо носитъ въ сердцѣ своемъ прометеевъ огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной *идеѣ* и никогда не покоряясь оцѣпеняющему *времени* или мертвящему *факту*, — благо ему: ибо эта божественная способность нравственной движимости есть столько же рѣдкій, сколько и драгоцѣнный даръ неба, и не многимъ избраннымъ ниспосылается онъ! Прочувствовать великаго поэта, вполнѣ выразившаго собою моментъ общественнаго развитія, — это значитъ пережить цѣлую жизнь, принять въ себя цѣлый отдѣльный и самобытный міръ мысли, слѣдовательно, дать своему нравственному существованію особенную настроенность, отлить духъ свой въ особую форму. И потому только слишкомъ глубокая и сильная натура способна бываетъ принимать въ себя все, ничѣмъ не переполняясь, и носить въ груди своей цѣлые міры, всегда жаждая новыхъ. По большей части людямъ трудно отрываться отъ того, что̀ разъ наполнило ихъ, разъ овладѣло ими и они враждебно, какъ на ересь, смотрятъ на то, что̀ наполняетъ и владѣетъ уже чуждыми имъ поколѣніями. Всякая литература не безъ живыхъ примѣровъ въ этомъ родѣ. Такъ иной пожилой критикъ, ci-devant поборникъ *высшихъ взглядовъ* и новыхъ идей, а теперь отсталой обскурантъ, такъ же точно и тѣми словами нападаетъ на новаго великаго поэта и его почитателей, какъ нѣкогда нападали люди стараго поколѣнія на прежняго великаго поэта и его почитателей [1])... Онъ и не подозрѣваетъ, что онъ повторяетъ жалкую роль тѣхъ самыхъ людей, которыхъ нѣкогда, можетъ быть, онъ первый заклеймилъ именемъ „отсталыхъ“, что онъ теперь бросаетъ въ молодое поколѣніе тою же грязью, которою нѣкогда швыряли въ него классическіе парики, и что, подобно имъ, онъ только себя маретъ этою грязью... Такое зрѣлище можетъ возбуждать лишь болѣзненное состраданіе—больше ничего.

На такія мысли навела насъ маленькая книжка г. Баратынскаго, названная имъ „Сумерками“. Все, сказанное нами — нисколько ни отступленіе отъ предмета статьи, ни вступленіе съ *яицъ Леды*; нѣтъ, эти мысли возбудила въ насъ поэтическая дѣятельность г. Баратынскаго, и подъ вліяніемъ этихъ мыслей хотимъ мы разсмотрѣть ее критически. Кто скоро ѣдетъ, тому кажется, что онъ стоитъ, а все мимо его мчится: вотъ почему Россіи и незамѣтенъ ея собственный ходъ, между тѣмъ какъ она не только не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но, напротивъ, движется впередъ съ неимовѣрною быстротою. Эта быстрота движенія выразилась и въ литературѣ. Голова кружится, когда подумаешь о разстояніи, которое раздѣляетъ предпрошлое десятилѣтіе (1820—1830) отъ прошлаго (1830—1840), а прошлое десятилѣтіе отъ этихъ двухъ протекшихъ лѣтъ настоящаго! Подлинно, скажешь:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Давно ли было это наводненіе альманаховъ, которое затопило-было всѣ библіотеки; давно ли издавался „Телеграфъ“, котораго мнѣнія были такъ *новы* и *глубоки*, и который такъ справедливо величался своимъ чрез-

[1]) Намекъ на Полевого.

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

вычайнымъ расходомъ, опираясь на 1200 постоянныхъ подписчиковъ? Давно ли литература наша гордилась такимъ множествомъ (увы! забытыхъ теперь) знаменитостей, которыя были потому велики, что одна написала плохую романтическую трагедію и дюжину водяныхъ элегій; другая—издала альманахъ, третья — затѣяла листокъ, четвертая напечатала отрывокъ изъ неоконченной поэмы, пятая тиснула въ пріятельскомъ журналѣ нѣсколько невинныхъ и довольно пріятныхъ разсказовъ?.. Давно ли Марлинскій былъ геніемъ? Давно ли повѣсти не только г. Полевого, но и г. Погодина считались необходимымъ украшеніемъ и альманаха и журнала? Давно ли на „Ивана Выжигина“ смотрѣли чуть-чуть не какъ на геніальное сочиненіе? Давно они наводятъ на грустную думу о непостоянствѣ сего треволненнаго міра...

Нѣтъ; еще одинъ вопросъ! Давно ли г. Баратынскій, вмѣстѣ съ г. Языковымъ, составлялъ блестящій тріумвиратъ, главою котораго былъ Пушкинъ? А между тѣмъ, какъ уже давно одинокою стоитъ колоссальная тѣнь Пушкина, и, мимо своихъ современниковъ и сподвижниковъ, подаетъ руку поэту новаго поколѣнія, котораго талантъ засталъ и оцѣнилъ Пушкинъ еще при жизни своей!.. Давно ли каждое новое стихотвореніе г. Баратынскаго, явившееся въ альманахѣ, возбуждало вниманіе публики, толки и споры рецензентовъ?.. А теперь тихо, скромно появляется книжка съ послѣдними стихотвореніями того же поэта — и о ней уже не говорятъ и не спорятъ, о ней едва упомянули въ какихъ-нибудь двухъ журналахъ, въ отчетѣ о выходѣ разныхъ книгъ, стихотворныхъ и прозаическихъ... Да не подумаютъ, что мы этимъ хотимъ сказать, что дарованіе г. Баратынскаго незначительно, что оно пользовалось незаслуженною славою; нѣтъ, мы далеки отъ подобнаго мнѣнія; мы высоко уважаемъ яркій, замѣчательный талантъ поэта уже чуждаго намъ поколѣнія, и потому именно, что уважаемъ его, хотимъ въ обозрѣніи его поэтической дѣятельности показать, почему его произведенія, будучи и теперь изящными, какъ и всегда были, уже не имѣютъ теперь той цѣны, какую имѣли прежде.

Такія явленія всегда имѣютъ двѣ причины: одна заключается въ степени таланта поэта, другая въ духѣ эпохи, въ которую дѣйствовалъ поэтъ. Никто не можетъ стать выше средствъ, данныхъ ему природою; но историческій и общественный духъ эпохи или возбуждаетъ природныя средства дѣйствователя до высшей степени свойственной имъ энергіи, или ослабляетъ и парализуетъ ихъ, заставляя поэта сдѣлать меньше, чѣмъ бы онъ могъ. Отношенія поэта къ его эпохѣ бываютъ двоякія: или онъ не находитъ въ ея сферѣ жизненнаго содержанія для своего таланта; или, не слѣдя за современнымъ духомъ, онъ не можетъ воспользоваться тѣмъ жизненнымъ содержаніемъ, какое могла бы представить его таланту эпоха. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ результатъ одинъ — безвременный упадокъ таланта и безвременная утрата справедливо стяжанной славы. Открытіе причинъ такого печальнаго конца блестящимъ образомъ начатаго поприща не принесетъ пользы поэту, о которомъ идетъ дѣло; но уроки прошедшаго полезны для настоящаго и будущаго, — и одна изъ обязанностей основательной критики—обращать вниманіе на такіе уроки.

Было время, когда русская критика состояла изъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ стихахъ. „Какой гармоническій стихъ! какъ удачно воспользовался поэтъ звукоподражаніемъ: въ этомъ стихѣ слышенъ рокотъ грома и завываніе вѣтра! Но слѣдующій за тѣмъ стихъ оскорбляетъ слухъ какофоніею, и притомъ, послѣ отрицательной частицы *не* поставленъ винительный падежъ, вмѣсто родительнаго. А вотъ въ этомъ стихѣ и ударенія неправильны и усѣченія многочисленны; конечно, *поэтическія вольности* дозволяются стихотворцамъ, но онѣ должны имѣть свои границы. Какъ удачно вотъ въ этомъ стихѣ выражена нѣжность пастушки, и сколько простодушія и невинности въ ея отвѣтѣ!“ Такъ или почти такъ критиковали поэтовъ наши аристархи добраго стараго времени. Съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія стали критиковать иначе. Вмѣсто филологическихъ, грамматическихъ и просодическихъ замѣтокъ, вмѣсто похвалъ или порицаній отдѣльно взятымъ стихамъ, стали дѣлать эстетическія замѣчанія на *отдѣльныя мѣста* поэтическаго произведенія: такой-то характеръ выдержанъ, а такой-то не выдержанъ, такое-то мѣсто поразительно своимъ драматизмомъ или своимъ лиризмомъ, а такое-то слабо, и т. п. Эта критика была большимъ шагомъ впередъ; но теперь и она неудовлетворительна. Теперь требуютъ отъ критики, чтобъ, не увлекаясь частностями, она оцѣнила цѣлое художественнаго произведенія, раскрывъ его идею и показавъ, въ какомъ отношеніи находится эта идея къ своему выраженію, и въ какой степени изящество формы оправдываетъ вѣрность идеи, а вѣрность идеи способствуетъ изяществу формы. Если же дѣло идетъ о цѣлой поэтической дѣятельности поэта, то отъ современной критики требуютъ не восклицаній въ родѣ слѣдующихъ: „сколько души и чувства въ этой элегіи г. N., сколько силы и глубокости въ этой его одѣ, какими пора-

зительными положеніями изобилуетъ его поэма, какъ вѣрно выдержаны характеры въ его драмѣ!“ Нѣтъ, отъ современной критики требуютъ, чтобъ она раскрыла и показала духъ поэта въ его твореніяхъ, прослѣдила въ нихъ преобладающую идею, господствующую думу всей его жизни, всего его бытія, обнаружила и сдѣлала яснымъ его внутреннее созерцаніе, его паѳосъ.

Если мы скажемъ, что преобладающій характеръ поэзіи г. Баратынскаго есть *элегическій*, то скажемъ истину, но этимъ еще ничего не объяснимъ, ибо характеръ чьей бы то ни было поэзіи еще не составляетъ ея сущности, какъ физіономія не составляетъ сущности человѣка, хотя и намекаетъ на нее. Чтобъ объяснить то и другое, должно раскрыть идею и въ ней найти причину и разгадку характера и физіономію. Что такое *элегическій тонъ* въ чьей бы то ни было поэзіи? — грустное чувство, которымъ проникнуты созданія поэта. Но чувство само по себѣ еще не составляетъ поэзіи: надо, чтобъ чувство было рождено идеею и выражало идею. Безсмысленныя чувства—удѣлъ животныхъ; они унижаютъ человѣка. Къ чести г. Баратынскаго должно сказать, что элегическій тонъ его поэзіи происходитъ отъ думы, отъ взгляда на жизнь, и что этимъ самымъ онъ отличается отъ многихъ поэтовъ, вышедшихъ на литературное поприще вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Разсмотримъ же *идею*, которая проникаетъ собою созданія г. Баратынскаго и составляетъ паѳосъ его поэзіи. Возьмемъ для этого одно изъ лучшихъ, хотя и позднѣйшихъ его произведеній — „Послѣдній Поэтъ“. Въ этой пьесѣ поэтъ высказался весь, со всею тайною своей поэзіи, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Разберемъ же ее всю отъ слова до слова.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ.
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

По этой энергіи и поэтической красотѣ стиховъ ужъ тотчасъ видно, что поэтъ выражаетъ свое profession de foi, передаетъ огненному слову давно накипѣвшія въ груди его жгучія мысли... Настоящій вѣкъ служитъ исходнымъ пунктомъ его мысли; *по немъ* онъ дѣлаетъ заключеніе, что близко время, когда проза жизни вытѣснитъ всякую поэзію, высохнутъ растлѣнныя корыстію и разсчетомъ сердца людей, и ихъ вѣрованіемъ сдѣлается „насущное“ и „полезное“... Какая страшная картина! Какъ безотрадно будущее! Поэзіи болѣе нѣтъ. Куда же дѣвалась она? — *исчезла при свѣтѣ просвѣщенія*... Итакъ, *поэзія* и *просвѣщеніе* — враги между собою? Итакъ только *невѣжество* благопріятно *поэзіи?* Неужели это правда? Не знаемъ: такъ думаетъ поэтъ — не мы... Впрочемъ, поэтъ говоритъ не о поэзіи, но о *ребяческихъ снахъ поэзіи*, а это — другое дѣло! Но посмотримъ, какъ разовьется далѣе мысль поэта.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки.
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ;
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ;
Цвѣтетъ Парнасъ! предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы,
Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Теперь любопытно, о чемъ онъ поетъ; любопытно потому особенно, что въ его пѣснѣ ясно должна высказаться мысль автора этой пьесы.

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И науки, *имъ ослушной*,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья,
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья,
Радость чувствуетъ земля!

А, вотъ что! теперь мы понимаемъ! *Наука ослушна* (т.-е. непокорна) *любви* и *красотѣ; наука пуста* и *суетна!*.. Нѣтъ страданій глубокихъ и страшныхъ, какъ основного, первосущнаго звука въ аккордѣ бытія, страданіе мимолетно—его должно исцѣлять легкомысліемъ; въ дни незнанія (т.-е. невѣжества) земля лучше чувствуетъ радость...

Это стихотвореніе написано въ 1835 году отъ Р. Х.!..

Какъ жаль, что люди не знаютъ языка, наприм., *птичьяго:* какіе должны быть удивительные поэты между птицами! Вѣдь птицы не знаютъ глубокихъ страданій—ихъ страданія мимолетны, и они цѣнятъ ихъ не только легкомысліемъ, но даже и совершеннымъ безсмысліемъ — что̀ для поэзіи еще лучше; а о наукахъ птицы и не слыхивали, стало быть, и понятія не имѣютъ о пустотѣ и суетѣ наукъ; что же касается до *незнанія*—птицы ушли дальше его — онѣ пребываютъ въ рѣшительномъ *невѣжествѣ*... Какія благопріятныя обстоятельства для поэзіи, и какъ жаль, что, по незнанію птичьяго языка, мы незнакомы съ птичьею поэзіею!..

Но, полно, правъ ли поэтъ въ своей основной мысли? Полно, невѣжествомъ ли сильна

поэзія? По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ извѣстно всему грамотному свѣту, что сильнѣйшее развитіе изящныхъ искусствъ совершалось только у просвѣщеннѣйшихъ народовъ міра—Грековъ, Римлянъ, Итальянцевъ, Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ,—а не у Чукчей, Коряковъ и Самоѣдовъ...

Поклонникамъ Урапіи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ пажити Эолъ бурнопогодный,
Плодотворятъ они сердца людей:
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подъемлется отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины волнъ морскихъ.
И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ?
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Какіе чудные, гармоническіе стихи! Не грѣхъ ли заставить ихъ выражать такія неосновательныя мысли? И удивительно ли, что—

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ; персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста *впащать полуотверсты* (?),
Но гордыя главы не преклонилъ:
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край: *но свѣтъ*
Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
И на землѣ уединенья нѣтъ!

Сила грустнаго чувства словно молнія проблеснула въ послѣднихъ стихахъ этого куплета: видно, что мысль стихотворенія явилась въ скорбяхъ рожденія! Видно, что она вышла не изъ праздно мечтающей головы, а изъ глубоко растерзаннаго сердца... И тѣмъ не менѣе все-таки она—ложная мысль!

Человѣку непокорно
Море синее одно:
И свободно и просторно
И привѣтливо оно;
И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ...

Эти стихи такъ хороши, такъ хороши, что напоминаютъ собою строфы, переведенныя Жуковскимъ изъ стихотвореній Шиллера, посвященныхъ древнему міру.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада.
На ней пѣвецъ, мятежной думы полнъ,
Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
Сія скала... тѣнь Сафо!.. голосъ волнъ...
Гдѣ погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жаръ,
Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой *безполезный* даръ!

Именно—*безполезный* даръ!..

И по-прежнему блистаетъ
Хладной роскошію свѣтъ;
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ,
Но въ смущеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой!

Опять повторяемъ: какіе дивные стихи! Что, если бы они выражали собою истинное содержаніе! О, тогда это стихотвореніе казалось бы произведеніемъ огромнаго таланта! А теперь, чтобъ насладиться этими гармоническими, полными души и чувства, стихами, надо сдѣлать усиліе: надо *заставить себя* стать на точку зрѣнія поэта, согласиться съ нимъ на минуту, что онъ правъ въ своихъ воззрѣніяхъ на поэзію и на науку, а это теперь рѣшительно невозможно!.. И оттого впечатлѣніе ослабѣваетъ, удивительное стихотвореніе кажется обыкновеннымъ...

Бѣдный вѣкъ нашъ—сколько на него нападокъ, какимъ чудовищемъ считаютъ его! И все это за желѣзныя дороги, за пароходы—эти великія побѣды его, уже не надъ матеріею только, но надъ пространствомъ и временемъ! Правда, духъ меркантильности уже черезчуръ овладѣлъ имъ, правда, онъ уже слишкомъ низко поклоняется златому тельцу; но это отнюдь не значитъ, чтобъ человѣчество дряхлѣло и чтобъ нашъ вѣкъ выражалъ собою начало этого дряхлѣнія; нѣтъ, это значитъ только, что человѣчество въ XIX вѣкѣ вступило въ переходный моментъ своего развитія, а всякое переходное время есть время дряхлѣнія, разложенія и гніенія. И пусть за этимъ дряхлѣніемъ послѣдуетъ смерть—что нужды! Человѣчество совсѣмъ не то, что человѣкъ: умирая, человѣкъ уже не существуетъ болѣе на землѣ; но человѣчество, какъ идеальная личность, составляющаяся изъ милліоновъ реальныхъ личностей, которыя если и убиваютъ, зато и прибываютъ,—человѣчество старымъ и дряхлымъ умираетъ на землѣ для того, чтобъ на землѣ же воскреснуть юнымъ и крѣпкимъ. Уже не разъ оно было и младенцемъ, и юношею, и мужемъ, и старцемъ, умирало и воскресало, подобно фениксу изъ собственнаго своего пепла. Развѣ послѣдніе дни древне-языческаго міра, дни отъ царствованія Августа почти до царствованія Августула не были днями разложенія, гніенія и смерти, и развѣ за ними не послѣдовало воскресенія и новаго младенчества человѣчества? Развѣ послѣдовавшія потомъ девять столѣтій не были эпохою пылкой юности человѣчества, а съ пятнадцатаго вѣка не вступило оно въ свой возрастъ мужества? Восемнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ его старости... А сколько было частныхъ смертей, означившихъ собою эпоху перелома и возрожденія? И развѣ не были эпохами смерти крестовые походы, когда вся Европа въ ужасѣ ожидала страшнаго суда, и всѣ народы ея двинулись въ Азію

чтобы въ своей колыбели найти и свой гробъ; или тридцатилѣтняя война, когда выжженная обгорѣлая Германія походила на разграбленный станъ?.. Итакъ, думать, что человѣчество когда-нибудь умретъ, и что нашъ вѣкъ есть его предсмертный вѣкъ, значитъ не понимать, что̀ такое человѣчество, значитъ не имѣть высокой вѣры въ его высокое значеніе... Если нашъ вѣкъ и индюстріаленъ по преимуществу, это нехорошо для нашего вѣка, а не для человѣчества: для человѣчества же это очень хорошо, потому что черезъ это будущая общественность его упрочиваетъ свою побѣду надъ своими древними врагами—матеріею, пространствомъ и временемъ. При этомъ, не худо не забывать, что нашъ индюстріальный вѣкъ гордо называетъ своими сынами Гёте, Бетховена, Байрона, Вальтера-Скотта, Купера, Беранже и многихъ другихъ художниковъ. Неужели же это—все *послѣдніе поэты?..* Много же ихъ!.. Мы еще понимаемъ трусливыя опасенія за будущую участь человѣчества тѣхъ недостаточно вѣрующихъ людей, которые думаютъ предвидѣть его погибель въ индюстріальности, меркантильности и поклоненіи тельцу златому: но мы никакъ не понимаемъ отчаяніе тѣхъ людей, которые думаютъ видѣть гибель человѣчества въ *наукѣ*. Вѣдь человѣческое знаніе состоитъ не изъ одной *математики* и *технологіи*, вѣдь оно прилагается не къ однѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и машинамъ.. Напротивъ, это только одна сторона знанія, это еще только низшее знаніе,—высшее объемлетъ собою міръ нравственный, заключаетъ въ области своего вѣдѣнія все, чѣмъ высоко и свято бытіе человѣческое, все, что̀ составляетъ достоинство и величіе имени человѣческаго, всѣ тѣ великіе вопросы, которые присущны самой натурѣ человѣка, съ которыми онъ родился и которые носитъ въ груди своей... Кромѣ математики и технологіи, есть еще философія и исторія—одна какъ наука развитія въ мышленіи довременныхъ и безплотныхъ идей; другая—какъ наука осуществленія въ фактахъ, въ дѣйствительности развитія этихъ довременныхъ идей, таинственныхъ и первосущныхъ матерей всего сущаго, всего рождающагося и умирающаго, и, несмотря на то, вѣчно живущаго!..

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что стихотвореніе не есть философская система, и что особенно по одному стихотворенію нельзя заключать о мыслительномъ воззрѣніи поэта на міръ. На первое мы дадимъ отвѣтъ ниже; вмѣсто же отвѣта на второе перейдемъ къ другимъ стихотвореніямъ г. Баратынскаго: они отвѣтятъ за насъ.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
По-дѣтски вѣшаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой:
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала,
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.
Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.
На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу волкъ,
Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.
Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала:
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ,
Не чуждая жизнь въ ней дышала.
Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету испытаній...
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній!

Коротко и ясно; все наука виновата! Безъ нея мы жили бы не хуже Ирокезовъ... Но хорошо ли, но счастливо ли живутъ Ирокезы, безъ науки и знанія, безъ довѣренности къ уму, безъ суеты изысканій, съ уваженіемъ къ чувству, съ томагоукомъ въ рукѣ и въ вѣчной рѣзнѣ съ подобными себѣ? Нѣтъ ли и у нихъ, у этихъ счастливыхъ, этихъ блаженныхъ Ирокезовъ своей *суеты испытаній*, нѣтъ ли у нихъ своихъ понятій о чести, о правѣ собственности, своихъ мученій честолюбія, славолюбія? И всегда ли вранъ успѣваетъ предостерегать ихъ отъ бѣды, всегда ли волкъ пророчитъ имъ побѣду? Точно ли они—невинныя дѣти матери-природы?.. Увы, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!.. Только животныя безсмысленныя, руководимыя *однимъ* инстинктомъ, живутъ въ природѣ и природою. Дикарь-человѣкъ татуируетъ свое тѣло, пронзаетъ свои ноздри и уши (въ послѣднемъ не далеко ушелъ отъ него и просвѣщенный Европеецъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своего прекраснаго пола—знакъ, что еще много ему работы для освобожденія себя отъ первобытнаго варварства), пронзаетъ свои ноздри и уши, чтобъ украшать ихъ блестящими привѣсками: варварство и грубость—безъ сомнѣнія; но уже этимъ самымъ варварствомъ онъ стоитъ выше животнаго. Животное родится готовымъ; чего не вырастетъ на немъ, того не придѣлаетъ оно себѣ искусственно; оно не можетъ сдѣлаться ни лучше, ни хуже того, какимъ создала его природа. Человѣкъ бываетъ животнымъ только до появленія въ немъ первыхъ признаковъ сознанія; съ этой поры онъ отдѣляется отъ природы и, вооруженный искусствомъ, борется съ нею всю жизнь свою. Это мы видимъ на дикаряхъ: они тѣ же люди, что и просвѣщенные Европейцы, и существенное ихъ различіе отъ послѣднихъ заключается только въ томъ, что ихъ искусственность неразумна: озарите ихъ свѣтомъ разума, и они свое

татуированіе замѣнять одеждой, т.-е. ложную искусственность замѣнять истинною. Но въ самыхъ дикостяхъ и нелѣпостяхъ этихъ *несчастныхъ* дѣтей природы видно уже порываніе выйти изъ оковъ природы, порываніе отъ инстинкта къ разуму. Въ XVIII вѣкѣ величайшіе умы были склонны видѣть въ дикаряхъ образецъ неиспорченной человѣческой природы; тогда эта мысль, вызванная крайностію гнившаго въ ложной искусственности европейскаго общества, была и нова и блестяща. Въ XIX вѣкѣ эта мысль и стара и пошла:

Все мысль да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О, жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ, и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ кто влекомъ
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмель ему на праздникѣ земномъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечомъ,
Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная!

И это понятіе объ отношеніи мысли къ искусству совершенно гармонируетъ съ понятіемъ г. Баратынскаго объ отношеніи ума къ чувству, науки къ жизни. Что такое искусство безъ мысли?—то же самое, что человѣкъ безъ души — трупъ... И почему разумъ и чувство—начала враждебныя другъ другу? Если они враждебны, то одно изъ нихъ—лишнее бремя для человѣка. Но мы видимъ и знаемъ, что глупцы бываютъ лишены чувства, а безчувственные люди не отличаются умомъ. Мы видимъ и знаемъ, что преимущественное развитіе чувства насчетъ ума дѣлаетъ человѣка, самымъ счастливымъ образомъ одареннаго отъ природы, или фанатикомъ-звѣремъ, или старою бабою, суевѣрною и слабоумною; такъ же, какъ одинъ умъ безъ чувства дѣлаетъ человѣка или безнравственнымъ существомъ, эгоистомъ, или сухимъ діалектикомъ, безжизненнымъ педантомъ, который во всемъ видитъ однѣ логическія формальности, и ни въ чемъ не видитъ души и содержанія. Очевидно, что разумъ и чувство—двѣ силы, равно нуждающіяся другъ въ другѣ, мертвыя и ничтожныя одна безъ другой. Чувство и разумъ—это *земля* и солнце: *земля* въ своихъ таинственныхъ нѣдрахъ скрываетъ растительную силу и всѣ зародыши плодовъ своихъ, солнце возбуждаетъ ея растительную силу—и радостно рвутся на свѣтъ его изъ темной Орковой страны зеленѣющіе стебли ея порожденій... Такъ въ груди человѣка—въ этомъ подземномъ царствѣ темныхъ предчувствій и нѣмыхъ ощущеній, скрываются, словно въ землѣ, корни всѣхъ нашихъ живыхъ стремленій и страстныхъ помысловъ; но только свѣтъ разума можетъ и развивать, и крѣпить, и просвѣтлять эти ощущенія и чувства до мысли,—безъ него они остаются или животнымъ инстинктомъ, или дикими страстями, черными демонами, устроящими гибель человѣка... Чувство, въ свою очередь, есть дѣйствительность разума, какъ тѣло есть реальность души: безъ чувства идеи холодны, свѣтятъ, а не грѣютъ, лишены жизненности и энергіи, неспособны перейти въ дѣло. Итакъ, полнота и совершенство человѣческой натуры заключаются въ органическомъ единствѣ разума и чувства. Горе тому, который раздѣляется самъ на себя; горе человѣку, въ которомъ чувство возстанетъ на разумъ, или разумъ возстанетъ на чувство! И однакожъ, это горе неизбѣжное, необходимое, и мертвъ, ничтоженъ тотъ человѣкъ, который не испыталъ его! Чувство, по натурѣ своей, стремится къ положенію, любитъ останавливаться на положительныхъ результатахъ: разумъ контролируетъ положенія чувства и, если не найдетъ ихъ основательными, отрицаетъ ихъ. Отсюда происходитъ мука сомнѣнія. Но безъ этого сомнѣнія человѣкъ, остановившись разъ на извѣстномъ положеніи, и закоснѣлъ бы въ немъ, не двигаясь впередъ, слѣдовательно, не развиваясь,—не дѣлался бы изъ младенца отрокомъ, изъ отрока юношей, изъ юноши мужемъ, изъ мужа старцемъ, но до смерти своей оставался бы младенцемъ. Духъ сомнѣнія гонитъ человѣка отъ одного опредѣленія къ другому,—и благо тому, кто сомнѣвался въ извѣстныхъ истинахъ, не сомнѣваясь въ существованіи истины, ибо истины преходящи, но истина вѣчна!

Помнится намъ, г. Баратынскій гдѣ-то сказалъ что-то въ родѣ слѣдующей мысли: положеніе поэта трудно потому, что въ одно и то же время онъ находится подъ противоположнымъ вліяніемъ огненной творческой фантазіи и обливающаго холодомъ разсудка. Мысль, не скажемъ несправедливая, но не точная: обливающій холодомъ разсудокъ дѣйствительно входитъ въ процессъ творчества, но когда?—въ то время, когда еще поэтъ вынашиваетъ въ себѣ концепирующееся свое твореніе, слѣдовательно, прежде, нежели приступитъ къ его изложенію, ибо поэтъ излагаетъ уже готовое произведеніе. Разумѣется, здѣсь должно предполагать высшіе таланты, потому что только низшіе сочиняютъ съ перомъ въ рукѣ, еще не зная сами, что́ сочиняютъ они; или затрудняются въ выраженіи собственныхъ идей. Истинный поэтъ тѣмъ и великъ, что свободно даетъ образъ каждой глубоко прочувствованной имъ идеѣ, выражаетъ словомъ постижимое для одного ума и невыразимое для каждаго, кто не поэтъ.

Этотъ несчастный раздоръ мысли съ чувствомъ, истины съ вѣрованіемъ составляетъ

основу поэзіи г. Баратынскаго, и почти всѣ лучшія его стихотворенія проникнуты имъ. Въ одномъ изъ нихъ ему предстаетъ, въ горькую минуту, истина, и обѣщаетъ успокоить путемъ холоднаго безстрастія. Она говоритъ поэту:

Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь,
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой,
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.

Поэтъ въ трепетѣ отказывается отъ страшнаго дара *неземной гостьи*; но въ заключеніи проситъ его у ней такъ:

....Когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! открой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Такъ, въ другомъ стихотвореніи поэтъ окрыляетъ надеждами обольщеній безумную юность, но, обращаясь къ *знающимъ*, говоритъ:

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету надеждъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть!
Гоните прочь ихъ рой прельстительный;
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.
Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхвовъ словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ;
Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія
Для боли новой прежнихъ ранъ.

Большое, отличающееся превосходными стихами стихотвореніе „Послѣдняя Смерть“ есть апоѳеоза всей поэзіи г. Баратынскаго. Въ немъ вполнѣ выразилось его міросозерцаніе. Поэтъ представляетъ въ яркой картинѣ кипящій жизнію міръ; потомъ, въ другой картинѣ, увяданіе міра, а въ третьей—

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущая судьбина.
Гдѣ люди, гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города.
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.
И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ *позоръ* (?)
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По-прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ, надъ ней синѣя, вился
И жертвою чистительной дымился.

Великолѣпная фантазія, но не болѣе, какъ фантазія! И главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она вездѣ является чернымъ демономъ поэта. Жизнь какъ добыча смерти, разумъ какъ врагъ чувства, истина какъ губитель счастія,—вотъ откуда проистекаетъ элегическій тонъ поэзіи г. Баратынскаго, и вотъ въ чемъ ея величайшій недостатокъ. Зданіе, построенное на пескѣ, недолговѣчно; поэзія, выразившая собою ложное состояніе переходнаго поколѣнія, и умираетъ съ тѣмъ поколѣніемъ, ибо для слѣдующихъ не представляетъ никакого сильнаго интереса въ своемъ содержаніи. Мало того: сдѣлавшись органомъ ложнаго направленія, она лишается той силы, которую могъ бы сообщить ей талантъ поэта.

Конечно, этотъ раздоръ мысли съ чувствомъ явился у поэта не случайно,—онъ заключался въ его эпохѣ. Кто не знаетъ и не помнитъ пушкинскаго *Демона*? Пушкинъ, какъ первый великій поэтъ русскій, котораго поэзія выходила изъ жизни, первый и встрѣтился съ *демономъ*. „Печальны были наши встрѣчи!“ восклицаетъ онъ о своемъ „Демонѣ“.

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи,
Вливали въ душу хладный ядъ!
Неистощимый клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это страшный демонъ, особенно для перваго знакомства! Впрочемъ, онъ опасенъ не тѣмъ, что онъ на самомъ дѣлѣ, а тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ показаться человѣку. Люди имѣютъ слабость смѣшивать свою личность съ истиною: усомнившись въ *своихъ* истинахъ, они часто перестаютъ вѣрить существованію истины на землѣ. Вотъ тутъ-то демонъ и бываетъ опасенъ, тутъ-то онъ и губитъ людей. Отъ него можетъ спасти человѣка только глубокая и сильная, живая вѣра. Пусть онъ во всемъ разочаровался, пусть все, что любилъ и уважалъ онъ, оказалось недостойнымъ любви и уваженія, пусть все, чему горячо вѣрилъ онъ, оказалось призракомъ, а все, что думалъ знать онъ, какъ непреложную истину, оказалось ложью,—но да обвиняетъ онъ въ этомъ свою ограниченность или свое несча-

стіе, а не тщету любви, уваженія, вѣры, знанія! Пусть самое отчаяніе его въ тщетѣ истины будетъ для него живымъ свидѣтельствомъ его жажды истины, а его жажда—живымъ свидѣтельствомъ существованія истины: ибо чего нѣтъ, о томъ несродно страдать человѣческой натурѣ. Пусть прошло для него время познанія истины, и онъ отчается навсегда узрѣть ея обѣтованную землю, но пусть же не смѣшиваетъ онъ себя съ истиною, и не думаетъ, что если она не для него, то уже и ни для кого. Но какъ же, скажутъ, вѣрить, если вся дѣйствительность есть отрицаніе всякой вѣры? Дѣйствительность?—Но что такое дѣйствительность, если не осуществленіе вѣчныхъ законовъ разума? Всякая другая дѣйствительность—временное затменіе свѣта разума, болѣзненный витальный процессъ,—а развѣ можетъ быть вѣчное затменіе солнца, развѣ солнце не является послѣ затменія въ бо́льшемъ блескѣ и бо́льшей лучезарности; развѣ страданіе, претерпѣваемое младенцемъ при прорѣзываніи зубовъ, бываетъ продолжительно и не составляетъ необходимаго временнаго зла для продолжительнаго добра? Скажутъ: младенцы часто умираютъ отъ процессовъ физическаго развитія. Правда, умираютъ — младенцы, которые подчинены необходимо болѣзненнымъ процессамъ органическаго развитія и которые смертны, но не человѣчество, которое подчинено болѣзненнымъ процессамъ историческаго развитія, и которое безсмертно. Надо умѣть отличать разумную дѣйствительность, которая одна дѣйствительна, отъ неразумной дѣйствительности, которая призрачна и преходяща. Вѣра въ идею спасаетъ, вѣра въ факты губитъ. Есть люди, которые отрицаютъ добродѣтель и достоинство женщины, потому что случай сводилъ ихъ все съ пустыми и легкими женщинами, потому что они не знали ни одной женщины высшей натуры. И это безвѣріе, какъ проклятіе, служитъ достойнымъ наказаніемъ безвѣрію, ибо въ душѣ благодатной долженъ заключаться идеалъ женщины,—въ дѣйствительности же должно искать не идеала, а только осуществленія идеала; найти или не найти его, это дѣло случая. То же можно сказать и о людяхъ, которыхъ разложеніе и гніеніе элементовъ старой общественности, продажность, нравственный развратъ и оскудѣніе жизни и доблести въ современномъ заставляютъ отчаяваться за будущую участь человѣчества... Здѣсь, очевидно, демонъ губитъ ихъ на фактѣ, за которымъ они не видятъ идеи, не понимая, что умираетъ и гніетъ только отжившее, чтобъ уступить мѣсто новому и живому. Если бъ вмѣсто того, чтобъ испугаться демона, они испытали его—онъ указалъ бы имъ на послѣднее время умиравшей древности, которая въ амфитеатрахъ своихъ тѣшилась кровавымъ зрѣлищемъ, какъ звѣри терзаютъ христіанъ, и которая, въ слѣпотѣ своей, не подозрѣвала, что этою побѣдою надъ мучениками она сама была побѣждена, съ своими уже опошлившимися богами... Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означаетъ смерти истины вообще... Демонъ, по своей демонической натурѣ, золъ и насмѣшливъ. Онъ презираетъ безсиліе и веселится, терзая его; но онъ уважаетъ силу и сторицею воздаетъ ей за временное зло, которымъ ее терзаетъ. Онъ служитъ и людямъ и человѣчеству, какъ вѣчно движущая сила духа человѣческаго и историческаго. То страшный и мрачный, то веселый и злой, онъ какъ Протей, неистощимъ въ формахъ своего проявленія, какъ Антей, неистощимъ въ своихъ средствахъ. Онъ внушалъ Сократу откровенія его нравственной философіи и помогалъ ему дурачить софистовъ ихъ же обоюдоострымъ оружіемъ. Онъ внушалъ Аристофану его комедіи; онъ нашептывалъ ритору Лукіану его „Діалоги Боговъ“; онъ помогъ Коломбу открыть Америку; онъ изобрѣлъ порохъ и книгопечатаніе; онъ продиктовалъ Ульриху Гуттену его злую сатиру „Epistolae obscurorum virorum“, Бомарше—его „Фигаро“, и много философскихъ сказокъ и сатирическихъ поэмъ продиктовалъ онъ Вольтеру; онъ уничтожилъ ошейники вассаловъ и рыцарскіе разбои феодальныхъ бароновъ, священную инквизицію и благочестливое ауто-да-фе. Гёте схватилъ его только за хвостъ въ своемъ Мефистофелѣ, а въ лицо только слегка заглянулъ ему. Зато колоссальный Байронъ не трепеща смотрѣлъ ему въ очи, и гордо мѣрялся съ нимъ силою духа и, какъ равный равному, подалъ ему руку на вѣчную дружбу. Изъ русскихъ поэтовъ первый познакомился съ нимъ Пушкинъ, и тягостно было ему его знакомство, и печальны были его встрѣчи съ нимъ... Онъ не палъ отъ него, но и не узналъ, не понялъ его... И неудивительно: ничто не дѣлается вдругъ. Зато другой русскій поэтъ, явившійся уже по смерти Пушкина, не испугался этого страшнаго гостя: онъ знакомъ былъ съ нимъ еще съ дѣтства, и его фантазія съ любовію лелѣяла этотъ „могучій образъ“, для него:

Какъ царь нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно...

Онъ былъ избраннымъ героемъ пламеннаго бреда его юности, и ему посвятилъ онъ цѣлую поэму, гдѣ за всѣ утраченныя блага жизни этотъ страшный герой сулитъ открыть „пучину гордаго познанья“...

Человѣкъ страшится только того, чего не

знаетъ; знаніемъ побѣждается всякій страхъ. Для Пушкина *демонъ* такъ и остался темною, страшною стороною бытія, и такимъ является онъ въ его созданіяхъ. Поэтъ любилъ обходить его, сколько было возможно, и потому онъ не высказался весь и унесъ съ собою въ могилу много нетронутыхъ струнъ души своей; но, какъ натура сильная и великая, онъ умѣлъ, сколько можно было, вознаградить этотъ недостатокъ, тогда какъ другіе поэты, вышедшіе съ нимъ вмѣстѣ на поэтическую арену, пали жертвою неузнаннаго и неразгаданнаго ими духа, и для нихъ навсегда мысль осталась врагомъ чувства, истина бичемъ счастія, а мечта и ребяческіе сны поэзіи—высшимъ блаженствомъ жизни...

Изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ г. Баратынскому. Несмотря на его вражду къ мысли, онъ, по натурѣ своей, призванъ быть поэтомъ мысли. Такое противорѣчіе очень понятно: кто не мыслитель по натурѣ, тотъ о мысли и не хлопочетъ; борется съ мыслію тотъ, кто не можетъ овладѣть ею, стремясь къ ней всѣми силами души своей. Эта невыдержанная борьба съ мыслію много повредила таланту г. Баратынскаго: она не допустила его написать ни одного изъ тѣхъ твореній, которыя признаются капитальными произведеніями литературы, и если не навѣчно, то надолго переживаютъ своихъ творцовъ.

Взглянемъ теперь на нѣкоторыя стихотворенія г. Баратынскаго со стороны мысли. Въ посланіи къ Г-чу поэтъ говоритъ:

Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ,
Не уважаетъ ты бездѣлокъ стихотворныхъ,
Не угодитъ тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
Развратной прелестью изнѣженныхъ стиховъ:
Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ.

Затѣмъ онъ объясняетъ Г-чу, почему не можетъ принять его вызова—

оставить мирный слогъ
И ѣдкой желчію напитывая строки,
Сатирою возстать на глупость и пороки.

И чѣмъ же?—тѣмъ, что сатирою можно нажить себѣ враговъ, а благодарность общества—плохая благодарность, ибо онъ, поэтъ, не вѣритъ благодарности. Вотъ заключеніе этого стихотворенія:

Нѣтъ, нѣтъ! *разумный* мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но *сноситъ благонравно,*
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество,
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единый
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Межъ тѣмъ—какъ странны мы!—межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

Подобныя мысли, безъ сомнѣнія, очень благоразумны и даже благонравны, но едва-ли онѣ поэтически-великодушны и рыцарски-высоки... Благоразуміе не всегда разумность: часто бываетъ оно то равнодушіемъ и апатіею, то эгоизмомъ. Но вотъ еще нѣсколько стиховъ изъ этого же стихотворенія:

Полезенъ обществу старикъ безпристрастный,
Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
На ихъ дурачества онъ жалуется имъ:
То укоризнами возставъ на злодѣянье,
Его приводитъ онъ въ благое содроганье,
То ѣдкой силою забавнаго словца
Смиряетъ попыхи надменнаго глупца;
Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.

Сличивъ эти стихи съ приведенными выше, легко понять, почему такое стихотвореніе, даже если бы оно было написано и хорошими стихами, не можетъ теперь читаться...

„На смерть Гёте“ есть одно изъ лучшихъ между мелкими стихотвореніями г. Баратынскаго. Стихи въ немъ удивительны; но стихотвореніе, несмотря на то, не выдержано, и потому не производитъ того впечатлѣнія, какого бы можно было ожидать отъ такихъ чудесныхъ стиховъ. Причина этого очевидна: неопредѣленность идеи, невѣрность въ содержаніи. Поэтъ слишкомъ много и слишкомъ бездоказательно приписалъ Гёте, говоря, что

. . . ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ онъ предѣлъ,
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Прекрасно сказано, но несправедливо! Не было, нѣтъ и не будетъ никогда генія, который бы *одинъ* все постигъ или все сдѣлалъ. Такъ и для Гёте существовала цѣлая сторона жизни, которая, по его нѣмецкой натурѣ, осталась для него terra incognita. Эту сторону выразилъ Шиллеръ. Оба эти поэта знали цѣну одинъ другого, и каждый изъ нихъ умѣлъ другому воздавать должное. Обидно видѣть, какъ люди, не понимая дѣла, все отдаютъ Гёте, все отнимая у Шиллера... Если ужъ надо сравнивать другъ съ другомъ этихъ поэтовъ, то, право, еще не рѣшенное дѣло—кто изъ нихъ долѣе будетъ владычествовать въ царствѣ будущаго;—и многіе не безъ основанія догадываются уже, что Гёте, поэтъ прошедшаго, въ настоящемъ умеръ развѣнчаннымъ царемъ... Вмѣсто безотчетнаго гимна Гёте—поэту слѣдовало бы охарактеризовать его,—и онъ сдѣлалъ это только въ четвертомъ куплетѣ, въ которомъ довольно удачно схваченъ *пантеистическій* характеръ жизни и поэзіи Гёте:

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Слѣдующіе затѣмъ заключительные куплеты слабы выраженіемъ, темны и неопредѣленны мыслію, а потому и разрушаютъ эффектъ всего стихотворенія. Все, что̀ говорится въ пятомъ куплетѣ, такъ же можетъ быть примѣнено ко всякому великому поэту, какъ и къ Гёте; а что́ говорится въ шестомъ, то ни къ кому не можетъ быть примѣнено, за темнотою и сбивчивостію мысли.

Теперь обратимся къ поэмамъ г. Баратынскаго. Въ нихъ много отдѣльныхъ поэтическихъ красотъ; но въ цѣломъ ни одна не выдержитъ основательной критики.

Русскій молодой офицеръ, на постоѣ въ Финляндіи, обольщаетъ дочь своего хозяина, Чухоночку Эду — добродушное, любящее, кроткое, но ничѣмъ особеннымъ не отличное отъ природы созданіе. Покинутая своимъ обольстителемъ, Эда умираетъ съ тоски. Вотъ содержаніе „Эды“—поэмы, написанной прекрасными стихами, исполненной души и чувства. И этихъ немногихъ строкъ, которыя сказали мы объ этой поэмѣ, уже достаточно, чтобъ показать ея безотносительную неважность въ сферѣ искусства. Такого рода поэмы, подобно драмамъ, требуютъ для своего содержанія *трагической коллизіи*,—а что трагическаго (т.-е. *поэтически*-трагическаго) въ томъ, что шалунъ обольстилъ дѣвушку и бросилъ ее? Ни характеръ такого человѣка, ни его положеніе не могутъ возбудить къ нему участія въ читателѣ. Почти такое же содержаніе, напр., въ повѣсти Лермонтова „Бэла“; но какая разница! Печоринъ — человѣкъ, пожираемый страшными силами своего духа, осужденнаго на внутреннюю и внѣшнюю бездѣйственность! красота Черкешенки его поражаетъ, а трудность овладѣть ею раздражаетъ энергію его характера и усиливаетъ очарованіе ожидающаго его счастія; холодность Бэлы еще болѣе подстрекаетъ его страсть, вмѣсто того, чтобъ ослабить ее. Но когда онъ упился первыми восторгами этой оригинальной любви къ простой и дикой дочери природы, онъ почувствовалъ, что для продолжительнаго чувства мало одной оригинальности, для счастія въ любви мало одной любви,—и его начинаетъ терзать мысль о гибели милаго, хотя и дикаго, женственнаго существа, которое въ своей естественной простотѣ не умѣло ни требовать, ни дать въ любви ничего, кромѣ любви. Трагическая смерть Бэлы, вмѣсто того, чтобъ облегчить положеніе Печорина, страшно потрясаетъ его, съ новою силою возбуждая въ немъ вспышку прежняго пламени,—и отъ его дикаго хохота содрогается сердце не у одного Максима Максимыча, и становится понятно, почему онъ послѣ смерти Бэлы долго былъ нездоровъ, весь исхудалъ и не любилъ, чтобъ при немъ говорили о ней... Это не волокита, не водевильный донъ-Хуанъ, вы не вините его, но страдаете съ нимъ и за него, говоря мысленно: „о, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“ Для нѣкоторыхъ характеровъ не чувствовать, быть внѣ какой бы то ни было духовной дѣятельности—хуже, чѣмъ не жить; а жить, это больше чѣмъ страдать,—и вотъ является трагическая коллизія, какъ мысль неотразимой судьбы, достойная и поэмы и драмы великаго поэта...

Гораздо глубже, по характеру героини, другая поэма г. Баратынскаго—„Балъ“:

Презрѣнья къ мнѣнію полна,
Надъ добродѣтелію женской
Не насмѣхается-ль она
Какъ надъ ужимкой деревенской?
Кого въ свой домъ она манитъ:
Не записныхъ ли волокитъ,
Не новичковъ ли мимовидныхъ?
Не утомленъ ли слухъ людей
Молвой побѣдъ ея безстыдныхъ
И соблазнительныхъ связей?
Но какъ влекла къ себѣ всесильно
Ея живая красота!
Чьи непорочныя уста
Такъ улыбалися умильно?
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивыхъ
Своихъ лазоревыхъ очей
И свѣжести ланитъ стыдливыхъ,
Не отдала бы сей же часъ
За яркій глянецъ черныхъ глазъ,
Облитыхъ влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланитъ?
Какая феѣ самовластной,
Не уступила бъ изъ харитъ?
Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ
Была плѣнительна она!
Какъ угодительна, нѣжна!
Какая ласковость во взорахъ
У ней сіяла! Но порой
Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Какъ зла въ словахъ, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какія слезы изъ очей
Потомъ катилися у ней!
Терзая душу, проливали
Въ нее томленье слезы тѣ:
Кто бъ не отеръ ихъ у печали,
Кто бъ не оставилъ красотѣ?
Страшись прелестницы опасной,
Не подходи; обведена
Волшебнымъ очеркомъ она;
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ! Жалокъ тотъ,
Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ:
Ладью пловца водоворотъ
Такъ на погибель увлекаетъ!
Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
Одурѣвающей приманки;
Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
Въ ней жаръ упившейся вакханки,
Горячки жаръ—не жаръ любви.

И этотъ демоническій характеръ въ женскомъ образѣ, эта страшная жрица страстей,

наконецъ должна расплатиться за всѣ грѣхи свои:

Посланникъ рока ей предсталъ,
Смущенный взоръ очаровалъ,
Поработилъ воображенье,
Сліялъ всѣ мысли въ мысль одну
И пролилъ страстное мученье
Въ глухую сердца глубину.

Въ этомъ „посланникѣ рока“ должно предполагать могучую натуру, сильный характеръ,—и въ самомъ дѣлѣ портретъ его слегка, но рѣзко очерченный поэтомъ, возбуждаетъ въ читателѣ большой интересъ:

Красой изнѣженной Арсеній
Не привлекалъ къ себѣ очей:
Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій
Носилъ онъ на челѣ: въ очахъ
Безпечность мрачная дышала,
И не улыбка на устахъ—
Усмѣшка праздная блуждала.
Онъ не задолго посѣщалъ
Края чужіе; тамъ искалъ,
Какъ слышно было, развлеченья,
И снова родину узрѣлъ!
Но, видно, сердцу исцѣленья
Дать не возмогъ чужой предѣлъ.
Предсталъ онъ въ домъ моей Лаисы
И остряковъ задорный полкъ
Не знаю какъ предъ нимъ умолкъ—
Главой поникли Адонисы.
Онъ въ разговорѣ поражалъ
Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
Глубоко въ сердце проникалъ
Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ,
Судилъ разборчиво пѣвца,
Зналъ цѣну кисти и рѣзца,
И сколько ни былъ хладно-сжатымъ
Привычный складъ его рѣчей,
Казался чувствами богатымъ
Онъ въ глубинѣ души своей.

Нашла коса на камень: узелъ трагедіи завязался. Любопытно, чѣмъ развяжетъ его поэтъ, и какъ оправдаетъ онъ, въ *дѣйствіи*, портретъ своего героя. Увы! все это можно разсказать въ короткихъ словахъ: Арсеній любилъ подругу своего дѣтства и приревновалъ ее къ своему пріятелю; на упреки его Ольга отвѣчала дѣтскимъ смѣхомъ, и онъ, какъ обиженный ребенокъ, не понимая ея сердца, покинулъ ее съ презрѣніемъ... Воля ваша, а портретъ не вѣренъ!... Что́ же потомъ?—Потомъ Нина получила отъ него письмо:

Что жъ медлить (къ ней писалъ Арсеній),
Открыться должно... небо! въ чемъ?
Едва владѣю я перомъ,
Ищу напрасно выраженій.
О, Нина! Ольгу встрѣтилъ я;
Она понынѣ дышетъ мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смѣшною.
Удѣлъ рѣшонъ. По старинѣ
Я вѣренъ Ольгѣ, вѣрной мнѣ.
Прости твое воспоминанье
Я сохраню до позднихъ дней:
Въ немъ понесу я наказанье
Ошибокъ юности моей.

Несмотря на трагическую смерть Нины, которая отравилась ядомъ, *такая* развязка *такой* завязки похожа на водевиль, вмѣсто пятаго акта придѣланный къ четыремъ актамъ трагедіи... Поэтъ, очевидно, не смогъ овладѣть своимъ предметомъ... А сколько поэзіи въ его поэмѣ, какими чудными стиками наполнена она, сколько въ ней превосходныхъ частностей!..

„Цыганка“, самая большая поэма г. Баратынскаго, была издана имъ, въ 1831 году, подъ названіемъ „Наложница“, съ предисловіемъ, весьма умно и дѣльно написаннымъ. „Цыганка“ исполнена удивительныхъ красотъ поэзіи,—но опять-таки въ частностяхъ, въ цѣломъ же не выдержана. Отравительное зелье, данное старою цыганкою бѣдной Сарѣ, ничѣмъ не объясняется и очень похоже на deus ex machina для трагической развязки во что бы то ни стало. Чрезъ это ослабляется эффектъ цѣлаго поэмы, которая, кромѣ хорошихъ стиховъ и прекраснаго разсказа, отличается еще и выдержанностію характеровъ. Очевидно, что причиною недостатка въ цѣломъ всѣхъ поэмъ г. Баратынскаго есть—отсутствіе опредѣленно выработавшагося взгляда на жизнь, отсутствіе мысли крѣпкой и жизненной.

Кромѣ этихъ трехъ поэмъ, у г. Баратынскаго есть и еще три: „Телема и Макаръ“, „Переселеніе Душъ“ и „Пиры“. Первыхъ двухъ—признаемся откровенно—мы совершенно не понимаемъ, ни со стороны содержанія, ни со стороны поэтической отдѣлки. „Пиры“ собственно не поэма, а такъ—шутка въ началѣ и элегія въ концѣ. Поэтъ, какъ будто только принявшись воспѣвать пиры, замѣтилъ, что уже пришла пора и для пировъ и для воспѣванія пировъ... У времени есть своя логика, противъ которой никому не устоять... Въ „Пирахъ“ г. Баратынскаго много прекрасныхъ стиховъ. Какъ мила, напр., эта характеристика нашей доброй Москвы:

Какъ не любить родной Москвы!
Но въ ней не градъ первопрестольный,
Не золоченыя главы,
Не гулъ потѣхи колокольной,
Не сплетни вѣстницы-молвы
Мой умъ плѣняли своевольный.
Я въ ней люблю весельчаковъ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ,
Богатой знати хлѣбосольство
И дарованья поваровъ.
Тамъ прямо веселы бесѣды;
Вполнѣ уваженъ хлѣбосолъ:
Вполнѣ торжественны обѣды;
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ,—

и прочее. Г. Баратынскаго за эту поэму нѣкогда величали „пѣвцомъ пировъ“, мы думаемъ, что за этотъ отрывокъ его слѣдовало бы называть „пѣвцомъ Москвы“...

Какъ хороши эти стихи въ „Пирахъ“:

Любви слѣпой, любви безумной
Тоску въ душѣ моей тая,
Насилу, милые друзья,
Дѣлить восторгъ бесѣды шумной
Тогда осмѣливался я.
Что потакать мечтѣ унылой,
Кричали вы: смѣлѣе пей!
Развеселись, товарищъ милый,
Для насъ живи, забудь о ней!
Вздохнувъ разсѣянно послушный,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной;
Свѣтлѣла мрачная мечта,
Толпой срывалися печали,
И задрожавшія уста
„Богъ съ ней!“ невнятно лепетали...

Говоря о поэзіи г. Баратынскаго, мы были чужды всякихъ предубѣжденій въ отношеніи къ поэту, котораго глубоко уважаемъ. Не скрывая своего мнѣнія и открыто, безъ уклончивости, высказывая его, тамъ, гдѣ оно было не въ пользу поэта, мы и не старались въ пользу нашего мнѣнія скрывать его достоинство и выписывали только такіе отрывки изъ его стихотвореній, которые могли дать высокое понятіе о его талантѣ. Стихъ г. Баратынскаго не только благозвученъ, но часто крѣпокъ и силенъ. Однакожъ, говоря о художественной сторонѣ поэзіи г. Баратынскаго, нельзя не замѣтить, что онъ часто грѣшитъ противъ точности выраженія, а иногда впадаетъ въ шероховатость и прозаичность выраженія, Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Снять поспѣшила какъ-нибудь
Дня одѣянія *неловки.*
Что знаменуетъ сей *позоръ* (вм. *зрѣлище*).

Хотѣло бъ сердце у меня
Себѣ избрать кумиръ единый
И тѣмъ *осмыслить* бытіе.

. . . . . Скажите:
Я равнодушенъ вамъ, иль нѣтъ?

Всегда дарамъ своимъ предложитъ
Условье нѣкое она,
Которымъ *злобно смышлена,*
Ихъ отравитъ и уничтожитъ.

Проказы жизни боевой
Никакъ веселыя проказы.

Храни свое *неопасенье,*
Свою неопытность лелѣй.

Какое же потомъ въ груди твоей
Ни водворится *озаренье*
Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней
Послѣднее *вихревращенье.*

Кромѣ стихотвореній, на которыя мы уже ссылались, въ сборникѣ г. Баратынскаго особенно достойны памяти и вниманія еще слѣдующія: *Финляндія; Завыла буря; Я возвращусь къ вамъ, поля моихъ отцовъ; Лета, Паденіе листьевъ; Глупцы не чужды вдохновенья; Когда печально вдохновенный; Тебя изъ тьмы не изведу я; Идилликъ новый на искусъ; Элизійскія поля; Когда взойдетъ денница золотая; Когда исчезнетъ омраченье; Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти; Не бойся пдкихъ осужденій; Разувѣреніе; Старикъ; Притворной нѣжности не требуй отъ меня; Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье; Черепъ; О, мысль, тебѣ удѣлъ цвѣтка; Наяда; Мудрецу; На что вы, дни! Осень,* и пр.

Нельзя вѣрнѣе и безпристрастнѣе охарактеризовать *безотносительное* достоинство поэзіи г. Баратынскаго, какъ онъ сдѣлалъ это самъ въ слѣдующемъ прекрасномъ стихотвореніи:

Не ослѣпленъ я музою моею,
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой,
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Не беремъ на себя тяжелой обязанности опредѣлять поэтическое достоинство г. Баратынскаго *относительно* къ другимъ поэтамъ и въ отношеніи историческомъ, т.-е. въ отношеніи къ выраженной имъ эпохѣ, къ настоящему и будущему положенію и значенію его въ русской литературѣ. Скажемъ только—и то, чтобъ чѣмъ-нибудь закончить нашу статью, а не для какого-нибудь поучительнаго вывода,—скажемъ, что всѣ поэты, по нашему мнѣнію, раздѣляются на два разряда. Одни называются великими, и ихъ отличительную черту составляетъ *развитіе:* по хронологическому порядку ихъ созданій можно прослѣдить діалектически-развивающуюся живую идею, лежащую въ основаніи ихъ творчества и составляющую его пафосъ. Неподвижность, т.-е. пребываніе въ однихъ и тѣхъ же интересахъ, воспѣваніе одного и того же, однимъ и тѣмъ же голосомъ, есть признакъ таланта обыкновеннаго и бѣднаго. Безсмертіе—удѣлъ движущихся поэтовъ. Если и прошли навсегда интересы ихъ времени,—ихъ поэзія непреходяща, именно потому, что представляетъ собою памятникъ эпохи: такъ вѣчна исторія, написанная великимъ историкомъ, хоть она и содержитъ въ себѣ давно прошедшіе дѣла и интересы. Другіе поэты болѣе или менѣе могутъ приближаться къ первымъ, особенно если они выразили своими созданіями то, что̀ было въ ихъ эпохѣ существенно-историческаго, а не одни ея недостатки. Для такихъ поэтовъ всего невыгоднѣе являться въ переходныя эпохи развитія обществъ; но истинная гибель ихъ таланта заключается въ ложъ-

номъ убѣжденіи, что для поэта довольно чувства... Это особенно вредно для поэтовъ нашего времени: теперь всѣ поэты, даже великіе должны быть вмѣстѣ и мыслителями, иначе не поможетъ и талантъ... Наука, живая, современная наука сдѣлалась теперь пѣстуномъ искусства, и безъ нея—немощно вдохновеніе, безсиленъ талантъ!..

1842 г.

---

42. Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1842 года.

Наше знакомство съ литературной дѣятельностью Бѣлинскаго было бы неполно, если бы мы прошли мимо ряда его журнальныхъ замѣтокъ 1842—1843 гг.; къ тому же замѣтки эти очень характерны для ознакомленія вообще съ журналистикой сороковыхъ годовъ, а также и съ тѣми критическими сужденіями, которыя раздавались въ русской литературѣ въ эту эпоху расцвѣта дѣятельности Бѣлинскаго. Мы встрѣтимъ въ этихъ замѣткахъ рядъ полемическихъ выпадовъ Бѣлинскаго противъ Шевырева, Сенковскаго, Полевого, Погодина, М. Дмитріева, Булгарина и др.; но кромѣ этихъ полемическихъ ударовъ, мы найдемъ въ замѣткахъ Бѣлинскаго не мало интересныхъ, мимоходомъ отмѣченныхъ фактовъ. Такъ напримѣръ, въ третьей, четвертой, седьмой, восьмой и десятой изъ настоящихъ замѣтокъ ведется рѣзкая полемика съ Булгаринымъ, Сенковскимъ и Шевыревымъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“; эти замѣтки являются необходимымъ дополненіемъ къ статьямъ №№ 37 — 39. Въ четвертой изъ этихъ замѣтокъ мы имѣемъ кромѣ того блестящій этюдъ о Сенковскомъ-Брамбеусѣ, дополняющій собою одну изъ старыхъ статей Бѣлинскаго о Сенковскомъ и „Библіотекѣ для Чтенія“ (наст. изд. т. I, ст. № 6).

Критическая дѣятельность Бѣлинскаго въ „Отеч. Записках“ вызвала ожесточенную ненависть къ нему старыхъ и новыхъ враговъ. Еще въ серединѣ 1841 года Шевыревъ, какъ мы знаемъ, накинулся на безъименнаго „журнальнаго борзописца“—Бѣлинскаго (см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 36), а М. Дмитріевъ, бездарный поэтъ и извѣстный реакціонеръ той эпохи, даже предложилъ сотрудникамъ „Москвитянина“ написать „оффиціальную бумагу“—т.-е. попросту доносъ на „Отеч. Записки“ и Бѣлинскаго (см. объ этомъ Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. VI). Полгода спустя Шевыревъ снова съ ожесточеніемъ напалъ на „безыменнаго критика“ и притомъ въ такомъ тонѣ, что Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, назвалъ это нападеніе „доносовъ Шевырки“ и отвѣтилъ своимъ великолѣпнымъ „Педантомъ“ (№ 36). Тогда М. Дмитріевъ, возмущенный статьею Бѣлинскаго о „Русской литературѣ въ 1841 году“, выступилъ со стихотвореніемъ „Безыменному критику“, которое Бѣлинскій тоже причислилъ къ роду „юридическихъ сочиненій“ и на которое онъ далъ отвѣтъ въ послѣдней изъ настоящихъ замѣтокъ. Несомнѣнно, что по тому времени, когда шефъ жандармовъ называлъ себя „хозяиномъ русской литературы“, обвинительный актъ въ стихахъ М. Дмитріева могъ считаться настоящимъ доносомъ. „Это истинная цѣль искусства, — иронизировалъ тремя годами позднѣе Герценъ по поводу доносительныхъ стихотвореній Языкова:—пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionnelle“... Бѣлинскій былъ правъ, мягко называя стихотвореніе „Безыменному критику“ М. Дмитріева „дѣломъ не совсѣмъ литературнымъ“... А что касается „безыменности“, то въ одиннадцатой изъ настоящихъ замѣтокъ Бѣлинскій мимоходомъ спросилъ противниковъ: „точно ли безыменный, господа?“... Онъ зналъ, что хотя его статьи появлялись въ „Отеч. Запискахъ“ безъ подписи (по требованію Краевскаго, которому сперва противился Бѣлинскій—см. его письмо къ Краевскому отъ 4 февр. 1837 г.), имя его все же было извѣстно всей читающей Россіи; сознаніе этого мы не разъ встрѣчаемъ въ письмахъ Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ. „Безыменнымъ критикомъ“ онъ не былъ ни для массы читателей, ни тѣмъ болѣе для своихъ литературныхъ враговъ.

Въ настоящей статьѣ читатель найдетъ почти всѣ „литературныя и журнальныя замѣтки“ Бѣлинскаго за 1842 годъ; мы не помѣстили только около десятка мелкихъ замѣтокъ, направленныхъ большею частію противъ Булгарина. Необходимые въ настоящее время комментаріи къ помѣщеннымъ замѣткамъ мы даемъ въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ нижеслѣдующему тексту Бѣлинскаго.

И.-Р.

Зная не только, что̀ и ка̀къ пишется въ нашихъ журналахъ, но и догадываясь напередъ, что̀ и ка̀къ будетъ въ каждомъ изъ нихъ писаться, мы не принадлежимъ къ числу ревностныхъ ихъ читателей. Если же и заглядываемъ въ нихъ, такъ больше для своего личнаго удовольствія, изъ желанія прочесть иногда что-нибудь забавное, нежели по обязанности. А между тѣмъ, ища удовольствія, встрѣчаемъ иногда и пользу: время отъ времени попадаются въ журналахъ вещи курьезно-поучительныя, по поводу которыхъ иногда невольно раздумаешься о томъ и о семъ. Такъ какъ теперь большая часть нашихъ журналовъ, за исключеніемъ „Отеч. Записокъ“, „Библіотеки для Чтенія“ и „Сѣв. Пчелы“, извѣстна публикѣ только развѣ по именамъ, и то изъ упомянутыхъ извѣстныхъ ей изданій,—то мы и приняли благое намѣреніе, если не сохранить для потомства, то хоть сдѣлать извѣстнымъ для современниковъ рѣдкости и драгоцѣнности, которыя, какъ оазисы въ пустынѣ, попадаются въ мало извѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ. Равнымъ образомъ, можетъ попадаться много интереснаго въ томъ или другомъ отношеніи и при перелистываніи старыхъ журналовъ, старыхъ и новыхъ книгъ. Все такое мы намѣрены или пересказывать, или просто выписывать, съ собственными замѣтками, когда дѣло требуетъ поясненія, или и безъ замѣтокъ, когда дѣло краснорѣчиво говоритъ само за себя. Будучи увѣрены въ занимательности подобныхъ замѣтокъ для читателей, мы намѣрены сдѣлать изъ нихъ родъ постоянной статьи, время отъ времени помѣщаемой въ отдѣлѣ смѣси „Отеч. Записокъ“. Такъ какъ наши замѣтки не имѣютъ ничего общаго ни съ осами, ни съ шмелями, ни съ трутнями, ни съ комарами, ни съ другими животными, то мы ихъ и называемъ просто „журнальными и литературными замѣтками“ [1]). Вотъ нѣсколько такихъ замѣтокъ для начала.

I.

Съ нѣкотораго времени въ русскую поэзію закралась странная и неприличная изысканность въ мысли и выраженіи. Многіе критики справедливо и строго вооружились противъ нея. Мы думали-было, что она и кончилась, какъ вдругъ открыли, къ изумленію своему, слѣдующее извѣстіе о ней въ „Русскомъ Вѣстникѣ“:

„Изъ 12-ти пьесъ въ стихахъ, находящихся во второмъ томѣ *Бесѣды*, замѣчательнѣе всѣхъ стихотвореніе г. Шевырева. Но развѣ г. Шевыревъ все еще пишетъ стихи? Да, пишетъ, прекрасные, какъ проза, чистые, какъ вода, правоучительные, какъ изреченія Антонія Муретa отрокамъ. Видите: какой-то поэтъ умеръ. Г. Шевыревъ такъ разсердился за смерть его, что не совѣтуетъ юношамъ призывать вдохновенье *на высь чела*, вѣнчаннаго *звѣздой* (?), не заводить пѣснопѣній предъ суетной толпой.

Коль грудь твою огонь небесъ объемлетъ,

то берегись, говоритъ г. Шевыревъ, берегись: въ ней *рокъ не дремлетъ!* И, разсуждаетъ онъ далѣе, что *нашъ вѣкъ горькій, прекраснаго не любитъ*, безсмысленно *сосудъ прекраснаго губитъ*, и все равно ему, хоть *гроза смяла роскошнаго* (?) *мотылька*, хоть *увяла роза въ пламенномъ расцвѣтѣ*, хоть *застылъ въ горахъ зачавшійся потокъ*, или хоть *поэтъ палъ, зажавши рану груди*. Стихи очень хороши, но мысль ихъ кажется намъ не совсѣмъ вѣрною. Не всѣ, чью *грудь огонь небесъ объемлетъ*, не всѣ, *призывающіе вдохновенье на высь чела, вѣнчаннаго звѣздой*, умираютъ, *зажавши рану груди*. Есть поэты, которые пишутъ стихи и стишки, а между тѣмъ живутъ себѣ спокойно. Такіе поэты есть на бѣломъ свѣтѣ, и, слѣдственно, мысль почтеннаго г. Шевырева не вполнѣ вѣрна. Что̀, если русскіе поэты испугаются, послушаютъ совѣта г. Шевырева, перестанутъ писать стихи вовсе? Въ такомъ случаѣ мы принуждены приняться за стихи самого г. Шевырева, потому что, запрещая другимъ, самъ онъ кропать стихи не перестанетъ. Дѣлать нечего—будемъ мы ихъ тогда читать и восклицать: „О, суетная толпа! О, безумный вѣкъ! О, корыстный вѣкъ, вотъ до чего мы дожили!

О, горькій вѣкъ! мы видно заслужили
И по грѣхамъ намъ видно суждено

читать стихи въ родѣ перевода Валленштейнова Лагеря или Освобожденнаго Іерусалима, какими подарилъ насъ нѣкогда г. Шевыревъ, или стиховъ: *На смерть поэта*, коими украсилъ онъ 2-й томъ Бесѣды! Впрочемъ, въ какомъ прекрасномъ саду не растутъ полынь и крапива?“

Впрочемъ, мы, кажется, ошиблись: изъ выписки явствуетъ, что тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не объ изысканности и вычурности въ выраженіяхъ и мысли: напротивъ, критикъ отдаетъ полную справедливость художественнымъ красотамъ стиховъ поэта, и не согласенъ съ нимъ только въ мысли. Но въ послѣднемъ отношеніи, вѣрно, многіе возьмутъ сторону поэта противъ критика: если бы всѣ другіе русскіе поэты, послушавъ совѣта г. Шевырева, замолчали, многіе охотно стали бы пробавлятся превосходными стихами г. Шевырева, какъ восхищаются его несравненными критическими статьями. Г. Шевыревъ стяжалъ себѣ двойной вѣнокъ — какъ поэтъ и какъ критикъ: это доказываютъ всѣ труды его по той и другой части—и переводъ отрывка изъ „Освобожденнаго Іерусалима“, гдѣ онъ такъ удачно усыновилъ русск версификаціи итальянскую октаву, и его критическія статьи о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, гдѣ онъ такъ ясно доказалъ, что г. Бенедиктовъ шагнулъ дальше Жуковскаго и Пушкина, и о стихотвореніяхъ Лермонтова, гдѣ съ такою тонкостью замѣтилъ онъ, что Лермонтовъ подражалъ, въ своихъ стихахъ,

[1]) „Les Guêpes“ („Осы“)—знаменитое въ то время изданіе Альфонса Карра; подражая ему, Булгаринъ издавалъ книжки „Комаровъ“, высмѣивавшіяся Бѣлинскимъ.

то Жуковскому, то Пушкину, то г. Бенедиктову. Подобныя заслуги со стороны г. Шевырева русской поэзіи и русской критикѣ, кажется, достаточны для извиненія его въ стихотвореніи, подобномъ „На смерть Поэта“, если бъ его выраженіе было и вычурно, а мысль отзывалась старчествомъ или дѣтскостью,—чего, однакожъ, мы вовсе не видимъ.

II.

Кто не помнитъ того времени въ нашей литературѣ, когда эпиграммы были въ такомъ ходу, что каждый поэтъ, эпическій, драматическій или лирическій, непремѣнно долженъ былъ написать хоть нѣсколько эпиграммъ? Самъ Пушкинъ заплатилъ полную дань этому направленію, и только Лермонтовъ—поэтъ совершенно новой эпохи—не написалъ ни одной эпиграммы [1]). Но теперь этотъ пріятный родъ сочиненій, кажется, опять входитъ въ моду, преимущественно тщаніемъ и усердіемъ извѣстнаго стихотворца стараго времени, г. *Михайла Дмитріева*. Вотъ одна изъ его эпиграммъ, живо напоминающая старое доброе время владычества французскаго классицизма въ нашей литературѣ:

Мой шестистопный ямбъ тяжелымъ ты нашелъ!
Да, другъ! онъ для тебя не въ первый разъ
тяжелъ!

Должно быть, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь усердномъ читателѣ или слушателѣ стиховъ автора эпиграммы. Въ такомъ случаѣ нельзя не сознаться, что эпиграмма остра и ядовита, хотя и написана въ невинномъ классическомъ духѣ. Но вотъ двѣ эпиграммы въ романтическомъ родѣ:

. . . . . у.
Ага! узналъ и тотчасъ ты замѣтилъ
Мои стихи—признайся—почему?
Не правда ли, ты съ жадностью ихъ встрѣтилъ,
Какъ песъ лозу, знакомую ему?
Кусай—прошу: что, горьки или сладки?
Но чтобъ впередъ не дать тебѣ повадки,
Тупымъ зубамъ напомню я стихомъ,
Что онъ живетъ, что много силы въ немъ
Добить твои послѣдніе остатки.
С. Ш.

Къ N. N.

Какъ не узнать тебя, пискливаго Фрерона,
Тебя, наѣзднпка на палочкѣ верхомъ,
Ферульной критики лихого Дормидона!
Ты хохлишься индѣйскимъ пѣтухомъ
И мнѣ грозишь беззубыми стихами—
Молчи, пискунъ! Ну, гдѣ ты находилъ,
Чтобъ льва могучаго, съ зубами и когтями
Когда-нибудь оселъ копытомъ билъ?

Первая изъ этихъ эпиграммъ напечатана въ московскомъ, а вторая въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Безъ сомнѣнія, обѣ онѣ прекрасны, но петербургская, кажется, лучше [1]).

III.

Наконецъ „Сѣверная Пчела“ разразилась статьею противъ „Мертвыхъ Душъ“, о появленіи которой она позаботилась объявить назадъ тому уже съ мѣсяцъ. Судя по времени, въ продолженіе котораго эта знаменитая статья писалась, мы ожидали, что она превзойдетъ даже знаменитыя статьи той же газеты о *седьмой главѣ* „Онѣгина“ Пушкина, о „Юріи Милославскомъ“ г. Загоскина и „Басурманѣ“ Лажечникова, три знаменитыя статьи, въ которыхъ помянутыя произведенія были, что называется, втоптаны въ грязь [2]). Но ожиданіе наше не сбылось: статья вышла предобрая и пренаивная. Особенно понравилось намъ, что она напоминаетъ собою критики блаженной памяти „Вѣстника Европы“ и журналовъ, издававшихся въ Россіи еще прежде „Вѣстника“: тотъ же взглядъ, та же манера, тѣ же понятія и тотъ же образъ выраженія! Главная нападка, разумѣется, на то, что дѣйствующія лица въ романѣ Гоголя все дураки и негодяи. Нападка столь же несправедливая, сколь и не новая! Во-первыхъ: дѣйствующія лица въ „Иванѣ Выжигинѣ“ тоже все дураки или негодяи, а между тѣмъ романъ г. Булгарина былъ превознесенъ „Сѣверною Пчелою“. Да что „Иванъ Выжигинъ“? Вспомните, что сказано въ извѣстной статьѣ остроумнаго Косичкина о дѣйствующихъ лицахъ и прочихъ романовъ г. Булгарина... [3]).

Во-вторыхъ: какъ же рецензентъ „Пчелы“ не замѣтилъ двухъ мѣстъ въ поэмѣ Гоголя, изъ которыхъ первое намъ объясняетъ почему добродѣтельный человѣкъ не взятъ въ герои:

„Потому что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку, потому что праздно на устахъ вращается слово „добродѣтельный человѣкъ“; потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ и всѣмъ, что ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка“ (стр. 431).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ ясно говоритъ, что его герой не подлецъ:

---

[1]) У Лермонтова есть цѣлый рядъ эпиграммъ, въ то время еще не напечатанныхъ.

[1]) Первая эпиграмма, напечатанная въ „Москвитянинѣ“, принадлежитъ С. Шевыреву и направлена противъ Н. Полевого; вторая — отвѣтная эпиграмма Полевого.

[2]) См. наше примѣчаніе на стр. 419-ой перваго тома.

[3]) См. наше примѣчаніе на стр. 78-й перваго тома.

„Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили бы свою физіономію подъ публичную оплеуху, отыщется какихъ-нибудь два, три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣли“ (стр. 465).

Вторая нападка рецензента состоитъ въ томъ, что въ поэмѣ Гоголя нѣтъ, видите— *содержанія!!*... Вотъ ужъ тутъ мы не знаемъ, что̀ и сказать, — т.-е. хоть и знаемъ, да боимся понапрасну потратить слова: мы учились эстетикѣ по новымъ книгамъ, а рецензентъ, какъ замѣтно по тону и смыслу его статьи человѣкъ прошлаго вѣка, и „содержаніе“ смѣшиваетъ съ „сюжетомъ“, идеалъ же романа видитъ въ бабьихъ сплетняхъ и розсказняхъ о разной небывальщинѣ, составляющей сюжетъ какой-нибудь „Черной Женщины“ [1]).

Третья нападка грозной рецензіи направлена на обиліе неприличныхъ и неупотребляемыхъ въ высшемъ обществѣ словъ, каковы *подлецъ, свинья, свинтусъ, бестія, каналья, бабешка, ракалія, Θетюкъ, скалдырникъ, мошенникъ, напакостить* и т. п., которыя употребляются дѣйствующими лицами въ романѣ Гоголя. Особенное неблаговоленіе благовоспитаннаго рецензента навлекло на себя слово *Θетюкъ*, употребленное *Ноздревымъ*, и при немъ, въ выноскѣ, объясненіе автора, что „Θетюкъ, слово обидное для мужчины, происходитъ отъ буквы Θ, почитаемой нѣкоторыми неприличною“. Что̀ сказать на это? Такъ какъ мы не принадлежимъ къ тому *высшему* обществу, которое столь знакомо рецензенту „Сѣверной Пчелы“, то и ограничимся на этотъ разъ небольшою выпискою изъ статьи князя Вяземскаго, которому настоящее высшее общество извѣстно по крайней мѣрѣ не менѣе кого другого. Вотъ что̀ говоритъ князь Вяземскій,по поводу „Ревизора“, о нападкахъ словолововъ на неприличныя слова, встрѣчающіяся въ этой комедіи:

„У котораго-то изъ нихъ уши покраснѣли отъ выраженій: *супъ воняетъ, чай воняетъ рыбою*. Онъ увѣряетъ, что теперь и порядочный лакей того не скажетъ. Да мало ли того, что̀ скажетъ и чего не скажетъ лакей? Неужели писателю ходить въ лакейскія справляться, какія слова тамъ въ чести и какія не въ употребленіи. Такъ,—если онъ описываетъ лакейскую сцену; но иначе къ чему же? Напримѣръ, *Осипъ* въ „Ревизорѣ“ говоритъ чистолакейскимъ языкомъ, лакея въ немъ слышимъ деревенскаго, который прожилъ нѣсколько времени въ столицѣ; это дѣло другое. Впрочемъ, критикъ, можетъ быть, и правъ; въ этомъ случаѣ мы спорить съ нимъ не будемъ. *Порядочный лакей*, то-есть, что называется un laquais endimanché, точно, можетъ быть постыдится сказать: *воняетъ*, но *порядочный человѣкъ*, то-есть благовоспитанный, смѣло скажетъ это слово и въ гостиной и передъ дамами. Извѣстно, что люди высшаго общества гораздо свободнѣе другихъ въ употребленіи *собственныхъ словъ*: жеманство, чопорность, щепетность, оговорки, отличительные признаки людей, не живущихъ въ хорошемъ обществѣ, но желающихъ корчить хорошее общество. Человѣкъ, въ сферѣ гостиной рожденный, въ гостиной—у себя, дома: садится ли онъ въ кресла? онъ садится какъ въ свои кресла; заговоритъ ли? онъ не боится переговориться. Посмотрите на провинціала, на выскочку: онъ не смѣетъ присѣсть иначе, какъ на кончикѣ стула, шевелитъ краемъ губъ, кобенясь, извиняется вычурными фразами нашихъ нравоучительныхъ романовъ, не скажетъ слова безъ прилагательнаго, безъ оговорки. Вотъ отчего многіе критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества и ненарушимости законовъ его, попадаютъ въ такіе смѣшные промахи, когда говорятъ, что такое-то слово неприлично, такое-то выраженіе невѣжливо. Охота имъ мѣшаться не въ свои дѣла! Пускай говорятъ они о томъ, что знаютъ; рѣдко будетъ имъ случай говорить, — это правда, но зато могутъ говорить дѣльное. Можно быть очень добрымъ и разсудительнымъ человѣкомъ и не имѣть доступъ въ высшее общество. Смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписали васъ къ этой области; но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, не уроженцу, или не получившему права гражданства въ ней, толковать о правахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея. Что̀ вамъ за нее рыцарствовать? Эта область сама умѣетъ стоять за себя, сама умѣетъ приводить въ дѣйствіе законы своего покровительства и остракизма. Все это не журнальное дѣло. У васъ уши вянутъ отъ языка „Ревизора“, а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ; брошюрка „Ревизора“ лежитъ на модныхъ столикахъ работы Гамбса. Не смѣшно ли, не жалко ли съ желудкомъ натощакъ гнѣваться на повара, который позволилъ себѣ поставить не довольно-утонченное кушанье на столъ, за коимъ нѣтъ намъ прибора?“... [1]).

Наконецъ, четвертая и главная нападка рецензента устремлена на промахи противъ грамматикъ г. Греча. Здѣсь рецензентъ говоритъ съ особенною важностью и убѣдительностію, какъ человѣкъ, вошедшій въ свою стихію, гдѣ ему и привольно и безопасно. Дѣйствительно, языкъ у Гоголя не отличается мертвою правильностію, и на него легко нападать грамотеямъ и корректорамъ, которые считаютъ *языкъ* и *слогъ* за одно и то же, не подозрѣвая, что между *языкомъ* и *слогомъ* такое же неизмѣримое разстояніе, какъ и между мертвою, механическою правильностію рисунка бездарнаго маляра-академика и живымъ оригинальнымъ стилемъ геніальнаго живописца. Но посмотрите, какія ошибки отыскалъ рецензентъ въ поэмѣ Гоголя противъ языка: „молодой человѣкъ *оборотился назадъ*“ (ошибка?!); „скромно *темнѣла* сѣрая краска“ (по мнѣнію рецензента должно: *темнѣлась!!*.); „при (?) нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою“ (нѣтъ, восклицаетъ рецензентъ, *стоявшій при нихъ учитель поклонился*) и т. п... Не довольно ли! Вѣдь ужъ видно, о какомъ дерзновенномъ возстаніи Гоголя и противъ

[1]) Романъ Греча. См. о немъ т. I, стр. 425—426.

[1]) „Современникъ“ *1836 г., т. II, стр. 295—296.*

какой грамматики и логики говоритъ онъ—противъ грамматики г. Греча и логики г. Рождественскаго... Изъ всѣхъ указанныхъ имъ примѣровъ „самаго неправильнаго и варварскаго языка и слога“ у Гоголя, справедливо осуждено развѣ одно слово *узрѣтъ* вмѣсто *узрѣнъ*: дѣйствительно, великая ошибка со стороны Гоголя, и мы охотно вѣримъ, что строгій рецензентъ никогда бы не сдѣлалъ подобной, такъ же, какъ никогда бы не написалъ „Мертвыхъ Душъ“.

Впрочемъ, рецензентъ не хулитъ, кое-что онъ и хвалитъ, исполняя такимъ образомъ обязанность истинной критики, какъ ее понимали назадъ тому лѣтъ за сорокъ: сказавъ вообще, что романъ плохъ, онъ замѣтилъ неприличныя выраженія, потомъ грамматическія неправильности, затѣмъ слегка кое-что похвалилъ, а въ заключеніе выписалъ нѣсколько хорошихъ мѣстъ, тщательно имъ выбранныхъ, чтобъ тѣмъ лучше удружить автору. Понятія о содержаніи, идеѣ, о творчествѣ и т. п.—предметы самые старосвѣтскіе, и новому времени принадлежатъ только выраженія, въ родѣ слѣдующихъ, которыхъ не терпѣло старинное приличіе,—напр., что все хорошее въ романѣ Гоголя „утопаетъ въ какой-то смѣси *вздору, пошлостей и пустяковъ*“, „удивляемся *безвкусію* и *дурному тону*, господствующимъ въ этомъ романѣ“, „языкъ и слогъ самые неправильные и варварскіе“ и т. п.

IV.

Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Державинъ.

„А! это вы? насилу-то мы съ вами встрѣтились! Ну, что, какъ? Здоровы ли? что новаго?“... Такъ одинъ молодой человѣкъ, давно уже сидѣвшій въ книжной лавкѣ съ книжкою „Библіотеки для Чтенія“ въ рукахъ, привѣтствовалъ другого, только-что вошедшаго въ лавку, съ живостію бросившись къ нему навстрѣчу и съ жаромъ пожимая ему руку. Этотъ молодой человѣкъ давно уже поглядывалъ на меня съ явнымъ желаніемъ заговорить со мною, — должно быть, о статьѣ, которую читалъ. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что онъ и улыбался, и смѣялся; по временамъ съ устъ его слетали неопредѣленныя восклицанія. Онъ даже заговаривалъ со мною о погодѣ; но я, не любя заводить знакомствъ (ибо у насъ на Руси размѣняться съ незнакомымъ человѣкомъ двумя-тремя фразами о погодѣ значитъ иногда нажить пріятеля и „монтера“), отдѣлался отъ него неопредѣленнымъ „да“ и т. п. Тѣмъ живѣе была радость молодого человѣка при видѣ знакомаго, съ которымъ онъ давно не видался, и которому могъ излить ощущенія, возбужденныя въ немъ статьею. У нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, который показался мнѣ столь интереснымъ, что я почелъ не излишнимъ довести его до свѣдѣнія публики. Описаніе наружности и характера обоихъ персонажей этой маленькой сцены нисколько не послужило бы къ ея уясненію, и потому замѣтимъ только слегка, что молодой человѣкъ, встрѣтившій съ такою живостію своего знакомаго, былъ нѣсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ бы у себя дома, а лицо его казалось совершеннымъ выраженіемъ легкости и добродушія; знакомый же его отличался отъ него какою-то холодною важностію въ рѣчи и въ манерахъ. Чтобъ лучше слѣдить за ихъ разговоромъ, назовемъ перваго господиномъ Б., а другого господиномъ А.

А. Что новаго?—Да вѣдь вы знаете, что я всегда запасался имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что-то читали въ „Библіотекѣ для Чтенія“?

Б. Ахъ, да! — статью о „Мертвыхъ Душахъ“ [1]). Чудо, прелесть! Въ иныхъ мѣстахъ хотя и вздоръ, но зато какое во всемъ остроуміе! Такой статьи давно не бывало! Вотъ ужъ можно сказать: *писано желчью...*

А. Да, правда...

Б. Жаневъ! Рѣшительный Жаненъ!

А. Ну, ужъ вотъ этого-то я и не скажу. Жаненъ—болтунъ; чрезвычайный успѣхъ его основанъ на легкости и на отсутствіи всякихъ твердыхъ и глубокихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, для котораго онъ болтаетъ нынче совсѣмъ не то, что болталъ вчера, а завтра будетъ болтать совершенно противное тому, что болталъ вчера, но Жаненъ все-таки болтунъ остроумный, и, при другомъ обществѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ своего таланта лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Но каковъ бы ни былъ Жаненъ и теперь, его болтовня всегда блещетъ умомъ и остроуміемъ, хоть и совершенно внѣшними, и отличается *тономъ порядочныхъ людей*. Остроуміе Жанена заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобъ, выписавъ изъ разбираемаго романа нѣсколько фразъ, плоскихъ потому именно, что онѣ вложены авторомъ въ уста изображаемаго имъ человѣка дурного тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: *такіе періоды настоящіе свинтусы*! Истинное остроуміе, хотя бы и легкое и мелкое, не искажаетъ умышленно

[1]) Статья Сенковскаго-Брамбеуса.

предмета, чтобъ возбудить во что бы то ни стало грубый смѣхъ площадной толпы: оно находитъ смѣшное въ манерѣ видѣть предметы, не уродуя ихъ.

Б. Это, пожалуй, и такъ; да вѣдь дѣло-то не въ успѣхѣ, и bien rira qui rira le dernier! Осуждать такое остроуміе могутъ многіе съ большою основательностію; а острить такъ сами едва-ли могли бы, если бъ и хотѣли.

А. По крайней мѣрѣ, нужна для этого большая рѣшительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную нелѣпицу,— всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали или ложь. Повторяйте такія выдумки чаще и насчетъ всѣхъ и каждаго: васъ будутъ презирать, а слушать и смѣяться не перестанутъ. Но всему есть мѣра и границы. Одно и то же надоѣдаетъ, а выдумывать цѣлую жизнь разнообразныя литературныя лжи невозможно, и какъ скоро замѣтятъ, что вы повторяете самого себя, то перестанутъ и смѣяться, начнутъ зѣвать. Это я говорю не по отношенію къ журналу, какъ общую истину, которая удобно прилагается ко многимъ житейскимъ дѣламъ.

Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остроуміи рецензіямъ „Б. для Ч.“?

А. Нисколько. Когда она не увлекается пристрастіемъ, а главное остритъ надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно ей подъ силу, и о чемъ серьезно не стоитъ сказать и двухъ словъ,— ея рецензіи бываютъ очень забавны. Такъ, наприм., нельзя было не улыбнуться, читая въ „Б. для Ч.“ разборъ или, лучше сказать, надгробную рѣчь надъ прахомъ умершихъ прежде своего рожденія стихотвореній какого-то г. Бочарова. Но когда *такое же* остроуміе прилагается ею къ предметамъ высшаго значенія, которые почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по необходимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важное само по себѣ нельзя сдѣлать смѣшнымъ.

Б. Но что̀ ни говорите, а въ статьѣ о „Мертвыхъ Душахъ“ много ѣдкости...

А. Прибавьте — безсильной для предмета, слишкомъ высоко въ отношеніи къ ней стоящаго. Я не вижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи плохихъ стихотвореній площадного писаки съ поэмою Гоголя, ни въ томъ, что рецензентъ называетъ „поэмами“ разныя медицинскія сочиненія. Все это мнѣ кажется очень плоскимъ. Разберите-ка этотъ разборъ съ начала до конца, по порядку. Что̀ это такое?— Послушайте: „Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія“... Пока довольно; остановимся на „пыхтѣніи“ рецензента. „Пыхчу“ есть настоящее время глагола „пыхтѣть“, который значитъ то же, что „тяжело дышать“. Но послѣднее выраженіе употребляется въ отношеніи къ людямъ, а первое въ отношеніи къ лошадямъ и коровамъ. Видите ли: явное незнаніе русскаго языка?.. Если же слово „пыхтѣть“ и употребляется въ отношеніи къ людямъ, то не иначе, какъ въ унизительно-комическомъ тонѣ, для выраженія волненія крови и желчи, производимаго страстями, какъ-то: пристрастіемъ, и т. п. Итакъ, что̀ же хорошаго въ рецензіи, которая почти началась словомъ „пыхчу“? — Но будемъ слѣдить далѣе за „пыхтѣніемъ“ аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь назвалъ свое сочиненіе „поэмою“,—и вотъ онъ заставляетъ своихъ читателей, свидѣтелей его бѣшенаго восторг*у*“, спрашивать у него пыхтящаго рецензент*у*, какимъ размѣромъ писана поэма, давая тѣмъ знать, что онъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтѣніи, написанной прозою поэмы не признаетъ „поэмою“. Все это, дѣйствительно очень забавно и возбуждаетъ смѣхъ, но только совсѣмъ не надъ авторомъ поэмы, а развѣ надъ пыхтящею рецензіею. И мнѣ кажется, что я уже слышу громкій хохотъ свидѣтелей ея бѣшеннаго восторг*у*, оттого, что въ поэмѣ нѣтъ никакого разм*ѣру*, а можетъ и отъ смѣшной претензіи пыхтящаго рецензент*у* преобразовать правописаніе язык*у*, который чуждъ ему и котораго дух*у* онъ совсѣмъ не знаетъ. Выписка первой страницы поэмы исполнена пустыхъ придирокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, что Гоголь лучше его, пыхтящаго рецензент*у*, знаетъ употребленіе родительнаго падеж*у* и не хочетъ слѣдовать его нелѣпой орѳографіи [1]). „Поэтъ“ (восклицаетъ или „пыхтитъ“ рецензентъ) „поэтъ—существо всемірное; онъ выше временъ, пространствъ и грамматики!“ Можетъ быть, это восклицаніе, или это „пыхтѣніе“ и очень остроумно, а главное, очень ново и оригинально; но только оно подтверждаетъ мое убѣжденіе въ волненіи „Б. для Ч.“: не она ли, вотъ уже ровно *девятый* годъ, ежемѣсячно смѣется надъ грамматикою и доказываетъ, что эта наука изобрѣтена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважаетъ эту науку, такъ кстати подвернувшуюся ей подъ руку, чтобъ было чѣмъ швырнуть въ страшнаго для нея писателя, какъ нѣкогда, съ гораздо бо̀льшимъ

[1]) См. объ этомъ наше примѣчаніе къ отзыву Бѣлинскаго о „Библіотекѣ для Чтенія“ въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“ (№ 33). Прежнее мнѣніе Бѣлинскаго о Сенковскомъ — см. т. I. стр. 432—440; тамъ же см. и о полемикѣ Греча съ Сенковскимъ, о которой рѣчь идетъ ниже.

успѣхомъ, швырялъ ею г. Гречъ въ распорядителя „Библіотеки для Чтенія“. И вотъ, для доказательства своей силы въ русской грамматикѣ рецензентъ спѣшитъ употребить слово „запаховъ“, какъ онъ употребляетъ слово „мозги“, „мечтъ“ и т. п. Въ выраженіи Гоголя: „покамѣстъ слуги управлялись и возились“, онъ подчеркиваетъ слово „возились“, давая тѣмъ знать, что оно, почему-то, будто бы, не хорошо, а почему именно, это пока секретъ рецензенту, который онъ, вѣроятно, когда-нибудь откроетъ „свидѣтелямъ его бѣшенаго восторгу“. Впрочемъ, всѣхъ его *подчеркиваній* не перечтешь: они многочисленны и разнообразны. Но вотъ слѣдуетъ самое убѣдительное доказательство, какъ силенъ нашъ рецензентъ въ русскомъ языкѣ—послушайте. „Во всѣхъ словенскихъ языкахъ, какіе я знаю, *носъ* имѣетъ въ родительномъ падежѣ *носа*, а *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ* имѣютъ *шуму*, *вѣтру*, *дыму*“. Скажите, Бога ради, что это такое: шутка, мистификація, или просто—„пыхтѣнье“? Я не знаю, да и знать не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ славянскомъ языкѣ склоняются въ родительномъ падежѣ слова: *носъ*, *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ*; но, какъ природный русскій, знаю достовѣрно, что слова эти въ русскомъ языкѣ принимаютъ въ родительномъ падежѣ окончаніе равно и *а* и *у*, а когда которое именно, на это нѣтъ постояннаго правила, но это слышитъ ухо природно-русскаго, слышитъ—и никогда не обманывается. Всякій русскій скажетъ какъ у Гоголя: „Волосъ, вылѣзшій изъ носу“, и ни одинъ русскій не скажетъ: „Волосъ вылѣзшій изъ носа“. Точно также должно говорить *порывы вѣтра*, а не *порывы вѣтру*. Итакъ, знаніе другихъ языковъ не послужило рецензенту облегченіемъ въ знаніи языка русскаго, и онъ, съ горя, вздумалъ перекраивать русскій языкъ на свой ладъ, и, не зная его, принялся учить ему русскихъ!..

Б. Однакожъ, согласитесь, что языкъ у Гоголя часто грѣшитъ противъ грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы, за это, согласитесь, что не рецензенту же „Б. для Чт.“ упрекать его въ этомъ. Я далекъ отъ того, чтобы ставить Гоголю въ защиту неправильность языка, которая тѣмъ досаднѣе, что у него она явно происходитъ не отъ незнанія, а отъ небрежности, отъ нерасположенія потрудиться лишнюю четверть часа надъ написанной страницей [1]). Но у Гоголя есть нѣчто такое, что́ заставляетъ не замѣчать небрежности его языка,—есть *слогъ*. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ; его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тщетно бы хотѣли вы придумать другое слово или другую фразу для выраженія этой мысли. Это значитъ имѣть *слогъ*, который имѣютъ только великіе писатели, и о которомъ разсуждать такъ же не дѣло „Б. для Ч.“, какъ и разсуждать о русскомъ языкѣ, котораго она не знаетъ, что̀ можно доказать изъ каждой ея страницы, наполненной всяческихъ обмолвокъ противъ духа языка, ошибокъ противъ его грамматики, барбаризмовъ, солецизмовъ и, въ особенности, полонизмовъ.

Б. Это совершенная правда: г. Гречъ давно это доказалъ въ своей брошюрѣ—помните?... [1]). Я вѣдь и самъ вижу, что грамматическія-то обвиненія всѣ выдуманы; но рецензентъ такъ смѣло колетъ ими и такъ смѣшно умѣетъ ихъ выставлять, что тѣмъ болѣе дивишься его неподражаемому остроумію... Впрочемъ, если грамматическія нападки рецензента для васъ и ложны, и пусты, и скучны, перестанемъ говорить о нихъ, перейдемъ къ другимъ пунктамъ обвиненій, которые, надѣюсь, будутъ посущественнѣе. Мнѣ любопытно узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что̀ же и говорить мнѣ, если вся рецензія устремлена противъ слогу?..

Б. Нѣтъ, не противъ одного слога, но и противъ дурного тона сочиненія, такъ некстати названнаго „поэмою“, противъ странной претензіи автора видѣть представителей и героевъ русской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; противъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ со стороны автора, который, по таланту, не можетъ стать на-ряду даже съ Поль-де-Кокомъ... Что касается до меня, я со всѣмъ этимъ соглашаюсь только вполовину, потому что, какъ хочетъ „Б. для Ч.“, а по моему мнѣнію, и Гоголь чего-нибудь да стоитъ. И потому, повторяю: я держусь середины...

А. Что рецензентъ насмѣхается надъ словомъ „поэма“ въ приложеніи къ „Мертвымъ Душамъ“, это происходитъ оттого, что онъ не понимаетъ значенія слова „поэма“. Какъ видно изъ его намековъ, поэма непремѣнно должна воспѣвать народъ въ лицѣ ея героевъ. Можетъ быть, „Мертвыя Души“ и названы поэмою въ этомъ значеніи; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними въ этомъ отношеніи можно только тогда, когда выйдутъ двѣ остальныя части поэмы.

Б. Рецензентъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ рецензіи...

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму,

[1]) Разумѣется, это невѣрно: въ настоящее время извѣстно, какъ долго трудился Гоголь надъ обработкой своихъ произведеній.

[1]) См. примѣчаніе на страницѣ 582-ой.

въ началѣ и серединѣ рецензіи... Что касается до меня лично, *я пока* готовъ принять слово „поэма“ въ отношеніи къ „Мертвымъ Душамъ“ за равнозначительное слову „твореніе“ [1]). Въ этомъ значеніи всякое произведеніе поэзіи есть поэма—и ода, и пѣсня, и трагедія, и комедія. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что, опираясь на словѣ „поэма“, стоящемъ въ заглавіи сочиненія Гоголя, рецензентъ очень наивно и очень невинно силится бросить на автора не совсѣмъ прохладную тѣнь неуваженія, будто бы, къ русскому обществу, котораго репутація такъ дорога сердцу рецензент*у*, незнающаго русскаго язык*у* и русской грамматики... Иначе, какъ же вы поймете „тонкіе“ намеки рецензенту на то, что авторъ „Мертвыхъ Душъ“ будто бы, „при каждомъ *неблаговидномъ* случаѣ наводитъ рѣчь на Русскихъ“. Какой же этотъ „неблаговидный случай“?—Авторъ проситъ у читателей извиненія за то, что знакомитъ ихъ съ Петрушкою и Селифаномъ, людьми Чичикова, „зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями“. Но чтобъ уяснить это съ умысломъ затемненное рецензентомъ дѣло,—вотъ „Мертвыя Души“ — я прочту вамъ изъ нихъ все это мѣсто, изъ котораго рецензентъ взялъ только то, что̀ нужно было ему для его цѣли. Выслушайте:

„Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что̀ ни пресмыкается у ногъ его, или, что̀ еще хуже, можетъ быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ“.

Итакъ, очевидно, что авторъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, и притомъ очень деликатно, кольнулъ слабость нашего общества къ знакомству съ чинами и отличіями, а не людьми. Во-первыхъ, это правда; во-вторыхъ, это особенно не унижаетъ Русскихъ передъ другими народами, особенно, напр., передъ Нѣмцами, которые отчаянно больны чиноманіею, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвѣщеніи; въ-третьихъ, Петрушка и Селифанъ послужили для автора только предлогомъ къ нападеніямъ на чиноманію, и онъ совсѣмъ не думалъ упрекать русское общество за то, что оно не хочетъ знаться съ кучерами и лакеями. Судите же, послѣ этого, изъ какого *свѣтлаго* источника вытекло негодованіе незнающаго по-русски рецензента, негодованіе, которымъ такъ преисполнены эти его строки:

„Помилуйте! вскрикиваетъ *почтеннѣйшій* (гостиподворскій эпитетъ!) читатель, не отнимая пальцевъ отъ своего *почтеннѣйшаго* носа (острота!), который онъ имѣетъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ *воздуховъ* (острота и грамматическая ошибка!); что вы это, съ вашимъ поэтомъ, *при каждомъ неблаговидномъ случаѣ наводите рѣчь на Русскихъ! Въ чемъ и за что̀ вы безпрерывно ихъ обвиняете?* Да они очень хорошо дѣлаютъ, что не хотятъ знакомиться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно *закрывать носъ* и глаза рукою. Если порядочные Русскіе неохотно сближаются съ людьми низкаго сословія, причиною этого долженъ быть распространившійся между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый *народный порокъ*, не всеобщая спесь, не безразсудная гордость. *Надъ чѣмъ вы тутъ насмѣхаетесь? Куда норовите свои эпиграммы?* (не по-русски). Страсть зазнаться!.. *Да чтобы по случаю Петрушки упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться* (у Гоголя: зазнаться съ тѣмъ, кто хотя однимъ чиномъ повыше — это рецензентомъ выключено, а глаголъ „зазнаться“ повороченъ на глаголъ „зазнаваться“!!..), *надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка и только понапрасну, изъ гордости, не узнаетъ въ немъ себѣ равнаго!* Но это неправда. *Вы систематически унижаете русскихъ людей.* Я (о!..) этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши *зловонныя* картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе...“

Итакъ, скажите же: гдѣ у Гоголя все это есть, и о *томъ* ли, *то* ли говоритъ онъ, на что̀ возсталъ рецензентъ? Нѣтъ, это уже не „пыхтѣнье“, это что-то въ родѣ придирокъ извѣстнаго рода...

Б. Оно такъ; я не скажу, чтобъ это было хорошо; но зато какъ зло, какъ ловко, мастерски!..

А. Да, видно, что мастеръ *своего дѣла*. Но объ этомъ довольно: по одному судите и обо всемъ, тѣмъ болѣе, что нашъ рецензентъ умѣетъ быть вѣренъ себѣ.

Б. Ну, а на счетъ дурного тона, сальныхъ картинъ, грязныхъ изображеній—что̀ вы скажете на счетъ всего этого? Право, „Мертвыя Души“ какъ будто писаны для сидѣльцевъ въ мучныхъ лавкахъ...

А. И однакожъ ихъ читаетъ и ими восхищается высшій свѣтъ и не находитъ въ нихъ дурного тона, плоскостей и сальности. Авторитетъ большого свѣта въ этомъ случаѣ безусловно неоспоримъ. Въ нападкѣ рецензента на дурной тонъ „Мертвыхъ Душъ“ я узнаю того же опытнаго мастера отнять непріятныя ему литературныя репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ Гоголя не разъ прибѣгали уже и другіе обожатели и знатоки хорошаго тона, еще задолго до появленія бонтонно „пыхтящей“ рецензіи. И хотя эти другіе ратовали съ тою же цѣлію

[1]) О колебаніяхъ Бѣлинскаго въ отношеніи къ названію „Мертвыхъ Душъ“ *поэмою* см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 37.

и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, однако они были искреннѣе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому что въ простотѣ мѣщанской свѣтскости они не шутя считаютъ неприличнымъ то, что̀ въ большомъ свѣтѣ нисколько не считается неприличныхъ. Но нашъ рецензентъ очень хорошо понимаетъ, что̀ и для чего онъ дѣлаетъ. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ русскаго общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ невѣдомаго и недоступнаго имъ большого свѣта, онъ не пропуститъ случая ухватиться за эту чувствительную струну.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на цѣлое общество...

А. Нисколько. Франція въ отношеніи къ свѣтской общественности, безъ всякаго сомнѣнія, первое государство въ мірѣ. Однакожъ, и тамъ центръ свѣтскости и высшаго тона находится въ Парижѣ, и именно въ двухъ пунктахъ: въ послѣднемъ убѣжищѣ легитимизма, Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстіи и въ новой мѣщанской аристократіи, при дворѣ. Всѣ прочіе слои общества суть только болѣе или менѣе вѣрныя отраженія этихъ первообразовъ свѣтской общественности. Смѣшно и нелѣпо было бы видѣть униженіе всего общества въ весьма обыкновенной и правдивой фразѣ, что *истинный* хорошій тонъ царствуетъ въ высшемъ петербургскомъ кругу, и что средніе круги общества часто добровольно дѣлаются смѣшными, считая и себя „большимъ свѣтомъ“ и стараясь копировать съ образца, который они видятъ издали, на гуляньяхъ и въ каретахъ, проѣздомъ по улицѣ. Нѣтъ никакого униженія, когда вамъ скажутъ (если вы этого не знаете сами), что нигдѣ нѣтъ столько пустыхъ претензій, изысканности, чопорности, а слѣдовательно и дурного тона, какъ въ этихъ среднихъ кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихъ-то отношеніяхъ съ „большимъ свѣтомъ“, который для нихъ есть истинная terra incognita. Такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего своего, то все чужое, которымъ дышатъ они, переходитъ у нихъ въ карикатуру: развязность и свобода высшаго общества—въ наглость, приличіе—въ чопорность, вѣжливость—въ церемонность, любезность—въ гостинодворскій тонъ. Я именно говорю о среднихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помѣщиковъ, согласитесь со мною, что между ними нерѣдко встрѣчаются прекрасныя исключенія; въ ихъ домахъ вы не найдете того, что̀ называется „высшимъ свѣтомъ“, но найдете благородный тонъ, благородную простоту обращенія, истинную образованность, которая такъ рѣдка и въ „высшемъ свѣтѣ“. Въ нихъ есть *свое*, оттого они и не пародируютъ другихъ; они берутъ отъ большого свѣта свое, не принимая отъ него чуждаго имъ, или несоотвѣтствующаго ихъ средствамъ и положенію. Наше общество еще такъ молодо, такъ еще не установилось и не приняло общаго характера, что такія прекрасныя исключенія представляются только въ семействахъ, въ отдѣльныхъ ломахъ, а не въ цѣломъ сословіи, пестромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ прекрасныхъ исключеній состоитъ именно въ томъ, что домы, о которыхъ я говорю, имѣютъ свое собственное значеніе и не принадлежатъ къ тому, что̀ называется „средними кругами“: это аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ кругомъ должно разумѣть преимущественно чиновничество столицъ и губернскихъ городовъ—это плодородное поле, съ котораго даже и низшіе таланты, чѣмъ талантъ Гоголя, сбираютъ такую обильную жатву. Вотъ ихъ-то и имѣла въ виду рецензія. Но что̀ же плоскаго и грязнаго находитъ рецензентъ у Гоголя?—Портреты Петрушки и Селифана, *запахи* (говоря его не русскимъ языкомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ свинья съ семействомъ, рывшаяся въ кучѣ сора и мимоходомъ заѣвшая цыпленка, особенно непріятно подѣйствовала на его свѣтскую разборчивость. Что́ же бы сказалъ онъ, прочитавъ извѣстную басню Крылова, гдѣ свинья играетъ главную роль... „Грязь на грязи!“ восклицаетъ „почтеннѣйшій“ чистоплотный рецензентъ.

Б. Однакожъ, вы вѣрно не находите изящными подобныя картины?

А. Напротивъ, именно нахожу изящною эту грязь, „возведенную въ перлъ созданія“, нахожу ее въ милліонъ разъ изящнѣе сусальной позолоты поэтовъ средняго круга общества, поэтовъ чиновническихъ и губернскихъ. Картина быта, дома и двора Коробочки—въ высшей степени художественная картина, гдѣ каждая черта свидѣтельствуетъ о геніальномъ взмахѣ творческой кисти, потому что каждая черта запечатлѣна типическою вѣрностію дѣйствительности и живо, осязательно воспроизводитъ цѣлую сферу, цѣлый міръ жизни, во всей его полнотѣ.

Б. Ну, хорошъ же этотъ міръ! Поздравляю съ такою жизнію!

А. Не взыщите—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности. Она не выдумываетъ ничего такого, чего бы не было въ дѣйствительности, она только идеализируетъ явленія дѣйствительности, возводя ихъ къ общему значенію, что́ и значитъ „возводить въ перлъ созданія“. Всякая другая поэзія—пустое фантазерство, вздоръ и пустяки, способные забавлять людей ограниченныхъ и необразованныхъ. И потому мѣрка достоинства поэти-

ческаго произведенія есть вѣрность его дѣйствительности.

Б. Но неужели же въ русской дѣйствительности нѣтъ ничего лучше и благороднѣе Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова и тому подобныхъ героевъ и героинь?

А. Безъ всякаго сомнѣнія есть; и авторъ совсѣмъ не думалъ своими „Мертвыми Душами“ утверждать противное. Онъ только взялъ себѣ извѣстную сферу жизни, дѣйствительно существующую — вотъ и все. Упрекать его за это—все равно, что упрекать Лафонтена и Крылова, зачѣмъ они писали басни, а не оды, упрекать Мольера и Фонвизина, зачѣмъ они писали комедіи, а не трагедіи. Стекла (по прекрасному выраженію Гоголя), озирающія небесныя свѣтила и насѣкомыхъ, равно велики. А какое же вы имѣете право упрекать естествоиспытателя, что онъ изучаетъ инфузорій, какъ будто въ природѣ нѣтъ твореній болѣе благородныхъ? Сверхъ того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенныя Гоголемъ, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличиваютъ дѣло и грубо его понимаютъ. Эти лица дурны по воспитанію, по невѣжественности, а не по натурѣ, и не ихъ вина, что со дня смерти Петра Великаго прошло только 116, а не 300 *л.* Неужели въ иностранныхъ романахъ и повѣстяхъ вы встрѣчаете все героевъ добродѣтели и мудрости? Ничего не бывало! Тѣ же Чичиковы только въ другомъ платьѣ, во Франціи и въ Англіи они не скупаютъ мертвыхъ душъ, а подкупаютъ живыя души на *свободныхъ* парламентскихъ выборахъ! Вся разница въ цивилизаціи, а не въ сущности. Парламентскій мерзавецъ образованнѣе какого-нибудь мерзавца нижняго земскаго суда; но въ сущности оба они не лучше другъ друга. Люди съ божественною искрою въ душѣ вездѣ рѣдки,—и я первый пламенно желаю, чтобъ Гоголь иногда дарилъ насъ изображеніями и такихъ личностей, тѣмъ болѣе желаю, что теперь только одинъ онъ и можетъ изображать ихъ. Но я не считаю себя въ правѣ требовать, чтобъ онъ изображалъ то, а не это, или ставить ему въ вину, что онъ изображаетъ то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такія слова, какъ *свинтусъ*, *скотоводъ*, *подлецъ*, *ветюкъ*, *чортъ знаетъ*, *нагадить* и тому подобныя — такія слова видѣть въ печати какъ-то странно.

А. А слышать, или самому говорить не странно?.. Но авторъ „Мертвыхъ Душъ“ нигдѣ не говоритъ самъ, онъ только заставляетъ говорить своихъ героевъ, сообразно съ ихъ характерами. Чувствительный Маниловъ у него выражается языкомъ образованнаго въ мѣщанскомъ вкусѣ человѣка, а Ноздревъ—языкомъ *историческаго человѣка*, героя ярмарокъ, трактировъ, попоекъ, дракъ и картежныхъ продѣлокъ. Не заставить же ихъ было говорить языкомъ людей высшаго общества! Что же касается до слова „подлецъ“, авторъ употребляетъ его и отъ своего лица, какъ люди порядочнаго тона употребляютъ, кромѣ этого слова, слова: *воръ*, *разбойникъ*, *плутъ*, *взяточникъ*, *казнокрадъ*, *завистникъ*, *лжецъ*, *клеветникъ* и т. п. И я, право, не понимаю, что̀ неприличнаго въ словѣ *подлецъ*, и чѣмъ оно непристойнѣе, напримѣръ, словъ *предатель*, *низкопоклонникъ* и проч. Дѣло не въ *словѣ*, а въ *тонѣ*, въ какомъ это слово произносится. Иной любезникъ чиновническаго или гостинодворскаго кружка говоритъ все вѣжливости, одна другой тоньше и деликатнѣе, а все кажется, будто онъ отпускаетъ такія выраженія, за которыя выводятъ подъ руки изъ собраній; а порядочный человѣкъ выражается рѣзко, называетъ вещи ихъ настоящими словами—*вонь вонью*, *подлеца подлецомъ*, и между тѣмъ разговоръ его все-таки исполненъ благородства и достоинства, приличія и хорошаго тона. Правда, Гоголь иногда касается такихъ сторонъ общественности, которыя подъ перомъ иныхъ писателей были бы просто невыносимы и для обонянія, и для слуха, и для взора, но какъ Гоголь не копируетъ дѣйствительности, а „возводитъ ее въ перлъ созданія“, какъ его юморъ спокоенъ, мягокъ и благороденъ, несмотря на свою силу, цѣпкость и глубокость, то въ его созданіяхъ никогда и ничего не бываетъ низкаго и тривіальнаго. Онъ владѣетъ тайною великаго таланта обращать въ чистое золото все, къ чему ни прикоснется. Скажите по совѣсти, встрѣчали ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину грубой чувственности, написанную съ желаніемъ самому налюбоваться ею и, возбужденіемъ нечистаго восторга, пріобрѣсти себѣ большее число читателей? Гдѣ, укажите, рисуетъ онъ грязь для грязи, по страсти къ цинизму—замашка, довольно любимая, впрочемъ, добрымъ и талантливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ такъ невпопадъ, такъ натянуто вздумала равнять Гоголя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кокъ—это имена, между которыми столько же общаго, какъ между именами Вольтера и какого-нибудь барона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, хоть и плохо по-русски пишущаго, но во многомъ походящаго на Поль-де-Кока, по крайней мѣрѣ, со стороны цинизма, если не со стороны знанія языка, таланта, сердечной теплоты. Это — баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять въ дурномъ тонѣ, въ плоскостяхъ, въ сальностяхъ, въ явномъ незнаніи русскаго языка и русской грамматики, при талантѣ, кото-

раго силу составляетъ смѣлость, да иногда блестки внѣшняго, поверхностнаго ума. И подобное обвиненіе можно подкрѣпить фактами, противъ которыхъ нечего будетъ сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастныя „Фантастическія Путешествія“ какъ забыла ихъ русская публика, бросившаяся было на нихъ сначала слишкомъ горячо, по опрометчивости, столь свойственной всему молодому, — то вамъ стоитъ только перелистовать ихъ, чтобъ предъ вами возникла цѣлая галлерея картинъ, одна другой неумытѣе, одна другой спиртуознѣе, до того, что передъ ними всякіе другіе „запахи“ должны утратить свою рѣзкость. Да вотъ кстати—со мной одна изъ тетрадей литературныхъ матеріаловъ, которые я собираю для составленія исторіи русской литературы. Я вѣдь и зашелъ сюда именно потому, что мнѣ нужно навести кое-какія справки на счетъ критики „Б. для Ч.“. Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобъ не заставлять васъ зажимать или, какъ выражается рецензія, „закрывать рукою“ вашъ „почтеннѣйшій“ носъ; я только напомню вамъ бѣгло кое-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ баронъ проваливается черезъ Этну къ антиподамъ и попадается прямо въ антраша танцовавшей губернаторши, которая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ за это кусаетъ ее за мягкую тяжесть, наполнившую его ротъ (1)... Что̀—хорошо?.. А его чистоплотные разсказы о „тихомъ, роскошномъ, пуховомъ тѣльцѣ дѣвушекъ, въ коротенькихъ розовыхъ юбочкахъ“ (2); на жертву жаднымъ взорамъ маленькихъ грудей и плечъ“ (3); о „постели двухъ юныхъ любовниковъ, только-что оставленной ими по утру въ живописномъ безпорядкѣ, еще дышащей волканическою теплотою ихъ сердецъ, среди холодныхъ уже слѣдовъ перваго взрыва ихъ любви“ (4); о душѣ пустынника, „забирающейся за пестрые прозрачные платочки его слушательницъ, чтобъ играть съ ихъ бѣленькою грудью и щекотать ихъ подъ сердцемъ“ (5); о „бѣлой *жирной* ножкѣ мандаринши“, на которой „влюбленныя насѣкомыя (т.-е. блохи) утопаютъ въ небесномъ блаженствѣ“ и которыхъ мандаринша должна была „всякій вечеръ ловить у себя подъ рубашкою“ (6). Какъ вы думаете: вѣдь право недурно?.. Да то ли еще есть у „почтеннѣйшаго“ барона! Вспомните-ка его „Большой выходъ Сатаны“, гдѣ чортъ сидитъ на воронкѣ, обороченной вверхъ острымъ концомъ, и роскошно повертывается на этомъ эстетическомъ сѣдалищѣ, вслѣдствіе оплеухи, данной ему сатаною... А тонъ, выраженія г. барона? О, это верхъ свѣтскости! Напримѣръ: „Если есть счастіе на свѣтѣ, то не индѣ, какъ въ шароварахъ“ (7), или: „иную бабу можно считать своею деревнею, которая приноситъ 150.000 годового дохода“ (8), или „если бъ людей дѣлали немножко иначе, не такъ поспѣшно и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо умнѣе“ (9); или: „льстецы, видя только *задъ* души въ глазахъ сильныхъ людей, не разбираютъ и лобызаютъ все, что̀ имъ ни выставишь“ (10)... Помните ли его статью: „Юная Словесность“, гдѣ *юная словесность* лѣзетъ къ нашему барону въ домъ, „шумитъ, *безчинствуетъ*, ломаетъ утварь, расхищаетъ всю собственность и принадлежность счастія“ (11)? Баронъ объявляетъ читателямъ, что у него есть баронесса, „образующая вмѣстѣ съ нимъ широкую и плотную массу человѣчества“, которую онъ хочетъ спасти отъ нападеній „юной словесности“, для чего и „пробуетъ треснуть ей въ лобъ колодой картъ“. Юная словесность „стрѣляетъ раскаленными ядрами по бастіону супружества“; потомъ „бусурманка (т.-е. юная словесность) изранила взаимное довѣріе супруговъ“. Баронъ пыхтитъ и кричитъ: „Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность!.. Ахъ, *распутница*!“ Баронесса „срывается ночью съ постели“, „повалилась на землю, грызетъ въ бѣшенствѣ камень“, а *юная словесность*, „вся запачканная кровью, *пыхтитъ* и качается въ своей грязной лужѣ“ и проч. Право, хорошо! Что̀ жъ не смѣетесь, не хохочете, или, по крайней мѣрѣ, не пыхтите отъ восторгу?... Что̀ жъ вы не восклицаете: „какіе свинтусы, какіе скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зловонныя картины“?.. Что̀ такое исторія, какъ наука?—„Жеманная и придирная баба“ (12)... Что̀ такое историческій романъ? — „Плодъ соблазнительнаго прелюбодѣянія исторіи съ воображеніемъ“ (13)... Что̀ такое сочинитель „Мазепы“ (плохого романа, теперь забытаго)? — „Наѣздникъ, который въ полночь лѣзетъ къ критику въ разбитое окно, вооруженный острымъ гусинымъ кинжаломъ“ (14)...

(1) „Фант. Пут. барона Брамбеуса“ стр. 307—309. (Нижеслѣдующія девятнадцать примѣчаній принадлежатъ Бѣлинскому. *И.-Р.*).
(2) „Библ. для Чтенія“ 1834 г., т. I, стр. 4—5.
(3) Ibid., стр. 61.
(4) „Фант. Пут.“ , стр. 199.
(5) „Новоселье“, ч. II, стр. 217—218.
(6) Ibid., стр. 168.
(7) „Новоселье“, ч. II, стр. 204.
(8) „Библ. для Чтенія“, т. I, отд. I, стр. 97.
(9) „Новоселье“, ч. II, стр. 146.
(10) Ibid., стр. 148.
(11) „Библ. для Чтенія“, т. III, отд. I, стр. 54—59.
(12) Ibid., т. II, отд. V, стр. 42.
(13) Ibid., стр. 14.
(14) Ibid., стр. 44.

Теперь, не угодно ли полюбоваться философическими афоризмами столь же глубокомысленнаго, сколько и эстетическаго барона? — „Воздухъ есть сухая вода“ (15); „камень, гранитъ — тоже жидкость, но которой мы уже не можемъ укусить нашими зубами“ (16); „Земная планета — атомъ приведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго желтка около перваго зародыша цыпленка“ (17)... „Что такое я самъ?“ спрашиваетъ баронъ, и тотчасъ весьма удовлетворительно рѣшаетъ этотъ любопытный вопросъ: „Я тоже жидкость, маленькая мѣра жидкости, сгущенной до извѣстной степени, вылитой по особенному образцу зажженной внутри искрою небеснаго огня“ (18)... Не хотите ли образчика баронскаго слогу — „Эта бѣдная Зенеида... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окруженная неизбѣжною погибелью, еще борю*щаяся* съ волнами страшнаго хаоса и *въ лицѣ погибели* (?) хватаю*щаяся* за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее призракомъ супружескаго счастія; уже *смолола ея существованіе въ своей пасти*, и бросила *его* (?) *безъ всякой доски* въ *омутъ* домашняго насилія“ (19)... Хорошо!.. Но довольно! Я боюсь васъ утомить чтеніемъ этихъ отрывковъ изъ моей тетрадки, которая, увѣряю васъ, очень любопытна, и если не пыхтитъ сама, то заставитъ порядкомъ попыхтѣть иныхъ романистовъ, критиковъ и рецензентовъ... Посудите сами о богатствѣ собранныхъ мною фактовъ: все, что я успѣлъ прочесть вамъ, ограничивается „Фантастическими Путешествіями“, „Новосельемъ“ и тремя первыми томами „Библ. для Чтенія“ за 1834 годъ... Слышите ли: *только!* Сколько же еще богатыхъ источниковъ! О, я надѣюсь написать прелюбопытную исторію русской литературы!..

Б. Вотъ эта книга по мнѣ! Страхъ люблю полемику! Даетъ пищу для споровъ и средство взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ!

А. Это будетъ не полемика, а исторія... Но мы отклонились отъ предмета нашего разговора — пыхтящей рецензіи. Она очень ошиблась — не въ томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-де-Кокомъ, и даже унижать перваго передъ послѣднимъ, но въ томъ, что могли думать, будто не найдется человѣка, который растолковалъ бы ей, что у нея подъ рукой есть писатель, совершенно подходящій подъ ея обвиненія и болѣе годный для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понимая, что успѣха „Мертвыхъ Душъ“ не остановить ей, пыхтящая рецензія приписываетъ необычайный успѣхъ этого превосходнаго художественнаго произведенія грязности и сальности, смѣло и храбро навязаннымъ ею. Жалкія усилія, безсильные извороты! Этакъ можно объяснять развѣ только успѣхъ какого-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь „Библіотеки для Чтенія“, которыхъ судьба въ началѣ была такъ блестяща, и теперь такъ печальна! Баронъ давно уже забытъ и тщетно пытался напомнить о себѣ публикѣ длиннымъ разглагольствованіемъ о „Дѣвѣ Чудной“ (публика отъ „Дѣвы“ заснула, а о баронѣ не вспомнила), а „Библіотека“ быстро подвигается, засыпая сама и усыпляя своихъ читателей, къ берегамъ темной Леты... Передъ смертью жизнь вспыхиваетъ ярче, какъ огонь, готовый погаснуть въ лампадѣ: и вотъ вамъ причина энергіи пыхтящей рецензіи... Въ самомъ дѣлѣ, баронъ трудился, пыхтѣлъ, написалъ новый романъ, попытался, напечатавъ его половину, разманить имъ вниманіе публики, но, увы!—публика уже не та! Съ тѣхъ поръ, какъ „Б. для Ч.“ успѣла ей наскучить этою мудростію, которая по плечу толпѣ, этимъ скептицизмомъ, который удивляетъ и озадачиваетъ только слабоумныхъ и невѣждъ, этимъ остроуміемъ, которое поддерживается искаженіемъ истины и повторяетъ себя однѣми и тѣми же шуточками,—съ тѣхъ поръ публика прочла „Капитанскую Дочку“ и посмертныя произведенія Пушкина, познакомилась въ театрѣ съ „Ревизоромъ“, заучила наизусть стихи Лермонтова и много разъ перечла его „Героя Нашего Времени“... Какой шагъ впередъ! Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца „Дѣвы Чудной“ и назвала ее „дѣвою скучною“?.. Что дѣлать барону? — Тщетно „Библіотека для Чтенія“ громко провозгласила г. Кукольника геніемъ, великимъ поэтомъ, какъ провозглашала она нѣкогда г. Тимофеева и многія другія посредственности, не страшныя, не опасныя ни ей, ни барону Брамбеусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни „Эвелины де Вальероль“, ни „Двухъ призраковъ“, ни „Альфа и Альдоны“; а нарасхватъ раскупила „Мертвыя Души“—произведеніе писателя, о которомъ если „Б. для Ч.“ и упоминала, то всегда съ презрѣніемъ и насмѣшками... Такъ нѣкогда публика забыла „Большой Выходъ Сатаны“ и не прочла „Похожденій Одной Ревижской Души“, потому что сильно заинтересовалась какою-то повѣстью о *ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*... Постой же мы его!.. И вотъ является

(15) „Библ. для Чтенія“, т. II, отд. I, стр. 145.
(16) Ibid., стр. 146.
(17) Ibid., стр. 146.
(18) Ibid., стр. 146.
(19) Ibid., стр. 161.

пыхтящая рецензія, гдѣ превосходное художественное произведеніе названо „нечистоплотнымъ твореніемъ“, глубочайшій и могущественнѣйшій юморъ—плоскостью, благородное сознаніе поэта въ чувствѣ собственнаго значенія въ *родной* ему *русской* литературѣ—бредомъ напыщеннаго тщеславія, и гдѣ, къ довершенію всего, содержаніе, ходъ дѣйствія, словомъ, все представлено въ ложномъ, изношенномъ видѣ, умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придиркамъ мелочной критики, побирающейся мелкими обмолвками противъ языка и грамматики. Посмотримъ, поможетъ ли горю salto mortale критической добросовѣстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чѣмъ кончится споръ, если онъ уже и не кончился... Гоголь, разумѣется, и не узнаетъ объ этихъ отчаянныхъ вылазкахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человѣкъ совсѣмъ не любопытный до многаго, что́ дѣлается въ русской литературѣ); потому, естественно, онъ будетъ отвѣчать только новыми своими произведеніями, отъ которыхъ иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть...

Б. Я впрочемъ радъ этому разговору. Я люблю видѣть вещи со всѣхъ сторонъ. Сегодня же пойду къ С*** и къ Л*** и буду съ ними спорить противъ „Б. для Ч.“ за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мнѣ доставитъ много удовольствія. Впрочемъ, вы все-таки не убѣдили меня. Разговоръ не то, что́ статья. Говорить можно все, а вотъ если бъ вы напечатали статью, гдѣ бы такъ же смѣло опровергали рецензію „Б. для Ч.“, какъ смѣло и рѣшительно она отдѣлала „Мертвыя Души“ и Гоголя, тогда другое дѣло! Однакожъ я теперь не совсѣмъ согласенъ и съ „Библіотекою“. Мнѣ кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Середина всего выгоднѣе, по крайней мѣрѣ, для успѣха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбою поставлены на середину. Побольше такихъ умѣренныхъ людей, какъ вы,— и они всегда будутъ процвѣтать, смѣняя другъ друга, умирая индивидуально, но не переводясь, какъ роды и виды... Но пора обѣдать. Прощайте.

V.

Всѣ согласны, что русская литература довольно небогата, такъ что охотникамъ до русскихъ книгъ просто нечего читать, если они хотятъ читать только одно хорошее. Въ 1840 году вышелъ „Герой Нашего Времени“, а въ 1842 году вышли „Мертвыя Души“. Если включить сюда пять-шесть повѣстей въ журналахъ и альманахахъ—вотъ и все по части прозы... Кто будетъ спорить, что для прочтенія *всего этого* немного нужно времени? Въ 1840 году вышли стихотворенія Лермонтова, а въ 1841—42 году, отъ дня смерти поэта почти до настоящей минуты, напечатаны въ „Отеч. Запискахъ“, кромѣ небольшихъ пьесъ, отрывки изъ „Демона“ и поэма „Бояринъ Орша“; если включить сюда вышедшія въ нынѣшнемъ году стихотворенія г. Майкова, да еще пять-шесть стихотворныхъ пьесъ, разсѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ, вотъ и все, что́ явилось примѣчательнаго по части стиховъ въ послѣдніе два года!.. Опять никто не будетъ спорить, что для прочтенія *всего этого* нужно слишкомъ мало времени... Репертуаръ русской сцены—эта арена гг. Кукольника, Полевого, Ободовскаго, Коровкина, Соколова и многихъ другихъ,—репертуаръ русской сцены представляетъ собою то засохшее поле, на которомъ ни былинки, то, послѣ долгихъ проливныхъ дождей, покрытую грибами и дождевиками поляну... Вообще, наша драматическая литература хуже всякой другой нашей литературы; о ней не стоило бы даже и говорить. Но все это дѣло весьма поправимое, и притомъ легко поправимое. Удивляемся, какъ никому не пришло въ голову этого простого средства, и только одна „Сѣверная Пчела“ могла придумать его. Въ 42 № этой газеты напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

„Хладнокровіе къ русской литературѣ и русскимъ художествамъ грѣхъ противу русской народности, слѣдовательно и противу патріотизма. Вы скажете намъ: да виноваты ли мы, что за границею пишутъ лучше *(чѣмъ гдѣ?)*, что водевили Скриба лучше нашихъ, что драмы Дюма и Виктора Гюго занимательнѣе *(чего?)*, что романы Евгенія Сю, Бальзака и Жоржъ Зандъ превосходнѣе *(чего?)*, что Les Français peints par eux-mêmes лучше *Нашихъ?...* [1]). Быть можетъ, не споримъ. Но если въ годовыхъ своихъ расходахъ вы полагаете тысячу рублей на вистъ и тысячу рублей на непредвидимыя мелкія издержки, опредѣлите, *пожалуйста*, хотя *пятьсотъ рублей на русскія книги! Не читайте сами, если онѣ вамъ не нравятся, но отсылайте каждую зиму въ деревню, въ вашу деревенскую библіотеку. Пусть онѣ лежатъ тамъ спокойно.* Придетъ время, и вашъ потомокъ воздастъ вамъ за это честь и хвалу! — *Вамъ скучно въ русскомъ театрѣ — нѣтъ нужды! появляйтесь тамъ въ представленіе каждой новой русской пьесы, особенно оригинальной—это принесетъ большую пользу искусству!* Піесы пишутся по публикѣ, и когда люди высшаго вкуса и образованія станутъ появляться въ русскомъ театрѣ, піесы будутъ изящнѣе“.

Какъ жаль, что подъ этою прекрасною статьею не подписано имени его сочинителя, которое, такимъ образомъ, не перейдетъ въ потомство и не пріобрѣтетъ заслуженнаго имъ безсмертія! Какой проектъ, Боже мой,

---

[1]) См. наше первое примѣчаніе въ статьѣ № 36.

какой проектъ! Какъ онъ простъ и удобоисполнимъ! А между тѣмъ какіе великіе результаты должны изъ него выйти! Литература процвѣтетъ, т.-е. потомки прочтутъ книги, которыя не стоили вниманія современниковъ, и будутъ обязаны живѣйшей благодарностію собирателямъ этихъ драгоцѣнныхъ библіотекъ... Увидя, что и высшее общество ѣздитъ зѣвать и спать на представленія новыхъ русскихъ, особенно оригинальныхъ пьесъ,—наши драматурги вдругъ пріобрѣтутъ и талантъ, и вкусъ, и умъ, и чувство приличія, и знаніе жизни, словомъ, все, чего они съ такою истинно-достойною удивленія рѣшимостію до сихъ поръ не хотятъ пріобрѣтать... Помилуйте, да такой проектъ больше всякой книги заслуживаетъ демидовскую премію!.. Честь и слава газетѣ, гдѣ печатаются такіе дивные проекты!..

VI.

Что̀ такое патріотизмъ и патріоты—всякій знаетъ; но не всякій знаетъ, что патріоты раздѣляются на два разряда. Одни получаютъ имя патріотовъ за свои заслуги, отъ общества и отъ исторіи, какъ получили его Мининъ, Пожарскій, Сусанинъ и другіе, не дожидаясь приговора общества, которое часто бываетъ завистливо, и исторіи, которая всегда бываетъ медленна. Другіе сами себя провозглашаютъ патріотами, потому что громче другихъ говорятъ о любви и ревности ко всему отечественному. У насъ въ литературѣ теперь особенно много развелось патріотовъ второго разряда. Между ними даже есть люди, неумѣющіе безъ ошибки противъ языка написать двухъ строкъ по-русски, но тѣмъ не менѣе въ своей патріотической ревности затѣвающіе преобразованіе русскаго слога. Другіе, прижавшись за какого-нибудь опытнаго корректора, кое-какъ понавострились писать русскимъ складомъ, за что̀ даже стяжали себѣ славу „сочинителей“ на всѣхъ толкучихъ рынкахъ, гдѣ между прочимъ хламомъ продаются, и порознь и мѣшками, книги, которыя не пошли въ ходъ изъ книжныхъ лавокъ, или которыя прежде бойко шли, но потомъ, какъ говорится, вдругъ оборвались. Третьи, чтобы сдѣлать для всѣхъ яснѣе свой патріотизмъ, пишутъ языкомъ временъ Кошихина, примѣромъ русскихъ мужиковъ и бабъ уличаютъ Богъ знаетъ въ чемъ Гоголя и французскихъ романистовъ, которые, разумѣется, ничего объ этомъ не знаютъ, а потому и не могутъ исправиться [1]). Вообще, эти третьи всѣхъ интереснѣе. Россія не сходитъ съ ихъ пера, и, читая ихъ писанія, не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что они, подобно мухѣ Крылова, хлопочутъ о томъ, что̀ и безъ ихъ хлопотъ хорошо идетъ; тому ли, что они пишутъ для такого класса людей, который, по незнанію грамоты, не можетъ читать ихъ, или, наконецъ, той наивной скромности, съ которою они даютъ знать, какъ крѣпко залегла у нихъ на сердцѣ мысль о благосостояніи всего отечественнаго... Одинъ изъ этихъ господъ недавно далъ совѣтъ русскимъ образованнымъ классамъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей учиться русскому языку въ крестьянскія избы!! Впрочемъ, дѣло рѣшенное, что тяжелые труды, часто не вполнѣ вознаграждаемые современниками, составляютъ принадлежность только патріотовъ перваго разряда; патріоты же второго разряда всегда и вездѣ благоденствовали, и, должно быть, на нихъ мѣтилъ Крыловъ этими чудесными стихами:

А смотришь: помаленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку...

VII.

Свѣтскость рѣшительно сдѣлалась маніею нѣкоторыхъ сочинителей. Не то, чтобъ они были люди свѣтскіе, или находились въ какомъ-нибудь соприкосновеніи, прямомъ или косвенномъ, съ тѣмъ, что̀ называется „большимъ свѣтомъ“, нѣтъ, совсѣмъ не то! Ихъ уваженіе къ свѣтскости гораздо выше и безкорыстнѣе, это что-то въ родѣ рыцарскаго обожанія красоты, которой никто изъ нихъ и не видалъ, но за честь которой каждый изъ нихъ готовъ переломить копье со всякимъ, осмѣливающимся сомнѣваться, что ихъ Дульцинея не первая красавица въ мірѣ. Впрочемъ, они стараются извлекать изъ своего безкорыстнаго обожанія кое-какія выгоды. Когда является твореніе поэта, на смерть убивающее произведенія этихъ „свѣтскихъ сочинителей“, они, эти „свѣтскіе сочинители“, сейчасъ поднимаютъ совсѣмъ не свѣтскій крикъ и силятся художественную вѣрность дѣйствительности въ великомъ твореніи выставить грязными картинами, вѣрность натурѣ и характерамъ изображаемыхъ лицъ—площадными словами, которыя, будто бы, поэтъ употребляетъ отъ самого себя, по страсти своей къ цинизму. Нельзя, однакожъ, во всѣхъ этихъ нападкахъ видѣть умышленное искаженіе истины, неблагонамѣренную цѣль: напротивъ, многіе изъ нихъ удивляютъ своею искренностію. Дѣло въ томъ, что наши „свѣтскіе сочинители“ смѣшиваютъ свой собственный кругъ общества съ большимъ свѣтомъ, котораго имъ и во снѣ не случалось видѣть. Къ какому же кругу

[1]) „Первые“ — очевидно Сенковскій; „другіе“ — Булгаринъ, купившій себѣ „деревеньку“ подъ Дерптомъ; „третьи“—Погодинъ, о которомъ подробнѣе см. въ третьей части статьи № 40. О знаменитой „мызѣ Карлово“ Булгарина—см. шестую изъ замѣтокъ статьи № 46.

общества принадлежатъ эти „свѣтскіе сочинители“? — Къ тому самому, который такъ превосходно выведенъ Гоголемъ въ IX-й главѣ „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ такъ геніально изображены „пріятная во всѣхъ отношеніяхъ дама“ и „просто пріятная дама“. Впрочемъ, въ IX-й главѣ это общество представлено въ дѣйствіи, а общая характеристика его находится въ VIII-й главѣ, изъ которой, кстати, выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ: „Дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ. И даже нельзя было сказать ничего такого, что̀ъ подало намекъ на это, и говорили вмѣсто того: этотъ стакакъ не хорошо ведетъ себя, или что-нибудь въ родѣ этого“ (306 стр.) Трудно было бы и вообразить, что̀ говорятъ дамы города N о „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя, но нѣкоторые „свѣтскіе сочинители“ своими рецензіями удачно и удовлетворительно рѣшили эту задачу. Въ то время, какъ высшій свѣтъ, почти нечитающій русскихъ книгъ (по причинамъ, которыхъ по совѣсти нельзя не одобрить), читаетъ „Мертвыя Души“ и восхищается ими, не находя въ нихъ ни одного слова, котораго бы нельзя было прочесть громко въ обществѣ, они, бѣдняжки, т.-е. наши „свѣтскіе сочинители“, такъ и рвутся отъ негодованія на произведеніе Гоголя за грязность его картинъ и выраженій. Вотъ что̀ недавно прочли мы по поводу этого:

„Мы слышали, будто въ здѣшней столицѣ учредилось дамское общество, въ которомъ запрещается говорить по-французски, и возлагается обязанность изъясняться непремѣнно по-русски, разумѣется, съ Русскими. За каждое французское слово должно платить штрафъ въ пользу бѣдныхъ по пятачку, а за неправильную русскую фразу по гривенничку. Ежели вѣсть эта справедлива, поздравляемъ русское общество съ этимъ благороднымъ предположеніемъ! Господа писатели, держите ухо (*в*) остро! Что̀ вы представите нашимъ дамамъ? Въ одной здѣшней газетѣ новый романъ г. Гоголя называютъ *образцовымъ* твореніемъ, не знаемъ въ штуку, или сер*і*(ь)о(ё)зно, а сколько при чтеніи этого романа придется заплатить гривенниковъ штрафа!!! А за нѣжныя картины его что̀ платить? Повторяемъ: гг. писатели, помните, что у насъ есть дамы“! (Сѣв. Пчела, 1842, № 143).

По тону статейки можно заключить съ достовѣрностію, что ея свѣтскій сочинитель [1]), говоря о дамахъ, явно намекаетъ на „пріятную во всѣхъ отношеніяхъ даму“. Это еще болѣе подтверждается слѣдующими строками въ той же газетѣ, которыя отличаются истинно-изящнымъ тономъ: призывая русскую публику, изъ патріотизма, покупать плохія книги, свѣтскій сочинитель восклицаетъ: „Что̀ значитъ человѣчество безъ просвѣщенія? Извините, господа, что *разболтался*! Чѣмъ полна душа, того не удержишь! Лишь тронулъ — льется черезъ край! О, любезный мой языкъ русскій, *дѣдушка* славянскихъ нарѣчій! О, милая русская литература! какъ мнѣ не вспоминать объ васъ, когда у васъ такъ немного истинныхъ друзей!“... Боже ты мой! что̀ за свѣтскость!

Одинъ сочинитель [1]) вздумалъ исчислить, сколько разъ былъ онъ браненъ въ другихъ журналахъ, и начелъ — 720 разъ!.. Кстати, онъ утверждаетъ, будто „Отеч. Записки“ составили противъ него вооруженный союзъ... Смѣшная и забавная выходка! Желая очистить русскую литературу отъ подобныхъ жалкихъ явленій, „Отеч. Записки“ неутомимо преслѣдуютъ ихъ, но не *бранью*, а *правдою*, и больше *выписками собственныхъ словъ* такихъ сочинителей, чѣмъ возраженіями на нихъ. 720 разъ разбраненный сочинитель держался до сихъ поръ тѣмъ, что его выводили на свѣжую воду только московскіе журналы, мало имѣвшіе хода въ Петербургѣ; именно оттого, что теперь за нимъ смотрятъ въ петербургскомъ журналѣ, онъ и потерялъ послѣдній кредитъ между сколько-нибудь образованными людьми, и радъ, бѣдняжка, что его хоть мастеровые-то еще читаютъ и хвалятъ... Это подаетъ надежду, что „Отеч. Записки“ скоро совсѣмъ перестанутъ обращать на него свое вниманіе, которое, впрочемъ, и теперь обращаютъ онѣ рѣдко, именно, только по случаю его выдумокъ на нихъ. Между тѣмъ, онъ самъ, о чемъ бы ни заговорилъ, всегда привяжется къ „Отеч. Запискамъ“. Боясь ихъ вліянія на публику, онъ при изданіи всякаго новаго своего пачканья проситъ „Отеч. Записки“ разбранить его... Что̀ это значитъ?—А вотъ что̀: по его мнѣнію, весьма основательному, сказать о его сочиненіи правду, значитъ разбранить его; зная же впередъ, что къ „Отеч. Запискамъ“ нельзя зайти ни съ которой стороны, и что онѣ непремѣнно скажутъ всю правду, нашъ сочинитель показываетъ видъ, что похвала „Отеч. Записокъ“ опаснѣе для его книги или статьи, чѣмъ порицаніе... Принявъ такую политику, онъ каждый разъ, какъ готовится напечатать гдѣ-нибудь свои новыя погудки на старый ладъ, проситъ „Отеч. Записки“ бранить его; а „Отеч. Записки“ каждый разъ снисходительно выполняютъ его униженныя просьбы.

[1]) Булгаринъ.

[1]) Тотъ же Булгаринъ.

VIII.

Въ 158 № „Сѣверной Пчелы“, какъ образчикъ безсмыслицы, выставляютъ слѣдующее мѣсто изъ статьи „Отеч. Записокъ“ о „Мертвыхъ Душахъ“:

„Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ „Мертвыхъ Душахъ“ вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатическою душою и духовно-личною самостію,—ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ по высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, наприм., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, „который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы“; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ „писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенородныя очи“; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что „вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато бѣдныхъ, неопрятно плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что случилось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь: вездѣ поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телѣги, и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ“... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много — всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, наприм., объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: „Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью“!..

Все это въ „Сѣверной Пчелѣ“ выписано безъ отличенія выраженій нашихъ отъ выраженій Гоголя, отличенныхъ въ нашей статьѣ обыкновенными знаками. Затѣмъ слѣдуетъ къ намъ просьба растолковать, что̀ значитъ: „*осязаемо проступаетъ* его субъективность“, какая это *субъективность*, которая искажаетъ *объективную дѣйствительность*, что̀ значитъ „человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и *духовно-личною самостію*“. На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать отвѣта „Сѣверной Пчелѣ“ по слѣдующей причинѣ: для людей чему-нибудь учившихся всѣ эти выраженія должны быть очень ясны; тѣмъ же, кому учиться и образовываться трудно или невозможно, нечего и толковать того, что̀ безъ ученія и образованія понимаемо быть не можетъ. Что̀ значитъ (продолжаетъ „Пчела“) „великій *омутъ* ежедневно вращающихся о̀бразовъ“ (ужъ подлинно попалъ въ омутъ!—*остроумное восклицаніе „Пчелы“*), что̀ значитъ: „потрясающая *тина* мелочей“ (ну, право, тина!—*еще остроумное восклицаніе „Пчелы“*). Вотъ на этотъ вопросъ мы можемъ дать „Пчелѣ“ удовлетворительный отвѣтъ, который понять ей будетъ легче, чѣмъ кому-нибудь другому. „Великимъ омутомъ ежедневно вращающихся о̀бразовъ“ и „потрясающею тиною мелочей“ поэтъ называетъ ту сторону жизни, которая прежде всякой другой охватываетъ человѣка, и изъ-подъ обаянія которой освобождаются только немногіе избранники Провидѣнія. Эта *омутовая* и *тинная* сторона жизни преобладаетъ вездѣ—въ журналистикѣ также. Представимъ себѣ, для примѣра, такое изданіе, гдѣ бы писалось только о мелочахъ жизни—о табачныхъ лавочкахъ, кондитерскихъ, водочистительныхъ машинахъ, печатались бы похвалы дурнымъ книгамъ и бездарнымъ сочинителямъ, унижалось бы всякое дарованіе, всякій заслуженный успѣхъ; гдѣ какой-нибудь рецензентъ, еще вчера, напримѣръ, *падавшій до ногъ* передъ Пушкинымъ, завтра разругалъ бы лучшее его созданіе, провозгласилъ бы ему совершенное паденіе; вчера расхвалилъ до небесъ плохую драму своего пріятеля, возвеличивъ его именемъ Шиллера, завтра завопилъ бы передъ публикою: „пьеса дрянь, а что я ее хвалилъ—виноватъ: camaraderie, пріязнь, mea culpa, mea maxima culpa...“[1]). Вотъ въ такомъ бы изданіи выразилось то, что̀ Гоголь назы-

[1]) Все это дѣянія Ѳ. Булгарина. О „совершенномъ паденіи“ Пушкина — см. наше примѣчаніе т. I, стр. 419; второй эпизодъ относится къ Н. Полевому и къ его драмѣ „Уголино“, сперва расхваленной, а потомъ разбраненной Булгаринымъ—см. объ этомъ въ статьѣ № 59. Польское выраженіе „padam do nóg“—намекъ на польское происхожденіе Булгарина.

ваетъ „великимъ омутомъ ежедневно вращающихся образовъ“ и „потрясающею тиною мелочей“... Но „Пчела“ еще спрашиваетъ, что значатъ у Гоголя: „черствы, *шероховато-бѣдные, неопрятно-плъсньющіе, низменные ряды жизни*“ и „однообразно-*хладныя* и *скучно-опрятныя* высшія сословія“. Неужели и это надо толковать „Пчелѣ“? Смѣшно было бы толковать то, что и безъ толкованія ясно, какъ $2 \times 2 = 4$. А если кому пріятно играть роль помѣщицы Коробочки, которую Чичиковъ назвалъ дубинноголовою, то у насъ, право, нѣтъ никакой охоты толковать такимъ „коробочкамъ“, что такое *Мертвыя Души*...

IX.

Русская журналистика и капустныя кочерыжки *(матеріалъ для будущаго историка русской литературы)*.—Нынѣшній годъ ознаменованъ въ русской журналистикѣ великимъ событіемъ—войною, происшедшею изъ гибельнаго раздора между друзьями. Что передъ нею вражда Агамемнона съ Ахилломъ? Тамъ дѣло завязалось изъ плѣнницы Бризеиды, здѣсь—изъ кочерыжекъ!

Прологъ къ знаменитой войнѣ изъ-за *кочерыжекъ* была небольшая стычка изъ-за плохой „Исторіи Петра Великаго“ г. Ламбина. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ была напечатана статья, гдѣ было сказано, что текстъ „Исторіи Петра Великаго“ плохъ донельзя, а картинки къ ней еще хуже. Статья была написана хорошо, основанія ея были дѣльны и доказательны; съ нею согласились всѣ читавшіе и не читавшіе ее, потому что мнѣніе о внутреннемъ и внѣшнемъ безобразіи компиляціи г. Ламбина и спекуляціи г. Эльснера установилось тотчасъ же по выходѣ первыхъ тетрадей этого чудовищнаго изданія. Кажется, тѣмъ бы дѣлу и надобно кончиться, но не тутъ-то было! Изданіе успѣло пріобрѣсти себѣ жаркаго защитника въ г. Булгаринѣ. И вотъ, въ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы“ начались выходки противъ статьи „Русскаго Вѣстника“, но не противъ, однакожъ, самого „Русскаго Вѣстника“: о немъ прямо сказано, что это едва-ли не лучшій изъ современныхъ русскихъ журналовъ *(хороши же должны быть прочіе русскіе журналы!)*, что и злѣйшій врагъ г. Полевого не упрекнетъ его въ *корыстныхъ* видахъ, но что г. Полевой не правъ, судя по одному *введенію* о цѣлой исторіи, хотя и правъ, называя картинки рѣшительно дурными, и что ему, г. Булгарину, гораздо больше нравятся „Параша Сибирячка“ и „Уголино“, чѣмъ „Елена Глинская“ (№ 69 „Сѣверной Пчелы“). Не знаемъ, до какой степени помогла эта защита, предпріятію г. Эльснера, но дѣло тѣмъ, т.-е. ровно ничѣмъ и кончилось. Должно думать, что обѣ стороны остались довольны, а извѣстно, что нужно большое искусство, чтобъ угодить и *нашимъ* и *вашимъ*... Но вотъ въ 75 № „Сѣверной Пчелы“ является фельетонная статья, гдѣ, между прочимъ, г. Ѳ. Б. взглянулъ на русскіе журналы и газеты съ политико-экономической точки, доказывая, что нашу журналистику губитъ будто бы *совмѣстничество*. Изъ этого видно, что г. Ѳ. Б. держится системы запретительной и принадлежитъ къ приверженцамъ *монополій (единоторжій* по переводу г. Шишкова). Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на то, что какъ прежніе журналы передразнивали формою и содержаніемъ „Московскій Телеграфъ“, такъ нынѣшніе передразниваютъ въ этомъ отношеніи „Библіотеку для Чтенія“. Разумѣется, при сей вѣрной оказіи всѣхъ болѣе достается „Отеч. Запискамъ“, въ которыхъ г. Ѳ. Б. видитъ поддѣлку подъ „Библіотеку для Чтенія“... „Но“, говоритъ онъ: „то да не то! Ѳедотъ да не тотъ!“ И мы, вслѣдъ за нимъ, повторимъ съ гордостію: „то да не то, Ѳедотъ да не тотъ!“... Впрочемъ, снисходительный г. Ѳ. Б. прощаетъ „От. Запискамъ“ ихъ подражаніе „Библіотекѣ“: „откуда же имъ выдумать что-нибудь свое?“ восклицаетъ онъ въ полнотѣ своего критическаго одушевленія. „*Но* (продолжаетъ онъ), *право, непростительно Н. А. Полевому*“... Теперь—слушайте, слушайте! Дѣло въ томъ, будто „Русскій Вѣстникъ“ такъ же передразниваетъ „Экономa“, какъ „Отеч. Записки“ „Библіотеку“. „Ну, какъ же не измѣнить программы (говоритъ г. Ѳ. Б. о „Русскомъ Вѣстникѣ“), когда и *смиренный* „Экономъ“ имѣетъ успѣхъ!... *Семъ-ка* пойдемъ тѣмъ же путемъ, *авось найдемъ*! И вотъ въ 3 № „Русскаго Вѣстника“ на сей 1842 годъ читатели этого журнала получаютъ то, что имъ не было обѣщано въ программѣ, а именно *хозяйственныя замѣтки!*“ А! Вотъ въ чемъ дѣло! вотъ къ чему клонились тонкіе намеки г. Ѳ. Б. на вредъ журнальнаго совмѣстничества, на выгоды единоторжія, и всѣ эти толки объ иностранныхъ и русскихъ журналахъ и газетахъ... Понимаемъ! Въ *хозяйственной замѣткѣ* „Русскаго Вѣстника“ говорилось о новомъ средствѣ замѣнять дрова тамъ, гдѣ они, по безлѣсію, слишкомъ дороги, *сушеными кочерыжками* и *стволами земляныхъ грушъ*. Если бы эта мысль была неосновательна, можно было бы это замѣтить въ нѣсколькихъ строкахъ „Экономa“, или, пожалуй, и „Сѣверной Пчелы“; но писать особую статью, заводить дѣло издалека, начавъ его если не съ яицъ Леды, то съ иностранныхъ журналовъ и газетъ, потомъ перейти ко вреду совмѣстничества и къ пользѣ единоторжія, и наконецъ представлять изъ

себя обиженнаго, оскорбленнаго, и чѣмъ же?—хозяйственною замѣткою, помѣщенною въ смѣси журнала, гдѣ обыкновенно помѣщается всякая всячина:—воля ваша, а это могло произойти только изъ слишкомъ глубокаго проникновенія философскимъ убѣжденіемъ о вредѣ *совмѣстничества* и пользѣ *единоторжія*!.. Г. Ѳ. Б. до того огорчился *хозяйственною замѣткою* „Русскаго Вѣстника“, что заключилъ свою декларацію слѣдующею вдохновенною выходкою: „Допускаю одинъ, много два *энциклопедическіе* журнала, но всѣ журналы на одну стать, по одному плану, *перебивающіе одинъ другому дорогу*—это, воля ваша, невыносимо! Публика подтвердила мое мнѣніе, и на нынѣшній годъ подписка на всѣ журналы жестоко понизилась! Tu l'as voulu, Georges(s) Dandin! Ѳ. Б.“. Не можемъ знать, до какой степени вѣрно это статистическое извѣстіе о пониженіи подписки на *всѣ* журналы нынѣшняго года,—не знаемъ, потому что не имѣли ни возможности, ни охоты повѣрять хозяйственные счеты другихъ редакцій, а въ счетахъ своей собственной видимъ нынѣшній годъ значительное противъ прошлаго приращеніе числа подписавшихся; но удивляемся промаху, который далъ г. Ѳ. Б. утвержденіемъ о пониженіи подписки на *всѣ* журналы, тогда какъ нѣсколько строкъ выше онъ говоритъ о благосклонномъ принятіи публикою „Репертуара“, соединеннаго съ „Пантеономъ“, и „Экономa“—трехъ журналовъ, издаваемыхъ *имъ же самимъ*, Ѳ. Б.!..

Въ IV № Русскаго Вѣстника“ воспослѣдовалъ отвѣтъ „Сѣверной Пчелѣ“. Въ немъ было очень ловко, и даже не безъ силы, замѣчено:

1) Что слово *concurrence* лучше перевести словомъ *соревнованіе*, чѣмъ словомъ *совмѣстничество*, и что только одно соревнованіе можетъ поднять наши журналы, вмѣсто того, чтобъ уронить ихъ, какъ думаетъ г. Ѳ. Б.

2) Что „Библіотека для Чтенія“ не имѣетъ ничего общаго, по своему плану, съ англійскими reviews, но скопирована съ одного московскаго журнала (извѣстнаго, по словамъ автора статьи, но не поименованнаго имъ;—можно, впрочемъ, догадываться, что онъ разумѣетъ „Телеграфъ“), что г. Сенковскій нисколько не содѣйствовалъ успѣху „Библіотеки“, а напрстивъ, „вскорѣ заставилъ отказаться отъ участія въ ней всѣхъ литераторовъ“, что монополія „Библіотеки“ была вредна русской литературѣ, и что теперь „Б. для Ч.“ самый плохой изъ всѣхъ русскихъ журналовъ (стр. 40).

3) Что „Русскій Вѣстникъ“ никогда и не думалъ измѣнять своей программы, никогда не завидовалъ успѣху „Экономa“, и всегда ему радовался: въ *коммерческомъ* отношеніи—*славно идетъ; смѣются, а покупаютъ!*

Затѣмъ слѣдуетъ мнѣніе *хозяйственной статьи* „Русскаго Вѣстника“; но какъ это для насъ не интересно, мы и пропускаемъ это, а лучше вполнѣ выпишемъ слѣдующія *нотаціи* статьи „Русскаго Вѣстника“ г-ну Ѳ. Б.:

1) Безспорно, что Репертуаръ и Экономъ журналы хорошіе, потому что самъ издатель ихъ хвалитъ, но по единогласнымъ отзывамъ *Репертуаръ* въ нынѣшнемъ году далеко однакожъ отсталъ отъ прошлогодняго. Спросите у кого угодно. Говорятъ, что выборъ пьесъ въ немъ очень плохъ, что переводы въ немъ весьма небрежны; что онъ вовсе не выполняетъ своего обѣщанія: быть зеркаломъ всемірной драматургіи, наполняться лучшими пьесами и улучшаться въ литературномъ и художественномъ отношеніи. Мнѣніе не наше. Мы въ восторгѣ отъ Репертуара, — но вѣдь другимъ рта не завяжешь.

2) Мы также въ восхищеніи отъ *Экономa*, но опять другіе говорятъ — вѣдь мало ли дерзкихъ такихъ судей — говорятъ, что Экономъ также далеко не исполняетъ своей программы: что будто бы самая интересная его часть та, гдѣ говорится о кухнѣ; экономическая—собственно весьма дескать плоха, а технологическая такъ уже и очень плоха. Мы не смѣемъ сами судить, но повторяемъ слова другихъ. Мы слышали, напримѣръ, какъ одинъ агрономъ смѣялся надъ аксіомами, которыя выставлены за основанія сельскаго хозяйства на стр. 26 *Экономa* (листъ 56); какъ одинъ фабрикантъ тоже подсмѣивался надъ крашеніемъ шелка, шерсти и бумаги берлинскою лазурью (*Экономa* листъ 53, стр. 3), и, наконецъ, какъ одинъ гастрономъ хохоталъ, разсказывая о способѣ *домашнихъ поросятъ сдѣлать дикими и поросячьему мясу придать вкусъ кабаньяго* (*Экономъ*, листъ 63, стр. 88). Повторяемъ, что мы сами судить не смѣемъ, но сказанное нами и еще много другихъ замѣчаній слышали отъ знатоковъ (*Р. В.*, *стр.* 56).

Кромѣ этихъ двухъ нотацій, въ остроумной дѣльной статьѣ „Русскаго Вѣстника“ находится еще слѣдующее любопытное библіографическое извѣстіе:

„Если все это правда, то остерегитесь, „почтеннѣйшій“ Ѳ. В.—знаете ли что? Если это правда, и за Репертуаромъ и Экономомъ есть грѣшки, то здѣсь полагаемъ мы главную причину въ томъ, что противъ *Экономa* и *Репертуара* нѣтъ теперь никакого совмѣстничества. Не только вѣроятнымъ, но достовѣрнымъ почитаемъ мы, что совмѣстничество заставило бы почтеннаго Ѳ. Б. еще старательнѣе и тщательнѣе заботиться о Репертуарѣ и Экономѣ и придать симъ изданіямъ болѣе положительнаго и прочнаго достоинства. Вотъ почему съ удовольствіемъ слышали мы извѣстіе, будто бы въ слѣдующемъ году появятся три повременныя новыя изданія. Одно изъ нихъ будетъ посвящено драматической словесности и сценическому искусству, а два другія, одно подъ заглавіемъ: *Практическій Журналъ технологіи и сельскаго хозяйства*, обниметъ технологію и сельское хозяйство, а другое, подъ титуломъ *Журналъ Русской Хозяйки*, заключитъ въ себѣ статьи о кухнѣ, прачешной, погребѣ, домашнемъ хозяйствѣ, городскомъ вообще, о огородахъ, садахъ, припасахъ, запасахъ, и проч. и проч.—Все это только покамѣстъ слухи и предположенія, но мы слышали, что драматическаго журнала редакцію принимаетъ на себя какой-то опытный литераторъ, хозяйственнаго перваго — практическій агрономъ, а другого — опытный эко-

номъ, при пособіи многихъ хозяевъ, экономокъ, поваровъ, кандитеровъ, прачекъ, ключницъ, погребщиковъ, пивоваровъ, уксусниковъ, дворниковъ и проч. Такое извѣстіе должно порадовать почтеннаго Ѳ. В., какъ „величайшаго приверженца спеціальныхъ журналовъ“, заставляя его въ то же время болѣе заботиться о своихъ изданіяхъ“ (*Р. В., стр. 59*).

Прежде, чѣмъ скажемъ, *что́* и *какъ* возразилъ г. Ѳ. Б. на эту статью, мы должны замѣтить, что IV № „Русскаго Вѣстника“ необыкновенно счастливо задался г-ну Ѳ. Б.— Въ отдѣлѣ „Новыя Русскія Книги“, въ разборѣ „Комаровъ“ г. Булгарина, мы встрѣчаемъ сіи поразительныя безпристрастіемъ и истиною строки:

„Намъ не понравилось въ „Комарахъ“ одно: перепалки Ѳ. В. съ литературною братіею и безпрестанное толкованіе его о томъ, что на него всѣ нападаютъ; что всѣ на него нападающіе не правы; что большая часть изъ нихъ очень глупы; что нападенія ихъ служатъ ему въ пользу; что онъ ихъ не боится. Не пора ли перестать? Все исчисленное нами повторяется Ѳ. В. безпрестанно, и какая же пѣсня не припоется, если безпрестанно пѣть ее? Дѣло очень простое: на Ѳ. В. нападаютъ—правда, а онъ развѣ никого не трогаетъ? Какъ же требовать, чтобъ задѣтые молчали, если еще не было примѣра, чтобъ Ѳ. В. оставилъ когда-нибудь безъ отвѣта самое невинное и кроткое замѣчаніе? Кто погрозитъ ему иголкой—онъ рубитъ того мечемъ, а кто броситъ въ него хлопушку — онъ отвѣчаетъ изъ пушки, когда при томъ изъ *десяти* перепалокъ *девять всегда начинаетъ Ѳ. В.?* Вопросъ о томъ, всѣ ли противники Ѳ. В. не правы, думаемъ, и самъ онъ по совѣсти рѣшитъ отрицательно. Совершенство не дано въ удѣлъ человѣку, а ошибки неизбѣжный удѣлъ его. Задачу о томъ, всѣ ли соперники Ѳ. В. дураки, невѣжды и негодяи литературные, опять почитаемъ мы безспорно отрицательною. Если же нападки на Ѳ. В. ему не вредны, а полезны, изъ чего же заводить споры и шумъ? А что Ѳ. В. не боится нападокъ, пора публикѣ увѣриться и безъ непрестанныхъ о томъ напоминаній съ его стороны. Скажемъ откровенно: замолчи Ѳ. В., и никто не затронетъ его. Не угодно ли ему не заводить споровъ хоть полгода, хоть для опыта, для удостовѣренія въ словахъ нашихъ? Посмотрите, какъ все будетъ тихо и смирно“ (*Р. В., стр. 21*).

Не правда ли, что теперь очень любопытно знать содержаніе той огромной, сильной, доказательной и остроумной статьи, которою г. Ѳ. Б. возразилъ на статьи противъ него въ № IV „Русскаго Вѣстника“? Вотъ она, эта огромная, сильная, доказательная и остроумная статья, вся, отъ слова до слова, со всею ея огромностію, силою, доказательностію и остроуміемъ:

„Помните ли, что въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатанъ былъ совѣтъ топить печи взамѣнъ дровъ кочерыжками и стеблями земляныхъ грушъ? Въ Сѣверной Пчелѣ было *скромно* замѣчено, что это—*небылицы*. И вотъ Русскій Вѣстникъ, издаваемый подъ главнымъ надзоромъ *всезнающаго* Н. А. Полевого, *вельми* разгнѣвался и выстрѣлилъ изъ всѣхъ своихъ батарей въ одного изъ издателей Сѣверной Пчелы, Ѳ. Булгарина, принявъ за военный кликъ Riga qui riga le dernier!—Мы также принимаемъ этотъ девизъ, и будемъ имѣть честь отвѣчать Русскому Вѣстнику въ отдѣльной литературной статьѣ. Мало почтенному Н. А. Полевому литературной славы: онъ соблазнился славою изобрѣтателя карболеина, и изобрѣлъ кочерыжное *топливо*, отъ котораго насъ морозъ по кожѣ забираетъ! (*видите ли—что̀ значитъ страсть единоторжія!*). — Итакъ, до свиданія, милый „Русскій Вѣстникъ“! (*Сѣверной Пчелы* № 119).

И только? Да тутъ ничего нѣтъ, кромѣ того, что̀ называется chûte complète? восклицаетъ читатель. — Да чего же вы и хотите? отвѣчаемъ мы.—Противъ правды, хорошо высказанной, нечего сказать... Тутъ поневолѣ прійдется отдѣлываться словами: *вельми, милый вѣстникъ* и т. п. А отдѣльная литературная статья?—Разумѣется, ея не было, потому что не могло быть.—Но вмѣсто нея было вотъ что́:

Въ № 130 „Сѣверной Пчелы“ извѣщается, въ фельетонѣ, о представленіи въ Москвѣ „Елены Глинской“, драмы г. Полевого.

„Дирекція (по словамъ фельетона) сдѣлала все отъ нея зависящее, *но не могла придать драмѣ занимательности*... Парашу Сибирячку, Парашу давайте намъ, почтенный Н. А. Полевой! На что́ намъ *шекспириться*—Параша, Иголкинъ намъ по сердцу; *мы не спрашиваемъ, откуда и какъ вы почерпаете сюжеты для вашихъ драмъ, и какъ ихъ кроите и сшиваете. Было бы хорошо, а мы все прощаемъ!*.. Пусть васъ другіе упрекаютъ, будто вы, почтенный Н. А. Полевой, извлекаете много изъ чужихъ сочиненій; мы никогда не станемъ упрекать васъ въ этомъ, когда піеса ваша понравится публикѣ. Намъ до этого нѣтъ дѣла. *Когда пирогъ хорошъ, мы не спрашиваемъ, изъ чьей муки онъ спеченъ*, и благодаримъ того, кто насъ накормитъ. Извините, это сравненіе *экономское*, и хотя вы такъ жестоко разгнѣвались на *Экономa (когда же это?)*, а и онъ готовъ праздновать ваше торжество на̀ сценѣ. *Мы люди не злопамятные*, правду скажемъ, а лгать, выдумывать и унижать никого не станемъ.—Сельскаго хозяина изъ васъ никогда не будетъ, почтенный Н. А. Полевой; *въ критикахъ вашихъ, особенно въ антикритикахъ, всегда болѣе страсти, нежели правды*, но для сцены вы человѣкъ золотой, и мы вамъ низко кланяемся!“

Вотъ истинное безпристрастіе! Г. Ѳ. Б. за одно нападаетъ на г. Полевого, а за другое хвалитъ его: нападаетъ за критику его на Ѳ. Б., а хвалитъ за драматическія сочиненія!.. Это напоминаетъ басню Крылова „Левъ и Барсъ“, которая оканчивается этимъ стихомъ:

Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ.

Въ № 142 „С. Пчелы“, при разборѣ „Дагеротипа“, г. Полевому досталось порядочно за его разсказъ „Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ“. Тамъ, между прочимъ, сказано: „Мы съ благоговѣніемъ читали нѣкогда разборъ Н. А. Полевого Китайской Грамматики отца Іакинѳа, удивляемся великимъ познаніямъ Н. А. Полевого по всѣмъ возможнымъ отраслямъ человѣческихъ свѣдѣній, и только ждемъ осени, чтобъ употребить въ дѣло новое его изобрѣтеніе, и вмѣсто карболеина топить печи капустными кочерыжками

и стеблями земляныхъ грушъ, какъ почтенный Н. А. Полевой совѣтуетъ въ 4-й книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ на сей 1842 годъ“. — Затѣмъ слѣдуютъ доказательства, что г. Полевой написалъ своего „Огурчикова“ по грамматическимъ формамъ *печенѣжскаго* языка. Это, изволите видѣть — маленькое, невинное мщеніе за намеки г. Полевого (подкрѣпленные нѣкоторыми словами и выраженіями г. Ѳ. Б., выписанными курсивомъ), изъ которыхъ ясно значится, что Ѳ. Б. держится въ своихъ русскихъ писаніяхъ литовско-бѣлорусской конструкціи. „А вы (восклицаетъ фельетонистъ), почтенный Н. А. Полевой“ (что за гостинодворская вѣжливость: все „почтенный“ да „почтеннѣйшій“ да по имени и по отчеству!..), „подмѣчаете наши описки въ *ежедневномъ* листкѣ, выставляете ихъ наружу, а г. Ламбину уже не даете и уголка на поприщѣ литературы!“ — „Намъ весьма прискорбно, что *почтенный Н. А. Полевой* пишетъ и печатаетъ такія статьи, какъ „Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ!“ Длинно, широко и тяжело... *Вообще замѣчаютъ, что съ нѣкотораго времени*... Но довольно объ этомъ!“— Дѣйствительно, „Огурчиковъ“ г. Полевого, скажемъ и мы, плохъ изъ рукъ вонъ, но все же ничѣмъ не хуже ни „Иголкина“, ни „Параши“, а г. Ѳ. Б. нашелъ его плохимъ явно за статью въ № IV „Русскаго Вѣстника“. Можно сказать по этому случаю, что не ему бы, г. Полевому, это слышать, и не ему бы, г-ну Ѳ. Б., это говорить... Тѣмъ въ фельетонѣ № 142 „Пчелы“ и кончается о г. Полевомъ; но есть много-много интереснаго о „Дагеротипѣ“; напр.:

„Издатель Дагеротипа вовсе не виноватъ! Онъ думалъ, что нашелъ кладъ, когда пріобрѣлъ широковѣщательное писаніе *съ огороднымъ названіемъ писателя*, который одинъ изъ всѣхъ сказалъ печатно: „Я знаю Русь и Русь меня знаетъ“. Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ говоритъ не то“.

Затѣмъ слѣдуетъ опроверженіе извѣстія, помѣщеннаго въ „Дагеротипѣ“.

„Авторъ писемъ говоритъ объ актерѣ Громовѣ, о піесѣ Елена Глинская, утверждая, что *теперь стало тише!* т.-е. вѣря, что будто прежде былъ шумъ, гамъ и суматоха! Мы этого вовсе не замѣтили. Было всегда очень тихо, а теперь и совсѣмъ заглохло“.

Но лучше всего въ фельетонѣ № 142 „Пчелы“ слѣдующій афоризмъ:

„Нѣтъ спора, что для геніальныхъ писателей все равно, что ни говорятъ объ нихъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ, и напримѣръ Евгеній Сю, Дюма, Гюго не упадутъ оттого, если *какой-нибудь квасникъ, выучившійся грамотѣ самоучкою*, станетъ напрягать свои силы, чтобы доказать ихъ ошибки“.

Глубоко вошла стрѣла *хозяйственной* замѣтки „Русскаго Вѣстника“ въ чувствительное сердце редактора „Экономa“! О чемъ бы ни говорилъ онъ, непремѣнно обратится, хоть вскользь, къ тому же предмету. Для этого „Пчела“ даже пустилась въ № 157 въ критику, въ которую пускается она только въ крайнихъ случаяхъ, и размахнулась разборомъ книжки г-жи Авдѣевой „Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ“. Вотъ два примѣчательнѣйшія мѣста въ рецензіи г. Ѳ. Б.:

„Быть можетъ, есть на свѣтѣ и такіе люди, которые, зная, *какъ несправедливо* поступилъ съ нами Н. А. Полевой (упоминая въ Русскомъ Вѣстникѣ о нашемъ скромномъ *Экономѣ* и о *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ*, надъ которымъ мы имѣемъ надзоръ, въ отсутствіе издателя), подумали, что мы воспользуемся случаемъ и отплатимъ *седмерицею*, или зубъ за зубъ, око за око... Жалѣемъ, если есть такіе люди, которые могутъ думать, что личныя отношенія въ состояніи совратить съ истиннаго пути старинаго литератора, любящаго душою словесность и почитающаго справедливость и любовь къ истинѣ высшимъ качествомъ въ критикѣ“.

По языку и слогу своему эта выходка г. Ѳ. Б., особенно послѣ *писателя съ огороднымъ прозваніемъ и квасника, самоучкою выучившагося грамотѣ*, напоминаетъ слова Чичикова при торгѣ мертвыхъ душъ у Манилова: „Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ, хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня дѣло священное—я нѣмѣю передъ закономъ“ („Мертвыя Души“, стр. 62).

„Нѣтъ! намъ дѣла нѣтъ, *кто* писалъ книгу, а мы должны отдавать отчетъ, *какова книга* и потому, прочитавъ съ удовольствіемъ записки К. А. Авдѣевой, желаемъ всѣмъ любящимъ Русь насладиться этимъ чтеніемъ. Книга написана легко, разсказъ живой, и если Н. А. Полевой могъ поправить какую-нибудь кавычку въ книгѣ своей сестры, то не могъ сообщить ей слога“.

Рѣдкое безпристрастіе! Оно тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что сочинитель такъ и подноситъ его къ глазамъ читателя... А манера выражаться — все-таки чичиковская; но она тѣмъ лучше, что г. Ѳ. Б., браня „Мертвыя Души“, подражаетъ ихъ героямъ въ способѣ выражаться...

За симъ—конецъ! Вся эта повѣсть, которую мы разсказали, какъ фактъ и матеріалъ для будущаго историка русской литературы, кажется намъ, по ея содержанію, забавною и поучительною не меньше „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Это поразительное сходство между истиннымъ событіемъ, сейчасъ разсказаннымъ нами, и вымышленною повѣстію можетъ служить тысячью первымъ доказательствомъ, какъ глубоко воспроизводитъ Гоголь въ своихъ созданіяхъ дѣйствительную жизнь: чѣмъ больше понимаешь ее, тѣмъ больше имѣешь случаевъ, на каждомъ шагу, припоминать то ту, то эту повѣсть Гоголя, или то это, то другое мѣсто изъ по-

вѣстей Гоголя. Тамъ два друга, вполнѣ достойные одинъ другого, поссорились, разорвали долголѣтнюю пріязнь—изъ чего же?—изъ того, что одинъ не согласился уступить свое ни къ чему негодное ружье на большую здоровую свинью... Здѣсь двое литераторовъ, соединенныхъ издавна пріязнію, ссорятся — изъ чего же?—изъ *кочерыжекъ!*.. Правда, эта пріязнь разрывалась уже не разъ, и разрывъ всегда былъ или изъ ничего, или изъ правды, сказанной однимъ изъ нихъ насчетъ плохихъ картъ къ плохой исторіи другого; но все-таки пріятно, умилительно было видѣть для нашего враждующаго литературнаго міра, какъ они всегда адресовались одинъ къ другому съ полнымъ уваженіемъ, съ титуломъ „почтеннаго“ и „почтеннѣйшаго“, называя другъ друга или просто по имени и по отчеству, или, въ торжественныхъ случаяхъ, даже не только по имени и отечеству, но притомъ и съ присовокупленіемъ фамиліи... Какъ образованные литераторы, они даже и въ спорѣ, и въ ссорѣ не оставили этихъ изящныхъ формъ свѣтскаго обхожденія; но теперь это уже не искренно... Намъ скажутъ, что въ ссорѣ виноватъ одинъ, и что другой велъ себя въ ней и твердо, и умно, отвѣчалъ ловко и остро, и что, слѣдовательно, все смѣшное остается на сторонѣ только перваго. Согласны, вполнѣ согласны; но мы думаемъ и убѣждены, что во всякомъ случаѣ литературная ссора съ пріятелемъ ставитъ каждаго въ комическое положеніе, для избѣжанія котораго только одно средство—избѣгать пріязни съ сочинителями, съ которыми можно завязаться въ кочерыжечную перепалку, или уже, уважая себя, терпѣть отъ нихъ все... Впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей...

X.

Исторія о „Мертвыхъ Душахъ“ все еще продолжается: о нихъ толкуютъ и спорятъ въ публикѣ, о нихъ разсуждаютъ въ журналахъ. Прислушиваясь къ толкамъ и приглядываясь къ печатнымъ сужденіямъ, невольно видишь матеріалы для новой поэмы въ томъ же родѣ... Многія печатныя сужденія такъ и смотрятъ—кто Ноздревымъ, кто размазнею-Маниловымъ, уѣзднымъ сантиментальнымъ мечтателемъ, кто Селифаномъ, резонерствующимъ съ лошадьми... [1]). Изъ хвалителей каждый находитъ героя по себѣ, говоря: вотъ одно лицо благородное и умное. Одинъ изъ критиковъ [2]) не шутя провозгласилъ, что всѣ лица гадки (по отношенію къ нимъ самимъ, а не къ искусству), кромѣ... кого бы вы думали?.. не отгадаете!.. кромѣ Селифана. Критикъ видитъ въ немъ неиспорченную русскую натуру... Въ чемъ же состоитъ эта неиспорченная натура? — Въ томъ, что она напивается пьяною не по грубой животности, а потому, что съ хорошимъ человѣкомъ пріятно выпить... Право такъ! Впрочемъ, есть и другія доказательства неиспорченной натуры Селифана: это его готовность быть высѣченнымъ, сердечность, съ которою онъ говоритъ о милой ему конюшнѣ и знакомой ему припаркѣ... Хороша неиспорченная натура!.. Впрочемъ, и этимъ еще не кончились доказательства въ пользу неиспорченной натуры Селифана: ко всему этому критикъ прибавляетъ его пріятельское обращеніе съ лошадьми!.. Теперь понимаете ли, что такое неиспорченная натура, по мнѣнію критика?.. Теперь понимаете ли, что если кто не пьетъ сивухи, не напивается на смерть съ первымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, считая его за хорошаго человѣка, кто не разговариваетъ съ лошадьми, и не позволитъ взыскать себя извѣстною милостію по спинѣ,—горе тому: онъ испорченная натура! онъ покорился обаянію лукаваго Запада, погубилъ и душу и тѣло свое навѣки!..

Когда вышелъ „Ревизоръ“, одинъ извѣстный критикъ отказался писать о немъ, видя въ немъ грязное произведеніе; одинъ журналъ отказался напечатать у себя повѣсть Гоголя „Носъ“, находя ее также грязною; недавно одинъ критикъ поставилъ Гоголя, въ ряду русскихъ поэтовъ, ниже г. Павлова (писателя даровитаго, но совсѣмъ не Гоголя). Жаль, что некогда справляться, а то бы можно было много найти фактовъ, доказывающихъ, что иные критики съ нѣкотораго времени совсѣмъ иначе заговорили о Гоголѣ, нежели какъ говорили о немъ прежде и еще очень недавно. А между тѣмъ, посмотрите, какъ они сердятся, что другіе поняли Гоголя, такъ сказать, со дня его вступленія на литературное поприще, и что осмѣлились намекнуть на это, какъ на свою собственную заслугу, изъ опасенія, чтобъ ихъ не смѣшивали съ повторителями чужихъ мыслей и даже словъ, за неимѣніемъ своихъ!.. Кто постоянно слѣдитъ за нашею литературою, тотъ знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ оцѣненъ. Можетъ быть, многіе знаютъ и безъ указаній, гдѣ и кто говорилъ и послѣ того о Гоголѣ въ томъ же духѣ и томъ же тонѣ... Почему-жъ бы и не замѣтить того, что принадлежитъ вамъ по праву?.. Но люди неблагодарны, вы же ихъ научите, вы же кое-какъ наконецъ вдолбите имъ что-нибудь въ ихъ крѣпкіе черепы,—и они же за это пошлютъ васъ на толкучій рынокъ, услужливо снабдятъ

---

[1]) Прозрачный намекъ на статьи о „Мертвыхъ Душахъ“ Сенковскаго, К. Аксакова и С. Шевырева.

[2]) С. Шевыревъ; см. объ этомъ въ началѣ статьи № 39.

васъ своимъ же мѣднымъ лбомъ, обвинятъ въ самохвальствѣ и объявятъ вашу фигуру *тощею*, какъ-будто это страшный недостатокъ и какъ-будто педантическая фигура съ брюшкомъ лучше тощей фигуры. Но, что̀ всего забавнѣе, они назовутъ ваши похвалы автору непрошенными, какъ бы намекая тѣмъ, что у нихъ этотъ авторъ выпрашивалъ ихъ запоздалыя, съ чужого голоса взятыя похвалы... Что касается до насъ,—объявляемъ во всеуслышаніе, что тѣ писатели, которыхъ мы хвалимъ, никогда не просили нашихъ похвалъ, и что мы хвалимъ *даромъ*... [1]).

Одинъ критикъ видитъ въ Гоголѣ существо двойное или раздвоившееся: одна половина, видите ли, смѣется, а другая плачетъ... Оригинальная мысль! Есть люди, которые никакъ не могутъ понять смѣха въ слезахъ, особенно же слезъ въ смѣхѣ, и хотятъ все дѣлить и различать механически, чтобъ иное великое явленіе какъ-нибудь сдѣлать доступнымъ своей ограниченности.

Вѣроятно, многимъ случалось видѣть людей, которые, побывавъ въ Парижѣ и возвратясь въ Россію, говорятъ при всякомъ случаѣ: „у насъ въ Парижѣ“? Такъ нѣкоторые критики, о чемъ бы ни говорили, никакъ не могутъ обойтись безъ Италіи. Одинъ изъ *таковыхъ* дѣлаетъ Гоголя ученикомъ Гомера, Данта и Шекспира. Признаемся, мы не видимъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ слѣдовъ изученія этихъ великихъ образцовъ. Что авторъ „Мертвыхъ Душъ“ можетъ совпадать съ ними — противъ этого не споримъ; но причина этого не изученіе, а то, что поэзія не можетъ не совпадать съ поэзіею. Между всѣми ими есть одно общее, — именно то, что всѣ они поэты...

Нѣкто, толкуя вкось и вкривь, по крайнему своему разумѣнію, о Селифанѣ, о дядѣ Митяѣ и дядѣ Миняѣ, обвиняетъ Гоголя въ односторонности, въ томъ, что онъ показываетъ Русскихъ только съ одной ихъ стороны. Критику очень не нравится, что пьяный Селифанъ опрокинулъ бричку и вывалилъ изъ нея своего барина, и что дядя Миняй и дядя Митяй своимъ вмѣшательствомъ только больше запутали дѣло. Критикъ твердитъ одно: Русскій человѣкъ за поясъ заткнетъ Нѣмца; русскіе мужички въ дорогѣ очень *безкорыстны*. Послѣднюю истину очень хорошо знаютъ всѣ, у кого въ дорогѣ ломалась ось экипажа, или экипажу случалось завязнуть въ грязи или зажорѣ... Критикъ еще утверждаетъ, что русскій мужикъ, хоть и прихвастнетъ и опрокинетъ спьяну, зато и „выѣдетъ на авосѣ по соломенному мосту“. Правда! Но правда и то, что много людей пропадаетъ въ оврагахъ, рѣкахъ, на мостахъ и пр., благодаря *авосю*...

Но изъ всѣхъ забавныхъ мнѣній, высказанныхъ по случаю „Мертвыхъ Душъ“, самое забавное, безъ сомнѣнія, то, что фантазія Гоголя *хлѣбосольная*... Гоголь — видите — не потому такъ отчетливо рисуетъ главные характеры, и такъ ярко, одною или нѣсколькими чертами, какъ-бы вскользь и мимоходомъ, изображаетъ множество второстепенныхъ и какъ-будто случайно подвернувшихся характеровъ, не потому, что онъ вѣренъ дѣйствительности, а потому, что его фантазія русская, стало быть, и *хлѣбосольная*, и держится пословицы: *что есть въ печи, все на столъ мечи*... Милая критическая наивность! Черта изъ золотого вѣка!..

Но вотъ еще такая же *буколическая* черта: одинъ изъ критиковъ, желая похвалить Гоголя, такъ выражается о его слогѣ: „Рѣчь его разсыпчата, какъ *сдобное тѣсто*, на которое не пожалѣли *масла;* она льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитой рукою *чиваго* хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чемъ; оттого-то и періодъ его бываетъ слишкомъ *грузно начиненъ*, какъ *пирогъ* у затѣйливаго гастронома, который купилъ безъ разсчета припасовъ и не щадилъ никакой *начинки*“... Воля ваша, а эта кухонная похвала, должно быть, *непрошенная*...

XI.

Въ десятой книжкѣ московскаго журнала „Москвитянинъ“ кто-то г. Пельтъ (имя, въ первый разъ слышимое въ русской литературѣ!), разбирая „Комаровъ“ г. Булгарина, не совсѣмъ кстати и совсѣмъ несправедливо зацѣпилъ мимоходомъ „Отеч. Записки“. Г. Булгаринъ въ своихъ „Комарахъ“ приписалъ себѣ всю честь необыкновеннаго успѣха „Героя Нашего Времени“, который, по его словамъ, будто бы до тѣхъ поръ лежалъ въ

---

[1]) Все это относится къ Шевыреву, отказавшемуся печатать „Носъ“ и писать о „Ревизорѣ“. Впослѣдствіи, оцѣнивъ Гоголя и его „Мертвыя души“, Шевыревъ оскорблялся горячими похвалами Гоголю со стороны Бѣлинскаго и называлъ эти похвалы „непрошенными“... Въ своихъ статьяхъ о „Мертвыхъ Душахъ“ Шевыревъ называлъ Бѣлинскаго „литературнымъ Ноздревымъ“ и характеризовалъ отношеніе Бѣлинскаго къ произведенію Гоголя слѣдующими безсмертными словами: „...изъ тѣсныхъ рядовъ толкучаго рынка литературы выскочило наглое самохвальство въ видѣ крикливаго пигмея съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою; обрадовавшись случаю изъ-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, пялитъ на немъ свою тощую фигуру...“ — Всѣ нижеслѣдующія пять замѣтокъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“ относятся все къ этой же статьѣ Шевырева. Ср. все это со статьей № 36.

книжныхъ лавкахъ, не трогаясь съ мѣста, пока „Сѣверная Пчела“, сжалившись надъ нимъ, не похвалила его. Справедливо осуждая неумѣстную выходку г. Булгарина, замѣчаетъ въ выноскѣ:

„Замѣтимъ здѣсь кстати подобную же выходку Отеч. Записокъ. Безыменный рецензентъ (точно ли безыменный, господа?.. спросимъ мы въ скобкахъ...), разбирая Мертвыя Души, говоритъ, что Отеч. Записки первыя открыли дарованіе Гоголя и указали на него всей читающей Руси, когда еще до ихъ рожденія, при каждомъ представленіи Ревизора, театры обѣихъ столицъ были полны, а Миргородъ оцѣненъ былъ по достоинству во всѣхъ благомыслящихъ журналахъ. Но стоитъ ли все это опроверженія? Хорошъ былъ бы талантъ, для открытія котораго потребно бъ было существованіе Отеч. Зап.“.

Мы съ этимъ совершенно согласны: что за талантъ, для открытія котораго потребно было бы существованіе какого бы то ни было журнала — не только „Отеч. Записокъ“, но даже и „Москвитянина“, того самаго „Москвитянина“, который недавно *открылъ*, что Гоголь, по акту творчества, равенъ Гомеру и Шекспиру, и воскресилъ древній эпосъ, искаженный великими поэтами Западной Европы [1]). Да, съ этимъ мы совершенно согласны, потому что это совершенная истина, противъ которой нечего сказать. Но мы несогласны съ критикомъ „Москвитянина“ въ томъ, будто мы говорили о себѣ, что первые открыли талантъ Гоголя и указали на него всей читающей Руси, — несогласны потому, что это совершенная неправда... Во-первыхъ, мы говорили не собственно объ „Отеч. Запискахъ“, а о *прямой* и *уклончивой* критикахъ, изъ которыхъ первая, не боясь быть смѣшною въ глазахъ толпы, смѣло низвергаетъ ложныя славы съ ихъ пьедесталовъ и указываетъ на истинныя славы, которыя должны занять ихъ мѣсто, а вторая, такъ же понимая дѣло, въ угоду толпѣ, выражается осторожно, намеками, съ оговорками. Опредѣливъ характеръ той и другой критики, вотъ что̀ сказали мы еще:

„Не углубляясь далеко въ прошедшее нашей литературы, не упоминая о многихъ предсказаніяхъ „прямой критики“, сдѣланныхъ давно и теперь сбывшихся, скажемъ просто, что изъ нынѣ существующихъ журналовъ только на долю „Отеч. Записокъ“ выпала роль „прямой критики“. Давно ли было то время, когда статья о Марлинскомъ возбудила противъ насъ столько криковъ, столько непріязненности, какъ со стороны литературной братіи, такъ и со стороны большинства читающей публики? И что же! смѣшно и жалко видѣть, какъ, съ голоса „Отеч. Записокъ“, ихъ словами и выраженіями (не новы, да благо ужъ готовы!) преслѣдуютъ теперь блѣдный призракъ падшей славы этого блестящаго фразера—Богъ знаетъ, изъ какихъ щелей наползшіе въ современную литературу критиканы, Богъ вѣдаетъ какіе журналы и какія газеты! Большинство публики не только не думаетъ теперь на это сердиться, но тоже, въ свою очередь, повторяетъ вычитываемыя имъ о Марлинскомъ фразы! Давно ли многіе не могли намъ простить, что мы видѣли великаго поэта въ Лермонтовѣ? Давно ли писали о насъ, что мы превозносимъ его пристрастно, какъ постояннаго вкладчика въ нашъ журналъ? И что же! мало того, что участіе и устремленныя на поэта полныя изумленія и ожиданія очи цѣлаго общества, при жизни его, и потомъ общая скорбь образованной и необразованной части читающей публики при вѣсти о его безвременной кончинѣ, вполнѣ оправдали наши прямые и рѣзкіе приговоры о его талантѣ;—мало того: Лермонтова принуждены были хвалить даже тѣ люди, которыхъ не только критикъ, но и существованія онъ не подозрѣвалъ, и которые гораздо лучше и приличнѣе могли бы почтить его талантъ своею враждою, чѣмъ пріязнію... Но эти нападки на нашъ журналъ за Марлинскаго и Лермонтова ничто въ сравненіи съ нападками за Гоголя... Изъ существующихъ *теперь* журналовъ „Отеч. Записки“ *первыя* и *одни* сказали и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что̀ такое Гоголь въ русской литературѣ... Какъ на величайшую нелѣпость со стороны нашего журнала, какъ на самое темное и позорное пятно на немъ, указывали разные критиканы, сочинители и литературщики на наше мнѣніе о Гоголѣ... Если бъ мы имѣли несчастіе увидѣть генія и великаго писателя въ какомъ-нибудь писакѣ средней руки, предметѣ общихъ насмѣшекъ и образцѣ бездарности,—и тогда бы не находили этого столь смѣшнымъ, нелѣпымъ, оскорбительнымъ, какъ мысль о томъ, что Гоголь — великій талантъ, геніальный поэтъ и *первый* писатель современной Россіи... За сравненіе его съ Пушкинымъ на насъ нападали люди, всѣми силами старавшіеся бросать грязью своихъ литературныхъ воззрѣній въ страдальческую тѣнь перваго великаго поэта Руси. Они прикидывались, что ихъ оскорбляла одна мысль видѣть имя Гоголя подлѣ имени Пушкина, они притворялись глухими, когда имъ говорили, что самъ Пушкинъ первый понялъ и оцѣнилъ талантъ Гоголя и что оба поэта были въ отношеніяхъ, напоминавшихъ собою отношенія Гёте и Шиллера...“.

Вотъ что̀ мы сказали [1]). Есть ли въ нашихъ словахъ что-нибудь похожее на то, въ чемъ упрекаетъ насъ „Москвитянинъ“? Онъ нашелъ въ нашихъ словахъ то же самое, что̀ и въ выходкѣ г. Булгарина: г. Булгаринъ прямо объявилъ, что единственно *онъ* далъ ходъ Лермонтову; слѣдственно, по обвиненію „Москвитянина“, и мы похвалились тѣмъ же, т.-е., что дали ходъ Гоголю... Правда, „Москвитянинъ“, или его безыменный критикъ, замѣчаетъ, что мы похвалились только тѣмъ, что *указали* публикѣ на Гоголя, но въ такомъ случаѣ, что̀ же общаго между нашимъ „указателемъ“ и выходкою г. Булгарина? Да сверхъ того, мы и не думали говорить, что „Отеч. Записки“ *указали* публикѣ на Гоголя: мы сказали, что „изъ существующихъ *теперь* журналовъ „Отеч. Записки“ *первыя* и *одни* сказали и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что такое Гоголь въ русской литературѣ“; къ этому мы прибавили еще, что

[1]) См. выше статьи №№ 38 и 39.

[1]) Въ статьѣ о „Мертвыхъ Душахъ“, см. выше стр. 405—407.

за это насъ порицали почти всѣ другіе журналы и нѣкоторые изъ читателей... Все это правда. Кто же изъ существующихъ *теперь* журналовъ называлъ Гоголя великимъ писателемъ? Ужъ не тотъ ли московскій журналъ, который недавно поставилъ г. Павлова выше Гоголя, а Гоголя ниже г. Павлова?... Изъ существовавшихъ *прежде* журналовъ первый оцѣнилъ Гоголя „Телескопъ“, а совсѣмъ не тотъ, другой московскій журналъ, который отказался принять въ себя повѣсть Гоголя „Носъ“ по причинѣ ея пошлости и тривіальности, и не тотъ *именитый* критикъ, который отказался писать о „Ревизорѣ“, какъ опять о тривіальномъ и грязномъ произведеніи [1])... Гоголю далъ ходъ его великій талантъ: публика оцѣнила Гоголя прежде всѣхъ журналовъ, но *какъ* оцѣнила—вотъ вопросъ! Сколько и теперь есть людей, которые не одинъ разъ прочли Гоголя, а все говорятъ, что куда ему до Марлинскаго!.. Дѣло журнала оцѣнить писателя *сознательно* и распространить въ публикѣ эту *сознательную* оцѣнку, и мы почитаемъ себя въ правѣ сказать, что „Отеч. Записки“ принимали едва-ли не первое и не исключительное участіе въ дѣлѣ *сознательной* оцѣнки Гоголя изъ всѣхъ существующихъ теперь журналовъ... Ими же *первыми* изъ существующихъ *теперь* журналовъ оцѣненъ по достоинству Марлинскій и ими *однѣми* оцѣненъ по достоинству Лермонтовъ. Да ужъ, конечно, Лермонтовъ оцѣненъ не тѣмъ критикомъ, который поставилъ Лермонтова ниже г. Хомякова, а г. Хомякова выше Лермонтова... Все это факты, противъ которыхъ нечего сказать, равно какъ и противъ того, что въ замѣчаніи „Москвитянина“, или его критикъ противъ „Отеч. Записокъ“ нѣтъ нисколько правды, а есть много неправды...

XII.

Небольшой разговоръ между литераторомъ и не литераторомъ о дѣлѣ, не совсѣмъ литературномъ.

N. (*входя къ М.*) Скажите, пожалуйста, это по вашей части: что такое означаетъ вотъ это стихотвореніе (*показывая книжку журнала*) къ „Безыменному Критику“?

М. Во-первыхъ, это совсѣмъ не по моей части...

N. Какъ не по вашей? вы занимаетесь литературою, вы сами литераторъ...

М. Потому-то это стихотвореніе и не по моей части... Впрочемъ, такъ какъ теперь въ русскую литературу вошло много *не литературныхъ* элементовъ, то иногда принужденъ бываю читать и такое, чего сохрани Богъ написать...

[1]) См. наше примѣчаніе на стр. 613-ой.

N. Не о томъ дѣло! Скажите, что это такое? къ какому безыменному критику?

М. Само собою разумѣется, къ критику, котораго никто не знаетъ...

N. Нѣтъ, развѣ къ такому, который не подписываетъ своего имени подъ своими критиками?..

М. И который, поэтому, никому не извѣстенъ?..

N. Ну, Богъ знаетъ! Тутъ къ нему адресуются въ такомъ тонѣ, какъ-будто его имя можетъ сейчасъ же сказать каждый грамотный человѣкъ... Прочтите...

М. Я читалъ уже...

N. Что за бѣда! Такъ слушайте:

Нѣтъ! твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ!

Кто это, кто?

М. То-есть, кто тотъ, который *ужалилъ* Карамзина?—Не знаю!

N. Разумѣется, не ужалилъ, а писалъ противъ Карамзина?

М. О, очень многіе! Во-первыхъ, славянофилы [1]), доказывавшіе, что Карамзинъ испортилъ русскій языкъ, что онъ не знаетъ русскаго языка, что онъ пишетъ не по-русски, и прочее; потомъ, Каченовскій, написавшій, между незначительными придирками, и нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на „Исторію Государства Россійскаго“; потомъ г. Арцыбашевъ, между нѣсколькими дѣльными замѣчаніями, написавшій и множество мелочныхъ замѣчаній на исторію Карамзина, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ г. Погодина и возбудившихъ негодованіе (не совсѣмъ, впрочемъ, основательное и справедливое) во многихъ литераторахъ, особенно же въ г. Полевомъ; потомъ, г. Полевой, передъ выходомъ своей и до сихъ поръ еще не конченной „Исторіи Русскаго Народа“, начавшей нападать на „Исторію Государства Россійскаго“...

N. Ну, а Ломоносова-то кто называлъ не поэтомъ?

М. Многіе и очень многіе; но изъ всѣхъ ихъ, конечно, всѣхъ замѣчательнѣе Пушкинъ. Вотъ слова его о Ломоносовѣ: „Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I-мъ и Екатериною II-ю онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не

[1]) „Славянофилы“ начала XIX вѣка—т.-е. шишковисты; въ этомъ смыслѣ Бѣлинскій уже употребилъ слово „славянофилы“ въ началѣ третьей своей статьи о „Рѣчи о критикѣ“ Никитенко (см. тамъ наше примѣчаніе на стр. 519-ой).

что иное, какъ *исправный чиновникъ*, *а не поэтъ*, вдохновенный свыше, *не ораторъ*, мощно увлекающій... Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ поэтовъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. *Его вліяніе на словесность было вредное*, и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ"... Вся статья Пушкина о Ломоносовѣ состоитъ въ доказательствахъ, что Ломоносовъ былъ великій человѣкъ и великій ученый, но не поэтъ, и даже не ораторъ.

N. Ну, а вотъ дальше-то о комъ идетъ рѣчь?

Кто ни честенъ, кто ни славенъ,
Ни радѣлъ странѣ родной,
И Жуковскій, и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой!

М. Стихи плохи до того, что трудно понять ихъ смыслъ. Кажется, надо понимать такъ, что дерзкою рукою „безыменнаго критика" тронуты всѣ люди славные, оказавшіе услуги литературѣ?

N. Именно такъ! Кто же это?

М. Да никто. Очевидно, что это такъ — реторическое украшеніе, невинная и благонамѣренная гипербола.

N. Но кто же оскорблялъ Жуковскаго и Державина?

М. Писали о нихъ многіе, но кто оскорблялъ — трудно сказать, потому что въ стихахъ не прописано: какъ, какимъ образомъ оскорблялъ. Въ стихотвореніяхъ, приближающихся къ роду юридическихъ сочиненій, надо быть какъ можно отчетливѣе; къ нимъ не мѣшаетъ даже прилагать pièces justificatives...

N. Но дальше, дальше!

Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца до Петра,
Обнаживъ бытописаній
Славы, силы и добра!

Это на кого?

М. На Ломоносова и на многихъ старинныхъ нашихъ писателей, которые и въ стихахъ и въ прозѣ говорили, что Петръ былъ полубогомъ Россіи, что до Петра Русь была покрыта тьмою, но Петръ, явившись, сказалъ: „*да будетъ свѣтъ!*" — *и бысть*!.. Долго справляться, а фактовъ нашлось бы много. Впрочемъ, и теперь Русскіе раздѣляютъ этотъ восторгъ къ Петру нашихъ старинныхъ писателей. Что же касается до двухъ послѣднихъ стиховъ —

Обнаживъ бытописаній
Славы, силы и добра,—

то, за отсутствіемъ смысла въ нихъ, я не могу дать отвѣта. Дальше читать нечего — ибо въ этихъ трехъ куплетахъ высказаны главные пункты дѣла, въ остальныхъ содержится распространеніе и поясненіе этихъ трехъ главныхъ пунктовъ и приговоровъ за преступленіе. А преступленіе, надо сказать, было бы великое, если бъ все стихотвореніе не было чистымъ поэтическимъ вымысломъ.

N. Но какая же причина этого вымысла?

М. Самая простая: авторъ боленъ страстію къ стихоманіи, а талантомъ, какъ видно изъ этихъ же стиховъ, не богатъ: стало быть, онъ похвалъ себѣ не слыхалъ, а горькой правды отъ *именныхъ* и *безыменныхъ* критиковъ наслышался вдоволь. Поэтому, естественно, что ему не нравится все, что̀ мыслитъ и разсуждаетъ. Видя, что правду можно говорить и о знаменитыхъ писателяхъ, не только что о дрянныхъ писакахъ, онъ съ горя и закричалъ: „слово и дѣло!", давъ своему восклицанію такой оборотъ:

О!.. когда народной славѣ
И избранниковъ *его* (?)
Насмѣяться каждый въ правѣ —
Окрылитъ ли честь кого?..

N. А и въ самомъ дѣлѣ: кто захочетъ трудиться, видя, что и труды великихъ иногда цѣнятся и вкось и вкривь?

М. Кто? — каждый, кто родится съ призваніемъ на великое. И какой великій дѣйствователь останавливался отъ мысли, что его не оцѣнятъ и оскорбятъ? Вспомните, что̀ говорили и писали о Пушкинѣ, какими бранями встрѣчалось каждое его произведеніе! И однакожъ, это его не остановило: онъ отвѣчалъ на ругательства новыми произведеніями. Это исторія каждаго замѣчательнаго, не только великаго человѣка. Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то было на умѣ у нашего піиты: онъ хлопоталъ не о великихъ... Впрочемъ, Богъ знаетъ, о чемъ онъ хлопоталъ! Если спросить его, думаю, онъ самъ не найдется ничего сказать. 1842 г.

43. Русская литература въ 1842 году.

Небольшой обзоръ литературы за 1842 г. интересенъ своимъ историко-литературнымъ вступленіемъ: въ немъ Бѣлинскій даетъ краткій очеркъ исторіи „литературныхъ обозрѣній“, начиная съ Марлинскаго, и характеристику той эпохи, когда у насъ впервые возникли эти обозрѣнія—эпохи „романтизма“ двадцатыхъ годовъ. Кое-что въ этой характеристикѣ является повтореніемъ аналогичныхъ мыслей изъ статьи о „Горѣ отъ ума“ (см. т. I, стр. 593—603).

Изъ литературныхъ событій 1842 года Бѣлинскій подробнѣе всего останавливается, разумѣется, на „Мертвыхъ Душахъ“, изъ-за которыхъ ему уже столько пришлось ломать копій въ этомъ 1842 году (статьи №№ 37—39 и 42). И въ настоящей статьѣ онъ не обинуясь называетъ поэму Гоголя „однимъ изъ тѣхъ капитальныхъ произведеній, которыя составляютъ эпохи въ литературахъ“. Надо ознакомиться съ тономъ всѣхъ — даже наиболѣе благожелательныхъ—критикъ 1842 г., чтобы увидѣть и оцѣнить степень критической прозорливости Бѣлинскаго: за исключеніемъ К. Аксакова, брошюрка котораго была своего рода литературнымъ курьезомъ, всѣ остальные сочувствующіе критики—Плетневъ, Шевыревъ—находили произведеніе Гоголя талантливымъ, замѣчательнымъ, но далеко не понимали его истиннаго значенія, не понимали, что это произведеніе „составляетъ эпоху“ въ русской литературѣ. Мало того: восторгавшійся поэмой Плетневъ — статью котораго Бѣлинскій назвалъ „умной и дѣльной“ (см. выше № 39) — находилъ все-таки „важный недостатокъ“ въ поэмѣ Гоголя, а именно — отсутствіе „серьезнаго общественнаго интереса“, „мелочность и ограниченность“... Одинъ Бѣлинскій понялъ и оцѣнилъ все громадное значеніе этого произведенія, которое стало дѣйствительно, что называется, „epochemachend“ во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Великій критикъ понялъ великаго художника.

Глубоко-вѣрнымъ мнѣніемъ о Майковѣ, суровымъ сужденіемъ о Баратынскомъ, безпристрастнымъ отзывомъ о Кукольникѣ и общимъ взглядомъ на сборники и журналы заканчивается настоящая статья. Въ ней Бѣлинскій является почти исключительно критикомъ и историкомъ литературы, хотя изъ-подъ критики чужихъ произведеній и здѣсь всюду проглядываетъ проповѣдникъ своихъ убѣжденій, своей новой вѣры. Въ Шиллерѣ Бѣлинскій видитъ теперь „провозвѣстника двухъ великихъ словъ великаго будущаго—разума и человѣчества“; въ Байронѣ онъ видитъ могучаго генія, который „на свое горе заглянулъ впередъ; не разсмотрѣвъ за мерцающею далью обѣтованной земли будущаго, онъ проклялъ настоящее и объявилъ ему вражду непримиримую и вѣчную“... Бѣлинскій теперь уже вѣрилъ въ обѣтованную землю: „очи наши узрѣли спасеніе наше!“ — восклицалъ онъ „въ экстазѣ и сумасшествіи“; мы подробно говорили объ этомъ во вступительной замѣткѣ къ статьѣ о Баратынскомъ (№ 41). И чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникался онъ этой вѣрой въ два великихъ слова великаго будущаго—въ разумъ и человѣчество; вмѣстѣ съ этимъ онъ понемногу переходилъ отъ неопредѣленной „соціальности“ къ начальнымъ формамъ „соціализма“. Интересно слѣдить, какъ въ статьяхъ 1842 — 1845 годовъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе звучатъ эти ноты свѣтлой вѣры въ соціальное устроеніе человѣчества на началахъ разума; этой вѣрой Бѣлинскій хотѣлъ замѣнить свою былую вѣру въ предвѣчное разумное устроеніе всего міра. Въ настоящей статьѣ разсѣяно не мало такихъ черточекъ; двѣ изъ нихъ указаны нами выше.

Въ началѣ нашей замѣтки мы назвали настоящую статью Бѣлинскаго небольшой; необходимо прибавить къ этому, что статья эта была ровно на цѣлую треть уменьшена цензурою, о чемъ Бѣлинскій упоминаетъ въ своихъ письмахъ. „Писать ничего и ни о чемъ со дня на день становится невозможнѣе и невозможнѣе,—писалъ Бѣлинскій Боткину 6 февр. 1843 г.: — объ искусствѣ ври что хочешь, а о дѣлѣ, т.-е. о нравахъ и нравственности — хоть и не трать труда и времени. Изъ статьи моей въ 1 № „Отеч. Записокъ“ вырѣзанъ цѣлый листъ печатный — все лучшее, а я этою статьею очень дорожилъ, ибо она проста и по идеѣ, и по изложенію“...

И.-Р.

Было время, когда журналы въ Европѣ по преимуществу назывались „зрителями“; теперь имя „обозрѣній“ (revues) осталось за ними исключительно и значитъ то же самое, что у насъ, на Руси, слово „журналъ“, а журналами называются тамъ газеты. Въ этихъ названіяхъ столько же основательности и толку, сколько у насъ неосновательности и безтолковости. Большая часть журналовъ у насъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, тогда какъ иностранное слово „журналъ“ совершенно равнозначительно русскому „дневникъ“ или „ежедневникъ“. Слово „газета“, оставшееся у насъ преимущественно за тѣми періодическими изданіями, которыя за границею называются „журналами“, не выражаетъ никакого смысла, почему почти и оставлено въ Европѣ. Еще болѣе основательности и глубокаго смысла видно въ замѣненіи слова „зритель“ словомъ „обозрѣніе“; эта перемѣна какъ нельзя лучше характеризуетъ собою двѣ эпохи: одну, когда люди только *созерцали* и *смотрѣли* на жизнь, какъ на занимательный спектакль, и другую, когда люди уже не довольствуются только тѣмъ, что смотрятъ глазами, а хотятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, смотрѣть и умомъ. Предшествовавшая эпоха была *созерцательная;* настоящая эпоха — *сознательная.* Отсюда-то и происходитъ эта живая, безпокойная, тревожная потребность, едва кончивъ дѣло, *обозрѣть* его поскорѣе, едва пройдя нѣсколько шаговъ, оглянуться назадъ и отдать себѣ отчетъ въ пройденномъ пространствѣ. Это доказываетъ, что теперь факты — ничто, и одно знаніе фактовъ также ничто, но что все дѣло въ разумѣніи значенія фактовъ. Мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, чтобъ фактическое знаніе было ненужно, безполезно: мы хотимъ сказать только, что знаніе фактовъ безъ разумѣнія ихъ еще не есть знаніе въ истинномъ и высшемъ значеніи этого слова. Безъ знанія фактовъ невозможно и разумѣніе ихъ, потому что когда нѣтъ фактовъ, какъ данныхъ, какъ предметовъ знанія, тогда нечего и уразумѣвать; слѣдовательно, и фактическое знаніе необходимо; только безъ философскаго знанія оно будетъ такимъ же призракомъ, какъ и философское знаніе безъ фактическаго подготовленія и основанія. И дѣйствительно, въ прежнюю, созерцательную эпоху только смотрѣли на то, что̀ дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, и, посмотрѣвъ, записывали, что̀ видѣли; теперь смотрятъ еще пристальнѣе, еще внимательнѣе, но, смотря, вникаютъ и судятъ, и тогда только почитаютъ себя что-нибудь увидѣвшими, когда откроютъ смыслъ и значеніе увидѣннаго, переведутъ фактъ на идею.

У насъ общественная жизнь преимущественно выражается въ литературѣ. Поэтому ничего нѣтъ мудренаго, если всѣ наши журналы по преимуществу — журналы литературные, наполняемые или произведеніями литературы, или толками о литературѣ. Наука у насъ еще слишкомъ нѣжное и слабое растеніе, которому еще некогда было даже пустить корней, не только развернуться пышнымъ и благоуханнымъ цвѣтомъ. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ у насъ не было науки: это значитъ только, что наука на Руси до сихъ поръ еще что-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ,—исключительное достояніе небольшого избраннаго класса людей, а не цѣлаго общества, какъ въ Западной Европѣ. Многіе еще изъ посвящающихъ себя исключительно наукѣ у насъ учатся не для знанія, а для аттестатовъ, открывающихъ путь къ разнымъ преимуществамъ по службѣ. Засѣданія ученыхъ обществъ въ глазахъ нашей публики — родъ спектакля, на который должно смотрѣть съ приличною важностію, не зѣвая. Самъ Араго не привлекъ бы, своими чтеніями и отчетами, разнообразной и полной просвѣщеннаго интереса толпы. Вотъ почему мы говоримъ, что наука на Руси пока еще нѣжное и слабое растеніе, неуспѣвшее еще пустить корней въ новую, неразработанную для него почву и поддерживаемое только благородными, великодушными усиліями просвѣщеннаго правительства. Зато литературныя публичныя чтенія, затѣянныя сколько-нибудь извѣстнымъ въ литературѣ лицомъ, у насъ могутъ привлекать разнородную толпу, которая готова стекаться на нихъ всегда съ бо́льшимъ или меньшимъ интересомъ, и не только (такъ или сякъ) будетъ понимать ихъ, но еще и принимать ихъ съ этимъ восторгомъ или съ этимъ неудовольствіемъ, которые всегда означаютъ живое участіе къ дѣлу литературы. Ужъ нечего и говорить о томъ, что всѣ сколько-нибудь замѣчательныя литературныя произведенія находятъ себѣ у насъ покупателей и почитателей; нѣкоторые журналы поддерживаются значительнымъ числомъ подписчиковъ, журнальныя мнѣнія раздѣляютъ публику на литературныя котеріи. Послѣднее обстоятельство особенно важно. Безъ литературнаго мнѣнія, сколько-нибудь оригинальнаго и самобытнаго, высказываемаго съ бо́льшимъ или меньшимъ умомъ и талантомъ, теперь и у насъ журналъ уже не можетъ имѣть успѣха. Критика въ отношеніи къ успѣху и вліянію журнала начинаетъ становиться едва-ли не важнѣе самихъ повѣстей. Правда, подъ „критикою“ у насъ еще не всѣ разумѣютъ разсмотрѣніе произведеній искусства на основаніи науки изящнаго; напротивъ, большая часть публики добродушно почитаетъ критикою всякую болтовню о литературныхъ предметахъ, вся-

кую рецензію на пустую книжонку,—и потому у насъ стоитъ только назвать себя критикомъ, чтобы прослыть критикомъ. Такъ, иной нравоописательный сочинитель, въ жизнь свою ненаписавшій ни одной критической статьи, никогда и не слыхивавшій, что есть на свѣтѣ наука изящнаго, философія искусства, совершенно чуждый какого-нибудь взгляда на поэзію, какого-нибудь убѣжденія, тѣмъ не менѣе гордо величаетъ себя „критикомъ“, потому только, что давно уже мараетъ статейки въ плохой газетѣ, гдѣ бранитъ сплеча всякій талантъ, всякій успѣхъ, заслоняющій его, или, помирившись съ подобнымъ себѣ витяземъ, потомъ бранитъ его, а послѣ опять мирится съ нимъ — до новой мировой сдѣлки и новой размолвки, и постоянно хвалитъ только себя и свои книжныя издѣлія [1]). Но все это нисколько не противорѣчитъ высказанному нами мнѣнію о важной роли, которую играетъ критика въ нашихъ журналахъ, какъ выраженіе литературныхъ понятій, убѣжденій и мнѣній; притомъ же, наша критика состоитъ не изъ однихъ такихъ жалкихъ явленій, но по справедливости можетъ гордиться и утѣшительными исключеніями. Итакъ этотъ успѣхъ журналистики, душа которой критика, служитъ самымъ яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что литература наконецъ укоренилась на почвѣ русской національности, вошла въ жизнь общества, сдѣлалась его обычаемъ и живою потребностію и уже перестала быть внѣшнимъ нововведеніемъ, модою или книжнымъ педантизмомъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что у нашего общества литература стоитъ на первомъ планѣ, и что у насъ съ важностію разсуждаютъ и съ горячностію спорятъ о томъ, о чемъ за границею говорятъ хладнокровно, какъ объ интересѣ важномъ, но уже второстепенномъ и отнюдь не исключительномъ.

Послѣ всего этого должно казаться страннымъ, что въ современныхъ русскихъ журналахъ, за исключеніемъ „Отеч. Записокъ“, нѣтъ ни историческихъ, ни годовыхъ и никакихъ обозрѣній русской литературы. И это тѣмъ страннѣе, что съ небольшимъ за десять лѣтъ назадъ обозрѣнія такого рода были въ большомъ ходу: ими наполнялись журналы, безъ нихъ не могли обходиться альманахи. Потомъ вдругъ какъ и не бывало литературныхъ обозрѣній! Кромѣ равнодушія къ дѣлу литературы, этому не можетъ быть другой причины: по словамъ мудрой русской пословицы, что́ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Скажутъ: вольно же ребячиться и толковать о пустякахъ! Хорошо; но если литература для кого-нибудь пустяки, такъ пусть же тотъ и не издаетъ литературныхъ журналовъ, чтобъ не противорѣчить самому себѣ и не обнаружить, противъ своей воли, какихъ-нибудь совсѣмъ не литературныхъ цѣлей, а, напримѣръ, торговыхъ и т. п. Кто на литературу смотритъ, какъ на что-то важное, въ глазахъ того обозрѣнія литературы не могутъ не имѣть большой важности. Литературныя обозрѣнія—это живая лѣтопись мнѣній различныхъ эпохъ; а какъ Россія во многихъ отношеніяхъ развивается непомѣрно быстро, то у насъ что́ годъ, то́ и эпоха, слѣдовательно, и лѣтописи нашей литературы не могутъ не быть разнообразны, живы и интересны. Любопытно наблюдать за процессомъ мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ въ разное время, у разныхъ поколѣній; любопытно видѣть, какъ думали, напримѣръ, о Ломоносовѣ или Державинѣ въ ихъ время, и какъ думаютъ о нихъ теперь. Любопытно видѣть итоги каждаго года и по нимъ слѣдить за каждымъ успѣхомъ литературы, за каждымъ ея шагомъ впередъ. И потому мы думаемъ, что публика не можетъ не одобрить принятаго нами намѣренія — начинать каждую первую книжку новаго года „Отеч. Записокъ“ взглядомъ на прошлогоднюю литературу, — намѣреніе, которое уже сряду третій годъ постоянно выполняется нами, не въ примѣръ прочимъ журналамъ.

Литературныя обозрѣнія первый началъ Марлинскій. Его статьи въ этомъ родѣ имѣли чрезвычайный успѣхъ въ публикѣ. На нихъ смотрѣли, какъ на что-то необыкновенное, геніальное. Теперь онѣ не болѣе, какъ интересный фактъ для исторіи русской литературы. Теперь уже никого не изумятъ фразы, что Ломоносовъ озарилъ своимъ явленіемъ Русь подобно сѣверному сіянію, что стихи Пушкина — жемчугъ, разсыпанный по бархату, и т. п. Но въ свое время *обозрѣнія* Марлинскаго были дѣйствительно необыкновеннымъ явленіемъ, которое не могло не показаться великимъ. Критика до Марлинскаго была книжною и педантическою, безъ истинной учености, безъ всякаго отношенія къ современному состоянію науки объ изящномъ. Истинному глубокомыслію и истинной учености прощается и тяжеловатость, и педантизмъ, если они какъ-нибудь приросли къ ней; но педантизмъ и школьничество, невыкупаемые мыслію и основательностію— самая отвратительная вещь въ мірѣ. Наша ученая критика того времени не справлялась съ ходомъ времени и повторяла избитыя общія мѣста о старыхъ писателяхъ, упорно не признавая въ Пушкинѣ ни таланта, ни заслуги. Марлинскій заговорилъ о литературѣ языкомъ свѣтскаго человѣка, умнаго.

[1]) Разумѣется, рѣчь идетъ о Булгаринѣ и Полевомъ; см. девятую изъ замѣтокъ предыдущей статьи.

образованнаго и талантливаго, заговорилъ языкомъ новымъ, небывалымъ, острымъ, блестящимъ. Ради этихъ, новыхъ тогда, достоинствъ, никто не замѣтилъ жидкости содержанія въ его часто до изысканности оригинальныхъ и блестящихъ фразахъ, неопредѣленности въ его характеристикахъ. Удержавъ, по старой памяти, кое-что изъ мнѣній прежняго времени, Марлинскій все это выражалъ однакожъ новымъ образомъ, отчего и старыя мысли приняли у него видъ новыхъ; увлекаясь очень понятнымъ пристрастіемъ къ современному, онъ иное хвалилъ не по достоинству, но зато умѣлъ восхищаться всѣмъ истинно-прекраснымъ и тяжко поражалъ своимъ фейерверочнымъ остроуміемъ посредственность и бездарность. Одно уже то, что онъ былъ страшнымъ врагомъ ложнаго классицизма и сильнымъ союзникомъ плохо понимаемаго и новаго тогда такъ называемаго романтизма, — одно уже это облекало въ мистическое величіе его достоинство, какъ критика. Послѣ Марлинскаго неутомимымъ „обозрѣвателемъ“ былъ весьма извѣстный въ свое время, но теперь совершенно забытый, г. Орестъ Сомовъ. Въ его статьяхъ не было никакого литературнаго мнѣнія, никакого основанія, никакого блеска, и онѣ скоро всѣмъ надоѣли и обратились въ предметъ насмѣшекъ со стороны всѣхъ журналовъ. Потомъ замѣчательнѣйшею статьею въ этомъ родѣ было „обозрѣніе русской словесности 1829 года“ г. И. Кирѣевскаго, напечатанное въ „Денницѣ“ г. Максимовича. Въ статьѣ г. Кирѣевскаго чувствуется присутствіе мысли; по крайней мѣрѣ, есть нѣсколько отдѣльныхъ мыслей, вѣрныхъ и оригинальныхъ; но приложеніе ихъ отзывается неопредѣленностію и не идетъ къ дѣлу. Г. Кирѣевскій не только безусловно и безотчетно превознесъ, а не оцѣнилъ, — ибо оцѣнка есть сужденіе, а не гимнъ хвалебный,—исторію Карамзина, но и разныя маленькія знаменитости того времени. Такъ напр., онъ накинулъ *душегрѣйку новѣйшаго унынія* на греческую музу Дельвига, между тѣмъ какъ въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ еще менѣе античнаго, пластическаго и антологическаго, чѣмъ русскаго въ его русскихъ пѣсняхъ. Даже въ стихотвореніяхъ г. Шевырева г. Кирѣевскій нашелъ только одинъ недостатокъ— не отсутствіе поэзіи, которой въ нихъ совершенно нѣтъ, не дикую вычурность абстрактныхъ идей и напряженнаго выраженія, а— *излишество мысли!*.. Это обозрѣніе возбудило противъ себя сильную враждебность въ журналахъ, сколько по своимъ парадоксамъ, столько и по нѣкоторымъ истинамъ, горькимъ и рѣзко высказаннымъ, которыя не всѣмъ могли понравиться.

Вообще главный отличительный характеръ всѣхъ прежнихъ литературныхъ обозрѣній состоитъ въ томъ, что они обольщались мнимыми литературными сокровищами. Отрывокъ изъ неоконченной поэмы считался важнымъ пріобрѣтеніемъ для литературы; плаксивая элегія, напечатанная въ альманахѣ, возбуждала толки и споры; всякая повѣстца считалась дивомъ. Теперь смѣшно и вспомнить, какъ всѣ были заинтересованы коротенькими отрывочками изъ повѣсти Байскаго „Гайдамаки“,—повѣсти, дѣйствительно недурной по разсказу, но тянувшейся нѣсколько лѣтъ и оставшейся безъ конца и связи. Даже романъ г. Б. Ф(Ѳ)едорова „Андрей Курбскій“ возбуждалъ ожиданіе и толки. Числительное богатство принималось за качественное, и этому богатству конца не видѣли. Книгъ было немногимъ больше теперешняго [1]), но зато почти каждая книга считалась важнымъ явленіемъ въ литературѣ; крохотные отрывочки въ крохотныхъ альманахахъ, каждое стихотвореньице, даже эпиграмма, — все это поименовывалось въ „обозрѣніяхъ“ и причислялось къ общей суммѣ литературнаго богатства. Иначе и быть не могло. Всякая важная новость, смѣняющая собою надоѣвшую старину, принимается заодно съ достоинствомъ и совершенствомъ. Такъ называемый *романтизмъ* былъ тогда еще новостію и потому почти всякое „романтическое“ произведеніе почиталось „превосходнымъ“ произведеніемъ. Восхищеніе отнимало способъ [2]) думать и судить.

Въ чемъ же долженъ состоять характеръ литературныхъ обозрѣній нашего времени? И даже есть ли теперь что-нибудь, что̀ обозрѣвать? Вѣдь теперь и книгъ меньше, и журналовъ меньше, стало быть, и литература вообще бѣднѣе.

Такъ можетъ казаться, но не такъ это на дѣлѣ. Мы сейчасъ сказали, что богатство прежняго періода нашей литературы было больше числительное, нежели качественное, больше воображаемое, нежели существенное. Истинное ея богатство состояло въ произведеніяхъ Пушкина, да въ „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова; кое-что изъ остального имѣло свое относительное достоинство, а большая часть — ровно никакого, между тѣмъ какъ все это принималось тогда почти съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и новыя произведенія Пушкина. Кто не считался тогда поэтомъ, кто не былъ знаменитъ? Те-

---

[1]) „Журналистика поглотила всю литературу“— говорилъ Бѣлинскій въ своемъ предыдущемъ обзорѣ литературы за 1841 годъ (№ 33); и въ началѣ слѣдующаго обзора (№ 47) онъ повторилъ эту же мысль: „до существованія толстыхъ журналовъ книгъ выходило гораздо больше“.

[2]) Полонизмъ: „способъ“ въ смыслѣ „возможность“.

перь едва-ли повѣрятъ, если сказать, что съ небольшимъ лѣтъ за десять имена гг. Олина, Карльгофа, Сомова, Писарева, Аладьина, Раича, Погорѣльскаго, Яковлева (автора „Удивительнаго Человѣка"), Илличевскаго, Ротчева, Глаголева и многихъ, многихъ другихъ считались чуть не знаменитостями литературными... Что касается до журналовъ, ихъ было больше, потому что ихъ легче было издавать. Страсть печататься доставляла издателямъ или за самую умѣренную цѣну. или — и это большею частію, — совершенно безденежно переводныя и оригинальныя статьи, которыми они и наполняли тощенькія и маленькія книжки своихъ журналовъ. „Телеграфъ" столько же по величинѣ своихъ книжекъ и по внѣшнему изяществу изданія, сколько и по внутреннему достоинству, справедливо считался первымъ и лучшимъ журналомъ въ Россіи; а между тѣмъ каждый томъ „Телеграфа", заключавшій въ себѣ четыре книжки за *два* мѣсяца, едва-ли не вполовину меньше былъ каждой книжки „Отеч. Записокъ", выходящей *одинъ* разъ въ мѣсяцъ. Если разница во внѣшнемъ изяществѣ изданія „Телеграфа" не слишкомъ велика съ нынѣшними журналами, то взгляните на картинки модъ „Телеграфа" и сравните ихъ съ нынѣшними. Конечно, все это не составляетъ сущности журнала, но мы и говоримъ не о сущности, а о трудности, съ которою, по причинѣ усилившихся требованій со стороны публики, теперь сопряжено изданіе журнала сравнительно съ прежними временами. Что же касается до сущности, то и тутъ какая огромная разница! Тогда „Телеграфъ" щеголялъ повѣстями Марлинскаго, которыя считались созданіями величайшаго генія и приводили въ восторгъ и изумленіе почти всю читающую публику. Повѣсти г. Полевого почитались тоже такими произведеніями, которыя могли бы служить украшеніемъ любому европейскому журналу, и вѣрно многіе, подобно намъ, не могутъ теперь вспомнить безъ улыбки живѣйшаго удовольствія, какой сильный интересъ возбудили въ публикѣ „Живописецъ", „Блаженство Безумія" и „Эмма": воспоминанія дѣтства такъ отрадны и сладостны, что мы не безъ сердечнаго трепета вспоминаемъ иногда романы Ратклифъ, Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена и, смѣясь надъ ними, все-таки любимъ ихъ, какъ добрыхъ друзей нашего мечтательнаго дѣтства, какъ ослѣпшую отъ старости собачку, съ которою мы играли, когда она была еще щенкомъ!.. И что говорить о повѣстяхъ г. Полевого; повѣсти г. Погодина многимъ нравились въ свое время; трудно повѣрить, а это было точно такъ: „Черная Немочь" надѣлала шуму... И вотъ оно — то богатство, какимъ горда была наша литература предшествовавшаго періода, который можно, не рискуя ошибиться, назвать „романтическимъ!" [1]).

Добрый и невинный *романтизмъ*! какъ боялись тебя классическіе парики, какимъ буйнымъ и неистовымъ почитали они тебя, сколько зла пророчили они отъ тебя, — тебя, бывшаго въ ихъ глазахъ страшнѣе чумы, опаснѣе огня! А ты, добрый и невинный романтизмъ, ты былъ просто рѣзвое, шаловливое дитя, проказливый школьникъ, который смѣтилъ, что его „классическій" учитель ужасно глупъ, да и давай надъ нимъ потѣшаться, сдергивая колпакъ съ его дремлющей лысой головы и нацѣпляя бумажки на заднія пуговицы его старомоднаго кафтана... И что же такое сдѣлалъ, если разсмотрѣть хорошенько, ты, такъ гордившійся и величавшійся своими заслугами? Черезъ г. Летурнера, поправленнаго, съ грѣхомъ пополамъ, г-мъ Гизо, ты кое-какъ познакомился съ Шекспиромъ, да и началъ, съ голосу парижскихъ романтиковъ, кричать о сердцевѣдѣніи, о глубинѣ идей, о силѣ страстей, о вѣрномъ изображеніи дѣйствительности; а вѣдь, признайся (дѣло прошлое!), тебѣ въ Шекспирѣ полюбились только побранки мужиковъ и солдатъ, разнообразіе и множество персонажей, да несоблюденіе дѣйствительно нелѣпаго драматическаго тріединства?.. Написалъ ли ты хоть одну драму въ родѣ шекспировыхъ драмъ? перевелъ ли хоть одну изъ нихъ такъ, чтобъ можно было видѣть, что ты понялъ Шекспира? Правда, переведены у насъ двѣ драмы Шекспира достойнымъ его образомъ, да не тобою, мой верхоглядый романтизмъ: ты только изуродовалъ „Гамлета", да „Виндзорскихъ Проказницъ", позволивъ себѣ передѣлывать ихъ по своему идеалу... Такъ или сякъ, познакомился ты и съ Шиллеромъ; но что понялъ ты въ немъ? — Ты понялъ, и то по-своему, по-дѣтски, *дѣву неземную*, да *любовь идеальную*, а вѣчнаго глагола разума, а божественной любви къ человѣчеству — ты и не предчувствовалъ въ Шиллерѣ; ты и не подозрѣвалъ въ немъ провозвѣстника двухъ великихъ словъ великаго будущаго — разума и человѣчества... И вотъ ты, съ радости, что не понялъ Шиллера, давай писать, благозвучными *расиновскими* стихами, *шиллеровскую* драму, гдѣ донскіе казаки *мечтаютъ* „о Шиллерѣ, о славѣ, о любви"... Также сводилъ тебя съ ума и „Гецъ фонъ-Берлихингенъ" Гёте — и ты пренелѣпо перевелъ его романтическимъ языкомъ русскихъ мужичковъ... Много ты наслышался

[1]) О повѣстяхъ Марлинскаго, Полевого и Погодина см. статью № 3 и ср. статью № 47.

и о „Фаустѣ“ Гёте, наболталъ о немъ съ три короба, и наконецъ (не дрогнула же у тебя рука на такое беззаконное дѣло!) и его перевелъ... Частію по французскимъ переводамъ, частію по дряннымъ россійскимъ переложеніямъ, ты познакомился съ Вальтеромъ Скоттомъ, — и тебѣ, самонадѣянному юношѣ-самоучкѣ, показалось, что ты разгадалъ тайну таланта великаго шотландца, и что тебѣ ничего не стоитъ самому сдѣлаться такимъ же „романтикомъ“. — И вотъ ты началъ тайкомъ перелистывать исторію Карамзина, браня ее вслухъ (какъ „классическое“ произведеніе) и, бывало, возьмешь изъ нея напрокатъ какое-нибудь событіе, да лица два-три, завяжешь имъ глаза, да и пустишь ихъ играть въ жмурки съ картонными маріонетками собственнаго твоего изобрѣтенія... И сколько повѣстей надѣлалъ ты изъ степенной русской исторіи, заставивъ чинныхъ русскихъ бояръ мстить по-черкесски, клясться не иначе, какъ *смертью* и *адомъ*, и кричать на каждой страницѣ: *га!*.. Злодѣй, ты уцѣпился за новѣйшую исторію, которую изучилъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“; ты не пощадилъ и Наполеона, не убоялся оскорбить его развѣнчанной тѣни и смѣло заставилъ его играть престранную роль въ твоихъ площадныхъ сказкахъ, сводить и знакомить его съ разными романтическими чудаками, незаконными дѣтьми твоей фантазіи... На горе себѣ, какъ-то познакомился ты съ геніальнымъ сумасбродомъ, съ нѣмцемъ Гофманомъ, забредилъ „фантастическимъ“, переболталъ его съ „идеальнымъ“, подбавивъ въ эту амальгаму сентиментальной водицы изъ памятныхъ тебѣ по дѣтству романовъ Августа Лафонтена — и потянулись у тебя длинною вереницею безобразные повѣсти и романы, съ блаженствующими отъ сумашествія, съ лунатиками, сомнамбулами, магнетизерами, идеальными кухарками, мѣщанскими поэтами, мечтателями, пряничными аббадоннами, сахарною любовью, мышинымъ героизмомъ и тому подобнымъ разнымъ вздоромъ [1]). Но всѣхъ болѣе виноватъ ты передъ пѣвцомъ „Гяура“ и „Манфреда“: лишь только заслышалъ ты о немъ, какъ и началъ проклинать жизнь, ненавидѣть человѣчество, любоваться адомъ и вяло воспѣвать

. . . Поблекшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ...

Ты провозгласилъ Байрона пѣвцомъ отчаянія и эгоизма, блуждающею кометою, озарившею міръ кровавымъ заревомъ... Добрякъ! говорю тебѣ — ты не понялъ его, этого Байрона, ты не понялъ ни его идеала, ни его паѳоса, ни его генія, ни его кровавыхъ слезъ, ни его безотраднаго и гордаго, на самомъ себѣ опершагося отчаянія, ни его души, столько же нѣжной, кроткой и любящей, сколько могучей, непреклонной и великой! Байронъ — это былъ Прометей нашего вѣка, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршуномъ: могучій геній, на свое горе, заглянулъ впередъ, — и не разсмотрѣвъ, за мерцающею далью, обѣтованной земли будущаго, онъ проклялъ настоящее и объявилъ ему вражду непримиримую и вѣчную; нося въ груди своей страданія милліоновъ, онъ любилъ человѣчество, но презиралъ и ненавидѣлъ людей, между которыми видѣлъ себя одинокимъ и отверженнымъ, съ своею гордою борьбою, съ своею безсмертною скорбію... Не кометою, блуждающею и безобразною былъ онъ, а новымъ духомъ, поборавшимъ за человѣчество, въ огненернатомъ шлемѣ на головѣ, съ пламеннымъ мечемъ въ рукѣ, съ эгидою будущей побѣды, близкаго торжества... А ты, добрый и невинный романтизмъ русскій, создалъ себѣ, въ своемъ ребячествѣ, какой-то призракъ Байрона, столько же похожій на Байрона, сколько тѣнь, отбрасываемая на солнце человѣкомъ, похожа на человѣка. Да и гдѣ, изъ чего было тебѣ создать истинный идеалъ Байрона? — гдѣ взялъ бы ты глубокаго сочувствія ко всему человѣческому, глухихъ рыданій, никому невидныхъ, но тѣмъ болѣе сокрушительныхъ, — ты, добрый юноша, съ глазами унылыми, но отъ модной тоски, съ щеками нѣсколько блѣдными, но отъ ночныхъ пировъ и дикихъ хоровъ московскихъ Египтянокъ, въ просторѣчіи называемыхъ Цыганками, — съ характеромъ раздражительнымъ и нѣсколько нелюдимымъ, но отъ разстроеннаго пищеваренія, вслѣдствіе неразсчитаннаго усердія къ Вакху и Мому, — съ душою праздною и скучною, но отъ излишней любви къ „сладостной лѣни“?.. Не только ты, добрый и невинный романтизмъ, не только ты не понялъ новаго воителя, его не понялъ и тотъ великій русскій поэтъ, котораго такъ несправедливо называлъ ты своимъ отцомъ, и котораго еще несправедливѣе называлъ ты то сѣвернымъ, то русскимъ Байрономъ [1])...

И такъ, гдѣ же твои заслуги, о, нашъ безвременно скончавшійся романтизмъ? Ужъ не разгульныя ли пѣсни, писанныя бойкимъ четырехстопнымъ ямбомъ, „торопливымъ скороходомъ“, въ которыхъ все такъ исполнено

[1]) Все это направлено противъ Полевого; ср. это съ нѣкоторыми цитатами изъ произведеній В. Одоевскаго въ статьѣ № 48 и см. также примѣчанія на стр. 468 и 603 перваго тома настоящаго изданія.

[1]) Пушкинъ. Отцомъ русскаго „романтизма“ Бѣлинскій считалъ не Пушкина, а Жуковскаго; см. объ этомъ въ статьяхъ №№ 33, 40 и главнымъ образомъ 56.

невинности романтизма—и похмелье, и звонъ разбиваемаго стекла, и разгульный вѣнокъ, и пламенныхъ восторговъ кипятокъ?.. [1]). Ужъ не подражаніе ли древнимъ, въ которыхъ греческаго—одни гекзаметры, да и то русскіе, одни длинные составные эпитеты, клонящіе ко сну? Ужъ не...

Но довольно. Всѣхъ проказъ нашего романтизма не перескажешь. Какъ всѣ эпохи переходныя, когда старое безусловно отрицается во имя новаго, которое непонятно, — романтизмъ нашъ былъ пустъ и безплоденъ, отъ этого изъ него и не вышло ничего, кромѣ великолѣпнаго вздора программъ и подписокъ на ненаписанныя и неоконченныя сочиненія... И не у насъ однихъ романтизмъ былъ такъ безплоденъ, но и у Французовъ, у которыхъ онъ такъ же былъ переходнымъ моментомъ и ни чѣмъ-нибудь положительнымъ, а только реакціею псевдо-классицизму. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ прочнаго, великаго, вѣкового и безсмертнаго произвели эти мнимо-геніальные представители юной Франціи? Люди они были, дѣйствительно, съ блестящими дарованіями; въ ихъ произведеніяхъ много блестокъ ума, живости, увлеченія; но эти легкія и скороспѣлыя произведенія были литературные подснѣжники, пророчившіе весну, а не пышныя, благоуханныя розы роскошнаго мая. Минута родила ихъ—съ минутой и исчезли они, и кто теперь взглянетъ на эти увядшіе, высохшіе и выдохшіеся цвѣты, кто питается ими, кромѣ тѣхъ, кому сама природа назначила въ пищу — сѣно?.. Что́ такое теперь колоссальный геній — Викторъ Гюго? — человѣкъ, у котораго когда-то былъ блестящій талантъ, человѣкъ, который написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, вмѣстѣ съ множествомъ посредственныхъ и плохихъ, и котораго лирическая поэзія, взятая какъ нѣчто цѣлое, какъ отдѣльный міръ творчества, чужда всякаго характера, всякаго значенія, всякаго общаго паѳоса. Что́ такое его препрославленная „Notre Dame de Paris“? Тяжелый плодъ напряженной фантазіи, tour de force блестящаго дарованія, которое раздувалось и пыжилось до генія, пестрая и лишенная всякаго единства картина ложныхъ положеній, ложныхъ страстей и ложныхъ чувствъ, океанъ изящной реторики, дикихъ мыслей, натянутыхъ фразъ, словомъ, всего, что́ способно приводить въ бѣшеный восторгъ только пылкихъ мальчиковъ... Что́ такое его драмы? — жалкія усилія безпокойнаго самолюбія, уродливыя клеветы на природу человѣка... А этотъ *скромный* Дюма, этотъ полу-Негръ, полу-Французъ, который такъ гордъ бѣшенствомъ и свирѣпостію своихъ ощущеній, который, по собственному признанію, бралъ у Шекспира свое, какъ скоро находилъ его, и который съ добродушною наглостію и невиннымъ безстыдствомъ говоритъ о самомъ себѣ, какъ о великомъ геніи; этотъ Жаненъ, авторъ сатанинскихъ романовъ и паяническихъ фельетоновъ; этотъ господинъ *de*-Бальзакъ, Гомеръ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, знакомаго ему только съ улицы; этотъ чопорный де-Виньи, съ его вѣчнымъ идеаломъ страждущаго поэта, съ его вѣчною враждою къ успѣхамъ времени и постоянною вѣрностію вѣку маркизовъ и аббатовъ; этотъ мрачный Эженъ Сю; этотъ неистовый Жакобъ Библіофиль, съ шутовскою макабрскою пляскою его фантазіи, прикованный къ мусору историческихъ древностей; этотъ сладко-мечтательный Ламартинъ... что́ такое теперь всѣ они? Они такъ шумѣли, такъ силились выдать себя за титановъ, осаждающихъ Зевеса на его неприступномъ Олимпѣ! Всѣ думали, что они поворотятъ землю на ея оси; а вышло, что они—просто маленькіе-великіе люди, добрые ребята, которые очень довольны жизнію, когда у нихъ есть деньги, и которые, еще до гроба, пережили и свою славу, и свои творенія, и, не доживъ до старости, дожили до равнодушія и презрѣнія той толпы, которая нѣкогда видѣла въ нихъ своихъ идоловъ... А кто пережилъ свои творенія и свою славу, тотъ не великій писатель: велико только то, что́ переходитъ въ потомство... Величественный дубъ растетъ медленно, но живетъ долго; осина быстро бѣжитъ въ вышину, но не бываетъ огромнымъ деревомъ, и не вѣками, а годами измѣряется ея краткое существованіе. Въ то время, какъ французскіе романтики, эти маленькіе-великіе люди, уже пользовались всемірною извѣстностію, на судъ современнаго общества предстала женщина, съ великимъ, истиннымъ дарованіемъ: ее не поняли и, за это, оклеветали [1]). Но она шла своимъ путемъ, и рядъ созданій одно другого глубже, ознаменовалъ ея побѣдоносное шествіе, — и ея слава началась только съ того времени, какъ слава маленькихъ - великихъ людей уже кончилась. Причина этой разности очевидна: тамъ начало внѣшнее, снѣговое; тутъ — подземное, родниковое, внутреннее... Такъ называемый романтизмъ хлопоталъ изъ формъ, не понимая сущности дѣла, — и для формы онъ дѣйствительно много сдѣлалъ: онъ развязалъ руки таланту, спеленатому ложными правилами преданія. И нашъ ро-

[1]) Намекъ на Языкова; см. ниже статью № 49.

[1]) Жоржъ Зандъ. См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 41—тамъ приведенъ современный настоящей статьѣ отзывъ Бѣлинскаго объ этой „великой женщинѣ“.

мантизмъ принесъ такую же пользу нашей литературѣ; онъ расчистилъ ея арену, заваленную соромъ и дрязгомъ псевдо-классическихъ предразсудковъ; онъ далеко разметалъ ихъ деревянные барьеры, уничтожилъ ихъ австралійскія *табу*, и тѣмъ предуготовилъ возможность самобытной литературы. Теперь едва-ли повѣрятъ тому, что стихи Пушкина классическимъ колпакамъ казались вычурными, безсмысленными, искажающими русскій языкъ, нарушающими завѣтныя правила грамматики; а это было дѣйствительно такъ, и между тѣмъ колпакамъ вѣрили многіе; но когда расходились на просторѣ „романтики“, то всѣ догадались, что стихъ Пушкина благороденъ, изящно простъ, національно вѣренъ духу языка. Очевидно, что въ этомъ случаѣ романтики играли роль шакаловъ, наводящихъ льва на его добычу. Равнымъ образомъ, теперь едва-ли повѣрятъ, если мы скажемъ, что созданія Пушкина считались нѣкогда дикими, уродливыми, безвкусными, неистовыми, но произведенія романтиковъ скоро показали всѣмъ, какъ созданія Пушкина чужды всего дикаго, неистоваго, какимъ глубокимъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ запечатлѣны они. Очевидно, что въ этомъ случаѣ самое злоупотребленіе романтической свободой послужило къ утвержденію истинной свободы творчества. Кто воспитанъ на Корнелѣ и Расинѣ, тому помѣшаетъ понять Шекспира одна уже новость формы его драмъ; кто привыкъ къ формамъ, нерѣдко дикимъ, чудовищнымъ и нелѣпымъ „романтиковъ“, кто восхищался смолоду драмами Гюго, Дюма, Вернера, Грильпарцера и т. п., — тому легко будетъ понять потомъ Шекспира: ибо того уже никакая форма не поразитъ изумленіемъ, отнимающимъ способность вникнуть въ сущность поэтическаго созданія.

И что́ бы, вы думали, убило нашъ добрый и невинный романтизмъ, что̀ заставило этого юношу скоропостижно скончаться во цвѣтѣ лѣтъ? — Проза! Да, проза, проза и проза. Общество, которое только и читаетъ, что стихи, для котораго каждое стихотвореніе есть важный фактъ, великое событіе,— такое общество еще молодо до ребячества; оно еще только забавляется, а не мыслитъ. Переходъ къ прозѣ для него—большой шагъ впередъ. Мы подъ „стихами“ разумѣемъ здѣсь не однѣ размѣренныя и заостренныя риѳмою строчки: стихи бываютъ и въ прозѣ, такъ же, какъ и проза бываетъ въ стихахъ. Такъ, напр., „Русланъ и Людмила“, „Кавказскій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“ Пушкина — настоящіе стихи; „Онѣгинъ“, „Цыганы“, „Полтава“, „Борисъ Годуновъ“— уже переходъ къ прозѣ; а такія поэмы, какъ „Сальери и Моцартъ“, „Скупой Рыцарь“, „Русалка“, „Галубъ“, „Каменный Гость“ — уже чистая, безпримѣсная проза, гдѣ уже совсѣмъ нѣтъ стиховъ, хоть эти поэмы писаны и стихами. Напротивъ, повѣсти и романы г. Полевого: „Симеонъ Кирдяпа“, „Живописецъ“, „Блаженство Безумія“, „Эмма“, „Дурочка“, „Аббадонна“ и проч., — чистѣйшіе стихи, безъ всякой примѣси прозы, хоть писаны и прозою и хотя въ нихъ нѣтъ ни одного стиха, развѣ только въ эпиграфахъ... Мы, право, не шутимъ, и вы сами согласитесь, если не захотите прозу принимать какъ что-то противоположное стихамъ, а стихи—какъ что-то противоположное прозѣ. Стихи и проза — тутъ вся разница только въ формѣ, а не въ сущности, которую составляютъ не стихи и не проза, а поэзія. Вотъ другое дѣло, если прозу противополагать поэзіи, а поэзію — прозѣ; но мы здѣсь имѣемъ въ виду и не эту противоположность: мы подъ „прозою“ разумѣемъ богатство внутренняго поэтическаго содержанія, мужественную зрѣлость и крѣпость мысли, сосредоточенную въ самой себѣ силу чувства, вѣрный тактъ дѣйствительности; а подъ „стихами“ разумѣемъ неземную дѣву, идеальную любовь, дѣтское порываніе къ высокому и прекрасному, въ которыхъ нѣтъ никакого содержанія, прекрасныя, но чуждыя мысли чувства, глубокія, но лишенныя чувства и богатыя словами мысли и т. п. Но какъ же, въ такомъ случаѣ, первыя поэмы Пушкина попали въ одну категорію съ повѣстями и романами г-на Полевого? О, сохрани Богъ! Стихи въ стихахъ могутъ имѣть свои достоинства, какъ-то: богатство фантазіи, жаръ чувства, художественность формы, и т. п.; но стихи въ прозѣ, по крайней мѣрѣ теперь, рѣшительно никуда не годятся: они походятъ то на младенца въ англійской болѣзни, то на старца съ нарумяненными щеками, то на юношу добраго, чувствительнаго, живого, пламеннаго, мечтательнаго, но тѣмъ не менѣе пустого, — нѣчто въ родѣ того, что̀ называется „ни рыба, ни мясо“...

Но наша мысль можетъ показаться многимъ не совсѣмъ ясною, и потому прибавимъ еще нѣсколько словъ. Всякая идея проявляется въ двухъ крайностяхъ и серединѣ. Поэтому есть люди, которые какъ будто совершенно лишены души и сердца, въ которыхъ нѣтъ никакого порыва къ міру идеальному — это крайность; другіе, напротивъ, какъ будто состоятъ только изъ души и сердца и какъ будто родятся гражданами идеальнаго міра — это другая крайность; между ними занимаютъ мѣсто люди ни то, ни се, людинедоноски, люди, которые понемножку понимаютъ все истинное, никогда не проникая въ глубь его, люди, у которыхъ есть чув-

ство, но похожее на нервическую раздражительность, есть умъ, но похожій на мечтательность, есть порывы къ высшему міру, но у которыхъ этотъ „высшій міръ“ внѣ дѣйствительности, что-то въ родѣ мечты, выражаемой словами *куда-то, гдѣ-то, тамъ* и т. п.—это середина. Несносны люди перваго разряда; эти послѣдніе еще несноснѣе. У нихъ все слова, столько же громкія и отборныя, сколько и неопредѣленныя, но дѣла никогда не бываетъ; они исключительно преданы чувству, отъ ума ихъ вѣетъ холодомъ, отъ дѣйствительности — разочарованіемъ; мечта составляетъ блаженство ихъ жизни; мысли они не любятъ и не понимаютъ. Подобные люди бываютъ такими или по натурѣ (и это самыя несносныя существа въ мірѣ), или вслѣдствіе неразвитости, ложнаго развитія и т. п. Тѣ и другіе вѣчно исполнены глубокихъ чувствъ и мыслей, для выраженія которыхъ, по ихъ словамъ, бѣденъ языкъ человѣческій. Но это клевета на языкъ человѣческій; что̀ прочувствуетъ и пойметъ человѣкъ, то онъ выразитъ; словъ недостаетъ у людей только тогда, когда они выражаютъ то, чего сами не понимаютъ хорошенько. Человѣкъ ясно выражается, когда имъ владѣетъ мысль, но еще яснѣе, когда онъ владѣетъ мыслію. Если, наприм., какой нибудь критикъ [1]), длинно и широко разглагольствуя о Державинѣ, наполнитъ свою статью одними возгласами о величіи этого поэта, не опредѣливъ ни содержанія, ни характера его поэзіи, а произведенія его будетъ уподоблять алмазамъ, рубинамъ, сапфирамъ, изумрудамъ и другимъ предметамъ ископаемаго царства (вмѣсто того, чтобъ раскрыть содержаніе этихъ произведеній и показать отношеніе содержанія къ формѣ), и потомъ все это сдобрить фразами: *сѣверный бардъ, потомокъ Багрима* и т. п., такъ что читатель, прочтя длинную критику, не въ состояніи будетъ передать изъ нея другому ни одной мысли: это значитъ, что нашъ критикъ ровно ничего не понялъ въ Державинѣ или свои *ощущенія*, возбужденныя въ немъ поэзіею Державина, принялъ за *мысли*, да и давай жаловаться на бѣдность языка человѣческаго... Есть и поэты, похожіе на такихъ критиковъ: вотъ у нихъ-то и въ прозѣ выходятъ все стихи, хотя безъ мѣры и безъ риѳмъ... Говорятъ они — любо слушать; замолчатъ—никакъ не сообразишь, что̀ они хотѣли сказать, и поневолѣ принимаешь ихъ прозу за стихи...

Теперь самое благопріятное время для такихъ поэтовъ, ибо теперь никто не признаетъ великимъ полководцемъ того, кто не одержалъ ни одной побѣды, ни великимъ писателемъ—того, кто, за бѣдностію человѣческаго языка, не сказалъ того, что̀ силился сказать. Такіе люди теперь напоминаютъ собою знаменитаго Ивана Александровича Хлестакова, который сказалъ о себѣ, въ письмѣ къ другу своему Тряпичкину, что „онъ хотѣлъ бы заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, но свѣтская чернь не понимаетъ его!..“ Другими словами, такіе люди—настоящіе романтики, хотя бы они и выдавали себя за людей съ высшими взглядами...

Итакъ, романтизмъ нашъ убитъ прозою. Съ 1829 года всѣ писатели наши бросились въ прозу. Самъ Пушкинъ обратился къ ней [1]). Альманахи, какъ игрушки, всѣмъ надоѣли и вышли изъ моды. Цѣна на стихи вдругъ упала. Вскорѣ явился новый поэтъ [2]), сильное вліяніе котораго на литературу не замедлило обнаружиться. Вслѣдствіе этого вліянія ужасно понизилась цѣна на русскіе историческіе и особенно нравственно-сатирическіе романы, прежнія повѣсти, особенно идеальныя — тѣ, которыхъ проза такъ похожа на стихи,—совсѣмъ вышли изъ моды; противъ Марлинскаго началась сильная оппозиція; всѣ романисты и нувеллисты пустились въ юморъ, начали брать содержаніе для своихъ повѣстей изъ дѣйствительной жизни, рисовать чудаковъ и оригиналовъ; герои добродѣтели были отпущены на отдыхъ. 1835 и 1836 года были эпохою для русской литературы: въ первомъ вышли въ свѣтъ „Миргородъ“ и „Арабески“, во второмъ появился и въ печати и на сценѣ „Ревизоръ“... Въ то же время напечатались стихотворенія г. Бенедиктова, надѣлавшія столько шуму въ Петербургѣ и возбудившія такой восторгъ въ одномъ московскомъ критикѣ, что онъ поставилъ г. Бенедиктова выше Жуковскаго и Пушкина... [3]). Стихотворенія г. Бенедиктова были важнымъ фактомъ въ исторіи русской литературы: они повершили вопросъ о стихахъ, и съ того времени стихи (въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ это слово) совершенно окончили на Руси свое земное поприще... Являлись и другіе, находили себѣ даже поклонниковъ, но на минуту — отъ нихъ скоро отступали самые друзья ихъ, то были послѣднія вспышки угасающей лампы... По смерти Пушкина начали печататься въ „Современникѣ“ остав-

[1]) Полевой, въ своей статьѣ о Державинѣ; см. № 19.

[1]) Хотя въ 1829 году дѣйствительно появилась первая проза Пушкина — IV глава изъ романа „Арапъ Петра Великаго“, — однако, не это имѣетъ въ виду Бѣлинскій, говоря о 1829-мъ годѣ, а появленіе въ этомъ году „Ивана Выжигина“, романа Булгарина. Подробнѣе эту же мысль Бѣлинскій развилъ въ литературномъ обзорѣ слѣдующаго года (см. статью № 47).

[2]) Гоголь.

[3]) Шевыревъ; см. т. I, стр. 282—286, а также статьи №№ 42, 46 и др.

шіяся послѣ него въ рукописи послѣднія произведенія его, но то была уже чистая проза въ стихахъ и ужасный ударъ стихамъ. Явился Лермонтовъ съ стихами и прозою,— и въ его стихахъ и прозѣ была—чистая проза! Прощайте, стихи! Будетъ ребячиться нашей литературѣ, довольно пошалила—пора и дѣломъ заняться...

И дѣйствительно, послѣдній періодъ русской литературы, періодъ прозаическій рѣзко отличается отъ романтическаго какою-то мужественною зрѣлостію. Если хотите, онъ не богатъ числомъ произведеній, но зато все, что̀ явилось въ немъ посредственнаго и обыкновеннаго, все это или не пользовалось никакимъ успѣхомъ, или имѣло только успѣхъ мгновенный; а все то немногое, что̀ выходило изъ ряда обыкновеннаго, ознаменовано печатью зрѣлой и мужественной силы, осталось навсегда и въ своемъ торжественномъ, побѣдоносномъ ходѣ, постепенно пріобрѣтая вліяніе, прорѣзывало на почвѣ литературы и общества глубокіе слѣды. Сближеніе съ жизнію, съ дѣйствительностію есть прямая причина мужественной зрѣлости послѣдняго періода нашей литературы. Слово „идеалъ“ только теперь получило свое истинное значеніе. Прежде подъ этимъ словомъ разумѣли что-то въ родѣ *не любо не слушай, лгать не мѣшай* — какое-то соединеніе въ одномъ предметѣ всевозможныхъ добродѣтелей или всевозможныхъ пороковъ. Если герой романа, такъ ужъ и собой-то красавецъ, и на гитарѣ играетъ чудесно, и поетъ отлично, и стихи сочиняетъ, и дерется на всякомъ оружіи, и силу имѣетъ необыкновенную:

Когда-жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!

Если же злодѣй, то и не подходите близко: съѣстъ, непремѣнно съѣстъ васъ живого, извергъ такой, какого не увидишь и на сценѣ Александринскаго театра въ драмахъ нашихъ доморощенныхъ трагиковъ... Теперь подъ „идеаломъ“ разумѣютъ не преувеличеніе, не ложь, не ребяческую фантазію, а фактъ дѣйствительности, такой, какъ она есть; но фактъ, не списанный съ дѣйствительности, а проведенный черезъ фантазію поэта, озаренный свѣтомъ общаго (а не исключительнаго, частнаго и случайнаго) значенія, *возведенный въ перлъ созданія*, и потому болѣе похожій на самого себя, болѣе вѣрный самому себѣ, нежели самая рабская копія съ дѣйствительности вѣрна своему оригиналу. Такъ на портретѣ, сдѣланномъ великимъ живописцемъ, человѣкъ болѣе похожъ на самого себя, чѣмъ даже на свое отраженіе въ дагеротипѣ, ибо великій живописецъ рѣзкими чертами вывелъ наружу все, что̀ таится внутри такого человѣка и что̀, можетъ быть, составляетъ тайну для самого этого человѣка. Теперь дѣйствительность относится къ искусству и литературѣ, какъ почва къ растеніямъ, которыя она возращаетъ въ своемъ лонѣ.

Все сказанное нами для людей мыслящихъ не можетъ показаться отступленіемъ отъ предмета статьи, потому что все это не отступленіе, а характеристика и исторія послѣдняго періода русской литературы, въ отношеніи къ которому 1842 годъ былъ блистательнѣйшимъ пополненіемъ. Мы уже выше сказали, что обозрѣвать не значитъ пересчитывать по пальцамъ все, что̀ вышло въ продолженіе извѣстнаго времени, но указать на значительныя произведенія и опредѣлить ихъ значеніе и цѣну,—а этого мы не могли сдѣлать, не опредѣливъ предварительно характера и значенія всей литературы послѣдняго времени. При обозрѣніи поименномъ не на многое придется намъ указывать и не о многомъ говорить. Причина этого— немногочисленность замѣчательныхъ явленій въ литературѣ прошлаго года, также принадлежащая къ особеннымъ чертамъ всей русской литературы послѣдняго ея періода. Но эта бѣдность не должна насъ опечаливать: это благородная бѣдность, которая лучше мнимаго богатства прежняго времени. Появленіе въ одномъ году „Миргорода“ и „Арабесокъ“, въ другомъ „Ревизора“ стоитъ огромнаго количества даже хорошихъ, но обыкновенныхъ произведеній за многіе годы. Такимъ образомъ, 1840 годъ былъ ознаменованъ выходомъ „Героя Нашего Времени“ и перваго собранія стихотвореній Лермонтова; 1841—изданіемъ трехъ томовъ посмертныхъ сочиненій Пушкина; 1842—выходомъ „Мертвыхъ Душъ“ — одного изъ тѣхъ капитальныхъ произведеній, которыя составляютъ эпохи въ литературахъ.

Много было писано во всѣхъ журналахъ о „Мертвыхъ Душахъ“: много говорили и мы о нихъ. Повторять сказанное и нами и другими нѣтъ никакой надобности. Впрочемъ, изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобъ о „Мертвыхъ Душахъ“ было сказано все, какъ нами, такъ и другими: мы собственно и не говорили еще о нихъ, а только спорили съ другими по поводу ихъ, и намъ еще предстоитъ впереди изложеніе окончательнаго, критически высказаннаго мнѣнія объ этомъ произведеніи; что касается до другихъ, они не перестали и долго еще не перестанутъ говорить о „Мертвыхъ Душахъ“, всѣми силами стараясь увѣрить себя, что имъ нечего бояться этого произведенія... Итакъ, скажемъ здѣсь лишь нѣсколько словъ для уясненія — не произведенія Гоголя, а

вопроса, возникшаго о немъ и въ публикѣ и въ литературѣ.

Какъ мнѣніе публики, такъ и мнѣніе журналовъ о „Мертвыхъ Душахъ“ раздѣлились на три стороны: одни видятъ въ этомъ твореніи произведеніе, котораго хуже еще не писывалось ни на одномъ языкѣ человѣческомъ; другіе, наоборотъ, думаютъ, что только Гомеръ да Шекспиръ являются въ своихъ произведеніяхъ столь великими, какимъ явился Гоголь въ „Мертвыхъ Душахъ“; третьи думаютъ, что это произведеніе дѣйствительно великое явленіе въ русской литературѣ, хотя и неидущее, по своему содержанію, ни въ какое сравненіе съ вѣковыми всемірно-историческими твореніями древнихъ и новыхъ литературъ Западной Европы. Кто эти — одни, другіе и третьи, публика знаетъ, и потому мы не имѣемъ нужды никого называть по имени [1]). Всѣ три мнѣнія равно заслуживаютъ большого вниманія и равно должны подвергаться разсмотрѣнію, ибо каждое изъ нихъ явилось не случайно, а по необходимымъ причинамъ. Какъ въ числѣ изступленныхъ хвалителей „Мертвыхъ Душъ“ есть люди и не подозрѣвавшіе въ простотѣ своего дѣтскаго энтузіазма истиннаго значенія, слѣдовательно, и истиннаго величія этого произведенія, такъ и въ числѣ ожесточенныхъ хулителей „Мертвыхъ Душъ“ есть люди, которые очень и очень хорошо смекаютъ всю огромность поэтическаго достоинства этого творенія. Но отсюда-то и выходитъ ихъ ожесточеніе. Нѣкоторые [2]) сами когда-то тянулись въ храмъ поэтическаго безсмертія; за новостію и дѣтствомъ нашей литературы они имѣли свою долю успѣха, даже могли радоваться и хвалиться, что имѣютъ поклонниковъ,—и вдругъ является, неожиданно, непредвидѣнно, совершенно новая сфера творчества, особенный характеръ искусства, вслѣдствіе чего идеальныя и чувствительныя произведенія нашихъ поэтовъ вдругъ оказываются ребяческою болтовнею, дѣтскими невинными фантазіями... Согласитесь, что такое паденіе, безъ натиска критики, безъ недоброжелательства журналовъ, очень и очень горько?.. Другіе [3]) подвизались на сатирическомъ поприщѣ если не со славою, то не безъ выгодъ иного рода; сатиру они считали своей монополіей, смѣхъ—исключительно имъ принадлежащимъ орудіемъ,—и вдругъ остроты ихъ не смѣшны, картины ни на что не похожи, у ихъ сатиры какъ будто повыпадали зубы, охрипъ голосъ, ихъ уже не читаютъ, на нихъ не сердятся, они уже стали употребляться вмѣсто какого-то аршина для измѣренія бездарности... Что тутъ дѣлать? перечинить перья, начать писать на новый ладъ?—но вѣдь для этого нуженъ талантъ, а его не купишь, какъ пучокъ перьевъ... Какъ хотите, а осталось одно — не признавать талантомъ виновника этого крутого поворота въ ходѣ литературы и во вкусѣ публики, увѣрять публику, что все написанное имъ—вздоръ, нелѣпость, пошлость... Но это не помогаетъ: время уже рѣшило страшный вопросъ—новый талантъ торжествуетъ, молча, не отвѣчая на брани, не благодаря за хвалы, даже какъ будто вовсе отстраняясь отъ литературной сферы; надо перемѣнить тактику: является новое твореніе таланта, далеко оставившее за собою всѣ прежнія его произведенія,—давай жалѣть о погибшемъ талантѣ, который такъ много обѣщалъ, такъ хорошо писалъ нѣкогда (именно тогда, когда эти господа утверждали, что онъ писалъ все вздоры и нелѣпости); его, видите, захвалили пріятели, а ихъ у него такъ много, что иныхъ онъ и въ лицо не знаетъ, съ иными же едва знакомъ... На что̀ бы такое напасть въ новомъ твореніи таланта? — на сальности, на дурной тонъ; это понравится тѣмъ людямъ, которые, никогда во снѣ не видавъ большого свѣта, только о немъ и хлопочутъ, какъ будто бы считая себя принадлежащими къ нему... [1]). Не мѣшаетъ замѣтить, что эти витязи большого свѣта чрезвычайно довольны были тономъ и остротами враговъ новаго таланта: живя въ неизмѣримой дали отъ большого свѣта, они считали этихъ *сатирическихъ* сочинителей людьми большого свѣта... Второй пунктъ—грамматика: къ ней прибѣгли, при этомъ важномъ случаѣ, даже тѣ, которые отвергали ея существованіе... Третій пунктъ — незнаніе русскаго языка; за этотъ аргументъ ухватились даже тѣ, которые пишутъ: *моръ* (вм. морей), *мозговъ человѣческихъ*, *мечтъ* и т. п. Нападки за незнаніе грамматики и искаженіе языка—характеристическая черта исторіи русской литературы: славянофилы [2]) утверждали, что Карамзинъ не зналъ духа и правилъ русскаго языка и ужасно искажалъ его въ своихъ сочиненіяхъ; классики въ томъ же самомъ обвиняли Пушкина; теперь очередь за Гоголемъ... Вспомнили мы еще довольно забавную черту въ этомъ родѣ: гг. Гречъ и Булгаринъ доказывали нѣкогда печатно, что г. Полевой не знаетъ грамматики, а г. Калайдовичъ напечаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ статью объ „Исторіи русскаго народа“ въ отношеніи къ грамматикѣ и

[1]) См. выше статьи №№ 37—39 и 42.
[2]) Полевой, Булгаринъ и др.
[3]) Сенковскій.

[1]) См. третью изъ замѣтокъ предыдущей статьи.
[2]) См. наше примѣчаніе къ послѣдней замѣткѣ предыдущей статьи, стр. 618.

языку, и на каждой страницѣ этого превосходнаго, но, къ сожалѣнію, по сю пору неконченнаго творенія, нашелъ по крайней мѣрѣ по десяти грубыхъ ошибокъ противъ грамматики и языка... Господа! не пора ли бросить эту старую замашку?.. У какого писателя нѣтъ ошибокъ противъ грамматики— да только чьей?—вотъ вопросъ! Карамзинъ самъ былъ грамматика, передъ которой всѣ ваши грамматики ничего не значатъ; Пушкинъ тоже стоитъ любой изъ вашихъ грамматикъ.

Твореніе, которое возбудило столько толковъ и споровъ, раздѣлило на котеріи и литераторовъ и публику, пріобрѣло себѣ и жаркихъ поклонниковъ, и ожесточенныхъ враговъ, на долгое время сдѣлалось предметомъ сужденій и споровъ общества; твореніе, которое прочтено и перечтено не только тѣми людьми, которые читаютъ всякую новую книгу или всякое новое произведеніе, сколько-нибудь возбудившее общее вниманіе, но и такими лицами, у которыхъ нѣтъ ни времени, ни охоты читать стишки и сказочки, гдѣ несчастные любовники соединяются законными узами брака по претерпѣніи разныхъ бѣдствій, и въ довольствѣ, почетѣ и счастіи проводятъ остальное время жизни; твореніе, которое, въ числѣ почти 3.000 экземпляровъ, все разошлось въ какіе-нибудь полгода, — такое твореніе не можетъ не быть неизмѣримо выше всего, что̀ въ состояніи представить современная литература, не можетъ не произвести важнаго вліянія на литературу.

Полное собраніе стихотвореній покойнаго Лермонтова вышло въ послѣдней половинѣ декабря прошлаго года и должно быть причислено къ литературнымъ явленіямъ новаго года.

Сборниками стихотвореній прошлый годъ очень небогатъ. Самымъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ явленіемъ въ этомъ родѣ, безъ всякаго сомнѣнія, была книжка „Стихотвореній Аполлона Майкова“. Этотъ молодой поэтъ одаренъ отъ природы живымъ сочувствіемъ къ эллинской музѣ; онъ овладѣлъ всею полнотою, всею свѣжестію и роскошію антологическаго созерцанія, пластическою художественностію антологическаго стиха,— такъ что антологическія стихотворенія г. Майкова не только не уступаютъ въ достоинствѣ антологическимъ стихотвореніямъ Пушкина, но еще едва ли и не превосходятъ ихъ. Это большое пріобрѣтеніе для русской поэзіи, важный фактъ въ исторіи его развитія. Но жаль было бы, еслибъ только на этомъ остановился г. Майковъ. Антологическія стихотворенія, какъ бы ни были хороши,—не болѣе, какъ пробный камень артистическаго элемента въ поэтѣ. Ихъ можно сравнить съ ножкою Психеи, рукою Венеры, головою Фавна, превосходно высѣченными изъ мрамора. Конечно, превосходно сдѣланная ножка, ручка, грудь или головка, каждая изъ этихъ деталей можетъ служить доказательствомъ необыкновенныхъ скульптурныхъ дарованій, чувства пластики, изученія древняго искусства, но еще не составляетъ скульптуры, какъ искуства, и превосходно сдѣлать ножку, ручку, грудь или головку далеко не то, что создать цѣлую статую. Сверхъ того исключительная преданность древнему міру (и притомъ далеко невполнѣ понятому), безъ всякаго живого, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Къ этому еще должно присовокупить, что одно да одно, теряя прелесть новости, теряетъ и свою цѣну. Итакъ, мы желали бы, чтобы г. Майковъ или передался основательному и обширному изученію древности и передавалъ на русскій языкъ, своимъ дивнымъ стихомъ, вѣчныя, неумирающія созданія эллинскаго искусства, или пріобрѣлъ въ тайникѣ духа своего тѣ сердечныя, задушевныя вдохновенія, на которыя радостно и привѣтливо отзывается поэту современность. Покоряясь требованіямъ справедливости, мы не можемъ не повторить здѣсь уже сказаннаго нами въ статьѣ о стихотвореніяхъ г. Майкова [1]), что почти всѣ его неантологическія стихотворенія пока еще не обѣщаютъ въ будущемъ ничего особеннаго. Намъ было бы очень пріятно ошибиться въ этомъ приговорѣ, и мы первые вспомнили бы съ радостію о своей ошибкѣ, еслибъ г. Майковъ подарилъ русскую публику такими стихотвореніями, которыя обнаружили бы въ немъ столь же примѣчательнаго и столь же много обѣщающаго въ будущемъ *современнаго* поэта, сколько и *антологическаго*. Антологическая муза г. Майкова не ослабѣла ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, и послѣ выхода книжки его стихотвореній публика прочла въ „Отеч. Запискахъ“ и „Библіотекѣ для Чтенія“ нѣсколько прелестнѣйшихъ его стихотвореній въ любимомъ его антологическомъ родѣ, но они уже не возбудили въ ней прежняго восторга. А между тѣмъ—повторяемъ—они такъ же прекрасны, какъ и прежнія. въ доказательство чего достаточно привести изъ нихъ слѣдующее—„Барельефъ“:

Вотъ безжизненный отрубокъ
Серебра: стопи его
И вмѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него.
Ни кипридиныхъ голубокъ,
Ни медвѣдицъ, ни плеядъ
Не лѣпи по стѣнкамъ длиннымъ:
Нарисуй въ саду пустынномъ,

---

[1]) См. выше статью № 34.

Между розъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый,
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтви виноградъ;
Вкругъ сидятъ умно и чинно
Дѣти передъ бочкой винной,
Фавны съ хмелемъ на челѣ,
Вакхъ подъ тигровою кожей,
И Силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ.

Зато, вотъ еще одно изъ послѣднихъ стихотвореній г Майкова, доказывающихъ, что чуть только выйдетъ онъ изъ сферы антологическаго созерцанія, какъ изъ его стихотворенія тотчасъ же ничего не выйдетъ.

Море бурно, небо въ тучахъ
Онъ примчался на конѣ
Прямо къ брызгамъ водъ кипучихъ,
„Старый! челнъ скорѣе мнѣ!“
И старикъ *затылокъ чешетъ*...
— „Плохо будетъ, господинъ!
Полно *баринъ (?!) биса тышитъ (???!..)*.
Нашихъ въ морѣ не одинъ (?).
„Пусть ихъ гибнутъ! Подъ водою
Рыбѣ рыбья и гроба!
Знай я Цезарь: а со мною,
Мнѣ послушна и судьба!“

Странная фантазія—свести Цезаря съ русскимъ мужикомъ и заставить его объясняться до такой степени посредственными стихами...

„Сумерки“, маленькая книжка г. Баратынскаго, заключающая въ себѣ едва ли не послѣднія стихотворенія этого поэта, тоже принадлежитъ къ немногимъ примѣчательнѣйшимъ явленіямъ по части поэзіи въ прошломъ году. По поводу ея мы въ послѣдней книжкѣ „Отеч. Записокъ“ обозрѣли всю поэтическую дѣятельность г. Баратынскаго [1]). Теперь же прибавимъ только, что едва ли это и дѣйствительно не послѣднія стихотворенія знаменитаго поэта: вотъ пьеса изъ „Сумерокъ“, доказывающая это:

На что вы, дни? юдольный міръ явленья
Свои не измѣнитъ!
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулитъ.

Недаромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безсмертная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно.
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ.
Вѣнецъ пустого дня! [2]),

Страшно чувство, которымъ внушено это выстраданное стихотвореніе! не обѣщаетъ оно новыхъ и живыхъ вдохновеній: и лучше совсѣмъ не писать поэту, чѣмъ писать такія, напр., стихотворенія:

Сначала мысль воплощена
Въ поэму сжатую поэта.
Какъ дѣва юная *темна*
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ, осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена,
Въ свободной прозѣ романиста;
Болтунья старая, затѣмъ
Она, подъемля крикъ нахальный,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

Что это такое? неужели стихи, поэзія, мысль?.. [1]).

Вышедшая въ прошломъ же году маленькая книжечка стихотвореній Полежаева, подъ названіемъ „Часы выздоровленія“, подала намъ поводъ въ отдѣльной критической статьѣ обозрѣть всю поэтическую дѣятельность этого замѣчательнаго поэта [2]).

Первая часть стихотвореній г Бенедиктова, изданная въ 1835 году, достигла втораго изданія въ прошломъ 1842 году Наше мнѣніе объ этомъ поэтѣ извѣстно публикѣ.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ стихамъ, скажемъ теперь же и о тѣхъ, которыми наполнялись журналы наши въ продолженіе прошлаго года. Въ „Отечеств. Запискахъ“ съ начала года и до отпечатанія вышедшаго теперь полнаго собранія стихотвореній Лермонтова, были помѣщены (кромѣ слѣдующихъ пьесъ, не принадлежащихъ къ лучшимъ произведеніямъ Лермонтова: *Сосна, Ты помнишь ли, Умирающій гладіаторъ, Два великана, Въ альбомъ автору „Курдюковой“, М. П. Соломирской)* драгоцѣннѣйшіе перлы созданій этого поэта: *На свѣтскія цѣпи, Сосѣдка, Договоръ*, отрывки изъ поэмы *Демонъ*, поэма *Боярин Орша*, и лучшее, самое зрѣлое изъ всѣхъ его произведеній—*Сказка для дѣтей*. Въ первыхъ двухъ книжкахъ „Отеч Записокъ“ были напечатаны два стихотворенія покойнаго Кольцова: въ этой книжкѣ печатаются нѣкоторыя изъ *послѣднихъ* его стихотвореній. . Стихотвореніями г. Огарева постоянно украшались исключительно „Отеч Записки“. Стихотворенія г Майкова являлись и въ „Отеч. Запискахъ“ и въ „Библіотекѣ для

[1]) См. выше статью № 41.

[2]) Нами исправлены ошибки, сдѣланныя Бѣлинскимъ при цитированіи стихотв. Баратынскаго какъ здѣсь, такъ и въ статьѣ № 41.

[1]) Очень строгій приговоръ. За четыре года передъ этимъ въ „Литературной Хроникѣ“ „Московскаго Наблюдателя“ (1838 г., т. XVI) Бѣлинскій иначе отозвался объ этомъ стихотвореніи Баратынскаго: „оно особенно отличается необыкновенною художественностію своихъ поэтическихъ формъ,—это истинная творческая красота“... Разумѣется, это тоже преувеличено въ другую сторону

[2]) См. выше статью № 35.

Чтенія". Стихотворенія г. Фета печатались и въ „Отеч. Запискахъ" и въ „Москвитянинѣ". Къ замѣчательнѣйшимъ стихотворнымъ пьесамъ прошлаго года принадлежитъ напечатанное въ 7 № „Отеч. Записокъ" стихотвореніе г. Л. П. „Петръ Великій" [1]).

Вообще, прошлый годъ былъ не богатъ стихами, а будущій — это можно сказать смѣло, будетъ еще бѣднѣе... Лермонтова уже нѣтъ, а другого Лермонтова не предвидится... хоть совсѣмъ не пиши стиховъ... И ихъ, въ самомъ дѣлѣ, пишутъ или, по крайней мѣрѣ, печатаютъ теперь меньше. Столичные поэты сдѣлались какъ-то умѣреннѣе — оттого ли, что одни уже повыписались, а другіе догадались, что стихи должны быть слишкомъ и слишкомъ хороши, чтобъ ихъ стали теперь читать, не только хвалить... Зато господа провинціальные поэты годъ отъ году становятся неутомимѣе. Публика ничего не знаетъ о ихъ пламенномъ усердіи къ дѣлу истребленія писчей бумаги; но журналисты — увы! — слишкомъ знаютъ это и дорого платятъ за это знаніе — платятъ деньгами за доставленіе къ нимъ на домъ этихъ страшныхъ пакетовъ, платятъ временемъ, скукою и досадою, прочитывая эти груды риѳмованнаго вздору...

Теперь обратимся къ прозѣ по части изящной словесности. Г. Загоскинъ каждый годъ даритъ публику новымъ романомъ; не знаемъ, какимъ новымъ романомъ обрадуетъ онъ ее въ 1843 году, а въ 1842 году онъ утѣшилъ ее „Кузьмою Петровичемъ Мирошевымъ". Собственно, это не романъ, а повѣсть, до того мѣстами растянутая, что изъ нея вытянулся романъ въ четырехъ частяхъ, т.-е. въ четырехъ маленькихъ книжкахъ, красиво и разгонисто напечатанныхъ Въ „Мирошевѣ" тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, какими отличались всѣ прежніе романы г. Загоскина: т.-е., съ одной стороны, истинно-русское радушіе и хлѣбосольство, съ какимъ почтенный авторъ угощаетъ читателя издѣліями своей фантазіи, добродушное восхищеніе созданными имъ характерами слугъ, дядекъ и мамокъ, добродушная увѣренность, что добродѣтельные люди въ его романѣ — точно добродѣтельны, а злодѣи — не шутя злодѣи; мѣстами веселенькія сцены въ забавномъ родѣ, вездѣ искреннее увлеченіе въ пользу старины и ея немножко дикихъ для нынѣшняго времени понятій; гладкій, пловучій слогъ; съ другой стороны, бѣдность содержанія, отсутствіе идеи, повтореніе того, что̀ читатель знаетъ уже по прежнимъ романамъ автора.—„Альфъ и Альдона" г. Кукольника обнаружили-было большія претензіи на титло исторически-поэтическаго романа; но историческая часть въ этомъ романѣ похожа на сказочную, а поэтическая—на самую скучную и вялую прозу. Одна изъ четырехъ частей „Альфа и Альдоны больше всѣхъ четырехъ частей „Мирошева"; но „Мирошевъ" былъ прочитанъ до конца всѣми, кто только рѣшался его читать, а „Альфъ и Альдона" испугалъ читателей на половинѣ же первой части, и остался недочитаннымъ. Но неутомимый г. Кукольникъ этимъ не удовольствовался—и тиснулъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" новый романъ свой „Дурочка Луиза". Этотъ романъ—близнецъ съ „Эвелиною де Вальероль": тамъ пружиною всѣхъ дѣйствій служитъ цыганъ Гойко, здѣсь жидъ Бенке, тамъ множество лицъ, такъ похожихъ одно на другое, что и отличить нельзя — и здѣсь тоже; разница въ томъ, что тамъ скучно, а здѣсь скучнѣе, тамъ еще на что-нибудь похоже, а здѣсь ни на что не похоже. Героиня романа—дурочка Луиза, еще довольно похожа да дурочку — умною ее дѣйствительно никто не назоветъ; но курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ изображенъ какимъ-то сантиментальнымъ повѣреннымъ въ любовныхъ тайнахъ своихъ приближенныхъ, всеобщимъ сватомъ и отцомъ-посаженымъ, и только мимоходомъ силится авторъ выказать его героемъ и великимъ государемъ. Вообще, сантиментальность, приторная, сладенькая, составляетъ главный характеръ этой безсвязной, пустой по содержанію, натянутой въ изображеніи характеровъ сказки. Теперь того только и ждемъ, что „Дурочка Луиза" появится отдѣльною книжкою въ двухъ частяхъ; но мы рады, что заблаговременно отдѣлались отъ нея.—Какими романами еще ознаменовался 1842 годъ?—„Два призрака", „Сердце Женщины", „Человѣкъ съ высшимъ взглядомъ", „Любовь Музыканта", вновь изданные романы г. Калашникова: „Дочь Купца Жолобова" и „Камчадалка", „Московская сказка о Чудѣ Поганомъ", „Козелъ-Бунтовщикъ", „Грошевый Мертвецъ", „Гуакъ, рыцарская повѣсть" и пр., и пр. Все это едва ли принадлежитъ къ какой-нибудь литературѣ, и еще менѣе къ

---

[1]) Въ письмѣ къ Боткину отъ іюля 1842 года Бѣлинскій сообщалъ объ этихъ стихахъ: „читаю и перечитываю ихъ съ наслажденіемъ — есть въ нихъ что-то энергическое, восторженное, гражданское, есть много смѣлаго, какъ, напримѣръ, шестнадцатый куплетъ"... (Пыпинъ. „Бѣлинскій", стр. 412; Л. П.—Левъ Пушкинъ, братъ поэта). Куплетъ этотъ слѣдующій:

Таковъ былъ умъ его глубокій,
Но что̀ чудеснѣй, умъ въ Петрѣ,
Иль гражданина духъ высокій
Въ самовластительномъ царѣ?

Такими же нескладными стихами написано и все остальное, такъ что восхищеніе Бѣлинскаго явно относится къ содержанію, а не къ формѣ—и это очень характерно для Бѣлинскаго этой эпохи; см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 44.

той, которой характеръ опредѣляли мы въ началѣ статьи... Что дѣлать? У каждаго дома бываетъ два двора, передній и задній; у каждой литературы двѣ стороны—лицевая и изнанка...

На повѣсти 1842 годъ былъ счастливѣй, чѣмъ на романы. Въ „Москвитянинѣ“ было напечатано начало новой повѣсти Гоголя „Римъ“, равно изумляющее и своими достоинствами, и своими недостатками. Въ „Современникѣ“ была помѣщена уже извѣстная, но передѣланная вновь повѣсть Гоголя „Портретъ“, отличающаяся нѣкоторыми превосходно-концепированными и отдѣланными подробностями и неудачная въ цѣломъ. Графъ Соллогубъ напечаталъ въ прошломъ году только одну повѣсть „Медвѣдь“, которая заставляетъ искренно сожалѣть, что ея даровитый авторъ такъ мало пишетъ. „Медвѣдь“ не есть что-нибудь необыкновенное и, можетъ быть, далеко уступитъ въ достоинствѣ „Аптекаршѣ“, повѣсти того же автора; но въ „Медвѣдѣ“ образованное и умное эстетическое чувство не можетъ не признать тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыми мы въ началѣ этой статьи опредѣлили послѣдній періодъ русской литературы. Отличительный характеръ повѣстей графа Соллогуба состоитъ въ чувствѣ достовѣрности, которое охватываетъ всего читателя, къ какому бы кругу общества ни принадлежалъ онъ, если только у него есть хоть немного ума и эстетическаго чувства; читая повѣсть графа Соллогуба, каждый глубоко чувствуетъ, что изображаемые въ ней характеры и событія возможны и дѣйствительны, что они—вѣрная картина дѣйствительности, какъ она есть, а не мечты о жизни, какъ она не бываетъ и быть не можетъ. Графъ Соллогубъ часто касается въ своихъ повѣстяхъ большого свѣта, но хоть онъ и самъ принадлежитъ къ этому свѣту, однакожъ повѣсти его тѣмъ не менѣе—не хвалебные гимны, не апоѳеозы, а безпристрастно вѣрныя изображенія и картины большого свѣта. Здѣсь кстати замѣтить, что страсть къ большому свѣту—что-то въ родѣ болѣзни въ русскомъ обществѣ: всѣ наши сочинители такъ и рвутся изображать въ своихъ романахъ и повѣстяхъ большой свѣтъ. И, надо сказать, ихъ усилія не остаются тщетными: въ повѣстяхъ графа Соллогуба только немногіе узнаютъ большой свѣтъ, а большая часть публики видитъ его въ романахъ и повѣстяхъ именно тѣхъ сочинителей, для которыхъ большой свѣтъ истинная terra incognita, истинная Атлантида до открытія Америки Колумбомъ, и которые рисуютъ большой свѣтъ по своему идеалу, добродушно вѣруя въ сходство аляповатаго списка съ невиданнымъ оригиналомъ. Такъ недавно, въ одномъ журналѣ романъ „Два призрака“ торжественно объявленъ произведеніемъ человѣка, принадлежащаго къ большому свѣту и знающаго его. Всѣ толкуютъ о свѣтскости, — и пьеса Гоголя падаетъ на Александринскомъ театрѣ, а „Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами“ и „Русская Боярыня XVII столѣтія“ возбуждаютъ фуроръ въ записныхъ посѣтителяхъ того же театра, — и все по причинѣ „свѣтскости“... А между тѣмъ, дѣло кажется такъ очевиднымъ: стоило бы только сравнить, наприм., повѣсти графа Соллогуба съ романами и повѣстями нашихъ „свѣтскихъ“ сочинителей, чтобъ окончательно рѣшить вопросъ о дѣлѣ, къ которому такъ многіе и такъ напрасно считаютъ себя прикосновенными...

Простота и вѣрное чувство дѣйствительности составляютъ неотъемлемую принадлежность повѣстей графа Соллогуба. Въ этомъ отношеніи теперь, послѣ Гоголя, онъ первый писатель въ современной русской литературѣ. Слабая же сторона его произведеній заключается въ отсутствіи личнаго (извините — субъективнаго) элемента, который бы все проникалъ и оттѣнялъ собою, чтобъ вѣрныя изображенія дѣйствительности, кромѣ своей вѣрности, имѣли еще и достоинство идеальнаго содержанія. Графъ Соллогубъ, напротивъ, ограничивается одною вѣрностію дѣйствительности, оставаясь равнодушнымъ къ своимъ изображеніямъ, каковы бы они ни были, и какъ будто находя, что такими они и должны быть. Это много вредитъ успѣху его произведеній, лишая ихъ сердечности и задушевности, какъ признаковъ горячихъ убѣжденій, глубокихъ вѣрованій.

Болѣе субъективности, но менѣе такта дѣйствительности, менѣе зрѣлости и крѣпости таланта, чѣмъ въ повѣстяхъ графа Соллогуба, видно въ повѣстяхъ г. Панаева. Вообще, г. Панаевъ гораздо болѣе обѣщаетъ въ будущемъ, нежели сколько исполняетъ въ настоящемъ. Что-то нерѣшительное, колеблющееся и неустановившееся замѣтно и въ его созерцаніи, какъ идеальной сторонѣ его повѣстей, и въ ихъ практическомъ выполненіи; каждая новая повѣсть его далеко оставляетъ за собою всѣ прежнія: очевидное доказательство таланта замѣчательнаго, но еще не опредѣлившагося. Въ прошломъ году онъ напечаталъ только одну повѣсть „Актеонъ“ въ „Отеч. Запискахъ“, которая возбудила живѣйшее вниманіе и интересъ со стороны публики, и далеко оставила за собою всѣ прежнія его повѣсти, также, какъ, и „Барыня“, написанная имъ незадолго передъ „Актеономъ“, далеко оставила за собою всѣ другія, прежде нея написанныя.

Вѣроятно, чувство своей неопредѣленности препятствуетъ г. Панаеву писать столько, сколько отъ его таланта въ правѣ ожидать публика: въ такомъ случаѣ самый недостатокъ въ дѣятельности заслуживаетъ уваженія, какъ залогъ будущей многоплодной дѣятельности.

Три новыя повѣсти напечатаны въ прошломъ году даровитою и безвременно угасшею г-жею Ганъ (Зенеидою Р—вою): „Напрасный Даръ“ и „Любонька“ въ „Отеч. Запискахъ“ и „Ложа въ Одесской Оперѣ“— въ „Дагеротипѣ“. „Любонька“ принята публикою съ восторгомъ, въ которомъ не должно мѣшать ей оставаться; „Напрасный Даръ“, сверкающій искрами высокаго таланта, хотя и не выдержанный въ цѣломъ, восхитилъ только немногихъ: такова участь всѣхъ произведеній, въ которыхъ, при блескахъ яркаго вдохновенія, есть что-то недоговоренное, какъ бы неравное самому себѣ. Въ такомъ случаѣ, чѣмъ сильнѣе и выше взмахъ, тѣмъ недоступнѣе для всѣхъ и каждаго внутреннее значеніе произведенія: толпа видитъ одни внѣшніе недостатки... „Ложа въ Одесской Оперѣ“ принадлежитъ къ самымъ слабымъ произведеніямъ г-жи Ганъ. Впрочемъ, по выходѣ полнаго собранія ея сочиненій мы скоро будемъ имѣть случай подробно изложить наше мнѣніе объ этой необыкновенно-даровитой писательницѣ [1]).

Г. Кукольникъ напечаталъ въ прошломъ году нѣсколько повѣстей, изъ которыхъ двѣ заслуживаютъ почетнаго упоминовенія: „Благодѣтельный Андроникъ, или романическіе характеры стараго времени“ (въ „Библіотекѣ для Чтенія“) и „Позументы“ (во II томѣ „Сказки за Сказкою“). Содержаніе обѣихъ этихъ повѣстей взято талантливымъ авторомъ изъ эпохи Петра Великаго. Мы уже не разъ имѣли случай говорить о неподражаемомъ мастерствѣ, съ какимъ г. Кукольникъ изображаетъ, въ своихъ повѣстяхъ, нравы этого интереснѣйшаго момента русской исторіи, и, вѣрные нашему правилу — suum cuique не разъ отдавали должную справедливость достоинству повѣстей г. Кукольника въ этомъ посчастливившемся ему родѣ. Еслибъ г. Кукольникъ издалъ отдѣльно эти повѣсти, разсѣянныя въ журналахъ и альманахахъ, — онѣ имѣли бы большой и притомъ заслуженный успѣхъ въ публикѣ. Не понимаемъ, что за охота ему вмѣсто того, что̀ такъ сродно его таланту, тратить время и бумагу на романы и повѣсти, въ которыхъ онъ изображаетъ страны, имъ не виданныя, и эпохи, знаемыя имъ только по изученію и какому-то отвлеченному представленію?..— Ужъ если писать романъ, не лучше ли писать его изъ временъ столь живо и ясно присутствующихъ въ созерцаніи автора... Г. А. Н. [1]) (авторъ „Звѣзды“ и „Цвѣтка“) напечаталъ въ прошломъ году только одну повѣсть—„Живая Картина“ (въ „Отеч. Запискахъ“), впрочемъ, уступающую въ достоинствѣ прежнимъ его повѣстямъ. Г. Вельтманъ помѣстилъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ весьма занимательный и живо-написанный разсказъ „Карьера“, которому, впрочемъ, какъ типическому очерку, приличнѣе было бы явиться въ „Нашихъ“ [2]); Казакъ Луганскій [3]) напечаталъ въ прошломъ году только одну повѣсть „Савелій Грабъ или Двойникъ“ (во II томѣ „Сказки за Сказкою“); въ библіографической хроникѣ этой книжки „Отеч. Записокъ“ читатели найдутъ нашъ отзывъ объ этой повѣсти.—Къ замѣчательнѣйшимъ повѣстямъ прошлаго года принадлежитъ повѣсть графа Растопчина „Охъ Французы!“ (въ „Отеч. Запискахъ“). Въ этой повѣсти совсѣмъ нѣтъ никакихъ Французовъ, но зато она сама есть вѣрное зеркало нравовъ старины и дышетъ умомъ и юморомъ того времени, котораго знаменитый авторъ былъ изъ самыхъ примѣчательнѣйшихъ представителей. — Юмористическія статьи, печатавшіяся въ „Нашихъ“, всѣ болѣе или менѣе замѣчательны по ихъ стремленію быть выраженіемъ дѣйствительности, а не пустыхъ фантазій.

Вотъ и полный бюджетъ всего, что̀ было самаго замѣчательнаго по части повѣстей въ прошломъ году. Немного, очень немного, но, какъ сказалъ поэтъ:

Быть такъ—спасибо и за то!

Изъ сборниковъ самымъ примѣчательнѣйшимъ былъ „Утренняя заря“, альманахъ г. Владиславлева. „Утренняя заря“, на нынѣшній 1843 годъ, по содержанію гораздо выше всѣхъ предшествовавшихъ годовъ. Еслибъ въ этомъ альманахѣ была только одна статья покойнаго генерала М. Ѳ. Орлова „Капитуляція Парижа“, а все остальное не превышало посредственности, — и тогда бы онъ былъ замѣчательнымъ явленіемъ, но въ „Утренней зарѣ“, кромѣ превосходной во всѣхъ отношеніяхъ статьи М. Ѳ. Орлова, есть еще повѣсть графа Соллогуба, о которой мы говорили выше, большое стихотвореніе Лермонтова и два очень интересные разсказа гг. Кукольника и Гребенки. — Третій томъ „Русской Бесѣды“, вышедшій въ прошломъ году, не оправдалъ ожиданій публики: онъ

---

[1]) Статья о Ганъ была написана Бѣлинскимъ въ этомъ же 1843 году; она не вошла въ настоящее изданіе. См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 33.

[1]) П. Кудрявцевъ.

[2]) О „Нашихъ“—см. первое примѣчаніе въ статьѣ № 36, стр. 384.

[3]) Псевдонимъ Даля.

состоялъ изъ разнаго хлама нѣкоторыхъ старыхъ и уже выписавшихся сочинителей, которые были рады куда-нибудь сбросить жалкіе плоды своихъ старыхъ досуговъ, и разныхъ новыхъ сочинителей, которые рады были, что наконецъ нашли пріютъ своимъ литературнымъ уродцамъ и недоноскамъ.— „Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета“ былъ изданъ по случаю и содержитъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ статей, относящихся къ странѣ и событію, которое было причиною его появленія.

Роскошныя изданія болѣе и болѣе входятъ въ обычай въ нашей литературѣ. Успѣхъ „Нашихъ“ возбудилъ и въ другихъ охоту издавать нѣчто въ томъ же родѣ, подъ названіемъ „Картинокъ русскихъ нравовъ“, которыя, какъ красивенькія игрушки, имѣютъ свое достоинство, но какъ книги—никакого, ибо это сборъ или стараго, давно извѣстнаго, или новые пустяки, на скорую руку намазанные для такого казуса. Успѣхъ изданной г. Семененко-Крамаревскимъ „Исторіи Наполеона“, съ политипажами картинъ Ораса Верне, породилъ компиляцію г. Ламбина, съ чудовищными политипажами работы плохихъ рисовальщиковъ, и „Исторію Суворова“ г. Полевого—нѣчто въ родѣ обыкновенной компиляціи съ посредственными по изобрѣтенію и довольно недурными по выполненію политипажами; и еще другую исторію Суворова, которая грозитъ скоро появиться...[1]). „Театральный альбомъ“ — истинно великолѣпное изданіе, имѣетъ свое значеніе и идетъ своимъ путемъ. Доселѣ вышло его два выпуска. „Константинополь и Турки“ тоже принадлежитъ къ хорошимъ и полезнымъ изданіямъ съ картинками. „Картины Русской Живописи“ представляютъ собою изданіе, заслуживающее вниманія и участія публики. Къ такого же рода изданіямъ должно отнести и „Архитектурныя Фантазіи“ г. Шрейдера. Великолѣпное изданіе „Робинзона Крузо“, Даніеля Дефо, съ рисунками Гранвиля въ переводѣ съ англійскаго г. Корсакова, принадлежитъ къ числу дѣйствительно роскошныхъ и полезныхъ книгъ.

Шумно затѣянный какими-то молодыми людьми переводъ всѣхъ сочиненій Гёте остановился на второмъ выпускѣ. Едва ли кто пожалѣетъ о прекращеніи этой дѣтской затѣи. Напротивъ, переводъ „Шекспира“, предпринятый г. Кетчеромъ, хотя не быстро, но тѣмъ не менѣе прочно подвигается впередъ. Прошлый годъ оставилъ его на десятомъ выпускѣ. Драматическія хроники Шекспира уже кончены, и скоро появится „Комедія Ошибокъ“ и „Макбетъ“. Изъ отдѣльно вышедшихъ книгъ по части изящной словесности почти не о чемъ и упомянуть, кромѣ того, о чемъ мы уже говорили, приступая къ этому обозрѣнію. Можно только вспомнить развѣ о второй части „Парижа въ 1838 и 1839 годахъ“ г. В. Строева; впрочемъ, эта вторая часть вышла вмѣстѣ съ первою, напечатанною въ 1841 году... Неужели говорить о „Комарахъ“, „Снопахъ“, о „Дагеротипахъ“ и тому подобныхъ плевелахъ на полѣ русской литературы? Если еще можно о чемъ упомянуть здѣсь кстати, такъ развѣ о „Драматическихъ Сочиненіяхъ и Переводахъ“ г. Полевого, и то для того только, чтобъ замѣтить, что наша драматическая литература составляетъ какую-то особую сферу внѣ русской литературы. Геній ея — г. Кукольникъ; ея первоклассные таланты — гг. Полевой и Ободовскій; за ними идетъ уже мелочь...

Изъ отдѣльно вышедшихъ книгъ серьезнаго содержанія нельзя не упомянуть о слѣдующихъ: „Кесари“ Шампаньи (Неронъ); „Римскіе Папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (послѣдня изъ этихъ книгъ столь же дурно переведена, сколько первая хорошо); „Политическая и военная Жизнь Наполеона“ (часть 6 и послѣдняя); „Юридическія Записки“ г. Рѣдкина (томъ II); „Всеобщая Географія Бланка“ (томъ I; переводъ небреженъ, изданіе неопрятно); „Сочиненія Платона“ (томъ II); „Филологическія наблюденія протоіерея Г. Павскаго надъ составомъ русскаго языка“ (три части); „Замѣчанія объ Осадѣ Троицкой Лавры“; „Записки Данилова“ (любопытнѣйшая картина нравовъ русскаго общества за сто лѣтъ предъ симъ); „Записки Нащокина“, изд. Языковымъ, съ примѣчаніями издателя; „Священная Исторія“ (автора „Путешествія по Святымъ Мѣстамъ“); „Историческое Описаніе Одеждъ и Вооруженія Россійскихъ Войскъ“ съ превосходно налитографированными рисунками—одно изъ тѣхъ монументальныхъ изданій, какія могутъ предприниматься, особенно у насъ, только развѣ правительствомъ. Текстъ этого превосходнаго творенія—трудъ г. Висковатова.

Вышли вторымъ изданіемъ „Сказанія Князя Курбскаго“. Пятое изданіе (компактное, въ 4 томахъ) „Исторіи Государства Россійскаго“, предпринятое г. Эйнерлингомъ, было бы истиннымъ подвигомъ со стороны издателя, еслибъ дешевизна изданія соотвѣтствовала его красотѣ, изяществу, удобству и полнотѣ.

Теперь слова два о журналахъ. Кромѣ исчисленныхъ выше сочиненій по части изящной словесности, въ „Отеч. Запискахъ“ были помѣщены еще слѣдующія: „Бѣсную-

[1]) „Суворовъ“. Сочиненіе Ѳаддея Булгарина. Спб. 1843.

щіеся. Орлахская Крестьянка", князя Одоевскаго, помѣщающаго статьи свои подъ псевдонимомъ *Безгласнаго*; „Сеня", повѣсть г. Гребенки; „Ямщикъ, или Шалость Гусарскаго Офицера", драматическая картина въ одномъ дѣйствіи, графа Соллогуба. Изъ переводныхъ статей по части изящной словесности — романъ Диккенса „Бэрнеби Роджъ", романъ Жоржа Занда „Орасъ", повѣсть ея же „Мельхіоръ", повѣсти и романы Эли Берте „Соколъ", Фредерика Сульè „Маргарита", Огюста Арну „Колесо Фортуны", Артюра Дюдле „Красная Звѣзда", и испанская драма, переведенная съ подлинника: „Никто кромѣ Короля". По части наукъ и искусствъ публикою, вѣроятно, были замѣчены статьи: „Гёте" г. Липперта, „Коперникъ" Д. М. Перевощикова, „Система Желѣзныхъ Дорогъ въ Германіи" Фридриха Листа, „Изъ Записокъ Оренбургскаго Старожила", разсказъ и повѣствованіе, касающіеся Афганистана, В. И. Даля, „Осада Силистріи въ 1828 году" и „Дунайская Экспедиція 1829 года", П. Н. Глѣбова, „Выставка Санктпетербургской Академіи Художествъ въ 1842 году" В. П. Б-на, „Леченіе Болѣзней Искусствомъ и Натурою" (—и— —о—) и пр. По части домоводства, сельскаго хозяйства и промышленности вообще: статьи Пензенскаго Земледѣльца, статью Русскаго Помѣщика (XI книжка) „Замѣчанія на статью г. Хомякова о Сельскихъ Условіяхъ", „О Пьянствѣ въ Россіи" Н. Б. Герсеванова и пр. Такъ какъ критическія статьи всегда бываютъ выраженіемъ мнѣнія самой редакціи, то мы можемъ назвать, въ отдѣлѣ критики нашего журнала, интересными статьями только статьи гг. Герсеванова и Мордвинова о Сибири и г-на Галахова о грамматикахъ, г. Перевлѣскаго, какъ доставленныя въ редакцію отъ постороннихъ сотрудниковъ; а нѣкоторыя изъ прочихъ почитаемъ себя въ правѣ поименовать, предоставляя самой публикѣ судить о ихъ достоинствѣ или недостаткахъ: „Русская литература въ 1841 году", „Стихотворенія Аполлона Майкова", „Руководство къ Всеобщей Исторіи Фридриха Лоренца", „Стихотворенія Полежаева", „Кесари Ф. де Шампаньи", „Рѣчь о Критикѣ, профессора А. В. Никитенко" (три статьи), „Объясненіе на Объясненія по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души", „Стихотворенія Баратынскаго" и пр. Равнымъ образомъ, мы имѣемъ право, не нарушая скромности, сказать, что библіографическая хроника въ „Отеч. Запискахъ" всегда была живою современною лѣтописью русской литературы; въ ней не пропущено ни одной книги, изданной въ Россіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и потому полнотою она превосходитъ всѣ подобные отдѣлы въ другихъ журналахъ. Въ отдѣлѣ „Иностранной Литературы" редакція всегда старалась представлять своимъ читателямъ по возможности полную картину современныхъ литературъ Франціи, Англіи и Германіи. Въ Смѣси читатели наши находили подробный отчетъ о русской драматической литературѣ и много интересныхъ оригинальныхъ статей, изъ которыхъ достаточно указать на рядъ статей подъ рубрикою „Поѣздка въ Китай", которыя будутъ продолжаться и въ нынѣшнемъ году.

Судить о духѣ и направленіи „Отеч. Записокъ", характерѣ критики, сравнительно съ критикою другихъ журналовъ,—предоставляемъ публикѣ.

„Библіотека для Чтенія" дебютировала, въ своей первой книжкѣ за прошлый годъ, *второю* частію повѣсти барона Брамбеуса, „Идеальная Красавица, или Дѣва Чудная", которой первая часть была напечатана въ послѣдней книжкѣ „Б. для Ч." за 1841 годъ. При первой части было замѣчено, что повѣсть выйдетъ въ 1843 году вполнѣ и отдѣльно. Не знаемъ, съ нетерпѣніемъ ли ждетъ публика выхода окончанія „Дѣвы Чудной", или, подобно намъ, вовсе не ждетъ ея; но знаемъ, что повѣсть скучна и незанимательна, и что въ ней нѣтъ никакой повѣсти, есть только длинныя разглагольствованія о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Кромѣ „Дѣвы Чудной", въ „Б. для Ч." прошлаго года были напечатаны и еще двѣ повѣсти, тоже, кажется, барона Брамбеуса: „Паденіе Ширванскаго Царства" и „Лукій, или первая повѣсть". Первая очень потѣшна, а вторая — довольно неудачное искаженіе извѣстной сказки Апулея „Золотой Оселъ", переведенной по-русски Ермиломъ Костровымъ, еще въ 1780 году, подъ титуломъ: „Луція Апулея платонической секты Философа превращеніе, или Золотой Оселъ. Перевелъ съ латинскаго Императорскаго Московскаго Университета баккалавръ Ермилъ Костровъ. Въ Москвѣ въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1780 года". Кромѣ этихъ повѣстей, „Дурочки Луизы", „Благодѣтельнаго Андроника" г. Кукольника и „Карьеры" г. Вельтмана, въ „Б. для Ч." прошлаго года находятся еще: „Три Жениха", итальянская повѣсть г. Каменскаго, „Закубанскій Харамзадѐ", отрывокъ изъ романа псевдонима Хамаръ-Дабанова, не лишенный нѣкотораго интереса, и „Мамзель Бабетъ и ея Альбомъ" г. С. Побѣдоносцева, тоже отрывокъ изъ большого сочиненія, но представляющій собою нѣчто цѣлое — родъ юмористическаго очерка, игриво написаннаго, которому настоящее мѣсто было бы въ „Нашихъ", ибо это совсѣмъ не повѣсть. Изъ отдѣла „Иностранной Словесности" въ „Б.

для Ч". замѣчательна драма Бернара фон-Бескова „Густавъ-Адольфъ", переведенная съ шведскаго г. В. Дерикеромъ. Это одно изъ прекраснѣйшихъ, возвышеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ созданій скандинавской музы, въ которомъ просто, но вѣрно и рельефно воспроизведенъ историческій образъ рыцарственнаго короля Швеціи — утѣшенія и чести человѣчества, славы и гордости XVII вѣка. Жалѣемъ, что время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться объ этомъ произведеніи. Чтобъ познакомить нѣсколько съ его духомъ и паѳосомъ, выпишемъ нѣсколько строкъ. Оксеншіерна отговариваетъ Густава-Адольфа отъ союза съ Франціею и вообще отъ вмѣшательства въ дѣла Германіи. „Теперь (говоритъ Оксеншіерна) вся Германія пылаетъ, какъ Гекла, и выбрасываетъ раскаленные каменья въ сосѣднія страны. Но большая часть этихъ изверженій все-таки падаетъ назадъ въ горящее жерло. Вулкана не погасишь, онъ самъ долженъ выгорѣть. Этого требуетъ природа". Густавъ-Адольфъ отвѣчаетъ своему министру и другу: „Но спасти изъ лавы что возможно велитъ человѣколюбіе. Землетрясеніе—біеніе сердца земли. Времена тоже страждутъ этою болѣзнію. Цѣлыя поколѣнія гибнутъ для спасенія другихъ поколѣній. И когда, въ эту бурю, ударитъ священный набатъ, каждый, въ комъ есть благородное мужество, спѣшитъ въ бой за правое дѣло. Мы пойдемъ, будемъ биться, и если падемъ, то новая рать, съ новыми знаменами, пойдетъ по нашимъ трупамъ. Пусть человѣкъ умираетъ, но человѣчеству должно жить! Пусть сердце разрывается, но цѣль должна быть достигнута!" Превосходно изображено въ этой драмѣ мрачное лицо свирѣпаго и невѣжественнаго фанатика и великаго полководца — Тилли. Вообще, публика должна быть вдвойнѣ благодарна г. Дерикеру—и за прекрасный переводъ, и за прекрасный выборъ такого освѣжающаго душу произведенія. Изъ статей ученаго отдѣла въ „Б. для Ч." не на что указать въ особенности. Статья „Жизнь Шиллера" была бы чрезвычайно интересна, ибо заимствована изъ прекрасно составленной книги Гофмейстера, обнимающей жизнь великаго германскаго поэта до самыхъ мелочныхъ и тѣмъ еще болѣе интересныхъ подробностей; но чего можно ожидать и требовать отъ статьи въ два печатные листа, въ которую скомкано содержаніе огромныхъ четырехъ томовъ? Самое лучшее въ этой статьѣ—ея заглавіе, а сама статья—фальшивая тревога. Въ отдѣлѣ „Наукъ и художествъ" помѣщена также статья г. Сенковскаго „Сокъ достопримѣчательнаго. Записки Ресми-Ахмедъ Эфендія, турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, о сущности, началѣ и важнѣйшихъ событіяхъ войны, происходившей между Высокою Портою и Россіей отъ 1182 по 1190 годъ гиджры (1768—1776)". Мнѣніе объ этой статьѣ раздѣлено на двѣ крайности: одни думаютъ, что это — повѣсть, и притомъ фантастическая, во вкусѣ повѣстей барона Брамбеуса; другіе убѣждены, что это — переводъ историческаго сочиненія съ турецкаго подлинника. Не зная турецкаго языка, мы не можемъ рѣшить вопроса и держимся середины, т.-е. думаемъ, что это дѣйствительно переводъ съ историческаго сочиненія, но украшенный, въ приличныхъ мѣстахъ, брамбеусовскимъ юморомъ, выдумками и шутками, для красоты *„слогу"*. Статья „Александрійская Школа" интересна фактически, но лишена истиннаго взгляда на этотъ величайшій фактъ въ исторіи древняго міра. Александрійская школа—это послѣдній плодъ философіи древняго міра, и ея исторія—исторія философіи древняго міра; а „Б. для Ч.", какъ извѣстно всѣмъ, не любитъ, не знаетъ и не понимаетъ никакой философіи — ни древней, ни новой.—Прочія ученыя статьи въ „Б. для Ч.", каковы: „Лапласъ", „Вольта", „Тихонъ Браге", „Іоаннъ Кеплеръ" и т. п., которыми этотъ журналъ съ особеннымъ усердіемъ угощаетъ своихъ читателей, должны были бы давно уже выйти изъ моды, какъ безполезныя и скучныя. Смѣшно и думать, чтобъ можно было слѣдить по журнальнымъ статьямъ за ходомъ такихъ наукъ, какъ математика, астрономія, физика, химія, физіологія, естествознаніе, особенно разсматриваемыя исключительно съ эмпирической точки зрѣнія. Чтобъ сдѣлать такую статью доступною для публики, читающей исключительно литературные журналы, надо упростить ее до такой степени, что въ ней не останется никакого ученаго содержанія; а изложить ее для ученыхъ—значитъ сдѣлать ее недоступною для публики: въ обоихъ случаяхъ выходитъ много шума изъ пустяковъ. Для всякаго интересна біографія такого человѣка, какъ, напр., Галилей; но въ ней великій ученый преимущественно долженъ быть изображенъ съ его нравственной стороны, какъ человѣкъ, какъ мученикъ знанія, дышавшій религіознымъ благоговѣніемъ къ святости истины, которая составляетъ предметъ науки. Такая біографія будетъ имѣть интересъ общій, будетъ всѣмъ доступна и полезна. Біографія же, имѣющая предметомъ показать и оцѣнить ученыя заслуги великаго человѣка, можетъ имѣть мѣсто только въ спеціально-ученыхъ изданіяхъ, гдѣ нѣтъ нужды разжижать и опошливать имъ строго-ученаго содержанія. А вотъ такія статьи, гдѣ Сократъ представляется надувалою, по настоящему, не должны бы имѣть мѣста ни

въ какомъ журналѣ... О критикѣ „Б. для Ч.“ нечего говорить: всѣмъ извѣстно, что это критика сухая, состоящая большею частію изъ выписокъ и притомъ занимающаяся книгами, которыя не могутъ возбуждать общаго интереса. Литературная Лѣтопись въ „Библіотекѣ“ совсѣмъ было заснула, еслибъ ее не разбудили „Мертвыя Души“: тогда она проснулась, начала вопить, кричать; но въ „Отеч. Запискахъ“ въ отвѣтъ на эти крики была пропѣта такая пѣсенка, отъ которой Лѣтопись, повидимому снова погрузилась въ летаргическій сонъ [1]). „Смѣсь“ въ „Библіотекѣ“ попрежнему состояла изъ разныхъ переводныхъ статеекъ, большею частію касающихся до разныхъ предметовъ физики, химіи, медицины и естествознанія.

Въ „Современникѣ“ попрежнему помѣщались стихотворенія Баратынскаго, Языкова, кн. Вяземскаго, графини Растопчиной, г. Мятлева, г. Айбулата и проч. и интересные разсказы и повѣсти Основьяненко, барона Корфа и другихъ, ученыя статьи гг. Невѣдомскаго, Петерсона; критика и библіографія отличались попрежнему сжатою краткостію слога. Самыми замѣчательными статьями въ „Современникѣ“ прошлаго года были: „Хроника Русскаго въ Парижѣ“, „Нибеллунги“, критика: „Мертвыя Души“ и „Портретъ“, повѣсть Гоголя.

Въ „Москвитянинѣ“ бездна стиховъ: это оттого, что въ Москвѣ вообще много пишется стиховъ; а гдѣ пишутъ много стиховъ, тамъ почти совсѣмъ не пишутъ прозы, или отдаютъ ее въ петербургскіе журналы,— и потому въ „Москвитянинѣ“ почти совсѣмъ нѣтъ прозы. „Римъ“ Гоголя попалъ въ этотъ журналъ не изъ Москвы, а изъ Рима. Кромѣ этой повѣсти, въ „Москвитянинѣ“ есть еще отрывокъ изъ „Мирошева“, прибывшій въ Петербургъ вмѣстѣ съ цѣлымъ и отдѣльно вышедшимъ „Мирошевымъ“; „Сердечная Оксана“, переводъ малороссійской повѣсти г-на Основьяненка; „Мѣсяцъ въ Римѣ“, изъ дорожныхъ записокъ г. Погодина, которыя всѣмъ доставили столько разнообразнаго удовольствія красотою слога, энергической краткостью выраженія и небывалой еще въ подлунномъ мірѣ оригинальностью мыслей; „Колшичизна и Степи“, разсказъ Эдуарда Тартье, переведенный съ польскаго; „Черная Маска“, повѣсть барона Розена; „Неаполь“ (еще изъ записокъ г. Погодина); „Вологда“ (еще-таки изъ записокъ г. Погодина); „Одна изъ женщинъ XIX вѣка“, повѣсть Б.....; „Женщина, Поэтъ и Авторъ“ отрывокъ изъ романа г-жи А. Зражевской. Это, должно быть, преинтересный романъ, въ немъ изображено высшее общество—дѣйствуютъ все князья и княжны, графы и графини; имена героевъ самыя романическія—Лировы, Альмскіе, Сенирскіе, Минвановы, Днѣстровскіе, Пермскіе и т. п. Тутъ изображена *поэтка*, выражаясь языкомъ сочинительницы, которая пишетъ и читаетъ вслухъ, впрочемъ, довольно плохіе стихи. Жалѣемъ, что по недостатку мѣста не можемъ сдѣлать выписокъ изъ этого отрывка; зато, когда выйдетъ романъ, мы вдоволь насытимся этимъ удовольствіемъ. По отрывку видно, что такихъ романовъ послѣ дѣвицы Марьи Извѣковой на Руси еще не было. Мы сказали, что прозы въ „Москвитянинѣ“ мало, а сами выписали столько заглавій статей: это не покажется противорѣчіемъ для тѣхъ, кто читалъ эту коротенькую „прозу“. Изъ ученыхъ статей въ „Москвитянинѣ“ замѣчательна статья профессора Лунина „Взглядъ на исторіографію древнѣйшихъ народовъ Востока“. Критика „Москвитянина“ составляетъ душу этого журнала и замѣчательна въ той же мѣрѣ, какъ и онъ самъ. Притомъ только критика да стихи и представляютъ собою литературную сторону „Москвитянина“: все остальное въ немъ какая-то пестрая смѣсь неважныхъ историческихъ матеріаловъ съ газетными извѣстіями. Изумительнѣе всѣхъ возможныхъ матеріаловъ— „Письма Пушкина къ Погодину“ (№ 10 „Москвитянина“): мы думаемъ, прахъ Пушкина пошевелился въ могилѣ отъ напечатанія въ журналѣ этихъ писемъ, писанныхъ совсѣмъ не для печати. Въ нихъ Пушкинъ увѣряетъ г. Погодина, что его „Марѳа Посадница“—великое шекспировское произведеніе: это, вѣрно, иронія, которая непонята авторскимъ самолюбіемъ...[1]). „Москвитянинъ“ взялъ на себя рѣшеніе важной задачи о самобытности русскаго развитія мимо Запада, и, вѣроятно, рѣшитъ ее удовлетворительно и положительно въ нынѣшнемъ году, а въ прошломъ замѣтно только отрицательное рѣшеніе. Подождемъ. Богъ не безъ милости, а „Москвитянинъ“ не безъ средствъ и не безъ охоты рѣшить всѣ интересные для себя вопросы.

О „Сынѣ Отечества“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“ мы можемъ сказать только, что первый изъ этихъ журналовъ запоздалъ въ прошломъ году *четырьмя* книжками; а „Русскій Вѣстникъ“, запоздавшій въ 1841 году *двумя* книжками, въ прошломъ запоздалъ *шестью*, выдавъ въ одной книжкѣ 5 и 6 ну-

---

[1]) Эта „пѣсенка“ — статья Бѣлинскаго „Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ“: см. четвертую изъ замѣтокъ предыдущей статьи.

[1]) Преувеличенныя похвалы Пушкина не были ироническими; онъ повторилъ ихъ, въ болѣе холодномъ тонѣ, въ своей неоконченной статьѣ 1830 года „О драмѣ“.

мера и помѣстивъ въ нихъ „Мать-Испанку“, драму г Полевого.

„Репертуаръ“, по свидѣтельству собственныхъ опекуновъ своихъ, былъ такъ плохъ въ прошломъ году, что совершенно охладилъ къ себѣ публику. См. № 256 „Сѣверной Пчелы“.

Кстати о „Сѣверной Пчелѣ“: она все та же, какою была и всегда, и потому, не желая повторять сказаннаго о ней въ прошлогоднемъ обозрѣніи русской литературы, мы ни слова о ней не скажемъ. Лучше, вмѣсто того пожелаемъ, чтобы преобразовываемый съ начала нынѣшняго года „Русскій Инвалидъ“ былъ во всѣхъ отношеніяхъ настоящею оффиціальною, политическою и учено-литературною газетою, чего мы имѣемъ полное право надѣяться.

„Литературная Газета“ была вѣрна своему назначенію. Представляя публикѣ повѣсти и разсказы, она исправно извѣщала ее обо всѣхъ литературныхъ и театральныхъ новостяхъ и разсуждала съ дамами о модахъ.

Новый дѣтскій журналъ „Звѣздочка“, издаваемый г-жею Ишимовою, оправдалъ ожиданія публики и рекомендаціи другихъ журналовъ. Вѣрный своему назначенію, онъ доставлялъ своимъ маленькимъ читателямъ сколько пріятное и разнообразное, столько и полезное чтеніе. Слогъ статей его не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Можетъ быть, многіе увидятъ противорѣчіе въ нашемъ воззрѣніи на русскую литературу въ послѣднее время съ отчетомъ о ея бюджетѣ за прошлый годъ, бѣдности котораго мы сами не скрываемъ. Для такихъ читателей замѣтимъ, что мы въ своемъ воззрѣніи руководствовались не числомъ, а качествомъ произведеній. Сущность и духъ литературы выражается не во *всѣхъ* ея произведеніяхъ, а только въ избранныхъ. Пусть число этихъ „избранныхъ“ будетъ невелико, но какъ они лучшіе, то они и представители литературы. Когда литература умираетъ на своей засохшей почвѣ, тогда не можетъ явиться ни одного превосходнаго творенія, а прошлый годъ подарилъ насъ „Мертвыми Душами“... Притомъ же, если теперь и много представляется явленій посредственныхъ и плохихъ, то развѣ нельзя назвать успѣхомъ и литературы, и общественнаго вкуса то обстоятельство, что такія произведенія тотчасъ же оцѣниваются какъ слѣдуетъ и не пользуются никакимъ успѣхомъ?..

1843 г.

---

44. Сочиненія Державина.

Четыре части. Спб. 1843.

Въ началѣ 1843 года Бѣлинскій все ближе и ближе подходилъ къ давно задуманнымъ имъ статьямъ о Пушкинѣ: вступительнымъ этюдомъ къ этимъ статьямъ была, какъ мы это отмѣтили, вторая часть статьи о „Рѣчи о критикѣ“ Никитенко (№ 40); теперь Бѣлинскій дѣлаетъ послѣдній шагъ— подробно характеризуетъ поэзію Державина, какъ непосредственнаго предшественника Жуковскаго и Батюшкова, отъ которыхъ неизбѣженъ переходъ къ Пушкину. Уже нѣсколько разъ болѣе или менѣе подробно останавливался Бѣлинскій на характеристикѣ Державина, не считая панегирика Державину въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (см т I стр. 40—43, но см также нѣкоторыя оговорки на стр. 203—205) мы укажемъ прежде всего на нѣсколько страницъ о Державинѣ въ статьѣ Бѣлинскаго объ „Очеркахъ“ Полевого (№ 19) эти страницы вошли въ переработанномъ и расширенномъ видѣ въ обзоръ литературы за 1841 годъ (№ 33). Въ этой послѣдней статьѣ содержится въ общихъ чертахъ почти все то, что Бѣлинскій говоритъ о Державинѣ въ настоящей статьѣ, въ которую кромѣ того вошло нѣсколько страницъ объ антологическихъ стихотвореніяхъ Державина изъ статьи о „Римскихъ элегіяхъ“ (см. выше стр. 225—227). Наконецъ, въ статьѣ о „Рѣчи“ Никитенко (№ 40) Бѣлинскій мимоходомъ какъ бы резюмировалъ свои мнѣнія о поэзіи Державина, имѣя въ виду развить и обосновать ихъ подробно въ особой статьѣ. „Мы начали дѣло, мы должны и кончить его,—писалъ Бѣлинскій въ коротенькой библіографической замѣткѣ въ первомъ номерѣ „Отеч. Записокъ“ за 1843 годъ: — въ слѣдующей книжкѣ „Отеч. Записокъ“ постараемся изложить подробно наше мнѣніе о поэтической дѣятельности Державина и ея историческомъ значеніи. За этою статьею послѣдуетъ рядъ обѣщанныхъ нами статей о Пушкинѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ [1]). Статья

[1]) Обѣщаніе это было дано Бѣлинскимъ въ статьѣ

о Пушкинѣ начнется у насъ обзоромъ историческаго движенія русской поэзіи въ промежуткѣ времени между Державинымъ и Пушкинымъ и такимъ образомъ рядъ этихъ статей, начиная со статьи о Державинѣ, составитъ цѣлый историко-эстетико-критическій курсъ русской поэзіи — разумѣется, съ нашей точки зрѣнія".

Итакъ, настоящая статья, вмѣстѣ съ „Пушкинскими статьями", должна была составить цѣлый „курсъ русской поэзіи" — и это намѣреніе было выполнено Бѣлинскимъ. Несомнѣнно, что Бѣлинскій имѣлъ въ виду ввести этотъ „курсъ русской поэзіи", какъ часть, въ задуманный имъ „курсъ русской литературы"; особенно ясно видно это изъ тѣсной связи настоящей статьи со статьями, предназначенными для этого обширнаго курса и не напечатанными при жизни Бѣлинскаго (см. выше статьи №№ 28 — 29). Основная мысль, основное опредѣленіе статьи объ „Идеѣ искусства" — „искусство есть мышленіе въ образахъ" — подробно развивается на первыхъ страницахъ настоящей статьи. Еще тѣснѣе связь настоящей статьи съ ненапечатанной тогда статьей „Общее значеніе слова литература", написанной, по нашему мнѣнію, позднѣе настоящей статьи о Державинѣ; мы уже указывали, что въ эту оставшуюся въ рукописи статью Бѣлинскій перенесъ изъ статьи о Державинѣ большой отрывокъ, еще ранѣе встрѣчавшійся въ обзорѣ литературы за 1840 годъ (см. выше стр. 95). Кромѣ того, изъ настоящей статьи въ статью „Общее значеніе слова литература" перенесенъ въ разработанномъ видѣ цѣлый рядъ характерныхъ мыслей — о значеніи Индусовъ, Египтянъ, Грековъ и Римлянъ въ философіи исторіи, о такомъ же значеніи Испаніи и Италіи эпохи Возрожденія (см. первыя страницы первой и второй части настоящей статьи и ср. выше стр. 120 — 127). Отсюда виденъ процессъ переработки настоящей статьи при предполагавшемся включеніи ея въ общій „курсъ русской литературы"; отсюда видно и то значеніе, которое Бѣлинскій справедливо придавалъ настоящей статьѣ.

Это значеніе очень велико: Бѣлинскій исчерпалъ этой статьей почти все, что̀ съ тѣхъ поръ было высказано о Державинѣ; фактическія поправки къ нѣкоторымъ положеніямъ настоящей статьи были сдѣланы впослѣдствіи, но сущность взгляда Бѣлинскаго на поэзію Державина осталась почти неприкосновенной. Въ VIII и IX тт. академическаго собранія сочиненій Державина (въ девяти томахъ, изд. 1865—1883 гг.) мы имѣемъ подробную біографію его, написанную Я. Гротомъ; изъ нея достаточно ясно вырисовывается нравственный обликъ Державина, нѣсколько идеализированный Бѣлинскимъ; но, повторяемъ, критическая оцѣнка поэзіи Державина сдѣлана Бѣлинскимъ исчерпывающая. Державинъ, какъ поэтъ русскаго вельможества екатерининской эпохи и Державинъ, какъ поэтъ наивнаго эпикуреизма и страха смерти — вотъ историко-соціологическая и эстетико-философская оцѣнка, проведенная въ настоящей статьѣ въ двухъ ея частяхъ.

„Художественная критика" и „историческая критика" — такъ самъ Бѣлинскій разграничилъ указанныя выше точки зрѣнія. Мы знаемъ изъ статьи о „Рѣчи" Никитенко, что Бѣлинскій давно уже разорвалъ съ чистой „художественной точкой зрѣнія", съ „умозрительной эстетикой"; теперь, въ самомъ началѣ настоящей статьи, онъ еще опредѣленнѣе оттѣняетъ, что эстетика должна покоиться на эмпирическомъ основаніи: „эстетика не должна разсуждать объ искусствѣ, какъ о чемъ-то предполагаемомъ, какъ о какомъ-то идеалѣ, который можетъ осуществиться только по ея теоріи; нѣтъ, она должна разсматривать искусство, какъ предметъ, который существовалъ давно прежде нея и существованію котораго она сама обязана своимъ существованіемъ"... А отсюда неизбѣженъ переходъ къ изученію „историческихъ и временныхъ вліяній" на искусство; подробному развитію этой идеи посвящены первыя страницы второй части настоящей статьи. „Жестоко ошибаются тѣ умозрительные судьи изящнаго, — говоритъ Бѣлинскій,—которые хотятъ видѣть въ искусствѣ совершенно отдѣльный міръ, существующій независимо отъ другихъ сферъ сознанія и отъ исторіи"; но не менѣе ошибаются и тѣ, которые хотѣли бы ограничиться „историческимъ" взглядомъ на искусство и отвергнуть художественный критерій: „отвлеченный идеализмъ" первыхъ настолько же чуждъ теперь Бѣлинскому, насколько и „узкій эмпиризмъ" вторыхъ. Бѣлинскій требуетъ синтеза; онъ думаетъ найти истину въ „единствѣ противоположностей".

Историческая точка зрѣнія неизбѣжна,— говоритъ Бѣлинскій,—но она теряетъ всякій смыслъ внѣ эстетической оцѣнки; а потому „прежде, чѣмъ опредѣлить историческое значеніе поэта, должно опредѣлить его чисто художественное значеніе"... Эта самостоятельная эстетическая оцѣнка основывается на одномъ только „философскомъ началѣ искусства", здѣсь она довлѣетъ сама себѣ, „здѣсь получаетъ свой великій смыслъ

объ „Очеркахъ" Полевого (№ 19) и въ другихъ статьяхъ (№ 39); см. также нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 37.

искусство какъ искусство, какъ такая сфера дѣятельности, которая сама себѣ цѣль и внѣ себя цѣли не имѣетъ"... *Послѣ* такой эстетической оцѣнки поэта надо обратиться къ „исторической" оцѣнкѣ его поэзіи. Вотъ основныя мысли Бѣлинскаго, которыя онъ повторяетъ теперь и которыя онъ впервые подробно высказалъ еще въ первой статьѣ о „Рѣчи" Никитенко; перейдя на „соціальную" точку зрѣнія, Бѣлинскій продолжаетъ настойчиво подчеркивать, что „поэзія и красота—одно и то же", что „поэзія дѣйствительно есть провозвѣстница великихъ истинъ, въ историческомъ движеніи человѣчества развивающихся, но *прежде всего* (курс. нашъ) она — поэзія, свободное творчество, самостоятельная сфера сознанія"... Поэтому и Державина Бѣлинскій разсматриваетъ сперва съ эстетической, а затѣмъ уже съ исторической точки зрѣнія.

Всѣ эти взгляды Бѣлинскаго должны быть признаны не только замѣчательными для своего времени, но даже вполнѣ сохранившими свое значеніе и теперь, чуть не черезъ три четверти вѣка. Правда, теперь „историческая", соціальная характеристика поэта считается — для тѣхъ, кто не ограничивается ею — только введеніемъ въ философскую и эстетическую оцѣнку его поэзіи, а не наоборотъ, какъ это сдѣлалъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ (см. объ этомъ нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 24); но сущность взглядовъ Бѣлинскаго осталась и до сихъ поръ неопровержимой. Позднѣе Бѣлинскій сошелъ съ этого пути на путь болѣе односторонняго пониманія искусства—мы это еще увидимъ и мы уже отмѣтили это во вступительной замѣткѣ къ статьѣ о „Менцелѣ" (см. т. I, стр. 542 — 544). Но и теперь необходимо отмѣтить одну характернѣйшую черту, являющуюся показателемъ намѣчающагося направленія Бѣлинскаго: мы говоримъ объ отзывахъ самого Бѣлинскаго въ его письмахъ о своей статьѣ про Державина. „Изъ статьи о Державинѣ (№ 2 „Отеч. Зап.") не вычеркнуто ни одного слова, а я совсѣмъ не дорожилъ ею. Теперь я долженъ приниматься за вторую статью о Державинѣ, подъ вліяніемъ вдохновительной и поощрительной мысли, что ее всю изрѣжутъ и исковеркаютъ",—писалъ Бѣлинскій Боткину 6 февр. 1843 года, а 31 марта сообщалъ объ исполненіи этого предсказанія: „статья моя (вторая) о Державинѣ страшно искажена, но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Чортъ возьми всѣ наши статьи, да и всѣхъ насъ съ ними"... Итакъ, Бѣлинскій „не дорожилъ" той частью статьи о Державинѣ, гдѣ онъ разсматривалъ художественное значеніе этого поэта; наоборотъ, искаженіе второй части („исторической") этой статьи страшно его огорчаетъ, несмотря на то, что, по его же теперешнему критическому кодексу, эстетическая оцѣнка занимаетъ первое мѣсто въ критикѣ. Эта теорія, какъ видно, начинала у Бѣлинскаго уже расходиться съ ея практическимъ приложеніемъ. Вспомнимъ также встрѣтившуюся намъ въ предыдущей статьѣ восторженную оцѣнку художественно слабаго стихотворенія Льва Пушкина: не эстетической оцѣнкой руководствовался въ этомъ случаѣ Бѣлинскій. (См. также характерныя слова Бѣлинскаго въ концѣ нашей замѣтки къ предыдущей статьѣ).

Какъ и въ предыдущихъ своихъ отзывахъ 1840—1842 гг. о Державинѣ, такъ и въ настоящей статьѣ Бѣлинскій очень строго отнесся къ чисто-художественному значенію этого поэта: онъ призналъ его громадный талантъ, но доказывалъ, что „поэтомъ-художникомъ" Державинъ не былъ никогда. Литературные старовѣры вознегодовали, что Державинъ „тронутъ дерзкой рукой" (см. статью № 42), и Бѣлинскому разными пріемами пришлось защищаться противъ этихъ „денонсіацій". Настоящую статью, напримѣръ, онъ кончаетъ цитатой изъ неназываемаго автора, въ которой высказывается тоже не безусловно восторженное мнѣніе о Державинѣ; вся ядовитость такого цитированія станетъ понятной, если мы скажемъ, что приведенныя Бѣлинскимъ слова принадлежатъ *Шевыреву*, главному критику „Москвитянина",—а вѣдь въ этомъ журналѣ и помѣщались главнымъ образомъ всѣ негодующія „денонсіаціи" на Бѣлинскаго и въ прозѣ и въ стихахъ... Мѣсяцемъ раньше Бѣлинскій, приводя эти же слова Шевырева, назвалъ ихъ „умной и вѣрной характеристикой поэзіи Державина". А „Москвитянинъ" въ это время перепечатывалъ изъ петербургскаго „Маяка" (о которомъ см. четвертую замѣтку въ статьѣ № 46) басню „Крысы", направленную противъ Бѣлинскаго и главнымъ образомъ противъ его „дерзкаго" отношенія къ Державину... Въ этой баснѣ почти дословно пародировались слова Бѣлинскаго, мимоходомъ сказанныя имъ о Державинѣ во второй изъ статей о „Рѣчи" Никитенко; какъ помнимъ, Бѣлинскій говорилъ тамъ, что „Державинъ—великій талантъ для всякаго времени; но великій поэтъ онъ—только для своего времени, а для нашего — едва ли онъ какой-нибудь поэтъ, потому что для насъ мертвы и идеальные мотивы и самая форма его поэзіи. Это уже не наша вина, да и не его, конечно. И мы не винимъ его, а только судимъ о немъ; пусть же судятъ и о насъ, а не дѣлаютъ безъ вины виноватыми"... (см. выше

стр. 486). Въ указанной выше баснѣ рѣчь идетъ о крысахъ, которыя, заведясь въ книгопродавческой кладовой, „поэзію зубами рвали... и на Державина напали“. Одна „безхвостая“ крыса взобралась на полку и стала поучать:

„Державинъ былъ талантъ для всѣхъ временъ,
великій!
Великій же поэтъ—лишь для своей поры,
А не для нашей онъ норы;
Для насъ пѣвецъ онъ полудикій!
Для насъ—поэзіи въ немъ нѣтъ;
Для насъ едва ли онъ какой-нибудь поэтъ;
Для насъ все мертво въ немъ, скажу чистосердечно.
Не наша то вина и не его, конечно;
Мы не винимъ его, а судимъ лишь о немъ
Пусть судятъ же и насъ потомы!“.
Такую крыса рѣчь и долго-бъ продолжала,
Но груда книгъ, свалясь, безхвостую прижала;
Она пищитъ, скребетъ... котъ Васька близко былъ
И судъ по формѣ совершилъ.

Литературныхъ крысъ я наглости дивился:
Знать, Васька-котъ запропастился...

Какъ видимъ, эта басня была еще одной „денонсіаціей“ въ цензуру или повыше—въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—съ напоминаніемъ о необходимости „совершить судъ по формѣ“ надъ наглымъ критикомъ, который осмѣлился не безусловно восторгаться поэзіей Державина... Эти злобныя выходки не удивятъ насъ, если мы вспомнимъ, что даже Гоголь негодовалъ на Бѣлинскаго за его „неуваженіе къ Державину“, о чемъ мы уже упоминали во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 37. И если за это даже къ Гоголю Бѣлинскій отнесся съ „болѣзненнымъ отвращеніемъ“, то нечего и говорить, съ какимъ полнымъ презрѣніемъ относился онъ къ остальнымъ многочисленнымъ „защитникамъ“ Державина. **И.-Р.**

Статья I.

Съ іюля 3-го текущаго года начнется *второе столѣтіе* отъ дня рожденія Державина... Итакъ, цѣлый вѣкъ раздѣляетъ молодыя поколѣнія нашего времени отъ пѣвца Екатерины... Но отъ смерти Державина едва прошло четверть вѣка, — и несмотря на то, кажется, цѣлые вѣка легли между нимъ и нами.. Читая стихотворенія Державина, теперь уже почти ничего не понимаешь въ нихъ безъ историческихъ право-описательныхъ комментарій на вѣкъ, котораго онъ былъ органомъ... Языкъ, образъ мыслей, чувства, интересы—все, все чуждо нашему времени... Но не умеръ Державинъ, такъ же, какъ не умеръ вѣкъ, имъ прославленный; вѣкъ Екатерины приготовилъ вѣкъ Александра, приготовившій нашъ вѣкъ,—и между Державинымъ и поэтами нашего времени существуетъ та же кровно-родственная историческая связь, которая существуетъ и между этими тремя эпохами русской исторіи...

Искусство, какъ одна изъ абсолютныхъ сферъ сознанія, имѣетъ свои законы, въ его собственной сущности заключенные, и внѣ себя не признаетъ никакихъ законовъ. Кто уже по натурѣ своей или по духовной своей неразвитости не въ состояніи постигать законовъ искусства въ его *идеѣ*, тотъ не въ состояніи ни цѣнить искусства въ фактѣ, ни наслаждаться имъ. До постиженія идеи мы доходимъ искусственнымъ путемъ отвлеченія; слѣдовательно, идея сама по себѣ есть только одна сторона предмета, искусственно отдѣляемая нами отъ живой всецѣлости предмета, для того, чтобъ намъ можно было отрѣшиться отъ непосредственнаго, эмпирическаго способа понимать этотъ предметъ. И потому нѣтъ идей, которыя и оставались бы идеями; но всякая идея осуществляется какъ фактъ—какъ предметъ или какъ дѣйствіе. Осуществленіе идеи въ фактѣ имѣетъ свои непреложные законы, изъ которыхъ главнѣйшій—*послѣдовательность* и *постепенность*. Ничто не является вдругъ, ничто не рождается готовымъ; но все, имѣющее идею своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ низшей ступени переходя на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ человѣчествѣ. Природа явилась не вдругъ, готовая, но имѣла свои дни, или свои моменты творенія. Царство ископаемое предшествовало въ ней царству прозябаемому, прозябаемое—животному. Каждая былинка проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ развитія.—и стебель, листъ, цвѣтъ, зерно суть не что иное, какъ непреложно-послѣдовательные моменты въ жизни растенія. Человѣкъ проходитъ черезъ физическіе моменты младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости, которымъ соотвѣтствуютъ нравственные моменты, выражающіеся въ глубинѣ, объемѣ и характерѣ его сознанія. Тотъ же законъ существуетъ и для обществъ, и для человѣчества. Тотъ же законъ существуетъ и для искусства. У искусства есть свой вѣчный, неизмѣнный идеалъ совершенства, составляющій предметъ эстетики, какъ науки изящнаго; но искусство не вдругъ, а постепенно достигаетъ своего идеала,—и исторія искусства есть картина моментовъ его развитія. Такъ, напримѣръ, Индія—страна, гдѣ

впервые пробудилось въ людяхъ стремленіе къ сознанію абсолютной истины, и въ которой это сознаніе остановилось на своемъ первомъ моментѣ; какъ-бы окаменѣлое, дошло оно до насъ черезъ рядъ тысячелѣтій, почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ первоначально возникло, подобно вершинамъ Гималаи, которыя и теперь почти тѣ же, какими узрѣлъ ихъ міръ въ первые дни своего созданія. Подобно религіи и философіи, искусство въ Индіи представляется на первой ступени своего проявленія, въ первомъ моментѣ своего существованія: оно носитъ тамъ характеръ чисто-символическій, ибо его образы *условно*, а не непосредственно, выражаютъ идею. Таково должно быть, и инымъ не можетъ быть искусство въ своемъ началѣ. Чтобъ образы выражали идею не условно, а непосредственно, для этого необходимо идеѣ быть полною и ясною для художника; но какъ идеи первобытныхъ и младенчествующихъ обществъ состоятъ изъ темныхъ предощущеній и неопредѣленныхъ, смутныхъ предчувствій, то и выраженіе идеи у нихъ, естественно, должно состоятъ изъ однихъ намековъ, иносказаній и затѣйливыхъ символовъ. Въ Египтѣ искусство сдѣлало уже большой шагъ, приблизившись нѣсколько къ простотѣ и природѣ: по крайней мѣрѣ, египетскія изваянія представляютъ уже не однихъ сфинксовъ, но и людей, хотя эти люди еще массивны, грубы, неподвижны. Въ Греціи искусство уже отрѣшилось (отъ) символизма, и его образы облеклись въ простоту и истину, которыя составляютъ высочайшій идеалъ красоты.

Искусство никогда не развивается независимо одиноко: напротивъ, его развитіе всегда бываетъ связано съ другими сферами сознанія. Въ эпоху младенчества и юношества народовъ искусство всегда болѣе или менѣе—выраженіе религіозныхъ идей, а въ эпоху возмужалости—философскихъ понятій. Индійскій пантеизмъ есть обожествленіе природы, и потому даже въ поэзіи индустанской играютъ такую важную роль растенія, змѣи, птицы, коровы, слоны и прочія животныя, а изваянія боговъ представляютъ дикую и уродливую смѣсь членовъ человѣческаго тѣла съ членами животныхъ. Индійское искусство не могло возвыситься до изображенія красоты человѣческой, ибо въ пантеистической религіи Индусовъ Богъ есть природа, а человѣкъ—только ея служитель, жрецъ и жертва. Египетская миѳологія занимаетъ уже середину между индійскою и греческою: среди животно - чудовищныхъ образовъ ея боговъ уже замѣтны и человѣческіе лики, послужившіе типомъ для изваяній греческихъ; между Озирисомъ и Аполлономъ есть сродство, и миѳъ Ѳеба, который сражаетъ Пифона, занятъ Греками у Египтянъ. Однакожъ, это бореніе между животнымъ и человѣкомъ разрѣшилось только въ сфинкса — чудовище съ женоподобною головою и грудью, съ туловищемъ звѣря. Сфинксъ египетскій мудрѣе человѣка: онъ загадываетъ человѣку хитрыя загадки и пожираетъ его за неумѣніе разгадать ихъ. Но Грекъ Эдипъ разгадалъ мысль и нашелъ слово: звѣрь бросился въ море и утонулъ: человѣкъ вступилъ въ свои права,—и боги Греціи не что иное, какъ образы идеальнаго человѣка, обожествленія человѣка. Звѣри вошли въ искусство какъ выраженіе силъ природы, повинующихся человѣку: кони возятъ колесницу Аполлона, Церберъ стережетъ входъ въ царство Аида, отвратительныя гарпіи служатъ бичомъ злодѣйства; Зевсъ принимаетъ образы вола и лебедя для скрытія отъ Геры такихъ похожденій, источникомъ которыхъ были чисто-естественныя поползновенія. Образъ человѣческій просвѣтленъ и возвышенъ: его назначеніе въ греческомъ искусствѣ—выражать высшую идеальную красоту. Въ греческомъ искусствѣ символистика и аллегорія кончились; искусство стало искусствомъ. Объясненія этого должно искать въ греческой религіи и глубокомъ, вполнѣ развившемся и опредѣлившемся смыслѣ ея мірообъемлющихъ миѳовъ.

Кромѣ всего этого, на развитіе и характеръ искусства много имѣютъ вліянія еще и разныя совершенно случайныя обстоятельства, особенно же природа и мѣстность страны, климатъ и проч. Огромность архитектурныхъ зданій, колоссальность статуй индійскихъ—явно отраженіе гигантской природы страны Гималаевъ, слоновъ и удавовъ. Нагота греческихъ изваяній находится въ большей или меньшей связи съ благословеннымъ климатомъ Эллады. Гармоническая природа этой страны, чуждая всякой чудовищной громадности, всякихъ чудовищныхъ крайностей, не могла не имѣть вліянія на чувство соразмѣрности и соотвѣтственности, словомъ, гармоніи, которое было какъ бы врожденно Грекамъ. Бѣдная и величаводикая природа Скандинавіи была для Норманновъ откровеніемъ ихъ мрачной религіи и сурово-величавой поэзіи. Политическія обстоятельства также имѣютъ вліяніе на развитіе и характеръ искусства: Римляне заняли у Грековъ классическую гармонію и благородную простоту архитектуры, но прибавили къ ней отъ себя огромность и громадность размѣровъ, какъ бы выразившихъ колоссальность ихъ государства и ихъ политическаго величія.

Изъ этого видно, какъ жестоко ошибаются тѣ умозрительные судіи изящнаго, которые хотятъ видѣть въ искусствѣ совер-

шенно отдѣльный міръ, существующій независимо отъ другихъ сферъ сознанія и отъ исторіи. Основываясь на томъ, что предметъ искусства не временное и относительное, а вѣчное и безусловное, они думаютъ, что искусство унижаетъ себя, если подчиняется какимъ бы то ни было историческимъ и временнымъ вліяніямъ. Но это значитъ смотрѣть на „вѣчное“ и „безусловное“, какъ на отвлеченныя понятія, чуждыя всякаго содержанія, какъ на логическія построенія, лишенныя всякой жизненности: ибо „вѣчное“ выражается во времени, „безусловное“ ограничивается формою проявленія, „безконечное“ дѣлается доступнымъ созерцанію въ конечномъ. Если эстетика возьметъ за основаніе однѣ идеи и ихъ діалектическое развитіе, оставивъ въ сторонѣ вѣрованія и исторію,—то по ней выйдетъ, можетъ быть, что произведенія греческаго искусства прекрасны, а индійскаго и египетскаго не имѣютъ ничего общаго съ творчествомъ и суть порожденія невѣжества и дикости; готическая архитектура—воплощенное безвкусіе и безобразіе; французская литература хороша, а нѣмецкая — вздоръ, или наоборотъ, смотря по тому, отъ какого начала отправится эстетика. Задача истинной эстетики состоитъ не въ томъ, чтобъ рѣшить, *чѣмъ должно быть искусство*, а въ томъ, *что̀ такое искусство*. Другими словами: эстетика не должна разсуждать объ искусствѣ, какъ о чемъ-то предполагаемомъ, какъ о какомъ-то идеалѣ, который можетъ осуществиться только по ея теоріи: нѣтъ, она должна разсматривать искусство, какъ предметъ, который существовалъ давно прежде нея, и существованію котораго она сама обязана своимъ существованіемъ.

Другіе знатоки и любители искусства начинаютъ съ противоположной крайности, думая, что изящное не имѣетъ никакихъ непреложныхъ законовъ, и что стоитъ только изучить исторію и нравы какого угодно народа, чтобъ понять его искусство. Узнавъ изъ біографіи какого-нибудь художника, что онъ былъ несчастенъ, они думаютъ, что нашли ключъ къ тайнѣ его грустныхъ созданій. „Видите ли,—говорятъ они:—онъ былъ несчастенъ въ жизни, и оттого меланхолія составляетъ отличительный характеръ его произведеній“. Коротко и ясно! Этакъ легко можно объяснить и мрачный характеръ поэзіи Байрона: критика будетъ и не долга и удовлетворительна. Но что Байронъ былъ несчастенъ въ жизни — это уже старая новость: вопросъ въ томъ, отчего этотъ одаренный дивными силами духъ былъ обреченъ несчастію? Эмпирическіе критики и тутъ не задумаются: раздражительный характеръ, ипохондрія, — скажутъ одни изъ нихъ,—и разстройство пищеваренія, прибавятъ, пожалуй, другіе, добродушно не догадываясь въ низменной простотѣ своихъ гастрическихъ воззрѣній, что подобныя малыя причины не могутъ имѣть своимъ результатомъ такія великія явленія, какъ поэзія Байрона. Всякому извѣстно, что иной меланхоликъ отъ природы бываетъ счастливъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и самый веселый человѣкъ дѣлается ипохондрикомъ отъ несчастія, что раздражительность нервовъ служитъ не только къ живѣйшему ощущенію горестей, но и къ живѣйшему ощущенію радости. Всякому также извѣстно, что великіе комики по большей части бываютъ людьми раздражительными и наклонными къ ипохондріи, и что весьма рѣдко появляется улыбка на устахъ тѣхъ, которые заставляютъ другихъ хохотать до слезъ... Ни одинъ поэтъ не можетъ быть великъ отъ самого себя и черезъ самого себя, ни черезъ свои собственныя страданія, ни черезъ свое собственное блаженство: всякій великій поэтъ потому великъ, что корни его страданія и блаженства глубоко вросли въ почву общественности и исторіи, что онъ, слѣдовательно, есть органъ и представитель общества, времени, человѣчества. Только маленькіе поэты и счастливы и несчастливы отъ себя и черезъ себя, но зато только они сами и слушаютъ свои птичьи пѣсни, которыхъ не хочетъ знать ни общество, ни человѣчество. Чтобъ разгадать загадку мрачной поэзіи такого необъятно-колоссальнаго поэта, какъ Байронъ, должно сперва разгадать тайну эпохи, имъ выраженной, а для этого должно факеломъ философіи освѣтить историческій лабиринтъ событій, по которому шло человѣчество къ своему великому назначенію — быть олицетвореніемъ вѣчнаго разума, и должно опредѣлить философски градусъ широты и долготы того мѣста пути, на которомъ засталъ поэтъ человѣчество въ его историческомъ движеніи. Безъ того всѣ ссылки на событія, весь анализъ нравовъ и отношеній къ поэту и поэта къ обществу и къ самому себѣ ровно ничего не объяснятъ.

Но прежде, чѣмъ опредѣлить историческое значеніе поэта, должно опредѣлить его чисто-художественное значеніе: безъ этого никто не пойметъ, почему критика или эстетика признаетъ одного поэта поэтомъ, а другого нѣтъ, и почему въ одномъ она видитъ великаго, а въ другомъ обыкновеннаго поэта. Вотъ здѣсь эстетика имѣетъ право основываться на одномъ философскомъ началѣ искусства, не относясь ни къ исторіи, ни къ другимъ сферамъ сознанія. Здѣсь получаетъ свой великій смыслъ искусство, какъ искусство, какъ такая сфера дѣятельности, ко-

торая сама себѣ цѣль и внѣ себя цѣли не имѣетъ. Естественно, прежде чѣмъ опредѣлить къ зодчеству какого народа, какой эпохи, какого стиля принадлежатъ зданія такого-то архитектора, и великій ли онъ архитекторъ, должно показать, есть ли въ его зданіяхъ творчество, полетъ фантазіи, словомъ, поэзія, или эти зданія — только груды камней, складенныя по правиламъ архитектуры трудолюбивымъ ремесленникомъ, тщательно изучившимъ техническую сторону искусства, или, пожалуй, и опытнымъ академикомъ... А этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только на основаніи философіи изящнаго—эстетики. Но здѣсь и оканчивается работа эстетики, какъ эстетики собственно, и отсюда вступаетъ въ свои права исторія и философія исторіи. Это не значитъ, чтобы эстетика, въ какомъ бы то ни было случаѣ, отказывалась отъ правъ, неотъемлемо принадлежащихъ ей въ дѣлѣ искусства, это значитъ только, это эстетика, окончивъ разсмотрѣніе художественной стороны искусства, обращается къ другой сторонѣ, столько же присущной искусству, какъ и сторона художественная—къ сторонѣ его содержанія, и, нисколько не отказываясь отъ своихъ законныхъ и неотъемлемыхъ правъ, вступаетъ въ союзъ съ другою родственною ей сферою—сферою исторіи. Всѣ сферы высшаго сознанія такъ родственны и тѣсно связаны между собою, что только черезъ искусственное дѣйствіе разума можно раздѣлять ихъ; показать же точныя ихъ границы такъ же трудно, какъ и показать, гдѣ въ человѣкѣ оканчивается тѣло и начинается душа, гдѣ конецъ чувства и начало ума, и т. д.

А между тѣмъ, какъ въ понятіи о природѣ человѣка существуютъ преданные отвлеченіямъ идеалисты, которые за душою не замѣчаютъ организма, и матеріалисты, которые за массою тѣла не могутъ провидѣть душу,—такъ и въ понятіи объ искусствѣ существуютъ свои идеалисты (умозрители) и свои матеріалисты (эмпирики). Мы показали, въ чемъ состоитъ ученіе тѣхъ и другихъ; прибавимъ къ этому, что эмпирики, непризнающіе эстетики и превращающіе ее въ сухой, неоживленный мыслію каталогъ изящныхъ произведеній, съ практическими и случайными комментаріями,—лишаютъ искусство его высокаго значенія. Не признавая содержаніемъ искусства той же вѣчной, въ свободной необходимости діалектически развивающейся идеи, которая составляетъ содержаніе исторіи и философіи, эмпирики низводятъ творческія произведенія на степень предметовъ, имѣющихъ цѣлію пріятно развлекать скуку и занимать праздное бездѣйствіе,—а это значитъ ставить ихъ въ одинъ разрядъ съ изящно сдѣланною мебелью и тѣми красивыми бездѣлками, которыми мода и прихоть украшаютъ въ комнатахъ камины, столы и этажерки. Идеалисты доходятъ до той же крайности, только противоположнымъ путемъ. По ихъ ученію, жизнь должна идти своею дорогою, а искусство своею, не соприкасаясь другъ съ другомъ, не завися другъ отъ друга и не имѣя никакого вліянія другъ на друга. Буквально вѣрные своему основному положенію, что искусство само себѣ цѣль, они доходятъ наконецъ до того, что лишаютъ искусство не только цѣли, но и всякаго смысла. Сначала они доводятъ искусство до аскетизма, а наконецъ и до индифферентизма,—что̀ весьма естественно: Индія ясно доказываетъ, что отшельничество и равнодушіе гораздо ближе другъ къ другу, нежели какъ кажутся съ перваго взгляда.

Отвлеченный идеализмъ во всемъ ведетъ къ произвольности въ воззрѣніяхъ и построеніяхъ, потому что факты отвергаемой имъ дѣйствительности не мѣшаютъ ему принимать свои карточные домики за настоящіе рыцарскіе замки. Кто смотритъ на искусство исключительно съ эстетической точки, не принимая въ соображеніе ни его исторіи, ни исторіи развитія человѣчества, — тому весьма легко открыть тождество между „Иліадою“ Гомера и „Мертвыми Душами“ Гоголя [1]). Заблужденіе глубокое, но понятное! Оно можетъ происходить не отъ ограниченности умственной, а только отъ односторонняго взгляда на предметъ. Принявъ за непреложную истину какое-нибудь на досугѣ придуманное положеніе и отвергнувъ историческую сторону предмета, можно надѣлать десятки и сотни Гомеровъ и Шекспировъ: идеализмъ знаетъ, что законы творчества всегда и вездѣ одинаковы, что они и въ Россіи тѣ же, какіе были въ Греціи,—*ergo* почему-жъ и въ Россіи не быть Гомеру и Софоклу?.. Отсюда проистекаетъ всевозможная ложь и неправда въ сужденіяхъ о достоинствѣ поэтовъ: какъ легко превознести одного, такъ легко унизить другого, и въ обоихъ случаяхъ—замѣтьте—на основаніи мысли и ея строгаго діалектическаго развитія...

Очевидно, что какъ эмпиризмъ, такъ и идеализмъ (отвлеченный) суть односторонности, равно чуждыя истины: истина же состоитъ въ свободномъ примиреніи обѣихъ этихъ крайностей. Но кромѣ того, что такое примиреніе не такъ-то легко для всякаго,—и сама истина, если бы кто и нашелъ ее, принимается съ большимъ трудомъ, и то весьма немногими. Это потому именно, что живая истина состоитъ въ единствѣ

[1]) См. выше статьи №№ 38—39.

противоположностей. Чѣмъ одностороннѣе мнѣніе, тѣмъ доступнѣе оно для большинства, которое любитъ, чтобъ хорошее непремѣнно было хорошимъ, а дурное—дурнымъ, и которое слышать не хочетъ, чтобъ одинъ и тотъ же предметъ вмѣщалъ въ себѣ и хорошее и дурное. Вотъ почему толпа, узнавъ, что за какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ водились слабости, свойственныя малымъ людямъ, всегда готова сбросить великаго съ его пьедестала и ославить его негодяемъ и безнравственнымъ человѣкомъ. Толпа не понимаетъ, что все живое тѣмъ и отличается отъ мертваго, что въ самой сущности своей заключаетъ начало противорѣчія. Толпа не понимаетъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ отличаться и великими добродѣтелями и великими пороками, что одно хорошее начало въ немъ могло быть развито, а другое задавлено и заглушено въ самомъ зародышѣ своемъ, что одно дурное начало въ немъ могло быть подавлено еще въ зернѣ, а другое развито; что причины этого должно отыскивать и въ духѣ времени, когда явился великій человѣкъ, и въ общественности, среди которой возросъ и воспитался онъ, и что на основаніи этихъ причинъ иные пороки его можно извинить, а иные даже и поставить ему въ заслугу, такъ же точно, какъ иныя добродѣтели его возвысить, а съ иныхъ сбавить цѣну. Еслибъ въ наше время какой-нибудь воинъ сталъ мстить за падшаго въ честномъ бою друга или брата своего, зарѣзывая на его могилѣ плѣнныхъ враговъ,—это было бы отвратительнымъ, возмущающимъ душу звѣрствомъ; а въ Ахиллѣ, умиляющемъ тѣнь Патрокла убійствомъ обезоруженныхъ враговъ, это мщеніе—доблесть, ибо оно выходило изъ нравовъ и религіозныхъ понятій общества его времени. Не понимая этого, толпа признаетъ наукою одну математику, которая дѣйствительно никогда себѣ не противорѣчитъ, а исторію и философію считаетъ вздоромъ, ибо, *по ея мнѣнію*, онѣ на каждомъ шагу противорѣчатъ себѣ... Между тѣмъ, въ глазахъ той же толпы мертвецъ, лежащій въ гробу, уже не такъ важенъ, какъ живой человѣкъ, хотя первый ни въ чемъ не противорѣчитъ самому себѣ, а другой на каждомъ шагу противорѣчитъ... Такова ужъ видно натура толпы!..

У насъ можно смѣло говорить о всякомъ писателѣ, о которомъ мнѣніе еще не успѣло установиться въ толпѣ; но бѣда говорить о писателѣ старинномъ, о которомъ въ любомъ учебникѣ можно найти однѣ и тѣ же напыщенныя фразы и общія мѣста... Въ такомъ случаѣ безопаснѣе всего сказать рѣзкую односторонность: если одни осердятся, зато другіе согласятся, и обѣ стороны по крайней мѣрѣ поймутъ въ чемъ дѣло. Такъ точно у насъ ужъ лѣтъ шестьдесятъ повторяются однѣ и тѣ же фразы о Державинѣ, что выше его не было и не будетъ поэта въ подлунномъ мірѣ, что онъ пѣвецъ сѣвера и потомокъ Багрима... Съ этимъ всѣ согласны, тѣмъ болѣе, что до этого никому нѣтъ дѣла, ибо Державина давно уже никто не читаетъ, и всѣ знаютъ его только по журнальнымъ фразамъ, да школьнымъ воспоминаніямъ. Но люди такъ устроены, что если они *привыкли* о какомъ-нибудь предметѣ думать *такъ*, то хотя бы они уже и совсѣмъ не заботились о немъ, однакожъ непремѣнно осердятся на васъ, если вы осмѣлитесь думать объ этомъ предметѣ *иначе*. Когда въ „Отеч. Запискахъ“ въ *первый разъ* было сказано, что Державинъ для нашего времени уже не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для своего, и что хотя онъ былъ одаренъ и великими поэтическими силами, однако не создалъ ничего такого, что̀ прошло бы чрезъ вѣка въ нетлѣнной красотѣ,—тогда на „Отеч. Записки“ не шутя разсердились даже такіе люди, которые не прочли въ жизнь свою ни одного стиха державинскаго, и вслѣдъ за другими съ важностію стали повторять: „Какъ же можно такъ дерзко отзываться о такомъ великомъ поэтѣ?—вѣдь пѣвецъ сѣвера, потомокъ Багрима...“ И причину этого неудовольствія легко понять: еслибъ „Отеч. Записки“ совершенно отняли у Державина всякое достоинство, поставили бы этого богатыря поэзіи русской на ряду съ Тредьяковскимъ, тогда имъ меньше было бы хлопотъ: потому что еслибъ одни еще сильнѣе ожесточились бы противъ нихъ, зато нашлось бы много другихъ, которые ухватились бы за ихъ мнѣніе съ радостью лѣнивыхъ и немыслящихъ любителей новыхъ идей. Но въ мнѣніи „Отеч. Записокъ“ было противорѣчіе: у Державина не отнималось его величіе, а о поэзіи его говорилось только какъ объ историческомъ фактѣ: не понятно, а *потому* и досадно!.. Правда, потомъ, какъ *привыкли* къ новому мнѣнію, то стали повторять его и печатно, хотя также не поняли...

Дѣйствительно, ни объ одномъ поэтѣ не можетъ существовать столь противоположныхъ мнѣній, какъ о Державинѣ. Если разсматривать его съ эмпирически-исторической точки, то каждый стихъ его окажется чудомъ совершенства, а самъ онъ явится однимъ изъ величайшихъ поэтовъ древняго и новаго міра. Если же взглянуть на него съ чисто-эстетической точки. то можно поставить его чуть-чуть не наравнѣ съ Сумароковымъ. Но то и другое заключеніе равно будутъ ложны и нелѣпы: для того-то мы и почли за нужное предварительно сказать

нѣсколько словъ о недостаточности и ложности эмпирической и (отвлеченно) идеальной точкѣ зрѣнія на искусство.

Какъ обще-человѣческое искусство, такъ и искусство каждаго народа, отдѣльно взятаго, имѣетъ свою исторію, которая есть не что иное, какъ картина развитія искусства отъ его первоначальнаго исходнаго пункта до послѣдняго заключительнаго звена. Постепенность и послѣдовательность—законъ всякаго развитія. Если бы кто-нибудь напечаталъ въ газетахъ, что посаженное имъ въ землю зерно изъ яблока взошло не стебелькомъ, а прямо яблокомъ,—всѣ стали бы надъ этимъ смѣяться, какъ надъ нелѣпостію, хотя-бъ это и было напечатано. Но когда писали и печатали, что лѣтъ черезъ тридцать послѣ первой оды Ломоносова („На взятіе Хотина“) явился на Руси поэтъ, одинъ совмѣстившій въ себѣ и Пиндара, и Горація, и Анакреона, и превзошедшій всѣхъ ихъ, порознь и вмѣстѣ взятыхъ, — надъ этимъ и теперь еще не смѣются, какъ надъ нелѣпостію.

Мы сказали выше, что ни одно стихотвореніе Державина не выдержитъ самой снисходительной эстетической критики. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть слабѣе художественной стороны стихотвореній Державина. Содержаніе ихъ, по большей части, составляютъ нравственныя сентенціи, расположенныя реторически, въ формѣ разсужденія или диссертаціи. Отъ этого многія оды его непомѣрно длинны, непомѣрно прозаичны и... непомѣрно скучны. Истина составляетъ такъ же содержаніе поэзіи, какъ и философіи; со стороны содержанія поэтическое произведеніе—то же самое, что и философскій трактатъ; въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между поэзіею и мышленіемъ. И, однакоже, поэзія и мышленіе далеко не одно и то же: они рѣзко отдѣляются другъ отъ друга своею формою, которая и составляетъ существенное свойство каждаго. Философія или (выразимъ это понятіе болѣе общимъ терминомъ) мышленіе дѣйствуетъ прямо черезъ разумъ и на разумъ, и если мыслитель, или ораторъ, проникаясь эфирнымъ пламенемъ изслѣдуемой имъ истины, иногда возвышается до паѳоса, прибѣгаетъ къ посредству фантазіи и говоритъ огненнымъ языкомъ чувства и радужными образами фантазіи, — у него и въ такомъ случаѣ чувство и фантазія являются второстепенными элементами,—первое, какъ результатъ глубокаго проникновенія въ истину, раскрытую путемъ анализа, а вторая—какъ вспомогательное средство сдѣлать истину ощутительною и видимою. Въ мышленіи разумъ лицомъ къ лицу становится къ мысли, не нуждаясь въ посредствѣ чувства и фантазіи, но только допуская ихъ по собственной волѣ, какъ слѣдствіе увлеченія мгновенно охватившаго душу мыслителя,—увлеченія, надъ которымъ разумъ не перестаетъ однакоже царить и котораго обаятельной силы онъ уже не боится, какъ произведенія собственной своей діалектики. И подобное увлеченіе бываетъ не опасно только тѣмъ мыслителямъ, которые окрѣпли и закалились въ гимнастикѣ строгой логической мысли, обнаженной отъ всѣхъ покрововъ непосредственнаго представленія, и которые уже не могутъ покоряться авторитету ощущеній, чувствъ и готовыхъ идей, но всегда повѣряютъ ихъ діалектикою разума. Въ поэзіи, напротивъ, фантазія является главною дѣйствующею силою, черезъ которую исключительно совершается процессъ творчества. Поэзія разсуждаетъ и мыслитъ—это правда, ибо ея содержаніе есть такъ же истина, какъ и содержаніе мышленія; но поэзія разсуждаетъ и мыслитъ образами и картинами, а не силлогизмами и дилеммами. Всякое чувство и всякая мысль должны быть выражены образно, чтобъ быть поэтическими. Нѣкоторые аристархи [1]), сами писавшіе нѣкогда стишонки, которые въ свое время считались недурными, думали уронить Пушкина, говоря, что его поэзія чисто земная, ибо *оземленяетъ* безплотную чистоту идей: такой взглядъ на поэзію обнаруживаетъ въ этихъ аристархахъ рѣшительное отсутствіе эстетическаго чувства, натуру грубо прозаическую и чуждую всякаго предощущенія поэзіи. Нападать на поэзію за то, что она *оземленяетъ* идеи,—все равно, что нападать на математику за то, что она все исчисляетъ и измѣряетъ. Въ томъ-то и состоитъ сущность поэзіи, что она безплотной идеѣ даетъ живой, чувственный и прекрасный образъ. Въ этомъ случаѣ идея есть только морская пѣна, а поэтическій образъ — богиня любви и красоты, родившаяся изъ морской пѣны. Кто не одаренъ творческою фантазіею, способною превращать идеи въ образы, мыслить, разсуждать и чувствовать образами, тому не помогутъ сдѣлаться поэтомъ ни умъ, ни чувство, ни сила убѣжденій и вѣрованій, ни богатство разумно историческаго и современнаго содержанія. И если бы не такъ, то всего легче было бы сдѣлаться поэтомъ: стоило бы только узнать правила версификаціи, да, благословясь, и начать писать диссертаціи размѣренными строчками, завостренными риѳмою.

Одно изъ главнѣйшихъ условій всякаго художественнаго произведенія есть гармоническая соотвѣтственность идеи съ формою и формы съ идеею, и ограническая цѣлост-

[1]) Шевыревъ.

ность его созданія. Поэтому, всякое художественное произведеніе прежде всего должно отличаться строгимъ единствомъ лежащаго въ его основаніи чувства или мысли. Мысль въ пьесѣ можетъ быть схвачена или въ одномъ своемъ моментѣ, или развита во всѣхъ ея моментахъ, но она должна быть одна, и ея развитіе должно относиться къ ней самой, какъ относятся въ музыкальномъ произведеніи варьяціи къ мотиву. Если мысль пьесы переходитъ въ другую, хотя бы и имѣющую къ ней отношеніе мысль,—тогда нарушается единство художественнаго произведенія, а слѣдовательно, единство и сила впечатлѣнія, производимаго имъ на читателя. Прочтя такое произведеніе, чувствуешь себя только обезпокоеннымъ, но неудовлетвореннымъ,—утомленіе и досада заступаютъ мѣсто наслажденія.

Если мысль поэтическаго произведенія истинна въ самой себѣ, ясна и опредѣленна для поэта, если произведеніе вѣрно концепировано и достаточно выношено въ душѣ поэта,—то въ немъ не можетъ быть ни уродливыхъ частностей, ни слабыхъ мѣстъ, ни темныхъ и непонятныхъ выраженій, ни недостатка въ внѣшней отдѣлкѣ. Произведеніе, въ такомъ случаѣ, органически цѣлостно: въ немъ нѣтъ ничего ни излишняго, ни недостающаго; оно округлено: его начало вводитъ читателя въ его смыслъ; послѣднее слово замыкаетъ собою все его содержаніе, такъ что читатель вполнѣ удовлетворенъ и не можетъ спросить: „что же дальше?“

Стихотворенія Державина не выполняютъ ни одного изъ этихъ условій. Во-первыхъ, всѣ они болѣе или менѣе отличаются характеромъ реторическимъ, и, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ походитъ на диссертаціи въ стихахъ. Мы не можемъ подкрѣпить выписками этого мнѣнія, ибо въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы перепечатать почти всего Державина. Книга у всѣхъ передъ глазами, и каждый самъ можетъ повѣрить справедливость нашей мысли. Впрочемъ, при разборѣ нѣкоторыхъ стихотвореній мы будемъ имѣть случай, мимоходомъ, указывать на эту черту недостатка поэзіи Державина; пока ограничимся только указаніемъ на нѣкоторыя, особенно замѣчательныя въ этомъ отношеніи пьесы, каковы, напримѣръ: *Безсмертіе Души* (192 стиха), *Величество Божіе* (132 ст.), *Христосъ* (320 ст.), *Слѣпой Случай* (200 ст.), *Успокоенное Невѣріе* (108 ст.), *Истина* (144 ст.), *Гимнъ Богу* (96 ст.), *Тоска Души* (104 ст.), *Добродѣтель* (120 ст.), *Слава* (112 ст.), *Цѣленіе Саула* (450 ст.), *Гимнъ Солнцу* (100 ст.), *Облако* (80 ст.), *Громъ* (90 ст.), *На Умѣренность* (110 ст.), и пр. Такихъ пьесъ у Державина гораздо больше можно начесть. Читать ихъ — тяжело. Это все равно, что читать ариѳметику, написанную стихами: читатель согласенъ съ нею, что $2 \times 2 = 4$, но онъ тѣмъ не менѣе въ отчаяніи, что такія простыя, почтенныя съ малолѣтства всякому извѣстныя истины не изложены обыкновенною прозою, безъ поэтическихъ затѣй. Такъ и въ поименованныхъ нами стихотвореніяхъ Державина всѣ мысли столько же справедливы, сколько и стары и общи: ихъ можно найти у любого плохого стихотворца того времени. А это уже признакъ отсутствія поэзіи: у истиннаго поэта и старая мысль является новою, ибо истинный поэтъ даетъ чувствовать живую сущность мысли, которую толпа безсмысленно повторяетъ, какъ мертвую букву. По величинѣ своей поименованныя нами оды Державина рѣшительно не имѣютъ ничего общаго съ лирическою поэзіею. Лирика есть выраженіе преимущественно чувства, и въ этомъ отношеніи она приближается къ музыкѣ, которая, исключительно изъ всѣхъ искусствъ, дѣйствуетъ прямо и непосредственно на чувство. Одна пьеса не можетъ быть выраженіемъ двухъ различныхъ чувствъ, а чувство проходитъ по душѣ мгновенно, какъ тотъ трепетъ восторга, отъ котораго священный холодъ пробѣгаетъ по тѣлу и *встревоженною ратью* поднимаетъ волосы на головѣ человѣка... И если *такое* чувство неослабно будетъ владѣть читателемъ во все время, необходимое для прочтенія даже *восьмидесяти*, не только *четырехъ сотъ пятидесяти* стиховъ, — человѣческая натура читателя не выдержитъ этого, и результатомъ восторженнаго чтенія должна быть болѣзнь, утомленіе... Поэма, драма и, особенно, романъ — другое дѣло: тамъ умъ часто даетъ отдыхать чувству; тамъ, комическія сцены и, по сущности выражаемыхъ предметовъ, *прозаическія* мѣста возбуждаютъ въ читателѣ разнообразныя ощущенія. Но держаться въ продолженіе добраго получаса или и болѣе въ одномъ чувствѣ, въ одинаковой настроенности души, — это неестественно, и потому невозможно. Державинъ въ поименованныхъ нами пьесахъ, кажется, всего менѣе разсчитывалъ на чувство: стихотворенія эти холодны и прозаичны какъ школьная диссертація, стихи въ нихъ дурны до послѣдней степени, и рѣдко, очень рѣдко кой-гдѣ проблескиваютъ искорки одушевленія, сейчасъ и погасая въ водѣ реторики. Кажется, главною его заботою было высказать о предметѣ все, что только могъ онъ придумать о немъ. Порядка въ его мысляхъ нѣтъ никакого, и потому его длинныя и *резонерствующія* оды не имѣютъ достоинства даже хорошо расположеннаго и округленнаго школьнаго разсужденія.

Конечно, не всѣ оды Державина таковы, какъ тѣ, на которыя мы сейчасъ указали;

но главный характеръ указанныхъ нами—длинnота, резонерство, реторика, безóбразность—болѣе или менѣе преобладаютъ рѣшительно во всѣхъ одахъ. Гармонической соотвѣтственности идеи съ формою, пластичности образовъ—въ нихъ нечего и искать. Читая иную оду Державина, иногда вы вдругъ увлекаетесь возвышенностію мысли, энергіею чувства, размашистымъ полетомъ фантазіи,—и вдругъ неловкій стихъ, натянутый оборотъ, странное выраженіе, а иногда и реторика охлаждаютъ вашъ восторгъ,—и вы испытываете это нѣсколько разъ, при чтеніи одной и той же оды, и по окончаніи ея чувствуете себя утомленнымъ и встревоженнымъ, но не удовлетвореннымъ и услажденнымъ. Такъ, напримѣръ, „Водопадъ“ принадлежитъ къ числу блистательнѣйшихъ созданій Державина,—а между тѣмъ, въ немъ-то и увидите вы полное оправданіе нашей мысли объ общихъ недостаткахъ его поэзіи. Уже самая огромность этой оды показываетъ, что въ ея концепціи участвовала не одна фантазія, но и холодный разсудокъ. Поводомъ къ этой одѣ была вѣсть о кончинѣ Потемкина, поразившая поэта скорбнымъ чувствомъ и представившая его духовному оку въ новомъ свѣтѣ колоссальный образъ величайшаго изъ современныхъ ему героевъ. Это скорбное чувство, это возвышенное созерцаніе и должно было бы составлять содержаніе оды. Но поэтъ приплелъ сюда же Румянцева, который, сидя подъ наклоненнымъ кедромъ, мечтаетъ о славѣ и времени, потомъ засыпаетъ и видитъ во снѣ свои подвиги; потомъ просыпается отъ грома сокрушенной ели и падшаго холма и видитъ передъ собою Россію въ образѣ воинственной жены, которая взываетъ къ нему „проснись!“; при видѣ ея онъ

Вздохнулъ *и, испустя слезъ дождь*,
Вѣщалъ: „Знать умеръ нѣкій вождь!“

и началъ разсуждать объ обязанностяхъ истиннаго вождя, о томъ, что лучше быть „менѣе извѣстнымъ, но болѣе полезнымъ“ и т. п. Весь этотъ эпизодъ занимаетъ *тридцать одну* строфу, т.-е. *сто восемьдесятъ шесть* стиховъ!.. Конечно, въ этомъ эпизодѣ, невыдержанномъ въ цѣломъ, есть прекрасныя мѣста; но онъ не идетъ къ дѣлу, безъ нужды плодитъ оду и охлаждаетъ восторгъ читателя,—такъ что прочесть „Водопадъ“ съ одного раза, да еще вслухъ—трудъ изнурительный и для ума и для груди... Всѣ эти 186 стиховъ можно выкинуть, и ода ничего не проиграетъ, напротивъ, много выиграетъ: въ ней будетъ меньше риторики и больше поэзіи... Первыя семь строфъ, заключающія въ себѣ картину водопада посреди дикой и мрачной природы въ осеннюю ночь, прекрасно настраиваютъ душу читателя къ возвышенно-скорбному чувству, которымъ должна поразить его мысль о внезапномъ паденіи колосса,—и послѣ седьмой строфы:

Ретивый конь, осанку горду
Храня, порой къ тебѣ идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ,
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится

можно прямо перейти къ тридцать девятой:

Но кто идетъ тамъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны;
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горны:
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!

А тридцать одну строфу, между седьмою и тридцать девятою, можно не читать: тогда впечатлѣніе отъ „Водопада“ будетъ гораздо сильнѣе: тогда останется, для чтенія, сорокъ шесть строфъ, или *двѣсти семьдесятъ шесть* стиховъ... И тутъ сколько еще воды реторической! Какъ часто изнемогающее отъ возвышеннаго наслажденія чувство внезапно охладѣваетъ! Но чтобъ мнѣніе наше не показалось произвольнымъ, подкрѣпимъ его выписками.

Какой чудесный духъ крылами
Отъ Сѣвера паритъ на Югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ,
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Этотъ духъ—тѣнь Потемкина; но что же это за прозаическое описаніе, ничего не выражающее! И неужели духъ Потемкина непремѣнно долженъ обгонять вѣтеръ, обозрѣвать царства *вдругъ*, шумѣть, блистать, подобно звѣздѣ, и сыпать искрами по своему слѣду? Реторика!

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ—земля; кровъ—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты-ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ музъ—другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?

Не ты-ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть свой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

Не ты-ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ Понтъ Черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты-ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ,
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ,—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о, чудный вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота—
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли
И счастье съ славой слѣдомъ шли!..

Вотъ это поэзія, не реторика! Правда, и въ этихъ стихахъ не безъ недостатковъ, но они извиняются духомъ времени. Во время Державина нельзя было сказать: „достойный подвигъ *русской* силы“: это было бы низко и не согласно съ пареніемъ оды; непремѣнно нужно было сказать: „достойный подвигъ *росской* силы“: слова „росскій“ и „Россъ“ казались тогда не только необыкновенно звучными, но и отмѣнно умными... Выраженія: *наперсникъ* у сѣверной Минервы, *другъ Аполлона во храмъ музъ, вождь на полѣ Марса*, для насъ слишкомъ прозаичны, но, по понятіямъ того времени, въ нихъ-то и заключалась вся сущность поэзіи. За этими прекрасными поэтическими строками опять слѣдуетъ реторика, и притомъ довольно нескладная:

Се ты, небеснаго плодъ дара,
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкихъ звукъ
Монхъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ;
И *я тамъ* въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

За этою реторикою опять слѣдуетъ поэзія:

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,—
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!

Теперь опять голая реторика:

Оливы свѣжи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы вопли, стоны,
И музъ ахейскихъ жалкій звукъ
Вокругъ Перикла раздается:
Маронъ по Меценатѣ рвется.

Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій царь, какъ бы на тронѣ,
На сребророзовыхъ коняхъ,
На златозарномъ фаэтонѣ
Во сонмѣ всадниковъ блисталъ,
И въ смертный, черный одръ упалъ!

За реторикою опять слѣдуютъ проблески поэзіи:

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о, сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было-бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ.
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль нѣтъ! тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молній небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

А вотъ и чистая поэзія:

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ? Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ.

Теперь опять реторика:

Театръ его былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя—храмъ;
Рука съ вѣнкомъ—Екатерина;
Гремяща слава—онміамъ;
Жизнь—жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница—ужаса, любови.

Слѣдующія за тѣмъ пять строфъ, изображающія страхъ Турковъ при мысли объ Измаилѣ и радость „Россіянъ“ при взглядѣ на русскій флотъ въ Черномъ морѣ,—преисполнены реторики и въ мысли и въ исполненіи. Остальныя девять строфъ исполнены поэзіи, особливо эти двѣ:

По утру солнечнымъ лучамъ
Какъ монументъ златой зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ віется,
Пришедши, старецъ надпись зритъ:
„Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!“

Алцибіадовъ прахъ! И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ? Увы!
И плоть и трудъ коль истлѣваетъ;
Что-жъ нашу славу составляетъ?..

Мы разобрали одно изъ лучшихъ стихотвореній Державина, и это даетъ намъ право не дѣлать дальнѣйшихъ разборовъ такого рода, ибо они загромоздили бы статью выписками. Итакъ, повторяемъ, что невыдержанность въ цѣломъ и частностяхъ, преобладаніе дидактики, сбивающейся на резонерство, отсутствіе художественности въ отдѣлкѣ, смѣсь реторики съ поэзіею, проблески геніальности съ непостижимыми странностями— вотъ характеръ всѣхъ произведеній Державина.

Какая же, спросятъ насъ, причина этого: та ли, что Державинъ не поэтъ; та ли, что его талантъ былъ незначителенъ, или, что у него вовсе не было таланта?

Ни то, ни другое, ни третье... Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже сдѣланъ нами въ началѣ статьи: что̀ было тамъ высказано нами въ общихъ чертахъ, какъ теорія, то̀ приложимъ мы теперь къ вопросу о поэзіи Державина, какъ къ факту.

Державинъ былъ человѣкъ, одаренный великими творческими силами,—и онъ сдѣлалъ все, что можно было ему сдѣлать въ то время. Не его вина, что онъ явился въ то, а не въ наше время; не его вина, что поэзія не падаетъ готовая прямо съ неба, а вырастаетъ на землѣ, переходя черезъ всѣ степени развитія, какъ все растущее.

Поэзія въ каждой странѣ имѣетъ свою исторію, итакъ, не удивительно, что и въ Россіи она также имѣла свою исторію. Отецъ русской поэзіи, патріархъ русскихъ поэтовъ, былъ не столько поэтъ, сколько ученый: мы говоримъ о Ломоносовѣ. Поэзія русская не была туземнымъ цвѣтомъ, свободно и самобытно развившимся изъ почвы національнаго духа; но, подобно нашей европейской цивилизаціи и нашему европейскому просвѣщенію, она была прививнымъ, или—еще вѣрнѣе сказать — пересаженнымъ растеніемъ. И вотъ здѣсь-то заключается живая связь Петра Великаго съ Ломоносовымъ, какъ причины съ слѣдствіемъ; наши критики обыкновенно упускаютъ изъ виду это обстоятельство: они обвиняютъ русскую литературу въ подражательности, въ отсутствіи оригинальности, и въ то же время признаютъ Пушкина, Грибоѣдова и другихъ новѣйшихъ писателей оригинальными поэтами, не понимая того, что еслибъ наша поэзія до Пушкина не была подражательною, то и поэзія отъ Пушкина не могла бы быть оригинальною и народною... Да, подражательность первыхъ нашихъ поэтовъ искупила собою оригинальность послѣдующихъ. И это обстоятельство даетъ особенный характеръ нашей поэзіи и ея историческому развитію. Исторія нашей поэзіи до Пушкина вся заключается въ усиліи изъ реторики сдѣлаться поэзіею, изъ книжной и школьной стать естественною, изъ подражательной—оригинальною. Ломоносовъ сообщилъ русской поэзіи характеръ чисто реторическій, чисто школьный и книжный, — и велико дѣло его, святъ его подвигъ! Намъ нужна была поэзія во что бы то ни стало,— и Ломоносовъ далъ намъ именно такую поэзію, кромѣ которой ни ему, ни другому кому, хотя и великому генію, дать было невозможно. О Ломоносовѣ вообще утвердилось мнѣніе, что онъ былъ ученый и нисколько не поэтъ: этого мнѣнія нельзя опровергнуть, но едва ли можно и доказать его справедливость. Положимъ, что Ломоносовъ былъ столь же поэтическая натура, какъ и самъ Пушкинъ; но вотъ вопросъ: какъ и въ чемъ бы высказалась его поэтическая натура? Откуда бы почерпнулъ онъ сознательную идею о существованіи поэзіи и о своемъ поэтическомъ призваніи?—Изъ общества? Но тогдашнее общество не имѣло никакого понятія о поэзіи, еще менѣе чувствовало потребность въ ней,—и если оно смотрѣло на стихи Ломоносова не какъ на пустое балагурство, а на него самого, не какъ на шута,— причиною этому былъ не талантъ Ломоносова, а покровительство Шувалова, вниманіе императрицы... Слѣдовательно, для сознательной идеи поэзіи Ломоносову былъ одинъ путь — книга, ученіе, наука, знакомство съ Европою. Такъ оно и было. Теперь спрашивается: могъ ли Ломоносовъ не подчиниться вліянію своихъ нѣмецкихъ учителей, и образцы тогдашней нѣмецкой поэзіи могли ли дать поэтической дѣятельности Ломоносова другое направленіе. нежели то, которое дѣйствительно ей дали? Скажутъ: истинный геній не покоряется чуждому вліянію и руководствуется только собственнымъ творческимъ духомъ... Да, это правда, не покоряется,—но только тогда, когда уже выработаны и готовы матеріалы, изъ которыхъ геній можетъ творить; иначе въ историческомъ процессѣ не бываетъ. И вотъ почему иногда пришествіе одного генія приготовляется столькими другими, изъ которыхъ иные, можетъ быть, потому только кажутся меньше его, что явились прежде его, что исторія осудила ихъ на низшія предварительныя работы. Петръ Великій, въ одно и то же время работавшій и умомъ и топоромъ, представляетъ собою въ этомъ отношеніи дивное исключеніе изъ общаго правила. Итакъ, что̀ же оставалось дѣлать Ломоносову? Прежде всего ему надо было подумать о теоріи, тогда какъ въ поэзіи другихъ народовъ практика родила теорію, фактъ возбудилъ потребность сознанія. И вотъ Ломоносовъ думаетъ о томъ, что такое поэзія, какъ она должна быть, и, разумѣется, смотритъ на этотъ предметъ, какъ смотрѣли на него Нѣмцы того вре-

мени. Потомъ, ему нужно было подумать о языкѣ, о версификаціи, ибо до него не было на Руси ни грамматики, ни одного стиха, написаннаго не силлабическимъ размѣромъ, чуждымъ духу и несвойственнымъ гибкости и богатству русскаго языка. (Тредьяковскаго тутъ нечего брать въ разсчетъ). Что же было ему пѣть? Любовь? — Но для выраженія той любви, которая знакома была современному ему обществу, достаточно было и народныхъ свадебныхъ пѣсенъ, а о другой оно и не заботилось. Нѣтъ, Ломоносовъ пѣлъ то, что̀ было ближе къ дѣлу, что̀ заключалось въ самой дѣйствительности. Солнце русской жизни надолго закатилось со смертью Петра Великаго, и освѣтило ее вновь только съ восшествіемъ на престолъ Екатерины Великой; послѣ ужасовъ бироновской тиранніи царствованіе Елизаветы I по справедливости казалось эпохою столь же счастливою, сколько и славною, — и Ломоносовъ пѣлъ „блаженство дней своихъ“, пѣлъ „любезныя ему науки въ дражайшемъ отечествѣ“. Больше нечего было бы пѣть въ то время и самому Шекспиру. Говорятъ, стихи его обличаютъ оратора, а не поэта: да иначе и быть не могло, даже и въ такомъ случаѣ, если бы Ломоносовъ былъ столько же поэтическая натура, какъ и Пушкинъ. Но вотъ еще вопросъ: почему стихи Ломоносова такъ необыкновенно хороши по своему времени? Почему изъ его современниковъ никто не писалъ такихъ хорошихъ стиховъ? Почему стихи Сумарокова, который болѣе Ломоносова былъ преданъ поэзіи и который явился послѣ него, такъ далеко хуже ломоносовскихъ стиховъ? Отчего стихи Державина сдѣлали послѣ стиховъ Ломоносова такой малый шагъ впередъ, и то въ самыхъ лучшихъ стихотвореніяхъ, тогда какъ въ большой части не лучшихъ они хуже, чѣмъ стихи Ломоносова въ одѣ „Къ Іову“, въ „Утреннемъ“ и „Вечернемъ размышленіи о величествѣ Божіемъ“, которые отличаются чистотою языка, обличающею въ творцѣ ихъ человѣка ученаго? Конечно, „Мокрый Амуръ“ Ломоносова далеко не пойдетъ въ сравненіе съ ананкреонтическими стихотвореніями Державина, но, по своему времени, это удивительное стихотвореніе [1]). Итакъ, вопросъ о поэтическомъ призваніи и талантѣ Ломоносова пока все еще только — вопросъ, и едва ли есть возможность рѣшить его положительно или отрицательно.

Обратимся къ Державину. Никто самъ собою ничего не дѣлаетъ ни великаго, ни малаго; но, оглядѣвшись вокругъ себя, всякій начинаетъ или продолжать, или отрицать сдѣланное прежде него: это законъ историческаго развитія. Чувствуя наклонность къ поэзіи, имя которой было ужъ печатно выговорено въ Россіи, и о которой носились уже темные слухи въ небольшомъ грамотномъ кругѣ людей общества того времени,— Державинъ, естественно, не могъ не остановить своего вниманія на Ломоносовѣ, и не подчиниться его вліянію. И Державина за это такъ же можно упрекать, какъ младенца за то, что онъ лепечетъ языкомъ отца своего, звуки котораго впервые огласили его слухъ, а не языкомъ, котораго онъ звуковъ не могъ слышать. Державинъ добродушно удивлялся генію Хераскова, высокому паренію Петрова; но его чутью дѣлаетъ большую честь, что онъ рѣшился подражать только одному Ломоносову. Еще бо̀льшую честь дѣлаетъ Державину то, что съ 1779 года онъ пошелъ собственнымъ своимъ путемъ. Не думайте, однакожъ, чтобъ онъ на это рѣшился по сознанію недостатковъ поэзіи Ломоносова, или по убѣжденію, что подражаніе ни къ чему не ведетъ, а надо всякому быть самимъ собою; нѣтъ! Для *такого* сознанія и *такого* убѣжденія еще не наставало время, и Державину неоткуда было взять ихъ. Вотъ что̀ говоритъ онъ самъ о произведеніяхъ первой своей эпохи до 1779 года. „Всѣхъ сихъ произведеній своихъ авторъ самъ не одобрялъ, потому что хотѣлъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что талантъ его не былъ внушаемъ *одинаковымъ* геніемъ: онъ хотѣлъ парить, но не могъ постоянно выдерживать, красивымъ наборомъ словъ, свойственнаго единственно *россійскому Пиндару велелѣпія и пышности*; а для того въ 1779 году избралъ онъ совершенно особый путь, *будучи предводимымъ наставленіями Баттё* и совѣтами друзей своихъ: Николая Александровича Львова, Василья Васильевича Капниста и Ивана Ивановича Хемницера“. Не думайте также, чтобы „совершенно особый путь“ означалъ полную независимость отъ Ломоносова и совершенную самобытность: такой быстрый переходъ въ то время былъ бы скачкомъ, а въ исторіи нѣтъ скачковъ. Державинъ дѣйствительно пошелъ своимъ особымъ путемъ, но не выходя изъ-подъ вліянія ломоносовской поэзіи: въ поэзіи Державина явились впервые яркія вспышки истинной поэзіи, мѣстами даже проблески художественности, какая-то, ему одному свойственная, оригинальность во взглядѣ на предметы и въ манерѣ выражаться, черты народности, столь неожиданныя и тѣмъ болѣе поразительныя въ то время, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, поэзія Державина удержала дидактическій и реторическій характеръ въ своей общности, который былъ сообщенъ ей поэзіею Ломоносова. Въ этомъ виденъ естественный историческій ходъ.

---

[1]) Ср. выше стр. 224: теперь Бѣлинскій справедливо цѣнитъ эту переводную піесу Ломоносова.

Кстати о дидактикѣ. Она была явленіемъ неизбѣжнымъ и необходимымъ. Занятіе поэзіею должно было чѣмъ-нибудь быть оправдано въ глазахъ общества. Теперь всякій бумагомаратель, назвавшись поэтомъ, найдетъ кружокъ, который будетъ смотрѣть на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ за то, что онъ—не простой человѣкъ, а „поэтъ“. Но это мистическое уваженіе къ слову „поэтъ“ не вдругъ же явилось въ русскомъ обществѣ: оно развилось въ немъ временемъ, и, конечно, составляетъ его прогрессъ, въ сравненіи съ предшествовавшими эпохами. Во время Ломоносова слова „поэзія“ и „поэтъ“, или, по тогдашнему, „піитъ“ звучали довольно дико, и были, къ тому же, нѣсколько опошлены характерами двухъ первыхъ русскихъ „піитовъ“ — Тредьяковскаго и Сумарокова. Если на поэтовъ общество обратило вниманіе, то не иначе, какъ вслѣдствіе покровительства, которое оказывалось имъ высшею властью. „Даютъ чины, подарки за стихи, — стало быть, стихи что-нибудь да значатъ же“: такъ думало само съ собою тогдашнее общество. Но надобно же было ему представить пользу отъ поэзіи, чтобъ оно не считало поэзію заодно съ шутовствомъ. Да что общество!—сами поэты того времени не умѣли объяснить себѣ собственную страсть къ поэзіи иначе, какъ ея высокимъ призваніемъ—быть полезною для нравовъ общества. И если хотите, они были правы: поэзія дѣйствительно есть провозвѣстница великихъ истинъ, въ историческомъ движеніи человѣчества развивающихся; но прежде всего она — поэзія, свободное творчество, самостоятельная сфера сознанія, которой нельзя и не должно смѣшивать съ философіею, хотя у нихъ обѣихъ одно и то же содержаніе. Наши первые поэты стараго времени поняли поэзію, какъ пріятное нравоученіе, — и Мерзляковъ, теоретикъ *этой* поэзіи, такъ выразилъ ея сущность и цѣль, въ стихахъ, заимствованныхъ имъ у Тасса:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сластьми упитанъ по краямъ:
Счастливецъ обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье,
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Выражаясь прозою, это значитъ, что поэзія есть позолота на горькой пилюлѣ нравоученія... Мнѣніе ограниченное и жалкое, но подъ его эгидою начинается всякая поэзія, возникшая непосредственно изъ народной жизни, а явившаяся какъ нововведеніе, какъ какое-то общественное учрежденіе... И за то спасибо ему; оно, это мнѣніе, поддержало у насъ и дало укрѣпиться зародышу поэзіи Ломоносова и Державина. Было бы крайне несправедливо ставить имъ въ вину это. Въ дѣйствіяхъ великихъ людей бываетъ два рода недостатковъ и ошибокъ: одни происходятъ отъ ихъ личнаго произвола или личной ограниченности; другіе — изъ духа и потребностей самого времени. За недостатки и ошибки перваго рода можно и должно обвинять великихъ дѣйствователей; недостатки же и ошибки второго рода можно и должно называть ихъ собственными именами, т.-е. недостатками и ошибками, но ставить ихъ въ вину великимъ дѣйствователямъ не можно и не должно.

Итакъ, очевидно, что Державинъ не могъ быть, а потому и не былъ *поэтомъ-художникомъ*; его поэзія — лепетъ младенческій, исполненный жизни и прелести, но не рѣчь разумная мужа. И откуда же взялъ бы онъ художественность образовъ, пластическую отдѣлку формы, если въ его время о такихъ хитростяхъ не было понятія, слѣдовательно, не было въ нихъ и потребности? И потомъ, можно ли винить его за реторику и дидактику, входящія, какъ элементъ, во всѣ даже лучшія его созданія, а въ посредственныхъ и слабыхъ играющія первую роль? Конечно, за это никто и не обвинитъ его; но, съ другой стороны, есть ли какой-нибудь смыслъ обвинять, какъ въ преступленіи, какъ въ дерзкомъ неуваженіи къ священнымъ предметамъ, людей, которые называютъ вещи собственными ихъ именами и не хотятъ видѣть въ нихъ больше того, что́ есть въ нихъ на самомъ дѣлѣ? Можно насчитать болѣе полусотни стихотвореній Державина, въ которыхъ нѣтъ ни искры поэзіи, и въ которыхъ злоупотребленіе „піитической вольности“ съ языкомъ доведено до крайней степени: неужели грѣхъ и преступленіе сказать объ этомъ прямо? неужели критика должна состоять изъ однѣхъ лицемѣрныхъ фразъ и натянутаго восторга, выражаемаго общими мѣстами дрянныхъ учебниковъ по части словесности? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ,— тѣмъ болѣе нѣтъ, что подобная искренность нисколько не можетъ повредить славѣ Державина, ни затмить его великаго таланта, ни унизить его великихъ заслугъ! Неудачныя стихотворенія могутъ быть у всякаго великаго поэта, и если у Державина ихъ больше, чѣмъ у другихъ, это вина времени (если только время можетъ быть въ чемъ-нибудь виновато), а не поэта. Жуковскій — тоже поэтъ необыкновенный; онъ явился уже послѣ Державина, когда самый языкъ сдѣлалъ большіе успѣхи черезъ Карамзина и Дмитріева; Жуковскій самъ подвинулъ языкъ впередъ и много сдѣлалъ для стиха и для поэзіи, но и у Жуковскаго есть длинныя посланія, которыхъ достоинство заключается совсѣмъ не въ поэзіи, а развѣ въ звучности стиха и краснорѣчіи, и которыя, въ сущности, не многимъ важнѣе реторическихъ

и дидактическихъ разсужденій въ стихахъ Державина, добродушно называемыхъ имъ одами. И въ этихъ длинныхъ посланіяхъ Жуковскаго виденъ историческій ходъ развитія нашей поэзіи: у Пушкина уже нѣтъ подобныхъ произведеній, но потому именно и нѣтъ, что они уже были у Жуковскаго и что уже пришло *время* кончиться имъ.

Итакъ, некого обвинять и нечего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ-художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая, по преобладающему элементу своему, поэзія этого могучаго таланта. Натура Державина по преимуществу поэтическая и художническая, но время и обстоятельства положили непреодолимыя преграды ея развитію, и потому въ созданіяхъ Державина нѣтъ поэзіи какъ искусства, есть только элементы и проблески истинной поэзіи. Это уже не чисто подражательная поэзія, какъ у Ломоносова: въ ней уже слышатся и чуются звуки и картины русской природы, но перемѣшанныя съ какою-то искаженною греческою миѳологіею на французскій манеръ. Возьмемъ для примѣра прекрасную оду „Осень во время осады Очакова“: какая странная картина чисто русской природы съ Богъ вѣдаетъ какой природою, — очаровательной поэзіи съ непонятною реторикою:

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасны крылья расширяя,
Махнулъ по свѣту богатырь:
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ—и облака разсѣлись,
Спустился дождь и восшумѣлъ.

Къ чему тутъ Эолъ, къ чему Борей, пещеры и чугунныя цѣпи? Не спрашивайте: къ чему нужны были пудра, мушки и фижмы?—Во время оно безъ нихъ нельзя было показаться въ люди... И какъ нейдетъ русское слово „богатырь“ къ этому нѣмцу „Борею“!.. Можно ли гонять *стадами* синій воздухъ? И что за картина: Борей, сгустивъ туманы въ облака, давнулъ ихъ; облака разсѣлись, и отъ того спустился дождь и восшумѣлъ? Вѣдь это—*слова*, *слова*, *слова*!.. Но далѣе:

Уже румяна осень носитъ
Снопы златые на гумно,

Какіе прекрасные два стиха! По нимъ вы думаете, что вы въ Россіи...

И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино;

Тоже прекрасные стихи, но куда они переносятъ васъ—Богъ вѣсть!

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листья
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный добрымъ небомъ...

Тутъ вы ожидаете, что онъ благословляетъ, въ простотѣ сердца, имя Божіе за дары его: ничуть не бывало: онъ—

Блаженство дней своихъ поетъ!

Не на лирѣ ли?..

Борей на осень хмуритъ брови,
И Зиму съ Сѣвера зоветъ:
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.
На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ на небѣ мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ;
Пустыни сѣтуютъ и долы,
Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ и холмы голы,
И не пасется стадъ при нихъ.
Ушелъ олень на тундры мшисты
И въ логовище легъ медвѣдь.

И вслѣдъ за этими чудными стихами—

По селамъ нимфы голосисты
Престали въ хороводахъ пѣть,
Небесный Марсъ оставилъ громы,
И легъ въ туманы отдохнуть...

Какой „небесный Марсъ“ и въ какіе „туманы“ легъ онъ на отдыхъ? Что за „Нимфы голосисты“—ужъ не крестьянки ли?.. Но называть нашихъ крестьянокъ нимфами все равно, что назвать Меланіей Маланью...

Что въ Державинѣ былъ глубоко-художественный элементъ, это всего лучше доказываютъ его такъ называемыя „анакреонтическія“ стихотворенія. И между ними нѣтъ ни одного вполнѣ выдержаннаго; но какое созерцаніе, какіе стихи! Вотъ, напримѣръ, „Побѣда красоты“:

Какъ храмъ ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ,
Притекъ къ аѳинской левъ оградѣ,
И ревомъ городу грозилъ.
Она копья непобѣдима
Ко ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.
Пошла,—и подъ оливой стала,
Блистая легкою броней:
Младую нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.
Левъ шелъ,—и подъ его стопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ,
Но встрѣтясь вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ и палъ къ погамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ
И чувства кроткія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.
Стыдлива дѣва улыбалась,
На молодого льва смотря,
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго царя.
Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть,
Цвѣточной цѣпью привязала
И отдала любви во власть.
Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ:
Красою мужество сражалось,
А побѣждала все любовь.

Изъ этого стихотворенія видно въ Державинѣ живое сочувствіе къ древнему міру, какъ свидѣтельство глубокохудожественнаго элемента въ натурѣ поэта. Но пьеса „Рожденіе Красоты“ еще болѣе обнаруживаетъ это артистическое сочувствіе поэта къ художественному міру древней Греціи, хотя эта пьеса и еще менѣе выдержана, чѣмъ первая. Мы уже приводили это стихотвореніе въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія о невыдержанности пьесъ Державина [1]); но теперь снова приводимъ его, уже для другой цѣли, и потому отмѣчаемъ курсивомъ только хорошіе стихи:

Сотворя Зевесъ вселенну
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ.
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огнь,
Благовоній мгла летала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ.
Раздавались пѣсенъ хоры
И звучалъ весельемъ пиръ.
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ,—
И увидя царства, грады,
Что погибли отъ боевъ,
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ:
Распалился столько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей.
Вмигъ сокрылся блескъ лазуря;
Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихорь съ ризъ его, и буря,
Восшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,
Мракъ во пламени горѣлъ,
Яры волны, будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворенны безднъ утробы
Тартаръ искры извергалъ:
Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
Погруженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги,
Коль еще бы грянулъ громъ,
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ.
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Знать красавицъ стало жаль;
А какъ съ ними не смирился,
Тотчасъ новую создалъ:
Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя—въ щеки и въ уста,
Небо—въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь—и красота
Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облепя табуномъ,
На свои ее взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись;
И летя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ;
Зевсъ объялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.
Боги молча удивлялись
На красу, разиня ротъ,
И согласно въ томъ признались:
Миръ и брани—отъ красотъ.

Доказательствомъ того, какими превосходными стихами *могъ* писать Державинъ, служитъ его стихотвореніе „Русскія Дѣвушки“:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіисскій,
Какъ въ лугу, весной, бычка
Пляшутъ дѣвушки *россійски*
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь *главами*, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо *руки, взоръ поводятъ*,
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Чела бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь!
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка—души львины
И сердца орловъ разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты-бъ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

Оставимъ въ сторонѣ достолюбезную наивность мысли—заставить Анакреона удивляться *россійскимъ дѣвушкамъ*, пляшущимъ весною на лугу „бычка“, и отдать имъ первенство передъ богинями и нимфами древней Эллады; оставимъ также въ сторонѣ книжное и не идущее къ дѣлу слово „главами“, ошибку противъ языка, который велитъ *поводить руками и взорами* и не позволяетъ *поводить руки и взоры*; оставимъ все это въ сторонѣ, какъ погрѣшности, неизбѣжныя по духу времени, и спросимъ: можно ли не согласиться, что стихи этой пьесы, какъ стихи—прекрасны? Стало быть, Державинъ могъ всегда писать прекрасными стихами?—Конечно, могъ, ибо онъ по натурѣ своей былъ

[1]) См. выше стр. 225—226; тамъ, наоборотъ, курсивомъ отмѣчены только дурные стихи. Интересно, что эти взаимно-исключающіе критеріи иногда совпадаютъ,—см. напр. стихъ 21-ый и др.

великій поэтъ.—Отчего же онъ такъ рѣдко писалъ хорошими стихами? — Оттого, что въ его время не было ни понятія о необходимости прекрасныхъ стиховъ, ни потребности въ нихъ; оттого, что въ его время о поэзіи всего менѣе думали, какъ о красотѣ, не подозрѣвая, что поэзія и красота—одно и то же. Поэтому, Державинъ всего менѣе заботился о стихѣ, а такъ какъ онъ началъ писать очень поздно, то и не могъ овладѣть ни языкомъ, ни стихомъ, обладаніе которыми и величайшимъ поэтамъ достается не безъ тяжкаго труда. Оттого же Державину такъ трудно было поправлять свои пьесы, и всѣ его поправки были большею частью неудачны. Что касается до неточности въ выраженіи,—отъ того времени и требовать невозможно точности, а страшное насилованіе языка, т.-е. произвольныя усѣченія, ударенія, часто искаженіе слова, должно приписать тому, что Державинъ въ молодости не имѣлъ возможности пріобрѣсти по части языка ни познаній, ни навыка.

Сколько бы ни разобрали мы пьесъ Державина, все пришли бы къ одному и тому же результату: великъ былъ естественный талантъ Державина, а поэтомъ-художникомъ онъ все-таки не былъ; и цѣлый кругъ его поэтической дѣятельности представляетъ собою только порываніе къ поэзіи и достиженіе ея лишь мгновенными вспышками и неожиданными проблесками. Даже лучшія, самыя поэтическія его произведенія, какъ, наприм., „Фелица“, могутъ намъ нравиться не иначе, какъ только подъ условіемъ изученія, какъ факты историческаго развитія русской поэзіи. Читая ихъ, мы должны оторваться отъ своего времени и своихъ понятій, и *силою размышленія*, такъ сказать, заставить себя видѣть поэзію и талантъ въ томъ, что̀ въ современномъ намъ писателѣ назвали бы мы прозою и бездарностію. Однимъ словомъ, стихотворенія Державина, разсматриваемыя съ эстетической точки, суть не что иное, какъ блестящая страница изъ исторіи русской поэзіи, — некрасивая куколка, изъ которой должна была выпорхнуть, на очарованіе глазъ и умиленіе сердца, роскошно-прекрасная бабочка... Повторяемъ: талантъ Державина великъ; но онъ не могъ сдѣлать больше того, что̀ позволили ему его отношенія къ историческому положенію общества въ Россіи. Державинъ великъ и въ томъ, что̀ онъ сдѣлалъ: зачѣмъ же приписывать ему больше того, что̀ могъ онъ сдѣлать? Державинъ великій поэтъ русскій,—и этого довольно, и нѣтъ никакой нужды величать его Пиндаромъ, Анакреономъ и Гораціемъ, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго. Пиндаръ, Анакреонъ и Горацій дѣйствовали на почвѣ всемірно-исторической жизни, и были по превосходству художниками, какъ органы художественнаго древняго міра, особенно Пиндаръ и Анакреонъ—пѣвцы народа эллинскаго, народа-художника...

Во второй статьѣ мы разсмотримъ стихотворенія Державина съ исторической точки, безъ которой всякое сужденіе о такомъ поэтѣ было бы односторонне и неполно.

Статья II.

Такъ какъ искусство со стороны своего содержанія есть выраженіе исторической жизни народа, то эта жизнь и имѣетъ на него великое вліяніе, находясь къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ масло къ огню, который оно поддерживаетъ въ лампѣ, или, еще болѣе, какъ почва къ растеніямъ, которымъ она даетъ питаніе. Сухая и каменистая почва неблагопріятна для растительности: бѣдная содержаніемъ историческая жизнь неблагопріятна для искусства. Содержаніе исторической жизни составляютъ идеи, а не одни факты. Всѣ великіе народы, въ исторіи которыхъ міродержавный промыслъ осуществилъ судьбы человѣчества, жили и живутъ идеею, и умираютъ, какъ скоро ихъ историческая идея изжита ими вполнѣ. Но такіе народы умираютъ только *эмпирически*: идеально же ихъ существованіе безсмертно. Доказательство этому—древній міръ. Доселѣ вновь прорытая улица Помпеи, вновь отрытый домъ въ ней, съ его утварью и мельчайшими признаками быта жителей, для насъ, гражданъ новаго міра, составляютъ важное событіе, возбуждая вниманіе всѣхъ образованныхъ людей во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. А какое было бы торжество для образованнаго міра, если бы нашлись утраченныя части твореній Геродота, Эсхила, Софокла, Эврипида, Плутарха, Тита Ливія, Тацита и другихъ?.. Многіе негодуютъ на то, что наши дѣти прежде именъ отечественныхъ героевъ узнаютъ имена Солоновъ, Ликурговъ, Ѳемистокловъ, Аристидовъ, Пирикловъ, Алкивіадовъ, Александровъ и Цезарей: негодованіе несправедливое и неосновательное! — въ деспотизмѣ такого *умственнаго, идеальнаго* владычества древняго міра нѣтъ ничего оскорбительнаго и возмущающаго: это власть законная, почесть заслуженная! Идея древне-эллинской жизни была такъ глубока и многостороння, что нѣтъ никакой возможности даже намекнуть на нее въ нѣсколькихъ словахъ,—особенно, если говоришь о ней мимоходомъ, какъ говоримъ мы теперь. Другое дѣло — идея исторической жизни Римлянъ: она сколько глубока, столько же и одностороння, и потому самому даетъ возможность сколько-нибудь удовле-

творительнаго на нее намека. Пульсъ исторической жизни Рима, ея сокровенный тайникъ, ея животворная *идея*, ея альфа и омега, ея первое и послѣднее слово,—это *право* (jus). Что было одною изъ многихъ сторонъ исторической жизни Греціи,—то было единою, исключительною и полною жизнію Рима,—и зато Римъ вполнѣ развилъ, разработалъ и изжилъ этотъ основной элементъ своей жизни. Скажутъ: Римляне велики еще и какъ народъ воинственный, какъ всемірные завоеватели. Такъ! но и кромѣ Римлянъ много было народовъ завоевателей, а одни только Римляне, умѣя завоевывать, умѣли и упрочивать свои завоеванія. Чѣмъ же упрочивали они ихъ?—своимъ *правомъ*, своею *гражданственностію*. Побѣжденные народы принимали ихъ законы, обычаи и нравы, даже самый языкъ ихъ, по тому непреложному и вѣчному закону историческаго развитія, по которому тьма уступаетъ мѣсто свѣту, невѣжество — разуму. *Право* было источникомъ всѣхъ событій, всѣхъ волненій и переворотовъ въ исторической жизни Римлянъ, и вся исторія ихъ — развитіе идеи права въ хронологической послѣдовательности фактовъ; оно, это право, было вѣчнымъ движителемъ и рычагомъ государственной и общественной жизни Римлянъ; изъ него и для него длилась эта упорная борьба патриціевъ и плебеевъ, за него волновался народъ и умирали Гракхи; пріобщенія къ нему добивались побѣжденные города и народы. Процессъ гражданской борьбы и внѣшней войны почти всегда имѣлъ въ Римѣ своимъ результатомъ—успѣхъ *права*. Скажутъ: несмотря на то, что въ основѣ исторической жизни Римлянъ лежала идея, ихъ искусство было подражательное, не оригинальное? Такъ, но причина этого заключалась, можетъ быть, въ односторонности и исключительности ихъ идеи, равно какъ и въ томъ, что Римляне были по преимуществу народъ практическій, чуждый всякой созерцательности. Поэзія явилась у нихъ, какъ наслѣдіе умершей Греціи, на закатѣ ихъ собственной жизни, когда уже дряхлое общество не могло быть питательною почвою для цвѣтовъ поэзіи. Оттого латинская поэзія и носитъ на себѣ отпечатокъ не только подражательности, но и старческой дряхлости: отпущенникъ Мецената, Горацій добровольно остался рабомъ и холопомъ своего милостивца, и создалъ *меценатскую* поэзію, воспѣвая миръ и тишину Рима, купленные цѣною упадка доблести и добродѣтели. Впрочемъ, и кромѣ Виргилія, этого поддѣльнаго Гомера римскаго, Римляне имѣли своего истиннаго и оригинальнаго Гомера въ лицѣ Тита Ливія, котораго исторія есть національная поэма, и по содержанію, и по духу, и по самой реторической формѣ своей. Но высшею поэзіею Римлянъ была и навсегда осталась поэзія ихъ дѣлъ, поэзія ихъ права: первая и теперь возвышаетъ и укрѣпляетъ всякую благородную душу въ святомъ чувствѣ патріотическаго героизма, а юстиніановъ кодексъ — зрѣлый плодъ исторической жизни Римлянъ—освободилъ Европу отъ оковъ феодальнаго права. Сначала принятый ею какъ фактъ, онъ потомъ вошелъ въ ея жизнь и, въ свою очередь, принялъ въ себя христіанскіе элементы, и теперь продолжаетъ развитіе своего безсмертнаго существованія! Въ немъ-то и чрезъ него-то доселѣ живетъ древній Римъ въ новомъ мірѣ.

Изъ народовъ новаго человѣчества испанцы первые выступили на поприще всемірно-исторической жизни. Нація экзальтированная и фантастическая, Испанія должна была на время слиться съ чуждымъ ей по происхожденію, но родственнымъ ей (по пылкости чувства и воображенія) племенемъ Аравитянъ, и сдѣлалась представительницею рыцарственности среднихъ вѣковъ, съ ея восторженными понятіями о чести, о достоинствѣ привилегированной крови, о любви, о храбрости, о великодушіи, съ ея фанатическою и суевѣрною религіозностію. Отсюда это множество рыцарскихъ романовъ и еще большее множество романсовъ на испанскомъ языкѣ; отсюда же объясняется и появленіе сервантесова „Донъ-Кихота“: ибо всякая крайность тамъ же, гдѣ возникла, и вызываетъ противъ себя реакцію.

Италія была второю страною новой Европы, гдѣ загорѣлся свѣтъ просвѣщенія. Италію можно назвать, не боясь слишкомъ ошибиться, христіанскою реставраціею изящнаго міра древняго. И потому, какъ Испанія представляла собою чудесное зрѣлище фантастическаго сліянія аравійскаго духа съ европейскимъ христіанствомъ, такъ Италія представляла не менѣе чудное зрѣлище фантастическаго сліянія древняго съ европейскимъ христіанствомъ, котораго *вѣчный городъ* ея былъ главою и представителемъ. Возникшая на классической почвѣ, среди развалинъ и памятниковъ древняго искусства, тевтонская Италія возродилась въ чувствѣ красоты и изящества. Отъ этого идея искусства сдѣлалась источникомъ жизни Итальянца, и каждый Итальянецъ сталъ или художникомъ, или диллетантомъ. Итальянское искусство осталось вѣрно своему классическому небу, своей классической природѣ, и въ новыхъ формахъ отразило древнюю жизнь съ ея изящною нѣгою, съ ея обаятельными формами. Самое богословіе католицизма какъ-то чудно слилось съ преданіями классической древности: Виргилій чуть-чуть не считался святымъ, и въ „Божественной Комедіи“ онъ

провожаетъ великаго творца ея по мрачнымъ областямъ ада и чистилища. Чувственный и соблазнительный пѣвецъ рыцарскихъ и любовныхъ похожденій, Аріостъ больше Тасса былъ итальянскимъ Гомеромъ. У самого Тасса героемъ поэмы скорѣе можно назвать Армиду, чѣмъ Годфреда: обольстительный образъ первой есть болѣе искренное и задушевное, а слѣдовательно, и живое созданіе поэта, чѣмъ суровый образъ второго. Критики новѣйшаго времени изъявили большія сомнѣнія на счетъ „идеальности“ мадоннъ, созданныхъ кистію великихъ живописцевъ Италіи; сверхъ того, они видятъ въ этихъ мадоннахъ болѣе дань понятіямъ времени, чѣмъ свободное творчество, которому были посвящены другія творенія, болѣе искреннія и задушевныя, и потому болѣе близкія къ типу обаятельной и совершенно земной красоты.

Въ наше время три націи являются по преимуществу представителями человѣчества — Германія, Франція и Англія. Въ *идеализмѣ* заключается источникъ національной жизни Германіи. Міръ идей составляетъ сферу, которою, такъ сказать, дышетъ Нѣмецъ. Цѣль жизни Нѣмца — знаніе, и знаніе его заключено въ идеѣ; постичь идею предмета для него — значитъ овладѣть предметомъ. И потому, только въ знаніи и соприкасается Нѣмецъ съ міромъ и жизнію. Отсюда его нравственный аскетизмъ: понявъ идею предмета, онъ равнодушенъ къ тому, что этотъ предметъ не сообразенъ съ своимъ идеаломъ. Отсюда и аскетическій характеръ поэзіи Нѣмцевъ: мірообъемлющая по идеямъ, воплощеннымъ въ ней, она призываетъ къ миру съ дѣйствительностію, какова бы ни была эта дѣйствительность; она настраиваетъ человѣка къ одинокой созерцательной жизни внутри самого себя, дѣлаетъ его властелиномъ въ сферѣ мысли и машиною въ сферѣ дѣйствительности. И оттого-то нѣмецкая поэзія такъ любитъ избирать своимъ исключительнымъ предметомъ или внутренніе процессы въ духѣ человѣка, или мистику сердца человѣческаго. А отсюда объясняются великіе успѣхи Нѣмцевъ въ лирической поэзіи и музыкѣ, и ихъ неуспѣхи въ другихъ родахъ поэзіи. Но уже аскетическая поэзія Нѣмцевъ исчерпала все свое содержаніе и совершила полный кругъ свой: теперь жаждетъ она иныхъ элементовъ, иныхъ мотивовъ. Какъ бы то ни было, но внутренній міръ души человѣка — великій міръ, и Нѣмцы оказали человѣчеству великую услугу ученою и поэтическою разработкою этого міра. Конечно, великое достоинство аскетической поэзіи Нѣмцевъ составляетъ и великій недостатокъ ея, какъ всего односторонняго и исключительнаго; но все же сфера этой поэзіи — сфера всемірно-историческая, и въ ней не могли не явиться великіе, міровые поэты.

Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ жизненная идея и паѳосъ французской націи: это вѣчно тревожное стремленіе къ идеалу и уравненію съ нимъ дѣйствительности. Искусство во Франціи всегда было выраженіемъ основной стихіи ея національной жизни: въ вѣкѣ отрицанія, въ XVIII вѣкѣ, оно было исполнено ироніи и сарказма; теперь оно одно исполнено страданіями настоящаго и надеждами на будущее. Всегда было оно глубоко національнымъ, даже во времена псевдо-классицизма, натянутаго подражанія древнимъ, — и Корнель, Расинъ, Мольеръ столько же національные поэты Франціи, сколько Вольтеръ, Руссо, а теперь Беранже и Жоржъ Зандъ [1]).

Англія составляетъ прямую противоположность и Германіи и Франціи. Сколько Германія идеальна, столько Англія практически положительна; какъ велики успѣхи Нѣмцевъ въ философіи, такъ ничтожны попытки Англичанъ въ абсолютной наукѣ; у Англичанъ источникомъ всѣхъ ихъ историческихъ событій бываетъ *польза* общества. *Человѣкъ* въ этомъ обществѣ ничего не значитъ самъ по себѣ, но получаетъ большее или меньшее значеніе отъ того, что̀ онъ имѣетъ, или чѣмъ онъ владѣетъ. Покореніе силъ природы на службу обществу, побѣда надъ матеріею, пространствомъ и временемъ, развитіе промышленности, какъ основной общественной стихіи, какъ краеугольнаго камня зданія общества,—вотъ въ чемъ сила и величіе Англіи и ея заслуги передъ человѣчествомъ. Во многомъ похожая на древній Римъ, *практическая* Англія довершаетъ свое сходство съ нимъ и огромными завоеваніями, причина которыхъ — корыстные разсчеты, а результатъ — распространеніе цивилизаціи по всему міру. Но въ отношеніи къ искусству Англія ничего общаго съ древнимъ Римомъ не имѣетъ: тевтонское племя, двумя слоями, саксонскимъ и нормандскимъ, легшее на почвѣ ея историческаго формированія, и христіанство, какъ глубоко вошедшій въ жизнь ея элементъ, заронили въ національный духъ Англичанъ плодовитыя сѣмена поэзіи. Но и въ поэзіи Англія рѣзко отличается отъ Германіи и отъ Франціи. Какъ въ странѣ по превосходству общественной и практической, въ Англіи особенно развились драма и романъ, недоступные для Нѣмцевъ; отъ французской

[1]) Одно изъ наиболѣе опредѣленныхъ мѣстъ, въ смыслѣ отказа Бѣлинскаго отъ былого огульнаго осужденія французскаго псевдо-классицизма.

же поэзіи англійская отличается и своей художественностію и своимъ равнодушіемъ къ вѣрно изображаемой ею дѣйствительности, безъ скорби о неразумности и безъ радости о разумности этой дѣйствительности, безъ порыванія подвигнуть ее возвыситься до идеала. Но какъ Англія есть страна всевозможныхъ противорѣчій нравственныхъ, то и невозможно подвести явленій ея поэзіи подъ какую-либо опредѣленную точку зрѣнія: такъ, напримѣръ, объ руку съ ея равнодушіемъ къ добру и злу дѣйствительности идетъ самый глубокій юморъ, а въ Байронѣ Англія имѣла поэта, который, по пафосу своей поэзіи, всего родственнѣе Франціи и всего враждебнѣе своему отечеству. Правда, Вольтеръ и Руссо имѣли сильное вліяніе на Байрона; но правда и то, что юморъ, мрачная глубина и колоссальная сила духа Байрона явно обличаютъ въ немъ сына Британіи. Вообще, Байронъ такъ же есть намекъ на будущее Англіи, какъ Шиллеръ—намекъ на будущее Германіи: оба эти поэта были рѣзкими противорѣчіями національному духу своихъ странъ, и, въ то же время, каждый изъ нихъ могъ явиться только въ своей странѣ. Но съ Шиллеромъ скоро помирилась его Германія, которую сначала такъ дико озадачило его явленіе; Байронъ же и умеръ въ непримиримой враждѣ съ своей родиною, и великая нація, въ свою очередь, двинулась во срѣтеніе только гробу его...

Если въ этомъ очеркѣ національностей, игравшихъ или играющихъ первыя роли на позорищѣ всемірной исторіи, и въ очеркѣ отношенія исторической идеи жизни народовъ къ ихъ поэзіи, мы не выразили опредѣлительно нашей мысли (чего невозможно было сдѣлать, говоря мимоходомъ о такомъ предметѣ, котораго стало бы на огромное, отдѣльное сочиненіе), то по крайней мѣрѣ сдѣлали на него опредѣлительный, сколько могли, намекъ. Прибавимъ къ сказанному, что основная идея національно-исторической жизни народа существуетъ всегда, какъ сумма понятій и правилъ общества; она даетъ себя чувствовать даже въ самыхъ, повидимому, мелочныхъ обычаяхъ и нравахъ общества. Такъ, напримѣръ, страсть Французовъ къ баламъ, театрамъ и всякаго рода публичнымъ и общественнымъ увеселеніямъ, ихъ природная вѣжливость и любезность, охота и умѣніе вести легкій и бѣглый свѣтскій разговоръ, ихъ искусство популяризировать всякое знаніе, дѣлать доступнымъ черезъ ясное изложеніе всякій предметъ, самое непостоянство ихъ модъ въ одеждѣ и житейскихъ удобствахъ,—все вытекаетъ изъ основной идеи ихъ національно-исторической жизни. Англичане суровы, важны и недоступны въ обществѣ; они легче сходятся другъ съ другомъ въ парламентѣ, въ трибуналѣ, на биржѣ, чѣмъ въ салонѣ, и въ послѣднемъ они этикетны; ихъ пиры и обѣды выражаютъ не свѣтскую, а политически-гражданскую общительность; они преданы семейной жизни, гдѣ глава семейства является маленькимъ деспотомъ, и гдѣ основные принципы отзываются маленькимъ варварствомъ феодальныхъ временъ; въ свѣтской же жизни англичане этикетны и скучны съ достоинствомъ. Въ общественныхъ нравахъ ихъ царствуютъ чопорность, pruderie и самая ограниченная, самая мелкая, стѣснительная моральность. Что-то жесткое и грубое есть въ ихъ нравахъ, какъ необходимый результатъ вѣчнаго торгашества и вѣчной борьбы промышленнаго духа съ внѣшними препятствіями. Энергія національнаго духа Англичанъ, которой они обязаны своимъ государственнымъ величіемъ, своею всемірной торговлею и своими всемірными завоеваніями и поселеніями, трагически выражалась въ политическихъ и религіозныхъ переворотахъ. Отсюда эта мрачность и суровое величіе ихъ поэзіи; отсюда же происходятъ и ихъ великіе успѣхи въ драматической поэзіи; сама исторія Англіи есть рядъ трагедій, — и Шекспиру легко могла войти въ голову мысль писать трагическія хроники Англіи: матеріалы были у него подъ рукою,—стоило только оживить ихъ духомъ поэзіи. Нѣмецъ не рожденъ ни для свѣтской, ни для политически-гражданской общительности: что̀ для Француза салонъ, маскарадъ, театръ, гулянье, бульваръ, что̀ для Англичанина парламентъ и биржа,—то̀ для Нѣмца университетъ, ученый съѣздъ, ученый комитетъ. Отсюда это удивительное множество университетовъ, существующихъ цѣлые вѣка; отсюда эта особенность университетскихъ нравовъ и обычаевъ, эта противоположность *буршества* съ *филистерствомъ*. До тридцати лѣтъ Нѣмецъ бываетъ буршемъ, и какъ скоро часовая стрѣлка станетъ на послѣдней минутѣ его тридцати лѣтъ, онъ тотчасъ же дѣлается филистеромъ. Многіе изъ Нѣмцевъ даже родятся филистерами, и ни одной минуты въ своей жизни не бываютъ буршами, такъ какъ буршами они никогда не родятся, и только прикидываются ими на время—ужъ никакъ не долѣе тридцати лѣтъ. Нѣмецъ уживется гдѣ угодно; ему вездѣ хорошо, вездѣ отечество, и при всемъ этомъ онъ вездѣ вѣренъ себѣ, вездѣ тотъ же угловатый и странный Нѣмецъ. Это явленіе въ самой живой связи съ основною идеею національно-исторической жизни Нѣмцевъ: они въ знаніи признаютъ то, чего еще нѣтъ, но что̀ должно быть по разуму, и

отвергаютъ то, что̀ есть въ дѣйствительности, но чего бы не должно быть по разуму, а живутъ въ ладу и въ мирѣ со всякою дѣйствительностію: для Нѣмца *знать* и *жить* двѣ совершенно различныя вещи. Нѣмецъ болѣе семьянинъ, чѣмъ кто-нибудь, и ничего не можетъ быть возвышеннѣе и сладостнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пошлѣе его семейнаго счастья: таково свойство всякой односторонности и исключительности!.. Сахаръ хорошая вещь, но попробуйте сдѣлать обѣдъ изъ одного сахара или на одномъ сахарѣ—будетъ и приторно и нездорово. Ни на одномъ языкѣ нѣтъ столь высокихъ пѣсенъ любви, какъ на нѣмецкомъ, и на немъ же больше, чѣмъ на другихъ, написано приторныхъ до пошлости сердечныхъ изліяній. И это относится не къ однимъ мелкимъ талантамъ, не къ одной бездарности: что̀ можетъ быть приторнѣе и пошлѣе „Стеллы“, „Брата и Сестры“, „Германа и Доротеи?“—а Гёте былъ великій геній! [1]).

Такимъ образомъ, основная идея національно-историческаго значенія народа, какъ воздухъ — основной элементъ всякаго существованія, — проникаетъ насквозь и внутреннюю и внѣшнюю жизнь народа, давая себя чувствовать, и какъ сумма нравственныхъ убѣжденій и принциповъ общества и какъ образъ и форма жизни, — то-есть, какъ нравы и обычаи народа. Великій поэтическій талантъ, являющійся среди такого народа, такъ сказать, съ молокомъ своей матери всасываетъ въ себя готовое уже содержаніе для своей будущей поэзіи, для своихъ будущихъ твореній,—и свободно, безъ всякихъ усилій и натяжекъ выражаетъ въ нихъ и достоинство и недостатки основной идеи національно-исторической жизни своего народа.

Смотря на Державина какъ на русскаго Пиндара, Горація и Анакреона вмѣстѣ, должно прежде рѣшить вопросъ: были ли въ его время историческіе и общественные элементы, которые могли бы дать готовые матеріалы для его таланта, готовое содержаніе для его поэзіи? Вотъ въ чемъ вопросъ, а совсѣмъ не въ томъ, что Державинъ былъ потомокъ Багрима, сѣверный бардъ, и что въ его поэзіи щедрою рукою разсыпаны алмазы, сапфиры, изумруды и яхонты... [2]).

Какую идею предназначено выражать Россіи, — опредѣлить это тѣмъ труднѣе и даже невозможнѣе, что европейская исторія Россіи началась только съ Петра Великаго, и что, поэтому, Россія есть страна будущаго. Россія, въ лицѣ образованныхъ людей своего общества, носитъ въ душѣ своей непобѣдимое предчувствіе великости своего назначенія, великости своего будущаго. И не увлекаясь ни дѣтскими фантазіями, ни ложнымъ патріотизмомъ, можно сказать смѣло, что есть факты, превращающіе это предчувствіе въ убѣжденіе. Всѣ великіе народы имѣли своихъ великихъ представителей или въ историческихъ, или въ миѳическихъ лицахъ. Много имѣла первыхъ древняя Греція, но ни одинъ изъ нихъ не выразилъ собою такъ полно національнаго духа, какъ миѳическое лицо божественнаго Ахилла, воспѣтаго царемъ греческихъ поэтовъ — Гомеромъ. Мы, Русскіе, имѣли своего Ахилла, который есть неопровержимо историческое лицо, ибо отъ дня его смерти протекло только 118 лѣтъ, но который есть миѳическое лицо со стороны необъятной великости духа, колоссальности дѣлъ и невѣроятности чудесъ, имъ произведенныхъ. Петръ былъ полнымъ выраженіемъ русскаго духа, и еслибы между его натурою и натурою русскаго народа не было кровнаго родства, — его преобразованія, какъ индивидуальное дѣло сильнаго средствами и волею человѣка, не имѣли бы успѣха. Но Русь неуклонно идетъ по пути, указанному ей творцомъ ея. Петръ выразилъ собою великую идею самоотрицанія случайнаго и произвольнаго въ пользу необходимаго, грубыхъ формъ ложно развившейся народности въ пользу разумнаго содержанія національной жизни. Этою высокою способностію самоотрицанія обладаютъ только великіе люди и великіе народы, и ею-то русское племя возвысилось надъ всѣми славянскими племенами; въ нейто и заключается источникъ его настоящаго могущества и будущаго величія. До Петра русская исторія вся заключалась въ одномъ стремленіи къ сочлененію разъединенныхъ частей страны и сосредоточенію ея вокругъ Москвы. Въ этомъ случаѣ помогло и татарское иго, и грозное царствованіе Іоанна. Цементомъ, соединившимъ разрозненныя части Руси, было преобладаніе московскаго великокняжескаго престола надъ удѣлами, а потомъ уничтоженіе ихъ, и единство патріархальнаго обычая, замѣнявшаго право. Но эпоха самозванцевъ показала, какъ еще не довольно твердъ и достаточенъ былъ этотъ цементъ. Въ царствованіе Алексія Михайловича обнаружилась живая необходимость реформы и сближенія Руси съ Европою. Было сдѣлано много попытокъ въ этомъ родѣ; но для такого великаго дѣла нуженъ былъ и великій творческій геній, который и не замедлилъ явиться въ лицѣ Петра. Со смертію его надолго закатилось солнце

---

[1]) Ср. съ еще болѣе рѣзкимъ отзывомъ въ письмѣ Бѣлинскаго къ А. А. Бакуниной отъ 8 марта 1843 года.

[2]) Намекъ на статью Полевого о Державинѣ.

русской жизни, и до царствованія Екатерины II едва поддерживались установленныя Петромъ формы, безъ дальнѣйшаго развитія, движенія впередъ. Великая продолжала дѣло Великаго, и Русь быстро двинулась по пути преуспѣянія. Екатерина II заботилась не о поддержаніи уже устарѣвшихъ формъ эпохи Петра, а о ихъ развитіи. Это была великая эпоха въ исторіи Руси, хотя въ то же время эта эпоха почти столько же домашнее дѣло въ отношеніи къ Руси, сколько и эпоха Петра: обѣ онѣ были залогомъ будущаго всемірно-историческаго содержанія. Но для поэзіи просто, безъ дальнѣйшихъ европейскихъ претензій, эпоха Екатерины II была благопріятна: въ продолженіе ея могъ явиться по крайней мѣрѣ зародышъ поэзіи,—и онъ явился.

Скажутъ: Россія, еще до Екатерины Великой, держала твердый голосъ на сеймѣ европейскомъ, и ея политическое значеніе тяжело лежало на вѣсахъ европейской политики. Это совершенная правда, которой мы и не думаемъ оспаривать; но мы говоримъ не о политическомъ всемірно-историческомъ значеніи, а о нравственномъ всемірно-историческомъ значеніи, которое проявляется въ наукѣ, въ искусствѣ, въ современно-исторической идеѣ самого политическаго стремленія. Намъ опять скажутъ, что въ царствованіе Екатерины II Россія была уже образованною страною, и что духъ XVIII вѣка въ ней такъ же отражался, какъ и въ Пруссіи, при Фридрихѣ II; что Россія не только читала въ подлинникѣ тогдашнихъ знаменитыхъ писателей Франціи, но что эти знаменитые писатели даже переводились на русскій языкъ. Это справедливо, только съ этимъ нельзя согласиться безусловно. Въ царствованіе Екатерины II просвѣщеніе и образованность были дѣйствительно европейскія и болѣе или менѣе въ духѣ XVIII вѣка; но они сосредоточивались при дворѣ, не выходя за его предѣлы. Тогда только одинъ классъ общества былъ причастенъ европейскому просвѣщенію и образованности: это—высшее дворянство, имѣвшее доступъ ко двору, или, лучше сказать, вельможество, неимѣвшее въ этомъ отношеніи ничего общаго съ другими классами общества. Но одинъ и притомъ самый меньшій по числу классъ общества еще не составляетъ цѣлаго общества, особенно если онъ своимъ высокимъ положеніемъ разъединенъ съ другими классами. Въ царствованіе Александра Благословеннаго и среднее дворянство, значительное по числу, явилось просвѣщеннѣйшимъ и образованнѣйшимъ сословіемъ сравнительно съ другими. Поэтому очень понятно, что въ то время всѣ замѣчательнѣйшіе писатели наши принадлежали исключительно этому сословію. Въ настоящее благополучное царствованіе просвѣщеніе и образованность замѣтно распространились не только между среднимъ сословіемъ (разумѣя подъ этимъ словомъ такъ называемыхъ „разночинцевъ"), но и между низшими классами: по крайней мѣрѣ теперь не рѣдкость образованные и даже просвѣщенные люди изъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, изъ которыхъ нѣкоторые даже пользуются болѣе или менѣе почетною извѣстностію въ литературѣ. И потому никакъ нельзя сказать, чтобъ теперь не было въ Россіи общества и даже общественнаго мнѣнія. Но въ царствованіе Екатерины ничего этого и быть не могло, по закону исторической послѣдовательности. Тогда дѣйствительно переводили по-русски философскія сказки Вольтера и „Новую Элоизу" Руссо, но ихъ читали, какъ читали „Нещастнаго Никанора, Русскаго Дворянина", „Приключенія Мирамонда" Эмина, „Письмовникъ" Курганова и тому подобныя книги, добродушно не подозрѣвая никакой разницы между тѣми европейскими твореніями и этими самодѣльными произведеніями домашней стряпни. И XVIII вѣкъ отразился только на одномъ вельможествѣ, какъ мы выше замѣтили. Но какъ Державинъ, за свой талантъ, вошелъ въ знать, то и на немъ не могъ не отразиться болѣе или менѣе XVIII вѣкъ. Можно сказать, что въ твореніяхъ Державина ярко отпечатлѣлся *русскій XVIII вѣкъ* Но прежде, нежели разсмотримъ мы, какъ и до какой степени отпечатлѣлся этотъ вѣкъ на Руси екатерининской эпохи, и какъ тотъ же вѣкъ отразился на поэзіи Державина, скажемъ, что всѣ сочиненія Державина, вмѣстѣ взятыя, далеко не выражаютъ въ такой полнотѣ и такъ рельефно русскаго XVIII вѣка, какъ выраженъ онъ въ превосходномъ стихотвореніи Пушкина „Къ Вельможѣ". При сужденіи о русскомъ XVIII вѣкѣ и поэтическомъ выразителѣ его, Державинѣ, нельзя не взять въ соображеніе этого стихотворенія Пушкина:

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля струясь дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,—
Къ тебѣ, *привѣтливый потомокъ Аристипа*,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ,
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.
Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ,
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферпей, и цинникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на сѣверѣ любя,

Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтреныхъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединился ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею иль деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ аѳинскому софисту.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободный
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ А*** и прелесть **** [1]).
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.

Этотъ портретъ вельможи стараго времени—дивная реставрація руины въ первобытный видъ зданія. Это могъ сдѣлать только Пушкинъ. Кромѣ его художнической способности переноситься всюду и во все по волѣ фантазіи своей, ему помогла и отдаленность его отъ того времени, представлявшагося ему въ перспективѣ. Прошедшее всегда и виднѣе и понятнѣе настоящаго. Отъ Державина, какъ современника, нельзя и требовать такой мастерской картины русскаго XVIII вѣка, который много разнился отъ европейскаго XVIII вѣка. Эта разность вѣрно схвачена Пушкинымъ въ послѣднихъ стихахъ перваго отрывка—

. . . И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею иль деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ аѳинскому софисту.

Но Державинъ не могъ стать наравнѣ и съ этимъ Скиѳомъ: онъ относится къ этому Скиѳу, какъ тотъ Скиѳъ къ аѳинскому софисту. Лишенный всякаго образованія, не зная французскаго языка, Державинъ не былъ слишкомъ причастенъ ни нравственной порчѣ, ни истинному прогрессу того времени, и въ сущности нисколько не понималъ его. Хваля добро того времени, онъ не прозрѣвалъ связи его со зломъ и, нападая на зло, не провидѣлъ связи его съ добромъ.

Съ двухъ сторонъ отразился русскій XVIII вѣкъ въ поэзіи Державина: это со стороны наслажденія и пировъ, и со стороны трагическаго ужаса при мысли о смерти, которая махнетъ косою—и

Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики...

Державинъ любилъ воспѣвать „умѣренность“; но его умѣренность очень похожа на горацiанскую, къ которой всегда примѣшивалось фалернское... Бросимъ взглядъ на его прекрасную оду „Приглашеніе къ Обѣду“.

Шекснинска стерлядь золотая,
Кайманъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть,
Тебя стола вкругъ ожидая;
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодѣтель давній,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Приди—и домъ хоть ненарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство—
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ!

Какъ все дышетъ въ этомъ стихотвореніи духомъ того времени — и пиръ для милостивца, и умѣренный столъ, безъ вредныхъ здравію приправъ, но съ золотою шекснинскою стерлядью, съ винами, которыя „то льдомъ, то искрами манятъ“, съ благовоніями, которыя льются съ курильницъ, съ плодами, которые смѣются въ корзинкахъ, и особенно—съ слугами, которые не смѣютъ и дохнуть!.. Конечно, понятіе объ „умѣренности“ есть относительное понятіе, — и въ этомъ смыслѣ самъ Лукуллъ былъ умѣренный человѣкъ. Нѣтъ, люди нашего времени, искреннѣе: они любятъ и поѣсть и попить и за столомъ любятъ поболтать не объ умѣренности, а о роскоши. Впрочемъ, эта „умѣренность“ и для Державина существовала больше, какъ „піитическое украшеніе для оды“. Но вотъ, словно мимолетное облако печали пробѣгаетъ въ веселой одѣ мысль о смерти:

И знаю я, что вѣкъ нашъ—тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ.

Это мысль искренняя; но поэтъ въ ней же и находитъ способъ къ утѣшенію:

Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?

Затѣмъ, опять грустное чувство:

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда груститъ и царь:

[1]) „И блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой“.

Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь,
Хотя онъ громкой славой знатенъ.
Но ахъ! и тронъ всегда-ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

Но не бойтесь: грустное чувство не овладѣетъ ходомъ оды, не окончитъ ея элегическимъ аккордомъ,—что̀ такъ любитъ наше время: поэтъ опять находитъ поводъ къ радости въ томъ, что̀ на минуту повергло его въ унылое раздумье:

И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,
По платью ноги протягать.

Заключеніе оды совершенно неожиданно, и въ немъ видна характеристическая черта того времени, непремѣнно требовавшаго, чтобы сочиненіе оканчивалось моралью. Поэтъ нашего времени кончилъ бы эту пьесу стихомъ: „по платью ноги протягать“; но Державинъ прибавляетъ:

А если ты, иль кто другіе
Изъ званыхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не сядитесь откушать,
Извольте вы мой толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и въ спокойствѣ духа.
Умѣренность есть лучшій пиръ.

Ту же мысль находимъ мы во многихъ стихотвореніяхъ Державина; но съ особенною рѣзкостью высказалась она въ одѣ „Къ Первому Сосѣду“, одномъ изъ лучшихъ произведеній Державина.

Кого роскошными пирами,
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого столь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ,
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой—
И аліатико съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ
И мозель съ зельтерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь нѣги, лѣни и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной
И съ нѣжной нимфой ты сидишь:
Она поетъ,—ты страстью таешь,
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Сколько въ этихъ стихахъ одушевленія и восторга, свидѣтельствующихъ о личномъ взглядѣ поэта на пиршественную жизнь такого рода! Въ этомъ виденъ духъ русскаго XVIII вѣка, когда великолѣпіе, роскошь, прохлады, пиры, казалось, составляли цѣль и разгадку жизни. Со всѣми своими благоразумными толками объ „умѣренности“ Державинъ невольно, можетъ быть, часто безсознательно, вдохновляется восторгомъ при изображеніи картинъ такой жизни,—и въ этихъ картинахъ гораздо больше искренности и задушевности, чѣмъ въ его философскихъ и нравственныхъ одахъ. Видно, что въ первыхъ говоритъ душа и сердце, а во вторыхъ—резонёрствующій холодный разсудокъ. И это очень естественно: поэтъ только тогда и искренень, а слѣдовательно только тогда и вдохновенень, когда выражаетъ непосредственно присущія душѣ его убѣжденія, корень которыхъ растетъ въ почвѣ исторической общественности его времени. Но, какъ мы замѣтили прежде,—пиршественная жизнь была только одною стороною того времени: на другой его сторонѣ вы всегда увидите грустное чувство отъ мысли, что нельзя же вѣкъ пировать, что переворотъ колеса фортуны, или безпощадная смерть положатъ же, рано или поздно, конецъ этой прекрасной жизни. И потому, остальная половина этой прекрасной оды растворена грустнымъ чувствомъ, которое, однакоже, не только не вредитъ внутреннему единству оды, но въ себѣ-то именно и заключаетъ его причину, ибо оно, это грустное чувство, является необходимымъ слѣдствіемъ того весело восторженнаго праздничнаго чувства, которое высказалось въ первой половинѣ оды.

Ты спишь—и сонъ тебѣ мечтаетъ.
Что въ вѣкъ благополученъ ты;
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
Что парка дней твоихъ не коситъ;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра,
И дождь златой къ тебѣ лѣется.
Блаженъ, кто по утру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышатъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли,

Но вихремъ пораженны пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство—доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса—счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ граціи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ,
Твоя ужъ Пенелопа къ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать.

Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Въ твой парусъ:—береги себя!

Въ заключительныхъ стихахъ оды Державинъ особенно вѣренъ духу своего времени:

Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,—
Пей, пшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

Чувство наслажденія жизнію принимало иногда у Державина характеръ необыкновенно пріятный и граціозный, какъ въ этомъ прелестномъ стихотвореніи—„Гостю“, дышущемъ, кромѣ того, боярскимъ бытомъ того времени:

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ усни:
Вздремни послѣ стола немножко;
Пріятно часикъ похрапѣть;
Златой кузнечикъ, сѣра мошка
Сюда не могутъ залетѣть.
Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ,—я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

Итакъ, вотъ созерцаніе, составляющее основной элементъ поэзіи Державина; вотъ гдѣ и вотъ въ чемъ отразился на русскомъ обществѣ XVIII вѣкъ и вотъ гдѣ является Державинъ выразителемъ русскаго XVIII вѣка. И ни въ одномъ изъ его стихотвореній этотъ мотивъ не высказался съ такою полнотою и яркостію идеи, такою торжественностію тона, такою полетистостью фантазіи и такимъ громозвучіемъ слова, какъ въ его превосходной одѣ „На смерть кн. Мещерскаго“, которая вмѣстѣ съ „Водопадомъ“ и „Фелицею“ составляетъ ореолъ поэтическаго генія Державина,—лучшее изо всего, написаннаго имъ. Несмотря на нѣкоторую напряженность, на нѣсколько реторическій тонъ, составлявшіе необходимое условіе и неизбѣжный недостатокъ поэзіи того времени,—сколько величія, силы, чувства, и сколько искренности и задушевности въ этой чудной одѣ! Да и какъ не быть искренности и задушевности, если эта ода—исповѣдь времени, вопль эпохи, символъ ея понятій и убѣжденій! Какъ колоссаленъ у нашего поэта страшный образъ этой безпощадной смерти, отъ роковыхъ когтей которой не убѣгаетъ никакая тварь! Сколько отчаянія въ этой характеристикѣ вооруженнаго косою скелета: и монархъ и узникъ—снѣдь червей; злость стихій пожираетъ самыя гробницы; даже славу зіяетъ стереть время; словно быстрыя воды льются въ море—льются дни и годы въ вѣчность; царства глотаетъ алчная смерть; мы стоимъ на краю бездны, въ которую должны стремглавъ низринуться; съ жизнію получаемъ и смерть свою—родимся для того, чтобъ умереть; все разитъ смерть безъ жалости:

И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ!

Отъ этого страшнаго міросозерцанія потрясенный отчаяніемъ духъ поэта обращается уже собственно къ человѣку, о жалкой участи котораго онъ прежде слегка намекнулъ:

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ,—
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышнямъ.

Что же навело поэта на созерцаніе этой страшной картины жалкой участи всего сущаго и человѣка въ особенности?—Смерть знакомаго ему лица. Кто же было это лицо—Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко, Бецкій, или другой кто изъ историческихъ дѣйствователей того времени?—Нѣтъ: то былъ—

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ!

О, XVIII вѣкъ! о, русскій XVIII вѣкъ!..

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ-жъ онъ?—онъ тамъ. Гдѣ тамъ?—не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

Вникните въ смыслъ этой строфы—и вы согласитесь, что это вопль подавленной ужасомъ души, крикъ нестерпимаго отчаянія... А между тѣмъ, исходнымъ пунктомъ этого страшнаго созерцанія жалкой участи человѣка—не иное что, какъ смерть богача... Можно подумать, что бѣднякъ, умершій съ голоду, среди оборванной семьи, въ предсмертной агоніи просящей хлѣба, не возбудилъ бы въ поэтѣ такихъ горестныхъ чувствъ, такихъ безотрадныхъ воплей... Что

дѣлать! у всякаго времени своя болѣзнь и свой недостатокъ. Время наше лучше прошлаго, а не мы лучше отцовъ нашихъ, если мотивы нашихъ страданій выше и благороднѣе, если ропотъ отчаянія вырывается изъ стѣсненной, сдавленной груди нашей не при видѣ богача, умершаго отъ индижестіи, а при видѣ непризнаннаго таланта, страждущаго достоинства, сраженнаго благороднаго стремленія, несбывшихся порывовъ къ великому и прекрасному...

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали:
Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики—
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

Здѣсь опять непосредственнымъ источникомъ отчаянія — противоположность между *утѣхами*, *радостію*, любовію и *здравіемъ* и между зрѣлищемъ смерти, между столомъ съ яствами и столомъ съ гробомъ, между кликами пиршествъ и воемъ надгробныхъ ликовъ... Дѣти пировали за столомъ—грянулъ громъ и обратилъ въ прахъ часть собесѣдниковъ: остальные въ ужасѣ и отчаяніи... И какъ не быть имъ въ ужасѣ, когда ихъ пронзила ужасная мысль: къ чему же и пиры, если и ими нельзя спастись отъ смерти—а безъ пировъ къ чему же и жизнь?.. Да, наше время лучше времени отцовъ нашихъ... Если хотите, и мы жадно любимъ пиры, и многіе изъ насъ только и дѣлаютъ, что пируютъ; но счастливы ли они пирами своими? Увы, пиры никогда не прерывались и съ усердіемъ продолжаются и въ наше время, — это правда; но отчего же это уныніе, это чувство тяжести и утомленія отъ жизни, эти изнуренныя, блѣдныя лица, омраченныя тоскою и заботою, этотъ—

...Увядшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ?..

Нѣтъ, намъ жалки эти веселенькіе старички, упрекающіе насъ, что мы не умѣемъ веселиться, какъ веселились въ старые, давніе годы...

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ...

Говоря о невѣрности и скоротечности жизни человѣка, поэтъ обращается къ себѣ самому, — и его слова полны вдохновенной грусти:

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Итакъ, вотъ новое обольщеніе на вечерней зарѣ дней поэта; но, увы! его разочарованное чувство уже ничему не довѣряетъ,—и онъ восклицаетъ въ порывѣ грустнаго негодованія:

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастья прочь возможны!
Вы всѣ премѣнчивы и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою!

Казалось бы, что здѣсь и конецъ одѣ; но поэзія того времени страхъ какъ любила выводы и заключенія, словно послѣ порядковой хріи, гдѣ въ концѣ повторялось другими словами уже сказанное въ предложеніи и приступѣ. Итакъ, какой же выводъ сдѣлалъ поэтъ изъ всей своей оды?—посмотримъ:

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ конечно:
Почто-жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою.
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

Видите ли; поэтъ остался вѣренъ духу своего времени и самому себѣ: оно, конечно, тяжело, а все-таки не худо подумать о томъ, чтобъ жизнь-то устроить себѣ къ покою... Не таковы поэты нашего времени, не таковы и страданія ихъ; вотъ какъ живо писалъ картину отчаянія одинъ изъ нихъ [1]):

То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты,
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонмъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

Прочитавъ такіе стихи, право, потеряешь охоту устраивать жизнь себѣ къ покою...

Мысль о скоротечности и преходящности всего существующаго тяготила Державина. Она высказывается во многихъ его стихотвореніяхъ, и ее же силились выразить хладѣющіе персты умирающаго поэта, въ этихъ *послѣднихъ* стихахъ его:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется,
И общей не уйдетъ судьбы!

[1]) Байронъ, въ переводѣ Жуковскаго; ср. выше стр. 78.

Мысль эта также принадлежала XVIII вѣку, когда не понимали, что проходятъ и мѣняются личности, а духъ человѣческій живетъ вѣчно. Идея о прогрессѣ еще только возникала; когда немногіе только умы понимали, что въ потокѣ времени тонутъ формы, а не идея, преходятъ и мѣняются личности человѣческія... И въ этой мысли о скоротечности и преходящности всего земного, такъ томившей Державина, такъ неразлучно жившей съ его душою, мы видимъ отраженіе на русское общество XVIII вѣка. Но здѣсь и конецъ этому отраженію: Державинъ совершенно чуждъ всего прочаго, чѣмъ отличается этотъ чудный вѣкъ. Впрочемъ, XVIII вѣкъ выразился на Руси еще въ другомъ писателѣ, не разсмотрѣвъ котораго нельзя судить о степени и характерѣ вліянія XVIII вѣка на русское общество: мы говоримъ о Фонвизинѣ. Конечно, и на немъ вѣкъ отразился довольно поверхностно и ограниченно; но въ другомъ характерѣ и другою стороною, чѣмъ на Державинѣ.

Чѣмъ разнообразнѣе произведенія поэта, тѣмъ болѣе критика должна заботиться объ опредѣленіи ихъ достоинства относительно однихъ къ другимъ. Въ этомъ случаѣ критика должна принимать въ соображеніе, какія изъ произведеній поэта особенно нравились его современникамъ, какія особенно уважались ими; равнымъ образомъ, какими изъ своихъ произведеній особенно дорожилъ самъ поэтъ, или на какихъ онъ особенно основывалъ заслуги свои передъ искусствомъ. Но критика должна принимать къ свѣдѣнію подобныя обстоятельства и основывать на нихъ свое сужденіе тогда только, когда они не противорѣчатъ высшему критеріуму достоинства всякихъ поэтическихъ произведеній, то-есть искренности ихъ и задушевности. Случается иногда, что поэтъ, по духу своего времени, особенно дорожитъ самыми холодными и сухими своими произведеніями, въ которыхъ участвовалъ одинъ разсудокъ, и нисколько не участвовали чувство и фантазія. То же случается и въ отношеніи къ современникамъ поэта. Въ эту ошибку обыкновенно вводитъ ихъ содержаніе, или предметъ произведенія. Они не думаютъ о томъ, что предметъ стихотворенія можетъ быть важенъ, великъ, даже священъ, а само стихотвореніе тѣмъ не менѣе можетъ быть очень плохо. Такъ, напримѣръ, никто не станетъ спорить, чтобъ содержаніе „Александроиды“ г. Свѣчина не было неизмѣримо выше содержанія „Руслана и Людмилы“ или „Графа Нулина“ Пушкина; но никто также не станетъ спорить, что „Русланъ и Людмила“ и „Графъ Нулинъ“—прекрасныя поэтическія произведенія, а „Александроида“—образецъ бездарности и ничтожности. Въ первомъ томѣ „Русской Бесѣды“ напечатана была большая ода Державина „Слѣпой Случай“, мысль которой—несомнѣнность личнаго безсмертія,—и тогда же нѣкоторые изъ господъ сочинителей какого-то плохого періодическаго изданія раскричались объ этой новонайденной одѣ, словно о ново-открытой Коломбомъ Америкѣ. Они увидѣли въ этой одѣ величайшее созданіе величайшаго поэта, не замѣтивъ, какъ люди безъ эстетическаго чувства, что дѣльная и высокая мысль этой оды высказана до крайности плохими стихами и что, по своей поэтической отдѣлкѣ и самому расположенію мыслей, вся эта ода очень похожа на школьное реторическое упражненіе, холодное, сухое и общими мѣстами наполненное. Таковы почти всѣ державинскія переложенія псалмовъ: мало сказать, что они ниже своего предмета—можно сказать, что они рѣшительно недостойны своего высокаго предмета,—и кто знакомъ съ прозаическимъ переложеніемъ псалмовъ, какъ на древнецерковномъ, такъ и на русскомъ языкѣ, тотъ въ переложеніяхъ Державина не узнаетъ высокихъ боговдохновенныхъ гимновъ порфироноснаго пѣвца Божія. Исключеніе остается только за переложеніемъ 81-го псалма „Властителямъ и Судіямъ“, въ которомъ талантъ Державина умѣлъ приблизиться къ высотѣ подлинника:

Возсталъ всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ“, рекъ: „доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

„Вашъ долгъ есть: охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать.
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

„Вашъ долгъ: спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.

Не внемлютъ!—видятъ и не знаютъ!
Покрыты мглою очеса;
Злодѣйствы землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Переложенія псалмовъ и подражанія имъ въ собраніяхъ сочиненій Державина обыкновенно помѣщаются вмѣстѣ съ его одами духовнаго и нравственнаго содержанія, и вмѣстѣ съ ними образуютъ какъ бы особенный отдѣлъ державинской поэзіи. Весь этотъ отдѣлъ, обыкновенно высоко цѣнимый критиками добраго стараго времени, отличается одними и тѣми же качествами: длинностью, вялостію, водянистію и плохими стихами. Рѣдко, рѣдко вспыхиваютъ въ одахъ этого отдѣла искорки поэзіи. Одна изъ этихъ одъ очень и очень замѣчательна по поэтическимъ мѣстамъ и даже по высокости мыслей, но неопредѣленность идеи цѣлаго повредила и поэтическому достоинству цѣлаго. Мы говоримъ объ одѣ „Без-

смертіе Души". Явно, что поэтъ смѣшалъ въ ней два совершенно различныя понятія—безсмертіе идеи, не умирающей въ преходящихъ фактахъ, и личное безсмертіе человѣка или безсмертіе души. Оттого въ одной одѣ очутилось двѣ оды, несвязанныя внутреннимъ единствомъ, перебитыя и перемѣшанныя одна съ другою. И что же?—тѣ строфы этой оды, въ которыхъ проблескиваетъ первая идея, столько исполнены поэзіи и мысли, сколько строфы, выражающія вторую мысль, прозаичны и поверхностны.

Говоря о прекрасныхъ мѣстахъ оды „Безсмертіе Души", нельзя не указать на слѣдующія:

Сей духъ въ пророкахъ предвѣщаетъ,
Паритъ въ піитахъ въ высоту,
Въ витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;
Сей духъ и въ узахъ не страшится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.
. . . . . .
. . . . . .
Нашъ прахъ слезами оросится,
Гробъ скоро мохомъ заростетъ;
Но огнь отъ праха въ томъ родится,
Надгробну надпись кто прочтетъ:
Блеснетъ,—и вновь подъ небесами
Начнетъ свой фениксъ новый кругъ.
Все движется, живетъ дѣлами,
Душа безсмертна, мысль и духъ.

Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ
Вмигъ возгарается огня,
Подобно мысли сообщеньемъ
Возможно вдругъ возжечь меня:
Вослѣдъ же моему примѣру
Пойдетъ отважно и другой;
Такъ дѣлъ и мыслей атмосферу
Мы простираемъ за собой!

И всяко сѣмя роду сродно
Какъ своему приноситъ плодъ:
Такъ всяка мысль себѣ подобно
Дѣянье за собой ведетъ.
Благіе въ мірѣ духи, злые,
Суть вѣчны чада сихъ сѣменъ;
Отъ нихъ тѣ свѣтъ, а тьму другіе
Въ себя пріемлютъ, жизнь иль тлѣнъ.

Зато нѣкоторыя изъ одъ духовнаго и нравственнаго содержанія поражаютъ невообразимыми странностями. Кто бы, наприм., подумалъ, что вотъ эти стихи—Державина, а не Тредьяковскаго:

Какъ птица въ мглѣ унывна,
Оставлена на здѣ (*на кровлѣ*),
Иль схохленна, пустынна
Сидяща на гнѣздѣ—
Въ нощи, въ лѣсу, въ трущобѣ,
Лію стенаньемъ гулъ.

А между тѣмъ это дѣйствительно стихи Державина изъ оды „Сѣтованье", начинающейся стихами:

Услышь, Творецъ, моленье
И вопль моей души!

Но огромная — поэма, а не ода „Цѣленіе Саула" представляетъ собою примѣръ особенной нестройности. Она состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 400 стиховъ, которые всѣ въ родѣ слѣдующихъ:

Внимаетъ пѣснь монархъ: но сила звуковъ, словъ
Такъ отъ него скользитъ, какъ лучъ отъ холма *льдяна*;
Снѣдаетъ грусть его, мысль черная, *печальна*,
Пѣвецъ то зритъ—и, взявъ другихъ строй голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всѣмъ, но сонно, полутонно,
Смятенью тартара, душѣ смятенной сходно.

И кто бы могъ думать, чтобъ за *такими* стихами слѣдовали вотъ какіе:

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тьмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, подъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой, внутрь и внѣ, безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вратясь, даль и близь оглашали;
Бездны безднъ, хляби хлябь, колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.

Впрочемъ, эти стихи, прекрасные и сильные, несмотря на свою грубую отдѣлку, суть единственный оазисъ въ песчаной пустынѣ этой поэмы.

Ода „Богъ" считалась лучшею не только изъ одъ духовнаго и нравственнаго содержанія, но и вообще лучшею изъ всѣхъ одъ Державина. Самъ поэтъ былъ такого же мнѣнія. Какимъ мистическимъ уваженіемъ пользовалась встарину эта ода, можетъ служить доказательствомъ нелѣпая сказка, которую каждый изъ насъ слышалъ въ дѣтствѣ: будто ода „Богъ" переведена даже на китайскій языкъ и, вышитая шелками на щитѣ, поставлена надъ кроватью богдыхана. И дѣйствительно, это одна изъ замѣчательнѣйшихъ одъ Державина, хотя у него есть много одъ и высшаго, сравнительно съ нею, достоинства.

Изъ одъ Державина нравственно-философическаго содержанія особенно замѣчательны сатирическія оды — „Вельможа" и „На счастіе". При разсматриваніи первой должно забыть эстетическія требованія нашего времени и смотрѣть на нее, какъ на произведеніе *своего* времени: тогда эта ода будетъ прекраснымъ произведеніемъ, несмотря на ея реторическіе пріемы. Первыя восемь строфъ просто превосходны, особенно вотъ эти:

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь плѣняетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!

И вы безъ благости душевной
Не всѣ-ль, вельможи, таковы?

Не перлы перскіе на васъ
И не бразильски звѣзды,—ясны:
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны, —
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула, твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла!

Оселъ останется осломъ
Хотя осыпь его звѣздами,
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ мароккскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла-бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Коль не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Да, *такіе* стихи никогда не забудутся! Кромѣ замѣчательной силы мысли и выраженія, они обращаютъ на себя вниманіе еще и какъ отголосокъ разумной и нравственной стороны прошедшаго вѣка. Остальная и большая часть оды отличается реторическими распространеніями и добродушнымъ морализмомъ, который объ истинахъ въ родѣ $2 \times 2 = 4$ говоритъ, какъ о важныхъ открытіяхъ. Впрочемъ, 10, 11 и 12-я строфы, изображающія вельможескую жизнь людей XVIII вѣка, отличаются значительнымъ поэтическимъ достоинствомъ. Въ одѣ „На Счастіе“ виденъ русскій умъ, русскій юморъ, слышится русская рѣчь. Кромѣ разныхъ современныхъ политическихъ намековъ, въ ней много рѣзкихъ и удачныхъ юмористическихъ выходокъ, свидѣтельствующихъ какое-то добродушіе, какъ напр., это обращеніе къ счастію:

Катаешь кубаремъ весь міръ:
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,
Полна земля вся кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ сталъ бригадиръ.

Тонко хваля Екатерину, поэтъ говоритъ:

Изволитъ царствовать правдиво,
Не жжетъ, не рубитъ безъ суда;
А развѣ кое-какъ вельможи,
И такъ и сякъ, нахмуря рожи,
Тузятъ инова иногда.

Сатирически описывая свое прежнее счастіе, когда, бывало, все удавалось ему, и въ милости бояръ, и въ любви, и въ игрѣ, и въ поэзіи, поэтъ очень забавно и вмѣстѣ колко жалуется на безвременье преклонныхъ лѣтъ своихъ:

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било:
Полетъ свой счастье премѣнило;
Безъ латъ я горе-богатырь;
Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ,
Амуръ безъ перьевъ нетопырь,
Едва вспорхнетъ и носъ повѣситъ.
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ.
Не страстны мной, какъ прежде, музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

Умоляя счастіе снова осыпать его своими дарами, поэтъ остроумно подшучиваетъ надъ Гораціемъ, обѣщаясь писать школярнымъ слогомъ.

„*Беатусъ*—братъ мой, на водахъ
Собою самъ поля орющій,
Или стада свои пасущій!“
Я буду восклицать въ пирахъ.

Къ числу такихъ же одъ принадлежитъ и „Мой Истуканъ“. Въ ней особенно замѣчательны нѣкоторыя черты характера поэта и его образа мыслей. Таковы два превосходнѣйшіе стиха:

Злодѣйства малаго мнѣ мало,
Большого дѣлать не хочу.

Замѣчательна и слѣдующая строфа: поэтъ говоритъ, что ни за какія дѣла не стоилъ бы онъ кумира —

Не стоилъ бы: всѣ знаки чести,
Дозволены самимъ себѣ,
Плоды тщеславія и лести
Монархъ! постыдны и тебѣ.
Желаетъ хвалъ благодаренья
Лишь низкая себѣ душа,
Живущая изъ награжденья:
По смерти слава хороша,
Заслуги въ гробъ созрѣваютъ,
Герои въ вѣчности сіяютъ!

Доселѣ говорили мы о Державинѣ, какъ о русскомъ поэтѣ, въ извѣстной степени и въ извѣстномъ характерѣ отразившемъ на себѣ XVIII вѣкъ, въ той степени, въ какой отразило его на себѣ тогдашнее русское общество. Теперь намъ слѣдуетъ показать Державина, какъ пѣвца Екатерины, какъ представителя цѣлой эпохи въ исторіи Россіи.

Царствованіе Екатерины Великой, послѣ царствованія Петра Великаго, было второю великою эпохою въ русской исторіи. Доселѣ для него еще не наставало потомства. Мы, люди настоящей эпохи, такъ близки къ временамъ Екатерины, что не можемъ су-

дить о нихъ безпристрастно и вѣрно. Эта близость лишаетъ насъ возможности видѣть ясно и опредѣленно то, что́ обнаруживается только въ одной исторической перспективѣ, на достаточномъ отдаленіи. И потому мы, съ одной стороны, слишкомъ увлекаемся громомъ побѣдъ, блескомъ завоеваній, многосложностію преобразованій, множествомъ людей замѣчательныхъ, и не видимъ изъ-за всего этого внутренняго быта того времени. Съ другой стороны, справедливо гордясь нашимъ общественнымъ и гражданскимъ счастіемъ, мы, можетъ быть, слишкомъ строго судимъ лесть, низкопоклонство, патронажество, милостивцевъ и отцовъ-благодѣтелей, составлявшихъ характеристику быта того времени. Мы не можемъ живо представить себѣ тогдашняго *историческаго* положенія Россіи, того рѣзкаго контраста между тираніею Бирона и труднымъ, по безплодной, хотя и блистательной войнѣ съ Пруссіею, временемъ, — и между царствованіемъ Екатерины—этою эпохою блестящихъ и великихъ дѣлъ, мудрыхъ преобразованій, разумнаго и гуманнаго законодательства, котораго основою было *лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго*,— возникшаго просвѣщенія и возникавшей литературы, какъ плодовъ нравственнаго простора, смѣнившаго удушающую тѣсноту, какъ творенія мудрости и благости, воцарившейся на тронѣ. Близкіе къ тѣмъ временамъ, мы такъ далеки отъ нихъ, усовершенствованіями всякаго рода, такъ горды и такъ счастливы великими успѣхами двухъ послѣднихъ царствованій, что не можемъ смотрѣть на наше прошедшее, не сравнивая его съ настоящимъ,—а это сравненіе, разумѣется, выгоднѣе для настоящаго. И потому намъ теперь должно не столько судить объ эпохѣ Екатерины Великой, сколько изучать ее, чтобъ пріобрѣсти данныя для сужденія о ней. Къ числу такихъ данныхъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ свидѣтельства современниковъ,—а всѣмъ извѣстно, какъ великъ былъ ихъ энтузіазмъ къ своему времени и творцу его—Екатеринѣ. Здѣсь мы говоримъ о царствованіи Екатерины только въ отношеніи къ поэзіи. Поэзія Державина—самое живое и самое вѣрное свидѣтельство того, до какой степени эта эпоха была благопріятна поэзіи и до какой степени могла она дать поэзіи разумное содержаніе. Въ этомъ отношеніи должно обращать вниманіе не на похвалы Екатеринѣ пѣвца ея, которыя, какъ похвалы современника, не могутъ имѣть той неподозрѣваемой достовѣрности и искренности, какъ голосъ потомства; но здѣсь должно обращать вниманіе на ту свѣжесть, ту теплоту искренняго и задушевнаго чувства, которыми проникнуты гимны Державина Екатеринѣ, на тотъ смѣлый и благородный тонъ, которымъ они отличаются. Итакъ, намъ остается только выбрать тѣ строфы изъ разныхъ одъ его, которыя представляютъ особенно характеристическія черты громко и торжественно воспѣтаго имъ царствованія.

Ода „Фелица“ — одно изъ лучшихъ созданій Державина. Въ ней полнота чувства счастливо сочеталась съ оригинальностію формы, въ которой виденъ русскій умъ и слышится русская рѣчь. Несмотря на значительную величину, эта ода проникнута внутреннимъ единствомъ мысли, отъ начала до конца выдержана въ тонѣ. Олицетворяя въ себѣ современное общество, поэтъ тонко хвалитъ Фелицу, сравнивая себя съ нею и сатирически изображая свои пороки Исповѣдь его заключается стихами:

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.

Не оставляя шуточнаго тона, необходимаго ему для того, чтобъ похвалы Фелицѣ не были рѣзки, поэтъ забываетъ себя и такъ рисуетъ для потомства образъ Фелицы:

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого;
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь;
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь:
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть;
А что сія ума забава
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.

О, сколь счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не маранотъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, нравы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худого—
И самаго сатира злого
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“.

Заключительная строфа оды дышитъ глубокимъ благоговѣйнымъ чувствомъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Оду эту Державинъ писалъ не думая, чтобъ она могла быть напечатана; всѣмъ извѣстно, что она случайно дошла до свѣдѣнія государыни. Итакъ, есть и внѣшнія доказательства искренности этихъ полныхъ души стиховъ:

Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки, иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ:
Почувствовать добра пріятство—
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Ода „Изображеніе Фелицы“ растянута и разведена водою реторики; но въ ней есть превосходныя строфы въ pendant къ одѣ „Фелица“, почему мы и выписываемъ ихъ здѣсь:

Припомни, чтобъ Она вѣщала
Безчисленнымъ Ея ордамъ:
„Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ;
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.

„Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;

Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.

„Даю вамъ право собираться,
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать.

„Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ, что̀ лишь незлобно,
Потщуся равнодушной быть;
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить“.

. . . . . .

Рекла-бъ: „Почто писать уставы,
Коль ихъ въ диванахъ не творятъ?
Развратные вельможей нравы—
Народа цѣлаго развратъ.

„Вашъ долгъ монарху, Богу, царству
Служить и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать:
Пристрастный судъ разбоя злѣе;
Судьи—враги, гдѣ спитъ законъ:
Предъ вами гражданина шея
Протянута безъ оборонъ“.

. . . . . .

Представь, чтобъ всѣ царевна средства
Въ пособіе себѣ брала
Предупреждать народа бѣдства
И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги
Чрезъ почту письма къ ней писать;
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненья допускать.

. . . . . .

Представь ее облокоченну
На зороастровъ истуканъ,
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный океанъ,
Вѣщающу: „О, ты, Предвѣчный,
Который волею Своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

„Когда ты есть душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:
То Ты-жъ, конечно, и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе цари:
Тобой они и померцаютъ,
Какъ блескъ вечернія зари.

„Наставь меня, міровъ Содѣтель!
Да волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель,
И зижду счастіе людей;

. . . . . .

„Да удостоенна любови,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За каждую бы каплю слезъ
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла,
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала“.

„Видѣніе Мурзы“ принадлежитъ къ лучшимъ одамъ Державина. Какъ всѣ оды къ Фелицѣ, она написана въ шуточномъ тонѣ; но этотъ шуточный тонъ есть истинно-высокій лирическій тонъ — сочетаніе, свойственное только державинской поэзіи и составляющее ея оригинальность. Какъ жаль, что Державинъ не зналъ или не могъ знать, въ чемъ особенно онъ силенъ и что̀ составляло его истинное призваніе. Онъ самъ свои реторически-высокопарныя оды предпочиталъ этимъ шуточнымъ, въ которыхъ онъ былъ такъ оригиналенъ, такъ народенъ и такъ возвышенъ,—тогда какъ въ первыхъ онъ и надутъ, и натянутъ, и безцвѣтенъ. „Видѣніе Мурзы“ начинается превосходною картиною ночи, которую созерцалъ поэтъ въ комнатѣ своего дома; поэтическая ночь настроила его къ пѣснопѣнію, и онъ воспѣлъ тихое блаженство своей жизни:

Что карлой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ.

Далѣе заключается превосходный, поэтически и ловко выраженный намекъ на подарокъ такъ неожиданно полученный имъ отъ монархини за оду „Фелица“:

Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ,
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ-будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За розсказни, за растобары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ.

Явленіе гнѣвной Фелицы во всѣхъ аттрибутахъ ея царственнаго величія прерываетъ мечты поэта. Фелица укоряетъ его за лесть; она говоритъ ему:

. . . . . Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ: тогда
Сей даръ боговъ, кромѣ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ,—не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта люди тѣ же,
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы:
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?

Отвѣтъ поэта на укоры исчезнувшаго видѣнія Фелицы дышитъ искренностію чувства, жаромъ поэзіи и заключаетъ въ себѣ и автобіографическія черты и черты того времени:

Возможно-ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесь себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньи
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ.
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ—соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду
Какъ лучъ потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ,
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Пророческое чувство поэта не обмануло его: поэзія Державина, въ тѣхъ немногихъ чертахъ, которыя мы представили здѣсь нашимъ читателямъ, есть прекрасный памятникъ славнаго царствованія Екатерины II и одно изъ главныхъ правъ пѣвца на поэтическое безсмертіе.

Другое значеніе имѣютъ теперь для насъ торжественныя оды Державина. Въ нихъ онъ является болѣе оффиціальнымъ, чѣмъ истинно-вдохновеннымъ поэтомъ. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отдѣляются отъ одъ, посвященныхъ Фелицѣ. И не мудрено: послѣднія имѣли корень свой въ дѣйствительности, а первыя были плодомъ похвальнаго обычая согласовать лирный звонъ съ громомъ пушекъ и блескомъ плошекъ и шкаликовъ. Притомъ же, легче было чувствовать и понимать мудрость и благость монархини, чѣмъ провидѣть значеніе войнъ и побѣдъ ея, объясняющихся причинами чисто политическими. Политическіе вопросы тогда только могутъ служить содержаніемъ поэзіи, когда они вмѣстѣ и вопросы историческіе и нравственные. Такова была великая война 1812 года, когда обѣ изъ тяжущихся сторонъ—и колоссальное могущество Наполеона, и національное существованіе Россіи, сошлись рѣшить вопросъ: *быть или не быть!*

Побѣды надъ турками, какъ бы ни блистательны были онѣ, могутъ дать прекрасное содержаніе для реляцій, но не для одъ. Сверхъ того, торжественныя оды Державина еще и по тому утратили теперь свою цѣну, что самыя событія, породившія ихъ, намъ уже не могутъ казаться такими, какими видѣли ихъ современники. Типомъ всѣхъ торжественныхъ одъ Державина можетъ служить ода „На взятіе Варшавы“. Она такъ всѣмъ извѣстна, что мы не почитаемъ за нужное дѣлать изъ нея выписки. Ее можно раздѣлить на три части: первая изъ нихъ есть экстастическое изліяніе чувства удивленія къ Суворову и Екатеринѣ II. Дѣйствительно, вступленіе оды восторженно; но этотъ восторгъ весь заключается не въ мысляхъ, а въ восклицаніяхъ, и въ немъ есть что-то напряженное. Мѣсто, начинающееся стихомъ „Черная туча, мрачныя крыла“, долго считалось въ нашихъ реторикахъ и піитикахъ образцомъ гиперболы, какъ выраженія высочайшаго восторга: теперь эта гипербола можетъ служить образцомъ натянутаго восторга, стихотворнаго крика — не больше. Поэтъ чувствовалъ самъ пустоту всѣхъ этихъ громкихъ фразъ, и потому хотѣлъ, во второй части своей оды, занять умъ читателя какимъ-нибудь содержаніемъ. Что же онъ сдѣлалъ для этого?—онъ показываетъ сонмъ русскихъ царей и вождей, сидящій въ „небесномъ вертоградѣ, на злачныхъ холмахъ, въ прохладѣ благоуханныхъ рощъ, въ прозрачныхъ и радужныхъ шатрахъ“; передъ ними поетъ нашъ звучный Пиндаръ Ломоносовъ, и его хвала пронзаетъ ихъ грудь, какъ молнія; въ ихъ *пунцовыхъ* устахъ *блистаетъ златъ медъ*, а на щекахъ играютъ зари; возлегши на *мягкихъ зыблющихъ(ся)* перловыхъ облакахъ, они внимаютъ тихострунный хоръ небесныхъ арфъ и поющихъ дѣвъ (что̀ однакожъ не мѣшаетъ имъ внимать и лирѣ нашего звучнаго Пиндара, Ломоносова): что это за языческая Валгалла для христіанскихъ царей и вождей? Для этого подлуннаго міра стихи Ломоносова, конечно, имѣютъ свое значеніе; но безпрестанно слушать ихъ и на томъ свѣтѣ—воля ваша, скучно. Далѣе, поэтъ заставляетъ Петра Великаго проговорить рѣчь къ Пожарскому, и потомъ скрыться въ „сѣнь“. Все это—голая реторика, свидѣтельствующая о затруднительномъ положеніи поэта, задавшаго себѣ воспѣть предметъ, котораго идеи онъ не прочувствовалъ въ себѣ. Третья часть оды кончилась даже смѣшно—плохими четверостишіями съ припѣвомъ къ каждому.

Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена!

Въ первой части оды поэтъ называетъ своего героя, т.-е. Суворова, *Александромъ по брани*: сравненіе крайне неудачное! Можно называть Наполеона Цезаремъ, ибо въ жизни и положеніяхъ обоихъ этихъ лицъ было много общаго; но что же общаго между дѣйствительно великимъ полководцемъ русской монархини, превосходнымъ выполнителемъ *ея* политическихъ предначертаній, и между монархомъ-завоевателемъ, героемъ древняго міра, связавшимъ Востокъ съ Европою?.. Вообще, Державинъ не умѣлъ хвалить Суворова: онъ восхищается только его непобѣдимостію, забывая, что этимъ были славны и Тамерланы и Атиллы, и что въ Суворовѣ было что-нибудь замѣчательное и кромѣ этого. Хваля Суворова, Державинъ долженъ былъ бы настроить лиру на тотъ чисто русскій ладъ, которымъ воспѣвалъ онъ Фелицу; но онъ хотѣлъ видѣть своего героя въ реторической апоѳеозѣ, и потому въ его одахъ Суворовъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого сочувствія.

У Пушкина есть два стихотворенія, порожденныя почти такимъ же событіемъ, какъ и ода Державина, о которой мы говоримъ. Даже по тону оба эти стихотворенія Пушкина напоминаютъ торжественную музу Державина; но какая же разница въ содержаніи! Пушкинъ поднимаетъ историческіе вопросы, говоря, что это—

. . . . . споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою.

Пушкинъ не изрекаетъ оскорбительныхъ приговоровъ падшему врагу, но благородно, какъ представитель великой націи, восклицаетъ:

Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
. . . . . .
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Оды „На взятіе Измаила“ и „Переходъ Альпійскихъ Горъ“, по объему своему,—цѣлыя поэмы, герой которыхъ — Суворовъ. О нихъ можно сказать то же, что и обо всѣхъ торжественныхъ одахъ Державина: онѣ исполнены вдохновенія, но реторическаго, и ихъ можно сравнить съ похвальными словами Ломоносова—много грома, много блеска, но мало души. И потому, въ чтеніи онѣ утомительны и даже скучны. Что корень ихъ былъ не въ жизни, не въ дѣйствительности, а въ піитикѣ и реторикѣ того времени, могутъ служить доказательствомъ эти стихи изъ оды „На взятіе Измаила“:

Злодѣйство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на васъ!
Зрю ядры, камни, варъ и бревны.

Какъ! неужели защищать отчаянно крѣпость всѣми въ войнѣ употребляемыми средствами

отъ осаждающихъ ее враговъ, отчаянно биться съ ними и честно умирать за свою вѣру и своего государя, есть злодѣйство?.. О, нѣтъ! Державинъ этого не думалъ, но это требовалось *высокимъ паренiемъ оды*, по піитикѣ того времени. Впрочемъ, эта ода не безъ замѣчательныхъ частностей, какъ, наприм., слѣдующая строфа:

Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь міръ себя заставить чтить.
Война, какъ сѣверно сіянье,
Лишь удивляетъ чернь одну:
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину.

Державинъ былъ пѣвцомъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, которыми такъ богатъ былъ вѣкъ Екатерины; всѣхъ чаще и охотнѣе онъ пѣлъ Суворова—это былъ его любимый герой; но лучше всѣхъ воспѣлъ онъ Потемкина. И не мудрено: этотъ „кипящій замыслами умъ, не ходившій по пробитымъ дорогамъ, но пролагавшій ихъ самъ“, былъ дивнымъ поэтическимъ явленіемъ. Это не былъ любимецъ счастія, какъ привыкли величать его: счастіе любитъ больше глупцовъ и дюжинныхъ людей, нежели геніевъ,—а Потемкинъ былъ геній, заставившій преклоняться передъ собою счастіе. Это была натура одного типа съ наполеоновскою: Потемкинъ могъ жить только въ замыслахъ и замыслами, и отсюда его апатія въ бездѣйствіи. Видѣть невозможность дѣйствовать — приговоръ къ смерти для такихъ людей. Каждый изъ нихъ хотѣлъ бы покорить всю землю, и палъ бы отъ своего успѣха, если бы не нашелъ средства сдѣлать высадку на луну и взять ее приступомъ. Являясь во времена отживающаго историческаго міра и не предчувствуя новаго, они дѣлаютъ себя центромъ всей вселенной, и падаютъ жертвами своего грандіознаго эгоизма. Такъ палъ и Наполеонъ. Нашъ русскій *сынъ судьбы* не могъ быть понятъ своимъ временемъ; но въ самыхъ его странностяхъ было что-то таинственно высокое, и всѣ смотрѣли на него со страхомъ и любопытствомъ. Поэтическая натура Державина глубже другихъ прозрѣла въ тайникъ этого великаго духа, хотя вполнѣ и не разгадала его — и „Водопадъ“ остался навсегда свидѣтельствомъ этого поэтическаго полусознанія и одною изъ лучшихъ одъ Державина [1]).

Державинъ былъ пѣвцомъ царствующаго дома въ Россіи, и нельзя съ удивленіемъ не остановиться на его пророческихъ одахъ на рожденіе царственныхъ младенцевъ, впослѣдствіи Александра Благословеннаго и нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая. Кому не извѣстна прекрасная ода „На рожденіе на сѣверѣ порфироднаго отрока“: въ ней есть два стиха, невольно останавливающіе на себѣ вниманіе изумленнаго читателя:

Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!

Другая пророческая ода Державина — „На крещеніе Великаго Князя Николая Павловича“; въ ней поражаютъ стихи:

Дитя равняется съ царями!
Родителямъ по крови,
По сану—исполинъ;
По благости, любови,
Полсвѣта властелинъ!
Онъ будетъ, будетъ славенъ
Душой Екатеринѣ равенъ.

Державинъ пѣлъ воцареніе Александра и многія событія его царствованія, особенно событія 1812—1814 годовъ. Въ послѣднихъ слышны уже слабѣющіе звуки нѣкогда громкой лиры, но въ одахъ, которыми онъ привѣтствовалъ новое благотворное свѣтило Руси, мѣстами проблескиваютъ искры поэзіи. Таково, наприм., начало оды „На восшествіе на престолъ императора Александра I-го“:

Вѣкъ новый! Царь младой, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.

Въ одѣ „Царевичу Хлору“ старикъ Державинъ настроилъ свою музу на прежній ладъ, которымъ хвалилъ Екатерину и воспѣлъ Александра. Въ поэтическомъ отношеніи эта ода далеко не то, что „Фелица“ и кажется подражаніемъ ей; но по мыслямъ, по содержанію это одна изъ замѣчательнѣйшихъ одъ Державина.

Ее стоило бы выписать здѣсь всю, до послѣдняго стиха. Она лучше всякихъ разсужденій показываетъ, въ какой связи находится поэзія съ положеніемъ общества. Но это была пѣснь лебедя: знаменитый и прославленный въ царствованіе Александра болѣе, чѣмъ въ царствованіе Екатерины, Державинъ былъ человѣкомъ, отжившимъ свой вѣкъ. Явленіе Крылова, Карамзина, Дмитріева, потомъ Озерова и наконецъ Жуковскаго и Батюшкова показало, что въ обществѣ уже созрѣли новые элементы для поэзіи, и что, по мѣрѣ полноты этихъ элементовъ, являлись и пѣвцы разнообразные, а не поющіе, какъ прежде, всѣ на одинъ голосъ. Это былъ успѣхъ времени, и не вина Державина, что онъ принадлежалъ къ другому вѣку и

[1]) Преувеличенно-восторженное мнѣніе о Потемкинѣ характерно для всей дѣятельности Бѣлинскаго; ср выше стр. 254.

остался ему вѣренъ въ чуждомъ для него новомъ времени: онъ сдѣлалъ все, что̀ могъ въ то время сдѣлать человѣкъ съ такимъ огромнымъ дарованіемъ. Не будь Екатерины, не было бы и Державина: цвѣты его поэзіи распустились отъ луча ея просвѣщеннаго вниманія. Этому вниманію онъ былъ обязанъ и своею славою: общество не нуждалось въ стихахъ Державина и не понимало ихъ, а имя его знало, дивясь, что за стихи даютъ и золотыя табакерки, и чины, и мѣста, дѣлаютъ вельможею бѣднаго и незнатнаго дворянина. Но таковъ ходъ идеи: она идетъ къ своей цѣли, даже и такими путями, которые, казалось бы, скорѣе отвели ее отъ цѣли, чѣмъ привели къ ней: простое любопытство многихъ незамѣтно познакомило со стихами и пристрастило къ нимъ. И когда, чрезъ размноженіе училищъ и гимназій, чрезъ основаніе новыхъ университетовъ, въ царствованіе Александра, распространилось просвѣщеніе, тогда Державина стали читать, и узнали его какъ поэта, а не только какъ знатнаго человѣка.

Во многихъ стихотвореніяхъ Державина личный характеръ его какъ человѣка является съ весьма хорошей стороны. Несмотря на то, что его вѣкъ былъ вѣкъ милостивцевъ, и что лесть и угодничество считались добродѣтелями, онъ льстилъ больше какъ риторъ, чѣмъ какъ поэтъ. Когда Суворовъ, въ отставкѣ, передъ походомъ въ Италію, проживалъ въ деревнѣ безъ дѣла, Державинъ не боялся хвалить его печатно. Ода „На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи“ принадлежитъ къ такимъ же смѣлымъ его поступкамъ. „Водопадъ“, написанный послѣ смерти Потемкина, есть, безъ сомнѣнія, столь же благородный, сколько и поэтическій подвигъ. Судя по могуществу Потемкина, можно было бы предположить, что большая часть стихотвореній Державина посвящена его прославленію; но Державинъ при жизни Потемкина очень мало писалъ въ честь его. Онъ упоминаетъ о немъ въ одѣ „Осень во время осады Очакова“; его воспѣлъ онъ именемъ Рѣшемысла, прилично и скромно; есть еще одна ода, подъ названіемъ „Побѣдителю“: въ ней Потемкинъ превознесенъ превыше звѣздъ, довольно плохими стихами. Но вотъ и все: а это слишкомъ немного, даже слишкомъ мало для такого могущества, какое представляетъ собою Потемкинъ! Сверхъ того, въ отношеніи къ лести нельзя строго судить Державина: онъ жилъ въ такія торжественныя и хвалебныя времена, когда *пѣть* и *льстить* значило одно и то же, и когда никакая сила характера не могла спасти человѣка отъ необходимости уклоняться лестью отъ бѣдъ. Должно сказать правду: за многія дѣла и самый сатирикъ не можетъ не чтить Державина. Къ числу такихъ дѣлъ принадлежитъ его ода „Памятникъ герою“, написанная въ честь Репнину, который находился въ то время подъ опалою у Потемкина, и который впослѣдствіи очень дурно заплатилъ за нее поэту. По службѣ, въ дѣлѣ правосудія, Державинъ прослылъ даже „безпокойнымъ“ человѣкомъ—эпитетъ, который, какъ извѣстно, дается только такимъ людямъ, которые безъ ужаса и негодованія не могутъ видѣть подлостей и несправедливостей, именемъ правосудія и закона совершаемыхъ ябедниками и крючкотворцами...

Чтобы вѣрно характеризовать и опредѣлить значеніе Державина какъ поэта, должно обратить вниманіе на его собственный взглядъ на поэзію и поэта. Въ артистической душѣ Державина пребывало глубокое предчувствіе великости искусства и достоинства художника. Это доказывается многими истинно-вдохновенными мѣстами въ его произведеніяхъ и даже превосходными отдѣльными стихотвореніями. Мы непремѣнно должны указать на нихъ, какъ на факты для сужденія о Державинѣ какъ поэтѣ. Въ одѣ „Любителю художествъ“, неудачной и даже странной въ цѣломъ, вниманіе мыслящаго читателя не можетъ не остановиться на слѣдующихъ стихахъ:

Боги взоръ свой отвращаютъ
Отъ нелюбящаго музъ;
Фуріи ему влагаютъ
Въ сердце черство грубый вкусъ,
Жажду злата и сребра:
Врагъ онъ общаго добра!

Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
Ни сиротъ несчастныхъ стонъ:
Пусть въ крови вселенна тонетъ,
Былъ бы счастливъ только онъ;
Больше-бъ собралъ серебра:
Врагъ онъ общаго добра!

Напротивъ того, взираютъ
Боги на любимца музъ;
Сердце нѣжное влагаютъ
И изящный нѣжный вкусъ:
Всѣмъ душа его щедра:
Другъ онъ общаго добра!

Еслибъ эти стихи прозаичностію и шероховатостію выраженія не поражали нашего вкуса, избалованнаго изяществомъ новѣйшей поэзіи, ихъ можно было бы принять за переводъ изъ какой-нибудь пьесы Шиллера въ древнемъ вкусѣ. Сознаніе высокаго своего призванія Державинъ выразилъ особенно въ трехъ пьесахъ. Странная и невыдержанная въ цѣломъ пьеса „Лебедь“ есть какъ бы прелюдія къ превосходному стихотворенію „Памятникъ“:

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь въ воздухъ поднимусь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! хоть родомъ я не славенъ;
Но, будучи любимецъ музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ
И самой смертью предпочтусь.

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

Затѣмъ, поэтъ воображаетъ, что его станъ обтягиваетъ пернатая кожа, на груди является пухъ, а спина становится крылата, и что онъ лоснится лебяжьею бѣлизною; въ видѣ лебедя паритъ онъ надъ Россіею, и всѣ племена, населяющія ее, указываютъ на него и говорятъ:

„Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ,
И проповѣдуя миръ міру
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ!“

Мысль изысканная и неловко выраженная, но послѣдній куплетъ очень замѣчателенъ:

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! Хоръ музъ, не пой!
Супруга! облекись терпѣньемъ!
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой!

„Памятникъ“ такъ хорошо извѣстенъ всѣмъ, что нѣтъ нужды выписывать его. Хотя мысль этого превосходнаго стихотворенія взята Державинымъ у Горація, но онъ умѣлъ выразить въ такой оригинальной, одному ему свойственной формѣ, такъ хорошо примѣнить ее къ себѣ, что честь этой мысли такъ же принадлежитъ ему, какъ и Горацію. Пушкинъ по-своему воспользовался, по примѣру Державина, примѣненіемъ къ себѣ этой мысли, въ собственной оригинальной формѣ. Въ стихотвореніи того и другого поэта рѣзко обозначился характеръ двухъ эпохъ, которымъ принадлежатъ они: Державинъ говоритъ о безсмертіи въ общихъ чертахъ, о безсмертіи книжномъ: Пушкинъ говоритъ о своемъ памятникѣ: „Къ нему не зарастетъ *народная* тропа“, и этимъ стихомъ олицетворяетъ ту живую славу для поэта, которой возможность настала съ его времени.

Не менѣе „Памятника“ замѣчательно стихотворное посвященіе Державина Екатеринѣ II собранія своихъ сочиненій: оно дышетъ и благоговѣйною любовью поэта къ великой монархинѣ и пророческимъ сознаніемъ своего поэтическаго достоинства:

Что смѣлая рука поэзіи писала,
Какъ Бога, истинну Фелицу во плоти
И добродѣтели твои изображала,
Дерзаю къ твоему престолу принести,
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою твоей,
Прими и освяти твоимъ благоволеньемъ,
И музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ.
Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ,
Пройдетъ сквозь тьму временъ и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ;
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою—твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

И однакожъ, въ стихотвореніяхъ того же Державина есть мѣста, доказывающія, что онъ очень невысоко цѣнилъ поэзію и свое поэтическое призваніе. Такъ, въ одѣ „Фелица“ онъ говорилъ:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Въ одѣ „Мой Истуканъ“ онъ говоритъ:

. . . . . Мои бездѣлки
Безумно столько уважать,

И если считаетъ себя достойнымъ мраморнаго бюста, то развѣ за то, что воспѣвалъ Фелицу, а не за то, *какъ* воспѣвалъ ее, слѣдовательно, за предметъ, а не за талантъ пѣснопѣній. Такихъ мѣстъ много можно найти въ его стихотвореніяхъ. Сверхъ того, извѣстно всѣмъ, да и есть стихотвореніе, подтверждающее этотъ фактъ („Храповицкому“), что Державинъ свое чиновническое поприще ставилъ выше, т.-е. *дальше* своего поэтическаго поприща.

Но что же все это доказываетъ? то ли, что Державинъ былъ измѣнчивъ въ своихъ мнѣніяхъ, или что онъ только въ стихахъ, а не на дѣлѣ, высоко думалъ о стихотворствѣ?

Ни то, ни другое! Въ этомъ видна нерѣшительность, неопредѣленность идеи поэзіи въ то время. Державинъ дѣйствительно въ разныя времена думалъ о ней розно: то приходилъ въ восторгъ отъ своего призванія, гордясь имъ въ свѣтломъ и вдохновенномъ сознаніи, то погружался въ уныніе при мысли о немъ, стыдясь его, какъ пустой забавы. Въ первомъ случаѣ скрывалась его глубоко поэтическая натура; во второмъ высказывалось въ немъ общество его времени. Теперь всякій посредственный писака съ гордостію говоритъ о себѣ, что онъ литераторъ, или поэтъ, и находитъ добродушныхъ людей, которые, даже и подсмѣиваясь надъ нимъ, все-таки увиваются подлѣ него, чтобъ, при случаѣ, *похвастать* своимъ знакомствомъ или пріязнію съ литераторомъ и поэтомъ. Истинный талантъ теперь вездѣ и всегда смѣло можетъ назвать себя по имени, а геній, въ

области поэзіи, теперь — сила и власть въ сферѣ общественнаго мнѣнія. Но это сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Державинъ не имѣлъ враговъ своему таланту: ему не могли простить не таланта, котораго не понимали, а полученныхъ имъ знаковъ почестей. Среди невѣждъ и умному человѣку легко можетъ придти въ голову мысль: ужъ не онъ ли глупъ, и не эти ли люди умны, ибо какъ же могутъ ошибаться всѣ, и быть правъ *одинъ?*..

Вотъ откуда происходили противорѣчія Державина въ его понятіяхъ о поэзіи. Это можетъ служить ключомъ и ко множеству другихъ противорѣчій. На иную прекрасную оду его можно насчитать нѣсколько плохихъ, какъ будто написанныхъ въ опроверженіе первой. Причина этого та, что не было общества, не было общественнаго мнѣнія,—были только умныя личности, изрѣдка сталкивавшіяся другъ съ другомъ на необъятномъ пространствѣ. Всякая истинная поэзія есть идеальное зеркало дѣйствительности, а разумная сторона дѣйствительности того времени выражалась только въ нѣкоторыхъ людяхъ, близкихъ къ монархинѣ, но нѣсколько людей не составляютъ общества. Мы видѣли, что въ поэзіи Державина отразился XVIII вѣкъ, односторонно и слабо отразившійся на высшемъ кругѣ русскаго общества, — кругѣ, съ которымъ все остальное не имѣло ничего общаго, ничѣмъ не было связано, а этого было слишкомъ мало, чтобы дать такое содержаніе поэзіи, которое упрочило бы за нею безсмертіе, сообщивъ ей неумирающій отъ перемѣны нравовъ и отношеній интересъ. Мы видѣли, что Державинъ понималъ великую монархиню и вѣрно изобразилъ ее въ нѣсколькихъ чертахъ; но онъ выразилъ свое понятіе о ней, а не понятіе цѣлаго общества, которое не умѣло понимать тѣхъ благъ, которыми пользовалось, — и потому мы дивимся образу Екатерины только въ немногихъ стихотвореніяхъ Державина, и именно только въ тѣхъ, гдѣ изображалъ онъ ее подъ именемъ *Фелицы*. Ода его „Фелица“ превосходна и въ цѣломъ и въ частностяхъ; такъ же прекрасно его „Видѣніе Мурзы“; но въ „Изображеніи Фелицы“ прекрасны только нѣкоторыя строфы. Торжественныя оды его потеряли весь свой интересъ для нашего времени. Такъ называемыя анакреонтическія оды Державина свидѣтельствуютъ о его артистической натурѣ; но ни содержаніе ихъ, всегда одностороннее и не глубокое, ни ихъ форма, всегда невыдержанная въ цѣломъ и плѣняющая только частностями, тоже не могутъ быть предметомъ эстетическаго наслажденія въ наше время. Драматическіе опыты его не стоятъ и упоминовенія.

Мы уже доказали въ первой статьѣ, что въ эстетическомъ отношеніи поэзія Державина представляетъ собою богатый зародышъ искусства, но еще не есть искусство. Это блестящая страница изъ исторіи русской поэзіи, но еще не сама поэзія. Читая даже лучшія оды Державина, мы должны дѣлать надъ собою усиліе, чтобы стать на точку зрѣнія его времени относительно поэзіи, и должны *научиться* видѣть прекрасное во многомъ, что̀ въ то время казалось безусловно прекраснымъ. Итакъ, Державинъ и въ эстетическомъ отношеніи есть поэтъ историческій, котораго должно изучать въ школахъ, котораго стыдно не знать образованному Русскому, но который уже не можетъ быть и для общества тѣмъ же, чѣмъ можетъ и долженъ быть онъ для людей, посвящающихъ себя основательному изученію родного слова, отечественной поэзіи. Ломоносовъ былъ предтечею Державина, а Державинъ—отецъ русскихъ поэтовъ. Если Пушкинъ имѣлъ сильное вліяніе на современныхъ ему и явившихся послѣ него поэтовъ, то Державинъ имѣлъ сильное вліяніе на Пушкина. Поэзія не родится вдругъ, но, какъ все живое, развивается исторически: Державинъ былъ первымъ живымъ глаголомъ юной поэзіи русской. Съ этой точки зрѣнія должно опредѣлять его достоинства и его недостатки, — и съ этой точки зрѣнія его недостатки явятся такъ же необходимыми, какъ и его достоинства. Называть Державина русскимъ Пиндаромъ, Анакреономъ и Гораціемъ могли только во времена дѣтства нашей критики. Пиндара, Анакреона и Горація читаетъ весь просвѣщенный міръ на ихъ родныхъ языкахъ, и въ безчисленномъ множествѣ переложеній: въ Державинѣ ничего не найдетъ ни Французъ, ни Англичанинъ, ни Нѣмецъ. Богатырь поэзіи по своему природному таланту, Державинъ со стороны содержанія и формы своей поэзіи замѣчателенъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи, а поэзія его — „это (какъ справедливо сказано въ предисловіи къ изданнымъ нынѣ его сочиненіямъ) сама Россія екатеринина вѣка — съ чувствомъ исполинскаго своего могущества, съ своими торжествами и замыслами на востокѣ, съ нововведеніями европейскими и съ остатками старыхъ предразсудковъ и повѣрій—это Россія пышная, роскошная, великолѣпная, убранная въ азіатскіе жемчуги и камни, и еще полудикая, полуварварская, полуграмотная,—такова поэзія Державина, во всѣхъ ея красотахъ и недостаткахъ“.

1843 г.

45. Параша.

Разсказъ въ стихахъ. *Т. Л.* Спб. 1843.

Послѣ смерти Лермонтова Бѣлинскій одно время надѣялся увидѣть преемника его въ А. Майковѣ (см. объ этомъ статью № 34); но скоро выяснилось, что дарованіе Майкова очень односторонне. Поэтъ отточенной формы, особенно въ своихъ антологическихъ стихотвореніяхъ, Майковъ былъ совершенно второстепеннымъ дарованіемъ во всѣхъ иныхъ областяхъ; особенно чувствовалъ Бѣлинскій отсутствіе въ поэзіи Майкова того „содержанія“, которое теперь стояло для Бѣлинскаго на первомъ мѣстѣ — о чемъ онъ уже подробно говорилъ въ своемъ обзорѣ литературы за 1841 годъ (№ 33). И вотъ ему попался въ руки „разсказъ въ стихахъ“ неизвѣстнаго *Т. Л.*; въ этомъ произведеніи Бѣлинскаго прежде всего подкупило „содержаніе“ — горькая мысль о побѣдѣ духовнаго мѣщанства надъ идеальными порывами, „хохотъ сатаны“ надъ наивною вѣрою въ жизнь... Мы знаемъ, что самъ Бѣлинскій, послѣ своего тяжелаго кризиса 1840—1841 гг., сталъ „на всѣхъ вещахъ видѣть хвостъ дьявола“ (см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 24); „разсказъ въ стихахъ“ *Т. Л.* совпалъ съ настроеніемъ и направленіемъ мыслей Бѣлинскаго. Къ тому же онъ былъ написанъ гладкими и звучными стихами, умно построенъ и разработанъ; неудивительно, что, подкупленный „содержаніемъ“, Бѣлинскій пришелъ въ восторгъ отъ молодого, начинающаго автора и увидѣлъ въ немъ „необыкновенный поэтическій талантъ“ и предсказалъ ему блестящее будущее.

Предсказаніе оказалось пророческимъ. Правда, „*Т. Л.*“ вскорѣ созналъ, что поэзія — не его область и сталъ смотрѣть на „Парашу“, какъ на литературный грѣхъ своей юности; Бѣлинскій еще раньше понялъ это. Но все-таки осталась въ полной силѣ характеристика, данная автору „Параши“ Бѣлинскимъ: „вѣрная наблюдательность; глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни; изящная и тонкая иронія, подъ которою скрывается столько чувства — все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара творчества, сына нашего времени, носящаго въ груди своей всѣ скорби и вопросы его“... Это — лучшая характеристика, когда-либо данная критикой И. С. Тургеневу: вѣдь это онъ, какъ извѣстно, скрылъ себя подъ иниціалами „*Т. Л.*“ (Тургеневъ-Лутовиновъ). Отзывчивость на вопросы времени, вѣрная наблюдательность, изящество, иронія, глубокое чувство и громадный творческій талантъ — все это ярко проявилось впослѣдствіи въ „Запискахъ охотника“, въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, въ „Отцахъ и дѣтяхъ“, въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“; предсказаніе Бѣлинскаго исполнилось. Но уже и въ „Парашѣ“, несмотря на всю незрѣлость этого юношескаго произведенія и на довольно заурядные стихи, сказываются, хотя и въ слабой степени, всѣ эти тонко подмѣченныя Бѣлинскимъ черты тургеневскаго таланта. Даже конструкція этого разсказа — обычная „тургеневская“, перешедшая къ Тургеневу отъ Пушкина: противопоставленіе сильной женщины слабому мужчинѣ. И хотя въ этомъ разсказѣ героиню мало-по-малу захлестываетъ волна житейской пошлости, однако это является побѣдой не „героя“, а вѣковѣчнаго мѣщанскаго уклада жизни; это какъ бы исторія пушкинской Татьяны, вышедшей замужъ за остепенившагося Онѣгина...

О Тургеневѣ у насъ еще будетъ рѣчь по поводу отношенія Бѣлинскаго къ первымъ его разсказамъ 1844—1846 гг. Теперь же отмѣтимъ только связь настоящей статьи Бѣлинскаго съ его личной жизнью: подробно останавливаясь въ этой статейкѣ на вопросѣ о любви, о бракѣ, Бѣлинскій въ глубинѣ души говорилъ здѣсь pro domo sua. „Знаешь ли, когда пора человѣку жениться? — Когда онъ дѣлается неспособнымъ влюбляться“... — писалъ Бѣлинскій Боткину 17 марта 1842 года. Онъ женился осенью 1843 года; нѣтъ сомнѣнія, что мысль объ этомъ шагѣ не отходила отъ него въ продолженіе долгаго времени и что онъ радъ былъ случаю печатно затронуть волновавшія его темы. Съ нѣсколько иной точки зрѣнія онъ вернулся къ нимъ двумя годами позднѣе, въ девятой изъ „пушкинскихъ статей“. **И.-Р.**

Теперь, когда Лермонтова уже нѣтъ, а прекрасное дарованіе г. Майкова пока не обѣщаетъ идти дальше антологическаго рода,—поэзія русская если не умерла, то уснула, какъ это всегда съ нею бываетъ, какъ скоро тотъ, кому дано свыше быть ея покровителемъ, или скончается во цвѣтѣ лѣтъ, или измѣнитъ надеждамъ, которыя подастъ о себѣ. Теперь стихи встрѣчаются только въ журналахъ; между ними попадаются и такіе, въ которыхъ есть чувство и замѣтно большее или меньшее дарованіе; но они всѣ лишены присутствія могучей мысли. А такъ какъ поэзія русская давно уже пережила свой періодъ прекрасныхъ чувствъ и сладостныхъ мечтаній, и еще съ Пушкина начала періодъ мысли,—то теперь проходятъ мимо вниманія публики такія стихотворенія, которыми прежде легко было бы въ одинъ день стяжать славу великаго генія. Другими словами: могучимъ властителемъ душъ нашего времени уже перестали быть „стишки“ — въ потребности публики ихъ смѣняла поэзія мысли. Это особенно стало замѣтно послѣ Лермонтова. Вотъ почему, если теперь и нельзя пожаловаться на бѣдность въ стихотворныхъ произведеніяхъ, то нельзя и сказать, чтобъ было что́ читать по этой части. День появленія въ журналѣ неизвѣстнаго стихотворенія Лермонтова—теперь эпоха въ исторіи русской литературы: стихотвореніе читаютъ, перечитываютъ, списываютъ, вытверживаютъ на память. Стихотворенія, не принадлежащія Лермонтову, тоже прочитываютъ, даже похваливаютъ, но съ тѣмъ, чтобъ совершенно забыть ихъ по выходѣ новой книжки журнала. Многіе заключаютъ изъ этого, что вмѣстѣ съ Лермонтовымъ умерла и русская поэзія. Что касается до насъ, мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, и думаемъ, что русская поэзія не умерла, а только уснула, по обыкновенію, и что по временамъ она будетъ просыпаться и разсказывать намъ свои прекрасные сны—до тѣхъ поръ, пока не явится на Руси новый поэтъ...

Небольшая книжка, на дняхъ появившаяся въ Петербургѣ подъ скромнымъ названіемъ „разсказа въ стихахъ“, есть именно одинъ изъ такихъ прекрасныхъ сновъ на минуту проснувшейся русской поэзіи, какіе давно уже не видались ей. Увѣренные въ глубокомъ снѣ нашей поэзіи, мы взялись за „Парашу“ съ явнымъ предубѣжденіемъ, думая найти въ ней или сантиментальную повѣсть о томъ, какъ *онъ* любилъ *ее*, и какъ *она* вышла замужъ за *него*, или какую-нибудь юмористическую болтовню о современныхъ нравахъ, написанную прозаическими стихами. Каково же было наше удивленіе, когда, вмѣсто этого, прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутренняго содержанія, отличающуюся юморомъ и ироніею!.. Однакожъ, несмотря на то, увѣренность наша въ тяжеломъ снѣ русской поэзіи была такъ велика, что мы не повѣрили первому впечатлѣнію и прочли снова,—еще лучше! И теперь, когда отъ многократно-повтореннаго чтенія мы почти знаемъ наизусть прекрасное поэтическое произведеніе, такъ неожиданно, такъ отрадно освѣжившее душу нашу отъ прозы и скуки ежедневнаго быта,—спѣшимъ познакомить публику съ явленіемъ, которое имѣетъ полное право на ея вниманіе.

Хотя авторъ „Параши“, скрывшій свою фамилію подъ литерами Т. Л., и обозначилъ свое произведеніе скромнымъ именемъ „разсказа въ стихахъ“, однако оно тѣмъ не менѣе — „поэма“, въ томъ смыслѣ, какой усвоенъ Пушкинымъ произведеніямъ такого рода. Итакъ, мы будемъ называть „Парашу“ поэмой: оно и короче и гораздо справедливѣе, если вспомнить, что „Чернецъ“, „Эдда“, „Наталья Долгорукая“, „Борскій“ и тому подобные стихотворные разсказы величались поэмами. Содержаніе „Параши“ въ смыслѣ „сюжета“ до того просто и немногосложно, что его можно разсказать въ двухъ словахъ: на уѣздной барышнѣ женится помѣщикъ-сосѣдъ,—вотъ и все. Но это не содержаніе, а только канва содержанія; само же содержаніе поэмы такъ полно и богато, что его нельзя передать во всей его жизни и во всей благоуханной свѣжести его поэзіи, не заставляя самого поэта перерывать нашей прозаической рѣчи своими поэтическими стихами.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе читателей на эпиграфъ поэмы изъ Лермонтова:

„И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно“.

Этотъ эпиграфъ выбранъ авторомъ не въ исполненіе давно заведеннаго обычая заманивать любопытство читателей загадочнымъ смысломъ чужой рѣчи; нѣтъ, стихъ Лермонтова, какъ мы увидимъ, находится въ живой связи со смысломъ цѣлой поэмы, и столько служитъ объясненіемъ поэмѣ, сколько и самъ объясняется ею.

Поэма начинается описаніемъ помѣщичьяго дома съ безобразною наружностью, съ садомъ, похожимъ на огородъ, но съ гротомъ, который любила посѣщать героиня поэмы.

Ея отецъ—помѣщикъ беззаботный,
Сперва служилъ—и долго; наконецъ
Въ отставку вышелъ—и супругой плотной
Обзавелся; теперь большой дѣлецъ!
Живетъ въ ладу съ своими мужичками...
Онъ очень добръ и очень плутоватъ,

Торгуется и пьетъ чаекъ съ купцами.
Какъ водится, его супруга—кладъ;
О, сущій кладъ! и умница такая!
А женщина она была простая
Съ лицомъ, весьма похожимъ на пирогъ;
Ее супругъ любилъ какъ только могъ.

Дочери этой достойной четы никто не назвалъ бы красавицею, но она была стройна, походка ея была легка и плавна, прекрасная нога ловко обута, и если рука была немного велика, зато пальцы были прозрачны и тонки.

Ея лицо мнѣ нравилось... оно
Задумчивою грустію дышало;
Всегда казалось мнѣ: ей суждено
Страданій въ жизни испытать не мало...
И что-жъ? мнѣ было больно и смѣшно:
Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...

Но глаза больше всего въ Парашѣ нравились автору—

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ,
Но не блестѣлъ онъ блескомъ торопливымъ;
То былъ онъ ясенъ, какъ весенній лучъ,
То холодомъ проникнутъ горделивымъ,
То чуть блисталъ, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Но взглядъ ея, задумчиво-спокойный,
Я больше всѣхъ любилъ: *я видѣлъ въ немъ*
Возможность страсти горестной и знойной—
Залогъ души, любимой Божествомъ.

Она была не безъ странностей, свойственныхъ „уѣзднымъ барышнямъ“; но не имѣла ничего общаго съ восторженными дѣвицами, мечтательницами и охотницами до сладенькихъ стишковъ:

Она была насмѣшлива, горда,
А гордость—добродѣтель, господа...

Здѣсь мы находимся въ большомъ затрудненіи: поэтъ такъ увлекательно, такъ поэтически описываетъ внутреннюю тревогу дѣвственной души своей героини, что намъ совѣстно было бы пересказывать это нашею убогою прозою, а выписывать стихи—значитъ переписать всю поэму... Но это такъ хорошо, что нѣтъ возможности не выписать:

. . . . . Каждый день,
Я вамъ сказалъ—она въ саду скиталась;
Она любила гордый шумъ и тѣнь
Старинныхъ липъ—и тихо погружалась
Въ отрадную, забывчивую лѣнь.
Такъ весело качалися березы,
Облитыя сверкающимъ лучомъ...
И по щекамъ ея катились слезы
Такъ медленно—Богъ вѣдаетъ о чемъ.
То подойдя къ убогому забору,
Она стояла по часамъ... и взору
Тогда давала волю... но глядитъ,
Бывало, все на блѣдный рядъ ракитъ.
Тамъ, черезъ ровный лугъ, отъ ихъ села
Верстахъ въ пяти, дорога шла большая;
И какъ змѣя свивалась и ползла
И дальній лѣсъ украдкой обгибая,
Ея всю душу за собой влекла.
Озарена какимъ-то блескомъ дивнымъ,
Земля чужая вдругъ являлась ей...
И кто-то милый голосомъ призывнымъ
Такъ чудно пѣлъ и говорилъ о ней.
Таинственной исполненные муки,
Надъ ней, звеня, носились эти звуки...
И вотъ, искалъ ея молящій взоръ
Другихъ небесъ—высокихъ, пышныхъ горъ
И тополей, и трепетныхъ оливъ...
Искалъ земли плѣнительной и дальней...
Вдругъ русской пѣсни грустный переливъ
Напомнитъ ей о родинѣ печальной;
Она стоитъ, головку наклонивъ,
И надъ собой дивится—и съ улыбкой
Себя браните; и медленно домой
Пойдетъ вздохнувъ... то сломитъ прутикъ гибкой,
То броситъ вдругъ... разсѣянной рукой
Достанетъ книжку—развернетъ, закроетъ,
Любимый шепчетъ стихъ... а сердце ноетъ,
Лицо блѣднѣетъ...—въ этотъ чудный часъ
Я, признаюсь, хотѣлъ бы встрѣтить васъ,
О, барышня моя!.. Въ тѣни густой
Широкихъ липъ стоите вы безмолвно;
Вздыхаете; надъ вашей головой
Склонилась вѣтвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На васъ гляжу я: прелестью степною
Вы дышите—вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозою,
Какъ майская томительная ночь.

Кто получилъ отъ природы благодатную способность понимать поэзію какъ поэзію—не въ однихъ стихахъ, не въ однѣхъ книгахъ, но и въ жизни, и въ природѣ, тѣ согласятся съ нами, что въ этомъ отрывкѣ каждое слово такъ и дышитъ всею роскошію, всѣмъ обаяніемъ истинной поэзіи.

Есть два рода поэзіи: одна, какъ талантъ, происходитъ отъ раздражительности нервъ и живости воображенія; она отличается тѣмъ блескомъ, яркостію красокъ, тою рѣзкою угловатостію формъ, которые мечутся въ глаза толпѣ и увлекаютъ ея вниманіе. Чѣмъ болѣе повидимому заключаетъ въ себѣ такая поэзія, тѣмъ пустѣе она внутри самой себя, ибо она вся въ воображеніи и ничего общаго съ дѣйствительностію не имѣетъ; мысли ея похожи на громкія слова и звучныя фразы, а картины ея похожи только до тѣхъ поръ, пока смотришь на нихъ: отведите глаза, и въ вашемъ воображеніи не останется никакого образа, никакого созерцанія, никакого представленія.—Другая поэзія, какъ талантъ, имѣетъ своимъ источникомъ глубокое чувство дѣйствительности, сердечную симпатію ко всему живому, а потому ея чувства всегда истинны, ея мысли всегда оригинальны, даже и не будучи новыми, ибо онѣ не пойманы извнѣ и на лету, а возникли и выросли въ душѣ поэта. Произведенія такой поэзіи не бросаются въ глаза, но требуютъ, чтобъ въ нихъ вглядывались, и только внимательному взору открывается во всей глубинѣ своей ихъ простая, тихая и цѣломудренная красота. Печать оригинальности составляетъ ихъ неразлучную принадлежность; она есть слѣдствіе способности схватывать сущность, а слѣдовательно и особенность каждаго предмета. И потому описанія ея запечатлѣны достовѣрностію, такъ что еслибъ вы и никогда не видывали описываемаго предмета,

вы тѣмъ не менѣе убѣждены, что онъ точно таковъ и другимъ быть не можетъ. Разбираемая нами поэма можетъ служить образцомъ такихъ произведеній. Вотъ вамъ картина неаполитанскаго лѣта:

Прежаркій день—но вовсе не такой,
Какихъ видалъ я на далекомъ югѣ:
Томительно-глубокой синевой
Все небо пышетъ; какъ больной въ недугѣ,
Земля горитъ и сохнетъ; подъ скалой
Сверкаетъ море блескомъ нестерпимымъ—
И движется, и дышитъ, и молчитъ...
И всѣ цвѣта подъ тѣмъ неутомимымъ,
Могучимъ солнцемъ рдѣютъ... дивный видъ!
А вотъ, зарывшись весь въ песокъ блестящій,
Рыбакъ лежитъ, и каждый проходящій
Любуется имъ съ завистью—я самъ
Имъ тоже любовался по часамъ.

Въ этихъ *тринадцати* стихахъ такая полная картина, что вамъ ничего не остается ожидать къ ея дополненію, хотя, въ то же время, вы знаете, что тысячи другихъ поэтовъ могли бы ту же картину представить вамъ совсѣмъ иначе, совсѣмъ другими словами. Природа неистощима въ своемъ разнообразіи, и дѣло не въ томъ, чтобъ поэзія представляла ее въ сколько можно обширныхъ и сложныхъ картинахъ, а въ томъ, чтобъ она умѣла схватить особенность каждаго ея явленія. Лѣто — вездѣ лѣто: вездѣ отъ него и жарко, и душно, и пыльно; но въ Неаполѣ свое лѣто, въ Россіи—свое. Первое вы сейчасъ видѣли; вотъ второе:

У насъ не то, хоть и у насъ не радъ
Бываешь жару... точно, жаръ глубокій,
Гроза вдали сбирается, трещатъ
Кузнечики неистово въ высокой,
Сухой травѣ; въ тѣни сноповъ лежатъ
Жнецы; носы разинули вороны;
Грибами пахнетъ въ рощѣ; тамъ и сямъ
Собаки лаютъ; за водой студеной
Идетъ мужикъ съ кувшиномъ по кустамъ.
Тогда люблю ходить я въ лѣсъ дубовый,
Сидѣть въ тѣни спокойной и суровой;
Иль иногда подъ скромнымъ шалашомъ
Бесѣдовать съ разумнымъ мужичкомъ.

Въ такой-то день Параша встрѣтилась съ охотившимся молодымъ человѣкомъ. Мы пропускаемъ бо́льшую часть прекрасно изложенныхъ поэтомъ подробностей этой встрѣчи. Скажемъ только, что охотникъ началъ свой разговоръ съ Парашею не восклицаніемъ: „о, дѣва чудная!“ или другою какою-нибудь пошлостію въ этомъ родѣ, но адресовался къ ней съ очень простымъ вопросомъ: „умоляю васъ, скажите, который теперь часъ?“; потомъ: „чей это домъ?“ а тамъ объявилъ ей, что его покойный дѣдъ былъ очень друженъ съ ея отцомъ.

Портретъ незнакомца превосходно очерченъ авторомъ. Это одинъ изъ тѣхъ великихъ маленькихъ людей, которыхъ теперь такъ много развелось, и которые улыбкою презрѣнія и насмѣшки прикрываютъ тощее сердце, праздный умъ и посредственность своей натуры. Онъ былъ за границею, и вынесъ оттуда множество безплодныхъ словъ и сомнѣній... У нѣкоторыхъ журналовъ теперь вошло въ манію нападать на такихъ путешественниковъ, и они съ торжествомъ указываютъ на нихъ, какъ на живое доказательство, что нѣчего за добромъ ѣздить на западъ. Авторъ „Параши“ думаетъ объ этомъ иначе, и, соглашаясь съ нимъ, мы вдругъ вспомнили сказку, нѣкогда переведенную Жуковскимъ, „Кабудъ Путешественникъ“... Къ особенностямъ героя поэмы принадлежитъ и то, что, будучи влюбчивымъ, онъ былъ спокоенъ и горделивъ, а потому и счастливъ въ женщинахъ, удачно обманывая и такихъ между ними, которыхъ самъ не стоилъ; еще: не будучи особенно умнымъ, онъ вполнѣ владѣлъ умомъ, дарованнымъ ему отъ Бога. Говоря о страсти своего героя сгибаться передъ знатью, авторъ очень остроумно признается въ томъ, что любитъ пустой блескъ большого свѣта, не увлекаясь имъ и смотря на него безъ желанія; онъ очень остроумно подшучиваетъ надъ моральными выходками противъ большого свѣта непризнанныхъ, безхвостыхъ львовъ и львицъ, т.-е. людей, которые бранятъ большой свѣтъ за то, что тотъ не хочетъ ихъ знать. Люблю, говоритъ авторъ,

Люблю я пышныхъ комнатъ стройный рядъ
И блескъ и прихоть роскоши старинной...
А женщины... люблю я этотъ взглядъ
Разсѣянный, насмѣшливый и длинный;
Люблю простой, обдуманный нарядъ...
Я этихъ губъ люблю надменный очеркъ,
Задумчиво приподнятую бровь,
Душистыя записки, быстрый почеркъ,
Душистую и быструю любовь;
Люблю я эту поступь, эти плечи,
Небрежныя, заманчивыя рѣчи...
„Но (скажутъ мнѣ) внѣ свѣта никогда
Вы не встрѣчали женщины прекрасной?“
Такихъ особъ встрѣчалъ я иногда,
И даже въ двухъ влюбился очень страстно;
Какъ полевой цвѣтокъ онѣ всегда
Такъ милы—но, какъ онъ, свой легкій запахъ
Онѣ теряютъ вдругъ... и Боже мой,
Какъ не завянуть имъ въ неловкихъ лапахъ
Чиновника, довольнаго собой?

Эти стихи не обойдутся автору даромъ: его объявятъ за нихъ „аристократомъ“, скажутъ, что внѣшній блескъ предпочитаетъ онъ душѣ и сердцу, и т. п. По обыкновенію, въ этомъ случаѣ ему припишутъ то, чего онъ и не думалъ, и горячо будутъ оспаривать его въ томъ, чего онъ не говорилъ. Дѣло тутъ идетъ не о *душѣ* и *сердцѣ*: поэтъ говоритъ совсѣмъ не о внутренней святынѣ женщины, а о ея поэтической внѣшности, которою могутъ не дорожить только натуры сухія и грубыя. Поэзія формы, изящество внѣшности, столь очаровательныя въ женщинѣ, могутъ почесться исключительными

явленіями внѣ большого свѣта. Женщины другихъ круговъ общества смотрятъ на красоту и изящество, какъ на средство поскорѣе выйти замужъ. Достигнувъ этой вожделѣнной цѣли, онѣ скоро перестаютъ и пѣть, и плакать, и читать сладенькіе стишки, и кокетливо наряжаться, и поэтически держать себя; онѣ предаются прозѣ жизни, скоро полнѣютъ, пристращаются къ утреннему дезабилье, забываютъ музыку, луну, стихи, мечту и т. д. Оттого до замужества почти каждая изъ нихъ—*ангелъ доброты, дѣва чудная, неземная, идеальная, Полина* или *Надина*, а послѣ замужества—солидная дама съ вѣсомъ въ обществѣ, *женщина съ характеромъ, Палагея Петровна* и *Надежда Алексѣевна*. Тутъ есть и другая причина. Юность сама по себѣ есть уже поэзія жизни, и въ юности каждый бываетъ лучше, нежели въ остальное время своей жизни; женщины въ особенности. Надо имѣть слишкомъ много глубины и силы въ натурѣ, чтобъ не охолодѣть въ прозѣ жизни, сберечь чувство и душу отъ холода дѣйствительности и сохранить юность сердца и въ лѣта зрѣлости и въ годы старости. Но такія натуры слишкомъ рѣдки, и поэзія юности слишкомъ рѣдко бываетъ ручательствомъ за поэзію дальнѣйшихъ возрастовъ. Бракъ есть рѣшительная эпоха въ жизни мужчины, и еще болѣе въ жизни женщины: для обоихъ, это — гробъ поэзіи и колыбель пошлой прозы и очерствѣнія души и чувства. Авторъ „Параши“ превосходно охарактеризовалъ эпитетомъ „довольнаго собой“ цѣлый разрядъ людей, особенно страшныхъ и гибельныхъ для благоуханной поэзіи женственныхъ существъ. Люди раздѣляются не только на умныхъ и на дураковъ: тѣ и другіе равно рѣдки, и между ними занимаетъ мѣсто огромный разрядъ пошлыхъ людей. Эти люди по большей части не умны и не глупы, иногда же между ними попадаются люди не безъ ума и не безъ способностей; но главное ихъ качество въ томъ и другомъ случаѣ — *довольство самими собою*. Эти господа не знаютъ, что̀ такое раскаяніе, стремленіе къ идеалу и тоска отъ невозможности достичь его, что́ такое горе безъ несчастія и страданіе при хорошемъ положеніи дѣлъ и добромъ здоровьѣ. Какъ бы ни была глубока и богата духовными дарами натура женщины, но если ея мужемъ сдѣлается одинъ изъ такихъ господъ, ей остаются только двѣ неизбѣжныя дороги: или медленно зачахнуть, или помириться съ жизнію, какъ она есть... Послѣднее всего чаще случается. Въ высшихъ кругахъ общества при этомъ не исчезаетъ поэзія внѣшности, и нарядъ остается навсегда обдуманно простъ, взглядъ разсѣянъ, насмѣшливъ и дологъ, и любовь душиста и быстра, какъ записки и почеркъ; но въ среднихъ кругахъ общества внѣшняя пошлость вѣрно отражаетъ внутреннюю, и милые полевые цвѣтки быстро вянутъ въ неловкихъ лапахъ довольнаго собою чиновника...

На другой день въ домѣ отца Параши ждутъ гостя. Старикъ надѣлъ фракъ; дочь въ тайномъ волненіи; ея прическа такъ мила, а перчатки такъ свѣжи... Наконецъ гость является. Онъ говоритъ съ стариками, очаровываетъ ихъ; съ Парашею ни слова; но все въ немъ дышало „сознаніемъ внезапнаго сближенія“.

И предаваясь дивной тишинѣ,
Онъ наслаждался страстно и вполнѣ.

Поэтъ даже заставляетъ его „пылать святымъ и чистымъ жаромъ“ и увѣряетъ, что онъ былъ любимъ... Предупреждая сомнѣніе читателей, авторъ спрашиваетъ ихъ:

Скажите—ваша память мнѣ поможетъ—
Какъ мнѣ назвать ту страстную тоску,
Ту грустную, невольную тревогу,
Которая беретъ васъ понемногу...
Къ чему намъ лицемѣрить, о, друзья!
Ее любовью называю я.

Наступаетъ ночь; хозяинъ приглашаетъ гостя погулять въ саду, и съ своею супругою понемногу отстаетъ отъ молодой четы. Душа Параши не совсѣмъ спокойна, а *онъ* не начинаетъ разговора за тѣмъ, что боится внезапныхъ ощущеній и чувствительныхъ порывовъ, за тѣмъ, что былъ смущонъ своимъ положеніемъ: онъ клялся въ любви только тогда, когда не любилъ; начиная же чувствовать жаръ любовной лихорадки, онъ зарывалъ свою любовь какъ кладъ. Жаль! прелестныя читательницы, охотницы до сладенькихъ стишковъ и восторженныхъ сценъ, вѣрно ожидали тутъ пламеннаго объясненія при лунѣ и звѣздахъ; но герой поэмы ужасный прозаикъ: если онъ и допускалъ возможность исключеній, то въ пошлость вѣрилъ твердо и всегда, и рѣдко ошибался, а о *другомъ* мірѣ не имѣлъ никакого понятія... Что же касается до самого поэта, то чувствительныя и восторженныя читательницы навѣрное будутъ имъ еще менѣе довольны, нежели героемъ поэмы, и объявятъ его человѣкомъ безъ души и сердца, демономъ, который не вѣритъ любви и презираетъ прекрасное и высокое... Предоставляемъ ему самому защищаться противъ этого грознаго суда, и обратимся къ прерванной нити разсказа.

Сказавъ, что герою поэмы въ саду съ уѣздною барышнею было едва-ли отраднѣе, чѣмъ въ аду, авторъ заставляетъ его постепенно таять и объявляетъ — *влюбленнымъ!* Какъ и почему это сдѣлалось? Поэтъ удовлетворительно отвѣчаетъ на эти вопросы:

Во-первыхъ: ночь прекрасная была,
Ночь лѣтняя, спокойная, нѣмая:
Не свѣтила луна, хоть и взошла;
Рѣка, во тьмѣ таинственно сверкая,
Текла вдали... Дорожка къ ней вела;
А листья въ тишинѣ толпой незримой
Лепечутъ. Вотъ они сошли въ оврагъ
И словно ихъ движеніемъ гонимый,
Предъ ними разступался мягкій прахъ...
Противиться не могъ онъ обаянью—
Онъ волю далъ безпечному мечтанью,
И улыбался мирно и вздыхалъ...
А свѣжій вѣтръ въ глаза ихъ лобызалъ.
А во-вторыхъ: Параша не молчитъ,
И не вздыхаетъ съ притворной ужимкой,
Но говоритъ, и просто говоритъ.
Она такъ мило движется—какъ дымкой
Прозрачной тѣнью трепетно облитъ
Ея высокій станъ... онъ отдыхаетъ;
Ужъ онъ и радъ, что съ ней они вдвоемъ,—
Заговорилъ, а сердце въ ней пылаетъ
Невѣдомымъ, томительнымъ огнемъ.
Ихъ запахомъ встрѣчаетъ кустъ незримый
И, словно тоже страстію томимый,
Вдали, вдали--на рубежѣ степей
Гремитъ, поетъ и плачетъ соловей.
И можетъ быть, онъ началъ понимать
Всю прелесть первыхъ трепетныхъ движеній
Ея души—и сталъ въ немъ умирать
Крикливый рой смѣшныхъ предубѣжденій;
Но ей одной доступна благодать
Любви простой, и дѣтской, и стыдливой...
Нѣтъ! о любви не думаетъ она—
Но, какъ листокъ блестящій и стыдливый,
Ее несетъ широкая волна...
Все въ этотъ мигъ кругомъ ей улыбалось,
Надъ ней одной все небо наклонялось,
И, колыхаясь медленно, трава
Ей вслѣдъ шептала милыя слова...

Уѣзжая домой, нашъ герой думалъ про себя: „Я радъ сосѣдямъ... Онъ человѣкъ богатый... дочь у нихъ одна и притомъ она мила“. Думая такъ, онъ гналъ отъ себя другія, неумѣстныя мечты, отголоски давно минувшихъ дней... А что же Параша? Ей казалось, что все прежнее, вся жизнь ея измѣнилась; во снѣ ей видѣлся *онъ*, а поэту слышится надъ нею, спящею, какой-то *насмѣшливый* голосъ, который говоритъ:

„Въ теплый вечеръ, въ ульяхъ чистыхъ
„Зрѣютъ свѣтлые соты;
„Въ теплый вечеръ липъ душистыхъ
„Раскрываются цвѣты;
„И тогда по нимъ слезами
„Потечетъ прозрачный медъ—
„Вьётся жадно надъ цвѣтами
„Пчелъ ликующій народъ...
„Наклоняя сладострастно
„Свой усталый стебелёкъ,
„Гостя милаго напрасно
„Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.
„Такъ и ты цвѣла стыдливо,
„И въ тебѣ, дитя мое,
„Созрѣвало прихотливо
„Сердце страстное твое...
„И теперь, въ красѣ расцвѣта,
„Обаянія полна,
„Ты стоишь подъ солнцемъ лѣта
„Одинока и пышна.
„Такъ склонись же, стебель стройный;
„Такъ раскройся-жъ, мой цвѣтокъ;
„*Прилетѣлъ женихъ... достойный*
„Въ твой забытый уголокъ.

Однакожъ странно: почему эти прекрасные стихи такъ неожиданно смѣняются такимъ прозаическимъ стихомъ — *съ достойнымъ женихомъ?..* Не забывайте, что эти стихи прозвучалъ насмѣшливый голосъ... Чей же это голосъ?—Должно быть, *сатаны*: эта догадка тѣмъ основательнѣе, что самъ поэтъ, вслѣдъ затѣмъ, заставляетъ сатану „поникнуть угрюмою головой надъ любящей четою“. Но не ожидайте сцены обольщенія: нашъ поэтъ—писатель благонравный; а герой его поэмы не былъ Донъ-Хуаномъ—въ этомъ увѣряетъ насъ самъ авторъ:

Мой Викторъ не былъ Донъ-Хуаномъ... ей
Не предстояли грозныя волненья.
„Тѣмъ лучше“ скажутъ мнѣ: „разгулъ страстей
„Опасенъ“... *Точно; лучше, безъ сомнѣнья,*
Спокойно жить и приживать дѣтей—
И не давать, особенно въ началѣ,
Щекамъ пылать... склоняться головѣ...
А сердцу забываться—и такъ далѣ.
Не правда-ль? Общепринятой молвѣ
Я покоряюсь молча... поздравляю
Парашу—и судьбѣ ее вручаю—
Подобной жизнью будетъ жить она;
А кажется, хохочетъ сатана.
Мой Викторъ пересталъ любить давно...
Въ немъ съизмала горѣли страсти скупо;
Но впрочемъ, тѣмъ же свѣтомъ рѣшено,
Что по любви жениться—даже глупо,
И вотъ въ кого ей было суждено
Влюбиться... Что-жъ? онъ человѣкъ прекрасный,
И—какъ умѣетъ—самъ влюбленъ въ нее;
Ея души задумчивой и страстной
Сбылись надежды всѣ... сбылося все,
Чему она дать имя не умѣла,
О чемъ молиться смѣла и не смѣла...
Сбылося все... и оба влюблены...
Но все-жъ мнѣ слышенъ хохотъ сатаны.

Да чему же обрадовался лукавый?.. Не приготовляетъ ли онъ измѣны ревности, кинжала, яда и другихъ золъ, которыми нарушается супружеское счастіе?.. Ничего не бывало! Вы правы, чувствительныя и восторженныя читательницы, говоря, что авторъ „Параши“ человѣкъ прозаическій и холодный... Въ самомъ дѣлѣ, оставивъ сатану, онъ вдругъ извѣщаетъ васъ, что онъ долго былъ въ отсутствіи и лѣтъ черезъ пять посѣтилъ влюбленныхъ. Четвертый годъ, какъ они были супругами, и Викторъ какъ-то странно потолстѣлъ, но *ее* встревожилъ приходъ поэта, напомнивъ ей о прежнемъ, и она даже сгрустнула и поплакала.

Но грусть замужней женщины смѣшна.
Какъ ручеекъ извилистый, но плавный,
Катилась жизнь Прасковьи Николавны!

Мужъ ее любилъ. „Можетъ быть, вы скажете, что онъ не стоилъ ея любви?“ говоритъ поэтъ, и отвѣчаетъ такъ: „кто знаетъ!“

Но—Боже! то ли думалъ я, когда,
Исполненный нѣмого обожанья,
Ея душѣ я предрекалъ года
Святаго, благодатнаго страданья!
Съ надеждами разставшись навсегда,
Свыкался я съ суровымъ отчужденьемъ;

Но въ ней ласкалъ послѣднюю мечту
И на нее съ таинственнымъ волненьемъ
Глядѣлъ, какъ на любимую звѣзду...
И что-жъ? я былъ обманутъ такъ невинно,
Такъ просто, такъ естественно, такъ чинно,
Что въ истинѣ своихъ желаній я
Сталъ сомнѣваться, милые друзья.
И вотъ что ей сулили ночи той,
Той лѣтней ночи страстныя мгновенья,
Когда съ такой тревожной быстротой
Въ ея душѣ смѣнялись вдохновенья...
Прощай, Параша!.. Время на покой;
Перо къ концу спѣшитъ нетерпѣливо...
Что-жъ мнѣ сказать о ней? Признаться вамъ—
Ее никто не назоветъ счастливой
Вполнѣ... она вздыхаетъ по часамъ,
И въ памяти хранитъ какъ совершенство
Невинности нелѣпое блаженство!
Я скоро съ ней разстался... и едва-ль
Ее увижу вновь... ея мнѣ жаль...

Если и теперь не для всѣхъ будетъ понятенъ хохотъ сатаны, то мы, право, не знаемъ, какъ и объяснить его... Этотъ сатана долженъ быть знакомъ русскимъ читателямъ, потому что они встрѣчались съ нимъ и въ „Онѣгинѣ“, и въ „Горѣ отъ Ума“, и въ „Ревизорѣ“, и въ повѣстяхъ Гоголя, и въ „Героѣ Нашего Времени“, и вмѣстѣ съ нимъ смѣялись или грустили надъ неточнымъ и превратнымъ употребленіемъ разныхъ ежедневно употребляемыхъ словъ. Въ „Парашѣ“ навлекло на себя насмѣшку бѣса слово „любовь“ и неумѣніе многихъ любить, и умѣніе ихъ дѣлать комедію изъ всякаго чувства. Наши *юноши* и *дѣвы* въ любви всего менѣе думаютъ о любви, но тѣ и другія ищутъ въ ней счастія, а счастіе любви полагаютъ въ союзѣ съ *нимъ* и съ *нею*. Любовь, какъ всякое сильное чувство, какъ всякая глубокая страсть, есть сама себѣ цѣль; для любящихся она—долгъ, требующій служенія и жертвъ, и, предаваясь чувству, они не отступаютъ назадъ, что̀ бы ни сулила имъ развязка ихъ романа—счастливый ли союзъ, или терновый вѣнецъ страданія и безвременную могилу... Но есть люди, которые очень уважаютъ чувство, пока оно сулитъ имъ вѣрное счастіе и пока оно не требуетъ отъ нихъ ничего, кромѣ прекрасныхъ словъ и поэтическихъ восторговъ... И потому участь такихъ людей рѣшаетъ не страсть, не чувство, а теплая лѣтняя ночь и одинокая прогулка, располагающія къ нѣгѣ, мечтательности и заставляющія расплываться душою и сердцемъ... И какъ же иначе? для страсти надо воспитаться, развиться. А для этого надо возрасти въ такой общественной сферѣ, въ которой духовная жизнь черезъ дыханіе входитъ въ человѣка, а не изъ книгъ узнается имъ... Только тогда изъ его страсти можетъ выйти или серьезная повѣсть, или высокая драма, а не жалкая комедія, не каррикатурная пародія для потѣхи сатаны...

Но, можетъ быть, все это инымъ читателямъ покажется довольно темно, и они пайдутъ очень серьезною развязку повѣсти. Въ самомъ дѣлѣ: влюбились и женились, оба молоды и съ достаткомъ, оба приличная партія другъ другу; дай Богъ такъ всякому!.. И то правда! Такимъ читателямъ мы ничего не находимся отвѣтить, и рецензенту остается только извиниться передъ ними словами поэта:

Но вы добры, я слышалъ, и меня,
По глупости, простите ради Бога.

Другіе, можетъ быть, станутъ благоразумно разсуждать, что выйди Параша, вмѣсто Виктора, за человѣка съ душою возвышенною, сердцемъ страстнымъ и проч.,—она не утратила бы благоуханія души своей и въ пошломъ спокойствіи не забыла бы жаркаго волненія сердца и сладости страданія... Нѣтъ, еслибъ она была выше своей судьбы,—не спокойствіе, а страданіе было бы удѣломъ ея,—хотѣли мы сказать, но, вспомнивъ, что предупредительный поэтъ лучше насъ рѣшилъ этотъ вопросъ, мы ограничиваемся повтореніемъ его словъ:

Мнѣ жаль ея... быть можетъ, еслибъ рокъ
Ее повелъ другой—другой дорогой...
Но рокъ—такъ всѣми принято—жестокъ,
А потому и поступаетъ строго.

Выписанныя нами мѣста изъ поэмы достаточно говорятъ за дарованіе и мастерство автора. Стихъ обнаруживаетъ необыкновенный поэтическій талантъ, а вѣрная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которою скрывается столько чувства,—все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара творчества, сына нашего времени, носящаго въ груди своей всѣ скорби и вопросы его. Объ оригинальности мы не говоримъ: она то же, что талантъ—по крайней мѣрѣ, безъ нея нѣтъ таланта. Многіе найдутъ въ поэмѣ слѣды подражанія Пушкину и особенно Лермонтову: это не удивительно, ибо живая историческая послѣдовательность литературныхъ явленій всегда смѣшивается толпою съ холодной и бездушной подражательностью. Но люди мыслящіе понимаютъ, что быть подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ великихъ мастеровъ родной литературы, проявляя въ своихъ произведеніяхъ упроченное ими литературѣ и обществу, и рабски подражать—совсѣмъ не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно-развивающагося, второе—безталантности. Можно поддѣлаться подъ стихъ и подъ манеру писателя, но не подъ духъ и натуру его, ибо можно цѣлый вѣкъ проживать съ чужими словами и чужими манерами, но отъ собственнаго духа и собственной натуры отречься нельзя, каковы бы они ни были—велики или малы... Въ стихахъ г. Т. Л. столько жизни и поэзіи,

въ созерцаніи его столько истины и вѣрности, что тутъ всякая мысль о подражательности нелѣпа. Вся поэма проникнута такимъ строгимъ единствомъ мысли, тона, колорита, такъ выдержана, что обличаетъ въ авторѣ не только творческій талантъ, но и зрѣлость и силу таланта, умѣющаго владѣть своимъ предметомъ. Вообще, нельзя не замѣтить, по случаю этой поэмы, какіе великіе успѣхи въ послѣднее время сдѣлали наша поэзія и наше общество: чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о поэмахъ, являвшихся до „Цыганъ“ Пушкина... Иронія и юморъ, овладѣвшіе современною поэзіею, всего лучше доказываютъ ея огромный успѣхъ: ибо отсутствіе ироніи и юмора всегда обличаетъ дѣтское состояніе литературы.

Для любителей мелкихъ прицѣпокъ укажемъ на четыре неудачные стиха въ „Парашѣ“. На стр. 7, строфа IV, стихъ: „Ея два брата умерли чахоткой“ не клеится съ цѣлымъ и явно вставленъ для риѳмы. Кстати: риѳма къ нему „красоткой“ нехороша, потому что слово „красотка“ по-русски немного вульгарно. На стр. 23, строфа XXXI, въ стихѣ: „Отъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался“, вѣроятно есть опечатка, и его должно читать такъ: „*Онъ* отъ толпы съ презрѣньемъ отчуждался“. На стр. 29 послѣдній стихъ XLII-й строфы странно неумѣстенъ („Читатель — я, признайтесь, я смѣшонъ“). На стр. 33-й третій стихъ прекрасной XLIX-й строфы испорченъ неправильнымъ ударѣніемъ: „Не свѣтила луна, хоть и взошла“.—Больше не къ чему придраться самому мелочному ловцу чужихъ ошибокъ и промаховъ.

Словно гармоническимъ аккордомъ оканчивается поэма послѣднею строфою, оставляя на душѣ глубокій слѣдъ взволнованной думы:

А если кто разсказъ небрежный мой
Прочтетъ—и вдругъ, задумавшись невольно,
На мигъ одинъ поникнетъ головой
И скажетъ мнѣ спасибо:—мнѣ довольно...
Тому давно—стоялъ я надъ кормой,
И плыли мы вдоль города чужого;
Я былъ одинъ на палубѣ... волна
Вздымала насъ и опускала снова...
И вдругъ мнѣ кто-то машетъ изъ окна;—
Кто онъ, когда и гдѣ мы съ нимъ видались,
Не могъ я вспомнить... быстро мы промчались—
Ему въ отвѣтъ и я махнулъ рукой—
И городъ тихо скрылся за горой.

Дай Богъ, чтобъ наша встрѣча съ талантомъ автора „Параши“ не была также случайна, но превратилась въ знакомство продолжительное и прочное. Грустно было бы думать, что такой талантъ—не болѣе, какъ вспышка юности, кипѣніе молодой крови, а не признакъ призванія, и можетъ обмануть возбужденныя имъ ожиданія и надежды, какъ обманула поэта героиня его поэмы... 1843 г.

---

46. Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1843 года.

Замѣтки эти являются непосредственнымъ продолженіемъ замѣтокъ 1842 года, а слѣдовательно настоящая статья — непосредственнымъ продолженіемъ статьи № 42. По-прежнему Бѣлинскій защищается отъ „денонсіацій“ Шевырева, попрежнему ведетъ непримиримую войну съ „Сѣверной Пчелой“, „Москвитяниномъ“, „Маякомъ“, попрежнему клеймитъ Булгарина и выясняетъ литературную физіономію Сенковскаго; и вмѣстѣ съ этимъ онъ, полемизируя съ Сенковскимъ, много говоритъ о Гоголѣ, а въ замѣткѣ противъ Шевырева—даетъ цѣлую статейку о Лермонтовѣ (замѣтки пятая и седьмая).

Необходимыя примѣчанія сдѣланы нами въ текстѣ. **И.-Р.**

I.

Представленіе „Женитьбы“ на сценѣ Александринскаго Театра снова оживило фельетонъ „Сѣверной Пчелы“. Наконецъ (восклицаетъ эта газета въ № 279 прошлаго года), въ бенефисъ г. Сосницкаго мы видѣли ту знаменитую *комедію* Гоголя, о которой уже нѣсколько лѣтъ трубятъ *его пріятели!*“ — Что за странная манера, въ дѣлѣ чисто литературномъ говорить о „пріятеляхъ!“ Почему фельетонисту знать, кто пріятель Гоголю и кому Гоголь пріятель? Пушкинъ *печатно* называлъ Дельвига и другихъ [1]) своими друзьями и пріятелями: стало быть,

---

[1]) Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ.
(Евгеній Онѣгинъ).
Прим. Бѣлинскаго.

и другіе могли, не нарушая приличія, говорить, что такой-то и такой-то — друзья Пушкина; но никто не имѣлъ права называть *печатно* друзьями и пріятелями Пушкина тѣхъ, которыхъ онъ самъ не называлъ этимъ именемъ тоже *печатно*. Гоголь ни одною строкою и никого не объявлялъ ни другомъ своимъ, ни пріятелемъ, и, сколько намъ извѣстно, еще никто не называлъ себя печатно ни другомъ, ни пріятелемъ Гоголя. Слѣдовательно, „Сѣверная Пчела" самоуправно присвоила себѣ право навязывать Гоголю пріятелей, изъ которыхъ онъ иныхъ и въ глаза не видывалъ. И послѣ этого фельетонистъ „Сѣверной Пчелы" еще позволяетъ себѣ пускаться въ разглагольствованія о хорошемъ литературномъ тонѣ, о приличіи, объ образованности!.. У таланта Гоголя дѣйствительно много въ Россіи и друзей и пріятелей, такъ же, какъ и враговъ и недруговъ: это общая судьба всѣхъ высокихъ талантовъ; и вотъ объ этихъ-то друзьяхъ и пріятеляхъ, врагахъ и недругахъ позволительно разсуждать въ печати, не выходя изъ предѣловъ литературнаго вопроса. Взгляните на дальнѣйшіе подвиги фельетониста „Сѣверной Пчелы" касательно этого недающаго ей покою, хотя и не знающаго о ея существованіи Гоголя. За выписаннымъ нами восклицаніемъ слѣдуетъ изложеніе содержанія комедіи для доказательства, что она никуда не годится, такъ что читатель можетъ подумать, будто „Женитьба" Гоголя хуже даже какой-нибудь „Шкуны Нюкарлеби" г. Булгарина. Далѣе слѣдуютъ радостныя, исполненныя торжественности извѣстія о паденіи пьесы, о единодушномъ шиканіи, похвалы тонкому, изящному вкусу и свѣтской разборчивости публики Александринскаго Театра... Старыя шутки, господа! На сценѣ давались и пьесы Пушкина: „Русалка", „Моцартъ и Сальери", „Скупой Рыцарь", отрывки изъ „Цыганъ"— и все это не имѣло ни малѣйшаго успѣха, слѣдовательно, испытало паденіе... Зато, на сценѣ же давались въ старину „Филатка и Мирошка", а теперь дается „Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами", съ одобреніемъ принятая публикою. Что это значитъ—предоставляемъ рѣшить г. фельетонисту...

Между прочимъ, фельетонистъ распространяется о какихъ-то партіяхъ, изъ которыхъ одну называетъ „здѣшнею", а другую „московскою", и послѣднюю заставляетъ прославлять Гоголя, чтобъ черезъ это „заставить публику отвернуться отъ другихъ сатирическихъ и юмористическихъ писателей и романистовъ"... Ну, есть же изъ чего хлопотать! Не зная никакой московской партіи, тѣмъ не менѣе жалѣемъ о ней, что она занимается такими мелочами, хваля и превознося Гоголя не за его прекрасныя созданія, а изъ желанія ронять то, что́ и само собою давно уже внѣ всякой опасности упасть, по смыслу русской пословицы: „лежачаго не бьютъ"... И что за смѣшная мысль, будто возможно возвысить недостойное, или уронить достойное! Кто наши юмористическіе писатели, кромѣ Гоголя?—Фонвизинъ, Крыловъ (баснописецъ), Нарѣжный (романистъ), Грибоѣдовъ. Кто же не отдавалъ имъ должнаго, кто ронялъ ихъ?... „Пусть же (восклицаетъ фельетонистъ) г. Гоголь выступилъ на журнальное поприще и сдѣлался критикомъ... тогда бы мы увидѣли, какъ тѣ же самыя лица, которыя созидаютъ ему пьедесталъ, чтобъ поставить его рядомъ съ Гомеромъ, стали бы разбивать изъ всѣхъ силъ этотъ пьедесталъ!..." А! вотъ что! теперь мы понимаемъ, куда клонятся намеки фельетониста: г. Булгаринъ почитаетъ себя и сатирикомъ, и юмористомъ, и романистомъ, критикомъ,—и по его мнѣнію, люди безпристрастные потому не соглашаются съ нимъ въ его лестныхъ отзывахъ о самомъ себѣ, что онъ—*критикъ!!*. Иначе его признавали бы чѣмъ-то не меньше даже Гоголя!.. Г. Булгаринъ и Гоголь—да это еще оригинальнѣе, чѣмъ Гоголь и—Гомеръ!..

А между тѣмъ Гоголь выступалъ на журнальное поприще и былъ критикомъ: въ „Арабескахъ" напечатаны его превосходныя критическія статьи о Пушкинѣ, о Брюловѣ, о Шлецерѣ, Миллерѣ и Гердерѣ [1]); а въ 1 нумерѣ „Современника" 1836 года есть статья его „О движеніи журнальной литературы", въ которой съ неподражаемымъ юморомъ характеризована „Сѣверная Пчела" и разные критики!... Ужъ не отъ того ли въ „Сѣверной Пчелѣ" и понынѣ не отдается Гоголю должной справедливости?.. По теоріи самой „Сѣверной Пчелы" выходитъ такъ...

Кстати о Гомерѣ и Гоголѣ: та же газета продолжаетъ увѣрять (см. № 285), будто „Отеч. Зап." величаютъ *Гоголя—Гомеромъ*... Просимъ покорнѣйше указать хоть одну страницу въ „Отеч. Запискахъ", гдѣ была бы *хоть одна строка*, доказывающая справедливость такого обвиненія. Въ „Отеч. Запискахъ", напротивъ, нѣсколько разъ было

---

[1]) Въ одной изъ первыхъ своихъ статей—„О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя" — Бѣлинскій крайне отрицательно и рѣзко отозвался объ этихъ „ученыхъ" статьяхъ Гоголя (см. т. I, стр. 168); но въ письмѣ къ Гоголю отъ 20 апр. 1842 г. онъ писалъ: „во время оно я съ жестокою запальчивостію изрыгнулъ хулу на ваши въ „Арабескахъ" статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгаю хулу на духа. Онѣ были тогда для меня слишкомъ просты, а потому и неприступно высоки"... Первый отзывъ Бѣлинскаго былъ несомнѣнно ближе къ истинѣ.

писано *противъ* тѣхъ господъ, которые сочинили *небывалое* сходство Гоголя съ Гомеромъ, и разъ была напечатана большая статья въ опроверженіе этихъ странностей [1]). Какъ же назвать эту неприличную выходку „Сѣверной Пчелы“ противъ „Отеч. Записокъ?“

II.

Въ 1 № „Москвитянина“ на 1843 годъ, въ статьѣ „Критическій перечень произведеній Р(р)усской С(с)ловесности за 1842 годъ“, находится слѣдующее *оригинальное* сужденіе о г. Бенедиктовѣ, достойное быть сохраненнымъ для потомства:

Несмотря на своихъ враговъ, онъ (г. Бенедиктовъ) остается всегда отмѣченъ (?) своею яркою особенностью въ Р(р)усской лирической П(п)оэзіи. Главная черта его лиры (черта лиры!..), *по нашему мнѣнію*, есть мысль, глубоко лежавшая въ каждомъ изъ лучшихъ его произведеній, и растворенная часто, особенно прежде, теплотою душевною. Въ отношеніи къ сліянію мысли и чувства (??), М(м)уза Бенедиктова имѣетъ большое родство съ М(м)узою Шиллера, которая произвела на нее сильное вліяніе. Справедливо упрекали Бенедиктова въ изысканности выраженія, въ чемъ можно упрекнуть и славнаго Н(н)ѣмецкаго лирика; но никто не отниметъ у него особенности его стиха и звука, которыхъ онъ ни у кого не занялъ“.

Итакъ, дѣло рѣшенное: г. Бенедиктовъ—Шиллеръ, г. Ленскій — Беранже и проч.... Послѣ этого, сравненіе Гоголя съ Гомеромъ ужъ не должно казаться нелѣпостію...

III.

Въ 35 № „Сѣверной Пчелы“ превозносится до небесъ плохая драма г. Полевого „Ломоносовъ“, и, по обыкновенію, съ ожесточеніемъ порицаются „Отеч. Записки“ за то, что онѣ говорятъ правду о новомъ драматическомъ издѣліи г. Полевого. „Не знаемъ, чему дивиться (восклицаетъ „Сѣверная Пчела“), *храбрости* ли Отечественныхъ Записокъ, которыя, вопреки истинѣ и общему мнѣнію, стремятся унижать достоинства писателей, не принадлежащихъ къ ихъ партіи, или терпѣнію публики!“ Въ самомъ дѣлѣ, нужна особенная *храбрость*, чтобъ смѣть сказать правду о такомъ великомъ національномъ геніи, какъ г. Полевой! По нашему мнѣнію, гораздо больше нужно было храбрости разругать *седьмую* главу „Онѣгина“, превознося до небесъ первыя шесть главъ его; но „Сѣверная Пчела“ и это сдѣлала. Нужно было также довольно смѣлости, чтобъ разругать и лучшее произведеніе г. Загоскина—„Юрій Милославскій“, а потомъ хвалить слѣдовавшіе за нимъ посредственные его романы; но „Сѣверная Пчела“ и это сдѣлала. Еще больше нужно смѣлости, чтобъ въ одномъ нумерѣ газеты назвать „Уголино“ г. Полевого пьесой равною по достоинству съ драмами Шиллера, а черезъ три дня, въ той же газетѣ, поставить ее хуже всего худого, оправдываясь передъ публикою въ первомъ отзывѣ кумовствомъ, camaraderie!.. [1]). Но чтобъ сказать правду о какомъ-нибудь поставщикѣ дюжинныхъ драмъ,—для этого не нужно никакой храбрости, и какъ ни хлопочетъ „Сѣверная Пчела“, а изъ нашихъ отзывовъ объ издѣліяхъ драматической „тли“ [2]) никогда не удастся ей сдѣлать страшнаго литературнаго преступленія...

Въ фельетонѣ того же знаменитаго нумера (35-го) „Сѣверной Пчелы“, оканчивающагося апоѳеозою блиновъ въ екатерингофскомъ вокзалѣ и въ кафе-ресторанѣ Беранжѐ, есть еще двѣ прекурьезныя диковинки. Фельетонистъ, превознося до небесъ вмѣстѣ съ блинами и „Ломоносова“ г. Полевого, упрекаетъ его только за характеръ Тредьяковскаго, и на какомъ бы думали вы основаніи? Послушайте самого фельетониста: „Точно ли былъ таковъ Тредьяковскій? Правда ли, что̀ писалъ о немъ Ломоносовъ и другіе враги? Что бы было, еслибы потомство стало судить объ авторахъ (*не о сочинителяхъ ли?*), напримѣръ, по сужденіямъ Отечественныхъ Записокъ?“—Вотъ, поистинѣ, странное опасеніе! Ужъ не боится ли г. фельетонистъ, чтобы его нѣкогда не вывели въ какой-нибудь „драматической повѣсти“? Или, не думаетъ ли онъ, что кто-нибудь можетъ замаскироваться отъ потомства, когда онъ знаетъ, что и для современниковъ не такъ-то легко ходить долго подъ маскою? Державинъ сказалъ великую истину и высокую мысль въ этихъ стихахъ:

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Вторую курьезную вещь въ этомъ фельетонѣ тоже выписываемъ цѣликомъ:

„Пропала русская пословица: „по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ!“ Теперь ни до платья, ни до чужого ума никому нѣтъ дѣла, если вашъ умъ не нуженъ другимъ для спекуляцій! Теперь собесѣдниковъ выбираютъ по адресъ-календарю или по биржевымъ извѣстіямъ, а не по уму и любезности. А то ли было въ XVIII вѣкѣ? *Что было бы съ авторомъ, котораго пьеса имѣла бы такой блистательный успѣхъ, какъ Ломоносовъ Н. А. Полевого!* Вспомнимъ о Сумароковѣ, Фонъ-Визинѣ, Аблесимовѣ и многихъ другихъ“.

Объ Аблесимовѣ на этотъ счетъ мы ничего не помнимъ, а о Сумароковѣ хорошо

[1]) См. выше статьи №№ 38—39.

[1]) Обо всемъ этомъ см. наши примѣчанія къ статьѣ № 42.

[2]) Въ „Отеч. Запискахъ“ 1843 г. (№ 1) былъ помѣщенъ разсказъ Панаева „Тля“, въ которомъ выводился на сцену Булгаринъ и К°. Отсюда постоянные намеки Бѣлинскаго на „литературную тлю“. См. статью № 47.

помнимъ, что онъ по своему раздражительному, сочинительскому самолюбію былъ въ обществахъ не очень лестно принятъ. Фонъ-Визинъ—совсѣмъ другое дѣло: это былъ не только умный, острый и образованный человѣкъ, но и литераторъ честный...

IV.

Давно уже слышимъ мы, что въ „Петербургѣ“ издается какой-то журналъ подъ именемъ „Маяка“ и желали, изъ любопытства, видѣть его; по справкамъ оказалось, что это чрезвычайно трудно, и мы принуждены были отказаться отъ своего желанія,— какъ вдругъ 24-й нумеръ „Сѣверной Пчелы“ снова возбудилъ въ насъ желаніе удостовѣриться въ существованіи миѳическаго журнала. На этотъ разъ случай помогъ намъ неожиданно достать январскую книжку „Маяка“ на 1843 годъ,—и при всей нашей недовѣрчивости къ „Сѣверной Пчелѣ“ мы увидѣли, что все сказанное въ ней (№ 24) о „Маякѣ“ сущая правда, не выдумка. Перелистовавъ эту книжку, мы тотчасъ увидѣли, что это журналъ „для немногихъ“, и тотчасъ поняли, почему не могли такъ долго убѣдиться собственными глазами въ его существованіи. Между прочими диковинками — представьте себѣ: какой-то г. Мартыновъ обѣщаетъ Степану Онисимовичу, издателю „Маяка“, *подробный обзоръ стихотвореній А. С. Пушкина*. Предвидя удивленіе многихъ, что *какой-то* господинъ Мартыновъ обѣщаетъ лучше всѣхъ бывшихъ и настоящихъ критиковъ оцѣнить Пушкина, онъ (т.-е. г. Мартыновъ) говоритъ:

„Лѣтописи *грамотности* или словесности, по-вашему—литературы, представляютъ каждому изъ насъ убѣдительныя доказательства того, что самые извѣстные и знаменитые цѣнители чужихъ произведеній часто впадаютъ въ непростительные промахи: или слишкомъ заговариваются, или многое не договариваютъ, или многое переговариваютъ; между тѣмъ какъ люди, дотолѣ неизвѣстные, являются на сцену письменности съ ясными, прямыми и вѣрными взглядами на вещи этого рода, безъ малѣйшаго посягательства на *высшія точки зрѣнія*, и *прославленный отъ современниковъ писатель предстаетъ передъ потомство съ ощипанными лаврами*“ (*Критики стр. 24*).

По мнѣнію г. Мартынова, всѣ критики, хвалившіе Пушкина, и пристрастны и поверхностны; судя по этому и по другимъ фразамъ статейки г. Мартынова, видно, что онъ рѣшился *общипать* Пушкина не на шутку. Г. Мартыновъ говоритъ правду, что нѣтъ дѣла до извѣстности или неизвѣстности критика, лишь бы онъ дѣльно критиковалъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы какой-нибудь господинъ, хотя бы то былъ самъ г. Мартыновъ, не сдѣлавъ дѣла, а только посуливъ его, уже имѣлъ право расхвастаться имъ, какъ великимъ подвигомъ, и утверждать храбро, что всѣ критики заблуждались, а одинъ онъ напалъ на истину. Но въ „Маякѣ“ этотъ тонъ принятъ, какъ видно, за основаніе изданія: имъ такъ и дышатъ всѣ статьи его. Г. издатель „Маяка“ (если не ошибаемся, г. *Бурачекъ*), въ отвѣтѣ на литературное хвастовство г. Мартынова, говоритъ, что для нашей литературы насталъ вѣкъ *мишурности*, что Батюшковъ былъ предвѣстникомъ, а Пушкинъ основателемъ и утвердителемъ этой *мишурности*; что противъ нея теперь ратуютъ, елико силъ хватаетъ: „Маякъ“, „Сынъ Отечества“ и „Москвитянинъ“, а прочіе журналы горой стоятъ за нее!.. Боже великій, что это такое?.. Но погодите, то ли еще впереди! „Сыну Отечества“ „Маякъ“ воздаетъ полную похвалу, какъ достойному его сподвижнику; но „Москвитяниномъ“ онъ только вполовину доволенъ. „Москвитянинъ“—видите ли—противорѣчитъ самому себѣ, съ одной стороны утверждая, что русская литература должна свергнуть съ себя вліяніе лукаваго и буйствомъ разума омраченнаго Запада и быть самобытною и оригинальною; а съ другой стороны, утверждаетъ, что „Мертвыя Души“ Гоголя — великое произведеніе, что Пушкинъ—великій поэтъ, и что Западъ образованнѣе насъ.

„Въ чемъ (восклицаетъ въ рыцарскомъ негодованіи нашъ восточный витязь)? въ вязкѣ блондовъ (блондъ?), въ развлеченіяхъ, и услажденіяхъ жизни, въ желѣзныхъ дорогахъ, операхъ—въ роскоши?—*пожалуй*; но въ любви къ Богу, въ добродѣтели, въ семейности, въ сердечной, духовной образованности, что безконечно важнѣе и труднѣе— Русскіе всегда были и есть выше Запада“ (стр. 30).

Далѣе, издатель „Маяка“ восклицаетъ: „Добрые Русскіе! вы всѣ согласны, что пора намъ бросить *чужое* и возвратиться къ *своему*?“ и *такъ* заставляетъ *добрыхъ Русскихъ* отвѣчать ему: „Да, да, мы всѣ согласны. Это хорошо. Давайте свое, свое, русское, родное! *ура!*“ (стр. 31). „Стало быть, и Пушкинъ *мишурникъ?*“ спрашиваютъ хоромъ добрые Русскіе г. издателя „Маяка“: „Какъ смѣть! міровой поэтъ! народный геній! краса и столбъ нашей литературы!“... Но издателя „Маяка“ нельзя сбить съ толку цѣлому хору добрыхъ Русскихъ, и онъ, нимало не запинаясь, отвѣчаетъ такъ:

— Добрые Русскіе! вѣдь это все пока *порожнія* рѣчи, слова—слова—слова! вглядимся въ дѣло: разберемте Пушкина: вотъ г. Мартыновъ предлагаетъ вамъ свой исполинскій трудъ: выслушаемте его спокойно, не горячась, посудимъ, потолкуемъ,— убѣдимся и положимъ: „быть тому такъ“: всѣ заблуждались въ словесности, *всѣ поголовно*, и производители и потребители. Кого же винить?—ложный духъ времени! Кому краснѣть?—никому или всѣмъ: а *на людяхъ* не только смерть, и *стыдъ красенъ*. Смиримъ же свою мнимую непогрѣшительность падшими человѣками и подъ такимъ

назидательнымъ урокомъ милующей разъ и навсегда перестанемъ повторять *порожнія* рѣчи!" (стр. 32).

Вотъ ужъ подлинно *порожнія* рѣчи! Какъ бы хорошо было для чести здраваго смысла и русской литературы, еслибы онѣ перестали повторяться! И что за милый, наивный и патріархальный тонъ, что за короткость съ добрыми Русскими! Хорошо еще, что эти „добрые Русскіе" не слышатъ такихъ „порожнихъ" рѣчей! Видите ли: соберемтесь-ка вкупѣ и влюбѣ, сядемъ кругомъ г. Мартынова, читающаго намъ свой *испанскій* трудъ, состоящій изъ *порожнихъ* рѣчей,—да не горячась, спокойно,—и сознаемся въ ничтожествѣ, или, нѣтъ бишь,—въ *мишурности* нашего великаго поэта и въ собственной глупости, да, по старинному обычаю, и *ударимъ челомъ*, не боясь запачкать его въ грязи, премудрому г. Мартынову, наведшему насъ такъ легко и скоро на умъ-разумъ... Кстати ужъ заодно въ смиреніи сердца поваляемся въ ногахъ и у новаго великаго муфтія россійской словесности, г. издателя „Маяка", что онъ растолковалъ намъ, невѣждамъ, что Пушкинъ не болѣе, какъ *флигельманъ* русской литературы, которая доселѣ повторяетъ его *мишурные артикулы* (стр. 32),—и только попросимъ, чтобы онъ, нашъ литературный муфтій, смиловался, удержалъ порывъ своего мусульманскаго фанатизма, помня пословицу: гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость!.. Ну, добрые Русскіе! гаркнемъ же дружно и велегласно: *помилуй, отецъ и командиръ, впередъ, право, не будемъ! Убѣдимся, вразумимся и дружно примемся лечиться!..*

И это литература?.. Но что-жъ тутъ огорчаться: вѣдь это литература подземная,—задній дворъ литературы...

Однакожъ, интересно знать, что̀ разумѣютъ эти господа подъ „народностію" русской литературы и какія средства почитаютъ они необходимыми для того, чтобъ наша литература сдѣлалась народною. Скучно выписывать, а дѣлать нечего, если ужъ начали. Итакъ, слушайте, „добрые Русскіе":

„Давайте выражать русское горячее *чувство*, мудрое *знаніе* и *силу* богатырскую души живымъ, кипучимъ, роднымъ, народнымъ, маленько мужицкимъ словомъ... Что же, господа (надобно бы—*ребята* или *братцы*)?.. Да гдѣ же вы?.. Куда-жъ вы разбѣжались?"

Надобно сказать, что вся эта галиматья изложена въ видѣ спора между „Маякомъ" и „Москвитяниномъ". Изъ чего же спорятъ сіи достойные сподвижники? За что вооружился „Маякъ" на „Москвитянина"? Имъ-то ужъ совсѣмъ бы не слѣдовало ссориться. Но таковы люди! Это еще только перемолвочка—*милые бранятся только тѣшутся*; а то бываютъ какія страшныя ссоры между (выражаясь маленько-мужицкимъ слогомъ) *закадышными* друзьями!.. Гоголь превосходно изобразилъ примѣръ такихъ разрывовъ самой пламенной дружбы въ лицѣ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича... Главная разница въ характерахъ сихъ достойныхъ друзей состояла въ томъ, что Иванъ Ивановичъ былъ чрезвычайно тонкій и разборчивый на слова человѣкъ, а Иванъ Никифоровичъ любилъ иногда ввернуть въ разговоръ *маленько-мужицкое* словцо... Это и было причиною вражды, смѣнившей ихъ дружбу...

V.

Любопытно и поучительно слѣдить за процессомъ возрастанія какой бы ни было большой славы. Никакая слава не дается даромъ: ее надо взять съ бою. Люди неохотно признаютъ превосходство надъ собою одного человѣка, и готовы ревновать даже къ такому успѣху, который собственно для нихъ не имѣетъ никакой цѣны. Вотъ почему иногда глупецъ, не знающій грамоты, громче другихъ кричитъ противъ литературной славы, потому только, что она—слава. Но кромѣ безсознательной толпы есть еще особенный родъ непримиримыхъ враговъ литературной славы, которыхъ обязанность и назначеніе именно въ томъ и состоитъ, чтобы сдѣлать цѣннѣе вѣнокъ ея: сюда принадлежатъ маленькіе таланты съ большимъ самолюбіемъ, разная посредственность, для мелкаго эгоизма которой всякій успѣхъ есть личная, кровная обида. Эта моль и тля, враждебная всякой знаменитости, вѣчно воюетъ и грызется между собою; но при видѣ знаменитости, словно по инстинкту, дѣйствуетъ согласно и дружно. Взаимное истребленіе у нея идетъ довольно успѣшно: поле битвы покрывается трупами,—и изъ этихъ гніющихъ труповъ возникаетъ новая моль, новая тля, и эта исторія повторяется безконечно. Но истребленіе истинной славы никогда не удается этой завистливой породѣ насѣкомыхъ: мухи на время могутъ запачкать картину генія:

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Но моли, тлѣ, мухамъ и подобнымъ тому дряннымъ насѣкомымъ довольно и того, если имъ удастся хоть на минуту затемнить славу и на время помѣшать ея успѣхамъ, чтобы между тѣмъ, подъ шумокъ, пока общественное мнѣніе еще не установилось отъ своего нерѣшительнаго колебанія, воспользоваться крохами отъ убогой трапезы своей бѣдной извѣстности. Забавно смотрѣть, когда эта тля, видя, что дѣло славы уже совершилось,

теряется въ отчаяніи, сбивается съ плана своей атаки, то желая казаться безпристрастною въ глазахъ толпы, уже не позволяющей ей обманывать себя, лукаво хвалитъ знаменитость, то вновь приходя въ безсильную ярость отъ глубоко-уязвленнаго самолюбія, изступленною бранью изобличаетъ притворство своихъ предательскихъ похвалъ. Это часто случается во всякой литературѣ, гдѣ есть дюжинные таланты, есть посредственность, и гдѣ, между ними, возникаетъ иногда могучій талантъ...

Кстати: что дѣлается въ нашей литературѣ? Увы, она предчувствуетъ весну, несмотря на зимній холодъ и снѣгъ, которые такъ некстати превратили весну въ зиму, предчувствуетъ весну,—и начинаетъ погружаться въ свою обычную летаргію, которая продолжится до послѣднихъ дней осени. Итакъ, остаются одни журналы, которые такъ и сякъ, но все же бодрствуютъ въ продолженіе цѣлаго года. Что же новаго въ журналахъ?—Самая послѣдняя и самая забавная новость въ нихъ—это рецензія „Библіотеки для Чтенія“ на изданіе сочиненій Гоголя, въ четырехъ томахъ. Эта рецензія [1]) особенно замѣчательна тѣмъ, что, за исключеніемъ немногихъ умышленно и неумышленно-ложныхъ взглядовъ, выраженныхъ неприлично бранчивыми фразами, о самихъ сочиненіяхъ почти ничего не сказано, а между тѣмъ, рецензія довольно длинна. О чемъ же говорится въ ней?—О томъ, что Гоголь зазнался, подчинясь прискорбному ослѣпленію самолюбія; что его понятія о своемъ значеніи въ искусствѣ *раздувались* болѣе и болѣе; что надобно же будетъ, рано или поздно, его *колоссальному тщеславію* подать въ отставку отъ *потѣшнаго* званія „перваго поэта нашего времени“ за *неспособностію къ этому званію* и за *ранами, нанесенными самолюбію* (чьему?—не сказано въ рецензіи, но должно думать, что самолюбію рецензента „Библіотеки“); что ему, рецензенту, иногда становится страшно, чтобы, для бо̀льшаго эффекту Гомеръ Второй (т.-е. Гоголь) не закололся, и тому подобное... Все это не выдумано, и нисколько не преувеличено нами: все это напечатано въ „Литературной Лѣтописи“ „Библіотеки для Чтенія“ за мартъ нынѣшняго года... Мы сочли необходимымъ подобное увѣреніе съ нашей стороны, что фразы „Библіотеки“ переданы нами вѣрно, безъ искаженія и безъ преувеличенія: читая ихъ, мы не вѣрили собственнымъ глазамъ; а когда убѣдились, что наши глаза не обманываютъ насъ, то не шутя стали бояться, чтобы „почтеннѣйшій“ рецензентъ, для бо̀льшаго эффекту, не закололся: ибо подобныя фразы явно обнаруживаютъ разстройство, вслѣдствіе сильнаго припадку отчаянія. Къ какой стати, вмѣсто разбора сочиненій автора, толковать о его самолюбіи, дѣйствительности котораго, къ довершенію всего, еще и доказать нечѣмъ? „Вечера на хуторѣ“ кажутся Гоголю менѣе заслуживающими вниманія публики, чѣмъ позднѣйшія его произведенія; если и допустить, что онъ ошибается, то гдѣ же тутъ самолюбіе? Развѣ смотрѣть ошибочно на свои произведенія—все равно, что увлекаться тщеславіемъ? Да и кто далъ право рецензенту „Библіотеки“ на цензорство нравовъ писателей? Если онъ видитъ въ себѣ идеалъ скромности, при огромномъ талантѣ передъ нимъ — онъ можетъ, сколько ему угодно, любоваться своими нравственными совершенствами, одному ему извѣстными; но пусть удержится отъ *скромнаго* стремленія называть печатно извѣстнаго писателя зазнайкою, хвастуномъ, помѣшаннымъ отъ самолюбія и т. п. Такія замашки обнаруживаютъ явно безпокойство и смущеніе духа! Мы знаемъ, что рецензентъ „Библіотеки“ никогда не отличался эстетическимъ вкусомъ, мы помнимъ, что онъ бранилъ Пушкина и превозносилъ г. Тимофеева, поставилъ ни во что лучшее произведеніе Лажечникова—„Ледяной Домъ“ и превозносилъ до небесъ плохой романъ г. Степанова—„Постоялый Дворъ“; съ презрѣніемъ отзывался объ историческихъ романахъ Вальтера Скотта и провозгласилъ г. Кукольника великимъ геніемъ [1])... Итакъ, нисколько не удивительно, что сочиненія Гоголя недоступны, по своей высотѣ, для вкуса и разумѣнія рецензента „Библіотеки“, и если бы его сужденія о нихъ проистекали только изъ безвкусія и незнанія въ дѣлѣ изящнаго, то мы и не обратили бы на нихъ никакого вниманія, снисходительно позволяя ему судить и рядить по крайнему его разумѣнію. Но нѣтъ! Въ его бранчивыхъ приговорахъ, кромѣ безвкусія и невѣдѣнія, выказывается еще и худо скрываемая враждебность, какое-то ожесточеніе противъ таланта Гоголя. Люди, не имѣющіе эстетическаго вкуса и эстетическаго образованія, могутъ находить, напр., комедію Гоголя „Женитьба“ слабою, неудачною, если хотите; но никто изъ людей грамотныхъ не скажетъ, чтобы въ ней не было смысла. Что касается до „Разъѣзда“, это превосходное произведеніе обратило на себя общее вниманіе и общія похвалы и друзей и недруговъ таланта Гоголя; а рецензентъ „Библіотеки“ смѣло утверждаетъ, что нелѣпѣе этой пьесы міръ ничего не производилъ... Нѣтъ! какъ бы ни

[1]) Сѣверскаго-Брамбеуса; см. о немъ выше, четвертую замѣтку въ статьѣ № 42.

[1]) См. т. I, стр. 547 и наши примѣчанія на этой страницѣ.

старался рецензентъ увѣрять насъ въ своемъ безвкусіи и невѣдѣніи,—мы повѣримъ ему только наполовину, а другую отнесемъ къ раздражительности глубоко-оскорбленнаго самолюбія, которое сознало наконецъ бѣдность своего авторскаго дарованія. И конечно Гоголь былъ виною этого сознанія, равно какъ и того, что „Дѣва Чудная“, которую сочинитель обѣщалъ болѣе года назадъ тому кончить и издать особою книгою, не являлась въ свѣтъ... Послѣ гоголевскаго юмора трудно имѣть свой юморъ; а послѣ „Миргорода“, повѣстей въ родѣ „Шинели“, романа въ родѣ „Мертвыхъ Душъ“, кто же улыбнется при чтеніи „Фантастическихъ Путешествій“ барона Брамбеуса и его повѣстей, гдѣ мандарины ищутъ у себя блохъ и подобныя тому грубыя сальности издаютъ отъ себя свой особенный запахъ?.. Нѣтъ, прошла, давно прошла пора авторскаго и юмористическаго гарцованія для сочинителей въ родѣ барона Брамбеуса! Конечно, въ этомъ опять-таки виноватъ Гоголь же, но, какъ говоритъ пословица, безъ вины виноватъ. Забавнѣе всего нападки рецензента „Библіотеки“ на грязныя картины въ сочиненіяхъ Гоголя: подумаешь, дѣло идетъ о повѣстяхъ барона Брамбеуса... Особенно возмущаетъ нашего благовоспитаннаго рецензента то, что герои Гоголя *сморкаются*, *чихаютъ* и *падаютъ*, и что они ругаются *канальями*, *подлецами*, *мошенниками*, *свиньями*, *свинтусами и ветюками*. Все это кажется ему особенно несовмѣстнымъ съ идеею поэмы: видно, что эту идею онъ вычиталъ изъ піитики г. Толмачева или г. Георгіевскаго, гдѣ поэмы прописано сочинять непремѣнно стихами и непремѣнно „высокимъ слогомъ“. Должно быть, ученому рецензенту неизвѣстно, какъ въ поэмѣ поэмъ—„Иліадѣ“ не только люди, но и боги ругаются другъ съ другомъ не лучше героевъ повѣстей Гоголя: такъ, напр., въ XXI пѣснѣ Арей называетъ Палладу „наглою мухою“, а Гера-богиня Артемиду-богиню—„безстыдною псицею“, или, говоря проще—„сукою“. Скажутъ: это недостатки поэзіи грубыхъ временъ: старыя пѣсни! не недостатки, а вѣрное изображеніе современной дѣйствительности, съ ея бытомъ и ея понятіями! Г. Полевой выдумалъ съ горя называть юморъ Гоголя „малороссійскимъ *жартомъ*“; рецензентъ „Библіотеки“, во всемъ другомъ несогласный съ г. Полевымъ, съ радостію подхватилъ это слово „жартъ“—и вышла нелѣпость: ибо малороссійскій глаголъ *жартовать* значитъ—*любезничать съ женщинами*, слѣдовательно, слово *жартъ* не имѣетъ никакого соотношенія съ понятіемъ о какомъ бы то ни было юморѣ—малороссійскомъ или великороссійскомъ... Очень забавно также видѣть, какъ старается рецензентъ прикрыть неблаговидныя чувства свои къ таланту Гоголя противорѣчащими брани похвалами: изъ Поль-де-Коковъ онъ уже произвелъ его въ Диккенса, „Вечера на Хуторѣ“ похваливаетъ, „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“ находитъ художественнымъ созданіемъ, съ похвалою отзывается о „Тарасѣ Бульбѣ“ въ его первобытномъ видѣ, но для того, чтобы тѣмъ больше унизить это произведеніе, вновь передѣланное авторомъ. И въ то же время всѣ эти повѣсти въ глазахъ нашего рецензента не болѣе, какъ анекдоты!.. Какъ все это мелко и ничтожно!

VI.

Новое доказательство старой истины—что худо разсчитанные удары бьютъ по воздуху или задѣваютъ самого же бойца—представляетъ собою и наша журнальная кумушка „Сѣверная Пчела“. Мы думали, что послѣ выхода 3-й книжки „Отеч. Записокъ“ она догадается, что пора ей замолчать, и мысленно уже прощались съ нею [1]). Но привычка къ брани и мелочнымъ придиркамъ—вторая природа для этой достолюбезной газеты,—и вотъ она снова придирается къ „Отеч. Запискамъ“. Заговаривать съ нею мы никогда не были и не будемъ намѣрены; но отвѣчать ей положили себѣ за неизмѣнное правило. Въ 52 № своемъ, умолчавъ о томъ, что́ разсердило ее въ 3-й книжкѣ „Отеч. Записокъ“, „Сѣв. Пчела“ ни съ того, ни съ сего, какъ муха вокругъ огня, засуетилась около нашей статьи о Державинѣ и... опалила себѣ крылья. Выдергивая тамъ и сямъ отдѣльныя фразы изъ нашей статьи, „Сѣв. Пчела“ прибавляетъ къ нимъ остроумныя восклицанія собственнаго изобрѣтенія, и думаетъ, что она говоритъ дѣльно, остро и доказательно. Давно ли она говорила, что Державинъ перейдетъ къ потомству съ слишкомъ легкою ношею? а теперь, чтобы только попротиворѣчить „Отеч. Запискамъ“, разсуждаетъ о Державинѣ уже совершенно другимъ тономъ—именно тономъ піитикъ гг. Толмачева, Греча, Плаксина, Георгіевскаго и подобныхъ имъ. Державина идеи,—говоритъ она,—не для своего только времени, но всегда хороши, ибо онъ воспѣвалъ добродѣтель и истину. Прекрасно; но вопросъ заключается не въ одномъ томъ, *что* воспѣвалъ, но еще и *какъ* воспѣвалъ. Лучшимъ доказательствомъ

[1]) Въ третьей книжкѣ „Отеч. Записокъ“ за 1843 г. Бѣлинскій помѣстилъ направленную противъ Булгарина замѣтку: „Журнальный мирлифлёръ и Жоржъ Зандъ“; онъ вывелъ въ ней Булгарина подъ видомъ французскаго публициста, состоящаго на откупу у владѣльцевъ лавокъ и ненавидящаго Жоржъ Зандъ.—Какъ извѣстно, Булгаринъ въ своихъ фельетонахъ расхваливалъ тѣ магазины, владѣльцы которыхъ давали ему взятки.

этому могутъ служить стихи Державина же о *безсмертіи души*, выписанные въ статьѣ „Сѣверной Пчелы“: мысль стиховъ прекрасна и истинна, а стихи изъ рукъ вонъ плохи. И потому стиховъ читать теперь никто не станетъ; слѣдственно, и мысли ихъ не узнаетъ. Надергавъ нѣсколько фразъ изъ разныхъ мѣстъ большой статьи, не мудрено найти между ними противорѣчіе, особенно при явномъ желаніи найти его во что бы ни стало: поэтому, мы не будемъ спорить съ „Сѣв. Пчелою“ объ этомъ предметѣ. Какъ понимаетъ, или какъ хочетъ понимать она все, касающееся до „Отеч. Зап.“,—видно изъ того, что смѣшную *пародію* на пьяно-студентскіе стихи, напечатанную въ Смѣси „Отеч. Записокъ“, приняла она за настоящіе стихи!.. Впрочемъ, можетъ быть, она сдѣлала это и безъ умысла, въ простотѣ ума и сердца: вѣдь не всякому же дано понимать иронію, и есть много людей, которые все понимаютъ только въ буквальномъ смыслѣ, даже если ихъ увѣряютъ, что они необыкновенно умны... Наконецъ, „Сѣв. Пчела“ всѣ эти мелкія придирки совершаетъ формальною выдумкою, какъ доказательствомъ своего безсилія. Въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 года (т. X, отд. V, стр. 29 — 30) было сказано, что *послѣ* Лермонтова изъ современныхъ живыхъ поэтовъ (гг. Кукольника, Бенедиктова, Бернета, Красова и пр.) „поэзія Кольцова есть не современно важное, но безотносительно примѣчательное явленіе“ и что „никого изъ явившихся вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него нельзя поставить съ нимъ на ряду“. И что же? „Сѣв. Пчела“ увѣряетъ, будто мы Кольцова поставили выше Гомера, Данта, Шекспира, Пушкина, Гоголя!!!... Вотъ до чего дошла эта жалкая газета: она перечитываетъ старые годы „Отеч. Записокъ“, чтобы переиначивать изъ нихъ фразы и навязывать имъ нелѣпости, которыхъ онѣ и не думали говорить!..

Въ 57 № той же газеты г. Булгаринъ сравниваетъ себя съ Сократомъ, въ котораго одинъ Аѳинянинъ бросилъ грязью, а „Отеч. Записки“, „Литературную Газету“ и „Москвитянина“ сравниваетъ съ этимъ Аѳинянином!.. Вотъ поистинѣ забавное сравненіе! Г. Булгаринъ и—Сократъ!..Сократъ—и г. Булгаринъ!.. Удивительное сближеніе! Дѣйствительно, въ жизни сихъ двухъ великихъ людей очень много сходнаго, хотя они и раздѣлены тысячелѣтіями!..

Недавно въ одномъ изъ листковъ „Сѣверной Пчелы“ прочли мы извѣстіе, что г. Булгаринъ — *Сократъ*; теперь изъ 86 № этой же газеты узнаемъ, что г. Булгаринъ— *Вальтеръ Скоттъ!!!*... Въ Смѣси этого нумера „Сѣв. Пчелы“ находится статья „Журнальная всякая всячина. *Письмо въ Дерптъ къ Ѳ. Б.*“, а въ статьѣ изъявляется искреннее сожалѣніе, что некому описывать въ „Пчелѣ“ балагановъ и другихъ праздничныхъ увеселеній за отсутствіемъ изъ Петербурга г. Булгарина. Замѣчательны послѣднія строки этой замѣчательной статьи:

„Вотъ очеркъ того, что служило бы вамъ канвою для нынѣшняго фельетона. Мы не коснулись непстощимаго предмета — Адмиралтейской Площади, съ удивительными представленіями Легата и Сулье, качелями, каруселям и желѣзными дорогами, не коснулись общаго характера нынѣшняго гулянья, *которыя бы вы передали намъ въ живомъ разсказѣ, въ* **полупластическомъ** *(?!...) изображеніи еслибы теперь не расхаживали въ помѣщичьей фуражкѣ и въ длинномъ деревенскомъ сюртукѣ по полямъ и садамъ вашего* **Абботсфорта.**

Если сходство г. Булгарина съ Сократомъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, то еще менѣе можно сомнѣваться въ сходствѣ мызы *Карлово* съ *Абботсфортомъ*, а г. Булгарина съ Вальтеромъ Скоттомъ: извѣстное дѣло, что когда великій романистъ шотландскій уѣзжалъ на лѣто въ свое помѣстье, то въ мелкихъ газетахъ Эдимборга некому было описывать *полупластически* балагановъ и ихъ комедій, и тогда за это благородное занятіе по необходимости принималась разная литературная *тля*.

VII.

Нѣсколько словъ „Москвитянину“.

Въ 6-й книжкѣ медленно выходящаго „Москвитянина“ помѣщено окончаніе разбора „Полной Русской Хрестоматіи“ г. Галахова. Всѣмъ извѣстно, какъ косо смотритъ аристархъ московскаго журнала на эту книгу [1]). Предоставляя самому г. Галахову раздѣлаться съ его раздражительнымъ противникомъ, мы сами не можемъ не сдѣлать замѣтокъ на нѣкоторыя выходки г. Шевырева, устремленныя прямо на нашъ журналъ. У сего почтеннаго и достойнаго аристарха московскаго есть странная привычка — о чемъ бы ни говорилъ онъ, придирчиво касаться „Отечественныхъ Записокъ“. Это, можно сказать, его манія, его болѣзнь. А что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Изъ состраданія къ такому состоянію души почтеннаго критика московскаго, мы хотимъ откровеннымъ объясненіемъ способствовать къ проясненію его сознанія, нѣсколько затемненнаго, можетъ быть, раздражительностію и пристрастіемъ.

Г. Шевыревъ находитъ страннымъ, что г. Галаховъ ставитъ имя Лермонтова не только вмѣстѣ съ именемъ Карамзина, Крылова, Жуковскаго и Пушкина, но даже Шил-

[1]) Названная книга Галахова является первымъ примѣненіемъ мнѣній Бѣлинскаго къ подбору историко-литературныхъ произведеній.

лера и Гёте. По нашему мнѣнію, если можно съ именами Шиллера и Гёте ставить не только Пушкина, но и Жуковскаго, и Крылова, и Карамзина, то г. Галаховъ правъ, поставивъ вмѣстѣ съ ними имя Лермонтова. И ужъ, конечно, имя поэта Лермонтова скорѣе можетъ быть поставлено съ именами поэтовъ Шиллера и Гёте, чѣмъ имя Карамзина, отличнаго литератора, извѣстнаго историка, но нисколько не поэта. Неужели это не извѣстно г. Шевыреву?..

Вслѣдъ за этимъ страннымъ упрекомъ, г. Шевыревъ начинаетъ оправдываться передъ *своими читателями* (вѣроятно, предполагая, что у „Москвитянина“ есть читатели) въ посягательствѣ на славу молодого поэта, т.-е. Лермонтова. „Мы“, говоритъ онъ, „знаемъ, что Россія лишилась въ немъ одной изъ лучшихъ надеждъ молодого поколѣнія. Мы съ радостью привѣтствовали прекрасное его дарованіе; не признавали только направленія въ нѣкоторыхъ піесахъ, но увѣрены были, что оно измѣнилось бы впослѣдствіи потому, что не представляло ничего оригинальнаго, отзывалось очевиднымъ подражаніемъ, свойственнымъ всякому молодому таланту при началѣ его поприща“. Всѣмъ извѣстно, что въ свое время г. Шевыревъ даже взялъ на себя трудъ показать, *кому* именно подражалъ Лермонтовъ, и открылъ, съ свойственною ему критическою проницательностію, что Лермонтовъ подражалъ не только Пушкину и Жуковскому, но даже и господину Бенедиктову!!. Въ доказательство удивительной способности г. Шевырева открывать духъ подражательности тамъ, гдѣ нѣтъ его и тѣни, указываемъ кстати высказанное имъ въ этой же статьѣ мнѣніе, будто бы Лермонтовъ въ „Мцыри“ подражалъ — Жуковскому!.. Любопытно бы знать, *какая* изъ пьесъ Жуковскаго послужила Лермонтову образцомъ для его „Мцыри“? Жаль, что г. Шевыревъ оставилъ насъ въ недоумѣніи касательно этого любопытнаго вопроса...

Почему же особенно негодуетъ г. Шевыревъ на упоминовеніе имени Лермонтова вмѣстѣ съ именами нѣкоторыхъ нашихъ писателей старой школы?—потому что Лермонтовъ рано умеръ, а тѣ таки довольно пожили на свѣтѣ и успѣли написать и напечатать все, что могли и хотѣли. Вотъ поистинѣ странный критеріумъ для измѣренія достоинства писателей относительно другъ къ другу! Помилуйте: Грибоѣдовъ написалъ одну только комедію, да и ту несовершенную, какъ первый опытъ его самобытнаго творчества; неужели же Грибоѣдовъ какъ поэтъ не выше, напр., Озерова, написавшаго пять трагедій и нѣсколько мелкихъ пьесъ? Безъ сомнѣнія, неизмѣримо выше, потому что, судя по пяти трагедіямъ, можно знать, что Озеровъ ничего не написалъ бы великаго, тогда какъ, судя по „Горе отъ Ума“, нельзя ни опредѣлить, ни измѣрить высоты, на которую могъ бы подняться огромный талантъ (мы не побоимся сказать—даже геній) Грибоѣдова. Лермонтовъ написалъ немного, но въ этомъ немногомъ видно очень многое Если г. Шевыревъ не видитъ этого,—мы не споримъ съ нимъ, ибо въ дѣлѣ *личнаго* вкуса спора быть не можетъ; но зачѣмъ же г. Шевыревъ непремѣнно хочетъ, чтобъ его *личный* вкусъ былъ нормою для вкуса всѣхъ и каждаго, и зачѣмъ же онъ смотритъ чуть-чуть не какъ на уголовнаго преступника—на всякаго, кто хочетъ имѣть свой вкусъ, независимо отъ личнаго вкуса его, г. Шевырева? Всякое достоинство, всякая сила *спокойны* именно потому, что увѣрены въ самихъ себѣ: они никому не навязываются, никому не напрашиваются, но, идя своимъ ровнымъ шагомъ, не оборачиваются назадъ, чтобъ видѣть, кланяются ли имъ другіе. Только раздражительное литературное самолюбіе раздувается и пыхтитъ, чтобъ его слушали и съ нимъ соображались, а видя, что его не замѣчаютъ и идутъ своею дорогою, кричитъ „слово и дѣло!“. Это не сила, а безсиліе,—не достоинство, а мелочность... Здѣсь кстати замѣтить, въ какомъ еще дѣтскомъ состояніи находится русская литература и критика: спорятъ и кричатъ о томъ, зачѣмъ такъ, а не иначе размѣщены имена писателей, а не разсуждаютъ объ истинномъ значеніи этихъ именъ. Слѣдя за рядомъ мыслей г. Шевырева, мы должны поблагодарить его за повтореніе нѣкоторыхъ мыслей, впервые высказанныхъ по-русски въ нашемъ журналѣ, каковы слѣдующія: что Жуковскій внесъ романическую стихію въ нашу поэзію; что Пушкинъ воспринялъ въ себя все приготовленное предшественниками и творчески внесъ полное сознаніе народнаго духа въ поэзію. Правда, эти наши мысли недалеко разнесутся столь мало читаемымъ журналовъ, каковъ „Москвитянинъ“, но все же мы благодарны г. Шевыреву и за внимательное изученіе критическихъ страницъ нашего журнала и за совѣстливое повтореніе ихъ безъ всякаго искаженія. Однакоже, мы еще были бы благодарнѣе г. Шевыреву, еслибъ онъ указывалъ на *источники*, которыми иногда пользуется въ своихъ статьяхъ и которымъ онъ обязанъ хорошими мѣстами и мыслями своихъ статей.

Г. Шевыревъ настаиваетъ на томъ, что въ Лермонтовѣ не было ничего оригинальнаго: дѣло его *личнаго* вкуса, и мы опять не споримъ! Но не можемъ не замѣтить снова, что напрасно г. Шевыревъ симптомы своего личнаго вкуса хочетъ выдать, во что бы то ни стало, за норму общаго здо-

роваго вкуса. Онъ называетъ „Пѣснь про Царя Ивана Васильевича, Молодого Опричника и Удалаго Купца Калашникова“ лучшимъ произведеніемъ Лермонтова, а характеры Мцыри и Печорина призраками. Можетъ быть, г. Шевыревъ и правъ, думая такъ; но, можетъ быть, правы и другіе, думая не такъ. Вотъ, напримѣръ, мы осмѣливаемся думать, что пьеса эта есть юношеское произведеніе Лермонтова, и что никогда бы онъ не обратился болѣе къ пьесамъ такого содержанія. Кто читалъ Кошихина, тотъ не повѣритъ *исторической* правдоподобности „Пѣсни“, особенно, если сличить ее съ тою пѣснію въ сборникѣ Кирши Данилова, которая подала Лермонтову поводъ написать его „Пѣсню“ и которая называется „Мастрюкъ Темрюковичъ“... Говоря о „Пѣснѣ“ Лермонтова, г. Шевыревъ видитъ въ ней, между прочимъ, выраженіе „иронiи власти, какъ исторической черты въ характерѣ Іоанна Грознаго“: эта мысль намъ кажется справедливою, но хвалить ее не смѣемъ, ибо впервые она была высказана въ „Отечественныхъ Запискахъ“...

До сихъ поръ г. Шевыревъ только излагалъ свои мысли, выдавая ихъ съ нѣсколько раздражительною настойчивостію за несомнѣнно истинныя; но теперь онъ начинаетъ сердиться и браниться. Ни съ того, ни съ сего, переходитъ онъ вдругъ къ какимъ-то „литературнымъ промышленникамъ, которые, имѣя въ рукахъ своихъ нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, подъ именемъ его же *(подъ его же именемъ?)* печатаютъ множество пустыхъ стиховъ“. Обвиненіе немножко рѣзкое и не совсѣмъ вѣжливо и прилично выраженное! Слѣдовало бы доказать его фактами, перечисливъ поименно это „множество пустыхъ стихотвореній, подъ именемъ Лермонтова печатаемыхъ“. Недавно въ „Отечественныхъ Запискахъ“ напечатано было *девять* стихотвореній, изъ которыхъ *восемь* до того превосходны, что и безъ подписи имени автора всѣ люди съ эстетическимъ вкусомъ признали бы ихъ за стихотворенія Лермонтова. Неужели же г. Шевыревъ судитъ о достоинствѣ стихотвореній и узнаетъ, кѣмъ они написаны, только по подписи имени?.. Нѣтъ, это что-то не такъ! А вотъ и доказательство: вслѣдъ же затѣмъ г. Шевыревъ увѣряетъ, будто бы „одинъ журналъ, обанкрутившійся стихотворцами, обѣщаетъ намъ продолженіе стихотвореній лермонтовскихъ безконечное“ (надобно было бы правильнѣе сказать по-русски: обѣщаетъ намъ безконечное продолженіе лермонтовскихъ стихотвореній) „до тѣхъ поръ, пока не создастъ себѣ живого поэта на прокатъ, для подкраски своей нескончаемой французско-русской прозы (?)“. Какой же это журналъ, г. Шевыревъ?—Но вы не можете отвѣтить на нашъ вопросъ, ибо вы сочинили, выдумали этотъ журналъ... Выдумывать неправду—не значитъ ли сердиться? Сердиться—не значитъ ли сознавать себя неправымъ, и, за свою вину, бранить другихъ? Не хорошо!.. Но это еще не все: гнѣвное вдохновеніе раздраженнаго московскаго критика создаетъ новые призраки, чтобы было ему надъ кѣмъ показать свою храбрость, достойную манчскаго витязя... *Этотъ* же журналъ, по словамъ г. Шевырева, „самою позорною клеветою чернитъ совѣсть покойнаго поэта передъ глазами всей русской публики, и не въ шутку увѣряетъ ее, что русская поэзія въ лицѣ Лермонтова въ первый разъ вступила въ самую тѣсную дружбу, съ кѣмъ бы вы думали?.. съ чортомъ!“—„Такой чертовщины (прибавляетъ г. Шевыревъ) еще никогда не бывало ни въ русской литературѣ, ни въ русской критикѣ!“ [1]). Это ужъ слишкомъ! Подумалъ ли г. Шевыревъ объ этихъ словахъ, прежде чѣмъ сорвались они съ его пера, вѣроятно, „въ минуту жизни трудную“ для него?.. Какъ! неужели плоскую шутку или умышленное непониманіе чужихъ словъ тоже считаетъ онъ въ числѣ оружій противъ своихъ противниковъ? Дѣлая такую важную денонсіацію на нихъ, почему не почелъ онъ за нужное, и даже необходимое, выписать ихъ собственныя слова, какъ это дѣлаютъ всѣ добросовѣстные критики?.. „Наконецъ (говоритъ еще г. Шевыревъ), промышленники-книгопродавцы, вслѣдъ за промышленниками-журналистами, издаютъ три тома стихотвореній Лермонтова, и въ числѣ ихъ всѣ школьныя тетради покойнаго, всѣ тѣ поэмы и драмы, отъ которыхъ онъ со стыдомъ отрекся бы, если бы былъ живъ, — и все это дѣлается подъ личиною уваженія къ поэту, *а на самомъ дѣлѣ изъ однѣхъ корыстныхъ и низкихъ цѣлей*, чтобы только именемъ Лермонтова привлекать невѣжественныхъ подписчиковъ и читателей“. Подобныя обвиненія читали уже мы въ „Библіотекѣ для Чтенія“,—и вотъ ихъ повторяетъ знаменитый критикъ, какъ будто въ оправданіе французской пословицы: les beaux esprits se rencontrent. Но основательны ли эти обвиненія? Не внушены ли они какимъ-нибудь другимъ чувствомъ—напримѣръ, завистью—видѣть стихотворенія Лермонтова сперва въ непріязненномъ журналѣ, а потомъ отдѣльно изданными, стало быть, никогда не видѣть ихъ въ своемъ журналѣ?.. Какъ! Неужели Лермонтовъ могъ написать что-нибудь такое, что̀ не стоило бы печати, или могло оскор-

[1]) Шевыревъ намекалъ на характеристику Лермонтова Бѣлинскимъ въ его статьѣ о Баратынскомъ, см. выше, статью № 41.

бить вкусъ публики, явившись въ печати? Кромѣ одного, или, много, двухъ мелкихъ стихотвореній, по нашему убѣжденію, въ этихъ трехъ томахъ не найдется ни одного, которое было бы незначительно и не было въ тысячу разъ лучше лучшихъ стихотвореній, напримѣръ, гг. Языкова, Хомякова и Бенедиктова и tutti quanti—этихъ вѣчныхъ предметовъ критическаго удивленія г. Шевырева, который когда-то самъ писалъ стишонки немногимъ развѣ хуже ихъ?.. Такая поэма, какъ „Бояринъ Орша", неужели—не болѣе, какъ школьная тетрадь? И притомъ, по какому праву, на какомъ основаніи настаиваетъ г. Шевыревъ, чтобъ желаніе почитателей таланта Лермонтова — имѣть у себя каждую строку его—было преступно, равно какъ и желаніе издателей Лермонтова удовлетворить этому желанію большей части русской публики? Мало ли чего не напечаталъ бы самъ Лермонтовъ: вѣдь и Пушкинъ не напечаталъ бы при жизни своей лицейскихъ стихотвореній; но кто же не благодаренъ издателямъ за помѣщеніе ихъ въ полномъ собраніи его сочиненій? Г. Шевыревъ говоритъ: „Любопытна для исторіи военная школа Наполеона, но не имѣетъ она значенія въ жизни молодого генерала, сраженнаго почти на первомъ шагу своего военнаго поприща". Но еслибъ этотъ генералъ былъ Наполеонъ послѣ итальянской кампаніи? Для г. Шевырева сдѣланное Лермонтовымъ кажется только замѣчательнымъ, а намъ оно кажется великимъ; г. Шевыреву кажется, что мы ошибаемся, а намъ кажется, что онъ ошибается: изъ чего-жъ тутъ браниться, и неужели безъ брани нельзя оставаться и той и другой сторонѣ при своихъ убѣжденіяхъ? Мало того, что г. Шевыревъ *печатно* называетъ журналиста, печатавшаго въ своемъ журналѣ стихи Лермонтова, и при жизни и по смерти поэта,—*журналистомъ-промышленникомъ*, но даже позволяетъ себѣ сомнѣваться въ его уваженіи къ поэту и приписывать ему низкія и корыстныя цѣли... И противъ кого же онъ пишетъ это?—противъ журнала, который о немъ не позволитъ себѣ такъ писать, хотя и могъ бы высказать ему много жесткихъ истинъ, не совсѣмъ-то здоровыхъ для литературной репутаціи г. Шевырева... Далѣе, г. Шевыревъ видитъ какихъ-то необыкновенныхъ поэтовъ въ гг. Языковѣ, Бенедиктовѣ и Хомяковѣ, особенно въ послѣднемъ; наше мнѣніе о сихъ господахъ діаметрально противоположно его мнѣнію: мы не видимъ въ нихъ никакихъ поэтовъ, особенно въ послѣднемъ; но тѣмъ не менѣе вѣримъ, что г. Шевыревъ восхищается ими gratis, не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ и низкихъ цѣлей... Г. Шевыревъ видѣлъ въ Лермонтовѣ подражателя г. Бенедиктову; г. Павлова ставилъ онъ выше Гоголя; у поэзіи Жуковскаго и Пушкина отнималъ честь мысли и приписывалъ ее, на ихъ счетъ, г. Бенедиктову,—и мы вѣримъ, что все это дѣлалъ онъ безъ всякаго злостнаго умысла, а такъ, отъ доброты сердца и съ самымъ простодушнымъ убѣжденіемъ...

Въ доказательство, какъ иногда опасно свой личный вкусъ выдавать за общій, и какъ, въ этомъ отношеніи, не всякому слѣдуетъ быть слишкомъ смѣлымъ, обращаемъ вниманіе читателей на то, что г. Шевыревъ находитъ дурными эти превосходные стихи Лермонтова, представляющіе въ себѣ живую и роскошную картину Кавказа:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ гранъ алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ;
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ;
И Терекъ, прыгая, какъ львица,
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ: и *хищный звѣрь, и птица,*
Кружась въ лазурной высотѣ,
Его глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака,
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ,
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!

Г. Шевыревъ видитъ тутъ подражаніе Марлинскому, и ужасно радъ грамматической неловкости, вслѣдствіе которой безграмотному читателю,—но только безграмотному,—можетъ показаться, что *хищный звѣрь кружится вмѣстѣ съ птицею въ лазурной высотѣ*... Г. Шевыревъ видитъ отсутствіе *полнаго грамматическаго смысла* въ этихъ чудныхъ стихахъ Лермонтова:

А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и *помнилъ я:*
Кольчуги звонъ и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ...

Съ грамматическою указкою не мудрено доказать ничтожество стиховъ не только Державина, но и Жуковскаго и Пушкина, что́ и дѣлывали, бывало, педанты добраго стараго времени.

Въ числѣ важныхъ обвиненій на издателя „Новой Хрестоматіи" г. Шевыревъ приводитъ его предпочтеніе Кольцову передъ лучшими (?) нашими „лириками современными—Языковымъ и Хомяковымъ". Это несправедливо: гг. Языковъ и Хомяковъ давно

уже не лучшіе и не современные лирики; оба они пишутъ теперь мало и рѣдко, и оба пишутъ, какъ писали назадъ тому около двадцати лѣтъ. Кольцовъ, безъ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо выше ихъ уже потому только, что онъ былъ истинный поэтъ по призванію, между тѣмъ какъ они только звучные версификаторы, особенно послѣдній. Г. Шевыревъ говоритъ: „Въ Кольцовѣ весьма замѣчательна была наклонность къ философско-религіозной думѣ, которая таится въ простонародіи русскомъ“. Неправда: гдѣ доказательства этого элемента въ нашемъ простонародіи? Ужъ не въ народной ли русской поэзіи, гдѣ его нѣтъ ни слѣда, ни признака? Кольцовъ потому и имѣлъ наклонность къ философско-религіозной думѣ, что самобытнымъ стремленіемъ своей мощной натуры совершенно оторвался отъ всякой нравственной связи съ простонародьемъ, среди котораго возросъ. Г. Шевыревъ, считая по пальцамъ слоги и ударенія въ стихахъ Кольцова, не замѣтилъ, что ихъ метръ совершенно особенный, образованный по метру народныхъ пѣсенъ, но принадлежавшій собственно Кольцову. Пропускаемъ безъ вниманія бранчивыя выраженія г. Шевырева, излившіяся изъ досады, что Кольцовъ выбиралъ себѣ знакомства не по рекомендаціи г-на Шевырева и держался не его литературной партіи.

Говоря о помѣщеніи въ „Хрестоматію“ переводныхъ пьесъ г. Струговщикова, г. Шевыревъ вспоминаетъ, что въ „Римскихъ Элегіяхъ“ Гёте, переведенныхъ г. Струговщиковымъ, не было правильнаго пентаметра. Положимъ, что и такъ, но развѣ въ этомъ дѣло, а не въ вѣрной поэтической передачѣ подлинника? Мы уже не говоримъ о томъ, что г. Струговщиковъ не хуже г. Шевырева знаетъ метрику, но какъ же начинать свои привязки съ метра? Г. Шевыреву кажется, что покойный И. И. Дмитріевъ лучше г. Струговщикова передалъ пьесу Гёте, названную имъ „Размышленіемъ по случаю грома“,—и потомъ самъ же прибавляетъ, что Дмитріевъ далъ пьесѣ другое значеніе, уклоняясь отъ пантеистической мысли Гёте... Шутка! Послѣ этого переводъ Дмитріева, разумѣется, есть болѣе искаженіе, чѣмъ переводъ.

Г. Шевыревъ ниже всего низкаго поставилъ прекрасную пьесу г. Огарева „Ноктурно“, — и подѣломъ: зачѣмъ г. Огаревъ печатаетъ свои стихотворенія въ „Отеч. Запискахъ“, а не въ „Москвитянинѣ“! Г. Шевыревъ называетъ повѣсти г. Панаева—„Дочь Чиновнаго Человѣка“ и „Бѣлую Горячку“ дюжинными повѣстями, годными только на пустыя страницы журналовъ: опять та же причина дурного расположенія московскаго критика и его пристрастнаго сужденія о повѣстяхъ г. Панаева—та же причина, т.-е. „Отеч. Записки“! И за что бы такъ почтенному критику сердиться на нашъ журналъ, столь изобильный хорошими и даже *типическими* произведеніями по части повѣствовательной?.. [1]).

Далѣе опять встрѣчаемъ негодованіе московскаго критика за предпочтеніе, отданное г. Галаховымъ Кольцову передъ гг. Языковымъ и Хомяковымъ. Мы тоже съ этой стороны не совсѣмъ довольны издателемъ „Хрестоматіи“: ему бы совсѣмъ не слѣдовало помѣщать пьесы гг. Языкова и Хомякова, особенно послѣдняго: зачѣмъ пріучать мальчиковъ къ фразерству и пустотѣ мыслей въ гладкихъ стихахъ? Г. Шевыревъ удивляется, что г. Галаховъ русскимъ пѣснямъ Кольцова отдаетъ преимущество передъ русскими пѣснями Дельвига: странное удивленіе! Да кто же не чувствуетъ и не знаетъ, что русскія пѣсни забытаго Дельвига столько же русскія, сколько, напр., идилліи г-жи Дезульеръ теокритовскія; тогда какъ пѣсни Кольцова горятъ и трепещутъ, насквозь проникнутыя русскимъ чувствомъ, русскою душою?..

Заключимъ наши замѣтки указаніемъ на странную выходку г. Шевырева противъ „Похвальнаго слова Петру Великому“ почтеннаго профессора А. В. Никитенко, этого образцоваго произведенія, полнаго здравыхъ мыслей, краснорѣчія и отличающагося изящнымъ языкомъ. Московскаго критика возмутила слѣдующая мысль въ „Словѣ“ г. Никитенко! „Но еслибъ и самый утонченный разсчетливый эгоизмъ вздумалъ спросить, что̀ каждый изъ насъ почерпнулъ на свою долю въ новомъ порядкѣ вещей? Мы отвѣчали бы: честь существовать по-человѣчески и облаготворять свое существованіе всѣми нашими силами матеріальными и нравственными“. Г. Шевыревъ испещряетъ эти строки г. Никитенко и курсивомъ и вопросительными знаками въ скобкахъ, а потомъ доноситъ... читателю, что „это и неприлично, и безнравственно въ смыслѣ религіозномъ и патріотическомъ, и исторически ложно“!.. Это, изволите видѣть, называется *критикою* у г. Шевырева!.. А между тѣмъ, онъ же, г. Шевыревъ, очень наивно находитъ сравненіе Петра съ Богомъ, сдѣланное Ломоносовымъ, нисколько не гиперболическимъ!.. „Неужели же русскій народъ до Петра Великаго не имѣлъ чести существовать по-человѣчески?“—вопіетъ г. Шевыревъ. Если *человѣческое* существованіе народа заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаціи, общественности, гуманности въ

[1]) Намекъ на „литературный типъ“—„Педанта“ (№ 36).

нравахъ и обычаяхъ, то существованіе это для Россіи начинается съ Петра Великаго,— смѣло и утвердительно отвѣчаемъ мы г. Шевыреву. Да и кто въ этомъ не увѣренъ, вмѣстѣ съ ораторомъ, который во всей рѣчи своей имѣлъ одну цѣль—показать, чѣмъ обязаны мы Петру, какъ просвѣтителю своему. Въ справедливости нашей мысли ссылаемся на любимые авторитеты г. Шевырева, и на Карамзина въ особенности. Петръ Великій— это новый Моисей, воздвигнутый Богомъ для изведенія русскаго народа изъ душнаго и темнаго плѣна азіатизма... Петръ Великій— это путеводная звѣзда Россіи, вѣчно долженствующая указывать ей путь къ преуспѣянію и славѣ... Петръ Великій—это колоссальный образъ самой Руси, представитель ея нравственныхъ и физическихъ силъ... Нѣтъ похвалы, которая была бы преувеличена для Петра Великаго: ибо онъ далъ Россіи свѣтъ и сдѣлалъ Русскихъ людьми... Г. Никитенко развиваетъ въ своей рѣчи эти же самыя мысли—и за одинъ-то изъ самыхъ простыхъ логическихъ изъ нихъ выводовъ г. Шевыревъ дѣлаетъ ему упреки, которые не знаемъ, какъ и назвать; знаемъ только, что они въ высшей степени неприличны и нелѣпы. Пусть читатели сами разсудятъ, какое можно имѣть довѣріе къ критику, который такъ понимаетъ и толкуетъ разбираемыхъ имъ писателей...

Скажемъ въ заключеніе, что грустное зрѣлище представляетъ собою литература и критика, гдѣ считающіе себя представителями науки и просвѣщенія или занимаются мелкими и пустыми вопросами, или на важные вопросы набрасываютъ тѣнь подозрительныхъ и двусмысленныхъ намековъ, готовые каждаго, кто не раздѣляетъ ихъ мнѣній, выставить какимъ-то противосмысленнымъ общему порядку явленіемъ... И между тѣмъ, они-то первые и кричатъ противъ дурного тона, неприличной брани, грубаго неуваженія къ чужимъ мнѣніямъ, необразованной нетерпимости къ чужому убѣжденію, о безъимянныхъ рыцаряхъ, о желтыхъ перчаткахъ... Милостивые государи!—хотѣли бы мы сказать имъ—передъ вами ваши громкія имена, гражданскія и литературныя; умѣйте же поддержать предполагаемый вами блескъ, умѣйте заставить уважать свое достоинство, уважая сами достоинство другихъ; передъ вами ваши желтыя перчатки — не марайте же ихъ грязью мелкой журнальной брани и неприличныхъ выходокъ мелкаго и раздражительнаго самолюбія...

VIII.

Въ № 129-мъ „Сѣв. Пчелы“ одинъ изъ ея фельетонистовъ объявилъ важную истину по вопросу, почему нынче не пишутъ болѣе сказокъ въ родѣ „Модной Жены“ Дмитріева?—Вы вѣрно скажете: потому же, почему нынче не пудрятъ волосъ, не носятъ фижмъ и мушекъ, не танцуютъ менуета и не поютъ:

Стонетъ сизый голубочикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь,
Его миленькій дружочикъ
Отлетѣлъ далеко прочь!

и прочая. Извините! Г. фельетонистъ увѣряетъ, что *не пишутъ* потому, что *не умѣютъ* писать такихъ сказокъ. А не умѣютъ, разумѣется, потому, что нынче нѣтъ талантовъ, равныхъ таланту Дмитріева. Ну, посудите сами, хорошо ли это? Что Дмитріевъ былъ стихотворецъ съ большимъ талантомъ и даже поэтъ не безъ дарованія,—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. А съ котораго времени перестали на Руси писать сказки въ родѣ „Модной Жены“ Дмитріева, и вообще всякія сказки въ духѣ XVIII вѣка? Сколько мы помнимъ, давно! Послѣ Дмитріева явился на Руси поэтъ неизмѣримо выше него—Жуковскій: онъ не написалъ ни одной сказки, и ужъ вѣрно не по недостатку таланта. Правда, поэтъ, бывшій послѣ Дмитріева и тоже стоящій неизмѣримо выше него — Батюшковъ, написалъ одну сказку; но его „Странствователь и Домосѣдъ“ былъ послѣднею сказкою въ этомъ родѣ, появленіе которой несмотря на достоинство языка и разсказа, уже не произвело никакого особеннаго впечатлѣнія на современниковъ. А сказка эта напечатана въ первый разъ въ „Амфіонѣ“ Мерзлякова, въ 1815 году, слѣдовательно, около двадцати восьми лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ уже не было на русскомъ языкѣ ни одной сказки въ такомъ родѣ. Неужели же Батюшковъ былъ послѣдній даровитый поэтъ на Руси, и послѣ него не было ни одного поэта съ равнымъ ему талантомъ? Не знаемъ, право; но послѣ Батюшкова былъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ... Неужели же у этихъ поэтовъ не стало бы таланта для того, чтобъ написать бездѣлку въ родѣ „Модной Жены“?..

Все это г. Булгаринъ, можетъ быть, понимаетъ и самъ какъ слѣдуетъ, да ему надобно, ему нужно понимать все это не такъ, какъ слѣдуетъ... Доказательство тому — въ слѣдующихъ словахъ того же фельетона. „Читайте даже по-русски, хотя бы изъ національной гордости. Скучно повторять старое, но я увѣренъ, что еще много есть людей, которымъ Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, Богдановичъ, Батюшковъ извѣстны или по отрывкамъ, или по слуху... обратитесь къ нимъ, и вамъ не будетъ стыдно за русскую литературу! Теперь *новые* журналисты, которые сами не пишутъ вовсе ничего (?!), а только читаютъ корректуры своихъ сотруд-

никовъ, *и насъ, учениковъ* Карамзина и Дмитріева, называютъ уже *старыми!!!*“ А, вотъ что!—можемъ мы воскликнуть. Вотъ откуда оно, это благоговѣніе къ Карамзину и Дмитріеву! Ученикъ хвалитъ учителя по простому разсчету: если-де не будутъ читать моего учителя, который въ тысячу-тысячъ разъ выше меня, то ужъ станутъ ли читать меня, который въ тысячу-тысячъ разъ хуже моего учителя?.. Это напоминаетъ намъ, между прочимъ, и басню Крылова „Орелъ и Паукъ“... Положимъ, что Карамзинъ и Дмитріевъ такъ хорошо писали, что ихъ и теперь еще слѣдовало бы читать; да васъ-то, господа, за что читать?—Мы ихъ ученики, воскликнете вы. — Прекрасно, но вѣдь это напоминаетъ стихъ: *да наши предки Римъ спасли!* Притомъ же, мало ли у иного и дѣйствительно великаго мастера безталантныхъ учениковъ; мастеру честь по заслугамъ, а до учениковъ его кому какое дѣло?...

Въ этомъ же фельетонѣ находится забавная апологія Эжену Сю. Фельетонистъ видитъ генія въ этомъ блестящемъ, небездарномъ, но поверхностномъ, пустомъ беллетристѣ французской литературы. Защищая его отъ нападокъ за безнравственность, фельетонистъ говоритъ въ заключеніе: *„по моему мнѣнію,* только Жоржъ Зандъ, т.-е. г-жа Дюдеванъ, написала безнравственныя вещи, но и она теперь опомнилась, удостовѣрясь, что слава безнравственнаго писателя—жалкая слава!“ Затѣмъ слѣдуетъ апологія книжному магазину г. Ольхина и клятвенныя увѣренія, что нѣтъ возможности перечислить и переименовать всѣ хорошія новыя русскія книги, которыя продаются въ этомъ магазинѣ. Право, чѣмъ толковать о Жоржѣ Зандѣ, лучше бы вамъ, господа, ограничиться разсужденіями о Эженѣ Сю, да диѳирамбами разнымъ магазинамъ... Кстати о безнравственности Жоржа Занда. О нравственности Гёте также много было толковъ и *за* и *противъ*; о ней спорятъ и теперь, соглашаясь однакожъ въ томъ, что Гёте былъ великій писатель. Но кто же и когда сомнѣвался въ нравственности Шиллера? Теперь не думаютъ этого даже люди, которые глупѣе самого Николаи, нападавшаго на Шиллера и Гёте. Однакожъ, въ первыя минуты появленія своего яркая звѣзда генія Шиллера не могла не показаться многимъ безнравственною, пока эти многіе не приглядѣлись и не попривыкли къ ея нестерпимому блеску. На Байрона смотрѣли, какъ на чудовище нечестія: теперь на него смотрятъ какъ на страдальца. Было время, когда у насъ Пушкина считали безнравственнымъ писателемъ, и боялись давать его читать дѣвушкамъ и молодымъ людямъ: теперь никто не побоится дать его въ руки даже дѣтямъ.

Фельетонъ 135 № „Сѣверной Пчелы“ наполненъ льстивыми разглагольствованіями о провинціи. Тамъ-то—видите ли—процвѣтаетъ и просвѣщеніе, и добродѣтель, и счастіе, и вкусъ изящный, и образованность, и начитанность, и патріотизмъ, и всѣ благородныя чувства, все великое, святое и прекрасное жизни, а отчего? Оттого, что оттуда присылаются требованія за пятью печатями на книги, журналы, газеты... Льстивыя разглагольствованія оканчиваются гимнами и диѳирамбами въ честь книжнаго магазина г. Ольхина и во славу издаваемыхъ имъ книжныхъ издѣлій... O, tempora, o, mores! Мимоходомъ разруганы „Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“, какъ клевета на провинцію и каррикатуры на провинціальные нравы. Жаль, что при этомъ удобномъ случаѣ не объявлено, почему же провинція съ такою жадностію расхватала „Мертвыя Души“ и „Ревизора“: объясненіе было бы очень интересно... Между прочимъ, вотъ что́ еще сказано въ этой любопытной статьѣ: „Не многимъ изъ городскихъ жителей извѣстно, что *нѣкоторые* изъ господъ журналистовъ и книгопродавцевъ печатаютъ особыя объявленія для провинціи и что въ этихъ объявленіяхъ они говорятъ о себѣ и о своихъ журналахъ и лавкахъ такія вещи, которыя возбудили бы общій хохотъ въ столицѣ, гдѣ на людей и на дѣла смотрятъ вблизи! Эти несчастные спекуляторы думаютъ, что они ловятъ на удочку простодушныхъ провинціаловъ, а въ провинціяхъ, напротивъ, платятъ имъ деньги изъ состраданія, изъ жалости—руководствуясь однимъ патріотизмомъ“. О какихъ объявленіяхъ, секретно разсылаемыхъ въ провинціи, говорится здѣсь? Правда, было нѣкогда разослано въ провинціи печатное объявленіе о публичныхъ чтеніяхъ г-на Греча, очень ловко написанное, и оно было, въ свое время, перепечатано въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ (1840). Оно случайно попало въ редакцію этой газеты, будучи прислано изъ провинціи; иначе Петербургъ и не увидѣлъ бы его. Что же касается до спекулянтскихъ книгопродавческихъ объявленій, — они безпрестанно попадаются даже въ фельетонахъ иныхъ газетъ, гдѣ изданія разныхъ вздоровъ, въ родѣ „Супружеской Истины“ и перепечатку залежалыхъ издѣлій выписавшихся и вышедшихъ изъ моды старыхъ писакъ величаютъ оживленіемъ русской литературы!

Въ этомъ же фельетонѣ замѣчено, что „есть и теперь въ провинціалахъ свое смѣшное и кое-что такое, что́-бъ надлежало истреблять орудіемъ благонамѣренной сатиры, но до этого именно еще не коснулись

нынѣшніе комики и сатирики". Такъ кто же, по вашему мнѣнію, коснулся этого? Ужъ не старые ли сатирики, ученики Карамзина и Дмитріева? Гдѣ имъ! Понятіе о сатирѣ далеко ушло впередъ со временъ Карамзина и Дмитріева. Теперь сатириками поставляютъ за честь называть себя только выписавшіеся старые писаки—ученики, въ сатирѣ, Сумарокова. Сатиру замѣнили теперь художественныя созданія—романъ и комедія, какъ выраженія общественной жизни, и такой романъ имѣемъ мы въ „Мертвыхъ Душахъ" и такую комедію—въ „Ревизорѣ". Тутъ же разсказанъ чувствительнымъ слогомъ учениковъ Карамзина трогательный примѣръ душевной болѣзни, которую Нѣмцы называютъ Heimweh, а Русскіе — *тоскою по родинѣ*. Кто-то до того близкій г. фельетонисту (собственныя слова его), что его можно счесть за самого г. фельетониста, стосковался на чужбинѣ—по чемъ бы вы думали?—по какой-то рыбѣ (должно быть, соленой севрюжинѣ—самая національная рыба!) и гнилыхъ дикихъ грушахъ... Человѣкъ этотъ началъ худѣть и впалъ-было въ меланхолію, да, къ счастію, поспѣшилъ воротиться на родину... Нѣтъ, господа ученики Карамзина! вы отстали даже и отъ Карамзина, который никогда не ставилъ любви къ родинѣ въ любви къ рыбѣ и гнилымъ грушамъ. А еще хотите, чтобъ васъ читали, и берете смѣлость восклицать къ людямъ, которые боятся скуки деревенской жизни: „А мы-то на что!" Такого рода деликатное восклицаніе могло сорваться только съ пера какого-нибудь дюжиннаго писаки...

Весь фельетонъ 140 № „Сѣверной Пчелы" наполненъ нападками на *совмѣстничество*, которымъ съ умыслу неправильно переводится слово *concurrence*, означающее не *совмѣстничество*, а *соревнованіе*. „Сѣв. Пчела"—отъявленный врагъ всякаго соревнованія и страстная поклонница и любитель монополіи! Гдѣ теперь старинные гродетуры и гроденапли, кожаные венеціанскіе золоченые и росписные обои, гобелены, обои шелковые, севрскій и майенскій фарфоръ, богемское стекло, брабантскія кружева, филигранова работа? — восклицаетъ онъ. Всѣ эти вещи, безспорно, были очень хороши, но такъ дороги, что ими пользовалась только небольшая часть привилегированныхъ людей. *Благодаря дешевизнѣ, свободному производству* и *индустріи* XIX вѣка, теперь несравненно большее противъ прошлаго вѣка число людей пользуется благодѣяніями цивилизаціи и образованности; можно надѣяться, что современемъ, благодаря имъ же, и еще несравненно большее число людей начнетъ жить по-человѣчески, т.-е. съ удобствомъ, опрятностію и даже изяществомъ. Итакъ, хвала *соревнованію*, *свободному производству*, *индустріи* и въ особенности благодѣтельной *дешевизнѣ*—этому новому покровительному генію нашего времени! Ими спасется бѣдное, страждущее отъ разныхъ монополій человѣчество! „Сѣв. Пчелу" приводитъ въ негодованіе дешевизна поѣздокъ за границу. Другое дѣло, говоритъ она, когда ѣдетъ ученый, артистъ, фабрикантъ, мастеровой; а то праздношатающіеся, которые не читаютъ даже сочиненій учениковъ Карамзина и Дмитріева!.. Но если бы послѣдніе не могли ѣздить дешево, то и первые принуждены были бы сидѣть дома. По мнѣнію „Сѣв. Пчелы", *соревнованіе*, ошибочно называемое имъ *совмѣстничествомъ*, погубило литературу и въ Европѣ и у насъ, въ Россіи... Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ, напр., „Сѣв. Пчела" одна пользовалась литературною монополіею, т.-е. *единоторжіемъ*, мы увѣрены, русская литература расцвѣла бы въ одинъ годъ... Кто же усомнится въ этомъ!..

Но довольно для перваго раза. Въ слѣдующей книжкѣ „Отеч. Записокъ", между прочимъ, познакомимъ мы читателей съ другимъ фельетонистомъ „Сѣверной Пчелы". Подобно первому, онъ „знаменитый", хотя и не разъ немилосердо обруганный въ „Сѣверной Пчелѣ" романистъ; подобно первому, онъ написалъ въ жизнь свою томовъ семьдесятъ и намѣренъ еще столько же написать; сверхъ того, онъ еще и драматургъ не послѣдній... Имя его... но мы скажемъ вамъ знаменитое его имя въ слѣдующій разъ, а пока заключимъ наши „Замѣтки" курьезнымъ, но нисколько не вымышленнымъ извѣстіемъ, что одинъ журналъ, издающійся въ монгольско-китайскомъ духѣ, находя языкъ Пушкина не русскимъ, вознамѣрился перевести всего Пушкина по-русски!!!... Для этого пріискалъ онъ себѣ какого-то дешеваго горемычнаго піиту, существованіе котораго *мистеріозно*, т.-е. покрыто тайною... Вотъ какія чудныя дѣла готовы совершиться въ русской литературѣ!.. [1]).

IX.

Мы обѣщали читателямъ познакомить ихъ съ однимъ изъ фельетонистовъ „Сѣверной Пчелы", — и что же? наше обѣщаніе многими было растолковано въ дурную сторону. Говорили, что мы хотимъ написать типъ, составленный изъ чертъ частной жизни почтеннаго фельетониста... Что за смѣшные люди! Неужели не знаютъ они, что, во-первыхъ, личности не могутъ быть печатаемы, и, во-вторыхъ, что мы не любимъ ихъ и

---

[1]) См. выше о „Маякѣ".

лишемъ всегда такъ, чтобъ читатель могъ сказать:

Тутъ не лицо, а только литераторъ!

Давно уже въ „Сѣверной Пчелѣ“ печатаются фельетоны, подписываемые завѣтными и таинственными буквами *Р. З.* Эти буквы многихъ приводили въ крайнее изумленіе и никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ онѣ означали г. Рафаила Зотова, о которомъ порядочная читающая публика узнала изъ перваго тома „Ста Русскихъ Литераторовъ“.

Для насъ нисколько не было удивительно ни то, что г. Рафаилъ Зотовъ захотѣлъ быть фельетонистомъ „Сѣверной Пчелы“, ни то, что „Пчела“ рѣшилась г. Рафаила Зотова взять къ себѣ въ фельетонисты. Однакожъ, мы думали, что это дѣло, для пользы и чести обѣихъ сторонъ, останется въ секретѣ. Оно и было въ секретѣ довольно долго. Надъ фельетонами г. Рафаила Зотова читатели сперва смѣялись, потомъ зѣвали за ними, а наконецъ вовсе перестали ихъ читать,—какъ вдругъ, въ 155 № „Сѣверной Пчелы“ нынѣшняго года *великій незнакомецъ*, подобно Вальтеру Скотту, снялъ съ себя маску и, къ удивленію публики, рѣшился назваться собственнымъ своимъ именемъ. „Вы уже читали мой фельетонъ о нѣмецкой пѣвицѣ Валькеръ“ говоритъ онъ, давая тѣмъ знать, что онъ фельетонистъ „Сѣверной Пчелы“ и что его фельетоны даже находятъ себѣ читателей. „Достается мнѣ, какъ фельетонисту Сѣверной Пчелы“,—восклицаетъ онъ далѣе, давая тѣмъ знать, что у него есть даже враги, и что его фельетоны надѣлали ему враговъ... Не довольствуясь этими небылицами, онъ начинаетъ увѣрять, что „пишетъ по внутреннему убѣжденію и съ чистою благонамѣренностію“.—„Я (говоритъ онъ) ищу лучшаго въ области искусствъ, хочу содѣйствовать къ усовершенствованію отечественныхъ дарованій, *и самымъ скромнымъ образомъ* представляю къ этому (?) мои мнѣнія. Опытности моей—увы!—(именно *увы*!) въ театральномъ дѣлѣ, вѣрно, у меня не отнимутъ и жесточайшіе враги мои. Давъ на сцену болѣе *девяноста* піесъ (въ томъ числѣ болѣе двадцати оперъ), я, кажется, могу знать и сцену и музыку“. Каковъ тонъ! не правда ли, что и приличный и скромный?

Этого бы довольно для знакомства съ фельетонистомъ „Сѣверной Пчелы“, но мы прибавимъ еще нѣсколько „нѣкоторыхъ чертъ“. Въ 209 № той же газеты г. Рафаилъ Зотовъ принялся разсуждать о новостяхъ французской литературы. Вотъ неоспоримыя доказательства: говоря о „Консюэло“ Жоржа Занда, г. Р. З. Порпору вездѣ называетъ Порпозою; графъ *Альбертъ* Рудольштадтъ названъ у него *Фридрихомъ*; Консюэло у нашего фельетониста является къ графу Рудольштадту съ рекомендательнымъ письмомъ отъ графа Джустиніани,—тогда какъ у Жоржа Занда она является къ нему съ письмомъ отъ Порпоры; наконецъ, у фельетониста Порпора не позволяетъ Консюэлѣ отвѣчать на письма Альберта,—тогда какъ у Жоржа Занда Порпора, не имѣвшій никакого права что-либо запрещать Консюэлѣ, крадетъ у нея, изъ корыстныхъ разсчетовъ, ея письмо къ Альберту... Изъ этого видно, что г. Рафаилъ Зотовъ разсказалъ не содержаніе „Консюэлы“, а пародію на содержаніе этого превосходнаго произведенія.—Говоря о романѣ Дюма „Жоржъ“, фельетонистъ пускается въ любезности, напоминающія собою любезности князя Шаликова: „Много (говоритъ онъ) есть неправдоподобнаго, но *милыя читательницы* вѣрно этого не замѣтятъ: сквозь слезы *этого* не видать“. Какъ *это* остро и мило!

Мы все говорили о талантѣ, изобрѣтательности и взглядѣ на предметы г. Рафаила Зотова; скажемъ теперь нѣсколько словъ о его знаніи русскаго языка. Вотъ на выдержку фраза изъ фельетона 219 № „Сѣверной Пчелы“: „*Увидѣвъ бенефисную афишку* г-жи Сосницкой, сколько пріятныхъ надеждъ *представилось* намъ вдругъ“. Или вотъ изъ фельетона 270 № той же газеты: „Здѣшніе знатоки чувствуютъ, что *не послушавъ* ее (я) (т.-е. г-жи Віардо—Гарсіи) двѣ недѣли, *уже ощутительна перемѣна* и быстрые шаги къ „достиженію совершенства“. Подобные обороты въ старину назывались галлицизмами!—Въ томъ же фельетонѣ 219 № есть выраженіе „на вѣчныя, *потомственныя времена*“, въ которомъ нѣтъ смысла, и еще выраженіе: „философическая идея о золотѣ“ и „философическая картина“,—выраженія, которыя фельетонистъ примѣнилъ къ двумъ недавно павшимъ на сценѣ Александрынскаго Театра пьесамъ г. Полевого, и которыя не менѣе прочихъ доказываютъ замѣчательное безвкусіе и неумѣнье г. Рафаила Зотова писать порусски.

Забавнѣе всего, что г. Рафаилъ Зотовъ, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ (№ 268) „Сѣверной Пчелы“ не вытерпѣлъ и разразился такимъ гнѣвомъ на „Отечественныя Записки“, что невозможно безъ улыбки состраданія читать его филиппики. Г. Р. Зотовъ кричитъ въ ужасѣ, что „критики Отеч. Записокъ съ *фанатическою яростію* возстаютъ на всякое произведеніе не изъ ихъ литературной касты“, обѣщаетъ критикамъ „Отеч. Записокъ“ „участь *лаятеля* Зоила“, и съ сокрушеннымъ сердцемъ старается убѣдить насъ, что „литературный приговоръ дѣло великое“, что „онъ долженъ быть произносимъ съ *осторожностію*, потому что можетъ

ободрить и убить дарованіе", что наконецъ „приговоръ Отечественныхъ Записокъ не можетъ „оскорбить писателя" и пр. и пр. Но да успокоится почтенный фельетонистъ: никакая критика не убьетъ его „дарованія"— по самой простой причинѣ...

Но довольно о г. Рафаилѣ Зотовѣ, фельетонистѣ „Сѣверной Пчелы" и авторѣ *девяноста* драматическихъ пьесъ и полусотни невѣдомыхъ міру романовъ. Поговоримъ о *третьемъ* фельетонистѣ той же газеты.

Еще въ концѣ прошлаго года „Сѣверная Пчела" возвѣстила, что съ будущаго 1843 года въ ней участвуетъ какой-то знаменитый русскій литераторъ, впрочемъ рѣшающійся появляться въ ней не иначе, какъ инкогнито, подъ буквами *Z. Z.* Въ 197 № „Сѣверной Пчелы" напечатана статья этого второго *великаго незнакомца*, г. *Z. Z.*, о новомъ изданіи сочиненій Державина. Между прочими нескладицами, выданными, однакоже, за *высшіе взгляды*, таинственный г. *Z. Z.* сильно нападаетъ на какого-то *журнальнаго смѣльчака*, который *будто бы* неуважительно отзывался о Державинѣ, и котораго отзывъ *будто бы* встрѣченъ былъ всѣми съ должнымъ негодованіемъ. Разумѣется, тутъ дѣлаются кстати намеки на *заносчивую полуученость*, на *удивительную дерзость* и подобные пороки, въ которыхъ, бывало, старики упрекали г. Полевого даже за дѣльныя и здравыя его сужденія о Сумароковѣ, Херасковѣ и другихъ старыхъ и новыхъ знаменитостяхъ. Помнимъ, что его называли также и *смѣльчакомъ*, и притомъ за такія мнѣнія, въ которыхъ теперь никто не видитъ ни малѣйшей смѣлости. Времена переходчивы, и жизнь страшно играетъ людьми: смѣлыхъ она лишаетъ смѣлости, *высшіе взгляды* превращаетъ въ плоскія общія мѣста; людей, которые думали, что за ними не поспѣваетъ время, превращаетъ въ отсталыхъ и ворчуновъ, для которыхъ каждая новая мысль есть преступленіе,—и... мало ли какъ еще смѣется жизнь надъ людьми!.. Но, во всякомъ случаѣ, смѣлость — не порокъ, а достоинство, ибо она выходитъ изъ любви къ истинѣ и есть свойство души благородной и пылкой; тогда какъ робость—признакъ бѣдности духа и мелкости ума. Смѣлостью доходятъ люди до сознанія новыхъ истинъ; смѣлостью движется общество. Тѣ, которые чувствуютъ въ себѣ свѣжую силу дѣятельности и священный огонь истины — неужели должны смущаться криками и клеветою какихъ-нибудь заживо умершихъ quasi-знаменитостей?.. О, нѣтъ! впередъ и впередъ! Ограниченность и зависть забудутся, а благая дѣятельность и любовь къ истинѣ всегда будутъ замѣчены и дадутъ плодъ свой во время свое...

Возвратимся опять къ „Сѣверной Пчелѣ", которая, какъ извѣстно, состоя по особымъ порученіямъ при „Отеч. Запискахъ", такъ усердно хлопочетъ объ извѣстности ихъ и умышленно, но съ добрымъ намѣреніемъ, говоритъ о нихъ разныя нелѣпости. Въ „Отеч. Запискахъ" въ отдѣлѣ Критики печатались въ нынѣшнемъ году по поводу „Сочиненій Пушкина" большія статьи по части исторіи русской литературы; эти статьи имѣютъ связь между собою, и часто одна статья есть развитіе мыслей, едва обозначенныхъ въ предыдущей, или, напротивъ, повтореніе въ краткихъ словахъ того, что было прежде въ подробности изложено. „Сѣверная Пчела", ревнуя къ пользамъ „Отечественныхъ Записокъ", догадалась, что имъ бы весьма хотѣлось обратить на эти историческія статьи вниманіе публики, и, въ порывѣ своей ревности, принялась за дѣло весьма ловко: она знаетъ, что въ предметѣ столь щекотливомъ, какъ исторія литературы, особенно современной, значеніе каждаго слова измѣняется, смотря по тому, гдѣ оно поставлено, что̀ ему предшествуетъ и что̀ за нимъ слѣдуетъ, а наконецъ по тому, какой смыслъ данъ этому слову предшествовавшимъ изложеніемъ. По причинѣ этой умышленной и весьма благонамѣренной разсѣянности „Сѣверная Пчела", выписавъ наудачу нѣсколько словъ о Карамзинѣ, Державинѣ, Жуковскомъ и другихъ, такъ сводитъ ихъ вмѣстѣ, что нечитавшіе „Отечественныхъ Записокъ" могутъ подумать, будто онѣ питаютъ величайшую злобу противъ всѣхъ именъ, которымъ русская литература обязана своею славою. Вотъ что значитъ усердіе, руководимое опытною журнальною тактикою! „Сѣверная Пчела" вырываетъ клочками фразы изъ длинныхъ статей и приписываетъ имъ такой смыслъ, какого онѣ не имѣли. Она знаетъ, что есть люди, которыхъ никакъ не убѣдишь: что, напр., слова: „Г-нъ А. болѣе замѣчателенъ по мыслямъ" отнюдь не значатъ, что у г. А нѣтъ чувства, или „г. Б. болѣе замѣчателенъ по блестящему стиху", отнюдь не значитъ, что у г. Б. отсутствіе мыслей. Что дѣлать! есть на семъ свѣтѣ такіе господа Половинкины, которые читаютъ только половину книги, половину страницы, половину фразы, едва ли не половину слова,—и изъ этихъ половинокъ сшиваютъ себѣ цѣлое мнѣніе. Вотъ такихъ-то людей и имѣетъ въ виду добрая и услужливая газета: она знаетъ, что эти люди, прочитавъ вырванныя ею строки, разсердятся и бросятся читать „Отечественныя Записки"; тутъ-то они и пойманы: прочитавъ, они найдутъ совсѣмъ другое, примирятся съ журналомъ и сдѣлаются постоянными его читателями. Такъ и слѣдуетъ поступать, если

хочешь услужить! Вотъ примѣръ недавній: въ 256 № „Сѣверная Пчела“ производитъ фальшивую атаку на статью „Отечественныхъ Записокъ“ о Жуковскомъ. Она вырываетъ изъ статьи разныя фразы, которыя, безъ связи съ цѣлымъ, дѣйствительно могутъ имѣть призракъ того смысла, который какъ будто хочется найти въ нихъ фельетонисту. Вслѣдствіе этихъ вырванныхъ тамъ и сямъ короткихъ фразъ изъ огромной статьи, „Отечественныя Записки“ дѣйствительно могутъ сдѣлаться, въ глазахъ поверхностныхъ читателей, такимъ журналомъ, который не умѣетъ отдавать должной справедливости Карамзину, Жуковскому и другимъ знаменитымъ и заслуженнымъ дѣятелямъ русской литературы. Не видно ли въ этомъ горячаго усердія доброй газеты къ пользамъ „Отеч. Записокъ“? Такой способъ нападенія былъ бы уже слишкомъ неловокъ, еслибъ онъ былъ внушенъ враждебностію и желаніемъ вредить. Всякій основательный читатель, развернувъ „Отечественныя Записки“ и вникнувъ въ смыслъ цѣлой статьи, увидѣлъ бы тотчасъ, что „Сѣверная Пчела“ съ дурнымъ умысломъ исказила содержаніе статьи и доноситъ... читателямъ не то, что̀ сказано „Отечественными Записками“. Конечно, всякій основательный читатель и теперь можетъ это сдѣлать, но теперь онъ увидитъ, что „Сѣверная Пчела“ сдѣлала это съ добрымъ намѣреніемъ и похвалитъ ея умѣнье достигать доброй цѣли, т.-е. какъ можно чаще заставлять своихъ читателей заглядывать въ „Отечественныя Записки“. Дѣлая видъ, будто заступается за Жуковскаго противъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Сѣверная Пчела“ спрашиваетъ: „Кто ввелъ романтизмъ въ русскую поэзію?“ А о чемъ же и говорится, что̀ же и доказывается въ статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“, какъ не то именно, что *Жуковскій ввелъ романтизмъ въ русскую литературу*? Эта почтенная газета увѣряетъ еще, будто Лермонтова мы считаемъ равнымъ Карамзину писателемъ... Какое противорѣчіе! Мы превозносимъ Лермонтова, равняя его съ унижаемымъ нами Карамзинымъ!!!... Воля ваша, а это—верхъ усердія въ желаніи услужить намъ! Правда, излишество этого усердія довело почтеннаго фельетониста до нелѣпости и безсмыслицы; но благое намѣреніе чего ни оправдываетъ! Правда, мы никогда не равняли Лермонтова съ Карамзинымъ, потому что было бы нелѣпо сравнивать великаго *поэта* съ знаменитымъ *литераторомъ* и *историкомъ*, и Лермонтова если можно съ кѣмъ сравнивать, такъ развѣ съ Жуковскимъ, съ Пушкинымъ, а ужъ отнюдь не съ Карамзинымъ; но вѣдь „Сѣверной Пчелѣ“ до этого что за дѣло? Ей нужно заставить, какими бы то ни было средствами, всѣхъ и каждаго читать „Отечественныя Записки“, а до смысла и правды нѣтъ надобности... Она говоритъ, что мы называемъ Жуковскаго *изряднымъ* переводчикомъ: кто читалъ нашу статью, тотъ помнитъ, что мы вездѣ называемъ Жуковскаго то *превосходнымъ*, то *безпримѣрнымъ* переводчикомъ. Что же причиною этого *изряднаго* искаженія нашихъ словъ, если не излишество усердія къ нашимъ пользамъ? „Сѣв. Пчела“ ставитъ намъ (разумѣется, притворно) въ великую вину нашъ отзывъ о забытыхъ теперь балладахъ Жуковскаго „Людмилѣ“ и „Свѣтланѣ“; но кто изъ людей, имѣющихъ хоть сколько-нибудь смысла и вкуса, не согласится безусловно съ нашимъ мнѣніемъ объ этихъ незрѣлыхъ, юношескихъ произведеніяхъ поэта, столь богатаго другими произведеніями великаго достоинства? Вѣрно, чувствуя, что эта нападка на насъ уже черезчуръ усердна, „Сѣв. Пчела“ придирается къ языку и восклицаетъ: „Зачѣмъ же вы, великіе мужи *нашего времени*, пишете, какъ писали подъячіе *прошлаго времени*?“ Стихи, которыми она, т.-е. баллада писана! Такъ „не напишетъ ни одинъ посредственный литераторъ!“... Часъ отъ часу лучше! Вѣдь можно сказать—и всѣ *Русскіе* всегда говорили, говорятъ и будутъ говорить: такая-то поэма писана гекзаметрами, а такая-то шестистопными ямбическими стихами, а нельзя, видите, сказать: стихи, которыми писана баллада... „Сѣв. Пчела“ говоритъ: въ „Отеч. Запискахъ“ *грамматики нѣтъ ни капли*: чувствуете ли гиперболу? Чувствуете ли что самъ фельетонистъ совсѣмъ этого не думаетъ и напередъ убѣжденъ, что никто ему не повѣритъ? „Сѣверная Пчела“ какъ бы издѣвается надъ нашею фразою: „почувствуете себя скучающими и утомленными“, можетъ быть, такъ нельзя сказать по руськи, но по-русски это можно и очень можно сказать [1]). — „Сѣв. Пчела“ дѣлаетъ видъ, будто ее страшитъ то, что „Отеч. Зап.“ овладѣваютъ безпрекословно литературнымъ поприщемъ и утверждаютъ на немъ свое мнѣніе. Тонкій намекъ, тонкая похвала, которую тотчасъ можно замѣтить подъ покровомъ умышленной боязни! Разумѣется, „Сѣверная Пчела“ очень хорошо понимаетъ, что достичь этой цѣли журналъ можетъ только своимъ внутреннимъ достоинствомъ, силою своего мнѣнія, а не фельетонными продѣлками, т.-е. криками о своихъ мнимыхъ заслугахъ, бранью на все талантливое и даровитое и т. п.—Добрая газета говоритъ, что „Отеч. Записки“ льстятъ юношеству и дѣтей называютъ умнѣе отцовъ. Опять тон-

[1]) Опять намекъ на польское происхожденіе Булгарина.

кая штука! Кто же повѣритъ, будто „Сѣв. Пчела“ такъ ужъ недальновидна, будто не понимаетъ, что процессъ совершенствованія общества производится именно черезъ умственный и нравственный успѣхъ юныхъ поколѣній? Было время, когда жгли колдуновъ и пытали не однихъ обвиненныхъ, но и подозрѣваемыхъ въ преступленіи; теперь этого нѣтъ вовсе: не выше ли же, не умнѣе ли люди нашего времени людей тѣхъ варварскихъ и невѣжественныхъ временъ? А какимъ образомъ люди нашего времени стали такъ выше и такъ умнѣе людей того времени?—разумѣется, не вдругъ, а черезъ постепенное улучшеніе каждаго новаго поколѣнія передъ старымъ. Разумѣется, наши понятія свѣжѣе, шире и глубже понятій отцовъ нашихъ — такъ же, какъ понятія дѣтей нашихъ будутъ свѣжѣе, шире и глубже нашихъ понятій. Иначе, дѣти наши были бы жалкимъ поколѣніемъ, недостойнымъ дышать воздухомъ и видѣть свѣтъ Божій.—Дальше „Сѣверная Пчела“ совѣтуетъ своимъ читателямъ внимательнѣе прочесть, въ нашей статьѣ о Жуковскомъ, мѣсто отъ словъ: „гораздо выше романтизмъ греческій“ до словъ: „въ честь обоихъ погибшихъ и была воздвигнута статуя Антэросъ“, и убѣждаетъ при этомъ отцовъ и матерей не давать въ руки своимъ дѣтямъ „Отеч. Записокъ“. Ловкій оборотъ, раздражающій любопытство тѣхъ, которые не читали нашей статьи о Жуковскомъ [1]). Извѣстно, что все таинственное, воспрещаемое только привлекаетъ къ себѣ, а не отталкиваетъ. И потому, избави васъ Богъ подозрѣвать въ этихъ словахъ „Сѣв. Пчелы“ злой умыселъ или черную клевету. Ничего этого нѣтъ. Все это не болѣе, какъ журнальная штука. Во-первыхъ, „Сѣв. Пчела“ знаетъ, что указываемое ею мѣсто заключаетъ въ себѣ такіе факты о древнемъ мірѣ, которые изучаются юношествомъ какъ предметъ искусства древностей и исторіи, и которые могутъ казаться неприличными только чопорному жеманству мѣщанъ во дворянствѣ. Во-вторыхъ, какіе же родители позволятъ малолѣтнимъ дѣтямъ читать журналы, издаваемые для взрослыхъ людей? Вѣроятно, если отецъ находитъ въ журналѣ что-нибудь интересное и полезное для дѣтей, самъ читаетъ имъ это, выпуская при чтеніи все, чего не слѣдуетъ дѣтямъ знать. Такъ, напр., что интереснаго и поучительнаго для дѣтей узнать изъ № 170 „Сѣверной Пчелы“, что г. Гречъ, разсерженный голландскою медленностію, „не могъ удержаться отъ *древняго восклицанія*, которымъ на Руси выражаются всякія движенія душевныя“, и которое заставило его просить у двухъ Нѣмцевъ извиненія въ томъ, что онъ Русскій („Сѣверная Пчела“ № 170)?... Что полезнаго увидятъ они въ разсказахъ того же г. Греча (присылаемыхъ изъ Парижа) о подвигахъ парижскихъ воровъ и мошенниковъ, или о похожденіяхъ французскихъ актрисъ, напр., о болѣзни *дѣвицы* Рашель, которая избавится отъ этой болѣзни черезъ *шесть недѣль?* Что наставительнаго прочтутъ они въ „юмористическихъ“ статейкахъ г. Булгарина, гдѣ говорится о взяточникахъ-подъячихъ, и проч., и проч. Дѣтямъ тутъ нечего читать; старики же посмѣиваются, поморщиваются, а все-таки читаютъ... „Сѣверная Пчела“ знаетъ это очень хорошо, и потому-то такъ смѣло нападаетъ на „Отечественныя Записки“.—Чтобъ не пропустить времени подписки на журналы, она теперь удваиваетъ свое усердіе и нарочно громоздитъ нелѣпость на нелѣпости, чтобъ только выказать намъ свою службу, за что мы и благодаримъ ее всепокорно. Она ужъ прямо говоритъ, что всѣ наши сужденія о литературѣ (№ 256) *сущая нелѣпица и одинъ разсчетъ*. Такъ и надо! она, вѣдь, знаетъ, что никто не повторитъ этого о журналѣ, который давно уже пользуется извѣстностію какъ лучшій русскій журналъ, и который пріобрѣлъ уже огромный успѣхъ и довѣріе въ публикѣ. Этого мало! она теперь, кажется, въ сотый разъ увѣряетъ, будто „От. Записки“ издаются для какого-то бѣднаго семейства, тогда какъ давно уже доказано, что „Отечественныя Записки“ никогда не издавались, не издаются и не будутъ издаваться въ пользу какого бы то ни было бѣднаго семейства, и что онѣ составляютъ собственность издателя ихъ, ни съ кѣмъ имъ не раздѣляемую. Такое усердіе къ нашимъ пользамъ намъ даже кажется немножко излишнимъ. Зачѣмъ прибѣгать къ подобнымъ ухищреніямъ для привлеченія намъ подписчиковъ, которыхъ и безъ того много? „Сѣверная Пчела“ можетъ доставлять, какъ и доставляла до сихъ поръ, намъ читателей простыми средствами, т.-е. браня насъ ежедневно.—Вотъ что касается до извѣщенія ея (№ 256), будто бы *„Отеч. Записки“ обязаны своимъ существованіемъ* (?!) *великодушному самоотверженію бумажнаго фабриканта, бумагопродавца и типографщика г. Жернакова* (*!!!???*),—это другое дѣло: она, во-первыхъ, хотѣла реторическимъ языкомъ сказать простую истину—что „Отеч. Записки“ *печатаются* въ типографіи г. Жернакова, которая дѣйствительно работаетъ очень усердно, хотя и не самоотверженно, потому что весьма исправно получаетъ за это довольно значительную плату; во-вторыхъ, ей хотѣлось намекнуть, что „Отечественныя За-

[1]) См. все это въ „пушкинскихъ статьяхъ“ Бѣлинскаго—наст. изд. т. III, ст. № 56.

писки“ съ будущаго года не будутъ уже печататься въ типографіи г. Жернакова, а перенесутся въ другую типографію; но она остерегалась это сдѣлать, дожидаясь нашего о томъ извѣщенія; мы же, съ своей стороны, не считали за нужное извѣщать о такой бездѣлицѣ. Но теперь, чтобъ выручить изъ бѣды „Сѣверную Пчелу“, желавшую подать намъ случай опровергнуть объявленія ея, будто журналъ нашъ не могъ и не можетъ существовать безъ типографіи г. Жернакова, — вынуждены сказать, что, дѣйствительно, съ будущаго года „Отечественныя Записки“ будутъ печататься въ типографіи г. Глазунова и К°, гдѣ уже нарочно для нихъ куплена большая скоропечатная машина, могущая отпечатывать до 1000 листовъ въ часъ, и приготовленъ новый шрифтъ изъ знаменитой словолитни г. Ревильйона. Первая книжка „Отеч. Записокъ“ 1844 года будетъ уже набрана этимъ шрифтомъ и отпечатана на этой машинѣ. Скорость печатанія доставитъ намъ возможность ранѣе разсылать книжки для иногородныхъ читателей, нежели какъ было дѣлаемо это до сихъ поръ. Довольно ли?

Но напрасно, намъ кажется, „Сѣверная Пчела“ жалуется, будто мы обижаемъ ее за ея похвалы г. Ольхину. Опять не то, и вѣроятно опять изъ усердія къ намъ! Мы смѣемся только надъ гимнами и диѳирамбами ея г. Ольхину, о которомъ она говоритъ, что—не то воздвигся, не то возсталъ новый дѣятель, котораго природа одарила дивными качествами ума и сердца, потому что онъ издаетъ сочиненія г. Ѳ. Булгарина, ничего ему за нихъ не заплативши (№ 256 „Сѣв. Пчелы“). Дѣйствительно, со стороны г. Ольхина очень великодушно употребить значительную сумму на изданіе стараго литературнаго хлама, котораго, конечно, у него никто покупать не будетъ; но что же въ этомъ пользы для русской литературы? По нашему мнѣнію, это даже и совсѣмъ не литературное дѣло. Въ томъ же нумерѣ „Сѣверной Пчелы“ говорится, „что иностранные журналы берутъ деньги съ актеровъ, авторовъ и книгопродавцевъ за похвалы„ и къ этому прибавляетъ *элегическимъ тономъ*: „Быть можетъ; но у насъ нѣ(е)кому дать и нѣ(е)кому взять! Какой актеръ, какой авторъ, какой книгопродавецъ у насъ даетъ деньги!“ Въ самомъ дѣлѣ, должно быть прискорбно,—и мы не можемъ не уважить этого унынія нашей доброй газеты, хотя, право, никакъ не въ силахъ раздѣлять его, потому что ничего не понимаемъ по этой части... Но это эпизодъ, вставка, обратимся къ главному.

„Сѣверная Пчела“ служитъ намъ не только тогда, когда бранитъ „Отеч. Записки“, вызывая этимъ насъ на побѣдоносное опроверженіе, но и тогда, когда восхваляетъ такіе журналы, похвалу которымъ всякій прійметъ не иначе, какъ за иронію. Прежде всего она преусердно хвалитъ самоё себя: къ этому уже всѣ привыкли, и всякій знаетъ этому цѣну. Потомъ она увѣряетъ публику, что „Сынъ Отечества“ подъ редакціею г. Масальскаго сдѣлался „прекраснымъ, прелюбопытнымъ, справедливымъ и безпристрастнымъ „въ своихъ сужденіяхъ журналомъ“, и что „будто бы сей г. Масальскій трудами своими „заслужилъ почетное имя въ литературѣ, а „благонамѣренностію своихъ критикъ пріобрѣлъ уваженіе даже своихъ противниковъ“, и что къ совершенству издаваемаго имъ „Сына Отечества“ недостаетъ только аккуратности въ выходѣ книжекъ... Какъ непримѣтно и больно уколотъ этимъ несчастный „Сынъ Отечества“! [1]).

Вотъ также черта услужливости „Сѣверной Пчелы“ въ отношеніи къ намъ. Ей (№ 232) не понравилось сужденіе наше объ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, и она начинаетъ разсуждать, какое имѣетъ право судить объ исторіи Карамзина издатель „Отечеств. Записокъ“? и рѣшаетъ, что онъ не имѣетъ никакого права, ибо не написалъ нѣсколькихъ сочиненій, удовлетворяющихъ потребностямъ современнаго общества. Какъ, спросите вы, неужели для того, чтобъ имѣть право критиковать, напр., „Иліаду“, критикъ сперва самъ долженъ написать поэму не хуже гомеровой? Неужели критика не есть самостоятельный талантъ, который выказывается не въ своемъ призваніи, въ своемъ дѣлѣ, т.-е. въ критикѣ, а въ поэзіи, въ исторіи и т. д.?... Да послѣ этого не только поэты и историки лишатъ критиковъ права судить о поэтическихъ и историческихъ сочиненіяхъ, но нельзя будетъ сказать и портному, зачѣмъ онъ вамъ испортилъ фракъ, не опасаясь услышать отъ него въ оправданіе: „а вы развѣ умѣете сшить фракъ лучше моего, что беретесь критиковать мою работу?“—Еще образчикъ: „Сѣверная Пчела“ выдумываетъ (№ 250), будто мы упрекаемъ г. Ѳ. Булгарина въ старости, словно въ порокѣ какомъ-нибудь, тогда какъ мы говорили не о старости его, а о томъ, что онъ выдаетъ за новость понятія и идеи, которыя были новы, интересны и основательны назадъ тому лѣтъ тридцать съ небольшимъ, и о томъ еще, что г Ѳ. Булгаринъ давно уже весь выписался... Что же дѣлаетъ „Сѣверная Пчела“? Она, примѣромъ *Вальтера Скотта, Вольтера, Гете, Шарля Нодье,*

[1]) А „Сына Отечества“ до сихъ поръ вышло только пять книжекъ, т.-е. послѣдняя книжка его была за *май*, тогда какъ у насъ теперь декабрьскіе морозы!

Примѣч. Бѣлинскаго.

Ламартина, *Кузена*, *Вильмена*, *Гизо*, *Баранта*, *Шатобріана*, *Карамзина* и *Жуковскаго* начала доказывать, что г. Ѳ. Булгаринъ и въ преклонныхъ лѣтахъ можетъ быть отличнымъ прозаикомъ, критикомъ, историкомъ и романистомъ!!! Скажите, пожалуйста, можно ли такъ шутить!..

Лестное вниманіе къ намъ со стороны „Сѣверной Пчелы“ и вѣрная долговременная служба ея „Отечественнымъ Запискамъ“ трогаетъ насъ до глубины души, и мы въ концѣ года обязанностію считаемъ свидѣтельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бываетъ нумера этой газеты, въ которомъ не говорилось бы, прямо или косвенно, объ „Отеч. Запискахъ“, особенно въ субботнихъ фельетонахъ, которые пишутся исключительно для однѣхъ „Отеч. Записокъ“. „Сѣверная Пчела“ учитъ наизусть и знаетъ всѣ статьи наши, особенно критическія, библіографическія и „журнальныя замѣтки“, въ то же время притворно увѣряя публику, будто ея издатели и сотрудники и въ руки не берутъ „Отеч. Записокъ“, почитая для себя унизительнымъ читать ихъ, и еще болѣе—писать о нихъ. Намъ не для чего притворяться, и потому мы можемъ прямо и открыто сказать, что читаемъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ аккуратно всѣ статьи и статейки, въ которыхъ упоминается что-либо объ „Отеч. Запискахъ“. Благодарность—чувство невольное, а мы такъ одолжены „Сѣверною Пчелою“! Будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ году усердіе „Сѣверной Пчелы“ не ослабнетъ, и она не разъ подастъ намъ поводъ поговорить о самихъ себѣ публикѣ: она знаетъ, что безъ этого повода мы никогда не говоримъ о себѣ. Итакъ, добрая сотрудница наша, до новаго года!..

1843 г.

---

47. Русская литература въ 1843 году.

Въ каждомъ годовомъ „литературномъ обозрѣніи“ Бѣлинскаго мы находимъ рядъ интересныхъ историко-литературныхъ свѣдѣній съ ихъ критической оцѣнкой; настоящій обзоръ русской литературы за 1843 годъ особенно богатъ въ этомъ отношеніи. Начинается онъ съ характеристики вліянія „толстыхъ журналовъ“ на русскую литературу и съ повторенія мыслей, высказанныхъ Бѣлинскимъ на эту тему въ предыдущемъ годовомъ обзорѣ (см. ст. № 43). Разбирая причины „бѣдности“ русской литературы, Бѣлинскій видитъ ихъ въ исчерпывающемъ развитіи всѣхъ родовъ и формъ литературы; доказывая это, онъ даетъ превосходные критическіе очерки развитія русской повѣсти и романа — и возвращается этимъ къ темѣ одной изъ первыхъ своихъ статей „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“. Далѣе онъ даетъ мимоходомъ такой же очеркъ развитія поэзіи послѣ Пушкина; болѣе подробно эта тема была разработана Бѣлинскимъ въ слѣдующемъ годовомъ обозрѣніи литературы за 1844 годъ (см. ниже ст. № 49). Наконецъ, онъ набрасываетъ очеркъ исторіи русской драмы и комедіи — и во всѣхъ этихъ областяхъ видитъ исчерпанныя темы, изжитыя формы; для новаго расцвѣта русской литературы нужны новые таланты,— говоритъ Бѣлинскій, — которые бы влили вѣчно-человѣческое содержаніе въ новыя формы. „Настаетъ время мысли“, „настаетъ эпоха сознанія“—повторяетъ Бѣлинскій свою постоянную мысль, провозглашенную имъ еще четырьмя годами ранѣе (см. начало статьи № 20); публика перестала дѣтски восторгаться при мысли о томъ, что и у насъ есть литература: теперь только глубокое содержаніе, соединенное съ прекрасною формою могутъ обратить вниманіе публики на писателя. Единственнымъ такимъ великимъ писателемъ современности Бѣлинскій считаетъ Гоголя; онъ довольно много говоритъ о немъ по поводу выхода въ свѣтъ въ началѣ 1843 года четырехтомнаго собранія сочиненій этого писателя.

Все это естественно снова приводитъ Бѣлинскаго къ вопросу о существованіи русской литературы. Мы уже знаемъ изъ одновременной статьи № 29, которую хронологически слѣдовало бы помѣстить рядомъ съ настоящей статьей, какъ отвѣчалъ Бѣлинскій въ 1843—1844 гг. на этотъ вопросъ, поставленный имъ десятью годами ранѣе (см. выше стр. 98). Отрицая „міровое“ значеніе современной русской литературы, Бѣлинскій въ то же врамя заявляетъ, что „никто не станетъ сомнѣваться въ существованіи русской литературы“, ибо не подлежитъ сомнѣнію историческая преемственность въ развитіи этой литературы: „наша юная, возникающая литература имѣетъ уже свою исторію, ибо всѣ ея явленія тѣсно сопряжены съ развитіемъ общественнаго образованія на Руси, и всѣ находятся въ болѣе или менѣе живомъ, органически послѣдова-

тельномъ соотношеніи между собою"... Такова единственно возможная историческая точка зрѣнія, къ какой пришелъ теперь Бѣлинскій. Лучшимъ доказательствомъ этого взгляда явились знаменитыя „пушкинскія статьи" Бѣлинскаго, четыре первыя изъ которыхъ появились уже въ „Отеч. Запискахъ" этого 1843 года. Въ нихъ былъ данъ критико-историческій обзоръ развитія русской поэзіи отъ Державина до Пушкина; непосредственнымъ дополненіемъ къ этому обзору являются критическіе очерки развитія русской повѣсти, романа, драмы, комедіи и послѣ-пушкинской поэзіи, которые мы находимъ въ настоящей статьѣ.

И.-Р.

Литература наша находится теперь въ состояніи кризиса: это не подвержено никакому сомнѣнію. По многимъ признакамъ замѣтно, что она, наконецъ, твердо рѣшилась или принять дѣльное направленіе и не даромъ называться „литературою", или, какъ говоритъ у Гоголя Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, *смертію окончить жизнь свою*. Послѣднее обстоятельство, прискорбное для всѣхъ, было бы очень горестно и для насъ, еслибъ мы не утѣшали себя мудрою и благородною поговоркою: *все или ничего!* Въ смиренномъ сознаніи дѣйствительной нищеты гораздо больше честности, благородства, ума и мужественнаго великодушія, чѣмъ въ дѣтскомъ тщеславіи и ребяческихъ восторгахъ отъ мнимаго, воображаемаго богатства. Изъ всѣхъ дурныхъ привычекъ, обличающихъ недостатокъ прочнаго образованія и излишество добродушнаго невѣжества, самая дурная — называть вещи не настоящими ихъ именами. Но, слава Богу, наша литература теперь рѣшительно отстаетъ отъ этой дурной привычки, и если изъ кое-какихъ литературныхъ захолустій раздаются еще довольно часто самохвальные возгласы, публика знаетъ уже, что это не голосъ истины и любви, а вопль или литературнаго торгашества, которое жаждетъ прибытковъ на счетъ добродушныхъ читателей, или самолюбивой и задорной бездарности, которая въ своей лѣности, апатіи, въ своемъ бездѣйствіи и своихъ мелочныхъ произведеніяхъ думаетъ видѣть неопровержимыя доказательства неисчерпаемаго богатства русской литературы. Да; публика уже знаетъ, что это торгашество и эта бездарность, по большей части соединяющіяся вмѣстѣ, спекулируютъ на ея любовь къ родному, къ русскому — и свои пошлыя произведенія называютъ „народными", сколько въ надеждѣ привлечь этимъ вниманіе простодушной толпы, столько и въ надеждѣ зажать ротъ неумолимой критикѣ, которая, признавая патріотизмъ святымъ и высокимъ чувствомъ, по этому самому съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ лжепатріотизмъ, соединенный съ бездарностью. Публика знаетъ, что ей уже нѣчего искать въ романахъ и повѣстяхъ изъ русской исторіи или преданій старины, ибо она знаетъ, что русская исторія и русская старина сами по себѣ, а таланты нашихъ сочинителей и взглядъ ихъ на вещи—сами по себѣ, и что русскій бытъ, историческій и частный, состоитъ не въ однихъ только русскихъ именахъ дѣйствующихъ лицъ, но въ особенностяхъ русской жизни, развившейся подъ неотразимымъ вліяніемъ мѣстности и исторіи,— такъ же, какъ патріотизмъ состоитъ не въ пышныхъ возгласахъ и общихъ мѣстахъ, но въ горячемъ чувствѣ любви къ родинѣ, которое умѣетъ высказываться безъ восклицаній и обнаруживается не въ одномъ восторгѣ отъ хорошаго, но и въ болѣзненной враждебности къ дурному, неизбѣжно бывающему во всякой землѣ, слѣдовательно, во всякомъ отечествѣ. Больше же всего и яснѣе всего публика сознаётъ, что ей нѣчего читать, несмотря на *возстаніе* и *воздвиженіе* разныхъ непризванныхъ оживителей и воскресителей русской литературы и несмотря на громкіе возгласы ихъ хвалителей. Это истина неоспоримая. Книгопродавцы то и дѣло выпускаютъ въ свѣтъ объявленія о новыхъ книгахъ, которыя они издали и которыя они намѣрены издать,—объявленія, печатаемыя на листахъ чудовищной величины, гигантскимъ и мелкимъ шрифтомъ, безъ политипажей и съ политипажами, и съ великолѣпными похвалами этимъ книгамъ, написанными книгопродавческимъ слогомъ; возвѣщаемыя книги дѣйствительно выходятъ въ свѣтъ и продаются по объявленнымъ цѣнамъ, а читателямъ отъ этого не легче, потому что читать все-таки нѣчего! Библіографы и рецензенты въ отчаяніи: имъ совсѣмъ нѣтъ работы, нѣчего разбирать, не надъ чѣмъ потрунить, да нѣчего и похвалить; въ беллетрическихъ книгахъ картинки хороши или сносны, а текстъ плосокъ до того, что не за что зацѣпиться; потомъ, большая часть книгъ все учебники, изрѣдка хорошіе, но чаще невинные и въ добрѣ и въ злѣ. Отдѣленіе библіографіи въ журналахъ со дня на день теряетъ свою занимательность въ глазахъ публики, которая всегда читала рецензію съ большею жадностію, бо̀льшимъ вниманіемъ и бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ самую книгу, на которую написана рецензія. Журналы также

въ отчаяніи; имъ остается разбирать только другъ друга: занятіе невинное и забавное, которое, впрочемъ, едва-ли можетъ занять публику больше преферанса и домашнихъ сплетней!

Куда-жъ дѣвались наши книги? гдѣ же наша литература?

„Да ихъ поглотили *толстые* журналы!“ кричатъ со всѣхъ сторонъ. „Какихъ книгъ, какой литературы хотите вы, если любая книжка толстаго журнала въ состояніи поглотить въ себя литературный бюджетъ цѣлаго года?“

А! вотъ въ чемъ зло: толстые журналы виноваты!

Но сколько же у насъ издается толстыхъ журналовъ?—Два: „Отечественныя Записки“ и „Библіотека для Чтенія“.

Попробуемъ повѣрить *фактически* справедливость этого *умозрительнаго* обвиненія.

„Отечественныя Записки“ состоятъ изъ *восьми* отдѣловъ, изъ которыхъ цѣлые *пять* совершенно невинны въ поглощеніи русскихъ книгъ: мы говоримъ объ отдѣлахъ *Современной Хроники Россіи*, *Критики*, *Библіографической Хроники*, *Иностранной Литературы* и *Смѣси*, въ которые никоимъ образомъ не могутъ войти статьи въ книгу величиною, или статьи, которыя могли-бъ быть изданы отдѣльно и не были рождены срочною и дневною потребностію журнала. Въ отдѣлы: *Наукъ и Художествъ*, и *Домоводства*, *Сельскаго Хозяйства и Промышленности вообще* иногда входятъ статьи до того огромныя, что могли бы составить порядочной величины книгу; таковы были въ отдѣлѣ *Наукъ и Художествъ* „Отечественныхъ Записокъ“ 1841 года статьи „Альбигойцы и крестовые противъ нихъ походы“, „Грецiя въ нынѣшнемъ своемъ состояніи“ (1841), „Гёте“ (1842), „Средняя Азія“ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Гумбольдта“ (1843), и др., и въ отдѣлѣ *Домоводства*, *Сельскаго Хозяйства и Промышленности вообще* „Отеч. Записокъ“ 1842 года огромная статья г. Сабурова, „Записки Пензенскаго Земледѣльца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства“. Каждая изъ этихъ статей есть большая книга; но, во-первыхъ, такихъ большихъ статей немного бываетъ въ журналахъ; а во-вторыхъ, онѣ своимъ появленіемъ въ печати обязаны только журналу. Упомянутыя статьи въ отдѣлѣ „Наукъ“—переводныя или сокращенныя изъ нѣсколькихъ книгъ, изданныхъ на иностранныхъ языкахъ: „Отечественныя Записки“ никому не помѣшали бы перевести или составить ихъ и издать въ свѣтъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій изданы были въ подлинникѣ нѣсколько лѣтъ назадъ,—и однакожъ, никто и не подумалъ приняться за нихъ. А почему?—да потому, что въ журналѣ ихъ прочли всѣ читающіе журналъ, а явись они отдѣльною книгою, то переводчикъ или составитель остался бы невознагражденнымъ, издатель въ убыткѣ, и прекрасное сочиненіе было бы прочитано много-много нѣсколькими десятками человѣкъ; для большинства же публики они остались бы вовсе неизвѣстными. И мало ли на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ хорошихъ историческихъ сочиненій, которыя соединяютъ въ себѣ ученость содержанія съ популярностію изложенія? Кто же мѣшаетъ ихъ кому-нибудь переводить и издавать? Неужели толстые журналы? Вѣдь они, кажется, не пользуются правомъ монополіи касательно переводовъ иностранныхъ сочиненій? Притомъ же, всѣ наши журналы, безъ исключенія, грѣхъ обвинить въ скорости и поспѣшности, съ которою они представляли бы въ переводахъ своимъ читателямъ новыя ученопопулярныя иностранныя сочиненія, и которая препятствовала бы кому-нибудь переводить и издавать ихъ отдѣльно. Что же касается до статьи г. Сабурова, то и ей ничто не мѣшало явиться отдѣльною книгою, кромѣ развѣ естественнаго для книги желанія — быть прочитанною не ограниченнымъ числомъ присяжныхъ любителей книгъ такого содержанія, а цѣлою публикою... Теперь остается одинъ отдѣлъ, на который въ особенности должно падать обвиненіе въ поглощеніи книгъ и литературы: это отдѣлъ *Словесности*, гдѣ помѣщаются стихотворенія, повѣсти и другія беллетрическія статьи. Но, во-первыхъ, стихотвореній въ нынѣшнихъ журналахъ, и толстыхъ и тонкихъ, печатается немного, потому что посредственныхъ никто не хочетъ читать, хорошія же рѣдки, а превосходныхъ, послѣ Лермонтова, уже никто не пишетъ; во-вторыхъ, въ отдѣлѣ *Словесности* помѣщаются не одни русскіе повѣсти и романы, но и переводные, и самые большіе всегда бываютъ переводные; въ третьихъ, ни тѣмъ, ни другимъ никто не мѣшалъ бы являться отдѣльными книгами, еслибъ они сами этого захотѣли, ибо, повторяемъ, толстые журналы не пользуются правомъ монополіи для печатанія оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей.

Все сказанное объ „Отеч. Запискахъ“ можно приложить и къ „Библіотекѣ для Чтенія“: слишкомъ большія статьи и въ ней помѣщаются, изрѣдка, въ отдѣлахъ *Наукъ и Художествъ* и *Промышленности* и *Сельскаго Хозяйства*,—чаще въ отдѣлѣ *Русской Словесности*, и очень часто въ отдѣлѣ *Словесности Иностранной*, гдѣ передѣлываются на русскій языкъ иностранные повѣсти и романы.

Многочисленны же должны быть русскія книги и богата же должна быть русская лите-

ратура, если онѣ цѣликомъ поглощаются тремя отдѣлами двухъ журналовъ, — тремя отдѣлами, состоящими наполовину изъ *переводныхъ* статей!!.

Однакожъ, скажутъ намъ, до существованія толстыхъ журналовъ книгъ выходило гораздо больше!..

Это справедливо; но причина этого не въ толстыхъ и не въ тонкихъ журналахъ. Для книгъ ученаго содержанія у насъ нѣтъ еще публики, и наши ученые, еслибъ они много писали и много издавали, дѣлали бы это для собственнаго удовольствія и сами были бы и читателями и покупателями собственныхъ своихъ книгъ. Это фактъ, противъ очевидной дѣйствительности котораго не устоятъ никакіе фразы и возгласы, какъ бы ни были они великолѣпны. Ученая литература наша всегда была до того бѣдна, что странно было бы и называть ее литературою, какъ странно называть библіотекою шкапъ съ нѣсколькими десятками разрозненныхъ книгъ. Но прежде ученыхъ книгъ выходило еще меньше, чѣмъ теперь. И все лучшее по этой части является теперь только или черезъ прямое посредство правительства, или подъ его покровительствомъ, особенно книги спеціальнаго содержанія, какъ-то: историческіе акты, сочиненія по части статистики, по части инженерной, горной, и т. п. Сочиненія медицинскія болѣе независимы, и потому врачебная литература, въ сравненіи съ другими, болѣе богата, ибо въ значительномъ (по числу своему) сословіи врачей все же есть люди, болѣе или менѣе слѣдящіе за ходомъ науки, которая, по крайней мѣрѣ, даетъ имъ хлѣбъ. Учебныя книги у насъ можно издавать только при условіи, чтобъ онѣ были приняты въ руководство въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ послѣднее время учебная литература обогатилась многими хорошими книгами, изъ которыхъ первое мѣсто, по достоинству, занимаютъ руководства, изданныя для военно-учебныхъ заведеній. Итакъ, при всей бѣдности ученой и учебной литературы настоящее время все-таки имѣетъ большое преимущество передъ прежнимъ, когда исторіи г. Кайданова, географіи Зябловскаго, грамматики г. Греча и реторики гг. Толмачева и Кошанскаго считались отличными учебниками. Что касается до собственно беллетристической литературы, или, какъ ее называютъ иначе—*изящной словесности*, въ прежнее время, т.-е. отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ, она казалась столь же богатою и процвѣтающею, сколько теперь кажется бѣдною и увядающею. Но если она казалась богатою, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ она и была богата въ самомъ дѣлѣ. Въ двадцатыхъ годахъ публика была въ восторгѣ отъ избытка литературныхъ сокровищъ. Но въ чемъ состояли эти сокровища? Въ крошечныхъ альманахахъ, наполненныхъ крошечными отрывками изъ крошечныхъ поэмъ, крошечныхъ драмъ, крошечныхъ повѣстей, которымъ, большею частію, никогда не суждено было явиться вполнѣ, т.-е. съ началомъ и концомъ. Вспомните, сколько, бывало, шума и радости производило появленіе „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“! А что было въ нихъ? Двѣ-три новыя пьесы Пушкина или Жуковскаго, которыя, конечно, были бы всегда драгоцѣнными перлами во всякаго рода изданіяхъ; но, вмѣстѣ съ ними, съ восторгомъ равно дѣтскимъ читались, перечитывались, учились наизусть и переписывались въ тетрадки стихотворенія и другихъ поэтовъ, изъ которыхъ одни были точно съ замѣчательными талантами, а другіе вовсе безъ таланта, владѣя гладкимъ стихомъ и модною манерою выражать бывшія тогда въ модѣ чувства унынія, грусти, лѣни, разочарованія и тому подобное. Сверхъ того, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ были литературныя обозрѣнія г. Сомова, аллегоріи г. Ѳ. Глинки, даже статьи Владиміра Измайлова. Въ наше время такіе альманахи ужъ невозможны: и самыя стихотворенія Пушкина или Лермонтова не заставили бы никого заплатить десять рублей за маленькую книжечку, въ которой, за исключеніемъ трехъ-четырехъ превосходныхъ стихотвореній, все остальное — или посредственность, или просто вздоръ. Мы не говоримъ о другихъ альманахахъ, потянувшихся длинною вереницею за „Сѣверными Цвѣтами“, какъ-то: *Уранія, Сѣверной Лиры, Невскомъ Альманахѣ, Сиріусѣ, Царскомъ Селѣ* и многомъ множествѣ другихъ. Что же выходило тогда кромѣ альманаховъ? — Поэмки въ стихахъ, которыхъ теперь и названій нельзя вспомнить, равно какъ и именъ ихъ сочинителей; разныя драматическія произведенія, теперь забытыя вмѣстѣ съ именами ихъ производителей, да еще безобразные и чудовищные переводы поэмъ и романовъ Вальтера Скотта вмѣстѣ съ глупыми романами виконта Дарленкура... Въ такомъ положеніи была наша литература отъ начала такъ называемаго романтизма до 1829 года. Лучшія и многочисленнѣйшія статьи въ тогдашнихъ журналахъ, преимущественно въ „Московскомъ Телеграфѣ“, были переводныя, а оригинальныя большею частію состояли изъ отрывковъ. Стихи преобладали тогда надъ прозою и наводняли журналы и альманахи; въ то же время стихи издавались и отдѣльными книжками, то подъ именемъ „поэмъ“, то подъ именемъ „собраній сочиненій“ такого-то. И, несмотря на то, изъ замѣчательныхъ поэтовъ никто не былъ изданъ въ то время. „Горе отъ Ума“ ходило въ рукописи по всѣмъ краямъ обшир-

наго русскаго царства. Стихотвореній Пушкина была издана только небольшая книжка въ 1826 году. Настоящее изданіе собранія сочиненій Пушкина началось уже съ 1829 года. Сочиненія наиболѣе уважавшихся поэтовъ того времени, какъ-то: Баратынскаго, Веневитинова, Языкова, Подолинскаго, Козлова, Давыдова, Дельвига, Полежаева, были изданы уже въ тридцатыхъ годахъ [1]). Итакъ, гдѣ же это богатство книжной производительности двадцатыхъ годовъ, которое уличило бы наше время въ литературной бѣдности? Это богатство было мнимое, призрачное; оно заключалось въ новизнѣ, которая добродушно принималась въ то время за геніальность, въ отрывкахъ, которые считались за цѣлыя великія творенія, на честное слово сочинителей,—въ потокѣ стиховъ, которые, благодаря гладкости, сладостной лѣни и унылому раздумью, принимались за поэзію. И это множество стиховъ являлось не оттого, чтобы поэты того времени писали много, но оттого, что слишкомъ много поэтовъ писало въ то время. Десять тысячъ стихотворцевъ, написавъ каждый по десятку стихотвореній, подарятъ свѣтъ такою громадою стиховъ, въ сравненіи съ которою полное собраніе сочиненій такихъ плодовитыхъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте, Шиллеръ, будетъ небольшая книжечка. Нашихъ поэтовъ грѣхъ обвинять въ плодовитости: это грѣхъ, въ которомъ они рѣшительно невинны. Самъ Пушкинъ, дѣятельнѣйшій и плодовитѣйшій изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ, писалъ слишкомъ мало и слишкомъ лѣниво въ сравненіи съ великими европейскими поэтами. Но это, конечно, была не его вина: наша дѣйствительность не слишкомъ богата поэтическими элементами и немного можетъ дать содержанія для вдохновеній поэта,—такъ же какъ нашъ плоскій материкъ, заслоненный сѣрымъ и сырымъ небомъ, немного можетъ дать видовъ для пейзажнаго живописца. Пушкинъ, впрочемъ, взялъ все, что могъ взять. Но что сдѣлали другіе поэты, вмѣстѣ съ нимъ вышедшіе на литературное поприще? Одинъ изъ нихъ [2]) представилъ публикѣ собраніе многолѣтнихъ поэтическихъ трудовъ въ двухъ томикахъ, другіе [3]) въ одномъ миньятюрномъ томикѣ. Зато всѣ они были изданы очень красиво и съ большими пробѣлами. Скажутъ: „но вѣдь достоинство поэта измѣряется качествомъ, а не количествомъ написаннаго имъ“. Иногда, и чаще всего, тѣмъ и другимъ,—отвѣчаемъ мы. Источникъ поэтической дѣятельности есть творческая натура,—и чѣмъ болѣе одаренъ поэтъ творческою силою, тѣмъ, естественно, онъ дѣятельнѣе, подобно пароходу, который тѣмъ быстрѣе летитъ, чѣмъ огромнѣе его машина и чѣмъ жарче она топится. Неистощимость и разнообразіе всякой поэзіи зависятъ отъ объема ея содержанія: и чѣмъ глубже, шире, универсальнѣе идеи, одушевляющія поэта и составляющія пафосъ его жизни, тѣмъ, естественно, разнообразнѣе и многочисленнѣе его произведенія: тучная, богатая растительными силами почва не истощается одною богатою жатвою, а сухая и песчаная не даетъ и одной порядочной жатвы. Если поэтъ мало писалъ, значитъ ему было не о чемъ больше писать, потому что вдохновлявшей его идеи, по ея поверхностности и мелкости, едва стало на два, на три десятка болѣе или менѣе однообразныхъ, хотя, въ то же время, болѣе или менѣе и прекрасныхъ пьесокъ. Вотъ почему, когда иной знаменитый поэтъ нашъ соберется наконецъ издать собраніе своихъ стихотвореній, всѣмъ извѣстныхъ прежде изъ журналовъ и альманаховъ, то очень должно остерегаться читать тѣ его стихотворенія, которыя послѣ изданія этого сборника будетъ онъ изрѣдка печатать въ журналахъ. Причина очевидна: наши поэты большею частью издаютъ собранія своихъ поэтическихъ трудовъ, какъ памятники, дорогіе ихъ сердцу, лучшихъ дней ихъ жизни, когда они любили и мечтали. Но когда человѣкъ перестаетъ мечтать, истративъ на мечты лучшую половину своей жизни, въ которую слѣдовало бы мыслить, и когда, волею или неволею, сходится и мирится онъ съ пошлою дѣйствительностію, за незнаніемъ разумной дѣйствительности, открывающейся только мысли и сознанію, а не чувствамъ и мечтамъ,—тогда талантъ оставляетъ его, и въ такомъ случаѣ всего лучше поторопиться ему издать свои сочиненія. Жаль только, что эти счастливыя дѣти своего времени въ сборникѣ часто являются гостьми, опоздавшими на пиръ и пришедшими въ старомодныхъ костюмахъ: они бываютъ непріятно поражены холоднымъ пріемомъ даже со стороны тѣхъ самыхъ людей, которые пять-шесть лѣтъ назадъ были отъ нихъ въ восторгѣ...

Но обратимся къ двадцатымъ годамъ русской литературы. Въ это ультра-романтическое и ультра-стихотворное время проза была въ самомъ жалкомъ состояніи. Пушкинъ почти ничего не писалъ прозою. Нѣсколько статей Веневитинова принадлежатъ къ прозѣ теоретической, а не поэтической, и въ этомъ родѣ прозы было кое-что болѣе или менѣе замѣчательное, кромѣ *мыслящихъ* статей Веневитинова. Въ сферѣ поэтической прозы отличались тогда трескучія эффек-

---

[1]) За исключеніемъ только первой части сочиненій Веневитинова, изданной въ 1829 году.
Прим. Бѣлинскаго.

[2]) Баратынскій.

[3]) Языковъ и др.

тами и фразою повѣсти Марлинскаго, и приводили добродушную публику въ неописанный восторгъ. Чтобъ нѣсколькими словами охарактеризовать бѣдность изящной прозы того времени, стоитъ только замѣтить, что даже и повѣсти одного московскаго ученаго, совершенно лишенныя фантазіи, нищія талантомъ, богатыя черствою сухостію чувства и грубымъ цинизмомъ понятій и выраженій, многимъ и очень многимъ нравились, хотя тогда же многіе и смѣялись надъ этими жалкими порожденіями незаконныхъ притязаній на талантъ и поэзію [1]). Послѣ этого, удивительно ли, что для большинства того времени дивомъ дивнымъ казались повѣсти г. Полевого, чуждыя всякаго творчества, но не чуждыя нѣкоторой изобрѣтательности, бѣдныя чувствомъ, но богатыя чувствительностію, лишенныя идеи, но достаточно нашпигованныя *высшими взглядами*,—повѣсти, представлявшія, вмѣсто характеровъ, образы безъ лицъ, т.-е. неопредѣленныя полумысли автора,—повѣсти, не щеголявшія слогомъ, но ловко владѣвшія фразою и не безъ основанія претендовавшія на нѣкоторое достоинство разсказа, обличавшее въ авторѣ литературное образованіе и навыкъ,—повѣсти, невинныя въ какомъ бы то ни было тактѣ дѣйствительности и способности хотя приблизительно понимать дѣйствительность, но очень и очень виновныя въ мечтательности и натянутомъ, приторномъ абстрактномъ идеализмѣ, который презираетъ землю и матерію, питается воздухомъ и высокопарными фразами, и стремится все „туда“ (dahin!)—въ эту чудную страну праздношатающагося воображенія, въ эту вѣчную Атлантиду себялюбивыхъ мечтателей?.. Удивительно ли, что и люди, непринадлежавшіе къ большинству, считали эти повѣсти за весьма пріятное явленіе въ русской литературѣ?.. Вѣдь тогда еще не было ни „Пиковой Дамы“, ни „Капитанской Дочки“ Пушкина, ни повѣстей Гоголя, ни „Героя Нашего Времени“ Лермонтова...

Впрочемъ, гг. Погодинъ и Полевой слишкомъ много писали повѣстей только съ 1829 года. Этотъ годъ былъ довольно замѣтнымъ поворотомъ отъ стиховъ къ прозѣ, и нельзя не согласиться, что, считая отъ этого времени до 1836 года, литература наша была болѣе оживлена и болѣе богата книгами, чѣмъ прежде и послѣ того. Въ этотъ промежутокъ времени появились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, „Арабески“, „Миргородъ“ и „Ревизоръ“ Гоголя, и самъ Пушкинъ началъ обращаться къ прозѣ, напечатавъ лучшія свои повѣсти—„Пиковую Даму“ и „Капитанскую Дочку“. Этого уже слишкомъ довольно, чтобъ не только считать это время богатымъ и обильнымъ литературными произведеніями, но и видѣть въ немъ новую, прекрасную эпоху русской литературы. Числительное богатство книгъ и обиліе литературныхъ новинокъ было еще значительнѣе. Въ 1829 году г. Ѳ. Булгаринъ издалъ своего „Выжигина“, а въ слѣдующемъ году—„Димитрія Самозванца“. Первый изъ этихъ романовъ имѣлъ большой успѣхъ: онъ въ короткое время былъ весь раскупленъ, и особенно понравился низшимъ слоямъ читающей публики, которые, повѣривъ на-слово сочинителю, не затруднились увидѣть въ его безличныхъ изображеніяхъ вѣрную картину современной русской дѣйствительности. Очевидно, что въ это невинное заблужденіе ввели ихъ русскія имена дѣйствующихъ лицъ въ „Выжигинѣ“, названіе русскихъ городовъ и областей, а главное—запутанныя и неестественныя похожденія продувного героя романа. Добряки не замѣтили, что все это—*старыя погудки на новый ладъ*, какъ говоритъ пословица, т.-е. дюкре-де-менилевскія романическія пружины съ сумароковскими нападками на лихоимство и мошенничество. При этомъ, не должно забывать, что первыя попытки въ новомъ родѣ всегда принимаются хорошо. Публикѣ того времени показался новостью романъ съ русскими именами. Она забыла, что какой-то А. Измайловъ, въ этомъ отношеніи, предупредилъ г. Ѳ. Булгарина цѣлыми *тридцатью* годами, ибо въ его романѣ „Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества“, изданномъ въ 1799 году, дѣйствіе происходитъ въ Россіи, герой романа называется Евгеніемъ — имя столь же русское, сколько и иностранное. Фамилія Евгенія—*Негодяевъ*, фамиліи прочихъ дѣйствующихъ лицъ романа—*Лицемѣркина*, *Вѣтровъ*, *Тысячниковъ*, *Бездѣльниковъ*, *Простаковъ*, *коллежскій ассесоръ Назарій Антоновичъ Миловзоровъ*, *Воровъ*, *Подлянковъ*, *Развратинъ* и пр. Вѣроятно, эти остроумно придуманныя г. А. Измайловымъ русскія фамиліи и подали г. Ѳ. Булгарину счастливую мысль назвать героевъ своего романа Вороватиными, Ножовыми и пр. Это обстоятельство также доставило „Выжигину“ значительный успѣхъ. Впрочемъ, „Выжигинъ“ изобрѣтательностью, манерою, яркимъ изображеніемъ характеровъ, движеніемъ сердца человѣческаго и нравственно-сатирическимъ направленіемъ живо напоминавшій собою „Евгенія“ г. А. Измайлова, далеко превзошелъ его въ правильности языка, хотя и уступилъ ему въ живости разсказа. Публика того времени, по свой-

[1]) Очевидно Погодинъ, о повѣстяхъ котораго Бѣлинскій прежде отзывался благосклоннѣе; см. т. I, стр. 133—135.

ственной ей забывчивости, не догадалась также, что г. Ѳ. Булгаринъ предупрежденъ былъ, какъ романистъ, писателемъ новымъ и даровитымъ, и что въ 1824 году вышелъ „Бурсакъ“, а въ 1825 — „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“ Нарѣжнаго. Эти два замѣчательныя произведенія были *первыми* русскими романами. Они явились въ такое время, когда еще публика не была въ состояніи оцѣнить ихъ, и лучшіе юмористическіе очерки характеровъ и сценъ простонароднаго быта назвала *сальностями*, а немножко таланта увидѣла въ романической развязкѣ „Бурсака“. Все это было съ-руки г. Ѳ. Булгарину и помогло ему прослыть первымъ романистомъ на Руси. Однакожъ, его „Димитрій Самозванецъ“ оборвался: его убилъ успѣхъ „Юрія Милославскаго“, вышедшаго въ свѣтъ нѣсколькими недѣлями прежде „Самозванца“, который безъ этого прискорбнаго для него обстоятельства, безъ сомнѣнія, получилъ бы еще бо́льшій успѣхъ, чѣмъ „Выжигинъ“. Послѣдующіе романы г. Ѳ. Булгарина уже имѣли самый посредственный успѣхъ, и то благодаря только овладѣвшей публикою страсти къ романамъ, которая тогда смѣнила ея страсть къ стихамъ. „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“ имѣлъ несчастіе столкнуться съ „Рославлевымъ“: несмотря на слабость второго романа г. Загоскина, онъ былъ все-таки неизмѣримо выше „Петра Ивановича Выжигина“, хотя въ этомъ романѣ выведенъ и самъ Наполеонъ, къ несчастію обрисованный столь неудачно, что его такъ же трудно отличить отъ Петра Ивановича Выжигина, какъ и Петра Ивановича Выжигина отъ Наполеона. Четвертый романъ г. Ѳ. Булгарина „Мазепа“ упалъ рѣшительно, несмотря на искусную и усердную поддержку со стороны „Библіотеки для Чтенія“: публика уже не хотѣла читать повторенія того, что̀ уже надоѣло ей въ прежнихъ романахъ г. Ѳ. Булгарина. Еще менѣе замѣтила и оцѣнила она неподражаемый юморъ сего нравственно-сатирическаго сочинителя, разлитый въ его „Запискахъ Титулярнаго Совѣтника Чухина“. Это было полнымъ паденіемъ — chûte complète! [1]). Мода на романы такъ была сильна, т.-е. романы такъ хорошо расходились въ то время, что даже сочинитель множества грамматикъ, прочетшій, по словамъ „Библіотеки для Чтенія“, въ корректурѣ всю русскую литературу, г. Н. Гречъ—издалъ довольно длинную и, сообразно съ тѣмъ, довольно скучную повѣсть—„Поѣздка въ Германію“, и потомъ длинный романъ, начиненный разными чудесами на манеръ Анны Радклейфъ—„Черная Женщина“. Сильный въ то время на поприщѣ журналистики баронъ Брамбеусъ силился искусною и усердною рецензіею, наполненною разсужденіями о магнетизмѣ, дать ходъ первому изданію „Черной Женщины“, ставилъ ее выше романовъ Вальтера Скотта и считалъ за счастіе, по собственнымъ словамъ его, бѣжать за колесницею тріумфатора, т.-е. г. Греча. Такова была тогда романоманія, что все сходило съ рукъ благополучно, и всякая сказка давала болѣе или менѣе вѣрный барышъ! Но второе изданіе „Черной Женщины“, поступившее въ составъ вышедшихъ въ 1838 году въ пяти частяхъ „Сочиненій Николая Греча“, потонуло въ Летѣ вмѣстѣ со всѣми пятью частями этихъ сочиненій [1]).

Послѣ романовъ г. Ѳ. Булгарина намъ тотчасъ же слѣдовало бы говорить о судьбѣ романовъ г. Загоскина, которые начали являться послѣ „Выжигина“ и убили наповалъ всѣ романы г. Ѳ. Булгарина; но послѣ имени Ѳ. Булгарина какъ-то невольно ложится подъ перо имя г. Н. Греча, да и романы обоихъ сихъ сочинителей похожи другъ на друга, какъ дѣти одного отца, отличаясь мертвою правильностію и грамматическою чистотою языка, при отсутствіи всякихъ другихъ качествъ. „Юрій Милославскій“ былъ, въ свое время, безъ всякаго сомнѣнія, пріятнымъ и замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ. Его дѣйствующія лица не только носятъ русскія имена, но и говорятъ русскою рѣчью, и даже чувствуютъ и мыслятъ по-русски,—что̀ было въ то время совершенно новымъ явленіемъ въ русской литературѣ. Присовокупите къ этому добродушное увлеченіе автора, мѣстами очень похожее если не на вдохновеніе, то на одушевленіе, разсказъ плавный, не натянутый, языкъ не всегда правильный, какъ у гг. Ѳ. Булгарина и Н. Греча, но всегда живой,—и вы поймете причину чрезвычайнаго успѣха этого романа. Г. Загоскинъ радушно, отъ души, со всѣмъ хлѣбосольствомъ старыхъ временъ угостилъ русскую публику своимъ „Юріемъ Милославскимъ“. Но этимъ все и оканчивается. Историческаго въ этомъ романѣ нѣтъ ничего: всѣ лица его списаны съ простолюдиновъ нашего времени. Характеры, завязка и развязка романа,—все обнаруживаетъ въ авторѣ русскаго драматическаго писателя, навыкшаго поддѣльную сценическую дѣйствительность почитать за зеркало настоящей русской жизни. Въ 1612 годъ онъ перенесъ отдѣльныя сцены 1812 года, подмѣченныя имъ въ деревняхъ,—и былъ убѣжденъ, что остался вѣренъ исторіи. Въ „Рославлевѣ“ онъ принялся болѣе за свое дѣло — за изображеніе того, что̀ видѣлъ самъ на Руси въ

[1]) См. т. I, стр. 419, примѣчаніе.

[1]) См. статью № 12.

1812 году. И еслибъ онъ остался вѣренъ своему таланту и призванію — рисовать отдѣльныя сцены и картины простонароднаго и помѣщичьяго деревенскаго быта,—его второй романъ былъ бы не безъ достоинствъ. Но авторъ почелъ нужнымъ основать все на мелодраматической завязкѣ, а, главное, возъимѣлъ немножко смѣлую претензію—изобразить, словно въ поэмѣ, великій 1812 годъ, со всѣмъ его историческимъ значеніемъ и характеромъ, — и какимъ же образомъ? — черезъ мелодраматическую любовишку, черезъ портреты безцвѣтнаго героя, Рославлева, избитое въ комедіяхъ лицо *добраго малаго* Зарѣцкаго, черезъ нѣсколько добродушныхъ оригиналовъ въ родѣ Буркина и Иволгина, и посредствомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ и вымышленныхъ сценъ бородинской битвы, въ которыхъ разговариваютъ между собою пріятели, забавные герои романа... Очевидно, что автора ввелъ въ заблужденіе непонятый имъ Вальтеръ Скоттъ и непонятое значеніе историческаго романа. Какъ бы то ни было, но чѣмъ бо̀льшаго ожидала нетерпѣливая публика отъ „Рославлева“, тѣмъ меньше дождалась она. Послѣдующіе романы г. Загоскина были уже одинъ слабѣе другого. Въ нихъ онъ ударился въ какую-то странную, псевдопатріотическую пропаганду и политику, и началъ съ особенною любовію живописать разбитые носы и свороченныя скулы извѣстнаго рода героевъ, въ которыхъ онъ думаетъ видѣть достойныхъ представителей чисто русскихъ нравовъ, и съ особеннымъ паѳосомъ прославлять любовь къ соленымъ огурцамъ и кислой капустѣ.

За г. Загоскинымъ вышелъ на литературное поприще въ качествѣ романиста г. Лажечниковъ. Онъ дебютировалъ историческимъ романомъ „Послѣдній Новикъ“, дѣйствіе котораго происходитъ то въ Лифляндіи, то въ Россіи, и дѣйствующія лица котораго— Нѣмцы и Русскіе. Это обстоятельство дѣлитъ романъ какъ бы на двѣ стороны, изъ которыхъ первая какъ-то лучше обрисована и занимательнѣе представлена авторомъ, чѣмъ послѣдняя. Какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, романъ г. Лажечникова слишкомъ полонъ и многорѣчивъ, во вредъ художнической соразмѣрности и пропорціональности; но, несмотря на этотъ недостатокъ, онъ необыкновенно живъ, какъ всякій плодъ слишкомъ горячей и запальчивой дѣятельности. Второй романъ г. Лажечникова — „Ледяной Домъ“ уже не столько сложенъ и юношески горячъ, какъ „Послѣдній Новикъ“, зато болѣе строенъ и простъ, безъ ущерба занимательности; а нѣкоторыя главы, какъ напримѣръ, „Соперники“ и „Родины Козы“, могутъ считаться украшеніемъ не только „Ледяного Дома“, но и замѣчательными произведеніями русской литературы. Въ „Бусурманѣ“ очень удачно сдѣланъ очеркъ характера Іоанна III и вообще хороши тѣ сцены, гдѣ авторъ выводитъ это грозное и великое лицо русской исторіи. Во всемъ остальномъ нельзя сказать, чтобъ авторъ очень удачно воспользовался прекрасно придуманною основою своего романа—представить противоположность европейскаго элемента жизни азіатскому и нарисовать потрясающую сердце картину гибели человѣчески-развившагося и образованнаго существа, сдѣлавшагося жертвою дикихъ нравовъ, среди которыхъ забросила его судьба. Вообще, скажемъ откровенно, романамъ г. Лажечникова особенно вредятъ два обстоятельства. Во-первыхъ, авторъ не довольно отрѣшился отъ стараго литературнаго направленія—видѣть поэзію внѣ дѣйствительности и украшать природу по произвольно задуманнымъ идеаламъ. Оттого въ его русскихъ романахъ есть что-то не совсѣмъ русское, что-то похожее на европейскій бытъ въ русскихъ костюмахъ. Такова, напримѣръ, любовь Волынскаго къ Маріорицѣ, невѣрная исторически и невозможная поэтически, по ея несообразности съ климатомъ, мѣстностію и нравами. Она какъ будто изъ Италіи или Испаніи пріѣхала въ Петербургъ, чтобъ доставить автору нѣсколько эффектныхъ сценъ. Что же касается до *украшенія природы*,— оно не есть исключительная принадлежность псевдо-классицизма; перемѣнились слова, а сущность дѣла осталась та же для многихъ нынѣшнихъ поэтовъ, — и псевдо-романтикъ Викторъ Гюго еще съ бо̀льшимъ усердіемъ, по-своему, украшаетъ природу въ романахъ и драмахъ, чѣмъ украшали ее псевдо-классики Корнель, Расинъ и Вольтеръ. Второй недостатокъ романовъ г. Лажечникова, имѣющій тѣсную связь съ первымъ,—это неровный, какъ будто неправильный и тяжелый языкъ. Многіе, по этому случаю, упрекали г. Лажечникова въ неумѣніи писать по-русски и незнаніи русскаго языка:—обвиненіе смѣшное и нелѣпое, достойное грамматистовъ-рутинеровъ! Нѣтъ, не отъ незнанія языка, не отъ неспособности владѣть имъ г. Лажечниковъ пишетъ неровнымъ слогомъ; даже не оттого, что будто бы онъ не занимается его отдѣлкою, а развѣ оттого, что онъ слишкомъ занимается отдѣлкою, и еще отъ ложной манеры, которую многіе наши писатели, волею или неволею, сознательно или безсознательно, больше или меньше, заняли у Марлинскаго, и которая заставила ихъ пещись больше объ эффектной красотѣ, чѣмъ о благородной простотѣ, строгой точности и ясной опредѣленности выраженія. Во всякомъ случаѣ, русскій романъ, начатый г. Загоскинымъ, въ произведеніяхъ г. Лажечникова

сдѣлалъ большой шагъ впередъ,—и если романы г. Загоскина проще, наивнѣе и легче романовъ г. Лажечникова, зато романы послѣдняго далеко выше по мысли и вообще гораздо удовлетворительнѣе для образованнаго класса читателей. Нельзя не пожалѣть, что г. Лажечниковъ не избѣгнулъ общей участи многихъ русскихъ писателей—замолчать послѣ двухъ или трехъ опытовъ и лишить публику надежды дождаться отъ него чего-нибудь такого, что́ напоминало бы его первые опыты, столь много обѣщавшіе...

Если рѣчь зашла о прозаикахъ-романистахъ этой эпохи, то было бы несправедливо умолчать о г. Вельтманѣ. Онъ дебютировалъ забытымъ теперь „Странникомъ“—калейдоскопическою и отрывочною смѣсью въ стихахъ и прозѣ, нелишенною однакожъ оригинальности и казавшеюся тогда занимательною и острою. Потомъ онъ издалъ какую-то поэму въ стихахъ. Первымъ и, по обыкновенію большей части русскихъ писателей, лучшимъ его романомъ былъ „Кащей Безсмертный“—странная, но поэтическая фантасмагорія. Надо сказать правду, у г. Вельтмана несравненно больше фантазіи, чѣмъ у романистовъ, о которыхъ мы говорили выше, и потому онъ гораздо больше поэтъ, чѣмъ они. Но его фантазіи стаетъ только на поэтическія мѣста; съ цѣлымъ же произведеніемъ она никогда не въ состояніи управиться. Оригинальность фантазіи г. Вельтмана часто сбивается на странность и вычурность въ вымыслахъ. Прочитавъ его романъ, помнишь прекрасныя, исполненныя поэзіи мѣста, но цѣлое тотчасъ изглаживается изъ памяти. Къ романическимъ и поэтическимъ вымысламъ г. Вельтманъ примѣшиваетъ какой-то археологическій мистицизмъ и вноситъ свою страсть къ этимологическимъ объясненіямъ историческихъ и даже доисторическихъ вопросовъ. Все это очень безобразитъ его романы. Туманность и неопредѣленность въ вымыслахъ и характерахъ также принадлежатъ къ недостаткамъ романовъ г-на Вельтмана. Каждый новый его романъ былъ повтореніемъ недостатковъ перваго, съ ослабленіемъ красотъ его. Все это сдѣлало то, что г. Вельтманъ пользуется гораздо меньшею извѣстностію и меньшимъ авторитетомъ, нежели какихъ бы заслуживало его замѣчательное дарованіе.

Почти въ то же время явились на сцену и другіе романисты, имѣвшіе большій или меньшій успѣхъ, какъ, наприм., г. Ушаковъ, котораго „Киргизъ-Кайсакъ“ не лишенъ былъ кое-какихъ относительныхъ достоинствъ. Романъ скрывшаго свое имя автора — „Семейство Холмскихъ“ имѣлъ замѣчательный успѣхъ; въ немъ попадаются довольно живыя картины русскаго быта, въ юмористическомъ родѣ; но онъ утомленъ избитыми пружинами вымысла и избыткомъ сантиментальности, соединенной съ резонерствомъ [1]). Марлинскій гарцовалъ въ журналахъ своими трескучими повѣстями до 1836 года; особо и вполнѣ онѣ были изданы въ 1838—1839 годахъ. Изъ новыхъ нувеллистовъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, явился даровитый казакъ Луганскій, съ своими оригинальными розсказнями на русско-молодецкій ладъ, которые онъ потомъ мало-по-малу началъ оставлять для повѣсти лучшаго тона и содержанія. Какъ сказки, такъ и повѣсти Луганскаго были плодомъ сколько замѣчательнаго дарованія, столько же и прилежной наблюдательности, изощренной многостороннею житейскою опытностію автора, человѣка *бывалаго* и коротко ознакомившагося съ бытомъ Россіи почти на всѣхъ концахъ ея. — Гг. Погодинъ и Полевой, съ особеннымъ усердіемъ принявшіеся за повѣсти съ 1829 года, издали, въ тридцатыхъ годахъ, собранія этихъ повѣстей. Въ началѣ же тридцатыхъ годовъ неожиданно вышла первая часть дотолѣ никому неизвѣстныхъ стихотвореній г. Бенедиктова, котораго талантъ въ стихахъ—то же, что талантъ Марлинскаго въ прозѣ; время уже доказало справедливость приговора, какимъ встрѣчены были критикою первые опыты г. Бенедиктова. Но не всѣ критики были такъ строги къ этому блестящему стихотворцу; одинъ московскій критикъ и словесникъ, при томъ же самъ піита, объявилъ, что до г. Бенедиктова поэзія наша (представителями которой, разумѣется, были Державинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ) была чужда мысли, и что только въ изящныхъ произведеніяхъ г. Бенедиктова русская поэзія въ первый разъ явилась вооруженная мыслію... [2]).— Еще прежде г. Бенедиктова вышелъ на литературное поприще г. Кукольникъ, съ лирическими стихотвореніями, драмами въ стихахъ, а потомъ съ повѣстями, романами, журнальными статьями и проч. Въ его литературной и поэтической дѣятельности замѣтнѣе всего усиліе обыкновеннаго таланта подняться на высоты, доступныя только генію, и потому, если нельзя отрицать въ немъ таланта, то нельзя и опредѣлить степени, характера и заслугъ этого таланта.— Мы, можетъ быть, забыли и еще кое-какія произведенія, имѣвшія въ то время большій или меньшій успѣхъ, и умножившія собою число интересовавшихъ публику книгъ; но

---

[1]) Авторомъ этого романа былъ нѣкто Бѣгичевъ, воронежскій губернаторъ.

[2]) Извѣстное мнѣніе Шевырева, часто встрѣчавшееся выше въ статьяхъ Бѣлинскаго; см. вторую изъ замѣтокъ предыдущей статьи.

не обо всемъ же говорить! Лучше скажемъ, что князь Одоевскій, почти ничего отдѣльно не издававшій доселѣ подъ своимъ именемъ, съ 1824 года постоянно печаталъ въ повременныхъ изданіяхъ повѣсти и разсказы особеннаго рода, въ которыхъ нравственныя идеи облекались то въ поэтическіе образы, то въ живое слово, исполненное пафоса краснорѣчія... Но о нихъ мы скоро будемъ имѣть случай говорить подробнѣе [1]).

Съ 1839 года въ русской литературѣ совершился замѣтный переломъ. Книжная торговля упала, книгъ стало выходить гораздо менѣе, и литература начала казаться бѣднѣе прежняго. Пушкинъ умеръ, и два года печатались въ „Современникѣ“ его посмертныя произведенія. Это были послѣднія и самыя высокія, самыя зрѣлыя созданія вполнѣ развившагося и возмужавшаго его художническаго генія. Въ первомъ томѣ „Ста Русскихъ Литераторовъ“ былъ напечатанъ его „Каменный Гость“ и отрывокъ изъ романа. Все остальное, дотолѣ неизвѣстное публикѣ, появилось только въ 1841 году, въ трехъ послѣднихъ томахъ полнаго собранія его сочиненій. Долго тянулось для публики изданіе новыхъ, неизвѣстныхъ ей сочиненій Пушкина,—и этимъ утомилось не вниманіе, а ожиданіе публики!.. Съ 1837 года начали появляться въ журналахъ стихотворенія Лермонтова, въ первый разъ изданныя особо въ 1840 году, равно какъ и его „Герой Нашего Времени“. Съ 1837 же года начали появляться повѣсти графа Соллогуба, г. Панаева и другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ молодыхъ писателей. Въ числѣ молодыхъ съ 1838 года явился одинъ старый: это покойный Основьяненко, между безчисленными повѣстями котораго, написанными въ продолженіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ, особенно замѣчателенъ „Панъ Халявскій“ — сатирическая картина старинныхъ нравовъ Малороссіи; во всѣхъ другихъ повѣстяхъ и романахъ своихъ онъ повторялъ или сантиментальность своей „Маруси“, или юморъ „Пана Халявскаго“, и въ послѣднее время значительно выписался.

Еще съ 1837 года все новое въ русской литературѣ начало прятаться въ журналахъ, и особыми книгами, большею частію, стали появляться только или альманахи, или сборники уже извѣстныхъ публикѣ изъ журналовъ сочиненій, или, наконецъ, новыя изданія старыхъ сочиненій. Новое, внѣ журналовъ и альманаховъ, показывалось рѣже и рѣже, а послѣ смерти Лермонтова, послѣдовавшей въ 1841 году, лучшее, что̀ печаталось и въ журналахъ, состояло изъ оставшихся стихотвореній этого поэта, столь рано умершаго для русской литературы, которую его великій талантъ одинъ былъ бы въ состояніи сдѣлать интересною не для однихъ насъ, Русскихъ. Бѣдность и нищета болѣе и болѣе начали вторгаться даже въ журналы — эти теперь почти единственные представители „богатства“ русской литературы. Бѣденъ былъ хорошими повѣстями 1842 годъ, но прошлый 1843 оказался еще бѣднѣе. Объ отдѣльно выходившихъ книгахъ теперь много нельзя разговориться. Въ 1842 году вышли „Мертвыя Души“ Гоголя—твореніе столь глубокое по содержанію и великое по творческой концепціи и художественному совершенству формы, что оно одно пополнило бы собою отсутствіе книгъ за десять лѣтъ и явилось бы одинокимъ среди изобилія въ хорошихъ литературныхъ произведеніяхъ. Впрочемъ, 1842 годъ все-таки былъ богаче прошлаго отдѣльно вышедшими книгами, равно какъ и замѣчательными повѣстями, помѣщенными въ журналахъ и альманахахъ...

Выведенный нами изъ этого обзора результатъ, *повидимому*, противорѣчитъ началу статьи. Мы хотѣли доказать, что литература настоящаго времени только по наружности бѣднѣе литературы прежнихъ временъ, а въ сущности выше ея,—и между тѣмъ фактами доказали совсѣмъ противное. Но мы начали съ того, что литературная бѣдность нашего времени, по своимъ причинамъ, почтенна, и въ этомъ смыслѣ составляетъ пріобрѣтеніе, а не утрату... Объяснимся. Какъ отъ литературы двадцатыхъ годовъ прочныя и дѣйствительныя пріобрѣтенія остались только въ сочиненіяхъ Пушкина [1]) и въ „Горѣ отъ Ума“ Грибоѣдова, все же прочее имѣетъ болѣе или менѣе относительное, такъ сказать, историческое значеніе,—точно такъ и отъ литературы тридцатыхъ годовъ у насъ есть прочныя и дѣйствительныя пріобрѣтенія только въ сочиненіяхъ Гоголя и Лермонтова, а все остальное или уже получило свое относительное историческое значеніе, или, за недостаткомъ времени, еще не выдержало пробы, могущей опредѣлить его безусловную цѣнность. И если отъ 1823 года до начала четвертаго десятилѣтія вышло много (сравнительно съ прежнимъ и послѣдующимъ временемъ) романовъ, драмъ и другихъ произведеній изящной словесности, то не должно забывать, что это была пора опытовъ и попытокъ,—пора, въ которую все новое не могло не удаваться. Вѣдь

[1]) См. ниже статью № 48.

[1]) Мы не упоминаемъ имени Жуковскаго потому, что дѣятельность этого поэта не относится исключительно къ двадцатымъ годамъ; она началась раньше этого времени около семнадцати лѣтъ, и, къ славѣ и чести русской литературы, не кончилась до сихъ поръ. *Прим. Бѣлинскаго.*

и „Выжигины“ съ „Самозванцемъ“, по мнимой ихъ новизнѣ, сначала имѣли успѣхъ, да еще какой!—неужели же и ихъ должно считать сокровищами русской литературы теперь, когда читавшіе ихъ уже совсѣмъ забыли, а не читавшіе вовсе не имѣютъ никакого желанія прочитать? Нападки на пьянство, воровство, шулерство и лихоимство, какъ на пороки гибельные для внѣшняго и внутренняго благосостоянія людей,—неужели эти нападки, состоявшіе въ истертыхъ моральныхъ сентенціяхъ, и теперь должно принимать за идеи, а бездушныя реторическія олицетворенія пороковъ и добродѣтелей, выдаваемыя за характеры, дѣйствительно должно принимать за живыя лица, вмѣсто того, чтобъ видѣть въ нихъ куклы, раскрашенныя грубою мазилкою и безобразно-вырѣзанныя ножницами изъ оберточной бумаги?.. Конечно, первые романы г. Загоскина всегда будутъ удостоиваемы почетнаго упоминовенія отъ историка русской литературы, и никто не станетъ отрицать ихъ относительнаго достоинства для времени, въ которое они явились, и даже ихъ болѣе или менѣе полезнаго вліянія на современную имъ русскую литературу; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы ихъ читали и перечитывали, какъ творенія всегда новыя, или чтобы мы въ „Юріи Милославскомъ“ и теперь видѣли вѣрную картину Русскихъ 1612 года, а въ „Рославлевѣ“ — Русскихъ 1812 года... Подобныя мысли и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ едва-ли кому входили въ голову; а теперь всякій видитъ въ этихъ романахъ не болѣе, какъ литературные (а отнюдь не художественные) очерки не Русскихъ 1612 и 1812 годовъ, а русскаго простонародья во всѣ годы, какіе вамъ угодно... Многое бываетъ хорошо для своего времени, и иное живетъ вѣкъ, иное десять лѣтъ, иное годъ, а иное одинъ день... Всѣ эти „Поѣздки въ Германію“, „Черныя женщины“, „Киргизъ-Кайсаки“, „Коты Бурмосѣки“, „Семейства Холмскихъ“ и тому подобныя произведенія не могли не нравиться въ свое время; но время это прошло, уже не воротится для нихъ, и теперь, если бы кто сталъ ими угощать публику, выхваляя ихъ достоинства, публика могла бы отвѣтить: „хороши были покойники—вѣчная имъ память; не будемъ тревожить ихъ праха“...

Отчего же, спросятъ, теперь не является такихъ же болѣе или менѣе удовлетворительныхъ для нашего времени сочиненій, какія выходили тогда въ такомъ значительномъ числѣ? — Въ этомъ вопросѣ — вся сущность дѣла. Мы сказали выше, что то время было временемъ опытовъ и попытокъ въ разныхъ родахъ. Теперь это время миновалось: все уже испытано, и чтобъ проложить въ искусствѣ новую дорогу, нуженъ геній, или, по крайней мѣрѣ, великій талантъ, а геніи и великіе таланты не родятся десятками и дюжинами. Вы хотите отличиться, напримѣръ, на поприщѣ лирической поэзіи—за что вамъ приняться; за оды?—ихъ вѣкъ давно прошелъ; за элегіи?—хорошо; но вы должны сказать въ нихъ что-нибудь новое. О грусти, разочарованіи, идеалахъ, неземныхъ дѣвахъ, лунѣ, сладостной лѣни, разгульныхъ пирахъ, шипучемъ винѣ, отчаяніи, ненависти къ людямъ, погибшей юности, измѣнѣ, кинжалахъ, ядахъ—обо всемъ этомъ уже было сказано и пересказано тысячу разъ—и въ изящныхъ созданіяхъ Пушкина, и толпою его подражателей. Теперь уже васъ не станутъ читать, если вы захотите удивлять размашистостію бойкой фразы, яркою звонкостію стиха, восторженными диѳирамбами въ честь голубоокихъ и младыхъ дѣвъ и шумныхъ пировъ удалой юности,—потому что въ этомъ васъ предупредилъ г. Языковъ и предупредилъ, какъ человѣкъ съ талантомъ, который шелъ своею дорогою, какая бы ни была она, и умѣлъ быть оригинальнымъ, какова бы ни была эта оригинальность. Г. Языковъ уже самымъ этимъ временнымъ успѣхомъ своей поэзіи навсегда уничтожилъ возможность такой поэзіи—въ этомъ-то и состоитъ его неотъемлемая заслуга русской литературѣ и неотъемлемое право на мѣсто въ исторіи русской литературы. Еслибъ неизбѣжно было читать кого-нибудь изъ васъ, такъ ужъ конечно его, а не васъ: оригиналы всегда предпочитаются копіямъ. — Хотѣли вы блеснуть выписными чувствами, выраженными ослѣпительно вычурными фразами и натянуто смѣлою метафорою: васъ и тутъ предупредилъ г. Бенедиктовъ, и тоже предупредилъ, какъ человѣкъ съ дарованіемъ, который самъ проложилъ себѣ дорогу, какова бы она ни была, и былъ оригиналенъ, что-бъ ни говорили о его оригинальности. Г. Бенедиктовъ тѣмъ и оказалъ важную услугу русской литературѣ, что самымъ успѣхомъ своей поэзіи сдѣлалъ навсегда смѣшною такую поэзію. Для этого тоже нуженъ талантъ! Геній или великій талантъ уничтожаетъ для другихъ возможность прославиться на его счетъ посредствомъ подражанія; а такіе маленькіе, хотя и яркіе и самобытные таланты, призванные показать примѣръ уклоненія искусства отъ настоящей его цѣли, спасаютъ въ будущемъ искусство отъ этихъ уклоненій именно возможностію для другихъ подражать имъ въ ихъ ложномъ направленіи. Это заслуга отрицательная, но и для нея нужно имѣть талантъ, нужно, чтобъ въ основѣ такого ложнаго вдохновенія была своя истинная струя поэзіи, подобно золотымъ крупинкамъ въ массѣ рѣчного песка. Теперь уже невоз-

можны такіе поэты, какъ гг. Языковъ и Бенедиктовъ, или, лучше сказать, невозможенъ сколько-нибудь значительный успѣхъ со стороны такихъ поэтовъ. Недавно, въ Москвѣ, нѣкто г. Милькѣевъ, о близкомъ пришествіи котораго въ литературный міръ заранѣе трубили пріятельскіе журналы, какъ о чудѣ-чудномъ и дивѣ-дивномъ, издалъ книжку стихотвореній, которыя, по формѣ, показали въ немъ ученика гг. Языкова и Бенедиктова, а по содержанію ученика г. Хомякова; не чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ хоть сравняться съ своими образцами, не только превзойти ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая, во что бы то ни стало, показаться оригинальнымъ, онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ превзойти свой образецъ въ направленіи своей поэзіи, и, взявъ за основаніе неопредѣленно и темно понятую мысль о народности, довести ее до послѣдней нелѣпости. Для этого онъ началъ воспѣвать восторженными стихами русскую сивуху и доказывать, что Ломоносовъ оттого только и сдѣлался преобразователемъ русскаго слова, что имѣлъ несчастную страсть невоздержности, которую московскій поэтъ поставилъ ему въ великую заслугу... Видите ли, какъ трудно теперь сдѣлаться поэтомъ на чужой счетъ, безъ таланта, безъ образованія, безъ идей, безъ призванія!.. Пушкинъ при жизни своей не былъ понятъ: при началѣ его поприща имъ поверхностно восхищались и думали походить на него, усвоивъ себѣ не тайну, не жизнь, а только легкость его стиха,—при концѣ его поприща легкомысленно къ нему охладѣли и считали себя выше его потому только, что не были въ состояніи понять его, указывая на его ошибки и промахи, дѣйствительно важные, и не умѣя измѣрить высоты, дѣйствительно недосягаемой, на которую сталъ его возмужавшій творческій геній. Но посмертныя его сочиненія, которыми онъ при жизни своей не торопился угощать русскую публику, столь хорошо знакомую ему по долговременному опыту, многимъ невольно открыли глаза на истинное значеніе Пушкина. Кратковременная, но изумительная своею огромностію дѣятельность Лермонтова на поэтическомъ поприщѣ окончательно лишила насъ надежды видѣть частыя появленія новыхъ замѣчательныхъ поэтовъ и новыя замѣчательныя произведенія поэзіи: послѣ Пушкина и Лермонтова трудно быть не только замѣчательнымъ, но и какимъ-нибудь поэтомъ! Мечъ и шлемъ Ахилла изъ всѣхъ греческихъ героевъ могли оспаривать только Аяксъ и Одиссей. И теперь въ журналахъ изрѣдка появляются стихотворенія, выходящія за черту посредственности; но когда въ томъ же нумерѣ журнала находишь стихотвореніе Лермонтова, то не хочется и читать другихъ. Въ 1842 году вышли стихотворенія г. Майкова; и тѣ изъ нихъ, которыя имъ написаны въ антологическомъ родѣ, обнаруживаютъ талантъ необыкновенный: ихъ читали, ими восхищались, ихъ хвалили, за авторомъ безспорно осталось титло замѣчательно даровитаго человѣка; но уже не было преувеличенныхъ похвалъ и толковъ о геніальности; поэтъ занялъ свое мѣсто, очень почетное, но которое, однакожъ, не показало его всѣмъ на особенной высотѣ,—ибо всѣ поняли, что прекрасные опыты въ антологическомъ родѣ еще не разгадка послѣдняго слова современности и не удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей. Къ тому же всѣ не-антологическіе опыты г. Майкова почти ничтожны и не обѣщаютъ въ будущемъ особеннаго развитія и особенныхъ успѣховъ со стороны поэта. А между тѣмъ, было время, когда люди съ несравненно меньшимъ талантомъ, чѣмъ талантъ г. Майкова, считались едва не геніями, и стихотворенія ихъ были всѣмъ извѣстны. Непріятели „Отеч. Записокъ“ не разъ, явно и намеками, старались внушить публикѣ мысль, будто бы мы для успѣха нашего журнала производимъ въ геніи поэтовъ, помѣщающихъ свои произведенія въ нашемъ журналѣ. Здѣсь мы считаемъ кстати не словами, а фактами доказать несправедливость подобнаго обвиненія. Наиболѣе превозносимые нами поэты, изъ новыхъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и Гоголь. Изъ нихъ только одинъ Лермонтовъ былъ постояннымъ вкладчикомъ „Отеч. Зап.“; Пушкинъ и Грибоѣдовъ ничего не могли печатать въ журналѣ, начавшемся послѣ ихъ смерти; а Гоголь хотя и живъ и пишетъ, но доселѣ не помѣстилъ въ „Отеч. Запискахъ“ ни одной строки своей. Мы хвалимъ gratis, и наша любовь, наше уваженіе къ *великимъ* умершимъ всегда были и будутъ жарче и благоговѣйнѣе, чѣмъ къ *малымъ* живымъ, хотя для нашего журнала послѣдніе могли-бъ быть полезнѣе первыхъ... Мы цѣнимъ въ поэтѣ талантъ и геній независимо отъ его сотрудничества или несотрудничества въ нашемъ журналѣ. Мы были бы въ восторгѣ, еслибъ явился новый Лермонтовъ, и безумолку хвалили бы его, еслибъ онъ печаталъ свои стихи хотя бы даже въ „Маякѣ“. Но—увы!—несмотря на весь пылъ нашихъ желаній привѣтствовать на Руси появленіе новаго великаго таланта,—мы ни въ чужихъ, ни въ нашемъ журналѣ не видимъ не только новаго Лермонтова, но и что-нибудь похожее на него!..

Итакъ, о стихахъ нечего и говорить. Настоящее время неплодородно и неудобно для нихъ, ибо требуетъ отъ стиховъ или очень многаго, или ничего.

До сихъ поръ, говоря о стихахъ, мы ра-

зумѣли преимущественно лирическую поэзію. Обратимся къ тому роду поэзіи, который является въ стихахъ и въ прозѣ. Назадъ тому лѣтъ десять, нѣкто г. Зиловъ издалъ книжку басенъ, и послѣ, въ одномъ стихотвореніи горько жаловался, что-де теперь читаютъ все неистовые романы, а басенъ не читаютъ. Изъ этого видно, что г. Зиловъ только вполовину постигъ дѣло: правда, для басни давно уже и безвозвратно прошло время, но г-ну Зилову слѣдовало бы обратить вниманіе и на то, что его басни были плохи, и что ему не слѣдовало бы съ такими баснями являться послѣ Хемницера, Дмитріева и Крылова. Сказка въ родѣ „Модной Жены“ и „Причудницы“ Дмитріева, и „Странствователя и Домосѣда“ Батюшкова тоже давно отжила свой вѣкъ; но сказка въ родѣ „Графа Нулина“ Пушкина и „Казначейши“ Лермонтова можетъ здравствовать и теперь—

Да за нее не всякъ умѣетъ взяться!

Она въ особенности требуетъ юмора, а юморъ есть столько же умъ, сколько и талантъ. Однимъ словомъ, такая сказка и теперь—претрудная вещь. Романъ въ родѣ „Онѣгина“, поэмы въ родѣ поэмъ Пушкина и Лермонтова могутъ быть и теперь; но ихъ всѣ какъ-то боятся, и мы знаемъ только одинъ счастливый опытъ въ этомъ родѣ, явившійся въ послѣднее время, именно маленькую „Парашу“, вышедшую въ прошломъ году [1]). Этотъ родъ поэзіи гораздо труднѣе лирической, ибо требуетъ не ощущеній и чувствъ мимолетныхъ, которыя могутъ быть у многихъ, но и дара поэзіи, и образованнаго, *умнаго* взгляда на жизнь—что̀ бываетъ очень не у многихъ. Писать же поэмы, какъ писали ихъ, напр., Козловъ, г. Подолинскій и прочіе, и теперь бы могли многіе; даже, лѣтъ пять назадъ, за нихъ принялся-было поэтъ не безъ дарованія, г. Бернетъ; но попытка оказалась неудачною: новое время—новыя и требованія, болѣе трудныя для исполненія, чѣмъ прежнія. Опять вина не поэтовъ, а времени,—и ясно, что теперь нашу литературу обѣднило время съ его неудобоисполнимыми требованіями, а не недостатокъ въ охотникахъ писать и въ такихъ талантахъ, какихъ довольно было во время о̀но... Драматическая поэзія допускаетъ равно и стихи и прозу, даже то и другое вмѣстѣ. Въ числительномъ отношеніи это у насъ самая богатая отрасль литературы. Еще въ 1786—1794 годахъ былъ изданъ „Россійскій Ѳеатръ“ въ *сорока трехъ* частяхъ: судите же какое богатство! Трагедіи писали у насъ и Тредьяковскій, и Ломоносовъ, и Сумароковъ, и Херасковъ, и Княжнинъ, и Озеровъ, и Крюковскій, и многіе-многіе, а писавшихъ комедіи нѣтъ возможности перечесть на̀скоро. И, однакожъ, порядочныхъ трагедій въ псевдо-классическомъ французскомъ родѣ только четыре—Озерова; трагедію, въ родѣ шекспировскихъ драматическихъ хроникъ, мы имѣемъ только одну—„Бориса Годунова“ Пушкина; и въ его *драматическихъ сценахъ*—нѣсколько опытовъ трагедіи собственно (*Пиръ во время Чумы*, *Моцартъ и Сальери*, *Скупой Рыцарь*, *Русалка*, *Каменный Гость*). Больше не на что указать. Что касается до комедіи, въ которой съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ упражнялось множество писателей, какъ-то: Сумароковъ, Херасковъ, Княжнинъ, Капнистъ, Крыловъ, князь Шаховской, гг. Загоскинъ, Хмѣльницкій, Писаревъ и пр. и пр.,—несмотря на огромное богатство нашей литературы въ произведеніяхъ этого рода, все-таки рѣшительно не на что указать, кромѣ „Бригадира“ и „Недоросля“ Фонъ-Визина, „Горя отъ Ума“ Грибоѣдова, „Ревизора“ и „Женитьбы“ Гоголя, и его же „Сценъ“ („Игроки“, „Тяжба“, „Лакейская“ и пр.). Итакъ, чтобъ написать теперь трагедію, которая была бы не хуже „Бориса Годунова“ и другихъ драматическихъ опытовъ Пушкина, надо имѣть талантъ Пушкина. Нѣкоторые писатели, дѣйствительно, отважно рѣшились допытываться своего счастія на этомъ треволненномъ морѣ. Г-нъ Хомяковъ написалъ драмы „Ермакъ“ и „Дмитрій Самозванецъ“, изъ которыхъ первая даже была поставлена на сцену. Но всѣ скоро признали въ казакахъ г. Хомякова не казаковъ XVI столѣтія, а скорѣе нѣмецкихъ студентовъ добраго стараго времени; вмѣсто характеровъ, увидѣли олицетвореніе извѣстныхъ лирическихъ ощущеній и чувствованій, и вообще нѣчто въ родѣ пародіи на драматическій лиризмъ Шиллера,—пародіи, написанной, впрочемъ, бойкими, гладкими и даже, иногда, живыми стихами. Въ „Самозванцѣ“ уже не только одни лирическія ощущенія и чувствованія, но и кое-какія доморощенныя идеи о русской исторіи и русской народности; стихи такъ же хороши, какъ и въ „Ермакѣ“, мѣстами довольно удачная поддѣлка подъ русскую рѣчь, и при этомъ, совершенное отсутствіе всякаго драматизма: характеры—сочиненные по рецепту; герой драмы—идеальный студентъ на нѣмецкую стать; тонъ дѣтскій, взгляды невысокіе, недостатокъ такта дѣйствительности совершенный. Потомъ выступилъ на драматическое поприще г. Кукольникъ, съ своими драмами изъ жизни итальянскихъ художниковъ. Отвлеченная идеальность, мѣстами хорошія лирическія выходки, изрѣдка недурныя драматическія положенія; но въ общности невѣрность кон-

[1]) См. выше статью № 45.

ценціи, монотонность вымысла и формы, недостатокъ истиннаго драматизма, и вслѣдствіе того непобѣдимая скука при чтеніи—вотъ характеристика этихъ драмъ г. Кукольника. Но у него есть еще и другой родъ драмъ—это русско-историческія, какъ, напримѣръ, „Рука Всевышняго отечество спасла“, „Скопинъ Шуйскій“ и „Князь Холмскій“. Въ этихъ нѣтъ ничего общаго съ „Борисомъ Годуновымъ“, который до того проникнутъ вездѣ истинно-шекспировскою вѣрностію исторической дѣйствительности, что самые недостатки его, какъ-то: отсутствіе драматическаго движенія, преобладаніе эпическаго элемента, и, вслѣдствіе этого—какое-то холодное, хотя и величавое спокойствіе, разлитое во всей пьесѣ, происходятъ отъ того, что она слишкомъ безукоризненно вѣрна исторической дѣйствительности русской жизни. Въ драмахъ г. Кукольника нѣтъ и признаковъ этой дѣйствительности: все ложно, на ходуляхъ; лучшія мѣста—просто сценическіе эффекты, и сквозь русскіе охабни, кафтаны и сарафаны пробивается что-то не русское, какъ въ русско-историческихъ повѣстяхъ Марлинскаго, какъ въ русскихъ пѣсняхъ Дельвига. Доказательствомъ справедливости нашихъ словъ можетъ служить и то, что этотъ родъ драмы ловко былъ усвоенъ гг. Ободовскимъ, Полевымъ, В. Зотовымъ и другими сочинителями этого разряда. Но у г. Кукольника есть еще особый родъ драмы—это передѣланные въ драматическую форму анекдоты изъ жизни Петра Великаго (напр., „Иванъ Рябовъ, рыбакъ архангелогородскій“); въ нихъ много хорошаго, хоть и нѣтъ драмы, ибо изъ анекдота никакъ нельзя сдѣлать драму. Г. Полевой не упустилъ изъ вида отличиться и въ драмѣ, какъ отличился уже въ лирической поэзіи, въ романѣ, въ повѣсти, въ критикѣ, въ исторіи, въ журналистикѣ, въ политической экономіи, въ эстетикѣ, въ философіи, въ лингвистикѣ и проч. и проч. Особенный характеръ трагедій (или „драматическихъ представленій“), комедій, водевилей, анекдотическихъ драмъ г. Полевого,—всеобъемлемость, универсальность; въ нихъ все найдете: немножко Шекспира, немножко Шиллера, немножко Мольера, немножко Вальтера Скотта, немножко Дюкре-де-Мениля и Августа Лафонтена. Дюма гдѣ-то сказалъ, что онъ не похищаетъ чужого въ своихъ сочиненіяхъ, но, подобно Шекспиру и Мольеру, беретъ свое, гдѣ только увидитъ его; эти слова можно приложить и къ г. Полевому: ему все годится, все подручно,—и исторія, и повѣсть, и романъ, и анекдотъ, Шекспиръ и Коцебу, Шиллеръ и г. Кукольникъ: онъ все беретъ и у всѣхъ учится. Его драмы родятся и умираютъ десятками, подобно лѣтнимъ эфемиридамъ. Нашъ Вольтеръ и Гёте, онъ все одинъ—цѣлая наука. Извольте же угоняться за нимъ! Пріймитесь за драму: онъ взялъ или возьметъ всевозможные сюжеты, какіе бы вы ни придумали, воспользуется всякими новыми драматическими эффектами—все вмѣститъ онъ въ свою драму, во всемъ предупредитъ васъ. Нѣтъ, лучше и не беритесь за драму: кромѣ г. Полевого вамъ загораживаютъ дорогу гг. Хомяковъ и Кукольникъ. Вамъ поневолѣ прійдется выдумать свою драму, новую, небывалую, а это невозможно, потому что уже всѣ источники изобрѣтенія истощены, всѣ роды перепробованы, всѣ дороги избиты. Нуженъ геній, нуженъ великій талантъ, чтобъ показать міру творческое произведеніе, простое и прекрасное, взятое изъ всѣмъ извѣстной дѣйствительности, но вѣющее новымъ духомъ, новою жизнію. Еслибъ вы даже вздумали сочинить произведеніе въ родѣ „Разбойниковъ“ Шиллера: васъ и тутъ предупредилъ, еще въ 1800 году, Нарѣжный своимъ „Димитріемъ Самозванцемъ“. Не пишите и романтической трагедіи съ дико завывающими фразами, бѣдными смысломъ, но богатыми неистовствомъ, съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ поэмы Байрона: васъ уже предупредилъ г. Олинъ своимъ „Корсаромъ“! Да; теперь потому ничего не пишутъ, что уже все написано; потому и трудно прославиться, что нужно для этого не новизну выкинутой штуки, а много-много таланта, если не генія!..

Комедія еще болѣе приводитъ въ отчаяніе, нежели драма. Въ драмѣ посредственность можетъ похитить что-нибудь у Шекспира, Вальтера Скотта, Мольера, подняться на дыбы, ослѣпить толпу дикими и грубыми эффектами, пѣніемъ, пляскою, родственными обниманіями и т. п., но въ комедіи совсѣмъ не то. Искусство смѣшить труднѣе искусства трогать. Неразвитаго человѣка можно растрогать поддѣльною чувствительностію, крикомъ вмѣсто чувства, эффектомъ вмѣсто потрясающей сцены; но чтобъ заставить разсмѣяться, даже грубымъ смѣхомъ, нужна природная веселость и своего рода юморъ. Скажутъ: толпу можно смѣшить, въ сценическихъ пьесахъ, переодѣваньями, оплеухами, толчками, потасовкою, неприличными и грубыми двусмысленностями, плоскими шутками и тому подобными комическими эффектами. Такъ и дѣлаетъ большая часть доморощенныхъ нашихъ драматурговъ, сочинителей и передѣлывателей комедій и водевилей: верхняя публика громко хохочетъ, нижняя апплодируетъ; но это обманъ сцены: ловкую игру актера принимаютъ за достоинство пьесы, которая, по-своему позабавивъ одинъ вечеръ толпу, на другой вечеръ уже не нравится самой этой толпѣ, а въ чтеніи никуда не

годится съ перваго раза. Если на минуту она была пріобрѣтеніемъ сцены, то ни на одну минуту не составляла пріобрѣтенія для литературы. Такія пьесы десятками родятся сегодня и десятками умираютъ завтра. Водевилистовъ и комиковъ нашихъ въ недѣлю не перечтешь по пальцамъ; ихъ произведеніямъ нѣтъ числа, а драматической литературы нѣтъ у насъ! Ни одинъ петербургскій чиновникъ, получающій до 1.000 рублей жалованья и поработавшій въ какой-нибудь газетѣ по части объявленій о сигарочныхъ и овощныхъ лавочкахъ, не затруднится написать комедію, изображающую высшій свѣтъ, котораго онъ, бѣднякъ, и во снѣ не видалъ и о тонѣ котораго онъ судитъ по манерамъ своего начальника отдѣленія. Комедія требуетъ глубокаго, остраго взгляда въ основы общественной морали, и притомъ надо, чтобъ наблюдающій ихъ юмористически, своимъ разумѣніемъ стоялъ выше ихъ. Наши же доморощенные драматурги,—по большей части, люди среднихъ кружковъ, въ которыхъ съ успѣхомъ отличаются своею любезностію и остроуміемъ,—стараются въ своихъ комедіяхъ и водевиляхъ быть „критиканами“ (*критиканъ*—тривіальное слово, равнозначительное *зубоскалу*) и возбуждать смѣхъ или пошлыми каламбурами, или плоскими остротами надъ модными костюмами, бородами и прическами à la russe, надъ простотою провинціала, пріѣхавшаго въ Петербургъ, словомъ, надъ всякою странною внѣшностію. Не таковъ истинный комизмъ и истинный юморъ. Для него внѣшность смѣшна не сама по себѣ, но какъ выраженіе внутренняго міра души человѣка, отраженіе его понятій и чувствъ. Мы могли бы привести изъ комедіи Гоголя тысячи примѣровъ истиннаго комизма, но ограничимся двумя: вспомните сцену, гдѣ городничій *распекаетъ* купцовъ за ихъ доносъ ревизору: „Жаловаться? а кто тебѣ *помогъ сплутовать*, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? *Я помогъ тебѣ*, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь.—Что скажешь, а?“... Вотъ это комизмъ, отъ котораго какъ-то тяжело смѣешься! Человѣкъ безъ стыда, безъ совѣсти ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ *помогъ другому сплутовать*, и, словно оскорбленная добродѣтель, съ благороднымъ негодованіемъ упрекаетъ другого въ неблагодарности, какъ въ черномъ и низкомъ дѣлѣ. Это онъ говоритъ при женѣ и дочери, и это же онъ сказалъ бы при сынѣ, еслибъ у него былъ сынъ. Фамусовъ въ „Горе отъ Ума“ говоритъ Скалозубу:

Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ,
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку?

Черта глубоко-комическая! Въ Петербургѣ, слава Богу, эта черта не слишкомъ бросается въ глаза, но въ провинціальной глуши принципъ родства такъ силенъ, что тамъ скорѣе рѣшатся десять лѣтъ сряду не играть въ преферансъ, чѣмъ показать холодность къ родственнику въ семьдесятъ седьмомъ колѣнѣ. Будь онъ плутъ отъявленный и человѣкъ съ самою дурною репутаціею, но если онъ вамъ родственникъ, онъ, отроду не видавъ васъ, не только лѣзетъ съ своими губами къ вашему лицу, но и селится въ вашемъ домѣ, съ семьею, съ дворнею, и заставляетъ васъ втайнѣ проклинать судьбу, которая дала вамъ возможность имѣть собственный домъ. И онъ правъ: не останавливаться же ему въ трактирѣ, пріѣхавъ изъ своего помѣстья въ губернскій городъ, когда у него есть родственники; вѣдь они же обидѣлись бы такимъ грубымъ съ его стороны поступкомъ!.. И что же? здѣсь еще не конецъ смѣшному: они дѣйствительно обидѣлись-бы, еслибъ онъ остановился *не* у нихъ, и они же проклинали бы втайнѣ и его и себя, а наружно дѣлали бы сладкія мины сквозь слезы, еслибъ онъ у нихъ остановился... Вотъ онъ, неисчерпаемый источникъ истиннаго комизма! Онъ вокругъ насъ и даже въ самихъ насъ. Благодаря ему, мы смѣшны въ собственныхъ глазахъ. Но чуть только начнемъ мы писать комедію, выходитъ книга, въ которой много словъ, много пошлостей, много вздора, и нѣтъ нисколько истины, дѣйствительности. Интрига всегда завязана на пряничной любви, увѣнчивающейся законнымъ бракомъ, по преодолѣніи разныхъ препятствій. Любовь у насъ во всемъ—и въ стихахъ, и въ романахъ, и въ повѣстяхъ, и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ. Подумаешь, что на Руси люди только и дѣлаютъ, что влюбляются, да, по преодолѣніи разныхъ препятствій, женятся,—и, замѣтьте, всегда безкорыстно, безъ разсчетовъ на приданое, на связи, на выгодное мѣсто, всегда на дѣвѣ идеальной, дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Гоголь сказалъ правду: „Теперь сильнѣе завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть, и затмить во что бы то ни стало другого, отмстить за пренебреженіе, за насмѣшку. Не болѣе ли имѣетъ теперь электричества денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь“ [1]). Но на-

[1]) Слова Гоголя.

шимъ комикамъ этого и въ голову не входило. Пошлый любовникъ съ пряничными фразами; пошлая барышня, нѣчто въ родѣ сантиментальной servante endimanchée, разлучникъ-негодяй и дядя-резонеръ—неизмѣнныя лица ихъ комедій. Всѣ говорятъ, словно по книгѣ читаютъ; не услышишь живого слова, и нѣтъ признака того, что́ бываетъ въ дѣйствительности. Оно и лучше: никто не узнаетъ себя и не осердится. Волки сыты и овцы цѣлы. Зато, если среди кучи этихъ вздорныхъ произведеній появится водевильчикъ со смысломъ и хоть съ легонькимъ намекомъ на то, что́ въ самомъ дѣлѣ бываетъ, хоть съ искрою истины и вѣрности, дѣйствительности,—Боже мой! сколько шума, какой тріумфъ! Словно появилось вѣковое произведеніе!... Такое событіе совершилось недавно,—и въ одной газетѣ авторъ хорошенькаго водевильчика приглашался передѣлать драматическія сочиненія Гоголя, чтобы сдѣлать ихъ сносными. Мы совѣтовали бы сочинителямъ оставить Гоголя въ покоѣ и пріискать себѣ какого-нибудь водевилиста, который бы исправилъ и сдѣлалъ сколько-нибудь сносными ихъ собственныя, изъ чужихъ лоскутьевъ сшитыя „драматическія представленія“.

И вотъ, мы перебрали всѣ роды поэзіи, чтобъ показать, что теперь ни въ одномъ нѣтъ возможности съ успѣхомъ дѣйствовать не только бездарности, посредственности, но и людямъ не безъ таланта. Бѣдность современной литературы происходитъ отъ того, что все перепробовано, и новизною уже нельзя блеснуть какъ талантомъ. Это бѣдность честная, благородная, которая въ тысячу разъ лучше мнимаго богатства. Это успѣхъ, а не паденіе, огромный шагъ впередъ, а не назадъ. Теперь ужъ запертъ путь къ извѣстности и знаменитости всякому, у кого нѣтъ большого таланта. Вслѣдствіе этого безталантность, посредственность и мелкія дарованія, которыхъ еще больше на бѣломъ свѣтѣ, чѣмъ людей совершенно бездарныхъ, принялись за свое дѣло, на которое назначены они природою и судьбою; они составляютъ историческія компиляціи и статейки о нравахъ для политипажныхъ изданій. Когда картинки плохи, текстъ читается столько внимательно, сколько это нужно для объясненія картинокъ; когда картинки хороши (какъ, напр., картинки г. Тимма), текстъ вовсе не читается; но сочинители отъ этого ничего не теряютъ: ихъ книги покупаются для картинокъ, и читатели не въ претензіи за вздорную галиматью текста. И читатели правы: простительнѣе восхищаться хорошими картинками, чѣмъ пустыми книгами...

Время дѣтскихъ восторговъ прошло и настаетъ время мысли. Публика сдѣлалась требовательнѣе. Правда, она сама не отдала себѣ отчета въ томъ, чего требуетъ, но уже не удовлетворяется всѣмъ, чѣмъ ни попотчуетъ ее досужая дѣятельность писакъ. Время сознанія еще не настало, но уже близко начало этого сознанія. Пышные возгласы и великолѣпныя фразы уже всѣмъ кажутся пошлыми, и ими ужъ никого нельзя заинтересовать. Никто не станетъ сомнѣваться въ существованіи русской литературы; но всякій имѣетъ право требовать настоящаго взгляда на ея объемъ и степень ея важности, и всякій имѣетъ право смѣяться, при пышныхъ сравненіяхъ ея съ иностранными литературами. Что у насъ есть литература, для этого достаточно знать, что у насъ есть Пушкинъ, и что мы, кромѣ Пушкина, съ гордостію можемъ указать еще на нѣсколько именъ. Наша литература имѣетъ и свою исторію, потому что всѣ замѣчательныя ея явленія исторически послѣдовательны, и одни факты объясняются другими, предшествовавшими. Все это такъ; но вмѣстѣ съ этимъ мы не должны забывать, что наша литература вначалѣ была пересаженнымъ цвѣткомъ, жизненность котораго долго поддерживалась искусственно, за стеклами теплицы. Очень и очень недавно начала она пускать корни въ русскую почву. И какъ еще доселѣ тѣсна эта почва! Гдѣ та сплоченная масса, изъ жизни которой, какъ цвѣтокъ изъ почвы, возникла бы наша поэзія, и обратно дѣйствовала бы одинаково на всю эту массу? Какое отношеніе имѣетъ наша современная поэзія съ поэзіею народною?—Онѣ не только не родня одна другой — даже незнакомы другъ съ другомъ. Прочтите пьесу Пушкина не только мужику, но хоть иному и купцу первой гильдіи: что́ онъ о ней скажетъ?.. Гдѣ наша публика, которая, силою своего мнѣнія, уронила бы безстыдно-торговый журналъ, или по крайней мѣрѣ ограничила бы его дерзость и наглость? Она на многое сердится, многимъ недовольна, но чѣмъ именно, этого она сама не знаетъ, потому что она — не сплошная масса, а собраніе людей различныхъ состояній, круговъ, требованій, понятій, привычекъ, собраніе людей, не связанныхъ между собою единствомъ мнѣнія. Выходятъ „Мертвыя Души“: большинство публики ими недовольно, охотно соглашается съ журнальною бранью враговъ автора—и въ то же время читаетъ, перечитываетъ и въ короткое время раскупаетъ двойное изданіе (2.400 экземпляровъ) „Мертвыхъ Душъ“... Это фактъ и очень многозначительный! Для удовлетворенія своей жажды къ чтенію (а жажды къ чтенію въ ней нельзя отрицать) она ищетъ все новаго, большею частію забывая старое. Попробуйте

сказать слово, что въ Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ есть не только достоинства, но и недостатки, и что писатели прошлой эпохи, они для насъ уже далеко не то, чѣмъ были для нашихъ отцовъ и дѣдовъ,—и тотчасъ же многіе закричатъ, что у васъ нѣтъ уваженія къ заслуженнымъ авторитетамъ, что вы нагло топчете въ грязь великія имена и т. п. И въ публикѣ сейчасъ же раздадутся голоса: „да, да, въ самомъ дѣлѣ! какъ это можно, на что это похоже“! И, вы думаете, это говорятъ люди, изучившіе Ломоносова, Державина, Карамзина? Нисколько; они даже и не читали этихъ писателей, но они привыкли по наслышкѣ уважать эти имена... Оттого-то инымъ и легко ихъ увѣрять въ чемъ угодно, и заставлять смотрѣть на дѣльную критику, которая силится показать истинное значеніе писателя, какъ на злонамѣренную брань [1]).

Та же незрѣлость и шаткость и въ нашей литературѣ. У насъ есть поборники европеизма, есть славянофилы и др. [2]). Ихъ называютъ литературными партіями. Смѣшное названіе! Всякія партіи имѣютъ свои корни въ обществѣ и бываютъ отголосками или выраженіемъ различій и противорѣчій общественнаго мнѣнія. Наши же партіи составляются изъ литературныхъ кружковъ, изъ которыхъ въ каждомъ случайно набралось человѣкъ десятокъ, сошедшихся на вечерѣ за чаемъ, въ нѣкоторыхъ невинныхъ литературныхъ мнѣніяхъ и вкусахъ. И эти-то кружки называютъ себя „партіями“. Въ добрый часъ! Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало! Литераторство у насъ—дѣло между другими важнѣйшими дѣлами, отдыхъ отъ служебныхъ занятій, а чаще всего оно имѣетъ простое значеніе лишнихъ полутора или двухъ тысячъ рублей въ годъ, вдобавокъ къ жалованью. Много ли у насъ литераторовъ, которые посвятили себя одной литературѣ, по призванію, по страсти къ ней?—У насъ уже понимаютъ, что занятіе литературою *между прочимъ*—дѣло очень почтенное, особенно, если оно прибыльно...

При такомъ направленіи публики странно было бы требовать литературы въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Съ другой стороны, и литература наша только въ немногихъ своихъ исключеніяхъ выше этой публики; но, взятая вообще, совершенно по плечу ей. Наши литераторы большею частію не артисты, а дилетанты, которые между дѣломъ и бездѣльемъ почитываютъ и пописываютъ. Они убѣждены, что можно прежде всего дѣлать что-нибудь, хоть спекуляціи, а потомъ, въ свободное отъ главныхъ занятій время, почему и не написать чего-нибудь—вѣдь оно же и выгодно, между прочимъ. Они убѣждены, что если кто написалъ въ свою жизнь три порядочныхъ романа, то уже великій писатель; а кто настрочилъ десятокъ фельетоновъ—тотъ уже знаменитый литераторъ. Два-три стихотворенія даютъ у насъ право на извѣстность; водевиль отворяетъ ворота въ храмъ славы. Оттого, при всей бѣдности нашей литературы, у насъ литераторовъ бездна. Особенно богатъ ими Петербургъ. Затѣйте новый журналъ, новую газету, или, какъ теперь это болѣе въ ходу, воскресите старый журналъ или газету,—вы ни за милліоны не найдете издателя, который далъ бы новому изданію направленіе, жизнь и ходъ; зато сотрудниковъ и особенно переводчиковъ не оберетесь. Даже не нужно искать и звать ихъ—сами прійдутъ. Сто или двѣсти изъ нихъ принесутъ вамъ, на первый случай, по сотнѣ стихотвореній, въ которыхъ нѣтъ ни поэзіи, ни смысла; пятьдесятъ принесутъ обѣщаніе—къ такому-то числу представить по повѣсти, и, при сей вѣрной оказіи, спросятъ васъ, по чемъ вы платили съ листа; десять принесутъ вамъ, въ самомъ дѣлѣ, по повѣсти, исполненной канцелярскаго юмора и чиновнической иронія или высокаго трагическаго пафоса à la Марлинскій,—что̀ однако не снабдитъ васъ матеріаломъ для вашего журнала. Что касается до критики и библіографіи,—въ Петербургѣ столько критиковъ и библіографовъ, что при ихъ помощи вамъ легко было бы издавать сто толстыхъ и тысячу тонкихъ журналовъ. И не мудрено: вѣдь въ Петербургѣ родился тотъ знаменитый Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, который сочинилъ и *Сумбеку*, и *Фенеллу*, и *Юрія Милославскаго*, издавалъ *Библіотеку для Чтенія* и всѣ журналы, издававшіеся въ Петербургѣ... Критика у насъ считается самымъ легкимъ ремесломъ; за нее берутся всѣ съ особенной охотой, и рѣдко кому входитъ въ голову, что для критики нужно имѣть талантъ, вкусъ, познанія, начитанность, нужно умѣть владѣть языкомъ. Большая часть, напротивъ, думаетъ, что для этого нужно только знать, что всѣ наши—геніи и таланты, а всѣ не наши—люди не безъ таланта, если они намъ не мѣшаютъ, и люди бездарные, если мѣшаютъ. Теорія, какъ видите, самая простая, и чтобъ понять ее сразу, не нужно учиться, трудиться, думать, развиваться, имѣть мнѣніе, взглядъ, убѣжденіе. И потому, нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ услышать жалобы, въ родѣ слѣдующихъ: „Скажите, пожалуйста, за что онъ (имя рекъ) разбранилъ мой ро-

---

[1]) Очевидно Бѣлинскій говоритъ о самомъ себѣ и о поднятой противъ него травлѣ; см. ст. №№ 42, 44, 46 и др.

[2]) Впервые употребленіе термина „славянофилы“ въ современномъ значеніи.

манъ, мою повѣсть, драму, водевиль, журналъ или книгу? Что я ему сдѣлалъ? Вѣдь мы съ нимъ пишемъ въ разныхъ родахъ, или въ разныхъ журналахъ, и помѣшать другъ другу не можемъ?“ Почти никому въ голову не входитъ, что можно безъ всякихъ личныхъ отношеній къ человѣку и даже зная его съ хорошей стороны, уважая его характеръ и сердце, не любить его взгляда на тотъ или другой предметъ и энергически противодѣйствовать этому взгляду, такъ же, какъ можно, любя и уважая человѣка, не уважать его сочиненій, какъ оскорбляющихъ вкусъ и умъ. Значитъ: понимаютъ энергію антипатіи за соперничество по деньгамъ, по самолюбію, по извѣстности и другимъ мелкимъ страстишкамъ и пристрастьишкамъ; но не понимаютъ энергіи антипатіи къ тому, что̀ кажется ошибочнымъ мнѣніемъ, ложнымъ убѣжденіемъ, умышленнымъ или неумышленнымъ заблужденіемъ, безвкусіемъ, бездарностію. Кто-нибудь издалъ плохой романъ, въ которомъ удачно польстилъ грубому вкусу большинства и чрезъ то пріобрѣлъ большой успѣхъ,—а вы написали критику, въ которой показали въ истинномъ свѣтѣ незаконное чадо площадной фантазіи: вы завистникъ, ибо вамъ никто не повѣритъ, чтобъ можно было разсердиться на книгу, которая до васъ не касается; но всѣ повѣрятъ, что можно взбѣситься на чужой успѣхъ... И такіе-то „нравы“ существуютъ между классомъ такъ называемыхъ литераторовъ!.. Оттого наши критики не занимаются старыми писателями, отъ которыхъ имъ уже ни пользы, ни потери быть не можетъ. Сегодня умеръ писатель, хотя бы великій, и завтра уже нечего толковать о немъ, исключая развѣ случая, если его сочиненія издаются и расходъ ихъ можетъ повредить расходу сочиненій критика, или его пріятелей. Безъ этого случая критики наши говорятъ только о современныхъ явленіяхъ, какъ бы они ни были ничтожны, особенно если эти сочиненія—ихъ собственныя. Зато, какъ тяжка у насъ роль критика, проникнутаго убѣжденіемъ и неотдѣляющаго вопросовъ объ искусствѣ и литературѣ отъ вопросовъ о своей собственной жизни, обо всемъ, что составляетъ сущность и цѣль его нравственнаго существованія [1]). И тѣмъ хуже ему, если онъ столько уважаетъ истину и столько смиряется передъ нею, что всегда готовъ отказаться отъ мнѣнія, которое защищалъ съ жаромъ и съ энергіею, но которое, въ процессѣ своего безпрерывно-движущагося сознанія, онъ уже не можетъ болѣе признавать за справедливое!.. Но смотрятъ на то, что перемѣна мнѣнія не только не доставила и не могла доставить ему никакой пользы, но еще и поставила его, или могла поставить, въ непріятное положеніе къ людямъ, которые довѣряли его авторитету,—не говоря уже о томъ, что отречься отъ своего мнѣнія, значитъ—признаться въ ошибкѣ, а это не совсѣмъ лестно для человѣческаго самолюбія, которое всегда наклонно поддерживать, что дважды-два—пять, а не четыре, лишь бы только казаться непогрѣшительнымъ. А имѣть свой взглядъ, свое убѣжденіе, судить на какихъ-нибудь основаніяхъ, а не по голосу толпы—да это значитъ ни больше, ни меньше, какъ прослыть человѣкомъ безпокойнымъ и безнравственнымъ. Вздумайте писать не отрывочныя фразы, но большія и дѣльныя статьи, которыя бы стоили вамъ много труда и размышленія, напримѣръ, о Державинѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Пушкинѣ, Лермонтовѣ—и на васъ польется проливной дождь брани. Нужды нѣтъ, что вы говорите съ доказательствами, съ доводами; пусть въ вашихъ статьяхъ видны будутъ любовь и уваженіе къ разбираемымъ вами писателямъ,—сейчасъ найдутся люди, которые закричатъ въ одинъ голосъ: „ложь, пристрастіе, неуваженіе къ великимъ именамъ, дерзкое презрѣніе къ признаннымъ всѣми авторитетамъ!“ И тщетно стали бы вы говорить, въ отвѣтъ на эти брани, что вы отнюдь не признаете себя непогрѣшительнымъ и очень хорошо знаете, что можете ошибаться, подобно всѣмъ людямъ, но желаете, чтобъ вамъ доказали вашу ошибку и показали, въ чемъ именно и почему именно вы ошибаетесь: ваше желаніе, ваше справедливое требованіе никогда не будутъ выполнены, потому что противники ваши находятъ свои причины видѣть ваши мнѣнія ложными и пристрастными, но не находятъ въ себѣ ни силъ, ни умѣнья, слѣдовательно, и ни охоты доказать справедливость своего обвиненія противъ васъ. А что же дѣлаетъ въ это время публика? Большая часть ея всегда охотнѣе присоединяется къ этимъ крикунамъ, ибо если и большая часть нашихъ литераторовъ, заправляющихъ мнѣніемъ публики, подъ „критикою“ разумѣютъ брань, а слово „критиковать“ объясняютъ словомъ „ругать“, то какъ же иначе стало бы понимать критику большинство, толпа? У насъ ужъ такъ изстари ведется: если кого хвалить, такъ ужъ все надо находить безусловно хорошимъ и позволяется слегка замѣтить что-нибудь, развѣ только о неисправности изданія, опечатки и т. п.; а если кого бранить, такъ ужъ бей сплеча! Поэтому, критики съ самостоятельнымъ взглядомъ у насъ всегда играли очень непріятную роль. Для

[1]) Все нижеслѣдующее—снова горячая рѣчь „pro domo sua“.

доказательства этого предлагаемъ здѣсь на выдержку нѣсколько строкъ Мерзлякова, выписанныхъ нами изъ „Вѣстника Европы“ 1813 года (часть XLVII, стр. 224—227).

„Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что у насъ литература еще не весьма богата, и не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ общества; что критика еще не найдетъ обильнаго для себя поля, и что ею заниматься рано. Но правда ли, что мы такъ бѣдны? Для чего обижать самихъ себя! Мы уже имѣемъ превосходныхъ писателей почти во всѣхъ родахъ словесности. Одинъ Державинъ представляетъ огромнѣйшій, разнообразный садъ для ума и вкуса разборчиваго. Кому не пріятно внимать величественной лирѣ Ломоносова? Кто откажется слѣдовать за Богдановичемъ въ очаровательные чертоги Амура? или, оживясь патріотизмомъ, стремиться на крылахъ пламенныхъ за важнымъ Херасковымъ подъ твердыни казанскія, къ грознымъ пожарамъ Чесмы! Но на что, возразятъ, касаться сихъ почтенныхъ именъ? Они уже освящены общимъ мнѣніемъ!—Странное благоговѣніе къ мужамъ великимъ,—думать, что мы дѣлаемъ имъ честь, когда не смѣемъ заглянуть въ ихъ сочиненія, не смѣемъ сказать объ нихъ ни слова! Такого рода уваженіе похоже на набожность Китайцевъ, благоговѣющихъ передъ старыми своими книгами, которыя, будучи неприступны для ума просвѣщеннаго, остаются корыстію мышей и времени! И у насъ есть Китайцы въ семъ смыслѣ! Для чего-жъ и для кого трудились сіи великіе писатели! Хотѣли ли они быть полезными будущему поколѣнію? Если хотѣли, то дали право разбирать свои сочиненія! И кого-жъ другого почтить разборомъ, какъ не ихъ? Только твердые камни полируются; слабые и легкіе не стоятъ и не выносятъ полировки.

„Странное мнѣніе имѣемъ мы о критикѣ! Дитя не смотритъ только на подаренныя ему куклы, но ихъ раскладываетъ, даетъ имъ мѣста, разговариваетъ съ ними; хорошій библіотекарь не кидаетъ книгъ въ кучу, но даетъ имъ порядокъ, знаетъ каждой цѣну и достоинство; садовникъ такъ же поступаетъ съ своими любимыми цвѣтами и деревьями; онъ пользуется отъ трудовъ своихъ. Почему же мы, имѣя такія сокровища на языкѣ россійскомъ, хотимъ знать ихъ только по имени, или, что еще хуже, повторять объ нихъ чужія мысли, часто невѣрныя? для чего самому не имѣть своего мнѣнія, самому не наслаждаться? Мнѣ докажутъ, что мнѣнія мои ложны—отступаюсь; но я человѣкъ и имѣю право—мыслить. *Но у насъ мало писателей!* Итакъ, хотите ли, чтобъ ихъ число умножалось? Будьте къ нимъ внимательнѣе, или тоже разбирайте ихъ; отъ этого они умножаются и скорѣе достигаютъ совершенства.—*Умножаются*—почему? Вниманіе публики возбуждаетъ соревнованіе. Увидѣвъ, что истинное достоинство отличено, слабость обнаружена, увидѣвъ, сколь почтенно выйти изъ обыкновеннаго круга людей, всякій захочетъ испытать силы свои на столь блистательномъ поприщѣ. Покажите важность искусства: атлеты не замедлятъ явиться. Я сказалъ: *скорѣе достигаютъ совершенства*; писатель не достигнетъ его, если публика не въ силахъ или не хочетъ судить объ немъ; ибо въ рукахъ публики—его награды; она раздражаетъ его честолюбіе и возбуждаетъ къ великимъ усиліямъ. Равнодушіе наше—убійство словесности. Публика и писатель другъ друга награждаютъ: писатель даетъ ей пищу; она его образуетъ; одинъ доставляетъ ей удовольствіе, другая — вѣнчаетъ его славою! Свидѣтели той или другой истины—всѣ просвѣщенныя государства Европы. Ни въ какое время не было у нихъ столько хорошихъ писателей, какъ при царствованіи критики“.

Итакъ, на что́ жаловался умный литераторъ и что̀ силился онъ растолковать назадъ тому ровно *тридцать лѣтъ*, на это же можно жаловаться и это же должно объяснять—теперь!!... Вотъ какъ быстро и шибко подвигается впередъ наше литературное образованіе!.. Сказано, что Державинъ великъ: такъ зачѣмъ намъ знать, *какъ*, *чѣмъ* и *почему* онъ великъ; а если онъ великъ, какіе же у него могутъ быть недостатки? Чтобъ узнать, почему онъ великъ и какіе въ немъ есть недостатки, надо его читать, изучать, думать о немъ; а чтобъ знать, что онъ великъ и никакихъ недостатковъ не имѣетъ, для этого не нужно прочесть ни одной его оды, что́ вѣдь гораздо легче! Такъ думаютъ, хотя и не такъ говорятъ. И напрасно бы вы стали доказывать, что хотя Гомеръ и Шекспиръ и несравненно выше Державина, однакожъ и они, оставаясь попрежнему великими геніями, все-таки для насъ не то, чѣмъ были въ свое время, ибо жизнь неистощима въ проявленіяхъ творческой силы, и всякое время должно имѣть свою поэзію, соотвѣтствующую требованіямъ этого времени. Васъ не будутъ слушать, ибо требуютъ словъ, а не идей, дѣтскихъ споровъ за имена, а не объясненія значеній этихъ именъ. „Какъ!“ кричатъ вамъ: „пересчитывая знаменитыхъ нашихъ писателей, вы имя Жуковскаго поставили послѣ имени Батюшкова;—конечно, Батюшковъ былъ съ талантомъ, но все же нельзя его равнять съ Жуковскимъ!“ Или: „вы Пушкина поставили на одну доску съ Баратынскимъ!“ При этихъ крикахъ остается только заткнуть уши; вы видите, что васъ не поняли, вашимъ словамъ придали дѣтское значеніе, о которомъ вы и не думали,—и вамъ невольно становится стыдно собственныхъ своихъ словъ, и вы лучше хотите, чтобъ вамъ приписывали какія угодно нелѣпости, нежели оправдываться и объясняться. Вы, напр., сказали, что есть два рода великихъ поэтовъ: одни, съ печатью олимпійскаго происхожденія на челѣ, изображаютъ міръ какъ онъ есть, принимая его дѣйствительное состояніе, во всякій данный моментъ, за непреложно разумное; и каковъ былъ величайшій представитель этого рода поэтовъ — Шекспиръ, и къ такому разряду поэтовъ принадлежитъ нашъ Пушкинъ; другіе, недовольные уже совершившимся цикломъ жизни, носятъ въ душѣ своей предчувствіе ея будущаго идеала: таковъ былъ величайшій представитель этого рода поэтовъ—Байронъ, и къ такому разряду принадлежитъ нашъ Лермонтовъ. Вы сказали это для того, чтобъ обозначить характеръ и духъ поэзіи Пушкина и поэзіи Лермонтова, понимая всю неизмѣримость разстоянія, раздѣляющаго великаго мірового поэта Шекспира отъ вели-

каго русскаго поэта Пушкина, и громаднаго Байрона отъ безвременно погибшаго юноши; а вамъ кричатъ: „Ого! вотъ какъ! Пушкинъ наравнѣ съ Шекспиромъ, Пушкинъ—Шекспиръ, а Лермонтовъ—Байронъ!“... Что̀ тутъ говорить! Все важное такъ легко сдѣлать смѣшнымъ въ глазахъ толпы, которая не вникаетъ въ дѣло и увлекается плоскою шуткою... Вотъ еще примѣръ дѣтскости понятій въ русской литературѣ о критикѣ: сколько литераторовъ, сколько критиковъ писало, пишетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ писать, что дѣло критика—гладить по головкѣ всякаго писаку, въ надеждѣ, что авось либо выйдетъ изъ него геній или талантъ, что строгая критика можетъ убить возникающій талантъ, а о талантѣ-де нельзя судить по первому произведенію. Напрасно станете вы возражать на это, что истиннаго призванія не убьетъ никакая критика—ни строгая, ни снисходительная, ни пристрастная, ни ложная; что не убиваются ею, особенно теперь, даже посредственность и бездарность, и что не стоитъ жалѣть о талантѣ струсившемъ, по самолюбію, перваго суроваго приговора критики, ибо дòроги таланты, а не талантики...

Но не будемъ вдаваться въ крайности. Смѣшно было прошлое добродушное самохвальство русской литературы, которая такъ смѣло мѣрялась силами съ любою европейскою литературою, и на французскую даже смотрѣла съ презрѣніемъ, живя и дыша, въ то же время, займами у нея; также смѣшно можетъ быть и отчаяніе за русскую литературу. Будемъ смотрѣть на то, что̀ есть, смѣло, не прикрашивая дѣйствительности мечтами и призраками, но будемъ смотрѣть на нее безъ ненависти и страха. У насъ есть немного,—это правда, но есть же; не будемъ преувеличивать того, что̀ имѣемъ, но не будемъ и отказываться отъ того, что̀ есть у насъ. Наша литература началась съ 1739 года (отъ появленія первой оды Ломоносова), и для какихъ-нибудь *ста-четырехъ* лѣтъ мы имѣемъ даже много, если не будемъ считаться, словно съ ровнями, съ европейскими литературами, которыя развились вѣками. Но важнѣе всего то, что наша юная, возникающая литература, какъ мы замѣтили выше, имѣетъ уже свою исторію, ибо всѣ ея явленія тѣсно сопряжены съ развитіемъ общественнаго образованія на Руси, и всѣ находятся въ болѣе или менѣе живомъ, органически-послѣдовательномъ соотношеніи между собою.

Бѣдность русской литературы въ настоящее время — также необходимое слѣдствіе историческаго развитія и хода ея вообще. Мы уже говорили объ этомъ; но намъ еще остается сказать кое-что. Мы съ особенною подробностію развили ту мысль, что всѣ роды попытокъ и опытовъ уже истощены, а потому обыкновенные таланты лишены возможности въ чемъ-нибудь успѣвать; но мы только мимоходомъ замѣтили, что въ то же время даны образцы истиннаго творчества, которымъ подражать нельзя и которые если не мѣшаютъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ дѣйствовать талантамъ, то уже не подражательнымъ, а самобытнымъ, и которые убили совершенно возможность успѣха для обыкновенныхъ дарованій, доселѣ игравшихъ такую важную роль. Объ этомъ стоитъ поговорить подробнѣе и обстоятельнѣе.

Въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ публика встрѣчаетъ постоянныя выходки и нападки на Гоголя, уже давно начавшіеся. Въ нихъ обыкновенно смѣются надъ малороссійскимъ *жартомъ*, надъ украинскимъ юморомъ и т. п. Недавно въ одномъ изъ такихъ журналовъ, по поводу разбора какой-то книги въ юмористическомъ тонѣ, сказано:

„Надо сказать по совѣсти: велика сила подражательности въ нашей литературѣ! Мы долго не шутили; насъ считали въ Европѣ за народъ серьезный и нѣсколько угрюмый; говорили даже, будто мы всегда поемъ, но никогда не смѣемся; все это могла быть правда въ прежнее время; но дѣло въ томъ, что у насъ не было только образчиковъ порядочной шутки, настоящаго степного *жартованія*. Съ тѣхъ поръ, какъ малороссійская фарса посѣтила нашу важную и чинную литературу подъ именемъ юмору, остроуміе и веселость вдругъ у насъ развязались. Вотъ что значитъ—не испытать дѣла лично! Нѣкогда остроуміе казалось намъ мудреною вещью! Мы съ такимъ почтеніемъ снимали шляпу передъ всякимъ остроумiемъ! Попробовавъ сами этого чуднаго искусства, мы удивились его легкости. — Ce n'est que ça?.. спросилъ каждый изъ насъ у своего сосѣда съ изумленіемъ.— И шутливость вспыхнула изъ насъ волканомъ. Теперь мы шутимъ, *жартуемъ*, *фарсимъ*, какъ чумаки въ степи.

Авторъ этихъ строкъ [1]) хотѣлъ сказать одно, а вышло у него совсѣмъ другое. Онъ хотѣлъ пошутить, посмѣяться, уколоть *кое-кого*, не называя его по имени,—и указалъ на фактъ современной русской литературы, фактъ, который трудно сдѣлать смѣшнымъ и не такому остроумному перу, какимъ владѣетъ авторъ выписанныхъ нами строкъ. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что со времени выхода въ свѣтъ „Миргорода“ и „Ревизора“ русская литература приняла совершенно новое направленіе. Можно сказать безъ преувеличенія, что Гоголь сдѣлалъ въ русской романической прозѣ такой же переворотъ, какъ Пушкинъ въ поэзіи. Тутъ дѣло идетъ не о стилистикѣ, и мы первые признаемъ охотно справедливость многихъ нападокъ литературныхъ противниковъ Гоголя на его языкъ, часто небрежный и неправиль-

[1]) Сенковскій, въ „Библіотекѣ для Чтенія“; выраженіе „малороссійскій жартъ“ впервые пустилъ въ оборотъ Полевой, характеризуя такъ творчество Гоголя.

ный. Нѣтъ, здѣсь дѣло идетъ о двухъ болѣе важныхъ вопросахъ: *о слогѣ и о созданіи*. Къ достоинствамъ языка принадлежитъ только правильность, чистота, плавность, чего достигаетъ даже самая пошлая бездарность путемъ рутины и труда. Но слогъ, это—самъ талантъ, сама мысль. Слогъ, это — рельефность, осязаемость мысли; въ слогѣ весь человѣкъ; слогъ всегда оригиналенъ какъ личность, какъ характеръ. Поэтому, у всякаго великаго писателя свой слогъ: слога нельзя раздѣлить на три рода—высокій, средній и низкій: слогъ дѣлится на столько родовъ, сколько есть на свѣтѣ великихъ или по крайней мѣрѣ сильно даровитыхъ писателей. По почерку узнаютъ руку человѣка, и на почеркѣ основываютъ достовѣрность собственноручной подписи человѣка; по слогу узнаютъ великаго писателя, какъ по кисти—картину великаго живописца. Тайна слога заключается въ умѣньи до того ярко и выпукло изливать мысли, что онѣ кажутся какъ будто нарисованными, изваянными изъ мрамора. Если у писателя нѣтъ никакого *слога*, онъ можетъ писать самымъ превосходнымъ *языкомъ*, и все-таки неопредѣленность и — ея необходимое слѣдствіе—многословіе будутъ придавать его сочиненію характеръ болтовни, которая утомляетъ при чтеніи и забывается тотчасъ по прочтеніи. Если у писателя есть слогъ, его эпитетъ рѣзко опредѣлителенъ, всякое слово стоитъ на своемъ мѣстѣ, и въ немногихъ словахъ схватывается мысль, по объему своему требующая многихъ словъ. Дайте обыкновенному переводчику перевести сочиненіе иностраннаго писателя, имѣющаго слогъ: вы увидите, что онъ своимъ переводомъ расплодитъ подлинникъ, не передавъ ни его силы, ни опредѣленности. Гоголь вполнѣ владѣетъ слогомъ. Онъ не пишетъ, а рисуетъ; фраза, какъ живая картина, мечется въ глаза читателю, поражая его своею яркою вѣрностію природѣ и дѣйствительности. Самъ Пушкинъ въ своихъ повѣстяхъ далеко уступаетъ Гоголю, имѣя свой слогъ и будучи, сверхъ того, превосходнѣйшимъ стилистомъ, т.-е. владѣя въ совершенствѣ языкомъ. Это происходитъ оттого, что Пушкинъ въ своихъ повѣстяхъ далеко не то, что въ стихотворныхъ произведеніяхъ, или въ „Исторіи Пугачевскаго Бунта“, написанной по-тацитовски. Лучшая повѣсть Пушкина — „Капитанская Дочка“, далеко не сравнится ни съ одною изъ лучшихъ повѣстей Гоголя, даже въ его „Вечерахъ на Хуторѣ“. Въ „Капитанской Дочкѣ“ мало творчества и нѣтъ художественно-очерченныхъ характеровъ, вмѣсто которыхъ есть мастерскіе очерки и силуэты. А между тѣмъ, повѣсти Пушкина стоятъ еще гораздо выше всѣхъ повѣстей предшествовавшихъ Гоголю писателей, нежели сколько повѣсти Гоголя стоятъ выше повѣстей Пушкина. Пушкинъ имѣлъ сильное вліяніе на Гоголя—не какъ образецъ, которому бы Гоголь могъ подражать, а какъ художникъ, сильно двинувшій впередъ искусство и не только для себя, но и для другихъ художниковъ открывшій въ сферѣ искусства новые пути. Главное вліяніе Пушкина на Гоголя заключалось въ той народности, которая, по словамъ самого Гоголя, „состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа“. Статья Гоголя „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“ лучше всякихъ разсужденій показываетъ, въ чемъ состояло вліяніе на него Пушкина. Пріученная къ тону и манерѣ повѣстей Марлинскаго, русская публика не знала, что̀ и подумать о „Вечерахъ“ Гоголя. Это былъ совершенно новый міръ творчества, котораго никто не подозрѣвалъ и возможности. Не знали, что̀ думать о немъ, не знали, слишкомъ ли это что-то хорошее, или слишкомъ дурное. Повѣсти въ „Арабескахъ“: „Невскій Проспектъ“ и „Записки Сумасшедшаго“, потомъ „Миргородъ“ и наконецъ „Ревизоръ“ вполнѣ обрисовали характеръ гоголевой поэзіи, и публика, равно какъ и литераторы, раздѣлились на двѣ стороны, изъ которыхъ одна, преусердно читая Гоголя, увѣрилась, что имѣетъ въ немъ русскаго Поль-де-Кока, котораго можно читать не подъ рукою, не всѣмъ признаваясь въ этомъ; другая увидѣла въ немъ новаго великаго поэта, открывшаго новый, неизвѣстный доселѣ міръ творчества. Число послѣднихъ было несравненно меньше числа первыхъ, но зато послѣдніе въ этомъ случаѣ представляли собою публику, а первые—толпу. Наша толпа отличается невѣроятною чопорностію, достойною мѣщанскихъ нравовъ: она всего больше хлопочетъ о хорошемъ тонѣ высшаго общества, и видитъ дурной тонъ именно въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя читаются въ салонахъ высшаго общества. Между тѣмъ, реформа въ романической прозѣ не замедлила совершиться, и всѣ новые писатели романовъ и повѣстей, даровитые и бездарные, какъ-то невольно подчинились вліянію Гоголя. Романисты и нувеллисты старой школы стали въ самое затруднительное и самое забавное положеніе: браня Гоголя и говоря съ презрѣніемъ о его произведеніяхъ, они невольно впадали въ его тонъ и неловко подражали его манерѣ. Слава Марлинскаго сокрушилась въ нѣсколько лѣтъ, и всѣ другіе романисты, авторы повѣстей, драмъ, комедій, даже водевилей изъ русской жизни, внезапно обнаружили столько неподозрѣваемой въ нихъ дотолѣ бездарности, что съ горя перестали писать, а публика (даже большинство публики) стала читать и обращать вниманіе только

на молодыхъ талантливыхъ писателей, которыхъ дарованіе образовалось подъ вліяніемъ поэзіи Гоголя. Но такихъ молодыхъ писателей у насъ немного, да и они пишутъ очень мало. И вотъ еще одна изъ главныхъ причинъ бѣдности современной русской литературы! Если кто больше всего и больше всѣхъ виноватъ въ ней, такъ это, безъ сомнѣнія, Гоголь. Безъ него у насъ много было бы великихъ писателей, и они писали бы и теперь съ прежнимъ успѣхомъ. Безъ него Марлинскій и теперь считался бы живописцемъ великихъ страстей и трагическихъ коллизій жизни; безъ него публика русская и теперь восхищалась бы „Дѣвою Чудною“ барона Брамбеуса, видя въ ней пучину остроумія, бездну юмору, образецъ изящнаго слогу [1]), сливки занимательности и пр. и пр.

Гоголь убилъ два ложныя направленія въ русской литературѣ: натянутый, на ходуляхъ стоящій идеализмъ, махающій мечомъ картоннымъ, подобно разрумяненному актеру и потомъ—сатирическій дидактизмъ. Марлинскій пустилъ въ ходъ эти ложные характеры, исполненные не силы страстей, а кривляній поддѣльнаго байронизма; всѣ принялись рисовать то Карловъ Мооровъ въ черкесской буркѣ, то Лировъ и Чайльдъ-Гарольдовъ въ канцелярскомъ вицъ-мундирѣ. Можно было подумать, что Россія отличается отъ Италіи и Испаніи только языкомъ, а отнюдь не цивилизаціею, не нравами, не характеромъ. Никому въ голову не приходило, что ни въ Италіи, ни въ Испаніи люди не кривляются, не говорятъ изысканными фразами, и не безпрестанно рѣжутъ другъ друга ножами и кинжалами, сопровождая эту рѣзню высокопарными монологами. Презрѣніе къ простымъ чадамъ земли дошло до послѣдней степени. У кого не было колоссальнаго характера, кто мирно служилъ въ департаментѣ, или ловко сводилъ концы съ концами за секретарскимъ столомъ въ земскомъ или уѣздномъ судѣ, говорилъ просто, не читалъ стиховъ и поэзіи предпочиталъ существенность,—тотъ ужъ не годился въ герои романа или повѣсти, и неизбѣжно дѣлался добычею сатиры, съ нравоучительною цѣлію. И—Боже мой!—какъ страшно бичевала эта сатира всѣхъ простыхъ, положительныхъ людей за то, что они не герои, не колоссальные характеры, а ничтожные пигмеи человѣчества. Она такъ безобразно отдѣлывала ихъ своею мочальною кистію, своими грязными красками, что они нисколько не походили на людей, и были до того уродливы, что, глядя на нихъ, уже никто не рѣшался брать взятокъ, ни предаваться пьянству, плутовству и проч. Прошло это время, — и общество, которое такъ хорошо уживалось съ такою литературою, теперь часто ссорится съ нею, говоря: какъ можно писать то-то, выставлять это-то, выдумывать такое-то — и многіе изъ этого общества чуть не со слезами на глазахъ клянутся, что ничего не бываетъ, напр., подобнаго тому, что̀ выставлено въ „Ревизорѣ“, что все это ложь, выдумка, злая „критика“, что это обидно, безнравственно и пр. И всѣ, довольные и недовольные „Ревизоромъ“, знаютъ чуть не наизусть эту комедію Гоголя... Такое противорѣчіе стоитъ того, чтобъ обратить на него вниманіе.

Прежде сатира смѣло разгуливала между народомъ, середи бѣлаго дня и даже не заботилась объ инкогнито, но прямо и открыто называлась своимъ собственнымъ именемъ, т.-е. *сатирою*,—и никто не сердился на нее, никто даже не замѣчалъ ея гримасъ и кривляній. Отчего это? — оттого, что никто не узнавалъ себя въ ней; оттого, что она нападала на пороки общіе, которыхъ всякій имѣетъ полное право не принять на свой счетъ; оттого, что она была книгою, печатною бумагою, невиннымъ школьнымъ упражненіемъ по классу реторики... И давно ли нравоописательные, нравственно сатирическіе романы, юмористическія статьи и статейки являлись стаями, какъ вороны на крышахъ домовъ, каркая на проходящихъ во все воронье горло? — и на нихъ никто не сердился даже, какъ сердятся лѣтомъ на докучныхъ мухъ. Сочинитель гордо называлъ себя сатирикомъ, гонителемъ людскихъ пороковъ, — и гонимые люди безъ боязни подходили къ своему гонителю, къ дряхлому, беззубому бульдогу, гладили его по толстой и лоснящейся шеѣ и охотно кормили его избытками своей трапезы. Отчего это? — оттого, что пороки, которые гналъ сатирикъ, были вовсе не пороки, а развѣ отвлеченныя идеи о порокахъ, реторическія тропы и фигуры. Это были своего рода бараны и мельницы, съ которыми храбро и отважно сражался сатирическій донъ-Кихотъ,—такъ же, какъ добродѣтель, за которую онъ ратовалъ, была для него воображаемою Дульцинеею, а для другихъ — толстою, безобразною коровницею. Теперь нѣтъ сатиры, и только развѣ какой-нибудь старый сочинитель рѣшится величаться вышедшимъ изъ моды именемъ „сатирика“: теперь пишутся романы и повѣсти, безъ всякихъ сатирическихъ намѣреній и цѣлей,— а между тѣмъ, всѣ на нихъ сердятся. Отчего же это?—оттого, что теперь и великіе и малые таланты, и посредственность и бездарность — всѣ стремятся изображать дѣй-

[1]) См. четвертую изъ замѣтокъ статьи № 42 и одно изъ нашихъ примѣчаній къ статьѣ № 33 — объ орѳографіи Сенковскаго-Брамбеуса.

ствительныхъ, не воображаемыхъ людей; но такъ какъ дѣйствительные люди обитаютъ на землѣ и въ обществѣ, а не на воздухѣ, не въ облакахъ, гдѣ живутъ одни призраки, то, естественно, писатели нашего времени, вмѣстѣ съ людьми, изображаютъ и общество. Общество также—нѣчто дѣйствительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляютъ не одни костюмы и прическа, но и нравы, обычаи, понятія, отношенія и т. д. Человѣкъ, живущій въ обществѣ, зависитъ отъ него и въ образѣ мыслей и въ образѣ своего дѣйствованія. Писатели нашего времени не могутъ не понимать этой простой, очевидной истины, и потому, изображая человѣка, они стараются вникать въ причины, отчего онъ таковъ или не таковъ, и т. д. Вслѣдствіе этого, естественно, они изображаютъ не частные достоинства или недостатки, свойственные тому или другому лицу, отдѣльно взятому, но явленія общія. Большинство же публики именно тамъ-то и видитъ личности, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Прежніе такъ называемые сатирики именно списывали съ извѣстныхъ имъ лицъ — и казались въ глазахъ всѣхъ неподлежащими упреку въ личностяхъ. И это очень понятно: сами оригиналы не узнавали себя въ снятыхъ съ нихъ копіяхъ, потому что сатирики не могли печатно касаться обстоятельствъ того или другого лица и ограничивались общими чертами пороковъ, слабостей и странностей, которыя, будучи *отвлечены* отъ живой личности, превращались въ образы безъ лицъ. Притомъ же, эти *сатирики* смотрѣли на пороки и слабости людей, какъ на что-то принадлежащее тому или другому индивидуальному лицу, какъ на что-то произвольное, что̀ это лицо могло имѣть и не имѣть по своей волѣ и что пріобрѣсти или отъ чего избавиться оно легко могло по прочтеніи убѣдительной сатиры, гдѣ ясно, по пальцамъ, доказана выгода и сладость добродѣтели и опасныя, пагубныя слѣдствія порока. Вотъ почему эти добрые сатирики брали человѣка, не обращая вниманія на его воспитаніе, на его отношенія къ обществу, и тормошили на досугѣ это созданное ихъ воображеніемъ чучело. Въ основаніе своего сатирическаго донъ-кихотства они положили общественную нравственность, добродушно не подозрѣвая того, что ихъ сатиры, опирающіяся на общественную нравственность, ужасно противорѣчили этой нравственности. Такъ, напр., въ числѣ первыхъ добродѣтелей они полагали безусловное повиновеніе родительской власти, и въ то же время толковали юношеству, что бракъ по разсчету—дѣло безнравственное, что низкопоклонство, лесть изъ выгодъ, взяточничество и казнокрадство — тоже дѣла безнравственныя. Очень хорошо; но что же иному юношѣ дѣлать, если онъ съ малолѣтства, почти съ материнскимъ молокомъ всосалъ въ себя мистическое благоговѣніе къ доходнымъ должностямъ, теплымъ мѣстамъ, къ значительности въ обществѣ, къ богатству, къ хорошей партіи, блестящей карьерѣ; если его младенческій слухъ былъ оглашенъ не словами любви, чести, самоотверженія, истины, а словами: *взялъ*, *получилъ*, *пріобрѣлъ*, *надулъ* и т. п.? Положимъ, что *такому* юношѣ природа не отказала въ человѣческихъ чувствахъ и стремленіяхъ; положимъ, что въ немъ пробудилась любовь къ достойной, но бѣдной, простого званія дѣвушкѣ, любовь, запрещающая ему соединиться съ противною ему богатою дурою, на которой, по разсчетамъ, приказываютъ ему жениться; положимъ, что въ юношѣ пробудилось человѣческое достоинство, запрещающее ему кланяться богатому плуту, или чиновному негодяю; положимъ, что въ немъ пробудилась совѣсть, запрещающая употреблять во зло ввѣренные ему высшею властію вѣсы правосудія и расхищать ввѣренныя его безкорыстію общественныя суммы; что̀ ему тутъ дѣлать? Сатирикъ не затруднится отъ такого вопроса и, не задумавшись, отвѣтитъ: „жениться на предметѣ любви своей, служить честно и вѣрно отечеству“... Прекрасно; но гдѣ же повиновеніе родительской власти, гдѣ уваженіе къ родительскому благословенію, навѣки нерушимому, гдѣ страхъ тяжкаго отцовскаго проклятія?.. И потомъ, гдѣ уваженіе къ общественному мнѣнію, къ общественной нравственности? Вѣдь общество не спрашиваетъ по любви или не по любви женились вы, а спрашиваетъ, сколько вы взяли за женою, и приличная ли она вамъ партія; общество не спрашиваетъ васъ, какимъ образомъ сдѣлались вы богачемъ, когда ему извѣстно, что вашъ батюшка не оставилъ вамъ ни копѣйки, а за супругою вы взяли не Богъ знаетъ что, или и вовсе ничего не взяли: общество знаетъ только, что вы богачъ, и *потому* считаетъ васъ очень хорошимъ—„благонамѣреннымъ“ человѣкомъ... Послушайся нашъ юноша сатирика, что̀ бы вышло?—отецъ его бросилъ бы, жалуясь на неповиновеніе и презрѣніе къ его власти; потомъ, онъ прошелъ бы, съ женою и дѣтьми, черезъ всѣ мытарства, черезъ всѣ униженія голодной, неопрятной, оборванной бѣдности; видѣлъ бы къ себѣ презрѣніе общества, а за свою правоту, за свое безкорыстіе былъ бы заклейменъ отъ всѣхъ страшными названіями безпокойнаго, опаснаго и „неблагонамѣреннаго“ человѣка, вольнодумца, и проч., и пр. И неужели вы, „благонамѣренные“ сатирики, бросите въ

него камень осужденія, если, истощась и обезсилѣвъ въ тяжелой и безплодной борьбѣ, онъ дойдетъ до страшнаго убѣжденія, что его бѣдность, его несчастія — необходимыя слѣдствія отцовскаго гнѣва, заслуженная кара за презрѣніе общественнаго мнѣнія и общественной нравственности?.. Но, къ счастію или къ несчастію — не знаемъ, право, — такіе случаи весьма рѣдки, какъ исключенія изъ общаго правила. По большей части бываетъ такъ: юноша не долго колеблется между любовью и выгодною женитьбою, между „завиральными идеями“ о безкорыстіи и правотѣ и уваженіемъ общества: онъ женится на комъ прикажутъ дражайшіе родители, живетъ съ женою какъ всѣ, т.-е. прилично содержитъ ее, воспитываетъ дѣтей своихъ какъ всѣ, т.-е. прилично кормитъ и одѣваетъ ихъ, учитъ по-французски и танцовать, а послѣ этого перваго и важнѣйшаго періода воспитанія отдаетъ въ учебное заведеніе, потомъ выгодно пристраиваетъ въ службу, выгодно женитъ (или выдаетъ замужъ) и, умирая, отказываетъ имъ „благопріобрѣтенное“ на службѣ имѣніе. И что же? Въ началѣ его поприща всѣ превозносятъ его, какъ почтительнаго сына, въ концѣ поприща—какъ нѣжнаго супруга, примѣрнаго отца, „благонамѣреннаго“ чиновника, и заключаютъ такъ: „вотъ что значитъ уваженіе къ общественной нравственности! вотъ что значитъ родительское благословеніе, навѣки нерушимое!“ Итакъ, нашъ „благонамѣренный“ сатирикъ, бичъ пороковъ, самымъ нелѣпымъ образомъ противорѣчилъ самому себѣ: поставивъ выше всѣхъ добродѣтелей повиновеніе не Богу, не истинѣ, а эгоистическимъ разсчетамъ, онъ въ то же время училъ юношу слѣдовать свободному выбору сердца, какъ знаменію благословенія Божія, и запрещалъ ему торговать священнѣйшими склонностями своей души; поставивъ выше всякой награды любовь и уваженіе общества, онъ въ то же время училъ юношу оскорблять основныя правила этого самаго общества... Впрочемъ, онъ это дѣлалъ, самъ не зная что́ дѣлаетъ, и потому его сатиры не производили никакихъ слѣдствій. Бывало, выйдетъ сатирическій романъ съ похожденіями какого-нибудь пройдохи, вродѣ извѣстныхъ похожденій Совѣстдрала-Большого-Носа, — романъ, въ которомъ уже самыя имена дѣйствующихъ лицъ — *Ухорѣзовы*, *Надуваловы*, *Шлюхины*, *Правосудовы*, *Безпристрастовы*, *Безкорыстины*, *Миловидины*, *Правдолюбовы* и т. п. обнаруживали нравственную мысль сочинителя,—и что же?—самый отъявленный взяточникъ, самый безчестный казнокрадъ, самый отчаянный шулеръ читалъ этотъ романъ съ удовольствіемъ и вездѣ расхваливалъ его вслухъ, говоря: „какой славный слогъ! во всемъ чистѣйшая нравственность; добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказанъ— чего же больше? чудесный романъ!“

Теперь это блаженное время прошло безвозвратно, вмѣстѣ съ дѣтствомъ нашей литературы. Теперь выходятъ изъ моды и герои добродѣтели и чудовища злодѣйства, ибо ни тѣ, ни другіе не составляютъ массы общества. Вмѣсто нихъ дѣйствуютъ люди обыкновенные, какихъ больше всего на свѣтѣ — ни злые, ни добрые, ни умные, ни глупые, по большей части положительно необразованные, положительно невѣжды, но отнюдь не дураки. Ихъ смѣшное заключается въ противорѣчіи ихъ словъ съ дѣлами, въ лицемѣрномъ и превратномъ смыслѣ, въ какомъ они говорятъ о добродѣтели, о безкорыстіи, о благонамѣренности. А они говорятъ *всѣ* какъ *одинъ*: слѣдовательно, этотъ „одинъ“ или эти „всѣ“ есть общество. Неужели же, скажутъ намъ, наше общество стоитъ на такой низкой степени, что ничего не можетъ дать писателю, кромѣ смѣшного и комическаго? Неужели наше общество ужъ до такой степени хуже и ничтожнѣе общества всѣхъ другихъ государствъ Европы?—На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать и искренно и удовлетворительно. Кто знакомъ съ современными европейскими литературами, тотъ не можетъ не знать, что ихъ направленіе, взятое вообще, а не частно, еще болѣе юмористическое, чѣмъ направленіе нашей литературы. Прочтите, наприм., „Оливера Твиста“ и „Бэрнеби Роджа“ Диккенса, перваго теперь романиста Англіи [1]), и вы убѣдитесь, что въ просвѣщенной Англіи, гордящейся тысячелѣтнею цивилизаціею, такъ же много чудаковъ, оригиналовъ, невѣждъ, глупцовъ, плутовъ, мошенниковъ, воровъ, какъ и вездѣ, да еще, въ придачу, много такихъ злодѣевъ и изверговъ, которые въ другихъ странахъ попадаются только какъ рѣдкія исключенія. Прочтите „Les Mystères de Paris“ Эжена Сю—и вы порадуетесь тому, что живете въ Петербургѣ, а не въ Парижѣ, и что если въ тѣсной толпѣ рискуете иногда лишиться платка, часовъ, кошелька, зато никогда не трепещете за свою жизнь... Но, скажутъ намъ, въ „Бэрнеби Роджѣ“ и въ „Парижскихъ Тайнахъ“ есть нѣсколько и такихъ лицъ, на которыхъ отдыхаетъ душа читателя, утомленная зрѣлищемъ злодѣйствъ,— правда; но зато нельзя не согласиться, что добродѣтельныя лица въ романѣ Диккенса безцвѣтны и скучны; таковы идеальная Эмма, ея возлюбленный Эдвардъ Честеръ, Гэрдаль и мать Бэрнеби; а въ „Парижскихъ Тайнахъ“ — невѣроятны. Изъ добродѣтельныхъ лицъ романа Диккенса всѣхъ лучше

[1]) Ср. одно изъ нашихъ примѣчаній къ статьѣ № 26.

милая, граціозная и кокетливая Долли, забавный оригиналъ ея отецъ, мэстеръ Уарденъ, и ея возлюбленный Джой: вы въ нихъ видите и слабости и странности, но еще болѣе любите ихъ за эти слабости и странности, черезъ которыя и узнаете въ нихъ живыя человѣческія лица, дѣйствительные характеры, а не картонныя куклы съ надписями на лбу: *гонимая добродѣтель*, *несчастная любовь*, *идеальная дѣва*, и т. п. Въ „Парижскихъ Тайнахъ“ также лучшія лица—не самыя добродѣтельныя, какъ идеальный и небывалый Родольфъ, а тѣ, въ которыхъ добрыя *природныя* начала борятся съ *искусственными*, т.-е. привитыми обстоятельствами и враждебнымъ вліяніемъ общественнаго устройства, какъ, наприм.: Шуринеръ, Марсіаль, — и, право, гризетка Риголетта правдоподобнѣе Гуалёзы... Люди вездѣ люди; ни одинъ народъ не хуже другого; вездѣ есть злоупотребленія, пороки, странности, противорѣчія словъ съ дѣлами и дѣлъ со словами, нравственныхъ понятій съ истинною нравственностью. Вся разница въ формахъ и отношеніяхъ. У насъ проситель иногда заходитъ съ задняго крыльца къ своему судьѣ съ секретными доказательствами правоты своего дѣла; въ Англіи и Франціи кандидаты на разныя выборныя должности низкими интригами и подкупами располагаютъ избирателей въ свою пользу. И тутъ и тамъ—богатая жатва для наблюдательнаго живописца общества. Здѣсь опять могутъ намъ сказать, что нечего и хлопотать попустому, не изъ чего и раздражать того и другого, третьяго и четвертаго, если люди всегда были людьми и всегда будутъ ими. Да, люди всегда будутъ людьми—прежніе не лучше и не хуже нынѣшнихъ, нынѣшніе не лучше и не хуже прежнихъ; но общество улучшается, и на его улучшеніи основанъ законъ развитія цѣлаго человѣчества. Было время, когда даже истинно-добрые, благородные и умные люди были убѣждены въ существованіи чернокнижія и съ ревностью, одушевляемые желаніемъ общаго блага, жгли чернокнижниковъ; теперь и злые, и глупые, и невѣжественные люди уже не вѣрятъ чернокнижію и чужды желанія жечь живыхъ людей даже и за дѣйствительныя преступленія. Что̀ это значитъ?—то, что люди и теперь остались тѣми же, какими были, а общество улучшилось. Во всѣ вѣка бывали мудрые и благіе законодатели, но только въ XVIII вѣкѣ могли огласить міръ изреченныя съ трона божественныя слова: „Лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго“. Что это значитъ, если не то̀, что люди все тѣ же, а общество улучшается?.. Современники благословляли въ Россіи вѣкъ Екатерины Великой; мы, ихъ потомки, подтвердили правдивость этого благословенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы имѣемъ свои причины быть гордыми и счастливыми, что живемъ въ настоящее, а не въ другое какое нибудь время... Что̀ это значитъ, если опять не то же, что люди и теперь тѣ же, а общество ушло далеко впередъ?.. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается все благородство, вся благодѣтельность роли, какая назначена книгопечатанію самимъ Провидѣніемъ. Что́ прежде шло и развивалось, но съ трудомъ и медленно, то теперь идетъ и развивается легко и быстро. А это тогда только и возможно, когда литература будетъ не забавою празднаго бездѣлья, а сознаніемъ общества, когда она будетъ заниматься не стишками, да сказочками, гдѣ влюбились да и женились, а будетъ вѣрнымъ зеркаломъ общества, и не только вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, но и его ревизоромъ и контролеромъ.

Общество не то, что частный человѣкъ: человѣка можно оскорбить, можно оклеветать—общество выше оскорбленій и клеветы. Если вы невѣрно изобразили его, если вы придали ему пороки и недостатки, которыхъ въ немъ нѣтъ—вамъ же хуже: васъ не станутъ читать, и ваши сочиненія возбудятъ смѣхъ, какъ неудачныя каррикатуры. Указать же на истинный недостатокъ общества, значитъ оказать ему услугу, значитъ избавить его отъ недостатка. А можно ли за это сердиться? Кто ядовитѣе, язвительнѣе Гогарта изображалъ англійское общество въ лицѣ всѣхъ его сословій—и однакожъ Англія не осудила Гогарта за lese-nation, но гордо именуетъ его однимъ изъ любимѣйшихъ и достойнѣйшихъ сыновъ своихъ. Да и есть ли какая-нибудь возможность оскорбить сословіе, выставивъ съ смѣшной, или даже предосудительной стороны одного изъ его членовъ? Всякое сословіе состоитъ изъ большого количества людей, а во всякомъ, даже небольшомъ количествѣ людей найдутся всякаго рода недостойные и низкіе характеры,—не говоря уже о томъ, что не можетъ быть сословія, которое бы не имѣло, вмѣстѣ съ добрыми сторонами, и своихъ дурныхъ сторонъ; честь сословія состоитъ не въ томъ, чтобъ не имѣть дурныхъ сторонъ (ибо это рѣшительно невозможное дѣло), а въ томъ, чтобъ умѣть открывать глаза на свои дурныя стороны и отрѣшаться отъ нихъ. Кто усомнится въ томъ, чтобъ рыцарство среднихъ вѣковъ не было цвѣтомъ государствъ, красою общества своего времени, его благороднѣйшимъ сословіемъ, что оно не совершило блистательнѣйшихъ подвиговъ, не обезсмертило себя великими дѣлами? И между тѣмъ, кому не извѣстно, что это же самое рыцарство, вслѣд-

ствіе духа тѣхъ грубыхъ и варварскихъ временъ, грабило на большихъ дорогахъ купеческіе обозы, разбойнически рѣзало мирнаго путешественника, звѣрски злоупотребляло свою феодальную власть надъ вассалами и рабами? И, несмотря на то, потомки этого рыцарства—цвѣтъ аристократіи современной Англіи, нисколько не думаютъ ни стыдиться, ни скрывать этого; они съ восторгомъ читаютъ романы Вальтера Скотта и гордятся ими, вмѣсто того, чтобъ ненавидѣть ихъ, какъ пятно на чести своихъ предковъ, слѣдственно, и на ихъ собственной чести. Это доказываетъ сколько сознаніе національнаго величія, столько и зрѣлость развитія общественности въ Англіи.

Ничему другому, какъ робкому несознанію собственнаго національнаго величія и незрѣлости нашей общественности, можно приписать эту раздражительность, которая во всемъ видитъ неуваженіе то къ тому, то къ другому сословію. Какъ скоро выведенъ въ повѣсти чиновникъ, на шеѣ котораго пренелѣпо повязанъ галстукъ, а на рукахъ блестятъ засаленныя желтыя перчатки, какъ свидѣтельство его тщетныхъ претензій на щегольство хорошаго тона, тотчасъ всѣ чиновники обижаются, говоря: „вотъ какъ насъ отдѣлываютъ; служи послѣ этого!“ Они какъ будто и не хотятъ знать, что можно быть неуклюжимъ, неловкимъ въ обществѣ, и въ то же время можно быть умнымъ, благороднымъ человѣкомъ и хорошимъ чиновникомъ,—не хотятъ знать, что если одинъ чиновникъ дурно и неопрятно одѣвается, имѣя претензіи на свѣтскость, изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобъ всѣ чиновники походили на него. Если воинъ окажетъ на сраженіи чудеса храбрости и получитъ георгіевскій крестъ, вѣдь его товарищи, не участвовавшіе въ дѣлѣ, или не отличившіеся въ немъ, не почитаютъ себя въ правѣ жаловаться, что имъ не дали этого креста: какое же будутъ имѣть право оскорбляться всѣ военные, если объ одномъ изъ нихъ (и то вымышленномъ лицѣ) напечатаютъ въ сказкѣ, что ему случилось струсить на сраженіи, какъ, напр., князю Блесткину, выведенному въ романѣ г. Загоскина „Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году“? И если г. Загоскинъ, самъ участвовавшій въ великой отечественной войнѣ, вывелъ между многими храбрыми лицами своего романа одного труса,—можетъ ли такая, впрочемъ, всегда и вездѣ возможная черта служить пятномъ для арміи, которая сражалась подъ Бородинымъ, и въ числѣ предводителей своихъ имѣла Барклая-де-Толи, Кутузова, Багратіона, Ермолова, Милорадовича, Раевскаго и многихъ другихъ, извѣстныхъ и славныхъ въ мірѣ?.. Было время, когда наши писатели только и дѣлали, что нападали на русское общество высшаго и средняго круга за его страсть къ французскому языку. Это былъ дѣйствительно недостатокъ со стороны нашего общества; но могли ли оскорбить его нападки, и притомъ еще не совсѣмъ несправедливые, писателей, когда оно знало, что тѣ же самые офицеры гвардіи, которые по-русски объяснялись только по оффиціальнымъ дѣламъ службы, геройски жертвовали своей жизнію въ битвахъ противъ тѣхъ же самыхъ Французовъ, языкъ которыхъ они больше любили и лучше знали, чѣмъ свой родной?..

Сатира—ложный родъ. Она можетъ смѣшить, если умна и ловка, но смѣшить, какъ остроумная каррикатура, набросанная на бумагу карандашомъ даровитаго рисовальщика. Романъ и повѣсть выше сатиры. Ихъ цѣль—изображать вѣрно, а не каррикатурно, не преувеличенно. Произведенія искусства, они должны не смѣшить, не поучать, а развивать истину творчески-вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности. Не ихъ дѣло разсуждать, напримѣръ, объ отеческой власти и сыновнемъ повиновеніи: ихъ дѣло—представить или норму истинныхъ семейственныхъ отношеній, основанныхъ на любви, на общемъ стремленіи ко всему справедливому, доброму, прекрасному, на взаимномъ уваженіи къ своему человѣческому достоинству, къ своимъ человѣческимъ правамъ; или изобразить уклоненіе отъ нормы—произволъ отеческой власти, для корыстныхъ разсчетовъ истребляющей въ дѣтяхъ любовь къ истинѣ и добру, и необходимое слѣдствіе этого—нравственное искаженіе дѣтей, ихъ неуваженіе, неблагодарность къ родителямъ. Если ваша картина будетъ вѣрна—ее поймутъ безъ вашихъ разсужденій. Вы были только художникомъ, и хлопотали изъ того, чтобъ нарисовать возникшую въ вашей фантазіи картину, какъ осуществленіе возможности, скрывавшейся въ самой дѣйствительности; и кто ни посмотритъ на эту картину, всякій, пораженный ея *истинностію*, и лучше *почувствуетъ* и *сознаетъ* самъ все то, что вы стали бы толковать и чего бы никто не захотѣлъ отъ васъ слушать... Только берите содержаніе для вашихъ картинъ въ окружающей васъ дѣйствительности и не украшайте, не перестроивайте ея, а изображайте такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ, да смотрите на нее глазами живой современности, а не сквозь закоптѣлыя очки морали, которая была истинна во время оно, а теперь превратилась въ общія мѣста, многими повторяемыя, но уже никого неубѣждающія... Идеалы скрываются въ дѣйствительности; они—непроизвольная игра фантазіи, не выдумки, не мечты; и въ то же время иде-

алы—не списокъ съ дѣйствительности, а угаданная умомъ и воспроизведенная фантазіею возможность того или другого явленія. Фантазія есть только одна изъ главнѣйшихъ способностей, условливающихъ поэта; но она одна не составляетъ поэта; ему нуженъ еще глубокій умъ, открывающій идею въ фактѣ, общее значеніе въ частномъ явленіи. Поэты, которые опираются на одну фантазію, всегда ищутъ содержанія своихъ произведеній за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ или въ отдаленной древности; поэты, вмѣстѣ съ творческою фантазіею обладающіе и глубокимъ умомъ, находятъ свои идеалы вокругъ себя. И люди дивятся, какъ можно съ такими малыми средствами сдѣлать такъ много, изъ такихъ простыхъ матеріаловъ построить такое прекрасное зданіе...

Этою творческою фантазіею и этимъ глубокимъ умомъ обладаетъ въ замѣчательной степени Гоголь. Подъ его перомъ старое становится новымъ, обыкновенное — изящнымъ и поэтическимъ. Поэтъ національный болѣе, нежели кто-нибудь изъ нашихъ поэтовъ, всѣми читаемый, всѣмъ извѣстный, Гоголь все-таки не высоко стоитъ въ сознаніи нашей публики. Это противорѣчіе очень естественно и очень понятно. Комизмъ, юморъ, иронія—не всѣмъ доступны, и все, что́ возбуждаетъ смѣхъ, обыкновенно считается у большинства ниже того, что́ возбуждаетъ восторгъ возвышенный. Всякому легче понять идею, прямо и положительно выговариваемую, нежели идею, которая заключаетъ въ себѣ смыслъ, противоположный тому, который выражаютъ слова ея. Комедія — цвѣтъ цивилизаціи, плодъ развившейся общественности. Чтобъ понимать комическое, надо стоять на высокой степени образованности. Аристофанъ былъ послѣднимъ великимъ поэтомъ древней Греціи. Толпѣ доступенъ только внѣшній комизмъ; она не понимаетъ, что есть точки, гдѣ комическое сходится съ трагическимъ и возбуждаетъ уже не легкій и радостный, а болѣзненный и горькій смѣхъ. Умирая, Августъ, повелитель полуміра, говорилъ своимъ приближеннымъ: „Комедія кончилась; кажется, я хорошо съигралъ свою роль—рукоплещите же, друзья мои!“ Въ этихъ словахъ глубокій смыслъ; въ нихъ высказалась иронія уже не частной, а исторической жизни... И толпа никогда не поймётъ такой ироніи. Такимъ образомъ, поэтъ, который возбуждаетъ въ читателѣ созерцаніе высокаго и прекраснаго и тоску по идеалѣ изображеніемъ низкаго и пошлаго жизни, въ глазахъ толпы никогда не можетъ казаться жрецомъ того же самаго изящнаго, которому служатъ и поэты, изображавшіе великое жизни. Ей всегда будетъ видѣться *жартъ* въ его глубокомъ юморѣ, и смотря на вѣрно воспроизведенныя явленія пошлой ежедневности, она не видитъ изъ-за нихъ незримо присутствующіе тутъ же свѣтлые образы. И еще много времени пройдетъ, и много новыхъ поколѣній выступитъ на поприще жизни прежде, чѣмъ Гоголь будетъ понятъ и оцѣненъ по достоинству большинствомъ.

„Сочиненія Николая Гоголя“ въ четырехъ томахъ означены 1842 годомъ, но вышли они въ февралѣ прошлаго года, а потому и должны принадлежать къ литературнымъ явленіямъ 1843 года. Имѣя въ виду въ скоромъ времени, и въ особой статьѣ, въ отдѣлѣ Критики, разсмотрѣть подробно всѣ сочиненія Гоголя, мы не будемъ теперь распространяться насчетъ этихъ четырехъ томовъ [1]). Это повлекло бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы выйти изъ предѣловъ журнальной статьи, ибо объ одномъ „Театральномъ Разъѣздѣ послѣ перваго представленія комедіи“ можно написать цѣлую статью. Въ этихъ четырехъ томахъ между старымъ много и новаго, а нѣкоторыя пьесы или поправлены и дополнены, или вовсе передѣланы авторомъ.

Изъ книгъ, вышедшихъ въ прошломъ году, замѣчательнѣйшія суть не болѣе, какъ изданія разныхъ сочиненій уже бывшихъ извѣстными публикѣ изъ журналовъ и альманаховъ. Да и того такъ немного, что безъ труда можно перечесть.

„На Сонъ Грядущій“—вторая часть сборника сочиненій графа Соллогуба. Въ ней помѣщены уже извѣстныя публикѣ пьесы: *Приключеніе на Желѣзной Дорогѣ*, *Аптекарша*, *Ямщикъ, или шалость молодого гусарскаго офицера* (драматическая картина), *Левъ*, *Медвѣдь* и новая пьеса: *Неоконченныя повѣсти*.—„Аптекарша“ и „Медвѣдь“ принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній даровитаго автора; читателямъ уже извѣстно наше мнѣніе объ этихъ двухъ повѣстяхъ графа Соллогуба [2]). „Приключеніе на желѣзной дорогѣ“—легонькій, по содержанію, разсказъ, исполненный, впрочемъ, простоты и истины и изложенный съ обыкновеннымъ искусствомъ автора „Аптекарши“. — „Ямщикъ“ не чуждъ прекрасныхъ подробностей и вѣрно схваченныхъ чертъ русскаго быта; но въ цѣломъ это—довольно слабое произведеніе. Герой (генералъ Сѣверинъ) этой драматической картины—лицо до крайности сантиментальное и неправдоподобное; монологи его—реторика. Въ представленіи быта

---

[1]) См. наши вступительныя замѣтки къ статьямъ №№ 37 и 44.

[2]) См. статью № 43.

крестьянскаго много промаховъ противъ истины дѣйствительности; зато превосходно лицо Саввы Савича, равно какъ и его неотлучнаго Ларьки: оба они въ высшей степени вѣрны. „Левъ"—мастерской типическій очеркъ одного изъ самыхъ характеристическихъ явленій свѣтской жизни. „Неоконченныя повѣсти" обѣщаютъ намъ цѣлый рядъ прекрасныхъ разсказовъ, если только авторъ захочетъ въ самомъ дѣлѣ воспользоваться этою счастливою мыслію. Первая повѣсть, которою начинается рядъ „неоконченныхъ повѣстей", исполнена сильнаго интереса и потрясаетъ душу читателя благородною простотою изложенія глубоко прочувствованнаго авторомъ содержанія. А содержаніе это такъ же просто, какъ и его изложеніе: это одна изъ тысячи исторій, которыя такъ часто совершаются въ глазахъ всѣхъ, при свѣтѣ дневномъ, и которыя все-таки немногими замѣчаются...

О „Сочиненіяхъ Зенеиды Р—вой" была въ „Отеч. Запискахъ" особая статья, въ которой подробно изложено наше мнѣніе о повѣстяхъ этой даровитой писательницы, столь рано похищенной смертію у русской литературы. Въ четырехъ частяхъ „Сочиненій Зенеиды Р—вой" только одна новая, нигдѣ прежде ненапечатанная повѣсть: это—вторая часть „Напраснаго Дара", неоконченная по причинѣ внезапной смерти автора [1])...

Небольшая книжка „Повѣстей А. Вельтмана", вышедшая въ прошломъ году, содержитъ въ себѣ пять разсказовъ, изъ которыхъ четыре были уже давно напечатаны въ разныхъ журналахъ. При бѣдности современной русской литературы эта книжка была пріятнымъ явленіемъ.

Въ прошломъ же году вышли второй и третій томы „Сказки за Сказкой". Въ нихъ были, между прочимъ, помѣщены весьма интересные повѣсти и разсказы г. Кукольника: *Позументы*, *Монтекки и Капулетти*, *или Чернышевскій миръ*, и *Часовой*; особенно хороша повѣсть *Позументы*. Въ этомъ же безсрочномъ изданіи напечатана богатая хорошими частностями повѣсть казака Луганскаго: *Савелій Грабъ или Двойникъ*.

Въ прошломъ же году вышли два тома „Повѣстей и Разсказовъ" г. Кукольника. Въ первомъ изъ нихъ помѣщено шесть уже извѣстныхъ публикѣ разсказовъ изъ временъ Петра Великаго: *Лихончиха*, *Новый Годъ*, *Благодѣтельный Андроникъ*, *Капустинъ*, *Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ*, *Прокуроръ*. Всѣ эти повѣсти и разсказы исполнены большого интереса и обнаруживаютъ въ авторѣ много поэтической сноровки и историческаго такта. Но повѣсти и разсказы второго тома, за исключеніемъ „Психеи", богатой прекрасными частностями, не заслуживаютъ никакого вниманія и могутъ быть употребляемы только развѣ какъ лекарство отъ безсонницы, и въ этомъ случаѣ съ большою пользою...

Въ началѣ прошлаго года вышли „Сочиненія Державина" въ четырехъ частяхъ: изданіе во всѣхъ отношеніяхъ болѣе неудовлетворительное, чѣмъ удовлетворительное, какъ мы и имѣли уже случай доказать въ свое время.

Изъ новыхъ произведеній, появившихся въ прошломъ году, можно указать только на небольшую поэму „Параша", которая по необыкновенно умному содержанію и прекраснымъ поэтическимъ стихамъ была бы замѣчательнымъ явленіемъ и не въ такое бѣдное для литературы время, какъ наше [1]).

„Сельское Чтеніе", издаваемое княземъ Одоевскимъ и г. Заблоцкимъ и дважды изданное въ прошломъ году, по своей цѣли и назначенію должно относиться больше къ числу полезныхъ, чѣмъ беллетристическихъ книгъ. Необыкновенный успѣхъ этой прекрасно составленной книжки породилъ множество неудачныхъ подражаній.

По части оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній, вышедшихъ въ прошломъ году, больше не о чемъ говорить: вѣдь не начать же разсуждать о такихъ твореніяхъ, каковы: *Были и небылицы* г. Ивана Балакирева, многочисленныя творенія *автора Мужа подъ Башмакомъ*, *Дочь разбойника, или любовникъ въ бочкѣ*, г-на Ѳ. Кузмичева, *Клятва при гробѣ Матери, или Мститель за убійство*, драма г. Голощапова: *Старичекъ Весельчакъ, разсказывающій давнія московскія были* (Москва, изданіе *четвертое*); *Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ, или проваливай! наши гуляютъ! Истинно-сатирическая повѣсть 1835 года, съ цыганскими пѣснями* (Москва, изданіе *пятое*); *Козелъ Бунтовщикъ или Машина свадьба*, г. Базилевича (Москва, изданіе *третіе*); *Стенька Разинъ, атаманъ разбойниковъ*; *Казаки*, г. Кузмичева; *Князь Курбскій*, г. Ф(Ѳ)едорова, и разныя сочиненія гг. Скосырева, Куражковскаго, Калачилина, Классена, Милькѣева, Графчикова, Колотенко и пр.

Изъ переводныхъ книгъ беллетристическаго содержанія, вышедшихъ въ прошломъ году, замѣчательны: *Мысли Паскаля*, переводъ г. Бутовскаго, *тринадцатый* выпускъ издаваемаго г. Кетчеромъ «Шекспира», заключающій въ себѣ комедію «Укрощеніе Строптивой»; первый и второй выпуски

---

[1]) См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 33.

[1]) См. выше статью № 45.

издаваемаго г. Тимковскимъ «Испанскаго Театра», заключающій въ себѣ комедіи: «Жизнь есть сонъ» и «Саламейскій Алькальдъ»; прозаическій переводъ гг. Фанъ-Дима «Божественной Комедіи» Данте, превосходно изданный, съ рисунками Флаксмана, и стихотворный переводъ шиллерова „Вильгельма Телля", г. Ѳ. Миллера.

Изъ оригинальныхъ сочиненій ученобеллетристическаго содержанія въ прошломъ году замѣчательны: *Прогулки Русскаго въ Помпеи*, г. Левшина; *Описаніе турецкой войны въ царствованіе Императора Александра, съ 1806 до 1812 года*, новое твореніе знаменитаго нашего военнаго историка, генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, *Странствователь по Сушѣ и Морямъ* (двѣ книжки), интересные и живые разсказы, самымъ пріятнымъ образомъ знакомящіе читателя съ разными странами, народами и племенами земного шара; *Описаніе Бухарскаго Ханства*, г. Н. Ханыкова; третій томъ компактнаго изданія *Исторія Государства Россійскаго*, Карамзина; пятнадцатый (и послѣдній) томъ второго изданія Голикова *Дѣяній Петра Великаго*; второе изданіе *Руководства къ познанію средней исторіи, для среднихъ учебныхъ заведеній*, г. Смарагдова; *Исторія Малороссіи*, г. Маркевича, и *Исторія Петра Великаго*, г. Полевого.

Спеціально ученая литература все болѣе и болѣе представляетъ самые утѣшительные результаты,—для чего достаточно указать только на „Акты Археографической Коммиссіи" и на изданіе „Остромірова Евангелія", но какъ предметъ нашей статьи—преимущественно книги по части изящной словесности или беллетристики, имѣющія интересъ не для нѣкоторыхъ только ученыхъ, но общій—для всѣхъ образованныхъ людей, то мы и не будемъ распространяться о спеціально ученыхъ явленіяхъ прошлогодней литературы.

Намъ остается теперь сдѣлать перечень всего замѣчательнаго по части изящной литературы, оригинальной и переводной, что̀ явилось въ продолженіе 1843 года въ журналахъ, ненасытимую жадность которыхъ обвиняютъ въ поглощеніи всей русской литературы. Посмотримъ, сколько сочиненій успѣло съѣсть это чудовище, т.-е. наша журналистика... Но, увы! мы боимся, чтобъ этотъ левіаѳанъ литературнаго міра не превратился въ одну изъ тѣхъ тощихъ кравъ, которыхъ видѣлъ во снѣ Фараонъ и которыя не потолстѣли, съѣвъ тучныхъ кравъ!.. Наши сочиненія не такъ жирны и не такъ многочисленны, чтобъ отъ нихъ могли слишкомъ жирѣть наши журналы,—и еслибъ мы не рѣшились въ этой статьѣ говорить объ общемъ значеніи современнаго состоянія литературы, а приступили бы прямо къ обзору литературныхъ явленій прошлаго года, показавшихся отдѣльно и помѣщенныхъ въ журналахъ, наша статья поневолѣ вышла бы очень коротка...

Начнемъ съ стихотвореній. Прошлый, 1843 годъ, вѣроятно, *послѣдній* богатый въ этомъ отношеніи годъ: въ продолженіе его напечатано (въ „Отеч. Запискахъ") нѣсколько посмертныхъ стихотвореній Лермонтова. Изъ нихъ: *Незабудка*, *„Избави Богъ"*, *Смерть*, *„Когда весной разбитый ледъ"*, *„Ребенка милаго рожденье"*, *„Они любили другъ друга"*, *Къ портрету стараго гусара*, *Посвященіе, приписанное въ концѣ поэмы „Демонъ"*, равно какъ и отрывочно напечатанная поэма *Измаилъ-Бей*, принадлежатъ къ самой ранней эпохѣ поэтической дѣятельности Лермонтова и замѣчательны не столько въ эстетическомъ, сколько въ психологическомъ отношеніи, какъ факты духовной личности поэта. Въ эстетическомъ отношеніи эти пьесы поражаютъ то энергическимъ стихомъ, то могучимъ чувствованіемъ, то яркою мыслію; но въ цѣломъ онѣ довольно слабы и отзываются юношескою незрѣлостію. Пьесы: *Романсъ къ****, *„Не плачь, не плачь, мое дитя"*, *„Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски"*, *„Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю"*, *Сонъ*, равно интересныя какъ въ эстетическомъ, такъ и въ психологическомъ отношеніи, принадлежатъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ эпохѣ полнаго развитія могучаго таланта незабвеннаго поэта; а пьесы: *Утесъ*, *„Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой"*, *Морская Царевна*, *Тамара* и *„Выхожу одинъ я на дорогу"* принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ Лермонтова. Всѣ эти пьесы составятъ четвертую часть изданныхъ въ 1842 г. „Стихотвореній М. Лермонтова", которая скоро должна выйти въ свѣтъ. Въ „Современникѣ" была помѣщена корсиканская повѣсть *Маттео Фальконе*, передѣланная Жуковскимъ изъ Шамиссо, стихами, съ присовокупленіемъ интереснаго письма автора къ издателю „Современника": письмо это заключаетъ въ себѣ изложеніе теперешняго взгляда знаменитаго поэта на поэзію.—Стихотворенія нынче мало читаются, но журналы, по уваженію къ преданію, почитаютъ за необходимое сдабриваться стихотворными продуктами, которыхъ, поэтому, появляется еще довольно много. Изъ нихъ можно указать въ особенности на довольно многочисленныя стихотворенія г. Фета, между которыми встрѣчаются истинно поэтическія, и на стихотворенія Т. Л. (автора „Параши"), всегда отличающіяся оригинальностію мысли. Попадаются въ журналахъ стихотворенія и другихъ поэтовъ, болѣе или менѣе исполненныя поэтическаго чувства но они уже не имѣютъ

прежней цѣны, и становится очевиднымъ, что ихъ творцы или должны, сообразуясь съ духомъ времени, перестроить свои лиры и запѣть на другой ладъ, или уже не разсчитывать на вниманіе и симпатію читателей...

Оригинальными повѣстями прошлогодніе журналы значительно бѣднѣе журналовъ третьяго года. Мы разумѣемъ здѣсь *качественную*, а не *количественную* бѣдность. Въ каждой книжкѣ каждаго журнала (за исключеніемъ „Москвитянина“) непремѣнно есть русская повѣсть, но *какая*—это другое дѣло. Вотъ перечень лучшихъ оригинальныхъ повѣстей въ прошлогоднихъ журналахъ: *Тля*, г. Панаева, *Чайковскій*, г. Гребенки, *Изъ Записокъ Неизвѣстнаго*, юмористическій очеркъ Сергѣя Нейтральнаго (въ „Отеч. Запискахъ“); *Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ*, В. Луганскаго, *Райна, королева Болгарская*, г. Вельтмана (въ „Библіотекѣ для Чтенія“); *Жизнь Человѣка или прогулка по Невскому Проспекту*, Луганскаго, *Хмель, сонъ и явь*, его же (въ „Москвитянинѣ“); *Чорный Тараканъ* (фантастическій романъ изъ жизни одного чиновника), В. Зотова (въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“). Сверхъ того, въ „Отеч. Запискахъ“ были помѣщены повѣсти: *Ярмарка*, г-жи Закревской, *1812 годъ въ провинціи*, разсказы Г. Ѳ. Основьяненко, *Ничего*, *Хроника Петербургскаго Жителя*, барона Ѳ. Брюлера, *Двѣ сестры*, г-жи Жуковой, *Дженнатъ и Бока*, чеченская повѣсть Л. Ф. Екельна, *Необыкновенный Завтракъ*, Н. А. Некрасова;—въ „Библіотекѣ для Чтенія“: *Хозяйка*, г. Ѳ. Фанъ-Дима, *Историческая Красавица*, Н. В. Кукольника, *Гримаса Моего Доктора*, И. И. Лажечникова; *Волгинъ*, г. В., *Хижина подъ Скалами*, г. П. Корсакова, *Идеальная Красавица*, барона Брамбеуса.

„Тля“, г. Панаева, отличается свойственною этому писателю сатирической мѣткостію. Собственно, это не повѣсть, а очеркъ, отличающійся вѣрностію дѣйствительности. Жаль, что этотъ очеркъ имѣетъ слишкомъ мѣстное значеніе, и внѣ Петербурга теряетъ много своего интереса [1]). „Чайковскій“ г. Гребенки исполненъ превосходныхъ частностей, обнаруживающихъ въ авторѣ несомнѣнное дарованіе. Характеръ полковника, отца героини повѣсти, многія черты историческаго малороссійскаго быта поражаютъ своею поэтическою вѣрностію. Но цѣлое этой повѣсти не выдержитъ строгой критики. Особенно вредитъ ей мелодраматизмъ. Мстительная цыганка-колдунья, злодѣй Герцикъ, кстати-укусившая его змѣя—все это мелодраматическіе эффекты. Тѣмъ не менѣе, повѣсть г. Гребенки была одною изъ лучшихъ повѣстей прошлаго года. „Изъ Записокъ Неизвѣстнаго“ — очеркъ, исполненный легкаго юмора и пріятный въ чтеніи. „Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ“—одна изъ лучшихъ повѣстей казака Луганскаго, исполненная интереса и вѣрно схваченныхъ чертъ русскаго быта. Замѣчательна по ловкому и пріятному разсказу его же „Жизнь Человѣка“; но „Хмель, Сонъ и Явь“ имѣетъ достоинство психологическаго портрета русскаго человѣка, мастерски схваченнаго съ натуры. Эта повѣсть имѣла бы большій интересъ и была бы очень полезна и для читателей низшаго разряда: почему ее пріятно было бы увидѣть перепечатанною въ „Сельскомъ Чтеніи“. „Райна, королева Болгарская“—не повѣсть, а фантасмагорія, подобно всѣмъ произведеніямъ г. Вельтмана. Дѣйствующія лица говорятъ въ ней двумя манерами: то языкомъ совершенно понятнымъ для насъ, но отличающимся колоритомъ древне-болгарскимъ, то языкомъ романовъ нашего времени. Одинъ изъ главныхъ героевъ фантасмагоріи—русскій князь Святославъ, котораго г. Вельтманъ рисуетъ намъ такъ обстоятельно, какъ будто бы самъ жилъ въ его время и все видѣлъ своими глазами. Удивительнѣе всего въ этой повѣсти, что мѣстами она не лишена интереса... „Чорный Тараканъ“ разсказъ не безъ юмора и не безъ занимательности. Намъ нужды нѣтъ знать, тотъ ли это г. Зотовъ написалъ его, который пишетъ такія ужасныя драмы, стихотворенія, „Театраловъ“, „Побрякушки“ и пр., или совсѣмъ другой г. Зотовъ: мы знаемъ только, что его „Чорный Тараканъ“—очень недурная вещь.

Изъ драматическихъ произведеній, напечатанныхъ въ журналахъ вмѣсто повѣстей, замѣчателенъ, какъ мастерской эскизъ, но не больше, драматическій очеркъ г. Т. Л. (автора „Параши“) „Неосторожность“. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ были помѣщены: „Монументъ“, историческій анекдотъ, въ трехъ картинахъ, въ стихахъ и въ прозѣ, г. Кукольника (несмотря на натянутость пафоса, вещь не безъ достоинства); „Ломоносовъ, или Жизнь и Поэзія“, г. Полевого, „Проектъ“ его же, „Братья“, драма въ пяти дѣйствіяхъ, г. Каменскаго.

Вотъ и всѣ наши беллетристическія сокровища за прошлый годъ! Нисколько неудивительно, что отъ этой пищи наши журналы не стали здоровѣе... Говоря о переводныхъ пьесахъ, мы будемъ упоминать только о болѣе замѣчательныхъ, а о посредственныхъ или обыкновенныхъ умолчимъ вовсе. Въ „Отеч. Запискахъ“ были помѣщены: „Андрѣ“, романъ Жоржа Занда, одно изъ лучшихъ произведеній этого автора, даже

[1]) См. наше примѣчаніе къ третьей изъ замѣтокъ статьи № 46.

по сознанію самихъ враговъ его. „Эмѐ Веръ“, романъ какого-то Француза, очень ловко прикидывающагося Вальтеромъ Скоттомъ, доказываетъ ту истину, что когда геній проложитъ новую дорогу въ искусствѣ, то и обыкновенные таланты могутъ ходить по ней съ успѣхомъ. Впрочемъ, у автора „Эмѐ Вера“ много дарованія; романъ его исполненъ интереса; многіе характеры, и особенно пастора-фанатика Барбантана, братьевъ Рено и Гаспара, матери ихъ г-жи Монморъ, обрисованы мастерски; многія сцены исполнены необыкновеннаго драматизма. „Солидный Человѣкъ“, романъ Шарля Бернара, отличается обыкновенными достоинствами всѣхъ сочиненій этого даровитаго писателя. Это—мастерская картина современнаго французскаго общества. Не по изложенію, а по содержанію, заслуживаетъ упоминовенія „Жена Золотыхъ Дѣлъ Мастера“, повѣсть Шарля Ребо; писатель съ большимъ талантомъ могъ бы чудеснымъ образомъ воспользоваться подобнымъ сюжетомъ.—Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ лучшія переводныя повѣсти — „Лавка Древностей“, романъ Диккенса. „Лавка Древностей“ слабѣе другихъ романовъ Диккенса: въ ней онъ повторяетъ самого себя, и лица этого романа, равно какъ и его пружины, уже не поражаютъ новостію. „Умницы“—передѣлка изъ романа мистриссъ Троллопъ, интересна какъ картина, хотя уже не новая, но всегда вѣрная, нравовъ современнаго англійскаго общества. „Послѣдній изъ Бароновъ“, романъ Больвера, довольно занимателенъ, какъ историческая картина положенія ученаго въ варварскіе средніе вѣка.—Въ „Современникѣ“, въ продолженіе всего прошлаго года тянулся начатый еще въ 1842 году романъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ „Семейство, или домашнія радости и огорченія“. Онъ вышелъ теперь весь отдѣльно, и потому мы изложили наше мнѣніе о немъ въ Библіографической Хроникѣ этой же книжки „Отеч. Записокъ“ [1]).—Въ „Репертуарѣ“ были помѣщены вполнѣ „Парижскія Тайны“ Эжена Сю. Романъ этотъ надѣлалъ много шума во всей Европѣ, и у насъ также, и, несмотря на всѣ его недостатки, принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ современной литературы. Онъ порожденъ романами Диккенса, и далеко уступая имъ въ достоинствѣ, возбудилъ такой энтузіазмъ, котораго не производилъ ни одинъ романъ даровитаго англійскаго романиста: таково умѣнье французскихъ писателей дѣйствовать всегда на массу! Такъ какъ съ „Парижскими Тайнами“ только теперь ознакомились многіе изъ русскихъ читателей, и такъ какъ толки о нихъ еще не прекратились ни въ публикѣ, ни въ журналахъ, то, можетъ быть, мы еще и поговоримъ объ этомъ романѣ подробнѣе въ отдѣлѣ Критики [1]). Въ „Репертуарѣ“ же переведенъ разсказъ Жоржа Занда „Муни Робэнъ“, весьма замѣчательный не по сюжету, а по мысли и ея изложенію. Въ „Отеч. Запискахъ“ и „Репертуарѣ“ помѣщено по отрывку изъ гётева „Вильгельма Мейстера“. Отрывокъ въ „Отеч. Запискахъ“ представляетъ нѣчто цѣлое, какъ то показываетъ его названіе: „Маріана“. О достоинствѣ перевода нѣчего говорить: довольно сказать, что онъ принадлежитъ г. Струговщикову. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ помѣщенъ переводъ съ испанскаго, сдѣланный г. Тимковскимъ, прелестной комедіи Лопеса де-Веги: „Собака на Сѣнѣ“. Въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“ помѣщенъ переводъ прозою драмы Шекспира „Троилъ и Крессида“.

Изъ замѣчательныхъ статей ученo-беллетристическихъ въ прошлогоднихъ журналахъ слѣдующія: въ „Отеч. Запискахъ“: *Дневникъ каммеръюнкера Берхгольца* — живая картина русскихъ нравовъ временъ Петра Великаго, писанная очевидцемъ; *Гёте и графиня Штольберъ* (эта же статья помѣщена и въ „Репертуарѣ“); *Философія Анатоміи*, превосходно составленная г. Галаховымъ статья, представляющая современный взглядъ на одно изъ величайшихъ человѣческихъ знаній; *Пуло-Пенангъ, Сингапуръ и Манила* (изъ записокъ русскаго морского офицера во время путешествія вокругъ свѣта въ 1840 году) А. И. Бутакова; *Нижній-Новгородъ и Нижегородцы въ смутное время*, П. И. Мельникова; *Рубини и итальянская музыка*, —ва; *Дворъ королей англійскихъ, Книгопечатаніе, Іосифъ II, императоръ германскій*; три статьи А. И. Ис—ра [2])—*Диллетантизмъ въ Наукѣ*, его же—*Буддизмъ въ Наукѣ* и его же статья *По поводу одной драмы*. Къ числу-беллетристическихъ же статей можно отнести и напечатанную въ отдѣлѣ *Сельскаго Хозяйства* „Отеч. Записокъ“ — *Табачная промышленность въ Россіи*, А. В., потому что авторъ умѣлъ придать этой статьѣ общій интересъ и изложить ее съ замѣчательной степенью литературнаго изящества.—Въ отдѣлѣ Наукъ и Художествъ „Библіотеки для Чтенія“ особенно замѣчательны статьи: *Плѣнъ Англичанъ въ Афганистанѣ, Записки о Сѣверной Америкѣ* Диккенса и *Томасъ Бекетъ*. — „Современникъ“ тоже не имѣетъ недостатка въ ученыхъ статьяхъ,

[1]) Въ указанной рецензіи Бѣлинскій охарактеризовалъ этотъ романъ, какъ

> Отмѣнно длинный, длинный, длинный
> Нравоучительный и чинный..,

[1]) Бѣлинскій, дѣйствительно, напечаталъ въ „Отеч. Запискахъ“ черезъ два мѣсяца небольшую статью о „Парижскихъ тайнахъ“; она не вошла въ настоящее изданіе.

[2]) А. И. Искандеръ—А. И. Герценъ.

особенно касающихся до Скандинавіи; но лучшая ученая статья „Современника“, равно какъ и одна изъ лучшихъ учено-беллетристическихъ статей во всей прошлогодней журналистикѣ, это — *Историческіе Очерки М. С. Куторги*: „Людовикъ XIV“. Въ „Москвитянинѣ“: *О законахъ благоустройства и благочинія. или что такое полиція? Смерть Карла XII*, статья, очень хорошо составленная г. Головачевымъ изъ *Исторіи Карла XII*, изданной Лундбладомъ и Больмеромъ.

По части Критики въ „Отеч. Запискахъ“ прошлаго года были слѣдующія статьи: *Русская литература въ 1842 году*, *О сочиненіяхъ Державина*, *О Мертвыхъ Душахъ* Гоголя (Голосъ изъ провинціи), *Объ Исторіи Малороссіи* г. Маркевича; четыре статьи: *О Жуковскомъ, Батюшковѣ и Пушкинѣ* [1]) и *О сочиненіяхъ Энеиды Р—вой*. Сверхъ того, въ „Отеч. Запискахъ“ постоянно помѣщались подробные отчеты о французской, англійской и нѣмецкой литературахъ. Въ „Москвитянинѣ“ замѣчательна критическая статья *О Путевыхъ Письмахъ изъ Германіи, Франціи и Италіи* г. Греча.

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о духѣ и направленіи русскихъ журналовъ за прошлый годъ; но мы уже говорили объ этомъ не разъ; а какъ это дѣло остается все въ томъ же видѣ, то лучше ужъ больше не говорить. Наше дѣло было указывать на духъ, направленіе и замѣчательные поступки того или другого журнала. Мы исполняли это въ продолженіе пяти лѣтъ, и исполняли усердно, можетъ быть, усерднѣе, нежели сколько нужно было. Теперь нѣтъ надобности въ этомъ: журналовъ новыхъ нѣтъ; а въ старыхъ—все по старому—и говорить о нихъ значило бы повторять сказанное нѣсколько разъ. Всякое повтореніе скучно, а тѣмъ болѣе повтореніе истинъ, сдѣлавшихся теперь, благодаря „Отеч. Запискамъ“, убѣжденіемъ большей части образованныхъ читателей. Пусть всякій идетъ своей дорогою. Наша публика разнообразна до безконечности, и каждый изъ составляющихъ ее слоевъ найдетъ, что̀ ему нужно. Пусть всѣ читаютъ, кому что̀ нравится, лишь бы читали. Скажемъ нѣсколько словъ въ общихъ чертахъ. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ лучшимъ отдѣломъ попрежнему была *Смѣсь*, а самыми бѣдными, сухими и тощими отдѣлы *Критики* и *Литературной Лѣтописи*. Въ *Смѣси* „Отеч. Записокъ“ между переводными много было и оригинальныхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ статей, каковы: *Поѣздка въ Китай*, Дэ-Мина (двѣ статьи), *Два Письма изъ Пекина*, В. Горскаго, *Замѣчанія и анекдоты о южно-африканскомъ львѣ*, г. А. Бутакова, *Сцены изъ жизни Бурятъ*, А. Мордвинова, *Поѣздка на Алтай*, г. Мейера, *Итальянская Опера въ Петербургѣ* (*Рубини, Віардо-Гарсія, Тамбурини, Ассандри, Пазини и Тадини*), *Отвѣтъ г. Шевыреву на разборъ его „Русской Хрестоматіи“ г. Галахова*, *Москвитянинъ о Коперникѣ и Записки Вѣдрина*; прекрасный разсказъ г. Н. Ковалевскаго: *Переселеніе Ивана Ивановича изъ Гадячскаго Уѣзда въ Мирородскій*; юмористическій очеркъ: *Балъ у Писарей, или дежурство въ новый годъ*; изъ переводныхъ особенно интересны: *Семейная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ*; *Шутти, или сожиганіе вдовъ въ Индіи*; *Патеръ Мэтью*, и проч.—„Современникъ“ съ прошлаго года выходитъ ежемѣсячно, что̀ еще болѣе должно было придать ему интереса.—Къ числу прошлогоднихъ литературныхъ новостей принадлежитъ возстановленіе „Репертуара и Пантеона“: это изданіе въ прошломъ году значительно поправилось, такъ что представляетъ теперь очень занимательный и пестрый сборникъ разныхъ статей по части театра, повѣстей, біографическихъ очерковъ жизни художниковъ и проч. Если печатаемыя имъ драматическія произведенія, даваемыя на русской сценѣ, по большей части плохи, — это не его вина: онъ обѣщался быть, между прочимъ, и *зеркаломъ русской сцены*, а по русской пословицѣ: „нѣчего на зеркало пенять, если лицо криво“. Зато въ немъ есть хорошія переводныя пьесы и пьески, которыя не были даны на русской сценѣ, и цѣликомъ помѣщены „Парижскія Тайны“ Эжена Сю.

Изъ этого обозрѣнія читатели могутъ видѣть *фактическое* доказательство, что толстота нашихъ журналовъ отнюдь не причина крайняго убожества современной русской литературы. Да и что за дѣло, какъ̀ появилось хорошее литературное произведеніе — отдѣльною книгою или въ журналѣ? Дѣло въ томъ, чтобъ какъ можно больше появлялось такихъ произведеній. Что касается до журналовъ—несмотря на ихъ толстоту, наша журналистика бѣдна, и надо желать, чтобъ журналовъ было больше. Даже въ томъ, что они поглощаютъ въ себя все лучшее и замѣчательнѣйшее, появляющееся въ литературѣ, есть явная польза: благодаря этому обстоятельству, всякое хорошее литературное произведеніе прочитывается не десятками, не сотнями, а цѣлыми тысячами читателей. Конечно, такое произведеніе, какъ̀ „Мертвыя Души“, Гоголя, не имѣетъ нужды въ посредствѣ журналовъ для пріобрѣтенія себѣ многочисленныхъ читателей; но вѣдь то—„Мертвыя Души“, одно изъ такихъ произведеній, которыя составляютъ исключеніе изъ общаго правила и бываютъ рѣдкимъ

[1]) Это—четыре первыя „пушкинскія статьи“ Бѣлинскаго; см. т. III, статья № 56.

явленіемъ во всякой литературѣ. Обыкновенно у насъ замѣчательный успѣхъ всякой книги состоитъ въ расходѣ пяти или, много, семи сотъ экземпляровъ; будучи же помѣщаемы въ журналахъ (разумѣется, не во всѣхъ, а въ какихъ-нибудь двухъ, не больше), онѣ находятъ себѣ тысячи читателей. И такъ, вмѣсто пустыхъ и неосновательныхъ нападокъ на журналы, лучше пожелать увеличенія ихъ числа и бо́льшаго ихъ распространенія въ публикѣ. Слѣдующіе стихи, написанные княземъ Вяземскимъ назадъ тому лѣтъ пятнадцать, и теперь еще новые истиною своего содержанія, очень идутъ къ вопросу, о которомъ мы говоримъ,—почему мы и заключаемъ ими нашу статью:

Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо;
Гдѣ грамота—тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье—тамъ добро.

1844 г.

---

48. Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Три части. Спб. 1844.

Въ 1843-мъ и особенно въ 1844-мъ году Бѣлинскій написалъ мало крупныхъ критическихъ статей: онъ съ увлеченіемъ работалъ въ эти годы надъ своими статьями о Пушкинѣ (см. т. III) и только изрѣдка подробно останавливался на той или иной изъ вновь выходящихъ книгъ. Самымъ крупнымъ литературнымъ фактомъ 1844 года было, несомнѣнно, появленіе трехтомнаго собранія сочиненій кн. В. Одоевскаго, и Бѣлинскій отмѣтилъ этотъ фактъ критической статьей.

О произведеніяхъ Одоевскаго ему уже не разъ приходилось говорить со своими читателями. Не будемъ останавливаться на восторженномъ отзывѣ въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (т. I, стр. 94—95); укажемъ только на нѣсколько страницъ въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ (т. I, стр. 131—133), на большую статью о „Дѣтскихъ сказкахъ дѣдушки Иринея“ (т. I, № 21), на отдѣльные отзывы объ Одоевскомъ въ различныхъ годовыхъ обзорахъ Бѣлинскаго (см. Указатель). Во всѣхъ этихъ отзывахъ Бѣлинскій подчеркивалъ одну черту творчества Одоевскаго, которая казалась критику наиболѣе характерной и которую можно опредѣлить какъ *лирическій дидактизмъ*; страницы настоящей статьи, посвященныя развитію этой мысли, являются въ сущности только повтореніемъ того, что́ было сказано на эту тему Бѣлинскимъ еще въ его статьѣ 1841 года о раздѣленіи поэзіи на роды и виды (т. II, стр. 66—70). Однако въ самомъ отношеніи Бѣлинскаго къ „дидактизму“ въ художественномъ творчествѣ—не могло не произойти въ это время значительной перемѣны. Мы знаемъ, что въ статьѣ о „Рѣчи“ Никитенко Бѣлинскій во всеуслышаніе провозгласилъ свой отказъ отъ теоріи чистаго искусства, нѣкогда такъ рьяно имъ отстаиваемой; послѣ этой статьи (1842 года) Бѣлинскій быстро дошелъ до противоположной крайности, до признанія искусства рабомъ жизни (см. ниже статью № 50). Разумѣется, что вмѣстѣ съ этимъ должно было въ корнѣ измѣниться отношеніе Бѣлинскаго ко всяческому „дидактизму“, который вѣдь является именно ошибочно понятымъ служеніемъ искусства жизни. Прежде Бѣлинскій требовалъ присутствія „поэзіи“ даже въ „аллегоріи“—и, находя эту поэзію въ аллегоріяхъ Одоевскаго, восхищался ими (см. т. I, стр. 132); теперь онъ, снова указывая, что „дидактизмъ“ долженъ быть исполненъ паѳоса, чтобы быть поэтическимъ, подчеркиваетъ однако прежде всего общественную пользу дидактической поэзіи. „Почему,—спрашиваетъ Бѣлинскій,—почему же не быть поэтамъ, которые служили бы обществу, пробуждая и поддерживая въ его членахъ стремленіе къ созданію, къ жизни умомъ и сердцемъ, единой сообразной съ человѣческимъ достоинствомъ жизни?“ И хотя тутъ же Бѣлинскій высказалъ мысль, что кругъ вліянія „дидактическаго элемента“ поэзіи ограниченъ возрастомъ читателей, что элементъ лирическаго дидактизма можетъ воздѣйствовать преимущественно на юношество, однако уже и этимъ устанавливалось признаніе кн. В. Одоевскаго Бѣлинскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялось содержаніе настоящей статьи.

Но неужели кн. В. Одоевскій—писатель только „для юношества“? Разумѣется нѣтъ; но именно этой стороной его творчества ограничивалось все то, что́ могъ теперь принять, съ чѣмъ могъ теперь согласиться Бѣлинскій. Десятью годами ранѣе, въ эпоху своего „шеллингіанства“, Бѣлинскій могъ бы

найти съ Одоевскимъ много точекъ соприкосновенія; но за эти десять лѣтъ Бѣлинскій пережилъ рядъ мучительныхъ духовныхъ и идейныхъ кризисовъ, а Одоевскій и въ 1844-мъ году остался въ общемъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и въ 1834-мъ, и въ 1824-мъ году, въ эпоху изданія „Мнемозины“. Кн. В. Ѳ. Одоевскій — одинъ изъ первыхъ русскихъ шеллингіанцевъ двадцатыхъ годовъ, повидимому оставшійся шеллингіанцемъ до самой своей смерти (1869 г.); на фундаментѣ этой геніальной „романтической“ философской системы онъ строилъ и свои соціальныя теоріи, близко соприкасавшіяся со славянофильствомъ, и свои историческіе взгляды, и вѣру въ Абсолютное, и свою „фантастику“.

Все это было совершенно противоположно воззрѣніямъ Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ. Перейдя къ „соціальности“, Бѣлинскій все болѣе и болѣе склонялся теперь къ такъ называемымъ „лѣвымъ гегеліанцамъ“ и все презрительнѣе отзывался о Шеллингѣ, особенно о Шеллингѣ сороковыхъ годовъ („берлинской“ эпохи). Еще въ письмѣ отъ 7-го ноября 1842 года Бѣлинскій, говоря о М. Бакунинѣ, пишетъ, что онъ сошелся теперь съ нимъ въ одномъ храмѣ, такъ какъ Бакунинъ „принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанизма, знакомъ съ К. (Арнольдомъ Руге) и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга“... И въ настоящей статьѣ Бѣлинскій даже о Гегелѣ говоритъ, что философія его „уже свершила свой кругъ“, что ее „далеко обогнали“ новыя поколѣнія, а о Шеллингѣ отзывается еще рѣзче: „великій Шеллингъ, имѣвшій несчастіе пережить свой разумъ“... Нѣсколько позднѣе (въ статьѣ о „Тарантасѣ“, № 50) Бѣлинскій называетъ Шеллинга сороковыхъ годовъ „самозваннымъ пророкомъ“ и донъ-Кихотомъ. А кн. Одоевскій и въ это время все еще продолжалъ быть „шеллингіанцемъ“ и попрежнему былъ романтикомъ въ философіи; это отразилось и въ его знаменитыхъ „Русскихъ ночахъ“. Кромѣ того, въ своихъ произведеніяхъ онъ отводилъ все больше и больше мѣста фантастическому элементу. Насколько это зависѣло отъ вліянія Гофмана—вопросъ еще до сихъ поръ нерѣшенный; но во всякомъ случаѣ Бѣлинскій сороковыхъ годовъ могъ только вполнѣ враждебно относиться къ этому элементу „какого-то страннаго фантазма“,—что́ и высказалъ въ настоящей статьѣ (см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 21).

Но, разумѣется, еще болѣе непріемлемыми для Бѣлинскаго были ясно выраженныя славянофильскія симпатіи Одоевскаго. Убѣжденный натурфилософъ Одоевскій былъ непримиримымъ врагомъ раціоналистическихъ и эмпирическихъ методовъ познанія; спасеніе онъ видѣлъ въ области интуитивнаго познанія — и хотѣлъ вѣрить, что Россіи въ этой области, также какъ и въ области соціальной, придется сказать свое, быть можетъ, рѣшающее слово. Типичнаго реалиста Бѣлинскаго безконечно раздражали эти „романтическія“ чаянія и упованія героя „Русскихъ ночей“ Одоевскаго, Фауста; „неужели согласиться съ Фаустомъ,—въ негодованіи восклицалъ Бѣлинскій,—что Европа того и гляди прикажетъ долго жить, а мы, Славяне, напечемъ блиновъ на весь міръ, да и давай поминки творить по покойницѣ?“ Уже знакомый къ этому времени съ системами соціализма, Бѣлинскій не отрицалъ болѣзненнаго соціальнаго кризиса Европы, но видѣлъ за этимъ кризисомъ не смерть, а воскресеніе европейскаго общества, видѣлъ наступленіе соціалистическаго царства Божія на землѣ. „Европа больна,—говоритъ въ настоящей статьѣ Бѣлинскій,—это правда; но не бойтесь, чтобъ она умерла: ея болѣзнь отъ избытка здоровья, отъ избытка жизненныхъ силъ; это болѣзнь временная, это кризисъ внутренней подземной борьбы стараго съ новымъ; это—усиліе отрѣшиться отъ общественныхъ основаній среднихъ вѣковъ и замѣнить ихъ основаніями, на разумѣ и натурѣ человѣка основанными“... Нельзя было яснѣе этого высказать свои соціалистическія вѣрованія предъ лицомъ николаевской цензуры; и въ то же время нельзя было яснѣе выразить свое полное идейное расхожденіе съ кн. В. Одоевскимъ. Послѣдній видѣлъ основу объективной цѣлесообразности міра въ Абсолютномъ, познаваемомъ путемъ интуиціи, а Бѣлинскій видѣлъ эту основу въ *человѣчествѣ*, исторически достигающемъ великаго соціальнаго идеала братства и равенства. Вотъ почему Бѣлинскій не могъ признавать интуитивнаго пути познанія абсолютной истины; онъ заявляетъ въ настоящей статьѣ, что истина развивается исторически, что она „сѣется, поливается нѣ-томъ и потомъ жнется, молотится и вѣется, и что много шелухи должно отвѣять, чтобъ добраться до зеренъ“. И одной изъ такихъ исторически созрѣвшихъ истинъ является для Бѣлинскаго истина о грядущемъ разумномъ устроеніи братскаго человѣчества: въ этомъ вся вѣра, все упованіе Бѣлинскаго, замѣнившая былую вѣру его въ разумную объективную цѣлесообразность всего міра. Вотъ почему Бѣлинскій считаетъ безсмысленной противоположную мысль, высказываемую Одоевскимъ, мысль о будущей смерти всего человѣчества: то, что въ корнѣ противорѣчитъ нашей вѣрѣ, всегда кажется намъ совершенно ложнымъ...

Итакъ, какъ видимъ, Бѣлинскій расхо-

дился съ кн. В. Одоевскимъ почти во всемъ самомъ глубокомъ, самомъ завѣтномъ; Одоевскій былъ по своему міросозерцанію романтикомъ, Бѣлинскій—типичнѣйшимъ реалистомъ. Неудивительно поэтому, что Бѣлинскій, расхваливъ „громадный талантъ“ разбираемаго имъ автора, отнесся совершенно отрицательно ко всему тому, что заслуживаетъ въ произведеніяхъ Одоевскаго наибольшаго вниманія; а потому и настоящая статья, интересная для характеристики взглядовъ Бѣлинскаго, является совершенно недостаточной для характеристики творчества и мышленія кн. В. Одоевскаго. Надо замѣтить, что такой характеристики мы не имѣемъ и до сихъ поръ: есть болѣе или менѣе подробные литературно-біографическіе очерки, посвященные Одоевскому — А. Пятковскаго, А. Кони, Н. Сумцова, но всѣ они относятся къ началу восьмидесятыхъ годовъ, значительно устарѣли и, главное, составлены безъ пользованія бумагами кн. В. Ѳ. Одоевскаго, т.-е. тѣмъ богатѣйшимъ рукописнымъ матеріаломъ, который хранится въ Спб. Публичной Библіотекѣ (ср. наст. изд., т. I, стр. 1026). За послѣднее время появились двѣ работы, нѣсколько пополняющія этотъ пробѣлъ: „Очерки изъ жизни и литературной дѣятельности кн. В. Ѳ. Одоевскаго“, Б. Лезина (Зап. Имп. Харьк. Универс.“, 1905—1906 г.) и пятая глава изъ книги И. Замотина „Романтическій идеализмъ“ (Спб., 1907 г.); однако обѣ эти работы не рѣшаютъ, а только ставятъ на очередь вопросъ объ исчерпывающей характеристикѣ міровоззрѣнія и творчества такого интереснаго и незаслуженно забытаго человѣка и писателя, какимъ былъ кн. В. Ѳ. Одоевскій. Во всякомъ случаѣ авторъ будущей подробной характеристики этого писателя не пройдетъ мимо настоящей статьи Бѣлинскаго: въ ней положительно или отрицательно, но во всякомъ случаѣ освѣщены существеннѣйшіе изъ взглядовъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго.

И.-Р.

Князь Одоевскій принадлежитъ къ числу наиболѣе уважаемыхъ изъ современныхъ русскихъ писателей, — и, между тѣмъ, ничего не можетъ быть неопредѣленнѣе извѣстности, которою онъ пользуется. Скажемъ болѣе: имя его гораздо извѣстнѣе, нежели его сочиненія. Это нѣсколько странное явленіе имѣетъ двѣ причины: одну чисто внѣшнюю, случайную, другую — внутреннюю и необходимую. Князь Одоевскій выступилъ на литературное поприще въ 1824 году, въ эпоху совершеннаго переворота въ русской литературѣ, когда новыя понятія вооружились противъ старыхъ, новыя славы и знаменитости начали противопоставляться авторитетамъ, которые до того времени считались непогрѣшительными образцами и далѣе которыхъ идти, въ мысли или въ формѣ, строжайше запрещалось литературнымъ кодексомъ, получившимъ имя *классическаго*, и по давности времени пользовавшагося значеніемъ корана. Эта борьба стараго и новаго извѣстна подъ именемъ борьбы романтизма съ классицизмомъ. Если сказать по правдѣ, тутъ не было ни классицизма, ни романтизма, а была только борьба умственнаго движенія съ умственнымъ застоемъ; но борьба, какая бы она ни была, рѣдко носитъ имя того дѣла, за которое она возникла, и это имя, равно какъ и значеніе этого дѣла, почти всегда узнаются уже тогда, какъ борьба кончится. Всѣ думали, что споръ былъ за то, которые писатели должны быть образцами — древніе ли греческіе и латинскіе, и ихъ рабскіе подражатели—французскіе классики XVII и XVIII столѣтій, или новые—Шекспиръ, Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Шиллеръ и Гёте; а между тѣмъ, въ сущности-то спорили о томъ, имѣетъ ли право на титло поэта, и еще притомъ великаго, такой поэтъ, какъ Пушкинъ, который не употребляетъ „піитическихъ вольностей“,— вмѣсто шершаваго, тяжелаго, скрипучаго и прозаическаго стиха употребляетъ стихъ гладкій, легкій, гармоническій,—вмѣсто *одъ* пишетъ *элегіи*, вмѣсто надутаго и натянутаго слога держится слога естественнаго и благородно-простого, — поэмами называетъ маленькія повѣсти, гдѣ дѣйствуютъ *люди* вмѣсто того, чтобъ разумѣть подъ ними холодныя описанія на одинъ и тотъ же ходульный тонъ знаменитыхъ событій, гдѣ дѣйствуютъ герои съ ихъ наперсниками и вѣстниками;—словомъ, поэтъ, который тайны души и сердца человѣка дерзнулъ предпочесть плошечнымъ иллюминаціямъ. Вслѣдствіе движенія, даннаго преимущественно явленіемъ Пушкина, молодые люди, выходившіе тогда на литературное поприще, усердно гонялись за новизною, считая ее за романтизмъ. Стихи ихъ были гладки и легки, фраза блистала новыми оборотами, мысли и чувства отличались какою-то свѣжестью, потому что не были повтореніемъ и перебивкою уже всѣмъ знакомыхъ и перезнакомыхъ мыслей и чувствъ. Въ прозѣ видно было то же самое стремленіе—найти новые источники мыслей и новыя формы для нихъ. Разумѣется, источникомъ всего этого „новаго“ служили для нихъ иностранныя литера-

туры; но для большинства нашей читающей публики того времени все это дѣйствительно было слишкомъ ново, а потому и казалось ярко-оригинальнымъ и смѣло-самобытнымъ. И вотъ почему въ тѣ блаженныя времена слава доставалась такъ легко, такъ дешево, а извѣстность была просто ни по чемъ. Разумѣется, подобная новизна не могла не состарѣться скоро, и вслѣдствіе этого многіе люди, о которыхъ думали, что они подавали блестящія надежды, оказались совершенно безнадежными; другіе, которые пользовались большою извѣстностію, вдругъ пришли въ забвеніе. Но какъ движеніе, произведенное такъ называемымъ „романтизмомъ“, развязало руки и ноги нашей литературѣ, то оно все продолжалось и продолжалось: новое сегодня становилось завтра если еще не старымъ, то уже и не новымъ; на мѣсто одной забытой знаменитости являлось нѣсколько новыхъ; въ литературу безпрестанно входили новые элементы, содержаніе ея расширялось, формы разнообразились, характеръ становился самобытнѣе. И теперь уже немногіе помнятъ эти споры и эту борьбу; писателей дѣлятъ по эпохамъ, въ которыя они дѣйствовали, и по таланту, который они выказали; но уже нѣтъ болѣе ни классиковъ, ни романтиковъ; ни содержаніе, ни форма уже не приводятъ въ изумленіе своею оригинальностію, но чѣмъ онѣ оригинальнѣе, тѣмъ бо̀льшее возбуждаютъ вниманіе. Лучшія стихотворенія г-на Майкова, одного изъ особенно замѣчательныхъ поэтовъ нашего времени, принадлежатъ къ антологическому роду, — и потому онъ гораздо больше, нежели всѣ наши поэты старой школы, имѣетъ право называться *классическимъ* поэтомъ; и однакожъ, его такъ же никто не называетъ классикомъ, какъ и романтикомъ. Въ поэзіи Пушкина есть элементы и романтическіе, и классическіе, и элементы восточной поэзіи, и, въ то же время, въ ней такъ много принадлежащаго собственно нашей эпохѣ, нашему времени: какъ же теперь называть его романтикомъ? Онъ просто поэтъ, и притомъ поэтъ великій! Теперь каждый талантъ, и великій и малый, хочетъ быть не классикомъ, не романтикомъ, а поэтомъ, слѣдовательно, хочетъ ровно брать дань со всего человѣческаго,—и благо ему, если онъ, не чуждаясь ни древняго, ни стараго, ни новаго, во всемъ этомъ умѣетъ быть *современнымъ*!.. Эту многосторонность, эту свободу наша литература пріобрѣла все-таки черезъ борьбу мнимаго романтизма съ мнимымъ классицизмомъ!

Между множествомъ эфемерныхъ явленій, вызванныхъ тогда новизною и обязанныхъ ей своею минутною извѣстностію, были яркіе таланты, которые считали за необходимость не останавливаться на первомъ успѣхѣ, но идти за временемъ. Конечно, не всѣ изъ нихъ шли до конца, но иные остановились на полудорогѣ, и едва ли хотя одинъ дошелъ до конца пути своего, то-есть, сдѣлалъ все, чего могли отъ него ожидать и что̀ въ силахъ былъ бы онъ выполнить... Вообще, доходить до конца какъ-то не въ судьбѣ русскихъ писателей, особенно съ нѣкотораго времени. И если Державинъ, Дмитріевъ и Крыловъ дожили до сѣдинъ, обремененныхъ лаврами, зато сколько путей различнымъ образомъ прерванныхъ! Ломоносовъ умеръ пятидесяти лѣтъ, съ полнымъ сознаніемъ, что онъ могъ бы еще много сдѣлать и что онъ гораздо меньше сдѣлалъ, нежели сколько надѣялся. Великій человѣкъ себя винилъ и въ своей преждевременной смерти и въ томъ, что онъ, по его сознанію, сдѣлалъ такъ мало; но его жизнь и дѣятельность зависѣли не отъ него, а отъ той дѣйствительности, въ которой такъ одиноко былъ онъ вызванъ судьбою дѣйствовать. Фонвизинъ написалъ свое послѣднее и лучшее произведеніе на тридцать седьмомъ году отъ рожденія, и послѣ того провелъ цѣлыя десять лѣтъ разбитый параличомъ и въ состояніи совершенной недѣятельности. Карамзинъ сошелъ въ могилу хотя уже и въ лѣтахъ, но еще въ порѣ силъ своихъ и далеко не кончивъ своего великаго труда. Озеровъ написалъ всего пять трагедій, и умеръ на сорокъ шестомъ году, вслѣдствіе долговременной болѣзни, съ которою было сопряжено разстройство умственныхъ силъ. Батюшковъ погибъ для литературы и общества во цвѣтѣ лѣтъ и силъ своихъ, подавъ такія блестящія, такія богатыя надежды... Нужно ли говорить о томъ, какъ прервалась поэтическая дѣятельность трехъ великихъ славъ нашей литературы — Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова?.. А сколько менѣе огромныхъ и столь же безвременныхъ потерь! Веневитиновъ умеръ почти при самомъ началѣ своего столь много обѣщавшаго литературнаго поприща. Полежаевъ палъ жертвою избытка собственныхъ силъ, дурно уравновѣшенныхъ природою и еще хуже направленныхъ воспитаніемъ и жизнію... Всѣ эти утраты какъ-то невольно приходятъ въ голову теперь, по случаю внезапной вѣсти о смерти Баратынскаго,—поэта съ такимъ замѣчательнымъ талантомъ, одного изъ товарищей и сподвижниковъ Пушкина. И сколько въ послѣднее десятилѣтіе было подобныхъ утратъ!.. только и слышишь, что о паденіи прежнихъ бойцовъ, сраженныхъ то смертію, то—что̀ еще хуже—жизнію... Ужасно умереть прежде времени, но еще ужаснѣе пережить свою дѣятельность, и только изрѣдка новыми, но уже слабыми произведеніями на-

поминать о прекрасной порѣ своей прежней дѣятельности. Эта нравственная смерть производитъ въ нашей литературѣ еще больше опустошеній, чѣмъ физическая. Причина ея столь же понятна, сколько и горестна, и лучше скорбѣть о ней, нежели высокоумно разсуждать о томъ, какимъ бы образомъ могъ ея избѣгнуть тотъ или другой авторъ, или гордо осуждать его за то, что онъ не могъ ея избѣгнуть. Увы! выходя на поприще жизни, мы всѣ смѣло и гордо смотримъ въ ея неизвѣданную даль, и для насъ паденіе есть преступленіе; но перешедши сами лучшую часть своей жизни, мы, при видѣ всякаго падшаго бойца, съ грустію обращаемся на самихъ себя... Кто палъ, почему не сказать о немъ, что ужъ нѣтъ его? Но дѣло критики говорить не о томъ только, что̀ могъ бы сдѣлать авторъ и чего онъ не сдѣлалъ, но и томъ, что̀ сдѣлалъ онъ и чѣмъ благодатна была для общества жизнь его...

Итакъ, князь Одоевскій вышелъ на литературное поприще въ 1824 году. Онъ былъ изъ числа тѣхъ счастливо одаренныхъ натуръ, которыя начинаютъ дѣйствовать сознательно, въ духѣ своего истиннаго призванія и въ кругѣ своихъ собственныхъ силъ. Мы помнимъ первую повѣсть его „Элладій, картину изъ свѣтской жизни“, напечатанную въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ-альманаховъ („Мнемозинѣ“). Эта повѣсть теперь всякому показалась бы слабою, дѣтскою и по содержанію и по формѣ; но тогда она обратила на себя общее вниманіе и пріятно всѣхъ удивила. Повѣсть дѣйствительно слаба; но успѣхъ ея былъ тѣмъ не менѣе вполнѣ заслуженный. Это была первая повѣсть изъ русской дѣйствительности, первая попытка изобразить общество неидеальное и нигдѣ несуществующее, но такое, какимъ авторъ видѣлъ его въ дѣйствительности. Со стороны искусства и вообще манеры разсказывать она была произведеніемъ оригинальнымъ и дотолѣ невиданнымъ; было что-то свѣжее въ ея мысли, во взглядѣ автора на предметы и въ чувствахъ, которыя старался онъ ею возбудить въ обществѣ. Къ тому же времени, въ которое былъ напечатанъ „Элладій“ князя Одоевскаго, относятся его „апологи“ — родъ поэтическихъ аллегорій, въ которыхъ ясно и опредѣлительно выказалось направленіе таланта ихъ автора. Такъ какъ теперь уже немногіе помнятъ ихъ, а многіе и совсѣмъ не знаютъ, и такъ какъ, несмотря на это, мы приписываемъ имъ значительную литературно-историческую важность и видимъ прямое указаніе на призваніе князя Одоевскаго, какъ писателя, то и считаемъ за нужное познакомить съ ними нашихъ читателей. Для этого приводилъ здѣсь два аполога:

Старики или Островъ Панхаи.

Какъ памятно мнѣ время моего перехода изъ юности въ возрастъ зрѣлый, время сего перехода, когда человѣкъ, внезапно пораженный опытностію, рѣшается оставить ту простосердечную довѣрчивость, которая составляетъ блаженство младенца, рѣшается и—еще жалѣетъ о ней, любитъ ее!

Прежде еще сего перехода я помню — одна мечта, какъ игрушка, занимала меня; съ величайшимъ благоговѣніемъ взиралъ я на старость. Божественнымъ казался мнѣ сей возрастъ, въ которомъ, мнилъ я, укрощаются буйныя, постыдныя страсти; умолкаютъ мелкія, суетныя желанія, — ничтожными становятся препоны, задерживающія человѣка на пути къ высокой мечтѣ его — совершенствованію! На покрытомъ морщинами челѣ старца я читалъ сладкое чувствованіе усталаго путника, близкаго желанной цѣли и уже готоваго въ прахъ сбросить и запыленную одежду и ношу, къ которой, несмотря на тягость, привыкли плечи его; каждый старецъ казался мнѣ счастливцемъ, покорившимъ силу бренія—силою духа; и до того даже доходила мое слѣпота въ семъ случаѣ, что тотъ пріобрѣталъ право на мое нелицемѣрное почтеніе, кто былъ меня хотя нѣсколькими годами старѣе. Еслибъ тогда старшій меня сказалъ: *я мудрѣйшій изъ смертныхъ*, я бы и не повѣрилъ ему—но не смѣлъ бы противурѣчить: онъ *опытнѣе* меня, сказалъ бы я самому себѣ!

Теперь же вы знаете меня, друзья!—суетная наружность не ослѣпляетъ глазъ моихъ! Грозный взоръ вельможи, потрясающій всю нервную систему твари, имъ созданной—производитъ во мнѣ лишь улыбку, столь нерѣдко бывающую на устахъ моихъ: я привыкъ, дерзостной рукою срывая личину съ спесивой знатности, находить отсутствіе всѣхъ достоинствъ, а подъ мишурою пышныхъ словъ—вялое слабоуміе. Но чувство благоговѣнія къ старости до сихъ поръ еще сохранилось въ душѣ моей, только съ тою разницею, что прежде всякій старецъ казался мнѣ существомъ совершеннымъ; теперь же и въ старцахъ я умѣю открывать недостатки. Но таковыя открытія всегда были тягостны моему сердцу: они, разочаровывая меня, возмущали душу мою; въ семъ только случаѣ я не могъ смѣяться. Нѣсколько же дней тому назадъ произошла со мною большая перемѣна и въ семъ отношеніи, и вотъ какимъ образомъ:

Прижавшись къ углу въ моемъ кабинетѣ, съ Діодоромъ Сицилійскимъ въ одной рукѣ и съ греческимъ словаремъ въ другой, я путешествовалъ по Аравіи, по цвѣтущему острову Панхаи, наслаждался видомъ колесницы урановой и стоящаго на оной храма.

Воды, омывающія сей храмъ, названныя *водами солнца*, имѣли, какъ говорятъ, даръ чудный: испившій отъ нихъ молодѣлъ постепенно и, дошедши до возраста юноши, содѣлывался безсмертнымъ; но горе тому, который хотѣлъ въ одно мгновеніе сдѣлаться юнымъ! Желаніе его исполнялось,—но безразсудный продолжалъ молодѣть безпрестанно и умиралъ, пришедши въ состояніе однодневнаго младенца.—На свѣчѣ моей нагорѣло, глаза утрудились отъ долгаго чтенія, голова отяжелѣла отъ греческихъ аористовъ, сумракъ, усталость, баснословное сказаніе, мною читанное,—все это вмѣстѣ погрузило меня въ то сладостное состояніе, которое извѣстно всякому, знакомому съ умственными напряженіями, въ то состояніе, когда мы еще не можемъ отдать себѣ отчета въ новыхъ впечатлѣніяхъ, нами полученныхъ, когда родившіяся отъ нихъ бѣглыя, разнородныя мысли роятся въ головѣ нашей и мѣшаются съ чуждыми, часто безобразными призраками.

Въ такомъ состояніи былъ я: не знаю спалъ ли,

или нѣтъ,—но слушайте, друзья мои, что нарисовало предо мною причудливое воображеніе:

Взору моему представился храмъ Гемнѳеи, осѣненный пальмовыми деревьями,—мнѣ слышалося журчаніе *водъ солнца*, тихій зефиръ, вѣчно вѣющій надъ сими водами, касался лица моего. Берега сихъ водъ были покрыты толпами людей обоего пола, всѣхъ народовъ и состояній; но ни одного старца не было видно въ сихъ толпахъ: вездѣ были *дѣти*.

Приближаюсь, всматриваюсь,—и какое удивленіе меня поразило, когда я увидѣлъ, что всѣ тѣ, которые мнѣ казались изданы младенцами — были ими только по тѣлесной немощи и по своимъ занятіямъ; лицо измѣнило имъ: почти у всѣхъ оно было изрыто морщинами; впалые, съузившіеся глаза, беззубый ротъ, трясущіяся колѣна и другія принадлежности глубокой старости спорили съ младенческимъ ростомъ и ребяческимъ выраженіемъ. Нельзя описать, какое сильное отвращеніе производилъ видъ сихъ *стариковъ-младенцевъ!* Я содрогнулся, хотѣлъ бѣжать, но невидимая рука остановила меня и невидимый голосъ говоритъ мнѣ: „Наблюдай. Здѣсь видишь ты свѣтъ и людей, живущихъ въ немъ, въ истинномъ ихъ видѣ. Тотъ свѣтъ, въ которомъ ты обитаешь, есть мечтательный, всѣ дѣйствія, здѣсь происходящія, кажутся тамъ совсѣмъ иными!“

Я послушался и, скрѣпя сердце, продолжалъ продираться сквозь толпу младенцевъ. О! сколько тутъ знакомыхъ моихъ я увидѣлъ и какъ странны были ихъ занятія.

Многіе изъ младенцевъ подходили другъ къ другу; одинъ изъ нихъ съ величайшею важностію вынималъ мишурный мячикъ и кидалъ къ своему товарищу; товарищъ съ такою же важностію отвѣчалъ ему тѣмъ же мячикомъ; перекинувши его нѣсколько разъ такимъ образомъ, младенцы, не теряя своей важности, расходилися!

„Что это за игра такая?“ спросилъ я.— Она называется, отвѣчалъ мнѣ невидимый голосъ: *свѣтскими разговорами*. Эта игра весьма скучна, какъ ты видишь, но любимая у младенцевъ. Есть многіе изъ нихъ, которые до самой смерти безпрестанно занимаются ею и ничѣмъ болѣе“.

Къ дереву, возлѣ котораго я стоялъ, была прислонена тоненькая жердочка; многіе изъ младенцевъ старалися взобраться по ней на дерево; чего ни дѣлали они для достиженія своей цѣли! и низко сгибали спину, и ползли, и то хватался за младенцевъ, окружавшихъ дерево, то отталкивали ихъ; странно было то только, что когда кто поднимался нѣсколько выше другого по жердочкѣ, то младенцы старалися того назадъ отдергивать и между тѣмъ рукоплескали и кланялися ему; упавшаго же гнали и били немилосердно. Я замѣтилъ, что предметъ, привлекавшій болѣе всего младенцевъ къ этому дереву, былъ прекрасные плоды, на немъ висѣвшіе. Младенцы съ *низу* не замѣчали, что эти плоды были прекрасны только издали, но въ самомъ дѣлѣ были гнилы. „И это игра, сказалъ мнѣ голосъ; она называется *почестями безъ заслуги*“.

Весьма жалко мнѣ было смотрѣть на нѣкоторыхъ *юношей*, которыхъ *старики-младенцы* приводили къ дереву и, показывая имъ плоды, на немъ росшіе, съ важностію говорили, что эти плоды чрезвычайно вкусны и должны быть цѣлію жизни человѣческой,—что единственное средство для достиженія оной есть искусное перекидываніе мишурнаго мячика. Тщетно злополучные *юноши* обращали взоры къ чему-то высшему, непонятному для *стариковъ-младенцевъ*; упрямые старики, не давая имъ отдыха, заставляли перекидывать мячикъ.

„Не жалѣй! сказалъ мнѣ голосъ: это также игра, называемая *свѣтскимъ воспитаніемъ*. *Старики-младенцы*, правда, соблазнятъ многихъ *юношей*, но не остановятъ истинно презирающихъ эту ничтожную игру. Посмотри сюда, и ты увидишь подтвержденіе словъ моихъ“.

Я обратился, увидѣлъ... О! какъ мнѣ выразить словами то, что увидѣлъ я? — Небеснымъ огнемъ пламенѣли *ихъ* очи; ихъ не туманило ничтожное земное; душевная дѣятельность пылала во всѣхъ чертахъ, во всѣхъ движеніяхъ; они презирали шумный, суетный крикъ младенцевъ,—ихъ взоры быстро стремились къ *возвышенному*.

„Кто сіи невѣдомые?“ воскликнулъ я отъ избытка сердца.

Это *безсмертные!*—отвѣчалъ голосъ. Старики-младенцы не замѣчаютъ, что симъ безсмертнымъ юношамъ они обязаны почти существованіемъ, что сіи юноши, стремясь къ возвышенной цѣли своей, *мимоходомъ*, съ отеческою нѣжностію разливаютъ на нихъ дары свои; неблагодарные не понимаютъ ни дѣйствій, ни цѣли безсмертныхъ: одни смѣются надъ ними, другіе презираютъ, иные не обращаютъ вниманія, большая часть даже не знаетъ о существованіи сихъ юношей. Но вращаются вѣки, быстрые круговороты времени поглощаютъ въ безднѣ забвенія ничтожную толпу *стариковъ-младенцевъ*, и живутъ *безсмертные*—живутъ, и нѣтъ предѣла ихъ возвышенной жизни!

Кружокъ стариковъ-младенцевъ привлекъ мое вниманіе. Всѣ, составлявшіе оный, сидѣли наморщивъ брови, и съ важностію тщательно складывали песчинку къ песчинкѣ; имъ хотѣлось такимъ образомъ соорудить зданіе, подобное храму Гемнѳеи. „У васъ нѣтъ *основанія*, сказалъ, улыбаясь, одинъ изъ безсмертныхъ юношей, — у васъ нѣтъ даже *связи*, которая бы могла соединить ваши песчинки“.

Младенцы презрительно посмотрѣли на юношу—и спесиво указали ему на десять кое-какъ сложенныхъ песчинокъ, какъ бы говоря: вотъ гдѣ истинная мудрость!

„Тщетно! сказалъ мнѣ голосъ: отъ этой игры ихъ не отучишь; она называется: *опытными знаніями!*

Возлѣ сего кружка нѣсколько стариковъ-младенцевъ, еще болѣе угрюмыхъ, размѣривали землю для построенія того же зданія; но никакъ у нихъ дѣло не ладилось: только что безпрестанно ссорились и бранились!—и не мудрено! у всѣхъ были разномѣрные аршины!

„Мѣряйте однимъ и тѣмъ же аршиномъ!“ сказалъ безсмертный юноша. — Мой лучшій! мой лучшій! закричали они всѣ вмѣстѣ.

„Эти старики-младенцы думаютъ, сказалъ голосъ, что они нѣсколькими степенями выше младенцевъ, складывающихъ песчинки; но въ самомъ дѣлѣ также *въ игрушки играютъ*, лишь съ тою разницею, что эта игра имѣетъ другое названіе; она называется *офранцуженными теоріями*“.

Возлѣ меня нѣсколько стариковъ-младенцевъ играли въ игру весьма странную: одинъ изъ нихъ завязывалъ себѣ глаза, приходилъ въ мѣсто совершенно ему незнакомое и приказывалъ нѣкоторымъ юношамъ идти по дорогѣ, которую онъ, не видя, имъ указывалъ. Бѣдные юноши спотыкалися безпрестанно, слѣдуя въ точности руководству его; но упрямый старикъ увѣрялъ, что юноши спотыкаются отъ несовершеннаго исполненія его наставленій, и ежеминутно твердилъ о своей *опытности*.

„Эта игра въ большомъ употребленіи у *стариковъ-младенцевъ*, сказалъ мнѣ голосъ; она истинное торжество для ихъ слабоумія и называется *искусствомъ подавать совѣты*“.

Удаленный отъ всѣхъ подъ тѣнію миртоваго кусточка, сидѣлъ одинъ изъ *стариковъ-младенцевъ*; онъ подзывалъ каждаго проходящаго и съ глупою радостію показывалъ свою работу, но никто не

обращалъ на нее вниманія; по этому и по розовому платочку я тотчасъ узналъ моего друга Ахалкина; подхожу—и что же? Онъ вырѣзывалъ солдатиковъ изъ листочковъ розы, и мнилъ такою арміею въ прахъ разразить своего грознаго Аристарха! Повѣялъ легкій вѣтеръ,—исчезли труды Ахалкина; только на лицѣ его осталось никѣмъ не замѣченное выраженіе, которое не знаю какъ назвать—улыбкою или плачемъ, лишь знаю, что оно было—отвратительное!

Какъ исчислить мнѣ всѣ суетныя занятія *стариковъ-младенцевъ*, какъ исчислить неисчислимое? Одни пускали мыльные пузыри и увѣряли, что для сего потребны величайшія усилія и умъ высокій; другіе вили въ кудри сѣдые волосы и восхищалися своею безобразною красотою; третьи прозябали въ бездѣйствіи, но у всѣхъ на языкѣ вертѣлась *опытность!*

Не знаю, долго ли продолжалось мое видѣніе, но когда оно исчезло, я сдѣлался гораздо спокойнѣе.

Теперь, слышу ли я старика, порицающаго ученость, потому что самъ не имѣетъ ее, порицающаго всякую новизну за то, что она новизна; вижу ли старика, который хочетъ обмануть время не пріобрѣтеніемъ познаній, но подкрашенными волосами—ихъ невѣжество и слабоуміе не возмущаютъ меня болѣе, я вспоминаю о моемъ видѣніи и спокойно говорю себѣ: *„это старикъ-младенецъ!“*

Увы! я уже вижу поднимающуюся грозносмѣшную толпу *стариковъ-младенцевъ;* они обвиняютъ меня даже за то, что мнѣ могло представиться такое видѣніе. Но вы, юные друзья мои, скажите мнѣ: не тогда ли только долгая жизнь можетъ содѣлать человѣка *опытнымъ*, когда каждый день оной есть новый рядъ умствованій;—гдѣ же опытность *стариковъ-младенцевъ*, которою они столько хвалятся, когда бездѣйственность, или ничтожныя занятія потушили въ ихъ головахъ и послѣднюю искру размышленія?

Зевсъ посылаетъ намъ сны, говорили древніе. Мое видѣніе—не должно возбудить непочтеніе къ старости, но, напротивъ, еще больше произвесть благоговѣнія къ *старцамъ*, въ истинномъ, высокомъ значеніи сего слова.

Друзья! улыбку *старикамъ-младенцамъ* и на колѣна предъ *вѣчно-юными старцами!*

Алогій и Епименидъ.

Съ гасильникомъ въ рукѣ, съ закоренѣлою злобою въ сердцѣ, съ низкою робостію на челѣ, Алогій прокрался въ храмину, гдѣ Епименидъ, при мерцающемъ свѣтѣ лампады, изучался премудрости, куда сами боги сходили къ нему бесѣдовать.

Алогій видитъ лампаду; безсмысленный думаетъ, что она единственная вина мудрости Епименидовой, приближается и трепещущею рукою гаситъ ее; но пламя, пылавшее въ лампадѣ, было пламя божественное, самъ Аполлонъ возжигалъ его; не погасло оно отъ нечистаго прикосновенія Алогія;—но болѣе возгорѣлось, заклокотало, охватило всю храмину, въ прахъ обратило ничтожнаго—и снова тихо взвилось въ лампадѣ.

Невѣжды-гасильники! ужели ваши беззаконныя усилія погасятъ божественный пламень совершенствованія?—еще болѣе возгорится оно отъ нечистыхъ покушеній вашихъ, грозно истребитъ васъ и съ вашими ковами и опять запламенѣетъ съ прежнею силою.

Нѣтъ спора, что все это молодо, незрѣло и, можетъ быть, слишкомъ наивно; но нельзя отрицать, чтобъ въ этомъ не было одушевленія, жизни и мысли, хотя и выраженной въ формѣ, которая уже по самой сущности своей прозаична, какъ сбивающаяся на аллегорію. Нечего и доказывать, что теперь такой родъ сочиненій былъ бы страненъ и не могъ бы имѣть успѣха; но вѣдь это было писано *двадцать* лѣтъ назадъ,—а что является въ свое время, вдохновенное самобытною мыслію и запечатлѣнное талантомъ, то если не всегда сохраняетъ свою первоначальную свѣжесть и спадаетъ съ цѣны отъ времени, зато всегда имѣетъ, въ глазахъ мыслящаго человѣка, свою относительную, свою историческую важность. Эти апологи замѣчательны уже тѣмъ, что они не походили ни на что, бывшее до нихъ въ русской литературѣ; они не пользовались популярностію, потому что могли нравиться не всѣмъ. *Старички острова Панхаи* называли ихъ безнравственными; большинство публики, не находя въ нихъ ничего для фантазіи и не любя пищи, предлагаемой преимущественно для ума мыслящаго, пропустило ихъ безъ особеннаго вниманія; но зато юношество, одушевленное стремленіемъ къ *идеальному* въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ противоположности пошлой прозѣ жизни,—это юношество читало ихъ съ жадностью, и благодатны были плоды этого чтенія. Мы знаемъ это по собственному опыту, и кто умѣетъ судить о достоинствѣ вещей не по настоящему времени, а по ихъ историческому смыслу, кто помнитъ состояніе нашей литературы въ ту эпоху, когда лучшими журналами въ Россіи были „Вѣстникъ Европы“ и „Сынъ Отечества“ и еще не было „Московскаго Телеграфа“, когда читающая публика была несравненно малочисленнѣе нынѣшней,—тѣ согласятся съ нами.

Но князь Одоевскій не остановился на этихъ юношескихъ опытахъ; онъ скоро понялъ, что этотъ избранный, или, лучше сказать, созданный имъ родъ литературы прозаиченъ и однообразенъ. Онъ такъ мало даетъ цѣны этимъ первоначальнымъ опытамъ своимъ, что не захотѣлъ даже помѣстить ихъ въ собраніи своихъ сочиненій... Послѣдующіе его опыты, разбросанные преимущественно по альманахамъ, уже обнаружили въ немъ писателя столько же возмужавшаго, сколько и даровитаго. Не измѣняя своему истинному призванію, попрежнему оставаясь по преимуществу *дидактическимъ*, онъ въ то же время умѣлъ возвыситься до того поэтическаго краснорѣчія, которое составляетъ собою звено, связывающее оба эти искусства—краснорѣчіе и поэзію, и которое составляетъ истинную сущность таланта Жана-Поля Рихтера. Для доказательства ссылаемся на три лучшія произведенія князя Одоевскаго—„Бригадиръ“, „Балъ“ и „Насмѣшка Мертвеца“. Это уже не апологи, не аллегоріи: это живыя мысли созрѣвшаго ума, пере-

данныя въ живыхъ поэтическихъ образахъ. Несмотря на дидактическую цѣль этихъ произведеній, въ нихъ все горитъ и блещетъ яркими цвѣтами фантазіи, въ нихъ слышится одушевленный языкъ живого, страстнаго убѣжденія, они проникнуты паѳосомъ истины, они—не холодныя поученія, не резонерскіе нападки на пороки людей, не реторическія похвалы добродѣтели: они—пламенныя филиппики, исполненныя то грознаго пророческаго негодованія противъ ничтожности и мелочности положительной жизни, валяющейся въ грязи эгоистическихъ разсчетовъ, то молніеносныхъ образовъ надзвѣздной страны идеала, гдѣ живутъ высокія чувствованія, свѣтлыя мысли, благородныя стремленія, доблестные помыслы. Ихъ цѣль—пробудить въ спящей душѣ отвращеніе къ мертвой дѣйствительности, къ пошлой прозѣ жизни и святую тоску по той высокой дѣйствительности, идеалъ которой заключается въ смѣломъ, исполненномъ жизни сознаніи человѣческаго достоинства. Но, кромѣ того, важное преимущество этихъ пьесъ составляетъ ихъ близкое, живое соотношеніе къ обществу. Съ этой стороны они—не выдумки, не игрушки праздной фантазіи, не реторическія олицетворенія отвлеченныхъ мыслей, общихъ добродѣтелей и пороковъ, но уроки высокой мудрости, тѣмъ болѣе плодотворные, что ихъ корни скрываются глубоко въ почвѣ русской дѣйствительности. Прочтите „Бригадира“: это исторія многихъ тысячъ нашихъ бригадировъ,—исторія, къ несчастію, всегда одинаковая. Безпокойный и страстный юморъ составляетъ также одно изъ неотъемлемыхъ достоинствъ этихъ пьесъ и придаетъ имъ характеръ положительности, безъ котораго онѣ казались бы слишкомъ фантастическими, а потому и недостаточно дѣльными. Но какъ фантастическое лежитъ въ этихъ пьесахъ на существенномъ основаніи, то оно придаетъ имъ только еще болѣе сильный и увлекательный характеръ, поражая мысль черезъ посредство фантастическихъ образовъ, сверкающихъ яркими и причудливыми красками поэзіи. Для доказательства этого достаточно привести то мѣсто изъ „Бала“, гдѣ сѣдой капельмейстеръ, хвалясь своимъ умѣньемъ оживлять балъ искуснымъ подборомъ музыкальныхъ пьесъ, говоритъ, не оставляя смычка:

„Вотъ, слышите: это вопль донны Анны, когда донъ Хуанъ насмѣхается надъ нею; вотъ стонъ умирающаго коммандора; вотъ минута, когда Отелло начинаетъ вѣрить своей ревности, вотъ послѣдняя молитва Дездемоны“...

Еще долго капельмейстеръ исчислялъ мнѣ всѣ человѣческія страданія, получившія голосъ въ произведеніяхъ славныхъ музыкантовъ, но я не слушалъ его болѣе; я замѣтилъ въ музыкѣ что-то странное, обворожительно-ужасное: я замѣтилъ, что къ каждому звуку присоединялся другой звукъ, болѣе пронзительный, отъ котораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ становились на головѣ: прислушиваюсь—то какъ будто крикъ страждущаго младенца, или буйный вопль юноши, или визгъ спротѣющей матери, или трепещущее стенаніе старца, и всѣ голоса различныхъ терзаній человѣческихъ явились мнѣ разложенными по степенямъ одной безконечной гаммы, продолжавшейся отъ перваго вопля новорожденнаго до послѣдней мысли умирающаго Байрона: каждый звукъ вырывался изъ раздраженнаго нерва и каждый напѣвъ былъ судорожнымъ движеніемъ.

Этотъ странный оркестръ темнымъ облакомъ висѣлъ надъ танцующими; при каждомъ ударѣ оркестра вырывались изъ облака и громкая рѣчь негодованія, и прерывающійся лепетъ побѣжденнаго болью, и глухой говоръ отчаянія, и рѣзкая скорбь жениха, разлученнаго съ невѣстою, и раскаяніе измѣны, и крикъ разъяренной, торжествующей черни, и насмѣшки невѣрія, и безплодное рыданіе генія, и таинственная печаль лицемѣра, и стонъ страдальца, непризнаннаго своимъ вѣкомъ, и вопль человѣка, въ грязь втоптавшаго сокровищницу души своей, и болѣзненный голосъ изможденнаго долгою жизнію человѣка, и радость мщенія, и трепетаніе злобы, и томленіе жажды, и скрежетъ зубовъ и хрустъ костей, и плачъ, и взрыдъ, и хохотъ... и все сливалось въ неистовыя созвучія, которыя громко выговаривали проклятіе природѣ и ропотъ на провидѣніе; при каждомъ ударѣ оркестра выставлялись изъ него то посинѣлое лицо истерзаннаго пыткою, то трясущіяся колѣна убійцы, то замолчавшія уста убитаго тайною душевною грустію; изъ темнаго облака капали на паркетъ кровавыя слезы, по нимъ скользили атласные башмаки красавицъ... и все попрежнему вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ, холодномъ безуміи...

Еще богаче и внутреннимъ содержаніемъ, и стремительнымъ паѳосомъ, и фантастическипоэтическими образами пьеса — „Насмѣшка Мертвеца“. По нашему мнѣнію, это едва ли не лучшее произведеніе князя Одоевскаго и, въ то же время, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы, тѣмъ болѣе, что оно въ ней единственное въ своемъ родѣ. Мысль автора... но пусть эта мысль скажется сама, во всей прелести и во всей силѣ ея поэтическаго выраженія. Красавица, ѣдущая на балъ съ своимъ мужемъ, встрѣтила на дорогѣ гробъ и смутилась при взглядѣ на мертваго молодого человѣка, лежавшаго въ гробу.

Красавица нѣкогда видала этого молодого человѣка. Видала! она знала его, знала всѣ изгибы души его, понимала каждое трепетаніе его сердца, каждое недоговоренное слово, каждую незамѣтную черту на лицѣ его; она знала, понимала все это, но на ту пору одно изъ тѣхъ людскихъ мнѣній, которыя люди называютъ вѣчнымъ, необходимымъ основаніемъ семейственнаго счастія, и которому приносятъ въ жертву и геній, и добродѣтель, и состраданіе, и здравый смыслъ, все это на нѣсколько мѣсяцевъ, одно изъ такихъ мнѣній поставляло непреоборимую преграду между красавицею и молодымъ человѣкомъ. И красавица покорилась. Покорилась не чувству,—нѣтъ, она затоптала святую искру, которая было-затеплилась въ душѣ ея и, падши, поклонилась тому демону, который раздаетъ счастье и славу міра, и демонъ похвалилъ ея повиновеніе, далъ ей „хорошую партію“ и на-

звалъ ея разсчетливость—добродѣтелью, ея подобострастіе—благоразуміемъ, ея оптическій обманъ—влеченіемъ сердца; и красавица едва не гордилась его похвалою.

Но въ любви юноши соединялось все святое и прекрасное человѣка; ея роскошнымъ огнемъ жила жизнь его, какъ блестящій, благоухающій алоэсъ подъ опалою солнца юношѣ были родными тѣ минуты, когда надъ мыслію проходитъ дыханіе бурно; тѣ минуты, въ которыя живутъ вѣка, когда ангелы присутствуютъ таинству души человѣческой, и таинственные зародыши будущихъ поколѣній со страхомъ внимаютъ рѣшенію судьбы своей.

Да! много будущаго было въ этой мысли, въ этомъ чувствѣ. Но имъ ли оковать лѣнивое сердце свѣтской красавицы, безпрерывно охлаждаемое разсчетами приличій? Имъ ли плѣнить умъ, безпрестанно сводимый съ толку тѣми судьями общаго мнѣнія, которые постигли искусство судить о другихъ по себѣ, о чувствѣ по разсчету, о мысли по тому, что имъ случилось видѣть на свѣтѣ, о поэзіи по чистой прибыли, о вѣрѣ по политикѣ, о будущемъ по прошедшему?

И все было презрѣно: и безкорыстная любовь юноши, и силы, которыя она оживляла... Красавица назвала страсть юноши порывомъ воображенія, его мучительное терзаніе—преходящею болѣзнью ума, мольбу его взоровъ—модною поэтическою причудою. Все было презрѣно, все было забыто. Красавица провела его черезъ всѣ мытарства оскорбленной любви, оскорбленной надежды, оскорбленнаго самолюбія...

Что я разсказалъ долгими рѣчами, то въ одно мгновеніе пролетѣло черезъ сердце красавицы при видѣ мертваго: ужасною показалась ей смерть юноши,—не смерть тѣла, нѣтъ! черты искаженнаго лица разсказывали страшную повѣсть о другой смерти. Кто знаетъ, что сталось съ юношей, когда, сжатыя холодомъ страданія, порвались струны на гармоническомъ орудіи души его; когда изнемогъ онъ, замученный недоговоренною жизнію, когда истощилась душа на тщетное бореніе и, униженная, но не убѣжденная, съ хохотомъ отвергла даже сомнѣніе—послѣднюю святую искру души умирающей. Можетъ быть, она вызвала изъ ада всѣ изобрѣтенія разврата; можетъ быть, постигла сладость коварства, нѣгу мщенія, выгоды явной безстыдной подлости; можетъ быть, сильный юноша, распаливши сердце свое молитвою, проклялъ все доброе въ жизни! Можетъ быть, вся та дѣятельность, которая была предназначена на святой подвигъ жизни, углубилась въ науку порока, исчерпала ея мудрость съ тою же силою, съ которою она нѣкогда исчерпала бы науку добра; можетъ быть, та дѣятельность, которая должна была помирить гордость познанія съ смиреніемъ вѣры, слила горькое, удушающее раскаяніе съ самою минутою преступленія...

Картина бала и смятенія, произведеннаго страхомъ потопа, исполнена вдохновенія бурнаго и порывистаго, негодованія пророчески-энергическаго. Здѣсь краснорѣчіе возвышается до поэзіи, а поэзія становится трибуною. Чтобъ выписать все лучшее изъ этой пьесы, надобно было бы списать ее всю. Но мы думаемъ, что и этой выписки уже слишкомъ достаточно, чтобъ показать и высокій талантъ автора, и высокое его призваніе.

Было время, когда поэзію раздѣляли на эпическую, лирическую, драматическую и еще *дидактическую*. Но не столько ложность этого раздѣленія, сколько пошлость образцовъ дидактической поэзіи, изгнала изъ употребленія самое слово „дидактическій“, какъ синонимъ скуки, водянистости и прозаизма,—но это несправедливо. Хотя *сатира*, напримѣръ, и принадлежитъ къ лирической поэзіи, какъ выраженіе субъективнаго чувства, однако сатира не есть произведеніе собственной поэзіи, какъ пѣсня, элегія, ода, потому что въ ней всегда видна слишкомъ опредѣленная цѣль, и въ нее входитъ слишкомъ большой посторонній элементъ. Въ сатирѣ поэтъ является обличителемъ, адвокатомъ, проповѣдникомъ, а поэзія въ сатирѣ является больше какъ средство, нежели какъ самобытное искусство. Сатира одно изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ поэзія становится краснорѣчіемъ, краснорѣчіе—поэзіею. Знаменитые въ прошломъ вѣкѣ „Сады“ Делиля не принадлежатъ къ дидактической поэзіи, потому что они чужды какой бы то ни было поэзіи; но сатиры Ювенала, ямбы Барбье, пьеса Пушкина „Поэтъ и Чернь“, пьесы Лермонтова—„Печально я гляжу на наше поколѣнье“ и „Поэтъ“ суть произведенія столько же дидактическія, сколько и поэтическія. Дидактическая поэзія, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, есть то гремящее анаѳемою поученіе, то страстная рѣчь защитника добра; это родъ поэзіи наиболѣе соціальный и гражданскій. Отсюда понятно, что у Римлянъ явился величайшій сатирикъ въ мірѣ. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, чтобъ поэзія должна была попрежнему раздѣляться на эпическую, лирическую, драматическую и дидактическую: дидактической поэзіи нѣтъ, но есть *дидактизмъ*, который, какъ преобладающій элементъ, можетъ входить во всѣ три рода поэзіи, преимущественно же въ лирическую. Безъ паѳоса невозможна никакая поэзія, и дидактизмъ, чтобъ не убивать поэзіи, долженъ быть всегда преисполненъ страстнаго одушевленія. Въ древности были пѣвцы, обрекавшіе себя на возбужденіе въ гражданахъ чувствъ доблести и любви къ отечеству во время войнъ, и до насъ дошло нѣсколько одъ Тиртея, котораго антипоэтическіе, нелюбившіе изящныхъ искусствъ Спартанцы выпросили у Аѳинянъ, чтобъ онъ воспламенялъ своими пѣснями духъ храбрости въ ихъ воинствѣ во время кровавой борьбы ихъ съ Мессенцами. Почему же не быть поэтамъ, которые служили бы обществу, пробуждая и поддерживая въ его членахъ стремленіе къ сознанію, къ жизни умомъ и сердцемъ, единой сообразной съ человѣческимъ достоинствомъ жизни? И неужели эти гражданскіе тиртеи ниже тиртеевъ войны? *Храбрость* составляетъ одно изъ достоинствъ человѣка, особенно важное во время войны, но *человѣчность* всегда и вездѣ, въ войнѣ и мирѣ, есть высшая добро-

дѣтель, высшее достоинство человѣка, потому что безъ нея человѣкъ есть только животное, тѣмъ болѣе отвратительное, что вопреки здравому смыслу будучи внутри животнымъ, снаружи имѣетъ форму человѣка...

Мы выше сказали, что въ русской литературѣ нѣтъ произведеній, которыя бы, по своему духу и формѣ, могли относиться къ одному разряду съ тѣми пьесами князя Одоевскаго, о которыхъ говорено выше. Ихъ прототипа надо искать въ сочиненіяхъ Жана-Поля Рихтера, который, не будучи поэтомъ въ смыслѣ творчества, тѣмъ не менѣе обладалъ замѣчательно сильною фантазіею, и нерѣдко умѣлъ ею счастливо пользоваться для выраженія философскихъ и преимущественно нравственныхъ идей. Поэтому, мы смотримъ на Жана-Поля Рихтера, какъ на дидактическаго поэта. Талантъ этого рода имѣетъ еще то отличіе отъ таланта чисто поэтическаго, чисто творческаго, что онъ тѣсно связанъ съ одушевленіемъ одареннаго имъ лица къ нравственнымъ идеямъ. И потому мы нерѣдко видимъ, что люди, обладающіе чисто поэтическимъ талантомъ, сохраняютъ его долго, независимо отъ ихъ отношеній къ жизни; но когда писатель, котораго направленіе — преимущественно дидактическое, или привыкаетъ наконецъ къ холоду жизни, прежде возбуждавшему въ немъ громовое негодованіе, или допускать сомнѣнію ослабить въ себѣ энергію убѣжденія,—тогда его талантъ исчезаетъ вмѣстѣ съ упадкомъ его нравственной силы. Это потому, что такой талантъ есть своего рода добродѣтель.

Намъ не безъ основанія могутъ замѣтить, что такія произведенія, какъ „Бригадиръ“, „Балъ“ и „Насмѣшка Мертвеца“, могутъ читаться не всегда, и притомъ не во всякомъ расположеніи духа, и что для умовъ зрѣлыхъ и закаленныхъ въ борьбѣ съ жизнію подобный *дидактизмъ* не вполнѣ поучителенъ. Не споримъ противъ этого. Но какъ различны потребности возрастовъ и состояній, такъ различны и средства къ ихъ удовлетворенію. Есть люди, которые съ восторгомъ будутъ читать трагедію Шиллера, и въ которыхъ „Ревизоръ“, или „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ могутъ возбудить скорѣе болѣзненно непріятное чувство, нежели удовольствіе и восторгъ; и есть люди, которымъ геніальная комедія изъ современной жизни громче говоритъ о значеніи и смыслѣ великаго и прекраснаго на землѣ, нежели иная восторженная, исполненная кипѣніемъ юнаго чувства трагедія. Не будемъ разсуждать, которая изъ этихъ сторонъ права, которая неправа; мы даже думаемъ, что обѣ онѣ равно правы, ибо каждая изъ нихъ требуетъ того, что́ ей нужно, и обѣ достигаютъ одной и той же цѣли, идя по разнымъ путямъ. Какъ бы то ни было, но чтеніе такихъ произведеній, какъ „Бригадиръ“, „Балъ“ и „Насмѣшка Мертвеца“, производитъ на молодую душу, еще свѣжую, неподвергшуюся нечистому прикосновенію житейской суеты, дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю нервную систему. И подобный нравственный ударъ оставляетъ въ юной, исполненной благороднаго стремленія душѣ самыя благодатныя слѣдствія. Мы знаемъ это по собственному примѣру: мы помнимъ то время, когда избранная молодежь съ восторгомъ читала эти пьесы и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно неофиты говорятъ о таинствахъ своего ученія. И вотъ одна изъ причинъ, почему имя князя Одоевскаго, какъ писателя, болѣе извѣстно и знакомо всѣмъ, нежели его сочиненія: его сочиненія таковы, что могутъ или сильно нравиться, или совсѣмъ не могутъ нравиться, потому что годятся не для всѣхъ; а между тѣмъ, мнѣніе тѣхъ, которыхъ они могутъ сильно интересовать, слишкомъ важно и дѣйствительно даже для тѣхъ, которые сами не могутъ находить въ нихъ для себя особеннаго интереса. Къ этому надо присовокупить еще и то обстоятельство, что сочиненія князя Одоевскаго долго были разбросаны во множествѣ разныхъ альманаховъ и журналовъ, и что ихъ многіе печатно и хвалили и бранили, но никто не почелъ за нужное отдать публикѣ отчетъ, почему онъ ихъ хвалитъ или бранитъ. Впрочемъ, и не легко было бы дать такой отчетъ, потому что для этого критикъ принужденъ былъ бы прежде всего завалить свой столъ альманахами и журналами разныхъ годовъ. Вообще, нельзя не упрекнуть князя Одоевскаго, что онъ не собиралъ и не издавалъ своихъ сочиненій по мѣрѣ ихъ накопленія. Это было бы для него весьма важно: ему легче было бы судить о потребностяхъ времени по пріему публикою каждой книжки своихъ сочиненій и знать заранѣе, можетъ ли имѣть успѣхъ измѣненіе ихъ въ направленіи.

Послѣ всего сказаннаго нами по поводу пьесъ „Бригадиръ“, „Балъ“ и „Насмѣшка Мертвеца“, было бы безполезно распространяться о достоинствѣ такого рода произведеній, о высокомъ талантѣ ихъ автора, равно какъ и о неоспоримой важности его направленія и призванія. Но навсегда ли или по крайней мѣрѣ надолго ли авторъ остался ему вѣренъ?—вотъ вопросъ. Кромѣ этихъ трехъ пьесъ, помѣщенныхъ въ первой части, въ слѣдующихъ частяхъ мы находимъ еще нѣсколько въ такомъ же родѣ, каковы: „Городъ безъ имени“, „Новый Годъ“, „Черная Перчатка“, „Живой Мертвецъ“ и отрывки изъ „Пестрыхъ Сказокъ“; но въ этихъ уже, за

исключеніемъ первой, преобладаетъ юморъ, и онѣ, не теряя своего дидактическаго характера, начинаютъ наклоняться къ повѣсти. Изъ нихъ лучше другихъ кажется намъ „Новый Годъ".—„Живой Мертвецъ" написанъ какъ будто въ pendant къ „Бригадиру": въ ней та же мысль съ одной стороны, выраженная болѣе дѣйствительнымъ, нежели поэтическимъ образомъ, можетъ быть, болѣе уловимая для большинства, но съ другой стороны лишенная торжественности лирическаго одушевленія, которое составляетъ лучшее достоинство „Бригадира".—Что же касается до пьесы „Городъ безъ имени", она написана совершенно въ духѣ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ князя Одоевскаго; но основная мысль ея нѣсколько односторонняя. Авторъ нападаетъ на исключительно индюстріальное и утилитарное направленіе обществъ, думая видѣть въ немъ причину будто бы близкаго ихъ паденія. Автору можно возразить, что могутъ быть общества, основанныя на преобладаніи идеи утилитарности, но что общества, основанныя на исключительной идеѣ практической пользы, совершенно невозможны. Сколько можно замѣтить, авторъ намекаетъ на Сѣверо-Американскіе Штаты; но что можно сказать положительнаго объ обществѣ, которое такъ юно, что еще не доросло до эпохи уравновѣшиванія своихъ силъ и полной общественной организаціи? И кто можетъ сказать утвердительно, что въ этомъ странномъ, зарождающемся обществѣ не кроются элементы болѣе дѣйствительные и благородные, чѣмъ исключительное стремленіе къ положительной пользѣ? Вообще, мысль о возможности смерти для обществъ вслѣдствіе ложнаго направленія, слишкомъ пугаетъ автора. Въ пьесѣ „Послѣднее Самоубійство" онъ рѣшился даже нарисовать картину смерти всего человѣчества, которому уже ничего не осталось ни знать, ни дѣлать, потому что все уже узнано и сдѣлано...

Пьесы: Opere del Cavaliere Giambatista Piranesi", „Послѣдній Квартетъ Бетховена", „Импровизаторъ" и „Себастіанъ Бахъ", образуютъ собою особенную серію дидактическихъ произведеній, и всѣ онѣ возбудили, при своемъ появленіи, большое вниманіе. Въ нихъ развивается какая-нибудь или психологическая мысль, или взглядъ на искусство и художника. Первая изъ нихъ—„Opere del Cavaliere Giambatista Piranesi" есть—кто бы могъ подумать?—апоѳеоза сумасшествія!.. Ибо что́ другое, какъ не желаніе апоѳеозировать сумасшествіе, могло заставить автора взять на себя трудъ представить архитектора, который помѣшался на мысли строить зданія изъ горъ, переставлять горы съ мѣста на мѣсто, и дѣлать тому подобное?.. Такое состояніе, по нашему мнѣнію, отнюдь не показываетъ геніальности, но, напротивъ, свидѣтельствуетъ о слабой нервической натурѣ, которая не выдерживаетъ тяжести разумной дѣйствительности,—и Пиранези, таковъ, какимъ представляетъ его князь Одоевскій, достоинъ жалости, какъ всякій сумасшедшій, но не вниманія, какъ всякій замѣчательный человѣкъ. Геній творитъ великое, но возможное; о громадномъ, но невозможномъ можетъ мечтать только разстроенная и болѣзненная фантазія.—Въ „Импровизаторѣ" прекрасно развита мысль о безплодности и вредѣ знанія, пріобрѣтеннаго безъ труда и усилій, какъ источникѣ самаго пошлаго и тѣмъ не менѣе мучительнаго скептицизма, результатомъ котораго всегда бываетъ искреннее примиреніе съ пошлостью внѣшней жизни. „Себастіанъ Бахъ"—родъ біографіи-повѣсти, въ которой жизнь художника представлена въ связи съ развитіемъ и значеніемъ его таланта. Это скорѣе біографія таланта, чѣмъ біографія человѣка. Она вводитъ читателя въ святилище генія Баха и критически знакомитъ его съ нимъ. Жизнь Себастіана Баха изложена княземъ Одоевскимъ въ духѣ нѣмецкаго воззрѣнія на искусство и нѣмецкаго музыкальнаго вѣрованія, которое на итальянскую музыку смотритъ какъ на расколъ, которое, вмѣстѣ съ этимъ геніальнымъ и простодушнымъ старинnымъ мастеромъ, боится лучшаго въ мірѣ музыкальнаго инструмента — человѣческаго голоса, какъ слишкомъ исполненнаго страсти, профанирующей искусство въ той заоблачной и потому самому нѣсколько холодной сферѣ, въ которой эксцентрическіе Нѣмцы хотятъ видѣть царство истиннаго искусства. Однако, это нисколько не мѣшаетъ поэтической біографіи Себастіана Баха быть до того мастерски изложенною, до того живою и увлекательною, что ее нельзя читать безъ интереса даже людямъ, которые недалеки въ знаніи музыки. Это значитъ, что въ ней авторъ коснулся тѣхъ общихъ сторонъ, которыя и въ музыкантѣ прежде всего показываютъ художника, а потомъ уже музыканта.

„Imbroglio", „Сильфида", „Саламандра", „Южный Берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII столѣтія", „Княжна Мими" и „Княжна Зизи"—всѣ эти пьесы образуютъ собою рядъ повѣстей собственно. Лучшая между ними и одно изъ лучшихъ произведеній князя Одоевскаго есть „Княжна Мими". Несмотря на ея нисколько не лирическій характеръ, она вѣрна тому направленію таланта автора, которое мы столько уважаемъ и которое мы видимъ въ его пьесахъ „Бригадиръ", „Балъ" и „Насмѣшка Мертвеца".

Это мастерски написанная картина изъ свѣтскаго быта. Содержаніе ея очень просто: гибель прекрасной женщины, которую ожидало счастіе вдвоемъ и которая вполнѣ была достойна этого счастія,—гибель этой женщины отъ сплетни, сочиненной старою дѣвою. Вѣрный своему направленію, авторъ выводитъ наружу внутренній пафосъ повѣсти въ этихъ немногихъ, но пророчески обличительныхъ словахъ: „Есть поступки, которые преслѣдуются обществомъ: погибаютъ виновные, погибаютъ невинные. Есть люди, которые полными руками сѣютъ бѣдствіе, въ душахъ высокихъ и нѣжныхъ возбуждаютъ отвращеніе къ человѣчеству, словомъ, торжественно подпиливаютъ основанія общества,—и общество согрѣваетъ ихъ въ груди своей, какъ безсмысленное солнце, которое равнодушно всходитъ и надъ криками битвы и надъ молитвою мудраго". Но героиня повѣсти, княжна Мими, не принесена авторомъ въ жертву моральности: онъ раскрываетъ передъ читателями тѣ неотразимыя причины, вслѣдствіе которыхъ она должна была сдѣлаться злою сплетницею; онъ показываетъ, что гораздо прежде, нежели она начала подпиливать основы общества, это общество сгубило въ ней все хорошее и развило все дурное. Она была старая дѣва и знала, что такое „тихій шопотъ, непримѣтная улыбка, явныя или воображаемыя насмѣшки, падающія на бѣдную дѣвушку, которая не имѣла довольно искусства, или имѣла слишкомъ много благородства, чтобъ продать себя въ замужество по разсчетамъ". Превосходный разсказъ, простота и естественность завязки и развязки, выдержанность характеровъ, знаніе свѣта дѣлаютъ „Княжну Мими" одною изъ лучшихъ русскихъ повѣстей.

Повѣсть „Княжна Зизи" уступаетъ въ достоинствѣ повѣсти „Княжна Мими",—что однакожъ не мѣшаетъ и ей быть интересною и занимательною. Основная идея—положеніе въ обществѣ женщины, которая по своему сердцу, по душѣ составляетъ исключеніе изъ общества, и дорого платитъ за свое незнаніе людей и жизни, которымъ слишкомъ довѣрялась, потому что судила о нихъ по самой себѣ.

„Сильфида" принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ князя Одоевскаго, въ которыхъ онъ рѣшительно началъ уклоняться отъ своего прежняго направленія, въ пользу какого-то страннаго фантазма. Отсюда происходитъ то, что съ сихъ поръ каждое изъ его произведеній имѣетъ двѣ стороны—сторону достоинствъ и сторону недостатковъ. Пока авторъ держится дѣйствительности, его талантъ увлекателенъ попрежнему и проблесками поэзіи и необыкновенно умными мыслями; но какъ скоро впадаетъ онъ въ фантастическое, изумленный читатель поневолѣ задаетъ себѣ вопросъ: шутитъ съ нимъ авторъ, или говоритъ серьезно? Герой повѣсти „Сильфида" очень занимаетъ насъ, пока мы видимъ его въ простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ къ людямъ и жизни; но наше участіе къ нему, несмотря на искусство и высокій талантъ автора, тотчасъ погасаетъ, какъ скоро онъ началъ отыскивать какую-то Сильфиду на днѣ миски съ водою и бирюзовымъ перстнемъ. Авторъ (сколько можемъ мы понять при нашемъ совершенномъ невѣжествѣ въ дѣлахъ волшебства, видѣній и галлюцинацій) хотѣлъ въ героѣ „Сильфиды" изобразить идеалъ одного изъ тѣхъ *высокихъ безумцевъ*, которыхъ внутреннему созерцанію (будто бы) доступны сокровенныя и превыспреннія тайны жизни. Но, увы! уваженіе къ безумцамъ давно уже, и притомъ безвозвратно, прошло въ просвѣщенной Европѣ, и вдохновенныхъ *сантоновъ* уважаютъ теперь только въ непросвѣщенной Турціи!.. Точно то же можно сказать и о двухъ большихъ повѣстяхъ, которыя, впрочемъ, не особыя повѣсти, а двѣ части одной и той же повѣсти — „Саламандра" и „Южный Берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII столѣтія". Тутъ есть прекрасныя картины быта Финновъ, прекрасная финская легенда о борьбѣ Петра Великаго съ Карломъ XII-мъ; есть картины русскаго быта при Петрѣ Великомъ и вскорѣ послѣ него, есть удачные очерки характеровъ; сама эта полудикая Эльса, въ противоположности съ *образованною* Марьею Егоровною, такъ интересна... Но Саламандра, ея роль въ повѣсти, разныя магнетическія и другія чудеса, исканіе философскаго камня и *обрѣтеніе онаго*,—все это было для насъ непонятно; а чего мы не понимаемъ, тѣмъ не можемъ и восхищаться... Притомъ же мы имѣемъ глубокое и твердое убѣжденіе, что такія пружины для возбужденія интереса въ читателяхъ уже давно устарѣли и ни на кого не могутъ дѣйствовать. Теперь вниманіе толпы можетъ покорять только сознательно разумное, только разумно дѣйствительное, а волшебство и видѣнія людей съ разстроенными нервами принадлежитъ къ вѣдѣнію медицины, а не искусства. И что было плодомъ этого новаго направленія князя Одоевскаго?—„Необойденный Домъ", въ которомъ едва ли что-нибудь поймутъ какъ образованные люди, не для которыхъ писана эта странно фантастическая повѣсть, такъ и простолюдины, для которыхъ она писана, и которые, вѣроятно, никогда не узнаютъ о ея существованіи!..

Но это направленіе явилось въ сочиненіяхъ князя Одоевскаго не въ послѣднее

только время. Еще въ 1833 году издалъ онъ свои „Пестрыя Сказки“, въ которыхъ было нѣсколько прекрасныхъ юмористическихъ очерковъ, какъ, напримѣръ: „Исторія о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ“; „Сказка о томъ, по какому случаю коллежскому совѣтнику Отношенью не удалось въ свѣтлое воскресенье поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ“, „Сказка о мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ“. Но между этими очерками была пьеса „Игоша“, въ которой все непонятно, отъ перваго до послѣдняго слова, и которая, поэтому, вполнѣ заслуживаетъ названіе *фантастической*. Мы имѣемъ причины думать, что на это фантастическое направленіе нашего даровитаго писателя имѣлъ большое вліяніе Гофманъ. Но фантазмъ Гофмана составлялъ его натуру, и Гофманъ въ самыхъ нелѣпыхъ дурачествахъ своей фантазіи умѣлъ быть вѣрнымъ идеѣ. Поэтому весьма опасно подражать ему: можно занять и даже преувеличить его недостатки, не заимствовавъ его достоинствъ. Сверхъ того, фантазмъ составляетъ самую слабую сторону въ сочиненіяхъ Гофмана; истинную и высокую сторону его таланта составляетъ глубокая любовь къ искусству и разумное постиженіе его законовъ, ѣдкій юморъ и всегда живая мысль.

Можетъ быть, это же вліяніе Гофмана заставило князя Одоевскаго дать странную форму первой части его сочиненій, которую онъ отличилъ отъ другихъ страннымъ названіемъ „Русскихъ Ночей“. Подобно знаменитымъ *Серапіоновымъ Братьямъ*, онъ заставилъ нѣсколько молодыхъ людей бесѣдовать по ночамъ о жизни, наукѣ, искусствѣ и тому подобныхъ предметахъ. Вслѣдствіе этого, лучшія пьесы его — „Бригадиръ“, „Балъ“, „Насмѣшка Мертвеца“, „Импровизаторъ“ и „Себастіанъ Бахъ“, написанныя имъ гораздо прежде, нежели, можетъ быть, родилась у него мысль о *русскихъ ночахъ*, явились въ какой-то неестественной и насильственной связи между собою: онѣ читаются *Фаустомъ* (предсѣдателемъ *русскихъ ночей*) изъ какой-то рукописи по поводу разговоровъ его съ друзьями о разныхъ предметахъ. Разумѣется, эти разговоры пригнаны авторомъ къ разсказамъ, а потому разсказы не совсѣмъ вяжутся съ разговорами. Но это еще не все: разговоры ослабляютъ впечатлѣніе разсказовъ. Правда, эти разговоры, или бесѣды, имѣютъ большую занимательность, исполнены мыслей; но почему же было не сдѣлать автору изъ нихъ особой статьи? Онъ отчасти и сдѣлалъ это въ „Эпилогѣ“, который имѣетъ большое достоинство, но безъ всякаго отношенія къ разсказамъ, и къ которому мы еще обратимся. Вторая часть названа „Домашними Разговорами“, хотя это названіе можетъ относиться только развѣ къ повѣсти „Княжна Мими“, а ко всѣмъ другимъ разсказамъ и повѣстямъ, вошедшимъ въ эту часть, нисколько нейдетъ. Не понимаемъ, къ чему все это, если не къ тому, чтобъ давать противъ себя оружіе своимъ литературнымъ недоброжелателямъ, которыхъ у князя Одоевскаго, какъ у всякаго сильно даровитаго писателя, очень много, и которые рады будутъ обратить все свое вниманіе на эти мелочи, чтобъ не обратить никакого вниманія на существенныя стороны его сочиненій!

Въ „Эпилогѣ“, какъ выводѣ изъ предшествовавшихъ разговоровъ, развивается мысль о нравственномъ гніеніи Запада въ настоящее время. Въ лицѣ Фауста, который играетъ главную роль во всѣхъ этихъ разговорахъ и въ „Эпилогѣ“ особенно, — авторъ хотѣлъ изобразить человѣка нашего времени, впавшаго въ отчаяніе сомнѣнія, и уже не въ знаніи, а въ произволѣ чувства ищущаго разрѣшенія на свои вопросы. Слѣдовательно, это—своего рода повѣсть, въ которой авторъ представляетъ извѣстный характеръ, не отвѣчая за его дѣйствія или за его мнѣнія. Другими словами: этотъ „Эпилогъ“ есть вопросъ, который авторъ предлагаетъ обществу, не принимая на себя обязанности рѣшить его. Мы очень рады, что въ лицѣ этого *выдуманнаго* Фауста мы можемъ отвѣтить на важный вопросъ всѣмъ *дѣйствительнымъ* Фаустамъ такого рода. Фаустъ князя Одоевскаго—надо отдать ему полную справедливость — говоритъ о дѣлѣ съ знаніемъ дѣла, говоритъ не общими мѣстами, а со всею оригинальностью самобытнаго взгляда, со всѣмъ одушевленіемъ искренняго, горячаго убѣжденія. И между тѣмъ, въ его словахъ столько же парадоксовъ, сколько истинъ, а въ общемъ выводѣ онъ совершенно сходится съ такъ называемыми „славянофилами“ [1]). Пока онъ говоритъ объ ужасахъ царствующаго въ Европѣ пауперизма (бѣдности), о страшномъ положеніи рабочаго класса, умирающаго съ голоду въ кровожадныхъ, разбойничьихъ когтяхъ фабрикантовъ и разнаго рода подрядчиковъ и собственниковъ, о всеобщемъ скептицизмѣ и равнодушіи къ дѣлу истины и убѣжденія,—когда говоритъ онъ обо всемъ этомъ, нельзя не соглашаться съ его доказательствами, потому что они опираются и на логикѣ и на фактахъ. Да, ужасно въ нравственномъ отношеніи состояніе современной Европы! Скажемъ болѣе: оно уже никому не новость, особенно для самой Ев-

[1]) Здѣсь это слово уже не обозначаетъ собою „шишковистовъ“, какъ въ предыдущихъ статьяхъ Бѣлинскаго (см. выше, стр. 519, 618, 642), а употребляется въ общепринятомъ впослѣдствіи смыслѣ.

ропы, и тамъ объ этомъ и говорятъ и пишутъ еще гораздо съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла и бо́льшимъ убѣжденіемъ, нежели въ состояніи дѣлать это кто-либо у насъ. Но какое же заключеніе должно сдѣлать изъ этого взгляда на состояніе Европы? — Неужели согласиться съ Фаустомъ, что Европа того и гляди прикажетъ долго жить, а мы, Славяне, напечемъ блиновъ на весь міръ, да и давай поминки творить по покойницѣ?.. Подобная мысль, еслибъ о ея существованіи узнала Европа, никого не ужаснула бы тамъ... Нельзя такъ легко дѣлать заключенія о такихъ тяжелыхъ вещахъ, какова смерть—не только народа (морить народовъ намъ ужъ ни по чемъ), но цѣлой и притомъ лучшей, образованнѣйшей части свѣта. Европа больна, — это правда, но не бойтесь, чтобъ она умерла: ея болѣзнь отъ избытка здоровья, отъ избытка жизненныхъ силъ; это болѣзнь временная, это кризисъ внутренней, подземной борьбы стараго съ новымъ; это— усиліе отрѣшиться отъ общественныхъ основаній среднихъ вѣковъ и замѣнить ихъ основаніями, на разумѣ и натурѣ человѣка основанными. Европѣ не въ первый разъ быть больною: она была больна во время крестовыхъ походовъ и ждала тогда конца міра; она была больна передъ реформаціею и во время реформаціи, — а вѣдь не умерла же къ удовольствію господъ-душеприказчиковъ ея! Идя своею дорогою развитія, мы, Русскіе, имѣемъ слабость всѣ явленія западной исторіи мѣрять на свой собственный аршинъ; мудрено ли послѣ этого, что Европа представляется намъ то домомъ умалишенныхъ, то безнадежною больною? мы кричимъ: *Западъ! Востокъ! Тевтонское племя! Славянское племя!* — и забываемъ, что подъ этими словами должно разумѣть *человѣчество*... Мы предвидимъ наше великое будущее; но хотимъ непремѣнно имѣть его на счетъ смерти Европы: какой поистинѣ *братскій* взглядъ на вещи! Не лучше ли, не человѣчнѣе ли, не гуманнѣе ли разсуждать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развитіе, великіе успѣхи въ будущемъ, но и развитіе Европы и ея успѣхи пойдутъ своимъ чередомъ? Неужели для счастія одного брата непремѣнно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная и не христіанская мысль!..

Говоря о хаотическомъ состояніи науки и искусства Европы, Фаустъ, въ книгѣ князя Одоевскаго, много говоритъ справедливаго и дѣльнаго; но взглядъ его вообще тѣмъ не менѣе одностороненъ, парадоксаленъ. Все, что говоритъ онъ о преобладаніи опытныхъ наблюденій и мелочнаго анализа въ естественныхъ наукахъ, — все это отчасти справедливо; тѣмъ не менѣе, нельзя согласиться съ нимъ, чтобъ это происходило отъ нравственнаго гніенія, отъ погасающей жизни: скорѣе можно думать, что для естественныхъ наукъ не настало еще время общихъ философскихъ основаній именно по недостатку фактовъ, которые могутъ быть добыты только опытными наблюденіями, и что этотъ-то современный эмпиризмъ и долженъ современемъ пріуготовить философское развитіе естественныхъ наукъ. Тотъ же смыслъ имѣетъ и эта дробность знаній, вслѣдствіе которой одинъ, занимаясь математикою, считаетъ себя въ правѣ не имѣть понятія объ исторіи, а другой, занимаясь политическою экономіею, полагаетъ своею обязанностью быть невѣждою въ теоріи искусства. Но что въ этомъ должно видѣть только переходное, слѣдовательно, временное состояніе, переломъ, а не косненіе, какъ предвѣстникъ близкой смерти,—это доказываютъ слова самого Фауста, что всѣ чувствуютъ и сознаютъ недостатокъ общихъ началъ въ наукахъ и необходимость знанія, какъ чего-то цѣлаго, какъ науки о жизни, о бытіи, о сущемъ, въ обширномъ значеніи этого слова, а не какъ науки то объ этомъ предметѣ, то о томъ. Смерть обществъ всегда предшествуется пошлымъ самодовольствомъ, всеобщею удовлетворенностью, мелочами, полнымъ примиреніемъ съ тѣмъ, что̀ есть и ка̀къ есть. Въ умирающихъ обществахъ нѣтъ криковъ и воплей на недостаточность настоящаго, нѣтъ новыхъ идей, новыхъ ученій, нѣтъ страдальцевъ за истину, нѣтъ борьбы,— все тихо подъ зеленою плѣсенью гніющаго болота. То ли мы видимъ въ Европѣ? Фаустъ видитъ тамъ совершенную гибель искусства, говоритъ о Россини, о Беллини—и не говоритъ о Мейерберѣ. И давно ли были тамъ Моцартъ и Бетховенъ? И неужели Европа каждый годъ обязана представлять по новому генію во всѣхъ родахъ, — иначе она умерла? Четыре такіе мыслителя, какъ Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель, непосредственно явившіеся одинъ за другимъ: неужели этого мало? И если теперь даже философія Гегеля относится въ Германіи къ ученіямъ, уже совершившимъ свой кругъ, теперь, когда самъ великій Шеллингъ, имѣвшій несчастіе пережить свой разумъ, не успѣлъ никого обморочить своими таинственными тетрадками, которыми столько лѣтъ обѣщалъ разрѣшить альфу и омегу мудрости, неужели все это не показываетъ, какой великій шагъ сдѣлало въ Германіи мышленіе?... Но Фаустъ принадлежитъ, по своей натурѣ, къ тѣмъ замѣчательно эластическимъ, широкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и робкимъ умамъ, которые вѣчно обманываются оттого, что слишкомъ боятся обмануться. Для такихъ умовъ быстрое паденіе доктринъ и системъ есть доказательство ихъ ничтожности. Они вѣрятъ только въ истину абстрактную, которая бы вдругъ

родилась совсѣмъ готовая, какъ Паллада изъ головы Зевса, и всѣ бы тотчасъ единодушно признали ее и поклонились ей. По недостатку историческаго такта эти умы не могутъ понять, что истина развивается исторически, что она сѣется, поливается пòтомъ и пòтомъ жнется, молотится и вѣется, и что много шелухи должно отвѣять, чтобъ добраться до зеренъ. Кантъ и Фихте должны были увидѣть въ Шеллингѣ свой конецъ, но не потому, чтобъ онъ доказалъ безплодность ихъ труда, а потому, что все сдѣланное ими или послужило основаніемъ для его труда, или вошло въ его трудъ какъ плодотворный элементъ. Такъ и все идетъ въ исторіи подобнымъ же образомъ: одно событіе рождаетъ другое, одинъ великій человѣкъ служитъ ступенью для другого; люди тутъ могутъ терять, и какому-нибудь Шеллингу, конечно, не легко сознаться, что не только его, нѣкогда великаго вождя времени, но даже и того, кто первый заслонилъ его собою и кто давно уже спитъ сномъ вѣчности, даже и того далеко обогнали имъ же вызванныя на трудъ и дѣло новыя поколѣнія!... Удивительно ли, что Фаустъ не видитъ прогресса въ наукахъ, утверждая, что древніе знали больше нашего въ тайнахъ природы, что алхимики среднихъ вѣковъ владѣли чуть ли не тайною философскаго камня, который могъ и золото дѣлать и людямъ безсмертіе физическое давать? Удивительно ли, что Фаустъ въ исторіи видитъ только хаосъ фактовъ, которые, будто бы, теперь всякій толкуетъ по-своему? — Для кого настоящее не есть выше прошедшаго, а будущее выше настоящаго, тому во всемъ будетъ казаться застой, гніеніе и смерть. Умы въ родѣ Фауста—истинные мученики науки; чѣмъ больше они знаютъ, тѣмъ меньше они владѣютъ знаніемъ. Знаніе дѣлаетъ ихъ маятниками, и они лучше весь вѣкъ будутъ качаться, нежели на чемъ-нибудь остановиться, боясь остановиться на неистинѣ. Это люди, жаждущіе истины, съ благородною ревностію стремящіеся къ ней, и въ то же время скептики поневолѣ. Но ужъ проходитъ время скептицизма, и теперь всякое простое, честное убѣжденіе, даже ограниченное и односторонее, цѣнится больше, чѣмъ самое многостороннее сомнѣніе, которое не смѣетъ стать ни убѣжденіемъ, ни отрицаніемъ, и поневолѣ становится безцвѣтною и болѣзненною мнительностію.

Но Фаустъ не останавливается на сомнѣніи и идетъ къ убѣжденію. Посмотримъ на его убѣжденіе. Онъ ищетъ шестой части свѣта и народа, хранящаго въ себѣ тайну спасенія міра... находитъ его — и тутъ же спрашиваетъ себя: „не мечта ли это самолюбія?“—Неужели это убѣжденіе!..

Фаустъ, между прочимъ, доказываетъ, что мы угадали исторію прежде исторіи, посредствомъ поэтическаго магизма, безъ предварительной разработки матеріаловъ—и указываетъ на исторію Карамзина!.. Неужели же Фаусту неизвѣстно, что теперь всѣ бросили мысль писать исторію и принялись за разработку историческихъ матеріаловъ, ибо убѣдились, что исторія прежде исторіи можетъ быть только попыткою, пожалуй, и прекрасною, но изъ которой выходитъ не исторія, а историческая поэма?.. Великое дѣло видитъ Фаустъ въ томъ, что наша поэзія началась сатирою—судомъ народа надъ самимъ собою... А ларчикъ просто открывался! Такъ какъ наша поэзія была заимствованіе, нововведеніе, то наши поэты и пустились подражать кто кому вздумалъ, и какой-нибудь Сумароковъ былъ и трагикъ, и комикъ, и лирикъ, и баснописецъ, писалъ и оды на иллюминаціи и сатиры на подъячихъ. Пушкинъ (говоритъ Фаустъ) разгадалъ характеръ русскаго лѣтописца въ „Борисѣ Годуновѣ“: разгадалъ ли, полно? Не заставилъ ли онъ его *по Гердеру*, но только русскимъ складомъ, дѣлать апоѳеозу исторіи, т.-е. говорить вещи, которыя не могли прійти въ голову ни одному лѣтописцу, ни европейскому, ни русскому? Покажите намъ хоть одну лѣтопись, которая бы оправдывала возможность такого взгляда на значеніе историка со стороны простодушнаго лѣтописца XVI вѣка? [1]). Но г. Хомяковъ, по мнѣнію Фауста, глубоко проникнулъ въ характеръ еще труднѣйшій, въ характеръ русской женщины-матери (въ „Дмитріи Самозванцѣ“), а г. Лажечниковъ воспроизвелъ характеръ и еще труднѣйшій—древней русской дѣвушки (въ „Басурманѣ“)... Что сказать на это?.. Мы ничего не скажемъ...

И между тѣмъ, повторяемъ, въ „Эпилогѣ“ столько ума; многіе даже изъ парадоксовъ его такъ остроумны и оригинальны, написанъ онъ такъ живо и увлекательно, что отъ него нельзя оторваться, не дочитавъ его до конца.

Отъ „Эпилога“ перейдемъ къ „Сказкѣ о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому Проспекту“ и „Той же сказкѣ, только наизворотъ“. Она была напечатана еще въ 1833 году, въ „Пестрыхъ Сказкахъ“, и ея содержаніе извѣстно многимъ. Героиня ея—*славянская дѣва*, которая, какъ всѣ славянскія дѣвы, была бы чудомъ красоты, ума и чувства, еслибъ заморскій басурманъ, при помощи безмозглой французской головы, чуткаго нѣмецкаго носа съ ослиными ушами и туго набитаго англій-

[1]) Ср. съ аналогичнымъ мнѣніемъ Бѣлинскаго въ десятой изъ его пушкинскихъ статей (т. III).

скаго живота, не вырѣзалъ изъ нея души и сердца и не превратилъ ея въ куклу. Эта сказочка навела насъ на мысль объ удивительной смѣтливости русскаго человѣка всегда выйти правымъ изъ бѣды и сложить вину если не на сосѣда, то на чорта, если не на чорта, то на какого-нибудь мусье... Дѣвушка шла по Невскому Проспекту съ десятью своими подругами, въ сопровожденіи трехъ маменекъ, которыя умѣли считать только до десяти, какъ ворона умѣетъ считать только до четырехъ. Нѣтъ спора, что подобныя дамы были въ состояніи дать превосходное воспитаніе своимъ дочерямъ, еслибъ не подвернулся проклятый басурманъ... Г. Кивакель тоже, должно быть, воспитанъ былъ басурманами, а оттого и получилъ способность жить только трубкою и лошадьми... И между тѣмъ, какое изложеніе, сколько таланта потрачено на эту сказку!..

Но мы рекомендуемъ читателямъ вмѣсто этой сказки прочесть домашнюю драму— „Хорошее жалованье, приличная квартира, столъ, освѣщеніе и отопленіе“, чтобы насладиться произведеніемъ, столь же прекраснымъ по мысли, сколько и по выполненію. Это одно изъ лучшихъ произведеній князя Одоевскаго.

Особенно замѣчательна также послѣдняя статья въ третьей части: „О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ“. Она была написана еще въ 1836 году и напечатана въ „Современникѣ“ Пушкина. Въ ней авторъ нападаетъ на вредную разсчетливость нѣкоторыхъ литераторовъ, которые льстятъ невѣжеству толпы, браня просвѣщеніе... Увы! съ 1836 года много воды утекло и мы жалѣемъ, что князь Одоевскій не передѣлалъ своей прекрасной статьи, чтобъ воспользоваться огромнымъ множествомъ новыхъ фактовъ о гоненіи, воздвигнутомъ противъ просвѣщенія и литературы тѣми же самыми людьми, которые называются то учеными, то литераторами. Остроумному и энергичному перу князя Одоевскаго много дали бы матеріаловъ одни такъ называемые „славянолюбы“ и „квасные патріоты“, которые во всякой живой, современной человѣческой мысли видятъ вторженіе лукаваго, гніющаго Запада.

Статья „О враждѣ къ просвѣщенію“ важна еще и какъ объясненіе нѣкоторыхъ критикъ на сочиненія князя Одоевскаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иному критику можно находить что-нибудь хорошее въ сочиненіяхъ этого автора, если онъ имѣлъ неудовольствіе вычитать въ нихъ строки о томъ, какъ пишутся у насъ историческіе романы, о томъ, какъ смѣются у насъ надъ умомъ человѣческимъ, называя его надувалою и тому подобнымъ? [1]). Не хотите ли знать, какъ пишутся у насъ историческіе романы и трагедіи?

„Тогда догадались и наши такъ называемые сочинители: попробовали — трудно; наконецъ взялись за умъ, раскрыли Исторію Карамзина, вырѣзали изъ нея нѣсколько страницъ, склеили вмѣстѣ, и къ неописанной радости сдѣлали разомъ три открытія: 1) что такое произведеніе читатели съ небольшимъ усиліемъ могутъ принять за романъ или за трагедію, 2) что съ русскаго переводить гораздо удобнѣе, нежели съ иностраннаго, и 3) что, слѣдственно, сочинять совсѣмъ не такъ трудно, какъ прежде полагали. Въ самомъ дѣлѣ, смотришь— русскія имена, а та же французская мелодрама. И многіе, многіе пустились въ драмы и особенно въ романы; а критика—этотъ позоръ русской литературы, уставила для сихъ произведеній особыя правила, за недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ, рѣшила, что настоящіе русскіе нравы сохранились между нынѣшними извозчиками, и вслѣдствіе того осудила какого-либо потомка Ярославичей читать изображеніе характера своего знаменитаго предка, въ точности списанное съ его кучера; вслѣдствіе тѣхъ же правилъ, кто употреблялъ русскія имена, того критика называла національнымъ трагикомъ, кто безсовѣстнѣе выписывалъ изъ Карамзина, того называла національнымъ романистомъ, и гг. А, Б, В хвастались передъ читателями, а читатели радовались, что въ романѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы не было взято изъ исторіи; многіе находили это средство очень полезнымъ для распространенія историческихъ понятій“.

Не хотите ли знать, какъ у насъ обращаются съ наукою?

„Отличительнымъ характеромъ нашихъ сатириковъ сдѣлалось попадать рѣдко и мѣтить всегда мимо. Два-три человѣка занимаются у насъ агрономіею; благомыслящіе люди дѣлаютъ неимовѣрныя усилія, чтобы распространить прямое знаніе о сей наукѣ, которое одно можетъ отвратить грозящее нашимъ нивамъ безплодіе; два-три человѣка собираются толковать о философскихъ системахъ, по слуху извѣстныхъ нашимъ литераторамъ; такъ называемые ученые (т.-е. между литераторовъ) съ грѣхомъ пополамъ щечатся вокругъ словарей и энциклопедій; а наши нравоописатели толкуютъ о вредѣ, происходящемъ отъ излишней учености, о вредѣ машинъ, пишутъ романы и повѣсти, комедіи, въ которыхъ выводятся на сцену какіе-то господа Верхоглядовы, не только несуществующіе, но невозможные въ Россіи; выводятся философы, агрономы, нововводители, какъ-будто бы существованіе этихъ лицъ было характерною чертою въ нашемъ обществѣ! Названія наукъ, неизвѣстныхъ нашимъ сатирикамъ, служатъ для нихъ обильнымъ источникомъ для шутокъ, словно для школьниковъ, досадующихъ на ученость своего строгаго учителя; лучшіе умы нашего и прошедшаго времени: Шампольйонъ, Шеллингъ, Гегель, Гаммеръ, особенно Гаммеръ, снискавшіе признательность всего просвѣщеннаго міра, обращены въ предметы лакейскихъ насмѣшекъ; „лакейскихъ“ говоримъ, ибо цинизмъ ихъ таковъ, что можетъ быть порожденъ лишь грубымъ, неблагодарнымъ невѣжествомъ. Отъ этого созданія нѣкоторыхъ изъ нашихъ романистовъ доходятъ до совершенной нелѣпости“.

---

[1]) Слѣдующія ниже цитаты направлены противъ Булгарина и Сенковскаго, съ его „Библіотекою для Чтенія“.

Но вотъ черта, еще болѣе характеристическая, и которую особенно слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію:

„Любопытнѣе всего знать: что̀ дѣлали читатели?.. А читателямъ что за дѣло? Были бы книги. Случалось ли вамъ спрашивать у дѣвушки, недавно вышедшей изъ пансіона: какую вы читаете книжку? „Французскую“, отвѣчаетъ она; въ этомъ отвѣтѣ разгадка неимовѣрнаго успѣха многихъ книгъ скучныхъ, нелѣпыхъ, напитанныхъ площаднымъ духомъ. Да, читатели хотятъ читать, и потому читаютъ все: „лучшая приправа къ обѣду“, говорили Спартанцы—„голодъ“. А нѣчего сказать, бѣдныхъ читателей потчуютъ довольно горькимъ зельемъ; но, впрочемъ, романисты и комики умѣютъ подсластить его, и это злое зелье многимъ приходится по вкусу. Вотъ какимъ образомъ это происходитъ. Вообразите себѣ деревенскаго помѣщика, живущаго въ степной глуши; онъ живетъ очень весело: по утру онъ ѣздитъ съ собаками, вечеромъ раскладываетъ гран-пасьянсъ, и въ промежуткахъ проматываетъ свой доходъ въ карты; зато у него въ деревнѣ нѣтъ никакихъ новостей: ни англійскихъ плуговъ, ни экстирпаторовъ, ни школъ, ни картофеля; онъ всего этого терпѣть не можетъ. Помѣщикъ не въ духѣ, да и не мудрено: земля у него что-то испортилась; онъ твердо держится тѣхъ же правилъ въ земледѣліи, которыхъ держались и дѣдъ и отецъ его, — и земля и вполовину того не приноситъ, что̀ прежде... чудное дѣло! Да еще къ большей досадѣ, у сосѣда, у котораго земля тридцать лѣтъ тому назадъ была гораздо хуже, земля исправилась и приноситъ втрое болѣе дохода; а ужъ надъ этимъ ли сосѣдомъ ни смѣялся нашъ добрый помѣщикъ, и надъ его плугами, и надъ экстирпаторами, и надъ молотильнею, и надъ вѣялкою! Вотъ, къ помѣщику пріѣзжаетъ его племянникъ изъ университета, видитъ горькое хозяйство своего дядюшки, и совѣтуетъ... какъ бы вы думали?.. совѣтуетъ подражать сосѣду, толкуетъ дядюшкѣ объ агрономіи, о лѣсоводствѣ, о чугунныхъ дорогахъ, о пособіяхъ, которыя правительство щедрою рукою предлагаетъ всякому промышленному и ученому человѣку. Дядюшкѣ это не по сердцу; съ горя онъ открываетъ книгу, которую рекомендовалъ ему пріятель изъ земскаго суда, съ которымъ онъ въ близкихъ связяхъ по разнымъ процессамъ. Дядюшка читаетъ — и что же? о, восторгъ! о, восхищенье! Сочинитель, который напечаталъ книгу, и потому, слѣдственно, долженъ быть человѣкъ умный, ученый и благомыслящій, говоритъ читателю, или по крайней мѣрѣ читатель такъ понимаетъ его: „Повѣрьте мнѣ, всѣ ученые—дураки, всѣ науки — сущій вздоръ, знаменитый Гаммеръ—невѣжда, Шампольйонъ—враль, Гомпфрій Деви — вольнодумецъ; вы, милостивый государь, настоящій мудрецъ, живите попрежнему, раскладывайте гран-пасьянсъ, не думайте обо всѣхъ этихъ плугахъ, машинахъ, отъ которыхъ только разоряются работники, и отъ которыхъ происходитъ только зло: на что вамъ агрономія? она хороша тамъ, гдѣ мало земли; на что вамъ минералогія, зоологія? вы знаете лучшую науку—*правдологію*...“ И помѣщикъ смѣется: онъ понимаетъ остроту; онъ очень доволенъ; дочитываетъ прекрасную книгу до конца. Когда заговоритъ племянникъ объ агрономіи, онъ обличаетъ его заблужденія печатными строками, рекомендуетъ утѣшительное произведеніе своимъ собратіямъ, и у удивленнаго издателя являются неожиданные читатели, а между тѣмъ, въ понятіяхъ добрыхъ помѣщиковъ все смѣшивается, вольнодумство съ благими дѣйствіями просвѣщенія, молотильня съ затѣями безпокойныхъ головъ, во всякомъ улучшеніи они видятъ лишь вредное нововведеніе, въ удовлетвореніи своему эгоизму и лѣни—*истинную истину*; настоящій духъ они находятъ лишь въ мнѣніи своихъ крестьянъ о томъ, что не должно сѣять картофель, и что надлежитъ непремѣнно оставлять третье поле подъ паромъ“.

Нельзя не согласиться, что такого рода правда колетъ глаза, и что не у всякаго критика станетъ духа хвалить автора столь откровеннаго насчетъ *нѣкоторыхъ* слабостей *нѣкоторыхъ* изъ его ближнихъ. Не причисляя себя къ числу этихъ *нѣкоторыхъ*, мы не имѣли никакой причины скрывать нашего истиннаго мнѣнія о достоинствѣ сочиненій князя Одоевскаго. Такихъ писателей у насъ немного. Въ самыхъ парадоксахъ князя Одоевскаго больше ума и оригинальности, чѣмъ въ истинахъ у многихъ изъ нашихъ критическихъ акробатовъ, которые, критикуя его сочиненія, обрадовались случаю притвориться, будто они не знаютъ, о комъ пишутъ, и видятъ въ немъ одного изъ сочинителей ихъ собственнаго разряда. Нѣкоторыя изъ произведеній князя Одоевскаго можно находить менѣе другихъ удачными, но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя не признать замѣчательнаго таланта, самобытнаго взгляда на вещи, оригинальнаго слога. Что же касается до его лучшихъ произведеній,—они обнаруживаютъ въ немъ не только писателя съ большимъ талантомъ, но и человѣка съ глубокимъ, страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ, съ горячимъ и задушевнымъ убѣжденіемъ,—человѣка, котораго волнуютъ вопросы времени и котораго вся жизнь принадлежитъ мысли. Неуваженіе къ таланту есть признакъ невѣжества; а неуваженіе къ живой и страстной мысли человѣка показываетъ, что въ отношеніи къ мысли неуважающій „свободенъ отъ постоя“. Можно не все находить хорошимъ въ талантѣ, но нельзя не признать таланта; можно не во всемъ соглашаться съ мыслящимъ человѣкомъ, но нельзя безъ уваженія къ нему даже не соглашаться съ нимъ.

1844 г.

49. Русская литература въ 1844 году.

Обозрѣніе русской литературы за 1844 г. Бѣлинскій посвятилъ ѣдкому анализу литературнаго и художественнаго значенія произведеній трехъ авторовъ: Полевого, Языкова и Хомякова. Двое послѣднихъ выпустили какъ-разъ въ 1844 году по небольшой книжкѣ своихъ стихотвореній, которыя и подверглись теперь разбору Бѣлинскаго; что же касается до Полевого, то Бѣлинскій говоритъ о немъ на протяженіи десятка страницъ, не называя его ни разу по имени, а говоря вообще о „романтической критикѣ". Это были какъ бы послѣдніе счеты Бѣлинскаго съ Полевымъ, начавшіеся еще въ 1839 году (см. ст. № 19); указывая, что Полевой, какъ критикъ, пережилъ самого себя, Бѣлинскій однако воздалъ должное Полевому двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, подчеркнувъ громадное развивающее значеніе „романтической критики" той эпохи.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ объ отношеніи Бѣлинскаго къ Полевому, такъ какъ сдѣлаемъ это во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 61; къ тому же въ настоящемъ обзорѣ Бѣлинскій говоритъ о „романтической критикѣ" только въ видѣ вступленія къ разбору поэзіи Языкова и Хомякова, въ которыхъ онъ видитъ характерныхъ эпигоновъ эпохи господства „романтической критики".

Не случайно соединилъ Бѣлинскій эти два имени, воспользовавшись одновременнымъ выходомъ въ свѣтъ стихотворныхъ сборниковъ Языкова и Хомякова: уже неоднократно онъ говорилъ объ этихъ двухъ поэтахъ вмѣстѣ. Еще въ статьѣ 1836 года, „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя", Бѣлинскій упомянулъ мимоходомъ о Языковѣ и Хомяковѣ, „изъ которыхъ первый есть неоспоримо поэтъ, поэтъ истинный, но поэтъ ...изящнаго матеріализма, второй же—блистательный поэтъ выраженія и только выраженія, поддѣлывающійся подъ мысль, но сильный однимъ только выраженіемъ"... (т. I, стр. 252 и 284). Эти немногія слова Бѣлинскій развилъ пять лѣтъ спустя въ своемъ обзорѣ литературы за 1841 годъ: онъ говоритъ тамъ о „внѣшней поэзіи" Языкова и объ отсутствіи въ его стихахъ внутренняго содержанія, о духовномъ сродствѣ поэзіи Языкова и Хомякова (т. II, стр. 237 и 285—287). Наконецъ, въ настоящей статьѣ Бѣлинскій только еще подробнѣе развиваетъ и подтверждаетъ примѣрами этотъ свой взглядъ на характеръ поэзіи этихъ двухъ поэтовъ-славянофиловъ; но кое-что здѣсь есть и новое, и именно—критика славянофильской тенденціи въ поэзіи Хомякова и Языкова.

Начиная съ 1842 года, со статьи о „Педантѣ" (№ 36), борьба между „западниками" и „славянофилами" все болѣе и болѣе разгоралась; за проявленіями этой борьбы мы внимательно слѣдимъ по статьямъ Бѣлинскаго (ст. №№ 36, 38, 39, 42 и др.), и особенно остановимся на ней во вступительной замѣткѣ къ слѣдующей статьѣ (№ 50). Быть можетъ, въ пылу борьбы Бѣлинскій слишкомъ принижалъ личность своихъ противниковъ, особенно Хомякова; еще въ письмѣ отъ 6 февраля 1843 года къ Боткину Бѣлинскій крайне рѣзко отзывался о Хомяковѣ, называя его „образованнымъ, умнымъ И. А. Хлестаковымъ, человѣкомъ безъ убѣжденія, человѣкомъ безъ царя въ головѣ", и примѣняя къ нему слова Барбье:

. . . . les charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase,
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase...

Интересно отмѣтить, что въ настоящей статьѣ Бѣлинскій почти буквально повторяетъ эти фразы, косвенно, но вполнѣ прозрачно именуя Хомякова „шутомъ на ходуляхъ", „жонглеромъ діалектики" и т. п. Во всемъ этомъ много несправедливаго, высказаннаго въ пылу полемики: Хомякова невозможно назвать „человѣкомъ безъ убѣжденій", хотя онъ и былъ дѣйствительно „жонглеромъ діалектики"; напротивъ, діалектика только помогала ему сражаться съ идейными противниками и защищать свои убѣжденія. Несомнѣнно такимъ образомъ, что въ разгарѣ борьбы Бѣлинскій не могъ отнестись вполнѣ безпристрастно къ личностямъ своихъ противниковъ; да впрочемъ, какъ „человѣкъ экстремы", онъ и не стремился къ такому безпристрастію, сознавая свою нетерпимость: „я жидъ по натурѣ,—писалъ онъ Герцену въ началѣ мая 1844 года, — и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу".

Но, быть можетъ, эта нетерпимость, это отсутствіе безпристрастной оцѣнки *личности* противниковъ привели Бѣлинскаго къ несправедливой оцѣнкѣ *поэтовъ*-славянофиловъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить категорическимъ отрицаніемъ. Очень возможно, что *тонъ* критики Бѣлинскимъ поэзіи Хомякова и Языкова былъ рѣзкимъ, но *сущность* этой критики была тѣмъ не менѣе вполнѣ справедливой. Одинъ примѣръ рѣзкости тона:

въ настоящей статьѣ читателя должно сильно удивить внезапно мягкое отношеніе Бѣлинскаго къ поэзіи Бенедиктова, о которой онъ всегда былъ совершенно отрицательнаго мнѣнія; это объясняется тѣмъ, что реторизмъ поэзіи Хомякова показался Бѣлинскому еще анти-поэтичнѣе такого же реторизма въ творчествѣ Бенедиктова. Не будемъ отстаивать справедливость этой сравнительной оцѣнки, но скажемъ, что по существу Бѣлинскій какъ нельзя болѣе правъ: поэзія Хомякова была типично *головной* поэзіей, сухой и реторичной; только изрѣдка пробивалось въ ней чувство, искры истиннаго поэтическаго одушевленія. Хомяковъ не былъ поэтомъ — Бѣлинскій это показалъ съ исчерпывающей убѣдительностью; послѣ Бѣлинскаго появилось еще нѣсколько статей о поэзіи Хомякова (А. Милюковъ, „Поэтъ славянизма“; Ор. Миллеръ, „Стихотворенія Хомякова“, „Заря“ 1869 г., № 7; М. Лонгинова, въ „Русск. Вѣстн.“, 1861 г., № 3 и др.), но всѣ онѣ не внесли ничего новаго въ рѣшеніе этого вопроса. То же самое можно повторить объ отношеніи Бѣлинскаго къ Языкову. Языковъ былъ дѣйствительно поэтъ, а не только стихотворецъ, и Бѣлинскій не отрицалъ въ немъ ни поэтическаго таланта, ни, главное, большого историческаго значенія его поэзіи, ея значенія для двадцатыхъ годовъ. Но тутъ же Бѣлинскій выяснилъ совершенную второстепенность этого таланта, являющуюся слѣдствіемъ такой же „надуманности“ стихотвореній Языкова, какую Бѣлинскій показалъ и въ произведеніяхъ Хомякова. Языковъ — истинный поэтъ въ очень немногихъ стихотвореніяхъ, и всѣ мы знаемъ ихъ наизусть еще со школьной скамьи: это именно тѣ самыя стихотворенія, которыя и Бѣлинскій считаетъ лучшими („Поэту“, „Землетрясеніе“, „Подражаніе псалму 136“ и немн. др.); почти все остальное у него—та же самая надуманная, головная версификація, которую мы видимъ въ Хомяковѣ и которую еще за десять лѣтъ передъ этимъ Бѣлинскій вскрылъ въ произведеніяхъ Бенедиктова.

И вотъ что̀ интересно: методъ критическаго анализа стихотвореній Бенедиктова съ одной стороны и Хомякова съ Языковымъ съ другой у Бѣлинскаго одинъ и тотъ же; это методъ тонкаго стилистическаго анализа. Примѣненіе такого метода именно въ этихъ трехъ случаяхъ является лишнимъ доказательствомъ глубокаго критическаго чутья Бѣлинскаго: стилистическій анализъ—вѣрнѣйшій путь для разграниченія поэзіи отъ стихотворчества, для опредѣленія истинной сущности надѣвающаго маску писателя; вотъ почему анализъ этотъ Бѣлинскій примѣнилъ не къ Майкову, не къ Полежаеву, не къ Козлову и инымъ крупнымъ и мелкимъ поэтамъ, а именно къ Бенедиктову, Языкову и Хомякову (а также и къ Марлинскому). Стиль—это человѣкъ, гласитъ извѣстное изреченіе; анализъ стиля даетъ возможность критику снять маску съ поэта, который въ дѣйствительности, быть можетъ, совсѣмъ не то, чѣмъ онъ старается себя выставить; содержаніе можетъ обмануть, но стиль не обманываетъ. Бенедиктовъ, судя по содержанію стиховъ, былъ человѣкомъ необузданныхъ порывовъ, безмѣрной шири духа, ярко очерченной личностью; но пришелъ Бѣлинскій со стилистическимъ анализомъ его поэзіи—и всѣ въ концѣ концовъ увидѣли въ необузданномъ романтикѣ смиреннаго чиновника, увидѣли позы и реторику его „гремучихъ“ стихотвореній. Точно также этимъ же методомъ Бѣлинскій доказалъ, что Хомяковъ вовсе не поэтъ, а только версификаторъ, что Языковъ насильно заставляетъ себя воспѣвать вино и любовь, что въ поэзіи „пѣвца вина и страсти нѣжной“ нѣтъ ни „опьяненія“, ни „сладострастія“, что они у него напускные. Все это настолько вѣрно, что съ тѣхъ поръ о Языковѣ никто не сказалъ чего бы то ни было измѣняющаго мнѣніе Бѣлинскаго (см. о Языковѣ статейку Добролюбова, 1858 г.; книгу В. Смирнова „Жизнь и поэзія Н. М. Языкова“, 1900 г.); наоборотъ, мнѣніе Бѣлинскаго стало теперь общепринятымъ. Это является лучшимъ подтвержденіемъ правильности примѣненнаго Бѣлинскимъ критическаго пріема; самъ Бѣлинскій уже подчеркнулъ законность такого стилистическаго анализа. „Можетъ быть намъ замѣтятъ, — говоритъ онъ въ настоящей статьѣ, — что способъ нашего анализа, состоящій въ разборѣ фразъ, мелоченъ. Дѣло не въ способѣ, а въ его результатахъ; да, кромѣ того, это единственный и превосходный способъ для сужденія даже и не о такихъ поэтахъ, каковы: Марлинскій, гг. Языковъ, Хомяковъ, Бенедиктовъ и другіе въ томъ же родѣ“...

Характеристикой Полевого и критическимъ анализомъ стихотвореній Языкова и Хомякова заполнены три четверти настоящей статьи Бѣлинскаго; остальную четверть Бѣлинскій посвящаетъ быстрому обзору беллетристики и журналистики 1844 года. По-прежнему онъ подчеркиваетъ бѣдность и даже „совершенную нищету“ современной литературы, но тутъ же указываетъ, что въ этой бѣдности есть своя „прекрасная сторона“, а именно: „потерявъ въ числительномъ богатствѣ, наша литература много выиграла въ духѣ и направленіи“, такъ что „богата нищета современной русской литературы въ сравненіи съ ея нищенскимъ богатствомъ прежняго времени“. Это тотъ самый взглядъ, который Бѣлинскій прово-

дилъ въ двухъ предыдущихъ годовыхъ обзорахъ (см. ст. №№ 43, 47 и ср. ст. № 29), и къ которому онъ уже окончательно пришелъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, отказавшись отъ своего былого неисторическаго утвержденія: „у насъ нѣтъ литературы".

Настоящая статья Бѣлинскаго была, какъ мы это уже отмѣтили, новымъ ударомъ по славянофильству и ударомъ, повидимому, сильнымъ и мѣткимъ. Когда Герценъ сообщилъ Бѣлинскому изъ Москвы, что статья эта якобы не произвела на славянофиловъ впечатлѣнія и что они будто бы „гордятся" ею, то Бѣлинскій въ письмѣ отъ 26 января 1845 г. отвѣчалъ на это Герцену: „вздоръ! Если ты этому повѣришь, значитъ ты плохо знаешь сердце человѣческое и совсѣмъ не знаешь сердца литературнаго... Штуки, сударь ты мой, изъ которыхъ я вижу ясно, что ударъ былъ страшенъ. Теперь я этихъ каналій не оставлю въ покоѣ"... Да и самъ Герценъ скоро увидѣлъ, какъ глубоко были задѣты славянофилы этой статьей; по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ позднѣе онъ отмѣтилъ въ своемъ „Дневникѣ" (отъ 14 февр. 1845 г.): „славянофилы жестоко освирѣпѣли, *Отечеств. Записки* имъ пришлись солоны"... Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ именно настоящую статью Бѣлинскаго.

И.-Р.

Вотъ уже пятое обозрѣніе годового бюджета русской литературы представляемъ мы нашимъ читателямъ. Обязавшись передъ публикою быть вѣрнымъ зеркаломъ русской литературы, постоянно отдавая отчетъ во всякой вновь выходящей въ Россіи книгѣ, во всякомъ литературномъ явленіи, „Отеч. Записки" не вполнѣ выполнили бы свое назначеніе—быть полною и подробною лѣтописью движенія русскаго слова, еслибъ не вмѣнили себѣ въ обязанность этихъ годичныхъ обозрѣній, въ которыхъ обо всемъ, о чемъ въ продолженіе цѣлаго года говорилось, какъ о настоящемъ, говорится какъ о прошедшемъ, и въ которыхъ всѣ отдѣльныя и разнообразныя явленія цѣлаго года подводятся подъ одну точку зрѣнія. Не ставимъ себѣ этого въ особенную заслугу, потому что видимъ въ этомъ только должное выполненіе добровольно принятой на себя обязанности; но не можемъ не замѣтить, что подобная обязанность довольно тяжела. Читатели наши знаютъ, что большая часть этихъ годичныхъ обозрѣній постоянно наполнялась разсужденіями вообще о русской литературѣ и, слѣдовательно, о всѣхъ русскихъ писателяхъ, отъ Кантемира и Ломоносова до настоящей минуты; а взглядъ на прошлогоднюю литературу—главный предметъ статьи, всегда занималъ ея меньшую часть. Подобныя отступленія отъ главнаго предмета необходимы по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что настоящее объясняется только прошедшимъ, и потому, что по поводу цѣлой русской литературы еще можно написать не одну, а даже нѣсколько статей, болѣе или менѣе интересныхъ; но о русской литературѣ за тотъ или другой годъ, право, не о чемъ слишкомъ много или слишкомъ интересно разговориться. И это-то составляетъ особенную трудность подобныхъ статей. Легко пересчитывать богатства истинныя или мнимыя; много можно говорить о нихъ; но что сказать о бѣдности, близкой къ нищетѣ? Да, о совершенной нищетѣ, потому что теперь нѣтъ уже и мнимыхъ, воображаемыхъ богатствъ. А между тѣмъ, о чемъ же говорить журналу, если ему уже нечего говорить о литературѣ? Вѣдь у насъ литература составляетъ единственный интересъ, доступный публикѣ, если не упоминать о преферансѣ, говоря о немногихъ, исключительныхъ и какъ бы случайныхъ ея интересахъ. Итакъ, будемъ же говорить о литературѣ,—и если, читатели, этотъ предметъ уже кажется вамъ нѣсколько истощеннымъ и слишкомъ часто истощаемымъ, если толки о немъ уже доставляютъ вамъ только то магнетическое удовольствіе, которое такъ близко къ усыпленію,—поздравляемъ васъ съ прогрессомъ, и пользуемся случаемъ увѣрить васъ, что мы, въ свою очередь, совсѣмъ не чужды этого прогресса, и что въ этомъ отношеніи вы не правы, если вздумаете упрекнуть насъ въ отсталости отъ духа времени и въ наивной запоздалости касательно его интересовъ... Еще разъ: будемъ разсуждать о русской литературѣ,—предметъ и новый и любопытный...

Переходчивы времена, какъ подумаешь! Вспомните о томъ, что̀ такъ сильно интересовало васъ, что̀ давало такую полноту вашей жизни и что̀ было еще такъ недавно,—вы поневолѣ воскликнете съ грустію:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

На Руси еще не вывелись люди, которые

Извѣстья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма;

люди, которые со вздохомъ вспоминаютъ о пудрѣ, о косахъ съ кошельками, о вискахъ à la pigeon, о шитыхъ кафтанахъ, о шляпахъ-корабликахъ, объ атласныхъ штанахъ, о шолковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ брильянтовыми пряжками и красными каблуками; о роброндахъ, о фижмахъ, о мушкахъ,

о менуэтѣ, о гросфатерѣ, о вельможескихъ столахъ, куда всякій pauvre diable могъ явиться за подачкою, наѣсться и напиться, и за все это расквитаться только униженнымъ поклономъ щедрому амфитріону, который такъ же мало замѣчалъ этотъ поклонъ, какъ и тѣхъ, кто сидѣлъ за столомъ его; о фейерверкахъ, о пирахъ, о *Петріадѣ* Ломоносова, о трагедіяхъ Сумарокова, *Россіадѣ* Хераскова, *Душенькѣ* Богдановича, одахъ Петрова и Державина и обо всей этой поэзіи, столь плодовитой, столь громкой, столь однообразной, нѣкогда возбуждавшей такое благоговѣйное удивленіе, а теперь извѣстной большею частію только по воспоминаніямъ, по преданію и по слухамъ... И правы, сто, тысячу разъ правы эти вздыхающіе остатки, одиноко и безотрадно уцѣлѣвшіе отъ тѣхъ временъ: вокругъ нихъ „все новое кипитъ, былое истребя“. Міръ ихъ и міръ нашъ—два совершенно различные міра, между которыми нѣтъ ничего общаго. Говоря съ нами, они съ трудомъ понимаютъ въ нашихъ устахъ русскій языкъ, такъ страшно измѣнившійся съ тѣхъ поръ; что же до нашихъ понятій—они не вразумительны для нихъ даже и при посредствѣ самаго точнаго и вѣрнаго перевода на ихъ понятія. Положеніе такихъ людей можно сравнить только съ несчастіемъ—вдругъ ожить, пролежавъ лѣтъ восемьдесятъ подъ тою землею, на которой все двигалось и измѣнялось съ быстротою изумительной. Да, имъ, этимъ добрымъ людямъ, есть о чемъ вздыхать! Но эти люди теперь—исключеніе, дорогая рѣдкость, нѣчто въ родѣ подлинника несторовой лѣтописи, если только подлинникъ несторовой лѣтописи гдѣ-нибудь еще существуетъ или существовалъ когда-нибудь. Но теперь есть еще довольно людей другого міра, болѣе близкаго нашему. Это люди, которые юношами любовались на блестящій закатъ царствованія Екатерины II, и съ гордыми надеждами встрѣтили кроткое сіяніе царствованія Александра Благословеннаго; которые еще не успѣли привыкнуть ни къ пудрѣ, ни къ пуклямъ, и весело разстались съ этими аттрибутами отошедшаго къ вѣчности вѣка; которые безъ повѣрки, безъ сомнѣнія повторяли громкія фразы пожилыхъ и старыхъ людей о величіи Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова и Державина,—но которые уже плакали навзрыдъ надъ *Бѣдною Лизою*, предавались нѣжной меланхоліи при чтеніи *Натальи Боярской Дочери* и восхищались *Письмами Русскаго Путешественника*. При этомъ поколѣніи оды были еще въ ходу, но болѣе по укоренившемуся въ прошломъ вѣкѣ благоговѣнію къ ихъ громогласію, нежели вслѣдствіе потребностей наставшаго новаго вѣка. Скажемъ болѣе: ода тогда уже отжила свое время, и ея громозвучные возгласы были заглушены томными вздохами и нѣжнымъ журчаніемъ сладкихъ слезъ. Одамъ не переставали удивляться, считая ихъ высшимъ родомъ поэзіи, послѣ героической поэмы; но новыхъ даровитыхъ одистовъ не являлось. Дмитріевъ пробовалъ писать оды, но только пробовалъ (что̀ не мѣшало ему, однакожъ, жестоко осмѣять оды въ остроумной сатирѣ *Чужой Толкъ*),—и настоящій успѣхъ имѣли его пѣсни, басни, сказки, эпиграммы, надписи и мадригалы, а не оды. Между молодымъ поколѣніемъ, начали потомъ появляться *esprits-forts*, которые позволяли себѣ сомнѣваться въ неоспоримомъ величіи Сумарокова: и не мудрено—они вѣдь знали каждую строку Карамзина, выучили наизусть его стихи, равно какъ стихи Дмитріева и Нелединскаго, въ театрѣ восхищались трагедіями Озерова. Мерзляковъ даже дерзнулъ (о, ужасъ!) изъявить довольно рѣзкое сомнѣніе насчетъ безукоризненнаго совершенства *Россіады* и *Владиміра*. Муза Жуковскаго открыла изумленнымъ глазамъ этого поколѣнія совершенно новый міръ поэзіи. Намъ разъ случилось слышать отъ одного изъ людей этого поколѣнія довольно наивный разсказъ о томъ странномъ впечатлѣніи, какимъ поражены были его сверстники, когда, привыкши къ громкимъ фразамъ, въ родѣ: *О, ты, священна добродѣтель!*—они вдругъ прочли эти стихи:

Вотъ и мѣсяцъ величавый
Всталъ надъ тихою дубравой;
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чу!.. полночный часъ звучитъ.

По наивному разсказу, современниковъ этой баллады особеннымъ изумленіемъ поразило слово *чу!..* Они не знали, что̀ имъ дѣлать съ этимъ словомъ, какъ принять его — за поэтическую красоту или литературное уродство... И въ то время, какъ Жуковскій вводилъ и распространялъ вкусъ къ романтизму, скрипучій, сросшійся съ усѣченіями и какофоніею русскій псевдоклассицизмъ, подъ очаровательнымъ перомъ Батюшкова дошелъ даже не только до щегольства, но и почти до поэзіи выраженія, до мелодіи стиха... И что же? — Едва прошло два десятилѣтія наступившаго вѣка, какъ явился Пушкинъ,—и доселѣ новое поколѣніе съ изумленіемъ увидѣло себя поколѣніемъ уже отжившимъ свое время... Въ самомъ дѣлѣ, если русская проза, преобразованная Карамзинымъ, улучшенная Жу-

ковскимъ, еще не показала въ это время рѣшительнаго стремленія къ новому преобразованію,—зато стихи такъ быстро, такъ скоро измѣнились, что тотчасъ же за Пушкинымъ даже и убогіе талантомъ молодые люди запѣли такими легкими, такими гладкими стихами, что, въ сравненіи съ ними, и стихи Батюшкова перестали казаться образцомъ изящества. И добро бы реформа стиха ограничивалась только его фактурою, нѣтъ, самый тонъ поэзіи, ея содержаніе, ея мотивы,—все стало діаметрально-противоположно прежней поэзіи. Сколько уже времени до того Жуковскій писалъ баллады! на нихъ нѣкоторые косились, хотя большинство читало ихъ съ одобреніемъ; но лишь явился Пушкинъ, ненаписавшій почти ни одной баллады, какъ баллада сдѣлалась любимымъ родомъ: всѣ принялись за мертвецовъ, за кладбища, за ночныхъ убійцъ; поднялись жестокіе споры за балладу. Элегія наповалъ убила оду; уныніе, грусть, *разочарованіе*, *сомнѣніе*, сладостная лѣнь, пьянство, похмелье, пиры, студентское удальство, гамлетовское раздумье, разрушенныя надежды, обманщица-жизнь, пѣна шампанскаго, разбойники, нищіе, цыгане—вотъ что̀, какъ хозяева, вошло во храмъ русской поэзіи и гордо пальцемъ указало на дверь прежнимъ жрецамъ и поклонникамъ... Критика, дотолѣ скромная, покорная служительница авторитета и льстивая повторяльщица избитыхъ общихъ мѣстъ,—вдругъ словно съ цѣпи сорвалась. Она перевернула всѣ понятія, ложью объявила то, что дотолѣ считалось истиною, назвала истиною то, что дотолѣ считалось ложью. Сумарокова провозгласила она бездарнымъ писакою, подъ-пару Тредьяковскому; поэмы Хераскова изъ *великихъ* произвела только въ *тяжелыя*; Петрова объявила надутымъ риторомъ въ стихахъ; даже Ломоносова дерзнула поставить, какъ поэта и лирика, на весьма почтительное разстояніе отъ Державина. Изъ всѣхъ этихъ колоссальныхъ славъ уцѣлѣли только Ломоносовъ и Державинъ; но первый больше, какъ ученый, какъ преобразователь языка, нежели какъ поэтъ; объ одномъ только Державинѣ новая критика повторила всѣ старыя фразы, съ прибавленіемъ своихъ новыхъ. Потомъ пользовались ея благосклонностью Хемницеръ и Богдановичъ, и не былъ ею оцѣненъ Фонвизинъ—единственный писатель екатерининскаго вѣка, котораго будутъ читать еще не одинъ вѣкъ. Къ числу заслугъ новой критики принадлежитъ еще то, что она уничтожила смѣшной предразсудокъ, основанный на кумовствѣ и безвкусіи,—предразсудокъ, вслѣдствіе котораго басни Дмитріева считались выше басенъ Крылова, — тогда какъ здравый смыслъ и чистый вкусъ запрещали какое-нибудь сравненіе между талантливыми баснями Дмитріева и геніальными баснями Крылова... Не перечесть всѣхъ подвиговъ новой критики! Не довольствуясь своими писателями, она смѣло пустилась судить (впрочемъ съ чужого голоса) объ иностранныхъ: не только Флоріанъ, Делиль, Кребильйонъ, Дюси, Попе, Адиссонъ, Драйденъ, но и трагики—Корнель, Расинъ, Вольтеръ, были объявлены ею плохими и ничтожными поэтами. Взамѣнъ ихъ она провозгласила великими геніями Шекспира, Сервантеса, Шиллера, Гёте, Байрона, Вальтера Скотта, *Виктора Гюго*, заговорила съ уваженіемъ о Гофманѣ, Жанъ-Полѣ, Вашингтонѣ-Ирвингѣ, Тикѣ, Цшокке,—Буало, Баттё и Лагарпъ были ею уничтожены, какъ законодатели въ области изящнаго, какъ руководители литературнаго вкуса: на дребезги разбитыхъ ихъ статуй и пьедесталовъ поставила она братьевъ Шлегелей [1]).

Но всѣ эти „опасныя новости“, всѣ эти „дикія неистовства“ вольнодумной критики, такъ изумившія и раздражившія старое поколѣніе, и вполовину не произвели на него такого страшнаго, потрясающаго впечатлѣнія, какъ начавшіяся потомъ нападки на Карамзина. Тутъ вполнѣ обнаружилось воспитанное Карамзинымъ поколѣніе: въ непростительной дерзости новыхъ критиковъ—судить о Карамзинѣ не по табели о рангахъ, а по своему смыслу и вкусу, увидѣло оно покушеніе на жизнь и честь — не Карамзина (котораго честь достаточно обезпечивалась его заслугами), а на жизнь и честь карамзинскаго поколѣнія. Война была страшная; много было пролито чернилъ и поломано перьевъ; сражались и стихами и прозою. Замѣчательно, впрочемъ, что эта война началась еще при жизни Карамзина (который не вмѣшивался въ нее), и что первый осмѣлился заговорить о Карамзинѣ не по преданію и не по авторитету, а по собственному сужденію, человѣкъ стараго поколѣнія—профессоръ Каченовскій. Князь Вяземскій доказывалъ ему его несправедливость въ стихотворномъ посланіи, которое было напечатано въ *Сынѣ Отечества* (1821) и начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій! жалокъ,
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоилъ.
Какъ оный вѣчный огнь на алтарѣ весталокъ,
Такъ втайнѣ вѣчный ядъ, даръ лютый адскихъ силъ
Въ груди несчастнаго неугасимо тлѣетъ.
На немъ чужой успѣхъ, какъ ноша тяготѣетъ;
Счастливца свѣжій лавръ—колючій тернъ ему;
Всегда онъ ближняго довольствомъ недоволенъ,
И вольный мученикъ, чужимъ здоровьемъ боленъ.

Каченовскій перепечаталъ это посланіе у себя, въ *Вѣстникѣ Европы*, поблагодаривъ издателей *Сына Отечества* за запятую и

[1]) Эта „новая критика“—сперва Бестужевъ, а затѣмъ Полевой.

восклицательный знакъ, которыми, въ первомъ стихѣ, отдѣлено имя того, къ кому адресовано посланіе, и снабдивъ эту пьесу очень любопытными примѣчаніями. И долго послѣ того продолжалась война... Карамзина не стало; князь Вяземскій напечаталъ въ *Телеграфѣ* еще стихотворную филиппику противъ враговъ Карамзина, т.-е. противъ людей, которые почли себя въ правѣ судить о Карамзинѣ по крайнему *ихъ*, а не чужому разумѣнію; въ этой филиппикѣ онъ сравнилъ Карамзина съ геніальнымъ зодчимъ, который изъ грубаго матеріала русскаго языка воздвигъ великолѣпный храмъ; а критиковъ Карамзина сравнилъ онъ съ совами, которыя набились въ храмъ, и проч. Но, несмотря на всѣ филиппики въ прозѣ и стихахъ, время все шло да шло, унося съ собою и вещи и людей, все измѣняя въ пользу новаго насчетъ стараго. Изъ поколѣнія, образованнаго подъ вліяніемъ карамзинскаго направленія, многіе смотрѣли на Пушкина косо, какъ на литературнаго еретика; но очень немногіе умѣли какъ-то эклектически сочетать уваженіе къ Пушкину и другимъ новымъ талантамъ съ уваженіемъ, попрежнему болѣе упрямымъ, нежели отчетливымъ, къ литературнымъ корифеямъ своего времени. *Мое время, наше время* — какія это волшебныя слова для человѣка! И какъ не считать ему своего времени за золотой вѣкъ Астреи: вѣдь онъ тогда былъ молодъ и счастливъ! Писатели его времени были первыми, которые поразили впечатлѣніемъ его юный умъ, его юное сердце, а впечатлѣнія юности неизгладимы!.. И потому, мы не можемъ безъ живой симпатіи читать этихъ стиховъ, въ которыхъ отжившее свой вѣкъ поколѣніе, въ лицѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ представителей, съ такою грустною искренностію признаетъ себя побѣжденнымъ, и, отказываясь дѣлить интересы новаго поколѣнія, уже не обвиняетъ его за то, что оно живетъ жизнію тоже своего, а не чужого времени:

Сыны другого поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ:
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ въ нихъ сочувствій нѣтъ,
Они, что любимъ, разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать!
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!
Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный
Имъ баснословье—наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.
Такъ мы развалинамъ подобны,
И на распутіи живыхъ
Стоимъ какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ.

Да, понятна такая грусть, равно какъ и то, что поколѣніе карамзинскаго періода нашей литературы проиграло тяжбу о своемъ первенствѣ скорѣе, нежели увидѣло и призналось, что его тяжба проиграна. Между нимъ было много людей, которые прочли первыя печатныя строки Карамзина въ минуту ихъ появленія, а Карамзинъ началъ писать за десять лѣтъ до начала новаго столѣтія: слѣдовательно, многіе изъ людей этого поколѣнія, не приготовившись, встрѣтили славу Пушкина, вдругъ выросшую колоссально безъ ихъ вѣдома, безъ ихъ содѣйствія, и какую славу! — славу, которой до него не зналъ ни одинъ русскій поэтъ— славу *народную*... Въ то время самые младшіе изъ людей этого поколѣнія были уже людьми возмужалыми, вполнѣ развившимися и опредѣлившимися; большая же часть этого поколѣнія состояла изъ людей пожилыхъ; и если между ними немного было стариковъ, то къ нимъ примкнулись, въ чувствѣ оппозиціи новой литературѣ, всѣ старцы ломоносовскаго періода нашей литературы, — старцы, которые, разнясь съ ними во многомъ, почти всѣ совершенно сходились въ безусловномъ удивленіи къ Карамзину. Но вотъ что удивительно: какъ это новое, это *романтическое* поколѣніе, одержавшее такую рѣшительную побѣду надъ предшествовавшимъ ему поколѣніемъ,—какъ оно-то такъ скоро стало въ то самое положеніе, въ которое оно поставило смѣненное имъ поколѣніе? Скажутъ: этому минуло уже около двадцати пяти лѣтъ, почти цѣлая четверть вѣка. Еслибъ это было такъ, тутъ не было бы ничего особенно удивительнаго; но дѣло въ томъ, что между 1831-мъ и 1835-мъ годомъ въ литературѣ нашей произошелъ крутой переломъ. Пушкинъ пошелъ по совершенно новой дорогѣ, предавшись искусству въ исключительномъ значеніи этого слова; издавъ *Бориса Годунова* и послѣднія главы *Онѣгина*, онъ печаталъ, и то изрѣдка, только небольшія пьесы. Правда, онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ *Капитанскую Дочку* и *Скупого Рыцаря*; но *Египетскія Ночи*, *Русалка*, *Мѣдный Всадникъ* и *Каменный Гость* были напечатаны уже послѣ его смерти. Сверхъ того, онъ обнаружилъ сильную наклонность къ прозѣ и къ важнымъ историческимъ трудамъ, потому что его *Исторія Пугачевскаго Бунта* была для него самого только пробнымъ камнемъ его историческаго таланта, и, работая надъ нею, онъ уже готовилъ матеріалы для труда болѣе важнаго и великаго—для исторіи Петра Великаго. Но, что особенно замѣчательно, въ началѣ тридцатыхъ годовъ (между 1831-мъ и 1835-мъ) Пушкинъ такъ же былъ въ упадкѣ своей славы, какъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ былъ въ ея апогеѣ. Это фактъ многозначительный. Отъ Пушкина отступились его

присяжные хвалители и издалека повели рѣчь, что онъ отсталъ отъ вѣка, обманулъ всеобщія ожиданія, — словомъ, повели рѣчь о его паденіи такъ же основательно, какъ основательно провозглашали его еще не такъ давно *сѣвернымъ Байрономъ* и *представителемъ современнаго человѣчества*. Даже дружина талантовъ, вмѣстѣ вышедшая съ Пушкинымъ и ему такъ много обязанная отблескомъ его отразившейся на ней славы, даже она была недовольна имъ. Многіе спрашивали, что же онъ сдѣлалъ, гдѣ у него европейскія идеи, и т. п. Нѣкоторые дошли до того, что въ Пушкинѣ стали видѣть не болѣе, какъ преобразователя русскаго стиха,— легкаго, пріятнаго и граціознаго стихотворца, а пальму первенства между русскими поэтами думали вручить г. Языкову, тѣмъ болѣе, что и самъ Пушкинъ видѣлъ въ послѣднемъ какого-то необыкновеннаго поэта.

Но все это означало ни больше, ни меньше, какъ только то, что все это поколѣніе, изъ-подъ орлинаго крыла Пушкина весело выпорхнувшее на раздолье литературнаго міра, уже отстало отъ него. Пушкина спасла не мысль, не сознательное стремленіе впередъ; нѣтъ: своимъ спасеніемъ, т.-е. тѣмъ, что онъ не исписался и не выписался, онъ обязанъ былъ только своему колоссальному таланту, своей глубокой натурѣ, своему необыкновенному художническому инстинкту. Когда явились его посмертныя сочиненія, для нихъ нашлись цѣнители и судьи уже изъ людей новаго поколѣнія [1]); а то, которое развилось подъ его вліяніемъ, и теперь еще живетъ воспоминаніемъ славы Пушкина, какъ творца *Руслана и Людмилы*, *Братьевъ-Разбойниковъ*, *Кавказскаго Плѣнника*, *Бахчисарайскаго Фонтана*, *Графа Нулина*, *Цыганъ* и первыхъ шести главъ *Онѣгина*. Въ 1830 году необычайный успѣхъ *Юрія Милославскаго* сообщилъ русской литературѣ болѣе прозаическое направленіе, въ томъ смыслѣ, что стиховъ стали меньше читать и писать, тогда какъ прозу жадно читала публика и въ прозѣ усердно начали подвизаться литераторы. Въ 1831-мъ и 1832-мъ годахъ появились *Вечера на Хуторѣ* Гоголя, а въ 1836 году русская публика уже прочла его *Арабески*, *Миргородъ* и познакомилась, и въ книгѣ и въ театрѣ, съ его *Ревизоромъ*. Поэты пушкинской эпохи продолжали писать, но ихъ стихотворенія уже не возбуждали прежняго вниманія, ихъ имена уже потеряли свое прежнее очарованіе и перестали быть неоспоримымъ доказательствомъ высокаго достоинства пьесъ, подъ которыми они подписаны. Въ то же время явились въ литературѣ совершенно новыя имена,—между прочими, гг. Кукольникъ и Бенедиктовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ замѣтно было совершенно новое направленіе, совсѣмъ другой характеръ, нежели у поэтовъ пушкинской школы. О значеніи этого направленія мы не считаемъ нужнымъ распространяться; скажемъ только, что оно было *новое*, и что во всемъ *новомъ* всегда выражается стремленіе къ прогрессу, если не прогрессъ. Все это, каждое въ свою очередь, болѣе или менѣе было признакомъ конца одного періода литературы и начала другого: одно поколѣніе уступало мѣсто другому. Но ни въ чемъ такъ рѣзко не выразился этотъ конецъ для однихъ и это начало для другихъ, какъ въ критикѣ. Споръ о романтизмѣ и классицизмѣ кончился; партіи не согласились, но время рѣшило вопросъ, и этимъ рѣшеніемъ воспользовались, разумѣется, не тѣ, которые спорили. Романтическая критика, какъ мы уже замѣтили выше, потеряла свой торжествующій и побѣдный тонъ; она вдругъ сдѣлалась недовольною, ворчливою и пустилась сокрушать авторитеты, которымъ сама еще такъ недавно кадила ѳиміамомъ благовоннѣйшихъ похвалъ. Если въ ея глазахъ и самъ Пушкинъ отсталъ отъ вѣка, то кто же бы изъ другихъ могъ не отстать отъ него? И потому, всѣ отстали, всѣ исписались или выписались, всѣ кромѣ нея, *критики съ высшими взглядами...* [1]). А между тѣмъ, если кто больше всѣхъ отсталъ, такъ это, конечно, она, верхоглядная критика, и если кто вовсе не думалъ отставать, такъ это, конечно, Пушкинъ. Но мы не будемъ слишкомъ нападать на романтическую критику, и если, правды ради, выскажемъ ея прегрѣшенія, то не скроемъ и заслугъ ея,—а она оказала большія заслуги общему дѣлу развитія. Она повалила множество ничтожныхъ авторитетовъ, въ геніальность которыхъ до нея вѣрили, какъ Монголы вѣрятъ въ святость Далай-Ламы; она изгнала изъ литературы множество предразсудковъ самыхъ смѣшныхъ и самыхъ жалкихъ; она первая осмѣлилась сказать во всеуслышаніе, что можно быть въ одно и то же время и человѣкомъ и прекраснымъ отцомъ семейства, образцомъ нравственности, словомъ, всячески почтеннымъ и заслуженнымъ человѣкомъ и—кропать плохіе стихи, сочинять дрянные романы; что званія и должности должны уважаться, но никакъ не должны бездарности давать права, принадлежащія одному таланту, и что стихи или проза почтеннаго

[1]) Разумѣется, Бѣлинскій говоритъ здѣсь о самомъ себѣ.

[1]) „Высшіе взгляды“ — выраженіе Полевого; къ нему же относится и все слѣдующее ниже о „романтической критикѣ“.

человѣка—совершенно различные предметы, такъ что хула на стихи или прозу его нисколько не есть хула на его личность, или его званіе. Все это *теперь* похоже на истины въ родѣ той, что зимою бываетъ холодно, а лѣтомъ тепло; но *тогда*—это было другое дѣло, и нужно было много любви къ истинѣ и благородной смѣлости, чтобъ рѣшиться два раза въ мѣсяцъ и говорить эти истины и примѣнять ихъ къ дѣлу. Было время, когда Мерзляковъ не зналъ, куда дѣваться отъ всеобщаго негодованія, которое возбудили его смѣлыя статьи противъ Хераскова. И даже во время Пушкина,—это помнимъ и мы,—выходки противъ Сумарокова многими принимались съ суевѣрнымъ ужасомъ, какъ въ степяхъ Средней Азіи были бы приняты хулы на Далай-Ламу. Теперь о талантѣ можно всякому судить какъ угодно: если вы судите ложно, и Пушкина называете бездарнымъ писакою, а какого-нибудь новаго Тредьяковскаго—геніальнымъ писателемъ,—въ этомъ всѣ увидятъ только ваше невѣжество и безвкусіе, а не дерзость, не буйство, не безнравственность. И этимъ прогрессомъ мы обязаны блаженной памяти романтической критикѣ: и это ея неотъемлемая, неоспоримая заслуга, за которую ей честь и слава. Романтическая критика явилась въ такія баснословныя, такія миѳическія времена русской литературы, какъ будто бы это было назадъ тому тысячу лѣтъ, хотя это было не болѣе двадцати пяти лѣтъ назадъ. Судите сами—и дивитесь: въ то блаженное и приснопамятное время молодой человѣкъ, желавшій дѣйствовать на литературномъ поприщѣ, долженъ былъ сперва втереться въ гостиную какого-нибудь знаменитаго писателя, прославившагося нѣсколькими мадригалами и прозаическою статьею о *ничемъ* [1]), напечатанною лѣтъ пятнадцать назадъ; въ гостиной нашъ кандидатъ въ писатели долженъ былъ прислушиваться къ литературнымъ толкамъ „знаменитыхъ и опытныхъ“ литераторовъ, чтобъ научиться здраво судить о литературѣ, т.-е. научиться повторять чужія слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и позапастись приличіемъ и хорошимъ тономъ. Выдержавъ первый искусъ, онъ *въ одинъ прекрасный вечеръ* робко, съ замираніемъ сердца объявлялъ почтенному собранію, что онъ смастерилъ басенку, пѣсенку, мадригалъ, сонетецъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, и что при сочиненіи своей пьесы онъ *подражалъ* такому-то (тогда *сочинять* значило *подражать*, а сочиняя не подражать, или сочинять не подражая, значило *буйствовать* и *вольнодумничать*). Почтенное собраніе благосклонно соизволило выслушать первый опытъ юнаго піиты, потомъ начинало дѣлать свои замѣчанія о томъ, что хорошо и что́ нехорошо въ пьесѣ. Сколько головъ, столько умовъ: вслѣдствіе этой аксіомы, въ пьесѣ скромнаго піиты не оставалось почти ни одного незабракованнаго слова, и все осужденное онъ долженъ былъ перемѣнить или исключить. Это повторялось нѣсколько вечеровъ; наконецъ, стихотвореніе объявлялось годнымъ для печати и помѣщалось въ журналѣ. Это было родомъ рыцарскаго посвященія, и съ той минуты новоставленникъ обязывался быть вѣрнымъ реторикѣ, фразамъ, піитическимъ вольностямъ, обязывался не имѣть своего сужденія до извѣстныхъ солидныхъ лѣтъ, а до тѣхъ поръ жить ходячими мнѣніями знаменитыхъ и опытныхъ литераторовъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поборниковъ такъ называемаго *романтизма* [1]) разсказываетъ презабавный анекдотъ изъ этихъ временъ литературнаго патронажства: „Я помню, какъ однажды при мнѣ, въ обществѣ литераторовъ, читали стихи Пушкина *Къ Мэрю* (они тогда не были еще напечатаны и только-что явились въ рукописи). Молодой человѣкъ, прочитавшій ихъ, застѣнчиво сказалъ, что это его произведеніе, и скромно просилъ совѣта, что́ ему исправить, и вообще можно ли напечатать ихъ. Пошли толки! Одинъ говорилъ то, другой другое; мнимый авторъ все отмѣчалъ, записывалъ, выслушалъ рѣшительный приговоръ, что стихи *недурны*, но безъ исправленія печатать ихъ нельзя, и вдругъ объявилъ, что это—стихи Пушкина! Вообразите какіе длинные носы приросли къ носамъ всѣхъ совѣтниковъ!“ Вотъ какія были эти времена! И со всѣмъ этимъ романтическая критика боролась смѣло, отважно, неутомимо, и все это она побѣдила.

Надо еще сказать, что эта критика имѣла что-то въ родѣ самобытнаго мнѣнія, не чужда была эстетической образованности и вкуса, на́скоро читала все, что писалось за границею, и на́скоро перелистывала, во французскихъ переводахъ, почти всѣхъ европейскихъ писателей. Это давало ей огромный перевѣсъ надъ людьми стараго поколѣнія, которые были хорошо знакомы только съ французскими писателями XVII и XVIII вѣка, глазами которыхъ смотрѣли на писателей Германіи и Англіи, но сами ихъ никогда не читали, или читали въ водяныхъ французскихъ переводахъ того же XVIII вѣка. Такимъ образомъ, ложная мысль, что искусство есть украшенное подражаніе изящной (а не низкой) природѣ, и что сочинять значитъ подражать какому-нибудь прославлен-

[1]) Ср. нашу замѣтку—т. I, стр. 199—200.

[1]) Кн. Вяземскій.

ному писателю, особенно изъ древнихъ,—эта ложная мысль была первымъ и главнымъ догматомъ ихъ эстетическаго корана. Романтическая критика въ особенности устремилась на *подражаніе*,—и если теперь поставить въ заглавіи своего сочиненія: *подражаніе тому-то* или *такому-то*, значитъ заранѣе убить свою книгу, лишивъ ее читателей (такъ же, какъ прежде значило—заранѣе расположить и критику и публику въ пользу своей книги); это дѣло—заслуга романтической критики. Такъ называемые русскіе классики больше всего боялись имѣть какое-нибудь свое собственное оригинальное мнѣніе и больше всего старались думать и говорить, какъ думали и говорили прежде ихъ и какъ думали и говорили въ ихъ время *всѣ*: романтическая критика сдѣлала то, что теперь каждый скорѣе рѣшится высказать странное мнѣніе, нежели повторить чужое. О движеніи современныхъ европейскихъ литературъ классики не имѣли никакого понятія: романтическая критика посвоему слѣдила за нимъ и озадачивала классиковъ новыми именами и новыми идеями.

Повторяемъ: всѣ эти заслуги романтической критики важны и велики; но *этимъ* только онѣ и оканчиваются, тогда какъ она претендовала на что-то гораздо важнѣйшее и бо̀льшее. Такъ называемые ея *высшіе взгляды* были ничѣмъ инымъ, какъ *верхоглядствомъ*; ея многосторонность и всевѣдѣніе—эклектическимъ энциклопедизмомъ; ея философія—ошибочно понятыми и невѣрно повторенными чужими рѣчами. Явившись въ эпоху чисто переходную, когда гораздо легче было все отрицать, нежели что-нибудь утверждать въ области русской литературы, обладая болѣе практическою, нежели теоретическою способностію дѣйствовать, и не понявъ исторически умственнаго движенія въ современной Европѣ,—она все, дѣлавшееся въ европейскихъ литературахъ, цѣликомъ думала перенести въ русскую, и потому впала въ самыя смѣшныя ошибки.—Французовъ, у которыхъ послѣ Декарта не было уже и признаковъ философіи, какъ науки,—Французовъ увлекъ эклектизмъ Кузена, и они добродушно признали этого краснобая великимъ философомъ. Русская романтическая критика въ этомъ исключительно французскомъ, слѣдовательно, совершенно частномъ явленіи увидѣла явленіе міровое, и когда даже наши доморощенные критики, понявъ нелѣпость эклектизма, начали посмѣиваться надъ Кузеномъ, а во Франціи онъ уже совершенно палъ,—романтическая критика тутъ-то и принялась съ особеннымъ усердіемъ кадить генію Кузена. Теперь уже не нужно объяснять, что эклектизмъ есть не философія, а чистое и прямое отрицаніе философіи, и что эклектическій философъ есть то же самое, что̀ холодный огонь, или огненный холодъ, и что основаніе эклектизма, какъ ученія мертваго и неорганическаго, составляетъ мыслекрадство и шарлатанство. Послѣ того, какъ Кузенъ переправилъ посмертныя сочиненія своего ученика Жоффруа и вписалъ въ нихъ похвалы себѣ и своей философіи, тогда какъ Жоффруа прямо отвергаетъ эклектизмъ, какъ нелѣпость, и послѣ того, какъ эта шулерская продѣлка эклектическаго философа была печатно выведена наружу, кто же теперь не знаетъ, что Кузенъ шарлатанъ?—Познакомившись съ новымъ историческимъ направленіемъ во Франціи, романтическая критика цѣликомъ перенесла идеи Гизо̀ Тьеррѝ и Баранта, о противоположности галльскаго элемента съ франкскимъ, какъ непосредственнаго источника всей послѣдующей исторіи Франціи, о борьбѣ общинъ съ феодализмомъ и важности средняго сословія въ новой европейской исторіи,—всѣ эти идеи, выведенныя изъ совершенно чуждыхъ намъ фактовъ, романтическая критика цѣликомъ перенесла въ исторію русскаго народа. Нападая на Карамзина, оспаривая его въ каждой строкѣ, она—бѣдная романтическая критика, и не замѣчала, какую смѣшную играла роль, отыскивая въ русской исторіи совершенно чуждый ей смыслъ и мѣряя ея событія совершенно чуждымъ ей аршиномъ. И мудрено ли, что факты въ ея исторіи остались тѣ же самые, какіе находятся въ исторіи Карамзина, съ прибавленіемъ неидущихъ къ дѣлу высокопарныхъ умствованій, взятыхъ напрокатъ у чужеземныхъ мыслителей,—и еще съ тою разницею, что исторія Карамзина написана языкомъ блестящимъ, художественно обработаннымъ, хотя и искусственнымъ, а исторія романтической критики написана языкомъ пухлымъ, многорѣчивымъ, фразистымъ, темнымъ, неопредѣленнымъ—не по безграмотности романтической критики (въ которой ее тогда упрекали враги ея), а по неопредѣленности идей, невольно отразившейся и въ языкѣ. Карамзинъ увлекся идеею московскаго царства, созданнаго Іоанномъ III, какъ высочайшимъ идеаломъ государства: кто можетъ раздѣлять этотъ энтузіазмъ Карамзина, тотъ въ его исторіи найдетъ именно то, чего въ ней должно искать и что̀ въ ней дѣйствительно есть, потому что Карамзинъ со всею добросовѣстностію, во всей истинѣ исполнилъ свое дѣло, не искажая ни одного изъ фактовъ. Романтическая критика, въ своей исторіи, волею или неволею, показала то же московское царство (потому что противъ очевидности фактовъ нѣчего дѣлать), но только съ какими-то теоретическими аттри-

бутами, которые относились къ нему, какъ масло къ водѣ [1]).

Далѣе: романтическая критика, узнавъ, что во Франціи закипѣла война между классицизмомъ и романтизмомъ, обѣими руками уцѣпилась за слово „романтизмъ“ и сдѣлала его альфою и омегою всякой мудрости, отвѣтомъ на всѣ вопросы. А между тѣмъ, во Франціи, думая спорить о классицизмѣ и романтизмѣ, въ сущности-то спорили о литературной свободѣ, стѣсненной до уродства писателями XVII и XVIII вѣка. Въ свое время во Франціи была своя романтическая поэзія, которая называлась провансальскою. Кончилось рыцарство,—кончился и романтизмъ. Корнель и Расинъ были поэтами ново-монархическаго, а не феодальнаго общества. Послѣ революціи Шатобріанъ явился представителемъ подновленнаго ради текущей потребности романтизма; тѣмъ же явился во время реставраціи Ламартинъ. Съ ними ожилъ на минуту гальванически-воскрешенный романтизмъ; но чахоточное чадо скончалось гораздо прежде своихъ здоровыхъ родителей. Кромѣ этихъ двухъ писателей, въ новой Франціи не было ни одного нео-романтика. Но наша романтическая критика думала видѣть романтиковъ во всѣхъ новыхъ французскихъ писателяхъ, не разсмотрѣвъ въ ихъ направленіи чисто отрицательнаго и чисто общественнаго, и потому уже нисколько не романтическаго характера. Особенно видѣла она и романтика и великаго генія въ Викторѣ Гюго, этомъ поэтѣ, который, не будучи лишенъ поэтическаго таланта, совершенно лишенъ чувства истины, и который, силясь стать выше самого себя, выше своихъ средствъ, дошелъ до крайнихъ предѣловъ натянутости и неестественности. Быстро выросши до облаковъ, его колоссальная слава скоро и испарилась вмѣстѣ съ этими облаками. Въ Германіи такъ называемое романтическое движеніе было ничѣмъ инымъ, какъ литературною оппозиціею протестантизму,—и о романтизмѣ и среднихъ вѣкахъ больше всего хлопоталъ перешедшій въ католицизмъ Шлегель. Такое же движеніе въ пользу католицизма было частію и во Франціи. Не понявъ этого, столь исключительнаго явленія, объясняемаго не совсѣмъ литературными причинами,—наша романтическая критика объявила Шлегелей и Екштейна великими геніями, представителями философскихъ понятій объ искусствѣ и лучшими критиками нашего времени. Гдѣ теперь эти геніи, эти маленькіе великіе люди, которымъ удалось разыграть замѣтную роль въ переходный моментъ?—ихъ эфемерное существованіе кончилось съ породившимъ ихъ моментомъ. Наша романтическая критика, преклоняясь передъ Кузеномъ, почитала своею обязанностію благоговѣть и передъ Шеллингомъ, объ ученіи котораго узнала она изъ французскихъ газетъ. Когда же заслышала она о Гегелѣ, ея время уже прошло; ей уже не подъ-силу стало справляться, что̀ такое Гегель. Отставъ отъ времени, она рѣшилась объявлять отсталымъ все новое, съ чѣмъ уже нельзя ей было сладить. Такъ же начала она, съ роковой для нея эпохи тридцатыхъ годовъ, дѣйствовать и въ отношеніи къ русской литературѣ. Марлинскій у нея обогналъ вѣкъ, а Пушкинъ отсталъ отъ вѣка. Не желая отстать отъ Марлинскаго, она и сама принялась писать повѣсти. Это были преинтересныя повѣсти: въ нихъ вся сущность и вся цѣнность романтической критики. Можетъ быть, мы когда-нибудь поговоримъ особенно объ этихъ повѣстяхъ. предметъ и любопытенъ и поучителенъ... [1]). *Вечера на Хуторѣ*, это первое произведеніе Гоголя, столь оригинальное, столь свѣжее, столь наивное и исполненное жизни, романтическая критика встрѣтила бранью. Запоздалая, никѣмъ невнимаемая безъ голоса, безъ кредита, романтическая критика и теперь еще не перестаетъ давать знать, что она все еще пишетъ, пишетъ... Что́ же и ка́къ же она пишетъ? Кажется, все то̀ же и все такъ же, какъ и прежде; да дѣло въ томъ, что все это только прежнія слова, но уже безъ увѣренности, безъ силы, безъ увлеченія, безъ жара, и притомъ, слова одни и тѣ же, всѣмъ извѣстныя и всѣмъ давно уже наскучившія. Новаго въ ней одно, да и то отъ частаго повторенія сдѣлалось уже старо: это какая-то инстинктивная и закоренѣлая враждебность ко всему новому, исполненному силы и свѣжести. Такъ, она бранитъ постоянно Гоголя, Диккенса, доказывая, что ихъ постигнетъ участь Дюкре дю-Мениля. Явился Лермонтовъ—она бранитъ и его, и, говоря объ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній: *И скучно и грустно*, восклицаетъ насмѣшливо: „и скучно и грустно!“ Вѣримъ, вѣримъ, что ей—отсталой романтической, ей запоздалой верхоглядной критикѣ, и скучно и грустно сознавать свое безсиліе въ разумѣніи и чувствованіи всего новаго и юнаго! Но не однимъ этимъ ограничиваются ея подвиги: она пустилась въ мелкія компиляціи; она кропаетъ стишонки, надъ которыми во время оно такъ остроумно потѣшалась... Прежде она была самобытная

[1]) Этотъ отзывъ объ неоконченной „Исторіи Русскаго Народа“ Полевого слишкомъ суровъ; нѣкоторые взгляды Полевого (напр. на феодализмъ) до сихъ поръ еще служатъ предметомъ нерѣшеннаго научнаго спора

[1]) О повѣстяхъ Полевого Бѣлинскій говорилъ уже не одинъ разъ (см. статьи №№ 3, 19, 46 и др.); краткое резюме о нихъ онъ высказалъ въ 1846 году. въ своей брошюрѣ о Полевомъ (см. т. III. ст. № 61).

критика, а теперь она—поставщица всякихъ статей и мнѣній, какія ни закажутъ ей, готовая къ услугамъ тѣхъ самыхъ людей, которые нѣкогда очень боялись ея...

Конечно, все это „и скучно и грустно“, но въ то же время и понятно. Результата всякаго явленія должно искать въ самомъ этомъ явленіи. Мы уже говорили, что романтическая эпоха нашей литературы (отъ начала двадцатыхъ до половины тридцатыхъ годовъ) была эпохою переходною, въ которой непонятное старое отрицалось во имя еще менѣе понятнаго новаго, въ которой только увлекались и обольщались идеями, но не проникались ими. Основаніе было неглубокое и непрочное; непосредственное чувство (часто очень вѣрное) принималось за сознательную мысль; практическая ловкость, сноровка и тактъ — за философское направленіе, за мыслительную созерцательность, наглядка— за изученіе. Слово „романтизмъ“ всего лучше объясняетъ дѣло. Романтизмъ былъ попыткою подновить старое, воскресить давно умершее. Въ Германіи онъ былъ усиліемъ остановить потокъ новыхъ идей объ обществѣ и успѣхи знанія, основаннаго на чистомъ разумѣ. Во Франціи онъ былъ вызванъ сперва какъ противодѣйствіе идеямъ переворота, потомъ, какъ нравственная поддержка реставраціи. Обстоятельства его вызвали, и вмѣстѣ съ обстоятельствами онъ и исчезъ. Но къ намъ онъ не находился ни въ какихъ отношеніяхъ; правда, онъ изгналъ изъ нашей литературы стѣснительность и однообразіе формъ; но развѣ въ этомъ сущность романтизма? Романтизмъ, это — переведенный на языкъ поэзіи піэтизмъ среднихъ вѣковъ, экзальтація рыцарства. Съ этимъ романтизмомъ насъ еще прежде познакомилъ Жуковскій, и однакожъ Жуковскаго никто не называлъ романтикомъ, хотя онъ въ тысячу разъ болѣе романтикъ, нежели Пушкинъ, котораго всѣ почитали творцомъ и представителемъ романтизма въ русской литературѣ. Вотъ ясное доказательство, что спорили, сами не зная хорошенько о чемъ!

Сверхъ того, даже и со стороны эстетической свободы такъ ли были далеки, какъ думали?—Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! У самыхъ отчаянныхъ нашихъ романтиковъ понимаемый въ ихъ смыслѣ романтизмъ былъ не больше, какъ тотъ же псевдо-классицизмъ, только расширенный и развязанный отъ узъ внѣшней формы. Мы очень хорошо помнимъ, что романтическая критика не разъ толковала о возможности эпической поэмы въ наше время: не тотъ же ли это псевдо-классицизмъ, для котораго поэма была высшимъ родомъ поэзіи, и который сочинялъ *Генріады*, *Петріады*, *Россіады*, чтобъ не отстать отъ Грековъ и Римлянъ? Нашъ романтизмъ видѣлъ великое созданіе въ „Notre Dame de Paris“, этомъ натянутомъ, ложномъ и всячески фальшивомъ, хотя и блестящемъ произведеніи,— и видитъ признакъ упадка вкуса въ романахъ Диккенса и произведеніяхъ Гоголя. А если вы захотите присмотрѣться къ „драматическимъ представленіямъ“ нашего романтизма,—то и увидите, что они мѣсятся по тѣмъ же самымъ рецептамъ, по которымъ составлялись псевдо-классическія драмы и комедіи: тѣ же избитыя завязки и насильственныя развязки, та же неестественность, та же „украшенная природа“, тѣ же образы безъ лицъ вмѣсто характеровъ, то же однообразіе, та же пошлость и то же умѣнье. Даже въ иной передѣлкѣ *Гамлета* нельзя не увидѣть чисто дюсисовскихъ понятій о трагедіи, только немного подновленныхъ,—и иной передѣлыватель *Гамлета* — тотъ же самый Дюси, только не XVIII, а XIX вѣка: разница въ покроѣ платья, а не въ идеѣ [1]). А эти нападки, будто бы, на *мерзости* романовъ Диккенса и, будто бы, на *сальности* произведеній Гоголя, — не чистый ли это классицизмъ XVIII вѣка? Наши романтики ушли отъ псевдо-классицизма гораздо меньше, нежели ушелъ отъ него Казиміръ Делавинь— этотъ мнимый примиритель Расина съ Шекспиромъ, этотъ поэтическій академикъ-эклектикъ...

Мы помнимъ русскій романтизмъ въ самомъ разгарѣ его. Эпоха нашего сознанія сливается съ эпохою его торжества. Юношескому чувству нравилась его походка, его удальство, его гордое сознаніе своихъ успѣховъ. Жадно перечитывая, и даже переписывая, всякое вновь появлявшееся стихотвореніе Пушкина, мы почти съ такимъ же восторгомъ хватались за все, что́ выходило изъ-подъ пера Баратынскаго, г. Языкова, Дельвига, г. Подолинскаго, Веневитинова, Полежаева, Давыдова, Козлова, г. Туманскаго, г. Хомякова... e tutti quanti. Все было хорошо, все нравилось, все восхищало. Но болѣе всего, послѣ Пушкина, интересовали насъ, какъ и всѣхъ, стихотворенія Баратынскаго, Веневитинова, Полежаева и г. Языкова. Послѣдній стоялъ въ нашемъ сознаніи едва-ли не первымъ послѣ Пушкина. Но время шло, и мы шли за нимъ; декораціи перемѣнились; послѣ того много промелькнуло новыхъ именъ, много появилось надѣлавшихъ большого шума сочиненій, и одни изъ нихъ, очень немногія, удержали за собою свою знаменитость, но большая часть исчезла навсегда... И вотъ теперь эта блестящая дружина талантовъ, такъ очаро-

[1]) Объ отношеніи Бѣлинскаго къ переводу Полевымъ „Гамлета“ и объ этомъ переводѣ—см. т. I стр. 355—356.

вывавшихъ наше юношеское вниманіе, уже дождалась потомства, хотя многіе изъ нихъ еще живы и даже не стары; дождалась потомства, потому что между эпохою ея блестящаго успѣха и между нашимъ временемъ легла цѣлая бездна... Веневитиновъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, оставивъ книжечку стиховъ и книжечку прозы: въ той и другой видны прекрасныя надежды, какія подавалъ этотъ юноша на свое будущее, та и другая юношески-прекрасны; но ничего опредѣленнаго не представляетъ ни та, ни другая. Короче: это прекрасная надежда, разрушенная смертію. — Полежаевъ умеръ жертвою богатыхъ, но неуравновѣшенныхъ даровъ природы: все доброе въ немъ было вмѣстѣ и зломъ и отравою его жизни. Поэзія его есть полное выраженіе его личности: это смѣсь вкуса съ безвкусіемъ, таланта съ неразвитостію, геніальныхъ проблесковъ съ пошлостію, силы безъ мѣры и гармоніи, словомъ, что-то прекрасное и вмѣстѣ дикое, неопредѣленное.—Поэзія Козлова была скорбію личнаго несчастія поэта; Козловъ былъ поэтомъ не по призванію, а по несчастію. Такіе поэты бываютъ всегда однообразны, и нравятся, пока къ нимъ не привыкнешь. *Чернецъ* былъ прочитанъ еще въ рукописи цѣлою Россіею; но это не былъ успѣхъ *Горя отъ Ума*: это былъ успѣхъ *Бѣдной Лизы*. Козловъ переводилъ Байрона, но, переводя, онъ сообщалъ ему колоритъ своего собственнаго вдохновенія и силу Байрона превращалъ въ простое чувство унылости. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ Козлова есть мелодія стиха, но содержаніе ихъ и однообразно и недовольно существенно.—Летучія стихотворенія Давыдова — бивуачныя импровизаціи. Давыдовъ и въ поэзіи былъ партизаномъ, какъ на войнѣ. Нельзя лучше его успѣть въ поэзіи, занимаясь ею между прочимъ, какъ однимъ изъ наслажденій жизни.—Дельвигъ своею поэтическою славою былъ обязанъ больше дружескимъ отношеніямъ къ Пушкину и другимъ поэтамъ своего времени, нежели таланту. Это была прекрасная личность, которую любили всѣ близкіе къ ней; Дельвигъ любилъ и понималъ поэзію не въ однихъ стихотвореніяхъ, но и въ жизни, и это-то ошибочно увлекло его къ занятію поэзіею, какъ своимъ призваніемъ; онъ былъ поэтическая натура, но не поэтъ.—Давно уже г. Подолинскій началъ писать все рѣже и рѣже, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ. Что это значитъ: неужели прежде времени потухло священное пламя вдохновенія? Мы думаемъ, г. Подолинскій почувствовалъ самъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, написалъ все, что могъ написать. Онъ пробовалъ писать, когда уже прошло его время, но, вѣроятно, увидѣлъ, что у него выходитъ то же самое, что было имъ давно уже написано, а попытки въ другомъ тонѣ, вѣроятно, ему не удавались. У г. Подолинскаго былъ талантъ, и прекрасный; но, по нашему мнѣнію, ни одинъ поэтъ этой эпохи не выразилъ своими сочиненіями такъ опредѣленно и ясно, до какой степени бѣдна... какъ бы это сказать? бѣдна сущностію эта эпоха. Возьмите прежнія стихотворенія г. Подолинскаго: прекрасно, а какъ-то утомительно. Удивительно ли, что теперь о нихъ совсѣмъ не говорятъ, какъ будто бы ихъ и не было? А лѣтъ пятнадцать назадъ появленіе новаго стихотворенія, новой поэмы г. Подолинскаго было фактомъ текущей русской литературы.— Г. Туманскій писалъ немного, и только въ элегическомъ родѣ; въ его стихахъ много чувства и души; въ свое время стихотворенія его имѣли большое достоинство, и когда прошло ихъ время, они перестали являться вновь.

Призваніе Баратынскаго было на рубежѣ двухъ сферъ: онъ *мыслилъ стихами*, если можно такъ выразиться, не будучи собственно ни поэтомъ въ смыслѣ художника, ни сухимъ мыслителемъ. Стихотворенія его не были ни стихотворнымъ резонёрствомъ, ни художественными созданіями. *Дума* всегда преобладала въ нихъ надъ непосредственностью творчества. Почти каждое стихотвореніе Баратынскаго было порождаемо не стремленіемъ осуществить идеальныя видѣнія фантазіи художника, но необходимостью высказать скорбную мысль, навѣянную на поэта созерцаніемъ жизни. Эта мысль, или, лучше сказать, эта *дума*, всегда такъ тепла, такъ задушевна въ стихахъ Баратынскаго; она обращается къ головѣ читателя, но доходитъ до нея черезъ его сердце. Въ думѣ Баратынскаго много *страдательнаго*, въ обоихъ значеніяхъ этого слова: и въ томъ, что въ ней слышится страданіе, и въ томъ, что эта мысль не активная, а чисто пассивная. Она — всегда вопросъ, на который поэтъ отвѣчаетъ только скорбію; никогда этотъ вопросъ не разрѣшается у него въ отвѣтъ самодѣятельностью мысли, въ вопросѣ заключенной. Читая стихи Баратынскаго, забываешь о поэтѣ, и тѣмъ болѣе видишь передъ собою человѣка, съ которымъ можешь не соглашаться, но которому не можешь отказать въ своей симпатіи, потому что этотъ человѣкъ, сильно чувствуя, много думалъ, слѣдовательно, жилъ, какъ не всѣмъ дано жить, но только избраннымъ. Его скорбь была у него не въ фантазіи, а въ сердцѣ; фантазія же только давала жизнь и форму его скорби; и сердце не рождало его скорби, но только принимало ее отъ его головы. Стихъ Баратынскаго запечатлѣнъ одушевленіемъ и чувствомъ; иногда онъ не ли-

шенъ даже силы выраженія, словомъ, въ стихѣ Баратынскаго есть поэзія, но какъ его второстепенное качество, и оттого онъ не художественъ. Къ недостаткамъ стиха Баратынскаго принадлежитъ мѣстами прозаичность, мѣстами неточность выраженія. Вообще, поэзія Баратынскаго — не нашего времени; но мыслящій человѣкъ всегда перечтетъ съ удовольствіемъ стихотворенія Баратынскаго, потому что всегда найдетъ въ нихъ *человѣка*—предметъ вѣчно-интересный для человѣка. Въ послѣднее время Баратынскій писалъ мало: въ его *Сумеркахъ* есть нѣсколько истинно-прекрасныхъ пьесъ, появлявшіяся затѣмъ стихотворенія его довольно слабы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать для литературы; но, оплакивая его преждевременную смерть, мы скорбимъ о потерѣ не только поэта, но и человѣка: въ Баратынскомъ оба эти имени слились нераздѣльно...

Теперь намъ остается поговорить о двухъ поэтахъ пушкинской эпохи: объ одномъ, котораго слишкомъ превозносили близкіе къ нему люди и которымъ восхищалась вся Россія—о г. Языковѣ, и о другомъ, котораго превозносятъ теперь близкіе къ нему люди, но о которомъ публика и въ то время едва знала — о г. Хомяковѣ. Какъ нарочно, въ прошломъ году вышли стихотворенія того и другого, слѣдовательно, они сами просятся въ нашу статью, предметъ которой — обозрѣніе всей русской литературы въ 1844 году.

Стихотворенія гг. Языкова и Хомякова вышли въ маленькихъ книжкахъ, обѣ съ оригинальнымъ титуломъ: „HS Стихотвореній Н. М. Языкова“ — „КЕ Стихотвореній А. С. Хомякова“. Заглавіе по счету стихотвореній, счетъ славянскими цифрами, киноварью оттиснутыми! Оригинально, хотя и некрасиво! Въ одной книжкѣ 56, въ другой 25 стихотвореній: хорошаго понемножку!.. Начнемъ съ *пятидесяти шести*; но прежде скажемъ нѣсколько словъ о томъ времени, когда этихъ стихотвореній было написано цѣлыхъ *сто шестнадцать*...

Это было необыкновенно оригинальное время, читатели! Даже сочиненія самого Пушкина, написанныя въ это время, большею частію весьма рѣзко отличаются отъ его же сочиненій, написанныхъ послѣ. Но Пушкинъ смѣло перешагнулъ черезъ границу и своихъ тридцати лѣтъ, по поводу которыхъ онъ такъ поэтически распрощался съ своею юностью въ VI-й главѣ *Онѣгина*, вышедшей въ 1828 году, и черезъ границу критическихъ для русской литературы тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Но онъ перешелъ черезъ нихъ, какъ мы замѣтили выше, болѣе посредствомъ своего огромнаго художническаго таланта, нежели сознательной мысли. На первыхъ его сочиненіяхъ, несмотря на все превосходство ихъ передъ опытами другихъ поэтовъ его эпохи, слишкомъ замѣтенъ отпечатокъ этой эпохи. Поэтому, не удивительно, что Пушкинъ видѣлъ вокругъ себя все геніевъ, да талантовъ. Вотъ почему онъ такъ охотно упоминалъ въ своихъ стихахъ о сочиненіяхъ близкихъ къ нему людей, и даже въ особыхъ стихотвореніяхъ превозносилъ ихъ поэтическія заслуги:

Тамъ *нашъ* Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой...

Увы! гдѣ же этотъ величавый геній Корнеля, воскрешенный на русскомъ театрѣ г. Катенинымъ? — объ этомъ ровно ничего не знаемъ ни мы, ни русская публика... Гдѣ шумный рой комедій?—разлетѣлся, разсѣялся и — забытъ! Кто не помнитъ гекзаметровъ Пушкина, въ которыхъ онъ говоритъ, что Дельвигъ возрастилъ на снѣгахъ Феокритовы нѣжныя розы, въ желѣзномъ вѣкѣ угадалъ золотой, — что онъ, молодой *Славянинъ*, духомъ Грекъ, а родомъ Германецъ! Или кто не знаетъ этихъ стиховъ къ Баратынскому, на счетъ его *Эды*:

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, *ей-ей*,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ—прямой Чухонецъ.

Какъ не сказать, что если всѣ безпрекословно согласятся съ послѣднимъ стихомъ, то едва ли кто согласится съ третьимъ и четвертымъ? Но, чтобъ показать дѣло во всей его ясности, выпишемъ посланіе Пушкина къ г. Языкову.

Языковъ, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье *удалое?*
Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое *буйство молодое!*
Нѣтъ, не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобою.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится *хмельною брагой;*
Она *разымчива*, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ *жаждою свободной*
Открытый въ наши времена.

Это было писано въ лѣто отъ Р. Х. 1826-е,—и тогда намъ, какъ и всѣмъ, очень нравилось, а теперь мы, какъ и всѣ, спрашиваемъ самихъ себя: неужели это намъ нравилось и какъ же это намъ нравилось? Что такое: *удалое посланіе*, и почему это только *удалое*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *ухорское*, не *забубенное?* Что такое—*буйство молодое?*—

Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ слова: *буй* и *бусть* употреблены въ смыслѣ *храбрый, сильный, храбрость, богатырство*; но и въ наше время *буйство* означаетъ только ту добродѣтель, за которую сажаютъ въ тюрьму. И потомъ: что за эпитетъ — *молодое* буйство? *Хмельная брага* — напитокъ, который сами наши поэты, вѣроятно, замѣняли или англійскимъ портеромъ, или кроновскимъ пивомъ. Эпитетъ *разымчивый* происходитъ отъ глагола *разнимать, разбирать*; о пьяныхъ говорятъ: эхъ его разнимаетъ, экъ его разбираетъ! Что такое *свободная жажда*—рѣшительно не понимаемъ [1]).

А между тѣмъ, было время, когда всѣ этимъ восхищались, не вникая слишкомъ строго въ смыслъ. Въ это золотое время быть поэтомъ—значило быть древнимъ полубогомъ. И потому всѣ бросились въ поэты. *Стишки* были въ страшной модѣ: ихъ читали въ книгахъ, изъ книгъ переписывали въ тетрадки. Молодые люди бредили стихами, и чужими и своими; „барышни“ были отъ стиховъ безъ ума. *Дѣва, луна, она, къ ней, золотая лѣнь, мечта, буйное разгулье, разочарованіе,* но въ особенности *дѣва* и *луна* сдѣлались постоянными темами, на которыя наши поэты взапуски варіировали свои невинныя упражненія въ стихотворствѣ. Это было полное торжество самой безкорыстной любви къ искусству и литературѣ. Лишь появится, бывало, стихотвореніе,—критики и рецензенты о немъ пишутъ и спорятъ между собою; читатели говорятъ и спорятъ о немъ. Бывало, убить нѣсколько вечеровъ на споръ о стихотвореніи ничего не стоило. Да, это былъ золотой вѣкъ Астреи для стиховъ! поэты и читатели жили въ Аркадіи. Литературу любили для литературы, стихи любили для стиховъ, рифмы для рифмъ, а совсѣмъ не для того смысла или того значенія, которое было (если только было) въ стихахъ и рифмахъ. Теперь не то: въ нашъ корыстный вѣкъ люди до того развратились, что никто не дастъ даромъ своей статьи въ журналъ—изъ чести видѣть въ печати свое имя. Теперь многіе пишутъ только для денегъ, въ полномъ убѣжденіи, что это гораздо и умнѣе и приличнѣе для взрослаго человѣка, нежели писать изъ безкорыстнаго стремленія прославить свое имя въ кругу своихъ пріятелей, или плохими сочиненіями дѣйствовать въ пользу отечественной словесности. Люди съ талантомъ и призваніемъ пишутъ теперь изъ желанія высказаться, и за свои труды хотятъ брать деньги, чтобъ имѣть возможность вполнѣ посвятить себя литературѣ. И только немногія праведныя души прошли чистыми чрезъ мутный потокъ времени и сохранили цѣломудріе и наивность романтической эпохи. Уже не вспоминая съ умысломъ о томъ, что они тогда кропали стишонки, которыми пріобрѣли себѣ большую извѣстность,—они тѣмъ не менѣе любятъ сшивать жиденькія печатныя тетрадки, набивая ихъ разнымъ невиннымъ вздоромъ въ стихахъ и прозѣ и приправляя запоздалыми сужденіями о литературѣ и устарѣлыми фразами о безкорыстной любви къ литературѣ... Счастливые люди! имъ все кажется, что ихъ время или еще не прошло, или опять скоро настанетъ...

Въ это-то время явился г. Языковъ. Несмотря на неслыханный успѣхъ Пушкина, г. Языковъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти себѣ огромную извѣстность. Всѣ были поражены оригинальною формою и оригинальнымъ содержаніемъ поэзіи г. Языкова, звучностью, яркостью, блескомъ и энергіею его стиха. Что въ г. Языковѣ дѣйствительно былъ талантъ, объ этомъ нѣтъ и спора; но пора уже разсмотрѣть, до какой степени были справедливы заключенія публики того времени объ оригинальности поэзіи и достоинствѣ стиха г. Языкова.

Начнемъ съ оригинальности. Паѳосъ поэзіи г. Языкова составляетъ *поэзія юности!* Теперь посмотримъ, какъ понялъ поэтъ поэзію юности, и попросимъ его самого отвѣчать на этотъ вопросъ.

Намъ было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали,
Свободу нашего житья
И цѣлый міръ позабывали!
Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;
Они звучали яркимъ звукомъ
Разгульныхъ пѣсенъ и стекла;
Какъ искры брызжущія стали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи свѣтлыя виномъ,
Они плѣнительно блистали.

Въ этихъ стихахъ, такъ сказать, программа всей поэзіи г. Языкова. Но вотъ цѣлое стихотвореніе—*Кубокъ*, представляющее апоѳеозу юности и любви поэта:

Восхитительно играетъ
Драгоцѣнное вино!
Снѣжной пѣною играетъ
Златомъ искрится оно!
Услаждающая влага
Оживитъ тебя всего:
Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова;
Строенъ, пышенъ міръ *житейскій*
Развернется предъ тобой...
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!
И любовь развеселяетъ
Человѣка, и она

[1]) По поводу этихъ замѣчаній см. т. III, стр. 4.

Животворно въ немъ играетъ,
Столь же *сладостно* сильна;
Въ дни прекраснаго *расцвѣта*
Поэтическихъ заботъ (???),
Ей дѣятельность поэта
Дани дивныя несетъ;
Молодое сердце бьется,
То притихнетъ и дрожитъ,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнетъ, взовьется
И куда-то улетитъ!
И, послушно, имя дѣвы
Станетъ въ *лики* чудныхъ словъ (???)
И сроднятся съ нимъ напѣвы
Вѣчно-памятныхъ стиховъ! (!!!),
Дѣва-радость, величайся
Рѣдкой славою любви,
Настоящему ввѣряйся
И мгновенія лови!
Горделивый и свободный
Чудно (?) *пьянствуетъ* (!) поэтъ!
Кубокъ взялъ: *душѣ угодны*
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ (?!);
Съѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой;
Сразу кубокъ выпиваетъ
И высоко поднимаетъ,
И надъ *буйной* головой
Держитъ. Рѣчь его струится
Безмятежно весела,
А въ рукѣ еще таится
Жребій бреннаго стекла (???!!!).

Вотъ она—поэзія юности и любви поэта, по идеалу г. Языкова!.. Чудно *пьянствуетъ* поэтъ: а что-жъ тутъ чуднаго, кромѣ развѣ того, что и поэтъ такъ же можетъ пьянствовать, какъ и... приберите сами, читатели, къ нашему „и“ кого вамъ угодно. Мы понимаемъ, что есть поэзія во всемъ живомъ, стало быть, есть она и въ *питьѣ* вина; но никакъ не понимаемъ, чтобъ она могла быть въ *пьянствѣ*; поэзія можетъ быть и въ *пьянствѣ*, но никогда въ *обжорствѣ*. Пьютъ и ѣдятъ всѣ люди, но пьянствуютъ и обжираются только дикари. Подобное анти-эстетическое направленіе нашъ поэтъ довелъ до того, что въ одномъ стихотвореніи, вспоминая о времени своего студенчества, говоритъ:

Ну да, судьбою благосклонной
Во здравье было мнѣ дано
Той жизни *мило-забубённой*
Извѣдать крѣпкое вино.

Въ другомъ стихотвореніи, приглашая друзей на свою могилу, поэтъ восклицаетъ:

Во славу мнѣ, вы чашу круговую
Наполните блистательнымъ виномъ,
Торжественно пропойте пѣснь родную,
И *пьянствуйте* о имени моемъ.

Спрашивается: какимъ образомъ поэтъ съ дарованіемъ, человѣкъ образованный и принадлежащій къ одному изъ замѣтнѣйшихъ круговъ общества,—какимъ образомъ могъ онъ дойти до такой анти-эстетичности, до такой, выразимся прямѣе, тривіальности въ мысли, чувствѣ и выраженіи?—Не трудно объяснить это странное явленіе. До Пушкина наша поэзія была не только реторическою, но и скучно-чопорною, приторно-сантиментальною. Она или воспѣвала надутыми словами разныя иллюминаціи, или перекладывала въ пухлыя фразы газетныя реляціи; а если вдавалась въ сферу частной жизни, то или жеманно сантиментальничала, или старалась прикинуться сладострастною на манеръ древнихъ. Нужна была сильная реакція этому реторическому направленію. Разумѣется, эта реакція должна была заключаться въ натурѣ, естественности и простотѣ какъ предметовъ, избираемыхъ поэзіею, такъ и въ выраженіи этихъ предметовъ. Понятно, что всѣ захотѣли быть народными, каждый по-своему. Такъ Дельвигъ началъ писать русскія пѣсни; г. Языковъ началъ брать слова и предметы изъ житейскаго русскаго міра, запѣлъ русскимъ удальцомъ. Но тутъ прогрессъ былъ только въ намѣреніи, а въ исполненіе забралась та же реторика, которая водянила и прежнюю поэзію. Пѣсни Дельвига были пѣснями *барина*, пропѣтыми будто бы на мужицкій ладъ. Удаль г. Языкова была тоже удалью *барина*, который только въ стихахъ носилъ шапку, заломленную на бекрень, а въ самомъ дѣлѣ одѣвался какъ одѣваются всѣ порядочные люди его сословія. Въ посланіи Пушкина къ г. Языкову, которое мы привели выше (и на которое должно смотрѣть, какъ на исключеніе между его стихотвореніями), упоминается о *хмельной брагѣ*: ясно, что поэтъ здѣсь только прикинулся пьющимъ этотъ напитокъ, а въ самомъ-то дѣлѣ никогда не пилъ,—а прикинулся, чтобъ *казаться* народнымъ. Вообще, о нравственности всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ отнюдь не должно заключать по ихъ стихамъ въ честь вину и пьянству: въ этомъ случаѣ они *реторически* налыгали на себя небывальщину. Этого рода *реторизмъ* есть главная основа всей поэзіи г. Языкова. Всѣ его ухорскія и мило-забубённыя выходки, его молодое буйство и чудное пьянство явились въ печати не какъ выраженіе дѣйствительности (чѣмъ должна быть всякая истинная поэзія), а такъ, только для *красоты слога*, какъ говоритъ Маниловъ. Кстати о реторикѣ: перечтете его пьесы: *Олегъ*, *Евтапій*, *Пѣсня Короля Регнера* [1]), *Ливонія*, *Кудесникъ*, *Новогородская Пѣсня*, *Усладъ*, *Меченосецъ Аранъ*, *Пѣснь Баяна:* что такое все это, если не реторика, хотя и не лишенная своего рода изящества? Тутъ Славяне полу-баснословныхъ временъ Святослава и Русскіе XIII вѣка говорятъ и чувствуютъ, какъ ливонскіе рыцари, которые,

[1]) Эта пьеса есть подражаніе пьесѣ Батюшкова: *Пѣснь Гаральда Смѣлаго*. Вообще, г. Языковъ не разъ подражалъ Батюшкову, какъ, напримѣръ, въ пьесѣ: *Мое Уединеніе* и въ другихъ.

Прим. Бѣлинскаго

въ свою очередь, очень похожи на нѣмецкихъ буршей; тутъ ни въ чемъ нѣтъ истины—ни въ содержаніи, ни въ краскахъ, ни въ тонѣ. А тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя, нѣтъ никакой истины въ чувствѣ, мысль придумана, произвольно кончена, стихъ блестящъ, бросается въ глаза, поражаетъ слухъ своею необыкновенностію, и читатель только до тѣхъ поръ признаетъ его прекраснымъ, пока не дастъ себѣ труда присмотрѣться и прислушаться къ нему.

Люди, несимпатизировавшіе съ романтическою школою, нападали на нѣкоторыя стихотворенія г. Языкова за отсутствіе въ нихъ чувства цѣломудрія, за слишкомъ неприкрытое даже цвѣтами поэзіи сладострастіе. Мы такъ думаемъ, что эти пьесы такъ же точно заслуживаютъ упрекъ за отсутствіе въ нихъ именно того, излишнее присутствіе чего въ нихъ такъ восхищало однихъ, такъ оскорбляло другихъ. Сладострастіе этихъ пьесъ холодное; это не болѣе, какъ шалость воображенія. Слѣдующая пьеса самого г. Языкова есть лучшая критика на всѣ его пьесы въ этомъ родѣ:

Ночь безлунная звѣздами
Убирала синій сводъ;
Тихи были зыби водъ;
Подъ зелеными кустами
Сладко, дѣва-красота,
Я сжималъ тебя руками;
Я горячими устами
Цаловалъ тебя въ уста;
Страстнымъ жаромъ подымались
Перси полныя твои;
Разлетаясь, развивались
Черныхъ локоновъ струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своихъ очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая къ моей.
Подъ ночными небесами
Сладко, дѣва-красота,
Я горячими устами
Цаловалъ тебя въ уста...
Небесамъ благодаренье!
Здравствуй, дѣва-красота!
То играло сновидѣнье,
Безтѣлесная мечта!

Когда муза г. Языкова *прикидывается* вакханкою,—въ ея безтѣлесномъ лицѣ блеститъ яркій румянецъ наглаго упоенія, но худо то, что этотъ румянецъ, если вглядѣться въ него, оказывается толстымъ слоемъ румянъ... Теперь объ оригинальномъ стихѣ г. Языкова: въ немъ много блеска и звучности; первый ослѣпляетъ, вторая оглушаетъ, и изумленный читатель, застигнутый врасплохъ, признаетъ стихъ г. Языкова образцовымъ. Первое и главное достоинство всякаго стиха составляетъ строгая точность выраженія, требующая, чтобъ всякое слово необходимо попадало въ стихъ и стояло на своемъ мѣстѣ такъ, чтобъ его никакимъ другимъ замѣнить было невозможно, чтобъ эпитетъ былъ вѣренъ и опредѣлителенъ. Только точность выраженія дѣлаетъ истиннымъ представляемый поэтомъ предметъ, такъ что мы какъ-будто видимъ передъ собою этотъ предметъ. Стихи г. Языкова очень слабы со стороны точности выраженія. Это можно доказать множествомъ примѣровъ. Вотъ нѣсколько:

Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;
Они звучали *яркимъ звукомъ*
Разгульныхъ пѣсенъ и стекла;
Какъ искры брызжущія стали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи, свѣтлыя виномъ,
Они плѣнительно блистали.

Что такое *яркій звукъ разгульныхъ пѣсенъ?* Есть ли какая-нибудь точность и какая-нибудь образность въ этомъ выраженіи? И какъ могли *звучать дни?* И неужели искры только тогда плѣнительны, когда брызжутъ на роковомъ поединкѣ? И какое отношеніе имѣютъ эти *страшныя* искры къ веселой жизни поэта. Разберите все это строго, переведите всѣ эти фразы на простой языкъ здраваго смысла, и вы увидите одинъ наборъ словъ, замаскированный *кажущимся* вдохновеніемъ, *кажущеюся* красотою стиха...

Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего,

Неужели это поэтическій образъ?

Самобытными мечтами
Загуляетъ голова.

Что за *самобытныя* мечты? развѣ—пьяныя?

Чудно пьянствуетъ поэтъ.

Что-жъ тутъ *чуднаго?*

Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ.

Что за эпитетъ: *прекрасно* радуясь?

Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Какъ пламенны твои уста!
Какъ безгранично-сладострастна
Твоихъ объятій полнота!

Безгранично сладострастная *полнота* объятій: помилуйте, да этого „не хитрому уму не выдумать бы въ вѣкъ“!..

Здѣсь муза пѣсенъ полюбила
Мои словесныя дѣла.

Разнообразныя надежды
Я *расточительно* питалъ.

. . . . . Грозою *правой*
Ты *знаменито* ихъ пугнешь.

Тебѣ привѣтъ мой издалеча
Отъ москворѣцкихъ береговъ,
Туда, гдѣ *звонкихъ звономъ* вѣча
Монахъ пугалась ты стиховъ.

Товарищи, какъ думаете вы?
Для васъ я пѣлъ? . . . . .

Нѣтъ, не для васъ!—Она меня хвалила,
Ей правились *разгульный* мой *вынокъ*,
И младости заносчивая сила
И *пламенныхъ восторговъ кипятокъ*.

Благословляю твой возвратъ
Изъ этой *нехристи* нѣмецкой
На Русь, къ святынѣ *москворѣцкой*.

Неточность, вычурность и натянутость всѣхъ этихъ выраженій и словъ, означенныхъ нами курсивомъ, слишкомъ очевидны и не требуютъ доказательствъ. Замѣтимъ только, что *нѣмецкая нехристь* есть выраженіе, уже оставляемое даже русскими мужичками, понявшими наконецъ, что Нѣмцы вѣруютъ въ того же самаго Христа, въ котораго и мы вѣруемъ; г. Языковъ тоже понимаетъ это— въ чемъ мы ручаемся за него: но какъ ему, во что бы ни стало, надо быть народнымъ и какъ поэзія для него только маскарадъ, то, являясь въ печати, онъ старается закрыть свой фракъ зипуномъ, поглаживаетъ свою накладную бороду и, чтобъ ни въ чемъ не отстать отъ народа, такъ и щеголяетъ въ своихъ стихахъ и грубостію чувствъ и выраженій. По его мнѣнію, это значитъ быть *народнымъ*! Хороша народность! Кому не дано быть народнымъ и кто хочетъ сдѣлаться имъ насильно, тотъ непремѣнно будетъ простонароднымъ или вульгарнымъ. У г. Языкова нѣтъ ни одного стихотворенія, въ которомъ не было бы хотя одного слова, некстати поставленнаго или изысканнаго и фигурнаго. Еслибъ приведенныхъ нами примѣровъ кому-нибудь показалось мало, или доказательства наши кому-нибудь показались бы неудовлетворительными, — мы всегда будемъ готовы представить и больше примѣровъ и придать нашимъ доказательствамъ бо́льшую убѣдительность и очевидность... Правда, встрѣчаются у него иногда и весьма счастливые и ловкіе стихи и выраженія, но они всегда перемѣшаны съ несчастными и неловкими. Такъ, напр., въ стихотвореніи *Пожаръ*:

Уже осушены за Русь и сходки наши,
Высоко надъ столомъ *состукивались* чаши,
И разомъ кинуты *всей силою плеча*,
Скакали по полу дробяся и бренча.

Послѣдній стихъ хорошъ, но глаголъ *состукивались* какъ-то отзывается изысканностію, а выраженіе: *кидать всей силою плеча* совершенно ложно.

Картина пышная и грозная предъ нами:
Подъ *громоносными* ночными облаками,
Полнеба заревомъ багровымъ обхвативъ,
Шумѣлъ и вылъ огня блистательный разливъ.

Послѣдніе два стиха даже очень хороши; но эпитетъ *громоносными* во второмъ стихѣ не то, чтобъ неточенъ, а какъ-то отзывается общимъ мѣстомъ, и его *вставка* въ стихъ если чѣмъ-нибудь оправдывается, такъ это развѣ необходимостью составить стихъ непремѣнно изъ шести стопъ. Въ томъ же стихотвореніи есть стихи:

Ты помнишь ли, какъ мы, на праздникѣ ночномъ,
Уже *веселые* и *шумные* виномъ,
Уже *пьвучіе* (?) и *свѣтлые* (!), кругами
Сидѣли у стола...

Что за странный наборъ словъ!

Есть у г. Языкова нѣсколько стихотвореній очень недурныхъ, несмотря на ихъ недостатки, какъ напр.: *Поэту*, *Двѣ Картины*, *Вечеръ*, *Подражаніе псалму CXXXVI*. Еще разъ: мы и не думаемъ отрицать таланта въ г. Языковѣ, но хотимъ только опредѣлить объемъ этого таланта. Имя г. Языкова навсегда принадлежитъ русской литературѣ и не сотрется съ ея страницъ даже тогда, когда стихотворенія его уже не будутъ читаться публикою: оно останется извѣстно людямъ, изучающимъ исторію русскаго языка и русской литературы. Г. Языковъ принесъ большую пользу нашей литературѣ даже самыми ошибками своими: онъ былъ смѣлъ, и его смѣлость была заслугою. Вычурныя выраженія, оскорбляющія эстетическій вкусъ, мнимая оригинальность языка, внѣшняя красота стиха, ложность красокъ и самыхъ чувствъ, — все это теперь уже сознано въ поэзіи г. Языкова и все это теперь уже не дастъ успѣха другому поэту; но все это было необходимо и принесло великую пользу въ свое время. Дотолѣ всякая мысль, всякое чувство, всякое выраженіе, словомъ, всякое содержаніе и всякая форма казались противными и эстетическому вкусу, если они не оправдывались, какъ копія образцомъ, произведеніемъ какого-нибудь писателя, признаннаго образцовымъ. Оттого писатели наши отличались удивительною робостію: всякое новое, оригинальное выраженіе, родившееся въ собственной ихъ головѣ, приводило ихъ въ ужасъ; литература, въ свою очередь, отличалась скучнымъ однообразіемъ, особенно въ произведеніяхъ второстепенныхъ талантовъ. Чтобъ имѣть право писать не такъ, какъ всѣ писали, надо было сперва пріобрѣсти огромный авторитетъ. Такимъ образомъ, первыя сочиненія Пушкина ужасали нашихъ классиковъ своеволіемъ мысли и выраженія. И потому, смѣлыя, по ихъ оригинальности, стихотворенія г. Языкова имѣли на общественное мнѣніе такое же полезное вліяніе, какъ и проза Марлинскаго: они дали возможность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, а какъ онъ способенъ писать, слѣдственно, каждому дали возможность быть самимъ собою въ своихъ сочиненіяхъ. Это было задачею всей романтической эпохи нашей литературы, задачею, которую она счастливо рѣшила.

Вотъ историческое значеніе поэзіи г. Язы-

кова: оно немаловажно. Но въ эстетическомъ отношеніи общій характеръ поэзіи г. Языкова чисто реторическій, основаніе зыбко, паѳосъ бѣденъ, краски ложны, а содержаніе и форма лишены истины. Главный ея недостатокъ составляетъ та *холодность*, которую такъ справедливо находилъ Пушкинъ въ своемъ произведеніи — *Руслань и Людмила*. Муза г. Языкова не понимаетъ простой красоты, исполненной спокойной внутренней силы: она любитъ во всемъ одну яркую и шумную, одну эффектную сторону. Это видно во всякой строкѣ, имъ написанной; это онъ даже самъ высказалъ:

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ *гремитъ* и *блещетъ*
Иного генія полетъ.

Повидимому, поэзія г. Языкова исполнена бурнаго, огненнаго вдохновенія; но это не болѣе, какъ разноцвѣтный огонь отразившагося на льдинѣ солнца, это... но мы лучше объяснимъ нашу мысль собственными стихами г. Языкова:

. . . . . Такъ волна
Въ лучахъ свѣтила золотого
Блеститъ, кипитъ—но холодна.

Разсказывая въ удалыхъ стихотвореніяхъ болѣе всего о своихъ попойкахъ, г. Языковъ нерѣдко разсуждалъ въ нихъ и о томъ, что пора уже ему охмелиться и приняться за дѣло. Это благое намѣреніе, или, лучше, эта охота говорить въ стихахъ объ этомъ благомъ намѣреніи сдѣлалась новымъ источникомъ для его вдохновенія, обратилась у него въ истинную манію и отъ частаго повторенія превратилась въ общее реторическое мѣсто. Обѣщанія эти продолжаются до сихъ поръ; всѣ давно знаютъ, что нашъ поэтъ давно уже охмелился; публика узнала даже (изъ его же стиховъ), что онъ давно уже не можетъ ничего пить, кромѣ рейнвейна и малаги; но дѣла до сихъ поръ отъ него не видно. Новыя стихотворенія его только повторяютъ недостатки его прежнихъ стихотвореній, не повторяя ихъ достоинствъ, каковы бы они ни были. Въ прошломъ, 1844 году въ одномъ журналѣ было помѣщено предлинное стихотвореніе г. Языкова, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ:

Но вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!
Уже не робко я гляжу
И на парнасскую дорогу—
Пора за дѣло мнѣ! Вину и кутежу
Уже не стану, какъ бывало,
Пѣть *вольнодумную* хвалу:
Потѣхи юности удалой
Некстати были-бъ мнѣ; неюному челу
Не кстати рѣзвый плющъ и роза...
Пора за дѣло! Въ добрый путь!

Вотъ подлинно длинные сборы въ путь! Гдѣ-жъ дѣло-то? Неужели эта крохотная книжечка съ пятьюдесятью стихотвореніями, изъ которыхъ бо́льшая половина старыхъ, имѣющихъ свой историческій интересъ, и меньшая половина новыхъ, интересныхъ развѣ только какъ фактъ совершеннаго упадка таланта, нѣкогда столь превозносимаго? Перечтите, напр., драгоцѣнное стихотвореніе, въ которомъ неуваженіе къ печати и грамотнымъ людямъ доведено до послѣдней степени: это—посланіе къ *М. П. Погодину*:

Благодарю тебя сердечно
За *подареньице твое*!
Мнѣ съ нимъ раздолье! Съ нимъ житье
Поэту! *Дивно-быстротечно*,
Легко пошли часы мои—
Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня *уважилъ!*
По-стихотворчески я зажилъ,
Я въ духѣ! Словно, какъ ручьи
Съ высокихъ горъ на долы *злачны*
Бѣгутъ, игривы и *прозрачны*,
Бѣгутъ, сверкая и звеня
Свѣтлостеклянными струями,
При ясномъ небѣ, межъ цвѣтами
Весной: такъ точно у меня
Стихи мои *проворно, мило*
Съ пера бѣгутъ теперь;—и вотъ
Тебѣ, мой *явный* доброхотъ,
Стаканъ стиховъ (?!...): *на, пей!*—Что было—
Того ужъ намъ не воротить!
Да, братъ, теперь мои созданья
Не то, что въ пору волнованья
Надеждъ и мыслей (1);—такъ и быть!
Они теперь—напиткомъ трезвый: (2)
Давнымъ давно уже въ нихъ нѣтъ
Игры и силы прежнихъ лѣтъ,
Ни мысли пламенной и рѣзвой,
Ни *пьяно-буйнаго* стиха. (3)
И не диковинное дѣло: (4)
Я самъ не тотъ уже (,) и смѣло
Въ томъ признаюсь. Кто безъ грѣха?
Но ты, *мой добрый и почтенный*,
Ты пріймешь ласковой душой
Напитокъ, поднесенный мной,
Хоть онъ безхмельный и *не пьянный* (5).

Скажите, ради здраваго смысла: неужели это—поэзія, *языкъ боговъ*? Вотъ чѣмъ разрѣшился романтизмъ двадцатыхъ годовъ! Впрочемъ, и то сказать: „Отъ великаго до смѣшного только шагъ“, по выраженію Наполеона: стало быть, отъ *небольшого* до *смѣшного* еще ближе!..

Это *дивно-быстротечное* стихотвореніе, звенящее *свѣтлостеклянными* струями прѣсной и не совсѣмъ свѣжей воды, поднесенной

(1) Вотъ что правда, такъ правда, хотя и выраженная прозаически, нескладно и съ грѣшкомъ противъ грамматики!..

(2) То-есть: вода?

(3) Зачѣмъ же продолжать печатать такія жалкія созданія, въ которыхъ нѣтъ не только поэзіи, но даже и *буйно-пьянаго* стиха?

(4) Даже очень понятное!

(5) Зачѣмъ же было не послать этого прѣснаго стакана въ рукописи тому, для кого онъ былъ назначенъ, — дѣло семейное и до публики не касающееся. Что такое: *непьянное* вино? Должно быть: не *пьяникъ*? иначе было бы сказано: не *пьянистое* вино.

(Примѣчанія Бѣлинскаго).

въ стаканѣ *явному* доброхоту стихотворцемъ, *сдѣлавшимся въ духѣ* отъ *подареньица*, которымъ *уважилъ* его *явный* доброхотъ, — это образцовое проявленіе заживо-умершаго таланта, не напечатано въ числѣ завѣтныхъ 57-ми стихотвореній г-на Языкова. Напрасно! отъ этого его книжечка много потеряла. По-нашему, ужъ если печатать, такъ все, что́ характеризуетъ и опредѣляетъ дѣятельность поэта; лучше было бы или совсѣмъ не издавать этой маленькой книжечки, въ которой литература ровно ничего не выиграла, или издать книжку побольше, которая была бы вторымъ изданіемъ изданныхъ въ 1833 году стихотвореній г. Языкова, съ прибавленіемъ къ нимъ всего написаннаго имъ послѣ, а между прочимъ, и его прекрасной „Драматической Сказки объ Иванѣ Царевичѣ, Жаръ-Птицѣ и о Сѣромъ Волкѣ", которая, по нашему мнѣнію, лучше всего, что́ вышло изъ-подъ пера г. Языкова [1]).

Муза г. Хомякова состоитъ въ близкомъ родствѣ съ музою г. Языкова, хотя и многимъ отъ нея отличается. Сперва о различіи: въ стихотвореніяхъ г. Языкова (прежнихъ) нельзя отрицать признака поэтической струи, которая болѣе или менѣе сквозитъ черезъ ихъ реторизмъ: въ стихотвореніяхъ г. Хомякова есть не только струя, но полный и блестящій талантъ—только отнюдь не поэтическій, а какой, мы скоро это скажемъ. Теперь о сродствѣ: мы показали выше, что шумливая, пѣнистая и кипучая, хотя, въ то же время, и холодная струя поэзіи г. Языкова была не изъ сердца—источника страстной натуры, а изъ головы, которая у людей еще чаще бываетъ источникомъ прихотей празднаго и фантазирующаго разсудка, нежели источникомъ разума, глубоко и вѣрно постигающаго дѣйствительность. Мы показали, что народность поэзіи г. Языкова, непросыпный хмель и пьяное буйство его музы, равно какъ и ея стремленіе быть вакханкою — все это было болѣе или менѣе искусственно и поддѣльно. Въ этой искусственности и поддѣльности г. Хомяковъ далеко опередилъ г. Языкова. Имѣя способность изобрѣтать и придумывать звучные стихи, онъ рѣшился употребить ее въ пользу себѣ, пріобрѣсти ею себѣ славу не только поэта, но и прорицателя, который проникъ въ дѣйствительность настоящаго и постигъ тайну будущаго и который гадаетъ на своихъ стихахъ не о судьбѣ частныхъ личностей (какъ это дѣлаютъ ворожеи на картахъ), но о судьбѣ царствъ и народовъ... Прочтите въ „Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы" г. Полевого сцены изъ трагедіи *Стенька Разинъ* (Т. II, стр. 210—223),—и сравните ихъ съ любыми сценами, напримѣръ, изъ *Ермака* г. Хомякова: вы увидите, что способность владѣть такимъ стихомъ, какимъ владѣетъ г. Хомяковъ, не имѣетъ ничего общаго съ талантомъ поэзіи, съ даромъ творчества. Стихи *Разина* ничѣмъ не хуже стиховъ *Ермака*; можно даже подумать, что тѣ и другіе писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Ниже мы сравнимъ ихъ. Итакъ, г. Языковъ, владѣя стихомъ, для котораго все-таки нужно было кой-чего побольше простой способности располагать *слова* по правиламъ версификаціи, съ какою-то добродушною безпечностію, обличающею болѣе или менѣе поэтическую натуру, ограничился, изъ множества предметовъ, представлявшихся его уму, тѣмъ, что *выбралъ* какое-то удалое и пьяное буйство, какую-то будто бы вакханальную, но въ сущности прескромную и преневинную любовь. Г. Хомяковъ, какъ болѣе свободный отъ всякаго внутренняго, непосредственнаго стремленія версификаторъ, *выбралъ* для своихъ стихотворческихъ занятій предметы гораздо повыше. Пушкинъ, напримѣръ, не выбиралъ, потому что поэтъ по призванію, поэтъ великій лишенъ не только права, даже возможности выбирать предметы для своихъ пѣснопѣній и давать своимъ твореніямъ произвольное направленіе: источникъ его вдохновенія есть его собственная натура, а его натура есть цѣлый, въ самомъ себѣ замкнутый міръ, который рвется наружу; задача поэта—вывести наружу, объектировать въ поэтическихъ образахъ свой собственный внутренній міръ, сущность своего собственнаго духа. Г. Хомякову нельзя было не *выбирать:* онъ не былъ поэтомъ, и ему было все равно, что́ бы ни пѣть. Онъ не долго думалъ—и рѣшился посвятить свои посильные труды на гимны старой, до-петровской Руси. Намѣреніе похвальное, хотя и лишенное всякаго художественнаго такта, потому что живое современное всегда ближе къ сердцу поэта. Чтобъ довершить ошибку направленія, г. Хомяковъ рѣшился въ современной Россіи видѣть старую Русь. Не дивитесь, читатели: для г. Хомякова это было гораздо легче, нежели для насъ съ вами: люди простые, мы всѣ вещи или видимъ такъ, какъ онѣ суть, или, если не можемъ увидѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, не считаемъ нужнымъ представлять ихъ въ ложномъ. Кто одаренъ способностью глубокаго, страстнаго убѣжденія, кто алчетъ и жаждетъ истины, тотъ можетъ заблуждаться; но ему, когда онъ сознаетъ свою ошибку, есть оправданіе въ ней: это страданіе всего его существа, потому что онъ убѣждается всѣмъ своимъ существомъ — и умомъ, и

[1]) Отрывки изъ нея печатались въ *Современникѣ* Пушкина. *Прим. Бѣлинскаго.*

сердцемъ, и кровью, и плотью. Кто же, напротивъ, одаренъ счастливою способностью свободнаго выбора во всемъ, тому легко убѣждаться въ чемъ ему угодно и на столько времени, на сколько ему заблагоразсудится — на годъ, на два или на цѣлую жизнь; потому что вѣдь это прихоть, или разсчетъ ума, а не убѣжденіе,—спокойное дѣйствіе головы, а не страстное сотрясеніе всей органической системы, не то чувство, которое заставило лермонтовскаго мцыри сказать:

Я зналъ одной лишь думы власть
Одну—но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
. . . . . .
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

Но мы отдалились отъ предмета—отъ стихотворствованія г. Хомякова. Возможностью *выбирать* и самимъ выборомъ своимъ онъ сталъ въ то самое выгодное положеніе, какого хотѣлъ себѣ: его многіе признали юнымъ поэтомъ, подающимъ о себѣ большія надежды въ будущемъ. Особенно обратилъ онъ на себя вниманіе двумя трагедіями: *Ермакъ* и *Димитрій Самозванецъ*. Обѣ онѣ, по ихъ назначенію—апоѳеоза старой Руси, или московскаго царства; но ни въ одной изъ нихъ нѣтъ никакой Россіи, ни старой, ни новой, потому что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ничего русскаго. *Ермакъ* — совершенно классическая трагедія, въ родѣ трагедій Расина: въ ней казаки похожи на нѣмецкихъ буршей, а самъ Ермакъ—живая каррикатура Карла Моора. Французская классическая трагедія искажала Грековъ и Римлянъ, но этотъ недостатокъ выкупала своею національностію: ея Греки и Римляне были живые Французы того времени. Въ тѣсныхъ, до китаизма искусственныхъ формахъ она умѣла быть не только скучною и вялою, но мѣстами и страстною, поэтическою, блестящею, отпечаткомъ необыкновеннаго таланта. Ничего этого нѣтъ въ *Ермакѣ:* нѣмецкіе бурши обидѣлись бы этою трагедіею, увидя въ ней каррикатуру на себя, а для Русскихъ отъ ней нѣтъ ни радости, ни горя, потому что въ ней нѣтъ ничего русскаго. Что́ же до стиховъ, то вотъ чувствительный *романсъ*, который поетъ своей *наперсницѣ* Софьѣ Амалія этой пародіи на шиллеровскихъ „Разбойниковъ“ — предметъ пламенной любви Ермака, злополучная Ольга.

„Зачѣмъ, скажи, твое стенанье
И безотрадная печаль?
Твой умеръ другъ, или изгнанье
Его умчало въ степь и даль?“
— Когда-бъ онъ былъ въ странѣ далекой,
Я друга бы назадъ ждала,
И въ скорби жизни одинокой
Надежда бы тогда цвѣла.
Когда-бъ онъ былъ въ могилѣ хладной,
Мои бы плакали глаза,
А слезы въ грусти безотрадной—
Небесъ вечерняя роса!
Но онъ преступникъ, онъ убійца;
О немъ и плакать мнѣ нельзя...
Ахъ, растворись моя гробница,
Раскройся тихая земля!

Теперь сравните съ этимъ *романсомъ* идеальной русской дѣвы XVI вѣка эту *романтическую* пѣсню донского казака XVII столѣтія (изъ трагедіи *Стенька Разинъ*) и рѣшите сами, въ которой изъ двухъ пьесъ стихи лучше:

Тихій Донъ, страна родная,
Первыхъ радостей пріютъ,
Гдѣ свобода золотая,
Гдѣ мечты мои живутъ,
Гдѣ пѣвецъ, безвѣстный въ мірѣ
Вдохновеній тайныхъ полнъ,
Я ввѣрялъ несмѣлой лирѣ,
Въ челнокѣ, на лонѣ волнъ,
И мечты, и вдохновенье,
И любви мой идеалъ,
И въ горящемъ пѣснопѣньи
Всю природу обнималъ!
Помню, помню тѣ мгновенья,
Какъ пѣвецъ героемъ сталъ:
Саблей—радость вдохновенья,
Пулей—лиру замѣнялъ;
Какъ въ азовскія твердыни,
Съ свистомъ ринулся свинецъ,
И въ далекія пустыни
Мчался юноша пѣвецъ;
На конѣ, съ мечомъ во длани,
Несся вихремъ по полямъ,
Громоноснымъ богомъ брани,
Смертью, гибелью врагамъ.

Въ *Димитріи Самозванцѣ* г. Хомяковъ обнаружилъ притязанія на историческое изученіе. Но историческое изученіе только тогда полезно для поэта, желающаго воспроизвести въ своемъ твореніи нравственную физіономію народа, когда въ самой натурѣ, въ самомъ духѣ этого поэта есть живое, кровное сродство съ національностью изображаемаго имъ народа. Такимъ поэтомъ былъ Пушкинъ, и потому онъ національналенъ не въ однихъ только тѣхъ своихъ произведеніяхъ, въ которыхъ изображалъ русскую дѣйствительность. Этого рода національность дается не всякому, кто только вздумаетъ писать стихи, или кто воображаетъ себя дѣйствительно проникнутымъ любовью къ своему родному. Чѣмъ поэтъ огромнѣе, тѣмъ онъ и національнѣе, потому что тѣмъ болѣе сторонъ національнаго духа доступно ему. Но бываютъ таланты односторонніе, не великіе, и вмѣстѣ глубоко, хотя и односторонно національные: таковъ былъ талантъ Кольцова, въ безыскусственныхъ звукахъ котораго высказывалась душа чисто-русская. Изученіе исторіи и нравовъ народа можетъ

только усилить, такъ сказать, талантъ поэта, но никогда не дастъ оно ему чувства народности, если его не дала ему природа. Вотъ почему въ *Димитріи Самозванцѣ* видна болѣе или менѣе ловкая поддѣлка подъ русскую народность, но нѣтъ ни одного истиннаго проблеска русской народности. Видимъ лица, видимъ событія, видимъ русскія слова, но не видимъ того, что̀ давало бы смыслъ, было бы ключомъ къ разгадкѣ этихъ лицъ и событій. Самозванецъ и Ляпуновъ г. Хомякова говорятъ, кажется, порусски, а между тѣмъ оба они — какіе-то романтическіе мечтатели двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, слѣдовательно, нисколько не Русскіе начала XVII вѣка. А между тѣмъ, эта трагедія написана послѣ *Бориса Годунова* Пушкина!.. Мы сказали, что въ ней видна болѣе или менѣе ловкая поддѣлка подъ русскую народность, но какая разница между поддѣлкою русскаго поэта, г. Хомякова, подъ русскую народность и поддѣлкою Француза Мериме подъ народность пѣсенъ юго-западныхъ Славянъ. Мериме не зналъ ни одного славянскаго языка, не былъ ни въ одной славянской землѣ, писалъ эти пѣсни во Франціи, руководствуясь только одною маленькою брошюрою и однимъ итальянскимъ сочиненіемъ, имѣющими нѣкоторое отношеніе къ пѣснямъ Сербовъ, Далматовъ, Босняковъ и пр. Мериме сочинилъ эти пѣсни „pour se moquer de la couleur locale“ и ввелъ въ заблужденіе Мицкевича и Пушкина, которые оба признали эти пѣсни подлинными, а послѣдній даже большую часть ихъ переложилъ порусски превосходнѣйшими стихами.

Защитники г. Хомякова говорятъ, что драма — не его призваніе, что онъ лирикъ. Изъ романса Ольги можно видѣть характеръ лиризма г. Хомякова. Прежде, чѣмъ быть лирикомъ, надо быть поэтомъ. Лиризмъ еще больше, нежели всякій другой родъ поэзіи, основывается на непосредственности теплаго сердечнаго чувства и не терпитъ холодныхъ головныхъ чувствъ, которыя выдаются за мысли, но которыя въ сущности такъ же относятся къ мыслямъ, какъ умъ къ умничанью, чувство къ сантиментальности, щеголеватость къ изяществу. Посмотримъ на лиризмъ г. Хомякова въ его лирическихъ произведеніяхъ. Первое изъ нихъ—*Къ Иностранкѣ*, можетъ служить образцомъ всего лиризма г. Хомякова:

Вокругъ нея очарованье,
Вся роскошь юга дышитъ въ ней,
Отъ розъ ей прелесть и названье,
Отъ звѣздъ полудня—блескъ очей.
Прикованъ къ ней волшебной силой
Поэтъ восторженный глядитъ,
Но никогда онъ дѣвѣ милой
Своей любви не посвятитъ.

Пусть ей *понятны сердца звуки,*
Высокой думы красота,
Поэтовъ радости и муки,
Поэтовъ чистая мечта;
Пусть въ ней душа какъ пламень ясный,
Какъ дымъ молитвенныхъ кадилъ,
Пусть ангелъ свѣтлый и прекрасный
Ее съ рожденья осѣнилъ;
Но ей чужда моя Россія,
Отчизны *(чьей?)* дикая краса,
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса.
Пою ей пѣснь родного края—
Она не внемлетъ, не глядитъ.
При ней скажу я:—„Русь святая!“
И сердце въ ней не задрожитъ.
И тщетно лучъ живого свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей *гордая душа* поэта
Не посвятитъ *души своей.*

Не будемъ говорить о томъ, что въ этомъ стихотвореніи нѣтъ ни одного поэтическаго выраженія, ни одного поэтическаго оборота, которые встрѣчаются даже въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, реторизмъ которыхъ не чуждъ какой-то поэтической струйки; не будемъ доказывать, что все это стихотвореніе — наборъ модныхъ словъ и модныхъ фразъ, въ которыхъ прозаическая нищета чувства и мысли такъ и бросается въ глаза. Вмѣсто этого, лучше разберемъ то будто бы чувство, ту будто бы мысль, которыя положены въ основу этой пьесы, и обнаружимъ всю ихъ ложность, неестественность и поддѣльность. Поэтъ смотритъ на прекрасную женщину и задаетъ себѣ вопросъ: любить ему, или нѣтъ? Видите ли, какъ влюбляются поэты! Совсѣмъ не такъ, какъ простые смертные, не такъ, какъ всякое существо, называющееся человѣкомъ: *человѣкъ* влюбляется просто, безъ вопросовъ, даже прежде, нежели пойметъ и сознаетъ, что онъ влюбился. У *человѣка* это чувство зависитъ не отъ головы, у него оно — естественное, непосредственное стремленіе сердца къ сердцу. Но нашъ *поэтъ* думаетъ объ этомъ иначе. Задавъ себѣ глубокомысленный вопросъ: любить или нѣтъ?—онъ не почелъ за нужное даже погадать хоть на пальцахъ, и отвѣчаетъ рѣшительно: „нѣтъ!“ Бѣдная женщина, бѣдная иностранка! Какого сердца, какого сокровища любви лишилась она! О, еслибъ она поняла это!.. Намъ какъ-то и скучно и совѣстно разсуждать о такихъ незамысловатыхъ вещахъ; но быть такъ: начавъ, надо кончить, тѣмъ болѣе, что это для многихъ поэтовъ и не-поэтовъ можетъ быть полезно. Мы понимаемъ, что человѣкъ можетъ любить женщину и въ то же время не хотѣть любить ее; но въ такомъ случаѣ мы хотимъ видѣть въ немъ живое страданіе отъ этой борьбы разсудка съ чувствомъ, головы съ сердцемъ: только тогда его положеніе можетъ быть предметомъ поэтиче-

скаго воспроизведенія, а иначе оно — прихоть головы, ложь, годная только для сатиры, для эпиграммы; посмотрите же, какъ разсудителенъ, какъ благоразуменъ, какъ спокоенъ нашъ поэтъ: доказавъ себѣ силлогизмомъ, что ему не слѣдуетъ любить иностранку, которая зѣваетъ, слушая его родныя пѣсни и патріотическія восклицанія по той простой причинѣ, что не понимаетъ ихъ, онъ такъ доволенъ собою, что въ состояніи сейчасъ же сѣсть за столъ и начать завтракать или обѣдать. Гдѣ же тутъ истина чувства, истина поэзіи? Тутъ нѣтъ ничего похожаго на чувство и поэзію. И таковы-то всѣ лирическія стихотворенія г. Хомякова! У этого поэта родникъ вдохновенія бьется не въ сердцѣ, такъ же, какъ у Самсона сила была не въ мышцахъ, а въ волосахъ; но Самсонъ, несмотря на то, оказывалъ опыты сверхъ-человѣческой силы: гдѣ же опыты нашего поэта? А вотъ поищемъ...

Не презирай клинка стального
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣкового
Сотри заботливой рукой.

Что̀ такое: *обдѣлка простой древности?* Какой смыслъ этого кудреватаго выраженія? Далѣе, въ этомъ стихотвореніи есть *мечи съ красивою оправой*, которые *блистаютъ тщетною забавой*??!! Наконецъ, голосъ брани *воскрешаетъ губительный порывъ булата*... Восточные жители поэзію называютъ искусствомъ „нанизывать жемчугъ на нить описаній“: какъ не далеко ушли отъ Персіанъ многіе изъ нашихъ такъ называемыхъ „поэтовъ“, которые насмѣшливо улыбаются надъ турецкимъ опредѣленіемъ поэзіи, а между тѣмъ сами, думая творить, только нанизываютъ пустозвонныя фразы на нить какой-нибудь бѣдной рефлексіи! У г. Хомякова есть пьеса—*Вдохновеніе*; прекрасно! Мы отъ самого г. Хомякова узнаемъ, какъ онъ понимаетъ вдохновеніе.

Лови минуту вдохновенья,
Восторговъ чашу жадно пей,
И сномъ лѣниваго забвенья
Не убивай души своей.

Что значитъ ловить минуту вдохновенія?—Не тратить времени, но писать, когда почувствуешь наитіе вдохновенія? Если такъ,—оно справедливо, какъ дважды-два—четыре, но точно такъ же и не ново. Или, можетъ быть, поэтъ подъ словомъ „лови“ разумѣлъ настоящую *ловлю* и хотѣлъ сказать: ищи вдохновенія, гоняйся за нимъ?—Если такъ, то это самое ложное понятіе о вдохновеніи: его не ищутъ, оно приходитъ само. „Восторговъ чашу жадно пей“: что такое — *чаша восторговъ*? и какихъ восторговъ? Слово *восторгъ* можетъ употребляться во множествѣ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ противоположныхъ значеній: для одного чаша восторговъ заключается въ штофѣ полугара, для другого въ бутылкѣ шампанскаго, а для третьяго — въ знаніи истины. Первыя чаши можно пить жадно когда угодно, если кто полюбитъ такіе *восторги*; третью чашу можно опять пить когда угодно и сколько угодно, но для этого требуется жажда истины, самоотверженіе труда. Однимъ словомъ, когда въ стихотвореніи не опредѣлено, о какихъ восторгахъ идетъ дѣло — такое стихотвореніе легко можно принять за наборъ звучныхъ словъ. Но это бы еще куда ни шло; а вотъ, скажите намъ, ради грамматики, ради логики, ради здраваго смысла, что̀ такое: *сонъ лѣниваго забвенія*?—Просимъ васъ: объясните намъ, по какимъ законамъ мысли человѣческой сошлись рядомъ эти три слова, не образующія собою не только идеи какой-нибудь, но даже и какого-нибудь смысла? Неужели это лирическій паѳосъ?..

И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ,—
Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса, *и пр.*

Связать цѣпью наслажденій (какихъ?) бунтующій порывъ души: какая великолѣпная шумиха бѣдныхъ значеніемъ словъ! какая неопредѣленность понятій! Цѣпь *наслажденій*, а какихъ? Вѣдь и пить чашу восторговъ—тоже наслажденіе! Скажутъ: поэтическое произведеніе — не диссертація; краткость выраженій есть первое его достоинство, а прозаическая обстоятельность—главнѣйшій недостатокъ. Такъ; но отчего, напр., у Пушкина, у Лермонтова одно слово, по своей рѣзкой опредѣлительности, иногда заключаетъ въ себѣ самую обстоятельную диссертацію въ прозѣ? Оттого, что оба они поэты, и притомъ еще великіе. И потомъ, какая сухая отвлеченность въ понятіи г. Хомякова о сущности поэта: онъ дѣлаетъ изъ поэта то, чѣмъ поэтъ никогда не бывалъ и никогда быть не можетъ: существо безгрѣшное, не падающее, не спотыкающееся. По его мнѣнію, согрѣши поэтъ разъ въ жизни,—и навсегда прощай его вдохновеніе. Чтобъ предупредить это несчастіе, онъ даетъ ему рецептъ: живи-де безпрестанно въ поэтическихъ восторгахъ, т.-е. будь шутомъ на ходуляхъ, повтори собою лицо манчскаго витязя, донъ-Кихота, который даже и спалъ въ своемъ картонномъ шлемѣ, даже и во снѣ сражался съ баранами и мельницами... Нѣтъ, не таковъ поэтъ: зовемъ въ свидѣтели Пушкина, который сказалъ, что часто „межъ дѣтей ни-

чтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣе поэтъ, пока не коснется его слуха божественный глаголъ, и пока не встрепенется душа его, какъ пробудившійся орелъ". Когда поэзія есть живой глаголъ дѣйствительности,—она великая вещь на землѣ; но когда она силится сдѣлать существующимъ несуществующее, возможнымъ невозможное, когда она прославляетъ пустое и хвалитъ ложное, — тогда она не болѣе, какъ забава дѣтей, которымъ деревянная лошадка нравится болѣе настоящей лошади... И не поэтъ тотъ, кто лишенъ всякаго такта дѣйствительности, всякаго инстинкта истины; не поэтъ онъ, а искусникъ, который умѣетъ плясать съ завязанными глазами между яйцами, не разбивая ихъ... Такой поэтъ похожъ на тѣхъ жонглеровъ діалектики, которымъ все равно о чемъ бы и какъ бы ни спорить, лишь бы только оспорить противника; которые, доказавъ одному, что дважды-два—четыре, съ тѣмъ же жаромъ доказываютъ другому, что дважды-два — пять, и для которыхъ важнѣйшій результатъ спора есть не истина, а суетное, мелочное удовольствіе: переспорить другого и остаться побѣдителемъ, хотя бы то было насчетъ здраваго смысла и добросовѣстности.

Но мы нѣсколько отдалились отъ нашего предмета — отъ стихотвореній г. Хомякова: возвратимся къ нимъ. Пока мы не нашли никакихъ признаковъ поэзіи въ простыхъ лирическихъ его стихотвореніяхъ: можетъ быть, поэзія скрывается въ его *прорицательныхъ* лирическихъ пьесахъ? — А вотъ посмотримъ. Въ стихотвореніи къ *Россіи* г. Хомяковъ даетъ своему отечеству истинно-отеческія наставленія: онъ запрещаетъ ему чувство гордости и рекомендуетъ смиреніе. Онъ говоритъ Россіи:

Грознѣй тебя былъ Римъ великій;
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта,
И нестерпимъ былъ *огнь булата*
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей.

Какіе великолѣпные, энергическіе и поэтическіе стихи! Самъ Пушкинъ никогда не писывалъ такихъ чудно-прекрасныхъ стиховъ! Мы очарованы и увлечены ими; однакожъ не до такой степени, чтобъ не могли освѣдомиться скромно о томъ, что̀ скрывается въ этихъ дивныхъ стихахъ. И потому беремъ на себя смѣлость спросить кого бы то ни было—самого поэта, или нашихъ читателей: что̀ такое *царь семихолмнаго хребта* и что̀ такое *семихолмный хребетъ?* Что Римъ построенъ будто бы на семи холмахъ, случалось слышать и намъ; но чтобъ онъ былъ построенъ на хребтѣ горъ,—это едва ли кому случалось слышать. Что такое: *осуществленная мечта желѣзныхъ силъ и дикой воли?* Еще еслибы дѣло шло только объ осуществленной мечтѣ желѣзной силы (а не желѣзныхъ силъ), — мы кое-какъ поняли бы мысль поэта; но почему воля Римлянъ (а Римляне дѣйствительно были по преимуществу народъ воли, какъ Греки—народъ эстетическаго чувства) была дикая — не понимаемъ. Она можетъ быть сильною, несокрушимою, желѣзною, если угодно даже стальною, хоть это и довольно пошлый эпитетъ, гордою, непреклонною; но дикою... нѣтъ, не понимаемъ, совсѣмъ не понимаемъ!.. Позвольте—кажется, поняли! Да, такъ, точно такъ: воля Римлянъ сдѣлалась для того *дикой*, чтобъ богато риомовать съ словомъ *великій*... Что̀ такое: *огнь булата?* Опять не понимаемъ! Остріе, тяжесть, сила булата— это мы понимаемъ, но *огнь булата*... Не понимаете ли вы, господа защитники генія г. Хомякова, что такое: *огнь булата?*

Итакъ, вотъ они — эти великолѣпные, энергическіе и поэтическіе стихи: sic transit gloria mundi!..

Въ другомъ стихотвореніи г. Хомяковъ предрекаетъ скорую гибель Англіи. Сперва онъ расхваливаетъ ее, называетъ „счастливою" и „богатою" (вѣроятно, мѣтя на дѣтей, работающихъ въ рудокопняхъ), а потомъ начинаетъ бранить:

Но за то, что ты лукава;
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ—
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ...

Что̀ это такое? — іереміада по папской власти, нѣкогда повелѣвавшей царями и народами?.. Да развѣ въ одной только Англіи служители церкви введены въ истинные предѣлы ихъ обязанностей, высокихъ, священныхъ, но уже потому самому не суетныхъ, земныхъ? Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ европейскими народами правитъ вездѣ свѣтская власть, кромѣ Турціи, въ которой законы и даже власть султана зависятъ отъ мнѣнія улемовъ и муфтіевъ. Мы не беремъ на себя высокой роли предрекать скорый конецъ народамъ и государствамъ: вѣдь существованіе народовъ и государствъ—не то, что̀ существованіе какихъ-нибудь стихотвореній, которое зависитъ иногда отъ первой дѣльной критики... Мы не думаемъ, чтобъ Англія такъ-таки вотъ взяла да и окончила смертію животъ свой, прочитавъ стихотвореніе г. Хомякова: отъ него и вздремнуть довольно, и то не Ан-

гліи, а какому-нибудь русскому читателю. Но что Англія можетъ много потерпѣть за то, что въ ней бѣдные люди безпрестанно или умираютъ голодною смертью, или предупреждаютъ смерть самоубійствомъ, — это другое дѣло...

Въ стихотвореніи *Мечта* нашъ *поэтъ* оплакиваетъ близкую гибель Запада, гдѣ „кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ“... *При сей вѣрной оказіи* онъ почелъ нужнымъ даже похвалить покойника, въ которомъ много-де было хорошаго,—

Но горе! вѣкъ прошелъ—*и мертвеннымъ покровомъ*
Задернутъ Западъ весь! тамъ будетъ мракъ глубокъ.
Услышь же гласъ судьбы, въ сіяньи новомъ,
Проснися дремлющій востокъ!

Г. Хомяковъ очень хорошо сдѣлалъ, что догадался потолкать въ бокъ этого лежня, Востокъ, который безъ трескучей стукотни его удивительныхъ стиховъ, вѣроятно, и не подумалъ бы даже потянуться или зѣвнуть во снѣ, не только проснуться. Такова ужъ восточная натура: ей хоть весь свѣтъ провались, все спитъ; къ восточному человѣку очень идутъ эти стихи Тредьяковскаго.

Аще міръ сокрушенъ распадется,
Сей мужъ николи жъ содрогнется.

Все это хорошо, но вотъ вопросъ: что̀ разумѣетъ г. Хомяковъ подъ „Востокомъ“? По крайней мѣрѣ, что касается до насъ, — мы такъ горды чувствомъ нашего національнаго достоинства, что подъ Востокомъ не можемъ разумѣть Россію. Вѣдь Западъ — Европа, а Востокъ — Азія? Россія же принадлежитъ къ Европѣ и по своему географическому положенію, и потому, что она держава христіанская, и потому, что новая ея гражданственность — европейская, и потому, что ея исторія уже слилась неразрывно съ судьбами Европы. Кажется, такъ, г. поэтъ? Кого же вы будите? Какихъ враговъ призываете вы на мнимый трупъ Запада торжествовать мнимую гибель цивилизаціи, смерть свѣта и праздникъ тьмы? — Вѣрно, Турковъ и Татаръ?—Ну, Турки и Татары, просыпайтесь на голосъ вашего прорицателя: по его увѣренію, Западъ не нынче, завтра скончается, и наступитъ вашъ чередъ, потомки Чингисъ-Хановъ и Тамерлановъ.

Г. Хомяковъ писалъ очень мало, и притомъ издалъ не все написанное и напечатанное имъ въ журналахъ: въ его крохотной книжечкѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ десятка его стихотвореній, и, между прочимъ, той чудной импровизаціи („Московск. Вѣст.“ 1828), которая начинается такъ:

Въ стаканы чокъ
И въ зубы чмокъ!
На долгій срокъ,
Друзья, прощайте!
Лечу къ боямъ,
Къ другимъ краямъ,
Во слѣдъ орламъ:
Чокъ—выпивайте!

Но нисколько нѣтъ удивительнаго, что г. Хомяковъ такъ мало написалъ: хорошаго понемножку. Кромѣ того, намъ что-то сдается, что каждое его стихотвореніе писалось долго, что между однимъ и другимъ стихомъ иного его стихотворенія ложились мѣсяцы и годы промежуточнаго времени... Что̀-жъ! тѣмъ лучше выходили стихотворенія!..

Намъ, можетъ быть, замѣтятъ, что мы противорѣчимъ сами себѣ, увѣряя, будто г. Хомяковъ не поэтъ и въ то же время говоря о его произведеніяхъ, какъ о чемъ-то важномъ. Мы пишемъ не для себя, а для публики: въ ней могутъ найтись люди, которые, пожалуй, повѣрятъ возгласамъ одного журнала, увѣряющаго, что г. Хомяковъ — великій и національный русскій поэтъ. „Отечественныя Записки“ въ прошломъ году, при выходѣ стихотвореній гг. Языкова и Хомякова, говорили о нихъ не только съ умѣренностію, но и съ снисходительностію. Что-жъ вышло изъ этого? — Журналъ, въ которомъ исключительно печатаются стихотворенія обоихъ этихъ поэтовъ [1]), умалчивая о г. Языковѣ, по поводу стихотвореній г. Хомякова объявилъ, что этотъ поэтъ великъ, а „Отеч. Записки“ никуда не годятся, потому что не признаютъ его великости. Затѣмъ, онъ перепечаталъ почти всю книжку стихотвореній г. Хомякова, и, сочтя это за неопровержимое доказательство ихъ высокаго достоинства, заключаетъ такъ: „Не правда ли, читатели, что надо быть слишкомъ *наглу*, слишкомъ *дерзку*, чтобъ *ругать* такія С(с)тихотворенія. И какія несчастныя бредни выставляютъ П(п)убликѣ на поклоненіе *„Иностранныя* Записки“, вмѣсто Хомяковыхъ и Языковыхъ!“ Не знаемъ, согласились ли съ этимъ журналомъ его читатели; не считаемъ важнымъ сужденіе его о нашемъ журналѣ и нашихъ мнѣніяхъ, равно какъ и обо всемъ, о чемъ онъ судитъ; но не можемъ не выставить на видъ, что если существуетъ журналъ, который до того убѣжденъ въ великости и національности г. Хомякова, какъ поэта, что печатно называетъ *дерзкими* и *наглыми ругателями* и *иностранцами* всѣхъ, кто не согласенъ съ нимъ во мнѣніи о г. Хомяковѣ,— стало быть, существуютъ и люди, которые думаютъ и чувствуютъ точно такъ же, какъ этотъ журналъ: вотъ для этихъ-то людей (а совсѣмъ не для этого журнала) и пишемъ мы. Поэтъ съ поддѣльнымъ дарованіемъ, но

[1]) „Москвитянинъ“.

никѣмъ не замѣчаемый, никакимъ печатнымъ крикуномъ непровозглашаемый, не опасенъ въ отношеніи къ порчѣ общественнаго вкуса: о немъ можно, при случаѣ, отозваться съ легкою улыбкою—и все тутъ. Но поэтъ съ дарованіемъ слагать громкія слова во фразистыя стопы, поэтъ, который замѣняетъ вкусъ, жаръ чувства и основательность идей завлекательными для неопытныхъ людей софизмами ума и чувства, а между тѣмъ имѣетъ усердныхъ глашатаевъ своей великости — воля ваша, надо предположить въ критикѣ рыбью кровь, если она можетъ оставаться равнодушною къ такому явленію и со всею энергіею не обнаружитъ истины.

Можетъ быть, намъ еще замѣтятъ, что способъ нашего анализа, состоящій въ разборѣ фразъ, мелоченъ. Дѣло не въ способѣ, а въ его результатахъ; да, кромѣ того, это единственный и превосходный способъ для сужденія даже и не о такихъ поэтахъ, каковы: Марлинскій, гг. Языковъ, Хомяковъ, Бенедиктовъ и другіе въ томъ же родѣ. Многія фразы съ перваго раза кажутся блестящими, поэтическими и заключающими въ себѣ глубокія идеи; но если вы не поторопитесь, отдавшись первому впечатлѣнію, произнести о нихъ сужденіе, а хладнокровно спросите самихъ себя: что значитъ вотъ это, что́ хотѣлъ сказать поэтъ вотъ этимъ?— то съ удивленіемъ увидите, что это сначала такъ поразившее васъ стихотвореніе—просто наборъ пустыхъ словъ...

Кромѣ двухъ книжечекъ стихотвореній гг. Языкова и Хомякова, въ прошломъ году вышла еще книжечка стихотвореній г. Полонскаго, подъ скромнымъ названіемъ: *Гаммы*. Г. Полонскій обладаетъ въ нѣкоторой степени тѣмъ, что́ можно назвать чистымъ элементомъ поэзіи и безъ чего никакія умныя и глубокія мысли, никакая ученость не сдѣлаютъ человѣка поэтомъ. Но и одного этого также еще слишкомъ мало, чтобы въ наше время заставить говорить о себѣ, какъ о поэтѣ. Знаемъ, знаемъ, — скажутъ многіе: нужно еще направленіе, нужны идеи!.. Такъ, господа, вы правы; но не вполнѣ: главное и трудное дѣло состоитъ не въ томъ, чтобъ имѣть направленіе и идеи, а въ томъ, чтобъ не выборъ, не усиліе, не стремленіе, а прежде всего сама натура поэта была непосредственнымъ источникомъ его направленія и его идей. Еслибъ сказали Лермонтову о значеніи его направленія и идей, онъ, вѣроятно, многому удивился бы и даже не всему повѣрилъ; и не мудрено: его направленіе, его идеи были—онъ самъ, его собственная личность, и потому онъ часто высказывалъ великое чувство, высокую мысль, въ полной увѣренности, что онъ не сказалъ ничего особеннаго. Такъ силачъ безъ вниманія, мимоходомъ, откидываетъ ногою съ дороги такой камень, котораго человѣкъ съ обыкновенною силою не сдвинулъ бы съ мѣста и руками. Повторяемъ: въ наше время трудно быть такимъ поэтомъ, котораго бы всѣ знали и о которомъ бы всѣ говорили; другими словами: въ наше время трудно поэту пріобрѣсти славу. Это потому, что въ наше время еще являются таланты и много умныхъ людей, между тѣмъ какъ наше время обращаетъ вниманіе только на замѣчательныя натуры.

Изъ отдѣльно вышедшихъ въ прошломъ году поэтическихъ произведеній въ стихахъ самымъ замѣчательнымъ, безъ сомнѣнія, было—*Наль и Дамаянти*, индійская поэма, съ нѣмецкаго перевода Рюккерта переведенная Жуковскимъ на русскіе гекзаметры, легкіе, свѣтлые, прозрачные, граціозные и плѣнительные. Вмѣстѣ съ другими произведеніями Жуковскаго, помѣщаемыми имъ въ разныхъ журналахъ съ 1837 года, *Наль и Дамаянти* составила потомъ *девятый* томъ полнаго собранія сочиненій знаменитаго поэта.—Новое изданіе басенъ Крылова съ прибавленіемъ новой, *девятой*, части, также составляетъ одно изъ блестящихъ пріобрѣтеній литературы прошлаго года. Но это было послѣднее изданіе при жизни маститаго поэта, такъ же, какъ этотъ годъ былъ послѣднимъ въ его жизни... Крыловъ—самъ талантъ огромный и человѣкъ замѣчательный, былъ ровесникъ русской литературы. О такомъ явленіи можно сказать больше, нежели сколько было о немъ сказано: въ слѣдующей книжкѣ „Отеч. Записокъ“ мы, въ особой статьѣ, выполнимъ нашъ долгъ передъ Крыловымъ и публикою. — Въ прошломъ же году вышли: четвертая (и послѣдняя) часть *Стихотвореній Лермонтова*; переводъ *Гамлета* г. Кронеберга; переводъ г-на Вронченко *Фауста* Гёте; третье изданіе *Героя Нашего Времени*; *Сочиненія князя Одоевскаго*; второе изданіе перваго тома повѣстей графа Соллогуба, подъ общимъ названіемъ: *На Сонъ Грядущій*. Изъ стихотвореній Лермонтова, вошедшихъ въ четвертую часть, двѣ пьесы: *Пророкъ* и *Свиданіе*, сдѣлались извѣстными только въ прошломъ году и сперва были напечатаны въ третьей книжкѣ „Отеч. Записокъ“. *Сочиненія князя Одоевскаго*, доселѣ разсѣянныя во множествѣ періодическихъ изданій почти за двадцать лѣтъ, будучи теперь собраны вмѣстѣ и изданы въ трехъ уемистыхъ томахъ, какъ бы возвратили публикѣ одного изъ лучшихъ ея писателей, съ которымъ она привыкла встрѣчаться только изрѣдка и не надолго. Теперь сочиненія князя Одоевскаго уже не отрывки, не отдѣльныя пьесы, но нѣчто цѣлое и полное, отразившее на себѣ

духъ и направленіе писателя замѣчательнаго и даровитаго.

Вотъ все, что̀ вышло достойнаго вниманія въ продолженіе прошлаго года по части изящной литературы. Надо согласиться, что очень немного! Остального должно искать въ журналахъ, къ чему мы сейчасъ же и приступимъ. Но прежде сдѣлаемъ одну оговорку: мы будемъ упоминать только о замѣчательныхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, явленіяхъ, а все, что мы не считаемъ ни въ какомъ отношеніи замѣчательнымъ, пройдемъ молчаніемъ. Такимъ образомъ, мы даже и журналы не всѣ назовемъ по имени; тѣмъ менѣе намѣрены мы судить о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Да и къ чему?—Если они издаются, значитъ, ихъ кто-нибудь да читаетъ же, и кому-нибудь они нравятся же. Переубѣдить этихъ „кого-нибудь“ такъ же невозможно, какъ и доказать самимъ этимъ журналамъ, что они напрасно издаются; если же мы предприняли бы это безполезное дѣло,—за что же большинство публики, неподозрѣвающей существованія этихъ журналовъ, должно было бы терпѣть скуку подобныхъ разсужденій и толковъ? Нѣтъ ничего труднѣе, скучнѣе и безполезнѣе, какъ говорить о вещахъ отрицательно хорошихъ или отрицательно дурныхъ. Изъ журналовъ настоящаго времени намъ остается говорить только о нашемъ собственномъ журналѣ, о „Библіотекѣ для Чтенія“ и о „Москвитянинѣ“, примѣчательномъ въ томъ отношеніи, что онъ единственный журналъ въ Москвѣ. Изъ газетъ—объ „Инвалидѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“ и „Литературной Газетѣ“ [1]).

Не наше дѣло разсуждать объ „Отеч. Запискахъ“: судъ надъ ними принадлежитъ публикѣ, и она давно уже произнесла его и словомъ и дѣломъ. Что касается до „Библіотеки для Чтенія“, мы можемъ сказать о ней свое мнѣніе, не впадая ни въ брань, ни въ кумовство... Но что можно сказать новаго объ этомъ журналѣ? Что онъ всегда имѣлъ свои неотъемлемыя достоинства, это доказываетъ его прочный и продолжительный успѣхъ въ публикѣ; что теперь этотъ журналъ далеко уже не таковъ, какимъ онъ былъ назадъ тому лѣтъ шесть или семь,—это также не новость. О замѣчательныхъ статьяхъ, какія въ немъ появлялись въ продолженіе прошлаго года, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Характеръ и направленіе—все тѣ же: слѣдовательно, о нихъ новаго сказать нечего. Впрочемъ, не мѣшаетъ *напомнить* о нихъ новыми фактами. Въ прошломъ году въ „Библіотекѣ для Чтенія“ было помѣщено нѣсколько весьма забавныхъ

---

[1]) Нельзя не сдѣлать, хотя въ выноскѣ, исключенія въ пользу двухъ прекурьёзныхъ петербургскихъ изданій — *Сына Отечества* и *Листка для Свѣтскихъ Людей*. Первый давно уже прославился своимъ злополучіемъ на пути къ совершенствованію. Онъ нѣсколько разъ мѣнялся въ форматѣ и планѣ изданія, нѣсколько разъ чаялъ движенія живой воды то отъ той, то отъ другой редакціи, къ которымъ безпрестанно переходилъ, но истощеніе жизненныхъ силъ въ немъ было такъ велико, что всѣ попытки на продолженіе его жизни остались совершенно безуспѣшными. Послѣдній его редакторъ уже два раза передъ всякимъ новымъ годомъ, въ подробной и обстоятельно составленной программѣ, увѣрялъ публику, что онъ додастъ ей недостающіе №№ Сына Отечества за прошлый годъ, а въ будущемъ будетъ выдавать его книжки безъ замедленія и своевременно. Въ прошломъ 1844 году опытный и извѣстный своими блестящими дарованіями редакторъ *Сына Отечества* снова рѣшился подвергнуть свой журналъ коренной реформѣ. Обстоятельная и пріятнымъ слогомъ написанная программа еще въ концѣ 1843 года, вслѣдъ за программой „Литературной Газеты“, извѣстила весь читающій міръ, что *Сынъ Отечества* съ будущаго года превращается въ недѣльное изданіе въ родѣ газеты съ политипажами. Чтобъ реформа была радикальнѣе, а слѣдовательно и успѣшнѣе, преобразованный журналъ установилъ для себя новую эру и рѣшился считать свой новый годъ съ *1-го марта*. Особенно замѣчательны слѣдующія строки программы: „Фамильныя дѣла, оставшіяся на попеченіи редактора по смерти отца его, не допускали *(кого?)* обратить полное вниманіе преимущественно на журнальную работу, — и это было единственною причиною несвоевременнаго выхода книжекъ журнала“. Замѣчательны также и эти строки въ программѣ: „Точность выхода въ назначенный день, немедленная разсылка и вѣрность доставки тетрадей принимаются неизмѣннымъ правиломъ *(чего?)*; для чего приняты редакторомъ особыя мѣры“. Но еще замѣчательнѣе то, что до сихъ поръ *Сына Отечества* вышло только 16 №№, т.-е. только за четыре мѣсяца, за мартъ, апрѣль, май и іюнь, и еще не вышло ни одной тетради за іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, т.-е. не додано бездѣлицы—*двадцати четырехъ* тетрадей... Да, сверхъ того, не даны еще послѣднія книжки за 1843 годъ. Вѣрьте послѣ этого обѣщаніямъ!

Кстати уже вотъ и еще достопримѣчательное явленіе въ области русской литературы: издававшійся когда-то въ Петербургѣ журналъ *Русскій Вѣстникъ* тоже перешелъ въ руки новой редакціи и обѣщая (въ программѣ) быть аккуратнымъ въ выходѣ своихъ *двѣнадцати* книжекъ,—въ продолженіе всего 1844 года вышелъ въ числѣ—только *одной* книжки... Должно быть, новая редакція *Русскаго Вѣстника* приняла еще болѣе *особыя* мѣры къ правильному и своевременному выходу книжекъ этого журнала, нежели редакція *Сына Отечества*...

Листокъ для Свѣтскихъ Людей издается съ возможнымъ великолѣпіемъ, съ возможнымъ въ Россіи изяществомъ въ типографскомъ отношеніи. Модныя картинки его получаются изъ Парижа; печатается онъ на лучшей веленевой бумагѣ, лучшимъ шрифтомъ; политипажи его превосходны. Но не этимъ только оканчиваются достоинства этого удивительнаго изданія; внѣшняя сторона не есть самая блестящая и лучшая его сторона: выборъ, изобрѣтеніе и слогъ статей — вотъ его главныя права на извѣстность во всѣхъ уголкахъ міра, гдѣ только есть свѣтское общество. Особенно замѣчателенъ *свѣтскій* тонъ этихъ статей. Говорятъ, что въ изданіи *Листка* инкогнито участвуетъ лондонское фешенебельное общество и la haute société du Faubourg de Saint-Germain. Мы хотѣли бы, читатели, представить вамъ нѣсколько образчиковъ этого „свѣтскаго“ тона, царствующаго въ *Листкѣ*, но... чувствуемъ, что силы наши слишкомъ слабы для подобнаго дѣла. Вы-

и острыхъ рецензій; но лучше всѣхъ была библіографическая статейка о книгѣ московскаго профессора, г. Погодина — „Годъ въ Чужихъ Краяхъ“: на русскомъ языкѣ не часто случается читать такія умныя и острыя статьи. Но въ томъ же прошломъ году была напечатана въ „Литературной Лѣтописи“ „Библіотеки для Чтенія“ рецензія четвертой части стихотвореній Лермонтова, рецензія, которая... но судите сами о ея умѣ и остротѣ по этому началу:

„О, трижды, четырежды счастливая провинція! ты еще читаешь стихи! ты будешь читать эти стихи!.. Петербургъ... *тра*, ля ля ля—ля ля ля!..

Ахъ, тъ сола іо вьдо, іо сьнто!

Гарсія! Віардо! Віардо!.. о!.. бриконна!.. брикончелля!.. Что ты сдѣлала изъ этого степеннаго, гордаго, молчаливаго Петербурга? Его узнать нельзя!“ *И т. д.*

Мы думаемъ, что этою выпискою достаточно напомнили всей русской публикѣ объ этой знаменитой рецензіи, которая, вѣроятно, очень удивила ее,—и потому дальше выписывать не нужно. Кромѣ страннаго тона статьи—конечно, забавной, только на ея же собственный счетъ [1]),—книжка стихотвореній такого поэта, какъ Лермонтовъ, книжка, въ которой, правда, наполовину пьесъ слабыхъ, но въ которой помѣщены и такія пьесы, какъ *Тамара*, *Выхожу одинъ я на дорогу*, *Утесъ*, *Морская Царевна*, *Пророкъ* и проч.,— эта книжка поставлена рецензіею въ число самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ литературныхъ явленій. Такими отзывами „Библіотекѣ для Чтенія“ уже не въ первый разъ удивлять читающій міръ: кому неизвѣстно, что этотъ журналъ постоянно бранитъ Гоголя и, какъ-будто въ досаду ему, хвалитъ даже романы г. Воскресенскаго? Кому не извѣстно, какъ превозносила „Библіотека для Чтенія“ *Сенсаціи г-жи Курдюковой*?—и вотъ что теперь говоритъ она о нихъ, въ своей послѣдней книжкѣ за прошлый годъ: „Покойный Мятлевъ написалъ очень умную шутку, которая *цѣлую недѣлю* была въ большой модѣ. Кто не читалъ этихъ безцѣнныхъ Сенсацій мадамъ Курдюковой въ Россіи *э данъ л'этранже*? Кто не повторялъ ихъ, *кто не забылъ*?“ Подобныя выходки, однакожъ, многихъ и теперь удивляютъ. Что касается до насъ, мы прежде думали въ нихъ видѣть невольныя ошибки вслѣдствіе недостатка эстетическаго вкуса и эстетическаго образованія. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобъ въ области изящнаго „Библіотека для Чтенія“ была у себя дома; но тѣмъ не менѣе, нельзя и отрицать, чтобъ этотъ журналъ, столь смѣтливый, не зналъ цѣны сочиненіямъ Гоголя, которыя онъ бранитъ, или цѣны сочиненіямъ гг. Загоскина и Воскресенскаго, которыя онъ хвалитъ. Нѣтъ, „Библіотека для Чтенія“ не теперь только поняла, что такое „Сенсаціи“: она очень хорошо поняла ихъ и тогда, когда въ первый разъ собиралась превознести ихъ. Что же это значитъ?— Прихоть, страсть шутить. Надъ кѣмъ, надъ чѣмъ?—Ну, да хоть надъ тѣми людьми, которые эти шутки принимаютъ не за шутки. Цвѣтущее время „Библіотеки для Чтенія“ давно уже прошло—и невозвратно; кругъ ея читателей значительно сжался; но онъ и теперь еще не малъ: значитъ, есть люди, которымъ нуженъ журналъ съ такимъ направленіемъ. И почему же „Библіотекѣ“ не удовлетворять потребности цѣлой части русской публики?

„Москвитянинъ“ имѣетъ весьма тѣсный кругъ читателей; но этотъ кругъ, какъ ни малъ, все же существуетъ: почему же не существовать и „Москвитянину“? Больше мы

писывать отрывки—нѣтъ мѣста; да намъ и некогда; характеризовать нашими собственными словами... но, увы, мы не бываемъ ни въ гостиной г-жи Горбачевой, прославленной г. Панаевымъ, ни въ танцклассахъ г-жи Марцинкевичевой, ни въ лѣтнемъ нѣмецкомъ клубѣ... Нѣтъ, чувствуемъ, воображеніе наше слишкомъ сухо, перо слишкомъ слабо, чтобъ дать хоть приблизительное понятіе объ этомъ фантастическомъ блескѣ, этомъ ароматѣ свѣтскости самаго лучшаго тона... Но нельзя же не представить хотя одной черты. Въ „Листкѣ“ между прочимъ помѣщаются и rebus. Кто-то изъ свѣтскихъ участниковъ „Листка“ прислалъ (кажется, изъ Тамбова) его редакціи вопросъ—не хочетъ ли она помѣщать каррикатуры на знаменитыхъ русскихъ писателей, разумѣется, съ ихъ позволенія. Редакція „Листка“ отвѣчала политипажемъ, на которомъ были изображены двѣ барыни—свѣтскія само собою разумѣется,— пьющія чай; а въ слѣдовавшемъ затѣмъ нумерѣ была напечатана разгадка картинки: „Обѣ съ чаемъ“,—т.-е. *обьщаемъ*... Это ли не верхъ свѣтскаго остроумія? Увѣримъ читателей, что такихъ чертъ *высшаго тона* въ „Листкѣ“ — бездна; есть даже и лучшія... Петербургскій beau monde долженъ быть очень доволенъ, что для него издается такой прекрасный журналъ. Впрочемъ, это только одно предположеніе съ нашей стороны. Зато мы увѣрены, что beau monde нашихъ уѣздныхъ городовъ дѣйствительно въ восторгѣ отъ *Листка*, и провинціальные львы и дэнди изъ него набираются свѣтскаго столичнаго тона...

Прим. Бѣлинскаго.

[1]) Замѣчательно, что одна газета, прежняя союзница *Библіотеки для Чтенія*, очень дѣльно подала свой голосъ объ этой рецензіи. Вотъ что, между прочимъ, сказала эта газета („Сѣверная Пчела“, статья Булгарина, — *И. Р.*): *„Любопытны мы знать*, что скажутъ иногородные, прочитавъ эту критику. Намъ, видѣвшимъ Воробьева, Замбони и восхищающимся теперь *буффомъ* Ровере, намъ это ни смѣшно, ни забавно. *Титумъ, титумъ, пампамъ, пампамъ, тра ля, ля, ля, ля!* Кого это разсмѣшитъ, или позабавитъ? „Библіотека для Чтенія“ говоритъ, что Петербургъ только поетъ и ничего не читаетъ. И весьма умно дѣлаетъ, если поетъ вмѣсто того, чтобъ читать *титумъ, титумъ и пампамъ, пампамъ*“. Ловко и мѣтко! Но подмѣтивъ грамматическую ошибку въ рецензіи „Библіотеки для Чтенія“, газета, о которой мы говоримъ, растолковала, въ чемъ ошибка, и прибавляетъ, что это—*замѣчаніе бабушки Θеклы Власьевны Логики*... Ужъ это совсѣмъ не остро!..

Примѣч. Бѣлинскаго.

ничего не можемъ сказать объ этомъ журналѣ, хотя и желали бы сказать больше. Его издатель много писалъ о томъ, что̀ бы можно было и что̀ бы должно было дѣлать для русской исторіи; онъ писалъ трагедіи въ стихахъ и повѣсти въ прозѣ,—стало-быть, онъ и поэтъ; онъ переложилъ на русскіе нравы гётева *Геца фонъ-Берлихингена*; онъ провелъ годъ въ чужихъ краяхъ,—и подарилъ публику восхитительнѣйшимъ описаніемъ своего путешествія; онъ... Но кто перечтетъ все, чѣмъ знаменито и славно имя г. Погодина въ лѣтописяхъ русской науки, литературы, журналистики и поэзіи?.. Сотрудники „Москвитянина“ тоже все презамѣчательные таланты, уже много сдѣлавшіе, подобно гг. Шевыреву, М. Дмитріеву и Лихонину, и много обѣщающіе въ будущемъ, подобно гг. Милькѣеву, Студитскому, Иванчину-Писареву и госпожамъ Зражевской и Шаховой. Статьи, помѣщаемыя въ этомъ журналѣ, должны быть очень интересны и хорошо написаны,—и если до сихъ поръ въ этомъ еще никто не согласился, кромѣ сотрудниковъ и вкладчиковъ самого журнала, такъ это потому, вѣроятно, что направленіе и духъ журнала слишкомъ исключительны. Кто считаетъ себя только Русскимъ, не заботясь о своемъ славянизмѣ, тотъ въ статьяхъ „Москвитянина“ заблудится, словно въ одной изъ тѣхъ темныхъ дубравъ, гдѣ воздвигались деревянные храмы Перуну и обитали мелкія славянскія божества — кикиморы и лѣшіе. Надо быть истымъ Славяниномъ, чтобъ находить въ статьяхъ „Москвитянина“ талантъ, знаніе, убѣжденіе, интересъ, ясность и проч. Но, увы! мы не болѣе, какъ Русскіе, а не Словене, мы граждане Россійской Имперіи, мы и душою и тѣломъ въ интересахъ нашего времени, и желаемъ не возврата aux temps primitifs, а естественнаго хода впередъ, путемъ просвѣщенія и цивилизаціи. Это обстоятельство совершенно лишаетъ насъ возможности понимать „Москвитянина“. Думаемъ, что это — прекрасный журналъ (потому что какіе люди, какіе таланты въ немъ участвуютъ!..); но чѣмъ и какъ онъ прекраснъ,—не можемъ сказать, при всемъ нашемъ желаніи...

Лучшая русская политическая газета теперь — „Инвалидъ“. Онъ столько хорошъ, сколько можетъ быть хорошимъ при его средствахъ и условіяхъ. Политическія извѣстія въ немъ всегда полны и свѣжи. Фельетонъ его всегда занимателенъ и разнообразенъ, особенно фельетонъ, составляемый изъ иностранныхъ новостей. И публика вполнѣ оцѣнила превосходство этого изданія передъ всѣми ему подобными: „Инвалидъ“ теперь наиболѣе читаемая въ Россіи газета. — О „Сѣверной Пчелѣ“ новаго сказать нѣчего: она все та же, какою была въ первый годъ своего существованія. Въ прошломъ году, въ ней была только одна перемѣна: ея фельетоны были необыкновенно скучны и сухи.— Сдѣлаемъ еще одну замѣтку касательно „Пчелы“: забота о чистотѣ *отечественнаго* (?) языка и вопли о его искаженіи всѣми журналами и газетами, кромѣ „Сѣверной Пчелы“, составляли, въ продолженіе прошлаго года, все направленіе, весь духъ этой газеты. Объявляя о своемъ продолженіи на 1845 г., „Сѣвер. Пчела“, между прочимъ, говоритъ, что она „попрежнему будетъ *хранительницей* и *блюстительницей* чистоты и правильности драгоцѣннаго народнаго достоянія— *русскаго языка*“ (255 № „Сѣверн. Пчелы“ 1844 года). Все это очень хорошо; но одни слова еще немного стоятъ; взглянемъ на факты; вотъ нѣсколько выдержекъ изъ „Сѣверной Пчелы“ за 1843 и 1844 годъ: „Роль Имоджены играла г-жа Тадини. Какъ *вторая* пѣвица, она имѣетъ превосходныя качества. (:) П(п) прекрасный, звучный, обширный голосъ, хорошую методу, *выводную физику* (?) и много жару“ (246 № 1843);—„Но *пошутивъ* разъ или два, все-таки наконецъ *сгрустнется*“ (256 № 1843); „Любезные читатели, не гнѣвайтесь на меня за маленькія отступленія, которыя я наполняю крупинками и крохами, подобранными мною на торжественномъ пиру философіи, на который я смотрѣлъ только *изъ-за дверей*. Если приверженцы гомеопатіи вѣрятъ, что дециліонная часть одной пылинки ревеня или белладоны можетъ произвесть переворотъ въ тѣлѣ человѣческомъ, почему же не повѣрить, что одна *кроха философіи* (?!) *можетъ зародить идеи въ головѣ*“ (??!!...);—Вы, вѣроятно, читаете что-нибудь *посочнѣе*: „Парижскія Тайны“, романъ, при чтеніи котораго *кровь течетъ изъ носа у читателя.*“ — „А если вы *левъ* или *львица*, то вы должны быть въ восторгѣ *отъ огнедышущихъ изверженій волканической головы, на каменномъ основаніи сердца Жоржъ-Занда*“ (278 № 1843); — „Но едва ли есть *положеніе непріятнѣе, какъ человѣка*, обязавшагося или обязаннаго гласно изъявлять свое мнѣніе“;—Конечно, надобно *необыкновенной власти* надъ собою, чтобъ“ *и пр.* (57 № 1844);— „Будучи *въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ къ г. Межевичу*, мы“ *и пр.* (63 № 1844);— „Вотъ какія мысли *пришли* мнѣ въ голову, *слушая* унылые вопли книгопродавцевъ“ (17 № 1844); — „*Увидѣвъ* хорошую книжку въ провинціи, *хотѣлось* бы купить, и *не знаешь* сколько денегъ выслать книгопродавцу“ (№ 292, 1844). Такихъ фразъ можно набрать изъ „Сѣверной Пчелы“ тысячи; но довольно и этихъ, прежде другихъ бросившихся намъ въ глаза, когда мы рѣшились перелистовать нѣсколько наудачу попавшихся намъ подъ

руку нумеровъ. Неужели это пуризмъ? неужели это значитъ: быть *хранительницею* и *блюстительницею* чистоты языка? Мы не говоримъ уже о тонѣ всей газеты, объ остротахъ, которыя вертятся на томъ, что фельетонный острословъ называетъ Жюль Жанена *почтеннѣйшимъ Юліемъ Ивановичемъ Жаненомъ* (78 № 1844) и которыя подстать *бабушкѣ Θеклѣ Васильевнѣ Логикѣ* (258 № 1844): всякій шутитъ и остритъ по крайнему своему разумѣнію и сообразно съ своимъ образованіемъ; но зачѣмъ браться быть блюстителями и хранителями языка?..

„Литературная Газета“ была вѣрна своей программѣ и постоянно представляла читателямъ статьи съ политипажами о разныхъ любопытныхъ предметахъ, литературную, театральную и петербургскую хронику, записки для хозяевъ и, наконецъ, кухонныя статьи доктора Пуфа, который пишетъ такъ же хорошо, какъ и учитъ готовить лакомыя блюда. Нельзя не замѣтить, что докторъ Пуфъ владѣетъ перомъ едва-ли еще не лучше, чѣмъ вертеломъ, — и его статейки даже и для людей, не интересующихся кухнею, казались интереснѣе, остроумнѣе и литературнѣе статей многихъ нашихъ фельетонистовъ.

Теперь взглянемъ на замѣчательнѣйшія беллетристическія статьи, помѣщенныя въ прошлогднихъ журналахъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ г. Луганскому. Въ первыхъ двухъ книжкахъ „Б. для Ч.“ были помѣщены *Похожденія Христіана Ивановича Віольдамура и его Аршета*. Эта повѣсть написана г. Луганскимъ, какъ текстъ для объясненія картинокъ г. Сапожникова, сдѣланныхъ заранѣе и безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній романиста съ рисовальщикомъ. Г. Сапожниковъ рисовалъ свои исполненныя смысла, жизни и оригинальности картинки по прихоти своей художнической фантазіи; г. Луганскому предстоялъ трудъ угадать поэтическій смыслъ этихъ картинокъ и написать къ нимъ текстъ, словно либретто къ готовой уже оперѣ: слѣдовательно, это была нѣкоторымъ образомъ заказна̀я работа. Но г. Луганскій болѣе, нежели ловко и удачно, выпутался изъ затруднительнаго положенія: изъ его текста къ картинкамъ вышла оригинальная повѣсть, которая прекрасна и безъ картинокъ, хотя при нихъ и еще лучше. Правда, нѣкоторыя мѣста отзываются *задачею*, но въ общемъ этого почти незамѣтно. Жизнь петербургскихъ Нѣмцевъ, многія черты вообще петербургской жизни и вообще русской жизни, вѣрно подмѣченныя, удачно схваченныя, множество фигуръ, искусно обрисованныхъ— отъ добраго подъячаго Ивана Ивановича до ломового извозчика, перевозящаго пожитки Віольдамура, отъ *свѣдки З'Виборга* до няни Акулины и хозяйки квартиры на Пескахъ, отъ самого Віольдамура до его вѣрнаго Аршета,—все это такъ занимательно, такъ полно жизни и истины, что отъ труда г. Луганскаго нельзя оторваться, не дочитавъ его до послѣдней строки. И еще лучше повѣсть г. Луганскаго... но о ней послѣ: сперва пересмотримъ, что̀ еще есть хорошаго въ „Б. для Ч.“. Очень занимателенъ романъ г. Кукольника: *Два Ивана, два Степановича, два Костылькова*, помѣщенный въ 5, 6, 7 и 8 книжкахъ *Библіотеки*. Содержаніе романа относится къ эпохѣ Петра Великаго. Есть, однакожъ, въ этомъ романѣ *неземная дѣва*, созданіе ложное и приторное всячески — и какъ поэтическое произведеніе, и какъ невозможное для того времени лицо; вообще, всѣ сцены любви, все страстное и нѣжное какъ-то сбивается у г. Кукольника на сантиментальное. Герой романа весь составленъ изъ невозможностей и противорѣчій. То, подобно Испанцу, онъ стремится выполнить клятву мести; то играетъ роль нѣжнаго влюбленнаго пастушка́; то по своей собственной склонности играетъ роль полицейскаго шпіона. Много натянутаго, неестественнаго; часто событія разрѣшаются посредствомъ deus ex machina. Причина этихъ недостатковъ скрывается сколько въ самомъ талантѣ г. Кукольника, столько и въ поспѣшности, съ которою онъ писалъ свой романъ. Несмотря на то, въ этомъ романѣ очень много хорошаго: въ дѣйствующихъ лицахъ часто замѣтна не только вѣрность языка, но и вѣрность понятій той эпохѣ. Есть мѣста мастерскія. И хотя мѣстами романъ очень утомителенъ, однако его нельзя не дочесть до конца. Можно еще упомянуть о разсказѣ г. Гребенки: *Быль не быль, и не сказка*. Изъ переводныхъ повѣстей въ *Библіотекѣ* скажемъ, во-первыхъ, о *Сесилѣ*, романѣ г-жи Ганъ, которую называютъ нѣмецкимъ Жоржемъ Зандомъ. Романъ не то, чтобъ плохъ, не то, чтобъ хорошъ, — отзывается посредственностью, а потому хуже, чѣмъ плохъ. Очень удивилъ насъ романъ Алексиса: *Кабанисъ*: первая часть его, представляющая картину воспитанія и семейныхъ нравовъ Германіи XVIII вѣка, чрезвычайно интересна, но остальныя части набиты такою безтолковою и пошлою путаницею романическихъ эффектовъ, что не знаешь, чему больше дивиться — терпѣнію ли сочинителя написать такой длинный вздоръ, или рѣшимости журнала — передать его на своихъ страницахъ. Въ видѣ прибавленія при *Библіотекѣ* выдается по частямъ переводъ *Вѣчнаго Жида* Эжена Сю. Переводъ слабъ. Что до романа,— основа его нелѣпа, но подробности большею частію очень занимательны; въ разсказѣ много жара и движенія, но много сантимен-

тальности и надутой пошлости. Главный интересъ этого романа для Французовъ заключается въ нападкахъ на іезуитовъ. Впрочемъ, съ этой стороны романъ Эжена Сю интересенъ не для однихъ Французовъ. Въ послѣднихъ двухъ книжкахъ „Б. для Ч.“ начался безконечный романъ: *Лондонскія Тайны*, наполненный такими приключеніями, какихъ не бываетъ ни на землѣ, ни на лунѣ. *Лондонскія Тайны* повторяютъ собою всѣ недостатки *Парижскихъ Тайнъ*, не представляя ни одного изъ достоинствъ послѣдняго романа. Впрочемъ, и *Лондонскія Тайны* не то, чтобъ имѣли какой-нибудь интересъ, но раздражаютъ любопытство читателя, дѣйствуя не столько на его умъ, сколько на нервы: это интересъ чисто наркотическій, потому романъ долженъ понравиться многимъ.

Въ „Отеч. Запискахъ“ прошлаго года изъ оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній были напечатаны: *Барышня*, разсказъ г. Панаева, одинъ изъ самыхъ мѣткихъ, самыхъ удачныхъ юмористическихъ очерковъ этого писателя; *Живой Мертвецъ*— одна изъ лучшихъ юмористическихъ статей князя Одоевскаго: она потомъ вошла въ составъ изданныхъ въ прошломъ же году „Сочиненій князя Одоевскаго“; *Докторъ*, г. Гребенки—не столько повѣсть, сколько нравоописательный очеркъ, заключающій много хорошаго въ подробностяхъ. *Сцены Уѣздной Жизни*, г. Н* обнаруживаютъ большое знаніе уѣздной жизни, много наблюдательности и таланта, хотя и отзываются литературною неопытностью. Отъ автора, скрывшагося подъ таинственною литерою Н*, много можно ожидать въ будущемъ. *Андрей Колосовъ*, г. Т. Л.— разсказъ, чрезвычайно замѣчательный по прекрасной мысли: авторъ обнаружилъ въ немъ много ума и таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показалъ, что онъ не хотѣлъ сдѣлать и половины того, что̀ бы могъ сдѣлать; оттого и вышелъ хорошенькій разсказъ тамъ, гдѣ слѣдовало выйти прекрасной повѣсти. — Лучшими повѣстями въ „Отеч. Запискахъ“ прошлаго года были: *Колбасники и Бородачи*, г. Луганскаго, и *Послѣдній Визитъ* г. А. Нестроева. *Колбасники и Бородачи*—рѣшительно лучшее произведеніе г. Луганскаго. Несмотря на чисто практическую и внѣшнюю цѣль этой повѣсти, въ ней есть подробности истинно-художественныя, есть черты купеческаго быта, схваченныя съ изумительною вѣрностію: такова сцена сватанья, гдѣ отецъ перебиваетъ у сына невѣсту. Даже слишкомъ явно внѣшняя цѣль повѣсти нисколько не вредитъ ея достоинству: авторъ умѣлъ возвысить ее до мысли и, черезъ мысль, слить ее съ поэтическою стороною своего произведенія. Какъ *Колбасники и Бородачи* были лучшею, въ продолженіе прошлаго года, повѣстью въ юмористическомъ родѣ, такъ *Послѣдній Визитъ* — едва-ли не лучшая русская повѣсть въ патетическомъ родѣ. Да, публика еще въ первый разъ прочла на русскомъ языкѣ повѣсть, въ которой страсть понята такъ глубоко и вѣрно, изображена такъ просто и сильно. Дѣйствующія лица очень обыкновенны, а потому и истинны; завязка проста до того, что ее нельзя и пересказать иначе, какъ подлинными словами автора,—а между тѣмъ, тутъ заключена страшная, потрясающая душу драма. Въ первый еще разъ страсть нашла себѣ голосъ и выраженіе въ русской повѣсти [1])... Чтобъ не приняли нашихъ словъ за преувеличеніе, скажемъ въ поясненіе, что были и прежде русскія повѣсти, въ которыхъ слышался голосъ страсти, какъ, напр., въ *Тарасѣ Бульбѣ* Гоголя, именно въ сценахъ любви Андрія и прекрасной Полячки; но тутъ положеніе исключительное, среди дѣйствительности страшно поэтической, а въ *Послѣднемъ Визитѣ* страсть горитъ въ нѣдрахъ дѣйствительности современной, обыкновенной, прозаической, въ сердцахъ людей, по ихъ характерамъ и положенію въ обществѣ вовсе неисключительнымъ, — и эта страсть не изливается бурными потоками исполненныхъ лирическаго паѳоса рѣчей, а высказывается драматически, горитъ и пышетъ въ самыхъ простыхъ словахъ. Характеры этой повѣсти задуманы и выполнены очень вѣрно: только характеръ героини не совсѣмъ дочерченъ; зато характеръ героя повѣсти, и въ особенности характеръ мужа отдѣланы съ удивительною опредѣленностію. Но въ этомъ произведеніи, къ сожалѣнію, есть недостатокъ, который тѣмъ рѣзче и тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ прекраснѣе вся повѣсть: ея конецъ слабѣе начала и середины. Мы даже думаемъ, что выстрѣла, который дошелъ до ушей героини, было совсѣмъ не нужно, равно какъ и самой дуэли: развязка могла бы быть проще, и тѣмъ поразительнѣе. Помѣшательство героини повѣсти тоже немного сбивается на эффектъ: достаточно было бы, вмѣсто помѣшательства, просто апатическаго равнодушія: для благоразумнаго Григорія Павловича это было бы не легче сумасшествія жены... Кстати скажемъ, что авторъ этой повѣсти уже не въ первый разъ является на литературномъ поприщѣ и не въ первый разъ обращаетъ на себя вниманіе любителей изящнаго: *Звѣзда*, *Цвѣтокъ* и другія повѣсти въ „Отеч. Запискахъ“, означенныя подписью *А. Н.*, принадлежатъ ему. Но съ *Послѣд-*

[1]) Подъ псевдонимомъ *А. Неустроева* (или *А. Н.*) писалъ повѣсти П. Кудрявцевъ. Вскорѣ самъ Бѣлинскій призналъ преувеличенность ожиданій, возлагавшихся имъ на этого талантливаго профессора, но второстепеннаго беллетриста.

няго Визита для него, кажется, настала эпоха новаго, болѣе глубокаго и истиннаго творчества: въ прежнихъ своихъ повѣстяхъ онъ изображалъ и характеры и положенія какіе-то исключительные, необыкновенные; въ послѣдней своей повѣсти онъ смѣло вошелъ въ глубину простой, ежедневной дѣйствительности и умѣлъ въ ея пошлости и прозѣ найти страсть, слѣдовательно, и поэзію. Отъ души желаемъ, чтобъ этотъ прекрасный талантъ никогда болѣе не сходилъ съ этой новой для него дороги, но все шелъ по ней впередъ и впередъ: онъ можетъ уйти далеко...

Изъ переводныхъ статей въ „Отеч. Запискахъ“ за прошлый годъ были помѣщены: *Домашній Секретарь*, романъ Жоржа Занда; *Крошка Цахесъ по прозванію Цинноберъ*, повѣсть Гофмана; *Зять, какихъ мало*, повѣсть Шарля Бернара; *Жакъ*, романъ Жоржа Занда; *Жизнь и Приключенія Мартина Чодзльвита*, новый романъ Чарльса Диккенса. О достоинствѣ романовъ Жоржа Занда нечего распространяться: они говорятъ сами за себя гораздо лучше, нежели кто-либо могъ бы говорить о нихъ. — *Жизнь и приключенія Мартина Чодзльвита* — едва-ли не лучшій романъ даровитаго Диккенса. Это полная картина современной Англіи, со стороны нравовъ, и вмѣстѣ яркая, хотя, можетъ быть, и односторонняя картина общества Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Что за неистощимость изобрѣтенія, что за разнообразіе характеровъ, такъ глубоко задуманныхъ, такъ вѣрно очерченныхъ! Что за юморъ! что за слогъ! [1]). Прочитавъ въ прошломъ году *Лавку Древностей*, мы думали, что приходитъ время навсегда проститься съ огромнымъ талантомъ Диккенса; но послѣдній его романъ доказалъ, что талантъ автора „Николая Никльби“ и „Бэрнеби Роджа“ только вздремнулъ на время, чтобъ проснуться еще свѣжѣе и могучѣе прежняго. Въ *Мартинѣ Чодзльвитѣ* замѣтна необыкновенная зрѣлость таланта автора; правда, развязка этого романа отзывается общими мѣстами, но такова развязка у всѣхъ романовъ Диккенса: вѣдь Диккенсъ — Англичанинъ...

Между немногими стихотвореніями, печатавшимися въ нашихъ прошлогднихъ журналахъ, въ нѣкоторыхъ промелькивали искорки то поэзіи безъ мысли, то мысли безъ поэзіи, то что-то какъ будто похожее и на мысль и на поэзію вмѣстѣ. Мы разумѣемъ здѣсь стихотворенія гг. Майкова, Фета, Т. Л., Огарева, Крешева, Полонскаго. Но кромѣ двухъ вновь открытыхъ стихотвореній Лермонтова: *Пророкъ* и *Свиданіе* (напечатанныхъ въ первый разъ во второй книжкѣ „Отеч. Записокъ“), выдалось изъ ряда другихъ только стихотвореніе г. Фета: *Колыбельная пѣсня* (1-я книжка „Отеч. Записокъ“).

Изъ переводныхъ стихотвореній замѣчательнѣе всего, по обыкновенію, были переводы г. Струговщикова изъ Гёте. Къ числу замѣчательныхъ явленій этого рода принадлежитъ отрывокъ изъ *Фауста*, переведенный г. Т. Л. (6-я книжка „Отеч. Записокъ“). Какъ объ опытѣ, заслуживающемъ вниманія, должно упомянуть о переводѣ г. Яхонтова *Торквато-Тассо*, драмы Гёте (8-я книжка „Отеч. Записокъ“).

Очень любопытны напечатанныя въ „Б. для Ч“. (3-я книжка) неизданныя стихотворенія Державина и Фонвизина.

Изъ статей ученаго содержанія замѣчательны въ „Б. для Ч.“: *Историческое обозрѣніе открытія золота въ старомъ и новомъ свѣтѣ; послѣднія путешествія Француговъ; Арнаутъ*; *Яссы и Молдавія* (автора „Странствователя по сушѣ и морямъ“); *Кардиналъ Ришлье, Финансы и государственный кредитъ въ Австріи и Пруссіи*; *Германскій таможенный Союзъ*. Въ „Б. для Ч.“ съ нѣкотораго времени появилась *критика*, состоящая не изъ однѣхъ выписокъ изъ разбираемой книги, иногда даже вовсе безъ этихъ выписокъ; но такая перемѣна нисколько не улучшила этого отдѣла журнала, а только сдѣлала его еще менѣе занимательнымъ. Замѣчательна въ „Б. для Ч.“ одна критическая статья, и то только тѣмъ, что она — переводъ съ нѣмецкой брошюры: Schiller's Leben von Döring, переводъ, разведенный водою мыслей переводчика и выданный за оригинальное сочиненіе. Это—статья о „Вильгельмѣ Теллѣ“, переведенномъ г. Миллеромъ, и кстати о Шиллерѣ. Оригинальнаго, въ Россіи сочиненнаго, въ ней только одна мысль, зато удивительная, если не чудовищная. Мысль эта состоитъ въ томъ, что хотя Пушкинъ и выше Жуковскаго, какъ поэтъ и мыслитель, однако „никогда творенія Пушкина не пріобрѣтали и не пріобрѣтутъ той любви, которую возбуждали и всегда будутъ возбуждать творенія Жуковскаго“ (2-я книжка). Эта мысль или шутка, или мистификація, можетъ имѣть достоинство неоспоримой истины, если ее прочесть навыворотъ и понять наоборотъ...

Въ „Отеч. Запискахъ“ изъ статей ученаго содержанія вѣроятно замѣчены читателями: *Іезуиты—Лудовикъ XV и его вѣкъ*;—*Записки русскаго морского офицера во время путешествія вокругъ свѣта въ 1840, 1841 и 1842 годахъ*, г. Бутакова (двѣ отдѣльныя статьи: одна въ третьей, другая въ седьмой книжкѣ);—*О ходѣ искусства у древнихъ народовъ и объ*

[1]) Справедливость требуетъ замѣтить, что переводъ этого романа Диккенса не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ, на скорую руку дѣлаемыхъ журнальныхъ переводовъ. *Прим. Бѣлинскаго.*

истребленіи и сохраненіи памятниковъ древняго искусства, И. Я. Кронеберга (бывшаго профессора Харьковскаго Университета);—*Поѣздка черезъ Буэносъ-Айресскія Пампы*, г. Чихачева;—*Байкалъ*, г. Щукина;—*Августъ-Лудвигъ Шлецеръ—жизнь и труды его*, г. Головачева;—*Реформація*;—*О народности медицины*;—*Е. А. Баратынскій*. Въ отдѣлѣ „Критики", кромѣ разборовъ собственно къ изящной литературѣ относящихся книгъ, разборовъ, выражающихъ мнѣніе редакціи,—въ „Отеч. Запискахъ" были напечатаны разборы, писанные сторонними лицами: о *Филологическихъ наблюденіяхъ г. Павскаго надъ составомъ русскаго языка*, г. Надеждина (двѣ статьи, впрочемъ еще не заключающія въ себѣ конца критики), разборъ книгъ: *Гальванизмъ въ техническомъ примѣненіи, для любителей природы и искусства и для техническаго употребленія, соч. К. О.*, и *Полное изложеніе гальванопластики, гальванической позолоты и серебренія, соч. А. Г.*;—*Полный курсъ геологическихъ наукъ, соч. Эдуарда Эйхвальда*.

Русскихъ книгъ теперь выходитъ годъ отъ году меньше; зато число дурныхъ уже не находится въ чудовищной пропорціи къ числу хорошихъ. Особенно много выходитъ хорошихъ книгъ спеціальнаго содержанія; нерѣдки и хорошіе учебники. Все это гораздо лучше множества пустыхъ книгъ преимущественно беллетристическаго содержанія, которыя прежде наводняли собою русскую литературу, или, лучше сказать, подвалы книжныхъ лавокъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ вышедшихъ въ прошломъ году книгъ, особенно замѣчательныхъ важностію содержанія: *Остромирово Евангеліе*, изд. г. Востоковымъ; *Выходы Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича*, изд. г. Строевымъ; *Семена Порошина Записки, служащія къ исторіи Великаго Князя Павла Петровича*; *Описаніе первой войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году*, соч. Михайловскаго-Данилевскаго; *Основныя начала русскаго судопроизводства*, диссертація г. Кавелина; *Поѣздка въ Якутскъ*, г. Щукина; *Поѣздка въ Забайкальскій Край*; *Правила, мысли и мнѣнія Наполеона о военной наукѣ, военной исторіи и военномъ дѣлѣ*, собранныя Каузлеромъ, переведенныя г. Леонтьевымъ; *Политическая и военная жизнь Наполеона*, соч. Жомини; *Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи*; *Описаніе турецкой войны въ 1828—1829 годахъ*, г. Лукьяновича и друг. Обо всѣхъ этихъ и другихъ, не упомянутыхъ здѣсь книгахъ Библіографическая Хроника „Отеч. Записокъ" постоянно и своевременно отдавала отчетъ публикѣ. Въ прошломъ году возымѣло начало и теперь продолжается успѣшно монументальное изданіе литографическихъ снимковъ съ картинъ *Императорской Эрмитажной Галереи*, предпринятое французскими художниками гг. Гойе-Дефонтеномъ и Полемъ Пети.

Если мы вообще насчитали не слишкомъ много замѣчательныхъ явленій въ русской литературѣ 1844 года, можетъ быть, еще меньше, чѣмъ въ литературѣ 1843 года,—не должно видѣть въ этомъ только доказательство все большей и большей бѣдности русской литературы. Бѣдность, дѣйствительно, страшная, но въ ней есть своя хорошая, скажемъ больше — своя прекрасная сторона. Теперь пишутъ мало, потому что публика стала разборчивѣе и взыскательнѣе; стало быть, писать сдѣлалось труднѣе и для талантовъ, а для посредственности просто невозможно. Потерявъ въ числительномъ богатствѣ, наша литература много выиграла въ духѣ и направленіи. Немного было хорошихъ повѣстей въ прошломъ году, но выберите самую слабую изъ всѣхъ упомянутыхъ нами въ этомъ обзорѣ, и сравните ее съ повѣстями Марлинскаго, гг. Полевого, Погодина, Загоскина и другихъ,—и вы увидите, какъ богата нищета современной русской литературы въ сравненіи съ ея нищенскимъ богатствомъ прежняго времени. Теперь, слава Богу! переводится поколѣніе такъ называемыхъ безкорыстныхъ любителей литературы для литературы: теперь читаютъ *корыстно*, т.-е. хотятъ видѣть въ книгѣ не средство къ пріятному препровожденію времени, а мысль, направленіе, мнѣніе, истину, выраженіе дѣйствительности. Литературное достоинство теперь уже не искупитъ недостатка мысли, и поэтическая мишура таланта никому не дастъ славы. Фраза потеряла свое очарованіе: ее сейчасъ разложатъ на слова, чтобъ добиться, что за смыслъ скрываетъ она въ себѣ; въ реторикѣ теперь упражняются только старые писатели, которые повыписались или совсѣмъ исписались. Метроманы тоже выводятся; стихотвореніе, даже очень недурное, уже перестало быть явленіемъ великой важности: восхищаются одними превосходными стихотвореніями. Все это составляетъ характеръ послѣдняго періода нашей литературы, которому тонъ и направленіе дали Гоголь и Лермонтовъ. Многіе жалуются на журналы, особенно на толстые, приписывая имъ малочисленность книгъ. Но развѣ не все равно — въ отдѣльной книгѣ или въ журналѣ прочесть хорошее сочиненіе? Правда, теперешніе журналы слишкомъ энциклопедичны, слишкомъ разнообразны; но это не ихъ вина, а дѣло необходимости. Чтобъ журналъ былъ читаемъ, не гоняясь за разнообразіемъ содержанія, нужно, чтобъ онъ выигралъ *мнѣніемъ*: а вѣдь въ чемъ болѣе выразится мнѣнію, если не въ литературѣ? Лите-

ратура—предметъ, конечно, интересный, но совсѣмъ не неистощимый; притомъ же, теперь, какъ мы это уже говорили, прошелъ вѣкъ *литературщины*, и въ литературѣ всѣ хотятъ видѣть больше разнообразія... Итакъ, будемъ толковать о литературѣ и читать толстые журналы.

1845 г.

---

50. Тарантасъ.

Сочиненіе *графа В. А. Соллогуба.* Спб. 1845.

Во вступительной замѣткѣ къ предыдущей статьѣ мы указали на обостреніе борьбы западниковъ и славянофиловъ въ 1844—1845 г. и на впечатлѣніе, произведенное этой статьей Бѣлинскаго въ славянофильскихъ рядахъ. Но Бѣлинскій писалъ свое обозрѣніе русской литературы за 1844 годъ еще не зная о появленіи въ Москвѣ „доносительныхъ“ стихотвореній Языкова, направленныхъ противъ западниковъ — Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, Чаадаева (котораго тогда считали тоже „западникомъ“). Стихотворенія эти были сплошнымъ доносительнымъ воплемъ къ николаевскимъ жандармамъ о пресѣченіи западническаго зла; такъ напримѣръ, обращаясь къ Чаадаеву, поэтъ восклицалъ: „ты все свое презрѣлъ и выдалъ— и ты еще не сокрушенъ!.. Ты цѣлъ еще!“ Въ злобномъ посланіи ко всѣмъ западникамъ вообще („Къ не нашимъ“) Языковъ называлъ ихъ „опрометчивымъ оплотомъ ученья богомерзкой школы“, говорилъ объ ихъ „предательскихъ мнѣніяхъ и святотатственныхъ снахъ“ и выражалъ надежду, что раньше или позже „умолкнетъ ваша злость пустая, замретъ проклятый вашъ языкъ!“ Наконецъ въ посланіи къ Шевыреву Языковъ уже прямо мѣтилъ въ Бѣлинскаго, который былъ главнымъ „врагомъ“ Шевырева:

Твои враги...—они чужбинѣ
Отцами проданы съ пеленъ:
Русь не угодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Имъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ
И совѣсть ихъ прокажена.

Не всѣми славянофилами эти стихотворенія были встрѣчены такъ же восторженно, какъ напримѣръ Гоголемъ; но зато всѣ западники отнеслись съ одинаковымъ омерзѣніемъ къ этимъ злобнымъ выходкамъ. Разрывъ между славянофилами и западниками принялъ рѣзкія формы: дѣло чуть не дошло до дуэли между Грановскимъ и Кирѣевскимъ; Герценъ и К. Аксаковъ прекратили личное знакомство. Въ „Отеч. Запискахъ“ Герценъ немедленно отозвался на стихи Языкова слѣдующей замѣткой въ одной изъ своихъ статей: „Кажется, успокоившаяся отъ суетъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубенное перо свое поэзіи исправительной и обличительной. Это истинная цѣль искусства: пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionnelle. Мы имѣли случай читать еще поэтическія произведенія того же исправительнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати; это громъ и молнія; озлобленный поэтъ не остается въ абстракціяхъ: онъ указуетъ негодующимъ перстомъ *лица*—при полномъ изданіи можно приложить *адресы*!..“ Бѣлинскій не отозвался печатно на такія произведенія доносительной поэзіи; какъ-разъ въ это время онъ, еще ничего не зная объ этихъ стихотвореніяхъ Языкова, писалъ свое обозрѣніе литературы за 1844 годъ, гдѣ нанесъ не одинъ ударъ именно Языкову. Получивъ эти стихи Языкова, Бѣлинскій писалъ Герцену (26 янв. 1845 г.): „Москва сдѣлала, наконецъ, рѣшительное пронунціаменто“... И затѣмъ, говоря о томъ ударѣ, который онъ нанесъ славянофиламъ этой своей статьей о русской литературѣ въ 1844 году, Бѣлинскій прибавилъ: „теперь я этихъ каналій не оставлю въ покоѣ“... Бѣлинскій ждалъ только случая, только повода, чтобы обрушиться на славянофиловъ всею силою своего безпощаднаго полемическаго таланта. Случай тотчасъ же представился: въ самомъ началѣ 1845 года вышло произведеніе гр. Соллогуба — „Тарантасъ“.

Графъ В. Соллогубъ, теперь совершенно забытый беллетристъ, въ сороковыхъ годахъ былъ одной изъ первыхъ литературныхъ знаменитостей; самъ Бѣлинскій ставилъ его очень высоко, считая его первымъ послѣ Гоголя писателемъ въ современной ему русской литературѣ (см. выше стр. 650). Правда, не прошло и года послѣ появленія столь расхваленнаго Бѣлинскимъ „Тарантаса“, какъ Бѣлинскій, въ своемъ обозрѣніи русской литературы за 1845 годъ, съ оговорками расхваливъ гр. Соллогуба, назвалъ „послѣ Гоголя до сихъ поръ рѣшительно первымъ талантомъ въ русской литературѣ“—

В. И. Даля (Луганскаго), такого же второстепеннаго писателя, какъ и гр. Соллогубъ. Мало того, расхваливъ въ этомъ своемъ обозрѣніи „Тарантасъ“, какъ „прекрасное литературное произведеніе“, Бѣлинскій тутъ же оговорился знаменательной фразой: „мы понимаемъ «Тарантасъ» какъ сатиру (на славянофиловъ—*И.-Р.*) и будемъ его понимать такъ до тѣхъ поръ, *пока онъ не изгладится изъ литературныхъ воспоминаній публики*“ (курсивъ нашъ; см. ниже ст. № 55). Уже отсюда видно, какъ въ сущности вѣрно оцѣнивалъ Бѣлинскій ничтожное значеніе „Тарантаса“ для русской литературы; произведеніе это было для Бѣлинскаго только поводомъ нанести тяжелый полемическій ударъ ненавистному славянофильству.

Итакъ, въ этомъ произведеніи гр. Соллогуба Бѣлинскій якобы хотѣлъ видѣть сатиру на славянофильство, въ то время какъ другіе видѣли въ „Тарантасѣ“ (по словамъ самого Бѣлинскаго) „искреннее profession de foi такъ называемаго славянофильства“. Кто былъ правъ? Во всякомъ случаѣ не Бѣлинскій, хотя и „другіе“ были одинаково неправы: они были неправы потому, что въ сословной нетерпимости и аристократическихъ тенденціяхъ гр. Соллогуба не было ничего славянофильскаго—и это блестяще показалъ годомъ позднѣе Ю. Самаринъ въ своей статьѣ о „Тарантасѣ“ въ славянофильскомъ „Московскомъ Сборникѣ“ (1846 г.); Бѣлинскій же—если онъ дѣйствительно видѣлъ въ „Тарантасѣ“ сатиру—былъ неправъ потому, что отъ сатиры на славянофильство гр. Соллогубъ былъ еще въ тысячу разъ дальше, чѣмъ отъ искренняго исповѣданія славянофильской вѣры: десятью годами позднѣе это неоспоримо доказалъ Добролюбовъ въ своей статьѣ о собраніи сочиненій гр. Соллогуба. Добролюбовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ героѣ „Тарантаса“, Иванѣ Васильевичѣ, гр. Соллогубъ хотѣлъ только подчеркнуть „противорѣчіе словъ съ поступками“, но вовсе не думалъ „смѣяться надъ убѣжденіями своего героя“. Такъ что когда Бѣлинскій издѣвается надъ различными мнѣніями Ивана Васильевича или старается видѣть тонкую иронію въ словахъ гр. Соллогуба, то и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ только иронизируетъ надъ самимъ гр. Соллогубомъ; вопросъ лишь въ томъ—намѣренна ли вѣжливая иронія Бѣлинскаго? т.-е. иными словами: неужели онъ bona fide считалъ „Тарантасъ“ сатирой на славянофильство?

Для насъ отвѣтъ очевиденъ: Бѣлинскій прекрасно видѣлъ „аристократическія замашки“ гр. Соллогуба (см. письмо Бѣлинскаго къ Герцену отъ 4 іюля 1846 года), видѣлъ его симпатіи къ своему герою, Ивану Васильевичу; Бѣлинскій не могъ не видѣть этого, потому что въ настоящей статьѣ слишкомъ часто подчеркиваетъ онъ „странныя“ мысли гр. Соллогуба. Нѣсколько примѣровъ: гр. Соллогубъ восхищается дѣдами и прадѣдами своего поколѣнія за то, что они „крѣпко хранили... по какому-то странному внушенію любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ“, хотя они—удивляется гр. Соллогубъ—„были точно люди неграмотные“... Бѣлинскій въ отвѣтъ на это замѣчаетъ: „мы не можемъ прійти въ себя отъ удивленія, не понимая, чему же тутъ авторъ удивляется“; вѣдь предки наши именно потому и хранили любовь къ „отечественнымъ постановленіямъ“, что были неграмотны... Другой примѣръ: гр. Соллогубъ замѣчаетъ отъ своего лица, что „любовь мужика къ барину есть любовь врожденная и почти неизъяснимая“, что крестьяне, стоя на колѣняхъ встрѣчающіе съ хлѣбомъ-солью своего помѣщика, „тихо и трогательно“ выражаютъ этимъ свой восторгъ и свою преданность; а Бѣлинскій иронически поддакиваетъ автору: „объ этомъ предметѣ мы опять думаемъ точно такъ же, какъ самъ авторъ“—и тутъ же съ невиннымъ видомъ приводитъ два стиха изъ басни Крылова („Рыбьи пляски“), въ которой идетъ рѣчь о рыбкахъ, поджаривавшихся лисою и бившихся на сковородкѣ:

„Да отчего же,—левъ спросилъ,—скажи ты мнѣ
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?“
—О, мудрый левъ!—лиса отвѣтствуетъ:—онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ...

И такъ далѣе: цѣлыми страницами продолжается иронія Бѣлинскаго якобы надъ героями „Тарантаса“, а въ сущности надъ самимъ гр. Соллогубомъ, когда тотъ занимается проповѣдью не столько славянофильскихъ, сколько просто помѣщичьихъ принциповъ и идеаловъ; когда же самъ гр. Соллогубъ иронизируетъ надъ своими героями, то Бѣлинскій присоединяется къ нему и подчеркиваетъ отрицательное отношеніе автора къ героямъ его произведенія, т.-е. подчеркиваетъ „сатирическую“ струю въ „Тарантасѣ“. Такимъ образомъ иногда иронія автора и иронія критика сливаются, иногда иронія критика сталкивается съ паѳосомъ автора; Бѣлинскій хотѣлъ сдѣлать видъ, что и паѳосъ этотъ онъ принимаетъ за иронію... Это до извѣстной степени ему и удалось. Такой пріемъ позволилъ ему не разбивать ударовъ своей статьи на два фронта—противъ славянофиловъ съ одной стороны, противъ автора „Тарантаса“ съ другой; сдѣлавъ себѣ изъ гр. Соллогуба какъ бы временнаго союзника, Бѣлинскій съ тѣмъ большей силой обрушилъ всѣ удары на голову славянофильства. Ему не удалось однако скрыть иронію

своего отношенія къ гр. Соллогубу; вотъ что̀ самъ онъ говоритъ полгода спустя въ обзорѣ литературы за 1845 годъ: „статья наша (о „Тарантасѣ“) была понята двояко: одни приняли ее за восторженную и неумѣренную похвалу, другіе—за что-то въ родѣ памфлета“... Правы были, несомнѣнно, эти „другіе“: статья о „Тарантасѣ“ дѣйствительно была ѣдкимъ памфлетомъ, такимъ же памфлетомъ, какъ и знаменитый „Педантъ“ (ст. № 36),—но не столько на гр. Соллогуба, сколько на совсѣмъ другое лицо [1])...

„Я не юмористъ, не острякъ,—писалъ Бѣлинскій нѣсколько позднѣе (26 февр. 1847 г.) Боткину;—иронія и юморъ—не мои оружія. Если мнѣ удалось въ жизнь мою написать статей пятокъ, въ которыхъ иронія играетъ видную роль и съ бо̀льшимъ или меньшимъ умѣньемъ выдержана,—это произошло совсѣмъ не отъ спокойствія, а отъ крайней степени бѣшенства, породившаго своею сосредоточенностію другую крайность—спокойствіе. Когда я писалъ *типъ* на Шевырева и статью о „Тарантасѣ“, я былъ не красенъ, а блѣденъ, и у меня сохло во рту, отъ чего на губахъ и не было пѣны“... Статья о „Тарантасѣ“ была въ сущности такимъ же памфлетомъ, какъ и „Педантъ“; она была рѣзкимъ отвѣтомъ Бѣлинскаго на то московское „пронунціаменто“, о которомъ мы говорили въ началѣ настоящей замѣтки. „Педантъ“ былъ направленъ противъ Шевырева; статья о „Тарантасѣ“—противъ одного изъ главныхъ вождей славянофильства, противъ *Ивана Васильевича Кирѣевскаго*.

Главный герой „Тарантаса“ носитъ имя *Ивана Васильевича*. Воспользовавшись этимъ, Бѣлинскій могъ свободно обойти всѣ цензурные рифы и безпрепятственно дать характеристику Кирѣевскаго, якобы говоря только о героѣ „Тарантаса“; чтобы сдѣлать это однако для всѣхъ яснымъ, Бѣлинскій обратился къ помощи курсива. Вся статья пестритъ курсивомъ: такъ, всюду подчеркнуто имя *Ивана Васильевича* (а заодно ужъ и его спутника); курсивъ этотъ не соблюдался въ собраніяхъ сочиненій Бѣлинскаго (за исключеніемъ изданія С. Венгерова), а между тѣмъ это упорное подчеркиваніе несомнѣнно должно было обратить вниманіе читателей и навести ихъ мысль на дѣйствительнаго Ивана Васильевича, стоявшаго во главѣ славянофильства—на Кирѣевскаго. Что Бѣлинскій мѣтилъ именно въ Ивана Васильевича Кирѣевскаго—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но не менѣе несомнѣнно и то, что Бѣлинскій въ то же время расширялъ личность Кирѣевскаго до предѣловъ типа: онъ хотѣлъ одновременно и отождествить „Ивана Васильевича“ съ Кирѣевскимъ и вообще дать характеристику такихъ Ивановъ Васильевичей. „Многимъ покажется страннымъ,—говоритъ Бѣлинскій,—что мы такъ вооружились противъ лица, существующаго въ книгѣ, а не въ дѣйствительности. Въ томъ-то и дѣло, что *Ивановъ Васильевичей* слишкомъ много въ дѣйствительности“... И въ заключительныхъ строкахъ статьи Бѣлинскій восклицаетъ: „прощайте же, *Иванъ Васильевичъ*! Спасибо вамъ: вы заняли насъ, вы и посердили и позабавили насъ на свой счетъ. Прощайте, смѣшной и жалкій донъ-Кихотъ! Вѣчное спасибо вамъ за то, что вы сказали всему свѣту, какъ зовутся по имени и по отчеству люди извѣстнаго разряда: ихъ зовутъ *Иванами Васильевичами*“... Но изъ всѣхъ этихъ Ивановъ Васильевичей Бѣлинскій направляетъ свои удары преимущественно на одного—Ивана Васильевича Кирѣевскаго. Въ самомъ концѣ статьи Бѣлинскій говоритъ о „Тарантасѣ“, что въ немъ „славянофилы, въ лицѣ *Ивана Васильевича*, получили страшный ударъ.., Какъ! эти люди... но оставимъ людей и поговоримъ объ одномъ человѣкѣ—объ *Иванѣ Васильевичѣ*“... И онъ обрушивается съ рѣзкой филиппикой на этого

---

[1]) Высказанное нами мнѣніе о смыслѣ настоящей статьи Бѣлинскаго подтверждается, кромѣ указанныхъ выше данныхъ, мнѣніемъ Чернышевскаго — см. его „Очерки гоголевскаго періода“, „Современникъ“, 1856 г., № 11 (въ полномъ собр. сочин. т. II, стр. 242—245). Еще важнѣе слѣдующій разсказъ Панаева, который мы позволимъ себѣ привести почти цѣликомъ: „Бѣлинскій обѣдалъ у меня дня черезъ два послѣ напечатанія его критической статьи (о „Тарантасѣ“—*И.-Р.*)... Критика Бѣлинскаго была написана необыкновенно тонко и ловко, и тѣмъ сильнѣе чувствовалась ея ядовитость... Въ началѣ обѣда вдругъ раздался рѣзкій звонокъ и вслѣдъ затѣмъ громкій голосъ „дома?“—самого автора произведенія (гр. Соллогуба). Бѣлинскій измѣнился въ лицѣ и приподнялся на стулѣ: „я уйду“,—прошепталъ онъ. Жена моя уговорила его однако остаться. Авторъ вошелъ, переваливаясь и волоча ноги.—„Здраствуйте-съ“,—сказалъ онъ, протянувъ руку моей женѣ, потомъ мнѣ и кивнувъ головою Бѣлинскому, который отвѣчалъ ему на это также легкимъ кивкомъ, закусивъ нижнюю губу, что̀ выражало у него всегда неудовольствіе.—„Я не мѣшаю вамъ,—продолжалъ небрежно авторъ:—дайте мнѣ послѣдній номеръ *Отеч. Записокъ*. Тамъ, говорятъ, меня ужасно отдѣлали. Мнѣ хочется пробѣжать эту статью“... Ему подали *Отеч. Записки* и онъ пошелъ въ другую комнату. Когда мы окончили обѣдъ, авторъ вдругъ прямо подошелъ къ Бѣлинскому.—„Что это *вы* надавали мнѣ оплеухъ?“—спросилъ онъ, полу-улыбаясь. Бѣлинскій поблѣднѣлъ.—„Если вы называете это оплеухами,—отвѣчалъ онъ смѣло и глядя ему прямо въ глаза,—то должны по крайней мѣрѣ сознаться, что для этого я надѣлъ на руку бархатную перчатку“... („Современникъ“, 1860 г., т. LXXIX, стр. 363—364). Этотъ разсказъ окончательно рѣшаетъ вопросъ: Бѣлинскій вовсе не видѣлъ въ „Тарантасѣ“ сатиры, хотя и утверждалъ это иронически въ своихъ статьяхъ; самъ гр. Соллогубъ сразу понялъ, что статья Бѣлинскаго—пощечина ему. Но эту пощечину Бѣлинскій смягчилъ „бархатной перчаткой“; не гр. Соллогубу, а славянофиламъ (и именно одному изъ нихъ) эта статья Бѣлинскаго была рѣзкимъ ударомъ безъ всякой перчатки.

„одного человѣка“, доводя до абсурда его славянофильскіе взгляды и характеризуя его, какъ „жалкаго и смѣшного героя, маленькаго донъ-Кихота въ миньятюрѣ и въ карикатурѣ“. Когда Писаревъ въ 1862 году написалъ статью объ И. Кирѣевскомъ и озаглавилъ ее „Русскій донъ-Кихотъ“, то въ этомъ заглавіи онъ только повторилъ слова Бѣлинскаго о Кирѣевскомъ изъ настоящей статьи.

Не будемъ больше останавливаться на доказательствахъ того, что Бѣлинскій, говоря объ „Иванѣ Васильевичѣ“, имѣлъ въ виду Кирѣевскаго: это слишкомъ бросается въ глаза при чтеніи самой статьи. Гораздо интереснѣе вопросъ—насколько вѣрно охарактеризовалъ Бѣлинскій вообще славянофильство въ этомъ своемъ „памфлетѣ“? Въ этомъ послѣднемъ словѣ заключается и рѣшеніе вопроса: памфлетъ не претендуетъ на спокойную, объективную характеристику; его цѣль не въ этомъ. Бѣлинскій писалъ эту статью въ „крайней степени бѣшенства“; его цѣль была—высмѣять славянофильство, а не строго и холодно оцѣнить его. Этой своей цѣли онъ безусловно достигъ: настоящая статья вся пронизана такой безпощадной и выдержанной ироніей, какую не часто можно встрѣтить въ статьяхъ Бѣлинскаго: жестоко досталось гр. Соллогубу, но еще хуже пришлось Кирѣевскому, какъ представителю славянофильства. Во вступительной замѣткѣ къ послѣдней статьѣ настоящаго тома (№ 55) мы остановимся на внутреннихъ причинахъ той ожесточенной вражды западничества и славянофильства, однимъ изъ проявленій которой была и эта статья Бѣлинскаго о „Тарантасѣ“.

Въ статьѣ этой необходимо отмѣтить одно чрезвычайно важное мѣсто, касающееся уже не славянофильства, а отношенія Бѣлинскаго къ вопросу объ искусствѣ. Мы видѣли, что въ статьѣ о „Рѣчи о критикѣ“ Никитенко (№ 40) Бѣлинскій провозгласилъ подчиненность искусства историческому развитію общества: искусство должно соединять въ себѣ „художественность“ и „соціальность“—оно должно быть одновременно и проявленіемъ красоты и проявленіемъ общественнаго сознанія. Въ статьѣ о Державинѣ Бѣлинскій хотѣлъ дать примѣръ соединенія эстетической и соціальной критики; но уже и тамъ послѣдняя заглушила собою первую (см. объ этомъ выше стр. 664—666). Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій дѣлаетъ еще одинъ и послѣдній шагъ въ этомъ направленіи: онъ заявляетъ, что чисто художественная критика „никуда не годится“; что художественность, оставаясь „великимъ качествомъ“ литературныхъ произведеній, уже не можетъ увлекать; что всякое среднее беллетристическое произведеніе, дающее толчекъ общественному сознанію, гораздо важнѣе самаго великаго чисто-художественнаго произведенія (о разграниченіи „беллетристики“ и „искусства“ мы подробнѣе говоримъ во вступительной замѣткѣ къ слѣдующей статьѣ—№ 51). „Скажемъ болѣе,—договариваетъ свою мысль Бѣлинскій:—нашъ вѣкъ враждебенъ чистому искусству и чистое искусство невозможно въ немъ. Какъ во всѣ критическія эпохи, эпохи разложенія жизни, отрицанія стараго при одномъ предчувствіи новаго—теперь искусство не господинъ, а рабъ: оно служитъ постороннимъ для него цѣлямъ“. Искусство не господинъ, а рабъ: эта лапидарная формула знаменуетъ собою крайній предѣлъ въ эволюціи взглядовъ Бѣлинскаго на искусство; искусство служитъ постороннимъ для него цѣлямъ: это изреченіе послужило исходнымъ пунктомъ для построенія шестидесятниками своего рода утилитаристической эстетики. Правда, Бѣлинскій оговаривается, что эти формулы его относятся только къ „критическимъ эпохамъ“, но эта оговорка не мѣняетъ общаго смысла формулъ: Бѣлинскій въ развитіи своихъ идей на искусство достигъ до крайней возможной точки отрицанія самоцѣльнаго искусства и утвержденія служебной его роли. Два года спустя, въ послѣднемъ своемъ обозрѣніи русской литературы (за 1847 годъ, см. т. III, ст. № 66) Бѣлинскій снова вернулся къ этому вопросу и сказалъ о немъ свое фактически „послѣднее слово“, какъ мы это увидимъ; но въ настоящей статьѣ онъ выразился рѣзче, крайнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ своихъ статьяхъ середины сороковыхъ годовъ. Взгляды Бѣлинскаго на искусство въ 1845 году и десятью годами раньше—это два полюса, двѣ крайности, на которыхъ только и могъ твердо стоять такой „человѣкъ экстремы“, какимъ былъ Бѣлинскій.

И.-Р.

Въ современной русской литературѣ журналъ совершенно убилъ книгу. Между разнымъ балластомъ все-таки только въ журналахъ, — разумѣется, лучшихъ (которыхъ такъ немного), — можно встрѣчать болѣе или менѣе замѣчательныя произведенія по части изящной литературы. Сюда должно отнести еще сборники или альманахи:

въ лучшихъ изъ нихъ, тоже попадаются иногда хорошія пьесы [1]). Но хорошая книга теперь истинная рѣдкость, такъ что критикамъ и рецензентамъ ex-officio приходится хоть совсѣмъ не упоминать о книгахъ и, вмѣсто нихъ, разбирать вновь выходящія книжки журналовъ и даже листки газетъ. Тѣмъ бо̀льшее вниманіе должна обращать критика на всякую книгу, сколько-нибудь выходящую изъ-подъ уровня посредственности. Нечего и говорить, что появленіе книги, которая слишкомъ далеко выходитъ изъ-подъ этого уровня, должно быть истиннымъ праздникомъ для критики. Къ такимъ рѣдкимъ книгамъ принадлежитъ *Тарантасъ* графа Соллогуба. Несмотря на то, что изъ *двадцати* главъ, составляющихъ это произведеніе, цѣлыхъ *семь* главъ были напечатаны въ „Отеч. Запискахъ“ еще въ 1840 году, „Тарантасъ“—столько же новое, сколько и прекрасное произведеніе, которое своимъ появленіемъ составило бы эпоху и не въ такое бѣдное изящными созданіями время, каково наше. Семь главъ „Тарантаса“, давно уже извѣстныхъ публикѣ, давали понятіе только о достоинствѣ цѣлаго произведенія, а не о идеѣ его, прекрасной и глубокой, которую можно понять только по прочтеніи всего сочиненія, проникнутаго удивительною цѣлостностію и совершеннымъ единствомъ. Многіе видятъ въ „Тарантасѣ“ какое-то двойственное произведеніе, въ которомъ сторона непосредственнаго, художественнаго представленія дѣйствительности превосходна, а сторона воззрѣній автора на эту дѣйствительность, его мыслей о ней, будто бы исполнена паралоксовъ, оскорбляющихъ въ читателѣ чувство истины. Подобное мнѣніе несправедливо. Тѣ, кому оно принадлежитъ, не довольно глубоко вникли въ идею автора,—и *объективную* вѣрность, съ какою изобразилъ онъ характеръ одного изъ героевъ „Тарантаса“ — *Ивана Васильевича*, приняли за выраженіе его личныхъ убѣжденій, — тогда какъ на самомъ дѣлѣ авторъ „Тарантаса“ столько же можетъ отвѣчать за мнѣнія героя своего *юмористическаго* разсказа, сколько, напримѣръ, Гоголь можетъ отвѣчать за чувства, понятія и поступки дѣйствующихъ лицъ въ его *Ревизорѣ* или *Мертвыхъ Душахъ*. Между тѣмъ, ошибочный взглядъ лучшей части читателей на „Тарантасъ“ очень понятенъ: при первомъ чтеніи можетъ показаться, будто бы авторъ не чуждъ желанія, хотя и не прямо, а предположительно, высказать, черезъ Ивана Васильевича, нѣкоторыя изъ своихъ воззрѣній на русское общество, — и тѣмъ легче увлечься подобнымъ ошибочнымъ мнѣніемъ, что необыкновенный талантъ автора и его мастерство живописать дѣйствительносто лишаютъ читателя способности спокойнь смотрѣть на картины, которыя такъ быстро и живо проходятъ передъ его глазами. Мы сами на первый разъ увлеклись рѣзкимъ противорѣчіемъ, которое находится между этими безпрестанно-смѣняющимися и безпрестанно-поражающими новымъ удивленіемъ картинами, и между странными — чтобъ не сказать, нелѣпыми мнѣніями Ивана Васильевича. Это заставило насъ забыть, что мы читаемъ не легкіе очерки, не силуэты, а произведеніе, въ которомъ характеры дѣйствующихъ лицъ выдержаны художественно, и въ которомъ нѣтъ ничего произвольнаго, но все необходимо проистекаетъ изъ глубокой идеи, лежащей въ основаніи произведенія. Такимъ образомъ, беремъ назадъ свое выраженіе въ рецензіи о „Тарантасѣ“ (въ 4-й книжкѣ „Отеч. Записокъ“), что въ немъ вмѣстѣ съ дѣльными мыслями много и парадоксовъ. Только въ XV и XVI-ой главахъ авторъ „Тарантаса“ говоритъ съ читателемъ отъ своего лица; и вотъ—кстати замѣтить—эти-то главы больше всего сбиваютъ читателя съ толку, раздвояя въ его умѣ произведеніе графа Соллогуба и ужасая его множествомъ страшныхъ парадоксовъ. Но мы не скажемъ, чтобъ это были парадоксы: это скорѣе мнѣнія, съ которыми нельзя согласиться безусловно и которыя вызываютъ на споръ. Послѣднее обстоятельство даетъ имъ полное право на книжное существованіе: съ чѣмъ можно спорить и что̀ сто̀итъ спора, — то имѣетъ право быть написаннымъ и напечатаннымъ. Есть книги, имѣющія удивительную способность смертельно наскучать читателю, даже говоря все истину и правду, съ которою читатель вполнѣ соглашается; и, наоборотъ, есть книги, которыя имѣютъ еще болѣе удивительную способность заинтересовать и завлечь читателя именно противоположностію ихъ направленія съ его убѣжденіями; онѣ служатъ для читателя повѣркою его собственныхъ вѣрованій, потому что, прочитавъ такую книгу, онъ или вовсе отказывается отъ своего убѣжденія, или умѣряетъ его, или, наконецъ, еще болѣе въ немъ утверждается. Такой книгѣ охотно можно простить даже и парадоксы, тѣмъ болѣе, если они искренны и авторъ ихъ далекъ отъ того, чтобъ подозрѣвать въ нихъ парадоксы. Вотъ другое дѣло — парадоксы умышленные, порожденные эгоистическимъ желаніемъ поддержать вопіющую ложь въ пользу касты или лица: такіе парадоксы не стоятъ опро-

[1]) Такъ, напримѣръ, въ альманахѣ *Вчера и Сегодня* публика прочла два отрывка изъ двухъ сочиненій въ прозѣ, начатыхъ Лермонтовымъ, и прекрасный юмористическій разсказъ графа Соллогуба, *Собачка*. *Прим. Бѣлинскаго.*

верженія и спора; презрительная насмѣшка—единственное достойное ихъ наказаніе...

Не будемъ пускаться въ изслѣдованія—къ какому роду и виду поэтическихъ произведеній принадлежитъ „Тарантасъ“. Въ наше время, слава Богу, признается въ мірѣ изящнаго только одинъ родъ—*хорошій*, запечатлѣнный талантомъ и умомъ, а обо всѣхъ другихъ родахъ и видахъ теперь никто не заботится. Наше время вполнѣ принимаетъ глубоко-мудрое правило Вольтера: „всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго“. Но мы въ отношеніи къ этому правилу гораздо послѣдовательнѣе самого Вольтера, который противорѣчилъ своему собственному принципу, держась преданій и повѣрій французскаго псевдо-классицизма. Къ правилу Вольтера: „всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго“, наше время настоятельно прибавляетъ слѣдующее дополненіе: „и несовременнаго“,—такъ что полное правило будетъ: „всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго и несовременнаго“. Поэтому, мы если не признаемъ безусловно хорошимъ всего, что̀ имѣло огромный успѣхъ въ свое время, то во всемъ этомъ видимъ хорошія стороны, смотря на предметъ съ *исторической* точки. Вслѣдствіе этого, удивляясь великимъ геніямъ Данте, Шекспира, Сервантеса, наше время не отрицаетъ заслугъ Корнеля, Расина и Мольера; не становясь на колѣни передъ Ломоносовымъ, Державинымъ, Озеровымъ, Карамзинымъ, не видя въ нихъ слишкомъ многаго для себя собственно,—тѣмъ съ не меньшимъ уваженіемъ произноситъ имена ихъ, какъ людей, которыхъ творенія, въ *ихъ* время, были *современно* хороши, т.-е. удовлетворяли потребностямъ ихъ современниковъ. Чисто художественная критика, недопускающая историческаго взгляда, теперь никуда не годится, какъ односторонняя, пристрастная и неблагодарная. Художественность и теперь великое качество литературныхъ произведеній; но если при ней нѣтъ качества, заключающагося въ духѣ современности, она уже не можетъ сильно увлекать насъ. Поэтому, теперь посредственно художественное произведеніе, но которое даетъ толчокъ общественному сознанію, будитъ вопросы или рѣшаетъ ихъ, гораздо важнѣе самаго художественнаго произведенія, ничего недающаго сознанію внѣ сферы художества. Вообще, нашъ вѣкъ — вѣкъ рефлексіи, мысли, тревожныхъ вопросовъ, а не искусства. Скажемъ болѣе: нашъ вѣкъ враждебенъ чистому искусству, и чистое искусство невозможно въ немъ. Какъ во всѣ критическія эпохи, эпохи разложенія жизни, отрицанія стараго при одномъ предчувствіи новаго, — теперь искусство — не господинъ, а рабъ: оно служитъ постороннимъ для него цѣлямъ.

Мы сказали, что „Тарантасъ“ графа Соллогуба—произведеніе художественное; но къ этому должны прибавить, что оно, въ то же время, и современное произведеніе, — что̀ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ его достоинствъ, которому обязано оно своимъ необыкновеннымъ успѣхомъ. Слѣдовательно, „Тарантасъ“—художественное произведеніе въ современномъ значеніи этого слова. Оттого въ него вошли не только разсужденія между дѣйствующими лицами, но и цѣлыя диссертаціи. Оттого оно — не романъ, не повѣсть, не очеркъ, не трактатъ, не изслѣдованіе; но то и другое и третье вмѣстѣ. Пусть называетъ его каждый ка̀къ кому угодно: тутъ дѣло въ дѣлѣ, а не въ названіи. „Тарантасъ“ имѣлъ большой успѣхъ: его не только раскупили и прочли въ короткое время, но однимъ онъ очень понравился, другимъ очень не понравился, третьимъ очень понравился и очень не понравился въ одно и то же время; одни его хвалятъ безъ мѣры, другіе бранятъ безъ мѣры, третьи и хвалятъ и бранятъ вмѣстѣ; авторъ черезъ него пріобрѣлъ себѣ и друзей и враговъ; о его произведеніи говорятъ, судятъ и спорятъ. Это успѣхъ! По нашему мнѣнію, незавиденъ успѣхъ произведенія, которое возбудило бы однѣ похвалы, одну любовь, безъ порицаній, безъ ненависти; подобный успѣхъ немногимъ лучше полнаго неуспѣха, т.-е. когда произведеніе возбуждаетъ одну брань безъ похвалы, — хотя то и другое все-таки лучше, нежели не возбудить ни похвалы, ни брани, а встрѣтить одно равнодушное невниманіе.

Этотъ-то необыкновенный успѣхъ „Тарантаса“ и налагаетъ на критику обязанность — разсмотрѣть его внимательно, со всѣхъ сторонъ. Для этого необходимо прослѣдить все развитіе этого произведенія, безпрестанно выражаясь словами автора, или прибѣгая къ выпискамъ. Такой способъ критики нисколько не опасенъ для „Тарантаса“, какъ книги: онъ упредилъ нашу статью слишкомъ тремя мѣсяцами, а въ это время его уже вездѣ прочли, и едва ли найдется хотя одинъ читатель, который прочелъ бы нашу статью, еще не успѣвъ прочесть „Тарантаса“.

Русская литература, къ чести ея, давно уже обнаружила стремленіе—быть зеркаломъ дѣйствительности. Мысль изобразить въ романѣ *героя нашего времени* не принадлежитъ исключительно Лермонтову. *Евгеній Онѣгинъ* тоже — герой своего времени; но и самъ Пушкинъ былъ упрежденъ въ этой мысли, не будучи никѣмъ упрежденъ въ искусствѣ и совершенствѣ ея выполненія. Мысль эта принадлежитъ Карамзину. Онъ первый сдѣлалъ не одну попытку для ея осуществле-

нія. Между его сочиненіями есть неконченный, или, лучше сказать, только-что начатый романъ, даже и названный *Рыцаремъ Нашего Времени*. Это былъ вполнѣ „герой того времени". Назывался онъ *Леономъ*, былъ красавецъ и *чувствительный* мечтатель. „Любовь питала, согрѣвала, тѣшила, весе„лила его; была первымъ впечатлѣніемъ его „души, первою краскою, первою чертою на „*бѣломъ листѣ ея „чувствительности*". Онъ и родился не такъ, какъ родятся нынче, а совершенно романически, совершенно въ духѣ своего времени. Судите сами по этому отрывку: „На луговой сторонѣ Волги, тамъ, „гдѣ впадаетъ прозрачная рѣка Свіяга и „гдѣ, какъ извѣстно по исторіи *Натальи „боярской дочери*, жилъ и умеръ изгнанни„комъ невинный бояринъ Любославскій, — „тамъ, въ маленькой деревенькѣ, родился „прадѣдъ, дѣдъ, отецъ Леоновъ; тамъ ро„дился и самъ Леонъ, въ то время, когда „природа, подобно любезной кокеткѣ, сидя„щей за туалетомъ, убиралась, наряжалась „въ лучшее свое весеннее платье; бѣлилась, „румянилась... весенними цвѣтами; смотрѣ„лась въ зеркало... водъ прозрачныхъ, и за„вивала себѣ кудри... на вершинахъ древес„ныхъ—то-есть, въ маѣ мѣсяцѣ, и въ самую „ту минуту, какъ первый лучъ земного „свѣта коснулся до его глазной перепонки, „въ орѣховыхъ кустахъ запѣли вдругъ со„ловей и малиновка, а въ березовой рощѣ „закричали вдругъ филинъ и кукушка: хо„рошее и худое предзнаменованіе! по кото„рому осьмидесятилѣтняя повивальная бабка, „принявшая Леона на руки, съ веселою „усмѣшкою и съ печальнымъ вздохомъ пред„сказала ему счастье и несчастье въ жизни, „ведро и ненастье, богатство и нищету, „друзей и непріятелей, успѣхъ въ любви и „рога при случаѣ". Этого слишкомъ достаточно, чтобъ показать, что Карамзинъ имѣлъ бы полное право своего *Рыцаря Нашего Времени* назвать *Героемъ Нашего Времени*. Въ повѣсти *Чувствительный и Холодный* (два характера) Карамзинъ въ лицѣ своего *Эраста* тоже изобразилъ одного изъ героевъ своего времени. Въ юмористическомъ очеркѣ *Моя Исповѣдь* представилъ онъ еще одного изъ героевъ своего времени, хотя и совсѣмъ въ другомъ родѣ, нежели въ какомъ были его *Леонъ* и *Эрастъ*. Послѣ *Онѣгина* и *Печорина* въ наше время никто не брался за изображеніе героя нашего времени. Причина понятна: герой настоящей минуты — лицо въ одно и то же время удивительно-многосложное и удивительно-неопредѣленное, тѣмъ болѣе требующее для своего изображенія огромнаго таланта. Сверхъ того, наша современность кипитъ необыкновеннымъ разнообразіемъ героевъ: въ этомъ отношеніи Чичиковъ, какъ *пріобрѣтатель*, не меньше, если еще не больше Печорина — герой нашего времени. И потому, вся современная русская литература, по необходимости принявъ исключительно юмористическое направленіе, устремилась на изображеніе героевъ современности, смотря по силѣ и средствамъ таланта каждаго писателя. *Иванъ Васильевичъ*, герой „Тарантаса", — тоже одинъ изъ героевъ нашего времени. Онъ до того мелокъ и ничтоженъ, что авторъ не могъ рисовать его серьезно, и съ перваго же раза выводитъ его смѣшнымъ: явный знакъ, что это одинъ изъ второстепенныхъ героевъ нашего времени. Но въ то же время, нельзя не вмѣнить графу Соллогубу въ большую заслугу, что онъ именно *Ивана Васильевича*, а не другого какого-нибудь героя выбралъ для своего юмористическаго карандаша, потому что современная дѣйствительность кипитъ такими героями, вѣрнѣе сказать, кишитъ *Иванами Васильевичами*.

Что̀ такое *Иванъ Васильевичъ*? — Это нѣчто вродѣ маленькаго донъ-Кихота. Чтобъ объяснить отношенія Ивана Васильевича къ настоящему, къ большому, къ испанскому донъ-Кихоту, надо сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ. Донъ-Кихотъ—прежде всего прекраснѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, истинный рыцарь безъ страха и упрека. Несмотря на то, что онъ смѣшонъ съ ногъ до головы, внутри и снаружи, онъ не только не глупъ, но, напротивъ, очень уменъ; мало этого: онъ истинный мудрецъ. Потому ли, что такова уже натура его, или отъ воспитанія, отъ обстоятельствъ жизни, но только фантазія взяла у него верхъ надъ всѣми другими способностями и сдѣлала изъ него шута и посмѣшище народовъ и вѣковъ. Отъ чтенія вздорныхъ рыцарскихъ сказокъ у него, по русской пословицѣ, умъ за разумъ зашелъ. Живя совершенно въ мечтѣ, совершенно внѣ современной ему дѣйствительности, онъ лишился всякаго такта дѣйствительности и вздумалъ сдѣлаться рыцаремъ въ такое время, когда на землѣ не осталось уже ни одного рыцаря, а волшебникамъ и чудесамъ вѣрила только тупая чернь. И онъ свято выполнилъ свой обѣтъ — защищать слабыхъ противъ сильныхъ, остался вѣренъ своей воображаемой Дульцинеѣ, несмотря на всѣ жестокія разочарованія, которымъ подвергла его совсѣмъ нерыцарская дѣйствительность. Еслибъ эта храбрость, это великодушіе, эта преданность, еслибъ всѣ эти прекрасныя, высокія и благородныя качества были употреблены на дѣло, во̀-время и кстати,—донъ-Кихотъ былъ бы истинно великимъ человѣкомъ! Но въ томъ-то и состоитъ его отличіе отъ всѣхъ другихъ людей

что сама натура его была парадоксальная, и что никогда не увидѣлъ бы онъ дѣйствительности въ ея настоящемъ образѣ и не употребилъ бы кстати, во-время и на дѣло богатыхъ сокровищъ своего великаго сердца. Родись онъ во времена рыцарства, онъ навѣрное устремился бы на уничтоженіе его, и еслибы узналъ о существованіи древняго міра, сталъ бы корчить изъ себя Грека или Римлянина. Но какъ не было уже и слѣдовъ рыцарства, когда онъ родился, то рыцарство сдѣлалось точкою его помѣшательства, его idée fixe. Когда ему случалось выходить на минуту изъ этой мысли, онъ удивлялъ всѣхъ своимъ умомъ, здравымъ смысломъ, говорилъ какъ мудрецъ. Даже, когда мистификація сильныхъ людей осуществила мечты его рыцарскихъ стремленій,—онъ, въ качествѣ судьи, обнаружилъ не только великій умъ, но даже мудрость. И между тѣмъ, въ сущности, онъ тѣмъ не менѣе былъ сумасшедшій, шутъ, посмѣшище людей... Мы не беремся примирить это противорѣчіе; но для насъ ясно, что такія парадоксальныя натуры не только не рѣдки, но даже очень часты вездѣ и всегда. Онѣ умны, но только въ сферѣ мечты; онѣ способны къ самоотверженію, но за призракъ; онѣ дѣятельны, но изъ пустяковъ; онѣ даровиты, но безплодно; имъ все доступно, кромѣ одного, что всего важнѣе, всего выше—кромѣ дѣйствительности. Онѣ одарены удивительною способностью породить изъ себя нелѣпую идею и увидѣть ея подтвержденіе въ наиболѣе противорѣчащихъ ей фактахъ дѣйствительности. Чѣмъ нелѣпѣе запавшая имъ въ голову идея, тѣмъ сильнѣе пьянѣютъ онѣ отъ нея, и на всѣхъ трезвыхъ смотрятъ какъ на пьяныхъ, какъ на сумасшедшихъ, какъ на безумныхъ, а иногда даже какъ на людей безнравственныхъ, злонамѣренныхъ и вредныхъ. Донъ-Кихотъ—лицо въ высшей степени типическое, родовое, которое никогда не переведется, никогда не устарѣетъ,—и въ этомъ-то обнаружилась вся великость генія Сервантеса. Развѣ изувѣръ по убѣжденію въ наше время не донъ-Кихотъ? Развѣ не донъ-Кихоты—эти безумные бонапартисты, которыхъ только смерть герцога рейхштадтскаго заставила разстаться съ мечтою о возможности возстановленія имперіи во Франціи? Развѣ не донъ-Кихоты нынѣшніе легитимисты, нынѣшніе ультрамонтанисты, нынѣшніе тори въ Англіи? А этотъ нѣкогда великій мыслитель, который въ молодости далъ такое сильное движеніе развитію человѣческой мысли, а въ старости вздумалъ разыгрывать роль какого-то самозваннаго пророка, этотъ Шеллингъ однимъ словомъ,—развѣ онъ не допъ-Кихотъ? Къ особеннымъ и существеннымъ отличіямъ донъ-Кихотовъ отъ другихъ людей принадлежитъ способность къ чисто теоретическимъ, книжнымъ, внѣ жизни и дѣйствительности почерпнутымъ убѣжденіямъ. Есть люди, по мнѣнію которыхъ не только Атилла, самъ Адамъ былъ Славянинъ... это ли не донъ-кихотство?... Другимъ не нравится созданная Петромъ Великимъ Россія, и они, съ горя, видно, мечтаютъ о реставраціи блаженной эпохи, когда за употребленіе табака рѣзали носы; другіе идутъ далѣе, и хотятъ реставраціи Руси до нашествія Татаръ, а третьи желаютъ о возвращеніи въ XIX вѣкѣ Руси гостомысловскихъ временъ, т.-е. Руси баснословной... Это ли еще не донъ-кихотство?.. А между тѣмъ послушайте-ка этихъ господъ: если вы не согласитесь съ ними, они вамъ скажутъ, что вы отстали отъ вѣка, что вы невѣжда, апостатъ, человѣкъ безнравственный, вредный...

Теперь обратимся къ *Ивану Васильевичу*. Это донъ-Кихотъ маленькій, донъ-Кихотъ въ миніатюрѣ. У испанскаго донъ-Кихота достало души, чтобъ осуществить на дѣлѣ свою мечту и великодушно пожертвовать ей всѣмъ существомъ своимъ. Только на смертномъ одрѣ понялъ онъ, что онъ—не донъ-Кихотъ, а мирный манчскій помѣщикъ... У *Ивана Васильевича* стало силы воли только на то, чтобъ отъ Москвы до села Мордасъ провезти, въ чужомъ тарантасѣ, бѣлую тетрадь, назначенную для путевыхъ замѣтокъ. *Иванъ Васильевичъ* въ мужикѣ нашелъ идеалъ русскаго человѣка, и хотѣлъ даже дворянъ нарядить въ костюмъ очень похожій на мужицкій, за исключеніемъ желтыхъ сафьянныхъ сапожекъ (собственнаго его, *Ивана Васильевича*, изобрѣтенія),—а между тѣмъ, самъ скорѣе рѣшился бы умереть, нежели на одну складку отступить отъ моднаго парижскаго костюма. Такихъ микроскопическихъ донъ-Кихотовъ въ наше время развелось на Руси многое множество. Всѣ они, за исключеніемъ незначительныхъ, разнообразныхъ оттѣнковъ, похожи одинъ на другого, какъ двѣ капли воды. Всѣ они—люди добрые, умные, сочувствующіе всему прекрасному и высокому, любятъ разсуждать и спорить о Байронѣ и о матеріяхъ важныхъ, страшные либералы и, въ дополненіе ко всему этому, препустѣйшіе и прескучнѣйшіе люди. Но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и обратимся наконецъ исключительно къ ихъ достойному представителю—къ *Ивану Васильевичу*.

Иванъ Васильевичъ—одинъ изъ тѣхъ червячковъ, которые имѣютъ свойство блестѣть въ темнотѣ. Въ глуши провинціи вы обрадовались бы, какъ неожиданному счастію, знакомству съ такимъ человѣкомъ; даже въ столицѣ, куда вы недавно пріѣхали и всему

чужды, вы поздравили бы себя съ подобнымъ знакомствомъ. Сначала вы очень полюбили бы *Ивана Васильевича* и не могли бы довольно нахвалиться имъ; но скоро вы съ удивленіемъ замѣтили бы, что въ немъ ничего не обнаруживается новаго, что онъ весь высказался и выказался вамъ, что вы его выучили наизусть, и что онъ сталъ вамъ скученъ, какъ книга, которую вы, за неимѣніемъ другихъ, сто разъ перечли и наизусть знаете. Сначала вамъ покажется, что онъ добръ, даже очень добръ; но потомъ вы увидите, что эта доброта въ немъ—совершенно отрицательное достоинство, въ которомъ больше отсутствія зла, нежели положительнаго присутствія добра, что эта доброта похожа на мягкость, свидѣтельствующую объ отсутствіи всякой энергіи воли, всякой самостоятельности характера, всякаго рѣзкаго и опредѣленнаго выраженія личности. И тогда вы поймете, что доброта *Ивана Васильевича* тѣсно связана въ немъ съ безсиліемъ на зло. Сначала вамъ покажется, что онъ уменъ, даже очень уменъ; вы и потомъ никогда не скажете, чтобъ онъ былъ глупъ, потому что это была бы вопіющая неправда; но вы скоро замѣтите, что умъ его—ограниченный, легкій и поверхностный, который неспособенъ долго и постоянно останавливаться на одномъ предметѣ, неспособенъ къ сомнѣнію и его мукамъ и борьбѣ. Тогда вы поймете, что его умъ чисто страдательный, т.-е. способный раздражаться и приходить въ дѣятельность отъ чужихъ мыслей, но неспособный самъ родить никакой мысли, ничего понять самостоятельно, оригинально, неспособный даже усвоить себѣ ничего чужого. Такъ же скоро исчезнетъ и ваше мнѣніе о его талантахъ—и исчезнетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше вы въ нихъ видѣли. Если вы и замѣтите въ немъ способность къ чему-нибудь, то скоро увидите, что она служитъ ему для того только, чтобъ все начинать, ничего не оканчивая, за все браться, ничѣмъ не овладѣвая. Но всего болѣе пріобрѣлъ онъ ваше расположеніе, вашу любовь, даже ваше уваженіе—избыткомъ чувства, готоваго откликнуться на все человѣческое, и что же! съ этой стороны всего болѣе и долженъ потерять онъ въ вашихъ глазахъ, когда вы лучше разсмотрите и узнаете его. Его чувство такъ чуждо всякой глубины, всякой энергіи, всякой продолжительности, и между тѣмъ такъ легко воспламеняется и проходитъ, не оставляя слѣда, что оно похоже больше на нервическую раздражительность, на чувствительность (susceptibilité), нежели на чувство. Умъ, сердце, дарованія, словомъ, вся натура *Ивана Васильевича* такъ устроена, что онъ неспособенъ понять ничего такого, чего не испыталъ, не видѣлъ, и потому его могутъ безпокоить или радовать однѣ случайности, одни частные факты, на которые ему приходится натыкаться. Слѣдствіе занимаетъ его безъ причины, явленія останавливаютъ его вниманіе, но идея всегда проходитъ мимо него, такъ что онъ и не подозрѣваетъ ея присутствія. Онъ не можетъ жить безъ убѣжденій и гоняется за ними; впрочемъ, ему легко имѣть ихъ, потому что въ сущности ему все равно, чему бы ни вѣрить, лишь бы вѣрить. Когда чье-нибудь рѣзкое возраженіе, или какой-нибудь фактъ разобьетъ его убѣжденіе,—въ первую минуту ему какъ будто больно оттого, но въ слѣдующую затѣмъ минуту онъ или самъ сочинитъ себѣ новое убѣжденіе, или возьметъ на прокатъ чужое, и на этомъ успокоится. Сильное сомнѣніе и его муки чужды *Ивану Васильевичу*. Умъ его—парадоксальный и бросается или на все блестящее, или на все странное. Что дважды-два—четыре, это для него истина пошлая, грустная, и потому во всемъ онъ старается изъ двухъ, умноженныхъ на два, сдѣлать четыре съ половиною или съ четвертью. Простая истина невыносима ему, и, какъ всѣ романтики и страдательно-поэтическія натуры, онъ предоставляетъ ее людямъ съ холоднымъ умомъ, безъ сердца. Во всемъ онъ видитъ только одну сторону,—ту, которая прежде бросится ему въ глаза, и изъ-за нея ужъ никакъ не можетъ видѣть другихъ сторонъ. Онъ хочетъ во всемъ встрѣчать одно, и голова его никакъ не можетъ мирить противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ, напримѣръ, во Франціи онъ увидѣлъ борьбу корыстныхъ разсчетовъ и мелкихъ интригъ, — съ тѣхъ поръ Франція, его прежній идеалъ, вовсе перестала существовать для него... Онъ неспособенъ понять, что добро и зло идутъ о-бокъ, и что безъ борьбы добра со зломъ не было бы движенія, развитія, прогресса, словомъ—жизни; что историческое лицо можетъ въ одно и то же время дѣйствовать и по искреннему убѣжденію и по самолюбію, и что исторія—говоря метафорически—есть гумно, на которомъ цѣпами анализа отдѣляются зерна отъ мякины человѣческихъ дѣяній, и что количество мякины, хотя бы и превосходящее количество зеренъ, никогда не можетъ уничтожить цѣны и достоинства самихъ зеренъ. Нѣтъ, ему давайте или одно бѣлое, или одно черное, но тѣней и разнообразія красокъ онъ не любитъ. Для него не существуютъ люди такъ, какъ они суть: онъ видитъ въ нихъ или демоновъ, или ангеловъ. Все это происходитъ отъ бѣдности его натуры, рѣшительно неспособной ни къ убѣжденіямъ, ни къ страстямъ, способной только къ фантазійкамъ и чувствованьицамъ.

А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ только началъ онъ себя помнить, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на человѣка, отмѣченнаго перстомъ провидѣнія, назначеннаго къ чему-то великому, или, по крайней мѣрѣ, необыкновенному... Это очень обыкновенное явленіе въ обществахъ неустановившихся, полуобразованныхъ, гдѣ все пестро, гдѣ невѣжество идетъ рядомъ съ знаніемъ, образованность съ дикостью. Въ такомъ обществѣ всякому человѣку, который обнаруживаетъ какое-нибудь стремленіе, или хоть просто претензіи на образованность, который живетъ не совсѣмъ такъ, какъ всѣ живутъ, и любитъ разсуждать,—всякому такому человѣку легко увѣрить себя (и притомъ очень искренно) и другихъ, что онъ—геніальный человѣкъ. Если же, при этомъ, онъ не глупъ и не глупъ, одаренъ способностью легко схватывать со всего вершки, много читаетъ, обо всемъ говоритъ съ жаромъ и рѣшительно, бранитъ толпу, да собирается путешествовать, или уже и путешествовалъ, то онъ геній, непремѣнно геній! Вслѣдствіе этого, онъ всю жизнь къ чему-то готовится... Прежде *Иваны Васильевичи* носились со своими непонятными толпѣ внутренними страданіями, восторгами и разочарованіями, корчили изъ себя Фаустовъ, Манфредовъ, корсаровъ; теперь мода на эти глупости проходитъ,—и потому *Иваны Васильевичи* теперь пустились изучать Западъ и Россію, чтобъ разгадать будущность отечества и узнать, чѣмъ они могутъ быть ему полезны. Въ томъ и другомъ случаѣ главную роль играетъ непомѣрное самолюбіе бѣдной натуры: самолюбіе—единственная страсть такихъ людей. Прежде *Иваны Васильевичи* съ истинно геніальнымъ самоотверженіемъ доходили до грустнаго убѣжденія, что толпѣ не понять ихъ, и что имъ нѣчего дѣлать на землѣ: теперь это сдѣлалось по́шло, и потому теперь *Иваны Васильевичи* рѣшились убѣдиться, что Западъ гніетъ...

Вотъ нашъ взглядъ на *Ивана Васильевича*, какъ на лицо, на характеръ. Когда мы прослѣдимъ нить событій, развивающихся въ „Тарантасѣ“,—читатели увидятъ сами, до какой степени вѣренъ нашъ взглядъ. Но прежде намъ надобно сказать, что авторъ „Тарантаса“ очень умно и ловко далъ своему маленькому донъ-Кихоту спутника,—не Санчо-Пансу, а олицетворенный и непосредственный здравый смыслъ, въ лицѣ *Василія Ивановича*, медвѣдеобразнаго, но весьма почтеннаго казанскаго помѣщика. *Иванъ Васильевичъ*—непризнанный, самозванный геній, питающій реформаторскія намѣренія на счетъ толпы; *Василій Ивановичъ*—толпа, которая своимъ пошлымъ здравымъ смысломъ обиваетъ восковыя крылья самозванному генію. Здравый смыслъ толпы кажется пошлымъ истинному генію и, рано или поздно, падаетъ во прахъ передъ его высокимъ безуміемъ; но онъ—бичъ самолюбивой посредственности, и немилосердно бьетъ ее, даже иногда самъ не зная ка́къ и чѣмъ. Таковы отношенія другъ къ другу обоихъ героевъ „Тарантаса“. Первую и главную роль играетъ, безъ сомнѣнія, *Иванъ Васильевичъ*, но *Василій Ивановичъ* необходимъ для *Ивана Васильевича:* безъ перваго послѣдній не былъ бы такъ опредѣлительно, ярко, рельефно обрисованъ, извѣстно, что ничто такъ рѣзко не выказываетъ вещи, какъ противоположность. Въ нравственномъ отношеніи между *Иваномъ Васильевичемъ* и *Василіемъ Ивановичемъ* существовала такая же противоположность, какъ и между героями извѣстной повѣсти Гоголя: у одного голова похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ, у другого—на рѣдьку хвостомъ вверхъ. Впрочемъ, нельзя рѣшить, кто изъ нихъ правъ и съ кѣмъ изъ нихъ должно соглашаться; мы даже думаемъ, что въ дѣйствительности истинно дѣльный человѣкъ убѣжитъ отъ того и другого: отъ одного, какъ отъ неуклюжаго, косолапаго медвѣдя,—отъ другого, какъ отъ крикливаго ученаго попугая. Но книга—не жизнь; въ книгѣ можно съ кѣмъ угодно ужиться, въ книгѣ очень милы даже и герои *Ревизора*. И потому мы не убѣжимъ отъ *Ивана Васильевича* и *Василія Ивановича*, а напротивъ, побѣжимъ къ нимъ. Они очень интересны для изученія, а изучать ихъ можно только обоихъ вмѣстѣ. Итакъ, къ нимъ,—но не на Тверской бульваръ въ Москвѣ, гдѣ они встрѣтились, даже не въ тарантасъ, въ которомъ они ѣхали, а въ ихъ деревни—посмотримъ, какъ они родились, выросли и стали такими, какими встрѣчаетъ ихъ читатель на Тверскомъ бульварѣ, въ первой главѣ „Тарантаса“.

Итакъ, мы начнемъ даже и не съ середины, а чуть ли не съ конца—съ XV и XVI главъ, отъ которыхъ уже перейдемъ къ первой главѣ. Начнемъ, какъ это сдѣлалъ и самъ авторъ, съ медвѣдя:

„Василій Ивановичъ родился въ Казанской губерніи, въ деревнѣ Мордасахъ, въ которой родился и жилъ его отецъ, въ которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился онъ въ восьмидесятыхъ годахъ и мирно развился подъ сѣнью отеческаго крова. Ребенку было привольно расти. Бѣгалъ онъ весело по господскому двору, погоняя кнутикомъ трехъ мальчишекъ, изображающихъ тройку лошадей, и постегивая весьма порядочно пристяжныхъ, когда онѣ недостаточно закидывали головы на сторону. Любилъ онъ также тѣшить вѣчный свой досугъ чуркомъ, бабками, свайкой и городками, но главное основаніе системы его воспитанія заключалось въ голубятнѣ. Василій Ивановичъ провелъ лучшія минуты своего дѣтства на голубятнѣ, сманивалъ и ловилъ крестьянскихъ чистыхъ голубей и пріобрѣлъ весьма обширныя свѣдѣнія касательно козырныхъ и турмановъ.

Отецъ Василія Ивановича, Иванъ Федотовичъ, имѣлъ какъ-то несчастье испортить себѣ въ молодости желудокъ. Такъ какъ поблизости доктора не обрѣталось, то какой-то сосѣдъ присовѣтовалъ ему прибѣгнуть для поправленія здоровья къ постоянному употребленію травничка. Иванъ Федотовичъ до того пристрастился къ своему способу лѣченія, то того усиливалъ пріемы, что скоро пріобрѣлъ въ околоткѣ весьма недюковинную славу человѣка пьющаго запоемъ. Современемъ барскій запой сдѣлался постояннымъ, такъ что каждый день утромъ, аккуратно въ десять часовъ, Иванъ Федотовичъ съ хозяйской точностью былъ уже немножко подшефе, а въ одиннадцать совершенно пьянъ. А какъ пьяному человѣку скучно одному, то Иванъ Федотовичъ окружилъ себя дурами и дураками, которые и услаждали его досуги. Торговалъ онъ, правда, себѣ карлу, но карла пришелся слишкомъ дорого, и былъ тогда же отправленъ въ Петербургъ къ какому-то вельможѣ. Надлежало, слѣдовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которыхъ одѣвали въ затрапезныя платья съ красными фигурами и заплатами на спинѣ, съ рогами, хвостами и прочими смѣшными украшеніями. Иногда морили ихъ голодомъ для смѣха, били по носу и по щекамъ, травили собаками, кидали въ воду и вообще употребляли на всѣ возможныя забавы. Въ такихъ удовольствіяхъ проходилъ цѣлый день, и когда Иванъ Федотовичъ ложился почивать, пьяная старуха должна была разсказывать ему сказки, оборванные казачки щекотали ему легонько пятки и обгоняли кругомъ его мухъ. Дураки должны были ссориться въ уголку и отнюдь не спать или утомляться, потому что кучеръ вдругъ прогонялъ дремоту и оживлялъ ихъ бесѣду звонкимъ прикосновеніемъ арапника.

Мать Василія Ивановича, Арина Аникимовна, имѣла тоже свою дуру, но ужъ больше для приличія и, такъ сказать, для штата. Она была женщина серьезная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрѣла за работами, знала кого выдрать и кому водки поднести, присутствовала при молотьбѣ, свидѣтельствовала на мельницѣ закормы, надсматривала ткацкую, мужчинъ приказывала наказывать при себѣ, а женщинъ иногда и сама трепала за косу. Само собой разумѣется, что кругомъ нея образовалась цѣлая куча разностепенной дворни, приживалокъ, наушницъ, кумушекъ, нянекъ, дѣвокъ, которыя, какъ водится, цаловали у Василія Ивановича ручку, кормили его тайкомъ медомъ, поили бражкой и угождали ему всячески, въ „ожиданіи будущихъ благъ“ (стр. 174—176).

Говоря о такомъ произведеніи, какъ „Тарантасъ“, нѣтъ никакой возможности избѣжать выписокъ, и частыхъ и довольно длинныхъ; у какого рецензента поднимется рука пересказывать своими словами, наприм., содержаніе сейчасъ выписаннаго нами отрывка, заключающаго въ себѣ такую вѣрную, такъ мастерски написанную картину русскаго семейства? Здѣсь не знаешь, чему больше удивляться въ авторѣ: глубокому ли его знанію дѣйствительности, которую онъ изображаетъ, или его мастерству изображать! Но обратимся къ Василію Ивановичу. Онъ росъ себѣ, говоритъ авторъ, по простымъ законамъ природы, какъ растетъ капуста или горохъ. Десяти лѣтъ началъ онъ учиться у дьячка грамотѣ, и два года долбилъ азы; писать онъ выучился прескверно, и кончилъ свой курсъ наукъ катехизисомъ и ариѳметикою въ вопросахъ и отвѣтахъ. Кромѣ дьячка, у него былъ еще учителемъ отставной унтеръ-офицеръ, изъ Малороссіянъ, Вухтичъ.

„Получалъ онъ (Вухтичъ) жалованья шестьдесятъ рублей въ годъ, да отсыпной муки по два пуда въ мѣсяцъ, да изношенное платье съ барскаго плеча и нѣчто изъ обуви. Кромѣ того, такъ какъ платья было немного, потому что Иванъ Федотовичъ вѣчно ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу было еще предоставлено въ утѣшеніе держать свою корову на господскомъ кормѣ. Василій Ивановичъ мало оказывалъ почтенія учителю, ѣздилъ верхомъ на его спинѣ, дразнилъ его языкомъ и нерѣдко швырялъ ему книгой прямо въ носъ. Если же терпѣливый Вухтичъ и выйдетъ, бывало, наконецъ изъ терпѣнія и схватится за линейку, Василій Ивановичъ кувыркомъ побѣжитъ жаловаться тятенькѣ, что учитель его такой-сякой, бьетъ-де его палкой и бранитъ его дурными словами. Тятенька спьяна раскричится на Вухтича. „Ахъ, ты, сѣдой этакой песъ, я тебя кормлю и одѣваю, а ты у меня въ дому шумѣть задумалъ. Вотъ я тебя... смотри, по шеямъ велю выпроводить. Не давать коровѣ его сѣна...“ А кумушки и приживалки окружатъ Василія Ивановича и начнутъ его утѣшать... Ненаглядное ты наше красное солнышко, свѣтъ наша радость, баринъ вы нашъ, позвольте ручку поцаловать... Не слушайтесь, ягода, золотой вы нашъ, хохла поганаго. Онъ мужикъ, нашъ братъ... Гдѣ ему знать какъ съ знатными господами обиходъ имѣть...

— „Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, думалъ Вухтичъ, не ходить же по міру... Заключеніемъ всего этого было то, что Вухтичъ женился на дворовой дѣвкѣ, получилъ въ награжденіе двѣ десятины земли и воспитаніе Василія Ивановича было окончено“ (стр. 177).

Изобразивъ съ такою поразительною вѣрностію „воспитаніе“ *Василія Ивановича* и сказавъ, что даже и оно не испортило его доброй натуры, — авторъ удивляется тому, что всѣ наши дѣды и прадѣды воспитывались такъ же, какъ и *Василій Ивановичъ*, а между тѣмъ не въ примѣръ намъ были отличнѣйшіе люди, съ твердыми правилами, — что́ особенно доказывается тѣмъ, что они „крѣпко хранили, не по логическому убѣжденію, а по *какому-то странному* (?) внушенію (?!) любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ“ (*стр.* 179). Здѣсь авторъ что-то темновато разсуждаетъ; но, сколько мы можемъ понять, подъ отечественными постановленіями онъ разумѣетъ старые обычаи, которыхъ наши дѣды и прадѣды, дѣйствительно, крѣпко держались. Кому не извѣстно, чего сто́ило Петру Великому сбрить бороду только съ малѣйшей части своихъ подданныхъ? Впрочемъ, добродѣтель, которая возбуждаетъ такой энтузіазмъ въ авторѣ „Тарантаса“, и которая заключается въ крѣпкомъ храненіи старыхъ обычаевъ,—именно изъ того и вытекала, что наши дѣды и прадѣды, какъ говоритъ Соллогубъ, „были точно люди неграмотные“

(*стр.* 179). Мы не можемъ прійти въ себя отъ удивленія, не понимая, чему же авторъ тутъ удивляется... Эта добродѣтель и теперь еще сохранилась на Руси, именно—между старообрядцами разныхъ толковъ, которые, какъ извѣстно, въ грамотѣ очень несильны. Китайцы тоже отличаются этою добродѣтелью, именно потому, что они, при своей грамотности, ужасные невѣжды и обскуранты. Но еще больше Китайцевъ отличаются этою добродѣтелью безчисленныя породы безсловесныхъ, которыя совсѣмъ неспособны знать грамоты, и которыя до сихъ поръ живутъ точь въ точь, какъ жили ихъ предки съ перваго дня созданія... Вотъ, если бы авторъ „Тарантаса“ нашелъ гдѣ-нибудь людей просвѣщенныхъ и образованныхъ, но которые крѣпко держатся старыхъ обычаевъ, и удивился бы этому, — тогда бы мы нисколько не удивились его удивленію и вполнѣ раздѣлили бы его...

Мы не будемъ говорить, какъ *Василій Ивановичъ* служилъ въ Казани, плясалъ на одномъ балу *казачка* и влюбился въ свою даму; но мы не можемъ пропустить *рацеи* его „дражайшаго родителя“, въ отвѣтъ на „покорнѣйшую“ просьбу „послушнѣйшаго“ сына о благословеніи на бракъ: „Вишь, щенокъ, что затѣялъ; еще на губахъ молоко не обсохло, а ужъ о бабѣ думаетъ“. Отъ матери онъ услышалъ то же самое. Воля мужа была ей закономъ. Даромъ, что пьяница, думала она, а все-таки мужъ. При этомъ, авторъ не могъ удержаться отъ восклицанія: „такъ думали въ старину!“ Хорошо думали въ старину! прибавимъ мы отъ себя. Когда милый „тятенька“ Василія Ивановича умеръ отъ сивухи, добрые его крестьяне горько о немъ плакали: картина была умилительная... Авторъ очень остроумно замѣчаетъ, что „любовь мужика къ барину есть любовь врожденная и *почти неизъяснимая*“; мы въ этомъ столько же увѣрены, какъ и онъ... Наконецъ, *Василій Ивановичъ* женился и поѣхалъ въ Мордасы; на границѣ помѣстья всѣ мужики, *стоя на колѣняхъ*, ожидали молодыхъ съ хлѣбомъ и солью. „Русскіе крестьяне“, говоритъ авторъ, „не кричатъ виватовъ, не выходятъ изъ себя отъ восторга, но *тихо* и *трогательно* выражаютъ свою преданность; и *жалокъ тотъ, кто* видитъ въ нихъ только лукавыхъ, безсловесныхъ рабовъ, и не вѣруетъ въ ихъ искренность“ (*стр.* 187). Объ этомъ предметѣ мы опять думаемъ точно такъ же, какъ самъ авторъ. Еслибъ *Василій Ивановичъ* спросилъ у своего старосты, отчего крестьяне такъ радуются, — староста, навѣрное, отвѣтилъ бы:

. . . . . они
На радости, тебя увидя, пляшутъ.

Послѣ этого *Василій Ивановичъ* сдѣлался, какъ и слѣдовало отъ такого воспитанія и такихъ примѣровъ, предобродѣтельнымъ помѣщикомъ. Онъ поправилъ мужиковъ, управляя ими по „русской методѣ“, безъ агрономическихъ и филантропическихъ усовершенствованій. Учить сына поручилъ уже не дьячку, а семинаристу. Старые сосѣди говорили о *Василіи Ивановичѣ*, что онъ—*продувная шельма*, а молодые, что онъ—*пошлый дуракъ*; но въ сущности онъ былъ—добродѣтельный помѣщикъ села Мордасъ, въ которомъ пока и оставимъ его, чтобъ заѣхать въ сосѣднюю деревню—къ родителямъ *Ивана Васильевича*.

Иванъ Васильевичъ родился черезъ тридцать лѣтъ послѣ *Василія Ивановича*. Это даетъ намъ надежду, что авторъ представитъ намъ совсѣмъ другую картину воспитанія, въ которой будетъ виденъ прогрессъ цѣлыхъ *тридцати* лѣтъ—огромнаго періода времени для Россіи, которая такъ быстро развивается. *Василій Ивановичъ* родился въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; слѣдовательно, *Иванъ Васильевичъ* родился или около 1815 года, или немного позже. Мать его была какая-то княжна средней руки, недавняго восточнаго происхожденія, какъ говоритъ авторъ, и была помѣшана на французскомъ языкѣ. Несмотря на всѣ свои претензіи, какъ старая дѣвка безъ приданаго, она принуждена была выйти замужъ за помѣщика, который „не былъ похожъ на Малекъ-Аделя или на Eugène de Rothélin, не былъ похожъ даже на лютаго тирана, а скорѣй на сурка: ѣлъ, спалъ, да рыскалъ цѣлый день по полю“. Отъ этой-то достойной четы родился *Иванъ Васильевичъ*. Воспитаніе его поручено было французскому гувернеру. „Всѣмъ извѣстно“, говоритъ авторъ, „что Французы долго мстили намъ за свою неудачу, оставивъ за собою несмѣтное количество фельдфебелей, фельдшеровъ, сапожниковъ, которые, подъ предлогомъ воспитанія, испортили на Руси едва ли не цѣлое поколѣніе“ (*стр.* 197). Замѣчаніе энергическое и остроумное, но, во-первыхъ, совсѣмъ не новое—оно уже тысячу-тысячъ разъ было предметомъ посильныхъ остротъ журналовъ и нравоучительныхъ романовъ добраго стараго времени; во-вторыхъ, оно едва ли основательно. Человѣку, несчастною судьбою занесенному въ чужую страну, нечего ѣсть, а умирать съ голоду, естественно, не хочется: что-жъ тутъ острить, что онъ схватился даже и за воспитаніе, чтобъ добыть кусокъ хлѣба? Авторъ могъ бы безъ всякихъ натяжекъ обнаружить свое остроуміе насчетъ невѣждъ, которые Богъ знаетъ кому поручали воспитаніе своихъ дѣтей: все смѣшное на сторонѣ сихъ дражайшихъ родите-

лей. Эмигрантовъ авторъ не смѣшиваетъ съ этой саранчою: да, французскіе эмигранты, конечно, люди почтенные въ глазахъ многихъ, и мы не станемъ спорить съ этими „многими“. Гувернеръ *Ивана Васильевича* былъ эмигрантъ. Съ удивительною ироніею, авторъ разсказываетъ намъ, какъ *Иванъ Васильевичъ* узналъ, что Расинъ первый поэтъ въ мірѣ, а Вольтеръ такая тьма мудрости, что и подумать страшно. Воспитаніе *Ивана Васильевича*, какъ и слѣдуетъ, было самое поверхностное и безтолковое, уже потому только, что его воспитывалъ человѣкъ, который случайно сдѣлался воспитателемъ. Это такъ естественно! А между тѣмъ, мы далеки отъ того, чтобъ слишкомъ нападать и на родителей, поручавшихъ своихъ дѣтей такимъ воспитателямъ. Гдѣ же имъ было искать лучшихъ? Университеты русскіе тогда были совсѣмъ не то, что теперь, а ученые того времени, за слишкомъ рѣдкими исключеніями, часто казались сродни *зеленому господину* въ „Петербургскихъ Углахъ“ г. Некрасова. Слѣдовательно, въ такомъ состояніи воспитанія никто не былъ виноватъ, и намъ кажется, что даровитый авторъ обращаетъ на воспитаніе слишкомъ исключительное вниманіе, почти вовсе упуская изъ вида натуру своего героя. Въ такомъ воспитаніи вся надежда на добрую натуру воспитанника. Вѣдь *Василій Ивановичъ*, по словамъ автора, не погибъ же отъ самаго ужаснаго воспитанія, благодаря добрымъ наклонностямъ его природы? Почему же съ *Иваномъ Васильевичемъ* не то сбылось? А вѣдь онъ даже и по воспитанію имѣлъ огромныя преимущества передъ *Василіемъ Ивановичемъ*, потому что зналъ хотя одинъ иностранный языкъ (а это—совсѣмъ не пустяки) и имѣлъ хоть какія-нибудь познанія, какъ бы поверхностны и пусты они ни были. Будь у него добрая натура, ему не поздно было бы проснуться отъ своего ничтожества даже въ двадцать лѣтъ, и дѣльнымъ трудомъ (который для него былъ такъ возможенъ, потому что онъ зналъ уже иностранный языкъ) воротить потерянное въ дѣтствѣ время. И какую пользу принесло бы ему путешествіе въ Европу!.. Но мы сейчасъ увидимъ, какъ воспользовалась этимъ путешествіемъ слабая голова *Ивана Васильевича*. Авторъ самъ чувствовалъ необходимость взглянуть на натуру своего героя, но сдѣлалъ это вскользь и не совсѣмъ впопадъ: „*Иванъ Васильевичъ* былъ мальчикъ совершенно славянской породы, то-есть лѣнивый, но бойкій“ (*стр.* 199). Такъ: русская лѣнь — большая помѣха во всемъ русскому человѣку, но еще не непреодолимое препятствіе, и не въ ней корень зла: корень лежитъ глубже, его надо искать въ отсутствіи опредѣленнаго общественнаго мнѣнія, которое каждому указывало бы его путь, а не становило бы его на распутіи, говоря: иди куда хочешь. Что же касается до *Ивана Васильевича*, корень зла его жизни заключался въ его слабой, ничтожной натуришкѣ, неспособной ни къ убѣжденію, ни къ страсти, и вѣчно гонявшейся за убѣжденіями и страстями не по внутренней потребности, а по самолюбію и отъ скуки. Отъ гувернера перешелъ онъ въ одинъ частный пансіонъ въ Петербургѣ, гдѣ наблюдалась удивительная чистота, а учили вздорамъ и плохо. *Иванъ Васильевичъ* лѣнился и молодечествовалъ трубкою, водкою и другими пороками взрослыхъ, а на выпускномъ экзаменѣ срѣзался. Это заставило его подумать о себѣ. „Онъ почувствовалъ, что не рожденъ для безсмысленнаго разврата, а что въ немъ таится что-то живое, благородное, просящееся на свѣтъ, требующее дѣятельности, возвышающее душу“. Онъ бы не прочь былъ и приняться за свое перевоспитаніе; „но какъ начать учиться, когда нѣкоторые товарищи уже *титулярные совѣтники* и веселятся въ свѣтѣ?“ А! вотъ что́! Мелкая натура сказалась! Ступайте-ка служить, Иванъ Васильевичъ—куда вамъ учиться! Но оказалось, что онъ не годился и въ чиновники, и потому бросилъ службу; потомъ влюбился,—и тутъ толку не было; бросился въ свѣтъ, — и то надоѣло; хватался за поэтовъ, за науки, „принимался за все сгоряча, но горячность скоро проходила; онъ утомлялся и искалъ минутнаго разсѣянія, глупой забавы. Онъ сдѣлался истинно-жалкимъ человѣкомъ, не оттого, чтобъ положеніе его было несчастливое, но оттого, что онъ *ни въ чемъ не могъ принимать долго участія*, оттого, что самъ собою былъ недоволенъ, оттого, что онъ усталъ самъ отъ самого себя“. Наконецъ онъ отправился за границу. Сперва посѣтилъ Берлинъ. „Знаменитости, передъ которыми онъ готовился благоговѣть, произвели на него то же самое впечатлѣніе, какъ кассиръ его министерства или излеровскій маркеръ. *У одной знаменитости былъ носъ толстый, у другой—бородавка на щекѣ*“. Вздумалъ-было посѣщать лекціи, но увидѣлъ, что безъ приготовленія нельзя ихъ понимать. „Въ Германіи объяснилась ему тайна воспитанія. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь каждый человѣкъ, отъ мужика до принца, вращается въ своемъ кругѣ терпѣливо и систематически, не заносясь слишкомъ высоко, не падая слишкомъ низко. Онъ видѣлъ, какъ каждый человѣкъ выбираетъ себѣ дорогу и идетъ себѣ постоянно по этой дорогѣ, не заглядываясь на стороны, не теряя ни разу изъ виду своей цѣли“. И жалкій бѣднякъ, который уже своею натурою осужденъ на вѣкъ остаться духовно-малолѣтнымъ, при-

нялся проклинать своего Француза-наставника, вмѣсто того, чтобъ ругнуть хорошенько самого себя... Потомъ онъ началъ ругать Нѣмцевъ за то, что они дѣльнѣе его: для слабыхъ натуръ это не послѣднее средство утѣшиться въ горѣ! Но кромѣ того, вообще въ русской натурѣ — оправдываться въ своихъ недостаткахъ недостатками другихъ; одна изъ любимыхъ поговорокъ русскаго человѣка: *славны бубны за горами...*

Иванъ Васильевичъ поѣхалъ въ Парижъ. Сначала онъ увлекся шумнымъ и разнообразнымъ движеніемъ парижской жизни, но скоро „онъ увидѣлъ собственную исторію въ огромномъ размѣрѣ: вѣчный шумъ, вѣчную борьбу, вѣчное движеніе, звонкія рѣчи, громкіе возгласы, безмѣрное хвастовство, желаніе выказаться и стать передъ другими, а на днѣ этой кипящей жизни тяжелую скуку и холодный эгоизмъ“ (*стр.* 209). Подлинно, всякій во всемъ видитъ свое, въ оправданіе шеллинговской системы тождества, и въ то же время въ оправданіе басни Крылова, извѣстная героиня которой, затесавшись на барскій дворъ, ничего не увидѣла тамъ, кромѣ навоза... Бѣдный *Иванъ Васильевичъ*! ему вездѣ и во всемъ суждено видѣть ужасную дрянь — самого себя... Нѣтъ — виноваты!—въ Италіи онъ увидѣлъ искусство, и оно освѣжило его. По крайней мѣрѣ, такъ увѣряетъ авторъ. Мы вѣримъ ему, хотя, въ то же время, вѣримъ и тому, что безъ приготовленія, безъ страсти, безъ труда и настойчивости въ развитіи чувства изящнаго въ самомъ себѣ искусство никому не дается. Минутное раздраженіе нервовъ—еще не проникновеніе въ тайны искусства; минутное развлеченіе новыми предметами — еще не наслажденіе ими.

Авторъ увѣряетъ (*стр.* 210), что Италія не пала, не погибла, не схоронена, и совѣтуетъ ей не вѣрить коварнымъ словамъ, истину которыхъ она сама хорошо понимаетъ. Впрочемъ, никто не станетъ спорить, чтобъ природа Италіи, развалины и обломки ея прежней богатой жизни не были обаятельно прекрасны. Къ ней идетъ сравненіе, сказанное Байрономъ о Греціи: это прекрасная женщина, которая еще прекрасна и въ гробѣ. Но Греція воскресла, и для нея это сравненіе уже не годится...

Непріязненные *толки иностранцевъ* о Россіи заставили Ивана Васильевича думать о своемъ отечествѣ и полюбить его. Черта вполнѣ достойная *Ивана Васильевича!* Пустота составляетъ душу этого человѣка, и въ его пустотѣ есть какое-то тревожное, суетливое стремленіе безъ всякой способности достиженія. Въ немъ нѣтъ ничего непосредственнаго, живого: ему нужно, чтобъ его толкали извнѣ, и только тогда можетъ онъ бросаться, на время и ненадолго, то на то, то на другое. Такимъ образомъ, безъ поѣздки за границу ему никогда не пришло бы въ голову полюбить Россію, даже никогда не вздумалось бы, что земля, въ которой онъ живетъ, называется Россіею, и что онъ самъ — гражданинъ этой земли. Поэтому какъ понятно, что и теперь, когда, благодаря путешествію, онъ полюбилъ Россію, — какъ понятно, что это—не чувство, а новая мечта его праздношатающейся фантазіи! „Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно, и такъ какъ онъ принимался за все съ восторгомъ, то и отчизнолюбіе въ немъ загорѣлось бурнымъ пламенемъ“. Возвратившись въ Россію, онъ вооружился книгой для своихъ путевыхъ впечатлѣній и очинилъ перо. „Но что будетъ изъ этого? Что напишетъ онъ? Что откроетъ? что скажетъ намъ?— Кажется, ничего!“ (*стр.* 212). Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что *Иванъ Васильевичъ* не пріученъ къ упорному труду: мы принимаемъ эту причину, но какъ одну изъ второстепенныхъ. Первая и главная причина — въ натурѣ Ивана Васильевича, неспособной ни къ убѣжденію, ни къ страсти,—въ его умѣ, неспособномъ выдерживать отрицанія и идти до послѣднихъ слѣдствій...

Теперь пойдемъ за нашими героями въ Москву, на Тверской бульваръ и подслушаемъ нѣкоторые отрывки изъ ихъ разговора.

— „Откуда ты?
— Я былъ за границей.
— Вотъ-съ! а гдѣ, коль смѣю спросить?
— Въ Парижѣ шесть мѣсяцевъ.
— Такъ-съ.
— Въ Германіи, въ Италіи...
— Да, да, да, да... Хорошо... а коли смѣю спросить, много деньжонокъ изволилъ порастрясти?
— Какъ-съ?
— Много ли, братъ, промотыжничалъ?..
— Довольно-съ.
— То-то... а батюшка-то твой, мой сосѣдъ, что скажетъ на это? Вѣдь, старики-то не очень сговорчивы на дѣтское мотовство... Да и годы-то плохіе. Ты, чай, слышалъ, что у батюшки всю гречиху градомъ побило?
— Батюшка писалъ-съ; я самъ теперь къ нему собираюсь.
— Хорошее дѣло старика утѣшить. А... смѣю спросить, какого чина?
— Такъ и есть!—подумалъ молодой человѣкъ.— 12 класса,—отвѣчалъ онъ запинаясь...
— Гм... не важно... а ужъ въ отставкѣ, чай?
— Въ отставкѣ.
— То-то же. Вы, молодые люди, вбили себѣ въ голову, что надо пренебрегать службой. Умны слишкомъ, изволите видѣть, стали.—А теперь, коли смѣю спросить, что вы намѣрены дѣлать-съ... Ась?
— Да я хотѣлъ бы, Василій Ивановичъ, посмотрѣть на Россію, познакомиться съ ней.
— Какъ-съ?
— Я хотѣлъ бы изучить свою родину.
— Что, что, что?..
— Я намѣренъ изучить свою родину.
— Позвольте, я не понимаю... Вы хотите изучать?..
— Изучать мою родину... Изучать Россію.

— А какъ же это вы, батюшка, будете изучать Россію?..

— Да въ двухъ видахъ... въ отношеніи ея древности и въ отношеніи ея народности, что, впрочемъ, тѣсно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши повѣрья и преданья, прислушиваясь ко всѣмъ отголоскамъ нашей старины, мнѣ удастся... виноватъ, намъ... мы, товарищи и я... мы дойдемъ до познанія народнаго духа, нрава и требованія, и будемъ знать, изъ какого источника должно возникать наше народное просвѣщеніе, пользуясь примѣромъ Европы, но не принимая его за образецъ.

— По-моему,—сказалъ Василій Ивановичъ:— я нашелъ тебѣ самое лучшее средство изучать Россію—жениться. Брось пустыя слова, да поѣдемъ-ка, братъ, въ Казань. Чинъ у тебя небольшой, однако офицерскій. Имѣніе у васъ дворянское. Партію ты легко найдешь. На невѣстъ у насъ, слава Богу, урожай... Женись-ка, право, да ступай жить съ старикомъ. Пора и объ немъ подумать.—Эхъ, братъ, право-ну! Ты вѣдь думаешь, въ деревнѣ скучно? Ничуть. По утру въ поле, а тамъ закусить, да пообѣдать, да выспаться, а тамъ къ сосѣдямъ... А именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?.. Житье, братъ... что твой Парижъ. Да главное, какъ заведутся у тебя ребятишки, да родится у тебя рожь самъ-восемь, да на гумнѣ столько хлѣба наберется, что не успѣешь молотить, а въ карманѣ столько цѣлковыхъ, что не сочтешь, такъ, по-моему, ты славно будешь знать Россію. А?..“

Видите ли: не правы ли мы, сказавъ, что при этомъ миньятюрномъ донъ-Кихотѣ, *Иванъ Васильевичъ*, авторъ назначилъ *Василію Ивановичу* роль не Санчо-Пансы, а олицетвореннаго здраваго смысла, который, впрочемъ, и не подозрѣваетъ нимало, что онъ—здравый смыслъ?—Мало этого: *Василій Ивановичъ* въ отношеніи къ *Ивану Васильевичу* не только олицетворенный здравый смыслъ, но и олицетворенная иронія. Все, что ни говорилъ онъ ему, можно перевести такъ: знаемъ мы васъ, голубчики! вы и модничаете, и умничаете, и ѣздите за границу, проматываетесь и дома и на чужбинѣ, и подымаете носъ кверху передъ нами, степными медвѣдями,—а вѣдь кончите же тѣмъ, что сами омедвѣдитесь не лучше нашего, и въ законномъ сожительствѣ съ какою-нибудь Авдотьею Петровною, съ кучею дѣтей, разъѣвшись, разоспавшись и растолстѣвъ, отъ полноты сердца будете говорить: „Въ деревнѣ скучно? Ничуть! По утру въ поле, а тамъ закусить, да пообѣдать, да выспаться, а тамъ къ сосѣдямъ... А именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?... Житье, братъ... что твой Парижъ!“ Еслибъ *Василій Ивановичъ* былъ хоть немного философски-образованъ, онъ могъ бы прибавить къ этому: какъ ни заносись, мой милый, а дѣйствительность возьметъ свое,—и быть тебѣ не рыцаремъ, не философомъ, не реформаторомъ, а помѣщикомъ, да еще женатымъ на какой-нибудь Авдотьѣ Петровнѣ, которая смолоду болтала по-французски, а въ лѣтахъ будетъ держать дѣвичью въ страхѣ не хуже моей Авдотьи Петровны. Я же тебя знаю: ты боекъ только на словахъ, а натурка твоя жиденькая, и ты спасуешь передъ прозою жизни, даже и не попытавшись побороться съ нею!.. Конечно, *Василій Ивановичъ* и не думалъ иронизировать, и самъ не подозрѣвалъ глубокаго смысла своихъ словъ; но вѣдь онъ—безсознательный, непосредственный здравый смыслъ; онъ уменъ, какъ дѣйствительность, какъ природа, которая никогда не ошибается, но которая сама не знаетъ ни того, что она разумна, ни того, какъ она разумна, ни даже того, что она существуетъ... Да и зачѣмъ *Василію Ивановичу* сознаніе? онъ силенъ и безъ него—большинство, толпа, словомъ, дѣйствительность за него; а на сторонѣ *Ивана Васильевича* только слова и фразы. Если хотите, на лѣстницѣ нравственнаго совершенства послѣдній стоитъ несравненно выше перваго; но по особенному, исключительному свойству дѣйствительности, среди которой оба они живутъ, въ сущности оба они сходятъ на нуль. Одинъ, какъ медвѣдь, мечтаетъ, идя по Тверскому бульвару, о московскихъ удовольствіяхъ: „Въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, Англійскій клубъ, Нѣмецкій клубъ, Коммерческій клубъ, и все столы съ картами, къ которымъ можно присѣсть, чтобъ посмотрѣть, какъ люди играютъ большую и малую игру. А тамъ лото, за которымъ сидятъ помѣщики, и бильярдъ съ усатыми игроками и шутливыми маркёрами. Что за раздолье!... а цыгане-то, а комедіи-то, а медвѣжья травля меделянскими мордашками у Рогожской Заставы, а гулянья за городомъ, а театръ-то, театръ, гдѣ пляшутъ такія красавицы, и ногами такіе вензеля выдѣлываютъ, что просто глазамъ не вѣришь...“ Другой, какъ попугай, мечтаетъ о парижскихъ удовольствіяхъ: „Господи, Боже мой, какъ жаль, что такъ мало здѣсь движенія и жизни... Nel furor!... то ли дѣло Парижъ... della tempesta. Ахъ, Парижъ, Парижъ! Гдѣ твои гризетки, твои театры и балы Мюзара... Nel furor. Какъ вспомнишь: Лаблашъ, Гризи, Фанни Эльслеръ, а здѣсь только что спрашиваютъ, какой у тебя чинъ. Скажешь: губернскій секретарь—никто на тебя и смотрѣть не хочетъ... della tempesta!“—Что за странная пустота, что за странное ничтожество въ чувствахъ этихъ двухъ представителей двухъ вѣковъ!...

Мы не будемъ распространяться о дивномъ экипажѣ, по имени котораго названо новое сочиненіе графа Соллогуба, о сундукахъ, сундучкахъ, коробкахъ, коробочкахъ, боченкахъ, которыми этотъ экипажъ загроможденъ и увязанъ снаружи, о перинахъ, тюфякахъ, подушкахъ, которыми онъ заваленъ снутри: скажемъ только, что талантъ автора неподражаемъ въ отношеніи всѣхъ этихъ подробностей. Тарантасъ готовъ двинуться; наконецъ явился и *Иванъ Васильевичъ*.

„Воротникъ его макинтоша былъ поднятъ выше ушей; подъ мышкой былъ у него небольшой чемоданчикъ, а въ рукахъ держалъ онъ шелковый зонтикъ, дорожный мѣшокъ съ стальнымъ замочкомъ и прекрасно переплетенную въ коричневый сафьянъ книгу со стальными застежками и тонко очиненнымъ карандашомъ.

— А, Иванъ Васильевичъ! — сказалъ Василій Ивановичъ.—Пора, батюшка. Да гдѣ же кладь твоя?

— У меня ничего нѣтъ больше съ собой.

— Эва! да ты, братъ, эдакъ въ мѣшкѣ-то своемъ замерзнешь. Хорошо, что у меня есть лишній тулупчикъ на заячьемъ мѣху. Да-бишь, скажи, пожалуйста, что подъ тебя подложить, перину или тюфякъ?

— Какъ? съ ужасомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Я у тебя спрашиваю, что ты больше любишь, тюфякъ или перину.

Иванъ Васильевичъ готовъ былъ бѣжать и съ отчаяніемъ поглядывалъ со стороны на сторону. Ему казалось, что вся Европа увидитъ его въ тулупѣ, въ перинѣ и въ тарантасѣ“ (стр. 20).

Да, было отъ чего въ отчаянье прійти. И вотъ въ чемъ состоитъ европеизмъ господъ въ родѣ *Ивана Васильевича*. Этимъ людямъ и въ голову не входитъ, что если въ Европѣ всѣ стремятся къ опоэтизированію своего быта, — зато никто, при недостаткѣ, при переворотѣ обстоятельствъ, при случаѣ, не постыдится ни сѣсть въ какой угодно тарантасъ, ни вычистить себѣ, при нуждѣ, сапоги. Этого рода Европейцевъ въ отличіе отъ истинныхъ Европейцевъ не худо бы называть Европейцами-Татарами...

Ивану Васильевичу было грустно, но дѣлать нечего. Онъ промотался по-русски и нашелъ случай доплестись до дому; притомъ же, дорогою онъ можетъ изучать Россію и вести свои записки... Все бы хорошо. „Но эта неблагородная перина, но эти ситцевыя подушки, но этотъ ужасный тарантасъ!...“

Въ самомъ дѣлѣ ужасно!..

— Василій Ивановичъ?

— Что, батюшка?

— Знаете ли, о чемъ я думаю.

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что такъ какъ мы собираемся теперь путешествовать...

— Что, что, батюшка... какое путешествіе?

— Да вѣдь мы теперь путешествуемъ.

— Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, совсѣмъ нѣтъ. Мы просто ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасы, черезъ Казань.

— Ну да вѣдь это тоже путешествіе.

— Какое, батюшка, путешествіе. Путешествуютъ тамъ за границей, въ Нѣмечинѣ; а мы что за путешественники. Просто—дворяне, ѣдемъ себѣ въ деревню“.

О, *Василій Ивановичъ*! о, великій практическій философъ, отъ роду не философствовавшій! Какъ, съ своею безграмотностью, какъ умнѣе ты этого полуграмотнаго фертика! Потому умнѣе, что какъ бы ни были грубы твои понятія, ихъ корень въ дѣйствительности, а не въ книгѣ, и, вѣрный степовому началу своей жизни, ты знаешь, что въ степяхъ ѣздятъ по дѣламъ и по нуждѣ, а не изъ любопытства, не для изученія! Ты называешь всѣ вещи ихъ настоящими именами, мѣсяцъ называешь просто мѣсяцемъ, а не воздушною или небесною ночною лампадою! Ахъ, если бы зналъ ты, какъ уменъ твой глупый отвѣтъ: „мы не путешествуемъ, а ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасы; мы не путешественники, а просто — дворяне, ѣдемъ себѣ въ деревню“!...

Иванъ Васильевичъ, книжнымъ языкомъ толкуетъ своему спутнику о пользѣ путешествій, — и *Василій Ивановичъ*, ничего не понимая, но смутно предчувствуя, что юноша несетъ страшную дичь, отвѣчаетъ ему: „Вотъ-съ“; *Иванъ Васильевичъ* съ реторическимъ восторгомъ говоритъ о своихъ предполагаемыхъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, о пользѣ, которую сдѣлаетъ его книга. *Василій Ивановичъ* наконецъ объясняется напрямки: „Ты все такое мелешь странное“. *Иванъ Васильевичъ* толкуетъ о своей любви и своемъ уваженіи къ русскому мужику и русскому барину, и о своей ненависти и своемъ презрѣніи къ чиновнику. *Василій Ивановичъ*, человѣкъ умный по привычкѣ, и потому совершенно чуждый и благоговѣнія къ мужику и барину, и презрѣнія къ чиновнику — такъ какъ всѣхъ ихъ онъ находитъ въ порядкѣ вещей, спрашиваетъ: „А отчего же это, батюшка, ненавидите вы чиновниковъ?“. *Иванъ Васильевичъ* прибѣгаетъ къ уловкѣ всѣхъ людей, которые ничего не въ состояніи понять въ идеѣ, въ принципѣ, въ источникѣ, а все понимаютъ случайно, и раздѣляетъ чиновниковъ на благородныхъ, которыхъ онъ очень уважаетъ, и на такихъ, которыхъ онъ презираетъ за ихъ трактирную образованность, за отсутствіе въ нихъ всего русскаго, за взяточничество. Отсутствіе всего русскаго—и взяточничество! Каковъ?... Браня чиновниковъ, онъ восхищается мужиками, увѣряя, что ничего не можетъ быть красивѣе и живописнѣе ихъ. „Въ мужикѣ“, говоритъ онъ, „таится зародышъ русскаго богатырскаго духа, начало нашего *отечественнаго* (*народнаго, національнаго?*) величія“ (стр. 23). — *Хитрыя бываютъ бестіи!*' замѣтилъ Василій Ивановичъ... Апологистъ не смѣшался отъ этого замѣчанія, совершенно чуждаго всякихъ претензій на остроуміе или юморъ, но которое тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ невиннѣе и простодушнѣе,—и поставилъ въ огромную заслугу мужику его, будто бы, способность сдѣлаться по желанію (желательно бы знать, *чьему*?) музыкантомъ, мастеровымъ, механикомъ, живописцемъ, управителемъ, чѣмъ угодно. Если хотите, — это, къ сожалѣнію, справедливо: изъ страха или

изъ корысти русскій человѣкъ возьмется за все, вопреки мудрому правилу:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ.

Покажите русскому человѣку хоть Аполлона Бельведерскаго: онъ не скопфузится, и топоромъ и скобелью сдѣлаетъ изъ еловаго бревна Аполлона Бельведерскаго, да еще будетъ божиться, что его работа настоящая *нѣмецкая*. Потому-то русскіе покупатели такъ страстны къ иностранной работѣ и такъ боятся отечественныхъ издѣлій. Конечно, способность и готовность ко всему, хотя бы и вынужденная, имѣетъ свою хорошую сторону и иногда творитъ чудеса: противъ этого мы ни слова. Но вѣдь *иногда* совсѣмъ не то, что *всегда*, и tour de force, какъ дѣло случайности и удачи, совсѣмъ не то, что свободное произведеніе таланта, или природной способности, развитой правильнымъ ученіемъ. Умы поверхностные любятъ увлекаться блестящимъ, бросающимся въ глаза, парадоксальнымъ; но умъ основательный не позволитъ себѣ увлечься лицевою стороною предмета, не посмотрѣвъ на изнанку; естественное и простое онъ всегда предпочтетъ насильственному и хитрому.

Есть, однакожъ, въ апологіи *Ивана Васильевича* мысль очень умная и дѣльная—о гнусности и вредѣ существа, называемаго *дворовымъ человѣкомъ*; есть часть истины и въ его одностороннемъ взглядѣ на чиновника, какъ потомка дворовaго человѣка.

„Дворовый не что иное, какъ первый шагъ къ чиновнику. Дворовый обритъ, ходитъ въ длинноломъ сюртукѣ домашняго сукна. Дворовый служитъ потѣхой праздной лѣни, и привыкаетъ къ тунеядству и разврату. Дворовый уже пьянствуетъ и воруетъ, и важничаетъ, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него подушныя. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщики, въ вольноотпущенные, въ приказные; приказный презираетъ и дворовaго и мужика, и учится уже крючкотворству, и потихоньку отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гривенники. У него сюртукъ нанковый, волосы примазанные. Онъ обучается уже воровству систематическому. Потомъ приказный спускается еще на ступень выше, дѣлается писцомъ, повытчикомъ, секретаремъ и наконецъ настоящимъ чиновникомъ. Тогда сфера его увеличивается; тогда получаетъ онъ другое бытіе: презираетъ и мужика, и приказнаго, потому что они, изволите видѣть, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности, и потому крадетъ уже ассигнаціями. Ему вѣдь надо пить донское, курить табакъ Жукова, играть въ банчикъ, ѣздить въ тарантасѣ, выписывать для жены чепцы съ серебряными колосьями и шелковыя платья. Для этого онъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти вступаетъ на свое мѣсто, какъ купецъ вступаетъ въ лавку, и торгуетъ своимъ вліяніемъ, какъ товаромъ. Попадется иной, другой... „Ништо ему, говорятъ собратья. Бери, да умѣй“ (стр. 30—31).

Дѣйствительно, эта генеалогія, отъ дворовaго черезъ конторщика изъ вольноотпущенныхъ, и приказнаго до чиновника, не только остроумна, но и отчасти справедлива. Реформа Петра Великаго, которой основнымъ принципомъ было преимущество личныхъ достоинствъ или способностей надъ породою, пересоздала дворовaго въ подъячаго, подъячій родилъ приказнаго, приказный—чиновника. Итакъ, дворовый — яйцо, подъячій — червь, приказный—куколка, чиновникъ—бабочка! Тутъ, какъ видите, есть развитіе, и каждая новая ступень выше и лучше прежней. Мы сами не охотники до „чиновника“, но тѣмъ не менѣе мы чужды всякаго несправедливаго и односторонняго недоброжелательства къ сему почтенному члену нашего общества. Мы никакъ не можемъ согласиться съ *Иваномъ Васильевичемъ*, что лучшія сословія у насъ—мужикъ и баринъ, а худшее—чиновникъ. Пусть образованіе чиновника трактирное, какъ увѣряетъ *Иванъ Васильевичъ*, пусть онъ пьетъ донское, куритъ жуковскій, ѣздитъ въ тарантасѣ и выписываетъ для жены своей чепцы съ серебряными колосьями да шелковыя платья: во всемъ этомъ есть своя хорошая сторона, которая состоитъ въ томъ, что формы жизни чиновника близко подходятъ къ формамъ жизни барина. Сынъ чиновника годится на все и всюду: онъ поступаетъ въ кадетскій корпусъ, и оттуда выходитъ хорошимъ офицеромъ; онъ поступаетъ въ университетъ, откуда для него открыты честные и благородные пути на всѣ поприща жизни, и онъ всегда способенъ съ честію идти по одному разъ избранному имъ поприщу; онъ можетъ быть ученымъ, художникомъ, литераторомъ, словомъ, всѣмъ, чѣмъ можетъ быть и баринъ. Скажутъ: кто же не можетъ, и почему это привилегія сына чиновника?—потому, отвѣчаемъ мы, что военный офицеръ, чиновникъ, приготовившійся къ службѣ университетскимъ образованіемъ, ученый, профессоръ, учитель, художникъ, литераторъ изъ мужиковъ, изъ купцовъ, изъ духовнаго званія,—всѣ они—больше исключенія изъ общаго правила, нежели общее правило, и всѣ они находятся въ прямой противоположности съ формами жизни сословій, изъ которыхъ вышли. И потому-то, образовавшись, они спѣшатъ выйти изъ своего сословія, съ которымъ чувствуютъ себя навѣкъ разорванными черезъ образованіе, и, слѣдовательно, спѣшатъ увеличить собою чиновническое сословіе. Какъ? спросятъ насъ: да какое же отношеніе между музыкантомъ, напримѣръ, и чиновникомъ?—Очень большое: ихъ связываетъ одинаковость формъ жизни. И потому-то сынъ чиновника, сдѣлавшись, напримѣръ, ученымъ или художникомъ, какъ будто совсѣмъ не выходитъ изъ своего сословія: его костюмъ

тотъ же, комнаты тѣ же, образъ жизни тотъ же, отъ утренняго чаю или кофе до поклона знакомой дамѣ, или до танца съ нею на балѣ. Скажемъ прямѣе: формы жизни чиновника могутъ быть нѣсколько грубѣе, аляповатѣе формъ жизни барина, но сущность тѣхъ и другихъ совершенно одинакова, и чиновникъ изъ бѣдныхъ людей, котораго образованіе допуститъ въ свѣтскій кругъ, никогда не будетъ такимъ страннымъ исключеніемъ, какимъ былъ бы человѣкъ изъ другого сословія, особенно купеческаго. Чиновническое сословіе играетъ въ Россіи роль химической печи, проходя чрезъ которую, люди мѣщанскаго, купеческаго, духовнаго и, пожалуй, дворовaго сословія теряютъ рѣзкія и грубыя внѣшности этихъ сословій и, отъ отца къ сыну, выраждаются въ сословіе баръ. Это потому, что въ Россіи чинъ, обязывая человѣка носить европейскій костюмъ и держаться европейскихъ формъ жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ его во всемъ тянуться за бариномъ. Сверхъ того, между бариномъ и чиновникомъ — не во гнѣвъ будь сказано всѣмъ Иванамъ Васильевичамъ — существуетъ болѣе живая и крѣпкая связь, нежели между бариномъ и мужикомъ, купцомъ, духовнымъ или человѣкомъ изъ другого какого-либо сословія: это—все чиновничество же. Развѣ баринъ—не чиновникъ? Много ли у насъ дворянъ неслужащихъ и неимѣющихъ чина? Скажутъ: они служатъ въ военной. Неправда! Ихъ больше въ статской, и статскою службою по большей части оканчиваютъ и тѣ, которые начали съ военной. А сколько теперь дворянъ, сдѣлавшихся дворянами черезъ службу? Два-три поколѣнія—и вы ни въ какой телескопъ не отличите ихъ отъ родового дворянства. Что же касается до взяточничества, право, никому не легче давать взятки засѣдателю или исправнику, нежели стряпчему или писцу квартальнаго, потому что взятка — все взятка, кто бы ни взялъ ее съ васъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ Петербургѣ, напримѣръ, служащіе въ министерскихъ департаментахъ чиновники не подвержены никакому упреку въ этомъ отношеніи. Вообще, это предметъ, о которомъ... о которомъ мы не хотимъ больше говорить, „чтобъ гусей не раздразнить“. *Иванъ Васильевичъ*—гусь породистый: маменька его была татарская княжна, — и потому для него важна генеалогія людей. Мы съ этой стороны совсѣмъ въ другомъ положеніи,—и намъ нисколько нѣтъ нужды до того, кто былъ отецъ *этого* человѣка; для насъ важно одно: каковъ самъ *этотъ* человѣкъ.

Иванъ Васильевичъ наговорилъ очень много хорошаго о состояніи, до какого дошли теперь дворянскіе выборы, и по своему верхоглядству сложилъ всю вину на богатыхъ дворянъ (*стр. 32*). Мы не беремся объяснить это явленіе и скажемъ только, что все, что̀ есть или что̀ сдѣлалось, есть и сдѣлалось по причинамъ неотразимымъ и съ самаго начала носило въ себѣ сѣмена своего будущаго состоянія. Объ этомъ бы и слѣдовало говорить *Ивану Васильевичу*, или ничего не говорить. А іереміады-то мы слыхали и не отъ него, и онѣ всѣмъ надоѣли, потому что ихъ способенъ повторять всякій человѣкъ, не умѣющій порядочно связать двухъ идей. Что новаго въ этихъ, напримѣръ, словахъ *Ивана Васильевича?*—„Всѣ старинныя имена наши исчезаютъ. Гербы нашихъ княжескихъ домовъ развалились въ прахъ, потому что не на что ихъ возстановить, и русское дворянство зажиточное, радушное, хлѣбосольное отдало родовыя свои вотчины оборотливымъ купцамъ, которые въ роскошныхъ палатахъ подѣлали себѣ фабрики“ (*стр. 33*). Какая же, по мнѣнію *Ивана Васильевича*, причина этого важнаго явленія?—„Попромотались на праздники, на театры, на любовницъ, на всякую дрянь“ (*ibid.*)... Знаете ли на что похоже подобное объясненіе! *Вопросъ:* Отчего умеръ этотъ человѣкъ? *Отвѣтъ:* Отъ болѣзни.—Хорошо, но отчего онъ заболѣлъ, и почему онъ умеръ отъ этой болѣзни, когда другой, у котораго была та же самая болѣзнь, не умеръ отъ нея? Но это сравненіе еще не совсѣмъ вѣрно; человѣкъ можетъ умереть отъ случайности, а случайность не объясняется общими законами; измѣненіе же или упадокъ цѣлаго сословія не можетъ быть дѣломъ случайности,—и мотовство тутъ плохое объясненіе. Что̀ праздники, театры и любовницы богачей нашего времени передъ роскошью вельможъ прошлаго вѣка! Однакожъ, имъ доставало своихъ средствъ... Нѣтъ; подобный вопросъ надо было или рѣшить поглубже и поосновательнѣе, или вовсе не браться за него. *Василій Ивановичъ* гораздо лучше рѣшилъ его. „Что думаете вы о нашихъ аристократахъ?“ спрашиваетъ его *Иванъ Васильевичъ*. „Я думаю“, сказалъ *Василій Ивановичъ*: „что на станціи намъ не дадутъ лошадей“.

Описаніе станціи превосходно: при каждой строкѣ такъ и хочется вскрикнуть: „Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!“ Анекдотъ станціоннаго смотрителя о генералѣ прекрасенъ и самъ по себѣ, и по тому восторгу, въ который привелъ онъ *Василія Ивановича*. Описаніе жилища, или, лучше сказать, логовища, въ которомъ помѣщается станціонный смотритель и въ которомъ такъ вѣрно, какъ въ зеркалѣ, отражаются его духъ, понятія и наклонности, это описаніе—

верхъ мастерства, и хотя нѣкоторые нравоописательные романисты, они же и критики, объявили, ради весьма понятныхъ причинъ, что графъ Соллогубъ пишетъ въ поверхностномъ родѣ,—однако для насъ одна страница „Тарантаса“, которая знакомитъ читателя съ покоями станціоннаго смотрителя, тысячу разъ лучше всѣхъ нравоописательныхъ и нравственно-сатирическихъ романовъ. Превосходенъ также этотъ вскользь, но вѣрно обрисованный майоръ, который, въ ожиданіи лошадей, всѣмъ говорилъ „ты“ и всѣмъ разсказалъ обстоятельства своей жизни, хотя о нихъ никто у него не спрашивалъ, и котораго *Василій Ивановичъ* трепалъ по плечу, приговаривая: *военная косточка! (стр. 43)*. Никѣмъ неподозрѣваемый изъ чаявшихъ движенія лошадей, внезапный проѣздъ *тайнаго совѣтника*, для котораго у станціоннаго смотрителя нашлись лошади, есть истинно художническая черта, которая удивительно вѣрно доканчиваетъ картину „станціи“. За станціею слѣдуетъ гостиница, но въ промежуткѣ этихъ двухъ любопытныхъ фактовъ русской жизни съ *Василіемъ Ивановичемъ* случилось несчастіе: отъ тарантаса были отрѣзаны два чемодана и нѣсколько коробовъ, а съ ними пропали чепчикъ и тюрбанъ, отъ мадамъ Лебуръ, съ Кузнецкаго Моста, пріобрѣтенные для Авдотьи Петровны.

„Пріѣхавъ на станцію, онъ бросился къ смотрителю съ жалобой и просьбой о помощи. Смотритель отвѣчалъ ему въ утѣшеніе: „будьте совершенно спокойны. Вещи ваши пропали. Это ужъ не въ первый разъ. Вы тутъ въ двѣнадцати верстахъ проѣзжали черезъ деревню, которая тѣмъ извѣстна: все шалуны живутъ“.

— Какіе шалуны?—спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Извѣстно-съ. На большой дорогѣ шалятъ ночью. Коли заснете, какъ разъ задній чемоданъ отрѣжутъ.

— Да это разбой!

— Нѣтъ, не разбой, а шалости.

— Хороши шалости,—уныло говорилъ Василій Ивановичъ, отправляясь снова въ путь.—А что скажетъ Авдотья Петровна (стр. 47).

Иванъ Васильевичъ торопится во Владиміръ, которымъ онъ, какъ древнимъ городомъ, прекрасно можетъ начать свои путевыя впечатлѣнія. „Я вамъ уже говорилъ, Василій Ивановичъ, что я... и не я одинъ, а насъ много, мы хотимъ *выпутаться* изъ *гнуснаго* просвѣщенія Запада, и *выдумать своеобытное* просвѣщеніе Востока“ (*ib.*). И эту дичь Иванъ Васильевичъ несетъ простодушно, безъ всякой задней мысли. Какой чудакъ.

„— Да вотъ мы доѣдемъ до Владиміра.

— И отобѣдаемъ, — замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Столица древней Руси.

— Порядочный трактиръ.

— Золотыя ворота.

— Только дорого деруть.

— Ну, пошелъ же, кучеръ.

— Эхъ, баринъ, видишь, какъ стараюсь“.

Наконецъ, путешественники наши во Владимірѣ, въ губернской гостиницѣ, которая изображена и вѣрно и оригинально.

„— Что есть у васъ?—спросилъ Иванъ Васильевичъ у полового.

— Все есть,—отвѣчалъ надменно половой.

— Постели есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А что есть обѣдать?

— Все есть.

— Какъ все?

— Щи-съ, супъ-съ. Биштексъ можно сдѣлать Да вотъ на столѣ записка, прибавилъ половой. гордо подавая сѣрый лоскутокъ бумаги.

Иванъ Васильевичъ принялся читать:

Обѣтъ!

1. Супъ.—Липотажъ.
2. Говядина.—Телятина съ цидрономъ.
3. Рыба.—Раки.
4. Соусъ.—Патиша.
5. Жаркое.—Курица съ рысью.
6. Хлѣбенное.—Желе сапельсиновъ“.

На вопросъ о винахъ половой тоже съ увѣренностію отвѣчалъ: „Какъ не быть-съ? Всѣ вина есть: шампанское, полушампанское, дри-мадера, лафиты есть. Первѣйшія вина“. Нѣчего и говорить, что онъ сбиралъ на столъ долго, перемѣнялъ и встряхивалъ грязныя салфетки, и что ничего ни ѣсть, ни пить не было возможности. Это, однакожъ, не помѣшало *Василію Ивановичу* ѣсть за троихъ—русскій баринъ! Лежа на сѣнѣ и поворачиваясь съ боку на бокъ, *Иванъ Васильевичъ* началъ съ горя бранить русскія гостиницы на нѣмецкій ладъ и мечтать о заведеніи гостиницы на русскую стать. Много хорошихъ фразъ отпустилъ онъ на этотъ предметъ, но дѣла, по своему обыкновенію, не сказалъ. Гоняясь за теоретическими, отдаленными причинами, онъ не увидѣлъ ближайшихъ, практическихъ. Онъ никакъ не можетъ взять въ толкъ, что дѣло сдѣлано, и воротить его невозможно; что все на Руси, волею или неволею, тянется за европеизмомъ и коверкаетъ его на монгольскую стать. *Иванъ Васильевичъ*, видно, не бывалъ въ губернскихъ трактирахъ, гдѣ по-русски угощается русскій людъ: тогда бы онъ понялъ, почему всѣ дрянную гостиницу предпочитаютъ хорошему трактиру. А что наши губернскія гостиницы скверны, въ этомъ виновато не отсутствіе національнаго элемента, не подражаніе внѣшнему европеизму, а просто-на-просто отсутствіе конкурренціи между заведеніями такого рода. Въ иномъ губернскомъ городѣ одна гостиница и та плоха до невозможности, потому что пуста и рѣдко принимаетъ гостей, а Торжокъ—уѣздный городъ, и въ немъ двѣ гостиницы, одна сносная, а другая даже порядочная,

оттого, что, по значительному числу проѣзжающихъ, обѣ могутъ существовать, не подрывая одна другой. Видите ли, „ларчикъ просто открывался“; но *Иваны Васильевичи* не любятъ простыхъ причинъ, которыя не даютъ предмета для реторики и вычурно умныхъ фразъ.

Отправившись осматривать историческій городъ, *Иванъ Васильевичъ*, по своему невѣдѣнію, немного нашелъ удовольствія въ созерцаніи древностей. Не понимаемъ, какъ не догадался онъ, что люди, живущіе среди этой древности, до того равнодушны къ ней, что даже не считаютъ за нужное пожалѣть, что не имѣютъ о нихъ никакого понятія. А вѣдь это фактъ, о которомъ можно поразмыслить. Тутъ естественно представляется вопросъ: кто виноватъ въ этомъ равнодушіи—люди или древности?.. Вѣдь любовь къ родному, къ древностямъ, къ исторіи должна быть непосредственная, живая, самородная, а не книжная, не искусственная, и если на *что* само собою не откликается цѣлое общество, *это* едва ли стоитъ изученія и едва ли не нѣмо само по себѣ... Но если *Иванъ Васильевичъ* ничего не узналъ о древностяхъ Владиміра, зато хорошо узналъ его настоящее положеніе, какъ губернскаго города. Вотъ краснорѣчивый отрывокъ изъ его разговора съ пріятелемъ:

„— Скажи-ка, что же ты теперь подѣлываешь?

— Я былъ четыре года за границей.

— Счастливый человѣкъ! А чай, скучно было возвращаться?

— Совсѣмъ нѣтъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія.

— Право?

— Мнѣ совѣстно было шататься по бѣлому свѣту, не знавъ собственнаго отечества.

— Какъ? неужели ты своего отечества не знаешь?

— Не знаю, а хочу знать, хочу учиться.

— Ахъ, братецъ, возьми меня въ учителя, я это только и знаю.

— Безъ шутокъ; я хочу поѣздить, да посмотрѣть...

— На что же?

— Да на все: на людей и на предметы... вопервыхъ, я хочу видѣть всѣ губернскіе города.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Чтобъ видѣть ихъ жизнь, ихъ различіе.

— Да между ними нѣтъ различія.

— Какъ?

— У насъ всѣ губернскіе города похожи другъ на друга. Посмотри на одинъ—всѣ будешь знать.

— Быть не можетъ!

— Могу тебя увѣрить. Вездѣ одна большая улица, одинъ главный магазинъ, гдѣ собираются помѣщики и покупаютъ шелковыя матеріи для женъ и шампанское для себя; потомъ присутственныя мѣста, дворянское собраніе, аптека, рѣка, площадь, гостинный дворъ, два или три фонаря, будки и губернаторскій домъ.

— Однакожъ, общества не похожи другъ на друга.

— Напротивъ, общества еще болѣе похожи, чѣмъ зданія.

— Какъ это?

— А вотъ какъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ есть губернаторъ. Не всѣ губернаторы одинаковы: передъ инымъ бѣгаютъ квартальные, суетятся секретари, кланяются купцы и мѣщане, а дворяне дуются съ нѣкоторымъ страхомъ. Куда онъ ни явится, является и шампанское—вино, любимое въ губерніяхъ, и всѣ пьютъ съ поклонами за многолѣтіе отца губерніи... Губернаторы вообще люди образованные и иногда нѣсколько надменные. Они любятъ давать обѣды и благосклонно играютъ въ вистъ съ откупщиками и богатыми помѣщиками.

— Это дѣло обыкновенное, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— Постой. Кромѣ губернатора, почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть и губернаторша. Губернаторша—лицо довольно странное. Она обыкновенно образована столичной жизнію и избалована губернскимъ низкопоклонничествомъ. Въ первое время она привѣтлива и учтива; потомъ ей надоѣдаютъ безпрерывныя сплетни, она привыкаетъ къ угожденіямъ и начинаетъ ихъ требовать. Тогда она окружаетъ себя голодными дворянками, ссорится съ вице-губернаторшей, хвастаетъ Петербургомъ, презрительно относится о своемъ губернскомъ кругѣ и наконецъ навлекаетъ на себя общее негодованіе до самаго дня ея отъѣзда, въ каковой день все забывается, все прощается и ее провожаютъ со слезами.

— Да два лица не составляютъ города, прервалъ Иванъ Васильевичъ.

— Постой, постой! Въ каждомъ губернскомъ городѣ есть еще много лицъ: вице-губернаторъ съ супругой, разные предсѣдатели съ супругами, и несчетное число служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ. Жены ссорятся между собой на словахъ, а мужья на бумагѣ. Предсѣдатели, большею частію люди старые и занятые, съ большими крестами на шеѣ, высовываются изъ присутствія только въ табельные дни для поздравленія начальства. Прокуроръ почти всегда человѣкъ холостой и завидный женихъ. Жандармскій штабъ-офицеръ—добрый малый. Дворянскій предводитель—охотникъ до собакъ. Кромѣ служащихъ, въ каждомъ городѣ живутъ и помѣщики, обыкновенно скупые или промотавшіеся. Они постигли великую тайну, что какъ карты созданы для человѣка, такъ и человѣкъ созданъ для картъ. А потому съ утра до вечера, а иногда и съ вечера до утра козыряютъ они себѣ въ пички да въ бубандрясы, безъ малѣйшей усталости. Разумѣется, что и служащіе отъ нихъ не отстаютъ. Ты играешь въ вистъ?

— Нѣтъ.

— Въ преферансъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ тебѣ и безпокоиться не нужно, ты въ губерніи пропадешь. Да, можетъ быть, ты жениться хочешь?

— Сохрани Богъ!

— Такъ и не заглядывай къ намъ. Тебя насильно женятъ. У насъ барышень вдоволь. Всѣ онѣ, по природному внушенію, поютъ варламовскіе романсы и цѣлой шеренгой расхаживаютъ по столовымъ, гдѣ толкуютъ о московскомъ дворянскомъ собраніи. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть вдова съ двумя дочерьми, принужденная прозябать въ провинціи, послѣ мнимой блистательной жизни въ Петербургѣ. Прочія дамы обыкновенно надъ ней смѣются, но не менѣе того стараются попасть въ ея партію, потому что въ губерніяхъ однѣ барышни не играютъ въ карты, да и тѣ, правду сказать, играютъ въ дурачки на орѣхи. Нѣсколько офицеровъ въ отпуску, нѣсколько тунеядцевъ безъ состоянія и цѣли, губернскій острякъ, сочиняющій на всѣхъ стишки да прозванія, одинъ

старый докторъ, двое молодыхъ, архитекторъ, землемѣръ и иностранный купецъ заключаютъ городское общество.

— Ну, а образъ жизни?—спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Образъ жизни довольно скучный. Размѣнъ церемонныхъ визитовъ. Сплетни, карты; карты, сплетни... Иногда встрѣчаешь доброе, радушное семейство, но чаще наталкиваешься на каррикатурныя ужимки, будто бы подражающія какому-то большому свѣту. Общихъ удовольствій почти нѣтъ. Зимой назначаются балы въ собраніи, но по какому-то страшному жеманству на эти балы мало ѣздятъ, потому что никто не хочетъ пріѣхать первымъ. Bon genre сидитъ дома и играетъ въ карты. Вообще, я замѣтилъ, что когда пріѣдешь нечаянно въ губернскій городъ, то это всегда какъ-то случается наканунѣ, а еще чаще на другой день какого-нибудь замѣчательнаго событія. Тебя всегда встрѣчаютъ восклицаніями: „Какъ жаль, что васъ тогда-то не было, или, что васъ тогда-то не будетъ. Теперь губернаторъ поѣхалъ ревизовать уѣзды; помѣщики разъѣхались по деревнямъ, и въ городѣ никого нѣтъ“. Не всякому дано попасть въ благополучныя минуты шумнаго съѣзда. Такія памятныя эпохи бываютъ только во время выборовъ и сдачи рекрутъ, во время сбора полковъ, а иногда въ урожайные годы и во время святокъ. Самые пріятные губернскіе города, въ особенности, по мнѣнію барышень, тѣ, въ которыхъ военный постой. Гдѣ офицеры, тамъ музыка, ученья, танцы, свадьбы, любовныя интриги, словомъ, такое раздолье, что чудо“ (*стр.* 64—68).

Сдѣлавъ такую яркую и вѣрную характеристику губернскаго города, которая, право, въ тысячу разъ стоитъ больше всякой самой ученой диссертаціи о гнилыхъ древностяхъ,— пріятель *Ивана Васильевича* разсказываетъ ему свою исторію, по имени которой эта глава названа „простою и глупою исторіею“. Тутъ много вѣрнаго и правдиваго, хотя въ цѣломъ разсказѣ преобладаетъ догматическій и нравоучительный тонъ. Разсказъ начинается съ опредѣленія на службу въ Петербургѣ. „Жить въ Петербургѣ и не служить— все равно, что быть въ водѣ и не плавать. Весь Петербургъ кажется огромнымъ департаментомъ, и даже строенія его глядятъ министрами, директорами, столоначальниками, съ форменными стѣнами, съ вицемундирными окнами. Кажется, что самыя петербургскія улицы раздѣляются, по табели о рангахъ, на благородныя, высокоблагородныя и превосходительныя“ *(стр. 72)*. Но служба не далась пріятелю *Ивана Васильевича*, что онъ приписалъ своему невѣжеству. Странное уничиженіе!... „Служба—лѣстница. По этой лѣстницѣ ползаютъ и шагаютъ, карабкаются и прыгаютъ люди зеленаго цвѣта, то толкая другъ друга, то срываясь отъ неосторожности, то зацѣпляясь за фалды надежнаго эквилибриста; немногіе идутъ твердо и безъ помощи. Немногіе думаютъ объ общей пользѣ, но каждый думаетъ о своей. Каждый помышляетъ, какъ бы схватить крестикъ, чтобъ поважничать передъ собратіями, да какъ бы набить карманъ потуже. Не думай, впрочемъ, чтобъ петербургскіе чиновники брали взятки. Сохрани Богъ! Не смѣшивай петербургскихъ чиновниковъ съ губернскими. Взятки, братецъ, дѣло подлое, опасное и притомъ не совсѣмъ прибыльное. Но мало ли есть проселочныхъ дорогъ къ той же цѣли. Займы, аферы, акціи, облигаціи, спекуляціи... Этимъ способомъ, при нѣкоторомъ служебномъ вліяніи, при удачной смѣтливости въ дѣлахъ состоянія точно также наживаются. Честь спасена, а деньги въ карманѣ“ *(стр. 72—73)*. Не понимаемъ, зачѣмъ же, послѣ этого, нужны для службы науки и образованіе? Тутъ нужны, напротивъ, гибкая спина, ловкость акробата и практическая способность пріобрѣтать благонамѣреннымъ и благороднымъ образомъ...

Разсказчикъ пустился въ свѣтъ. Слѣдуютъ моральныя нападки на гибельную страсть низшихъ сословій тянуться за высшими, бѣдныхъ за богатыми. Потерянное время, потерянныя слова! Сколько ни толкуй знатный ничтожному, сколько ни увѣряй богатый бѣднаго, что онъ, ничтожный, такъ же осужденъ судьбою на ничтожество, какъ онъ, знатный, опредѣленъ на знатность; что онъ, бѣдный, такъ же осужденъ судьбою на нищету, какъ онъ, богатый, назначенъ для богатства:—ничтожный и бѣдный никогда не будутъ такъ глупы, чтобъ простодушно повѣрить подобнымъ увѣреніямъ. Никто изъ земнородныхъ не считаетъ себя ниже и хуже другого, — и лѣзть наверхъ, гдѣ такъ спокойно и безопасно, вмѣсто того, чтобъ ползти внизъ, въ грязь, подъ ноги другихъ, служа имъ мостовою, — это такой же инстинктъ, какъ пить и ѣсть. Только сильные и богатые убѣждены, что хорошо быть слабымъ и бѣднымъ, и то до тѣхъ поръ только, пока не ослабѣютъ и не обѣднѣютъ сами: но лишь случись это, они вдругъ измѣняютъ свое кровное убѣжденіе. И потому, право, давно бы пора оставить эту реторическую мораль, потому что теперь уже нѣтъ такихъ людей, которые допустили бы убѣдить себя въ ней. Свѣтскость пріятеля *Ивана Васильевича* кончилась тѣмъ, что онъ въ конецъ разорился, и для поправленія обстоятельствъ рѣшился жениться, а для этого еще болѣе сталъ прикидываться богачемъ. Но женившись, онъ узналъ, что и его супруга такимъ же образомъ дѣлала спекуляцію, выходя замужъ. Жить было имъ нечѣмъ. Ему хотѣлось въ деревню, а она, какъ женщина *образованная* и свѣтская, не хотѣла и слышать о деревнѣ, и потому помирились на Москвѣ, гдѣ онъ попалъ въ особенный кружокъ, „составляющій въ огромномъ городѣ нѣчто въ родѣ маленькаго досаднаго городка. Этотъ городокъ—городокъ отставной, отечество усовъ и венгерокъ, пріютъ недовольныхъ всякаго

рода, вертепъ самыхъ странныхъ разбоевъ. горнило самыхъ странныхъ разсказовъ. Въ немъ живутъ отставленные и отставные, сердитые, обманутые честолюбіемъ, вообще все люди лѣнивые и недоброжелательные. Оттого и господствуетъ между ними духъ праздности и празднословія, и не даромъ называютъ этотъ городъ старухой. Ему прежде всего надо болтать, болтать, во что бы ни стало. Онъ разскажетъ вамъ, что сѣрый волкъ гуляетъ по Кузнецкому Мосту и заглядываетъ во всѣ лавки; онъ повѣдаетъ вамъ на ухо, что турецкій султанъ усыновилъ французскаго короля; онъ выдумаетъ особую политику, особую Европу,—было бы о чемъ поболтать" *(стр. 80)*. Очень недурно еще это замѣчаніе: „Пороки петербургскіе происходятъ отъ напряженной дѣятельности, отъ желанія выказаться, отъ тщеславія и честолюбія; пороки московскіе происходятъ отъ отсутствія дѣятельности, отъ недостатка живой цѣли въ жизни, отъ скуки и тяжелой барской лѣни" *(стр. 83)*. На счетъ жены пріятеля *Ивана Васильевича* пошли по Москвѣ сплетни, за которыя онъ трепалъ одинъ хохолъ и одни усы и вызвалъ ихъ на дуэль. А между тѣмъ жить ему съ женой было совершенно нечѣмъ, потому что онъ промоталъ все до копѣйки. Такъ какъ „русскій человѣкъ крѣпокъ заднимъ умомъ", онъ тогда только замѣтилъ, что у его жены есть и хорошія качества, и что онъ ее любитъ; жена его поняла то же въ отношеніи къ нему. Вызванные имъ на дуэль хохолъ и усы распорядились такъ, что его, за вызовъ, отправили на телѣгѣ во Владиміръ, гдѣ онъ и обрѣтался подъ присмотромъ полиціи, а жена его уѣхала въ Петербургъ къ отцу.

Этотъ разсказъ произвелъ на *Ивана Васильевича* тяжелое впечатлѣніе и заставилъ попризадуматься. Онъ вспомнилъ о своемъ путешествіи:

„Въ Германіи удивила меня глупость ученыхъ; въ Италіи страдалъ я отъ холода; во Франціи опротивѣла мнѣ безнравственность и нечистота. Вездѣ нашелъ я подлую алчность къ деньгамъ, грубое самодовольствіе, всѣ признаки испорченности и смѣшныя притязанія на совершенство. И поневолѣ полюбилъ я тогда Россію и рѣшился посвятить остатокъ дней на познаніе своей родины. И похвально бы, кажется, и нетрудно.

Только теперь вотъ вопросъ: какъ ее узнаешь? хватился я сперва за древности,—древностей нѣтъ. Думалъ изучить губернскія общества,—губернскихъ обществъ нѣтъ. Всѣ они, какъ говорятъ, форменныя. Столичная жизнь — жизнь не русская, перенявшая у Европы и мелочное образованіе и крупные пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ быть, въ простомъ народѣ, въ простомъ вседневномъ быту русской жизни? Но вотъ я ѣду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая, земли, земли, земли столько, что глаза устаютъ смотрѣть, дорога скверная... по дорогѣ идутъ обозы... мужики ругаются... Вотъ и все... а тамъ, то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнамъ ползаютъ, то щи сальными свѣчами пахнутъ... Ну, можно ли порядочному человѣку заниматься подобною дрянью?.. И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрезвычайности и отдохнуть не дастъ... Нѣтъ ничего новаго, ничего неожиданнаго. Все то же да то же... и завтра будетъ какъ нынче. Здѣсь станція, а тамъ еще та же станція; здѣсь староста, который проситъ на водку, а тамъ опять до безконечности все старосты, которые просятъ на водку... что же я стану писать? Теперь я понимаю Василія Ивановича. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, когда увѣрялъ, что мы не путешествуемъ и что въ Россіи путешествовать невозможно. Мы просто ѣдемъ въ Мордасы. Пропали мои впечатлѣнія!" (*стр.* 88—89).

Бѣдный *Иванъ Васильевичъ!* Жалкая карикатура на донъ-Кихота! У него голова устроена рѣшительно вверхъ ногами: тамъ, гдѣ земля усѣяна развалинами рыцарскихъ замковъ и готическими соборами, онъ видѣлъ только мельницы и барановъ и сражался съ ними; а тамъ, гдѣ только мельницы и бараны, онъ ищетъ рыцарей!.. Въ уѣздномъ городишкѣ онъ спрашивалъ у мужика:

„—А что здѣсь любопытнаго? — Да чему, батюшка, быть любопытному! Кажись, ничего нѣтъ.— „Древнихъ строеній нѣтъ?"—Никакъ нѣтъ-съ... Дабишь... былъ точно деревянный острогъ, нѣча сказать, никуда не годился... да и тотъ въ прошедшемъ году сгорѣлъ. — „Давно, видно, былъ построенъ?"—Нѣтъ-съ, не такъ давно, а лѣсомъ мошенникъ подрядчикъ надулъ совсѣмъ. Хорошо, что и сгорѣлъ... право-съ. „А много здѣсь живущихъ?"—Нашей братьи мѣщанъ довольно-съ, а то служащіе только.—„Городничій?"—Да-съ извѣстное дѣло, городничій, судья, исправникъ и прочіе — весь комплектъ.—„А какъ они время проводятъ?"— Въ присутствіе ходятъ, пуншты пьютъ, картишками тѣшатся... Да-бишь: — теперь у насъ за городомъ цыганскій таборъ, такъ вотъ они повадились въ таборъ таскаться. *Словно московскіе баря, или купецкіе сынки.* Такой куражъ, что чудо. Судья на скрипкѣ играетъ, Артамонъ Ивановичъ, засѣдатель, отхватываетъ вприсядку; ну и хмельного-то тутъ не занимать стать... Гуляютъ себѣ да и только. Эвтакая, знать, нація (*стр.* 90—91)."

И вотъ наши путешественники въ таборѣ. *Иванъ Васильевичъ* прежде всего огорчился, увидѣвъ на Цыганкахъ жалкіе европейскіе костюмы: такой чудакъ! Потомъ онъ чуть не заплакалъ съ отчаянія, когда Цыганки запѣли не дикую кочевую пѣсню, а русскій водевильный романсъ. Вынувъ изъ галстука золотую булавочку, онъ подарилъ ее красавицѣ Наташѣ, съ тѣмъ, чтобъ она ходила въ своемъ національномъ костюмѣ и не пѣла русскихъ пѣсенъ... Больше этого быть шутомъ не позволяется человѣку, и сантиментальное донъ-кихотское фразерство *Ивана Васильевича* въ этомъ смѣшномъ поступкѣ дошло до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Что бы онъ могъ еще сдѣлать?—развѣ жениться на Наташѣ, замѣтивъ въ ней какія-нибудь добрыя качества... Но довольно и

того, что̀ уже сдѣлалъ онъ, чтобъ Наташа смѣялась надъ нимъ цѣлую жизнь...

Зато степная натура Василія Ивановича плавала въ блаженствѣ. Онъ забывалъ и себя и грозную свою Авдотью Петровну, улыбался, притопывалъ, прищелкивалъ, сыпалъ въ жадную толпу двугривенными и четвертаками и прикрикивалъ: „а вотъ эту пѣсню, а вотъ ту“, и т. д. Это для него была истинная итальянская опера, единственная доступная ему. Въ заключеніе онъ бросилъ Цыганамъ десятирублевую ассигнацію... Это называется широкимъ разметомъ русской души, богатырствомъ. Иностранецъ выпьетъ бутылку шампанскаго; Русскій одну выпьетъ, а другую выльетъ на полъ: изъ этого нѣкоторые выводятъ такое слѣдствіе, что у людей гніющаго Запада мышиныя натуры, а у насъ— чисто медвѣжьи...

Эпизодъ объ интригѣ мѣщанина съ женою частнаго пристава разсказанъ съ неподражаемымъ, истинно-художественнымъ совершенствомъ и превосходно заканчиваетъ собою картину жизни уѣзднаго города...

Теперь послушаемъ проповѣдь *Ивана Васильевича* противъ русской литературы, до которой, какъ и до всякой другой, *Василію Ивановичу* никакой нужды не было; — это однакожъ не помѣшало его спутнику ораторствовать громко, фразисто, книжно, съ надутымъ восторгомъ и натянутымъ негодованіемъ. Подобно Ивану Александровичу Хлестакову, который безграмотнымъ людямъ объявилъ рѣшительно, что все, что̀ ни пишется и ни издается въ Петербургѣ, все это — его сочиненіе, — *Иванъ Васильевичъ* также рѣшительно объявилъ безграмотному *Василію Ивановичу*, что литература теперь вездѣ — торговля и спекуляція, и что „въ Европѣ чистыя чувства задушены пороками и разсчетомъ“ (стр. 110). Что нужды, что *Иванъ Васильевичъ*, какъ мы уже видѣли выше, ничему не учился, ничего не читалъ и—можно побиться о закладъ—понятія не имѣетъ о нравственномъ движеніи и литературѣ современной Европы: ему тѣмъ легче корчить судью грознаго и неумолимаго, и изрекать приговоры рѣшительные и неизмѣнные! Вѣдь и *Василію Ивановичу*, который въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ и совершенно равнодушенъ къ нему, вѣдь ему все равно, и онъ не помѣшаетъ болтать этому витязю, сражающемуся съ мельницами и баранами... Всего больше досталось отъ него русской литературѣ. Онъ раздѣлилъ ее на двѣ литературы: на благородную и подлую, на безкорыстную и торговую, на даровитую и бездарную. „Одна *даровитая*, но *усталая*, которая показывается въ люди рѣдко, смиренно, иногда съ улыбкою на лицѣ, а всего чаще съ тяжкою грустью на сердцѣ. Другая наша литература, напротивъ, кричитъ на всѣхъ перекресткахъ, чтобъ только ее приняли за настоящую русскую литературу, и не узнали про настоящую... Оттого наши даровитые писатели всегда удалялись и теперь удаляются отъ ея прикосновенія, опасаясь быть замѣшанными въ ея странную дѣятельность“ (*стр.* 111). Вотъ какіе бѣлоручки, подумаешь! Имъ нельзя писать и дѣйствовать потому только, что наша литература, подобно всѣмъ литературамъ въ мірѣ, бывшимъ, сущимъ и будущимъ, имѣетъ свои пятна, свои темныя стороны! Чтобъ они могли писать, для этого нужно сперва настрого запретить писать всѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, недостоинъ писать въ то время, когда они сами изволятъ писать! Иначе они станутъ появляться на литературномъ поприщѣ рѣдко и смиренно, чуть не со слезами на глазахъ, будутъ удаляться отъ его прикосновенія, опасаясь быть замѣшанными въ его странную дѣятельность! *Иванъ Васильевичъ* и не подозрѣваетъ, что подобными обсахаренными и переслащенными комплиментами онъ дѣлаетъ смѣшными тѣхъ, кого прославляетъ. Изъ этого видно, что онъ и о русской литературѣ имѣетъ такое же ясное понятіе, какъ о европейской, и что русскую литературу онъ изучалъ за границею — по столовымъ картамъ въ трактирахъ. У кого есть талантъ, тотъ съ особеннымъ жаромъ дѣйствуетъ именно тогда, когда въ литературѣ застой, бездарность и духъ спекуляціи. Только маленькіе таланты, или таланты самозванные, прославленные въ своемъ кружкѣ и признанные за геніевъ своими пріятелями, удаляются отъ литературы въ ея бѣдномъ, безпомощномъ состояніи. Если наши таланты, истинные и большіе, рѣдко напоминаютъ о себѣ своими новыми произведеніями, — значитъ, или они лѣнивы, или имъ нечего писать, или не о чемъ писать. Можетъ быть, нашлись бы и другія причины, только совсѣмъ не тѣ, о которыхъ декламируетъ *Иванъ Васильевичъ*... Если ужъ предположить, что истинный талантъ можетъ не писать изъ презрѣнія къ настоящему положенію литературы, то ужъ не долженъ писать совсѣмъ и никого не смѣшить рѣдкими появленіями, какъ признаками невыдержаннаго характера. А между тѣмъ, изъ живущихъ теперь литераторовъ и писателей нѣтъ ни одного, который бы хоть изрѣдка не показывался, если ужъ не съ чѣмъ-нибудь дѣльнымъ, то хоть со стишками—вѣдь привычка другая натура! Когда начиналась „Библіотека для Чтенія“, въ нее всѣ бросились со своими вкладами, отъ Пушкина и Жуковскаго до людей съ самыми маленькими именами. Пересчитывать же имена для доказательства, что и теперь пишутъ всѣ, которые и прежде пи-

сали — трудъ совсѣмъ лишній: нѣтъ рѣшительно ни одного имени въ подтвержденіе такъ нелѣпо выдуманнаго *Иваномъ Васильевичемъ* факта... Многимъ покажется странно, что мы такъ вооружились противъ лица, существующаго въ книгѣ, а не въ дѣйствительности. Въ томъ-то и горе, что *Ивановъ Васильевичей* слишкомъ много въ дѣйствительности; мы не даромъ говорили, что даровитый авторъ „Тарантаса“ слишкомъ хорошо проникъ мыслію въ типъ людей этого рода и такъ художественно вѣрно воспроизвелъ его. Эти-то *Иваны Васильевичи* издавна уже твердятъ и повторяютъ время отъ времени, будто нашимъ даровитымъ писателямъ то негдѣ печататься, то вовсе нельзя писать, по причинѣ торговаго и недобросовѣстнаго направленія литературы,—и мы очень рады случаю отбить охоту у этихъ господъ повторять подобныя нелѣпости. *Иванъ Васильевичъ* въ особенности сердитъ на русскую критику, какъ въ „Горе отъ Ума“ Скалозубъ (?) сердитъ на басню, и называетъ ее „чудовищной неблагопристойностью“. Это понятно: мыши не любятъ кошекъ. Извѣстное дѣло, *Иваны Васильевичи* большіе охотники „пописать, иногда прозою, иногда стишками — какъ выкинется“ (какъ говоритъ Хлестаковъ); но критика мѣшаетъ имъ попасть въ геніи, т.-е. выдавать всякій вздоръ за удивительныя красоты поэзіи. Разумѣется, и русская критика, подобно всякой отрасли русской литературы, имѣетъ свои пятна и черныя стороны; но изъ этого не слѣдуетъ бросать анаѳему на всю критику, которая принесла и приноситъ столько пользы и литературѣ и публикѣ очищеніемъ вкуса, преслѣдованіемъ ложныхъ авторитетовъ и ложныхъ произведеній. Мы понимаемъ, впрочемъ, что̀ разумѣютъ *Иваны Васильевичи* подъ критикою благородною и благопристойною: критику безъ убѣжденій, безъ принциповъ, безъ энергіи, безъ жара, безъ души, безъ оригинальности, безъ таланта, холодную, мелочную,—критику, которая выѣзжаетъ на общихъ мѣстахъ, кадитъ признаннымъ знаменитостямъ за все, что̀ бы ни написали онѣ, не смѣетъ признать новаго таланта, рабски угождаетъ своей партіи и бросаетъ камешки изъ-за угла только въ чужихъ, — наконецъ, критику, на которую никто не сердится, которой никто не ненавидитъ, потому что всѣ презираютъ ее. Такая критика есть полное выраженіе слабенькихъ и пошленькихъ натуръ *Ивановъ Васильевичей*. Чтобы хорошенько поразить ненавистную ему критику, *Иванъ Васильевичъ* представляетъ ее въ видѣ заморскаго шута, который коверкается передъ мужиками, а мужики на него не хотятъ и смотрѣть: очень остроумно! жаль только, что нимало неправдоподобно и натянуто, потому что критика пишется не для мужиковъ, и мужики не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о ея существованіи. „Русскій человѣкъ“ (продолжаетъ декламировать *Иванъ Васильевичъ*) „не отзовется ни на одинъ голосъ ему незнакомый и непонятный. Ему не то надо. Ему давай родные звуки, родныя картины, чтобъ забилось его сердце, чтобъ засвѣтлѣло въ его душѣ“. Что за фразы! какая реторика!.. Далѣе *Иванъ Васильевичъ* предлагаетъ рѣшительную мѣру: выбросить за окошко все, что̀ сдѣлано слишкомъ столѣтіемъ и что̀ дѣйствительно существуетъ, и замѣнить это тѣмъ, что̀ проблематически существуетъ въ головахъ славянофильскихъ... Какой яростный реформаторъ — ему все ни по чемъ! Сказано — и сдѣлано! Въ заключеніе, онъ зоветъ нашихъ поэтовъ и писателей въ мужицкую избу — набираться тамъ мудрости. Особенно совѣтуетъ онъ слушать со вниманіемъ слова умирающаго мужика: въ этихъ словахъ, по его убѣжденію, заключается богатое содержаніе для литературы... Что за пустой человѣкъ *Иванъ Васильевичъ!..*

Тарантасъ повстрѣчалъ карету, у которой опустилась рессора и лопнула шина. Въ каретѣ *Иванъ Васильевичъ* узналъ русскаго князя, съ которымъ познакомился за границей. Этотъ князь варварскимъ русскимъ языкомъ, испещреннымъ галицизмами, кричитъ на ямщиковъ и лакеевъ и каждому сулитъ по пятисотъ палокъ. „Въ деревню ѣду (говоритъ князь *Ивану Васильевичу*). Нечего дѣлать. Бурмистръ оброка не высылаетъ; чортъ ихъ знаетъ, что пишутъ. Неурожай у нихъ тамъ какой.то, деревня какая-то сгорѣла. А мнѣ что за дѣло? Я человѣкъ европейскій, я не мѣшаюсь въ дѣла своихъ крестьянъ; пускай живутъ какъ хотятъ, только чтобъ деньги доставляли аккуратно. Я ихъ наскрозь знаю. Такіе мошенники, что ужасти. Они думаютъ, что я за границей, такъ они могутъ меня обманывать. Да я знаю, какъ надо поступать. Сыновей бурмистра въ рекруты, неплательщиковъ въ рабочій домъ, возьму весь доходъ на годъ впередъ, да на зиму въ Римъ“ (стр. 122). Къ несчастію, портретъ этого *Европейца* не совсѣмъ невѣренъ: бываютъ такіе. Хуже всего въ этихъ выродкахъ то, что многіе добродушные невѣжды по нимъ дѣлаютъ свои заключенія о русскихъ путешественникахъ и пользѣ путешествій вообще. Простодушнымъ невѣждамъ трудно растолковать, что люди бываютъ всякіе: одни, побывавъ за границей, дѣлаются еще хуже и дерутся еще больнѣе; а другіе перемѣняются къ лучшему и научаются уважать человѣческое достоинство даже и въ своемъ собственномъ лакеѣ...

Разъ *Иванъ Васильевичъ* былъ не въ духѣ и, презрительно поглядывая на своего спутника, говорилъ про себя: „О, дубина, дубина, самоваръ безтолковый, подъяческая природа, ты самъ не что иное, какъ тарантасъ, уродливое созданіе, начиненное дрянными предразсудками, какъ тарантасъ начиненъ перинами. Какъ тарантасъ, ты не видишь ничего лучше степи, ничего далѣе Москвы. Лучъ просвѣщенія не пробилъ твоей толстой шкуры. Для тебя искусство сосредоточивается въ вѣтряной мельницѣ, наука въ молотильной машинѣ, а поэзія въ ботвиньѣ, да въ кулебякѣ. Дѣла тебѣ нѣтъ до стремленія вѣка, до современныхъ европейскихъ задачъ. Были бы у тебя лишь щи, да баня, да погребецъ, да тарантасъ, да плѣсень твоя деревенская. Дубина ты, Василій Ивановичъ!“ (*стр. 143*). Вся эта филиппика устремлена противъ *Василія Ивановича* за то, что онъ не хотѣлъ помедлить въ Нижнемъ и дать оратору время изучать Россію на ярмаркѣ. Но *Василій Ивановичъ* тотчасъ же представился своему спутнику совсѣмъ съ другой стороны — истиннымъ благодѣтельнымъ помѣщикомъ — точь-въ-точь какъ представляютъ ихъ въ дивертиссманахъ на нашихъ театрахъ. Тутъ все дѣло вертится на любви крестьянъ къ господамъ, внушенной имъ уже самою природою, и еще на томъ, что Авдотья Петровна сама лѣчитъ больныхъ простыми средствами. Изъ всего этого выводится слѣдствіе, что все хорошо, какъ есть, и никакихъ измѣненій къ лучшему, особенно въ иноземномъ духѣ, вовсе не нужно. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему больница и докторъ, развращенный познаніями гнилого Запада, — къ чему они тамъ, гдѣ всякая безграмотная баба умѣетъ лѣчить простыми средствами?.. Какъ бы то ни было, но *Иванъ Васильевичъ* (чувствительная душа!) чуть не расплакался при разсказѣ *Василія Ивановича* о томъ, какъ будетъ онъ встрѣченъ своими мужиками, которые на радости свиданія съ бариномъ предстанутъ предъ его свѣтлыя очи, кто съ индюкомъ подъ мышкою, кто съ ковригой хлѣба. Эта сцена изображена на картинкѣ: *Василій Ивановичъ* съ своею полурусскою и полу-татарскою физіономіею, а мужички съ греческими лицами героевъ *Иліады*, можетъ быть, въ ознаменованіе того, что всѣ мужики — красавцы, и непріятныхъ физіономій между ними не бываетъ.

Въ заштатномъ городѣ неизвѣстнаго званія тарантасъ измѣнилъ довѣренности друга своего, *Василія Ивановича*, и потребовалъ починки. Кузнецъ, впрочемъ, незнакомый съ развратнымъ Западомъ, запросилъ за починку 50 рублей, а согласился за три цѣлковыхъ. Съ горя путешественники наши зашли въ харчевню напиться чаю. Тамъ сидѣли купцы, чистые Русаки, нисколько незнакомые съ развращеннымъ Западомъ. Одинъ изъ нихъ хвастался, какъ онъ купилъ у проигравшагося въ карты помѣщика скверной муки, смѣшалъ ее съ хорошею, да и продалъ въ Рыбинскѣ за лучшій сортъ. „Что-жъ, *„коммерческое дѣло!“* сказалъ одинъ.—Оборотецъ извѣстный, прибавилъ другой“ (*стр. 162*). Разумѣется, они пили чай, держа блюдечки на растопыренной пятернѣ, и потъ ручьями катился съ ихъ физіономій,—но попадалъ ли въ блюдечки, объ этомъ авторъ ничего не говоритъ. Вообще, купцы изображены превосходно, и наблюдательный талантъ автора торжествуетъ въ этомъ изображеніи такъ же, какъ и вездѣ, гдѣ приходится ему изображать. Очень ловко съумѣлъ онъ заставить ихъ высказать передъ *Иваномъ Васильевичемъ*, который думалъ, что онъ видитъ все это во снѣ—такъ пораженъ онъ былъ принципами этой особой „коммерціи“, которая избѣгаетъ, по возможности, векселей и всякихъ формальностей, и вертится на навыкѣ, рутинѣ, обмѣнѣ и плутняхъ. Какъ ни убѣждалъ онъ ихъ въ превосходствѣ правильной, систематической европейской коммерціи передъ этимъ испорченно-восточнымъ барышничествомъ на авось,—купцы остались при своемъ. Одинъ изъ нихъ, сѣдой, помолчавъ нѣсколько, сказалъ:

— Вы, можетъ быть, кое-что, признательно сказать, и справедливо тутъ говорите, хошь и больно грозное. Да изволите видѣть, люди-то мы не грамотные. Дѣловъ всѣхъ разсудить не въ состояніи, какъ разъ подвернутся французы, да аферисты, заведутъ компаніи, а тамъ, глядишь, и поклонился капиталу. Чего добраго, въ несостоятельные попадешь. Нѣтъ ужъ, батюшка, по старому-то оно не такъ складно, да ладно. Нашъ порядокъ съистари такъ ведется. Отцы наши такъ дѣлали и не промотались, слава Богу, и капиталъ намъ оставили. Да вотъ-съ, и мы потрудились на своемъ вѣку, и тоже, слава Богу, не промотали отцовскаго благословенія, да и дѣтей своихъ надѣлили. А дѣти пущай дѣлаютъ какъ знаютъ. Ихняя будетъ воля... Да не прикажете ли, сударь, чашечку?

— Нѣтъ, спасибо.

— Одну хоть чашечку.

— Право не могу...

— Со сливочками!.. (*стр. 170*).

Въ большомъ селѣ, гдѣ былъ праздникъ, *Иванъ Васильевичъ* пустился изучать русскую народность, но его аристократическій носъ безпрестанно отворачивался отъ народныхъ сценъ, которыя, какъ извѣстно, бываютъ грязноваты не у насъ однихъ. Увидя молодицъ, онъ поправилъ на себѣ пальто и, въ надеждѣ вѣрнаго эффекта, подошелъ къ толпѣ.

„Однако онъ ошибся. Здоровая, румяная дѣвка указывала на него довольно нахально, обращаясь къ подругамъ: „Вишь какой облизанный Нѣмецъ идетъ!“

Молодицы засмѣялись, а парень въ красной рубашкѣ вмѣшался въ разговоръ:

— Эка зубастая Матреха. Смотри, *рыло разобью*!

Матреха улыбнулась.

— Вишь больно напужалъ... Озарникъ этакой. Я и сама такъ тресну, что сдачи не попросишь" *(стр. 220)*.

Насладившись этою сценою сельской идилліи и рыцарской любезности, нашъ изыскатель наткнулся на раскольника и попробовалъ допроситься у мужика, что̀ за секта, много ли у нихъ раскольниковъ, и проч. Но на всѣ свои вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: „по старымъ книгамъ". Далѣе, пьяный солдатъ разсказывалъ, какъ онъ ходилъ подъ Турку и объяснялъ причину войны тѣмъ, что „турецкій салтанъ, по ихъ нѣмецкому языку вишь государь такой значитъ, прислалъ къ нашему Царю граммату: я „хочу-де, чтобъ ты посторонился, а то мѣста не даешь; да изволь-ка еще окрестить всѣхъ твоихъ православныхъ въ нашу языческую поганую вѣру", и проч. *(стр. 225)*. Долго еще бродилъ *Иванъ Васильевичъ*, много еще видѣлъ пьяныхъ сценъ, а народности все не нашелъ. Мимо его промчался на тройкѣ засѣдатель, и *Иванъ Васильевичъ* воскликнулъ: „О, чиновники! Ужъ не вы ли, по привычкѣ къ воровству, украли у насъ народность!" *(стр. 231)*. Вотъ что̀ называется съ больной-то головы да на здоровую! Ужъ не чиновникъ ли, по привычкѣ къ воровству, укралъ у *Ивана Васильевича* способность смотрѣть прямо на вещи? Или онъ не получилъ ея отъ природы? Послѣднее вѣроятнѣе...

Какъ нарочно, при входѣ въ избу на слѣдующей станціи *Иванъ Васильевичъ* встрѣтилъ — *чиновника*. Это былъ исправляющій должность исправника, выѣхавшій навстрѣчу губернатору. *Василій Ивановичъ* пригласилъ его съ собою напиться чаю и спросилъ, давно ли онъ служитъ. — Съ восемьсотъ-четвертаго. „А почему вы служите по выборамъ?" лукаво спросилъ его *Иванъ Васильевичъ*. Чиновникъ объяснилъ свое житьё-бытьё очень просто, безъ реторики—и *Ивану Васильевичу* отчего-то стало грустно... Народность опять увернулась у него изъ-подъ рукъ. Отдернувъ занавѣсъ стоявшей въ сторонѣ кровати, онъ увидѣлъ на ней больного старика съ дѣтьми, и первое чувство этого *Европейца*, который такъ гнушается развратнымъ просвѣщеніемъ Запада, этого *либерала*, который такъ любитъ толковать объ отношеніяхъ мужика къ барину, — первое движеніе его было обидѣться, что простой станціонный смотритель осмѣлился не встать передъ нимъ, Европейцемъ и либераломъ 12-го класса!.. Оказалось, что старикъ давно лишился ногъ и, по милости начальства, должность за него правитъ его сынъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати. *Ивану Васильевичу* опять стало грустно, и его гнѣвъ на чиновниковъ утихъ.

Выѣхавъ въ Казань, *Иванъ Васильевичъ* словно помѣшался: такую дичь понесъ о Западѣ и Востокѣ, притиснувшихъ между собою бѣдное славянское начало, что у насъ рѣшительно нѣтъ силы и смѣлости остановиться на этой декламаціи, въ которой на каждомъ словѣ умъ за разумъ заходитъ. За нее Востокъ, въ лицѣ татаръ, надулъ *Ивана Васильевича*: продалъ ему за большія деньги разной дряни, которую опытный *Василій Ивановичъ* не хотѣлъ оцѣнить и въ 15 рублей ассигнаціями.

Но вотъ мы уже у послѣдней главы, которая оканчивается сномъ *Ивана Васильевича*. Это чудный сонъ: авторъ истощилъ въ немъ всю иронію и чудесно дорисовалъ имъ своего миніатюрнаго донъ-Кихота. Вообще, старикъ Дмитріевъ сказалъ о снахъ великую истину: „Когда же складны сны бываютъ?" Прибавьте къ этому, что сонъ этотъ видится такому человѣку, какъ *Иванъ Васильевичъ* — и трепещите заранѣе. А между тѣмъ, дѣлать нѣчего — станемъ бредить съ *Иваномъ Васильевичемъ*. Пропускаемъ подробности, какъ тарантасъ обратился въ птицу и попалъ въ пещеру съ тѣнями, какъ мертвые призраки подъячихъ гнались за *Иваномъ Васильевичемъ*, ругали его подлецомъ и каналью, и хотѣли растерзать живого. Намъ лучше хотѣлось бы пересказать все, что̀ видѣлъ онъ на землѣ, мчавшись на тарантасѣ-птицѣ по воздуху, но не умѣемъ, а выписать цѣликомъ—слишкомъ много. И потому, волею или неволею, пропускаемъ даже возрожденіе русскаго тарантаса на европейскую стать, и спѣшимъ къ встрѣчѣ *Ивана Васильевича* съ тѣмъ княземъ, который недавно ругалъ своихъ людей въ сломанной каретѣ. Встрѣча воспослѣдовала въ Москвѣ, которая, въ чудномъ снѣ, по своей архитектурѣ переще-голяла Италію. „На головѣ его (князя) была бобровая шапка, станъ былъ плотно схваченъ тонкимъ суконнымъ полушубкомъ на собольемъ мѣху, а на ногахъ *желтые сафьяные сапоги* доказывали, по славянскому обычаю, его дворянское достоинство" *(стр. 274)*. Въ нравственномъ отношеніи князь такъ же измѣнился, какъ и наружно: онъ уже считаетъ глупостью путешествія... Почему? спросите вы: ужъ не изъ патріотизма ли?—Отчасти такъ.—Но, скажете вы: если въ чемъ всего менѣе можно упрекнуть Англичанъ, такъ это въ отсутствіи или недостаткѣ патріотизма; напротивъ, ихъ любовь къ отечеству переходитъ даже въ недостатокъ, въ порокъ, въ какое-то слѣпое и фанатическое пристрастіе ко всему англійскому,—и между тѣмъ вся Европа наводнена англійскими туристами, особенно Парижъ и Римъ. Это

правда, но вѣдь не забудьте, что́ за человѣкъ *Иванъ Васильевичъ*, и не забудьте, что все это онъ бредитъ во снѣ. Главная же причина, почему князь съ гордостію отвергаетъ въ Русскомъ даже возможность желанія путешествовать, состоитъ въ томъ, что Русскому въ эти блаженныя времена желтыхъ сафьянныхъ сапожекъ (какъ жаль, что эта эпоха не означена цифрами!), что Русскому тогда незачѣмъ будетъ ѣхать ни на западъ, ни на востокъ, ни на югъ, ни на сѣверъ, ибо въ огромной Россіи есть свой западъ и востокъ, югъ и сѣверъ. Изъ этого можно навѣрное заключить, что въ это вожделѣнное время, которое можетъ только представиться во снѣ, и то развѣ какому-нибудь *Ивану Васильевичу*, въ Россіи будетъ свой Римъ, свой Неаполь, свой Везувій, свое Средиземное Море, свои Альпы, своя Швейцарія, свой Гиммалай и Индія, словомъ, будетъ все, чего нѣтъ теперь, и что́ манитъ и раздражаетъ любопытство путешественниковъ всѣхъ странъ. Далѣе въ сію вожделѣнную желто-сапожную эпоху уже не будетъ существовать между народами братскаго размѣна идей, никакихъ связей торговли, науки, образованности, и новый Гумбольдтъ уже не поѣдетъ къ намъ изучать природу Уральскаго хребта!.. Нѣтъ, ужъ лучше бы князь по прежнему проматывался за границею и обнаружилъ свой европеизмъ пятью стами палокъ, чѣмъ вдаваться въ такую дикую философію!.. Да! чуть было не забыли мы: въ желто-сапожную эпоху будетъ процвѣтать *арзамасская* школа живописи, которая, вѣроятно, смѣнитъ собою нынѣшнюю *суздальскую*... Князь исчезъ — и *Иванъ Васильевичъ* очутился въ объятіяхъ своего пансіонскаго товарища,—того самаго, который на владимірскомъ бульварѣ разсказывалъ ему о себѣ „простую и глупую исторію“. Этотъ такъ же исправился, какъ и князь, и съ своею милою супругою сталъ идеаломъ семейнаго блаженства. Но главная его добродѣтель въ томъ, что онъ не завидуетъ богатымъ и безъ ума радъ, что бѣденъ... Позвольте! опять чуть было не забыли мы одного изъ самыхъ характеристическихъ обстоятельствъ желто-сапожной эпохи (въ которую процвѣтетъ Торжокъ, бойко торгующій сафьянными издѣліями): въ эту желто-сафьянную эпоху будутъ равно отвратительны и тунеядцы, надувающіеся глупою надменностью, и желчные завистники всякаго отличія (желтыхъ сапожекъ?) и всякаго успѣха (наслѣдства?), и голодная зависть нищей бездарности (стр. 277). Жаль, что *Иванъ Васильевичъ*, посѣтившій во снѣ эту славянофильскую эпоху, не выглядѣлъ въ ней ничего на счетъ зависти нищей даровитости, нищей геніальности: вѣроятно, таланты и геніи будутъ ходить въ красныхъ сапожкахъ, и потому имъ нечего будетъ завидовать желтымъ. Обращаемся къ семейному блаженству пансіонскаго товарища *Ивана Васильевича*.

„ — Есть на землѣ счастье! сказалъ *Иванъ Васильевичъ* съ вдохновеніемъ: — есть цѣль въ жизни... и она заключается...

— Батюшки, батюшки, помогите!.. Бѣда... помогите... Валимся, падаемъ!..

Иванъ Васильевичъ вдругъ почувствовалъ сильный толчокъ, и шлепнувшись обо что-то всей своей тяжестью, вдругъ проснулся отъ сильнаго удара.

— А... что?.. что такое?..

„Батюшки, помогите, умираю!“ кричалъ Василій Ивановичъ: „кто бы могъ подумать... тарантасъ опрокинулся“.

Въ самомъ дѣлѣ, тарантасъ лежалъ во рву вверхъ колесами. Подъ тарантасомъ лежалъ Иванъ Васильевичъ, ошеломленный нежданнымъ паденіемъ. Подъ Иваномъ Васильевичемъ лежалъ Василій Ивановичъ въ самомъ ужасномъ испугѣ. Книга путевыхъ впечатлѣній утонула навѣки на днѣ влажной пропасти. (Туда ей и дорога! скажемъ мы отъ себя). *Сенька* висѣлъ внизъ головой, зацѣпясь ногами за козлы...

Одинъ ямщикъ успѣлъ выпутаться изъ постромокъ и уже стоялъ довольно равнодушно у опрокинутаго тарантаса... Сперва оглядѣлся онъ кругомъ, нѣтъ ли гдѣ помощи, а потомъ хладнокровно сказалъ вопіющему Василію Ивановичу:

„Ничего, ваше благородіе!“

Превосходно! Юморъ какого бы ни было автора, хотя бы съ талантомъ первой величины, не могъ лучше прервать вздорнаго сна и лучше закончить прекрасной книги... Нельзя не согласиться, что юморъ автора „Тарантаса“ тѣмъ болѣе исполненъ глубины и жолчи, что онъ замаскированъ удивительнымъ спокойствіемъ, такъ что мѣстами читателю можетъ казаться, будто авторъ раздѣляетъ образъ мыслей своего жалкаго и смѣшного героя, этого маленькаго донъ-Кихота въ миніатюрѣ и въ каррикатурѣ. Между тѣмъ, ясно, что эта книга, по ея тонкому и глубокому юмору, принадлежитъ къ разряду книгъ въ родѣ *Epistolae obscurorum Virorum*, *Писемъ Юнія* и *Lettres Persanes* Монтескье. Славянофилы, въ лицѣ *Ивана Васильевича*, получили въ ней страшный ударъ, потому что ничего нѣтъ въ мірѣ страшнѣе смѣшного; смѣшное — казнь уродливыхъ нелѣпостей. Какъ! эти люди... но оставимъ людей и поговоримъ объ одномъ человѣкѣ — объ *Иванѣ Васильевичѣ*... Какъ! этотъ человѣкъ съ жидкою натурою, слабою головою, безъ энергіи, безъ знаній, безъ опытности, съ одною мечтательностью, съ однѣми пошлыми фантазійками, могъ вообразить, что онъ нашелъ дорогу, на которую Россія должна своротить съ пути, указаннаго ей ея великимъ преобразователемъ!.. Комары, мошки хотятъ поправлять и передѣлывать громадное зданіе, сооруженное исполиномъ!.. Близорукіе, косые, кривые и слѣпые, они хотятъ заглядывать въ будущее

и думаютъ видѣть его такъ же ясно, какъ и настоящее! Ихъ маленькому самолюбію не приходитъ въ голову, что и настоящееето въ ихъ головѣ отражается невѣрно, какъ въ кривомъ или разбитомъ зеркалѣ. Головы, устроенныя вверхъ ногами, они мыслятъ вѣчно заднимъ числомъ, и если имъ удается замѣтить кое-что такое, что̀ всѣмъ бросается въ глаза и что̀ на всѣхъ производитъ грустное и тяжелое впечатлѣніе,—они ждутъ исцѣленія не отъ будущаго, но вычеркивая настоящее (какъ будто бы его вовсе не было, или какъ будто бы оно не есть необходимый результатъ прошедшаго), обращаются къ давно прошедшему, котораго или вовсе не знаютъ, или плохо знаютъ, смотря на него въ очки своей фантазіи,— и посредствомъ какого-то невозможнаго, чудовищнаго salto mortale хотятъ выдвинуть это давно прошедшее мимо настоящаго, прямо въ будущее. Не понимая современнаго, не будучи гражданами никакой эпохи, никакого времени (потому что кто живетъ внѣ настоящаго, современнаго, тотъ нигдѣ не живетъ), новые донъ-Кихоты, они сочинили себѣ одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ убѣжденій, которыя такъ близки къ толкамъ старообрядческихъ сектъ, основанныхъ на мертвомъ пониманіи мертвой буквы, и изъ этого убѣжденія сдѣлали себѣ новую Дульцинею тобозскую, ломаютъ за нее перья и льютъ чернила. Не понимая, что у нихъ нѣтъ и не можетъ быть противниковъ (потому что невинное помѣшательство пользуется счастливою привилегіею не имѣть враговъ), — они выдумываютъ, ищутъ себѣ враговъ, и думаютъ видѣть главнаго своего врага въ просвѣщеніи Запада; но Западъ не хочетъ и знать о ихъ существованіи: онъ идетъ себѣ куда указало ему Провидѣніе, не замѣчая ни ихъ бумажныхъ шлемовъ, ни ихъ деревянныхъ копій... Подобныя нелѣпости давно уже требовали одной изъ тѣхъ жестокихъ и бьющихъ на смерть сатиръ, которыми можетъ поражать только художественный талантъ... *Тарантасъ* графа Соллогуба явился такою сатирою, исполненною ума, остроумія, мысли, юмора, художественности...

Мы все сказали. Прощайте же, *Иванъ Васильевичъ*! Спасибо вамъ: вы заняли насъ, вы и посердили и позабавили насъ на свой счетъ. Прощайте, смѣшной и жалкій донъ-Кихотъ! Вѣчное спасибо вамъ за то, что вы сказали всему свѣту, какъ зовутся по имени и по отчеству люди извѣстнаго разряда: ихъ зовутъ *Иванами Васильевичами*...

Прощай, *Тарантасъ!* прощай, книга умная, даровитая и—что̀ всего важнѣе—книга *дѣльная!*.. Благодаримъ тебя за наслажденія, которыми подарила ты насъ и которыхъ, вѣроятно, долго-долго не дождаться намъ, потому что такія книги и не у насъ рѣдко появляются... 1845 г.

---

51. Опытъ исторіи русской литературы.

Сочиненіе проф. *А. Никитинко.* Спб. 1845.

Въ 1842 году Бѣлинскій написалъ большую статью по поводу „Рѣчи о критикѣ“ Никитенко (№ 40); теперь, три года спустя, онъ начинаетъ свою статью о книгѣ того же Никитенко краткимъ очеркомъ исторіи русской критики: это связываетъ настоящую статью съ указанной выше. Не въ этомъ однако заключается главная черта настоящей статьи, а въ томъ, что статья эта является какъ бы резюмирующей цѣлаго ряда статей 1838—1845 гг. по вопросу объ опредѣленіи слова *литература* и о разграниченіи понятій „искусство“ и „беллетристика“. Мы постоянно обращали вниманіе читателей на это характерное для Бѣлинскаго разграниченіе; не будемъ поэтому еще разъ подробно останавливаться на этомъ вопросѣ и ограничимся указаніемъ на наши вступительныя замѣтки къ статьямъ №№ 12. 20, 26, 29, 30 и др., въ которыхъ этому вопросу посвящено много мѣста. Напомнимъ только, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все снисходительнѣе и одобрительнѣе относился Бѣлинскій къ „беллетристикѣ“, противопоставляемой искусству, „художественности“.

Никитенко въ своей книгѣ противопоставилъ понятія „литературы“ и „науки“; Бѣлинскій доказалъ методологическую ошибочность такого разграниченія и указалъ, что наука, какъ діалектическое, спекулятивное развитіе истины, можетъ быть противопоставлена только искусству, какъ интуитивному, „непосредственному“ развитію истины: говоря такъ, Бѣлинскій только повторилъ свое опредѣленіе искусства изъ статьи „Идея

искусства", написанной еще въ 1841 г. (см. № 28). Опредѣливъ такъ „искусство", Бѣлинскій тотчасъ же перешелъ къ своей излюбленной мысли о противопоставленіи искусства (т.-е. „художественности", „поэзіи") и „беллетристики". Беллетристика, это — искусство, художественность, поэзія, приспособленныя для толпы, для массы; а потому и общественное значеніе „беллетристики" громадно. Беллетристическія произведенія необходимы, — говоритъ Бѣлинскій: — „они имѣютъ великое значеніе, великій смыслъ. Само искусство такъ же не замѣнитъ ихъ, какъ и они не замѣнятъ искусства... Они—искусство толпы; безъ нихъ толпа была бы лишена благодѣяній искусства. Сверхъ того въ беллетристикѣ выражаются потребности настоящаго, дума и вопросъ дня... Слѣдовательно, подобныя произведенія, такъ же какъ и наука и искусство, бываютъ живыми откровеніями дѣйствительности, живою почвою истины и зерномъ будущаго". Такимъ образомъ, по мысли Бѣлинскаго, искусство измѣряется эстетическимъ критеріемъ, а беллетристика—критеріемъ соціальной пользы; если имѣть въ виду ту „соціальную" точку зрѣнія, на которой давно уже стоялъ Бѣлинскій, то станетъ понятнымъ все болѣе и болѣе сочувственное отношеніе Бѣлинскаго къ „беллетристикѣ". Мы еще вернемся къ этому вопросу, говоря о самыхъ послѣднихъ статьяхъ Бѣлинскаго.

Что же касается настоящей статьи, то нельзя не отмѣтить, что въ ней Бѣлинскій слишкомъ высоко цѣнитъ и разбираемую имъ книгу Никитенко, и вообще этого писателя; это объясняется отчасти тѣми „западническими" воззрѣніями Никитенко, которыя Бѣлинскій цитируетъ въ настоящей статьѣ (громадная цитата о Петрѣ Великомъ и т. п.) Въ дѣйствительности Никитенко былъ типичнымъ „среднимъ" профессоромъ и писателемъ — умѣренно талантливымъ, умѣренно либеральнымъ; такимъ же былъ онъ и въ жизни—типичнымъ среднимъ человѣкомъ толпы, достигшимъ профессорскаго званія. Всѣ его писанія безнадежно однотонны, приличны сѣры, совершенно безличны; неудивительно, что всѣ его книги и критическія статьи давно уже забыты, за однимъ исключеніемъ: большую цѣнность имѣетъ и навсегда ее сохранитъ объемистый дневникъ Никитенко, опубликованный вскорѣ послѣ его смерти („Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ"; второе двухтомное изданіе 1905 г., съ примѣчаніями М. Лемке; первое изданіе— трехтомное, 1893 г.; впервые опубликовано въ „Русской Старинѣ" 1888 — 1892 гг.). Дневникъ этотъ представляетъ собою богатый матеріалъ для характеристики главнымъ образомъ николаевской эпохи.

Въ началѣ настоящей статья Бѣлинскій, говоря о различныхъ „опытахъ" исторіи русской литературы Максимовича, Шевырева, Никитенко, намекнулъ и о своей книгѣ, которую онъ началъ писать въ началѣ сороковыхъ годовъ и которую собирался выпустить „въ началѣ 1842 года" подъ заглавіемъ „Теоретическій и критическій курсъ русской литературы" (см. ст. № 27). Мы знаемъ, что вскорѣ онъ измѣнилъ предполагавшееся заглавіе (см. выше стр. 95 и 130) и что цѣлый рядъ статей былъ написанъ имъ въ связи съ этой предполагаемой книгой (см. статьи №№ 27, 28, 29, 30, 32, 40, 44, 52, 56 и др.); изъ настоящей статьи видно, что и теперь, въ 1845 году, Бѣлинскій не терялъ еще надежды написать цѣльную исторію русской литературы, хотя уже и не назначалъ срока выхода этой книги. „...Готовится сочиненіе,—пишетъ Бѣлинскій,—...подъ именемъ *Критической Исторіи Русской Литературы*...; впрочемъ, мы ничего не можемъ сказать положительнаго о времени выхода этого сочиненія"... Тяжелая журнальная работа и усиливающаяся болѣзнь не дали возможности Бѣлинскому составить это сочиненіе; но тѣмъ не менѣе въ собраніи его сочиненій мы имѣемъ лучшую изъ существующихъ критическую исторію русской литературы XVIII и половины XIX в. **И.-Р.**

Давно чувствуется всѣми настоятельная потребность въ исторіи русской литературы. Впрочемъ, въ послѣднее время обнаружились нѣкоторые признаки, по которымъ можно судить, что уже предпринята не одна попытка къ удовлетворенію этой потребности. Еще въ 1839 году г. Максимовичъ издалъ первую часть своей *Исторіи Древней Русской Словесности*: когда выйдетъ вторая часть, и выйдетъ ли она когда-нибудь,— намъ неизвѣстно, и потому эта попытка доселѣ остается попыткою, неперешедшею въ дѣло. Вышедшая теперь въ свѣтъ первая часть *Опыта Исторіи Русской Литературы* г. Никитенко была упреждена многочисленными чтеніями г. Шевырева въ *Москвитянинѣ*, касающимися до исторіи древней, преимущественно теологической, русской словесности, и предвѣщающими появленіе полной исторіи всей русской литературы. Къ этому мы можемъ присовокупить, что готовится и еще сочиненіе по тому же пред-

мету подъ именемъ *Критической Исторіи Русской Литературы* (преимущественно новой, съ обозрѣніемъ, въ видѣ введенія, произведеній народной поэзіи); впрочемъ, мы ничего не можемъ сказать положительнаго о времени выхода этого сочиненія. Во всякомъ случаѣ, нельзя не желать, чтобъ всѣ эти сочиненія вышли какъ можно скорѣе вполнѣ оконченныя: каковы бы ни были ихъ направленія и степень достоинства,—они не могутъ не способствовать довольно сильно движенію общественнаго сознанія въ столь важномъ предметѣ, какъ отечественная литература. И чѣмъ различнѣе и противоположнѣе въ своихъ взглядахъ и направленіяхъ будутъ всѣ эти сочиненія, тѣмъ больше принесутъ они пользы.

Есть три способа знакомиться съ литературою и изучать ее. Первый—чисто критическій, который состоитъ въ критическомъ разборѣ каждаго замѣчательнаго писателя; второй — чисто историческій, который состоитъ въ обозрѣніи хода и развитія всей литературы: здѣсь обращается больше вниманія на эпохи и на школы литературы, чѣмъ на отдѣльныя дѣйствующія лица. Третій способъ состоитъ въ соединеніи, по возможности, обоихъ первыхъ. Этотъ способъ самый лучшій. Во всякомъ случаѣ, вліяніе и важность критики не подвергаются никакому сомнѣнію. Первымъ критикомъ и, слѣдовательно, основателемъ критики въ русской литературѣ былъ Карамзинъ. Самая замѣчательная его критическая статья была *О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ*; къ числу критическихъ же его статей должно отнести и статью *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, въ которой онъ сообщаетъ краткія извѣстія, не чуждаясь мѣстами критическаго взгляда, о старинныхъ писателяхъ — *Несторѣ, Никонѣ, Матвѣевѣ* (Артемонѣ Сергѣевичѣ), царевнѣ *Софіи, Симеонѣ Полоцкомъ, Дмитріи Туптало, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ*, князѣ *Хилковѣ*, князѣ *Кантемирѣ, Татищевѣ, Климовскомъ, Буслаевѣ, Тредіаковскомъ, Сильвестрѣ Кулябкѣ, Крашенинниковѣ, Барковѣ, Гедеонѣ, Димитріи Сѣченовѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Ѳедорѣ Эминѣ, Майковѣ, Поповскомъ, Поповѣ.* Не говоримъ о множествѣ мелкихъ рецензій Карамзина въ его *Московскомъ Журналѣ* и *Вѣстникѣ Европы*, — рецензій, которыми онъ такъ много способствовалъ къ очищенію и утвержденію вкуса публики.—Кромѣ Карамзина, какъ критикъ, заслуживаетъ почетнаго упоминовенія современникъ его *Макаровъ*, изъ критическихъ статей котораго особенно замѣчательны: *Сочиненія и переводы Ивана Дмитріева* и *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка.* Онѣ были напечатаны въ его журналѣ *Московскій Меркурій*, который онъ издавалъ въ 1803 году.—Черезъ нѣсколько лѣтъ Жуковскій написалъ двѣ критическія статьи *о Сатирахъ Кантемира* и *Басняхъ Крылова.* Батюшковъ разобралъ сочиненія Муравьера (М. Н.) и писалъ объ *Освобожденномъ Іерусалимѣ* Тасса и сонетахъ Петрарки.—Князь Вяземскій долженъ быть упомянутъ, какъ одинъ изъ первыхъ критиковъ эпохи русской литературы до двадцатыхъ годовъ: онъ написалъ *О Жизни и Сочиненіяхъ Озерова, О Державинѣ* (по случаю смерти великаго поэта; статья эта напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* 1816 года, № 15) и другія критическія статьи, въ свое время очень замѣчательныя. — Но критикомъ по ремеслу, критикомъ ex-officio, во второе десятилѣтіе настоящаго вѣка былъ Мерзляковъ, писавшій въ особенности о Сумароковѣ и Херасковѣ. Въ то же время Мерзляковъ былъ и теоретикомъ поэзіи, какъ искусства.— Въ началѣ двадцатыхъ годовъ критики начали размножаться, и въ альманачныхъ *обозрѣніяхъ литературы* за тотъ или другой годъ видны попытки дѣлать очерки исторіи русской литературы. Представителями этой критики, поверхностной, безотчетной, но безпокойной и горячей, ратовавшей за такъ называемый романтизмъ противъ такъ называемаго классицизма,—критики, распространившей много поверхностныхъ и неосновательныхъ мыслей, но и принесшей большую пользу сближеніемъ литературы съ жизнію,— представителями этой критики были Марлинскій и г. Полевой. Послѣдній около десяти лѣтъ былъ главнымъ органомъ русской критики, черезъ свой журналъ — *Московскій Телеграфъ*. Потомъ, въ 1839 году, онъ издалъ, подъ именемъ *Очерковъ Русской Литературы*, свои важнѣйшія критическія статьи, въ двухъ томахъ: въ нихъ онъ показалъ крайніе предѣлы, до которыхъ могла доходить наша такъ называемая романтическая критика, — равно какъ и собственная его критическая тенденція. Въ самомъ дѣлѣ, еще до выхода этихъ двухъ томовъ г. Полевой уже отсталъ отъ самого себя, и началъ издавать такія произведенія, которыя еще такъ недавно и такъ жестоко преслѣдовала его критика и въ принципѣ и въ исполненіи. Поэтому на его *Очерки Русской Литературы* можно смотрѣть какъ на памятникъ, сооруженный авторомъ своей критической славѣ.—Г. Шевыревъ вышелъ на поприще критики вскорѣ послѣ г. Полевого. До тридцатыхъ годовъ характеръ и направленіе его критики носили отпечатокъ знакомства съ нѣмецкими эстетиками и вообще съ нѣмецкою литературою. Въ критикѣ его замѣтно было присутствіе чего-то похожаго на принципъ, и потому въ ней меньше было произвольныхъ мнѣній, чѣмъ въ критикѣ г. Полевого; но

со стороны таланта г. Шевыревъ далеко уступалъ г. Полевому,—и потому послѣдній имѣлъ большое вліяніе на современную ему литературу, а первый не имѣлъ на нее почти никакого вліянія. Съ тридцатыхъ годовъ критика г. Шевырева приняла какое-то quasi-итальянское направленіе; по крайней мѣрѣ онъ безпрестанно, и кстати и некстати, толковалъ о Дантѣ, Петраркѣ и Тассѣ, говоря о русскихъ писателяхъ. Это, вѣроятно, было слѣдствіемъ его пребыванія въ Италіи. Въ эту-то итальянскую эпоху своей критики г. Шевыревъ, во-первыхъ, напечаталъ знаменитое свое стихотвореніе, названное имъ *Чтеніе Данта* и начинающееся этимъ *безсмертнымъ* стихомъ:

Что въ морѣ купаться, то Данта читать!

во-вторыхъ, учинилъ два безцѣнныя критическія открытія касательно русской литературы: первое сдѣлано имъ по поводу разбора *Трехъ Повѣстей, Н. Павлова*, и мы передаемъ его, это открытіе, словами самого изобрѣтателя, г. Шевырева:

„Жизнь есть какое-то складное бюро, со множествомъ ящиковъ, между которыми есть одинъ глубокій, тайный ящикъ съ пружиной. Всѣ повѣствователи шарятъ въ этомъ бюро, но не всякому извѣстна пружина закрытаго ящика. Въ немъ-то лежитъ тайна повѣсти истинной, повѣсти глубокой. Авторъ повѣстей, мною разбираемыхъ, нашелъ путь къ этому секрету; онъ открылъ въ немъ маленькій уголокъ; но этотъ ящикъ чрезвычайно сложенъ. Въ немъ такъ много пружинъ и пружинокъ. Есть надежда, что и тѣ онъ откроетъ современемъ, послѣ такого прекраснаго начала; но есть святое мѣсто этого ящика, которое надо непремѣнно заранѣе открыть всякому повѣствователю, но которое нашъ авторъ только-что вскрылъ слегка, коснулся одной его поверхности. Въ этомъ ящикѣ лежитъ вещь, сильно дѣйствующая въ нашемъ мірѣ, лежитъ половина насъ самихъ, а иногда и всѣ мы. Это сердце женское“ („Московскій Наблюдатель“ 1835, *часть I, стр. 122).*

Кто не согласится что это открытіе очень оригинально?.. Второе открытіе, уже чисто литературное, еще оригинальнѣе. Разбирая стихотворенія г. Бенедиктова, г. Шевыревъ, съ свойственною критическою проницательностью, замѣтилъ, что въ русской поэзіи до появленія г. Бенедиктова не было мысли:—замѣтьте: не было мысли въ поэзіи, которой представителями были Державинъ, Фонвизинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ и Грибоѣдовъ, — а по мнѣнію г. Шевырева, ея представителями были еще и гг. Языковъ, Хомяковъ и tutti quanti... Вотъ его собственныя слова: „Это была эпоха изящнаго матеріализма въ поэзіи... Слухъ нашъ дрожалъ отъ какой-то роскоши раздражительныхъ звуковъ... упивался ими, скользилъ по нимъ, иногда не вслушиваясь въ нихъ... Воображеніе наслаждалось картинами, но болѣе чувственными... Иногда только внутреннее чувство, чувство сердечное и особенно чувство грусти поземной, вѣяло чѣмъ-то духовнымъ въ нашей поэзіи... Но матеріализмъ торжествовалъ надъ всѣмъ... Формы убивали духъ... Нѣжные, сладкіе, упоительные звуки оплетали насъ своею невидимою сѣтью...“ [1]). Итакъ, въ этой поэзіи недоставало мысли: г. Бенедиктовъ—первый поэтъ, въ поэзіи котораго нѣтъ матеріальности—одна духовность, т.-е. проникновеніе мыслію, и потому г. Шевыревъ въ восторгѣ отъ своего открытія воскликнулъ: „Вотъ почему съ особенною радостію встрѣчаю я такого поэта, въ первыхъ прелюдіяхъ котораго доносится мнѣ сквозь матеріальные звуки эта глубокая, тайная, прожитая дума, одна возможная спасительница нашей поэзіи“ [2]).

Въ этомъ можно на слово повѣрить г. Шевыреву: онъ самъ поэтъ, и ему ли не знать толка въ поэзіи! Потому-то онъ мало того, что расхвалилъ г. Бенедиктова, но и нашелъ въ его стихахъ мысль, которой не находилъ даже въ созданіяхъ Пушкина! Въ эту же итальянскую эпоху своей критики г. Шевыревъ пустился-было на изобрѣтеніе русской октавы, по примѣру итальянской; но предпріятіе такъ же точно не удалось, какъ и введеніе гекзаметровъ въ русскую поэзію другимъ извѣстнымъ поэтомъ, критикомъ и профессоромъ. Можетъ быть, октавы потому не восторжествовали, что въ поэтическомъ достоинствѣ нисколько не превосходили помянутые гекзаметры, хотя между тѣми и другими легло чуть не столѣтіе [3])...

Въ первую эпоху своей критической дѣятельности г. Шевыревъ дѣйствовалъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* г. Погодина (1827—1830); во вторую—въ *Московскомъ Наблюдателѣ* г. Андросова (1835—1837). Но онъ не ограничился этими двумя эпохами, и теперь обрѣтается въ третьей, въ которой онъ отступился не только въ Германіи, но и отъ Италіи, равно какъ и отъ всего Запада. Эта третья эпоха — восточная, славянофильская; ея дѣятельность проявилась въ *Москвитянинѣ*. Она ознаменовалась многими любопытными и оригинальными открытіями и изобрѣтеніями, такъ что перечесть ихъ всѣ нѣтъ никакой возможности; но лучшимъ изъ нихъ кажется намъ замѣчаніе о Лермонтовѣ, какъ подражателѣ не только Пушкина и Жуковскаго, но даже и г. Бенедиктова!..

Много было и другихъ критиковъ, изъ которыхъ каждый чѣмъ-нибудь да просла-

---

[1]) „Московскій Наблюдатель“, 1835, *№ 11, стр. 442.* *Прим. Бѣлинскаго.* Ср. т. I, стр. 283—4.

[2]) *Ibid., стр. 443.* *Прим. Бѣлинскаго.*

[3]) Разумѣется, рѣчь идетъ о гекзаметрахъ Тредьяковскаго въ его „Телемахидѣ“.

вилъ себя: одинъ *душегрѣйкою новѣйшаго унынія*; другой — мыслію, что Пушкинъ не болѣе, какъ легкій и пріятный стихотворецъ, мастеръ на мелочи, что герои поэмъ его — бѣсенята, и что изящество его произведеній есть не болѣе, какъ изящество хорошо сшитаго моднаго фрака; а Ломоносовымъ-де не налюбоваться *въ сытость* и позднѣйшему потомству, и что Шекспиръ и Байронъ неомовенными руками возлагали возгребія нечистыя и уметы поганые на алтарь чистыхъ дѣвъ, сирѣчь, музъ [1])... Третій снискалъ себѣ безсмертную славу просто прославленіемъ писателей своего прихода и бранью на чужихъ; четвертый похвалою и бранью однимъ и тѣмъ же лицамъ, смотря по обстоятельствамъ и погодѣ [2]). Обо всѣхъ такихъ мы умалчиваемъ. Наша цѣль была поименовать только главнѣйшихъ дѣйствователей на поприщѣ критики, въ различныя эпохи русской литературы.

Изъ этого краткаго обзора видно, что каждая эпоха русской литературы имѣла свое сознаніе о самой себѣ, выражавшееся въ *критикѣ*. Но ни одна эпоха не выразила этого сознанія о цѣлой литературѣ, въ историческомъ изложеніи ея хода и развитія. Были попытки, но до того ничтожныя, что не стоитъ и упоминать о нихъ. Впрочемъ, такъ называемый *Краткій опытъ исторіи русской литературы*, г. Греча, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, достоинство литературнаго адресъ-календаря и справочной книги о времени рожденія, смерти, о служебномъ поприщѣ, чинахъ, орденахъ и времени появленія въ свѣтъ сочиненій значительной части нашихъ писателей [3]). Какъ справочная книга, она очень полезна для современниковъ и будетъ полезна даже для отдаленнѣйшаго потомства, которое узнаетъ изъ нея, что старинные литераторы и поэты были вмѣстѣ и чиновники. Что же касается до прагматической и критической стороны этой книги,—смѣшно и говорить о ней. Многіе изъ нашихъ читателей изъявляли намъ свое удивленіе, что мы рѣшились на серьезный и дѣльный разборъ новаго изданія *Учебной Книги Русской Словесности*, вмѣсто того, чтобъ посмѣшить публику забавною рецензіею на эту поистинѣ забавную книгу. Мы очень рады случаю объясниться на этотъ счетъ съ читателями. Во-первыхъ, мы хотѣли быть полезны многочисленному классу учащихъ и учащихся „россійской словесности“, для которой на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь сноснаго руководства. Во-вторыхъ, сочинителя этой *невѣроятной* книги мы хотѣли лишить всякой возможности утѣшить себя мыслью, что наша статья—брань безъ доказательствъ и что она внушена намъ завистью и недоброжелательствомъ къ автору такого превосходнаго учебника... Безъ этихъ причинъ, которыя, конечно, гораздо важнѣе для насъ, чѣмъ для нашихъ читателей, мы никакъ не рѣшились бы съ важностью доказывать, что книга, въ которой все—противорѣчіе, никуда не годится. Поступивъ такъ, мы за одинъ разъ вырвали зло съ корнемъ,—и жалкаго учебника теперь какъ не бывало!.. Есть и еще книга, претендующая знакомить своихъ читателей съ исторіею русской литературы. Это — *Руководство къ познанію литературы*, г. Плаксина. Но г. Плаксинъ даже не означилъ въ заглавіи своей книги, какой литературы хочетъ онъ повѣствовать исторію; зато въ самой книгѣ, разсказавъ кратко исторію литературъ еврейской, индійской, греческой, римской, и объяснивъ духъ новыхъ литературъ, классицизмъ и романтизмъ, пространнѣе изложилъ исторію русской литературы. Эта книга—повѣрятъ ли? — далеко ничтожнѣе книги г. Греча... Впрочемъ, всѣ учебники и ученыя сочиненія такого рода равно никуда не годится по совершенному отсутствію въ нихъ всякаго начала, которое проникало бы собою всѣ ихъ сужденія и приговоры и давало бы имъ единство. Для г. Плаксина, напримѣръ, и Пушкинъ—поэтъ, и Херасковъ — тоже поэтъ, да еще какой!.. Есть ли тутъ что-нибудь похожее на взглядъ, на образъ мыслей, на мнѣніе, на убѣжденіе, на принципъ? Не такъ мыслилъ и понималъ въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Мерзляковъ. Можно не соглашаться съ его системою и даже считать ее ложною; но нельзя не видѣть въ ней ни самобытнаго мнѣнія, ни послѣдовательности въ доказательствахъ и выводахъ. Каково бы ни было его начало, онъ вѣренъ ему и ни въ чемъ не противорѣчитъ самому себѣ. Признавая великимъ поэтомъ Ломоносова, находя поэтическія достоинства и красоты въ сочиненіяхъ Сумарокова, Хераскова и Петрова,—Мерзляковъ не видѣлъ (потому что не могъ видѣть, оставаясь вѣрнымъ своему началу) въ Пушкинѣ великаго поэта. И потому, вы или вовсе отвергнете основное начало критики Мерзлякова и, слѣдовательно, его выводы, или во всемъ согласитесь съ нимъ. А у этихъ гос-

---

[1]) Все это факты не только не преувеличенные, но еще ослабленные нами. Если бъ нужно было, мы представили бы *печатныя* доказательства, что такимъ слогомъ писалась критика назадъ тому лѣтъ восемнадцать. *Прим. Бѣлинскаго.*

[2]) Первый изъ этихъ четырехъ критиковъ—Н. Кирѣевскій; объ его выраженіи „душегрѣйка новѣйшаго унынія“—см. выше стр. 627. Второй — Надеждинъ; о его приводимыхъ здѣсь Бѣлинскимъ выраженіяхъ см. т. I, стр. 550. Третій и четвертый критики — Булгаринъ и Сенковскій; о послѣднемъ см. наше примѣчаніе въ т. I, стр. 173—174.

[3]) Ср. выше, стр. 260.

подъ все смѣшано и перемѣшано: въ ихъ книгѣ мирно уживаются самыя разнородныя, противорѣчащія понятія,—и то, что дважды-два — четыре, и то, что дважды-два — пять съ половиною...

Тѣмъ важнѣе теперь появленіе всякаго опыта исторіи русской литературы, хоть сколько-нибудь отличающагося самостоятельнымъ взглядомъ на предметъ и послѣдовательностью въ выводахъ. Но опытъ г. Никитенко далеко не принадлежитъ къ числу какихъ-нибудь и сколько-нибудь сносныхъ или порядочныхъ опытовъ: онъ обѣщаетъ гораздо больше. Говоримъ, *обѣщаетъ*, потому что „Опытъ“ пока состоитъ еще только въ одномъ введеніи; но это введеніе тѣмъ не менѣе даетъ надѣяться читателю найти въ исторіи русской литературы г. Никитенко сочиненіе прекрасное и по взгляду на предметъ и по изложенію содержанія — сочиненіе, болѣе чѣмъ прекрасное, сочиненіе дѣльное. Но пока оно еще не въ рукахъ публики, пока мы еще не прочли его, поговоримъ пока не о будущемъ, а о настоящемъ, поговоримъ о *Введеніи*, тѣмъ болѣе, что, обѣщая хорошую исторію русской литературы, оно, въ то же время, и само по себѣ, какъ отдѣльное произведеніе, заслуживаетъ большого вниманія. Содержаніе этого *Введенія* само по себѣ можетъ служить предметомъ особеннаго сочиненія, и потому, пока не явятся въ свѣтъ остальныя части труда г. Никитенко, мы имѣемъ право разсмотрѣть его *Введеніе*, какъ само по себѣ полное и оконченное сочиненіе.

Вотъ предметы, которые разсматриваются во *Введеніи* къ исторіи русской литературы: 1) идея и значеніе исторіи литературы; 2) методъ изученія исторіи литературы; 3) источники исторіи литературы; 4) идея и значеніе исторіи литературы русской; 5) раздѣленіе исторіи русской литературы на періоды.

Этотъ простой перечень главъ, изъ которыхъ состоитъ *Введеніе*, много говоритъ въ пользу сочиненія, свидѣтельствуя, что авторъ началъ съ начала и принялся за тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ должно быть положено во главу, краеугольнымъ камнемъ исторіи русской литературы, и что въ послѣдующихъ частяхъ труда его изложеніе фактовъ будетъ озарено свѣтомъ мысли. Мы сейчасъ увидимъ, какъ счастливо успѣлъ авторъ избѣжать двухъ крайностей, которыя для писателей бываютъ сциллою и харибдою—успѣлъ избѣжать односторонняго идеализма, гордо отвергающаго изученіе фактовъ, и односторонняго эмпиризма, который дорожитъ только мертвою буквою и, набирая фактъ на фактъ, подавляется безполезнымъ избыткомъ собственныхъ пріобрѣтеній и завоеваній. Авторъ *Введенія* начинаетъ прямымъ нападеніемъ на послѣднюю крайность:

„Постепенно и медленно переходимъ мы отъ случайнаго и шаткаго полузнанія къ лучшей методѣ знанія, предвозвѣщающей истину, и отсюда уже къ самой истинѣ. Сколько времени въ изслѣдованіи жизни народовъ обращали вниманіе на одни внѣшнія явленія, не заботясь о томъ, что всему внѣшнему даетъ смыслъ, характеръ и цѣну. Для науки въ этомъ духѣ, повидимому, вовсе не существовали движеніе и направленіе идей народа, личные интересы его ума и сердца,—какъ будто бы человѣкъ могъ что-нибудь значить со всѣми высокомѣрными притязаніями своими на первенство въ природѣ, со всѣмъ, что онъ предпринимаетъ и исполняетъ, если бы мысль не полагала своей царственной печати на его дѣянія. „Мы изображаемъ достопамятныя событія“, говорили и теперь еще говорятъ многіе: „завоеванія, подвиги героевъ, общественные перевороты, отношенія государствъ между собою и т. п.“. Но что же истинно важнаго и достопримѣчательнаго въ этой пестрой волнующейся смѣси лицъ и событій, какъ не убѣжденія, цѣли, страсти, внутреннія причины? а ихъ нѣтъ на поверхности вещей. Постарайтесь же проникнуть въ самую лабораторію, гдѣ движутся и работаютъ сокровенныя силы—въ душу, въ нравственный бытъ народовъ. Тамъ, въ неясныхъ и неразвитыхъ еще вліяніяхъ и потребностяхъ ума и сердца, въ прихотливой игрѣ фантазіи, въ глухихъ воплях рождающагося слова приготовляется невидимыми процессами многое, что дѣлаетъ изображенія лѣтописей человѣческихъ столь осязательными, звучными и животрепещущими. И что безъ этихъ глубокихъ источниковъ можете вы высказать народамъ великаго и поучительнаго? Что Александръ Македонскій однимъ ударомъ меча добилъ умиравшую средн восточнаго варварства персидскую монархію, что Цезарь палъ отъ кинжала убійцъ вблизи народной трибуны, когда замышлялъ превратить ее въ тронъ всемірной державы? Только ли? Да, это важное средство для изощренія памяти школьниковъ. Но согласимся, что эти превознесенныя имена съ громадами дѣлъ, на коихъ они начертаны кровію народовъ, составляютъ великолѣпные монументы, достойные изумлять потомство. Назначьте имъ еще какую угодно политическую и нравственную цѣну: мы охотно даже повѣримъ, что изъ нихъ извлекаются спасительные уроки для назиданія людей, хотя рядъ безпрестанно повторяемыхъ ошибокъ и вопіющихъ неправдъ давно доказалъ уже, какъ мало ими пользуются—ибо кто изъ тѣхъ, кому наиболѣе нужны уроки, не считаетъ свой геній и свои причины исключеніемъ изъ дознанныхъ правилъ?.. Но пусть все будетъ такъ, какъ хочется приверженцамъ этой праздничной, театральной исторіи, гдѣ духъ человѣческій остается за кулисами, а передъ глазами зрителей представленіе, какъ говорится, кипитъ жизнію и дѣйствіемъ, герои декламируютъ, блистая пурпуромъ и золотомъ, и творятся чудеса великолѣпныхъ декорацій. Мы, въ свою очередь, позволимъ себѣ думать, что міръ ничего не видалъ бы безсмысленнѣе и печальнѣе исторіи человѣчества, если бы рядомъ съ созданіемъ и разрушеніемъ царствъ не были начертаны на страницахъ ея цифры Эвклида, афоризмъ Гиппократа, сократова иронія, стихъ Гомера и много подобнаго, чего не дастъ могущество меча на земли, ни самое могущество золота“ (Стр. 2—4).

Въ *мысли*, въ *идеѣ* видитъ авторъ таинственную психею народной жизни, которая составляетъ содержаніе исторіи; а преимущественное откровеніе этой мысли, этой идеи видитъ онъ въ *словѣ*. „Человѣкъ“, говоритъ онъ, „есть органъ мысли: это верховнѣйшее

изъ его преимуществъ, долгъ его, злополучіе и благо" *(стр. 6)*. По нашему мнѣнію, думать такъ, значитъ — думать справедливо объ исторіи. „Несмотря однакожъ" (говоритъ авторъ) „ни на очевидность успѣховъ мыслительной дѣятельности, ни на требованія вѣка, многіе писатели не совсѣмъ еще чуждаются прежней методы и воззрѣній исторіи. Направленіе, характеръ мысли народной, выраженные въ словѣ, судьба науки и литературы у нихъ все еще составляетъ одно какое-то дополненіе къ жизни внѣшней. Они, кажется, и до сихъ поръ не довольно вникли въ тѣсную, органическую связь глубокихъ внутреннихъ явленій этого рода со внѣшними; ихъ не слѣдуетъ разлучать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о полнотѣ знанія. Такое положеніе науки дѣлаетъ необходимымъ спеціализированіе главнѣйшихъ элементовъ исторіи, и мы принуждены изъ исторіи литературы составлять особую науку, тогда какъ настоящее ея мѣсто въ общей великой наукѣ, обнимающей жизнь и судьбу народа въ цѣлости и нераздѣльно" *(стр. 9—10)*. Вотъ истинный взглядъ на исторію литературы! Исторія народа есть исторія развитія мысли, выраженной и непосредственною и сознательною стороною жизни народа, а мысль народа преимущественно выражается въ его литературѣ, потому что обнаруживается въ ней прямѣе и сознательнѣе. Правда, литература не есть исключительное и полное выраженіе умственной жизни народа, которая еще высказывается и въ искусствѣ въ обширномъ значеніи этого слова. Громадные храмы Индіи, высѣченные изъ скалъ, построенные изъ горъ, стóятъ *Махабараты* или *Рамайяны;* изящные памятники древней греческой архитектуры и скульптуры составляютъ какъ бы одно съ *Иліадой, Одиссеею* и трагедіями; огромныя римскія зданія, ознаменованныя печатію гражданскаго и государственнаго величія, не менѣе повѣствованій Тита Ливія и Тацита, не менѣе юстиніанова кодекса свидѣтельствуютъ о бытіи народа, который былъ державнымъ владыкою міра, властелиномъ царей и народовъ, и который даже по смерти своей внесъ преобладающій элементъ своей жизни въ жизнь новѣйшихъ народовъ Европы, ознакомивъ ихъ съ лучшими идеями о правѣ. Въ готическихъ соборахъ, картинахъ и музыкѣ мастеровъ среднихъ вѣковъ жизнь этой по преимуществу религіозно-христіанско-католической эпохи отразилась едва-ли еще не полнѣе и роскошнѣе, нежели въ поэмѣ Данте и романсахъ менестрелей. И теперь, въ наше время, жизнь народовъ выражается не въ одной литературѣ, а только преимущественно въ литературѣ. Это, впрочемъ, было и всегда, за исключеніемъ развѣ среднихъ вѣковъ. Кромѣ того, что литература объемлетъ собою несравненно обширнѣйшій кругъ народнаго созданія, нежели всякое другое искусство, ея памятники прочнѣе, несокрушимѣе, вѣковѣчнѣе, потому что она, по сущности своей, духовнѣе другихъ искусствъ, менѣе зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ.

Но здѣсь есть недоразумѣніе: мы назвали литературу искусствомъ и противопоставили ее другимъ искусствамъ. Это не совсѣмъ опредѣлительно, и на этотъ счетъ надо яснѣе выразиться; надо начать съ начала, надо опредѣлить литературу, съ точностію указать, что̀ входитъ въ ея кругъ, съ чѣмъ она соприкасается и что̀ должно исключать изъ ея круга. Авторъ „Опыта", какъ и должно, не миновалъ этого вопроса, но разсмотрѣлъ и по-своему рѣшилъ его. Онъ начинаетъ разсматривать его съ отношеній между частнымъ и общимъ, національнымъ и общечеловѣческимъ, и въ основу сокровенной внутренней жизни литературы полагаетъ общія всему человѣчеству идеи разума.

„Здѣсь являются и тѣ коренныя, первоначальныя идеи истиннаго, праведнаго и изящнаго, главные провозвѣстники нашей разумности, которыми измѣряются заслуга и достоинство нашихъ дѣяній. Только человѣку постепенно, но постоянно озаряемому и оживляемому высшими идеями разума, доступны и дороги всевозможные нравственные интересы — интересы государства, націи и наконецъ интересы всего человѣческаго рода. Но ничѣмъ столько не укрѣпляется его благородный союзъ съ ними, какъ идеями истиннаго и изящнаго. Въ натурѣ этихъ великихъ идей есть что-то столь священное и августѣйшее, что предъ ними невольно преклоняется эгоизмъ страстей — и скорѣе прикосновеніемъ къ нимъ онъ самъ очистится, чѣмъ успѣетъ осквернить ихъ недоступную цѣломудренную чистоту. — Всѣ важнѣйшіе общественные вопросы рѣшаются болѣе или менѣе духомъ спеціальныхъ стремленій. Такъ и должно быть. Задача цѣлаго должна для своего осуществленія раздробиться на элементы; иначе на своей отвлеченной высотѣ она осталась бы уединенною и немногимъ доступною. Изъ взаимнаго дѣйствія и противодѣйствія, изъ соревнованія и борьбы этихъ стихій рождается то общественное движеніе, которое составляетъ жизнь и источникъ развитія народовъ. Не бойтесь за цѣлое: оно не распадется отъ безпокойнаго боренія частей; надъ ними царствуетъ и ихъ скрѣпляетъ единство національнаго начала. Пока оно крѣпко въ сердцахъ, все обращается во благо, какъ въ здоровомъ тѣлѣ, и острыя снѣди служатъ къ его укрѣпленію. Но вотъ кажется неоспоримая истина: само національное начало не можетъ быть отрывкомъ въ исторіи міра, и результатъ, котораго оно должно достигнуть, подчиняя себѣ совокупное движеніе всѣхъ частныхъ силъ, не можетъ быть другой, какъ возвышеніе въ людяхъ достоинствомъ національнаго достоинства человѣческаго. Чѣмъ оно свѣжѣе и могущественнѣе, тѣмъ только блистательнѣе совершитъ оно свою великую миссію во имя человѣчества. Но велико и воздаяніе за то: народъ не будетъ уже варваромъ. Мы спасаемся отъ варварства, дѣлаясь лучшими въ силахъ и качествахъ, принадлежащихъ нашей натурѣ, нашему роду, изъ котораго некуда болѣе выйти, какъ или

въ состояніе небожителей, или въ состояніе животнаго — и на землѣ нѣтъ для человѣка иного источника величія, славы и образованности, кромѣ всеобщаго союза идей. Что̀ бъ ни говорили защитники ложной народности, состоящей въ исключительномъ господствѣ началъ территоріальныхъ, а нравственныя убѣжденія, безъ которыхъ общество людей есть стадо волковъ или барановъ, не суть дѣло обычая, а дѣло высшихъ разумныхъ инстинктовъ, одинакихъ для всѣхъ племенъ и поколѣній. Обычай служитъ имъ только формою и основаніемъ частныхъ различій, составляющихъ неисчерпаемое разнообразіе въ стройномъ единствѣ человѣческаго рода.

„Отсутствіе истинъ этихъ было натуральнымъ только въ древнихъ обществахъ, т.-е. тѣхъ обществахъ, которыя мы исторически вѣрно сколько-нибудь знаемъ, гдѣ жизнь волновалась и изнемогала среди раздѣльности и противоборства національныхъ началъ, гдѣ послѣднія были столь сильны, что подавляли всякую свободно-разумную личность. Идея человѣчества еще не вошла тогда въ зенитъ своего пути надъ нравственнымъ міромъ— и слабые лучи ея едва скользили на его поверхности, дикой и невоздѣланной. Племена тѣснились около своихъ боговъ, около своихъ преданій; осматриваясь вокругъ себя со страхомъ и враждою въ сердцѣ, они ничего не видѣли, кромѣ чуждыхъ боговъ и чуждыхъ преданій. Все было частнымъ, особеннымъ—понятія, вѣрованія, нравы; общимъ было только одно—право меча. Всемірная гражданственность Рима, насаждая повсюду свои нравы и учрежденія, не въ состояніи была удержать народы въ томъ возвышенномъ единствѣ, которое заключалось въ ея духѣ и образованіи. Во-первыхъ, она дѣйствовала на нихъ политическимъ могуществомъ, которое, превращая сначала людей въ рабовъ, говорило имъ послѣ: будьте людьми; оно могло произвести только внѣшній порядокъ, и то безпрестанною угрозою меча и новыхъ цѣпей. Во-вторыхъ, образованность Римлянъ была, въ свою очередь, также не болѣе, какъ случайнымъ выраженіемъ ихъ личности, ихъ счастливыхъ способностей; нравственное и умственное возвышеніе, до котораго они достигли, было плодомъ ихъ вѣры въ самихъ себя, а не въ вѣчныя и неизмѣнныя силы, не въ великую будущность человѣчества. Оттого, какъ скоро національныя опоры, споспѣшествовавшія развитію ихъ духа, пали, пало и ихъ нравственное превосходство; ему негдѣ уже было искать убѣжища и подкрѣпленія: для Рима ничего не было во вселенной, кромѣ Рима. Когда Тиверіи и Нероны осуждали гражданина на лишеніе воды и огня въ римскихъ областяхъ, это была только формула, этикетъ смертной казни: ибо гдѣ осужденный на землѣ былъ бы не въ римскихъ областяхъ? Итакъ, съ истощеніемъ всего, что̀ давали Римлянамъ ихъ учрежденія, ихъ политическіе виды и успѣхи, имъ ничего не оставалось, кромѣ смерти; но должно было умереть въ мукахъ казни за пролитую кровь міра — и какъ не нашлось на землѣ палача, который бы осмѣлился исполнить надъ этимъ державнымъ народомъ приговоръ судебъ, то онъ самъ сдѣлался своимъ палачемъ. И эта ли образованность могла сдѣлаться всемірною, могла быть принята народами, какъ единственное начало ихъ движенія, какъ залогъ ихъ нравственныхъ успѣховъ? Греки были способнѣе очеловѣчивать варваровъ, если бы люди могли развиваться посредствомъ правилъ, наставленій, примѣровъ, а не посредствомъ возбужденія въ нихъ самихъ пребывающаго животворнаго начала разумности. Правда, Европа многимъ обязана наслѣдству, которое она получила въ греко-римскомъ образованіи; но она не прежде имъ воспользовалась, какъ подъ вліяніемъ новой животворной силы, которая, воспитывая ея свѣжія племена для великой будущности, научила ихъ извлекать добро изъ прошедшаго и избѣгать его злоупотребленій.

„Таковъ былъ нѣкогда ходъ человѣческихъ вещей, такимъ онъ долженъ былъ явиться въ свое время, но такимъ уже никогда не будетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ единородный Сынъ Божій благоволилъ счесть достойнымъ своего величества жить и умереть человѣкомъ; съ тѣхъ поръ, какъ раскрылъ Онъ въ насъ дотолѣ невѣдомый намъ самимъ міръ духа, завѣщавъ дѣятельности нашей новую цѣль— безконечное развитіе и усовершенствованіе; какъ независимо отъ всякаго различія состояній, племенъ, кастъ и школъ, онъ каждому помышленію нашему, слову, вздоху и слезѣ далъ смыслъ и цѣну только изъ уваженія къ ихъ человѣческому происхожденію,—съ тѣхъ поръ всякая исключительная система дѣятельности стала нелѣпымъ анахронизмомъ—и не черпать изъ новаго источника жизни того, что̀ всѣмъ дается одинаково какъ всеобщая истина и благо, значило бы обречь себя на нравственную смерть. Христіанство измѣнило родъ человѣческій; но благотворнѣйшее слѣдствіе этого измѣненія есть то, что нынѣ и великій гражданинъ не въ состояніи искупить пороковъ человѣка.

„Вотъ—мы у самаго корня началъ, изъ которыхъ должно произойти опредѣленіе литературы. Если народъ въ состояніи отдѣлить въ себѣ то, что̀ принадлежитъ правамъ мысли всеобщей, человѣческой—идеямъ изящнаго и истиннаго, отъ того, что̀ не относится къ нимъ, если онъ воздѣлываетъ и развиваетъ эту мысль въ своей жизни, въ своихъ понятіяхъ, въ своей исторіи и результаты этой дѣятельности выражаетъ наконецъ въ художественныхъ, стройныхъ формахъ слова, онъ созидаетъ, онъ имѣетъ литературу. Итакъ, *литература есть мысль человѣческая, возникающая у народа вмѣстѣ съ нимъ изъ его духа, жизни, историческихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, и посредствомъ слова выражающая свое народочеловѣческое развитіе подъ совокупнымъ вліяніемъ верховныхъ и всеобщихъ идей истиннаго и изящнаго.* Вотъ гдѣ совершается святое примиреніе личности народа съ требованіями всеобщаго человѣческаго порядка вещей. Тогда какъ другими способами дѣятельности—общественнымъ устройствомъ, нравами, обычаями и проч., онъ болѣе или менѣе уклоняется отъ этого порядка и достигаетъ своихъ исключительныхъ, домашнихъ, такъ сказать, цѣлей,—въ литературѣ онъ выражаетъ свое сознаніе о томъ, что̀ свято, дорого и необходимо всѣмъ людямъ, какъ существамъ, надѣленнымъ одними и тѣми же нравственными нуждами и способами мыслить, чувствовать и выражать свои мысли и чувствованія. Онъ не можетъ здѣсь, какъ и нигдѣ, утратить своей національности, потому что это значило бы утратить жизнь. И гдѣ же, какъ не въ своихъ священныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, какъ не въ памяти своей славы, какъ не на могилахъ отцовъ своихъ, не въ сочувствіи къ своей матери-природѣ, хотя бы она дышала на него вьюгами и говорила съ нимъ ропотомъ волнъ— гдѣ же, наконецъ, какъ не въ своихъ современныхъ нуждахъ, скорбяхъ и упованіяхъ найдетъ онъ вдохновеніе, содержаніе для своей сердечной пѣсни, для важныхъ думъ и слово, дышущее убѣжденіемъ живой истины и силою дѣлъ? — Но онъ также не можетъ подавить въ себѣ общечеловѣческихъ стремленій: это значило бы, что онъ хочетъ дать себѣ личность какую-то чудовищную, звѣрскую, ниспровергающую нравственный порядокъ, оскорбляющую Бога-блюстителя его и людей, его строителей. Литературою народъ свидѣтельствуетъ о степени участія, принимаемаго имъ въ судьбахъ, цѣляхъ и успѣхахъ человѣчества, какъ

лицо отвѣтственное передъ міродержавнымъ промысломъ, какъ дѣятель самобытный и въ то же время вѣрный законамъ цѣлаго, какъ народъ-человѣкъ.

„Итакъ, не въ особенномъ родѣ предметовъ или содержанія заключается самостоятельность литературы и отличіе ея отъ всѣхъ прочихъ произведеній письменности и изящныхъ искусствъ, но въ особенномъ направленіи человѣческаго духа, которое ввѣряется для примѣненія и выраженія благороднѣйшимъ усиліямъ избраннаго народа. Это направленіе не состоитъ въ исключительномъ стремленіи ни къ истинѣ, ни къ изящному: оно есть актъ духа, претворяющій одно въ другое—истину въ изящное, и изящное—въ истинное.

Литературу не должно смѣшивать съ наукою. Несмотря на множество точекъ соприкосновенія между ними, онѣ существенно отличны одна отъ другой. Мы должны указать, по крайней мѣрѣ, на главныя черты этого различія, ибо основательное ученіе не терпитъ смѣшенія понятій. Въ наукѣ и литературѣ мысль, облекаясь въ слово, является въ своей первостихійной чистотѣ, со всею свободою, свойственною ея характеру и охраняемою способомъ самаго ея проявленія — вотъ почему наука и литература такъ дружны между собою. Истина есть одинаково верховная задача для науки и для литературы, потому что мысль только въ истинѣ находитъ удовлетвореніе своего бытія, слѣдовательно и цѣль его. Но наука *ищетъ* истины, *добываетъ* ее; это служебное орудіе мысли, посредствомъ коего выполняются только требованія ея личныхъ интересовъ. Литература *стремится* къ истинѣ, какъ къ величайшему благу жизни; она, если можно такъ выразиться, любитъ въ ней не ее самую, а ея власть и способность благотворить людямъ, возвышая въ нихъ въ одно время чувство своего достоинства и уваженія къ законности. Наука, дѣйствуя въ духѣ мысли, приноситъ ей и дань истины въ видѣ *мыслительномъ*, т.-е., въ видѣ всеобщихъ отвлеченныхъ понятій, чуждыхъ непосредственнаго отношенія къ случаямъ и событіямъ эпохи, общества, поколѣній и т. п. Литература, напротивъ, исключительно посвящаетъ себя этимъ отношеніямъ. Она хочетъ истиною одушевить, согрѣть все существо человѣческое; она пролагаетъ ей путь ко всѣмъ убѣжденіямъ, ко всѣмъ вѣрованіямъ и вводитъ ее прямо туда, гдѣ слагаются они—въ сердце людей. Здѣсь истина измѣняетъ свою наружность; она совлекается форменной одежды понятій и принимаетъ праздничный нарядъ образовъ, то богатый и роскошный, то простой и граціозный. Охваченная всюду интересами жизни, переродившаяся вся въ соприкосновеніи съ самыми возвышенными и неотразимыми вопросами ея, она получаетъ такой характеръ, какого въ ней и не подозрѣваютъ усердные ревнители ея самобытности, ея строгаго и уединеннаго величія, — характеръ *красоты*, которая хочетъ нравиться, трогать, плѣнять, любить и быть любимою. Изящное неразлучно съ литературою, то какъ цѣль и содержаніе, то какъ условіе формы, звукъ и краски языка. Оно-то, присутствуя въ мысли народа, даетъ ей особенное настроеніе, которое наконецъ должно разрѣшиться и новыми результатами и новыми формами слова. Для науки истина есть предметъ наблюденій, опытовъ, упорныхъ, продолжительныхъ и многосложныхъ изысканій; она вооружена всѣми рабочими снарядами, съ помощію коихъ умъ проникаетъ въ самыя мрачныя и таинственныя глубины вещей; литература не знаетъ механизма ученыхъ изслѣдованій; трудъ ея есть трудъ созданія, а не разработки матеріаловъ; для ней истина есть нѣчто данное и готовое, ожидающее предназначеннаго ей свыше преобразованія изъ идеи въ дѣйствительность. У науки даже есть видимая цѣль въ безпредѣльной области истины и каждая отрасль ея, обращаясь къ извѣстной сторонѣ природы и человѣка, находитъ въ ней и содержаніе опредѣленнаго объема и рода. Она знаетъ куда идетъ и что̀ ожидаетъ ее на концѣ поприща. Литература не предвидитъ слѣдствія своихъ стремленій; поприще ея неизмѣримѣе и теряется за видимымъ горизонтомъ вещей въ глубинѣ самыхъ таинственныхъ неуловимыхъ влеченій жизни и души. Она, такъ сказать, ежеминутно возникаетъ изъ нравственныхъ и историческихъ потребностей народа, какъ бой сердца въ груди нашей, какъ ударъ пульса и дыханіе. Метода науки такъ опредѣленна, что ее можно найти и изучить въ любой логикѣ; но способы созданія въ литературѣ или какой-нибудь отрасли ея до того различны по характеру народовъ и эпохъ, что до сихъ поръ мы не успѣли изъяснить съ точностію и подвести подъ категоріи главнѣйшихъ и немногихъ изъ нихъ. Такъ и должно быть. Наука исключительно управляется законами логической необходимости, потому что она представительница всякой необходимости на землѣ; литература, напротивъ, есть выраженіе свободы духа— и отвлеченный законъ мысли является къ ней только какъ ограниченіе, а не какъ единственный способъ развитія и сочетанія предметовъ: жизнь свободы, кромѣ логическаго пути, раскидывается и мчится еще по многимъ другимъ путямъ, пролагаемымъ судьбою вещей и событій. Наука не знаетъ народа, она знаетъ одно человѣчество; литература видитъ человѣческое не иначе какъ отраженнымъ въ призмѣ народности. Въ ней все имѣетъ отношеніе къ народу, къ извѣстной эпохѣ его развитія и образованія; она не только мысль, но и вѣрованіе, и страсть, и судьба. Для литературы только и важны тѣ задачи разума, которыя народомъ поняты, восчувствованы и рѣшены такъ, что человѣчество здѣсь является благоговѣющимъ уже предъ славою своего сына, геніальнаго народа, озарившаго себя и его блескомъ великихъ созданій. Ей принадлежитъ почетнѣйшее изъ преимуществъ человѣка,—творчество со всѣми замыслами гордой воли, съ жизнедательнымъ огнемъ вселюбящаго сердца, когда человѣкъ смѣетъ сказать творенію: „я могу вдохнуть въ тебя новую жизнь!“

„Литература служитъ проводникомъ науки въ жизнь и общество, какъ единая законная посредница между ними. Занятая вопросами о томъ, что̀ въ вещахъ есть всеобщаго и необходимаго, наука не въ состояніи нисходить до подробностей ихъ развитія, до ихъ интересовъ мѣстныхъ и преходящихъ, а бывъ ограничена предѣлами человѣческаго ума, она по необходимости становится спеціальною. Не удивительно, что у ней есть свои тайны, своя непонятность для умовъ непризнанныхъ и непосвященныхъ. Сколько бы ни говорили въ наше время о пользѣ и возможности популярнаго изложенія науки, эта популярность всегда будетъ не иное что, какъ примѣненіе только извѣстныхъ истинъ къ нуждамъ жизни, а то, чего примѣнить нельзя и что̀ большею частію составляетъ глубину и сущность науки—ея общіе виды и пріемы ея анализа всегда будутъ требовать особеннаго для себя мѣста въ сферѣ разума, особенныхъ усилій и языка. Но отъ литературы зависитъ болѣе или менѣе онародить науку, сдѣлать ее, если не доступною всѣмъ и каждому, то для всѣхъ предметомъ сочувствія, предметомъ народной славы, силою привлекающею, а не отталкивающею. Правда, наука можетъ существовать и безъ литературы; но это будетъ существованіе властелина безъ любви гражданъ, съ правомъ повелѣвать безъ умѣнья и возможности дѣлать ихъ счастливыми. Ей будутъ воздавать приличныя почести, какъ въ вѣка схоластицизма, но безъ ней будутъ умѣть обходиться вездѣ, гдѣ свое-

корыстіе и страсти захотятъ выполнить свои темные замыслы. Ибо безъ литературы кто проведетъ въ науку чувство человѣческихъ потребностей и эти потребности, поднявъ въ самомъ прахѣ на самомъ днѣ общества, возвыситъ до воззрѣній науки? Не вѣдая ихъ на своей царственной высотѣ, она ревностно станетъ заботиться о славѣ человѣческаго разума, объ истинѣ, о своемъ безсмертіи, о всемъ благородномъ и прекрасномъ, кромѣ того, что существенно благородно и прекрасно, кромѣ дѣланія людей благородными и прекрасными".

Во всемъ этомъ много истины, и все это очень близко къ истинѣ, многое выражено необыкновенно удачно и опредѣленно; но намъ кажется, что тутъ вопросъ рѣшенъ не вполнѣ удовлетворительно. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что г. Никитенко противопоставляетъ *науку—литературѣ*. Это не совсѣмъ вѣрно съ его же собственной точки зрѣнія на литературу, потому что подъ его опредѣленіе литературы (*стр. 24 — 25*) подходитъ и наука, какъ „мысль человѣческая, возникающая у народа вмѣстѣ съ нимъ изъ его духа, жизни, историческихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, и посредствомъ слова выражающая свое народочеловѣческое развитіе подъ совокупнымъ вліяніемъ верховныхъ и всеобщихъ идей истиннаго и изящнаго". Повторяемъ: это опредѣленіе такъ же идетъ къ наукѣ, какъ и къ литературѣ, и по этому самому вопросу не выражаетъ вѣрно ни той, ни другой. Содержаніе науки и литературы одно и то же — истина; слѣдовательно, вся разница между ними состоитъ только въ формѣ, въ методѣ, въ пути, въ способѣ, которыми каждая изъ нихъ выражаетъ истину. Такъ какъ у обѣихъ одно и то же орудіе выраженія—*слово*, то и отдѣлить ихъ другъ отъ друга можно только на существенномъ отличіи. Литература, въ обширномъ значеніи, обнимаетъ собою и науку, и потому говорится: *литература исторіи, литература химіи, литература медицины* и т. д. Такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ сама наука относится къ литературѣ, какъ видъ къ роду, какъ часть къ цѣлому. Противопоставивъ литературѣ науку, авторъ хотѣлъ яснѣе и точнѣе опредѣлить первую черезъ ея противоположность. Цѣль хорошая и средство вѣрное; но тутъ есть ошибка, которая парализовала средство и не допустила вполнѣ достичь цѣли: авторъ упустилъ изъ вида *искусство*, которое и слѣдовало противопоставить литературѣ, чтобъ точно и вѣрно опредѣлить послѣднюю. Но можетъ быть мы сами ошибаемся, и авторъ подъ литературою разумѣетъ именно искусство? Въ такомъ случаѣ его ошибка дѣлается еще большею. Во-первыхъ, подъ его опредѣленіе литературы искусство никакъ не подойдетъ, потому что въ этомъ опредѣленіи нѣтъ ни слова о творчествѣ; во-вторыхъ, литература состоитъ не изъ однихъ только произведеній искусства. Говоря объ искусствѣ по поводу литературы, должно разумѣть искусство словесное, т.-е. поэзію. Опредѣлить поэзію — значитъ опредѣлить искусство вообще, т.-е. столько же опредѣлить и архитектуру, и скульптуру, и живопись, и музыку, сколько и поэзію, потому что послѣдняя отъ первыхъ разнится не сущностью, а способомъ выраженія. Правда, этотъ способъ, т.-е. слово, дѣлаетъ ее выше всѣхъ другихъ искусствъ и производитъ цѣлый кругъ эстетическихъ законовъ только ей одной свойственныхъ и всякому другому искусству чуждыхъ. Но это показываетъ только, что теорія поэзіи существенно раздѣляется на двѣ части—общую и прикладную: въ первой объясняется значеніе искусства вообще и излагаются законы, равно общіе всѣмъ искусствамъ; а во второй поэзія разсматривается какъ особенное искусство, имѣющее свои, только ей свойственные законы. Вотъ это-то *словесное* или *литературное* искусство, т.-е. *поэзія*, и должно противополагаться наукѣ для взаимнаго опредѣленія той или другой, какъ двухъ самостоятельныхъ областей литературы. Въ такомъ случаѣ ихъ различіе очевидно: наука—область спекулятивнаго, діалектическаго развитія истины, какъ мысли прямо, безъ всякаго посредства образовъ. Главный дѣятель науки—умъ, и всего менѣе фантазія. Искусство, слѣдовательно, и поэзія есть, напротивъ, *непосредственное* развитіе истины, въ которомъ мысль высказывается черезъ образъ, и въ которомъ главный дѣятель есть фантазія. Наука, разлагающею дѣятельностью разсудка, отвлекаетъ общія идеи отъ живыхъ явленій. Искусство, творящею дѣятельностью фантазіи, общія идеи являетъ живыми образами. Наука мертва для непосвященнаго въ ея таинства, искусство оказываетъ свое вліяніе иногда надъ самыми грубыми и невѣжественными людьми. Наука требуетъ всей жизни человѣка, всего человѣка; искусство болѣе или менѣе дается почти всякому. Наука дѣйствуетъ мыслію прямо на умъ; искусство дѣйствуетъ непосредственно на чувство человѣка. Это два полюса совершенно противоположные. Только въ исторіи наука и искусство соединяются вмѣстѣ для достиженія одной и той же цѣли, потому что въ наше время исторія есть столько же ученое, по внутреннему содержанію, сколько художественное, по изложенію произведеніе. Доселѣ мы говорили о наукѣ спекулятивной, которая весь міръ явленій переводитъ на языкъ мысли, идеи, и въ которой бытіе является единымъ изъ самого себя вѣчно развивающимся идеальнымъ началомъ; другая наука—наука опытная, эмпирическая, терпѣливымъ и по-

стояннымъ трудомъ медленно, шагъ за шагомъ, пріобрѣтающая и приготовляющая поприще для завоеванія мысли,—эта наука тоже противоположна искусству. Она находитъ, разлагаетъ, сравниваетъ, приводитъ въ порядокъ безконечный міръ фактовъ, классифируетъ ихъ. Она тоже не для толпы, а для избранныхъ, тоже требуетъ всей жизни человѣка, всего человѣка, также имѣетъ своихъ героевъ и мучениковъ.

Итакъ, вотъ первое различіе науки отъ искусства въ отношеніи къ обществу: тайны ея, т.-е. процессъ ея дѣятельности, доступенъ только для посвященныхъ, для тружениковъ, по страсти обрекшихъ себя ея служенію,—слѣдовательно, для самой малѣйшей части общества; результаты же науки доступны уже для большей части общества, т.-е. не для однихъ ученыхъ, но и для дилеттантовъ. Искусство, напротивъ, по его доступности существуетъ для всѣхъ, хотя и не въ равной мѣрѣ и не для всѣхъ одинаково.

Искусство существуетъ даже для дикихъ народовъ. Пѣснью дикарь торжествуетъ свою побѣду надъ врагомъ; пѣснью возбуждаетъ онъ въ себѣ воинственный пылъ, готовясь на битву, въ пѣснѣ изливаетъ онъ и горе и радость. Но неизмѣримое пространство раздѣляетъ народную пѣсню отъ художественной поэмы или драмы. Въ образованныхъ обществахъ (у которыхъ однихъ можетъ быть художественная поэзія) художественныя произведенія имѣютъ обширный кругъ читателей, а драматическая поэзія, черезъ театръ, дѣлается доступною даже безграмотнымъ людямъ. Однакожъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ художественныя произведенія были не только доступны всему обществу, но и вполнѣ доступны только его меньшей части. Для полнаго, истиннаго постиженія искусства, а слѣдовательно, и полнаго, истиннаго наслажденія имъ необходимо основательное изученіе, развитіе;—*эстетическое чувство*, получаемое человѣкомъ отъ природы, должно возвыситься на степень *эстетическаго вкуса*, пріобрѣтаемаго изученіемъ и развитіемъ [1]). А это возможно только для тѣхъ, кто на искусство смотритъ не какъ на пріятное препровожденіе времени, веселое занятіе отъ нечего дѣлать, или легкое средство отъ скуки, но кто видитъ въ искусствѣ серьезное дѣло, требующее размышленія, вызывающее на мысль, развивающее и умъ и сердце. Искусство должно имѣть не однихъ только дилеттантовъ, но и жрецовъ, героевъ и мучениковъ, которые, не производя ничего сами, тѣмъ не менѣе занимаются имъ какъ дѣломъ своей жизни, какъ своимъ назначеніемъ, горячо берутъ къ сердцу его успѣхи, его ослабленіе, его упадокъ; изучая его сами, объясняютъ его другимъ. Это та же наука, та же ученость, потому что для истиннаго постиженія искусства, для истиннаго наслажденія имъ нужно много и много, всегда и всегда учиться, и при томъ учиться многому такому, что̀, повидимому, находится совершенно внѣ сферы искусства. Сами дилеттанты, эти любезники искусства, ищущіе въ немъ только наслажденія и развлеченія, сами дилеттанты раздѣляются на множество разрядовъ, по степени ихъ страсти или пристрастія къ искусству. Для толпы же собственно существуютъ только результаты искусства, и то безъ ихъ вѣдома и сознанія: само искусство вовсе не существуетъ для нея, такъ же какъ и наука. Толпа никогда не понимаетъ высокихъ произведеній искусства, и они рѣдко ей нравятся, потому что, какъ мы сказали выше, искусство требуетъ изученія, требуетъ особеннаго посвященія въ его таинства. А между тѣмъ, необходимо, чтобъ и у толпы было свое искусство, своя литература. И толпа имѣетъ то и другое въ такъ называемой *беллетристикѣ*, за неимѣніемъ другого, болѣе опредѣлительнаго термина. Дѣятели беллетристики — таланты, иногда большіе, всего чаще малые. Беллетристика (belles-lettres) есть ежедневная пища общества, которая перемѣняется ежедневно, потому что одни и тѣ же блюда скоро надоѣдаютъ. Беллетристика относится къ искусству, какъ гравюры и литографіи относятся къ картинамъ, какъ статуетки и фигурки, бронзовыя, мраморныя и гипсовыя,—къ вѣковѣчнымъ произведеніямъ скульптуры, къ статуямъ Венеры-медичейской и Аполлона бельведерскаго. Какъ бы ни была хороша гравюра или литографія, хотя бы это была мастерская копія съ мастерской картины, она—не болѣе, какъ украшеніе вашей комнаты, украшеніе, которое скоро наскучаетъ, и вы спѣшите замѣнить ее другою, какъ спѣшите перемѣнить мебель, обои вашихъ комнатъ, занавѣски вашихъ оконъ, сообразуясь съ требованіями моды. Но если вы владѣете картиною великаго мастера и если умѣете понимать ее,—она никогда не наскучитъ вамъ, вы никогда не выучите ее наизусть, но всегда будете открывать въ ней новыя красоты, прежде незамѣченныя вами; вы повѣсите ее не для украшенія комнаты, потому что комната, какъ бы ни была великолѣпна, такъ же не стоитъ этой картины, такъ же недостойна украшаться ею, какъ ни стоитъ она человѣка. И вы для этой картины выберете не лучшую, не великолѣпнѣйшую, не роскошнѣйшую, а удобнѣйшую, хотя бы и самую простую комнату вашего дома,—комнату, которая должна быть

[1]) Ср. выше стр. 367 и см. также письмо Бѣлинскаго къ Станкевичу отъ сентября-октября 1839 года.

удобно для картины освѣщена, и въ которой не должно быть никакихъ игрушекъ. Изъ сказаннаго видно, въ чемъ состоитъ существенная разница между художественными и беллетристическими произведеніями. Вѣдь и гравюра и статуетка принадлежатъ къ области изящнаго, и въ нихъ есть и творчество и художественность; но въ какой мѣрѣ—вотъ вопросъ! Мало этого: всѣ эти игрушки, всѣ домашнія принадлежности—лампы, жирандоли, шандалы, чернильницы, прессъ-папье, сигарочницы, мебель и пр. и пр.,—всѣ эти вещи теперь дѣлаются съ такимъ вкусомъ, такимъ изяществомъ, что тѣ, которые изобрѣтаютъ ихъ форму, болѣе имѣютъ право называться артистами, нежели мастеровыми. Но естественно, что гравюры и статуетки стоятъ еще на высшей степени художественности, нежели домашняя утварь, и болѣе, нежели она, принадлежатъ къ міру изящнаго. Итакъ, гдѣ же, въ чемъ же та рѣзкая черта, которая отдѣляетъ искусство отъ беллетристики?—Рѣзкой черты нѣтъ и быть не можетъ, такъ же, какъ въ психологическомъ мірѣ нѣтъ рѣзкой черты между геніальностью и бездарностію, умомъ и глупостію, красотою и безобразіемъ, потому что между всѣми этими крайностями есть посредствующія звенья, переходы и оттѣнки незамѣтные и невидимые. Рѣзкой черты нѣтъ, но черта есть. Истинно художественное произведеніе безсмертно; оно составляетъ вѣчный капиталъ литературы. Оно, при своемъ появленіи, иногда можетъ быть даже не узнано и не признано современниками, не только толпою, но и учеными; однакожъ, оно возьметъ свое, и будущія поколѣнія преклонятся передъ нимъ, вдохновенныя вѣющимъ въ немъ духомъ новой жизни. Беллетристическія произведенія, напротивъ, могутъ добиваться только развѣ долговѣчности, но никогда не достигнутъ безсмертія; они родятся тысячами,—тысячами и умираютъ; вчера еще побѣдоносныя, владѣвшія вниманіемъ свѣта, восхищавшія и радовавшія его, веселыя, гордыя, свѣжія, живыя, яркія, блестящія,—сегодня они уже блекнутъ, вянутъ, а завтра ихъ нѣтъ. Всего болѣе и всего чаще они имѣютъ огромный успѣхъ при своемъ проявленіи, толпа тотчасъ же провозглашаетъ ихъ геніальными произведеніями, кромѣ ихъ не хочетъ ничего знать, ничего читать, ни о чемъ слышать, ни о чемъ говорить; но время идетъ, и колоссальное, великое произведеніе умираетъ вмалѣ, а неблагодарная толпа забываетъ даже, какъ она превозносила его, и нагло отпирается даже отъ знакомства съ нимъ, какъ отпираются люди отъ знакомства съ разорившимся богачомъ, у ногъ котораго недавно ползали они... Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ беллетристическія эфемериды были ничтожными явленіями и не заслуживали вниманія и уваженія людей дѣльныхъ. Нѣтъ, они необходимы, они имѣютъ великое значеніе, великій смыслъ. Само искусство такъ же не замѣнитъ ихъ, какъ и они не замѣнятъ искусства; они необходимы и благодѣтельны, какъ и художественныя произведенія. Они—искусство толпы; безъ нихъ толпа была бы лишена благодѣяній искусства. Сверхъ того, въ беллетристикѣ выражаются потребности настоящаго, дума и вопросъ дня, которыхъ иногда не предчувствовала ни наука, ни искусство, ни самъ авторъ подобнаго беллетристическаго произведенія. Слѣдовательно, подобныя произведенія, такъ же какъ и наука и искусство, бываютъ живыми откровеніями дѣйствительности, живою почвою истины и зерномъ будущаго.

Итакъ, мы нашли уже три области литературы: науку, искусство (поэзію) и беллетристику. Но это еще не все: останется еще область, неназванная нами, но не менѣе великая и важная, особенно въ наше время, въ которое она развилась такъ и усилилась. Для этой области нѣтъ названія на русскомъ языкѣ, и потому мы назовемъ ее такъ, какъ она называется тамъ, гдѣ родилась, гдѣ ея владычество и сила—прессою (la presse). Въ эту область литературы входитъ журналистика, брошюра, словомъ, все, что̀ легко, изящно и доступно для всѣхъ и каждаго, для общества, для толпы, что̀ популяризируетъ, обобщаетъ идеи, знакомитъ съ результатами науки и искусства и распространяетъ энциклопедическое образованіе, превращаетъ интересы и вопросы, самые отвлеченные и глубокіе, въ интересы и вопросы жизни, для всѣхъ и каждаго равно близкіе и важные, словомъ, сближаетъ науку и искусство съ жизнію.

Теперь взглянемъ на взаимныя отношенія этихъ четырехъ областей литературы, чтобъ увидѣть, какъ и въ какой мѣрѣ всѣ онѣ могутъ служить содержаніемъ *исторіи литературы*.

Наука имѣетъ свою исторію, искусство также; но искусствъ много, каждое изъ нихъ, независимо отъ другихъ, можетъ имѣть свою исторію, слѣдовательно, и словесное или литературное искусство — поэзія. Но исторія поэзіи, безъ связи съ исторіею беллетристики и прессы вообще, была бы неполна и одностороння; слѣдовательно, она такъ и просится сама въ исторію литературы, какъ одна изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ частей ея. Наука, несмотря на всю свою противоположность поэзіи, не можетъ не дѣйствовать на нее, ни не принимать на себя ея вліянія. Мы не будемъ говорить уже о

томъ, какъ дѣйствуетъ философія на поэзію и поэзія на философію: это завлекло бы слишкомъ далеко: скажемъ только, что никакъ невозможно отрицать хотя непрямого и невидимаго вліянія на искусство даже положительныхъ наукъ, какова, напр., математика. Новый способъ рѣшать теорему, конечно, не можетъ имѣть никакого вліянія на искусство; но рѣшеніе вопроса о круглотѣ земли и ея обращеніи вокругъ неподвижнаго, въ отношеніи къ ней, солнца, о движеніи всей міровой системы, — рѣшеніе такихъ вопросовъ, развязавъ умы, сдѣлавъ ихъ смѣлѣе и полетистѣе, могло ли не имѣть вліянія на фантазію поэта и его произведенія? Все живое — въ связи между собою; наука и искусство суть стороны бытія, которое едино и цѣло: могутъ ли стороны одного предмета быть чужды другъ другу? Итакъ, исторія науки должна входить въ исторію литературы, по крайней мѣрѣ, въ той мѣрѣ, въ какой наука, по своимъ результатамъ, имѣла вліяніе на искусство. Вліяніе поэзіи на беллетристику очевидно: беллетристика есть та же поэзія, только низшая, менѣе строгая и чистая, — то же золото, только низшей пробы, только смѣшанное съ металлами низшаго достоинства. Поэзія даетъ беллетристикѣ жизнь и направленіе, и потому иногда одно высокое художественное произведеніе порождаетъ множество болѣе или менѣе прекрасныхъ беллетристическихъ явленій; одинъ геній даетъ полетъ множеству талантовъ. Но и беллетристика, съ своей стороны, имѣетъ вліяніе на искусство: она переводитъ на языкъ толпы его идеи, и даже дѣлаетъ толпѣ доступными художественныя произведенія, подражая имъ. Сверхъ того, беллетристика имѣетъ свои минуты откровенія, указывая на живыя потребности общества, на непредвидѣнные вопросы дня, и не даетъ искусству изолироваться отъ жизни, отъ общества и принять характеръ педантическій и аскетическій. Что же касается до прессы,—она всему служитъ, она равно необходима и наукѣ, и искусству, и беллетристикѣ, и обществу.

Итакъ, содержаніе исторіи литературы составляетъ: исторія поэзіи, беллетристики, прессы и, отчасти, науки. Въ этомъ случаѣ мы нисколько не разнимся съ г. Никитенко во взглядѣ на предметъ; но намъ кажется, что онъ не довольно опредѣлительно выразился въ рѣшеніи этого вопроса. Вотъ почти единственное мѣсто во всемъ *Введеніи*, которое мы могли не оспаривать, потому что въ сущности мы согласны съ нимъ, но противъ котораго мы нашли сказать что-нибудь. Почти во всемъ остальномъ мы вполнѣ согласны съ идеями автора, такъ прекрасно вездѣ изложенными. Мы могли бы прослѣдить ихъ, чтобы представить содержаніе всей книги г. Никитенко; но думаемъ, что для читателей будетъ пріятнѣе непосредственно познакомиться съ этою книгою. И потому, ограничимся выпискою нѣсколькихъ мѣстъ, не для того, чтобы черезъ нихъ ознакомить публику съ книгою, но чтобъ украсить ими нашу статью. Сверхъ того, есть мысли, которыя полезно повторять какъ можно чаще: такихъ мыслей очень много въ книгѣ почтеннаго профессора. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ были уже высказаны и прежде; но подъ перомъ г. Никитенко они принимаютъ всю свѣжесть и все благоуханіе новости. Послушаемъ, напримѣръ, что́ говоритъ онъ противъ обскурантизма, прикрываемаго моральными видами, противъ нравственности, основанной на невѣжествѣ.

„Но не видимъ ли мы, могутъ сказать намъ еще, что народы, достигшіе высокаго литературнаго образованія, страдаютъ отъ пороковъ своихъ столько же, сколько поколѣнія невѣжественныя, или эти варварскія скопища людей звѣрообразныхъ, промчавшіяся съ шумомъ по лицу земли и въ упоеніи крови человѣческой и животныхъ страстей своихъ неуспѣвшіе даже замѣтить, что они варвары? Но что́ это доказываетъ? Сколько ни находили бы пороковъ въ обществахъ, сдѣлавшихъ изъ ума своего употребленіе, какое свойственно вѣчно дѣятельной и развивающейся природѣ нашей, все же они неизмѣримо нравственнѣе и счастливѣе тѣхъ, кои осудили себя на умственную неподвижность. Суровая дикость народовъ, отвращеніе къ наукѣ, къ искусству, ко всему мыслительному, привязанность къ грубымъ обычаямъ, которые должны же перемѣниться, потому что на свѣтѣ все перемѣняется, страсть къ смраду и нечистотѣ въ понятіяхъ, поступкахъ и образѣ жизни, свирѣпая роскошь дракъ, пытокъ и костровъ совсѣмъ не заслуживаютъ того уваженія, какое оказываютъ имъ защитники ложно понимаемой патріархальной простоты. Человѣкъ бываетъ гораздо хуже тогда, когда онъ не мыслитъ вовсе, нежели тогда, когда онъ ошибается мысля. И эта прелесть невѣжества, или *милая дикость*, какъ назвалъ ее одинъ изъ нашихъ поэтовъ, по которой такъ вздыхаютъ души тощія или завлеченныя въ софизмы желаніемъ казаться глубокомысленными, въ существѣ своемъ не иное что, какъ безобразная животность, въ которой суждено человѣку начать свое бытіе, потому что онъ сынъ земли, но которую онъ обязанъ покорить разуму и перообразовать, потому что ему для этого именно и данъ разумъ. Нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ принимать за предлогъ униженія великихъ предметовъ то зло, какое къ нимъ прививаютъ люди, какъ будто есть сила, способная даровать намъ на землѣ совершенное блаженство, какъ будто совершенство въ чемъ бы то ни было не есть идеалъ, а что-то возможное для человѣка, и какъ будто во всякомъ случаѣ терпѣть и умирать не есть долгъ нашъ. Не словомъ *все*, а словами *болѣе* или *менѣе* означается сумма, которую мы можемъ получить отъ нашихъ успѣховъ. Когда обществу удалось уничтожить одно изъ золъ, угнетавшихъ поколѣніе, которое ему предшествовало, и пріобрѣсти новую истину — это сдѣлало шагъ впередъ, несмотря на то, что въ самыхъ процессахъ его работы, можетъ быть, зародилось и новое зло, и новое заблужденіе. Таковъ удѣлъ человѣка. Наконецъ, не отъ насъ зависитъ форма на-

шего жребія. Человѣку суждено и бѣдствовать по-человѣчески; не въ боляхъ тѣла, но въ мукахъ сердца искушается его мужество, и самая лучшая слава, какою только можетъ гордиться человѣчество, есть слава тѣхъ, которые умѣли страдать и умирать за истину".

Вообще, выборъ выписокъ изъ такой книги, какъ это введеніе въ „Опытъ", крайне затруднителенъ; не знаешь, чему отдать предпочтеніе; желая сохранить послѣдовательность идей, поневолѣ выписываешь больше, нежели сколько позволяютъ предѣлы статьи. Остановимся на четвертой главѣ, содержащей въ себѣ свѣтлый и одушевленный взглядъ на реформу Петра Великаго и на предшествовавшее ей схоластическое направленіе нашей учености, черезъ Кіевскую Академію. Въ обоихъ этихъ вопросахъ авторъ имѣетъ въ виду преимущественно русскую народность, говоря о которой, естественно, онъ не можетъ не говорить о ея поборникахъ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ мы начали понимать наше національное достоинство, много явилось у насъ предположеній болѣе или менѣе патріотическихъ, болѣе или менѣе остроумныхъ о великихъ судьбахъ нашего отечества, о его призваніи обновить дряхлѣющее человѣчество, примирить элементы Востока и Запада и проч. Были даже такіе жаркіе ревнители отечественной славы, которые хотѣли усыновить Россію Аттилѣ и тѣмъ доказать неоспоримое ея право и возможность выбросить Европу за окно вселенной съ ея желѣзными дорогами, паровыми машинами, книгопечатаніемъ, съ гробами Ньютоновъ, Декартовъ, Данте, Шекспировъ, Гёте. Эти дѣтскія теоріи, при всей ихъ пылкости, ничего не рѣшатъ о томъ, чего знать никому не дано, т.-е., о будущемъ состояніи вещей. Къ сожалѣнію, онѣ такъ же ничтожны и для настоящаго. Вмѣсто того, чтобы озарять свѣтомъ основательнаго знанія предметы, тѣсно связанные съ благоденствіемъ и славою отечества, или воодушевлять сердца ревностію ко всему разумному, честному, нравственно великому и тѣмъ точно содѣйствовать великимъ судьбамъ народа, хотя и не во вкусѣ Аттилы,— эти теоріи, будучи пустою игрою праздной фантазіи или надутаго школьнаго суесловія, чуждыя существенныхъ интересовъ общества, разлетаются поверхъ него дымомъ, не пробуждая ни въ комъ ни одного плодоносящаго убѣжденія и вѣрованія.

. . . . . .

Изъ нѣдръ народа, въ лицѣ державнаго генія, возникло могущество съ идеями разума всемірнаго и характеромъ творческимъ, соединяющее въ себѣ нравственное превосходство съ политическою диктатурою, съ возможностію располагать средствами громадными и неистощимыми. Проникнутое трепетнымъ сознаніемъ опасности, какою угрожали обществу презрѣнныя выгоды образованности, преисполнясь глубокою народностію не нравовъ, а духа, преодолѣвшаго суровые нравы, оно, крѣпкое давно существующими хотя и невыказанными нуждами этой стихійной безсмертной народности, разбило вѣковыя преграды и вынесло, такъ сказать, на плечахъ своихъ изъ тѣсноты и мрака наши способности, нашу угнетенную, но живую нравственную силу, чтобы поставить ихъ лицомъ къ лицу со всѣми высшими задачами и цѣлями исторіи. Такимъ-то необычайнымъ способомъ Россія вошла въ свою естественную сферу жизни; ее допустили съ почтеніемъ къ участію въ судьбѣ народовъ образованныхъ, но не по праву преданій, или памяти прежнихъ заслугъ, а единственно по праву ея дарованій, во имя блестящей будущности, не въ примѣръ другимъ. Сперва движеніе мысли у насъ въ наукѣ, въ литературѣ, въ обществѣ казалось шаткимъ и неопредѣленнымъ: ей недоставало историческаго происхожденія и матеріальной фактической опоры въ предыдущемъ порядкѣ событій. Фактъ удерживалъ бы ее въ границахъ, но въ то же время служилъ бы ей твердымъ основаніемъ и убѣжищемъ отъ многихъ заблужденій, съ которыми она встрѣчалась невольно въ своемъ беззаботномъ странствованіи. Но, къ сожалѣнію, она произошла не отъ фактической породы, а отъ породы идей, и ей надобно было еще пріобрѣсти себѣ руководителей и опоры въ самой жизни, въ вещахъ. Дѣйствительно, съ пробужденіемъ нашихъ способностей нужды новаго неиспытаннаго существованія возрастали болѣе и болѣе; эти-то нужды должны были замѣнить для мысли нашей элементы историческіе и сдѣлаться ея почвою. Это исполнилось. Мало-по-малу въ новомъ преобразованномъ обществѣ возникло множество человѣческихъ вопросовъ, множество отношеній, страстей, желаній, которымъ могла удовлетворять одна мысль. Политическая степень, занятая государствомъ, участіе съ величайшихъ всемірныхъ событіяхъ, виды новаго законодательства, потребности новаго гражданскаго порядка — все это взывало къ мысли, требовало ея могучаго содѣйствія. Отвсюду объятая интересами жизни, она пустила въ нихъ свой корень, начала развиваться, дѣлаться образованностію самостоятельною. Откуда она пришла? Чья она? Скоро перестанемъ мы спрашивать о томъ: мы только будемъ гордиться ею, какъ нашимъ прекраснымъ достояніемъ, несмотря на разительное ея сходство съ физіономіей Европы и человѣчества. Изумительное, неслыханное явленіе, если мы сравнимъ настоящее съ прошедшимъ. Между тѣмъ оно есть не болѣе, какъ возвращеніе народомъ того, что онъ случайно обронилъ въ суматохѣ пожаровъ и кровопролитій, или что у него украли враги и судьба. Если бъ можно было чему-нибудь удивиться на землѣ, то не тому, что мы нынѣ, а тому, какъ могли мы съ нашими способностями, съ славяно-европейскимъ умомъ и сердцемъ такъ долго быть иными. Теперь не время предаваться пустымъ словопреніямъ о томъ, какую бы систему образованія слѣдовало намъ принять—она рѣшена и принята, не по совѣту теорій и волѣ людей, но по волѣ промысла и непреоборимому влеченію національнаго генія. Мы дѣти Славяно-Руссовъ и Византіи; отъ нихъ мы получили драгоцѣнное наслѣдіе—нашу душу и жизнь души, святую православную вѣру; не менѣе того мы дѣти Петра. Онъ не создалъ въ насъ нравственной возможности быть тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось, потому что этого люди не созидаютъ. Онъ самъ, напротивъ, былъ Славяно-Руссомъ и сыномъ вѣры въ чистѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ. Но онъ первый глубокимъ инстинктомъ генія понялъ основныя начала нашей народности, несмотря на грубую накипь варварства, наросшую на ней въ вѣка татарства; первый измѣрилъ наше нравственное могущество, первый увѣровалъ въ высокое его призваніе и голосомъ смѣлымъ, полнымъ симпатіи и надежды, воззвалъ его къ развитію и дѣятельности. По предметамъ, по цѣли, если угодно, по фактамъ, это было новое и чрезвычайное событіе, которое исторія наша по справедливости называетъ реформою, переворотомъ; по внутреннему прагматизму мысли, это былъ естественный логическій шагъ нашей народности, задержанной въ своемъ ходѣ, но не измѣненной въ сущности ни Татарами, ни реформою. Она, эта гибкая, крѣпкая, энергическая, свѣтлоумная, аналитическая народность въ самой колыбели своей обречена дѣйствовать, какъ она дѣй-

ствуетъ, обречена стереть съ лица земли двухъ завоевателей, одного храбраго, другого величайшаго, брить бороду, носить модныя шляпки и фраки Парижа, читать Байрона, Шекспира, Гёте, Шеллинга и Гегеля, говорить языкомъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Крылова, имѣть университеты, академіи и гимназіи. То, что при другихъ обстоятельствахъ могло бы произойти и явиться въ XV или XVI вѣкѣ, то явилось въ XVIII и XIX—вотъ вся разница!"

Опровергая нелѣпую мысль, будто реформа Петра Великаго была насильственнымъ событіемъ, авторъ обозрѣваетъ бѣгло исторію Россіи до Петра, показывая, что и тогда она не стояла на одномъ мѣстѣ, но измѣнялась, и что еще при Царѣ Алексіи Михаиловичѣ началось вторженіе въ Россію иностранныхъ идей.

„Скоро явились двѣ новыя силы, какъ бы для того, чтобы взволновать, наконецъ, тяжелое, удрученное самимъ собою общество—Кіевъ и Никонъ. Кіевъ предсталъ съ самыми благовидными дарами — съ дарами науки, которую онъ скромно воздѣлывалъ въ стѣнахъ своей Академіи по схоластическимъ понятіямъ. Это было важнымъ событіемъ для тогдашняго общества. Оно увидѣло вдругъ передъ собою хитро сложенную машину, для добыванія и обработки мыслей—науку. Дѣйствительно, это была машина, которую съ успѣхомъ могли бы употребить люди, до того уже обогащенные матеріалами знанія, что слѣдовало позаботиться о формѣ, о его устройствѣ и администраціи. Этого не было—и потому-то надлежало бы начать не съ однѣхъ формъ, но съ возбужденія духа; надлежало бы воскресить въ умахъ то симпатическое сочувствіе къ знанію, которое такъ свойственно человѣческой и русской натурѣ и которое дѣйствуетъ сперва темно и шатко, но наконецъ, возрастая постепенно, принимаетъ участіе, чтобъ сквозь сердце перелить его въ умъ. Нужно было коренное и всеобщее потрясеніе умовъ — нужно было движеніе, сила, блескъ, чтобъ поразить ихъ, пробудить и заставить бѣжать изъ логовищъ вѣкового мрака навстрѣчу свѣта и дня. Между тѣмъ, что передъ ними было? Скелетъ безъ души и жизни, способный своимъ неестественнымъ движеніемъ устрашить людей болѣе мужественныхъ и опытныхъ въ предметахъ умственныхъ, чѣмъ тѣ, съ которыми приходилось имѣть дѣло этой трудолюбивой, благонамѣренной и полезной, но тощей убогой наукѣ. Что жъ сдѣлала она для русскаго общества? Отчасти ничего не сдѣлала, а отчасти поссорила съ знаніемъ русскій умъ, который можно обмануть дѣлами, но не идеями. Этого не довольно. У насъ оставался языкъ—важный, сжатый, благолѣпный, языкъ вѣры, образовавшійся и созрѣвшій въ духѣ великихъ истинъ, который призванъ былъ возвѣщать и хранить; другой языкъ, возникшій изъ перваго, но переработанный народнымъ умомъ и чувствомъ, получившій отъ нихъ ихъ неуловимую гибкость, ясность, пластицизмъ и простоту. Мы имѣли еще языкъ слитый изъ обоихъ предыдущихъ, языкъ государственныхъ нуждъ, дипломаціи, безъ утонченной лживой хитросплетенности, законовъ безъ обоюдности значеній, съ формами строгими, точными, выговаривавшій волю законодателя безъ шатости и необходимости договаривать ее—языкъ воззванія властей къ народу, исполненный трогательнаго краснорѣчія и царственнаго величія. Что сдѣлала изъ нихъ кіевская наука? Перемѣшала ихъ, набросала въ нихъ полонизмовъ, перелила въ тяжелыя латинскія формы и, подкрасивъ все это схоластической риторикою, составила языкъ новый, которому не можетъ быть мѣста ни въ наукѣ, потому что онъ теменъ, какъ незнаніе, ни въ литературѣ, потому что онъ неспособенъ нравиться и увлекать, какъ истинное безобразіе, ни въ жизни, потому что искусственъ и неестественъ, какъ синекдоха и хрія.

„Но вотъ на сценѣ Никонъ. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ нашей исторіи, съ чертами рѣзкими, съ физіономіей, дышущей сознаніемъ личной воли, умъ парящій замыслами, по выраженію поэта. Мы мало изучали эту энергическую душу, созданную для того, чтобъ властвовать, воздымать бури и не бояться ихъ,—а она стбитъ изученія. Потребность возстановленія текста въ священныхъ книгахъ, повреждавшагося въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій переписки, давно чувствовали всѣ мыслящіе люди. Этотъ досугъ критицизма, внушаемый самою чистотою Божественнаго ученія, робко проглядывалъ въ убѣжденіяхъ, не переходя въ рѣшеніе и мѣру. Никонъ, влеченіемъ упругой своей воли никогда не останавливавшійся на половинѣ пути, мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ превратилъ въ вопросъ общественный, и чего желали, чего боялись многіе, онъ совершилъ къ чести своего времени. Ничто не можетъ быть проще и сообразнѣе съ разумомъ вѣры, какъ это возвращеніе къ истинному и ясному значенію писанія, предпринятое и освященное самымъ авторитетомъ Церкви. Мы знаемъ, однакожъ, какъ подѣйствовалъ этотъ благородный, открытый, просвѣщенный подвигъ на грубую массу народа, который, по характеру своего ума, способенъ понять и оцѣнить всякую ясную и правдивую мысль, но который теперь враждовалъ противъ самой очевидной истины, потому что его прекрасный, свѣтлый умъ отяжелѣлъ, отуманился отъ бездѣйствія, требовалъ возбужденія и не находилъ его. Возникли цѣлыя ученія, болѣе или менѣе нелѣпыя, болѣе или менѣе удалявшіяся отъ святого и великаго единства религіознаго, въ которомъ издревле сосредоточивались умы и сердца русскіе; пришли въ нестройное движеніе не только идеи, но страсти, и взволновали цѣлое современное общество, угрожая будущностію столь же тревожною и сомнительною.

„Между тѣмъ какъ такимъ образомъ все перемѣнялось, или, лучше сказать, запутывалось на высотѣ общественныхъ понятій и вѣрованій, изъ нѣдръ матеріальной силы народа возникало чудовище дикое и свирѣпое, съ жаждою крови, вина и денегъ, соединявшее въ своемъ звѣрскомъ брадатомъ лицѣ всѣ ужасы, всѣ пороки, весь осадокъ татарскаго элемента—мы говоримъ о стрѣльцахъ. Владѣя пищалью, не какъ благороднымъ оружіемъ, а какъ дреколіемъ, нестройное и чуждое успѣхамъ своего ремесла, это сословіе, трусливое передъ непріятелемъ и храброе только передъ мирными гражданами, вдругъ захотѣло свою неистовую волю поставить въ число первенствующихъ общественныхъ началъ. Къ полному несчастію этой бурной эпохи именно недоставало только, чтобы къ броженію понятій и нравственной огрубѣлости присоединилась физическая сила съ поползновеніемъ участвовать въ общемъ волненіи. Это несчастіе свершилось. Стрѣльцы не только захотѣли участвовать въ немъ, но рѣшать жребій царства.

„Такой-то порядокъ, или, лучше сказать, безпорядокъ вещей сложился въ Россіи передъ самымъ появленіемъ Петра Великаго. Это было, если угодно, движеніе; но какое? это не было движеніе развитія, возрастанія, обѣщающаго естественный цвѣтъ и плодъ, а судороги встревоженной суровой силы, которую раздразнили дотрогиваясь до нее истиною, новыми понятіями и полумѣрами.

. . . . . .

„Мы увѣрены, что простой здравый умъ не могъ бы иначе разсуждать, смотря на состояніе вещей въ эпоху предъ-Петровскую, и если бъ, какъ мы сказали прежде, ему ввѣрена была судьба народа, онъ не могъ бы не покориться влеченію событій; онъ повелъ бы народъ по новому пути—и погубилъ бы его, потому что простымъ обыкновеннымъ умомъ нельзя совершать подобныхъ дѣлъ. Таково было состояніе нравовъ и обстоятельствъ, что, предпринявъ систематически наклонять ихъ къ новымъ началамъ и переходя отъ одного измѣненія къ другому, надлежало наконецъ прійти къ тѣмъ рѣшительнымъ и неожиданнымъ слѣдствіямъ, гдѣ среднія мѣры уже недѣйствительны, гдѣ надобно устремиться къ крайности, чтобъ избѣжать противоположной, гдѣ надобно отважиться на все, чтобъ довершить, потому только, что начали. Когда провидѣніе изъ потрясенныхъ основаній прежняго, изъ чрезвычайнаго боренія жизненныхъ стихій хочетъ извлечь новую цвѣтущую жизнь, оно посылаетъ своего уполномоченнаго — генія, и даетъ ему право и силу дѣйствовать способами необычайными, приводящими въ трепетъ и недоумѣніе умы навыка и рутины. Оно послало Россіи Петра. Но Петръ ничего не сдѣлалъ бы безъ тайнаго сочувствія народа къ новому порядку вещей, который справедливо называютъ Петровскою реформой, если думаютъ, что безъ него онъ бы не существовалъ и крайне несправедливо, если вѣрятъ, что онъ его изобрѣлъ и создалъ.

„Говорятъ, что Петръ Великій ослабилъ нашу народность. Какая клевета на него и на Россію! Что за народность, которую воля одного человѣка могла въ продолженіе четверти столѣтія ослабить своими учрежденіями? Неужели она состояла въ оцѣпенѣніи духа, въ невѣжествѣ, чуждавшемся всякихъ успѣховъ науки, искусства и гражданственности, въ грубыхъ азіатскихъ обычаяхъ, въ ожесточеніи нравовъ, съ чѣмъ Петръ Великій велъ такую достославную и побѣдоносную борьбу? Нѣтъ! это не была народность наша, это было искаженіе ея. То, что̀ составляетъ вѣчную сущность и святыню ея — нашъ умъ, наше сердце никогда изъ собственныхъ нѣдръ не могли родить этихъ змѣй, высасывавшихъ въ самомъ корнѣ живительные соки,—надежду роскошнаго цвѣта и плода. Ихъ родило и воспитало горькое рабство, постигшее насъ въ тѣ смутные дни, когда юные и неопытные, мы не научились еще владѣть и пользоваться нашими силами. Избавить насъ отъ злополучныхъ остатковъ этого рабства, возвратить насъ наукѣ, искусству со всѣми ихъ безмѣрными слѣдствіями, возвратить Европѣ, человѣчеству, самимъ себѣ, значило возстановить нашу народность.—Пусть же уста наши не произносятъ имени Петра Великаго иначе, какъ съ жаркою любовью, съ молитвеннымъ благоговѣніемъ въ сердцѣ: онъ есть истинный возстановитель нашей народности.

„Итакъ, къ чему умствовать суетно и безплодно о будущихъ судьбахъ Россіи, которыхъ нѣтъ въ предѣлахъ нашего знанія конечно потому, что онѣ будущія? Будущность наша велика — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но она должна быть предметомъ патріотической вѣры въ нашемъ сердцѣ и источникомъ всякаго умственнаго и гражданскаго воодушевленія, а не основаніемъ выводовъ для практическихъ ежедневныхъ приложеній. Къ чему также вопреки самымъ великимъ судьбамъ будущаго обращаться вспять къ такому прошедшему, которое можетъ служить урокомъ для жизни, но не дѣятелемъ ея? Наше настоящее можетъ быть обильнѣе нуждами, требующими постоянныхъ усилій ума, чѣмъ настоящее другихъ; оно имѣетъ свой характеръ, котораго нельзя изъяснить общими историческими мѣстами; по своей чрезвычайности оно не подходитъ подъ ихъ обыкновенныя категоріи и формулы. Мы народъ новый въ исторіи всемірной умственной дѣятельности—вотъ истина столь же простая, сколь и важная для насъ. Мы должны не продолжать, но начинать; наше богатство не въ наслѣдствѣ, а въ собственной разумной дѣятельности, для которой небо щедро надѣлило насъ способностями. Въ нихъ-то, въ этихъ прекрасныхъ способностяхъ наша твердая опора и наши драгоцѣннѣйшія надежды на поприщѣ знанія и искусства. Всѣ патріотическія идеологіи должны умолкнуть предъ существенными патріотическими интересами, которые можно выразить двумя словами: *наука и трудъ*. Мы немного успѣли еще въ той и другомъ. Но въ какомъ духѣ должны мы учиться и трудиться? Вопросъ странный! какъ будто духъ зависитъ отъ выбора людей. Онъ есть духъ вѣка, духъ нашихъ вѣрованій, нашихъ общественныхъ нуждъ, сердечныхъ обѣтовъ и желаній, духъ нашей славы и самобытности. Ему трудно заглянуть въ лицо. Онъ увлекаетъ насъ своею неотразимою силою быстрѣе, чѣмъ мы произносимъ слово: *хочу*, и прежде чѣмъ мы успѣли примѣтить его власть надъ нашими понятіями и чувствами, онъ ужъ властвуетъ; ему не нужно нашего признанія, потому что онъ царствуетъ по праву, потому что онъ духъ убѣжденія и эпохи, а не выдуманный духъ касты или ученой системы. Онъ не требуетъ повиновенія себѣ, потому что его имѣетъ; онъ требуетъ *для насъ*, т.-е. для избавленія насъ отъ донкихотства, вмѣстѣ съ повиновеніемъ существенныхъ услугъ, а не грезъ и восклицаній—и за первыя онъ платитъ только удостоивая ихъ принять, а за вторыя ничѣмъ, если невниманіе должно принять за ничто въ такомъ дѣлѣ, гдѣ желаютъ *чего-то*...“

Боясь перепечатать всю книгу г. Никитенко, останавливаемся здѣсь. Мы и безъ того сдѣлали выписокъ гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобъ дать понятіе о достоинствѣ этого сочиненія и возбудить въ нашихъ читателяхъ желаніе познакомиться съ нимъ ближе. Подобная книга есть пріобрѣтеніе и для литературы, и для публики, читающей для пользы; но еще большее пріобрѣтеніе увидятъ для себя въ ней молодыя поколѣнія. Пожелаемъ вмѣстѣ съ ними, чтобы слѣдующія части труда г. Никитенко не замедлили выходомъ въ свѣтъ.

1845 г.

52. Кантемиръ.

Статья Бѣлинскаго о Кантемирѣ относится къ числу тѣхъ статей, о которыхъ мы говорили въ концѣ предыдущей вступительной замѣтки: она должна была войти въ составлявшуюся Бѣлинскимъ „Критическую исторію русской литературы“. Статья эта была напечатана не въ „Отеч. Запискахъ“, а въ „Литературной Газетѣ“ (1845 г., №№ 6—8), принадлежавшей однако тому же Краевскому, издателю „Отеч. Записокъ“. Бѣлинскій задумалъ написать въ этой „Литературной Газетѣ“ цѣлый рядъ историко-литературныхъ очерковъ, которые должны были составить въ цѣломъ „Портретную галлерею русскихъ писателей“. Вотъ что̀ самъ Бѣлинскій говоритъ въ предисловіи къ этимъ задуманнымъ очеркамъ: „мы начинаемъ рядъ статей, изъ которыхъ каждая будетъ содержать въ себѣ критическую характеристику одного изъ извѣстныхъ русскихъ писателей, и при каждой изъ нихъ будетъ находиться политипажный портретъ разбираемаго автора. Статьи наши—не критики, но только критическіе очерки, по возможности легкіе и краткіе. Такъ какъ въ порядкѣ этихъ статей мы намѣрены держаться строгой исторической послѣдовательности, то изъ нашихъ *многихъ* очерковъ русскихъ писателей современемъ долженъ выйти *одинъ* очеркъ исторіи русской литературы, тѣмъ болѣе, что всѣ они, какъ составленные однимъ лицомъ, будутъ отличаться единствомъ воззрѣнія и изложенія“. Но и этотъ планъ Бѣлинскому не удалось осуществить: настоящимъ очеркомъ о Кантемирѣ началась и закончилась задуманная Бѣлинскимъ работа.

Не одинъ разъ уже приходилось Бѣлинскому высказываться о Кантемирѣ, но отзывы эти были различные, въ зависимости отъ эстетическихъ и соціальныхъ воззрѣній Бѣлинскаго. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій ограничился замѣчаніемъ, что Кантемиръ былъ не поэтъ, что сатиры его были плодомъ надуманности и холодной наблюдательности (т. I, стр. 33). Въ обзорѣ русской литературы за 1840 годъ Бѣлинскій повторилъ и развилъ это сужденіе о Кантемирѣ, иронически назвавъ его „великимъ талантомъ“ и заявивъ, что его сатиры — мертвый историческій фактъ, совершенно не связанный съ народной жизнью петровской эпохи (т. I, стр. 1003 — 1004). Отъ этого совершенно невѣрнаго взгляда Бѣлинскій не отказался и годомъ позднѣе, въ своемъ обзорѣ литературы за 1841 годъ: онъ пренебрежительно замѣчаетъ тамъ о Кантемирѣ, что сатиры его годятся только для украшенія библіотекъ и что перечитывать ихъ—страшно и подумать (см. выше стр. 244). А между тѣмъ въ это время Бѣлинскій стоялъ уже на „соціальной“ точкѣ зрѣнія, отказавшись отъ исключительности былого эстетизма; рѣзко отрицательное отношеніе его къ Кантемиру было поэтому уже непослѣдовательнымъ, и раньше или позже Бѣлинскій долженъ былъ пересмотрѣть этотъ вопросъ.

Онъ и сдѣлалъ это въ настоящей статьѣ. Онъ увидѣлъ теперь въ Кантемирѣ замѣчательнаго писателя, тѣсно связаннаго съ своей эпохой — эпохой революціонной реформы Петра: „Кантемиръ — говоритъ Бѣлинскій — является первымъ писателемъ, вызваннымъ реформою того Петра Великаго, образъ и духъ котораго глубоко впечатлѣлся еще въ юношеской душѣ будущаго сатирика. Такимъ образомъ Кантемиръ былъ первымъ сподвижникомъ Петра на такомъ поприщѣ, котораго Петръ не дождался увидѣть, но которое, какъ и все въ Россіи, приготовлено имъ же“. Кантемиръ такимъ образомъ былъ связанъ съ народной жизнью, являясь однимъ изъ главныхъ представителей разрозненной петровской „интеллигенціи“; сатиры его были поэтому не мертворожденнымъ литературнымъ фактомъ, но фактомъ жизни. Это и подчеркнулъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ, отмѣтивъ *реалистичность* сатиръ Кантемира; вмѣстѣ съ этимъ Бѣлинскій обращаетъ вниманіе читателей на соціальные мотивы въ сатирахъ этого писателя, на тѣ многочисленныя мѣста, „которыя могутъ служить торжественнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что наша литература, даже въ самомъ началѣ ея, была провозвѣстницею для общества всѣхъ благородныхъ чувствъ, всѣхъ высокихъ понятій. Да она умѣла не только льстить, но и выговаривать святыя истины о человѣческомъ достоинствѣ“... А потому Бѣлинскій теперь уже не думаетъ, что сатиры Кантемира „страшно и подумать“ перечитать; наоборотъ, онъ видитъ въ нихъ „столько оригинальности, столько ума и остроумія, такія яркія и вѣрныя картины тогдашняго общества,... что развернуть изрѣдка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь изъ его сатиръ есть истинное наслажденіе“.

Бѣлинскій заканчиваетъ свою статью

краткой библіографіей вопроса; къ ней и теперь можно прибавить немногое: статью Дудышкина въ „Современникѣ“ 1848 г., т. XII; статью Пыпина въ III томѣ его „Исторіи русской литературы“ (тамъ же см. и библіографическія свѣдѣнія) и еще два-три очерка жизни и дѣятельности Кантемира — Стоюнина, Пекарскаго и др. Въ ряду этихъ статей настоящая популярная статейка Бѣлинскаго („легкій и краткій очеркъ“, по его собственному опредѣленію) занимаетъ все же видное мѣсто.

И.-Р.

Русскую литературу начинаютъ съ Ломоносова, — и справедливо. Ломоносовъ дѣйствительно былъ основателемъ русской литературы. Какъ геніальный человѣкъ, онъ далъ ей форму и направленіе, которыя она надолго удержала. Каковы были эта форма и это направленіе—вопросъ другой; дѣло въ томъ, что дать форму и направленіе цѣлой литературѣ могъ только человѣкъ необыкновенный, но, несмотря на общее согласіе въ томъ, что русская литература начинается съ Ломоносова, всѣ начинаютъ ея исторію съ Кантемира. Это тоже справедливо. Если Кантемиръ и Тредьяковскій не были основателями русской литературы, ихъ труды нѣкоторымъ образомъ были какъ бы предисловіемъ къ ея основанію. Оба они, особенно послѣдній, брались за то, за что̀ прежде всего должно было взяться; но оба они не имѣли достаточныхъ средствъ для выполненія предлежавшаго имъ дѣла. Впрочемъ, къ Кантемиру это относится гораздо меньше, чѣмъ къ Тредьяковскому. Кантемиръ не столько начинаетъ собою исторію русской *литературы*, сколько заканчиваетъ періодъ русской *письменности*. Кантемиръ писалъ такъ называемыми силлабическими стихами, — размѣромъ, который совершенно несвойственъ русскому языку; но этотъ размѣръ существовалъ на Руси задолго до Кантемира. Онъ зашелъ къ намъ изъ Польши чрезъ Малороссію, въ XVI столѣтіи. Этимъ размѣровъ писали и Петръ Могила, и Димитрій Ростовскій, и Семеонъ Полоцкій; но ихъ стихи были духовнаго содержанія, не блестѣли поэзіею и отличались однажды навсегда принятою и неподвижною реторическою формою; Кантемиръ же *первый* началъ писать стихи, тѣмъ же силлабическимъ размѣромъ, но содержаніе, характеръ и цѣль его стиховъ были уже совсѣмъ другіе, нежели у его предшественниковъ на стихотворческомъ поприщѣ. Кантемиръ началъ собою исторію свѣтской русской литературы. Вотъ почему всѣ, справедливо считая Ломоносова отцомъ русской литературы, въ то же время не совсѣмъ безъ основанія Кантемиромъ начинаютъ ея исторію. Несмотря на страшную устарѣлость языка, которымъ писалъ Кантемиръ, несмотря на бѣдность поэтическаго элемента въ его стихахъ, Кантемиръ своими сатирами воздвигъ себѣ маленькій, скромный, но тѣмъ не менѣе безсмертный памятникъ въ русской литературѣ. Имя его уже пережило много эфемерныхъ знаменитостей, и классическихъ и романтическихъ, и еще переживетъ ихъ многія тысячи. Этотъ человѣкъ, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свелъ поэзію съ жизнью — тогда какъ самъ Ломоносовъ только развелъ ихъ надолго. Поэзія Кантемира уже по тому одному, что она была сатирическою, не могла быть реторическою. Не только при Кантемирѣ, но и гораздо спустя послѣ него русская литература, могла, если бъ поняла свое положеніе, смѣяться и осмѣивать, а между тѣмъ она больше восторгалась и надувалась. Впрочемъ, дѣйствительность таки-взяла свое—и русская литература какъ-то сама собою, безсознательно, раздѣлилась на сатирическую и реторическую. Значительная часть сочиненій Сумарокова въ сатирическомъ родѣ,— и, несмотря на тупость и аляповатость сатирической музы этого неутомимаго писателя, стремившагося къ всеобъемлемости и ничего не обнявшаго, его нападки на подьячихъ не были безполезны: если онѣ не исправляли нравовъ, зато поддерживали въ обществѣ сознаніе, что порокъ есть все-таки порокъ, хотя бы онъ былъ и неизбѣжнымъ зломъ. Слѣдовательно, благодаря, можетъ быть, заслугѣ одной только литературы, у насъ зло не смѣло называться добромъ, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамѣренностью, какъ это всегда водилось и теперь водится, напримѣръ, въ Китаѣ. И могло ли это быть у насъ иначе, если сатирическое направленіе со временъ Кантемира сдѣлалось живою струею всей русской литературы? Не говоря уже о Фонвизинѣ, котораго превосходный талантъ былъ по преимуществу сатирическій,—самъ Державинъ, который, по духу своего времени, реторическую превыспренность считалъ за одно съ поэзіею,—заплатилъ большую дань сатирѣ. И еще далеко не успѣлъ блестящій лирикъ вѣка Екатерины допѣть своихъ громозвучныхъ одъ, какъ явился на Руси національный баснописецъ — Крыловъ. Это сатирическое направленіе, столь важное и благодѣтельное, столь живое и дѣйствитель-

ное для общества, въ которомъ такъ странно боролась прививная европейская форма съ азіатскою сущностью родной старины,—это *сатирическое* направленіе никогда не прекращалось въ русской литературѣ, но только переродилось въ *юмористическое*, какъ болѣе глубокое въ технологическомъ отношеніи и болѣе родственное художественному характеру новѣйшей русской поэзіи.

Говоря о Кантемирѣ, нѣтъ нужды распространяться въ біографическихъ подробностяхъ; но не мѣшаетъ взглянуть бѣгло на жизнь Кантемира въ ея связи съ литературою. Есть на русскомъ языкѣ старинная книжица, изданная Новиковымъ въ 1783 году, подъ титуломъ: *„Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира, сочиненная Санктпетербургской Академіей наукъ покойнымъ профессоромъ Бееромъ съ россійскимъ переводомъ и съ приложеніемъ родословія князей Кантемировъ“*. Въ этой книжицѣ сказано, что Кантемиры свой родъ производятъ отъ крымскихъ Татаръ, и доказано, кстати, что въ этомъ обстоятельствѣ для Кантемировъ нѣтъ ничего унизительнаго, потому что „знатностію породы, каковую предки наши, или на прямой добродѣтели, или на неяркой мнимой славѣ въ своемъ утвердили потомствѣ, Татары намъ не токмо ни мало не уступаютъ, но еще гораздо больше, нежели мы, благородствомъ знаменитѣйшихъ мужей превозносятся: ибо нѣтъ у нихъ ни единаго таковаго важнаго и храбраго дѣла, за которое подлой или простолюдинъ могъ бы когда-нибудь причтенъ быть въ число мурзъ“. Послѣ такого поистинѣ татарскаго воззрѣнія на несомнѣнность родовой знаменитости князей Кантемировъ, наивная книжица неоспоримо доказываетъ, что Кантемиры происходятъ по прямой линіи отъ Тамерлана, что́ видно изъ самаго ихъ имени: *Канъ-Тимуръ*, т.-е. родственникъ Тимура. Но для русской литературы все равно отъ Тамерлана или еще древнѣе—отъ Адама произошелъ сатирикъ Кантемиръ. Для нея довольно знать, что онъ былъ сынъ молдавскаго господаря Димитрія Кантемира, столь извѣстнаго въ исторіи Петра Великаго по турецкой войнѣ, кончившейся миромъ при Прутѣ. Князь Димитрій былъ человѣкъ ученый; съ особеннымъ удовольствіемъ занимался онъ исторіею, „былъ весьма искусенъ въ философіи и математикѣ, и имѣлъ великое знаніе въ архитектурѣ“; былъ членомъ Берлинской Академіи; говорилъ по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латыни, по-итальянски, по-русски, по-молдавски, порядочно зналъ французскій языкъ, и оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій на латинскомъ, греческомъ, молдавскомъ и русскомъ языкахъ. Изъ нихъ „Система Муххамеданскаго Закона“, по повелѣнію Петра Великаго, напечатана въ Петербургѣ, въ 1722 году. Очень естественно, что у такого отца дѣти были людьми учеными и образованными.

Антіохъ былъ четвертымъ сыномъ князя Димитрія, и родился въ Константинополѣ 1708 года, сентября 10-го. Такъ какъ отецъ скоро замѣтилъ въ немъ отличныя дарованія, то и приложилъ особенное стараніе о его воспитаніи, преимущественно передъ всѣми другими своими сыновьями. Сначала Антіохъ воспитывался въ Харьковѣ, потомъ въ Москвѣ, наконецъ въ Петербургѣ. Вездѣ пользовался онъ уроками лучшихъ въ то время преподавателей. Не желая ни на минуту спустить глазъ своихъ съ любимаго сына, князь Димитрій взялъ Антіоха съ собою въ персидскій походъ, въ которомъ онъ сопровождалъ Петра Великаго, въ 1722 году. Во время похода ученіе Антіоха не прерывалось ни на минуту; самое путешествіе это практически не могло не быть чрезвычайно полезно любознательному четырнадцатилѣтнему юношѣ. Страсть и уваженіе къ учености были такъ сильны въ старомъ Кантемирѣ, что онъ желалъ имѣть наслѣдникомъ своего имѣнія того изъ сыновей, который больше другихъ отличится въ наукахъ. Онъ даже просилъ объ этомъ Петра Великаго, а въ духовномъ завѣщаніи прямо указалъ на Антіоха, какъ на того изъ своихъ сыновей, который, по способностямъ и познаніямъ, достоинъ быть наслѣдникомъ его имѣнія (стр. 332) [1]). Въ 1725 году была учреждена Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ, и Антіохъ выслушалъ курсъ высшихъ наукъ у иностранныхъ профессоровъ, приглашенныхъ Петромъ Великимъ въ Россію. Математикѣ учился онъ у *Бернуллія*, физикѣ у *Бильфингера*, исторіи у *Беера*, нравственной философіи у *Гросса*. Блестящія дарованія скоро обратили на молодого Кантемира общее вниманіе. Еще бывъ поручикомъ Преображенскаго полка, почти двадцати лѣтъ отъ роду, онъ едва не былъ посланъ къ французскому двору; намѣреніе это почему-то было отмѣнено, но оно показываетъ, какою репутаціею пользовался этотъ молодой человѣкъ въ такое время, когда

---

[1]) Впрочемъ, это дѣло какъ-то безтолково объяснено въ книгѣ Беера: на стр. 321 сказано о второмъ сынѣ князя Димитрія, Константинѣ, что „императоръ Петръ II, снисходя на желаніе умершаго родителя его, князя Димитрія, повелѣлъ (19 мая 1729 года) въ недвижимомъ имѣніи быть одному ему наслѣдникомъ“. Во всякомъ случаѣ, и всѣ другіе братья Константина не остались бѣдняками, благодаря щедротамъ Петра Великаго и его преемниковъ. Такъ какъ Антіохъ не былъ женатъ и не оставилъ по себѣ наслѣдниковъ: то имѣніе его перешло къ братьямъ.

Прим. Бѣлинскаго.

молодость считалась порокомъ, отъ котораго едва избавлялись въ сорокъ лѣтъ. По нѣкоторымъ словамъ книги Беера можно заключить не безъ основанія, что первыя три сатиры Антіоха Кантемира не мало способствовали его возвышенію въ глазахъ самого правительства. Вмѣстѣ съ его братьями, Матвѣемъ и Сергіемъ, и сестрою Марьею, Анна Іоанновна пожаловала ему *тысячу тридцать* крестьянскихъ дворовъ. Въ 1731 году онъ былъ посланъ въ Лондонъ въ качествѣ резидента. Проѣзжая чрезъ Голландію, Кантемиръ запасся книгами и поручилъ одному книгопродавцу въ Гаагѣ напечатать сочиненіе своего отца: *описаніе историческое и географическое Молдавіи*; впрочемъ, это сочиненіе не было напечатано. Въ Лондонѣ Кантемиръ былъ принятъ съ отличіемъ, какъ ученый человѣкъ и глубокій политикъ. За удовлетворительное окончаніе возложеннаго на него порученія онъ былъ облеченъ значеніемъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Свободное отъ политическихъ занятій время онъ посвящалъ наукамъ и бесѣдѣ съ учеными людьми Англіи, которую онъ почиталъ просвѣщеннѣйшею страною въ мірѣ. Знакомство съ нѣкоторыми итальянцами побудило его выучиться итальянскому языку, которымъ онъ такъ хорошо овладѣлъ, что говорилъ и писалъ на немъ, какъ природный Итальянецъ. Вслѣдствіе оспы, которую Кантемиръ перенесъ въ дѣтствѣ, онъ всегда страдалъ истеченіемъ мокроты изъ глазъ. Отъ усиленнаго занятія чтеніемъ въ Лондонѣ эта болѣзнь до того у него усилилась, что онъ поѣхалъ въ 1736 году въ Парижъ лѣчиться у знаменитаго въ то время врача Жандрона, лейбъ-медика французскаго регента. Жандронъ дѣйствительно помогъ Кантемиру; а когда, въ 1738 году, Кантемиръ пріѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ полномочнаго министра, то и совсѣмъ излѣчилъ его отъ глазной болѣзни. Въ 1739 году Кантемиръ былъ именованъ чрезвычайнымъ посломъ при французскомъ дворѣ. При запутанныхъ обстоятельствахъ этой эпохи Кантемиръ удержался въ милости и при правительницѣ, которая пожаловала его, въ 1741 году, въ тайные совѣтники, и при Елизаветѣ Петровнѣ, подтвердившей его въ этомъ чинѣ. Въ Парижѣ Картемиръ велъ жизнь уединенную, знаясь только съ людьми учеными и литераторами, и съ страстью предавался ученію. Съ особеннымъ рвеніемъ занимался онъ тогда алгеброю и сочинилъ на русскомъ языкѣ *Руководство къ Алгебрѣ*, которое осталось въ рукописи. Батюшковъ, представившій Кантемира, въ бесѣдѣ съ Монтескье, аббатомъ В. и аббатомъ Гуаско, справедливо замѣтилъ, что Кантемиръ писалъ бы стихи и на необитаемомъ островѣ, потому что онъ писалъ ихъ въ Парижѣ, который въ отношеніи къ нему, какъ къ стихотворцу, былъ для него дѣйствительно необитаемымъ островомъ. Весь характеръ, вся личность Кантемира отразилась въ этихъ его же стихахъ:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что́ мучатъ другихъ, и топчетъ надежду
Стезю добродѣтели къ концу непзбѣжну.
Небольшой домъ на своемъ построенный полѣ
Даетъ нужное моей умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И, учась, знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно, иль любезно:
То одно желанія мои составляетъ.

Съ 1740 года здоровье Кантемира начало совершенно разстроиваться. Вотъ что́ говоритъ объ этомъ книжица Беера: „Князь Антіохъ подверженъ былъ человѣческимъ слабостяхъ, какъ и другіе люди. Онъ чувствовалъ то самъ, яко человѣкъ, и имѣлъ несчастіе искуситься въ скорби, свойственной человѣческому роду. Въ 1740 году почувствовалъ онъ внутреннюю болѣзнь, которая отъ часу умножалась. И хотя онъ въ пищѣ весьма былъ воздержанъ, однако желудокъ его почти ничего уже варить не могъ“. Въ 1741 году онъ ѣздилъ на ахенскія воды, отъ которыхъ и получилъ облегченіе, равно какъ и отъ лѣкарства какой-то дѣвицы Стефенсъ, которое онъ употреблялъ по совѣту же Жандрона. Въ 1743 году онъ пользовался пломбьерскими водами, которыя однако не помогли ему. По возвращеніи въ Парижъ, онъ отдался на руки разнымъ врачамъ, которые совсѣмъ залѣчили его. Въ это время онъ страдалъ крайнимъ ослабленіемъ желудка, рѣзью въ почкахъ и безсонницею. Потомъ онъ схватилъ лихорадку, довольно впрочемъ легкую, и у него открылся кашель. По совѣту одного изъ друзей своихъ, который, вопреки мнѣнію докторовъ, смотрѣлъ серьезно на эти припадки, Кантемиръ рѣшился провести зиму въ Неаполѣ. Но когда онъ получилъ на это разрѣшеніе отъ своего двора, было уже поздно: усилившаяся болѣзнь и дурное время года не позволили ему тронуться съ мѣста. Полгода страдалъ онъ болѣзнію въ груди, не переставая чтеніемъ прогонять скуку безсонницы. На увѣщанія, что онъ этимъ вредитъ себѣ, онъ обыкновенно отвѣчалъ, что „тогда только не чувствуетъ болѣзни, когда трудится“. Охоту къ чтенію онъ потерялъ только за три или за четыре дня до своей смерти, и

это-то обстоятельство открыло ему опасность его положенія. Одинъ изъ друзей его, читая съ нимъ разсужденіе Цицерона *о дружбѣ*, во имя налагаемаго этимъ чувствомъ долга, заговорилъ съ нимъ прямо о его положеніи и посовѣтовалъ заняться послѣдними распоряженіями. Кантемиръ съ благодарностью принялъ этотъ совѣтъ, какъ доказательство истинной дружбы, и немедля приступилъ къ составленію духовной, въ которой, отказавъ все свое имѣніе братьямъ и сестрамъ, завѣщалъ, чтобъ тѣло его, по вскрытіи, было набальзамировано, отвезено въ Россію и похоронено, безъ всякой церемоніи, въ греческомъ монастырѣ, въ Москвѣ, гдѣ схоронены были и его родители. До самой минуты своей смерти онъ былъ въ полномъ разумѣ. Умеръ онъ въ 1744 году, марта 31, тридцати пяти лѣтъ и семи мѣсяцевъ отъ роду. По вскрытіи тѣла оказалось, что у него была водяная въ груди.

О личномъ характерѣ Кантемира извѣстно только, что онъ былъ человѣкъ благородный, правдивый и кроткій. Сначала онъ казался непривѣтливымъ, но эта непривѣтливость постепенно исчезала въ отношеніи къ людямъ, которые ему болѣе и болѣе нравились. Слабое и болѣзненное его тѣлосложеніе придавало его характеру меланхолическій оттѣнокъ, что́, однакожъ, не мѣшало ему быть и любезнымъ и веселымъ въ обществѣ людей, которые ему нравились, и съ которыми онъ могъ быть откровененъ. Въ частной жизни онъ былъ экономенъ, и, какъ говоритъ книжица Беера, изъ которой мы заимствовали эти подробности: „никогда не признавалъ, что долги были знакомъ благородства и высокаго достоинства“. Вотъ все, что́ дошло до потомства о Кантемирѣ, какъ о человѣкѣ: въ его сатирахъ мы увидимъ его какъ поэта, и вновь встрѣтимся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ.

Въ 1739 году написалъ Кантемиръ свою первую сатиру, слѣдовательно, ровно за *десять* лѣтъ до первой оды Ломоносова *(На взятіе Хотина)*, написанной новымъ размѣромъ. Это едва-ли не лучшая изъ всѣхъ сатиръ Кантемира. Она была направлена противъ обскурантовъ (людей, одержимыхъ болѣзнію мракобѣсія), враговъ просвѣщенія, словомъ, славянофиловъ [1]) того времени. Въ ней, какъ и во всѣхъ сатирахъ Кантемира, нѣтъ ни желчнаго негодованія, ни бурнаго пафоса; но въ ней много ума, много комической соли, и есть одушевленіе, тихое, ровное, но постоянно выдерживаемое. Кантемиръ не бичуетъ, а только сѣчетъ обскурантовъ. Оно и естественно: сатира страстная, грозная, бѣшеная, вооруженная свитымъ изъ змѣй бичемъ, сатира въ образѣ Немезиды, бросающей молніи изъ очей, съ пѣною у рта, такая сатира возможна только или у народа, который уже пережилъ самого себя, для котораго уже нѣтъ ни выхода, ни будущаго, или у народа, который еще полнъ свѣжихъ силъ жизни, но уже созналъ причины, которыя удерживаютъ его стремленіе на пути дальнѣйшаго развитія. Ни то, ни другое положеніе не могло относиться къ Россіи временъ Кантемира. Прогрессъ, который тогда для нея былъ возможенъ, весь заключался больше въ формѣ, нежели въ духѣ, слѣдовательно, былъ слишкомъ внѣшенъ, и потому не могъ имѣть слишкомъ сильныхъ и опасныхъ враговъ. Эти враги были больше смѣшны, нежели страшны, и для нихъ нуженъ былъ не свистящій бичъ ювеналовской сатиры, а легкая лоза насмѣшки и ироніи. И въ этомъ отношеніи сатиры Кантемира были именно такими, какія тогда были нужны и могли быть полезны. Первая сатира, *На хулящихъ ученіе*, особенно богата смѣшными чертами и вѣрными снимками съ общества того времени. Поэтъ дѣлаетъ обращеніе *къ уму своему*, прося его не *понуждать его рукъ къ перу*. Можно, говоритъ поэтъ, и не писавши достичь славы: вѣдь въ нашъ вѣкъ къ ней ведутъ многіе пути; а изъ нихъ самый трудный и невыгодный — тотъ, „что́ босы проклали девять сестръ“.

...Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣчена мраморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ [1]) надежда
Всходитъ музамъ не мала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его; Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно:
Но то бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что́ въ подданномъ дерзко осуждаютъ.

Какъ ловко выражена мысль двухъ послѣднихъ стиховъ! За ними слѣдуетъ рядъ картинъ тогдашняго общества, написанныхъ мастерскою кистію. Поэтъ заставляетъ невѣждъ, подъ вымышленными именами, говорить филиппики противъ посвѣщенія. И каждый изъ этихъ антагонистовъ свѣта Божія высказывается сообразно своему характеру, и ни одинъ изъ нихъ не повторяетъ другого.

„Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,

[1]) По поводу этого рѣзкаго отзыва о славянофилахъ см. выше статьи №№ 49 и 50.

[1]) Поэтъ говоритъ о Петрѣ Второмъ, которому тогда было четырнадцать лѣтъ. Онъ въ дѣтствѣ съ особенною ревностію учился, а впослѣдствіи подтвердилъ данныя его предшественниками привилегіи Академіи Наукъ и назначилъ ея членамъ и даже чиновникамъ постоянные оклады.

Прим. Бѣлинскаго.

Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ",—
Критонъ съ четками ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сьмя наукъ вредно межъ нами:
„Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотеческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрыи нравъ, забыли пить квасу,
Не прибить ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что *тьмъ, что мірской жизни ужъ отстали,*
Помѣстья и вотчины весьма' не пристали".
Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
„Ученіе (говоритъ) намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латыни,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Переняв чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что приказчикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызвать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять хощешь. Слабѣемъ ли?—кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно: жаръ въ тѣлѣ—отвѣтъ смѣло
Даетъ, *хотя внутрь никто не видѣлъ живо тѣло.*
А пока въ баснях такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни кстати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно счесть на всякій день года
Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Эвклида смыслимъ:
Сколько копѣекъ въ рубль безъ алгебры счислимъ".

. . . . . .

Румяный, трижды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
„Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли:
Что же пользы иному, куда я запруся
Въ чуланъ для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ веселіи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга: на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино – даръ божественный, много въ немъ провору,
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ.
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ лучше виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ визигу,
Тогда, оставя стаканъ, возьмуся за книгу".
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что невочто завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Передъ *Егоромъ* [1]) двухъ денегъ Виргилій не стоитъ.
Рексу [2]), не Цицерону похвала достоитъ.

Обращаясь вновь къ своему уму и доказывая ему безплодность борьбы съ невѣждами, сатирикъ говоритъ:

Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло;
Науку невѣжествомъ мѣсто ужъ посѣло:
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Сидитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ на морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не виденъ съ науки!
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки!
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,—
Тому ужъ и въ самые молодые лѣты
Всякая высша степень—мзда ужъ невелика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.

Вторая сатира, *Филаретъ и Евгеній*, написанная мѣсяца черезъ два послѣ первой, нападаетъ „на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ". Это, впрочемъ, чуть ли не слабѣйшая изъ всѣхъ сатиръ Кантемира. Въ ней больше разсужденій, больше морали, нежели желчи. Впрочемъ, и въ ней есть мѣста замѣчательныя. Вотъ, напримѣръ, картина жизни фата, или льва того времени:

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты подъ парчою,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою,
Грозно сопешь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься до воли.
Тянешься уже часъ другой, нѣжишься ожидая
Пойла, что плетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ плоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты,

---

[1]) Славный сапожникъ того времени, въ Москвѣ. (Прим. къ сат. Кантемира, изд. 1762 г.).

[2]) Славный портной того времени, въ Москвѣ. (Idem).

Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ красота становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу.
Деревню надънешь потомъ на себя ты цѣлу.

Дальнѣйшее описаніе облаченія фата, и въ особенности слова сатирика на счетъ того, какъ хорошо воспользовался фатъ своимъ путешествіемъ по Европѣ, чрезвычайно забавны, за исключеніемъ устарѣлаго языка, слога и силлабическаго стихосложенія. Пусть читатели сами повѣрятъ справедливость нашихъ словъ, прочтя эту сатиру всю, а мы выпишемъ изъ нея еще вотъ эти стихи:

Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменной душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилично
Жадность крови; *плоть въ слугѣ твоей однолична*).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ сраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ конецъ видѣть скорой.

Въ этомъ отрывкѣ есть стихи (не указываемъ на нихъ: человѣческое чувство читателя ихъ угадаетъ и безъ насъ), которые могутъ служить торжественнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что наша литература, даже въ самомъ началѣ ея, была провозвѣстницею для общества всѣхъ благородныхъ чувствъ, всѣхъ высокихъ понятій. Да, она умѣла не только льстить, но и выговаривать святыя истины о человѣческомъ достоинствѣ. Самая лесть у ней была не столько убѣжденіемъ, сколько, во-первыхъ, подчиненіемъ всѣми принятому обычаю, а во-вторыхъ, реторическою манерою. До поэзіи достигала она и у самого Державина, только тамъ, гдѣ онъ переставалъ быть поэтомъ въ духѣ времени и становился просто человѣкомъ. Простимъ же ей—нашей старой литературѣ, ея грѣхи, вольные и невольные, и будемъ ей благодарны за то, что она, и только одна она, была воспитательницею юнаго, созданнаго Петромъ Великимъ общества, отъ Кантемира до нашихъ временъ. По мнѣ, нѣтъ цѣны этимъ неуклюжимъ стихамъ умнаго, честнаго и добраго Кантемира.

. . . . . Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся;
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не остался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины оной держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спеси гнушаюсь.
. . . . . .

Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху, другой—попозднѣе.

Чтобъ не возвращаться опять къ одному и тому же предмету, выпишемъ теперь же изъ *шестой* сатиры стихи, въ которыхъ Кантемиръ казнитъ насмѣшкою добровольное униженіе человѣческаго достоинства низкопоклонствомъ и лестью:

Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ передникъ томиться—
Полдни торчать на ногахъ съ холопы въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть не смѣя. По обѣдѣ
Та же жизнь до вечера; ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, къ кому поутру пристойно
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что слугѣ въ подарокъ, что понесть господину.
Нужно часто полыгать, небылицѣ вѣрить,
Что одною скорлупою можно море смѣрить:
Господскую сносить спесь, признавать, что родомъ
Моложе Владиміра однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрой;
Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроту природну;
Не зѣвать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну.
Нужно благодѣтелемъ звать того, другого,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакого.

Третья сатира *къ Ѳеофану, епископу новгородскому,* написанная въ 1730 году, разсуждаетъ о различіи страстей человѣческихъ. Тутъ осмѣиваются сребролюбцы, сплетники, болтуны, ханжи, самолюбцы, пьяницы, завистники и т. п. Въ *четвертой* сатирѣ, написанной въ 1731 году, Кантемиръ спрашиваетъ свою музу, не пора ли имъ перестать писать сатиры?

. . . . . Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь; и кажу себя черезчуръ смѣла.

Ты (говоритъ онъ своей музѣ) смѣло хулишь и находишь свое веселіе въ томъ, чтобы бѣсить злыхъ, „а я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмелье“. Одинъ (продолжаетъ сатирикъ) хочетъ потянуть меня къ суду, что, нападая на пьяницъ, „умаляю кружальные доходы“; другой, похваляясь, что отъ доски до доски прочелъ Библію острожской печати, убѣдился изъ нея, что „во мнѣ нечистый духъ злословитъ бороду“; третій сердится, что нападаю на взятки. Тогда сатирикъ, желая перемѣнить грубый тонъ на вѣжливый, начинаетъ иронически хвалить глупцовъ и негодяевъ; но это доводитъ его до сознанія, что онъ не умѣетъ и въ шутку хвалить того, что̀ считаетъ дурнымъ.

. . . . . Когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, муза, твой нравъ сломить стараюсь,—
Сколько ногти ни грызу, и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,

Жостки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житья водятъ [1]).
Духъ твой лѣнивъ, и въ зубахъ вязнетъ твое слово
Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю, умняе
Самъ ставши, подъ перомъ стихъ течетъ скорѣе;
Тогда я стихотворцемъ самъ себя поздравлю,
И чтецовъ моихъ зѣвать тщетно не заставлю;
Провореиъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Кантемиръ заключаетъ эту сатиру тѣмъ, что сатиры могутъ не нравиться только дурнымъ людямъ и глупцамъ, на которыхъ нечего смотрѣть:

Такимъ однимъ сатира наша быть противна
Можетъ; да ихъ нечего щадить, и не дивно
Мнѣ любовь ихъ, какъ и гнѣвъ ихъ мнѣ страшенъ мало.
Просить у нихъ не хочу, съ ними не пристало
Вестись, чтобъ не почернѣть, касаяся сажи;
Вредить не могутъ тѣ мнѣ, пока въ сильной стражи
Нахожуся Матери отечества правой.
А коимъ Богъ чистый духъ далъ и разумъ здравой
Беззлобны беззлобные наши стихи возлюбятъ,
И охотно станутъ честь, надѣясь, что сгубятъ,
Можетъ быть, или уменьшатъ злые людей нравы.
Сколько тѣмъ придастся имъ и пользы и славы!

Въ этихъ стихахъ — весь Кантемиръ! Этотъ человѣкъ не былъ поэтомъ; непосредственный художественный талантъ не былъ его удѣломъ. Его поэзія — поэзія ума, здраваго смысла и благороднаго сердца. Кантемиръ въ своихъ стихахъ — не поэтъ, а публицистъ, пишущій о нравахъ энергически и остроумно. Насмѣшка и иронія — вотъ въ чемъ заключался талантъ Кантемира.

Пятая сатира, *Старикъ и Періергъ*, написанная въ 1737 году, въ Лондонѣ, устремлена „на человѣческія злонравія вообще“. Ея форма очень изысканна, и въ цѣломъ она скучна, но подробности есть удивительныя, какъ, напримѣръ, это мѣсто:

Болваномъ Макаръ вчера казался народу,
Годенъ лишь дрова рубить, или таскать воду;
О безуміи его худая шла повѣсть,
Углемъ чернымъ всякъ пятналъ его плоху совѣсть.
Улыбнулося тому жъ счастіе Макару,—
И сегодня временщикъ: ужъ онъ всѣмъ подъ пару
Честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ становится,
Всякъ уму чудному наперерывъ дивится.
Сколько пользы отъ него царство ждать имѣетъ,
Поправить взглядомъ однимъ все умѣетъ.
Чѣмъ бывшій глупецъ предъ нимъ народъ весь озлобилъ;
Богъ въ благополучіе ваше его собилъ.

Заключеніе этой сатиры особенно забавно. Исчисляя разныя человѣческія глупости, сатирикъ говоритъ:

Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая,
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:
За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правежѣ нога бы моя не стояла.
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря носилась,
А то все приказщицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришелъ наборъ, пахаря вписали въ солдаты:
Не однажды дымныя ужъ вспомнитъ палаты,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ.
Толь не житье было мнѣ, говоритъ, въ крестьянствѣ?
Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ;
Да лѣтомъ въ подклѣткѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дожжикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ господину,
Какую жъ больше найду я тужить причину?
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скотамъ солома.
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли
Иль въ праздникъ пойти въ село и то изъ доброй воли:
А теперь—чортъ, не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, возися ружьемъ пострѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться некогда, часто нѣтъ что кушать;
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клобукѣ, и всяку работу
Въ церкви легку сказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небесными щотѣ былъ чинами,—
Сегодни не то поетъ: радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу:
. . . . . .
. . . . . [1]).

Шестая сатира, написанная въ 1738 году, разсуждаетъ „о истинномъ блаженствѣ“. Сатирикъ доказываетъ въ ней, что истинное счастіе заключается въ благоразумной серединѣ и въ бесѣдѣ съ музами. *Седьмая* сатира, *Къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому*, написанная въ 1739 году, въ Парижѣ, разсуждаетъ о „воспитаніи“. Эта сатира исполнена такихъ здравыхъ, *гуманныхъ* понятій о воспитаніи, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающіе въ бракъ предварительно заучивали ее наизусть.

Вотъ нѣсколько отрывковъ на выдержку:

Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы
Наскучишь; истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло;
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну, въ немъ загладитъ
Смѣлость, и безвременно торопѣть повадитъ.

---

[1]) Вотъ примѣчаніе, изъ изданія 1762 года, на этотъ стихъ: „нѣкто, прозваніемъ *Максимовичъ*, стихами описалъ и по азбукѣ расположилъ житія святыхъ печерскихъ. Сія книга напечатана въ Кіевѣ въ листъ, и пальца въ два толщины: однакожъ въ ней, кромѣ именъ святыхъ и государя царевича Алексѣя Петровича, которому приписана, ничего путнаго не найдешь“. *Прим. Бѣлинскаго.*

[1]) Два стиха, очевидно не пропущенные цензурою въ „Литературной Газетѣ“:
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти.
Нѣтъ мочи ужъ ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти.

Щастливъ, кто надеждою похвалъ взбудить знаетъ
Младенца; много тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скорае.
. . . . . .
Не одни тѣ растятъ насъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторонъ находитъ посредство
Вскользнуться внутрь сердца правъ: *все, что окружаетъ*
Младенца, произвести въ немъ правъ помогаетъ
. . . . . .
Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ
Отрока въ объятіяхъ рабыни; и знаетъ
Унесши младенецъ, что̀ небомъ и землею
Отлыгаться предъ отцемъ, наставленъ слугою.
Слуги языка дѣтей: родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Если бъ мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.

Повторяемъ: такія мысли о воспитаніи и теперь скорѣе новы, нежели стары.

Восьмая сатира, *На безстыдну нахальчивость*, написанная въ 1739 году, въ Парижѣ, заключаетъ въ себѣ понятіе сатирика о скромности. Онъ говоритъ о томъ, какъ осторожно пишетъ свои стихи, не лѣнится ихъ *хѣрить*, прячетъ надолго въ ящикъ и, сбираясь печатать, выправляетъ.

Стыдливымъ, боязливымъ и всегда собою
Недовольнымъ быть во мнѣ природы рукою
Втиснено, иль отеческимъ совѣтомъ изъ дѣтства.

Въ параллель себѣ сатирикъ противопоставляетъ людей наглыхъ и безстыдныхъ.

Кантемиръ началъ - было и *девятую* сатиру, но за болѣзнію не могъ ея написать.

Мелкія стихотворенія Кантемира любопытны, но не столько, какъ поэтическія произведенія, сколько какъ произведенія человѣка съ умомъ и сердцемъ. Если хотите, въ нихъ есть своя гармонія, свой ритмъ, замѣтна поэтическая, или, лучше сказать, стихотворческая замашка; но поэзіи мало. Кантемиръ писалъ пѣсни, басни и эпиграммы. Пѣсни его раздѣляются на любовныя и на нравственныя. Первыя остались ненапечатанными и, вѣроятно, погибли для потомства, — что̀ очень жаль, потому что, по словамъ самого Кантемира, онѣ имѣли большой успѣхъ: по крайней мѣрѣ, онъ самъ говоритъ въ *четвертой* сатирѣ:

Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя, и отроки, коихъ отъ денницы
До другой, колетъ любви жало.

А въ примѣчаніи къ этимъ стихамъ сказано: „сатирикъ сочинилъ многія пѣсни, которыя въ Россіи и понынѣ поются“. Кантемиръ какъ бы раскаивается въ этихъ пѣсняхъ, какъ бы въ грѣхѣ своей юности; въ той же, четвертой, сатирѣ онъ говоритъ:

Любовныя пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло.

Вотъ образчикъ нравственныхъ пѣсенъ Кантемира:

Видишь, Никита [1]), какъ крылато племя
Ни землю пашетъ, ни жнетъ, ниже сѣетъ:
Отъ руки вышней однакъ въ свое время
Пищу довольну, жизнь продлить, имѣетъ.
Лилеи въ полѣ, какъ зришь, многоцвѣтной
Ни прядетъ, ни тчетъ; царь мудрый Сіона
Однако въ славѣ своей столь примѣтной
Не имѣлъ одежды. Ты голосъ закона,
Въ сердцахъ природа кой отъ вѣкъ вложила,
И Богъ во плоти подтвердилъ, внушая,
Что̀ честно, благо, пусть того лишь сила
Тобой владѣетъ, злости убѣгая, *и пр.*

Изъ этого отрывка достаточно видно, что преобладающее направленіе Кантемира было не поэтическое, а дидактическое, и что трудность выражаться на языкѣ не только необработанномъ, даже нетронутомъ, много мѣшала ясности и красотѣ его слога. Басни Кантемира интересны, какъ первые опыты въ этомъ родѣ—не самого автора, а русскаго языка. Ихъ, впрочемъ, немного—всего шесть. Изъ девяти эпиграммъ выпишемъ одну для образчика:

На что Друзъ Лиду беретъ?—Дряхла ужъ и сѣда.
Съ трудомъ ножку воробья сгрызетъ въ полобѣда,
Къ старинѣ охотникъ Друзъ, въ томъ забаву ставитъ:
Лидой медалей число собранныхъ прибавитъ.

Наконецъ, къ числу стихотворческихъ трудовъ Кантемира принадлежатъ еще *Десять Писемъ Гораціевыхъ*, стихами безъ риѳмъ, съ приложеніемъ письма о русскомъ стихосложеніи, подъ вымышленнымъ именемъ Макентина (напеч. въ Санктпетербургѣ 1744 и 1788 г.); *Оды Анакреонтовы* (были ли напечатаны, когда и гдѣ, или не были напечатаны,—неизвѣстно). Сверхъ того, Кантемиръ предупредилъ Ломоносова въ намѣреніи — воспѣть въ эпической поэмѣ подвиги Петра Великаго: поэма Ломоносова называлась *Петріадою*, Кантемира — *Петреидою* и, подобно первой, не была кончена [2]).

---

[1]) Князь Н. Ю. Трубецкой.
Прим. Бѣлинскаго.

[2]) Труды Кантемира въ прозѣ были слѣдующіе: *1) Разговоры о множествѣ міровъ; соч. Фонтенелла*, перев. съ франц. Санктпетербургъ; три изданія (когда вышло первое изданіе, неизвѣстно; второе въ 1761, третье—въ 1802); оставшіяся въ рукописи: *2) Юстинова исторія*; *3) Корнелій Непотъ*; *4) Кевита таблица*; *5) Письма персидскія* Монтескье; *6) Епиктетово нравоученіе*; *7) Итальянскіе разговоры г. Алеротти о свѣтѣ.* Всѣ эти переводы интересны, какъ живой памятникъ первой борьбы русскаго языка съ европейскими идеями, и какъ факты исторіи русскаго языка. Сверхъ того, осталось въ рукописи сочиненіе Кантемира: *Руководство къ Алгебрѣ*, и никогда не были обнародованы его дипломатическія изъ Лондона и Парижа реляціи, письма, замѣчанія, вѣроятно, очень любопытныя не въ одномъ литературномъ отношеніи. Изъ напечатанныхъ его сочиненій извѣстно еще: *Симфонія, или согласіе на боговдохновенную книгу псалмовъ царя и пророка Давида* (Санктпетербургъ 1727, второе изданіе 1821). Это сводъ всѣхъ стиховъ псалтыря, по азбучному порядку, для удобнѣйшаго пѣнсанія текстовъ. *Прим. Бѣлинскаго.*

Всѣ эти стихотворные, равно какъ и прозаическіе труды Кантемира, очень важны, какъ первые опыты, которые должны были и другихъ подвигнуть къ литературной дѣятельности; важны они еще и какъ первый памятникъ тяжелой борьбы умнаго, ученаго и даровитаго писателя съ трудностями языка не только неразработаннаго, но и не тронутаго, подобно полю, которое, кромѣ дикихъ самородныхъ травъ, ничего не произращало. Перо Кантемира было первымъ плугомъ, который прошелъ по этому полю. Скажутъ: у насъ и до Кантемира была словесность. Такъ, но какая? теологически-схоластическая, или лѣтописная, или, наконецъ, состоявшая изъ произведеній народной поэзіи. Но честь усилія—найти на русскомъ языкѣ выраженіе для идей, понятій и предметовъ совершенно новой сферы — сферы европейской, принадлежитъ прямѣе всѣхъ Кантемиру. И еще большее и высшее значеніе имѣютъ его сатиры. Здѣсь Кантемиръ является первымъ писателемъ, вызваннымъ реформою того Петра Великаго, образъ и духъ котораго глубоко впечатлѣлся еще въ юношеской душѣ будущаго сатирика. Такимъ образомъ, Кантемиръ былъ первымъ сподвижникомъ Петра на такомъ поприщѣ, котораго Петръ не дождался увидѣть, но которое, какъ и все въ Россіи, приготовлено имъ же. О, какъ бы горячо обнялъ великій преобразователь Россіи двадцатилѣтняго стихотворца, если бы дожилъ до его первой сатиры! Но за Петра это сдѣлалъ одинъ изъ птенцовъ его орлинаго гнѣзда—Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сатиры Кантемира — подражаніе и, большею частію, то переводъ, то передѣлка сатиръ Горація, Буало и, частію, Ювенала, но тѣмъ не менѣе, онѣ—въ высшей степени оригинальныя произведенія: такъ умѣлъ Кантемиръ примѣнить ихъ къ быту и потребностямъ русскаго общества! Онъ не нападаетъ въ нихъ на пороки, свойственные созрѣвшимъ или перезрѣвшимъ цивилизаціямъ, нѣтъ, онъ нападаетъ на фанатизмъ невѣжества, на предразсудки современнаго ему русскаго общества. Во второй сатирѣ онъ осмѣиваетъ дворянскую спесь—порокъ, столько же свойственный Русскимъ, сколько и всякому другому народу въ Европѣ; но колоритъ этого порока, равно какъ манера нападать на него, въ его сатирѣ—чисто-русскіе. Короче: подражая Горацію и Буало, Кантемиръ до того обрусилъ ихъ въ своихъ сатирахъ, что аббатъ Гуаско не усомнился перевести ихъ на французскій языкъ, какъ произведенія, которыя для Французовъ могли имѣть всю прелесть оригинальности. И вотъ въ чемъ состоитъ великая заслуга Кантемира не только передъ русскимъ языкомъ, или русскою литературою, но и передъ русскимъ обществомъ его времени. Теперь вопросъ: какъ велико было вліяніе сатиръ Кантемира на русское общество, въ которомъ грамотность была мало распространена, а о литературности не было и помина? Сатиры Кантемира изданы гораздо послѣ его смерти (въ 1762 году), но съ его собственноручнаго списка, посланнаго имъ изъ Парижа къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, съ посвященіемъ ей. Онѣ снабжены многочисленными подробными примѣчаніями въ выноскахъ, кѣмъ писанными—неизвѣстно, но, кажется, не самимъ Кантемиромъ. При каждой сатирѣ въ примѣчаніи говорится: *издана* въ такое-то время; но, кажется, здѣсь слово *издана* значитъ ни больше, ни меньше, какъ—*написана*, и при жизни Кантемира, кажется, ни одна сатира его не была напечатана. Но тѣмъ не менѣе не подвержено никакому сомнѣнію, что сатиры Кантемира, какъ и всѣ его стихотворныя произведенія, пользовались большою извѣстностію въ обществѣ того времени. Самъ Кантемиръ говоритъ о большомъ успѣхѣ его любовныхъ пѣсенъ. Рукописныя сатиры свои онъ прислалъ императрицѣ: значитъ, онѣ были ей извѣстны и прежде, а если такъ: значитъ, на нихъ всѣ смотрѣли, какъ на что-то важное. Если ихъ читала императрица, то читалъ и дворъ. Сверхъ того онѣ нашли себѣ большую извѣстность и большое одобреніе въ духовенствѣ, между которымъ было тогда много людей ученыхъ и образованныхъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ до того былъ восхищенъ первою сатирою Кантемира, что написалъ къ ихъ автору, не зная его, извѣстное посланіе, которое начинается стихомъ: „Не знаю, кто ты, пророче рогатый“, и которое дышитъ неподдѣльнымъ восторгомъ. Новоспасскій архимандритъ Ѳеофилъ Кроликъ привѣтствовалъ Кантемира тоже посланіемъ въ стихахъ, только на латинскомъ языкѣ. О чемъ говорятъ и чѣмъ интересуются высшіе представители общества по уму, образованности и знатности,—о томъ, разумѣется, говоритъ и общество. Поэтому, очень могло быть, что сатиры Кантемира скоро пошли разгуливать въ стихахъ по всей Россіи между грамотнымъ народомъ. Это тѣмъ естественнѣе, что въ сатирахъ Кантемира почти вовсе нѣтъ или есть очень мало реторики, что въ нихъ говорится только о томъ, что̀ у всѣхъ было передъ глазами, и говорится не только русскимъ языкомъ, но и русскимъ умомъ. Въ жизнеописаніи Кантемира сказано, что всѣ сатиры его имѣли большой успѣхъ, и что „многіе его стихи вошли въ пословицы“. И не мудрено: въ сатирахъ Кантемира попадаются стихи до того забавные и наивно-остроумные, что невольно остаются въ па-

мяти. Таковы, напримѣръ, эти два стиха въ первой сатирѣ:

И проситъ свята душа горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.

Таковы же стихи, которые приведемъ мы изъ разныхъ сатиръ:

Ябеда и ея другъ дьякъ или подьячій.

. . . . . Безъ всякой украсы
Болтаешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы.

Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю
Для чего весь городъ пьянь отъ края до краю.

Вино долженъ перевесть, кто пьяныхъ не любитъ.

Пространный столъ, что̀ семьѣ поповской съѣсть трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось ѣство скудно.

Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода.

Послѣдній стихъ невольно приводитъ на память стихи Грибоѣдова:

Извѣстья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.

Кантемиръ по своему болѣзненному сложенію, меланхолическому характеру, былъ наклоненъ къ нравственному дидактизму. Немножко суровый моралистъ (что̀ доказываетъ его раскаяніе въ любовныхъ пѣсняхъ) и весьма устроумный человѣкъ, Кантемиръ любилъ только избранное общество, слѣдовательно, не любилъ общества вообще, которое оскорбляло его своими пороками и недостатками; такой характеръ предполагаетъ раздражительность и любовь къ уединенію. Всѣ эти обстоятельства необходимо дѣлали Кантемира сатирикомъ. По языку, неточному, неопредѣленному, по конструкціи часто запутанной, не говоря уже о страшной устарѣлости въ наше время того и другого, по стихосложенію, столь несвойственному русской просодіи, сатиры Кантемира нельзя читать безъ нѣкотораго напряженія, тѣмъ болѣе нельзя ихъ читать много и долго. Но, несмотря на то, въ нихъ столько оригинальности, столько ума и остроумія, такія яркія и вѣрныя картины тогдашняго общества, личность автора отражается въ нихъ такъ прекрасно, такъ человѣчно, что развернуть изрѣдка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь изъ его сатиръ есть истинное наслажденіе. По крайней мѣрѣ, для меня гораздо легче и пріятнѣе читать сатиры Кантемира, нежели громозвучныя оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многія оды Державина (какъ напримѣръ: *На взятіе Измаила*, *Цѣленіе Саула* и т. п.); отъ всѣхъ этихъ одъ и поэмъ можно заснуть, а отъ сатиръ Кантемира проснуться... Вообще, для меня Кантемиръ и Фонвизинъ, особенно послѣдній, самые интересные писатели первыхъ періодовъ нашей литературы: они говорятъ мнѣ не о заоблачныхъ превыспренностяхъ по случаю плошечныхъ иллюминацій, а о живой дѣйствительности, исторически существовавшей, о нравахъ общества, которое такъ непохоже на наше общество, но которое было ему роднымъ дѣдушкою...

Посвященіе сатиръ Кантемира императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, по своему изобрѣтенію, напоминаетъ оду Державина: „По слѣдамъ Анакреона“.

О Кантемирѣ, кромѣ статьи Жуковскаго, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы* 1809 г., почти ничего дѣльнаго писано не было. Сочиненія и переводы его большею частію остались ненапечатанными, а напечатанныя изданы врозь. Въ 1836 г. кѣмъ-то было предпринято изданіе „Русскихъ Классиковъ“, началось съ Кантемира, да на немъ и остановилось, кажется на пятой сатирѣ. Изданіе это было красивое и снабженное біографіей Кантемира и необходимыми примѣчаніями. Жаль только, что примѣчанія не были слово въ слово перепечатаны съ изданія 1762 года: они необходимы, потому что характеризуютъ духъ времени, состояніе русскаго языка и общества того времени. 1845 г.

53. Петербургъ и Москва.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ стали пользоваться большою славою такъ называемые „физіологическіе очерки“ — характеристики различныхъ типовъ; особенный успѣхъ имѣло изданіе „Наши, списанные съ натуры русскими“, являвшееся сколкомъ съ аналогичнаго парижскаго изданія „Les Français peints par eux mêmes“ (см. объ этомъ выше, стр. 384). Некрасовъ, познакомившійся около 1843 года съ Бѣлинскимъ, задумалъ выпустить подобнаго же рода изданіе подъ заглавіемъ *Физіологія Петербурга*. Въ первой половинѣ

1845 года вышли одна за другою двѣ части этого сборника „подъ редакціею Н. Некрасова“; на этомъ изданіе и прекратилось. Это былъ „иллюстрированный альманахъ или сборникъ статей, относящихся только до Петербурга“; въ сборникъ этотъ вошли „физіологическіе очерки“ Григоровича („Петербургскіе шарманщики“), Даля („Петербургскій дворникъ“), Панаева („Петербургскій фельетонистъ“), Некрасова („Чиновникъ“) и др.

Въ двухъ томахъ этого изданія Бѣлинскій помѣстилъ четыре своихъ статьи; ему принадлежитъ прежде всего общее введеніе къ первой части „Физіологіи Петербурга“ и затѣмъ статьи „Петербургъ и Москва“, „Петербургская литература“ и „Александринскій Театръ“. Послѣднія двѣ статьи впервые перепечатаны въ IX томѣ собранія сочиненій Бѣлинскаго редакціи С. Венгерова; настоящая статья, „Петербургъ и Москва“, всегда входила во всѣ собранія сочиненій Бѣлинскаго; что же касается первой статьи—какъ бы предисловія къ „Физіологіи Петербурга“—то она до сихъ поръ остается совершенно неизвѣстной; а между тѣмъ она несомнѣнно принадлежитъ перу Бѣлинскаго. Это видно хотя бы изъ одного того, что въ статьѣ этой мы снова встрѣчаемся съ излюбленной темой Бѣлинскаго—съ разграниченіемъ художественныхъ и беллетристическихъ произведеній, геніевъ и талантовъ; тема эта была, какъ мы знаемъ, подробно развита Бѣлинскимъ въ статьѣ о книгѣ Никитенко (№ 51); развитіе второй ея части мы найдемъ въ статьѣ 1846 года о Кольцовѣ (см. т. III, ст. 60).

Мы ограничиваемся указаніемъ на эту неизвѣстную статью Бѣлинскаго, впервые открытую П. Н. Сакулинымъ; она представляетъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ въ ней, по собственнымъ словамъ Бѣлинскаго, заключается „критическій взглядъ на тотъ родъ изданій, къ которому принадлежитъ *Физіологія Петербурга*“. Но это уже спеціальный историко-литературный вопросъ; поэтому мы не помѣщаемъ въ настоящемъ изданіи этой неизвѣстной статьи Бѣлинскаго, а помѣщаемъ двѣ другія статьи, представляющія общій интересъ: „Петербургъ и Москва“ и „Петербургская литература“. Это своего рода блестящіе „физіологическіе очерки“, но очерки не отдѣльныхъ московскихъ и петербургскихъ типовъ, а всей Москвы, всего Петербурга. Характеристика Москвы, какъ города „патріархальный семейственности“—не только литературно блестяща, но и соціологически вѣрна: помѣщики эпохи натуральнаго хозяйства придавали Москвѣ совершенно „особый отпечатокъ“. Разумѣется, Бѣлинскій воспользовался случаемъ кольнуть попутно ненавистныхъ ему москвичей-славянофиловъ. Говоря о москвичѣ, который можетъ „много говорить о своихъ трудахъ настоящихъ и будущихъ, прослыть за дѣятельнѣйшаго человѣка въ мірѣ, и въ то же время ровно ничего не дѣлать“,—Бѣлинскій явно цѣлитъ въ Кирѣевскаго или Хомякова. Ироническая фраза: „въ Москвѣ есть, говорятъ, даже *шапки-мурмолки*, въ родѣ той, которую, по увѣренію москвичей, носилъ еще Рюрикъ“,—относится несомнѣнно къ К. Аксакову, который какъ-разъ въ это время (въ 1844 году) впервые одѣлся въ столь національный русскій костюмъ—въ мурмолку, терликъ, косоворотку,—что народъ на улицахъ принималъ его за персіанина (эту извѣстную позднѣйшую насмѣшку Герцена можно найти еще въ сборникѣ „Первое Апрѣля“, Спб. 1846 г., направленномъ противъ славянофиловъ).—Петербургъ Бѣлинскій охарактеризовалъ менѣе лапидарно; кое-что—напримѣръ, характеристика петербургскаго чиновничества—несомнѣнно осталась недосказаннымъ по цензурнымъ условіямъ. Такою же неполной и по тѣмъ же причинамъ является слѣдующая статья о „Петербургской литературѣ“; но несмотря на эту неполноту, обѣ эти статьи—особенно первая—являются тѣмъ не менѣе интересными сравнительными характеристиками обѣихъ русскихъ столицъ, ихъ внѣшней и умственной жизни.

Обѣ части „Физіологіи Петербурга“ имѣли большой успѣхъ среди читающей публики, хотя и были довольно враждебно встрѣчены почти всей петербургской и московской журналистикой, вооруженной противъ Бѣлинскаго. Небезъинтересно будетъ поэтому познакомиться со словами самого Бѣлинскаго о своей статьѣ „Петербургъ и Москва“: „ее прочли всѣ, многіе оцѣнили выше, нежели чего она стоитъ въ самомъ дѣлѣ, а многіе не хотѣли замѣтить въ ней того хорошаго, что въ ней есть дѣйствительно, хотя и видѣли его: это, по нашему мнѣнію, успѣхъ“.

И.-Р.

Предки наши, принужденные въ кровавыхъ бояхъ познакомиться съ *божіими дворянами* и съ берегами Невы, конечно, не воображали, чтобъ на этихъ дикихъ, бѣдныхъ, низменныхъ и болотистыхъ берегахъ суждено было возникнуть Россійской Имперіи, равно какъ не воображали они, чтобы Московское Царство когда-нибудь сдѣлалось Россійской Имперіею. И возможно ли было вообразить что-нибудь подобное? Кто можетъ

предузнать явленіе генія, и можетъ ли толпа предвидѣть пути генія, хотя этотъ геній и есть не что иное, какъ мысль, разумъ, духъ и воля самой этой толпы, съ тою только разницею, что все, что̀ таится въ ней какъ смутное предчувствіе, въ немъ является отчетливымъ сознаніемъ? Въ концѣ XVII вѣка Московское царство представляло собою уже слишкомъ рѣзкій контрастъ съ европейскими государствами, уже не могло болѣе двигаться на ржавыхъ колесахъ своего азіатскаго устройства: ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить; ему предлежало великое будущее, и потому изъ него же самого Богъ воздвигъ ему генія, который долженъ былъ сблизить его съ Европою. Какъ всѣ великіе люди, Петръ явился въ пору для Россіи, но во многомъ не походилъ онъ на другихъ великихъ людей. Его доблести, гигантскій ростъ и гордая, величавая наружность съ огромнымъ творческимъ умомъ и исполинскою волею,—все это такъ походило на страну, въ которой онъ родился, на народъ, который возсоздать былъ онъ призванъ, страну безпредѣльную, но тогда еще не сплоченную органически, народъ великій, но съ однимъ глухимъ предчувствіемъ своей великой будущности. Поэтому, Петръ самъ долженъ былъ создать самого себя, и средства для этого самовоспитанія найти не въ общественныхъ элементахъ своего отечества, а внѣ его, и первымъ пѣстуномъ его было—*отрицаніе*. Совершенные невѣжды и фанатики обвиняли его въ презрѣніи къ родной странѣ; но они обманывались: Петра тѣсно связывало съ Россіею обоимъ имъ родное и ничѣмъ непобѣдимое чувство своего великаго призванія въ будущемъ. Петръ страстно любилъ эту Русь, которой самъ онъ былъ представителемъ по праву высшаго, отъ Бога истекавшаго избранія; но въ Россіи онъ видѣлъ двѣ страны,—ту, которую онъ засталъ, и ту, которую онъ долженъ былъ создать: послѣдней принадлежали его мысль, его кровь, его потъ, его трудъ, вся жизнь, все счастіе и вся радость его жизни. Ученикъ Европы, онъ остался Русскимъ въ душѣ, вопреки мнѣнію слабоумныхъ, которыхъ много и теперь, будто бы европеизмъ изъ русскаго человѣка долженъ сдѣлать не-русскаго человѣка, и будто бы, слѣдовательно, все русское можетъ поддерживаться только дикими и невѣжественными формами азіатскаго быта. Москва, столица Московскаго Царства, Москва, уже по самому своему положенію въ центрѣ Руси, не могла соотвѣтствовать видамъ Петра на всеобщую и коренную реформу: ему нужна была столица на берегу моря. Но моря у него не было, потому что берега Сѣвернаго и Восточнаго океана и Каспійское море нисколько не могли способствовать сближенію Россіи съ Европою. Надо было немедля завоевать новое море. Два моря онъ могъ имѣть въ виду для завоеванія—Черное и Балтійское. Но для перваго ему нужно имѣть Малороссію въ своемъ полномъ подданствѣ, а не подъ своимъ только верховнымъ покровительствомъ, а это совершилось не прежде, какъ по измѣнѣ Мазепы. Кромѣ того, ему нужно было отнять у Турковъ Крымъ и взять въ свое владѣніе обширныя степныя пустыни, прилегающія къ Черному морю, а взять ихъ во владѣніе, значило—населять ихъ: трудъ несвоевременный! и при томъ къ чему бы повелъ онъ? Столица на берегу Чернаго моря сблизила бы Россію не съ Европою, а развѣ съ Турціею, и насильственно притянула бы силы Россіи къ пункту столь отдаленному, что Россія имѣла бы тогда свою столицу, такъ сказать, въ чужомъ государствѣ. Не такіе виды представляло Балтійское море. Прилежащія къ нему страны изстари знакомы были русскому мечу; много пролилось на нихъ русской крови, и оставить ихъ въ чужомъ владѣніи, не сдѣлать Балтійскаго моря границею Россіи, значило бы сдѣлать Россію навсегда открытою для непріятельскихъ вторженій и навсегда закрытою для сношеній съ Европою. Петръ слишкомъ хорошо понялъ это, и война со Швеціею *по необходимости* сдѣлалась главнымъ вопросомъ всей его жизни, главною пружиною всей его дѣятельности. Ревель и особенно Рига какъ-бы просились сдѣлаться новою столицею Россіи—мѣстомъ, гдѣ русскій элементъ лицомъ къ лицу столкнулся бы съ европейскимъ, не для того, чтобъ погибнуть въ немъ, но принять его въ себя. Но Ревель и Рига сдѣлались позднѣе достояніемъ Петра, который въ началѣ хлопоталъ не изъ многаго—только изъ уголка на берегу Балтики, а медлить Петру, въ ожиданіи завоеваній, было некогда: ему надо было торопиться жить, т.-е. творить и дѣйствовать,—и потому, когда Ревель и Рига сдѣлались русскими городами,—городъ Санктпетербургъ существовалъ уже семь лѣтъ, на него было уже истрачено столько денегъ, положено столько труда, а по причинѣ Котлина Острова и Невы съ ея четвернымъ устьемъ, онъ представлялъ такое выгодное и обольстительное для ума преобразователя положеніе, что уже поздно и грустно было бы ему думать о другомъ мѣстѣ для новой столицы. Онъ давно уже смотрѣлъ на Петербургъ, какъ на свое твореніе, любилъ его какъ дитя своей творческой мысли; можетъ быть, ему самому не разъ казалась трудною и отчаянною эта борьба съ дикою, суровою природою, съ болотистою почвою, сырымъ и не-

здоровымъ климатомъ, въ краю пустынномъ и отдаленномъ отъ населенныхъ мѣстъ, откуда можно было получать продовольствіе,— но непреклонная сила воли надо всѣмъ восторжествовала; геній упоренъ, потому именно, что онъ—геній, и чѣмъ тяжелѣе борьба, охлаждающая слабыхъ, тѣмъ больше для него наслажденія развертывать передъ міромъ и самимъ собою все богатство своихъ неисчерпаемыхъ силъ. Торжественна была минута, когда при осмотрѣ дикихъ береговъ Финскаго залива впервые заронилась въ душу Великаго мысль основать здѣсь столицу будущей имперіи. Въ этой минутѣ была заключена цѣлая поэма, обширная и грандіозная; только великому поэту можно было разгадать и охватить все богатство ея содержанія этими немногими стихами:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ... Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ...
И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ Шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно:
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ.

Петербургъ строился экспромптомъ: въ мѣсяцъ дѣлалось то, чего бы стало дѣлать на годъ. Воля одного человѣка побѣдила и самую природу. Казалось, сама судьба, вопреки всѣмъ разсчетамъ вѣроятностей, захотѣла забросить столицу Россійской Имперіи въ этотъ непріязненный и враждебный человѣку природою и климатомъ край, гдѣ небо блѣдно-зелено, тощая травка мѣшается съ ползучимъ вереском, сухимъ мохомъ, болотными порослями и сѣрыми кочками, гдѣ царствуетъ колючая сосна и печальная ель и не всегда нарушаетъ ихъ томительное однообразіе чахлая береза—это растеніе сѣвера; гдѣ болотистыя испаренія и разлитая въ воздухѣ сырость проникаютъ и каменные дома и кости человѣка, гдѣ нѣтъ ни весны, ни лѣта, ни зимы, но круглый годъ свирѣпствуетъ гнилая и мокрая осень, которая пародируетъ то весну, то лѣто, то зиму... Казалось, судьба хотѣла, чтобы спавшій дотолѣ непробуднымъ сномъ русскій человѣкъ кровавымъ потомъ и отчаянною борьбою выработалъ свое будущее, ибо прочны только тяжкимъ трудомъ одержанныя побѣды, только страданіями и кровію стяжанныя завоеванія! Можетъ быть, въ болѣе благопріятномъ климатѣ, среди менѣе враждебной природы, при отсутствіи неодолимыхъ препятствій, русскій человѣкъ скоро возгордился бы своими легкими успѣхами, и его энергія снова заснула бы, не успѣвъ даже и проснуться вполнѣ. И для того-то, тотъ, кто посланъ ему былъ отъ Бога, былъ не только царемъ и повелителемъ, дѣйствовалъ не единымъ авторитетомъ, но еще болѣе собственнымъ примѣромъ, который обезоруживалъ закоснѣлое невѣжество и вѣками взлелѣянную лѣнь:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ!

Несмотря на всю дѣятельность, которой исторія не представляетъ подобнаго примѣра, Петербургъ, оставленный Петромъ Великимъ, былъ слишкомъ бѣдный и ничтожный городокъ, чтобъ о немъ можно было говорить, какъ о чемъ-то важномъ. Казалось, этому городку, обязанному своимъ насильственнымъ существованіемъ волѣ великаго человѣка, не суждено было пережить своего строителя. Воля одного изъ его наслѣдниковъ могла осудить его на вѣчное забвеніе или на ничтожное чахоточное существованіе... Но здѣсь-то и является во всемъ блескѣ творческій геній Петра Великаго: его планы, его предначертанія должны были продолжаться вѣковѣчно. Таковы право и сила генія: онъ кладетъ камень въ основаніе новому зданію и оставляетъ его чертежъ; преемники дѣла, можетъ быть, и хотѣли бы перенести зданіе на другое мѣсто, да негдѣ имъ взять такого прочнаго камня въ основаніе, а камень, положенный геніемъ, такъ великъ, что съ человѣческими силами нельзя и мечтать сдвинуть его...

Петербургъ не могъ не продолжаться, потому что съ его существованіемъ тѣсно было связано существованіе Россійской Имперіи, смѣнившей собою Московское Царство. И росъ Петербургъ не по днямъ, а по часамъ.

Прошло сто лѣтъ,—и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ—нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;

Темнозелеными садами
Ея покрылись острова;
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Такимъ образомъ, Россія явилась вдругъ съ двумя столицами—старою и новою, Москвою и Петербургомъ. Исключительность этого обстоятельства не осталась безъ послѣдствій болѣе или менѣе важныхъ. Въ то время, какъ росъ и украшался Петербургъ, по-своему измѣнялась и Москва. Вслѣдствіе неизбѣжнаго вторженія въ нее европеизма, съ одной стороны, и въ цѣлости сохранившагося элемента старинной неподвижности, съ другой стороны, она вышла какимъ-то причудливымъ городомъ, въ которомъ пестрѣютъ и мечутся въ глаза перемѣшанныя черты европеизма и азіатизма. Раскинулась и растянулась она на огромное пространство: кажется, куда огромный городъ! А походите по ней,—и вы увидите, что ея обширности много способствуютъ длинные, предлинные заборы. Огромныхъ зданій въ ней нѣтъ; самые большіе дома не то, чтобы малы, да и не то, чтобы велики, архитектурнымъ достоинствомъ они не щеголяютъ. Въ ихъ архитектуру явно вмѣшался геній древняго Московскаго Царства, который остался вѣренъ своему стремленію къ семейному удобству. Стоитъ часъ походить по кривымъ и косымъ улицамъ Москвы,—и вы тотчасъ же замѣтите, что этотъ городъ патріархальной семейственности: дома стоятъ особнякомъ, почти при каждомъ есть довольно обширный дворъ, поросшій травою и окруженный службами. Самый бѣдный Москвичъ, если онъ женатъ, не можетъ обойтись безъ погреба, и при наймѣ квартиры болѣе заботится о погребѣ, гдѣ будутъ храниться его съѣстные припасы, нежели о комнатахъ, гдѣ онъ будетъ жить. Нерѣдко, у самаго бѣднаго Москвича, если онъ женатъ, любимѣйшая мечта цѣлой его жизни—когда-нибудь перестать *шататься по квартирамъ* и зажить своимъ домкомъ. И вотъ, съ горемъ пополамъ, призвавъ на помощь родное „авось“, онъ покупаетъ или нанимаетъ на извѣстное число лѣтъ пустопорожнее мѣсто въ какомъ-нибудь захолустьѣ, и лѣтъ пять, а иногда и десять, строитъ домишко о трехъ окнахъ, покупая матеріалы то въ долгъ, то по случаю, изворачиваясь такъ и сякъ. И наконецъ, наступаетъ вожделѣнный день переѣзда въ собственный домъ; домишка плохъ, да зато свой, и при томъ съ дворомъ—стало быть, можно и куръ водить, и теленка есть гдѣ пасти; но главное, при домишкѣ есть погребъ—чего же болѣе? Такихъ домишекъ въ Москвѣ неисчислимое множество, и они-то способствуютъ ея обширности, если не ея великолѣпію. Эти домишки попадаются даже на лучшихъ улицахъ Москвы, между лучшими домами, такъ же, какъ хорошіе (т.-е. каменные въ два и три этажа) попадаются въ самыхъ отдаленныхъ и плохихъ улицахъ, между такими домишками. Для Русскаго, который родился и жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, Москва такъ же точно изумительна, какъ и для иностранца. По дорогѣ въ Москву нашъ Петербурженъ увидѣлъ бы, разумѣется, Новгородъ и Тверь, которые совсѣмъ не приготовили бы его къ зрѣлищу Москвы; хотя Новгородъ и древній городъ, но отъ древняго въ немъ остался только его кремль, весьма невзрачнаго вида, съ софійскимъ соборомъ, примѣчательнымъ своею древностію, но ни огромностію, ни изяществомъ. Улицы въ Новѣгородѣ не кривы и не узки; многіе дома своею архитектурою и даже цвѣтомъ напоминаютъ Петербургъ. Тверь тоже не даетъ нашему Петербуржцу идеи о Москвѣ: ея улицы прямы и широки, а для губернскаго города она довольно красива. Слѣдовательно, въѣзжая въ первый разъ въ Москву, нашъ Петербуржецъ въѣдетъ въ новый для него міръ. Тщетно будетъ онъ искать главной или лучшей московской улицы, которую могъ бы онъ сравнить съ Невскимъ проспектомъ. Ему покажутъ Тверскую улицу,—и онъ съ изумленіемъ увидитъ себя посреди кривой и узкой, по горѣ тянущейся улицы, съ небольшою площадкою съ одной стороны,—улицы, на которой самый огромный и самый красивый домъ считался бы въ Петербургѣ весьма скромнымъ со стороны огромности и изящества домомъ; съ страннымъ чувствомъ увидѣлъ бы онъ, привыкшій къ прямымъ линіямъ и угламъ, что одинъ домъ выбѣжалъ на нѣсколько шаговъ на улицу, какъ будто бы для того, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на ней, а другой отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ назадъ, какъ будто изъ спеси, или изъ скромности,—смотря по его наружности; что между двумя довольно большими каменными домами скромно и уютно помѣстился ветхій деревянный домишко и, прислонившись боковыми стѣнами своими къ стѣнамъ сосѣднихъ домовъ, кажется, не нарадуется тому, что они не даютъ ему упасть и, сверхъ того, защищаютъ его отъ холода и дождя; что подлѣ великолѣпнаго моднаго магазина лѣпится себѣ крохотная табачная лавочка, или грязная харчевня, или таковая же пивная. И еще болѣе удивился бы нашъ Петербуржецъ, почувствовавъ, что въ странномъ гротескѣ этой улицы есть своя красота. И пошелъ бы онъ на Кузнецкій Мостъ: тамъ все то же, за исключеніемъ деревянныхъ домишекъ; зато увидѣлъ бы онъ каменные съ модными магазинами, но до того

миніатюрные, что ему пришла бы въ голову мысль—ужъ не заѣхалъ ли онъ—новый Гулливеръ—въ царство Лиллипутовъ .. Хотя ни одинъ истинный Петербуржецъ ничему не удивляется и ничѣмъ не восторгается, но не удержался бы онъ отъ какого-нибудь громко произнесеннаго междометія, если бы, пройдя кругъ опоясывающихъ Москву бульваровъ — лучшаго ея украшенія, которому Петербургъ имѣетъ полное право завидовать,—онъ, то спускаясь подъ гору, то подымаясь въ гору, видѣлъ бы со всѣхъ сторонъ амфитеатры крышъ, перемѣшанныхъ съ зеленью садовъ: будь при этомъ вмѣсто церквей минареты, онъ счелъ бы себя перенесеннымъ въ какой-нибудь восточный городъ, о которомъ читалъ въ Шехеразадѣ. И это зрѣлище ему понравилось бы, и онъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе весны и лѣта охотно не сталъ бы искать столицы и города тамъ, гдѣ, взамѣнъ этого, есть такіе живописные ландшафты...

Многія улицы въ Москвѣ, какъ-то: Тверская, Арбатская, Поварская, Никитская, обѣ линіи по сторонамъ Тверского и Никитскаго Бульваровъ, состоятъ преимущественно изъ „господскихъ“ (московское слово!) домовъ. И тутъ вы видите больше удобства, чѣмъ огромности или изящества. Во всемъ и на всемъ печать семейственности; и удобный домъ, обширный, но тѣмъ не менѣе для одного семейства, широкій дворъ, а у воротъ, въ лѣтніе вечера, многочисленная дворня. Вездѣ разъединенность, особность; каждый живетъ у себя дома и крѣпко отгораживается отъ сосѣда. Это еще замѣтнѣе въ Замоскворѣчьи, этой чисто купеческой и мѣщанской части Москвы: тамъ окна завѣшены занавѣсками, ворота на запорѣ; при ударѣ въ нихъ раздается сердитый лай цѣпной собаки, все мертво, или, лучше сказать, сонно; домъ или домишко похожъ на крѣпостцу, приготовившуюся выдержать долговременную осаду. Вездѣ семейство, и почти нигдѣ не видно города!..

Въ Москвѣ много трактировъ, и они всегда биткомъ набиты преимущественно тѣмъ народомъ, который въ нихъ только пьетъ чай. Не нужно объяснять, о какомъ народѣ говоримъ мы: это народъ, выпивающій въ день по пятнадцати самоваровъ, народъ, который не можетъ жить безъ чаю, который пять разъ пьетъ его дома и столько же разъ въ трактирахъ. И если бы вы посмотрѣли на этотъ народъ, вы не удивились бы, что чай не разстраиваетъ ему нервъ, не мѣшаетъ спать, не портитъ зубовъ; вы подумали бы, что онъ безнаказанно для здоровья можетъ пудами употреблять опіумъ... Кондитерскихъ въ Москвѣ мало; въ нихъ покупаютъ много, но посѣщаютъ ихъ мало. Гостиницы въ Москвѣ существуютъ преимущественно для пріѣзжающихъ, или для холостой молодежи, любящей кутнуть. Обѣдаютъ въ Москвѣ больше дома. Тамъ даже бѣдные холостые люди по большей части любятъ обѣдать у себя дома, вѣрные семейственному характеру Москвы. Если же они обѣдаютъ внѣ дома, то въ какомъ-нибудь знакомомъ имъ семействѣ, особенно у *родныхъ*. Вообще, Москва, славная своимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ, чуждается жизни городской, общественной и любитъ обѣдать у себя дома, *семейно*. Славится своими сытными обѣдами Англійскій клубъ въ Москвѣ: но попробуйте въ немъ пообѣдать — и несмотря на то, что вы будете сидѣть между пятьюстами или болѣе человѣкъ, вамъ непремѣнно покажется, что вы пообѣдали у родныхъ. Что же касается до постоянныхъ членовъ клуба, они потому и любятъ въ немъ обѣдать, что имъ кажется, будто они обѣдаютъ у себя дома, въ своемъ семействѣ. Характеръ семейственности лежитъ на всемъ и во всемъ московскомъ.

Родство даже до сихъ поръ играетъ великую роль въ Москвѣ. Тамъ никто не живетъ безъ родни. Если вы родились бобылемъ и пріѣхали жить въ Москву, — васъ сейчасъ женятъ, и у васъ будетъ огромное родство до семьдесятъ седьмого колѣна. Не любить и не уважать родни въ Москвѣ считается хуже, чѣмъ вольнодумствомъ. Вы обязаны будете знать день рожденія и именинъ по крайней мѣрѣ полутораста человѣкъ, и горе вамъ, если вы забудете поздравить хоть одного изъ нихъ. Это немножко хлопотно и скучно, но вѣдь зато родство—священная вещь. Гдѣ развита въ такой степени семейственность, тамъ родство не можетъ не быть въ великомъ почетѣ.

По смерти Петра Великаго Москва сдѣлалась убѣжищемъ опальныхъ дворянъ высшаго разряда и мѣстомъ отдохновенія удалившихся отъ дѣлъ вельможъ. Вслѣдствіе этого она получила какой-то аристократическій характеръ, который особенно развился въ царствованіе Екатерины II. Кто не слышалъ о широкой, распашной жизни вельможъ въ Москвѣ? Кто не слышалъ разсказовъ о томъ, какъ въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ ежедневно угощали они столомъ и званаго и незванаго, и знакомаго и незнакомаго, и въ городѣ, и въ деревнѣ, гдѣ для всѣхъ отворяли свои пышные сады? Кто не слышалъ разсказовъ о ихъ пирахъ, — разсказовъ, похожихъ на отрывки изъ *Тысячи и Одной Ночи*? Видите ли, что Москва и тутъ осталась вѣрна своему древне-московитскому элементу: чван-

ство и чивость [1]), распашная и потѣшная жизнь въ ней нашли свой пріютъ! Но съ предшествовавшаго царствованія Москва мало-помалу начала дѣлаться городомъ торговымъ, промышленнымъ и мануфактурнымъ. Она одѣваетъ всю Россію своими бумажнопрядильными (?) издѣліями, ея отдаленныя части, ея окрестности и ея уѣздъ—все это усѣяно фабриками и заводами, большими и малыми. И въ этомъ отношеніи не Петербургу тягаться съ нею, потому что самое ея положеніе почти въ серединѣ Россіи назначило ей быть центромъ внутренней промышленности. И то ли будетъ она въ этомъ отношеніи, когда желѣзная дорога соединитъ ее съ Петербургомъ и, какъ артеріи отъ сердца, потянутся отъ нея шоссе въ Ярославль, въ Казань, въ Воронежъ, въ Харьковъ, въ Кіевъ и Одессу...

Москва гордится своими историческими древностями, памятниками, она—сама историческая древность и во внѣшнемъ и во внутреннемъ отношеніи! Но какъ она сама, такъ и ея до-петровскія древности представляютъ странное зрѣлище смѣси съ новымъ; отъ Кремля едва остался одинъ чертежъ, потому что его ежегодно поправляютъ, а въ немъ возникаютъ новыя зданія. Духъ новаго вѣетъ и на Москву и стираетъ мало-помалу ея древній отпечатокъ.

Мы начали о Петербургѣ, а распространились о Москвѣ; но это совсѣмъ не отступленіе отъ главнаго предмета. У насъ двѣ столицы: какъ же говорить объ одной, не сравнивая ея съ другою? Только черезъ такое сравненіе можемъ мы узнать особенности и характеръ каждой изъ нихъ. Ничто въ мірѣ не существуетъ напрасно: если у насъ двѣ столицы — значитъ, каждая изъ нихъ необходима, а необходимость можетъ заключаться только въ *идеѣ*, которую выражаетъ каждая изъ нихъ. И потому, Петербургъ представляетъ собою идею, Москва—другую. Въ чемъ состоитъ идея того и другого города, это можете узнать, только проведя параллель между тѣмъ и другимъ. И потому, мы не разъ еще, говоря о Петербургѣ, будемъ обращаться и къ Москвѣ. Пока мы нашли, что отличительный характеръ Москвы — семейственность. Обратимся къ Петербургу:

О Петербургѣ привыкли думать, какъ о городѣ, построенномъ даже не на болотѣ, а чуть ли не на воздухѣ. Многіе не шутя увѣряютъ, что это городъ безъ исторической святыни, безъ преданій, безъ связи съ родною страною; городъ, построенный на сваяхъ и на разсчетѣ. Всѣ эти мнѣнія немного ужъ устарѣли и ихъ пора бы оставить. Правда, коли хотите, въ нихъ есть своя сторона истины, но зато много и лжи. Петербургъ построенъ Петромъ Великимъ какъ столица новой Россійской Имперіи, и Петербургъ—городъ неисторическій, безъ преданія!.. Это нелѣпость, не стоящая опроверженія. Вся бѣда вышла изъ того, что Петербургъ слишкомъ молодъ для самого себя, и совершенное дитя въ сравненіи съ старушкою Москвою. Такъ неужели молодой человѣкъ, ознаменовавшій свое вступленіе въ жизнь великимъ подвигомъ — не историческій человѣкъ, потому что онъ мало жилъ; а старичокъ какой-нибудь—историческій человѣкъ, потому что онъ много жилъ? Не только много жила, но и много испытала древняя Москва, столица Московскаго Царства; у ней есть своя исторія—никто не споритъ противъ этого, но что же вся ея исторія въ сравненіи съ великимъ эпосомъ біографіи Петра Великаго? А не тѣсно ли связанъ Петербургъ съ этою біографіею? Отвергать историческую важность Петербурга, не значитъ ли не умѣть цѣнить Петра для русской исторіи? Говоря объ исторической святынѣ, спрашиваютъ: гдѣ у Петербурга эти памятники, надъ которыми пролетѣли вѣка, не разрушивъ ихъ? Да, милостивые государи, такихъ памятниковъ въ Петербургѣ нѣтъ и быть не можетъ, потому что самъ онъ существуетъ со дня своего заложенія только *сто сорокъ одинъ* годъ; но зато онъ самъ есть великій историческій памятникъ. Всюду видите вы въ немъ живые слѣды его Строителя, и для многихъ (и въ томъ числѣ и для насъ) такія маленькія строенія, какъ, напримѣръ, домикъ на Петербургской Сторонѣ, дворецъ въ Лѣтнемъ Саду, дворецъ въ Петергофѣ, стóятъ не одного, а многихъ Кремлей... Что дѣлать—у всякаго свой вкусъ! Петербургъ построенъ на разсчетѣ—правда, но чѣмъ же разсчетъ ниже слѣпого случая? Мудрые вѣка говорятъ, что желѣзный гвоздь, сдѣланный грубою рукою деревенскаго кузнеца, выше всякаго цвѣтка, съ такою красотою рожденнаго природою,—выше него въ томъ отношеніи, что онъ произведеніе *сознательнаго* духа, а цвѣтокъ есть произведеніе *непосредственной* силы. Разсчетъ есть одна изъ сторонъ сознанія. Говорятъ еще, что Петербургъ не имѣетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, самобытнаго, что онъ есть какое-то, будто бы, общее воплощеніе идеи столичнаго города и, какъ двѣ капли воды, похожъ на всѣ столичные города въ мірѣ. Но на какіе же именно? На старые, каковы, напр., Римъ, Парижъ, Лондонъ онъ походить никакъ не можетъ; стало быть, это сущая неправда. Если онъ похожъ на какіе-нибудь города, то, вѣроятно, на большіе го-

[1]) „Чивость“—щедрость, тароватость. Ср. выше стр. 614.

рода Сѣверной Америки, которые, подобно ему, тоже выстроены на разсчетѣ. И развѣ въ этихъ городахъ нѣтъ своего, оригинальнаго? Развѣ въ стѣнахъ города и въ каждомъ камнѣ его видѣть *будущее* не значитъ—видѣть что-то оригинальное и при томъ прекрасно оригинальное? Но Петербургъ оригинальнѣе всѣхъ городовъ Америки, потому что онъ есть новый городъ въ старой странѣ, слѣдовательно, есть новая надежда, прекрасное будущее этой страны. Что-нибудь одно: или реформа Петра Великаго была только великою историческою ошибкою, или Петербургъ имѣетъ необъятно великое значеніе для Россіи. Что-нибудь одно: или новое образованіе Россіи, какъ ложное и призрачное, скоро исчезнетъ совсѣмъ, не оставивъ по себѣ и слѣда, или Россія навсегда и безвозвратно оторвана отъ своего прошедшаго. Въ первомъ случаѣ, разумѣется, Петербургъ—случайное и эфемерное порожденіе эпохи, принявшей ошибочное направленіе, грибъ, который въ одну ночь выросъ и въ одинъ день высохъ; во второмъ случаѣ Петербургъ есть необходимое и вѣковѣчное явленіе, величественный и крѣпкій дубъ, который сосредоточитъ въ себѣ всѣ жизненные соки Россіи. Нѣкоторые доморощенные политики, считающіе себя удивительно глубокомысленными, думаютъ, что такъ какъ-де Петербургъ явился не непосредственно, выросъ и расширился не вѣками, а обязанъ своимъ существованіемъ волѣ одного человѣка, то другой человѣкъ, имѣющій власть свыше, также можетъ оставить его, выстроить себѣ новый городъ на другомъ концѣ Россіи: мнѣніе крайне дѣтское! Такія дѣла не такъ легко затѣваются и исполняются. Былъ человѣкъ, который имѣлъ не только власть, но и силу сотворить чудо, и былъ мигъ, когда эта сила могла проявляться въ такомъ чудѣ,—и потому для новаго чуда въ этомъ родѣ потребуются опять два условія: не только человѣкъ, но и мигъ. Произволъ не производитъ ничего великаго: великое исходитъ изъ разумной необходимости, слѣдовательно, отъ Бога. Произволъ не состроитъ въ короткое время великаго города: произволъ можетъ выстроить развѣ только *вавилонскую башню*, слѣдствіемъ которой будетъ не возрожденіе страны къ великому будущему, а *раздѣленіе языковъ*. Гораздо легче сказать — оставить Петербургъ, чѣмъ сдѣлать это: языкъ безъ костей, по русской пословицѣ, и можетъ говорить, что ему угодно, но дѣло не то, что пустое слово. Только господамъ *Маниловымъ* легко строить въ своей праздной фантазіи мосты черезъ пруды, съ лавками по обѣимъ сторонамъ.

Иностранецъ Альгаротти сказалъ: „Петербургъ есть окно, черезъ которое Россія смотритъ на Европу“,—счастливое выраженіе, въ немногихъ словахъ удачно схватившее великую мысль! И вотъ въ чемъ заключается твердое основаніе Петербурга, а не въ сваяхъ, на которыхъ онъ построенъ, и съ которыхъ его не такъ-то легко сдвинуть! Вотъ въ чемъ его идея и, слѣдовательно, его великое значеніе, его святое право на вѣковѣчное существованіе! Говорятъ, что Петербургъ выражаетъ собою только внѣшній европеизмъ. Положимъ, что и такъ; но при развитіи Россіи, совершенно противоположномъ европейскому, т.-е. при развитіи сверху внизъ, а не снизу вверхъ, *внѣшность* имѣетъ гораздо высшее значеніе, бо́льшую важность, нежели какъ думаютъ. Что̀ вы видите въ поэзіи Ломоносова?—одну внѣшность, русскія слова, втиснутыя въ латинско-нѣмецкую конструкцію; выписныя мысли, какихъ и признака не было въ обществѣ, среди котораго и для котораго писалъ Ломоносовъ свои реторическіе стихи! И однакожъ, Ломоносова не безъ основанія называютъ отцомъ русской поэзіи, которая тоже не безъ основанія гордится, напримѣръ, хоть такимъ поэтомъ, какъ Пушкинъ. Нужно ли доказывать, что если бы у насъ не было *заведено* этой мертвой, подражательной, чисто внѣшней поэзіи,—то не родилась бы у насъ и живая, оригинальная и самобытная поэзія Пушкина? Нѣтъ, это и безъ доказательствъ ясно, какъ день Божій. Итакъ, иногда и *внѣшность* чего-нибудь да стоитъ. Скажемъ болѣе: внѣшнее иногда влечетъ за собою внутреннее. Положимъ, что надѣть фракъ или сюртукъ вмѣсто овчиннаго тулупа, синяго армяка или смураго кафтана, еще не значитъ сдѣлаться Европейцемъ; но отчего же у насъ, въ Россіи, и учатся чему-нибудь, и занимаются чтеніемъ, и обнаруживаютъ и любовь и вкусъ къ изящнымъ искусствамъ только люди, одѣвающіеся по-европейски? Что̀ ни говорите, а даже и фракъ съ сюртукомъ — предметы, кажется, совершенно *внѣшніе*, не мало дѣйствуютъ на *внутреннее* благообразіе человѣка. Петръ Великій это понималъ, и отсюда его гоненіе на бороды, охабни, *терлики*, *шапки-мурмолки* и всѣ другія завѣтныя принадлежности московитскаго туалета.

Есть мудрые люди, которые презираютъ всѣмъ внѣшнимъ; имъ давай *идею*, *любовь*, *духъ*, а не факты, на міръ практическій, на будничную сторону жизни они не хотятъ и смотрѣть. Есть другіе мудрые люди, которые, кромѣ фактовъ и дѣла, ни о чемъ знать не хотятъ, а въ *идеѣ* и *духѣ* видятъ однѣ мечты. Первые изъ нихъ за особенную честь поставляютъ себѣ слушать съ презрительнымъ видомъ, когда при нихъ говорятъ о желѣзной дорогѣ. Эти средства къ возвы

шенію нравственнаго достоинства страны имъ кажутся и ложными и ничтожными; они всего ждутъ отъ чуда, и думаютъ, что образованіе въ одно прекрасное утро свалится прямо съ неба, а народъ возьметъ на себя трудъ только поднять его да проглотить не жевавши. Мудрецы этого разряда давно уже ославлены именемъ *романтиковъ*. Мудрецы второго разряда спятъ и видятъ шоссе, желѣзныя дороги, мануфактуры, торговлю, банки, общества для разныхъ спекуляцій: въ этомъ ихъ идеалъ народнаго и государственнаго блаженства; духъ, идея въ ихъ глазахъ — вредныя или безполезныя мечты. Это *классики* нашего времени. Не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, мы въ послѣднихъ видимъ хоть что-нибудь, тогда какъ въ первыхъ — виноваты — ровно ничего не видимъ. Есть два способа проводить новый источникъ жизни въ застоявшійся организмъ общественнаго тѣла: первый—наука, или ученіе, книгопечатаніе въ обширномъ значеніи этого слова, какъ средство къ распространенію идей; второй—жизнь, разумѣя подъ этимъ словомъ формы обыкновенной, ежедневной жизни, нравы, обычаи. Тотъ и другой способъ равно важны, и послѣдній едва-ли еще не важнѣе въ томъ отношеніи, что и само чтеніе, и сама идея тогда только важны и дѣйствительны, когда входятъ въ жизнь, становятся, такъ сказать, обычаемъ, или обыкновеніемъ. Нѣтъ ничего сильнѣе и крѣпче обычая: гораздо легче убѣдить людей логикой въ какой угодно истинѣ, нежели преклонить ихъ къ практическому примѣненію этой истины, если въ этомъ мѣшаетъ имъ обычай. Намъ кажется, что на долю Петербурга преимущественно выпалъ этотъ второй способъ распространенія и утвержденія европеизма въ русскомъ обществѣ. Петербургъ есть образецъ для всей Россіи во всемъ, что̀ касается до формъ жизни, начиная отъ моды до свѣтскаго тона, отъ манеры класть кирпичи до высшихъ таинствъ архитектурнаго искусства, отъ типографскаго изящества до журналовъ, исключительно владѣющихъ вниманіемъ публики. Сравните петербургскую жизнь съ московскою—и въ ихъ различіи, или, лучше сказать, ихъ противоположности, вы сейчасъ увидите значеніе того и другого города. Несмотря на узкость московскихъ улицъ, снабженныхъ троттуарами въ полъ-аршина шириною, онѣ только днемъ бываютъ тѣсны, и то далеко не всѣ, и при томъ больше по причинѣ ихъ узкости, чѣмъ по многолюдству. Съ десяти часовъ вечера Москва уже пустѣетъ и особенно зимою скучны и пустынны эти кривыя улицы съ еще болѣе кривыми переулками. Широкія улицы Петербурга почти всегда оживлены народомъ, который куда-то спѣшитъ, куда-то торопится. На нихъ до двѣнадцати часовъ ночи довольно людно, и до утра вездѣ попадаются то тамъ, то сямъ запоздалые. Кондитерскія полны народомъ; Нѣмцы, Французы и другіе иностранцы, туземные и заѣзжіе, пьютъ, ѣдятъ и читаютъ газеты; Русскіе больше пьютъ и ѣдятъ, а нѣкоторые пробѣгаютъ *Пчелу*, *Инвалидъ* и иногда пристально читаютъ толстые журналы, переплетенные, для удобства, въ особенныя книжки, по отдѣламъ, это охотники до литературы; охотниковъ до политики у насъ вообще мало. Рестораны всегда полны; кухмистерскія заведенія тоже. Тутъ то же самое: пьютъ, ѣдятъ, читаютъ, курятъ, играютъ на бильярдѣ, и все большею частію молча. Если и говорятъ, то тихо, и то сосѣдъ съ сосѣдомъ; зато часто случается слышать прегромкіе голоса, которые не мало не женируются говорить о предметахъ, нисколько для постороннихъ не интересныхъ, напримѣръ, о томъ, какъ Иванъ Семеновичъ вчера остался безъ двухъ, играя семь въ червяхъ, или о томъ, что Петръ Николаевичъ получилъ мѣсто, а Василій Степановичъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, и тому подобныхъ литературныхъ и политическихъ новостяхъ. Дома въ Петербургѣ, какъ извѣстно, огромные. Петербуржецъ о погребѣ не заботится: если не женатъ, онъ обѣдаетъ въ трактирѣ; женатый, онъ все беретъ изъ лавочки. Домъ, гдѣ нанимаетъ онъ квартиру, сущій Ноевъ ковчегъ, въ которомъ можно найти по парѣ всякихъ животныхъ. Рѣдко случается узнать Петербуржцу, кто живетъ возлѣ него, потому, что и сверху, и снизу, и съ боковъ его живутъ люди, которые такъ же, какъ и онъ, заняты своимъ дѣломъ и такъ же не имѣютъ времени узнавать о немъ, какъ и онъ о нихъ. Главное удобство въ квартирѣ, за которымъ гонится Петербуржецъ, состоитъ въ томъ, чтобы ко всему быть поближе—и къ мѣсту своей службы, и къ мѣсту, гдѣ все можно достать и лучше и дешевле. Послѣдняго удобства онъ часто достигаетъ въ своемъ Ноевомъ ковчегѣ, гдѣ есть и погребокъ, и кондитерская, и кухмистеръ, и магазины, и портные, и сапожники, и все на свѣтѣ. Идея города больше всего заключается въ сплошной сосредоточенности всѣхъ удобствъ въ наиболѣе сжатомъ кругѣ: въ этомъ отношеніи Петербургъ несравненно больше городъ, чѣмъ Москва и, можетъ быть, одинъ городъ во всей Россіи, гдѣ все разбросано, разъединено, запечатлѣно семейственностію. Если въ Петербургѣ нѣтъ публичности въ истинномъ значеніи этого слова, зато ужъ нѣтъ и домашняго или семейственнаго затворничества: Петербургъ любитъ улицу, гулянье,

театръ, кофейню, вокзалъ, словомъ, любитъ всѣ общественныя заведенія. Этого пока еще немного, но зато изъ этого можетъ многое выйти впереди. Петербургъ не можетъ жить безъ газетъ, безъ афишъ и разнаго рода объявленій; Петербургъ давно уже привыкъ, какъ къ необходимости, къ *Полицейской Газетѣ*, къ городской почтѣ. Едва проснувшись, Петербуржецъ хочетъ тотчасъ же знать, что̀ дается сегодня на театрахъ, нѣтъ ли концерта, скачки, гуляпья съ музыкою; словомъ, хочетъ знать все, что̀ составляетъ сферу его удовольствій и развлеченій,—а для этого ему стоитъ только протянуть руку къ столу, если онъ получаетъ всѣ эти извѣстительныя изданія, или забѣжать въ первую попавшуюся кондитерскую. Въ Москвѣ многіе подписчики на *Московскія Вѣдомости*, выходящія три раза въ недѣлю (по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ), посылаютъ за ними только по субботамъ и получаютъ вдругъ три нумера. Оно и удобно: подъ праздникъ есть свободное время заняться новостями всего міра... Кромѣ того, по неимѣнію городской почты и разсыльныхъ, надо посылать своего человѣка въ контору университетской типографіи, а это не для всякаго удобно и не для всѣхъ даже возможно. Для Петербуржца заглянуть каждый день въ *Пчелу* или *Инвалидъ*—такая же необходимость, такой же *обычай*, какъ напиться по-утру чаю... Въ противоположность Москвѣ, огромные дома въ Петербургѣ днемъ не затворяются и доступны и черезъ ворота и черезъ двери; ночью у воротъ всегда можно найти дворника, или вызвать его звонкомъ, слѣдовательно, всегда можно попасть въ домъ, въ который вамъ непремѣнно нужно попасть. У дверей каждой квартиры видна ручка звонка, а на многихъ дверяхъ не только нумеръ, но и мѣдная или желѣзная дощечка съ именемъ занимающаго квартиру. Хотя въ Москвѣ улицы не длинны, каждая носитъ особенное названіе и почти въ каждей есть церковь, а иногда еще и не одна, почему легко бы, казалось, отыскать кого нужно, если знаешь адресъ; однакожъ отыскивать тамъ—истинное мученіе, если въ домѣ есть не одинъ жилецъ. Обыкновенно, входите вы тамъ на довольно большой дворъ, на которомъ, кромѣ собаки, или собакъ, ни одного живого существа; спросить некого, надо стучаться въ двери съ вопросомъ: не здѣсь ли живетъ такой-то, потому что въ Москвѣ дворники рѣдки, а звонки еще и того рѣже. Нѣтъ никакой возможности ходить по московскимъ улицамъ, которыя узки, кривы и наполнены проѣзжающими. Надо быть Москвичемъ, чтобы умѣть смѣло ходить по нимъ, такъ же, какъ надо быть Парижанином, чтобы, ходя по Парижу, не пачкаться на его грязныхъ улицахъ. Впрочемъ, сами Москвичи ходить не любятъ; оттого извозчикамъ въ Москвѣ много работы. Извозчики тамъ дешевы, но на плохихъ дрожкахъ и прескверныхъ саняхъ, дрожки вездѣ скверны, по самому ихъ устройству: это просто орудіе пытки для допроса обвиненныхъ; но саней плохихъ въ Петербургѣ не бываетъ: здѣсь самыя скверныя санишки сдѣланы на манеръ будто бы хорошихъ и покрыты полостью, изъ теленка, но похожаго на медвѣдя, а полость покрыта чѣмъ-то въ родѣ сукна. Въ Петербургѣ никто не сѣлъ бы на сани безъ медвѣдя!.. Впрочемъ, въ Петербургѣ мало ѣздятъ; больше ходятъ: оно и здорово, ибо движеніе есть лучшее и при томъ самое дешевое средство противъ геморроя, да при томъ же, въ Петербургѣ удобно ходить: горъ и косогоровъ нѣтъ, все ровно и гладко, троттуары изъ плитняка, а индѣ и изъ гранита, широкіе, ровные и во всякое время года чистые, какъ полы.

Чтобы ближе познакомиться съ обѣими нашими столицами, сравнимъ между собою ихъ народонаселеніе.

Высшее сословіе, или лучшій кругъ общества, во всѣхъ городахъ въ мірѣ составляетъ собою нѣчто исключительное. Большой свѣтъ въ Петербургѣ еще болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, есть истинная terra incognita для всѣхъ, кто не пользуется въ немъ правомъ гражданства; это городъ въ городѣ, государство въ государствѣ. Непосвященные въ его таинства смотрятъ на него издалека, на почтительномъ разстояніи, смотрятъ на него съ завистью и томленіемъ, съ какими путникъ, заблудившійся въ песчаной степи Аравіи, смотритъ на миражъ, представляющійся ему цвѣтущимъ оазисомъ; но недоступный для нихъ рай большого свѣта, стерегомый булавою швейцара и толпою офиціантовъ, разодѣтыхъ маркизами XVIII вѣка, даже и не смотритъ на этихъ чающихъ для себя движенія райской воды. Люди различныхъ своевъ средняго сословія, отъ высшаго до низшаго, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются къ отдаленному и непонятному для нихъ гулу большого свѣта, и по-своему толкуютъ долетающія до нихъ отрывистыя слова и рѣчи, съ упоеніемъ пересказываютъ другъ другу доходящіе до ихъ ушей анекдоты, искаженные ихъ простодушіемъ. Словомъ, они такъ заботятся о большомъ свѣтѣ, какъ будто безъ него не могутъ дышать. Не довольствуясь этимъ, они изо всѣхъ силъ бьются, бѣдные, передразнивать быть большого свѣта, и—à force de forger,—достигаютъ до сладостной самоувѣренности, что и они—тоже большой свѣтъ. Конечно, настоящій большой свѣтъ

очень бы добродушно разсмѣялся, если бъ узналъ объ этихъ безчисленныхъ претендентахъ на близкое родство съ нимъ; но отъ этого тѣмъ не менѣе страсть считать себя принадлежащимъ или прикосновеннымъ къ большому свѣту доходитъ въ среднихъ сословіяхъ Петербурга до изступленія. Поэтому, въ Петербургѣ счету нѣтъ различнымъ кругамъ „большого свѣта“. Всѣ они отличаются со стороны высшаго къ низшему—величаво или лукаво-насмѣшливымъ взглядомъ; а со стороны низшаго къ высшему—досадою обиженнаго самолюбія, впрочемъ утѣшающаго себя тѣмъ, что и мы-де не отстанемъ отъ другихъ и постоимъ за себя въ хорошемъ тонѣ. Хорошій тонъ, это—точка помѣшательства для петербургскаго жителя. Послѣдній чиновникъ, получающій не болѣе семисотъ рублей жалованья, ради хорошаго тона отпускаетъ при случаѣ искаженную французскую фразу—единственную, какую удалось ему затвердить изъ „Самоучителя“; изъ хорошаго тона онъ одѣвается всегда у порядочнаго портного и носитъ на рукахъ хотя и засаленныя, но желтыя перчатки. Дѣвицы даже низшихъ классовъ ужасно любятъ ввернуть въ безграмотной русской запискѣ безграмотную французскую фразу,—и если вамъ понадобится писать къ такой дѣвицѣ, то ничѣмъ вы ей такъ не польстите, какъ смѣшеніемъ нижегородскаго съ французскимъ: этимъ вы ей покажете, что считаете ее дѣвицею образованною и „хорошаго тона“. Любятъ онѣ также и стишки, особенно изъ водевильныхъ куплетовъ; но нѣкоторыя возвышаются своимъ вкусомъ даже до поэзіи г. Бенедиктова,—и это дѣвицы самыхъ аристократическихъ, самыхъ бонтонныхъ круговъ чиновническаго сословія. Видите ли: Петербургъ во всемъ себѣ вѣренъ: онъ стремится къ высшей формѣ общественнаго быта... Не такова въ этомъ отношеніи Москва. Въ ней даже большой свѣтъ имѣетъ свой особенный характеръ. Но кто не принадлежитъ къ нему, тотъ о немъ и не заботится, будучи весь погруженъ въ сферу собственнаго сословія.

Ядро коренного московскаго народонаселенія составляетъ купечество. Девять десятыхъ этого многочисленнаго сословія носятъ православную, отъ предковъ завѣщанную бороду, длиннополый сюртукъ синяго сукна и ботфорты съ кисточкою, скрывающіе въ себѣ оконечности плисовыхъ или суконныхъ брюкъ; одна десятая позволяетъ себѣ брить бороду и, по одеждѣ, по образу жизни, вообще по *внѣшности*, походитъ на разночинцевъ и даже дворянъ средней руки. Сколько старинныхъ вельможескихъ домовъ перешло теперь въ собственность купечества! И вообще, эти огромныя зданія, памятники уже отжившихъ свой вѣкъ нравовъ и обычаевъ, почти всѣ безъ исключенія превратились или въ казенныя учебныя заведенія, или, какъ мы уже сказали, поступили въ собственность богатаго купечества. Какъ расположилось и какъ живетъ въ этихъ палатахъ и дворцахъ „поштенное“ купечество,—объ этомъ любопытные могутъ справиться, между прочимъ, въ повѣсти г. Вельтмана „Пріѣзжій изъ Уѣзда, или Суматоха въ Столицѣ“. Но не въ однѣхъ княжескихъ и графскихъ палатахъ,—хороши также эти купцы и въ дорогихъ каретахъ и коляскахъ, которыя вихремъ несутся на превосходныхъ лошадяхъ, блистающихъ самою дорогою сбруею: въ экипажѣ сидитъ „поштенная“ и весьма довольная собою борода; возлѣ нея помѣщается плотная и объёмистая масса ея дрожайшей половины, разбѣленная, разрумяненная, обремененная жемчугами, иногда съ платкомъ на головѣ и съ косичками отъ висковъ, но чаще въ шляпкѣ съ перьями (прекрасный полъ даже и въ купечествѣ далеко обогналъ мужчинъ на пути европеизма!), а на запяткахъ стоитъ сидѣлецъ въ длиннополомъ жидовскомъ сюртукѣ, въ рыжихъ сапогахъ съ кисточками, пуховой шляпѣ и въ зеленыхъ перчаткахъ... Проходящіе мимо купцы средней руки и мѣщане съ удовольствіемъ пощелкиваютъ языкомъ, смотря на лихихъ коней, и гордо приговариваютъ: „Вишь, какъ наши-то!“, а дворяне, смотря изъ оконъ, съ досадою думаютъ: „мужикъ проклятый — развалился, какъ и Богъ знаетъ кто!“... Для русскаго купца, особенно Москвича, толстая статистая лошадь и толстая статистая жена—первыя блага въ жизни.. Въ Москвѣ повсюду встрѣчаете вы купцовъ, и все показываетъ вамъ, что Москва, по преимуществу, городъ купеческаго сословія. Ими населенъ Китай-Городъ; они исключительно завладѣли Замоскворѣчьемъ, и ими же кишатъ даже самыя аристократическія улицы и мѣста въ Москвѣ, каковы—Тверская, Тверской Бульваръ, Пречистенка, Остоженка, Арбатская, Поварская, Мясницкая и другія улицы. Базисомъ этому многочисленному сословію въ Москвѣ служитъ еще многочисленнѣйшее сословіе, это—мѣщанство, которое создало себѣ какой-то особенный костюмъ изъ національнаго русскаго и изъ басурманскаго нѣмецкаго, гдѣ неизбѣжно красуются зеленыя перчатки, пуховая шляпа или картузъ такого устройства, въ которомъ равно изуродованы и опошлены и русскій и иностранный типы головной мужской одежды; выростковые сапоги, въ которыхъ прячутся нанковые или суконные штанишки; сверху что-то среднее между долгополымъ жидовскимъ сюртукомъ и кучерскимъ кафтаномъ; красная александрій-

ская или ситцевая рубаха съ косымъ воротомъ, а на шеѣ грязный пестрый платокъ. Прекрасная половина этого сословія представляетъ своимъ костюмомъ такое же дикое смѣшеніе русской одежды съ европейскою: мѣщанки ходятъ бо́льшею частію (кромѣ уже самыхъ бѣдныхъ) въ платьяхъ и шаляхъ порядочныхъ женщинъ, а волосы прячутъ подъ шапочку, сдѣланную изъ цвѣтного шелковаго платка; бѣлила, румяна и сурьма составляютъ неотъемлемую часть ихъ самихъ, точно такъ же, какъ стеклянные глаза, безжизненное лицо и черные зубы. Это мѣщанство есть вездѣ, гдѣ только есть русскій городъ, даже большое торговое село. Типъ этого мѣщанства вполнѣ постигъ петербургскій актеръ г. Григорьевъ 2-й, — и этому-то типу обязанъ онъ своимъ необыкновеннымъ успѣхомъ въ Александринскомъ театрѣ.

Но въ Москвѣ есть еще другого рода среднее сословіе—образованное среднее сословіе. Мы не считаемъ за нужное объяснять нашимъ читателямъ, что̀ мы разумѣемъ вообще подъ образованными сословіями: кому не извѣстно, что у насъ, въ Россіи, есть рѣзкая черта, которая отдѣляетъ необразованныя сословія отъ образованныхъ и которая заключается, во-первыхъ, въ костюмахъ и обычаяхъ, обнаруживающихъ рѣшительное притязаніе на европеизмъ; во-вторыхъ, въ любви къ преферансу, въ-третьихъ, въ большемъ или меньшемъ занятіи чтеніемъ. Касательно послѣдняго пункта можно сказать съ достовѣрностію, что кто читаетъ постоянно хоть „Московскія Вѣдомости“, тотъ уже принадлежитъ къ образованному сословію, если, кромѣ того, онъ въ одеждѣ и въ обычаяхъ придерживается западнаго типа. Къ числу необходимыхъ отличій „образованнаго“ человѣка отъ „необразованнаго“ у насъ полагается и чинъ, хотя съ нѣкотораго времени и у насъ уже начинаютъ убѣждаться, что и безъ чина такъ же можно быть образованнымъ человѣкомъ, какъ и невѣждою съ чиномъ. Впрочемъ, подобное мнѣніе нисколько не проникло въ низшіе классы общества,— и милліонеръ-купецъ, поглаживая свою бородку, смѣло претендуетъ на умъ (благо, плутоватъ и мастеръ надуть недруга и друга), но никогда на образованность. Различій и степеней между „образованными“ людьми у насъ множество. Одни изъ нихъ читаютъ только дѣловыя бумаги и письма, до нихъ лично касающіяся, да еще календари и „Московскія Вѣдомости“; нѣкоторые идутъ далѣе — и постоянно читаютъ „Сѣверную Пчелу“; есть такіе, которые читаютъ рѣшительно всѣ русскіе журналы, газеты, книги и брошюры, и не читаютъ ничего иностраннаго, даже зная какой-нибудь иностранный языкъ; наконецъ, есть такіе esprits forts, которые очень много читаютъ на иностранныхъ языкахъ и рѣшительно ничего на своемъ родномъ; но „образованнѣйшими“ должно почитать, безъ сомнѣнія, тѣхъ немногихъ у насъ людей, которые, *иногда* заглядывая въ русскіе журналы, *постоянно* читаютъ иностранные, *изрѣдка* прочитывая русскія книги (благо, хорошихъ-то изъ нихъ очень мало), *часто* читаютъ иностранныя книги. Но еще многочисленнѣе оттѣнки нашей образованности въ отношеніи къ одеждѣ, обычаямъ и картамъ. Есть у насъ люди, которые европейскую одежду носятъ только оффиціально, но у себя дома, безъ гостей, постоянно пребываютъ въ татарскихъ халатахъ, сафьянныхъ сапогахъ и разнаго рода ермолкахъ: нѣкоторые халату предпочитаютъ ухарскій архалукъ—щегольство провинціальныхъ лакеевъ; другіе, напротивъ, и дома остаются вѣрны европейскому типу и ходятъ въ пальто, въ которомъ могутъ, безъ нарушенія приличія, принимать визиты запросто; одни слѣдуютъ постоянно модѣ, другіе увлекаются венгерками, казачьими шароварами и тому подобными удалыми, залихватскими и ухарскими изобрѣтеніями провинціальнаго изящнаго вкуса. Въ образѣ жизни главный оттѣнокъ различій состоитъ въ томъ, что они поздно встаютъ, обѣдаютъ никакъ не ранѣе четырехъ часовъ, вечеромъ пьютъ чай никакъ не ранѣе десяти часовъ, и чѣмъ позже ложатся спать, тѣмъ лучше; а другіе въ этомъ отношеніи болѣе придерживаются старины. Въ обращеніи оттѣнки нашего общества такъ безчисленны, что нѣтъ никакой возможности и говорить объ нихъ. Но въ этомъ отношеніи всѣ оттѣнки, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, имѣютъ въ себѣ то общаго, что всѣ равно вѣрны внѣшности, которая не обязываетъ ни къ чему внутреннему: это та же одежда. Въ отношеніи къ картамъ есть только три различія: одни играютъ только въ преферансъ; другіе только въ банкъ и въ палки; третьи и въ преферансъ, и въ банкъ, и въ палки. Различіе кушей подразумѣвается само собою. Въ Петербургѣ въ преферансъ играютъ по мастямъ и на семь не прикупаютъ; въ Москвѣ и провинціи прикупаютъ и на десять, безъ различія мастей. Образованный классъ въ Москвѣ довольно многочисленъ и чрезвычайно разнообразенъ. Несмотря на то, всѣ Москвичи очень похожи другъ на друга; къ нимъ всегда будетъ идти эта характеристика, сдѣланная знаменитѣйшимъ Москвичемъ Фамусовымъ:

Отъ головы до пятокъ
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Москвичи—люди нараспашку, истинные Аѳиняне, только на русско-московскій ладъ.

Они любятъ пожить и, въ ихъ смыслѣ, дѣйствительно хорошо живутъ. Кто не слышалъ о московскомъ англійскомъ клубѣ и его сытныхъ обѣдахъ? Кромѣ англійскаго и нѣмецкаго клубовъ, теперь въ Москвѣ есть еще — дворянскій. Кто не слышалъ о московскомъ хлѣбосольствѣ, гостепріимствѣ и радушіи? Въ какомъ другомъ городѣ въ мірѣ можете вы съ такимъ удобствомъ и жениться и пообѣдать, какъ въ Москвѣ?... Гдѣ, кромѣ Москвы, вы можете и служить, и торговать, и сочинять романы, и издавать журналы, не для чего иного, какъ только для собственнаго развлеченія, для отдыха? Гдѣ лучше можете вы отдохнуть и поправить свое здоровье, какъ не въ Москвѣ? Гдѣ, если не въ Москвѣ, можете вы много говорить о своихъ трудахъ, настоящихъ и будущихъ, прослыть за дѣятельнѣйшаго человѣка въ мірѣ—и, въ то же время, ровно ничего не дѣлать? Гдѣ, кромѣ Москвы, можете вы быть довольны тѣмъ, что вы ничего не дѣлаете, а время проводите препріятно? Оттого-то въ Москвѣ такъ много заѣзжаго празднаго народа, который собирается туда изъ провинціи жуировать, кутить, веселиться, жениться. Оттого-то тамъ такъ много халатовъ, венгерокъ, штатскихъ панталонъ съ лампасами и такихъ невиданныхъ сюртуковъ съ шнурами, которые, появившись на Невскомъ проспектѣ, заставили бы смотрѣть на себя съ ужасомъ все народонаселеніе Петербурга. Въ Москвѣ есть, говорятъ, даже *шапки-мурмолки*, въ родѣ той, которую, по увѣренію Москвичей, носилъ еще Рюрикъ. Оттого-то, наконецъ, въ Москвѣ только можетъ процвѣтать цыганскій хоръ Ильюшки. Лицо Москвича никогда не озабочено: оно добродушно и откровенно, и смотритъ такъ, какъ будто хочетъ вамъ сказать: *а гдѣ вы сегодня обѣдаете*? Кто хоть сколько-нибудь знаетъ Москву, тотъ не можетъ не знать, что, кромѣ англійскаго комфорта, есть еще и *московскій комфортъ*, иначе называемый „жизнью на распашку“. Москвичи такъ рѣзко отличаются отъ всѣхъ не-москвичей, что, напримѣръ, московскій баринъ, московская барыня, московская барышня, московскій поэтъ, московскій мыслитель, московскій литераторъ, московскій архивный юноша: все это—типы, все это—слова техническія, рѣшительно непонятныя для тѣхъ, кто не живетъ въ Москвѣ. Это происходитъ отъ исключительнаго положенія Москвы, въ которое постановила ее реформа Петра Великаго. Москва одна соединила въ себѣ тройственную идею Оксфорда, Манчестера и Реймса. Москва — городъ промышленный. Въ Москвѣ находится не только старѣйшій, но и лучшій русскій университетъ, привлекающій въ нее свѣжую молодежь изо всѣхъ концовъ Россіи. Хотя значительная часть воспитанниковъ этого университета, по окончаніи курса, оставляетъ Москву, чтобъ хоть что-нибудь дѣлать на этомъ свѣтѣ, но все же изъ нихъ довольно остается и въ Москвѣ. Эти остающіеся, вмѣстѣ съ учащимися, составляютъ собою особенное среднее сословіе, въ которомъ находятся люди всѣхъ сословій. Ихъ соединяетъ и подводитъ подъ общій уровень образованіе, или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ образованію. Среднее сословіе такого рода — оазисъ на песчаномъ грунтѣ всѣхъ другихъ сословій. Такіе оазисы находятся во многихъ, если не во всѣхъ русскихъ городахъ. Въ иномъ городѣ такой оазисъ состоитъ изъ пяти, въ иномъ изъ двухъ, въ иномъ и изъ одной только души, а въ нѣкоторыхъ городахъ и совсѣмъ нѣтъ такихъ оазисовъ — все чистый песокъ или чистый черноземъ, поросшій бурьяномъ и крапивою. Къ особенной чести Москвы, никакъ нельзя не согласиться, что въ ней такихъ оазисовъ едва-ли не больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ русскомъ городѣ. Это происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ исключительнаго положенія Москвы, чуждой всякаго административнаго, бюрократическаго и оффиціальнаго характера, ея значенія и столицы и вмѣстѣ огромнаго губернскаго города; во-вторыхъ, отъ вліянія Московскаго Университета. Оттого въ дѣлѣ вопросовъ, касающихся до науки, искусства, литературы, у Москвичей больше простора, знанія, вкуса, такта, образованности, чѣмъ у большинства читающей и даже пишущей петербургской публики. Это, повторяемъ, лучшая сторона московскаго быта. Но на свѣтѣ все такъ чудно устроено, что самое лучшее дѣло непремѣнно должно имѣть свою слабую сторону. Что нѣтъ въ мірѣ народа ученѣе Нѣмцевъ, это извѣстно всякому: сами Москвичи, по наукѣ, не годятся Нѣмцамъ въ ученики. Но зато и у Нѣмцевъ есть та слабая сторона, что они до тридцати лѣтъ бываютъ *буршами*, а остальную—и большею—половину жизни—*филистерами* и поэтому не имѣютъ времени быть *людьми*. Такъ и въ Москвѣ: люди, поставившіе образованность цѣлью своей жизни, сначала бываютъ молодыми людьми, подающими о себѣ большія надежды, и потомъ, если во-время не выѣдутъ изъ Москвы, дѣлаются Москвичами и тогда уже перестаютъ подавать о себѣ какія-нибудь надежды, какъ люди, для которыхъ прошла пора обѣщать, а пора исполнять еще не наступила. Даже и молодые люди, „подающіе о себѣ большія надежды“, въ Москвѣ имѣютъ тотъ общій недостатокъ, что часто

смѣшиваютъ между собою самыя различныя и противоположныя понятія, какъ-то: стихотворство съ дѣломъ, фантазіи празднаго ума — съ мышленіемъ. Многимъ изъ нихъ (исключенія рѣдки) стоитъ сочинить свою, а всего чаще вычитать готовую теорію, или фантазію о чемъ бы то ни было, — и они уже твердо рѣшаются видѣть оправданіе этой теоріи, или этой фантазіи, въ самой дѣйствительности,—и чѣмъ болѣе дѣйствительность противорѣчитъ ихъ любимой мечтѣ, тѣмъ упрямѣе убѣждены они въ ея безусловномъ тождествѣ съ дѣйствительностію. Отсюда игра словами, которыя принимаются за дѣла, игра въ понятія, которыя считаются фактами. Все это очень невинно, но оттого не меньше смѣшно. Что̀ бы ни дѣлали въ жизни молодые люди, оставляющіе Москву для Петербурга, — они дѣлаютъ; Москвичи же ограничиваются только бесѣдами и спорами о томъ, что̀ должно дѣлать, бесѣдами и спорами, часто очень умными, но всегда рѣшительно безплодными. Страсть разсуждать и спорить есть живая сторона Москвичей; но дѣла изъ этихъ разсужденій и споровъ у нихъ не выходитъ. Нигдѣ нѣтъ столько мыслителей, поэтовъ, талантовъ, даже геніевъ, особенно „высшихъ натуръ“, какъ въ Москвѣ; но всѣ они дѣлаются болѣе или менѣе извѣстными внѣ Москвы только тогда, какъ переѣдутъ въ Петербургъ: тутъ они волею или неволею или попадаютъ въ составъ той толпы, которую всегда бранили, и дѣлаются простыми смертными, или дѣйствительно находятъ какое бы то ни было поприще своимъ способностямъ, часто болѣе или менѣе замѣчательнымъ, если и не геніальнымъ. Нигдѣ столько не говорятъ о литературѣ, какъ въ Москвѣ, и между тѣмъ именно въ Москвѣ-то и нѣтъ никакой литературной дѣятельности, по крайней мѣрѣ теперь. Если тамъ появится журналъ, то не ищите въ немъ ничего, кромѣ напыщенныхъ толковъ о мистическомъ значеніи Москвы, опирающихся на царь-пушкѣ и большомъ колоколѣ [1]), какъ будто городъ Петра Великаго стоитъ внѣ Россіи и какъ будто исполинъ на Исакіевской Площади не есть величайшая историческая святыня русскаго народа; не ищите ничего, кромѣ множества посредственныхъ стихотвореній къ дѣвѣ, къ лунѣ, къ Ивану Великому, Сухаревой Башнѣ, а иногда — повѣрятъ ли? къ пѣнному вину, будто бы источнику всего великаго въ русской народности [2]); плохихъ повѣстей, запоздалыхъ сужденій о литературѣ, исполненныхъ враждою къ Западу и прямыми и косвенными нападками на безнравственность людей, не принадлежащихъ къ приходу этого журнала и неудивляющихся геніальности его сотрудниковъ [1]). Если выйдетъ брошюрка, — это опять или несовсѣмъ образованныя выходки противъ, будто бы, гніющаго Запада, или какія-нибудь дѣтскія фантазіи, съ самонадѣянными притязаніями на открытіе глубокихъ истинъ въ родѣ тѣхъ, что Гоголь—не шутя нашъ Гомеръ, а „Мертвыя Души“ единственный послѣ „Иліады“ типъ истиннаго эпоса [2]).

Разумѣется, мы говоримъ здѣсь о слабыхъ сторонахъ, не отрицая возможности прекраснѣйшихъ исключеній изъ нихъ. Вездѣ есть свое хорошее и, слѣдовательно, свое слабое, или недостаточное. Петербургъ и Москва—двѣ стороны, или, лучше сказать, двѣ односторонности, которыя могутъ современемъ образовать своимъ сліяніемъ прекрасное и гармоническое цѣлое, прививъ другъ другу то, что̀ въ нихъ есть лучшаго. Время это близко: желѣзная дорога дѣятельно дѣлается...

Обратимся къ Петербургу.

Низшій строй народонаселенія, собственно простой народъ, вездѣ одинаковъ. Впрочемъ, петербургскій простой народъ нѣсколько разнится отъ московскаго: кромѣ полугара и чая, онъ любитъ еще и кофе и сигары, которыми даже лакомятся подгородные мужики; а прекрасный полъ петербургскаго простонародья, въ лицѣ кухарокъ и разнаго рода служанокъ, чай и водку отнюдь не считаетъ необходимостію, а безъ кофею рѣшительно не можетъ жить; подгородныя крестьянки Петербурга забыли уже національную русскую пляску для французской кадрили, которую танцуютъ подъ звуки гармоники, ими самими извлекаемые: вліяніе лукаваго Запада, разсчитанное слѣдствіе его адскихъ козней! Петербургскія швейки и вообще всѣ простыя женщины, усвоившія себѣ европейскій костюмъ, предпочитаютъ шляпки чепцамъ, тогда какъ въ Москвѣ наоборотъ, и вообще одѣваются съ большимъ вкусомъ противъ московскихъ женщинъ даже не одного съ ними сословія. То же должно сказать и о мужчинахъ: къ какому сословію принадлежитъ иной служитель, или мастеровой, это можно узнать только по его манерамъ, но не всегда по его платью. Это опять вліяніе того же лукаваго Запада! Далѣе, въ нашей книгѣ благосклонный читатель современемъ найдетъ описаніе такъ назы-

---

[1]) Рѣчь идетъ объ обновленномъ въ 1845 году „Москвитянинѣ“ и объ извѣстномъ стихотвореніи Ѳ. Глинки „Москва“.

[2]) Бѣлинскій имѣетъ въ виду, быть можетъ, Языкова (см. ст. 49), но главнымъ образомъ московскаго поэта *Милькѣева* (см. о немъ въ ст. № 47).

[1]) Намекъ на Шевырева.

[2]) Объ этой брошюрѣ К. Аксакова см. статьи №№ 37—39.

ваемыхъ „лакейскихъ баловъ“, о которыхъ въ Москвѣ люди этого сословія еще и не мечтали [1]). Говоря о Москвѣ, мы нарочно распространились о купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ, какъ о самыхъ характеристическихъ ея принадлежностяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мѣщане, въ родѣ тѣхъ, которыхъ такъ удачно представляетъ на сценѣ Александринскаго театра г. Григорьевъ 2-й, есть и въ Петербургѣ, и притомъ еще въ довольномъ количествѣ; но здѣсь они какъ будто не у себя дома, какъ будто въ гостяхъ, какъ будто колонисты или заѣзжіе иностранцы. Петербургскій Нѣмецъ болѣе ихъ туземецъ петербургскій. На улицахъ Петербурга они попадаются гораздо рѣже, чѣмъ въ Москвѣ; ихъ надо искать на Щукиномъ, въ овощныхъ лавкахъ, въ мясныхъ рядахъ и всякаго рода маленькихъ лавочкахъ, которыя разсыпаны тамъ и сямъ по Петербургу. Мѣщане—сидѣльцы и приказчики въ лавкахъ, находящихся на болѣе видныхъ улицахъ Петербурга, какъ-то цивилизованнѣе своихъ московскихъ собратій. Вообще же, всѣ они такъ перетасованы въ петербургскомъ народонаселеніи, что не бросаются въ глаза прежде всего, какъ въ Москвѣ; скажемъ болѣе: въ Петербургѣ они какъ-то совсѣмъ незамѣтны. И вотъ почему мы думаемъ, что г. Григорьевъ 2-й не имѣлъ бы такого успѣха на московской сценѣ, какимъ пользуется онъ на петербургской: представляемый имъ типъ, конечно—не невидаль въ Петербургѣ, но въ то же время онъ и не такое обыкновенное явленіе, которое своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ нравами преобладающаго сословія въ Петербургѣ могло бы не возбуждать громкаго и веселаго смѣха на свой счетъ. Что же касается до петербургскаго купечества,—оно рѣзко отличается отъ московскаго. Купцовъ съ бородами, особенно богатыхъ, въ Петербургѣ очень мало, и они кажутся рѣшительными колонистами въ этомъ оевропеившемся городѣ; они даже выбрали особенныя улицы своимъ исключительнымъ мѣстомъ жительства, это — Троицкій переулокъ, улицы, сопредѣльныя Пяти-Угламъ и около старообрядческой церкви. Въ Петербургѣ множество купцовъ изъ Нѣмцевъ, даже Англичанъ, и потому большая часть даже русскихъ купцовъ смотрятъ не купчинами, а негоціантами, и ихъ не отличить отъ сплошной массы, составляющей петербургское среднее сословіе. Наконецъ, мы дошли до главнаго (по его многочисленности и общности его физіономіи) „петербургскаго сословія“. Извѣстно, что ни въ какомъ городѣ въ мірѣ нѣтъ столько молодыхъ, пожилыхъ и даже старыхъ бездомныхъ людей, какъ въ Петербургѣ, и нигдѣ осѣлые и семейные такъ не похожи на бездомныхъ, какъ въ Петербургѣ. Въ этомъ отношеніи Петербургъ — антиподъ Москвы. Это рѣзкое различіе объясняется отношеніями, въ которыхъ оба города находятся въ Россіи. Петербургъ— центръ правительства, городъ по преимуществу административный, бюрократическій и оффиціальный. Едва-ли не пѣлая треть его народонаселенія состоитъ изъ военныхъ, и число штатскихъ чиновниковъ едва-ли еще не превышаетъ собою числа военныхъ офицеровъ. Въ Петербургѣ все служитъ, все хлопочетъ о мѣстѣ, или объ опредѣленіи на службу. Въ Москвѣ вы часто можете слышать вопросъ: „чѣмъ вы занимаетесь?“; въ Петербургѣ этотъ вопросъ рѣшительно замѣненъ вопросомъ: „гдѣ вы служите?“. Слово „чиновникъ“ въ Петербургѣ такое же типическое, какъ въ Москвѣ „баринъ“, „барыня“, и т. д. Чиновникъ — это туземецъ, истый гражданинъ Петербурга. Если къ вамъ пришлютъ лакея, мальчика, дѣвочку хоть пяти лѣтъ, каждый изъ этихъ посланныхъ, отыскивая въ домѣ вашу квартиру, будетъ спрашивать у дворника, или и у самого васъ: „здѣсь ли живетъ *чиновникъ* такой-то?“, хотя бы вы не имѣли никакого чина и нигдѣ не служили и никогда не намѣревались служить. Такой ужъ петербургскій „норовъ“! Петербургскій житель вѣчно боленъ лихорадкою дѣятельности; часто онъ въ сущности дѣлаетъ *ничего*, въ отличіе отъ Москвича, который *ничего не дѣлаетъ*, но „ничего“ петербургскаго жителя для него самого всегда есть „нѣчто“: по крайней мѣрѣ, онъ всегда знаетъ, изъ чего хлопочетъ. Москвичи, Богъ ихъ знаетъ, какъ нашли тайну все на свѣтѣ дѣлать такъ, какъ въ Петербургѣ отдыхаютъ, или ничего не дѣлаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже визитъ, прогулка, обѣдъ—все это Петербуржецъ исправляетъ съ озабоченнымъ видомъ, какъ будто боясь опоздать, или потерять дорогое время, и на все это рѣшается онъ не всегда безъ цѣли и безъ разсчета. Въ Москвѣ даже солидные люди молчатъ только тогда, когда спятъ, а юноши, особенно, „подающіе о себѣ большія надежды“, говорятъ даже и во снѣ, а потомъ даже иногда печатаютъ, если имъ случится сказать во снѣ что-нибудь хорошее, — чѣмъ и должно объяснять иныя литературныя явленія въ Москвѣ. Петербуржецъ, если онъ человѣкъ солидный, скупъ на слова, если они не ведутъ ни къ какой положительной цѣли. Лицо Москвича открыто, добродушно, беззаботно, весело, привѣтливо; Москвичъ всегда радъ заговорить и заспорить съ вами о чемъ

[1]) Говоря о «нашей книгѣ», Бѣлинскій имѣетъ въ виду вторую часть сборника «Физіологія Петербурга», вышедшую въ томъ же году; предполагалось выпускать и послѣдующія части.

угодно, и въ разговорѣ Москвичъ откровененъ. Лицо Петербуржца всегда озабочено и пасмурно; Петербуржецъ всегда вѣжливъ, часто даже любезенъ, но какъ-то холодно и осторожно: если разговорится, то о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ; серьезно онъ говоритъ только о службѣ, а спорить и разсуждать ни о чемъ не любитъ. По лицу Москвича видно, что онъ доволенъ людьми и міромъ; по лицу Петербуржца видно, что онъ доволенъ — самимъ собою, если, разумѣется, дѣла его идутъ хорошо. Отсюда проистекаетъ его тонкая наблюдательность; отъ этого безпрестанно вспыхиваетъ его тонкая иронія: онъ сейчасъ замѣтитъ, если ваши сапоги не хорошо вычищены, или у вашихъ панталонъ оборвалась штрипка, а у жилета виситъ готовая оборваться пуговка, замѣтитъ—и улыбнется лукаво, самодовольно... Въ этой улыбкѣ, впрочемъ, и состоитъ вся его иронія. Москвичъ снисходителенъ ко всякому туалету и незамѣчателенъ вообще во всемъ, что̀ касается до наружности. Прежде всего, онъ требуетъ, чтобъ вы были или добрый малый, или человѣкъ съ душою и сердцемъ... При первой же встрѣчѣ онъ съ вами заспоритъ, и только тогда начнетъ иронически улыбаться, когда увидитъ, что ваши мнѣнія не сходятся съ мнѣніями кружка, въ которомъ онъ ораторствуетъ, или въ которомъ онъ слушаетъ, какъ другіе ораторствуютъ, и который онъ непремѣнно считаетъ за литературную или философскую „партію“. Вообще, всякій Москвичъ, къ какому бы званію ни принадлежалъ онъ, вполнѣ доволенъ жизнію, потому что доволенъ Москвою, и по-своему умѣетъ наслаждаться жизнію, потому что по-своему онъ живетъ широко, раздольно, нараспашку. Въ чемъ заключается его наслажденіе жизнію — это другой вопросъ. Умные люди давно уже согласились между собою, что крѣпкій сонъ, сильный аппетитъ, здоровый желудокъ, внушающіе уваженіе размѣры брюшныхъ полостей, полное и румяное лицо и, наконецъ, завидная способность быть всегда въ добромъ расположеніи духа, суть самое прочное основаніе истиннаго счастія въ семъ подлунномъ мірѣ. Москвичи, какъ умные люди, вполнѣ соглашаясь съ этимъ, думаютъ еще, что чѣмъ менѣе человѣкъ о чемъ-нибудь заботится серьезно, чѣмъ менѣе что-нибудь дѣлаетъ и чѣмъ болѣе обо всемъ говоритъ, тѣмъ онъ счастливѣе. И едва-ли они не правы въ этомъ отношеніи, счастливые мудрецы! Зато одинъ видъ Москвича возбуждаетъ въ васъ аппетитъ и охоту говорить много, горячо, съ убѣжденіемъ, но рѣшительно безъ всякой цѣли и безъ всякаго результата! Не такое дѣйствіе производитъ на душу наблюдателя видъ петербургскаго жителя. Онъ рѣдко бываетъ румянъ, часто бываетъ блѣденъ, но всего чаще его лицо отзывается геморроидальнымъ колоритомъ, свойственнымъ петербургскому небу; и на этомъ лицѣ почти всегда видна бываетъ забота, что-то безпокойное, тревожное и, вмѣстѣ съ этимъ, какое-то довольство самимъ собою, что-то похожее на непобѣдимое убѣжденіе въ собственномъ достоинствѣ. Петербургскій житель никогда не ложится спать ранѣе двухъ часовъ ночи, а иногда и совсѣмъ не ложится, но это не мѣшаетъ ему въ девять часовъ утра сидѣть уже за дѣломъ, или быть въ департаментѣ. Послѣ обѣда онъ непремѣнно въ театрѣ, на вечерѣ, на балѣ, въ концертѣ, въ маскарадѣ, за картами, на гуляньи, смотря по времени года. Онъ успѣваетъ вездѣ, и какъ работаетъ, такъ и наслаждается торопливо, часто поглядывая на часы, какъ будто боясь, что у него не хватитъ времени. Москвичъ—предобрѣйшій человѣкъ, довѣрчивъ, разговорчивъ и особенно наклоненъ къ дружбѣ. Петербуржецъ, напротивъ, не говорливъ, на другихъ смотритъ съ недовѣрчивостію и съ чувствомъ собственнаго достоинства: ему какъ будто все кажется, что онъ или занятъ дѣловыми бумагами, или играетъ въ преферансъ, а извѣстно, что важныя занятія требуютъ вниманія и молчаливости. Петербуржецъ рѣзко отличается отъ Москвича даже въ способѣ наслаждаться: въ столѣ и винахъ онъ ищетъ утонченнаго гастрономическаго изящества, а не излишества, не разливаннаго моря. Въ обществѣ онъ рѣшится лучше скучать, нежели, предавшись обаянію живого разговора, манкировать передъ чинностію и церемонностію, въ которыхъ онъ привыкъ видѣть приличіе и хорошій тонъ. Исключеніе остается за холостыми пирушками: русскій человѣкъ *кутитъ* одинаково во всѣхъ концахъ Россіи, и въ его *кутежѣ* всегда равно проглядываетъ какое-то степное раздолье, напоминающее древне-новгородскіе нравы.

Въ Москвѣ нѣтъ чиновниковъ. Порядочные люди въ Москвѣ, къ чести ихъ, внѣ мѣста своей службы умѣютъ быть просто людьми, такъ что и не догадаешься, что они служатъ. Низшій классъ бюрократіи тамъ слываетъ еще подъ именемъ „приказныхъ“, и мало замѣтенъ, разумѣется, для тѣхъ, кто не имѣетъ до нихъ дѣла, и зато, разумѣется, тѣмъ замѣтнѣе для тѣхъ, кому есть до нихъ нужда. Военныхъ въ Москвѣ мало; при томъ, многіе изъ нихъ являются туда на время, въ отпускъ. Словомъ, въ Москвѣ почти незамѣтно ничего оффиціальнаго, и петербургскій чиновникъ въ Москвѣ есть такое же странное и удивительное явленіе, какъ московскій мыслитель въ Петербургѣ. Хотя Москвичъ вообще оригинальнѣе и какъ будто

самобытнѣе Петербуржца, однако, тѣмъ не менѣе онъ очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если переѣдетъ въ него жить. Куда дѣваются высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ въ этомъ отношеніи пробный камень человѣка: кто, живя въ немъ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу и сердце не на счетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству,—тому смѣло можете вы протянуть руку, какъ человѣку... Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнію и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности,—и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святого, человѣческаго... Что̀ мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ *дѣльнаго* (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастіе глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и при томъ плодотворная въ будущемъ...

Для дополненія нашей картины выпишемъ нѣсколько строкъ о Москвѣ и Петербургѣ изъ одной старой статьи, которая такъ хороша, что въ ней многое осталось новымъ и по прошествіи семи лѣтъ [1]).

„Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаетъ печь французскіе хлѣбы, которые на завтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ — мужескаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, чтобъ во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней какъ сарайныя двери. Петербургъ — аккуратный человѣкъ, совершенный Нѣмецъ, на все глядитъ съ разсчетомъ, и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва — русскій дворянинъ, и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ; она не любитъ середины. Москва всегда ѣдетъ завернувшись въ медвѣжью шубу и большею частію на обѣдъ; Петербургъ въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу, или въ „должность“. Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымается съ постели раньше второго часа; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ въ своемъ байковомъ сюртукѣ въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ по зимнимъ ухабамъ сбывать и покупать; въ Петербургъ ѣдетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва—кладовая: она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловитъ мелкихъ покупщиковъ. Москва говоритъ: „коли нужно покупщику, съищетъ“; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ „ренскимъ погребомъ“ и ставитъ извозчичью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстухи и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва—большой гостиный дворъ; Петербургъ—свѣтлый магазинъ. Москва нужна Россіи; для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фраковъ безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ: Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить порусски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъбудто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна: даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется въ самой серединѣ модной толпы какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи“.

Мы выпустили нѣсколько строкъ изъ этого отрывка, потому что онѣ уже устарѣли и безъ комментарій не годятся. Кромѣ этого, нельзя оставить безъ замѣчанія фразы:

---

[1]) *Современникъ*, 1837, т. VI, стр. 403. *Прим. Бѣлинскаго.* Статья Гоголя – „Петербургскія замѣтки“.

„Москва нужна Россіи; для Петербурга нужна Россія“. Эта фраза болѣе остроумна, чѣмъ справедлива. Петербургъ такъ же нуженъ Россіи, какъ и Москва, а Россія такъ же нужна для Москвы, какъ и для Петербурга. Нельзя отнять важнаго значенія у Москвы, хотя и нельзя еще сказать, въ чемъ именно оно состоитъ. Значеніе самаго Петербурга яснѣе пока à priori, чѣмъ à posteriori. Это оттого, что мы все еще находимся въ настоящемъ моментѣ нашей исторіи; наше прошедшее такъ еще невелико, что по немъ мы можемъ только догадываться о будущемъ, а не говорить о немъ утвердительно. Мы все еще въ переходномъ положеніи. Поэтому, мудрено схватить вѣрно и опредѣленно характеристику обоихъ городовъ. Говоря о томъ, что они теперь, все надо думать, чѣмъ они могутъ сдѣлаться въ будущемъ. Можетъ быть, назначеніе Москвы состоитъ въ удержаніи національнаго начала (сущности котораго, какъ сущности многихъ вещей міра сего, пока нѣтъ возможности опредѣлить) и въ противоборствѣ иноземному вліянію, которое могло бы оставаться рѣшительно внѣшнимъ, а потому и безплоднымъ, если бъ не встрѣчало на своемъ пути національнаго элемента и не боролось съ нимъ. Все живое есть результатъ борьбы; все, что́ является и утверждается безъ борьбы, все то мертво. Несмотря на видимую падкость Москвы до новыхъ мнѣній, или, пожалуй, и до новыхъ идей,—она, моя матушка, до сихъ поръ живетъ все по-старому и не тужитъ. Съ этими идеями она обращается какъ-то по-нѣмецки: идеи у ней сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Ясно, что въ ней есть свое собственное *консервативное* начало, которое только уступаетъ, и то понемногу и медленно, новизнѣ, но не покоряется ей. И представитель этой новизны есть Петербургъ, и въ этомъ его великое значеніе для Россіи. Петербургъ не заносится идеями; онъ человѣкъ положительный и разсудительный. Своего байковаго сюртука онъ никогда не назоветъ римскою тогою; онъ лучше будетъ играть въ преферансъ, нежели хлопотать о невозможномъ; его не удивишь ни теоріями, ни умозрѣніями, а мечты онъ терпѣть не можетъ; стоять на болотѣ ему не совсѣмъ пріятно, но все-таки лучше, чѣмъ держаться, безъ всякихъ подпоръ, на воздухѣ. Его законъ — нудящая сила обстоятельствъ, и онъ готовъ сдѣлаться чѣмъ угодно, если это угодно будетъ обстоятельствамъ. Поэтому, его мудрено опредѣлить на основаніи того, чѣмъ онъ былъ и что́ онъ есть. Ни одинъ Петербуржецъ не лѣзетъ въ геніи и не мечтаетъ передѣлывать дѣйствительности: онъ слишкомъ хорошо ее знаетъ, чтобъ не смиряться передъ ея силою. Геніи родятся сотнями только тамъ, гдѣ, вслѣдствіе обстоятельствъ, царствуетъ полное невѣдѣніе того, что́ называется дѣйствительностію, гдѣ каждый собою мѣряетъ весь міръ и мечты своей праздношатающейся фантазіи принимаетъ за несомнѣнные факты исторіи и современной дѣйствительности. Въ Петербургѣ каждый является на своемъ мѣстѣ и самимъ собою, потому что, если бы въ немъ кто-нибудь объявилъ притязанія быть лучше и выше другихъ, ему сказали бы: „а ну-те, попробуйте!“ Словомъ, Петербургъ не вѣритъ, а требуетъ дѣла. Въ немъ каждый стремится къ своей цѣли, и какова бы ни была его цѣль, Петербуржецъ ее достигаетъ. Это имѣетъ свою пользу, и при томъ большую: какова бы ни была дѣятельность, но привычка и пріобрѣтаемое черезъ нее умѣнье дѣйствовать—великое дѣло. Кто не сидѣлъ сложа руки и тогда, какъ нѣчего было дѣлать, тотъ съумѣетъ дѣйствовать, когда настанетъ для этого время. Городъ—не то, что́ человѣкъ; для него и сто лѣтъ не Богъ знаетъ какое время. Короче: мы думаемъ, что Петербургу назначено всегда трудиться и дѣлать, такъ же какъ Москвѣ подготовлять дѣятелей. Это видно и теперь: сколько молодыхъ людей, окончившихъ въ Московскомъ Университетѣ курсъ наукъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ на службу! Вслѣдствіе вліянія Московскаго Университета и вслѣдствіе тихаго, *провинціальнаго* положенія Москвы, въ ней, говоря вообще, читаютъ не больше, чѣмъ въ Петербургѣ, но въ дѣлѣ вопросовъ науки, искусства, литературы Москвичи обнаруживаютъ больше простора, знанія, вкуса, такта, образованности, чѣмъ большинство петербургской читающей и разсуждающей публики. Вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, въ Москвѣ больше, чѣмъ въ Петербургѣ, молодыхъ людей, способныхъ къ дѣлу; но дѣлаютъ что-нибудь они опять-таки только въ Петербургѣ, а въ Москвѣ только говорятъ о томъ, что́ бы и какъ бы они дѣлали, если бы стали что-нибудь дѣлать.

1845 г.

---

54. Петербургская литература.

Во вступительной замѣткѣ къ предыдущей статьѣ мы говорили и о настоящей статейкѣ Бѣлинскаго, являющейся непосредственнымъ продолженіемъ предыдущей; поэтому здѣсь мы ограничимся только указаніемъ на отношеніе самого Бѣлинскаго къ этой своей статьѣ. Рецензируя вторую часть „Физіологіи Петербурга“, Бѣлинскій прямо заявилъ, что статья „Петербургская литература“ (подписанная имъ литерами *В. Б.*)— „самая слабая“ во всей книгѣ: „(она) могла бы незамѣтно пройти въ журналѣ, даже имѣть въ немъ какое-нибудь значеніе, но въ книгѣ она какъ-то неумѣстна“... Эта безпристрастность и прямота очень характерна для Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе, что здѣсь онъ чрезмѣрно строгъ къ себѣ: настоящая статейка является живымъ и остроумнымъ очеркомъ, а выраженные въ ней взгляды Бѣлинскаго представляютъ для насъ значительный интересъ. Такъ, напримѣръ, интересно узнать, что въ 1845 году Бѣлинскій говоритъ о „Библіотекѣ для Чтенія“ буквально то же самое, что̀ и десятью годами ранѣе (см. ст. №№ 6, 7, 12 и др.), признавая „огромное вліяніе“ этого журнала и на русскую журналистку, и на русскую публику тридцатыхъ годовъ. Теперь, когда такое несомнѣнное значеніе журнала Сенковскаго забыто или не замѣчается историками литературы, слѣдуетъ лишній разъ указать на это мнѣніе Бѣлинскаго. **И.-Р.**

Выраженія: *петербургская литература, московская литература,* совсѣмъ не такъ неумѣстны и произвольны, какъ обыкновенно думаютъ тѣ, которые признаютъ только русскую литературу. Конечно, нѣтъ спора, что такіе писатели, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, принадлежатъ Россіи, а отнюдь не Петербургу и не Москвѣ, и должны называться русскими, а не петербургскими или московскими писателями. Прошло уже то время, когда обѣ наши столицы считались между собою писателями, каждая усиливаясь присвоить себѣ знаменитаго писателя, и когда Москва печатно доказывала, что такой-то поэтъ воспитывался въ ней, а Петербургъ отвѣчалъ, что этотъ поэтъ родился и провелъ въ немъ большую часть своей жизни. Что за вздоръ! И. А. Крыловъ по преимуществу гражданинъ Петербурга, русскаго города, основаннаго на нѣмецкой землѣ и наполовину наполненнаго Нѣмцами и преисполненнаго иноземными обычаями; а между тѣмъ, укажите на другого писателя, который бы и родился, и выросъ, и жилъ, и умеръ въ Москвѣ, и больше Крылова былъ бы народенъ, больше Крылова былъ бы русскій писатель. Всѣ другіе писатели, по большей части, равно принадлежатъ и Петербургу и Москвѣ: одинъ родился въ Петербургѣ, но воспитывался въ Москвѣ, другой жилъ и писалъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ; многіе, родившись и проведя дѣтство въ провинціи, окончательно воспитывались, жили и писали то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Лермонтовъ, напримѣръ, родился и провелъ свое дѣтство въ Пензенской губерніи; потомъ учился въ Московскомъ Университетѣ и, не окончивъ въ немъ курса наукъ, перешелъ въ Петербургъ, въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Пушкинъ родился въ Псковской губерніи, воспитывался въ Петербургѣ и жилъ большею частію въ немъ же; но это не мѣшало ему ни знать, ни любить „родной Москвы“, какъ называлъ онъ ее [1]).

Со всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать, что и на великихъ писателей имѣетъ вліяніе исключительное гражданство той или другой столицы. Поэтъ, который болѣе сжился бы съ нравами московскими и менѣе былъ бы гражданиномъ Петербурга, чѣмъ Пушкинъ, или не написалъ бы „Онѣгина“, или написалъ бы его иначе. Многія изъ замѣчательнѣйшихъ пьесъ Гоголя показываютъ, что этотъ писатель провелъ въ Петербургѣ одну изъ самыхъ свѣжихъ и впечатлительныхъ эпохъ своей жизни. Печать Петербурга видна на большей части его произведеній, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобъ онъ Петербургу обязанъ былъ своею манерою писать, но въ томъ смыслѣ, что онъ Петербургу обязанъ многими типами созданныхъ имъ характеровъ. Такія пьесы, какъ *Невскій Проспектъ*, *Записки Сумасшедшаго*, *Носъ*, *Шинель*, *Женитьба*, *Утро Дѣлового Человѣка*, *Разъѣздъ*, могли быть написаны не только человѣкомъ съ огромнымъ талантомъ и ге-

[1]) Пушкинъ родился въ Москвѣ, а воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ.

ніальнымъ взглядомъ на вещи, но и человѣкомъ, который при этомъ знаетъ Петербургъ не по наслышкѣ. Вообще жизнь въ Петербургѣ много способствуетъ развитію юмористическаго и сатирическаго направленія великихъ талантовъ. *Горе отъ ума* хотя и посвящено изображенію Москвы, однако могло быть написано опять-таки петербургскимъ человѣкомъ. Скажемъ болѣе: даже въ жесткомъ, холодно безотрадномъ и страстно ироническомъ колоритѣ поэзіи Лермонтова мы видимъ признакъ того, что лучшіе годы поэта были проведены въ Петербургѣ. Если бы эти писатели провели большую часть своей жизни, особенно свою молодость, въ Москвѣ, можно не безъ основанія предположить, что въ ихъ произведеніяхъ было бы больше мягкости и спокойствія, больше положительныхъ, нежели отрицательныхъ элементовъ, а по тому самому меньше глубины и силы. Здѣсь опять является во всей своей рѣзкости разница обѣихъ столицъ и ихъ противоположное значеніе.

Если преимущественное гражданство того или другого города можетъ имѣть такое вліяніе на произведенія великихъ талантовъ, которыхъ назначеніе: быть представителями національнаго духа, то изъ произведеній талантовъ обыкновенныхъ еще болѣе видно, къ какому изъ двухъ городовъ принадлежатъ эти таланты. Въ этомъ отношеніи существованіе петербургской и московской литературы еще менѣе подвержено сомнѣнію, нежели существованіе русской литературы. Литературу какого-нибудь народа должно искать не въ однихъ только произведеніяхъ великихъ талантовъ, но и въ общей ежедневной производительности всѣхъ ея великихъ талантовъ, это итогъ литературы, чистый приходъ ея, за вычетомъ расхода, послѣдній результатъ ея внутреннихъ процессовъ. Міръ журналистики обыкновенно почти ничего не представляетъ для такихъ *итоговъ*, потому что всѣ произведенія необыкновенныхъ талантовъ, помѣщаемыя въ журналахъ, потомъ издаются особо, а все остальное въ журналахъ имѣетъ интересъ современный, слѣдовательно, относительный. И однакожъ это нисколько не отрицаетъ вліянія журналовъ на ходъ общественнаго образованія и просвѣщенія, а слѣдовательно и ихъ важности. И потому журналистика составляетъ важную сторону всякой литературы. Обыкновенные таланты, часто столь неважные въ глазахъ потомства, весьма важны для своихъ современниковъ: они имѣютъ на нихъ большое вліяніе, потому что служатъ посредниками между толпою и геніальными писателями, приближая новыя идеи, порождаемыя великими писателями, къ понятію массъ.

Съ этой точки зрѣнія на литературу вообще разница между петербургскою и московскою литературою довольно велика.

Въ статьѣ „Александринскій театръ“ [1]) мы старались показать, чѣмъ отличается театральная петербургская публика отъ театральной московской публики; почти то же различіе существуетъ и между читающею публикою въ обѣихъ столицахъ. Въ Петербургѣ вообще читаютъ больше, чѣмъ въ Москвѣ, такъ же какъ и въ театръ ходятъ больше, чѣмъ въ Москвѣ. Въ смыслѣ общественнаго прогресса въ этомъ отношеніи преимущество остается за Петербургомъ, но искусству и литературѣ, особенно въ настоящее время, отъ этого выгоды немного. Въ Петербургѣ всѣ читаютъ. Мы не имѣемъ нужды объяснять, что́ мы разумѣемъ подъ словомъ *всѣ*: кому неизвѣстно, что Петербургъ *весь* состоитъ изъ служащаго народа, за которымъ неслужащихъ не видно, слѣдовательно, Петербургъ весь состоитъ изъ людей „образованныхъ“. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы найти въ Петербургѣ человѣка, который, нося фракъ и умѣя читать по-русски, не читалъ бы, напримѣръ, *Сѣверной Пчелы* и *Репертуара*. Въ Москвѣ не такъ: тамъ одни ровно ничего не читаютъ (за исключеніемъ Прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ и развѣ, чтобы ужъ не даромъ платить за нихъ деньги,— передникъ статей), а другіе все читаютъ. Число первыхъ огромно, громадно, въ сравненіи съ числомъ вторыхъ. Зато между послѣдними въ Москвѣ очень много людей, которые знаютъ, что́ и для чего читаютъ они, и которые чтеніемъ занимаются какъ дѣломъ. Въ Петербургѣ чтеніе—образованный обычай, плодъ цивилизаціи. Кому не извѣстно, что въ Европѣ газеты составляютъ необходимость каждаго грамотнаго человѣка, и что эта необходимость проистекаетъ изъ публичности, составляющей основу европейской жизни? Но кому также не извѣстно, что въ Европѣ читать газеты совсѣмъ не значитъ заниматься чтеніемъ? Тамъ читаютъ газеты, чтобы каждый день узнать, что́ дѣлается на божьемъ свѣтѣ, какъ у насъ читаютъ газеты, чтобъ знать о производствахъ и подрядахъ. Слѣдовательно, въ Европѣ газета есть вѣстовщикъ, почтальонъ, который всѣхъ заставляетъ читать, но котораго никто не считаетъ книгою. И между тѣмъ, точно такъ большинство петербургской публики читаетъ и газеты, и журналы, и стихи, и романы. Все, что́ надѣлаетъ своимъ появленіемъ большого шума— все то Петербуржцу непремѣнно надобно про-

---

[1]) Статья эта, помѣщенная въ той же II-ой части „Физіологіи Петербурга“ (см. вступ. зам.), не вошла въ настоящее изданіе.

честь—безъ того онъ не уснетъ спокойно. „Парижскія Тайны“ Эжена Сю, какъ извѣстно, надѣлали на свѣтѣ страшнаго шуму,—и Петербургъ прочелъ ихъ и по-французски и по-русски, и остался въ полной увѣренности, безъ малѣйшаго сомнѣнія, что эта сказка—безпримѣрно великое художественное произведеніе. Если бы въ то же время въ Петербургѣ прочли дѣйствительно прекрасное произведеніе, французское или русское, но которое не нашумѣло своимъ появленіемъ, — Петербургу и въ голову не вошло бы, что онъ прочелъ прекрасное произведеніе. Петербургъ любитъ читать все новое, современное, животрепещущее, о чемъ *всѣ* говорятъ; поэтому, онъ читаетъ почти все, что̀ появляется во французскихъ книжныхъ лавкахъ и въ русскихъ журналахъ. Старыхъ писателей Петербургъ очень уважаетъ, если они общимъ голосомъ признаны знаменитыми писателями, но не читаетъ ихъ вовсе, такъ же, какъ и старыхъ книгъ: ему некогда, онъ занятъ новымъ отъ утреннихъ афишъ и фельетона *Съверной Пчелы* до послѣдняго вновь появившагося романа, повѣсти или драмы. Петербуржцамъ, занятымъ службою, визитами, прогулками по Невскому, вечерами, клубами, театрами и концертами, Петербуржцамъ некогда думать и отличать самимъ истинно-хорошее отъ посредственнаго и дурного въ литературѣ: и потому Петербуржцы очень любятъ руководствоваться сужденіями заслуженныхъ авторитетовъ, отъ своихъ начальниковъ до знакомыхъ критиковъ и рецензентовъ включительно. Авторитетъ критика въ Петербургѣ пріобрѣсти не такъ-то легко, какъ думаютъ: для этого надо сдѣлаться или начальникомъ, или печатать свое имя на разныхъ изданіяхъ или въ разныхъ изданіяхъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ двадцать, чтобы глаза всѣхъ примелькались къ нему, какъ къ вывѣскѣ, счастливо помѣщенной на крайнемъ домѣ многоугольной улицы, которой не минуешь, куда бы ни шелъ. Это разумѣется объ авторитетахъ великихъ: маленькимъ авторитетомъ легко сдѣлаться всякому фельетонисту, всякому рецензенту, но только въ своемъ кружкѣ, между своими пріятелями. Оно, коли хотите, публика небольшая, зато преданная и несомнѣвающаяся въ своемъ сочинителѣ, съ которымъ она часто и ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ! Что касается до большихъ авторитетовъ, отъ нихъ требуется если не чина большого, то чести быть издателемъ журнала, или газеты, имѣющихъ большой ходъ, или, по крайней мѣрѣ, чести быть главнымъ сотрудникомъ по части критики въ такомъ журналѣ, или въ такой газетѣ. Внѣшній успѣхъ тутъ всегда — доказательство ума, знанія, таланта и безпристрастія. Но не этимъ только все оканчивается; есть и еще условіе, и при томъ весьма важное, для пріобрѣтенія авторитета въ качествѣ критика. Мы сейчасъ объяснимъ его: пока журналистъ или критикъ еще свѣжъ и новъ въ его идеяхъ, на него смотрятъ недовѣрчиво, какъ на выскочку, который захотѣлъ быть умнѣе *всѣхъ*, спорить противъ того, въ чемъ рѣшительно *всѣ* убѣждены. Подобное направленіе здѣсь приписывается не убѣжденію, не самобытному взгляду, не страстной любви къ истинѣ, но пристрастію, неблагонамѣренности и другимъ непохвальнымъ чувствамъ. Но когда литературныя идеи, распространенныя этимъ журналистомъ или критикомъ, уже утвердятся въ обществѣ и сдѣлаются общими ходячими мѣстами, раны оскорбленныхъ ими самолюбій, за давностію лѣтъ, залѣчатся, и журналистъ-критикъ начнетъ самъ со славою и успѣхомъ подвизаться въ сочиненіяхъ такого же сорта, какія нѣкогда безпощадно преслѣдовала его критика, вооруженная умомъ и вкусомъ, — тогда, о! тогда онъ авторитетъ несокрушимый, незыблемый, и ему вѣрятъ на слово!.. Въ Петербургѣ сейчасъ же готовы повѣрить статьѣ и такого критика, который не только безъизвѣстенъ въ Петербургѣ, но еще и напалъ на петербургскій авторитетъ; но для этого необходимо нужно, чтобъ статья надѣлала большого шуму между безчисленнымъ множествомъ чиновныхъ и литературныхъ авторитетовъ и авторитетиковъ. Если въ Петербургѣ выйдетъ книга, о которой не отозвался ни одинъ критическій авторитетъ, тогда вѣрятъ первой рецензіи, кѣмъ бы ни была она написана. Книга въ ходу, всѣ хвалятъ, всѣ превозносятъ ее; но лишь появилась статья авторитета—книга гибнетъ—ее всѣ бранятъ. Въ полемическихъ перестрѣлкахъ Петербургъ всегда вѣритъ тому, кто сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ, хотя бы и холостымъ зарядомъ. Между писателями въ Петербургѣ такъ же есть свои авторитеты, какъ и между журналистами и критиками. Изъ такихъ можно особенно указать въ прозѣ на Марлинскаго, въ стихахъ на г. Бенедиктова. Съ нѣкотораго времени эти авторитеты уже не у всѣхъ на языкѣ, но это не столько отъ усилій критики, сколько отъ того, что первый принадлежитъ уже къ старымъ писателямъ, а второй давно уже ничего не пишетъ. Зато Гоголь никогда не имѣлъ чести быть авторитетомъ въ Петербургѣ; мало того: въ Петербургѣ сочиненій Гоголя не любятъ, и его, какъ автора, считаютъ наравнѣ съ Поль-де-Кокомъ за то, что *вѣрно копируетъ* только *низкую природу*, а петербургская публика средней руки больше всего цѣнитъ въ писателѣ изображеніе сильныхъ страстей на манеръ Марлинскаго и

хорошій тонъ въ родѣ того, который блеститъ въ безподобныхъ твореніяхъ ея сочинителей, набравшихся хорошаго тона въ Клубѣ Соединеннаго Общества. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ въ Петербургѣ Гоголя не читали, какъ и вездѣ на Руси. Гоголь пользуется въ Петербургѣ исключительною и, по нашему мнѣнію, самою завидною, самою великою славою: чѣмъ больше его бранятъ, тѣмъ больше его читаютъ. Конечно, и въ Петербургѣ, какъ и вездѣ на Руси, найдется нѣсколько людей, глубоко понимающихъ и глубоко уважающихъ талантъ Гоголя (и Петербургъ не безъ исключеній *въ этомъ родѣ*); но большинство судитъ о немъ такъ, какъ судятъ о немъ въ Петербургѣ „почтенные“ люди, т.-е. люди извѣстныхъ лѣтъ и уже въ чинахъ. Поэтому, есть надежда, что когда теперешнее молодое поколѣніе Петербурга сдѣлается уже пожилымъ и „почтеннымъ“ поколѣніемъ, слѣдовательно, пріобрѣтетъ право *имѣть свое сужденіе имѣть*, мнѣніе большинства будетъ рѣшительно въ пользу Гоголя, отчего, впрочемъ, эстетическая образованность общества не слишкомъ двинется впередъ. Это оттого, что всякій петербуржецъ знаетъ не только имя Байрона, но и то, что это поэтъ мрачный и сатанинскій; Петербуржецъ охотно готовъ, при случаѣ, отпустить нѣсколько громкихъ фразъ во изъявленіе своего высокаго уваженія къ колоссальному генію Шекспира, съ которымъ онъ познакомился въ Александринскомъ Театрѣ. Петербуржца нельзя удивить никакимъ именемъ извѣстнаго автора, никакимъ названіемъ извѣстнаго сочиненія, словомъ, никакою знаменитостію: онъ все знаетъ, хотя и ничѣмъ этимъ не занятъ внутренно, и ни о чемъ этомъ спорить не будетъ. Если бы онъ и заспорилъ съ вами о чемъ-нибудь, онъ въ оправданіе своего мнѣнія скажетъ вамъ, что вѣдь всѣ такъ думаютъ, а потомъ прибавитъ, изъ вѣжливости, что, можетъ быть, и вы правы. И въ самомъ дѣлѣ, изъ чего спорить, изъ чего горячиться: вѣдь обо всѣхъ этихъ Байронахъ и Шекспирахъ онъ взялъ готовыя мнѣнія или своего начальника, или другого какого-нибудь почтеннаго человѣка, или знаменитаго критическаго авторитета, или, наконецъ, своего пріятеля фельетониста. Съ него довольно, что онъ все знаетъ, обо всемъ имѣетъ понятіе, и что, слѣдовательно, онъ человѣкъ „образованный“, а въ этомъ состоитъ главное его честолюбіе.

Въ Москвѣ совсѣмъ иначе. Тамъ очень часто даже подъ платьемъ хорошаго фасона можно встрѣтить самое невинное, самое блаженное невѣдѣніе обо всѣхъ вещахъ, касающихся до учености и литературности. Я очень люблю и очень уважаю такихъ людей, и готовъ говорить съ ними только о томъ, о чемъ они сами любятъ говорить, хотя бы это было о новооткрытыхъ и вѣрнѣйшихъ средствахъ выращать волосы на плѣшивой головѣ и въ короткое время сдѣлать себѣ блестящую служебную карьеру. Если бы одинъ изъ тѣхъ господъ заговорилъ со мною о литературѣ, я почувствовалъ бы смертельную тоску... Зато тамъ очень часто можно встрѣтить людей, которые говорятъ о *Байронѣ и матерьяхъ важныхъ* не съ чужого голоса, потому что знаютъ и понимаютъ о чемъ говорятъ,—людей, которыхъ не собьешь съ толку никакимъ авторитетомъ и ничьимъ мнѣніемъ. Тамъ нерѣдко можно встрѣтить людей, которые разсуждаютъ странно, коли хотите, даже ложно, но зато по-своему, какъ они сами понимаютъ дѣло, а не какъ понимаетъ его господинъ такой-то или этакой. И это мнѣ нравится больше, нежели способность говорить обо всемъ, чего не знаешь и чѣмъ не интересуешься, и способность соглашаться со всѣми. Что же касается до вралей и чудаковъ разнаго рода—гдѣ ихъ нѣтъ? И если Грибоѣдовъ въ Москвѣ отыскалъ Репетилова, то Гоголь въ Петербургѣ нашелъ Ивана Александровича Хлестакова. Въ Москвѣ авторитеты уважаются гораздо меньше не только истины, но и каждаго личнаго убѣжденія. Старыя имена гораздо меньше возбуждаютъ къ себѣ довѣрія, нежели вновь появляющіяся молодыя дарованія. Слова: *выписался*, *отсталъ*, совершенно неизвѣстныя въ Петербургѣ, въ Москвѣ въ большомъ ходу, къ крайнему огорченію пожилыхъ геніевъ. Въ Москвѣ есть свои авторитеты, утвердившіеся за давностію лѣтъ,—люди, изъ которыхъ одинъ въ двадцать лѣтъ написалъ пятокъ повѣстей, другой—десятка два фразистыхъ стихотвореній, и т. п. Но это—*авторитеты между собою*, авторитеты, которые сами же составляютъ и свою публику, хваля другъ друга чрезъ третье лицо, которое, въ ожиданіи такого же ѳиміама и себѣ, вѣрно передаетъ похвалы по принадлежности. Настоящая же публика судитъ тамъ объ этихъ „знаменитостяхъ“ по-своему, не справляясь съ ихъ мнѣніемъ о самихъ себѣ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что Московскій Университетъ даетъ особенный колоритъ читающей московской публикѣ, потому что его члены, и учащіе и учащіеся, составляютъ истинный базисъ московской публики. Поэтому, въ Москвѣ больше, нежели гдѣ-нибудь въ Россіи, молодыхъ людей, способныхъ принадлежать наукѣ и литературѣ. Значительная часть учителей, переводчиковъ, журнальныхъ сотрудниковъ, равно какъ и служащихъ по гражданской части въ Петербургѣ, переселенцы изъ Москвы. Оно и не мудрено: по литературѣ, какъ и

по службѣ, Москва не представляетъ достаточно обширнаго поприща дѣятельности для желающихъ что-нибудь дѣлать. И потому тѣ, которые лучше хотятъ „дѣлать ничего“, нежели „ничего не дѣлать“, спѣшатъ переселиться изъ Москвы въ Петербургъ, боясь изъ людей способныхъ къ дѣлу превратиться въ людей, способныхъ только говорить о дѣлѣ.

Въ Петербургѣ литераторами дѣлаются случайно,—не по призванію, не по страсти, даже не по способности, а по бѣдности и обстоятельствамъ. Въ Петербургѣ много періодическихъ изданій, и есть хоть какая-нибудь книжная торговля: стало быть, нужны пишущія руки, и онѣ вербуются гдѣ Богъ послалъ. Какой-нибудь юный департаментскій чиновникъ, никогда не думавшій сдѣлаться сочинителемъ, потому что онъ никогда не былъ и читателемъ, знакомится нечаянно съ какимъ-нибудь сочинителемъ, фельетонистомъ, рецензентомъ, и въ короткое время позволяетъ ему убѣдить себя, что и онъ можетъ быть сочинителемъ не хуже другого. Чиновникъ сперва пишетъ въ фельетонахъ о портныхъ, цыгарочныхъ и помадныхъ лавочкахъ, потомъ начинаетъ пускаться въ сужденія о русской литературѣ, а наконецъ и самъ пишетъ повѣсти, водевили, даже драмы и романы: вѣдь это такъ легко! Въ Петербургѣ литературная извѣстность дешевле пареной рѣпы: стоитъ только поработать *походнѣе* въ какой-нибудь газетѣ, похожей на корзину, въ которую всякій можетъ сбрасывать что̀ ему угодно, или безвозмездно потрудиться въ какомъ-нибудь журналѣ, который съ каждымъ годомъ теряетъ по сотнѣ подписчиковъ,—и хозяинъ этой газеты сейчасъ же объявитъ васъ молодымъ литераторомъ, подающимъ о себѣ блестящія надежды, а хозяинъ убогаго и юродиваго журнала сейчасъ же произведетъ васъ въ геніи, хотя бы вы и просто способнымъ на что-нибудь человѣкомъ никогда не были. Отъ васъ потребуютъ только навыка выражаться общими мѣстами современной журналистики—навыка, который пріобрѣсти гораздо легче, нежели порядочно выучиться грамотѣ. Оттого литераторовъ въ Петербургѣ—тьма тьмущая. Потомъ отъ васъ потребуютъ, чтобы вы хвалили и прославляли своихъ и бранили чужихъ. Этому выучиться тоже легко. Въ Москвѣ, если вы рецензентъ или критикъ, и нападаете на сочиненія какого-нибудь писателя,—въ Москвѣ не только публика, но и самъ этотъ писатель можетъ понять, что вы дѣйствуете такъ не по личному предубѣжденію, не по низкимъ разсчетамъ, а по убѣжденію, можетъ быть ошибочному, но тѣмъ не менѣе искреннему и честному. Въ Петербургѣ этого рѣшительно не понимаютъ. „Что̀ я ему сдѣлалъ? За что̀ онъ меня обругалъ?“—говоритъ тотъ сочинитель, о книгѣ или статьѣ котораго вы отозвались неблагосклонно.—„Я его всегда хвалилъ; да изъ чего и ссориться намъ: вѣдь я пишу совсѣмъ въ другомъ родѣ, нежели въ какомъ онъ пишетъ, и мѣшать ему не могу“. Любовь къ истинѣ, святость убѣжденія, способность оскорбляться книгою или статьею за оскорбленіе, нанесенное ею эстетическому чувству или здравому смыслу,—обо всемъ этомъ почти никто и не хочетъ знать. И между тѣмъ, въ Петербургѣ нѣтъ ни одного писаки, который бы не толковалъ больше всего о добросовѣстности, благонамѣренности, любви къ наукѣ и усердіи къ успѣхамъ русской литературы, и часто объ этомъ громче другихъ кричитъ иной сотрудникъ, перемѣнившій нѣсколько хозяевъ и каждому изъ нихъ измѣнившій по нѣскольку разъ. Въ Москвѣ пишущіе люди щекотливы въ дѣлѣ ихъ убѣжденій и ихъ репутаціи. Оскорбленный вами печатно московскій литераторъ не подружится потомъ съ вами за бутылкою шампанскаго. Непамятозлобивость и вообще способность прощать враговъ при первой выгодѣ сдѣлать это есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ добродѣтелей петербургскихъ литераторовъ. Въ Москвѣ люди противоположныхъ убѣжденій не любятъ сходиться между собою даже и въ простыхъ житейскихъ отношеніяхъ. И по нашему мнѣнію, источникъ подобнаго поведенія столь же похваленъ, сколько его крайность можетъ заслуживать порицанія. Эту привычку нѣкоторые изъ московскихъ литераторовъ сохраняютъ и въ Петербургѣ,—и зато здѣсь смотрятъ на нихъ, какъ на нравственныхъ чудовищъ и уродовъ, потому что здѣсь важны только отношенія, а отнюдь не убѣжденія.

Въ Петербургѣ книги издаются красивѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Петербургскій романистъ пятнадцатаго класса пишетъ все „нѣкоторыя черты“ изъ жизни великихъ людей, и честь быть героями его романовъ предоставляетъ только Наполеону, Фридриху II-му и т. д. Московскій писака изображаетъ въ своихъ романахъ семейную жизнь, гдѣ рисуются *онъ* и *она*, проклятыя мѣста и тому подобныя штуки, или описываетъ поколебаніе татарскаго владычества въ Сокольникахъ, подвиги Таньки-разбойницы въ Марьиной Рощѣ. Петербургскій писака, никогда не видавшій даже прихожей порядочнаго дома, изображаетъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ высшій свѣтъ и хорошій тонъ, аристократовъ и жизнь, какъ она есть. Московскій писака рисуетъ разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной Рощѣ, и описываетъ козла-бунтовщика. Видите ли, какая разница даже и между писаками обѣихъ столицъ!

Фельетонистовъ и рецензентовъ въ Москвѣ мало, потому что газетъ тамъ вовсе нѣтъ, журналовъ—тоже. Въ Петербургѣ фельетонисты и рецензенты составляютъ особенный и многочисленный цехъ. Вообще, кто хочетъ познакомиться короче съ характеромъ петербургскихъ писакъ средней руки, тому совѣтуемъ внимательнѣе прочесть не-повѣсть г. Панаева „Тля“ [1]) и его же „Фельетониста“. Современемъ мы представимъ въ нашемъ изданіи [2]) статью подъ названіемъ: „Литературщики и Книжныхъ Дѣлъ Мастера“, въ которой будутъ раскрыты тайны и любопытныя явленія мелкаго петербургскаго литературнаго и книгодѣльнаго міра.

Новые журналы теперь также принадлежатъ исключительно Петербургу,—какъ новыя идеи и направленія всегда принадлежали Москвѣ. Но до 1834-го года Петербургъ былъ бѣденъ и журналами, тогда какъ Москва была центромъ журнальной дѣятельности. Впрочемъ, ея упадокъ въ Москвѣ очень понятенъ. Москва умѣетъ мыслить и понимать, но за дѣло браться она не мастерица,—по крайней мѣрѣ, въ литературной сферѣ. Многіе съ насмѣшкою говорятъ объ аккуратности, съ какою выходятъ въ положенное время книжки петербургскихъ журналовъ; но какъ бы ни смѣялись надъ этимъ, а это все-таки — не порокъ, а достоинство. Въ продолженіе каждаго полугодія выдавать вдругъ и первыя книжки за этотъ годъ и послѣднія книжки за прошлый, а иногда (что̀ нерѣдко случалось въ Москвѣ) и предпрошлый годъ,—это ни на что не похоже. И между тѣмъ, въ Москвѣ не было ни одного журнала, который бы издавался аккуратно. Причина этого то, что Москвичи до сихъ поръ вѣрны до-петровской старинѣ и любятъ все дѣлать и на авось и съ прохладою. Они не привыкли еще думать, что и въ дѣлѣ литературы есть своя житейская, чернорабочая, практическая сторона, безъ знанія которой и на идеяхъ недалеко уѣдешь, и которая требуетъ своего рода таланта. Въ Москвѣ журналы издавались—какъ бы сказать?—какъ-то патріархально. Плата за сотрудничество и за статьи тамъ считалась чѣмъ-то страннымъ, исключительнымъ, даже несовмѣстнымъ съ достоинствомъ литературной культуры, — хотя подобное рыцарское убѣжденіе нисколько не мѣшало издателямъ пользоваться доходами отъ ихъ изданій. Въ Москвѣ издавался старѣйшій и, до 1825-го года, лучшій русскій журналъ — *Вѣстникъ Европы*, основанный Карамзинымъ въ 1802-мъ году, который послѣ Карамзина издавался Жуковскимъ, то вмѣстѣ, то попеременно съ Каченовскимъ, а потомъ совершенно перешедшій въ руки послѣдняго. Но самое цвѣтущее время московской журналистики было отъ 1825 до 1830 года включительно: въ этомъ году прекратилось вдругъ нѣсколько изданій—*Вѣстникъ Европы*, *Московскій Вѣстникъ*, *Атеней*, *Галатея*, чтобы воскреснуть съ 1831-го года подъ именемъ *Телескопа*. Но хотя этотъ журналъ и соединилъ въ себѣ труды почти всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ тѣхъ четырехъ журналахъ, однако онъ не умѣлъ, какъ бы могъ, овладѣть вниманіемъ публики, число его подписчиковъ не переходило за завѣтную черту одной тысячи, и потомъ онъ медленно исчахъ. Впрочемъ, самый лучшій журналъ того времени—*Московскій Телеграфъ*. славившійся между прочимъ и *огромнымъ* числомъ подписчиковъ, никогда не имѣлъ ихъ болѣе тысячи пятисотъ, а большею частію держался на тысячѣ двухъ стахъ. Всѣ эти журналы издавались въ небольшихъ формахъ и довольно тщедушными книгами. Наконецъ, Петербургъ почувствовалъ, что настало его время. Онъ понялъ, что, кромѣ таланта, въ журналистикѣ великую двигательную силу составляютъ матеріальныя средства, и что если деньги не родятъ таланта, то заставляютъ его быть трудолюбивѣе, обезпечивая его положеніе, избавляя его отъ необходимости прибѣгать къ средствамъ существованія внѣ литературной дѣятельности. Подобная мысль могла родиться только въ Петербургѣ, и всего менѣе въ Москвѣ. Понявши, что въ Россіи еще не настало время для журналовъ, которые могли бы держаться исключительно своимъ направленіемъ, привлекая къ себѣ массу людей, раздѣляющихъ его образъ мыслей, *Библіотека для Чтенія* рѣшилась, во-первыхъ, соединить въ себѣ труды по возможности всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ литераторовъ, а во-вторыхъ, угодить вкусу и потребностямъ самой разнохарактерной публики. Для этого она рѣшилась выходить толстою книгою разъ въ мѣсяцъ, и энциклопедическое разнообразіе содержанія принять за основу своего существованія. Оказалось, что она не ошиблась въ своихъ разсчетахъ, что̀ доказали *пять тысячъ* подписчиковъ въ первый годъ ея изданія. Хотя время и доказало потомъ, что несоединимаго внутренно нельзя соединить внѣшнимъ образомъ, и хотя въ послѣдующіе годы ея изданія число ея подписчиковъ противъ перваго года было меньше, однако журналъ этотъ тѣмъ не менѣе сталъ твердою ногою. Съ тѣхъ поръ журналъ, имѣющій меньше тысячи подписчиковъ и прежде считавшійся богатымъ, почти лишился возможности существовать. Съ тѣхъ поръ, съ открытіемъ тайны

---

[1]) О „Тлѣ“ см. выше статью № 46.

[2]) См. наше послѣднее примѣчаніе въ предыдущей статьѣ.

успѣха, основаннаго на матеріальныхъ средствахъ, даже и мысль и движеніе перешли въ петербургскіе журналы, въ ущербъ московскимъ.

Библіотека для Чтенія — журналъ, насквозь проникнутый петербургскимъ геніемъ, совершенно противоположнымъ московскому. Какъ въ московскихъ журналахъ царствовалъ энтузіазмъ и идеальность, такъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* явился духъ положительности, ироніи и насмѣшки, конечно, надъ такими предметами, надъ которыми шутить никому не запрещено, но которые тѣмъ не менѣе заслуживаютъ уваженія. Впрочемъ, это шуточное направленіе оказало свою пользу, какъ противодѣйствіе дѣтскому и неосновательному идеализму и энтузіазму, который и при умѣренности бываетъ смѣшонъ, а въ крайностяхъ просто невыносимъ. Крайности всегда излѣчиваются крайностями же.

Какъ бы то ни было, появленіе *Библіотеки для Чтенія* имѣло вліяніе не только на русскую журналистику, но и вообще на русскую литературу. Мы помнимъ, какъ при появленіи этого журнала многіе литераторы были скандализированы тѣмъ, что онъ платитъ своимъ сотрудникамъ за каждую строку и платитъ хорошо, слѣдовательно, принося выгоды своему владѣльцу, даетъ средства существованія многимъ людямъ, работающимъ для него постоянно. Мы теперь такъ далеки отъ этого дѣтскаго воззрѣнія на такъ называемую *торговлю въ литературѣ*, что съ трудомъ понимаемъ, какъ оно могло существовать когда-нибудь. Торгашъ-литераторъ, готовый писать и *за* и *противъ* чего ни наймутъ его, всегда будетъ торгашомъ, такъ же какъ литераторъ съ убѣжденіемъ никогда не измѣнитъ ему ради денегъ.

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать—

сказалъ Пушкинъ. Если бъ на рынкахъ говядина и хлѣбъ, а въ магазинахъ сукно и другіе товары отдавались всѣмъ изъ чести, — тогда можно было бы и писать въ журналахъ не изъ денегъ, а изъ чести. Байронъ не писалъ въ журналахъ, не былъ торгашомъ, не продавалъ своего вдохновенія, а за рукописи своихъ сочиненій получалъ тѣмъ не менѣе огромныя суммы.

Вообще, изъ всего этого видно одно и то же: именно, что какъ Петербургъ, такъ и Москва, каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ свое значеніе и свою важность въ Россіи, которыя обнаружатся яснѣе, когда желѣзная дорога соединитъ обѣ столицы. Великое дѣло — желѣзная дорога: широкій путь для цивилизаціи, просвѣщенія и образованности... А между тѣмъ, она прежде всего—дѣло коммерческое, порожденіе разсчета и денегъ. 1845 г.

---

55. Русская литература въ 1845 г.

Статья „Русская литература въ 1845 году“ была послѣднимъ годовымъ „обозрѣніемъ“ Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“ и вообще одной изъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго въ этомъ журналѣ. Основнымъ мотивомъ этой статьи по-прежнему является борьба съ „славянофильствомъ“, или, говоря болѣе опредѣленно, съ *романтизмомъ* славянофильства. Вопросъ этотъ, дѣйствительно, заслуживалъ того, чтобы остановиться на немъ подробнѣе.

Намъ уже приходилось встрѣчаться съ отношеніемъ Бѣлинскаго къ „романтизму“. Мы знаемъ, какъ самъ Бѣлинскій сталъ относиться къ былому „романтизму“ тридцатыхъ годовъ послѣ своего душевнаго перелома 1840—1841 г., какъ обрушился онъ на „романтизмъ“ въ своей статьѣ (еще 1839 года) о „Горѣ отъ Ума“, какъ повторилъ онъ это свое осужденіе въ статьѣ о дѣтскихъ книгахъ (см. ст. №№ 18, 21 и наши вступительныя замѣтки къ нимъ, т. I, стр. 586—587, 735 и др.). Теперь Бѣлинскій сталъ апологетомъ „дѣйствительности“ въ смыслѣ *реализма*, а подъ „романтизмомъ“ и „романтическимъ“ сталъ понимать все „не-дѣйствительное“, мечтательное, сентиментальное, фантастическое—и всѣ эти глубоко несимпатичныя ему свойства и качества приписалъ славянофильству: въ этомъ заключается смыслъ рѣзкаго выступленія Бѣлинскаго противъ романтизма въ началѣ настоящей статьи. Высмѣявъ „романтизмъ“ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, Бѣлинскій видитъ въ славянофилахъ наслѣдниковъ этого романтизма: „романтики жизни — говоритъ Бѣлинскій — ...не перевелись и теперь:... (они), прикинувшись учеными, облекли старыя претензіи въ новыя фразы“... Или еще опредѣленнѣе: „во что бы ни нарядился романтикъ, онъ все остается романтикомъ. Не понимая этого, романтики обѣими ру-

ками начали хвататься за маски и костюмы.... Нѣкоторые, говорятъ, не шутя надѣли на себя терликъ, охабень и шапку-мурмолку; болѣе благоразумные довольствуются только тѣмъ, что ходятъ дома въ татарской ермолкѣ, татарскомъ халатѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ—все же историческій костюмъ! Назвались они *партіями* и думаютъ, что дѣлать значитъ—разсуждать на пріятельскихъ вечерахъ о томъ, что только они — удивительные люди, и что кто думаетъ не по ихъ, тотъ бродитъ во тьмѣ"... Во всемъ этомъ Бѣлинскій видитъ стремленіе идти мимо жизни, стремленіе вложить жизнь въ искусственныя и надуманныя рамки, противорѣчащія живой „дѣйствительности"; а все идущее противъ дѣйствительности—*романтизмъ*, съ которымъ надо неустанно бороться.

Мы не будемъ останавливатся здѣсь на этой борьбѣ Бѣлинскаго съ „романтизмомъ", такъ какъ намъ придется еще подробно говорить объ этомъ во вступительной замѣткѣ къ послѣдней статьѣ Бѣлинскаго 1848 года (т. III, ст. № 66). Но необходимо здѣсь же указать на то обстоятельство, что хотя Бѣлинскій во многомъ ошибался, считая все славянофильство въ его цѣломъ далекимъ отъ жизни, искусственнымъ, надуманнымъ (наоборотъ—славянофильство впервые послѣ декабристовъ подошло къ самой соціальной дѣйствительности—хотя бы въ вопросѣ объ общинѣ), однако онъ былъ глубоко правъ—глубже, чѣмъ самъ онъ думалъ,—считая характернымъ признакомъ славянофильства *романтизмъ*. При этомъ, конечно, романтизмъ надо понимать не въ смыслѣ „мечтательности" или „фантастичности", а гораздо глубже—именно такъ, какъ опредѣлилъ его самъ же Бѣлинскій еще въ 1843 году, во второй изъ своимъ пушкинскихъ статей (т. III, стр. 8—9 и 80—81 sqq); Бѣлинскій опредѣлилъ тамъ романтизмъ какъ міровоззрѣніе *мистицизма*, какъ внутренній міръ души человѣка. Въ этомъ дѣйствительно заключалась внутренняя сущность славянофильства и внутренняя причина глубокаго расхожденія славянофиловъ и западниковъ. Мы уже имѣли случай указать (см. выше стр. 383), что причины распаденія русской интеллигенціи на эти двѣ враждебныя группы лежали глубже соціальныхъ, націоналистическихъ и политическихъ разногласій; онѣ лежали *въ реалистическомъ міропониманіи западниковъ и въ мистическомъ (романтическомъ) міровосчувствованіи славянофиловъ*. Во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ №№ 64—65 намъ еще придется говорить объ этомъ; здѣсь мы ограничиваемся только указаніемъ, что сущность взгляда Бѣлинскаго на „романтизмъ" славянофильства глубоко вѣрна, несмотря на многія полемическія преувеличенія и ошибки.

„Романтизму" славянофиловъ и ихъ литературныхъ представителей Бѣлинскій противопоставилъ въ настоящей статьѣ „новую школу", которая вскорѣ получила названіе „натуральной школы". И это противопоставленіе Бѣлинскій развилъ подробнѣе въ своей послѣдней статьѣ 1848 года (№ 66), къ которой мы и отсылаемъ читателей; здѣсь замѣтимъ только, что *реализмъ* этой школы былъ тѣмъ главнымъ ея свойствомъ, которое Бѣлинскій противопоставлялъ и „романтизму" двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, и романтизму славянофиловъ. „Романтизмъ" проявляетъ „внутренній міръ души человѣка", единичнаго *я*; новая школа обратилась къ изученію „толпы", къ реалистическому изображенію жизни—и въ этомъ Бѣлинскій видитъ величайшую заслугу „новой школы" передъ русской литературой, русскимъ обществомъ: „это значило—говоритъ Бѣлинскій—сдѣлать ее (литературу) выраженіемъ и зеркаломъ русскаго общества, одушевить ее живымъ національнымъ интересомъ"... Критическій анализъ произведеній „натуральной школы", оцѣнка ихъ съ соціальной точки зрѣнія и объясненіе ихъ значенія—все это стало главной задачей критической дѣятельности Бѣлинскаго въ послѣдніе два года его жизни. **И.-Р.**

Тихо и незамѣтно еще канулъ годъ въ вѣчность, канулъ, какъ капля въ море! И никто не пожалѣлъ о покойникѣ, никто не проводилъ его ласковымъ словомъ, — онъ былъ забытъ заживо, забытъ совершенно: въ декабрѣ на него смотрѣли всѣ какъ на докучнаго, засидѣвшагося гостя, который только мѣшаетъ радостной встрѣчѣ съ вожделѣннымъ новымъ годомъ. Старый годъ въ своемъ послѣднемъ мѣсяцѣ бываетъ похожъ на начальника, который подалъ въ отставку, но, за сдачей дѣлъ, еще не оставилъ своего мѣста. Разница только въ томъ, что о старомъ начальникѣ всегда жалѣютъ, если не по сознанію, что онъ былъ хорошъ, то по боязни, что новый будетъ еще хуже; новаго же года люди никогда не боятся: напротивъ, ждутъ его съ нетерпѣніемъ, какъ будто въ условной цифрѣ заключается талисманъ ихъ счастья. И все это для того, чтобъ измѣнить ему, когда онъ состарѣется, и снова возложить свои надежды на его преемника! Такимъ образомъ, непримѣтно уходитъ годъ за годомъ, и только развѣ тогда, какъ человѣкъ почувствуетъ на плечахъ своихъ порядочное

количество годовъ, впадаетъ онъ въ невольное раздумье, и уже не съ такой холодностью провожаетъ старый, и не съ такой радостью встрѣчаетъ новый годъ. Ему въ первый разъ приходитъ на умъ очень простая истина, что первое января, которымъ теперь начинается новый годъ, ничѣмъ не лучше перваго сентября, которымъ прежде начинался годъ; что условные вѣхи, столбы и станціи на безконечной дорогѣ жизни—въ сущности ничего не значатъ, и что для каждаго лично всего лучше измѣрять свое время объемомъ своей дѣятельности, или хоть своихъ удачъ и своего счастья. Ничего не сдѣлать, ничего не достигнуть, ничего не добиться, ничего не получить въ продолженіе цѣлаго года—значитъ потерять годъ, значитъ не жить въ продолженіе цѣлаго года. А сколько такихъ годовъ теряется у людей! Не дѣлать — не жить; для мертваго это небольшая бѣда, но не жить живому—ужасно! И между тѣмъ, такъ много людей живетъ не живя, но только сбираясь жить! Кто въ самомъ себѣ не носитъ источника жизни, т.-е. источника живой дѣятельности, кто не надѣется на себя,—тотъ вѣчно ожидаетъ всего отъ внѣшняго и случайнаго. И вотъ причина чествованія новаго года. Новый годъ даетъ то, чего не далъ прошлый... И вотъ—

Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо,
И все равно надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

Святочныя гаданія всегда относятся къ новому году; люди убѣждены, что только въ новомъ году могутъ они быть счастливы. О томъ, достойны ли, способны ли они быть счастливы, имъ и въ голову не приходитъ. Еще тѣ, которые ждутъ своего счастья отъ денегъ, отъ матеріальныхъ выгодъ, могутъ быть правы; не удалось въ прошломъ году,—авось удастся въ будущемъ! Притомъ же, люди этого сорта дѣятельны и крѣпко держатся пословицы: „на Бога надѣйся, самъ не плошай“. Но романтическіе лѣнивцы, но вѣчно бездѣятельные или глупо дѣятельные мечтатели думаютъ объ этомъ иначе: небрежно, въ сладкой задумчивости, опустивъ руки въ пустые карманы, прогуливаются они по дорогѣ жизни, глядя все впередъ, туда, въ туманную даль, и думаютъ, что счастье гонится за ними, ищетъ ихъ и вотъ—того и гляди—наконецъ найдетъ ихъ и бросится въ ихъ объятія, чтобъ никогда уже не разставаться съ ними. „О, что-то сулишь ты мнѣ, *таинственный* новый годъ!“—восклицаютъ они,—въ стихахъ и въ прозѣ... А о томъ и не подумаютъ, что они ничего не сдѣлали, чтобъ найти очарованіе и прелесть въ жизни; что они перехитрились, перемудрились до того, что сами не знаютъ, чего имъ надо и чего не надо; что они утратили способность просто чувствовать, просто понимать вещи, что сдѣлались олицетвореннымъ противорѣчіемъ—de facto живутъ на землѣ, а мыслью на облакахъ; что стали ложны, неестественны, натянуты,

Съ *своей* безнравственной душой,
Самолюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ *своимъ* озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ..

Въ наше время особенно много людей *мечтающихъ* и *разсуждающихъ*, о которыхъ, впрочемъ, не всегда можно сказать, чтобъ они были въ то же время и *мыслящими* людьми. Не жить, но мечтать и разсуждать о жизни, — вотъ въ чемъ заключается ихъ жизнь... Нельзя не подивиться, что юморъ современной русской литературы до сихъ поръ не воспользовался этими интересными типами, которыхъ такъ много теперь въ дѣйствительности, что ему было бы гдѣ разгуляться! Это существа странныя, иногда жалкія, иногда достойныя участія, но всегда равно любопытныя для наблюденія. Ихъ значеніе у насъ очень важно; они явились вслѣдствіе внутренней необходимости, какъ выраженіе нравственнаго состоянія общества. Еще недавно были они „героями своего времени“. Теперь на нихъ мода проходитъ, но ихъ все еще много, и они еще не скоро переведутся. При томъ же они не столько переводятся, сколько измѣняются, принимая новыя формы. Поэтому они раздѣляются на множество оттѣнковъ, заслуживающихъ подробнаго изслѣдованія.

Что же это за люди, что это за типы?—Это высокія натуры, презирающія толпу: вотъ общее ихъ опредѣленіе, довольно полное и вѣрное. Что же касается до оттѣнковъ, начнемъ съ перваго.

Онъ слезы лилъ, добросердечно
Бранилъ толпу.
И проклиналъ безчеловѣчно
Свою судьбу.
Являлся горестнымъ страдальцемъ
Писалъ стишки.
И не дерзалъ коснуться пальцемъ
Ея руки.

Никакой натуралистъ такъ хорошо и полно не составлялъ исторіи какого-нибудь genus или species животнаго царства, какъ хорошо и полно разсказана въ этихъ восьми

стихахъ [1]) исторія человѣческой породы, о которой говоримъ мы. Недовольство судьбою, брань на толпу, вѣчное страданіе, почти всегда кропаніе стишковъ, и идеальное обожаніе неземной дѣвы—вотъ родовые [2]) признаки этихъ „романтиковъ“ жизни. Первый разрядъ ихъ состоитъ больше изъ людей чувствующихъ, нежели умствующихъ... Ихъ призваніе—страдать, и они горды своимъ призваніемъ. Не спрашивайте ихъ, по чемъ, отчего они страдаютъ: они презираютъ страданіе, которое можно объяснить какою-нибудь причиною. Они любятъ страданіе для страданія. Имъ стыдно минуты веселаго, беззаботнаго увлеченія; они боятся здоровья, хотятъ быть блѣдными, худыми, и ничѣмъ такъ нельзя встревожить ихъ, какъ сказавъ, что они пополнѣли. Для чего все это?— Для того, что толпа любитъ ѣсть, пить, веселиться, смѣяться, а они, во что бы то ни стало, хотятъ быть выше толпы. Имъ пріятно увѣрять себя, что въ нихъ клокочутъ неистовыя страсти, что они переполнены чувствомъ, что ихъ юная грудь разбита несчастьемъ, свѣтлыя надежды на жизнь давно разлетѣлись, и на долю имъ осталось одно горькое разочарованіе. Имъ непремѣнно нужна душа, которая поняла бы ихъ, но они рѣшительно не знаютъ, что̀ имъ дѣлать съ такою душою, когда имъ удастся найти ее, потому что ихъ страсти въ головѣ, а не въ сердцѣ, и счастливая любовь становитъ ихъ втупикъ. Поэтому они предпочитаютъ любовь непонятную, нераздѣленную любви счастливой, и желаютъ встрѣчи или съ жестокою дѣвою, или съ измѣнницей... Во всемъ этомъ главную роль играетъ самолюбіе, и однакожъ тутъ есть, или была когда-то, своя хорошая сторона; но мы объ этомъ скажемъ ниже, а теперь обратимся къ другому, высшему разряду „романтиковъ“.

Между этими „романтиками“ бываютъ люди умные, даже очень, хотя и безплодно умные. Они толкуютъ не о чувствахъ и не о себѣ только: они разсуждаютъ вообще о жизни. Стремленіе весьма похвальное, когда оно имѣетъ прочную основу, практическій характеръ! Но романтики вообще враги всего практическаго, которое они съ презрѣніемъ отдали на долю „толпы“, не понимая въ своемъ ослѣпленіи, что всякій геній, всякій великій дѣятель есть человѣкъ практическій, хотя бы онъ дѣйствовалъ даже въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Разладъ съ дѣйствительностью—болѣзнь этихъ людей. Въ дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спѣшить жить, они, вмѣсто этого, только разсуждаютъ о жизни. Нѣкоторые изъ нихъ спохватываются, но поздно: именно въ то время, когда человѣкъ не годится уже ни на что̀ лучшее, какъ только на то, чтобъ разсуждать о жизни, которой онъ никогда не зналъ, никогда не извѣдалъ. Толпа живетъ, не мысля, и оттого живетъ пошло; но мыслить, не живя,—развѣ это лучше? развѣ это не такая же или даже еще не бо̀льшая уродливость?..

Но теперь всѣ заговорили о дѣйствительности. У всѣхъ на языкѣ одна и та же фраза: — „надо дѣлать!“ И между тѣмъ, все-таки никто ничего не дѣлаетъ! Это показываетъ, что, во что бы ни нарядился романтикъ, онъ все остается романтикомъ. Не понимая этого, романтики обѣими руками начали хвататься за маски и костюмы,—и вышелъ пестрый маскарадъ, гдѣ на одинъ вечеръ такъ легко быть чѣмъ угодно—и туркомъ, и жидомъ, и рыцаремъ. Нѣкоторые, говорятъ, не шутя надѣли на себя терликъ, охабень и шапку-мурмолку [1]); болѣе благоразумные довольствуются только тѣмъ, что ходятъ дома въ татарской ермолкѣ, татарскомъ халатѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ — все же историческій костюмъ! Назвались они „*партіями*“ и думаютъ, что дѣлать значитъ — разсуждать на пріятельскихъ вечерахъ о томъ, что только они— удивительные люди, и что кто думаетъ не по ихъ, тотъ бродитъ во тьмѣ.

Во всемъ этомъ видно одно: стремленіе жить мимо жизни, глубокій внутренній разладъ съ дѣйствительностью. Сперва хотятъ составить программу жизни, хорошенько обдумать и обсудить ее, а потомъ уже и жить по этой программѣ. Удивительно ли, что вся жизнь такихъ людей проходитъ въ составленіи программъ? Человѣкъ долженъ сознавать жизнь и разумъ долженъ вести человѣка по пути жизни,— тѣмъ и отличается человѣкъ отъ животныхъ безсловесныхъ; но основой жизни долженъ быть инстинктъ, непосредственное чувство. Безъ нихъ жизнь есть пустое, холодное и, къ довершенію, преглупое умничанье, такъ же, какъ безъ мыслительности непосредственное существованіе есть животное состояніе. Любовь къ женщинѣ—высокое чувство, но оно тогда только истинно, когда выходитъ изъ сердца, а не изъ головы.

А между тѣмъ, романтики по преимуществу живутъ головными, а не сердечными

---

[1]) Восьмистишіе это принадлежитъ *И. С. Тургеневу* и взято изъ его стихотворенія „Человѣкъ, какихъ много“, напечатаннаго въ „Отеч. Запискахъ“ 1843 г.

[2]) Въ журнальномъ текстѣ очевидная опечатка: „родные“ вмѣсто „родовые“.

[1]) См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 53.

страстями, и потому вся гамма жизни ихъ поется визгливой фистулой. Ихъ презрѣніе къ „толпѣ“ такъ велико, что они не могутъ понять, какимъ образомъ самъ геній потому только и великъ, что служитъ толпѣ, даже борясь съ нею. Поэтому они не хотятъ снизойти до ознакомленія себя съ толпой, до изученія ея характера, положенія, потребностей, нуждъ. Для обихода цѣлой ихъ жизни достаточно нѣсколькихъ мыслей, иногда нѣсколькихъ фразъ, вычитанныхъ въ книгѣ, поверхностно понятыхъ, невпопадъ приложенныхъ къ дѣйствительности. Они смотрятъ на толпу не какъ на силу, которая гнется и подается только отъ силы генія, а какъ на стадо, которое можетъ гнать передъ собою, куда угодно, первый умникъ, если вздумаетъ взяться за это дѣло. Ихъ любовь и довѣренность къ теоріямъ (разумѣется, преимущественно къ своимъ собственнымъ) такъ велика, что они скорѣе рѣшатся не признать существованія цѣлаго народа, который не подходитъ подъ ихъ теорію, нежели отказаться отъ нея. Имъ это такъ легко, а для народа это такъ не опасно! Пусть тѣшатся!.. Но, вѣдь, этимъ потѣхамъ долженъ же быть когда-нибудь и конецъ: самъ донъ-Кихотъ опомнился передъ смертью... Что жъ! когда горькій опытъ жизни разобьетъ мечты романтика, — у него не все еще будетъ отнято: у него останется великолѣпная мантія страданія, вслѣдствіе непризнанной геніальности...

И однакожъ такіе романтики—не случайное явленіе. Они были необходимымъ результатомъ прививного образованія нашего общества: ихъ исторія тѣсно соединена съ исторіей нашей литературы, съ которой такъ же тѣсно слита и исторія образованія нашего общества.

До начала литературы дѣды и отцы наши жили просто, безъ претензіи, безъ хитростей, безъ мудрованія, ѣли, пили, спали (и какъ еще ѣли, пили и спали! намъ, ихъ внукамъ и дѣтямъ, увы! уже не ѣсть, не пить и не спать такъ!), женили дѣтей своихъ (тогда сыновья не могли сами жениться,—ихъ женили отцы, такъ же, какъ теперь они выдаютъ дочерей замужъ), умнѣли лѣтъ въ сорокъ, старѣли лѣтъ въ семьдесятъ, умирали лѣтъ въ девяносто... Безъ сомнѣнія, это была жизнь весьма простая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грубо-простая. Вѣдь простота простотѣ—рознь, и для общества лучшая простота есть та, которая выработалась изъ затѣйливой вычурности, какъ, напримѣръ, простота обращенія въ современной Европѣ, вышедшая изъ изысканной хитрости обращенія XVIII вѣка. Въ этомъ черезчуръ простомъ обществѣ не было жизни, разнообразія, потому что личность человѣка поглощалась этимъ обществомъ, и каждый долженъ, обязанъ былъ жить, какъ жили всѣ, а не какъ указывалъ ему его разумъ, его чувство, его наклонности. Реформа Петра Великаго потрясла въ основаніи это оцѣпенѣлое общество; но она только разбудила, растревожила, взволновала его, и если перемѣнила, то извнѣ только. Внутреннее измѣненіе общества долженствовало быть дальнѣйшимъ результатомъ этой реформы. Явилась литература, сперва безъ читателей, безъ публики, литература громозвучная, торжественная, надутая, школьная, риторическая, педантическая, книжная, безъ всякаго живого отношенія къ жизни и обществу. Въ блестящее царствованіе Екатерины II было положено основаніе знакомства русскаго общества съ европейскимъ; съ этого времени начало сильно распространяться въ Россіи знаніе французскаго языка, а вмѣстѣ съ нимъ и изысканная вѣжливость обращенія и сантиментальный характеръ нравовъ. Бѣдный молодой дворянинъ Карамзинъ объѣхалъ большую часть Европы и своими *Письмами Русскаго Путешественника*, очаровавшими его современниковъ, прочитанными всей грамотною Россіею того времени, довершилъ и утвердилъ знакомство русскаго образованнаго общества съ Европою. Эта книга, которую теперь такъ скучно читать,—тѣмъ не менѣе великій фактъ въ исторіи нашей литературы и въ исторіи образованія нашего общества. Съ Карамзина наше сочинительство и писательство уже начало становиться не просто книжничествомъ, а литературою, потому что талантъ Карамзина создалъ и образовалъ публику. Направленіе, данное Карамзинымъ нашей литературѣ, было по преимуществу сантиментальное. Такъ какъ оно было въ духѣ времени, то скоро проникло и въ нравы общества. *Чувствительныя души* толпами ходили гулять на Лизинъ-прудъ; Эрасты, Леоны, Леониды, Мелодоры, Филареты, Нины, Лилы, Эмиліи, Юліи размножились до чрезвычайности, вздохи превращали самые тихіе дни въ вѣтренные, слезы потекли рѣками... Будь это въ наше время, сейчасъ же бы составились компаніи на акціяхъ для постройки вѣтренныхъ и водяныхъ мельницъ, въ разсчетѣ на движущую силу вздоховъ и слезъ чувствительныхъ душъ... Теперь это, конечно, смѣшно, но тогда имѣло свое глубокое значеніе. Литература въ первый разъ стала выраженіемъ общества, и потому начала оказывать на него сильное нравственное вліяніе. Чувствительныя души были тогда если не лучшія души въ обществѣ, то, безъ сомнѣнія, самыя образованныя. Онѣ рѣзко отдѣлились отъ *без-*

чувственной толпы, но онѣ гордились передъ нею только своею способностью чувствовать, умиляться до слезъ отъ всего прекраснаго и человѣческаго, а еще не тянулись въ герои и великіе люди. Но тѣмъ не менѣе, раздѣленіе *избранныхъ* отъ *толпы* уже обнаружилось. Оно не могло остановиться на одномъ мѣстѣ, но должно было идти впередъ, развиваться. Романическая муза Жуковскаго, своими очаровательно-задумчивыми звуками, похожими на унылогармоническіе звуки *эоловой арфы*, дала сантиментальному обществу болѣе истинный и болѣе поэтическій характеръ. Въ ней, несмотря на ея мечтательность, была сила, энергія, и она любила не одну сладкую задумчивость, но и мрачныя картины фантастической дѣйствительности, наполненной гробами, скелетами, духами, злодѣйствами и преступленіями — темными преданіями среднихъ вѣковъ... Въ двадцатыхъ годахъ раздалось въ нашей литературѣ слово „романтизмъ“. Всѣ заговорили о Байронѣ, и байронизмъ сдѣлался пунктомъ помѣшательства для прекрасныхъ душъ... Вотъ съ этого-то времени и начали появляться у насъ толпами маленькіе-великіе люди съ печатью проклятія на челѣ, съ отчаяніемъ въ душѣ, съ разочарованіемъ въ сердцѣ, съ глубокимъ презрѣніемъ къ „ничтожной толпѣ“. Герои сдѣлались вдругъ очень дешевы. Всякій мальчикъ, котораго учитель оставилъ безъ обѣда за незнаніе урока, утѣшалъ себя въ горѣ фразами о преслѣдующемъ его рокѣ и о непреклонности своей души, пораженной, но не побѣжденной. Эти господа провозгласили своимъ органомъ Пушкина, потому что не поняли его. Они обѣими руками ухватились за его молодыя произведенія,—прекрасныя, но въ то же время и незрѣлыя; зато, когда Пушкинъ нашелъ путь, назначенный ему его натурой, когда онъ развился до всей высоты своего генія и сдѣлался великимъ художникомъ, — они отступились отъ него, какъ отъ падшаго таланта. Истиннымъ выраженіемъ романтическаго направленія были повѣсти Марлинскаго, съ дополненіемъ къ нимъ повѣстей въ родѣ „Живописца“, „Блаженства Безумія“, „Эммы“ и т. п., и потомъ стихотворенія нѣкоторыхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ и доведшихъ это направленіе до послѣдней крайности. Въ немъ были и отчаянная фразеологія ложныхъ, натянутыхъ страстей, и притязательная (prétentieuse) фразеологія нѣмецко-бюргеровской мечтательности, пополамъ съ плохо понятымъ нѣмецко-философскимъ мудрованіемъ; и наша, будто бы народная удаль чувствъ и выраженій, сбивающаяся нѣсколько на ямщицкое ухарство. Превосходнымъ образчикомъ послѣдняго можетъ служить слѣдующее стихотвореніе, напечатанное въ *Эхо*, альманахѣ на 1830 годъ, изданномъ въ Москвѣ:

Прочь съ *презрѣнною толпою*,
Цыцъ, схоластики, молчать!
Вамъ ли черствою душою
Жаръ поэзіи понять?
Дико, бѣшено стремленье,
Чѣмъ поэтъ одушевленъ:
Такъ въ *безумномъ* упоеньи
Богъ поэтовъ, Аполлонъ,
Съ Марсіаса содралъ кожу!
Берегись его дѣтей:
Эпиграммой *хлопнутъ въ рожу*,
Рифмой *бѣшеной* своей
Въ *поэтическія плети*
Пріударятъ дураковъ,
И позоръ вашъ, мрака дѣти,
Отдадутъ на свистъ вѣковъ.

Нельзя не согласиться, что это немножко пошло, немножко грязно, даже отчасти глуповато; но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что это только доведенная до послѣдней крайности та *мило забубённая* поэзія, которая воспѣвала удаль бурсацкой жизни и возвышенныя стремленія разума къ чашѣ съ шипучимъ, — та разудалая поэзія, которою мы съ вами, читатель, такъ восхищались во время оно, и которая и теперь еще имѣетъ простодушіе претендовать на вниманіе и на почетъ... Справедливая русская пословица: яблоко отъ яблони недалеко упало... Что же касается до неистовой и глубокомысленной романтической фразеологіи въ стихахъ и прозѣ,—мы не высказали бы ясно нашей мысли о романтическомъ направленіи, если бы не привели здѣсь нѣсколькихъ фразъ, болѣе или менѣе характеристическихъ.

Вотъ на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ разныхъ романтическихъ авторовъ:

„Моя сабля мой лучшій заступникъ.

— Бросьте пустое хвастовство, князь Гремінъ; завтра, такъ завтра. Выстрѣлъ самый остроумный отвѣтъ на дерзости.

„А пуля самая лучшая награда коварству. Завтра вы увѣритесь, что я не изъ той ткани, изъ которой дѣлаются свадебныя подножки, и не бубновый тузъ, чтобъ въ меня цѣлить хладнокровно“.

„Человѣкъ созданъ изъ Добра и Любви; съ ними все соединялось у него въ первобытной его жизни. Кто былъ добръ, тотъ любилъ; кто любилъ, тотъ былъ добръ. И любовь родила душу Человѣка съ мертвой Природой. Философія не разогрѣетъ Вѣры, и не логикой убѣждаются въ ея святыхъ истинахъ— но сердцемъ. Тамъ въ сердцѣ человѣческомъ *воздвигнутъ алтарь* святой Вѣры; *рядомъ съ нимъ поставленъ* алтарь Любви; и на обоихъ горитъ *одинокая жертва* вѣчной истинѣ — *пламень надежды!* Безъ этого пламени *солнце* наше давно *погасло бы*, и *кометы праздновали бы* только *погребальную тризну* на *скелетѣ земли*, *съ ужасомъ* спѣша изъ мрачной пустоты [1]), гдѣ тлѣетъ трупъ

---

[1]) Великолѣпная картина! Любопытно было бы взглянуть, какъ кометы сумѣли бы помѣститься на

ея, спѣша — *туда, выше, выше,* гдѣ свѣтъ чище, ярче, *болѣе вѣченъ*...

Чудная Вѣринька! скажи, кто ты: демонъ или ангелъ? Нѣтъ! ты *неземная*. Это я знаю лучше тебя самой.

Сказали бы мнѣ: *будь поэтомъ*—и черезъ годъ я склонилъ бы свою увѣнчанную голову передъ тою, которой обязанъ вдохновеніемъ [1]). Развѣ не поэзія—*высокая* любовь моя! Развѣ нѣтъ пылу въ моей душѣ! Я бы *разбилъ ее въ искры*, и звуки, и мысль—и свѣтъ отвѣчалъ бы мнѣ вздохами и слезами, и рукоплесканіями.

Ногу въ землю, взоры въ небо—вотъ истинное твое положеніе—человѣкъ!

Любовь! любовь! души моей восторгъ!
Въ умѣ моемъ ты лучшая идея,
Въ познаніяхъ—ты лучшее познанье,
Въ надеждахъ—нѣтъ надежды равной,
Въ мечтахъ моихъ—роскошнѣйшей мечты!

Для двухъ душъ, свидѣвшихся такимъ образомъ въ области изгнанія—что́ такое *время*, что́ такое *разстояніе?*

Отдайте Вѣриньку кому угодно, забросьте ее за моря, за непроходимые лѣса и горы, позвольте мнѣ *ползти на колѣнкахъ* по всему свѣту, искать ее...

Вездѣ есть змѣй коварнаго сомнѣнья,
Но змѣй любви безмѣрно ядовитъ.

...Катай, извозчикъ, удуши лошадей; пять, десять, двадцать рублей тебѣ на водку! Я летѣлъ; колеса жгли мостовую; я хотѣлъ закружить себя быстротою, упиться самозабвеніемъ—напрасно!

Душа моя изъѣдена мученьемъ,
Какъ злой разбойникъ совѣстью и кровью!
За что́, за что́? за чистоту страстей,
За благородство сердца и души!

Уже все теперь бѣсило меня: я досадовалъ, что онъ осторожно спряталъ деньги въ бюро, а не скомкалъ и не бросилъ ихъ.

Не понимай, не понимай, божественная дѣва,
Моихъ *пустыхъ рѣчей* не понимай!
Не слушай словъ *сердечнаго напѣва*,
Насмѣшками *сожги душевный рай;*
О, удержи порывъ нѣмого гнѣва,
Не понимай меня, не понимай!

Умремъ, моя мечта!.. Да и на что́ намъ жизнь?

Ты, *моя, моя*—ты не вырвешься изъ объятій души моей; я умерщвляю тебя моимъ послѣднимъ смертнымъ дыханіемъ.

Душа велѣла *жизнь* любить,
А жизнь—и *душу* ненавидѣть [2])...

Все это очень смѣшно, смѣшнѣе ничего нельзя выдумать; самая злая пародія не могла бы такъ страшно осмѣять этихъ выписокъ, какъ осмѣиваютъ онѣ сами себя; но это смѣшно теперь, а было время—что̀ грѣха таить!—когда это всѣхъ приводило въ восторгъ: явный знакъ, что все это было нужно и необходимо въ свое время, и даже имѣло свою хорошую сторону, принесло свои хорошіе результаты. Уже одно то, что, благодаря этимъ туманнымъ, заоблачнымъ и разудалымъ фразёрствамъ, мы навсегда какъ будто застрахованы въ будущемъ отъ опасности увидѣть нашу литературу на такой странной дорогѣ,—одно это уже большая заслуга. Что же касается до романтиковъ жизни, порожденныхъ и взлелѣянныхъ этою романтическою литературою, высокопарною безъ крыльевъ, глубокою безъ основанія, таинственною безъ смысла, разгульною безъ вдохновенія, смѣлою изъ бравуры, оригинальною изъ фанфаронства, тщеславною по ограниченности, странною по духу противорѣчія,—романтики жизни, какъ мы сказали выше, не перевелись и теперь; нѣкоторые изъ нихъ и остались такими, какими были—ихъ кругъ состоитъ или изъ людей уже слишкомъ пожилыхъ, или изъ дѣтей; другіе, прикинувшись учеными, облекли старыя претензіи въ новыя фразы. Твердя безпрестанно, что абстрактное мышленіе ни къ чему не ведетъ, что достоинство знанія повѣряется его отношеніями къ жизни, а важность теоріи опредѣляется ея приложимостью къ практикѣ,—они тѣмъ не менѣе продолжаютъ жить въ мечтѣ, съ тою только разницею, что сочиняютъ мечтательныя теоріи не объ отвлеченныхъ предметахъ, а о дѣйствительности, которую схватываютъ въ своихъ опредѣленіяхъ такъ вѣрно, какъ вѣрно чудодѣйственная кисть Ефрема писала портреты, изображая Архипа Сидоромъ, а Луку Петромъ.

Стать смѣшнымъ—значитъ проиграть свое дѣло. Романтизмъ проигралъ его всячески—и въ литературѣ, и въ жизни. Онъ самъ это чувствуетъ. Что̀ же было причиною его паденія?—Переворотъ въ литературѣ, новое направленіе, принятое ею. Этого переворота не могъ бы сдѣлать ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ. Мы видѣли выше, какъ легко наши „романтики" вообразили себя Байронами, не будучи въ состояніи даже подозрѣвать, что̀ такое была эта титаническая натура. Для всего ложнаго и смѣшного одинъ

скелетѣ земли, чтобъ праздновать на ней погребальную тризну и, *въ то же самое время*, съ ужасомъ спѣшить изъ мрачной пустоты туда, и пр. Для этого стоило бы погасить пламень на алтарѣ сердца...
Прим. Бѣлинскаго.

[1]) Романтизмъ думаетъ, что стоитъ только влюбиться въ *дѣву неземную*, чтобъ сдѣлаться поэтомъ не хуже Байрона, не имѣя отъ природы таланта ни на грошъ. Не знаемъ, думалъ ли романтизмъ, что если безталантный человѣкъ влюбится въ *дѣву неземную*, то сейчасъ же сдѣлается первымъ умникомъ на свѣтѣ... *Прим. Бѣлинскаго.*

[2]) Всѣ эти цитаты взяты изъ произведеній Бестужева-Марлинскаго, Полевого и Кукольника; первая, четвертая и десятая принадлежатъ перу Марлинскаго; вторая, третья, пятая, седьмая, восьмая, двѣнадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая—Полевого; шестая, девятая, одиннадцатая, тринадцатая и шестнадцатая—Кукольника. О томъ, откуда Бѣлинскій взялъ всѣ эти фразы,—см. одно изъ нижеслѣдующихъ примѣчаній.

бичъ, мѣткій и страшный—юморъ. Только вооруженный этимъ сильнымъ орудіемъ писатель могъ дать новое направленіе литературѣ и убить романтизмъ. Нужно ли говорить, кто былъ этотъ писатель? Его давно уже знаетъ вся читающая Россія, теперь его знаетъ и Европа [1]).

Если бы насъ спросили, въ чемъ состоитъ существенная заслуга новой литературной школы,—мы отвѣчали бы: въ томъ именно, за что̀ нападаетъ на нее близорукая посредственность или низкая зависть,—въ томъ, что отъ высшихъ идеаловъ человѣческой природы и жизни она обратилась къ такъ называемой „толпѣ“, исключительно избрала ее своимъ героемъ, изучаетъ ее съ глубокимъ вниманіемъ и знакомитъ ее съ нею же самою. Это значило повершить окончательно стремленіе нашей литературы, желавшей сдѣлаться вполнѣ національною, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сдѣлать ее выраженіемъ и зеркаломъ русскаго общества, одушевить ее живымъ національнымъ интересомъ.

Уничтоженіе всего фальшиваго, ложнаго, неестественнаго долженствовало быть необходимымъ результатомъ этого новаго направленія нашей литературы, которое вполнѣ обнаружилось съ 1836 года, когда публика наша прочла *Миргородъ* и *Ревизора*. Съ тѣхъ поръ весь ходъ нашей литературы, вся сущность ея развитія, весь интересъ ея исторіи заключились въ успѣхахъ новой школы.

Если бы ежегодныя обозрѣнія русской литературы постоянно помѣщались съ тѣхъ поръ въ какомъ-нибудь журналѣ,—они оправдали бы вполнѣ нашу мысль. Чего нельзя замѣтить въ годъ, то дѣлается замѣтнымъ въ годы. Перечесть литературныя произведенія за цѣлый годъ ничего не значитъ; одинъ годъ можетъ быть ими богаче, другой бѣднѣе,—это дѣло случайности. Критическій отчетъ за годовой итогъ произведеній долженъ прежде всего показать успѣхъ литературы, или ея упадокъ въ продолженіе года со стороны ея духа и направленія. Такъ дѣлали мы въ продолженіе пяти лѣтъ сряду; такъ сдѣлаемъ и теперь.

Прошлый, 1845, годъ литературными произведеніями былъ нѣсколько богаче своего предшественника. Но главная заслуга 1845 года состоитъ въ томъ, что въ немъ замѣтно опредѣленнѣе выказалась дѣйствительность *дѣльнаго* направленія литературы. По крайней мѣрѣ, такъ должно заключать изъ отчаянныхъ воплей нѣкоторыхъ отставныхъ или отсталыхъ ci-devant талантовъ, а теперь плохихъ сочинителей, которые клятвенно увѣряютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ ихъ книги нейдутъ съ рукъ и ихъ никто уже не читаетъ, литература наша гибнетъ, въ чемъ виновата, во-первыхъ, новая школа, которая пишетъ такъ хорошо, что только ея произведенія и читаются публикою, а во-вторыхъ, толстые журналы, которые принимаютъ на свои страницы произведенія этой школы, или хвалятъ ихъ, когда они являются отдѣльными книгами... Но оставимъ этихъ господъ и обратимся къ прошлогодней литературѣ.

Отдѣльно вышедшихъ книгъ по части изящной словесности въ прошломъ году было немного, если даже включить сюда и сборники. Первое мѣсто между ними, безспорно, должно принадлежать *Тарантасу* графа Соллогуба. Эта книга вдвойнѣ интересна—и какъ прекрасное литературное произведеніе, и какъ изящное, великолѣпное изданіе. Въ послѣднемъ отношеніи *Тарантасъ* — рѣшительно первая книга въ русской литературѣ. Въ свое время мы представили публикѣ наше мнѣніе о произведеніи графа Соллогуба въ особой статьѣ, въ отдѣлѣ Критики [1]). Статья наша была понята двояко: одни приняли ее за восторженную и неумѣренную похвалу, другіе—за что-то вродѣ памфлета. Это произошло оттого, что и самъ *Тарантасъ* одними былъ принятъ за искреннее profession de foi такъ называемаго славянофильства; другими—за злую сатиру на него. Что касается до насъ, мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ, и теперь, какъ и тогда, понимаемъ *Тарантасъ*, какъ *сатиру*, и будемъ его понимать такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не изгладится изъ литературныхъ воспоминаній публики. Мы не можемъ иначе думать, уважая умъ и талантъ автора *Тарантаса*, потому что герой этого сатирическаго очерка, Иванъ Васильевичъ, играетъ въ немъ такую смѣшную роль, говоритъ такія несообразности и странности, что увидѣть во всемъ этомъ искреннее выраженіе убѣжденій автора было бы слишкомъ смѣло и неосторожно. Мы думаемъ, напротивъ, что *Тарантасъ* тѣмъ и дѣлаетъ особенную честь таланту и изобрѣтательности своего автора, что въ немъ еще впервые въ русской литературѣ является одинъ изъ комическихъ „героевъ нашего времени“—этихъ героевъ, которые тѣмъ смѣшнѣе, что они считаютъ себя лицами очень серьезными, даже чуть не геніями, чуть не великими людьми. За нихъ давно бы слѣдовало приняться нашимъ даровитымъ писате-

[1]) Разумѣется, рѣчь идетъ о Гоголѣ, пять повѣстей котораго появились въ 1845 году въ Парижѣ, въ переводѣ Віардо и имѣли тамъ большой успѣхъ.

[1]) См. выше статью № 50 и нашу вступительную замѣтку къ ней; тамъ дано объясненіе отношенія Бѣлинскаго къ гр. Соллогубу.

лямъ: это и сдѣлалъ графъ Соллогубъ прежде всѣхъ. Нечего и говорить, что онъ выполнилъ свою задачу съ необыкновеннымъ талантомъ,—хотя, впрочемъ, и нельзя сказать, чтобъ въ его произведеніи не было недостатковъ, и довольно важныхъ, какъ, напримѣръ, увѣренія, будто русская критика пишется для забавы мужиковъ, которые, однакожъ, предпочитаютъ ей шутовъ въ ихъ мужицкомъ костюмѣ; что будто бы литература русская должна набираться идей и вдохновенія у постелей умирающихъ мужиковъ, сидя подлѣ нихъ въ качествѣ стенографа и записывая ихъ послѣднія слова, которыя—какъ всѣмъ извѣстно—касаются только разныхъ житейскихъ заботъ и распоряженій насчетъ дѣтей, снохъ, коровъ и барановъ. Но, несмотря на эти недостатки, которые при томъ еще и легко исправить при второмъ изданіи *Тарантаса*,—сочиненіе графа Соллогуба все-таки принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ литературнымъ явленіямъ прошлаго года.

Въ прошломъ же году вышелъ *вторымъ* изданіемъ второй томъ повѣстей графа Соллогуба, подъ общимъ названіемъ: *На Сонъ Грядущій*. Это насъ особенно порадовало, какъ неопровержимое доказательство готовности и охоты нашей публики покупать, читать и перечитывать все, что̀ выходитъ изъ-за черты посредственности.

Къ числу замѣчательныхъ произведеній прошлаго года должно причислить и *Петербургскія Вершины* г. Буткова. Эта книга не обнаруживаетъ въ авторѣ поэта; изъ нея видно, что его талантъ—писать сатирическіе очерки, а не юмористическія повѣсти. Но хорошо и это. Въ наше время сатирическій талантъ не останется незамѣченнымъ.

Въ Москвѣ есть писатель, нѣкто г. Ваненко, о которомъ почти никто не знаетъ, котораго имя почти неизвѣстно въ нашей литературѣ, но который тѣмъ не менѣе одаренъ талантомъ, нечуждымъ даже и юмора [1]). Жаль только, что г. Ваненко исключительно привязался къ простонароднымъ розсказнямъ, и считаетъ очень выгоднымъ писать для простого народа, который не читаетъ его, потому что еще не довольно грамотенъ для занятія литературою. Мы думаемъ, что для г. Ваненко было бы гораздо выгоднѣе взяться за изображеніе сферы жизни ступенью выше. Пусть тутъ будутъ и мужики, но только пусть они дѣйствуютъ не въ сказочномъ, а въ дѣйствительномъ мірѣ. Мы убѣждены, что у г. Ваненко стало бы таланта и на это, и что только тогда нашелъ бы онъ поприще, достойное таланта. Въ прошломъ году г. Ваненко напечаталъ вторымъ изданіемъ *Пару новыхъ Русскихъ Розсказней:* 1) *О солдатѣ Яшкѣ красной рубашкѣ, синія ластовицы*; 2) *О молодомъ Ильѣ женатомъ, да о лысомъ Мартынѣ тароватомъ*. Читая эту книжку, видишь въ ней талантъ и жалѣешь, что онъ потраченъ ни на что!

Прошлый литературный годъ дебютировалъ вдругъ двумя весьма замѣчательными поэмами въ стихахъ. Первая — *Разговоръ* г. Тургенева, написана удивительными стихами, какіе теперь являются рѣдко, исполнена мысли; но вообще въ ней слишкомъ замѣтно вліяніе Лермонтова,—и, прочитавъ новую поэму Тургенева, помѣщенную въ этой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ [1]), нельзя не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ родѣ талантъ г. Тургенева гораздо свободнѣе, естественнѣе, оригинальнѣе, больше, такъ сказать, у себя дома, нежели въ „Разговорѣ“. Поэма г. Майкова — *Двѣ Судьбы*, доказала, что его талантъ не ограниченъ исключительно тѣснымъ кругомъ антологической поэзіи, и что ему предстоитъ въ будущемъ богатое развитіе. Несмотря на явную небрежность, съ какою написаны многіе стихи въ этой поэмѣ, несмотря на то, что нѣкоторыя мѣста въ ней отзываются юношескою незрѣлостью мысли,—поэма чрезвычайно замѣчательна въ цѣломъ и блеститъ удивительными частностями, исполненными ума и поэзіи.

„Стихотворенія Александра Струговщикова, заимствованныя изъ Гёте и Шиллера“; „Стихотворенія Эдуарда Губера“; *Новыя стихотворенія Н. Языкова* и *пятое* (компактное, въ одной книгѣ) изданіе *Сочиненій Державина* довершаютъ собою рядъ вышедшихъ въ прошломъ году книгъ стихотворнаго содержанія.—Публикѣ извѣстно наше мнѣніе о прекрасномъ талантѣ г. Струговщикова переводить Гёте, который мы глубоко уважаемъ, и потому всегда жалѣли, что г. Струговщиковъ не хочетъ ограничиться ролью переводчика, *вѣрно*, не мудрствуя лукаво, передающаго по-русски творенія великаго германскаго поэта, но, вмѣсто этого, хочетъ быть какимъ-то полу-оригинальнымъ поэтомъ, передѣлывая то, что̀ надо только переводить, и что̀ хорошо само по себѣ. Общее мнѣніе, обнаружившееся по выходѣ книжки г. Струговщикова, показало, что мы были правы.—Поэзія г. Губера, отличающаяся замѣчательно хорошимъ стихомъ и избыткомъ болѣзненнаго чувства, бѣдна оригинальностію. Она не принадлежитъ ни къ какой странѣ, ни къ какому времени; ее

[1]) Подъ псевдонимомъ Ивана Ваненко писала забытая теперь писательница, Марія Жукова.

[1]) Поэма „Андрей“; „Отеч. Записки“ 1846 г., т. XLI.V Разумѣется, похвалы Бѣлинскаго крайне преувеличены; стихи Тургенева весьма посредственны—впослѣдствіи и Бѣлинскій и самъ Тургеневъ признавали это.

можно счесть за переводъ съ какого угодно языка.—*Новыя* стихотворенія г. Н. Языкова оказались весьма старыми. Изданіе *Сочиненій Державина* вышло сѣровато и плоховато во всѣхъ отношеніяхъ.

Физіологія Петербурга (двѣ части), *Вчера и Сегодня*, *Сто Русскихъ Литераторовъ* (третій томъ) и второе изданіе двухъ частей *Новоселья*, изданнаго въ первый разъ въ 1833 году, были замѣчательнѣйшими сборниками прошлаго года. О *Физіологіи Петербурга* было въ продолженіе всего года столько говорено, что страшно и вспомнить. Одна газета [1]) жила въ 1845 году преимущественно нападками на эту книгу, имѣвшую большой успѣхъ. Статьи этого сборника всѣ безъ исключенія, болѣе или менѣе, могли доставить публикѣ занимательное и пріятное чтеніе; но особенно замѣчательны изъ нихъ въ прозѣ: „Петербургскій Дворникъ“, В. И. Луганскаго, „Петербургскіе Углы“, Н. А. Некрасова; въ стихахъ: „Чиновникъ“, Н. А. Некрасова. Въ сборникѣ *Вчера и Сегодня* прочли мы два отрывка изъ неоконченныхъ повѣстей Лермонтова, чрезвычайно интересныхъ; его же нѣсколько стихотвореній, впрочемъ, ничѣмъ особенно не замѣчательныхъ; премиленькій разсказъ графа Соллогуба—„Собачка“, и очень интересную статью г. Второва—„Гаврила Петровичъ Каменевъ“. Въ третьемъ томѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ* кромѣ первыхъ двухъ статей [2]), все остальное представляетъ собою превосходнѣйшіе образцы посредственности и бездарности.

Переводы по части изящной словесности, отдѣльно вышедшіе въ прошломъ году, не нужно пересчитывать; былъ одинъ, но который стоитъ множества. Мы говоримъ о большомъ предпріятіи — перевести всего Вальтеръ-Скотта. Доселѣ вышли два романа—*Квентинъ Дорвардъ*, *Антикварій*, и на дняхъ поступитъ въ продажу третій—*Айвенго*. Переводъ и изданіе достойны подлинника.

Теперь перейдемъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ по части изящной литературы, являвшимся въ журналахъ. Стиховъ теперь вообще мало печатаютъ въ журналахъ. Жалѣть или радоваться? Намъ кажется, что это очень пріятное явленіе. Писать стихи, даже порядочные, въ наше время ничего не стоитъ, и, въ этомъ отношеніи, „поэтовъ“ у насъ несмѣтные легіоны—тьмы темъ. Но—увы!—ихъ уже не печатаютъ, или мало печатаютъ, потому что не читаютъ. Дѣва просто, потомъ № 1, земная дѣва, № 2, луна, ночь, унынie, разочарованіе, цыганка, шампанское, лѣнь, похмелье, разгулье, отчаяніе, горе, страданіе, дружба, игры, любовь, слава, мечта,—все это до того уже перепѣто на разные голоса, что наконецъ надоѣло всѣмъ смертельно. Нужно что-нибудь новое, но новое открываетъ геній, а въ настоящую минуту у насъ, увы! не имѣется въ наличности ни одного геніальнаго поэта.

Конечно, и таланту, если онъ друженъ съ умомъ, если онъ умный талантъ, удается угадывать, что̀ можетъ имѣть успѣхъ въ настоящую минуту, особенно, если это указано, или хоть издалека намекнуто геніемъ. Въ прошлый годъ явилось, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, нѣсколько счастливыхъ вдохновеній таланта, которыя, впрочемъ, мы можемъ перечесть всѣ до одного, не утомляя ни себя, ни читателя: *Современная Ода*, г. Не—ва [1]) и *Старушкѣ*, его же (въ „Отеч. Запискахъ“); *Чиновникъ* (въ „Физіологіи Петербурга“); *Духъ Вѣка*, г. Майкова (въ „Финскомъ Вѣстникѣ“). Къ этому небольшому итогу слѣдуетъ прибавить три энергическія пьески [2]): *Хавронья*, неизвѣстнаго (въ „Отеч. Запискахъ“), и слѣдующія два посланія во 2-й книжкѣ „Москвитянина“, которыя, — особенно первое, — такъ хороши, что, желая содѣйствовать ихъ извѣстности, мы считаемъ за нужное выписать ихъ здѣсь.

Къ усопшимъ льнетъ какъ червь, Фигляринъ неотвязный.
Въ живыхъ ни одного онъ друга не найдетъ,
Зато, когда изъ лицъ почетныхъ кто умретъ,
Клеймитъ онъ прахъ его своею дружбой грязной.
—Такъ что̀ же? Тутъ разсчетъ: онъ съ прибылью двойной,
Презрѣнье отъ живыхъ на мертвыхъ вымещаетъ,
И чтобъ нажить друзей, какъ Чичиковъ другой,
Онъ души мертвыя скупаетъ.

Кн. Вяземскій.

Что ты несешь на мертвыхъ небылицу,
Такъ нагло лѣзешь къ нимъ въ друзья?
Пріязнь посмертная твоя
Не запятнаетъ ихъ гробницу.
Все тѣ жъ и Пушкинъ и Крыловъ,
Хоть ѣстъ ихъ червь, по волѣ Бога;
Не лобызай же мертвецовъ—
И безъ тебя у нихъ васъ много.

Справедливость требуетъ еще указать, какъ на довольно замѣчательныя стихотворныя произведенія, на нѣкоторые опыты г. Григорьева (въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“), какъ, напримѣръ, прекрасное стихотвореніе: *Городъ*, и на разсказъ въ стихахъ: *Олимпій Радинъ*, въ которомъ цѣлое темно, безсвязно, но есть прекрасныя мѣста. Вообще, о г. Григорьевѣ можно сказать, что онъ, кажется, сдѣлался поэтомъ не по избытку таланта, а

[1]) „Сѣверная Пчела“.
[2]) „Воспоминанія о графѣ Милорадовичѣ“, Михайловскаго-Данилевскаго, и „Письмо Чесменскаго Инвалида на родину“, Скобелева (см. т. I, стр. 489).

[1]) Некрасова.
[2]) Всѣ три направлены противъ Булгарина.

по избытку ума, и что на немъ мучительно отяготѣло вліяніе Лермонтова, отчего и происходятъ темнота и неопредѣленность въ цѣломъ многихъ пьесъ его и большихъ и малыхъ: видно, что онъ не въ силахъ ни отдѣлаться отъ преслѣдующей его мысли генія, ни овладѣть ею. Онъ написалъ даже драму въ стихахъ: *Два Эгоизма*,—въ цѣломъ довольно блѣдное отраженіе довольно блѣдной драмы Лермонтова „Маскарадъ“. Г. Григорьевъ въ этой драмѣ такъ запутался въ неопредѣленныхъ рефлексіяхъ, возбужденныхъ въ немъ извнѣ, что читатель никакъ не въ состояніи понять чувствъ героевъ ея, ни того, за что̀ они любятъ и ненавидятъ себя и другъ друга, ни того, за что̀ непонятный герой отравляетъ ядомъ непонятную героиню. Но вообще въ этомъ странномъ и неудачномъ произведеніи промелькиваетъ мѣстами что-то такое, что̀ невольно возбуждаетъ интересъ, если не къ лицамъ драмы, то къ лицу автора. Мѣстами хороши въ ней сатирическія выходки; какъ хорошъ, напримѣръ, этотъ монологъ славянофила Баскакова:

Семья—славянское начало.
Я въ диссертаціи моей
Подробно изложу, какъ въ ней преобладала
Безъ примѣси другихъ идей
Идея чистая, славянская идея...
Читая Гегеля съ Мертвиловымъ вдвоемъ,
Мы согласились оба въ томъ,
Что, чувство съ разумомъ согласовать умѣя,
Различіе половъ—Славяне лишь одни
Уразумѣть могли такъ тонко и глубоко...
У нихъ однихъ, отъ самой старины,
Поставлена разумно и высоко
Идея мужа и жены...
Жена не res у нихъ, не вещь, но нѣчто; воля
Не признается въ ней, конечно, но она
Законами ограждена...
Мужъ можетъ бить ее, но убивать не смѣетъ:
Надъ ней духовное лишь право онъ имѣетъ,
И только частію in corpore; при томъ
Глубокій смыслъ въ преданьи томъ,
Иль, лучше, въ мысли той о власти надъ женою.
Пусть проявляется подъ жесткою корою,
Подъ формою побой: что̀ форма? Признаюсь
Семья меня всегда приводитъ въ умиленье...
Власть мужа и жены покорное смиренье...
Чета славянская,—я ей не надивлюсь!

Замѣчательными оригинальными повѣстями наши журналы въ прошломъ году были не очень богаты. Начнемъ съ *Библіотеки для Чтенія*. Лучшимъ оригинальнымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ былъ въ ней сатирическій очеркъ китайскихъ нравовъ, подъ названіемъ: *Совершеннѣйшая изъ всѣхъ Женщинъ*, барона Брамбеуса. У этого писателя нѣтъ ни дара творчества, ни юмора, но много таланта карикатуры, много того, что̀ по-малороссійски называется *жартованіемъ*, или *жартомъ* [1]). Его повѣсти и разсказы мѣстами невольно заставляютъ читателя смѣяться; въ нихъ много блестокъ и порывовъ ума. Если бы въ этихъ сатирическихъ очеркахъ было больше опредѣленности въ мысли, больше глубины и дѣльной злости,—ихъ литературное значеніе имѣло бы большую важность. „Совершеннѣйшая изъ всѣхъ Женщинъ“ есть одно изъ удачныхъ произведеній шутливаго пера барона Брамбеуса, и нельзя не пожалѣть, что эта забавная повѣсть осталась неконченной.—*Счастье лучше Богатства*, рукопись, найденная и изданная Ѳ. В. Булгаринымъ и Н. А. Полевымъ,—романъ, написанный въ сотрудничествѣ, двумя лицами,—небывалое до сихъ поръ явленіе въ нашей литературѣ! „Умъ хорошо, два лучше“, говоритъ русская пословица; но на этотъ разъ, кажется, численность не имѣла никакого вліянія на романъ. Это довольно неудачное усиліе двухъ прежнихъ писателей подлѣлаться подъ новую школу. Особенно жалко тутъ лицо какого-то удалившагося отъ людей добродѣтельнаго химика. Но если о достоинствѣ вещей должно судить относительно, то скучная сказка „Счастье лучше Богатства“ можетъ показаться даже очень сноснымъ произведеніемъ въ сравненіи со всѣми остальными оригинальными изящными произведеніями въ „Библіотекѣ для Чтенія“ прошлаго года.—*Емеля или Превращенія*, первая часть новаго романа г. Вельтмана, рѣшительно напоминаетъ собою блаженной памяти „Русалку“, волшебную оперу, которая такъ забавляла нашихъ дѣдовъ своими „превращеніями“. Тутъ ничего не поймете: это не романъ, а довольно нескладный сонъ. Даровитый авторъ „Кащея Безсмертнаго“ въ „Емелѣ“ превзошелъ самого себя въ странной прихотливости своей фантазіи; прежде эта странная прихотливость выкупалась блестками поэзіи; о „Емелѣ“ и этого нельзя сказать.—*Вояжеры*, quasi-комедія г. Основьяненко—высокій образецъ бездарности и плоскаго вкуса.—*Башня Веселуха* (вскорѣ потомъ изданная отдѣльно) такъ себѣ, ни то, ни сё. *Петербургъ Днемъ и Ночью*—пародія на *Парижскія Тайны*; сочинитель, впрочемъ, не думалъ писать пародію—пародія вышла противъ его воли, и оттого читать ее очень скучно. Ни образовъ, ни лицъ, ни характеровъ, ни правдоподобія, ни естественности, ни мыслей! Зато фразъ, фразъ—разливное море! Давно уже не являлось въ русской литературѣ такого страннаго произведенія.—*Три Періода*, романъ г. Кукольника, можетъ служить мѣрою читательскаго терпѣнія...

Переводныхъ романовъ и повѣстей въ „Библіотекѣ для Чтенія“ прошлаго года было шесть, кромѣ *Теверино* и нѣсколькихъ небольшихъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ „Смѣси“, и кромѣ окончанія *Лондонскихъ*

[1]) Бѣлинскій намѣренно повторяетъ здѣсь выраженія, которыя Сенковскій-Брамбеусъ и Полевой постоянно примѣняли къ Гоголю.

Тайнъ и *Вѣчнаго Жида*, начатаго еще съ 1844 года и тянувшагося почти цѣлый прошлый годъ. Лучшими можно назвать *Элену Миддльтонъ*, г-жи Фуллертонъ, и *Якова Ванъдеръ-Несъ*, г-жи Паальцовъ; эти двѣ повѣсти, особенно первая, по крайней мѣрѣ естественны, хотя и страшно растянуты, особенно первая. Конечно, *Графъ Монте-Кристо*—блестящее беллетристическое произведеніе, которое читается легко и скоро; но оно—не романъ, а волшебная сказка, только не въ арабскомъ, а въ европейскомъ вкусѣ.—Что̀ касается до „Вѣчнаго Жида“ [1]),—онъ окончательно дорѣзалъ литературную репутацію своего автора. Правда, въ немъ много частностей очень интересныхъ, умныхъ, обличающихъ въ писателѣ замѣчательный талантъ; но цѣлое—океанъ фразерства въ вымыслѣ площадныхъ эффектовъ, невыносимыхъ натяжекъ, невыразимой пошлости. Лица мадмуазель Кардовиль, мосье Гарди, Габріеля, двухъ сиротокъ—Розы и Бланки, дражайшаго родителя ихъ, маршала Симона—верхъ неестественности и приторности. Какое отношеніе имѣютъ къ роману вѣчный Жидъ и Иродіада?—ровно никакого, гораздо меньше, нежели листъ бумаги, въ которую завертываютъ книгу, имѣетъ отношеніе къ самой книгѣ. Если бы авторъ назвалъ свой романъ просто: *Іезуиты*, не ввелъ бы въ него ни вѣчнаго Жида, ни Иродіады, ни Самуила съ женою, ни двухъ сотъ милліоновъ нелѣпаго наслѣдства, ни приторно-сантиментальныхъ лицъ въ родѣ сиротокъ-сестеръ и Габріеля, если бъ не преувеличилъ характера Родэна, придумалъ неестественнѣе завязку, и, вмѣсто *десяти* томовъ, написалъ только *четыре*, и написалъ не торопясь, но обдумывая, — изъподъ пера его вышелъ бы прекрасный романъ, потому что у Эжена Сю больше таланта, чѣмъ у гг. Бальзака, Дюма, Жанена, Сулье, Гозлана и tutti quanti вмѣстѣ взятыхъ [2]). Но жажда денегъ и мгновеннаго успѣха равняетъ теперь всѣ таланты, и большіе и малые, подводя ихъ произведенія подъ одинъ и тотъ же уровень ничтожности.

Рядъ оригинальныхъ произведеній по части изящной прозы въ „Отечественныхъ Запискахъ“ прошлаго года заключился одной изъ тѣхъ повѣстей, которыя составляютъ пріобрѣтеніе литературы, а не литературнаго только года. Мы говоримъ о превосходной повѣсти: *Кто виноватъ?* напечатанной въ послѣдней книжкѣ нашего журнала [3]). Эта повѣсть не принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, запечатлѣнныхъ высокою художественностію, которая иногда творитъ изъ ничего, не заботясь ни о цѣли, ни о ничтожествѣ содержанія; но эта повѣсть не принадлежитъ и къ числу тѣхъ умныхъ произведеній, въ которыхъ лишенный фантазіи авторъ, словно въ диссертаціи, развиваетъ свои мысли и взгляды о томъ или другомъ нравственномъ вопросѣ, и въ которыхъ нѣтъ ни характеровъ, ни дѣйствій. Авторъ повѣсти: *Кто виноватъ?* какъ-то чудно умѣлъ довести умъ до поэзіи, мысль обратить въ живыя лица, плоды своей наблюдательности—въ дѣйствіе, исполненное драматическаго движенія. Какая во всемъ поразительная вѣрность дѣйствительности, какая глубокая мысль, какое единство дѣйствія, какъ все соразмѣрно—ничего лишняго, ничего недосказаннаго; какая оригинальность слога, сколько ума, юмора, остроумія, души, чувства! Если это не случайный опытъ, не неожиданная удача въ чуждомъ автору родѣ литературы, а залогъ цѣлаго ряда такихъ произведеній въ будущемъ, то мы смѣло можемъ поздравить публику съ пріобрѣтеніемъ необыкновеннаго таланта въ совершенно новомъ родѣ.—*Маменькинъ Сынокъ*, романъ г. Панаева, напечатанный въ первыхъ двухъ книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“, отличается всѣми достоинствами и всѣми недостатками таланта этого писателя. Мы не будемъ распространяться ни о тѣхъ, ни о другихъ, и скажемъ коротко, что они связаны съ сущностью таланта г. Панаева, который, не рискуя ошибиться, можно назвать *дагеротипнымъ*. Во всякомъ случаѣ, „Маменькинъ Сынокъ“—одно изъ лучшихъ его произведеній и одна изъ лучшихъ повѣстей прошлаго года.—*Необыкновенный поединокъ*, романтическая повѣсть Говорилина (псевдонимъ) чуждъ всякаго художественнаго достоинства, но весьма нечуждъ литературнаго интереса, особенно для тѣхъ, кто пойметъ живое отношеніе этого разсказа къ эпиграфамъ, которыми онъ украшенъ, и эпиграфовъ къ разсказу. Съ этой точки зрѣнія мы считали и считаемъ „Необыкновенный Поединокъ“ произведеніемъ, заслуживающимъ вниманія и способнымъ навести читателя на нѣкоторыя весьма любопытныя соображенія насчетъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ именъ нашей литературы [1]).

---

[1]) Евгенія Сю.

[2]) Съ начала и до конца своей литературной дѣятельности Бѣлинскій такъ и не оцѣнилъ Бальзака.

[3]) Въ XLIII томѣ „Отеч. Записокъ“ была напечатана только первая часть этого романа Герцена.

[1]) Подъ псевдонимомъ Говорилина скрылся М. Кульчицкій, знакомый Бѣлинскаго. Повѣсть эта является насмѣшкой надъ „романтическими“ повѣстями Марлинскаго, Полевого и Кукольника: это именно тѣ „знаменитыя имена нашей литературы“, о которыхъ говоритъ здѣсь Бѣлинскій. Что же касается эпиграфовъ, то въ каждой главѣ этой повѣсти авторъ далъ въ видѣ эпиграфовъ различныя мѣста изъ произведеній этихъ трехъ „романтическихъ“ знаменитостей. Почти всѣ эти эпиграфы и въ томъ же самомъ послѣдовательномъ порядкѣ Бѣлинскій привелъ въ началѣ настоящей статьи, въ видѣ примѣра романтической ходульности;

Богатая Невѣста, драматическій разсказъ г. М., написанъ подъ вліяніемъ комедій Гоголя, и есть едва-ли не единственный опытъ въ этомъ родѣ, который читается съ наслажденіемъ и послѣ комедій Гоголя. Жаль, что этому разсказу повредило то, что не означено званіе дѣйствующихъ въ немъ лицъ.— Въ повѣсти Ста-Одного [1])—*Старое зеркало*, много интересныхъ частностей и умныхъ замѣтокъ, хорошо очерчено лицо Ивана Анисимовича и дочки его, Маши; но въ цѣломъ эта повѣсть не выдержана, и развязка ея какъ-то странна, неестественна и неудовлетворительна.—*Милочка*, повѣсть г. Побѣдоносцева, не лишена интереса; жаль, что разсказъ ея не довольно сжатъ и быстръ.— Сверхъ того, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ прошлаго года были напечатаны: *Дача на Петергофской дорогѣ*, повѣсть г-жи Жуковой [2]); *Ошибка*, драматическій анекдотъ, г. Нестроева [3]), и *Няня*, повѣсть г. Побѣдоносцева.

Жанна, *„Теверино“* и *Маркиза*—три романа Жоржъ Занда, были переведены въ „Отечественныхъ Запискахъ“ прошлаго года. „Маркиза“—одно изъ старыхъ произведеній этой писательницы, *Жанна*—изъ недавнихъ, *Теверино*—послѣднее. Излишне говорить о ихъ художественномъ достоинствѣ: Жоржъ Зандъ, безспорно, первый талантъ во всемъ пишущемъ мірѣ нашего времени. Скажемъ только, что въ лицѣ Жанны поэтическій инстинктъ представилъ міру лучшій и вѣрнѣйшій комментарій на значеніе исторической Жанны (д'Аркъ), нежели какой могла представить наука, много хлопотавшая объ этомъ вопросѣ. „Теверино“, въ своемъ родѣ, стоитъ „Жанны“, и оба эти романа, безспорно, принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ геніальнаго автора. Замѣчательно, что „Теверино“ написанъ послѣ „Le Meunier d'Angibault“, прекраснаго романа, но испорченнаго двумя главными лицами, до приторности неестественными,— и послѣ „Изидоры“ во всѣхъ отношеніяхъ слабаго и неудачнаго произведенія.—*„Вотчимъ“*, одна изъ лучшихъ повѣстей одного изъ лучшихъ французскихъ нувеллистовъ, Шарля Бернара, который съ замѣчательнымъ талантомъ изображаетъ нравы современной Франціи. Можетъ быть, современемъ, выписавшись, и онъ начнетъ писать эффектныя сказки на манеръ *„Тысячи и одной ночи“* или *„Вѣчнаго Жида“* и *„Графа Монте-Кристо“*; но, пока, талантъ его еще сохраняетъ всю свою свѣжесть и силу, такъ что послѣ повѣстей Жоржъ Занда только и можно читать его повѣсти.—*„Американцы“*, романъ, переведенный съ нѣмецкаго, представляетъ гораздо меньше художественности, нежели романы Купера, но едва-ли не больше ихъ знакомитъ съ нравами Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и ихъ отношеніями къ племенамъ дикихъ, потому что это прямая и положительная цѣль автора, нѣмца, долго и прилежно изучавшаго интересную страну. Романическая или поэтическая сторона этого романа, не отличаясь особымъ достоинствомъ, въ то же время и не лишена вовсе достоинства. Авторъ „Американцевъ“ извѣстенъ въ Европѣ уже не однимъ романомъ въ этомъ родѣ. Имени своего онъ не выставляетъ на романахъ; но мы слышали, что это—Р. Весельгефтъ, котораго любопытная статья — „Семейная Жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ“ была переведена въ Смѣси „Отечественныхъ Записокъ“ 1843 года (томъ XXIX, стр. 74).

Говорятъ, будто большинству нашей публики больше понравилась *„Королева Марго“*, нежели романы Жоржъ Занда, *„Вотчимъ“*, Шарля Бернара и *„Американцы“*... О вкусахъ спорить не станемъ, а съ этой книжки начинаемъ печатать продолженіе „Королевы Марго“, т.-е. новѣйшій романъ Дюма: „Графиня Монсоро“.

Упомянувъ о статьяхъ *„Бараны“*, коротенькій, но исполненный глубокаго значенія восточный апологъ В. И. Луганскаго [1]) (въ „Москвитянинѣ“); *„Иванъ Ивановичъ“*, прехорошенькій разсказъ г. Гребенки (въ „Финскомъ Вѣстникѣ“); *„Денщикъ“*, физіологическій очеркъ В. И. Луганскаго (тамъ же); *„Лука Лукичъ“*, нравоописательный очеркъ г. Д. (тамъ же); *„Факторъ“*, нравоописательный разсказъ г. Гребенки (тамъ же); *„Чужая голова — темный лѣсъ“*, разсказъ г. Гребенки (въ „Иллюстраціи“); *„Колокола, чудесная повѣсть о колоколахъ, отзванивающихъ старину и привѣтствующихъ новый годъ“*, повѣсть Диккенса (переведенная въ „Москвитянинѣ“), мы исчислили все, что было замѣчательнаго по части изящной прозы, оригинальной и переводной, въ русскихъ журналахъ прошлаго года. Изъ этихъ послѣднихъ статей мы должны указать на *„Денщика“* В. И. Луганскаго, какъ на одно изъ *капитальныхъ* произведеній русской литературы. В. И. Луганскій создалъ себѣ особенный родъ поэзіи, въ которомъ у него нѣтъ соперниковъ. Этотъ родъ можно назвать *физіологическимъ*. Повѣсть съ завязкой и

онъ просто переписалъ эти мѣста изъ эпиграфовъ „романтической повѣсти“ Кульчицкаго.

[1]) Подъ псевдонимомъ „Ста-Одного“ писалъ А. Д. Галаховъ.

[2]) О Жуковой (писавшей подъ псевдонимомъ Ивана Ваненко) см. одно изъ предыдущихъ примѣчаній.

[3]) Подъ псевдонимомъ А. Нестроева (или А. Н.) писалъ П. Кудрявцевъ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ. См. предыдущія годовыя обозрѣнія, ст. №№ 43, 47, 49.

[1]) Псевдонимъ В. И. Даля.

развязкой—не въ талантѣ В. И. Луганскаго, и всѣ его попытки въ этомъ родѣ замѣчательны только частностями, отдѣльными мѣстами, но не цѣлымъ. Въ физіологическихъ же очеркахъ лицъ разныхъ сословій онъ — истинный поэтъ, потому что умѣетъ лицо типическое сдѣлать представителемъ сословія, возвести его въ идеалъ, не въ пошломъ и глупомъ значеніи этого слова, т.-е. не въ смыслѣ украшенія дѣйствительности, а въ истинномъ его смыслѣ—воспроизведенія дѣйствительности во всей ея истинѣ. *„Колбасники и Бородачи“*, *„Дворникъ“* и *„Денщикъ“*—образцовыя произведенія въ своемъ родѣ, тайну котораго такъ глубоко постигъ В. И. Луганскій. Послѣ Гоголя это до сихъ поръ рѣшительно первый талантъ въ русской литературѣ [1]).

Книгъ ученыхъ, учебныхъ и вообще *дѣльныхъ* въ прошломъ году вышло довольно много. Литература этого рода оказываетъ у насъ видимые успѣхи, которые должны радовать патріотическое чувство Русскаго. Причина этихъ успѣховъ заключается сколько въ усиліяхъ правительства, которое всегда готово поощрять усилія частныхъ лицъ и само предпринимаетъ изданія лѣтописей и всякаго рода историческихъ памятниковъ,— столько же и въ быстрыхъ успѣхахъ образованности русскаго общества. Въ жизни все связано тѣсно; образованность ведетъ за собою просвѣщеніе. Пока легкая изящная литература еще не укоренилась въ обществѣ до того, чтобъ войти въ его привычки, сдѣлаться его необходимой роскошью, она замѣняетъ ему науку. Но когда она перестаетъ быть исключительнымъ достояніемъ немногихъ и становится потребностью толпы, — люди избранные дѣлаются требовательнѣе и разборчивѣе въ изящныхъ удовольствіяхъ своего ума и, не оставляя ихъ, стремятся въ то же время и къ болѣе прочнымъ, основательнымъ потребностямъ ума—къ знанію, къ наукѣ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ высшіе (нравственно) слои общества переходятъ отъ легкой литературы къ наукѣ, низшіе отъ невѣжества и необразованности восходятъ къ легкой литературѣ. Это круговая порука и успѣхи легкой литературы— ручательство успѣховъ науки. Одно безъ другого быть не можетъ. Просвѣщеніе, основанное на наукѣ, не можетъ быть удѣломъ всѣхъ, даже удѣломъ большинства; но образованіе, основанное на успѣхахъ легкой литературы, можетъ и должно быть удѣломъ всѣхъ, даже самыхъ низшихъ слоевъ общества, которые могутъ быть грамотны только тогда, когда имъ есть что̀ читать. Вотъ почему нельзя не радоваться, видя, что у насъ страсть къ легкому чтенію сдѣлалась уже не роскошью, а насущною потребностію, которой едва въ состояніи удовлетворять наши журналы, наполняемые романами и повѣстями. Эта страсть къ легкому чтенію— признакъ распространившагося въ обществѣ образованія, которое, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о близкихъ успѣхахъ просвѣщенія, основаннаго на наукѣ.

Изъ перечня вышедшихъ въ прошломъ году книгъ и изданій серьезнаго содержанія мы увидимъ, что ихъ число несравненно больше числа отдѣльно вышедшихъ книгъ по части легкой литературы. Скажутъ: бел-летристическія сочиненія преимущественно помѣщаются въ журналахъ; но мы покажемъ, что въ тѣхъ же самыхъ журналахъ помѣщается множество статей и серьезнаго содержанія.

Особенно должно было радовать всѣхъ видимое усиленіе литературы русской исторіи и русскихъ древностей. Въ прошломъ году вышли слѣдующія книги по этой части: *Всеобщая библіотека Россіи, или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.* Это—второе прибавленіе въ книгѣ того же названія, изданной г. Чертковымъ въ 1838 году, которая, вмѣстѣ съ первымъ прибавленіемъ, заключала въ себѣ до 7000 званій книгъ; во второмъ прибавленіи, вышедшемъ въ прошломъ году, заключается ихъ до 1800 званій.—*Московская Оружейная Палата*—изданная отъ правительства опись содержащихся въ этомъ палладіумѣ нашей древности вещей; текстъ книги, прекрасно составленный г. Вельтманомъ, объясняется изображеніями, превосходно сдѣланными. Книга эта вышла въ прошломъ году, хотя на ней и выставленъ 1844 годъ. — *Памятники Московской Древности, съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы и Древнихъ видовъ и плановъ древней столицы,* — великолѣпное и изящное изданіе, начатое въ 1842 году, въ прошломъ году окончилось выходомъ послѣднихъ трехъ тетрадей (9, 10 и 11-й). Эта драгоцѣнная книга равно дѣлаетъ честь и автору, г. Снегиреву, и издателю, г. Семену.— *Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ* и *Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ* принадлежатъ къ тѣмъ монументальнымъ изданіямъ, которыя возможны только для правительства, а не для частныхъ лицъ,—между тѣмъ какъ *Симбирскій Сборникъ* принадлежитъ къ числу тѣхъ важныхъ

[1]) См. объ этомъ отзывѣ нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 50.

изданій, которыя, будучи обязаны своимъ появленіемъ усиліямъ и ревности частныхъ лицъ, болѣе всего свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ просвѣщенія въ обществѣ.—*Записки Дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при императорскомъ россійскомъ дворѣ въ званіи посла короля испанскаго*, были послѣднимъ трудомъ Д. И. Языкова, оказавшаго столько услугъ русской исторической литературѣ.—Г. Тромонинъ и въ прошломъ году продолжалъ свое интересное изданіе: *Достопамятности Москвы*. Москва теперь дѣятельно изучается, и литература ея древностей уже богата превосходными сочиненіями и изданіями. Здѣсь же мѣсто упомянуть объ интересной брошюрѣ г. Снегирева: *О лубочныхъ картинахъ русскаго народа*, какъ о сочиненіи, относящемся если не къ русской исторіи, то къ русской старинѣ, которая имѣетъ полное право на наше вниманіе. Въ прошломъ году вышло нѣсколько замѣчательныхъ книгъ по части критическаго изслѣдованія фактовъ русской исторіи, именно: *Іомберіъ и Винета*, историческое изслѣдованіе г. Грановскаго; *Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ*, историческое изслѣдованіе г. Соловьева; *Очеркъ литературы русской до Карамзина*, г. Старчевскаго, и *Изслѣдованіе о мѣстничествѣ*, г. Валуева (отдѣльно напечатанная статья изъ „Симбирскаго Сборника“). Съ успѣхомъ продолжалось великолѣпное изданіе: *Императоръ Александръ I-й и его сподвижники*; портреты и текстъ этого изданія не оставляютъ желать ничего лучшаго. Второе изданіе первой части *Руководства къ Всеобщей Исторіи* г. Лоренца; *Краткая исторія крестовыхъ походовъ*, переведенная съ нѣмецкаго, и 4-я и 5-я части *Всемірной Исторіи* Беккера, заключаютъ собою историческую литературу прошлаго года.—Изъ беллетристическихъ сочиненій дѣльнаго содержанія можно указать на 2-й томъ *Воспоминаній Сльпого*, интересное описаніе кругосвѣтнаго путешествія Араго, изящно изданное съ прекрасными картинками; *Англійская Индія въ 1843 году*, соч. Варрена; *Римъ и Италія среднихъ и новѣйшихъ временъ*, соч. кн. Волконскаго.—Изъ спеціальныхъ сочиненій можно вспомнить 5-ю и 6-ю части *Народной Медицины* доктора Чаруковскаго; 3-ю часть *Руководства къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей*, доктора Грума; *Карманный Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка; Указатель Законовъ для Сельскихъ Хозяевъ; Лекціи Популярной Астрономіи*, г. Зеленаго; *Нумизматическіе Факты Грузинскаго Царства*, князя Баратаева.

Какъ на особенно пріятныя явленія въ литературѣ прошлаго года, должно указать на первую часть *Опыта Исторіи Русской Литературы*, г. Никитенко, и третью книжку *Сельскаго Чтенія*, издаваемаго княземъ Одоевскимъ и г. Заблоцкимъ.

Теологическая литература наша обогатилась въ прошломъ году изящнымъ изданіемъ *Словъ и Рѣчей* знаменитаго духовнаго витіи нашего, высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, вышедшихъ въ трехъ большихъ томахъ.—Сверхъ того, по части духовной литературы вышли въ прошломъ году: *О Подражаніи Христу*, Ѳомы Кемпійскаго, въ переводѣ графа Сперанскаго; *Творенія Святыхъ Отцовъ*, въ русскомъ переводѣ, издаваемыя при Московской Духовной Академіи, первая, вторая и третья книжки третьяго года.

Перечень нашъ едва-ли полонъ — такъ много выходитъ теперь у насъ хорошихъ книгъ серьезнаго содержанія: по крайней мѣрѣ втрое больше, нежели хорошихъ книгъ по части легкой литературы.

Въ журналахъ статьи серьезнаго содержанія тоже едва-ли не превосходятъ и числомъ, и объемомъ статьи беллетристическія. Въ этомъ легко убѣдиться изъ простого перечня. Въ *Библіотекѣ для Чтенія*, въ отдѣлѣ Наукъ и Искусствъ, были помѣщены статьи: *Еремія Бентамъ; Древніе Мексиканцы; Естественная Исторія Пресмыкающихся; Метеорическіе камни, преимущественно упавшіе въ Россіи*, Э. Эйхвальда; *Венеція въ 1843 году* (Уварова); *Врачебное сословіе въ Англіи; Письма, Инструкціи и Записки Маріи Стюартъ*, изданныя кн. Лобановымъ; *Лафатеръ и Галль*, С. С. Куторги; *Историческій характеръ Людовика XIV*, К. П.; *О прекрасномъ и объ искусствѣ*, Виктора Кузена; *Писатели и ученые предыдущаго пятидесятилѣтія*, лорда Брума.—Статья Кузена есть выборка мыслей изъ эстетики Гегеля; знаменитый эклектикъ только поразжидилъ и поопошлилъ такъ легко доставшееся ему пріобрѣтеніе, объ источникѣ котораго онъ счелъ за лучшее скромно умолчать. Статьи лорда Брума о Вольтерѣ и Руссо, о Юмѣ и Робертсонѣ, несмотря на громкое имя ихъ автора, довольно пусты и ничтожны. Въ Смѣси *Библіотеки для Чтенія* была очень умная и интересная статья: *Судьба поэтовъ въ Германіи*, къ сожалѣнію, неоконченная.

Въ *Москвитянинѣ* прошлаго года (№№ 5 и 6-й) насъ удивила статья: *Письмо изъ Парижа*, подписанная: Н. Л—й; по мыслямъ, духу, направленію, благородному тону, безпристрастію, наблюдательности и мастерству изложенія это одна изъ такихъ статей, которыя въ нашей литературѣ слишкомъ рѣдкія явленія.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, по отдѣлу наукъ и искусствъ, были помѣщены

статьи: *Англійская Индія въ 1843 году*, изъ книги Варрена; *Письма объ изученіи природы*, Искандера; окончаніе статьи: *Реформація*, начатой и продолжавшейся въ 1844 году; *Консульство и Имперія*, Тьера; *Алтай* (естественная исторія, его копи и жители), статья Катрфажа, написанная по поводу сочиненія г. Чихачева „Voyage Scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine"; *Космосъ*, опытъ физическаго міроописанія, Александра Гумбольдта; *Вѣрованія Индусовъ*. Сверхъ ученыхъ извѣстій о дѣятельности Парижской Академіи Наукъ, о всѣхъ новыхъ открытіяхъ въ области наукъ, искусствъ и ремеслъ, въ Смѣси „Отечественныхъ Записокъ" были помѣщены библіографическіе очерки знаменитыхъ современниковъ: Теодора Гука, Талейрана, Берцеліуса, Круга, Мартинеза де-ла Розы, лорда Брума, Сальватора Тончи, Беранже, Августа-Вильгельма Шлегеля, Эспартеро, генерала Джаксона, барона Бозіо, Джона Росселя, лэди Стенгопъ.

Нѣкоторые безпристрастные доброжелатели „Отечественныхъ Записокъ", и намеками и явно, словесно и печатно утверждаютъ, будто бы содержаніе и направленіе „Отечественныхъ Записокъ" не соотвѣтствуютъ ихъ названію, потому-де, что въ нихъ нѣтъ ничего *отечественнаго*. Мы не станемъ спорить съ этими благонамѣренными доброжелателями, но только выставимъ имъ на видъ нѣсколько фактовъ. Въ отдѣлѣ Словесности „Отечественныхъ Записокъ" помѣщаются развѣ одни только переводы? Развѣ не бываетъ оригинальныхъ статей въ отдѣлѣ Наукъ и Художествъ? Развѣ въ отдѣлѣ Критики и Библіографической Хроники разсматриваются не русскія книги? Развѣ не „отечественное" составляетъ предметъ отдѣла Домоводства, Сельскаго хозяйства и Промышленности вообще?...Въ „Отечественныхъ Запискахъ" есть особый отдѣлъ, который, подъ именемъ „Современной Хроники Россіи", представляетъ собой фактическую лѣтопись русскаго законодательства и распоряженія высшаго правительства по части государственнаго управленія. Что „Отечественныя Записки" съ особенною охотою принимаютъ въ себя все, исключительно касающееся до Россіи,—для доказательства стоитъ только указать на слѣдующія статьи въ отдѣлѣ Наукъ и Художествъ и Смѣси прошлаго года: *Коронованіе императрицы Екатерины Алексѣевны Петромъ Великимъ* (статья, доставленная редакціи покойнымъ Д. И. Языковымъ); *Воспоминаніе о генералъ-фельдмаршалѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ*, Н. Кутузова; *Военно-учебныя заведенія, подвѣдомственныя Его Императорскому Высочеству, Главному Начальнику,—въ царствованіе императрицы Екатерины II-й*, П. И. Глѣбова; *Иванъ Андреевичъ Крыловъ; Замѣтки на пути изъ Москвы въ Закавказскій край, Величина поверхности тридцати семи губерній и областей въ Европейской Россіи; Народонаселеніе въ губерніяхъ Европейской Россіи*, и пр. и пр. Въ отдѣлѣ Критики разобраны два важныя изданія, относящіяся къ отечественной исторіи: *Памятники, изданные временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ, учрежденной при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ*, и *Собраніе древнихъ актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ церквей, монастырей и по разнымъ предметамъ*. Въ отдѣлѣ Библіографической хроники обращено особенное вниманіе на книги русской исторіи, чему доказательствомъ могутъ въ особенности служить обширныя рецензіи на *Симбирскій Сборникъ* и *Отношеніе Новгорода къ Великимъ Князьямъ* и др. А что, въ то же время, „Отечественныя Записки" представляютъ своимъ читателямъ и возможно подробную картину движенія современныхъ литературъ Германіи, Англіи и Франціи,—мы думаемъ, что одно другому нисколько не мѣшаетъ, и что въ этомъ отношеніи со стороны нашего журнала заслугой больше... Одинъ журналъ (мы не назовемъ его) [1]), обвинивъ въ разныхъ ересяхъ всю русскую литературу и достойныхъ представителей ея—Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, въ томъ же самомъ обвинилъ „Библіотеку для Чтенія" и „Отечественныя Записки", вѣроятно, основываясь на томъ, что въ нихъ нѣтъ статей теологическаго содержанія! Да, ихъ не было и не будетъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", потому что теологія не входитъ въ ихъ программу. Сверхъ того, издатель и редакторъ „Отечественныхъ Записокъ" думаетъ и глубоко убѣжденъ, что писать о богословскихъ предметахъ должно быть *исключительнымъ* правомъ и обязанностью людей духовнаго сана, которые суть *единственные* истинные проповѣдники и блюстители святыхъ истинъ православной церкви, и что было бы великою профанаціею допустить какихъ-нибудь самозванныхъ ревнителей свѣтскаго званія мѣшать, въ литературныхъ изданіяхъ, статьи религіознаго содержанія съ любовными стишками, романами, повѣстями и комедіями... Оставаться въ законныхъ предѣлахъ дозволенной дѣятельности, не стараясь самовольно вмѣшиваться въ вопросы, подлежащіе не нашему вѣдѣнію,—всегда было и будетъ первымъ правиломъ нашего журнала...

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о журналахъ. Ихъ у насъ немного, а

---

[1]) „Маякъ".

и изъ существующихъ мы не имѣемъ охоты говорить о всѣхъ... Мы указали на все, что̀ было, въ какомъ бы то ни было отношеніи, замѣчательнаго въ журналахъ прошлаго года; говорить о направленіи изданій, уже пользующихся давнишней извѣстностью, было бы излишне. И потому, скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ журналахъ—*Финскомъ Вѣстникѣ* и *Иллюстраціи*. Мы не спѣшили нашимъ сужденіемъ о нихъ, желая дать имъ время опредѣленнѣе высказаться. Къ тому же, мы не любимъ разсуждать о журналахъ во время подписки, и охотно предоставляемъ эту благонамѣренную методу признаннымъ ея любителямъ. Мы уже указали на замѣчательныя оригинальныя статьи въ „Финскомъ Вѣстникѣ“ по части легкой литературы; теперь остается сказать, что въ немъ были хорошія статьи и серьезнаго содержанія, какъ напримѣръ: *Очеркъ исторической дѣятельности до Карамзина*, г. Старчевскаго; *Очеркъ Финляндской войны 1741 и 1742 годовъ*; *„Общественныя науки въ Россіи“*, г. В. Майкова и пр. Вообще, „Финскій Вѣстникъ“ былъ вѣренъ своему значенію—быть *спеціальнымъ сборникомъ*: всѣ иностранныя статьи его переводились со шведскаго и знакомили русскихъ читателей съ Финляндіей. Другого же значенія онъ не имѣлъ и, кажется, имѣть не будетъ. Слѣдственно, не ищите того, что̀ требуется отъ журнала—опредѣленной физіономіи, вѣрности однажды избранному принципу и т. п. Это—*сборникъ*, не болѣе. О недостаткахъ „Финскаго Вѣстника“ пока умолчимъ, изъ уваженія къ достоинствамъ, которыя онъ уже обнаружилъ, надѣясь, что въ будущемъ году послѣднія совершенно перевѣсятъ первые.—Вотъ объ *Иллюстраціи*, къ сожалѣнію, не можемъ сказать того же. Картинокъ въ ней много, такъ что больше требовать было бы несправедливо: въ этомъ отношеніи мы отдаемъ „Иллюстраціи“ полную честь. Прибавимъ къ этому, что въ ней много и русскихъ оригинальныхъ картинокъ—что̀ также большая заслуга со стороны подобнаго изданія. Жаль только, что иностранныя картинки въ „Иллюстраціи“ не совсѣмъ хорошо отпечатываются, а русскія, сверхъ того (большею частью), дурно рисуются. Намъ пріятно было встрѣтить въ „Иллюстраціи“ портреты гг. Каратыгина, Брянскаго, Мочалова, Петрова, г-жи Александръ-Мейеръ; но весьма непріятно было видѣть, что эти портреты или почти не похожи, или вовсе не похожи на оригиналы. Хуже всѣхъ въ этомъ отношеніи портреты гг. Брянскаго и Петрова и г-жи Александръ-Мейеръ: тонкія, нѣжныя черты худощаваго лица этой артистки очутились на портретѣ крупными, грубыми, а лицо сдѣлано не только полнымъ, но и одутловатымъ. Такова художественная сторона „Иллюстраціи“; къ сожалѣнію, и литературная такова же. Во-первыхъ, въ этомъ изданіи нѣтъ ничего, похожаго на журналъ, на газету, отчего оно ужасно сухо и вяло. Являются въ немъ изрѣдка рецензіи, но до того неловкія, тяжелыя и бѣдныя содержаніемъ и направленіемъ, что нѣтъ никакого интереса читать ихъ. Даже ссоры „Иллюстраціи“ съ одной газеткой были такъ неловки и тяжелы, что не стоило труда и начинать ихъ. Извѣщая о смерти Августа-Вильгельма Шлегеля, издатель „Иллюстраціи“ сказалъ, между прочимъ, что Шлегель былъ „порядочнымъ стихослагателемъ“, что онъ „обратился къ критикѣ по недостатку высшаго, самостоятельнаго таланта“ и что, будто бы, „эту профессію (т.-е. критику) въ отдѣльномъ ея видѣ создала бездарность“ (№ 10)... Вотъ истинно-европейское, истинно-ученое понятіе о критикѣ! Мы понимаемъ, что издатель „Иллюстраціи“ не можетъ быть доволенъ критикою, которая не слишкомъ снисходительна бывала къ нему, но въ то же время не шутя боимся, чтобъ онъ, по изложенной имъ причинѣ, не сдѣлался критикомъ... Впрочемъ, онъ принимался и за критику, и все съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ брался за лирическую поэзію, за драму, за романъ, за повѣсть, за изданіе „Художественной Газеты“, „Дагерротипа“ и tutti quanti... Но Шлегель былъ превосходный переводчикъ и, для своего времени, превосходный критикъ.—Статьи, которыми наполняется „Иллюстрація“, большей частью запечатлѣны посредственностью и замѣчательною небрежностью. Изъ оригинальныхъ статей только и можно указать на разсказъ г. Гребенки: *Чужая голова—темный лѣсъ*. Ко всему этому надо прибавить особенную манеру издателя выражаться какимъ-то страннымъ языкомъ: сотрудникъ у него *гласитъ* истину, сѣни аристократическаго дома онъ хочетъ описать *купно* съ лѣстницею... Но всего лучше въ этомъ изданіи „Переписка“: ничего еще подобнаго не бывало въ русской литературѣ! Это самое забавное отдѣленіе „Иллюстраціи“: по крайней мѣрѣ, мы обязаны ему многими веселыми минутами. Когда-нибудь въ замѣткахъ нашего журнала мы выпишемъ нѣсколько примѣровъ этой наивно-курьезной переписки, чтобъ доставить богатый матеріалъ будущему историку русской литературы... 1846 г.

Оглавленіе II тома.

		СТРАН.
27.	Раздѣленіе поэзіи на роды и виды	1
28.	Идея искусства	71
29.	Общее значеніе слова литература	93
30.	Общая идея народной поэзіи	135
31.	Собраніе стихотвореній Ивана Козлова	185
32.	Римскія элегіи	195
33.	Русская литература въ 1841 году	237
34.	Стихотворенія Аполлона Майкова	317
35.	Стихотворенія А. Полежаева	343
36.	Педантъ	377
37.	Похожденіе Чичикова или Мертвыя души	393
38.	Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова или Мертвыя души“	415
39.	Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души“	425
40.	Рѣчь о критикѣ	453
41.	Стихотворенія Евгенія Баратынскаго	533
42.	Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1842 года	571
43.	Русская литература въ 1842 году	621
44.	Сочиненія Державина	661
45.	Параша	737
46.	Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1843 года	751
47.	Русская литература въ 1843 году	791
48.	Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго	855
49.	Русская литература въ 1844 году	889
50.	Тарантасъ	953
51.	Опытъ исторіи русской литературы	1007
52.	Кантемиръ	1039
53.	Петербургъ и Москва	1059
54.	Петербургская литература	1095
55.	Русская литература въ 1845 году	1107

462771
LR
B9936I
Byelinsky, Vissarion Grigor'evich
Собраніе сочиненій, под ред. Иванова-Разумника. 2.,изд.
т.2
[Title translit: Sobranie sochineny ...]
University of Toronto Library
DO NOT REMOVE THE CARD FROM THIS POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED